

Академия наук ЧР
Комплексный НИИ РАН
Институт Востоковедения РАН

З.Х. ИБРАГИМОВА

ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ

ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

•

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

•

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В ЧЕЧНЕ И МЕТОДЫ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

•

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

•

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

•

РОСТ ТОВАРООБОРОТА И УЛУЧШЕНИЕ
ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Москва
“ПРОБЕЛ-2000”
2009

УДК 39(=351.42):31

ББК 63.5(2)

И 15

*Книга издана при поддержке
“Благотворительного фонда имени Зии Бажаева”*

И 15

Ибрагимова З.Х. Царское прошлое чеченцев: политика и экономика.
— М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. — 872 с.

ISBN 978–5–98604–150–6

В монографии рассматривается история национальной политики и государственного управления на Кавказе. Изучается система государственных учреждений империи, занимающихся управлением окраинами, методы и формы управления, работа гражданских и военных властей, задействованных в управлении. Особенности национальной политики самодержавия исследуются на широком общеисторическом фоне с учетом факторов идеологии войны, внешнеполитической конъюнктуры. Также рассматриваются антиправительственные движения народных масс, выражавших протест против проводившейся царизмом политики дискриминации национальных меньшинств на Кавказе. В книге широко представлено исследование положения экономики в пореформенный период и адаптация населения к условиям капиталистической системы общественного устройства.

Монография написана ярким и образным языком. Содержащая много фактологического материала, убедительно подтверждающего выводы автора, книга будет безусловно интересна современному читателю, которому дорога история Российского государства.

© Ибрагимова З.Х., 2009

© ПРОБЕЛ-2000, 2009

* * *

*Прошу пройтись на Кавказ!
С какою, думаешь ты, рожей
Узнал заслуженный приказ?
Не восхищался ли, как прежде,
Одним названием «Кавказ»?
Не дал ли крылышек надежде
За чертовщиною лететь,
Как-то: черкешенок смотреть,
Пленяться день и ночь горами,
О коих с многими глупцами
По географии я знал,
Эльбрусом, борзыми конями,
Которых Пушкин описал,
И прочая... Ах нет, мой милый!
Я вспомнил то, кем прежде был,
Во что господь преобразил, –
И с миной кислой и унылой
И нос и уши опустил!*

А.И. Полежаев

* * *

*Когда прибегнем мы под знамя
Благоразумной тишины,
Когда страстей угаснет пламя
И нам становятся смешны
Их своевольства иль порывы
И запоздалые отзывы, —
Смирненные не без труда,
Мы любим слушать иногда
Страстей чужих язык мятежный,
И нам он сердце шевелит.
Так точно старый инвалид
Охотно клонит слух прилежный
Рассказам юных усачей
Забывтый в хижине своей.*

А.С. Пушкин

*Светлой памяти дедушки Якуба
(урожд. с Ножай-Юрт, Ножай-Юртовский р-н ЧР)
и бабушки Кавсарт
(урожд. с Галайты, Ножай-Юртовский р-н ЧР)*

ГЛАВА I. РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Подготовка и проведение аграрной реформы

Северный Кавказ нередко представляют отсталой и замкнутой окраиной дореволюционной России, таким «медвежьим углом», невосприимчивым к поздно доходившим сюда нововведениям. Этот стереотип, созданный в русской литературе XIX в., рушится при внимательном изучении источников. В действительности регион чутко реагировал на все заметные перемены в общественном и политическом устройстве России. Сразу после окончания Кавказской войны на Северном Кавказе начался длинный ряд реформ. Эти преобразования определили ход развития местного общества и его положение в составе Российского государства более чем на полвека. Кавказ последней трети XIX в. послужил неплохим полигоном для теоретиков и практиков реформ. Впервые примененная здесь система военно-народного управления впоследствии была перенесена в Среднюю Азию, присоединенную позднее. До начала 1860-х гг. разные районы Северного Кавказа не имели единой администрации, налогообложения и судопроизводства. Наряду с общероссийским гражданским управлением существовало военное. Огромные территории, занятые горцами и казаками, управлялись Штабом при наместнике через офицеров Кавказской армии, что было не очень эффективно. Проведение реформ привело к «общему знаменателю» все равноуровневое управление регионом¹.

Цель проведения реформ на Кавказе – упрочнение «спаянности» Кавказа с империей. Однако две противоположные стратегии осуществления этой цели будут соперничать, иногда причудливо дополнять или циклически сменять друг друга, смещая общий курс имперской административной политики на Кавказе то к централизму и унификации управления, то к регионализму и децентрализации. Данные стратегии противоположны,

но, безусловно, связаны одна с другой. Централизм и унификация, вызванные стремлением плотнее привязать Кавказ к империи, игнорируя его особенности, содержат явный дискриминационный мотив в отношении «туземных групп». Это ведет к росту отчуждения кавказцев от империи, развитию антирусских настроений и, в итоге, к кризису управления многоэтничным регионом. Обращение к регионализму и децентрализации ослабляет напряженность, легитимирует культурное разнообразие и открывает Россию как страну для «коллективных возможностей» (а, значит и как страну более свободную для «коллективного соперничества»), что в итоге ставит под сомнение общий смысл колонизации – русское поселенческое культурное доминирование в периферийных регионах. Как только единство империи оказывается под угрозой, ее стратеги вновь обращаются к централизму и унификации как спасительному укреплению самой несущей ее конструкции – самодержавию и русскости².

Серьезные перемены в организации власти на Северном Кавказе произошли после убийства в марте 1881 года императора Александра II, с началом так называемых контрреформ Александра III (1881-1894). В правительстве уже давно велись споры о чрезмерной дороговизне для империи кавказской администрации и опасности концентрации власти в наместничестве. Однако великий князь Михаил Николаевич Романов пресекал на корню все попытки урезать его права как наместника. В 1881 году Михаил Николаевич был назначен председателем Государственного совета (1881-1901). Вместе с тем ему пришлось покинуть Кавказ и сложить с себя звание наместника. Кавказской наместничество было упразднено. На Кавказе началась волна контрреформ, направленных против институтов, оставшихся от наместничества, в частности военно-народного управления. В Терской области был установлен военный режим. Военная, исполнительная и судебная власть в областях и округах была передана военным. Высшая петербургская бюрократия пыталась упразднить и систему военно-народного управления, но не преуспела в этом. Начало Первой русской революции навсегда похоронило проект основных контрреформ³.

Аграрный вопрос на Северном Кавказе во второй половине XIX века являлся тем стержнем, вокруг которого скапливались не только социально-классовые, но и национальные противоречия и который требовал кардинального разрешения⁴. Развитие капитализма начало втягивать горцев в общемировой процесс. Появилась опасность того, что одни народы начнут развиваться быстрее и заявят претензии на свое домини-

рование. В результате могли возникнуть конфликты⁵. Россия, в период царствования императора Александра II, с 1855 по 1881 год сделала громадные земельные приобретения, частью – путём победы русских войск, иногда – с помощью мирных переговоров⁶. Представители властных структур считали, что: «...земля составляет неотъемлемое достояние того народа, который её приобрёл, присоединил к государственному своему строю ценою крови пролитой или труда и денег, затраченных на занятие и устройство территории...»⁷.

В ходе многолетней изнуряющей Кавказской войны неудачи русской армии заставили её прибегнуть к следующей военной системе. Было решено ограничиться в Дагестане оборонительными действиями и наступать медленно и систематично в Чечне, прорубая просеки в лесных массивах и усиливая занятую территорию казачьими поселениями. Таким образом, планировали отнять у горцев плодородную плоскость и вынудить их покориться из-за недостатка хлеба⁸. Но даже и эти мероприятия казались царской России недостаточными. Руководство считало совершенно ненормальным то, что «...за время 50-летней войны, – как говорилось в донесении начальника Главного штаба, – чеченцы потеряли только около половины своих земель» и потому, по мнению царской администрации они «успели до сих пор сохранить то положение, оставаясь в котором, они ещё не скоро подчиняться вполне русской власти...»⁹.

Всё население Чечни, состоявшее из 81360 человек, было стеснено на территории в 76 кв. миль. Всего на 1 мужчину приходилось меньше 2 десятины земли¹⁰. Кавказская администрация после Кавказской войны считала, что все равнинные земли Терской области, всего Северного Кавказа «приобретены правительством России оружием и ценой крови, а потому считаются исключительно его достоянием»¹¹. В 1879 году О. Эйхельман в своей работе «Военное занятие неприятельской стороны» разъяснял действия международного права того периода, на занятой в ходе боевых действий территории. Он утверждал, что без власти над занятой неприятельской территорией, право оккупации, да и вообще войны, не имело бы реального смысла, так как две власти, рядом, действовать не могут. «Оккупант имеет полное законное право, – писал О. Эйхельман, – всякое противодействие его повиновением и его безопасности наказать как преступление. Так на это смотрят военно – уголовные законы Франции, Германии и России»¹². Под оккупантами он понимал не какого-нибудь высшего начальника, а высшую власть государства, войска которого заняли эту неприятельскую территорию. Непосредс-

твенным представителем её являлся военный начальник или гражданское должностное лицо. Международное право здесь соблюдалось «доброй совестью и собственными интересами»¹³. Однако у государства, по отношению к завоёванному населению, были моральные ограничения. Вот что по этому поводу считал О. Эйхельман: «Современные понятия о государственной власти в культурном правомерном государстве, представляют её ограничениями, требующими чтобы государственная власть соответствовала своему нравственному призванию. Действия власти действительно должны быть целесообразны для тех интересов, представителем которых она желает быть. Власть оккупанта, покоящаяся на могуществе физически более сильного, не имеет права на психическое принуждение посредством внешних мероприятий. Этническое отношение к власти национальной сложилось долгим процессом, поэтому принуждение населения к действиям, оскорбляющим это чувство, будет варварством, опасным, к тому же ещё для самого принудителя»¹⁴.

Немецкий правовед Пёлицц заявлял, что «...во время владения оккупированной территорией оккупант обязан воздерживаться от всяких действий, могущих затруднить восстановление мира; он обязан ею управлять, как доверенным ему имуществом. Он не имеет право изменять существующие начала правового порядка и отчуждать имущество. Насильственные перемены в общественном порядке, как вследствие революции, так и вследствие военной оккупации, которые друг другу уподобляются, уменьшают и смягчают причинённое ими неизбежное зло только посредством возможно тщательного приспособления к старому порядку». Немец Оппенгейм констатировал, что право собственности над занятой неприятельской территорией приобретается мирным договором, до заключения которого оккупанту принадлежит только право временного правления. Английский правовед Траверс Твисс считал, что отчуждение недвижимого имущества, отнятого у неприятеля, оккупанту не запрещается, но указывается лишь на то, что «...старый суверен не обязан признавать для себя такие акты обязательными, а против нейтрального приобретателя потерянной территории, даже может идти войной»¹⁵. Интересно отметить, что в русском языке слово «оккупация» известно с XVIII века, но сначала как бытовое слово со значением (скорее юридическим), «владение (поместьем)», работы по устройству (поместья)» и т.п. С современным значением слово «оккупация» – («занятие» чужой территории с помощью военной силы) вошло в обращение в течение второй половины XIX века¹⁶.

Давайте вспомним для примера этапы колонизации Северной Америки. Войны с индейцами за их земли и за порабощение индейцев привели к сокращению индейского населения в катастрофических масштабах. В 20-30-е гг. XIX в. правительство США передало индейцам земли навечно, но в 60-70-е гг. XIX в. большинство этих земель были отобраны под железнодорожное строительство и для добычи полезных ископаемых¹⁷. Не смотря на данные ущемления, юридических прав на свою землю у индейцев было больше, чем у горцев. В Соединенных Штатах Америки колонисты с индейцами заключали международные правовые договора. Признание «зависимого» состояния индейских племен не лишало их статуса целостного, самоуправляющегося, отличного от США, образования. Фактически была осуществлена политика «государства в государстве». В 1943 году был принят Индейский реорганизационный акт, по которому индейские племена могли создавать организации, вести переговоры и действовать в качестве юридических лиц. Благодаря принятию этого акта и специального акта 1946 года, с 1951 года индейцы стали обращаться с исками по поводу отобранных у них земель в Индейский кассационный суд. В ходе присоединения индейских земель в Канаде между колонистами и коренным населением Америки заключались двусторонние договоры, зачастую в устной форме, что ни в какой степени не умаляло их юридической силы. По этим договорам индейские племена уступали свои земли государству в обмен на специальные права и привилегии для этих племен.

В XIX веке российское государство не заключало двусторонних договоров с горцами, только прокламации и петиции в одностороннем порядке провозглашали права и обязанности коренного населения Кавказа. Однако позже население Северо – Восточного Кавказа не только не получило обещанных прав, но даже во многом было лишено привилегий населения центральных регионов России. Политика «очистки» земель от индейцев восточнее р. Миссисипи была одобрена Конгрессом США. На Кавказе же заселение горских земель казачьим сословием шло директивным путем. В Терской области действовало особое «военно-народное» управление, однако государственного закона, в котором были бы разъяснены права и обязанности горцев, не существовало, поэтому царил произвол, и невозможно было подать иск на действия государства в судебную инстанцию. В Российской империи коренное население Кавказа стало, открыто заявлять о своих правах на конфискованные земли в начале XX века на заседаниях Государственной Думы. Однако рассмотрение этого вопроса дальше обсуждений так и не пошло¹⁸.

Аграрная политика царизма требовала создания необходимого земельного фонда для наделения казаков и чиновников, офицеров и представителей местной верхушки, прочно связавшей свою судьбу с царизмом¹⁹. Русское население должно было не только увенчать покорение края, оно само должно было служить одним из главных средств завоевания; ряды станиц должны были непосредственно двигаться за войсками. Горцы сейчас же поняли опасность, которой грозил им новый образ действий. Они говорили: «...укрепление – это камень, брошенный в поле, ветер и дождь снесут его; станица, это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу обхватывает поле». Поселённые на равнинах, окружённые со всех сторон станицами, горцы уже почти не представляли для власти опасности²⁰.

Терское казачье войско являлось крупнейшим монополистом – землевладельцем на Северном Кавказе. В пользовании казаков находилась львиная доля земли: в Терской области – 94,1 %, в Кубанской области – 92,9 %, Донской области – 82,5 %. Казачество в целом было очень хорошо обеспечено землей. Неудивительно, что не казачье население «задышалось» от безземелья²¹. Казачье войско, как владелец крупной земельной собственности, в условиях острой земельной нужды не казачьего населения, имело большие выгоды и получало за сдачу в аренду земли значительные доходы. Такое положение вполне соответствовало замыслам и политике царизма, который стремился укрепить экономическое положение казачества, как колониальной опоры в крае. С начала XIX в. казацкие старшины входили в состав русского дворянского сословия. Земли казачьего дворянства в 1848 г. были объявлены потомственной собственностью. В 1899 г. Терское областное правление приняло решение о выделении в личную собственность участков для хуторов²².

Терское казачье войско, в начале двадцатого века, было достаточно обеспеченным в финансовом плане. Так, к примеру, в это время большую сумму Терскому казачьему войску должно было Уральское казачье войско. Согласно Высочайшей грамоте от 23 апреля 1906 г. Терскому казачьему войску были укреплены в вечное его владение предоставленные земли и рыболовные воды. Терское казачье войско имело право ограниченного распоряжения землей, в том числе – передача во владение и пользование по договорам аренды. Финансовую основу безбедного существования Терского казачьего войска составлял войсковой капитал, хотя помимо него существовали и станичные капиталы. При обращении сумм войсковых капиталов в Государственном банке, проценты на них

платились наравне с частными вкладами. Для выдачи ссуд и пособий из общего войскового капитала Терского казачьего войска по сметам войска ежегодно открывался кредит, в порядке, предусмотренном для сметных кредитов. Ссуды выдавались как беспроцентные, так и с процентной ставкой 4% годовых. За счет привлечения заемных средств войскового капитала Терского казачьего войска, его члены могли приобретать земли в частную собственность²³.

Народы Терской области – осетины, ингуши, чеченцы, балкарцы и другие постоянно испытывали нехватку земли. Тем не менее, областная администрация находила «свободные земли», которые в течение всего пореформенного периода отводились казачеству, местному и пришлому военно – чиновничьему элементу. Так, постепенно, в Терской области загоняли вглубь две проблемы – национальную и земельную²⁴. Признанный специалист по вопросам Кавказской войны Н.А. Смирнов писал, что в первой половине XIX века «царское правительство по-своему распоряжалось плодородными землями на Кубани и Тереке, твёрдо решив, что они не будут возвращены их законным владельцам...» Стоило горцам, хотя бы временно, в ходе военных действий, покинуть насиженные места, как последние объявлялись свободными и немедленно распределялись. Когда чеченцы в процессе борьбы в июне 1840 года на время оставили свои земли и ушли в горы, царские власти немедленно объявили, что «чеченцы отказались от своей земли». Такая коварная колониальная политика продолжалась и в последующие годы²⁵. В 1854 году полковник царской армии Де – Саже писал: «Система войны против кавказской природы и сынов её избрана была верно. Каждый наступательный шаг отрезал горцам безвозвратный кусок их родной земли. Так покорены Малая Чечня и Галашки». Продвигаясь в горы, Ермолов вырубал леса и строил дороги, нарушая тем самым привычную среду обитания непокорных горцев и создавая благоприятные условия для дальнейшей экспансии. Для подрыва чеченской экономической базы во время войны разрушались непокорные аулы и изымались лучшие сельскохозяйственные угодья для передачи их колонистам²⁶. Беспрерывные военные действия привели к тому, что в 1856 – 1857 гг. у чеченцев наступил голод. В результате чего чеченцы стали отпадать от имамата Шамиля целыми наибствами²⁷. Наместник Кавказа писал начальнику Левого фланга Кавказской линии: «...государь император приказать изволил покорность надтеречных чеченцев не принимать иначе, как под условием их разоружения и переселения во внутрь линии...правительство желает использо-

вать бегство надтеречных чеченцев и взять в казну их земли...на левом берегу Сунжи предположено устроить казачьи станицы»²⁸.

Потеря равнинных земель была для чеченцев равнозначна национальной катастрофе. Именно поэтому даже в 1844 году, когда имамат Шамиля одерживал военные победы, чеченцы Малой Чечни начали добиваться возвращения на земли вдоль Терека. Известный среди чеченцев кадий Иса неоднократно вступал в переговоры с российскими властями, обещая вывести от Шамиля 4000 семей, если им будет разрешено вернуться на прежние места обитания. Шамилю пришлось принимать меры по пресечению деятельности кадия Исы²⁹. Со временем эти настроения среди чеченцев только усилились. В 1852 году князь М. Воронцов сообщал в Петербург, что чеченцы, самый беспокойный и своевольный народ из всех племён кавказских, «...претерпевая беспрестанные от наших войск поражения, будучи стеснёнными, в своих заблуждениях и средствах к существованию отнятием у них в последнее время лучших земель, стали переходить в значительном числе и теперь беспрестанно являются с желанием переселиться под покровительство России». Чтобы максимально ускорить отход чеченцев от Шамиля, с одной стороны, было усилено наступление на их земли, а с другой – разработано особое положение об управлении чеченцами. В частности, предусматривалось: 1) назначить особого начальника чеченского народа, предоставив ему помощников и необходимые средства; 2) создать чеченский народный суд в составе кадия и трёх старшин, избираемых обществом; 3) учредить округа под управлением местных старшин, а в каждом селении иметь сельских старшин, подчинённых окружным старшинам³⁰.

До конца 50-х годов XIX века царское правительство, связанное движением под руководством Шамиля, признавало вотчинные права местных ханов, князей и дворян и поддерживало существование земельных отношений, обещая впоследствии закрепить их юридически³¹. Российским правительством, в прокламациях Евдокимова (1862 г.), Воронцова (1845 г.) давались торжественные обещания «...сохранить за туземным населением его земельную собственность». Но прокламации эти в основном предназначались «...для известных туземных племён, враждовавших с Россией», т.е. это были попытки примирить эти народы с господством на их территории России; политические шаги, не несшие на себе груз законодательно-экономической ответственности за высказанные обещания³². Ещё в 1857 году князь Барятинский в прокламации своей обещал, что земли, занятые чеченцами в момент покорности, ос-

танутся в их вечной собственности³³. В «Прокламации чеченскому народу» было обещано: «...Что права каждого из вас на принадлежащее ему имущество будут неприкосновенны. Земли ваши, которыми вы владеете или которыми наделены начальством, за вами будут утверждены актами и планами в неотъемлемом владении вами». Эту прокламацию чеченцы берегли и хранили как зеницу ока и к ней всегда апеллировали³⁴. Однако дальнейшее реформирование показало, что неприкосновенность права частной собственности в Терской области не соблюдалось.

Сравнительная характеристика реформы 1861 г. в центральных российских губерниях и на Северном Кавказе

Одной из главных причин проведения земельной реформы на Северо – Восточном Кавказе являлось не начало земельной реформы в центральных регионах России, а окончание Кавказской войны и связанное с этим признание всех завоёванных земель казёнными. А такой вид перераспределения собственности на земельные угодья, как реформа, способствовал более безболезненному изъятию земель и их дальнейшему распределению по усмотрению правительства. На Кавказе не было внутренних причин для крестьянской реформы. Она была реализована извне российской администрацией. Цель внедрения капитализма не ставилась, хотя унификация социально-экономического строя этому и способствовала³⁵. Государством отчуждалась земля у горских сельских обществ. Значительная часть чеченской земли была отведена под поселения казачьих станиц³⁶. Непосредственным результатом земельной реформы было введение государственной поземельной собственности и установление фискально – податного порядка³⁷.

Хотя аграрные преобразования на Северном Кавказе по образцу крестьянской реформы 1861 года в центральных российских губерниях, между ними было немало различий. Эти близкие, по сути, реформы имели разные причины и проводились в разных условиях. Российские военные и ученые, привлеченные к подготовке земельной реформы, считали, что неопределенность поземельных прав пестрого населения региона ставит под угрозу прочность российского владычества над местным населением. Существовавшие здесь прежде поземельные отношения представлялись им диким хаосом, который необходимо упорядочить.

Подготовка и проведение земельной реформы заняли более десяти лет, с 1863 до середины 1870-х гг. Одновременно с освобождением зависимых категорий, наделением горцев землей в регионе была проведена единая реформа налогообложения. Вплоть до конца 50-х – начала 60-х гг. XIX в. в регионе не было постоянных и единых форм государственных повинностей. Наряду с налогами общероссийского типа здесь встречались самые разные виды ежегодной подати, уплачивавшейся горцами военным властям Кавказа. У некоторых народов она заменялась повинностями. Установленные в 60-е гг. единые виды и размеры налогообложения тесно связаны с преобразованием землевладения³⁸.

В 1842 году статс-секретарь Михаил Павлович Позен был направлен в Закавказье чтобы выяснить, какая из предложенных податных систем – подымная, поземельная или оброк – больше соответствует обстоятельствам и целям реформы. В октябре 1842 г. Позен представил доклад с результатами своего исследования. С точки зрения М.П. Позена, введение поземельной подати, определяемой в зависимости от качества земли, принесло бы больше зла, чем справедливости. Требуемые для этого описания, оценки земельных участков привели бы к неизбежным конфликтам. Поэтому, как он предлагал, следовало вовсе уничтожить существующие поземельные подати, заменив их подымными. К податному сбору должен был быть присоединен земский сбор в виде постоянного подымного оклада. Данный проект был полностью одобрен министром финансов и Кавказским комитетом.

В 1850-1860-х годах аналогичными податями было обложено горское население Терской и Кубанской областей. Правительство продолжало «терпеть» существование подымной системы, хотя после присоединения Закавказья к России считалось, что ее уничтожение будет одним из первых шагов новой власти. Подымный принцип учета и обложения фактически не позволял организовать призыв населения в армию, так как учет призывников производился обычно по податным спискам. Правительство так и не решилось дать оружие в руки всем мусульманам. Подобная же система «сдерживания» практиковалась и в Османской империи: там христиане платили военный налог вместо службы в армии³⁹.

По «Положению» от 23 апреля 1870 года русские, населявшие Кавказский край получили по 24-30 десятин на душу земельного надела, тогда как туземцы по 12 – 18 десятин на дым, в среднем насчитывавший 5 мужчин. Само собой, что такое несправедливое отношение к туземцам местной администрации вызвало «неудовольствие среди горцев»⁴⁰.

Аграрный вопрос разрешён не был, и приостановить дальнейший рост народного движения ничто не могло. Жить горец всё-таки должен был не в безвоздушном пространстве, а на земле, землю же эту у него отнимал царизм, заселяя её казаками – колонизаторами⁴¹. В 1901 году на Чеченской равнине чеченцам жилось весьма скудно, на семью (обычно довольно многочисленную) приходилось от 7 до 14 десятин земли⁴².

Член первой государственной Думы от Терской области Маслов так характеризовал в своей думской речи состояние малоземелья среди чеченцев: «Вы не можете себе представить как ничтожны земельные владения среди чеченцев, особенно в горах – одна десятая, одна пятая, четверть, треть десятины...»⁴³. Антон Петрович Маслов был избран в I-ю Государственную думу от не войскового населения Терской области. Входил в Конституционно-демократическую фракцию. Подписал законопроект «33-х» по аграрному вопросу. Маслов участвовал в прениях по аграрному вопросу. За подписания «Выборгского воззвания» был приговорен к 3 месяцам тюрьмы и лишен избирательных прав. Антон Петрович окончил уездное училище и Тифлисский учительский институт (1892). Преподавал в Грозненском горском училище⁴⁴.

Таштемир Эльдарханов (1870-1934 гг.), сын старшины села Гехи, также закончивший Тифлисский учительский институт и преподававший в Грозном, выступая с думской трибуны летом 1906 года и 3 мая 1907 года, требовал вернуть горцам незаконно отобранные земли. Т. Эльдарханов отстаивал частную собственность и общинное земле-владение⁴⁵. Депутат во II Государственной Думе от Терской области, активный участник культурно-просветительской деятельности, делегат съезда интеллигенции Кубанской и Терской областей, участник революционных событий 1905-1907 гг., бывший депутат также I Думы от Терской области, предложил на одном из заседаний, не дожидаясь прений по аграрному вопросу, «вернуть туземцам немедленно отобранные у них незаконным образом земли и урегулировать арендные цены». Своё выступление депутат закончил пожеланием того, чтобы аграрная реформа решалась на местах, а её осуществление было отдано в руки местных земельных комитетов. А это было возможно только при введении широкого местного самоуправления, т.е. аграрной реформе должна была предшествовать реформа политическая.

«Безвыходное положение крестьян и долг наш помочь им, – сказал Эльдарханов на заседании Думы в мае 1907 г., – в их острой земельной нужде требует, чтобы мы не увлекались теоретическими рассуждения-

ми, не имеющими под собой никакой реальной подкладки, и сошлись на одном законопроекте, который являлся бы практически осуществимым при существующих условиях». К сожалению, Дума так и не смогла решить вопросы улучшения экономического положения крестьянства на Северном Кавказе⁴⁶.

Член земельной комиссии, крупный специалист по вопросам землепользования А. Абрамов, родившийся на Северном Кавказе, заявлял: «Если сравнить то, что сделано на Кавказе туземцами и нами, русскими, то менее культурно и менее трудолюбивою нацией придётся признать именно русских»⁴⁷. Привязанность к земле, бережное отношение к ней, культивирование и передача её подрастающему поколению – святой долг чеченца. Редко кто решался на продажу земельного участка, доставшегося ему в наследство, поскольку в ментальности чеченцев укоренена народная пословица, гласящая: «Не владеешь землёй, не будешь иметь достатка»⁴⁸.

Перед Кавказской войной многие вайнахские старшины и целые чеченские тейпы являлись крупными землевладельцами. В горах и на равнине они владели большими площадями пахатно – покосных земель и даже лесными массивами. Эти земли они получали различными путями (по праву первого завладения, путём силы и с помощью покупки)⁴⁹. Чеченцы, требуя у царского правительства закрепления за ними частных земель, в доказательство своего права на них, заявляли, что это их родовые земли, и они принадлежат к «владельческим» родам⁵⁰. Из дел Терского областного правления видно, что горское население считало свои земли собственными при отдаче их недр на разработку горнопромышленникам. Горцы энергично протестовали против признания их земель казёнными, доказывая, что земель, которыми они владеют, им никто не давал, что они их всегда считали своей собственностью⁵¹.

Теперь необходимо выяснить, что же такое собственность? Собственность – это, прежде всего «право действовать». Владеть, использовать, сдавать внаём, отдать или завещать землю, улучшить или испортить – все это некоторые действия, а вещь становится собственностью, если кто-то получает право совершать с нею такие действия. Нет собственности без того, кто выполняет действие, и в таком смысле собственность есть человеческая воля, выраженная в отношении к вещам, предметам, движимым и недвижимым⁵². Таким образом, чеченцы разом лишились возможности своего волеизъявления, возможности достойного заработка (в тяжелых капиталистических условиях) на земле, которая им из поколения в поколение принадлежала и т.д.

По закону 14 июня 1888 года в ведение Министерства государственных имуществ, одновременно со свободными казёнными землями перешли также и те земельные пространства Терской области, которые, не будучи ещё закреплёнными за горцами, находились в их законном пользовании. Чеченцы получили от руководства участки земли, расчищенные ими из-под леса. Первое такое наделение чеченцев землёй состоялось ещё 20 июля 1856 года. Горцы просили администрацию выдавать им на эти участки акты и планы, что не всегда выполнялось. Это был довольно щекотливый вопрос, так как чеченцы, имея на руках официально заверенный документ на владение, могли обращаться в суд, в случае нарушения прав частной собственности⁵³.

После войны в Чечне часто вспыхивали восстания. В качестве наказания, за поддержку восставших против власти, областное правление отобрало 74 свидетельства на 74 расчищенных из-под леса участков, в количестве 42 десятин у жителей села Дышни – Ведено. У жителей Беноя и Зазирганоя отобрали свидетельства, выданные на расчищенные участки в 1868 –69 гг., площадью в 19 десятин⁵⁴. В 1890 году у жителей отобрали лесные поляны, расчищенные из-под леса. Чеченцы стали обращаться во все инстанции с жалобами, и начальство вынуждено было отменить это распоряжение⁵⁵.

Кроме частной собственности, являвшейся результатом заимки и расчистки лесных полян, по инициативе князя Барятинского была осуществлена раздача земли в частную собственность за заслуги. В своё владение получили земельные участки 57 чеченцев. Всего было роздано за заслуги 8674 десятин земли. Сравнивая подворное землевладение в России и горной Чечне находим, что у государственных крестьян на двор в среднем приходилось 15 десятин земли, у помещичьих 9, а у чеченцев всего 3,43 десятины⁵⁶.

Правительствующий Сенат в одном из своих указов по 1-му департаменту от 17 ноября 1894 года высказал: «Если во вновь присоединённой области не существует собственности в качестве юридического института, но земля, хотя бы на основании лишь обычаев, находилась в неограниченном владении, то администрация, не касаясь надлежащего разрешения судебной или законодательной власти вопроса – может ли земля быть признана собственностью владельцев, – обязана охранять существующее положение вещей». Высказывая этот взгляд, Сенат отменил распоряжение Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, который признал земли, находящиеся в распоряжении горских

обществ в Дагестане казёнными, предоставленными населению лишь для ограниченного пользования⁵⁷. Чеченские аульные общества так и не были утверждены в правах владения землёй⁵⁸. Необходимо отметить, что в российском дореволюционном законодательстве подробно и обстоятельно было проработано лишь понятие о праве частной собственности на землю, в то время как право собственности, принадлежащее общинам, хотя и допускалось законом, но регулировалось весьма слабо и неопределенно⁵⁹.

У аулов горной Чечни было конфисковано в казну 50989 десятин пастбищ. В начале 60-х годов XIX века они были переданы сельским общинам на условиях оброчного пользования. В 1870 году натуральная плата была заменена денежной⁶⁰. По устоявшемуся порядку богатым не разрешалось пользоваться общими пастбищами в большей мере, чем другим жителям, кроме как за дополнительную плату, установленную сельскими старшинами⁶¹. Если по какой-либо причине сельское общество не вносило оброк полностью за весь год к 1 июля, пастбищные земли отбирались и передавались другим аулам, а за невыполнение в срок установленных договором обязательств взыскивался денежный штраф⁶².

Динамика функциональных изменений в сельских общинах в ходе проведения реформы

В основе политических структур традиционных горских обществ Северо-Восточного Кавказа лежала самоуправляемая община, прототип которой, сложившийся в древности в районе Средиземноморья, исследователи характеризуют как одно из самых высоких достижений социального и политического развития. Спонтанное саморазвитие подобных общинных систем, прежде всего развитие частной собственности ее членов на обрабатываемую землю, через формирование сообщества не просто землевладельцев, но свободных землевладельцев, предопределяло развитие самой общины в самодовлеющую гражданскую и политическую (государственную) систему. Важность частной собственности на землю в общинах подчеркивал М. Дьяконов. Он писал, что именно благодаря этому обстоятельству, античный тип общины являлся наиболее прочным. Кавказская независимая община была типологически единообразна с общиной средиземноморского региона с дуальным соче-

танием частной и общественных форм в землевладении и с гражданской линией организации власти, т.е. управляемой выборными и сменяемыми лицами из числа общины⁶³.

Превращение сельской общины в административное подразделение, несущее административные, судебные и фискальные функции, привело к изменению ее структуры и органов управления. Общинные органы управления потеряли свою патриархальную демократию. Если раньше все важные дела в общине решались путем всеобщего обсуждения, то в пореформенный период общественное управление зависело от воли и желания окружных начальников и атаманов. Аульное общественное управление, по «Положению» 1868 г. состояло из аульного схода, аульного старшины и аульного суда. К концу XIX в. аульный сход приобрел новые черты: в нем могли участвовать не все жители селения, а только выборные, по одному человеку от десяти дворов, избранные простым большинством голосов. Основными функциями сельского схода стали фискальная – раскладка и сбор податей и недоимок, и полицейская. Нельзя было собирать сход в отсутствие аульного старшины. Но даже и его присутствие не всегда давало решению схода законную силу. Для этого нужна была санкция уездного или окружного начальника, а иногда и начальника области⁶⁴.

Сложившаяся к концу XIX века система управления формировалась искусственным путем: ее появление было связано не с процессом саморазвития горских обществ, а с сознательной и целенаправленной деятельностью российского правительства. Будучи неизменно обращены «к пользам империи», конкретные формы управления приобретали зачастую вид механически сконструированных и насильно навязанных административных схем, в которых функциональные пространства традиционных принципов постепенно вытеснялись из повседневной управленческой практики и получали статус неофициальных⁶⁵.

В период подготовки земельной реформы у руководства страны возник вопрос: «Какую систему принять в наделе землями на Северном Кавказе – общинную, устраняющую появление пролетариата, или частную, ведущую к более совершенному развитию сельского хозяйства?» В конечном итоге было решено за основу земельной реформы взять сочетание общинной и частной земельной собственности⁶⁶. Общинное пользование означало совокупное пользование землёй и раздел продуктов труда между общинниками⁶⁷.

Первое «завладение» землёй не происходило путём индивидуального захвата. Чтобы освоить и отстоять новые земли, необходимо было

действовать сообща, дружно, с определённым договором, с помощью родственников или территориальной группы. Поэтому в отношении частных участков земли, определение «первый надел» будет ближе к истине, чем – первое «завладение»⁶⁸. При продолжительном владении одного рода (собственников), избегалась черезполосность и предупреждались переделы и разделы, а также облегчалось удобрение почвы и уменьшались затраты на севообороты. Примером основательного устройства общинного землевладения являлись Голландия, Швейцария, где земель помещиков было довольно мало. При этом надо заметить, что в этих странах, в отличие, скажем от России, порядок пользования и эксплуатации определялся грамотами и уставами⁶⁹. Самостоятельность и индивидуализм английских землевладельцев основаны на том, что общинниками они перестали быть уже сотни лет тому назад (с XIII в.), став свободными владельцами, или держателями земли. В Британии крестьянский «мир» утратил свое значение за сотни лет до разрушения русской общины, поэтому сельское окружение не мешало землевладельцу, фермеру принимать решения и выступать как свободный субъект обычного права, или, например, продать свою землю и эмигрировать, или переехать в город. Напряженность конфликта с Ирландией отчасти связана была с тем, что ирландцы с начала английской экспансии защищали свою сельскую общину, в которой жили 2 тыс. лет, и свои общинные земли, противодействовали их конфискации, результатом чего явились массовые репрессии на ирландской земле⁷⁰.

Вторая форма владения – мирская. Мир, как юридическое лицо, владеет землёй, прирезанной к селению и на основании этого коллективного права владения, определяет способы пользования ею: одной пользуется сообща для выгона, водопоя; другую делит поровну между домохозяйствами. Мирской способ вырос на праве поземельной собственности, обусловленной семейным бытом. Состав мирского землевладения был подвижным, срочным, изменчивым, зависящим от наличия рабочих сил в данный момент⁷¹.

Третья форма – участковая. Здесь и владение, и пользование в едином личном праве, принадлежащем главе семьи и переходящем от него по наследству к другим членам.

До введения российских порядков у чеченцев в основном главенствовала мирская форма землевладения и участковая. После земельной реформы основной формой землевладения стала общинная собственность. Однако с правовой точки зрения мирскую форму никак нельзя

было смешивать с общинной, а заменять, только с помощью вознаграждения, так как право пользования при мирском – единоличное, частное, посемейное – а, при общинном, – коллективное⁷².

Развитие арендных отношений, как результат перераспределения собственности на землю

В истории захвата монополистическим капиталом крестьянских земель в Чечне целую страницу составляет борьба чеченских жителей за свои права за землю⁷³. Сами чеченцы, сознавая недостаток своего землевладения, подали в 1888 году всеподданнейшее прошение императору, в котором жалуются на земельное стеснение, что строительные материалы и дрова они вынуждены покупать у частных владельцев или у казны, а раньше пользовались ими бесплатно. Люди ничего не получают от заготовки леса – ни в смысле занятости, ни в смысле компенсации, они могут лишь беспомощно наблюдать за тем, как навсегда исчезает источник их средств к существованию⁷⁴. Из-за недостатка быков и плугов жители вынуждены были запахивать поля сообща, составляя артели из нескольких хозяев⁷⁵.

Терское межевое управление, давая объяснения, указывало на следующие факты: «Вся плоскостная часть Большой и Малой Чечни, с прилегающим малочеченским лесом, составляет площадь 271086 десятин. Из неё одновременно отошло 6 казачьим станицам 650 десятин, Терскому казачьему войску 1560 десятин леса, пожаловано в частную собственность за заслуги отдельных лиц 8645 десятин, отдано городам и слободам 8266 десятин, 43 чеченским аулам наделено 234970 десятин, в ведении лесного ведомства состояло 16965 десятин. Таким образом, свободных земель нет...»⁷⁶.

Из-за недостатка земли чеченцы вынуждены были брать землю в аренду. Арендная плата в Чечне достигала ежегодно 400000 рублей. С началом 80-х годов правительством были предприняты меры к ограничению арендования казачьих паевых наделов на длительные сроки. Это было вызвано тем, что с ростом переселения крестьян из внутренних губерний России наделы бедных казаков стали переходить к иногородним – переселенцам, или зажиточным местным жителям. И если законом 21 апреля 1869 г. казакам было предоставлено право сдавать в аренду павые наделы на длительный срок лицам всех сословий, то по инициативе

казачьей администраций, обеспокоенных ростом безземельных казачьих хозяйств в результате сдачи земель в аренду на длительный срок (на 10–15 лет) по низким арендным ценам, в 1888 г. подобная сдача в аренду паевых земель сначала запрещалась, а в 1891 г. в связи с законом об общественном управлении казачьих станиц была ограничена сроком не более 1 года. Годичный срок аренды привел к снижению арендных цен, к отказу от агрономических мероприятий. И только в 1912 г. было принято решение о шестилетней аренде с ежегодным внесением арендной платы⁷⁷.

Правительственное областное правление являлось крупным собственником экспроприированных крестьянских земель, в том числе и лесных угодий. Валовой доход Терской области в 1871 году составлял 20765 рублей⁷⁸. С тех пор, как контроль над лесными угодьями был передан Департаменту лесного хозяйства, а не местным общинам, состояние лесов ухудшилось. Проблема восстановления леса, как и обезлесения, заключалась в том, что деревья по-прежнему оставались объектом большого бизнеса⁷⁹.

Земли Чеченской плоскости, по своему плодородию несколько не уступали Кубанским землям и во многом превосходили даже самые лучшие угодья России. В Чечне горцам было положено не более 3 десятин земли на мужчину. Казакам давали по 20 десятин на душу. Такой обширный надел должен был стимулировать казаков к занятию скотоводством и коневодством⁸⁰. По поводу горцев у руководства сложилось следующее мнение: «Большой поземельный надел положительно будет им вреден. Изобилие земли даст возможность пренебрегать её возделыванием и заниматься усиленно скотоводством. Этот промысел, когда он берёт перевес над земледелием, приучает жителей к праздности, и отсюда развивается и поддерживается в них страсть к хищничеству. Напротив, ограниченность поземельных угодий заставит горцев заняться обработкой своих земель; а с тем вместе они должны будут отказаться от своей страсти к наездничеству, которое возможно только при изобилии табунов». «Жители претендуют, – читаем мы в одном из документов, – на земли Куринского полка, расположенного в укреплении Ведено и Эрсеной, в Ичкеринском округе. Полк держит свои табуны и скот на чеченских землях и здесь-же заготавливает себе сено, что весьма стеснительно для населения»⁸¹. При земельном устройстве Кавказских полков, правительством было обращено внимание на то, что земли полков Кизлярского и Гребенского, вошедших позже в состав Терского казачьего

войска, в большинстве своём неудобны для хлебопашества, а потому, с целью уравнивания выгод притерских казаков с положениями других полков, владеющих лучшими землями, правительство предоставило этим двум полкам, по «Положению» от 14 февраля 1845 года – рыболовство как в рукавах Терека, протекающих по казачьим землям, так и на морских водах, перед устьем этой реки⁸².

В 1861 году чеченцам объявили, что их собственность – плоскостная земля Большой и Малой Чечни, за исключением участков, занятых во время войны под укреплениями и казачьими станицами. Жителям горных районов разрешалось только пользоваться землёй, т.к. она становилась казённой. За принадлежавшие казакам на правом берегу реки Сунжи мельницы, сады и хозяйские постройки, казаки должны были платить чеченцам, по обоюдному с ними соглашению⁸³. Государство наделяло земельными участками и горцев, вступивших в казачье сословие, за службу в иррегулярных войсках. Размеры земельных наделов зависели от социального и общественного положения, занимаемого горцами в своих обществах, а также от положения занимаемого в казачьих войсках⁸⁴. Руководство придерживалось следующего положения: «Народ не должен думать, что Правительство злопамятно: оно хорошо знает, что народ во время неприязненности наносил русским вред по увлечению, по праву войны, что уже навсегда предано забвению»⁸⁵.

Чеченская равнина протягивалась полосой в северо – восточном направлении между Чёрными горами и рекой Сунжей, от реки Фортанги к Качкалыковскому хребту. Длина всей равнины составляла 70 вёрст, а наибольшая её ширина достигала 30 вёрст (напротив г. Грозного). По плодородию почвы, Чеченская равнина, после Кахетии, считалась лучшим уголком на Кавказе. Земля её почти вся состояла из чернозёма и была хорошо орошена реками и каналами⁸⁶. По территории Чеченской равнины протекали реки: Терек, Фортанга, Сунжа, Гехи, Гойта, Аргун, Басс, Хулхулау и др. По левую сторону реки Гойты располагалась Малая Чечня, по правую – Большая. Вся Чеченская равнина по качественному составу почвы занимала первое место в Терской области.

До 1840 года границы Чечни простирались гораздо дальше и захватывали значительное пространство правого берега Терека и левого берега Сунжи. С 1888 года, после преобразования Терской области, 5/6 пространства Чечни было заключено в Грозненском округе. В 1893 году территория, занятая чеченцами, располагалась на значительной части Сунженского отдела, почти 1/3 Хасав – Юртовского округа и занимала

полностью Грозненский, Веденский, Аргунский округа. Надтеречные участки были отделены от остальной Чечни землями казачьих станиц. Площадь Чечни без Надтеречного участка равнялась миллиону десятин земли⁸⁷. По мнению наместника на Кавказе, Н.Н. Муравьёва – Карского, по правому берегу Терека и по обоим берегам Сунжи жили чеченцы, которые считались покорными, но, однако, содействовали набегам хищнических шаек на Линию»⁸⁸. По данным А.А. Гассиева земли по правому берегу Терека, договором с Персией за 1735 год, были признаны русским правительством входящими в состав территории независимой Чечни. Надтеречная часть этой территории была завоёвана русскими войсками (не казаками) в 1750 –1770 гг.⁸⁹. До 1840 года правый берег Терека и левый Сунжи были усеяны большими чеченскими сёлами. Во время войны жители вынуждены были удалиться в вековые леса, за Сунжу. На правом берегу Терека осталось только 3 села :Кень – Юрт, Аду – Юрт и Брагуны, а покинутая чеченцами земля была занята казачьими станицами⁹⁰. По словам А.П. Берже, «...до 1819 года на Сунже, кроме чеченских аулов, русских поселений не было»⁹¹.

В силу неравномерного распределения количества земель в ходе реформы между казаками и горцами, станичники в основном практиковали экстенсивный способ земледелия. Чеченцам, имевшим малые клочки земли, приходилось использовать интенсивный метод, когда на единицу площади вкладывалось очень много труда и капитала. Зато, этот способ давал больший валовой продукт, и способствовал усовершенствованию земледельческой технологии⁹². По данным обследования 1882 года., на Северном Кавказе удобные земли составляли 69,6% горной территории края, но лишь 5445 тыс. десятин (0,8%) этих земель были пригодны для пахоты и покоса, а остальные находились под пастбищами и лесами⁹³. В Нагорной полосе Терской области почти вся земельная площадь (около 8/10) представляла из себя поверхность, годную только для скотоводства. В Нагорной чеченской полосе на мужчину приходилось 5,2 дес. земли., 40 десятин в степной полосе и 50 десятин в горах – та пограничная линия, за которую пастбищное крестьянское хозяйство не должно было переступить⁹⁴. Земли Сунженского отдела – Нагорной части – делились на удобные и неудобные. Неудобные, как бездоходные, освобождались от обложения. В Грозненском округе северная (плоскостная) часть Качкалыковского гребня страдала отчасти от засухи (надтеречная часть), а отчасти была покрыта обильными зарослями кустарника, затруднявшими обработку земли⁹⁵.

После завершения Кавказской войны приобретённое Россией земельное богатство необходимо было распределить между населением. Вопрос несколько усложнялся тем, что реформы, проводимые на Кавказе, должны были соответствовать реформам, которые в это время проводились в центральных регионах России, хотя изначально местные условия землепользования и землевладения сильно отличались друг от друга, хотя и имели общие черты. Манифестом 19 февраля 1861 года было провозглашено, что крестьяне с освобождением их от крепостной зависимости, вступают в состояние крестьян – собственников. Начало это было подтверждено законом 28 декабря 1881 года и получило практическое применение в центральных районах России⁹⁶. На Кавказе даже те немногие освобождённые от зависимости крестьяне не получили право частной собственности на землю, не говоря уже об огромном числе горцев – собственников, чья земля в ходе реформы стала государственной. Реформы, проводившиеся в России и являвшиеся половинчатыми и незавершёнными, в областях Кавказа вводились с ещё большими ограничениями и изъятиями. Основным курсом земельной реформы на Северном Кавказе стало перераспределение земельной собственности не между хозяином и крепостным, а между коренным и пришлым населением.

Ещё в 1860 году во Владикавказе состоялось оперативное совещание местных военных и гражданских администраторов. Было принято решение о скорейшем заселении земель горцев казаками. На совещании по этому вопросу возникли разногласия, но военный министр Д.А. Милютин и князь Барятинский дали понять, что такова воля государя. В 60-х годах XIX века главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич обратил внимание на земельную нужду Терской области. Им был предпринят целый ряд мер к улучшению экономического быта населения, но это не дало осязательных результатов, а, напротив, в последствии территория, занятая горцами, подверглась сокращению⁹⁷. Сопоставление документов о состоянии казачьего населения с аналогичными актовными источниками в отношении горского населения позволяют говорить о большой разнице их положения. Эти документы показывают размеры расхищения горских земель, громадную разницу в земельном обеспечении горского крестьянства в сравнении с казачеством⁹⁸.

В 60-е гг. было в целом завершено наделение горских общин земель. Все дела поземельных комиссий велись в тесном контакте с населением. Решения принимались после консультаций с представителями горцев, что позволило избежать сколько-нибудь заметных волнений на

почве земельных переделов на Северном Кавказе в 60-х гг. XIX в. На втором этапе земельной реформы, в 70-е гг., после окончания определения прежних сословных прав горской элиты, согласно плану Орбелиани, началась раздача крупных земельных пожалований выходцам из местной знати, служившим в Кавказской армии. В 1870 г. было принято «Положение о правах почетных туземцев на пользование землей на общественных началах». Всего за горской знатью, получившей статус российского дворянства, было закреплено в частном владении около 70 000 дес. земель Терской и Кубанской областей. В частной собственности чеченских сельских старшин находилось 8 674 десятины земли. В Чечне старшинам по решению властей выделялось «по 5 частей покоса и пять частей пашни»⁹⁹.

В конце XIX – начале XX века в России в среднем на одно помещичье хозяйство приходилось 2333 десятины земли, на одно кулацкое – 46,7 десятин, на одно середняцкое – 15 десятин и на бедняцкое – 7 десятин¹⁰⁰. Хотя между горцами и были люди, которые утешали, говоря, что напрасен страх, увидев, что казакам отводится по 30 десятин на душу, а туземцам не более 2-5 десятин, однако и они вскоре согласились с тем, что будущность горцев действительно страшна и что при увеличении народонаселения земельный голод охватит все слои общества у местных жителей на Кавказе¹⁰¹.

Издавна у чеченцев существовало право исключительного владения родовыми участками земли. В отношении распоряжения землёй одновременно действовали шариат и адат¹⁰². Хотя адаты не указывали на наличие частной собственности на землю, с одной стороны, но они содержали информацию о феодальной ренте, что позволяет говорить о фактическом существовании института частной собственности на землю (без юридического оформления в адатных нормах) уже к середине XIX века¹⁰³. Земельная реформа разрушила многовековые традиции. Масштабное перераспределение земель привело к началу капитализации региона, установлению рыночных отношений. Скрытые резервы людей, не задействованные в полной мере ранее из-за хорошего уровня благосостояния, благородного происхождения, в новых условиях выживания начали проявляться особенно активно. Фактически большая часть населения области была уравнена в своих земельных правах, но значительным препятствием в росте их дальнейшего благосостояния являлось общинное землепользование, ликвидация традиционного для Кавказа многочисленного класса частных собственников. Земля

передавалась общине. Общинная собственность не могла отчуждаться (не подлежала купле–продаже). Реформы не преобразовали почвенный уклад, не создали слоя мелких собственников, а законсервировали его, сохранили корпоративность.

Опорой политической стабильности государства в регионе являлась корпоративность: крестьянская и казачья община, дворянская корпоративная организация. До проведения земельной реформы среди кавказских администраторов существовало мнение, что в Чечне и Ингушетии существует только общинное земельное владение. Но такой вид собственности не требовалось документов, как это было с частным землевладением. Позже, в связи с введением юридического права, чеченские земли стали именоваться «общественными». Российскому правительству, естественно, было выгоднее иметь дело не с частным землевладением в регионе, когда в результате государственной конфискации земель могли начаться судебные разбирательства, а с общественным. Иски общественных организаций к государству не могли рассматриваться в юридическом порядке – вся земля являлась государственной, и общины ею пользовались по «праву временного владения», сроки и условия которого заявлялись государством¹⁰⁴. Отчуждая частные земельные владения горцев в пользу казны или общины, государство нарушало свои же правовые нормы, установленные для граждан Российской империи.

Мелкая земельная собственность в России составляла от 70 до 75% общей площади владения (1901 год). Земля признавалась не собственностью государства (государственный социализм), а являлась предметом свободного владения, обмена, купли и продажи¹⁰⁵. По Своду законов принудительное отчуждение недвижимых имуществ, равно как и временное занятие их, или же установление права участия в пользование ими, когда это было необходимо для какой–либо государственной или общественной цели, допускалось не иначе, как за справедливое вознаграждение¹⁰⁶. Экспроприация производилась за полное вознаграждение. Правоведы считали, что «...требовать от частных лиц безвозмездной уступки имущества было бы несправедливо, т.к. общепользное предприятие выполняется в интересах целого общества...»¹⁰⁷. Закон об экспроприации от 19 мая 1887 года, как и закон 7 июня 1833 года, действовавший ранее, требовал, чтобы все случаи, в которых представлялось необходимым отчуждение недвижимых имуществ, определялись именными высочайшими указами, представленными на высочайшее воззрение через Гос.Совет¹⁰⁸.

Проведение земельной реформы в Чечне

В 1861 году генерал Евдокимов высказал мысль о том, что земельную реформу следует проводить в административном порядке, «силою власти навязывать её туземному населению». Деятельность земельных комитетов и комиссий, по его мнению, является «пустой тратой времени». Против проекта Евдокимова выступил генерал Святополк – Мирский, который был за немедленное создание в округах Терской области поземельных комиссий. В споре Евдокимова и Святополк – Мирского царь поддержал последнего. В Терской области были созданы окружные комиссии, которые в 1863 году были объединены в одну поземельную комиссию¹⁰⁹. На членах межевой комиссии лежала большая нравственная и юридическая ответственность, так как межевая комиссия первая рассматривала все поземельные заявления горцев и решала: дать землю или отнять её. Безусловно, что решение комиссии не могло быть окончательным и необходимо было на правительственном уровне предвидеть вопрос о порядке обжалования её решений инородцами и казной, однако этот важнейший вопрос не был отработан на практике¹¹⁰.

В 1867 году, приступив к подготовительным работам по определению границ Чеченского округа, Отдел поземельной Комиссии встретил затруднения в разрешении следующих 2-х вопросов: а) возможно лишь включить в число земель, подлежащих распределению между аулами, участки на правом берегу реки Сунжи, предоставленные частными распоряжениями начальствующих лиц в пользование соседних станиц, а также и земли, отведённые близ укрепления Воздвиженского войскам для покосов; б) можно ли при проектировании аульных наделов брать в расчёт часть земель нагорной полосы Чеченского округа. Часть горского населения Грозненского округа, сгруппированная на правом берегу реки Терека, составляла раньше особое наибство, Надтеречное. Земли этого наибства, за исключением Брагуновских участков, были освобождены от местного населения силой оружия и считались казачьими¹¹¹. Обсудив земельные вопросы, Комитет пришёл к заключению, что изъятие из пользования казаков вышеупомянутых участков не может соответствовать «политическим видам» правительства.

При установлении окружной границы Чеченского округа возникло несколько споров между казачьими станицами и горскими селениями. Главнокомандующий приказал участок строевого леса в 300 десятин на чеченской территории включить в надел казачьей станицы Алхан

– Юртовской (Ермоловской)¹¹². Исходя из концепции о вредности больших наделов для горских крестьян, что, якобы, наряду со скотоводством «приучает жителей к праздности», царское правительство в лице своих высокопоставленных чиновников по-своему кроило земельную карту Северного Кавказа. В Терской области, где казаков было 17,9% (1897 г.), им принадлежала почти третья часть территории области. На одну душу мужского пола у терских казаков приходилось от 16,5 до 74,5 (в среднем по 28 десятин) десятин земли. Эти казачьи наделы во много раз превышали среднюю величину душевого надела крестьянства Европейской России, у которого она составляла в 1860 году 3,5 десятин, а к 1900 году уменьшилась до 2,6 десятин земли¹¹³.

При самом отводе участков, оставлялся известный процент земли для естественного прироста населения, обычно он составлял 1/7 часть участка (14,5%). Наделы, выделяемые инородцам, должны были удовлетворять следующие условия. Во – первых, они должны представлять из себя множество отдельных полос и небольших групп, вкрапленных в массу участков отданных пришлому населению. В этом положении, их владельцы – инородцы легче бы «освобождались от иллюзий и подвергались бы более сильному воздействию цивилизации». Во – вторых, правительству необходимо было, чтобы инородческие участки, по крайней мере, в течение нескольких десятков лет, до появления нового поколения, «освоившегося с земледелием и грамотностью», были неотчуждаемы¹¹⁴. В 1883 году начальник Терской области запрашивал мнение межевого управления: «...а есть ли необходимость в земельном устройстве горцев и не лучше ли ограничиться наиболее существенными сторонами земельного вопроса, как – то определением лесовладения и аульным наделом...не удобнее ли отложить вовсе вопрос по поземельному устройству горцев до окончания такового в казачьем населении области»¹¹⁵.

Надтеречное наибство в Чечне для России занимало особое стратегическое положение, оно являлось как бы буферной зоной между казачьим населением и горскими районами. Хотя, по существу, соответствующих границ между чеченскими округами и казачьими отделами не было, их территория разграничивалась чисто условно. Так, казачьи станицы Сунженского отдела располагались на территории Владикавказского, Грозненского и Веденского округов¹¹⁶. В 1863 году был составлен проект размежевания земель Надтеречного наибства. Проведение государственного размежевания земель в других районах Чечни произошло только

после переселения чеченцев в Турцию, в 1865 году, что по мнению руководства «...значительно упростило поземельный вопрос в Чечне»¹¹⁷. Земли эмигрировавших горцев конфисковывались и распределялись между другими владельцами. Такое распоряжение родовыми землями усугубляло национальные противоречия, что, очевидно и отвечало методу колониальной политики царизма «разделяй и властвуй»¹¹⁸.

В 1868 году расселение чеченцев было связано с размещением Сунженских казачьих полков. Был вариант оставить чеченцев в их селениях на правом берегу реки Сунжи, но на эти земли претендовало казачье войско, поэтому чеченцев переселили на левый берег Терека и Сунжи, а их земли заняли 1-й и 2-й Сунженские полки. Терское казачье войско располагалось на 1/3 части всей площади Терской области, а войсковое население составляло всего 1/5 часть её жителей. С 1863 по 1885 год в Терской области было основано 112 селений, в основном за счёт русских поселенцев¹¹⁹. Высочайшим указом Правительствующему Сенату 30 декабря 1869 года на Межевые управления Кубанской и Терской областей возложили распределение горских и казачьих земель¹²⁰. Появление такого указа было вызвано массовыми жалобами чеченцев на несправедливое распределение земель. Предгорные аулы, получившие плоскостной земли только в половинчатом размере, считали себя обиженными. В связи с этим Межевое управление Терской области вынуждено было в 1873 году ходатайствовать о проведении изменений в распределении наделов по проекту 1871 года¹²¹. Кроме того, возникла масса жалоб со стороны аульных обществ о том, что при распределении наделов, никакой расценки земельных угодий не производилось, а потому многие аулы получили мало удобной земли. При исправлении границ Урус – Мартановского надела выяснилось, что аул этот получил в действительности не то количество удобной земли, какое поземельной Комиссией было по-расчёту ему спроектировано, а именно: вместо 14769 десятин, около 9427 десятин; кроме того, проектируемый надел оказался недостаточным, т.к. в этом ауле поселилось большинство возвратившихся из Турции чеченцев, вследствие чего число дворов вместо 1257, бывших ранее, увеличилось до 1600. В результате ходатайства начальника Терской области, наместник на Кавказе разрешил отвести этому селу дополнительный надел, на общинном праве пользования, в 3400 десятин земли. Благодаря этому весь надел Урус – Мартана составил 22337 десятин земли¹²².

По материалам чертёжного отдела Терской областной сословно-поземельной комиссии, у горных чеченцев на мужчину приходилось 0,86

десятин под пашнями и 1,76 десятины под сенокосами¹²³. В горной Чечне, к началу XX века имелось 27395 пахотных участков, а их общая площадь составляла 9073 десятины. В плоскостной Чечне средний размер надела составлял 4,11 десятины¹²⁴. Согласно «Положению» 1867 года для Чеченского округа официально была принята норма подворного надела в 16,8 десятины, однако в каждом дворе проживало по 3-7 мужчин, поэтому душевой надел был крайне низок¹²⁵. Самые маленькие душевые наделы, по официальным данным, в Терской области приходились на Грозненский округ, где в основном проживали чеченцы¹²⁶. Душевные наделы терских казаков вдвое превышали наделы казаков Кубанской области. В 1886 году на одного терского казака приходилось 13,3 десятины, а на казачий двор 92,12 десятины земли.

Минимальный душевой надел, необходимый для того, чтобы крестьянин мог едва сводить концы с концами, составлял в нечернозёмной полосе России 9-10 десятины, а в среднем, для чернозёмной и нечернозёмной полос, свыше 7,5 десятины на душу населения¹²⁷. Урожайность же Терской области была выше, чем во внутренних губерниях России. Заметим, что из территории, отведённой индейцам по распоряжению правительства Соединённых Штатов на долю каждого местного жителя приходилось 603 акра (40 акров=14,7 десятины) земли¹²⁸. Общее количество частновладельческих земель в Терской области, по сведениям местного межевого управления, к 1 января 1884 года не превышало 668021 десятины (11,9%), к 1893 году это количество увеличилось незначительно и достигло величины 691700 десятины земли¹²⁹. К 1884 году в Веденском округе был обмежёван всего 1 участок частного собственника, размером в 68 десятины. Всего в этом округе насчитывалось 144714 десятины земли¹³⁰. В начале 1893 года оставалось ещё 50,3% всего пространства земель Терской области, без проведённого отмежевания.

Добровольное, вынужденное и насильственное переселение чеченцев на плоскость

Чеченцы издавна проживали не только в горах, но и на плодородных долинах Сунжи и Терека. В отношении установления хронологических сроков переселения с гор, между исследователями существуют разные мнения. Берже пришёл к выводу, что переселение с гор чеченцев и ингушей началось в 1530 году. Что же касается окончания процесса

переселения, то его Берже относит к 1810 году¹³¹. При основании города Терки и вплоть до завершения Кавказской войны чеченцы уже жили на равнине¹³².

Одной из главных политических акций российского правительства по подчинению себе горских племён было выселение их с гор на плоскость и укрепление поселений в стратегически важных пунктах – путём соединения мелких аулов в крупные¹³³. Таким образом, ещё в начале 50-х годов XIX века плодородные равнины по течению реки Терека были освобождены под заселение их казаками. Переселение аулов, столь удобное в административном и стратегическом отношении, произвело целую социальную революцию внутри жизненных систем горских народов. В Чечне нередко власти уничтожали целые аулы, чтобы заставить переселиться их жителей на плоскость. В новых районах поселений земли правительством отводились только во временное пользование без определения их количества и границ. Жителям гор приходилось приспособляться к плоскостным условиям хозяйствования. Очень часто случалось так, что начальство передвигало аулы с места на место по несколько раз, ввиду важной административной необходимости и всегда при таких же условиях неопределённости и беспорядка.

Постоянные переселения на заселённую равнину способствовали стиранию племенных различий, исчезновению локальных этнических наименований и распространению общего национального этнического названия. В составе России сложились условия для консолидации прежде разрозненных тейповых организаций и сельских групп в большие сельские общества¹³⁴. В ходе земельного размежевания чеченские сёла Надтеречного наибства получали запасную землю, на которую они обязаны были принимать переселенцев из Большой и Малой Чечни¹³⁵. Хотя в пореформенный период число крестьян–общинников на плоскости неуклонно увеличивалось, первоначальные земельные наделы оставались в прежних размерах. Естественный прирост населения, увеличение числа хозяйств, как за счёт дробления больших семей, так и за счёт принятия в сельские общества прибывших на постоянное жительство горцев, способствовали ещё большему обострению земельного кризиса. Например, в 1866 году в селе Ачхой – Мартан насчитывалось 373 двора. За 20 лет их число возросло до 730, так как в силу гостеприимства жители приняли в сельское общество 157 семей, возвратившихся из Турции и 39 семей, спустившихся с гор, и кроме того 161 семья составила естественный прирост. Между тем количество первоначально выделенной

сельскому обществу земли оставалось прежним, что и приводило к непрерывному обезземеливанию горцев¹³⁶. В 1891 году в Грозненском округе плотность населения составляла 24,4 (из них 22,76 чеченцы) на квадратную версту¹³⁷.

Горцы, переселившиеся на плоскость, пользовались правами временно проживающих. Они чувствовали себя здесь далеко не вольготно: выплачивая наравне с коренными жителями селения земские повинности, отбывая натуральные сельские повинности, они в то же время не имели права на владение установленным паем общественной земли, а при решении общественных сельских дел – права голоса¹³⁸. Ввиду такого сложного положения переселенцев, они стали жаловаться областной администрации на сельские общества, что они их притесняют и не дают права пользования землёй наравне с другими. Такие жалобы особенно часто стали поступать к руководству с 1886 года, когда посторонних лиц записали в списки сельских обществ без ведома и согласия коренных жителей. Начальство это сделало для того, чтобы в документации не значились безземельные крестьяне. Когда посторонние лица только появлялись в сёлах, они зачастую не объясняли своего происхождения, дабы получить более выгодные условия проживания, а ведь зачастую у многих из них оставались родовые участки в горах, которые они продолжали возделывать, или получали прибыль от их аренды или продажи. В спорах, возникавших между обществами и переселенцами, последние зачастую обращались в горский суд, который не мог разрешить споры, т.к. не имел твёрдых оснований для их разбора¹³⁹. Сельские общества жаловались в основном областному руководству на посторонних лиц, проживающих в их сёлах, но имевших земельные наделы в горах. Через окружных начальников им сообщалось, что они имеют право удалить из своих аулов всех не приписанных к ним, при содействии, в случае необходимости местной милиции¹⁴⁰.

Послевоенное переселение славян на Кавказ

В пореформенный период на Кавказ устремился огромный поток переселенцев из центральных и южных регионов России. За период с конца 1867 по январь 1897 года численность населения Предкавказья возросла на 172,4%. Ни один район Европейской России, в том числе Новороссия и Заволжье, не имели за этот период столь высоких темпов роста населения,

что само по себе говорит о большом экономическом преимуществе региона Северо – Восточного Кавказа, где десятки тысяч десятин земли раздавались новым переселенцам¹⁴¹. Иногородних в Терской области в 1897 году проживало более 92 тыс. человек, т.е. около 11% населения региона¹⁴².

Законодательство признавало малоземелье (менее 5 десятин земли – усадебной, пашенной и сенокосной – на душу населения) совершенно достаточным поводом к переселению. Для водворения переселенцев назначались те губернии и области, в которых по числу душ государственных крестьян, причиталось в не степной части по 8 десятин на человека, а в степной по 15 десятин. К таким территориям относилась и область Северного Кавказа¹⁴³. Согласно закону о переселении 1889 года, крестьяне могли переселяться организованно, т.е. при оказании помощи со стороны правительства, либо на свой страх и риск¹⁴⁴. Сенатор Кузьминский в своём всеподданнейшем отчёте говорил следующее: «Замечено, что иногда самый состав переселенцев образуется из лиц, отставших от земледелия и отдающих полученную для колонизационных целей землю в аренду крестьянам – туземцам соседнего селения». Иногородние очень беспокоили казаков и последние, дабы избавиться от пришлого элемента, двигали переселенцев дальше в горы, на чеченские земли¹⁴⁵. В рамках упрочнения позиций российской государственности на Северном Кавказе в рассматриваемый период проводилась политика, направленная на изменение этнодемографической ситуации в регионе. Сущность данной политики заключалась в изменении этнического состава населения региона в пользу славянских народов, уменьшении доли коренных жителей в составе населения, в организации внутренних региональных миграций в соответствии с видами российского правительства.

С 1880-х годов XIX века в России теоретически оформляется так называемая доктрина «географии неблагонадёжности». Её создателями были военные статистики В.А. Золотарёв, Н.Н. Обручев, А.И. Макшеев¹⁴⁶. Суть данной доктрины сводилась к дифференциации районов империи по доле в их населении «благонадёжных» (славяне) и «неблагонадёжных» (поляки, евреи, немцы, народы Кавказа) этнических групп. Эта доктрина предполагала для нейтрализации «неблагонадёжности» той или иной территории систему мер, в число которых входили и депортации. Современный исследователь миграционных процессов на Северном Кавказе в XIX веке Н.Ю. Силаев отмечает, что в этом регионе подобный инструмент укрепления «благонадёжности» применялся властями уже с середины XIX века. Депортации, которые далеко не

всегда имели жёстко принудительный характер, должны были сломать традиционные ареалы и формы расселения местного населения, так как было очевидно, что неблагонадёжность местного населения на Северном Кавказе во многом была обусловлена особенностями ландшафта и расселения (небольшими хуторами и сёлами, которые были особенно распространены в нагорной части края)¹⁴⁷.

Земля как форма награды кавказских горцев за заслуги перед Российской империей

Многим горским князьям и офицерам земли были дарованы российским правительством за особые заслуги ещё в ходе Кавказской войны. В результате проведения земельной реформы эти участки или были выкуплены государством или права на владения ими снова были высочайше подтверждены императором. Фактически наместник Кавказа на своё усмотрение раздавал эти земли, ибо в его приказе было сказано, что желающие получить землю должны обратиться к начальникам областей, а те, в свою очередь, с их ходатайствами «должны восходить до нас»¹⁴⁸. По ходатайству начальника Терской области 6 апреля 1867 года было получено предписание наместника Кавказского на разрешение отмежевания в Чечне частной собственности.

В частную собственность за заслуги было роздано местным влиятельным людям Чечни 8674 десятины. Но далеко не все представители горской знати получили частную земельную собственность. Представителям низших сословий было предоставлено лишь право пользования отводными наделами¹⁴⁹. Особенное внимание уделяло правительство горским феодалам, распорядившись наделить крупнейших из них «на полном помещичьем праве», в вечное и потомственное владение участками земли от 1 до 5 тыс. десятин, смотря «по степени значения и оказанных каждым услуг правительству». Лицам, так называемой II категории (I категория – русские дворяне и чиновники) выдавались участки менее 1 тыс. десятин¹⁵⁰. В 70-х годах XIX века выделен был участок в 1000 десятин удобной земли в Нагорной Чечне начальнику Аргунского округа А. Ипполитову, породнившемуся с чеченцами – женившись на чеченке. Пользуясь своим административным положением, Ипполитов назначал своих родственников по жене участковыми начальниками, награждая их в свою очередь крупнейшими земельными владениями¹⁵¹.

В ходе Кавказской войны, в условиях военного времени, крупными земельными участками награждали отличившихся чеченцев после того, как наводили справки о них у стариков и односельчан – пользуются ли они уважением у населения, каковы их доходы и родословная¹⁵². После завершения войны создавались специальные сословно–поземельные комиссии, рассматривавшие вопросы правомочности наделения землёй горцев. Зачастую многим горцам, отличившимся в ходе боевых действий, которым была обещана земля, комиссия отказывала в этом, под разными предложениями¹⁵³. Некоторые представители высшего сословия Терской области были наделены крупными земельными участками по Указу правительствующему Сенату «...во внимание к особому ходатайству Наместника и согласно удостоению Кавказского комитета». Таким образом получили землю в вечное и потомственное владение: майор Улубий Чуликов – 400 десятин, капитан Ватуш Путиев – 225 десятин, поручик Сатау Эльджуркаев – 182 десятины¹⁵⁴. В 1863 году наместник Кавказа издал приказ № 418, где было сказано «о ...праве раздачи частным лицам – русским и туземным офицерам, а также лицам гражданского ведомства, участков свободных казённых земель в Терской, Кубанской, Дагестанской областях и в Ставропольской губернии». Согласно этому приказу, право покупать у местного населения земельные участки получили русские офицеры и чиновники областной администрации¹⁵⁵. В 1902 году были изданы правила, Высочайше утверждённые 1 марта 1902 года «для скупки частновладельческих земель в Кубанской и Терской областях для надобностей Кавказских казачьих войск, на средства их капиталов»¹⁵⁶. Распродавали свои земли отставные генералы и бывшие чиновники, получившие их в награду «за особые заслуги при покорении Кавказа...». Так, офицерство Терского казачьего войска к 1890 году распродадо 39% всех отмежёванных ему по закону 1870 года земель¹⁵⁷. Не смотря на малоземелье, самовольные захваты участков были мало распространены в Терской области, о чём свидетельствовали местные земельные комитеты¹⁵⁸. Горцы крайне неохотно и только в случае большой необходимости расставались со своей землёй. По их понятиям продавать фамильную землю было стыдно и оскорбительно для памяти предков¹⁵⁹.

На Северном Кавказе земля стала предметом купли–продажи ещё в первой половине XIX века, т.е. в разгар Кавказской войны. Покупали землю состоятельные люди, в числе которых были и богачи из местных народов. Правда, в период Кавказской войны и сразу после неё чеченцы,

кабардинцы и некоторые другие народы потеряли свои права на купленные земли. Царское правительство, воспользовавшись тем, что у некоторых народов (чеченцев, осетин и др.) феодальная собственность на землю не получила чёткого оформления (с юридической точки зрения), аннулировала права бывших владельцев. Колониальным властям было выгоднее во всех отношениях дать землю горской знати из своих рук. В этом случае горская знать попадала в непосредственную зависимость и активно выполняла волю царских чиновников и генералов¹⁶⁰.

Многие царские чиновники понимали несправедливость конфискации земель у их законных владельцев. Наместник Кавказа Воронцов – Дашков писал: «Широкое развитие среди кавказского населения подворно-участкового пользования землёй свидетельствует, что кавказцам далеко не чуждо понятие о праве собственности»¹⁶¹. Ф.М. Уманец, в своей работе «Колонизация свободных земель России» заявлял: «Было бы несправедливо продавать местным инородцам те земли, которые они, действительно обрабатывали ещё до учреждения в этих местах колоний. Русская оккупация всегда и везде гарантировала каждому плоды труда и потому продажа инородцам того, что они создали своим трудом, противоречила бы традициям русской политики. Вековое пребывание в стране даёт даже народу вовсе не наделённому цивилизованными формами известное право на территорию отцов. До тех пор, пока нет хорошего закона регулирующего общинное землевладение, мы не имеем нравственного права, посредством оброчной подати, навязывать общинное землевладение...»¹⁶². Преобладание в Кубанской и Терской областях феодально – сословного землевладения (войскового казачьего, общинно – наделного и феодально – пожалованного) являлось главным препятствием для проникновения капиталистических отношений в сельское хозяйство и на казачьей, и на горской территории. Земельная аренда являлась важнейшим средством обхода названных препятствий. Развитие арендных отношений внутри горских обществ усиливало размежевание в среде крестьянства, что позволяло говорить не только о росте имущественного, но и социального неравенства у горских народов¹⁶³.

Спекулятивная аренда получила широкое распространение, ею занимались и чины правительства и администрации и офицеры, бравшие в аренду большие площади по 10–15 копеек за десятину и сдающие их в субаренду горскому населению по цене, в несколько раз превосходившей первоначальную. Частные земли и горских и русских владельцев также попадали в сферу субарендных отношений. Субаренда была узаконена

областной администрацией. Арендные договоры, утверждаемые начальником области, предусматривали, как правило права субаренды, особенно пастбищных участков, разрешался выпас скота за плату, которую устанавливал сам арендатор. Никаких официальных договоров с посторонними лицами (субарендаторами) арендатор не заключал, поэтому нельзя установить, сколько и по какой цене принимался скот на выпас¹⁶⁴. Войсковые земли, так называемый войсковой запас, эксплуатировались путём сдачи их в аренду, причём, как правило, очень крупными участками, что приводило к беззастенчивой спекуляции ими. В результате земля не доходила до мелких производителей или арендовалась ими по непомерно высоким ценам. В результате огромные средства перекачивались из сельскохозяйственного производства в карманы всякого рода дельцов и спекулянтов¹⁶⁵.

Бесплатная раздача земель наполняла регион массой более или менее состоятельных людей, всё хозяйство которых заключалось в спокойном выжидании минуты, когда подаренный участок поднимется в цене вследствие естественного притока населения. Раздача земель «возбуждала аппетит» и порождала спекуляцию, но не способствовала успехам в земледелии и промышленности¹⁶⁶. Арендные цены на нефтеносные участки были выше, чем на землю, занятую под сельскохозяйственные угодья. Аульные общества были лишены права сдавать в аренду нефтеносные участки – земля им предоставлялась не на правах собственности, а только в пользование с правом поверхностной разработки, недра её считались достоянием казны¹⁶⁷. Предприниматели вынуждены были выплачивать большие суммы казачьему войску за аренду земли. Это отвлекало капиталы в сельское хозяйство и торговлю, тормозило развитие промышленного капитализма¹⁶⁸.

Формы развития арендных отношений

Казённые земли большей частью сдавались арендаторам, иногда очень крупными кусками, за малую плату и на большие сроки, лишаящие казну даже возможности пользоваться совершающимся общим повышением земельной ренты¹⁶⁹. Земля сдавалась в аренду, как правило, крупными участками (и чем больше участок, тем дешевле цена одной десятины) с обязательным внесением залога и части арендной платы вперёд. Для того чтобы осмотреть сдаваемый в аренду участок, явиться на торги, выполнить все формальности по заключению арендного до-

говора, нужно было располагать свободным временем, определёнными средствами и связями. Необходимо было также получить специальное разрешение для поездки на торги, требовалось знание русского языка, чтобы следить за объявлениями, знание и понимание арендной конъюнктуры и др. Почти во всех округах доход в сельские капиталы от сдачи земли в аренду не превышал 10%, меньше всего он был у чеченцев (Грозненский и Веденский округа), которые имели мало земли.

Большое распространение субаренды объясняется не столько «особым проницательством» земельных спекулянтов, сколько неизбежным результатом той социально-экономической политики, прежде всего аграрной политики царизма в целом, в отношении горских народов, теми исключительно благоприятными условиями для земельных спекуляций, которые создавало само правительство и местная администрация¹⁷⁰. Главнейшими статьями доходов казачьих войск являлись доходы с земли и правительственные субсидии. По абсолютной величине войскового капитала, приходящегося на душу мужского пола войскового сословия наиболее богатым являлось Астраханское войско, где на каждого приходилось 76 руб. 41 копейка. Терское войско по богатству занимало 5 место из 11 казачьих войск, здесь на 1 казака приходилось 23 рубля 93 копейки. Расход составлял 6 рублей 54 копейки. По количеству дохода с войсковых земельных угодий Терское войско занимало 2 место. Доход с земли там составлял 66,6% к общему войсковому доходу. По количеству выделяемых правительством субсидий к общему доходу – среди казачьих войск, Терское было на 7 месте, они составляли 18,2%. В Терском казачьем войске с 1877 по 1900 г. войсковые капиталы увеличились с 400 тысяч до 3 млн. рублей. Это было результатом получения доходов с нефтеносных земель, которые войско сдавало в аренду¹⁷¹. Так как в большинстве станиц земельные владения значительно превышали рабочую норму, то излишки земли сдавались в аренду¹⁷². В Терской области наибольший процент применения рабочей силы приходился на Пятигорский, Кизлярский отделы и минимальный – на Грозненский округ¹⁷³. Рыбные ловли в реке Терек с его притоками и рукавами также составляли собственность казачества и зачастую сдавались горцам в аренду¹⁷⁴.

По условиям земельных арендных договоров требовалось внести залог, обычно равный половине арендной платы, и первый полугодовой взнос. В 1897 году в руках крупных арендаторов находилось 66458 десятин казённой земли в Терской области, средняя цена арендуемой земли была 7,5 копеек за десятину¹⁷⁵.

В то время как русский крестьянин имел в 1872 году 4,1 десятины на душу мужского пола, терский казак имел в конце 1889 года 21,3 десятин. Казачья семья часто бывала не в состоянии обрабатывать свою землю собственными силами и прибегала к найму пришлых рабочих, отдавала излишек земли в аренду, или же просто оставляла землю под целину, без всякой обработки, поэтому казака скорее можно было называть мелким собственником, работодателем, чем крестьянином¹⁷⁶. Чтобы стимулировать развитие сельскохозяйственного производства среди казачества в 1895 году начальник Терской области запретил казакам сдавать чеченцам и ингушам в аренду свои паевые наделы и даже вступать с ними в куначество¹⁷⁷. Избыточность казачьих наделов доказывалась тем фактом, что станицы ежегодно отдавали горцам и русским в аренду более 322 тыс. десятин, то есть каждый казак – по 3 десятины¹⁷⁸. В Терском казачьем войске на одного мужчину приходилось, за вычетом сдаваемой в арендное содержание, 12,8 десятин удобной земли¹⁷⁹.

На плоскости на чеченца или ингуша приходилось по 2-3 десятины земли, у живущих в горах было не более 4 – 6 десятин (сведения на 1907 год). К числу удобных земель в Чечне были отнесены места, покрытые сплошными зарослями¹⁸⁰. Терским казакам было нарезано 2 млн.9 тыс. десятин земли. Казачья семья имела от своего земельного надела валовой доход 918 рублей, из которого бюджет семьи составлял 778 рублей и оставался излишек 140 рублей. Самая богатая чеченская семья на плоскости, по сведениям Терского областного статистического комитета (1903 г.), от земельного надела получала доход 262 рубля, расходуя на своё содержание 414 рублей, дефицит составлял 152 рубля¹⁸¹. А.А. Гасиев, болевший душой за свой народ, отмечал крайне несправедливое положение дел в Терской области: «...Я думаю, всякий согласится, что национальности, живущие рядом соседями, не могут достигнуть счастья, если один из них на родной территории бедствует от малоземелья, другие не в силах обрабатывать занятые ими обширные площади той же территории. Только в нагорной полосе Терской области 15% мужского населения совсем не имеют земли»¹⁸².

Процесс разорения бедноты отмечает и Абрамовская комиссия: «Бегенда, как единственный источник получения кредита, достигла громадного развития среди населения горских обществ и служит одним из источников к образованию безземельного пролетариата, т.к. заёмщики в редких случаях в состоянии выкупить заложенную землю..» Бегенда представляла собой бессрочный залог земли под деньги, скот и другое

имущество, она имела черты ростовщичества (заём денег в залог земли, вместо ростовщических процентов – пользование заложенной землёй). Владелец земли мог получить свой участок обратно, только вернув деньги или скот. В случае невозвращения долга земля переходила в собственность заимодавца. Абрамовская комиссия отмечала последствия бегенды для горной Чечни: «Во всём этом районе бесконтрольная и неограниченная продажа и залог земель, а также разделы их в порядке наследования привели к тому, что во всех обществах имеются семейства, не имеющие пахотных и сенокосных участков»¹⁸³. В силу того, что сумма залога всегда была меньше рыночной цены на землю, зажиточные верхи с помощью бегенды выгодно приобретали землю у горского крестьянства. Так, богатый чеченец Кадыр из села Селеты, Грозненского округа, в 90-е годы XIX века купил 10 загонов земли за 760 рублей (по 76 рублей за загон) и в то же время по праву бегенды приобрёл 7 загонов пашни за 70 рублей – по 10 рублей за загон (в 7,6 раза дешевле)¹⁸⁴.

Зачастую арендаторы нарушали условия договора и возникали земельные споры, которые разрешало в основном областное руководство. Приведём несколько наглядных примеров. Начальник Грозненского округа А. Ипполитов назначил своего шурина Гудоната участковым начальником. Общество дало Гудонату в пользование сенокосы и пастбища в урочище Саракай–лам. После снятия его с должности, он сообщил руководству, что данный участок земли никому не принадлежит. Участок был взят в ведение казны и сельское общество вынуждено было ежегодно его арендовать, выплачивая по 100 рублей в год за свою – же собственность¹⁸⁵. Другой пример. Представители семьи Ханалиевых объясняли областному руководству, в ходе их земельного спора с беноевцами, что их предки приобрели участок земли за 400 рублей у жителей села Ярыксу –Аух, семьи Гетежевых. Ханалиевы владели этим участком до 1861 года, когда начальник Нагорного округа, генерал-майор Вояковский, попросил их уступить землю на 3 года, во временное пользование поселившимся в Галайтах беноевцам, т.к. на новом месте жительства у них земли не было. Ханалиевы, по истечении указанного срока требовали вернуть им землю, или наделить их равноценным участком в другом месте. Отстаивая свои права на земельную собственность, Ханалиевы намерены были вести процессы во всех судебных инстанциях. Терское областное правление, журналом от 15 февраля 1897 года, определило «домогательства семьи Ханалиевых» оставить без удовлетворения, за не представление истцами каких–либо письменных документов на право владения земельным участком¹⁸⁶.

У горских народов Северного Кавказа имелись все основные формы земельной аренды: продуктовая, отработочная, денежная – самая распространённая, особенно в землевладении¹⁸⁷. Абрамовская комиссия, как и ряд других источников, называла огромные суммы, уплаченные горскими народами за аренду земли. Арендные платежи только населения Нагорной полосы Терской области и Карачая ежегодно составляли в начале XX века громадную сумму – 1568860 рублей, из которой 1/3 (400 рублей) выпадала на чеченцев. Борьба за снижение арендных цен, за передачу арендуемых участков в собственность трудового населения составляла главное содержание аграрного движения на территории горских округов и отделов в трёх русских революциях, превращала горскую бедноту в союзника российского пролетариата. Арендные цены для горского населения были выше в 2-3 раза, чем для русских арендаторов на плоскости (при аренде пастбищ). Повышенные арендные цены для горского населения устанавливались администрацией при наличии огромных площадей совершенно не использованной земли. Станичные общества и плоскостные селения сдавали в аренду свои земли жителям горных аулов также по более высокой цене. Население Чечни арендовало землю преимущественно под посев. Потребность горского населения в аренде пахотных земель была исключительно велика. Она определялась не только нуждой в хлебе, как важном продукте питания, но и тем, что в плоскостных районах зерно становилось основным товарным продуктом сельского хозяйства¹⁸⁸.

Аулы можно подразделить на 2 вида: расположенные на землях войскового запаса и казённых (они сдавались без торгов), и на станичных и частновладельческих землях, которые брались в аренду на торгах по обычным договорам. В отдельных случаях правительство сдавало казённые земли в аренду не крупным арендаторам, а горским обществам, существование которых было совершенно не обеспечено ввиду отсутствия у них удобной земли. Это был один из приёмов «умиротворения» горского населения. Предоставляя безземельному горскому населению в отдельных случаях льготы на аренду казённых и войсковых запасных земель, правительство всё же не пошло на передачу их в постоянное пользование горцам, хотя бы на общинном праве землепользования – сдача земли в аренду даже по таким ценам давала казне больше доход, чем размер земельного оброка; поэтому эти земли не передавались даже в постоянную аренду, т.к. при новой сдаче цена аренды могла повышаться¹⁸⁹. Летние пастбища сдавали в аренду и отдельные аулы

горной Чечни. Плата везде взималась с головы скота, поэтому с целью увеличения доходов в общественные суммы скота принимали больше, чем это диктовалось размерами и состоянием пастбищ, что приводило к их истощению – земля буквально вытаптывалась скотом.

Малейшего повода для обвинения в укрывательстве абреков было достаточно, чтобы царские администраторы приняли крутые меры к жителям селений на арендованной земле. Это была тяжёлая кабала, которую вынуждено было принимать горское население из-за своего безвыходного положения. Положение горцев на арендованной земле осложнялось целой системой ограничений и дополнительными тяготами. Всем жителям этих селений необходимо было иметь особое поручительство от своего общества (откуда переселялись), а также поручительство казака станицы, в юрте которого располагался войсковой запасной участок. Эти небольшие селения должны были за свой счёт содержать чинов администрации. Жители селений на арендованной земле делали денежные платежи и выполняли подводные повинности в старых обществах, членами которых они считались. Все эти расходы повышали стоимость аренды нередко в два и более раз, что следует учитывать при определении расходов горского населения на аренду земли. Земля сдавалась в аренду, как правило, на срок до 5 лет, по истечении которого нужно было заключать новый арендный договор, обращаться с прошениями к начальству (при аренде казённой и войсковой земли), что требовало и времени и расходов¹⁹⁰.

Завоевание Северного Кавказа совпало с реформами в России. На Кавказе, в ходе земельной реформы, вопрос собственности был ключевым. Империи необходимо было конфисковать чеченские земли и превратить их в казённую государственную собственность, а это можно было сделать только под благовидным предлогом (дабы избежать волнений и кровопролитий) – путём ликвидации остатков высших сословий, которые могли мобилизовать общественность. Также для выполнения этой задачи требовалось подтверждение существования только традиционной общественной собственности. В связи с отсутствием потомственных землевладельцев, некому было бы выставить в частном порядке претензии государству по поводу экспроприации и конфискации собственности – вся земля объявлялась собственностью государства и уже раздавалась за заслуги по интересам оногo. Колониальная политика царской администрации основывалась на праве победителя (захватном праве). В связи с этим вся земля бесцеремонно объявлялась казённой, а

население имело только возможность пользоваться ею на определённых условиях. Все общественные земли и так называемые «земли, впусе лежащие», а также недра и воды переходили в государственную собственность, а их исконные владельцы могли только арендовать эти земли у колониальной администрации. На захваченных землях царские власти создавали казачьи станицы, русские переселенческие посёлки, полигоны, казармы, военные города, отводя им лучшие земли и львиную долю оросительной воды¹⁹¹.

Страх перед непредсказуемыми последствиями массового расселения горцев на арендованной земле заставлял администрацию области идти на репрессии против горцев. Так, в 1890 г. начальник Терской области генерал Каханов потребовал выселить всех временно проживающих горцев на арендованной земле на старые места, т.е. обратно в горы. В 1895 г. распоряжение генерала Каханова выполнили. Села и хутора горцев были уничтожены. Сами горцы под конвоем были высланы в прежние места проживания. Так были уничтожены хутора Берешки (7 дворов), Мершет (17 дворов), Нижние Берешки (11 дворов), Алхасты (5 дворов), Нижний Аршти (27 дворов), Верхний Бамут (27 дворов). Жителями уничтоженных хуторов были чеченцы и ингуши, они проживали на арендованных землях Нестеровской, Ассиновской и Фельдмаршальской станиц. Комиссия, которая выселяла горцев с арендованной войсковой земли, составляла акты. Видимо, инициаторы, вдохновители и исполнители репрессий хотели придать «законный» характер очевидным беззакониям¹⁹².

Чеченская частная собственность на землю

Частная собственность, по праву, считается индивидуальной и поэтому, в принципе, неприкосновенной перед властью захватчика. Человек имеет свою сферу индивидуальной свободы, относительно которой он перед государственной властью является суверенным¹⁹³. Юридический стержень общинного права, составляет право отдельного лица, а не общины, как массовой единицы. В 1877 году правовед С.В. Пахман разъяснял: «... всякая община, как корпорация, преследует в своей сфере те же цели, какие свойственны самому государству: подобно последнему, она имеет своей задачей осуществление всех необходимых условий благосостояния членов»¹⁹⁴. Следовательно, и частные лица и община, представлявшая совокупный интерес индивидов, были, прежде всего,

заинтересованы в сохранении их прав от посягательств как отдельных лиц, юридических организаций, так и государства (представителя множества частных интересов). Существовали и некоторые юридические «лазейки», используя которые государство манипулировало правами своих новых граждан. Если термин «сельское общество» понимался как административная единица, в которую входили отдельные поселения, то у этого общества не могли быть целиком в пользовании земли, т.к. сюда входили и отдельные отсёлки, сёла и хутора, принадлежавшие по праву частной собственности отдельным фамилиям. Если под «сельским обществом» понималось отдельное поселение, принадлежавшее какой-то фамилии, то оно существовало на праве собственности, однако его ещё надо было доказать, причём документировано¹⁹⁵.

В большинстве случаев границы аульных земель и участков, состоящих в исключительном владении частных лиц, были известны населению. Об этом положении дел было известно и областной администрации. Частные лица, требуя закрепления за ними земель, представляли, как доказательство справедливости их претензий то, что земли, о которых они просят, издавна считаются их родовой собственностью. И как писала одна из земельных комиссий: «...К сожалению домогательства многих из туземцев увенчались успехом»¹⁹⁶. Сулейман Чуликов обращался к командующему войсками Терской области князю Д.И. Святополк – Мирскому с таким прошением: «Родной мой отец бывшей царской службы поручик Чуликов в 1809 году вывел из гор несколько именитых горцев: покоривши их, он поселился на правой стороне Терека против станицы Ищёрской, Моздокского полка. Назван был Чулик – Юрт..., мой отец имел в собственном владении тот аул и принадлежавшую к нему часть земли, называемой Бено – Бёром, на которой он занимался ежегодно сенокосом и жители всегда повиновались ему как владельцу аула.... Будьте столь милостивы, не откажите в исходатайствовании к вышеозначенному участку земли письменного документа на потомственное владение оной». С такими – же прошениями обращались к властям и другие влиятельные чеченцы¹⁹⁷. По ходатайству наместника на Кавказе и согласно утверждению Кавказского комитета в вечное и потомственное владение Чуликову было пожаловано 400 десятин земли. Также землю получили и некоторые другие чеченцы, приближённые к российской власти: Джамалдин Мустафинов – 400 десятин; Касум Курумов – 579 десятин; Бота Шамурзаев – 585 десятин; Ахматхан Эльмурзаев – 470 десятин; Соада Саралиев – 400 десятин¹⁹⁸.

По общему указанному правилу «Положения об инородцах» – осёдлые инородцы сравнивались с россиянами «в правах и обязанностях по сословиям, в которые они вступят», их право собственности защищалось всей строгостью закона¹⁹⁹. Верховная власть, будучи сама источником закона, связана была им нравственно, а не юридически. Во имя государственной цели законный порядок нарушался самой же властью, с помощью указов, особых Положений; однако некоторые представители структуры управления считали такие действия аморальными по отношению к гражданам и не считали оправданным нарушение частного права – столпа экономического развития и политической стабильности. Действия государства оправдывались следующим образом: «...каждое имущество в государстве, хотя и предоставляется исключительно господству одного лица, всё-таки может и должно служить целям государства, а как цели и интересы государства выше интересов отдельных лиц, то право сих на имущество должно быть ограничено, на сколько того требуют общественные интересы»²⁰⁰. В азиатских государствах не было собственности, носившей печать личной, исключительной власти на землю и воду, а было право пользования, на практике носившей общественный характер. Такую же систему решено было ввести и на Северном Кавказе, что входило в противоречия с давними историческими традициями повсеместного пользования частными правами.

Земли у горцев всегда служили предметом гражданского оборота: купли–продажи, залога, дара. Следовательно, такое владение заключало в себе все элементы права полной собственности, указанные в российских законах, т.е. – владение, пользование и распоряжение. Посягательство на пашню, луг или сад коренного жителя Кавказа, было равносильно посягательству на его личную свободу. Для полного сближения обычного права горцев на землю с правом собственности на основании общегражданских законов (ст. 420 и 423. Т.Х. Ч.1. Свод зак. изд.1900 г. право на имущество) недоставало, следовательно, лишь формального момента укрепления его за фактическим владельцем в порядке, установленном гражданскими законами. «...Обычное право горцев на землю тождественно по содержанию с общеимперским правом поземельной собственности» – считал наместник на Кавказе граф Воронцов – Дашков²⁰¹. Также он высказал своё мнение императору во всеподданнейшей записке, где говорилось о желательности предоставления земли на праве собственности горцам, т.к. только тогда «землеустроительные цели будут достигнуты»²⁰².

Начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов считал необходимым: те земли, которые находятся во владении частных лиц, закрепить на праве собственности за этими лицами, земли же аульных обществ признать собственностью этих обществ. Свистунов считал, что для всеобщего равномерного подворного распределения земли пришлось бы уничтожить обычное право, и, обратив все земли в государственную казну, распределить между населением. Но такое действие, по мнению начальника области, было бы незаконно и несправедливо, т.к.: 1) частные участки созданы с большими затруднениями и денежными затратами и нет основания лишать собственников их векового права; 2) с уничтожением обычного права собственности, положение большинства населения ухудшится и подорвёт доверие к правительству²⁰³. Само правительство поддерживало в населении уверенность в вотчинных правах на родовые земли и даже «Высочайшее повеление» о расчищении из – под леса участков земли последовало в смысле признания за жителями прав собственности на эти участки. Проект по сохранению права земельной собственности, составленный Свистуновым, был признан в Тифлисе неприемлемым²⁰⁴. Возражения начальника Главного управления наместника на Кавказе, генерал-лейтенанта Старосельского Свистунову заключались в следующем: а) Проект допускает возможность перехода всех лесов в общинное владение, или в частную собственность – что недопустимо; б) Межевание всех участков, отходящих в частную собственность, составит слишком обширный труд и затормозит дело на долгие годы. Разногласия привели к тому, что вопрос о поземельном устройстве жителей Нагорной полосы продолжал оставаться без движения до 1885 года. Предварительная межевая съёмка закончилась в 1905 году²⁰⁵.

В 1906 году приказом главнокомандующего Кавказским военным округом от 18 апреля, в городе Владикавказе была образована Комиссия для исследования правового и экономического положения Северного Кавказа. К работе в этой комиссии не были допущены горцы. Собственником земли комиссия считала казну, указывая, что у горцев земли никогда не было, и что они её не желают. Комиссия предположила, что меньшинство владеет землёй, но не имеет права на её недра, только – на поверхность. Высказываясь против права собственности горцев на землю, комиссия утверждала, что укрепление собственности на Кавказе – совершенно излишняя формальность. По мнению членов комиссии, тот факт, что население регулярно платило подати государству указыва-

ет на то, что жители фактически признали право государства на землю. Однако, в решениях Сената за № 74/146, 71/1080, 72/261 говорилось, что подати не могут устанавливаться за казной собственности²⁰⁶. Подымная подать не входила в оброк на землю – на этом основании земля не могла считаться казённой²⁰⁷. На Кавказе гражданами Российской империи становились все жители присоединённых территорий, хотя в первые годы система налогообложения там не была введена. Закон о гражданских правах, принятый в 1866 году в США, в число граждан включал лишь индейцев, облагаемых налогами²⁰⁸.

На рубеже XIX -XX вв. С.В. Витте, хотя и без особого успеха, доказывал, что «сближению инородческих племён с русской народностью мешает создание без крайних необходимостей каких бы то ни было новых поводов к недовольству»²⁰⁹. При обсуждении земельного вопроса в Совете министров представитель наместника на Кавказе (графа Воронцова – Дашкова) напомнил, что при присоединении Кавказа его народам было обещано сохранить право собственности на находящиеся в их владении земли, причём горцы считали землю своей и продолжали совершать сделки купли – продажи. Однако большинство министров отвергло ссылки на давние обещания, преследовавшие, по их мнению «...главным образом политические цели...»²¹⁰.

В условиях аграрного кавказского общества, сложившейся социальной стратификации и традиционного права собственности на землю, основанного на трудовой заимке, давности владения, праве сильного, отсутствовало понятие юридического оформления собственности на землю. Это давало возможность Российскому правительству, опираясь на военную силу, объявить предгорные и плоскостные земли Северного Кавказа казёнными, но при этом официально не отрицались права коренного народа на эти земли.

Размещение на территории горских народов военных крепостей и казачьих станиц, дарование крупных участков земли в частную собственность отдельным представителям местной феодальной знати, усиливающееся малоземелье, проникновение и рост товарно – денежных отношений стали побудительными причинами для горской элиты о постановке вопроса перед Кавказской администрацией о выдаче документов на законное (с точки зрения Российского законодательства) владение принадлежавших им земель. Администрация, обещая узаконить собственность, постоянно откладывала решение вопроса, создавая для этого различные комитеты и комиссии²¹¹.

Таштемир Эльдарханов, работавший в 1898 году учителем в Грозненской горской школе, избирался членом I и II Государственной думы от малых народов Терской области: чеченцев, ингушей, кабардинцев и кумыков. В своих выступлениях он разоблачал царское правительство, незаконно расхищавшее природные богатства, принадлежащие горцам, и требовал, чтобы это расхищение было остановлено. После возвращения в Грозный, Эльдарханов подвергся преследованиям со стороны царской власти. В Терской области ему было запрещено заниматься педагогической деятельностью, и он вынужден был покинуть родину и переехать в Баку, где стал преподавать в городском училище²¹². Горькая правда, высказанная простым чеченским учителем с самой высокой государственной трибуны, отражала реальность. К сожалению, в ходе земельной реформы все частные права 200000 чеченского населения были попорчены – земля их, почти повсеместно, за небольшим исключением, стала казённой. Более того, не только земли, но и недра (полезные ископаемые) и воды стали собственностью государства. Захват земли происходил двумя способами: с помощью экспроприации и в результате конфискации.

Экспроприация и конфискация чеченских земель

Что же такое экспроприация? Экспроприация – это принудительное действие государства, направленное на приобретение для общей пользы частных имущественных прав или их ограничение. Экспроприация не может быть предпринята в выгодах отдельных лиц. Она составляет исключение из общего, признанного всеми законодательствами начала, по которому частные лица вправе распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению. Экспроприация производится во имя государственных интересов, поэтому экспроприантом является само государство, в лице правительственных органов²¹³. В Чечне, в ходе земельной реформы помимо экспроприации имущества, когда частично собственность была возвращена владельцам, как, например, чеченские князья были вознаграждены земельными участками, повсеместно осуществлялась конфискация частной земельной собственности у рядовых чеченцев. Основное правило экспроприации состоит в том, что она должна совершаться для общественной пользы и за справедливое вознаграждение. Иначе – это конфискация, которая составляет нарушение права, несовместимое с

правильным гражданским порядком. Верховное право собственности переходит в полную собственность, как скоро оно не встречается с частным правом. С устранением частной собственности вещи переходят в собственность государства.

Ещё в середине XVIII столетия в России было утверждено главенство гражданского закона. Наказ от 30 июня 1767 года гласил: «Когда для пользы общей потребна земля, частному человеку принадлежащая, то не должно тут поступать, по строгости закона государственного, но сей случай есть тот, в котором должен торжествовать гражданский закон, который материнскими глазами взирает на каждого особого гражданина так, как и на целое общество. Если польза общая требует, чтобы один участок земли, принадлежавший человеку частному, был у него взят, то должно сему человеку в убытке сделать удовольствие»²¹⁴.

Теория неприкосновенности прав частной собственности находит своё удовлетворение в полном и справедливом вознаграждении собственника за обязательное отчуждение. Политическая экономика доказывает, что принцип отчуждения надо искать не в смутных определениях общественного блага, но в том, что видоизменения, в существующих определённых частными правами отношениях собственности, составляют неизбежное условие общественного развития²¹⁵. Всякое отчуждение частного земельного имущества на государственную или общественную необходимость, должно было заканчиваться составлением межевого плана, по межевым законам. Всё что уже было отчуждено, не могло возвратиться бывшему владельцу по частям. Он мог только поставить вопрос о недостаточности денежного вознаграждения²¹⁶.

На Кавказе, при назначении частным лицам вознаграждения из казны за имущество, отошедшее на государственные или общественные нужды, соблюдались правила, изложенные в учреждении управления Кавказским краем (изд. 1886 г.). Кавказская администрация почти всегда определяла самостоятельно стоит ли вообще выплачивать компенсацию за отчуждаемое имущество, и в каком размере это делать. Например, после постройки Военно-Осетинской дороги местным жителям не было выплачено вознаграждение за отчуждённые земли, т.к. руководство считало, что эта дорога была гораздо более необходима населению, чем казне. В тех же случаях, когда земля уступалась для других, менее важных для населения задач, государственное вознаграждение выплачивалось. Так, 7 тыс. рублей казна заплатила за землю, отведённую под Аллагирский завод²¹⁷.

На основании ст.387 тома X гражданских законов России: реки, озёра, пруды считаются принадлежностью земель и, следовательно, подобно всем другим предметам на её поверхности и в недрах (минералы, нефть) не представляют собой особого предмета собственности. Реки несудоходные, пруды могут быть или частными или общественными. По праву полной собственности на землю, владелец, на основании 424 ст. X тома гражданских законов России, имеет право на воды, находящиеся в пределах его земли. По ст.428, если река составляет границу между прилегающими к ней владениями, то каждый из владельцев может ею пользоваться по береговому праву, от своего берега до середины реки. Определение права собственности на проточные воды включает в себе определение такого же права на ложе, русло или берега. Под понятием о реке подразумеваются 3 составные части: вода, русло, берег²¹⁸. Российский закон признавал право частной собственности на проточные воды, за исключением судоходных рек, которые являлись собственностью государства. При этом ограничения распространялись и на полосу земли, идущую по берегу около судоходной зоны.

Хотя река Терек и не являлась судоходной, однако она, в обход российского законодательства, стала государственной собственностью. Право ловли рыбы принадлежало Терскому казачьему войску на особых основаниях. Морские воды Каспия стали общим достоянием Терского войска, земли при реках и воды были распределены между офицерами и казачьими станицами²¹⁹. По вопросам о проводе оросительных каналов через чужие владения российские законы не давали указаний²²⁰. Вопрос о проведении воды через чужие владения сводился к общим вопросам об ограничении права собственности правами участия общего и частного и об экспроприации в государственных и частных интересах²²¹.

Частное право у чеченцев существовало с незапамятных времён. Н.С. Иваненков, исследуя вопрос землевладения в горной Чечне, где традиционные формы сохранялись лучше, пришёл к выводу, что землевладение у чеченцев издревле было частным²²². Особенно ценилась плодородная равнинная земля, которую получали в собственность путём расчистки её из – под леса. Случаев массового переселения в горы по экономическим мотивам не знает история Кавказа. Во все эпохи горцы пользовались удобным случаем для переселения на равнину, или, как говорят на Кавказе, на плоскость. Всё это противоречит представлению о том, что горские народы ещё в глубокой древности чуть ли не добровольно обрели себя на вечное пребывание в горах и будто бы никогда не

меняли своего места жительства и даже не стремились к этому²²³.

Государственная комиссия, назначенная для решения земельного вопроса в Терской области, также подтвердила существование частной земельной собственности, как в чеченских горах, так и на равнине. Старший советник Абрамов сообщал: «В Нагорной полосе, в пределах Грозненского округа, существует частная собственность. Сельские общества сами признают так называемые родовые потомственные участки за частную собственность». Его слова подтвердил и старший советник Попов: «В чеченских селениях разрешена была купля – продажа, даже и посторонним лицам, земель, причём утверждение подобных сделок возлагалось на горные суды»²²⁴.

В XVIII – XIX веках у горцев на Кавказе существовало 2 типа собственности: частная, которая была господствующей и общинная. Частная была представлена 2 подтипами: феодальной, которая также была господствующей и трудовой собственностью рядовых общинников²²⁵. Часто владельцы земли отдавали безземельным крестьянам в аренду пахотно – посевные земли и пастбища²²⁶. По мнению Е.А. Борчашвили, у вайнахов в конце XVIII – перв. пол. XIX вв. частная собственность занимала господствующее положение. Он устанавливает наличие в Чечено – Ингушетии следующих форм собственности на землю: феодальную, частно – индивидуальную собственность на трудовую землю, сельско – общинную и общинно – удельную. Частное право на землю существовало у чеченцев очень давно. Древние римляне особенно уважали право, приобретённое незапамятной давностью²²⁷. Исследователь Кавказа в XIX веке Лонгворт утверждал: «Ограда составляет здесь единственное доказательство на право владения». Таким образом, огораживание участков являлось одновременно одним из оснований возникновения собственности на землю. Впоследствии земельные участки стали передаваться по наследству, чем окончательно закреплялся их статус. Чеченец Бики, один из первых поселенцев Харачоя, состоял в земельном споре с зилоевцами, который был разрешён состязанием в скачках. После решения спора Бики написал на камне время скачки и указал место, разграничивающее пастьбу, – озеро Чархи – ам. Камень этот он положил в одну из стен своей башни, над дверьми²²⁸.

Появление земельной собственности повлекло за собой становление арендных отношений, что особенно получило развитие перед Кавказской войной. Землю в Чечне покупали и продавали, что также является косвенным доказательством наличия частной земельной собственности

до установления русской власти. По обычаю, во всех чеченских селениях требовали от продавца, чтобы он сначала предложил родственникам купить землю. Если они не соглашались на это, то продавец вправе был продать участок лицам своего же села. Во времена имамата Шамиля, по шариату разрешалось продавать землю кому угодно²²⁹.

При совершении купли–продажи земли записей не делали. Это и послужило главным «козырем» в руках царской администрации, которая считала, что раз нет «бумаги» – значит и нет доказательного права на владение землёй, а это значит, что в Чечне нет частных собственников, всю землю можно считать общинной и конфисковать в пользу государства. Кавказские знаки собственности, как заменяющие письменные акты укрепления прав на имущество, имеют такое же юридическое значение, как и сами акты, а, следовательно, упомянутые знаки являются юридическими в полном смысле этого слова. Гербы, обладая свойствами знаков собственности, также во многом заменяли собой документальные акты²³⁰. Исследователи также давно обратили внимание на клейма (тамги), которыми пользовались кавказские народы для того, чтобы отличать лошадей и рогатый скот, принадлежавший разным хозяевам. Тамги ставили вместо подписей и печатей под документами. Тамги являлись показателями частной собственности. Н.Н. Харузин записал в 1886 году сведения о бытовании тамг у чеченцев и ингушей. Рисунки чеченских и ингушских тамг, по словам Харузина «...крайне разнообразны: некоторые имеют вид круга, креста, другие начальные буквы владельцев...»²³¹. В ходе Кавказской войны Шамиль вознаграждал землями в Чечне за боевые заслуги, причём имам выдавал документальные свидетельства на частное владение земельными участками. Так, Шамиль–Хаджи Ума Эльджиёв владел участком земли в 630 десятин, подаренным его отцу имамом Шамилём²³².

В далёком прошлом в Чечне было проведено что–то вроде земельной реформы. Границы между частными участками проводились тогда торжественно, с выполнением обрядов и «принесением тяжёлых клятв». По преданиям, записанным И.М. Саидовым, в бывшем Галанчожском районе (1961 г.) и в Джераховском ущелье (1962 г.) любому человеку хорошо была видна и строго соблюдалась священная граница земельного владения каждого собственника. Когда чеченцы по указам своих старейшин межевали землю, то на землях тёмного цвета ставили в качестве межевого знака белый камень, а на землях светлого цвета – чёрный камень²³³. На символических знаках собственности отражалась известная степень народной

культуры. С установлением российской административной системы на Северо – Восточном Кавказе чеченцы не могли доказать царским чиновникам свои права на землю, так как не имели юридически оформленных документов. Так, например, начальник Веденского округа объяснял исследователю Н.С. Иваненкову, что у чеченцев нет собственности. Свое мнение он прокомментировал, заявив: «А какие у них документы?»²³⁴.

Чеченцы, соглашаясь с адатом и шариатом, землю продавали, давали, отдавали в качестве приданого, оставляли в залог, отбирали в качестве штрафа, не фиксируя свои действия на бумаге, действовали в системе устного права²³⁵. Женщины по обычному праву (адату) не могли приобретать землю, но по шариату женщина была полноправна в этом отношении с мужчиной. Поэтому, в период имамата, когда предпочтение отдавалось шариату, некоторые женщины получили свои участки земли. С началом купли – продажи земли появилось и право полной частной собственности на землю²³⁶. Кто уходил из общества на время, тот закладывал землю. Когда же уходили навсегда, то продавали её.

Царская администрация запрещала продажу земель как посторонним для общества лицам, так и лицам одного рода. Свои разъяснения по этому поводу дал правительствующий Сенат России: «Приобретшим имущество от лица, которому таковое не принадлежало (нет документов на владение), не признаётся собственником, а является незаконным владельцем. То общество, чьё имущество приобретено от лица, кому оно не принадлежало, способом, в законе дозволенном, не делает владение приобретателя законным»²³⁷. Ввиду того, что российское законодательство было распространено на Северо – Восточном Кавказе только во второй половине XIX века, все сделки, осуществлённые в предыдущие века, оказывались, следовательно, незаконными.

На владение общинной земельной собственностью не требовалось документов, как это было с частным землевладением. С введением российского юридического права, чеченские земли стали именоваться «общественными». Российскому правительству, естественно, было выгоднее иметь дело не с частными лицами, с которыми, в результате государственной конфискации земель могли начаться судебные разбирательства, а с сельскими обществами, фактически не имевшими юридических прав. Иски общественных организаций к государству не могли рассматриваться в юридическом порядке – вся земля являлась государственной, и общины ею пользовались «по праву временного владения», сроки и условия которого заявлялись государством.

Деморализация и разорение стали естественным результатом отсутствия в крае твёрдо установленного права собственности. У земли отняли хозяина. Это обстоятельство стало большим тормозом не только для экономики региона, но и для культурного развития страны. Разрушение традиционных структур общества ради достижения рациональной общественной организации не принесло ожидаемого благополучия. Произошло отчуждение человека от истории, распадение связи времён. Обычай сопутствует развитию человечества, выполняет регулятивные функции в человеческих обществах и группах в целях упорядочения отношений между людьми, если обычай нарушается, то наступает хаос²³⁸.

Среди управляющих Кавказом чиновников были лица, понимавшие несправедливость уничтожения кавказских обычаев и нарушение частных прав граждан Российской империи. В 1907 году И.И. Воронцов – Дашков в своём отчёте императору указывал на пагубные последствия уничтожения института традиционных частных собственников на Кавказе. Вот как наместник сформулировал своё мнение: «Право собственности на землю составляет краеугольный камень экономического развития населения, и нарушать его, хотя бы в интересах фиска, невозможно. Добросовестное продолжительное владение, по нашим законам, приравнивается к собственности на их земли, когда вперёд известно, что они не в состоянии это сделать, было бы недостойным русского правительства. В земельной политике нашей стало преобладать стремление образовывать, для обеспечения удовлетворения будущих нужд государства, возможно больший земельный казённый фонд, в общем, не оправдала возлагавшиеся на неё надежды и в то же время развращала сельское население, отучая его уважать право чужой собственности. Я говорю о необходимости предоставления прав собственности населению областей военно-народного управления. Для этого необходимо заменить выдаваемые ныне населению “отводные” записи на “владенные”»²³⁹.

Рассмотрим вкратце стратиграфию сельской общины чеченцев. Необходимо заметить, что община пореформенного периода значительно отличалась от той, которая существовала у чеченцев в дореформенный период. В неё входили только свободные члены, которые, однако, по своему социальному положению были неравноправны. Так были «тоьялла нах» – сильные люди, «юккьера нах» – средние люди и «лахара нах» – «низкие люди». Основную массу аульной общины составляло среднее сословие. В социальную прослойку в то время ещё входили и люди, которых называли «лай, леш» (раб, рабы), хотя они и не были

рабами в полном смысле этого слова. Они являлись домашними работниками хозяина, ухаживающими за скотом, выполняющими полевые работы. Эта социальная прослойка создавалась веками из военнопленных или беглых²⁴⁰.

Сельская община была основной экономической ячейкой, земле-распределительным органом. Она следила за нравственностью своих членов, обеспечивала защиту селения, взаимопомощь и идеологическое единство²⁴¹. Достижение 40-45 летнего возраста знаменовало переход мужчины в социальный возраст старших и обретение им права заседать в общинном совете старейшин, решавшем самые важные для общины задачи²⁴². При важном значении военно – демократического устройства в жизни общества, когда каждая община являлась военной единицей, представлявшей особое народное ополчение, или же когда потенциально каждый член общины имел право участвовать в вооружённых конфликтах, политическая активность рядовых общинников оставалась достаточно высокой. В этом отношении показательно, что чеченцы, для того, чтобы ещё резче выразить своё равенство «...называют себя витязями или воинами». При данных обстоятельствах рядовые общинники не были безответной массой перед лицом классовой политики общинной верхушки. Они сами оказывали, в известной степени влияние на неё. В свою очередь как старшины общин и их союзов, так и военная общинная аристократия вынуждены были согласовывать свою политику с интересами народа²⁴³.

Чеченский тукхум – это своего рода военно–экономический союз определённой группы тейпов, – не связанных между собой кровным родством, но объединившихся в более высокую ассоциацию для совместного решения общих задач защиты от нападения противника и экономического обмена. Тукхум означает в переводе «семья, яйцо». Совещательным органом тукхума был Совет старейшин, который состоял из представителей всех тейпов, в него входивших²⁴⁴. По отношению к угрозе извне общество вынуждено было не только организовывать свою защиту и устраивать союзы, но также прославлять своё единство, связь и отличительные черты. Политическая власть внутренне присуща всякому обществу: она заставляет уважать основывающие её правила²⁴⁵. В родовом обществе культ предков составляет опору власти, люди пожилые используют его, чтобы сдерживать требования независимости со стороны младших. Превосходство и субординация там устанавливаются соответственно полу, возрасту, генеалогической ситуации, специализа-

ции и личным качествам. Родовая сегментарная система проявляется как особая комбинация политического и административного действия в структурах формально определённых пределами происхождения по одной линии. Исследователь Д. Истон констатирует, что необходимо «... рассмотрение каждого рода как независимой политической системы, а соперничество между родами, как проявление внешних отношений»²⁴⁶.

Не существует ни одного общества, где бы правила автоматически уважались. Сверх того, всякое общество, реализующее приблизительное равновесие, уязвимо. Начиная с момента, когда социальные отношения выходят за рамки отношений родства, устанавливается между индивидами и группами более или менее явное соперничество, каждый стремится направить действия коллектива в сторону своих особых интересов. Власть (политическая) проявляется вследствие этого как продукт соперничества и как средство его сдерживания. Развал общины, подрыв семейных методов труда и авторитета старших сказывались на сплочённости коренных жителей.

В результате втягивания Кавказа в орбиту русского капитализма, под влиянием административно-судебной политики русского царизма сельская община из кровнородственной стала превращаться в соседскую²⁴⁷. В пореформенный период в сельской общине чеченцев, как и у других горских народов Северного Кавказа, происходили существенные изменения, связанные с изменением состава самих общинников. Так, например, появилось деление на коренных жителей и пришлых, а управление общиной было взято под контроль царской администрацией, стремившейся сохранить общину, как податную единицу, в новых условиях, приспособив её к ним, чтобы задержать процесс классового расслоения²⁴⁸. Во главе сельских общин царской администрацией были поставлены старшины, которые или избирались народом, или назначались властью. Должность писаря обычно выполнял мулла, т. к. он зачастую был самым грамотным человеком в селе²⁴⁹.

Горцы, в результате проведённой царизмом реформы, были наделены землёй не по числу жителей в каждом селе, а по дворам – подымно. «Искусственно созданный платёжный дым, – писали “Терские ведомости”, – повлёт и искусственное распределение земли при переделах. Так дым, имеющий одного работника или пять, получают земли поровну. Община начинает понимать несоответствие количества земли с числом лиц дыма, но до сих пор не дошла до мысли распределять и подати и земли настоящих работников. Незнание общиной своего права распре-

делять подати и влияние богатых лиц, которым подымное распределение доставляет большие выгоды, всё ещё задерживает справедливое распределение земли и подати»²⁵⁰.

В силу сложившейся несправедливости распределения земли и взимания налогов, каждое лицо стало требовать от общины (её руководства) в пользование участок на равных с прочими членами. Однако в данном случае сельская община только играла роль землемера, межевщика и сборщика налогов (с помощью круговой поруки), которую ей поручила областная администрация, она не могла проявить в этом вопросе свою инициативу, т.к. не обладала для этого необходимыми правами.

На протяжении веков у горцев существовал обычай, по которому пастбищные угодья являлись общиной собственностью, а пахотные, усадебные и покосные земли были на правах частной собственности²⁵¹. В чеченских сёлах, до установления российских порядков, строго говоря, не было общественного пользования землями в том смысле, как это существовало в поселениях государственных крестьян во внутренних губерниях России. Здесь пользовались сообща пастбищами, выгонами и лесом, а пахотные места распределялись между жителями для постоянного пользования и переходили по наследству из рода в род. Никаких переделов земли не полагалось, что и вызвало крайнее возмущение местного населения в связи с перераспределением земель в чеченских округах в ходе земельной реформы²⁵².

При обилии земли в переделе необходимости нет, однако в связи с тем, что равнинные чеченские земли были заняты Терским казачьим войском и на Кавказ прибыло довольно большое число русских переселенцев, государственная необходимость перераспределения земель существовала. При общинном землевладении постоянно перераспределяющиеся земельные участки не давали утвердиться частной форме собственности, что серьёзно тормозило сельскохозяйственное развитие региона²⁵³. Фактически, на Северном Кавказе было практически полностью уничтожено старое частновладельческое (родовое) пользование землёй, а общинная собственность стала занимать главенствующую позицию²⁵⁴. Понятие о земельном обществе, как субъекте права, не было утверждено законным порядком. Зачастую регламентировались обязанности сельской общины, но не её права. С юридической точки зрения общинное право могло существовать без круговой поруки и наоборот. Но зачастую члены общины об этом даже

не догадывались и выполняли все возложенные круговой порукой на них обязательства²⁵⁵.

Правовед Г. Пахман признавал субъектом права как общину, так и отдельных крестьян. Однако Сенат субъектом права признавал только общину, но не её членов. По его мнению, права членов общины – были дарованы им сельским обществом (юридическим лицом). 11 декабря 1891 года в решении за № 7343 правительствующего Сената, постановили, что «..только члены общества мужского пола имеют безусловное право требовать от общества обязательного допущения их к участию в пользовании мирским общинным наделом»²⁵⁶. Право собственности общины ограничивалось – она могла продать наделную землю лишь при согласии 2/3 числа её членов и с разрешения правительства, но не могла её заложить. Правила передела общинной земли были введены лишь с 1893 года. Закон не считал нужным до этого времени прибегать к подробному регламентированию внутренних отношений крестьян при общинном пользовании землёй.

Сущность общинного или общественного владения, как определил его Сенат 16 марта 1887 года, заключается в следующем:

- 1) полным хозяином общественной земли является общество: оно ею распоряжается;
- 2) отдельным физическим лицам принадлежит лишь право владения и то в ограниченном миром пределе;
- 3) без согласия мира никто не может уступить постороннему лицу своего права участия в общем владении;
- 4) число членов общества, участвовавших во владении, не есть нечто постоянное, но изменяется.

В отличие от общинного, при подворном наследственном пользовании отдельному домохозяину отводился участок раз и навсегда определённой величины, облагаемый известным количеством податей и повинностей²⁵⁷.

В ходе возникавших земельных споров и по другим вопросам, сельская община не могла обратиться в суд с иском, т.к. хоть и считалась юридическим лицом, но не обладала необходимыми документами. Частные земельные владельцы, по крайней мере, получали от государства официальный документ на владение землёй, с номером приказа и топографическим планом их земельного участка²⁵⁸.

Установление фискально-податного порядка

Установление фискально-податного порядка было направлено, прежде всего, на получение дохода от налогового сбора. Основным признаком вхождения территории в состав государства являлось не завершение военных действий, а начало сбора податей с населения вновь присоединённых территорий, призыв на военную службу и т.п. Но введение любых денежных сборов провоцировало народное возмущение, поэтому Главнокомандующий Кавказской армией в 1859 году торжественно объявил, что «...Россия навсегда оставляет туземцев свободными от повинностей, обязательных для каждого гражданина в отношении общего для всех отечества, т.е. платежа каких-либо податей или прямых налогов и от службы в армии». Однако российское руководство, обманув ожидания населения, приступило к постепенному введению налоговой системы. Первоначально горцы были привлечены к отбыванию только натуральных повинностей. К числу натуральных повинностей, исполняемых населением Терской области, относились:

- 1) Содержание в исправности дорог, мостов, плотин. Постройка новых объектов.
- 2) Проведение и ремонт оросительных каналов.
- 3) Содержание лошадей для разъезда земской полиции по делам службы.
- 4) Арестантско-этапная повинность.
- 5) Снабжение квартирами разных чинов военной службы, а также проходящих воинских частей.
- 6) Содержание аульных старшин, депутатов участковых судов и милиционеров. Каждый милиционер обходился сельскому обществу в сумму от 60 до 120 рублей в год. Данная сумма распределялась между сельскими жителями, в среднем, на 1 двор приходилось 2 рубля 25 копеек сбора²⁵⁹.
- 7) Предоставление помещений для воинских учреждений.
- 8) Обеспечение продовольствием за установленную плату проходящих нижних воинских чинов.
- 9) Отопление и освещение квартир и помещений, отведённых для военнотружущих.
- 10) Выделение войскам мест под лагеря и манёвры, а также снабжение их во время лагерного расположения.

11) Отвод пастбищ для лошадей, принадлежащих проходящим и постоянно квартирующим войскам.

12) Предоставление земель в городах и селениях под огороды для линейных батальонов и инвалидных команд.

13) Поставка подвод для передвижения войск.

14) Содержание почтовых станций²⁶⁰.

Особенно тяжким бременем ложились на население эти повинности во время войны, например, русско–турецкой. Тысячи солдат и офицеров двигались через Кавказ в Османскую Порту, и каждого из них надо было приютить, обогреть и накормить.

В Терской области также взимались с населения земские сборы. Причём расходы на государственные и местные земские потребности удовлетворялись в казачьих регионах частично из государственного земского сбора, частично из войсковых сумм, а частью из сумм Государственного казначейства, направленных на содержание Кавказской армии. В горских же районах земские потребности удовлетворялись только за счёт самого населения. Горцам, в отличие от остального населения области, кредитов по означенной смете не отпускалось. Данная система налогообложения вводилась как временная, но просуществовала она довольно долго, постоянно продлеваемая Госсоветом. Помимо прямых земских сборов, существовали ещё и дополнительные – с торговых документов и питейных патентов, которые шли на сооружение дорог, мостов и другие цели²⁶¹.

В России земские учреждения были созданы в 1864 году, а в Терской области население было обложено земскими сборами с 1866 года, хотя самих земских учреждений там не существовало. Для того чтобы земства стали функционировать на Северном Кавказе, необходимо было местных князей в официальном порядке приравнять к русскому дворянству. Данное высшее сословие и играло бы ведущую роль в земствах. Но этого сделано не было. С установлением земских институтов самоуправления был бы положен конец «инструкционному способу управления» Северо – Восточным Кавказом, когда для данного региона создавались «особые» законодательные положения, не вписывавшиеся в общероссийский кодекс законов. В большинстве случаев эти «региональные» законы составлялись самими кавказскими чиновниками–военными, зачастую не имевшими юридического и даже высшего образования, и они принимали решение лишь только потому, что они лучше были ознакомлены с бытом и нравами управляемого ими населения. Введение

земства в Терской области означало бы конец самоуправству чиновников. Общероссийское законодательство полноправно распространилось бы на данный регион. Однако местные бюрократы опасались потери своей абсолютной власти и докладывали в вышестоящие инстанции, что горцы ещё не готовы к принятию земской системы²⁶².

В Терской области действовало специальное положение «О мерах для удержания туземного населения Терской области от хищничества и, в особенности, от всяких насилий против лиц не туземного происхождения». Согласно этому «правовому акту» вводилась коллективная ответственность горских селений даже в тех случаях, когда «...следы движения самих преступников, или похищенных, или угнанных ими лошадей или скота будут доведены до юртового надела туземного поселения на расстоянии не далее одной версты от его околицы и там окажутся затерянными или забытыми...». При этом размер компенсации для потерпевшей стороны определялся «...по усмотрению начальника области и наказного атамана, с утверждения командующего войсками округа и с добавлением ...расходов по розыску виновных». Яков Абрамов, председатель специальной комиссии, занимавшейся изучением земельного вопроса в Терской области, писал: «Суммы, выплачиваемые туземцами в силу круговой поруки, превосходят во много раз всякие подати и налоги, платимые населением. Круговая ответственность положительно разоряет туземцев»²⁶³.

Функционирование налоговой системы в имамате Шамиля

Налоговая система действовала и в имамате Шамиля во время Кавказской войны. Первое известие о взимании налогов мы встречаем в 1836 году, когда «...Шамиль обязал жителей содержать от каждых 10-ти дворов во всегдашней готовности по одному вооружённому человеку, с платежом от каждого двора по 1 рублю в год». Но это ещё только налог на содержание муртазек. Позднее этот налог вырастает уже в обложение хлеба. Например, в Чечне «...Шамиль сначала покупал хлеб по вольной цене, потом назначил таксу, невыгодную для чеченцев, и, наконец, стал собирать хлеб без платы, с каждого двора в виде подати». Если мы вспомним специализацию различных районов имамата, то для нас станет ясным, что налоговая система державы Шамиля в основном была

построена на эксплуатации Чечни или, вернее, чеченского крестьянства. Дагестанец – скотовод или садовод платил несравненно меньше чеченца–хлебопашца. Чечня, традиционно являвшаяся житницей, давала главную часть налогов имамата Шамиля.

Помимо этого проводились и чрезвычайные сборы. Так, например, в декабре 1841 года Шамиль, готовясь к летним операциям, заготавливал продовольствие, «...собирая с каждого двора покорных ему жителей по две, а иногда и по три сабы пшеницы». А в начале марта «...в аулах и в хуторах Большой и Малой Чечни собирали с каждого двора по 20 фунтов хлеба, набрав, таким образом, до 5000 мерок». Эти чрезвычайные военные сборы, разумеется, очень тяжело отзывались на хозяйстве крестьянина–горца, в то время как аульская верхушка сравнительно легко находила способы ускользнуть от обложения. В сороковых годах XIX века, общее демократическое направление политики имамата привело к отмене, наряду с зависимыми отношениями, и феодальной налоговой системы. Другим источником, из которого черпал свои средства имамат, было отчисление в казну 20% военной добычи. Однако этот источник не был постоянным и надёжным. Уже в начале 1850-х гг. он начал резко сокращаться, да и добыча не всегда попадала в казну имамата, а присваивалась наибами²⁶⁴.

Введение «подымщины» в Терской области

«Подымщина» – система налогообложения, налог с «дыма» (дома), действовала в России с IX века по XVIII век (1724 г.), а затем была заменена подушной податью²⁶⁵. Впервые понятие «дым», то есть двор, или «семейство, доколе оно имеет нераздельное хозяйство», появилось в 1843 году. Обложение денежной податью горского населения правительство считало своей главнейшей задачей на Северном Кавказе. В 1865 году Главнокомандующий Кавказской армией, посетив Терскую область, принимает решение об обложении горцев денежной повинностью: «...Усилия администрации к водворению Гражданственности и порядка между туземным населением увеличилось в короткий срок столь блестящими результатами, что я нашёл туземцев уже готовыми принять денежную повинность – размер которой и объявил им лично. Совершившееся минувшим летом, в примерном порядке, переселение в Турцию значительного числа чеченцев доказывает прочность оснований, на

которых держится в области спокойствие и безопасность. Ныне я лично убедился, что действительность превзошла все мои ожидания»²⁶⁶.

С 1 января 1866 года все горские племена Терской области должны были вносить государственную денежную подать «...в размерах, особо определённых для каждого племени, сообразно степени его материального благосостояния». В первый год чечено – ингушский народ заплатил 68 тыс. рублей подымной подати, а к 1889 году эта сумма возросла до 93 тыс. рублей²⁶⁷. Чеченцы выступили против подымного сбора. Они считали его незаконным, наложенным вопреки первоначальным обещаниям, данным царским правительством в период прекращения Кавказской войны. В глазах многих чеченцев подымный сбор являлся ещё какой-то контрибуцией или данью. «Если заплатили сейчас столько, следующий раз потребуют ещё больше» – говорили они²⁶⁸.

На 9 марта 1866 года в 8 округах Терской области оказалось 48665 семей, обязанных выплачивать государству денежные подати. Но в то же время начальник Терской области предполагал, что при составлении переписи населения около 3000 семей горцев не были учтены. Местное население было обеспокоено введением новых налогов и зачастую скрывало от переписчиков истинное число дворов, людей в своём селе. Так, например, в 1873 году в Чеченском округе официально насчитывалось 13695 дымохозяйств, хотя их было на самом деле больше указанного числа.

Платёжной единицей являлось сельское общество. Причитавшаяся сумма взималась круговой порукой и не подлежала изменению, впредь, до составления нового камерального описания. Установление подымных окладов, где податной единицей служил не предмет дохода – земля, а двор, или дым, таило в себе возможность произвола, несправедливого и неравномерного обложения. Общества должны были вносить подать и за те семьи, которые фактически не пользовались землёй по бедности или по другим причинам²⁶⁹.

В 70-80-е годы образование новых дымов происходило значительно быстрее, чем раньше. К 1889 году число дымов в Чеченском округе возросло до 19688. Таким образом, за 16 лет образовалось почти 6 тыс. новых дымохозяйств, или около 44% от числа прежних. Новые усадьбы были невелики и редко превышали 500 кв. сажень, но это не задерживало процесса выделения хозяйств, так как доход от пая в несколько раз превышал подымную подать, и поэтому многосемейным было невыгодно пользоваться таким же паем, как и малосемейным. Отсюда возникло

стремление многосемейных общинников делить наделъную землю не по платёжным дымам, а по числу наличных работников²⁷⁰.

В 1897 году в городах: Грозном, Владикавказе, Кизляре, в которых также жили чеченцы – взамен подымной подати был введён налог с недвижимого имущества. Казачье население области никакими подушными или другими денежными сборами не было обложено. Казаки обязаны были лишь обеспечивать проходящие войска, рекрутские партии, переселенцев квартирами и подводами, поэтому вся тяжесть налогового гнёта ложилась на горцев.

Деньги, собранные с горцев, шли в основном на содержание областного управления. Денежный земельный оброк, установленный на Кавказе, превышал аналогичный оброк для крестьян в Европейской России. В 1871 году отпуск государственных средств на удовлетворение местных потребностей в Терской области был прекращён²⁷¹. Интересным является тот факт, что в Терской области была введена именно подымная подать, а не государственный земельный налог. Дело в том, что выплата государственного земельного налога давала праву владельцу на частную земельную собственность, а подымная подать предполагала плату за аренду земли у государства. Хотя, по неоднократным разъяснениям Правительствующего Сената, получение казной оброка само по себе не служило ещё доказательством прав казны на землю²⁷². До 1901 года, когда подымная подать была заменена государственной оброчной податью, в которую входила и аренда за землю, лица, претендовавшие на земельные участки в качестве собственников, нигде, никаких ходатайств об освобождении их от платежа подымной подати или замене её государственным земельным налогом не подавали. Только с 1901 года высшие сословия стали требовать обложить их не оброчной податью, а государственным земельным налогом, как частных земельных собственников. В связи с тем, что окладные листы на подымную подать составлялись на всё сельское общество без исключения, т.к. земля лиц высшего сословия входила в земельный надел всего общества, то при обложении оброчной податью, автоматически снова всё сельское общество было обложено новым налогом. Представители высших сословий Терской области стали подавать судебные иски о признании за ними права собственности на их земли, но все они проигрывались. Представитель казны заявлял на суде следующее: «.. земли эти казённые и находятся в пользовании отдельных лиц, уплачивающих за это оброчную подать, куда входит и аренда, а, следовательно, они не являются частной собственностью»²⁷³.

Военная реформа

Вопрос о введении всеобщей воинской повинности на Кавказе возник во второй половине XIX века. Однако многие кавказские руководители ещё опасались брать на службу и вооружать своих недавних противников, поэтому вместо обязательного призыва мусульман Северного Кавказа в русскую армию, был введен денежный налог. На протяжении почти всей своей истории русская императорская армия представляла собой многонациональную вооруженную силу, которой командовал еще более космополитичный офицерский корпус. Численность, влияние и обширная сфера деятельности армии делала ее одновременно и ключевым социальным институтом, и инструментом возможной политической интеграции. Характерные черты имперской политики, формировавшей отношения между русским и нерусским населением страны, особенно ярко проявлялись в специфической области военной политики царизма, включая практику несения воинской повинности, развертывания войск, подготовки и пополнения офицерского корпуса и территориально-административного деления России. Все это зачастую было связано со спорами вокруг военной доктрины и с ведомственным противоборством как в самой армии, так и между министерствами – военным, внутренних дел и финансов²⁷⁴

Структуру общества больше всего затрагивали те действия власти, которые регулировали пополнение личного состава или рекрутирование войск. Рекрутская система была введена еще при Петре I и предусматривала пожизненный срок службы. В 1793 г. срок службы рекрутов сократился до 25 лет, в 1834 г. – до 20 лет и после Крымской войны составлял уже 12 лет²⁷⁵. Приходится с горечью констатировать, что уникальная смешанная система России, созданная трудом и кровью многих поколений разложилась и исчезла к середине XIX века. Казачьи войска все более стали приближаться к тактике действия регулярной конницы. Регулярную армию сначала попытались заменить на поселенческие войска, а потом полностью, не оставив никакого боевого профессионального ядра, превратили в кадровую военную организацию, в «вооруженный народ», а фактически в неподготовленное к войне ополченческое войско. Само «государственное ополчение», созываемое на службу в случае войны, служило уже необходимым «пушечным мясом», т.к. после 1812 года никто серьезно его в боевом отношении не готовил²⁷⁶.

Традиционная для России обязательная служба, исключавшая наймы и вербовку (предмет особой гордости), постепенно превращалась в ненавистную для народа «рекрутчину», «повинность», рутину, в которых постепенно погасли как высокая идея служения Родине, так и самобытное русское военное искусство. В течение 100 лет, с 1700 года по 1799 год, для комплектования армии было взято 2 271 000 рекрут, что составляло ежегодно 22 700 человек. Если считать ежегодный прирост населения даже в 2 %, то и в таком случае окажется, что армия бесповоротно вырывала у населения каждый год около 1/3 вновь прибывших работников. Еще более тяжелым оказалось для населения начало XIX века, потому что за время с 1802 по 1815 г. было взято около 2 160 000 рекрут, что составляло 41 % мужского населения в призывном возрасте от 20 до 35 лет.

На протяжении большей части XVIII в. рекрутскому набору подлежали, прежде всего, русские крестьяне. Однако по мере того, как империя расширяла свои границы по всем направлениям и тем самым включала в число своих подданных нерусское население, имперские власти чувствовали себя уже достаточно уверенными в лояльности некоторых нерусских народов и постепенно, в качестве опыта, распространяли на них воинскую повинность. С 1722 г. на военную службу должны были призываться черемисы, мордва и татары, а с 1737 г. и башкиры. Военные власти империи с большой осторожностью включали в ряды вооруженных сил присоединенное и завоеванное население, они были более склонны инкорпорировать нерусскую знать в состав офицерского корпуса²⁷⁷. Таким образом, обессиливая свыше меры необходимого рабочее население государства и значительно уменьшая его производительную силу, армия в то же время с каждым годом требовала от него все больших и больших материальных жертв на свое содержание²⁷⁸. А ведь сила и победоносность армии основывается не на милитаризации общества, а на внутреннем богатстве страны, на преобладании мира над войной, а качества над количеством войск²⁷⁹.

На протяжении XVIII – XX веков на содержание армии и флота ежегодно тратилось от 40 до 70 % расходной части государственного бюджета (не считая чрезвычайных расходов на военные программы и войны). Несмотря на это, периоды гражданского и внешнего мира не были долговечными (каждый век – 18-20 больших и малых войн), а армия была далекой от идеала качественной вооруженной силы,

способной обеспечить безопасность России. Главная причина такого состояния заключалась в легкомысленном и безответственном использовании войны как средства великодержавной политики, не учитывающей возможности и способности страны. Большинство войн, в том числе и две мировые, велись неподготовлено (да еще и на кредиты и займы), армия обучалась уже в ходе военных действий и страна несла в связи с этим большие материальные и людские потери. Большинство войн, за исключением отражения прямых агрессий (1812г), велось ради малопонятных для народа великодержавных целей и затевались как будто специально для того, чтобы максимально ослабить Российскую империю. Крымская и Кавказская войны перед всем миром продемонстрировали военное бессилие и необходимость реформ²⁸⁰.

Модернизация армии и флота

Начало военным реформам 60-70-х гг. XIX в. положил доклад царю Александру II от 15 января 1862 г., подготовленный военным министерством во главе с Д.А. Милютиным. Окончание реформ связано со смертью Александра II и выходом в отставку Милютина в 1881 году²⁸¹. Военная реформа рассматривалась как составная часть реформирования социальной и политической системы, начавшегося вслед за освобождением крестьян. Реформаторы желали модернизировать армию, учитывая как состояние вооруженных сил континентальных государств Европы, так и логические последствия Положения об освобождении крестьян 1861 года. Военная реформа должна была распространить воинскую повинность на новые этнические группы населения, вошедшие в состав Российской империи²⁸².

1874 год вошел в историю как год введения всеобщей воинской повинности. 1 января 1874 года рассмотренный общим собранием Государственного совета Устав о воинской повинности был утвержден Александром II, а также подписан специальный по этому поводу манифест. В Уставе было разъяснено, что «1) Защита престола и отечества есть священная обязанность каждого русского подданного. Мужское население, без различия состояний, подлежит воинской повинности; 2) денежный выкуп и замена охотником не допускаются... 10) поступление на службу по призыву решается жребием, который вынимается

однажды на всю жизнь; 11) к жребию призываются ежегодно молодые люди которым, к 1 января того года, когда производится набор, минуло 20 лет от рода...17) Общий срок службы в сухопутных войсках – 15 лет, из них 6 на действительной службе и 9 в запасе; 18) общий срок службы во флоте 10 лет (7 и 3 года)»²⁸³. Во всех как германских, так и австрийских газетах был напечатан текст Устава и помещены обширные статьи, комментировавшие это событие. Французская газета «Le Temps» подробно освещала вопрос о введении в России всеобщей воинской повинности²⁸⁴.

В результате проведенного реформирования от действительной воинской службы в мирное время освобождались медицинские и ветеринарные врачи, фармацевты, преподаватели высших и средних учебных заведений, а также учителя народных школ и штатные воспитатели. Все они на 15 лет зачислялись в запас. Воспитанники средних и высших учебных заведений вынимали жребий наравне с прочими, но поступление их в войска, в случае желанья, отсрочивались до окончания получения образования. В армию брали юношей с ростом, не ниже 2 аршин и 2, 5 вершка²⁸⁵. Льготы по роду занятий предоставлялись лицам следующих категорий: полностью освобождались от воинской службы священнослужители всех христианских вероисповеданий, а также псаломщики, окончившие курс в духовных академиях и семинариях²⁸⁶. Правительство не сочло целесообразным предоставлять освобождение от военной службы священнослужителям мусульманского и иудейского вероисповеданий. Свое решение оно обосновывало тем, что у евреев и мусульман на духовные должности избираются люди только зрелого возраста, не нуждающиеся в такой льготе²⁸⁷.

Мусульманские народы Северного Кавказа и Туркестана, а также финны были освобождены от воинской повинности. Действовала также отсрочка по имущественному положению и по роду занятий. В тех местностях Кавказского края, где скотоводство составляло главную отрасль производства, разрешалось откладывать, не более, однако, как на один год, поступление на службу лиц, непосредственно заведующих принадлежащими им стадами. Количество скота, дававшего право на отсрочки, определялось: в Терской области командующим Кавказским военным округом и войсковым наказным атаманом казачьего войска. Удостоверение в принадлежности имущества выдавалось местной полицией²⁸⁸.

Заемствование европейского опыта военных реформ

В Российской империи военная реформа проводилась после тщательного изучения западноевропейского опыта в этой сфере. Большое внимание изучению зарубежного опыта управления войсками уделяли М.И. Драгомиров и Д.А. Милютин. Так, основываясь на личных впечатлениях от заграничных поездок по странам Западной Европы, Д.А. Милютин в своих воспоминаниях неоднократно отмечал отсталость России в сравнении с Западной Европой и полезность использования военного опыта зарубежных стран. Высказывая свои предположения по поводу порядка организации армии на условиях всеобщей воинской повинности, он пишет: «Мы лишены прочного основания, на котором могли бы построить полный план мобилизации, сколько-нибудь похожий на прусский. Тем не менее, необходимо, во что бы то ни стало предпринять работу, хотя бы приближающую к немецкому образцу»²⁸⁹.

Прусская армия в мирное время насчитывала 150 тыс. человек; в случае необходимости она увеличивалась до 500 тыс. человек. Содержание ее поглощало не более $\frac{1}{4}$ части государственных доходов. Все мужчины, достигшие 20-ти лет, подлежали военному призыву. Прусская армия делилась на отделы: 1) Постоянная армия. Служебный срок определялся 21-25 годами, т.е. составлял 5 лет; но действительная служба продолжалась лишь 3 года, остальные 2 года проводились в резерве, на родине, с обязательством вступить в ряды армии при первом требовании. Для пехоты служба длилась лишь 2 года. Военнослужащие для постоянной армии или набирались или же шли служить добровольно. Добровольная служба продолжалась обычно 1 год. Доброволец сам себя содержал и одевался за свой счет, но получал от казны оружие, приборы, пользовался также квартирой или квартирными деньгами. 2) Ландвер первого призыва состоял из людей, способных к службе, но не поступивших в регулярную армию (25-32 лет), и предназначался для подкрепления армии в случае войны. 3) В ландвере второго призыва служили люди, вышедшие из ландвера первого призыва, по истечении 39 лет. Ландверы второго призыва собирались только в случае войны и предназначались преимущественно для гарнизонной службы. 4) Отделение ландштурм включало в себя всех людей, вышедших из ландвера (до 50-ти лет) и всех взрослых мальчиков (от 17 лет). Ландштурм собирался по провинциям только во время войны, в крайнем случае, по «особому повелению Короля», и тогда уже, когда неприятель вступил в прусские владения.

Опыт западных стран широко применялся при реорганизации органов военного управления в России. Многие из прусского опыта построения вооруженных сил было использовано в русской армии²⁹⁰. В то же время по требованию Александра II устройство Генерального штаба Российской армии было осуществлено по французскому образцу. Не смотря на влияние европейского опыта и использование его на практике, многое было изменено в ходе военной реформы применительно к местным условиям, на основе многовековых традиций, что способствовало созданию нового в военном деле²⁹¹.

Всеобщая воинская повинность способствовала укреплению связей между народами, населявшими просторы Российской империи. Многонациональный состав призывного контингента требовал от органов военного управления соответствующей работы по обеспечению политической благонадежности инородческого элемента, что вызывало необходимость учитывать некоторые особенности национального менталитета в армии. Как подчеркивалось военным министром Куропаткиным, в связи с призывом 26,6 % представителей неславянских народностей, перед вооруженными силами стоит задача сделать их в течение 4-х лет «вполне надежными во всех отношениях, преданных Царю и Великой России»²⁹².

В результате проведенного реформирования российской армии было сделано следующее: создана массовая армия, состоявшая из кадрового состава и резерва (в военное время численный состав армии увеличивался втрое, не прибегая к формированию новых частей и соединений); вместо рекрутских наборов введена всеобщая воинская повинность, установлены новые сроки воинской службы; устранена излишняя централизация в управлении войсками, повысилась оперативность в руководстве ими; создана новая система организации войск; утверждена военно-окружная система, сформированы 15 военных округов; в боевой подготовке возрождены принципы А.В. Суворова; повышен уровень подготовки офицерских кадров в военно-учебных заведениях; начато перевооружение армии²⁹³. Подвергается переоценке роль и место офицеров в обучении и воспитании подчиненных. В условиях сокращения службы потребовались более активные воспитательные усилия. Если ранее эти задачи решались в основном младшими командирами, то теперь эта роль отводилась офицерскому составу.

Существовавший ранее порядок комплектования армии на основе рекрутских наборов, создававший благоприятные условия для процве-

тания системы откупа от службы, приводил к тому, что служить шли далеко не самые лучшие элементы общества. Введение всеобщей воинской повинности позволило улучшить качественный состав призывного контингента. Из войск было уволено немало людей, неблагополучных в моральном отношении, склонных к различного рода нарушениям и преступлениям. «От такой перемены, – указывал военный министр Д.А. Милютин, – армия наша много выиграла»²⁹⁴.

Введенная в 1874 году всеобщая воинская повинность благотворно отразилась на морально психологическом климате в войсках. Появилась возможность уменьшить строгость наказаний без опасения нарушить дисциплину и порядок в армии. Суды стали давать достаточно много оправдательных приговоров, в том числе и в отношении нижних чинов. Анализ судебной практики в 1872-1880 гг. показывает тенденцию к смягчению приговоров за такие нарушения воинской дисциплины, как преступления, связанные с нарушением воинского чинопочитания и подчиненности. Увеличение числа оправдательных приговоров свидетельствовало о стремлении государственного и военного руководства при рассмотрении дел в полковых судах обеспечить принцип справедливости в отношении нижних чинов. Работа полковых судов способствовала повышению уровня правовой защищенности простого солдата, объективно подталкивала строевых командиров к более тщательной, аргументированной позиции в случае привлечения подчиненных к судебной ответственности.

Важно также отметить, что сразу же после введения всеобщей воинской повинности потеряла свою остроту проблема побегов, значительно сократилось количество военнослужащих, переводимых в разряд оштрафованных. Статистические данные показывают, что число бежавших из армии в 1872-1875 гг. уменьшилось по сравнению с 1867-1869 гг. почти в 2 раза. В этот период уменьшается количество военнослужащих, привлеченных к уголовной ответственности; продолжался процесс сокращения и числа телесных наказаний, что свидетельствовало о постепенном отказе от «палки», как главного средства поддержания дисциплины. Если в 1872 г. к смертной казни, к каторжным работам или к ссылке были осуждены 137 нижних чинов, то в 1880 г. был вынесен 61 подобный приговор. После 1881 г. в условиях контрреформы, потребовавшей более жестких мер, общее количество осужденных за проступки стало постепенно увеличиваться²⁹⁵.

Положение российских мусульман после проведения военной реформы

С введением военной реформы башкиры наравне со всеми стали проходить военную службу в обычных воинских частях. В самом начале проведения реформы администрация края выразила опасения, что башкиры отрицательно отнесутся к всеобщей воинской повинности. Поводом к этому послужил слух, будто бы «...башкиры в привлечении их к обязательной воинской службе усматривают посягательство на их религиозные убеждения и верования, а также попытку пересоздать сложившийся на основании этих верований внутренний строй их жизни». С целью предотвращения возможного сопротивления коренного населения, уфимский губернатор Щербатский поручил мировым посредникам при содействии волостных старшин и приходских мулл разъяснять башкирам «истинные намерения правительства, внушить им мысль о высокой справедливости начал, положенных в основание воинского Устава»²⁹⁶. Исламские проповедники указывали на то, что «Российское государство настолько милостиво к мусульманам, что оно уравнило мусульман с русскими во всех правах без исключения. Мусульмане полностью равны с русскими, будь то в военной службе, в чиновничьей работе, в научных положениях, в поступлении в учебные заведения для получения знаний»²⁹⁷.

Муфтий, как глава мусульман России старался уберечь своих прихожан от нарушения не только религиозных, но и светских (государственных) норм. Когда мусульмане Казанской губернии старались уклониться от несения воинской повинности, так как их семьи при этом лишались средств к существованию, муфтий обращался к ним с проповедью. Наставление муфтия Габдрахимова должно было убедить прихожан в необходимости несения службы в Российской армии. У мусульман-призывников вплоть до 1917 года практиковалось членовредительство, хотя это и противоречило религиозным догмам. Поэтому наставление муфтия было составлено в виде увещевания простых граждан, где основной акцент делался на религиозное запрещение наносить себе какой-либо вред. В силу того, что должность муфтия зависела от воли царского правительства, он не давал никаких разъяснений по поводу законности службы мусульманами христианскому самодержцу в православном государстве. Видимо, предполагая, что такой вопрос стоит перед каждым мусульманином, он пишет следующее: «...всякий мусульманин должен

быть доволен судьбой, должен терпеливо и безропотно переносить посылаемые Аллахом несчастья»²⁹⁸.

Принятые меры дали блестящий результат. Башкиры не только перестали уклоняться от воинской повинности, но и «совершенно безропотно, а иные даже с охотой, явились в призывные участки и поступили в войска, если кому выпадал такой жребий». Необходимость жеребьевки вызывалась тем, что ежегодному призыву подлежало гораздо большее количество людей, чем требовалось для комплектования армии и флота. Так, в Оренбургской губернии в призывные списки 1874 года было внесено 7 484 человека, из них для нужд армии и флота понадобилось всего лишь 1 506 человек. В Уфимской губернии в армию была призвана лишь пятая часть годных к военной службе.

Итоги и уроки военного реформирования

Подводя итог проведенной в Башкирии военной реформы, можно сделать некоторые выводы.

1. Военная реформа способствовала распространению грамотности среди населения края, т.к. предоставляла льготы для лиц, окончивших учебные заведения. Они служили от 4 лет до 6 месяцев, в зависимости от полученного образования.

2. Лица допризывного возраста, а также лица, имевшие образование, могли поступить на военную службу «вольноопределяющимися» и отбывать ее на льготных началах. Тем самым открывался доступ к офицерским званиям.

3. Военная реформа облегчала комплектование армии и ускоряла ее мобилизацию на случай войны.

Но были у реформы и свои недостатки.

1. Явка новобранцев на службу сопровождалась материальными расходами для семьи.

2. Плохо знавшие русский язык новобранцы не всегда понимали, какая льгота и на каком основании им полагается, им было в первое время весьма сложно общаться с сослуживцами и исполнять приказы.

3. Возраст новобранцев определялся в основном по внешнему виду, что приводило к включению в призывные списки лиц, не достигших призывного возраста или выбывших из него.

4. Женатые новобранцы по воинскому Уставу не имели права пользоваться льготой по службе, в связи, с чем их семьи попадали в бедственную ситуацию²⁹⁹.

После долгих обсуждений в правительственных кругах было решено временно не призывать горцев-мусульман Северного Кавказа в армию. Опасаясь брать кавказских горцев на воинскую службу чиновники приводили следующие аргументы: «...Горцы Северного Кавказа и Дагестана требуют гораздо более бдительного за собой надзора, чем мусульмане Закавказья, по взаимной их солидарности, основанной на долговременной общности их политических интересов»³⁰⁰. Также правительство опасалось, что в случае войны с Турцией и Персией, обученные военному делу в России горцы могут перейти на сторону своих единоверцев, не смотря на данную ими присягу³⁰¹. В связи со всеми этими доводами, наместник на Кавказе предполагал постепенно привлекать местных жителей к отбыванию воинской повинности, первоначально – на добровольной основе, в рядах особых частей.

Для разрешения этого сложного вопроса руководство пошло даже на крайне редкое для себя решение – дало возможность высказать по этому поводу своё мнение влиятельных горцев. 18 ноября 1883 года на особое совещание были приглашены представители Терской области: Арцу Чермоев, Кайсун Анзоров и др. Горцы понимали величину своей ответственности и всю важность момента, поэтому в своих суждениях были очень осторожны. Они заявили, что прибыв в Тифлис по вызову администрации, а не по выбору народа, не получив от него полномочий, могут высказать только своё мнение. Вот что услышало кавказское руководство: « Вопрос о введении воинской повинности сводится к вопросу о разрешении переселяться всем, не желающим ему подчиниться, в Турцию. На остальных эта повинность должна распространяться без всякого изъятия из общего Устава. Если Правительству неужгодно это будет, то будут большие волнения»³⁰². Однако кавказским руководством было принято другое решение этого вопроса, более прибыльное. По закону № 5741, от 28 мая 1886 года инородческое население Кавказа было привлечено к отбыванию воинской повинности. Однако для мусульман было сделано исключение – вместо исполнения воинской повинности натурой, с них взимался особый денежный сбор в доход государственной казны. По этому же закону все инородцы, находившиеся на действительной военной службе, а также их семьи – освобождались от государственных, земских и общественных

денежных сборов. Сами военнотружачие освобождались от натуральных повинностей. Интересно, что в этом привилегированном положении не оказались горцы, поступившие на службу «охотниками» – а ведь их было среди чеченцев подавляющее большинство, т.к. воинского призыва не существовало, а кадровых офицеров тоже было совсем немного. Таким образом, все чеченские всадники – служившие в разных российских полках, воевавшие на Кавказе, в Турции, а также милиционеры и стражники, наравне с остальным населением должны были нести все повинности и денежные сборы. По мнению правительства, это должно было «рублём» стимулировать население к стремлению введения на их территории воинской повинности³⁰³.

Освобождение чеченцев от несения воинской повинности

Летом 1887 года военно – налоговый вопрос получил окончательное решение. Чеченцев, как и других кавказских горцев – мусульман освободили от натуральной воинской повинности, заменив её денежным налогом³⁰⁴. 25 мая 1898 года императором было утверждено мнение Госсовета об отмене особого порядка отбывания личной воинской повинности, установленной для туземцев – не мусульман. С 1899 года в отношении отбывания повинности они были сравнены с коренным русским населением. Новобранцы из Терской области, назначавшиеся только в расположенные на Кавказе войска, стали распределяться и в сопредельные округа. По мнению руководства, это способствовало обрусению края³⁰⁵.

Служба чеченских добровольцев в армии Российской империи

Мусульмане Северного Кавказа были свободны от воинской повинности. Это, однако, не препятствовало их добровольному поступлению на военную службу, напротив, последнее всемерно поощрялось. Горцы-мусульмане Северного Кавказа служили в Собственном е.и.в. Конное, гвардейских и армейских регулярных частях, иррегулярных частях, казачьих полках Терского и Кубанского войск, причем, нередко достигая на этой службе высоких командных постов³⁰⁶. Особенно много горцев служило «охотниками» в Кавказских иррегулярных частях. Кавказские

иррегулярные части – военные формирования, временно создаваемые из коренного населения Кавказа в XIX в. на время военных действий и для обеспечения внутреннего порядка в Кавказском регионе. Руководство Кавказскими иррегулярными частями осуществляло Военное министерство, в составе которого они вошли в ведение Департамента военных поселений (1832-1857), Управления иррегулярных войск (1857-1867), Главного управления казачьих войск (1867-1917).

Во время русско-иранской 1826-28 и русско-турецкой 1828-1829 войн были сформированы милицейские подразделения (Аварское, Армянское, Горское, Грузинское, Дагестанское, Ингушское, Осетинское и др.), основная часть которых была распущена после завершения военных действий. В 1835 году российские власти образовали два полуполка (шесть сотен) из кавказских мусульман, горцев – Мусульманский и Кавказско-Горский. Первый просуществовал все царствование Николая I, а второй в трехсотенном составе был отправлен в Варшаву, где также себя очень хорошо показал. В 1860-62 гг. власти сформировали Терский конно-иррегулярный полк, Лабинский и Кубанский конные иррегулярные эскадроны. В 1865 году они были упразднены, а вместо них учреждены Кубанская и Терская милиции. В Терском конно-иррегулярном полку состояло двое мулл: старший и младший, впервые указанные как строевые чины. В 1868 году был отменен дискриминационный указ, по которому мусульман могли награждать орденом Свято Владимира IV степени только за военные заслуги. Теперь эту государственную награду они могли получать «за отличия по выборам дворянства и за выслугу в офицерских или классных чинах 35-ти лет»³⁰⁷. Во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. временно из горского населения Кавказа на добровольных началах были сформированы 6 конных и 7 отдельных конных сотен, 3 конные и 3 пешие дружины. В конце XIX – начале XX вв. количество кавказских иррегулярных частей постепенно сокращалось, а наиболее боеспособные переводились на постоянную службу. В 1904 году были сформированы – Кавказская конная бригада и 2-й Дагестанский и Терско-Кубанский полки³⁰⁸.

После окончания Отечественной войны и завершения заграничных походов 1813-1814 годов принимается ряд важных законов, регулирующих духовную сторону службы мусульман в русской армии. В книге I части I высочайше утвержденного «Наставления Саперным батальонам» от 19 августа 1818 года определялось: «Магометан или всякого другого закона нижних чинов в церковь ходить не принуждать, а оставлять на их произвол». Через год, 10 июня 1819 года выходит высочайшее пове-

ление, согласно которому «нижние чины Магометанского закона в дни, совершаемые по их вере и обрядам особого Богослужения (трехдневного), должны увольняться для сего на показанное по их закону время, накануне тех дней». Эти две статьи Свода военных постановлений, по сути, положили начало толерантному отношению к религиозным правам военнослужащих-мусульман в регулярной армии.

30 апреля 1836 года выходит в свет именной указ Николая I «О производстве жалования по 100 рублей в год священникам иностранных исповеданий за исполнение треб в военных госпиталях», который послужил основой для привлечения мусульманского духовенства на службу в морское ведомство и военно-врачебные заведения. Также, именным указом Николая I от 10 августа 1842 года, объявленным командиру отдельного Кавказского корпуса «О производстве жалования Мулле, приглашенному в крепость Анапу, для отправления богослужения в Магометанской мечети», начинается череда указов о привлечении на государственную службу мусульманского духовенства на Кавказе.

В 1848 г., через Духовное собрание военные муллы предпринимают попытку добиться ношения религиозной формы одежды вместо солдатской униформы, а также бороды. Их предложения отклоняются³⁰⁹. В 1849 году увидел свет ряд законодательных актов о мусульманах в военном ведомстве. Высочайшим повелением от 5 марта «О освобождении содержащихся в арестантских ротах арестантов Магометанского и Еврейского исповеданий от работ для молитвы» впервые религиозные права для нехристиан начинают гарантироваться осужденным военнослужащим. Именным указом Николая I от 6 июля 1854 года утверждается порядок командирования мулл для исполнения духовных обязанностей между нижними чинами мусульманами, служащими в резервной кавалерии и в округах военного поселения³¹⁰.

В конце 1877 года в российской армии были учреждены штатные должности мусульманских мулл и имамов. Подчеркнем, что штатное военное духовенство, независимо от исповедания, пользовалось в Российской империи офицерским содержанием при лечении, пенсиях, столовых деньгах и всех прочих положенных выплатах. В 1879 году приказом по военному ведомству были внесены дополнения в правила о погребении скончавшихся военнослужащих-мусульман. В частности, разрешалось дополнительно к выделению для погребения холста покупать и доски «для обкладывания погребаемых, там, где, по влажности почвы и заявлению муллы это окажется необходимым».

Конец XIX – начало XX вв. явился переломным периодом в отношениях государства и мусульманского духовенства. После указа 1896 года об упразднении штатного мусульманского духовенства в войсках оно осталось лишь в Дагестанском конном и Крымском драгунском полках и на военно-морском флоте. В последующий период, особенно в начале XX века, штатное мусульманское духовенство в войсках будет возрождаться. В марте 1899 года утверждается положение Военного Совета, устанавливавшее единый размер окладов жалованья для всех категорий священнослужителей, состоящих на службе в военном ведомстве. Тогда же предписаниями по Московскому и Кавказскому военным округам, был установлен порядок представления к наградам иноверческих священников, занимающих штатные должности³¹¹.

Не смотря на совокупную тяжесть всей налоговой системы, чеченское население – казалось бы, самое «беспокойное и ненадёжное» исправнее других выплачивало все сборы, подати, регулярно исполняло повинности. Прежде всего, это говорит о порядочности и законопослушности этих людей, т.к. заставить силой выполнять эти обязательства у правительства просто не было возможности, в тот период времени. Даже в самые тяжёлые и трагичные годы, например, во время мощного восстания 1877 – 1878 годов, когда войсками были уничтожены целые сёла, угонялся скот, сжигались посевы – за подозрение в оказании помощи восставшим – областное руководство констатировало, что по крупнейшим чеченским округам: Веденскому и Аргунскому, денежные сборы поступают почти без недоимок³¹². Статистические данные показывают, что в Терской области из всех округов самые малые недоимки по денежным сборам в 1886 году были именно в трёх чеченских округах: Веденском, Аргунском и Грозненском. В Кизлярском округе недоимки составляли огромную сумму – 67594 рубля. В тот же год недоимки Веденского округа равнялись 65 рублям 9 копейкам. Рассмотрим таблицу недоимок по крупнейшим округам Терской области:

Округа	Недоимки	Недоимки	Недоимки	Недоимки
	1885 год.	1886год.	Уменьшились	увеличились
Грозненский	4146 руб.8коп.	7175 руб.10коп.		3029 руб.2коп.
Веденский	66 руб.29коп.	65 руб.9коп.	1 руб.20коп.	
Аргунский	149 руб.81коп.	154 руб.50коп ³¹³ .		

В 1887 году недоимки увеличились по Веденскому округу на 16 рублей 83 копейки, Аргунскому округу на 182 рубля 31 копейку, Вла-

дикавказскому округу на 11898 рублей 83 копейки и уменьшились по Грозненскому округу на 1630 рублей 77 копеек³¹⁴.

Не всегда денежные поборы, собранные у населения, доходили до казны, случались и злоупотребления. Чтобы установить законный порядок в обращении денежных средств начальник Терской области иногда устраивал проверки по налоговым сборам, посещая различные сельские общества вверенного ему края. И приходил, зачастую к неутешительным выводам: «При ближайшем моём ознакомлении во время объезда области, – писал он в одном из своих приказов, – я убедился, что в действительности отчётность эта, в виде шнуровых книг, изображает одну формальность, ни дающую никакого представления о том, сколько на самом деле взыскивалось с туземного населения денег, куда и на что они употреблялись. А между тем они составляли значительную сумму»³¹⁵.

После завершения Кавказской войны, руководство Российской империи, прежде всего, хотело восстановить те огромные средства, которые государство затратило в ходе присоединения непокорного края. Следующей задачей являлось получение от него значительной прибыли в виде налоговых сборов, разработки природных ресурсов, развития рынка сбыта товаров, установления плацдарма для ведения войн и развития торговых отношений с зарубежными странами.

По мнению командира Кавказского корпуса (в 1838-1843 гг.) генерала Головина, во время Кавказской войны ежегодно гибло до 30 тыс. человек, а шестая часть доходов Российского государства шла на ведение войны³¹⁶. Уже в 80-е годы XIX века Северный Кавказ становится прибыльным для Российской империи. Приведём для примера количество лишь нескольких видов денежных сборов. Денежный воинский налог, введённый в 1887 году, составлял для всего Кавказа сумму в полмиллиона рублей³¹⁷. Годовая сумма этого налога по Терской области составляла 38000 рублей³¹⁸. Только появились в послевоенной Терской области почта и телеграф, а уже в 1886 году в государственную казну поступило от их работы выручка на сумму 69980 рублей. А ведь содержание почтовых станций было целиком возложено на местное население и в этом немалом доходе большая часть приходилась на их труд³¹⁹. Мы уже не говорим о прибыльности подымного сбора и стоимости натуральных и земских повинностей – исполняемых полумиллионным населением. Богатейший Кавказский край начал вносить свою существенную лепту в государственную казну Российской империи. Таким образом, после окончания Кавказской войны финансовое положение края стало постепенно улучшаться. С 1863 по 1872 гг. доходы выросли на 75%.

Местный бюджет, составлявшийся отдельно от общероссийской росписи, постоянно показывал превышение доходов над расходами. В период с 1855 по 1881 гг. доходы превысили расходы на 7 млн. рублей³²⁰.

После окончательного включения Северо – Восточного Кавказа в состав империи привлечение горцев на военную службу стало носить самые разнообразные формы. Это была и местная милицейская служба, и создание национальных воинских частей в составе российской армии, и допуск отдельных представителей горских народов на службу в составе казачьих и регулярных частей. Весной 1844 года правительство России приняло специальное постановление о привлечении горского дворянства на службу в русскую армию. Особое внимание в нём уделялось воспитанию горской молодёжи в духе верноподданнического служения российскому престолу. С этого времени ежегодно по шесть детей кавказских дворян и князей определялись в 1-й и 2-й Павловские кадетские корпуса, в Александровский – двенадцать.

Подготовка офицерских кадров из горской знати становится одним из направлений российской политики в регионе³²¹. Опыт привлечения горцев к воинской службе первой половины XIX века демонстрировал властям готовность горцев служить российскому государству, показывал, что горцы на службе приносят реальные выгоды интересам российского государства³²². При этом корни чеченского офицерства – в старшинском и владельческом сословии. Так, отец одного из первых чеченских офицеров – Сулеймана Чуликова, в начале XIX века переселился в Притеречье с несколькими зависимыми семьями, где основал Чулик – Юрт на захваченных им свободных землях. Дед ротмистра У. Лаудаева владел землёй в горной Ичкерии, а, переселившись к Тереку, основал селение Ногай – Мирза – Юрт. Он и его сын пользовались в этом селе всеми правами владельцев и являлись старшинами. Капитан Ногаев происходил из семьи, владевшей землями возле Харачоя, а затем переселившейся на реку Мичиг. До восстания 1840 года проживавшие на их землях крестьяне платили Ногаевым такие же подати, какие выплачивали другие крестьяне надтеречным и кумыкски князьям. Предки ещё одного офицера – Ш. Ужиева некогда владели селением Гелдиген, пока не были изгнаны мюридами имама Шамиля. Феодалными владельцами были и князья Турловы, Бековичи – Черкасские, также традиционно служившие в русской армии³²³. В начале XX века некоторые чеченские фамилии уже дали для русской армии по два–три поколения офицеров. Так, сын генерала А. Чермоева – Абдул – Межид Чермоев, после окончания в 1901 году Кавалерийского

училища, проходил службу в Императорском конвое. С началом Первой мировой войны он вновь вернулся на службу и в чине штаб – ротмистра некоторое время воевал в составе Чеченского полка «Дикой дивизии»³²⁴. К началу Первой мировой войны большую известность в армейских кругах приобрёл генерал Ирисхан Алиев, выдающийся артиллерист, отличившийся в русско – японской войне, автор ряда учебников для офицерских школ. Он был уроженцем села Старые Атаги³²⁵.

История развития чеченского дворянско–княжеского сословия в советской историографии, в силу ряда известных причин, уделялось крайне мало внимания. Общественности, с помощью различных публикаций, навязывался образ демократического, бесклассового чеченского общества. Однако исторические события развивались несколько иначе. Потомственных дворян чеченской национальности перепись 1897 г. зафиксировала в количестве 118 человек. Почти половина из них (49,15%) проживала в г. Грозном (31 человек) и Грозненском округе (27 человек). Они были учтены в г. Владикавказе (23 человека) и Сунженском округе (31 человек).

Существенный вес, по сравнению с другими местными народами, в чиновничьем аппарате Терской области занимали чеченцы. Согласно результатам обработки материалов переписи, личных дворян и классных чиновников чеченской национальности было 3,09%. В горских школах был отмечен высокий процент дворян среди учащихся. Больше всего дворян среди учеников было в частных учебных заведениях Терской области. Мусульманская знать считала своим долгом содействовать распространению просвещения среди горцев и выделяла финансы на развитие горских школ. Уровень светского образования дворян Северного Кавказа был ниже, чем в целом по России. Депутаты дворянского собрания обратились к министру внутренних дел с просьбой допустить участвовать в делах собрания дворян, не имеющих высшего и среднего образования. Однако министр не дал согласия и предложил дворянским детям получить образование в столичных вузах. Дворянство ответило отказом, т.к. не имело для этого никаких материальных возможностей. Дворянское депутатское собрание лишь изредка оплачивало обучение детей обедневших дворян в местных учебных заведениях³²⁶.

Вайнахи в своём историческом развитии в той или иной степени прошли определённую стадию феодальных отношений; хотя последние, однако, серьёзно ограничивались или смягчались у них сильными общинными традициями³²⁷. В статье Э.В. Ртвеладзе «О походе Тимура на Северный Кавказ» на основе документальных данных убедительно показано, что в конце

XIV века в юго – восточной части Чечни, в равнинной Ичкерии, существовал улус, то есть феодальное государственное образование, известное под названием Симсим³²⁸. Чеченский этнографический материал говорит о далеко зашедшей классовой дифференциации среди местного населения³²⁹.

Общественный быт вайнахов, его историческое прошлое, народные идеалы отражены и в фольклоре. Среди персонажей сказок довольно часто встречается князь (эла), которого народ наделяет почти всегда самыми непривлекательными чертами: жестокостью, коварством, надменностью, злостью. Добрый герой сказки борется и побеждает его.

В чечено – ингушских песнях (илли) имеется богатый, более или менее конкретный материал, говорящий о местных и пришлых князьях, о приглашении или избрании князя с ограниченными правами, и о неоднократном свержении народом князей, ставших деспотами³³⁰. О некоторых князьях, владельцах имеются письменные сведения. Наиболее раннее упоминание о социальной дифференциации среди горцев находим у И.А. Гюльденштедта в его «Путешествии по Кавказу в 1770-1773 гг.». Он писал: «Некоторые немногие имеют независимых влиятельных князей, как, например, чеченцы, другие не имеют дворянства. Ныне живущий князь Арсланбек имеет на западной стороне Аргуна принадлежащие ему деревни. Князь Хасбулат убит чеченцами. Правящая фамилия называется Туркан»³³¹. Во второй половине XVIII века князья Турловы основывают селения Верхний и Нижний Наур. Старейшее надтеречное селение Старый Юрт основано в 1705 году кабардинским князем Давлет – Гиреем Бековичем – Черкасским. Позже, также князьями Черкасскими, основывается село Бамат – Юрт³³².

Дореволюционные историки не только приводили общие сведения о чеченских князьях, но и ставили в пример конкретных чеченцев, своих современников, которые принадлежали к привилегированным сословиям. Так, в работе П.Г. Буткова приводятся следующие чеченские владельцы: Ахмет – Хан, Али – Султан Казбулатов, Кучук Мурза Расламеков, Куденет Баматов, Асланбек Таймазов, Турлок Ахлов и другие потомственные влиятельные лица Чечни³³³. Не все феодалы могли претендовать на княжеский титул, большая часть их имела звание «юртанда», буквально «отец села, его владелец». Эта часть нахских феодалов обозначалась в российских источниках под титулом «мурза»³³⁴. По мнению российского правительства, «прямых и несомненных потомков прежних в Чечне князей», называют «князья», «эли» или «бии». Таких, к 1879 году администрация насчитала 10 семей, наделила их землёй и сохранила за ними их почётные звания³³⁵.

Строительство башенных комплексов связано со стремлением феодализирующейся верхушки горных общин держать под контролем территорию того или иного ущелья, общества или дорогу, имеющую важное хозяйственное или военное значение. При этом на территории Чечни на горные селения приходится не более одной завершённой боевой башни³³⁶. Найти князя для чеченцев было очень трудно. Выбрать авторитетных представителей из своих старых знатных родов по преданию, чеченцы опасались, ибо такой князь, используя княжескую власть и опираясь на многочисленных родственников, территориально близких ему людей мог постепенно перестать считаться со старейшинами – проводить одностороннюю политику в пользу своих и превратиться в деспота, а попытка освободиться от такого князя породила бы страшную междоусобицу. Приглашать князя из далёких стран тоже не хотели.

Имеются предания, говорящие о попытках выбрать князя, об избрании князя, о приглашении князей со стороны, об ограничении княжеской власти советом старейшин, о свержении князей, об изгнании князей, о расправе народа над некоторыми особенно жестокими князьями³³⁷. Многие говорят о том, что чеченцы ранее страдали от княжеского деспотизма, свергнутого ими в последствии. Феодалные повинности, которые представителями вайнахской феодалной верхушки навязывались крестьянам, состояли в основном из подати зерном, скотом и орехами, содержания господского скота с восстановлением всех видов падежа. Заготовка сена и строительного материала, пастушество, изготовление ремесленных изделий – лежали на обязанностях крестьян. Не довольствуясь этим, феодалы стремились захватить в личное владение общинные земли и низвести крестьян до положения крепостных. Чеченская устная традиция сохранила немало примеров того, как князья расправлялись с крестьянами³³⁸.

Борьба между нахскими обществами и княжеской верхушкой продолжалась на протяжении нескольких столетий и завершилась в середине XVIII века почти поголовным изгнанием или истреблением князей. Как гласит чеченское предание, князья стали сильно притеснять народ и как следствие, народ «совершил революцию», выгнал князей со своей земли и установил демократические порядки. Хотя «осколки» привилегированных сословий и остались в Чечне, но они пользовались своими правами наравне со всеми другими членами общества. Мелхистинцы свергли своего князя и решили больше не избирать князя, не приглашать его со стороны, и каждого, кто назовёт себя князем или захочет возвы-

ситься над остальными, лишать головы. Земля Чеберловского князя Саркая после его смерти стала общинной³³⁹.

После утверждения российской власти на Кавказе многие князья решили восстановить свои права с помощью новой власти, а также получить у правительства новые привилегии – дворянские. В Гражданском законодательстве Российской империи дворянство характеризовалось следующим образом: «Дворянское название есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая и самую службу в заслугу, приобрели потомству нарицание благородного. Благородными разумеются все те или от предков благородных рождённые или от монарха сим достоинством пожалованные»³⁴⁰. В России, во второй половине XIX века высшее сословие, во главе с императором, было военным. Чтобы попасть в высшее военное сословие, необходимо было получить соответствующее образование. Но в этой среде существовали серьёзные сословные ограничения. Например, право на определение в военные учебные заведения первого и второго классов (кроме кадетских корпусов) имели только дворяне, дети горских князей и первостепенных узденей, а также дети почётных мусульман Кавказского края. Однако письменные доказательства, заверенные российской стороной, на принадлежность к определённом званию, имели только дворяне. Такая же ситуация складывалась и при приёме на работу, и в других областях. Поэтому горцы стремились получить у представителей власти документы, законно утверждавшие их в российском потомственном дворянстве, заверявшие их княжеский статус. В конвой императора России также набирали горцев из почётных княжеских и дворянских фамилий «достаточного состояния»³⁴¹.

Горцы, считавшие себя потомками князей и биев, относившие себя к привилегированному сословию, стали добиваться путём ходатайств и даже в судебном порядке, признания за ними их сословных прав. Прежде всего, претенденты на дворянское достоинство добивались признания своих прав на землю. В конце – концов, сословное подразделение среди горцев Северного Кавказа в принципе было признано правительством, но это было сделано формально, законодательной санкции на это сословное подразделение не последовало³⁴².

В 1859 году штабс-капитан Базар Мамилов, по происхождению кистинец, аргументируя права своей фамилии на княжеский титул, в частности, говорил: «Кистиния всегда охранялась от неприятеля дружиною, собиравшейся по приказанию наших предков, и была всегда пред-

водительствуема нами же». Столь важная социальная позиция, занятая в обществе военными дружинами, и в первую очередь их предводителями, позволяла им контролировать «производственные отношения» на определённой территории³⁴³. У чеченских князей были свои фамильные печати с арабской вязью, что также подтверждало их высокий статус³⁴⁴.

В 1871 –72 годах в Терское областное правление поступило много заявлений от жителей Чечни, с просьбой подтвердить их принадлежность к высшему сословию в российском законном порядке. Так, например, житель села Верхний Наур, капитан Кучук Турлов, понимая, как важно для бюрократии документальное подтверждение, представил администрации удостоверение, выданное ему членами горского общества, для доказательства его княжеского происхождения. В своём заявлении Турлов писал: «Считаю себя потомственным князем, ходатайствую о признании потомственными князьями моих сыновей». Причём это был довольно тонкий подход к делу, ведь он не просил за себя, а только за сыновей, но, подтверждая в потомственном звании наследников, он сам автоматически становился российским дворянином. Отставной майор Арсланбек Таймазов из Брагунов ничего не просил, но утверждал: «Происходя от предков Князей, считаю себя Князем»³⁴⁵. Житель села Новый Юрт, Эльмурза Арсамеков, просил подтвердить его высокое происхождение, ссылаясь на то, что предки его, уздени, вышли из Крыма (территории Орды), где занимали высшие посты. Уроженец того же села Будайхан Мусаев также считал себя узденем (князем)³⁴⁶.

В связи с большим количеством претендентов на княжеское и дворянское звание, в Терской области была создана специальная комиссия по разбору сословных прав. Комиссия, после тщательного изучения вопроса, пришла к общему выводу, что «...так называемые брагунские и надтеречные князья» должны быть, по всей справедливости, не смотря на отсутствие документальных подтверждений, причислены к одной категории с князьями кумыкскими. В связи с чем, они должны были получить те же права и преимущества, которыми пользовались кумыкские князья, в частности, им должны были оставить во владении их родовые земли. Однако к выводам этой комиссии власть не прислушалась, т.к. ей это было экономически и политически невыгодно³⁴⁷.

Чрезвычайно интересен и поучителен вопрос происхождения российского дворянства и высших титулов имперской власти. Исследователь В.И. Савва обнаружил, что в поисках международного признания своих прав на царское звание российские правители указывали на преемство ти-

тулатуры своей власти от Византии. Возможно, что титул «царь» пришел на Русь скорее из Орды. Рассматривая Россию преемницей Золотой Орды, можно утверждать, что включение в состав Московского государства Казани и других «татарских» ханств – это не завоевание ради расширения территории государства, а начало процесса «восстановления» его единства (в границах Золотой Орды). Обращает на себя внимание, что первые цари смотрели на себя как на наследников монгольских ханов. Уже во второй половине XV века великие князья московские начинают малопомалу величать себя царским титулом. Иван III был первым русским правителем, изредка называвшим себя царем³⁴⁸.

В 1885 году претендентов на получение титула российских дворян в Терской области было приблизительно 4,1 тыс. человек. Налицо было явное игнорирование действительно существующих высших сословий горских обществ. Что касается чеченцев, то в отношении их кавказская администрация высказалась весьма категорично: среди них есть представители высших горских сословий, но их, во – первых, очень мало (всего 9 семей, в количестве 29 человек) и, во – вторых, они все без исключения, пришлые³⁴⁹.

Первая всеобщая перепись 1897 года показала, что процент дворян и чиновников к населению Терской области составлял 1,22 %³⁵⁰. В 1913 году снова был поднят вопрос о количестве чеченцев, в законном порядке утверждённых в российском потомственном дворянстве. Кавказский наместник приказал начальнику Терской области сообщить в его канцелярию о наличии и числе его подчинённых потомственных дворян – горцев, законно утверждённых в этом звании и владеющих земельным имуществом в пределах области. 2 января 1914 года начальник Веденского округа доложил руководству, что таких лиц у него нет.

Начальник Грозненского округа представил список двух чеченских семей, члены которых законным порядком утверждены в российском потомственном дворянстве, также эти фамилии были занесены в Ставропольскую дворянскую книгу. Представим этих людей: Арсемика Арцуевича, Абдула Муслима Арцуевича, Абдула Меджида Арцуевича, Абубакара Данисултановича, Тугана Данисултановича – Чермоевы. Семья Курумовых: Яльяс Касимович, Даут Касимович, Муса Усманович, Зубаир Магоматович, Абдурахман Магоматович, Ахмат Магоматович, Махмуд Магоматович, Хамит Даутович, Джунаид Гизириевич, Зияудин Гизириевич³⁵¹. На тот период в Терской области больше всего законно утверждённых потомственных российских дворян было у чеченцев, благодаря двум многочисленным семьям Чермоевых и Курумовых. В настоящее время потомки

этих людей могут считать себя дворянами на вполне законных основаниях. Три сына генерал – майора К. Курумова были офицерами. В армии служил и его брат – прапорщик Пейзулла Курумов, являвшийся полным Георгиевским кавалером и награждённый также несколькими царскими медалями. Сам К. Курумов имел немало высших российских военных орденов: Св.Станислава, Св.Анны (3-й и 2-й степени), Св.Владимира, золотые медали «За храбрость», «За усердие» и золотое оружие. Он также известен как талантливый администратор. Представитель другой дворянской семьи, генерал Арцу Чермоев, отличившийся ещё в Крымской войне, командовал Чеченским Конно – иррегулярным полком во время русско – турецкой войны 1877 – 1878 годов. Самый известный чеченский нефтепромышленник Абдул Меджид Чермоев, не только происходил из офицерской семьи, но и сам был офицером, получившим ранение в бою³⁵².

Анализ источников, освещающих социальные отношения на Кавказе в докапиталистическую эпоху, приводит к выводу, сделанному ещё академиком Г.А. Меликишвили и А.П. Новосельцевым, отрицающему наличие рабовладельческой формации в XIX веке на территории Кавказа. Обнаружено, что в так называемых вольных обществах в ряде случаев были ликвидированы отдельные стороны феодальных отношений и осуществилась реставрация пройденных ранее ступеней общественного развития, что в свою очередь приводило к редкой исторической ситуации, когда относительно развитые надстроечные явления не соответствовали более низкому базису. Выясняется, что ряд вольных обществ сначала подчинялись феодалам, а затем при разных обстоятельствах освобождались от их влияния и учреждали у себя демократические порядки объединения. В XVIII – начале XIX вв. Чечня представляла собой сумму независимых вольных обществ³⁵³.

Военно–демократический уклад занимал важное место в структуре общественных отношений в союзе сельских общин Северного Кавказа. Истоки этого следует искать в характере наследия вольными обществами социальных институтов своих исторических предшественников – средневековых государств раннефеодального типа и племенных объединений той поры, а с другой – в условиях складывания и функционирования самих обществ, когда защита от внешней угрозы являлась постоянной и настоятельной потребностью. Военные набеги на соседние территории не представляли собой главного вида деятельности населения союза сельских общин Северного Кавказа. На базе института пленничества ни рабство, ни крепостничество не получили сколько – ни будь значительного развития.

Характер набегов, как и военной организации в целом, с одной стороны, способствовал имущественной и социальной дифференциации общинников и формированию привилегированной военной общинной аристократии, но с другой – сам же тормозил в известной мере этот процесс, т.к. в лице организованной и политически активной массы общинников встречал противодействие своему феодализирующемуся потенциалу³⁵⁴. У. Лаудаев пишет: «Начали совершаться невиданные до того преступления, перенятые от адыгов. Стали похищать или силою уводить беззащитных людей – своих собратьев в неволю и продавать их в рабство в далёкие страны»³⁵⁵.

В горных чеченских обществах находился немногочисленный класс личных рабов, образовавшийся из военнопленных. Класс этот ежегодно увеличивался благодаря вновь захваченным в набегах или в ходе защиты своих территорий. Хозяин мог выделить участок земли худшего качества, за что получивший его пленник обязан был постоянно выплачивать или отрабатывать повинности. Это был путь насильственного «сажания» на землю и одновременно закрепощения вновь образуемой категории крестьянства³⁵⁶. При этом в хозяйстве мелких рабовладельцев почти всегда владелец и холоп работали вместе. Не заинтересованность раба в результатах своего труда преодолевалась в некоторой степени посредством наделения его домом, имуществом, скотом, землёй и т.п. Это условное владение давало рабу необходимую свободу для ведения хозяйства и возможности посредством «самостоятельного» хозяйствования делать накопления для приобретения свободы.

Формы эксплуатации рабов в XVIII – перв. пол. XIX вв. всё более приобретают черты феодальной эксплуатации. Юридические права чеченских владельцев представляли собой переплетение рабовладельческого и феодального права. Отпуск раба на свободу оформлялся следующим порядком: рабу вручали письменную отпускную, составленную кадием при 2-х свидетелях; кадий получал с раба отпускные деньги и передавал их рабовладельцу³⁵⁷. Значительно было распространено в Чечне в ходе войны домашнее рабство, в виде покупных женщин, которые нередко становились жёнами владельца. Хотя в горных районах рабы и находили своё применение на полевых работах, в уходе за скотом, но широкое их распространение в горах было не возможно, ибо не было крупных землевладений, обеспечивающих высокую прибыльность эксплуатации рабов. Те, кто, оторвавшись от своей этнической общности, нанимались к чеченцам на общественную и частную работу, также назывались «лай» (раб). Их положение в обществе в корне отличалось от положения раба в рабовладельческом обществе; в

основном они были равны со всеми, только их не допускали к общественным делам, мероприятиям, и они не имели в этой среде голоса³⁵⁸. По нашим представлениям, институт рабовладения в Чечне развит не был. Чеченское наименование «лай» объединяло общее название зависимых сословий – военнопленных, купленных рабов, пришлых «чужеродцев», нанимавшихся на сезонные работы или в услужение и др. Перевод «лая» как раба передаёт русское осмысление этого термина³⁵⁹.

Лишённый имущества и каких-либо надёжных родовых связей, на чужбине, освобождённый «лай» вынужден был идти работать на своего бывшего хозяина. Обычай освобождения разрушал рабство и служил основой для развития отношений господства и подчинения феодального характера. Следует отметить и отсутствие законодательного закрепления института рабства у чеченцев. В адахах, например, нет выкупных цен на рабов. Размер выкупа целиком определялся владельцем. Ряд сообщений источников свидетельствуют, что вольноотпущенный «лай» мог приобретать имущество, заниматься духовной деятельностью и вообще пользоваться правами вольного узденя³⁶⁰.

В общественных отношениях труд хозяина противопоставляется труду наёмного человека по степени его эффективности. Зависимость от хозяина может быть полная (рабская) или частичная (обязанная), потомственная, пожизненная (крепостная) или срочная, по найму, на известное число дней, годов. В общем разряде наёмных рабочих надо различать несколько категорий: 1) крестьян–собственников, нанимающихся временно на посторонние работы; 2) батраков и служителей, проживающих круглый год в услужении и получающих своё содержание, квартиру и харчи у хозяина; 3) подёнщиков, работающих по договору (возможно, с предоставлением жилья и питания). После отмены барщины и прекращения крепостного труда, в Европе получило распространение батрацкое хозяйство. Эта система была наиболее выгодна для землевладельцев и в какой-то степени, до накопления определённого капитала, удобна для батраков³⁶¹. Такую же ситуацию мы наблюдаем и в Чечне. После того, как Шамиль в ходе Кавказской войны отменил институт рабства и освободил все феодально–зависимые категории крестьян, вольноотпущенные вынуждены были батрачить на своих прежних хозяев, чтобы материально укрепить своё положение. Элементы и зачатки рабовладельческих отношений не могли сложиться в Чечне в формационный уклад, хотя некоторое развитие их и наблюдалось. Число зависимых чужеродных крестьян было незначительное, по отношению к количеству свободных общинников³⁶².

ГЛАВА II.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА

Установление юридического плюрализма в послевоенный период

Проблема развития права тесно взаимосвязана с проблемами государственного устройства и управления. Государственная власть выступала в полиэтническом обществе как объединяющее начало, формировала правовые основы для вхождения и проживания народов в России, регулировала их внутреннюю общественную жизнь, условия хозяйствования, а также отношения с центральной и местной администрацией. Обеспечение законности всегда оставалось одним из важных направлений деятельности государства. Народы России как участники общественных отношений должны были соблюдать и исполнять правовые требования и предписания. Государственная власть Российской империи, кодифицируя обычное право, как бы пошла на компромисс в полиэтническом и многословном обществе, добиваясь его консолидации и сближая российские и западноевропейские правовые нормы с традиционной практикой обычая, видоизменяя и трансформируя его³⁶³. Потребность России в традиционных для Северного Кавказа культурно-правовых системах не была просто практической и политической, как принято привычно полагать. Она была также моральной и интеллектуальной.

Единение Северного Кавказа с Россией дало почву для формирования уникальной системы юридического плюрализма. Проведённая Российской империей на Северном Кавказе кодификация адата и инкорпорация шариата, реформа судебных институтов, немислимое для классического шариата и адата, стали источником развития права народов Северного Кавказа. Для северокавказских мусульман, как подданных Российской империи, сохранение своего права в христианской, православной стране было проявлением государственного благопритствования³⁶⁴. Взаимодействие систем права России с этноправовыми традициями народов Северного Кавказа на протяжении столетий породило уникальное явление – конвергенцию российского позитивного права с адатским и мусульманским правом. Осмысление разнообразия осно-

ваний, их плюралистичности в зарождении и становлении российской правовой системы, с учётом национального правосознания и этноправовых особенностей российской цивилизации демонстрирует подлинную ценность каждой из систем права её народов и всего права в целом³⁶⁵.

Структура российской судебной системы в дореформенное время являлась довольно сложной и запутанной. В ее состав входили разнообразнейшие исторически сложившиеся органы. Дореформенная судебная система была организована по сословному принципу, то есть для каждого сословия имелись свои суды. Выполнением судебных функций занимались также и некоторые административные органы. Нередко правосудие вершили люди, не имевшие юридического образования³⁶⁶.

22 ноября 1866 г. вышло Положение о применении судебных Уставов к Кавказскому краю, открытие новых судебных учреждений Тифлиссского округа состоялось 19 февраля 1868 г. Таким образом, новый суд был открыт на Кавказе раньше казанского, саратовского, одесского и других судебных округов. Но раннее введение на Кавказе судебной реформы имело и свои неудобства. Она подверглась весьма существенным урезкам и изменениям, из коих самое главное то, что была ведена отсрочка введения суда присяжных и вообще, произошло устранение из уголовного суда «народного элемента» даже в виде сословных представителей, существовавших прежде на Кавказе³⁶⁷. Вместе с тем, судебная реформа в Прибалтике была более полной, чем на Кавказе, в Польше, в Белоруссии. Например, здесь допускались корпоративные организации адвокатов – советы присяжных. Только в 1898 г. судебные уставы были введены в Средней Азии и Казахстане. Но к этому времени уже мало, что осталось от самой реформы, шла эпоха контрреформ³⁶⁸.

Процесс формирования правового государства в России в пореформенный период, прежде всего, отразился на положении личности и ее взаимоотношениях с властью. Между гражданами и правящей властью устанавливались не только отношения подчинения, но и сотрудничества. Иначе говоря, устанавливались взаимные обязанности и права, а также взаимная ответственность должностных лиц (органов управления) и граждан. В соответствии с законодательством, Сенат как орган административной юстиции осуществлял надзор за деятельностью всех государственных, земских и городских органов власти. Каждый житель империи, если его права были нарушены должностным лицом государственных или земских органов, а жалоба на них не была решена в

его пользу, мог после этого подать жалобу на решение власти в Первый департамент Правительствующего Сената³⁶⁹.

Наряду с изменениями в административной системе, правительство России проводило мероприятия и в области правовых институтов. Старая горская система суда, основанная на обычном праве (адате) не отвечала интересам правительства. Кавказская администрация решила сосредоточить в своих руках основные рычаги управления краем, подорвав в народе влияние местной феодальной знати, представителей духовенства, и укрепить свои колониальные позиции³⁷⁰. В разных формах добивалась государственная власть поддержки у населения: требовала содействия у сельских обществ, просила помощи у религиозных сект, вербовала себе на службу доносчиков и кровников. Разными средствами она пыталась обеспечить себе эту поддержку: требовала ее во имя идеи, покупала ее за деньги, вынуждала ее страхом³⁷¹. Процесс российско-имперского воздействия на правовую систему включал в себя всестороннюю попытку воздействовать на северокавказское правосознание, для чего использовались два основных метода: введение для определённого слоя общества системы русского образования и воспитания и создание российских судебных органов (Горских словесных судов), через которые происходило постепенное внедрение российского законодательства³⁷².

Проведение судебной реформы

На Северном Кавказе судебная реформа состоялась в конце 1870 года. Несмотря на наличие довольно серьезных изъятий из Судебных уставов 1864 года, проведение судебных преобразований на территории Северного Кавказа стало важным шагом вперед по пути становления новой судебной системы, основанной на буржуазных нормах и принципах права. Следуя своей колониальной политике, царизм изначально предусмотрел, что проводить судебную реформу на Кавказе следует только с существенными изменениями. Например, устанавливалось, что в Кавказском крае уголовные дела, изъятые из ведома мировых судей, т.е. выходявшие за пределы компетенции мировых судей, подлежали рассмотрению в окружных судах без присяжных заседателей³⁷³.

По мысли российской администрации, правовая реформа преследовала следующие основные цели. Во-первых, она должна была преодолеть судебно-административную раздробленность и создать

единую централизованную организацию края. Гарантом права и закона становилось российское государство, а низовыми органами судебной и законодательной власти для местного мусульманского населения – горские и сельские словесные суды. Другой целью реформы было ослабление власти мусульманской элиты и шариатского судопроизводства и создание единой местной светской администрации, пользующейся доверием и авторитетом у местных жителей и послушно исполняющей решения российских властей. Третьим направлением реформы была модернизация народного права (адата) чеченцев, имевшая целью подготовить постепенный переход горцев к единому российскому законодательству³⁷⁴.

Правительство в целом поддерживало курс на русификацию управления Кавказским краем и создание в его регионах аналогов общероссийской структуры управления. Часто, вопреки настрою кавказской администрации столичные чиновники старались сделать все возможное для того, чтобы территории с горским населением скорее русифицировались. В этих целях, например, министр юстиции И.Г. Щегловитов, посетивший Кавказ в 1910 году, отдал распоряжение в срочном порядке отстранить от работы во всех судебных инстанциях представителей местных национальностей. За неисполнение данного указания некоторые из руководящих чиновников на Кавказе были сняты с занимаемых должностей.

Нужно заметить, что правительственных функционеров в большей степени волновал вопрос религиозной принадлежности горских чиновников. Инспектируя подведомственные учреждения, И.Г. Щегловитов постоянно указывал на то, что «нравственные начала нехристианских исповеданий противоположны в своих главных основах христианской морали»³⁷⁵. Наиболее строго суды России относились к преступлениям религиозным, по которым только 17,7% оправданий, затем к кражам (22,8% оправданий), далее к преступлениям против порядка управления (27,4%) и уже затем – к важнейшим преступлениям против жизни. По мнению правоведов той эпохи, не подлежало никакому сомнению, что в России личность была ограждена намного меньше, чем имущество³⁷⁶. По российскому законодательству преступления не могли совпадать с безнравственными действиями и с грехами, т.к. государство не могло ставить своей задачей наказание всех действий, не одобряемых моралью.

История развития обычного права

Отношение российского государства к обычному праву народов Северного Кавказа во второй половине XIX в. формулировалось из принципов двух вариантов правовой модернизации – радикального и мягкого, которые впоследствии были применены в различных регионах Северного Кавказа. Проведение правового реформирования позволило создать фундамент для внедрения российского подданства в горских общинах, в основу которого был положен принцип социального и правового равенства горских народов как подданных Российской империи. Все институты обычного права были подвергнуты модернизации, исходя из принципов равенства, в результате чего, большое количество норм обычного права были изъяты из горской правоприменительной практики. Проведение сословно-земельных реформ в горских общинах Северного Кавказа привели к значительному сокращению или ликвидации большинства норм вещного и обязательного обычного права³⁷⁷. Большое значение при судебном разбирательстве по адату имела присяга. «Лицо, подозреваемое в совершении преступления» могло «очиститься» присягой. Присяга считалась доказательством невиновности, если вместе с подозреваемым в преступных действиях лицом присягу давали уважаемые в обществе люди из рода подозреваемого – соприсяжники³⁷⁸.

Говоря об обычном праве и его месте в правовой системе общества, необходимо изучение опыта, накопленного во многих странах мира. В США обычное право признается в пределах резерваций, где племена сохраняют юрисдикцию во всех гражданских и части уголовных дел. В Канаде обычное право, в тех случаях, когда иное не предусмотрено федеральным или провинциальным законодательством применяется в судах наряду с общим правом. Эти примеры свидетельствуют, что в мировой правовой практике накоплен достаточный опыт существования в рамках единой правовой системы обычного права и законодательства³⁷⁹.

Обычное право у горцев возникло как следствие моральных ограничений (институт табуитета). Оно регулировало отношения между родами, внутри рода, отношения обмена (куплю, продажу, кредитование), пользование, распоряжение и владение движимым и недвижимым имуществом, наследование, землепользование, землевладение и водопользование, семейно-брачные отношения, дела об убийствах, насилии, разрешало конфликты. Все эти проблемы ставились и решались на общинном суде и собрании³⁸⁰. Что же касается систем европейского и

общего права, то правовой обычай выступает здесь одним из источников права и полностью никогда из них не был вытеснен.

Высоко оценивают обычай как современную форму права европейские учёные-юристы. Для них право – это результат деятельности социальных групп, каждая из которых имеет свою собственную правовую систему. Всякая юридическая норма, возникающая из практических потребностей, выступает в первоначальной форме обычая, а затем может трансформироваться в закон. Собственно нормативный способ формирования права предполагает, что юридическая норма вначале возникает как обычай (хозяйственный, торговый, семейно-брачный и иной), достигает в нём первичной неформальной институционализации, а затем, если необходимо, данная норма санкционируется, оформляется на политическом уровне как закон государства³⁸¹. В мусульманском судебно-процессуальном праве выделяются нормы, по которым должность судьи могут занимать только мусульмане, соблюдающие религиозные и моральные предписания ислама. Сходные требования предъявляются и к свидетелям по большинству дел. Особое значение придаётся клятве именем Аллаха, если ответчик отстаивает свою невиновность.

Мы видим, что в древности структурная схема права была выражена столь же полно, как и в современных правовых системах, и в этом смысле нет никаких оснований говорить об онтологической неполноте, неполноценности, незрелости обычного права по сравнению с современным. Особенность, может быть, состоит в том, что институты обычного права опираются на человеческий менталитет, который интегрирует эмпирическую логику, ценностную и нормативную логику с наиболее яркими образцами мистики, иррационального постижения мира. Каждый народ сам искал баланс между свободой и порядком. И находил его для себя. Если этот баланс найден, если при этом общество эффективно, то такая модель и должна быть и устраивать людей. Главной задачей для новой власти должно было стать в тяжелые послевоенные годы – оздоровить общество, укрепить его основу, не потеряв при этом преимуществ устоявшейся веками демократии, традиционного культурного устройства³⁸².

Современное право стало более однородным, строгим, но менее глубоким и авторитетным, не смотря на заведомо безуспешные попытки создать вокруг права ореол святости. В. Немирович – Данченко, путешествуя по Чечне, заметил, что «Адат существует не как наш писанный закон, т.е. не для сведения неисполнения, – нет, – нарушение его в горных кланах невысказано. Лазейки и обходы, столь усердно прак-

тикуемые цивилизованной расой – чужды «варварам и разбойникам» чеченцам»³⁸³. Сегодня, само по себе важно восстановить, насколько это возможно, картину величественного симбиоза религии и обычного права, связанного с ним мощного подъёма коллективного сознания и психики, который нам позволяет понять и объяснить, почему в древности при минимальном принудительном аппарате могло существовать обычное право без гарантированного обеспечения его политическими средствами, без тюрем и полиции, судебных процессов и расправ.

Вопрос взаимосвязи адата и шариата для мусульманских этносов Северного Кавказа имеет не только теоретическое, но и практическое значение. Наличие норм адата укорененных в быту, образе жизни, и приспособление к ним ислама во многом определили этнокультурную специфику данного региона. Умалат Лаудаев писал: «С принятием магOMETанства спорные дела чеченцев должны были решаться по шариату. Но возможно ли было вольный народ, веками привыкший к адату, подчинить шариату? Чтобы исправить неудобства, постигшие шариат, нашли необходимым согласовать его с адатом, а потому некоторые дела стали решать по адату, а другие по шариату».

Сфера функционирования адата в период существования имамата Шамиля была резко ограничена, наказание провинившихся горцев осуществлялось по шариату. Казни вызывали протесты и противостояние власти Шамиля. Но искоренение адатов оказалось ему не под силу. Так, чеченцы из тейпа чеберлой на требование Шамиля подчиниться шариату ответили со свойственным им юмором, что они его шариат уложили в бурдюк и перевязали горло, и предложили его забрать. Даже последовавшие жесткие репрессии Шамиля против чеченцев не способствовали укреплению шариата среди них³⁸⁴. Государство возникает и конституируется как представительство общественных интересов, как сила, стоящая над обществом, но уже с самого начала оно выступало как система организационного политического господства одних людей над другими. Как бы то ни было, но ранние, также как и более поздние формы государства, будучи общественными институтами, редко выражали действительно общественные интересы³⁸⁵.

Мы знаем – это широко известный факт, что государства предоставляют права далеко не всем слоям населения, что, формально закрепив права за каждым гражданином, отнюдь не каждому дают реальную возможность ими пользоваться. Но если государство всерьёз предоставляет человеку права, оно необходимо относиться к нему, как и к

самостоятельной и свободной личности, способной в пределах своих прав принимать решение по собственной воле и своему усмотрению. Во второй половине девятнадцатого века сословный характер карательной системы России препятствовал утверждению буржуазных принципов правосудия, в первую очередь индивидуализации наказания, что влекло за собой нарушение прав человека.

Согласно Положению от 14 августа 1881 года любая местность могла быть объявлена на чрезвычайном положении, а каждый ее житель подвергнут аресту, предан суду или ссылке без судебного решения на 5 лет в любое место Российской империи. Положение, изданное как временное (на три года), возобновлялось по истечении каждого трехлетия и действовало вплоть до 1917 г. Данное Положение не рассматривало административную ссылку и полицейский надзор в качестве меры наказания, а считало мерой «предупреждения преступлений против существующего государственного порядка» со стороны лиц, «вредных для общественного спокойствия». Между тем правила, установленные для поднадзорных, приостанавливали многие гражданские права и ограничивали свободу, что фактически уравнивало статус поднадзорных с лицами, лишенными прав по судебным приговорам³⁸⁶.

Вернемся к истории развития права. Обычное право появляется раньше государства, способствует, и иногда и противодействует его образованию. Мы понимаем теперь, что нормальное, естественно – историческим путём сложившееся общество не может не быть традиционным. Человечество окончательно погубит цивилизацию, если не научится оптимально сочетать социальную рационализацию с естественным традиционализмом³⁸⁷. В России гражданское право, под влиянием западноевропейских норм и институтов, опиралось на закон, а традиционные и обычные нормы отошли на второй план.

Судебная реформа на территории Терской области проводилась постепенно. Основным её постулатом была замена мусульманского судопроизводства российской законодательной системой. Во избежание массового недовольства населения нововведениями, было решено совмещать российские законы с шариатскими и адатными, которые должны были постепенно вытесняться российской судебной системой. Действия российской власти, прежде всего, были направлены против шариатского законодательства, введённого повсеместно в имамате Шамиля. В борьбе против шариата кавказская администрация постаралась опереться на словесное горское судопроизводство – адат, основанное на обычаях.

Кавказское руководство предполагало изменять адаты по своему усмотрению, что невозможно было сделать с шариатскими законами, так как они были зафиксированы в священных писаниях³⁸⁸.

С развитием капиталистических, рыночных отношений, стали разрушаться традиционные общественные институты и на ведущие позиции вышла самостоятельная, личная инициатива индивидуума, уже довольно независимая от сформировавшего его общества. В связи с этим в правовой системе Российского государства во второй половине XIX века особенно активно стало развиваться субъективное право. Субъективное право – суть порождения эпохи государства с достаточно развитой законодательной функцией. К этому времени человек достиг уже той степени эмансипации от общества, при которой появилась возможность относиться к нему как к самостоятельному субъекту, абстрагируясь в формально – юридическом смысле от его родственных связей, от принадлежности к социальной группе. Возникает понятие юридического лица, свободного и равного другим таким же лицам. Государство в акте предоставления субъективного права человеку признаёт в нём самостоятельное лицо и даёт известную автономию его действиям³⁸⁹. Действовавшее в России субъективное право учитывало народную инициативу, требование поддержки официальных лиц и возможность обращения за поддержкой и защитой к государству³⁹⁰. Например, после установления российского законодательства на Северном Кавказе некоторые горские крестьяне всюду стали заявлять: «Мы должны разбираться по правам российских законов, а не стариками...которые из уважения к владельцам делают всё то, что им заблагорассудится, а наши справедливые жалобы в резон не принимают»³⁹¹.

Поверхностные, основанные на расчётах, калькуляции индивидуальных прав и свобод отношения между людьми даже отдалённо не напоминают глубокие, исполненные различных оттенков (самопомощь, взаимопомощь, братство, солидарность и т.д.) связи между людьми традиционного общества. Ощущение святости обычая как бы постоянно возбуждается в психике взрослых членов группы. К этим средствам принадлежат не только мифы и легенды, но и религиозные обряды, символы, ритуалы, церемониальные танцы. Их назначения – способствовать организации коллективных переживаний, сплачивающих группу вокруг её фундаментальных жизненных ценностей³⁹².

Неразделённость в исламе веры и государства, религиозных и правовых норм была признана правоведами России и использована в право-

вом устройстве мусульманской части российского общества. Введение отдельных норм и институтов мусульманского права в общеимперское законодательство для восточных окраин и в судебные институты России – это продуманный шаг правительства, способствовавший гармонизации отношений в полиэтническом обществе.

Однако нередко мусульмане приходили в негодование из-за нарушений государством своих же законодательных норм по отношению к инородцам, что, зачастую приводило к столкновениям и восстаниям. В правовой цивилизованной стране, какой была Российская империя, субъектом правонарушения могло быть и само государство, его органы, например, когда отстаивались нормы международного права при корректировке спорных внешних границ; или при издании правовых актов, касающихся, например, внутренних межей при сословном и этническом размежевании (при оформлении межевых планов для казачьих войск Российской империи, горских земель)³⁹³. В русском законодательстве на эти случаи было принято правило безответственности юридических лиц³⁹⁴. Во всех тех случаях, где незаконное распоряжение состоялось без нарушения со стороны должностных лиц их служебного долга а, следовательно, без всякой вины с их стороны, уголовная ответственность отсутствовала. Незаконное действие признавалось при таких условиях совершённым учреждением, а оно не подлежало преследованию в уголовном плане. В отношении юридических лиц, незаконное распоряжение признавалось действием учреждения и гражданский иск допускался. Здесь или само учреждение могло быть признано отдельным юридическим лицом и как таковое явиться граждански ответственным за свои действия, нарушающим чужие права, или же учреждение признавалось органом государства, также являющимся в сфере гражданских отношений самостоятельным субъектом. Тогда ответчиком по гражданскому иску по поводу незаконного распоряжения являлось целое государство, как объект гражданских прав³⁹⁵.

Нередко обществу или отдельным его гражданам только казалось, что государство нарушает по отношению к ним законодательство, хотя на самом деле этого не происходило. Дело в том, что ущемление гражданских прав рассматривалось истцами через призму Сборника законов Российской империи, а ведь помимо него на территории государства действовала масса подзаконных актов, нередко прямо противоречащих основному законодательству. Режим особого правового поля существовал на Северном Кавказе, в условиях военно – народного управления,

где многие указы были засекречены, о существовании других знали лишь некоторые должностные лица.

Кавказский наместник мог «... в тех случаях, когда в указах Сената в отношении общих по государству мер, предписанных порядком законодательным или исполнительным, не будет сказано, что они распространяются на Закавказье и те части Кубанской и Терской областей, которые заняты туземным населением, в течение 2-х месяцев с получения указа сообщить надлежащему министру о неудобстве его применения в указанной местности»³⁹⁶. В русской юридической науке второй половины XIX века появились представления о необходимости различать закон в формальном и материальном смысле, из чего следовало, что правительственные указы тоже могут устанавливать юридические нормы. Согласно ст.53 Основных законов, в Российской империи законы могли издаваться в форме манифестов, указов, мнений Гос.Совета и докладов, удостоенных Высочайшим утверждением, а излагались, в зависимости от содержания, в форме уложений, уставов, грамот, положений, наказов (инструкций)³⁹⁷. Формально законы, как первичные нормативные акты, имели высшую юридическую силу. Все остальные подзаконные правовые акты исходили из законов и не должны были им противоречить; они не нуждались в утверждении другими органами, их могли отменить только органы, их издавшие. Законы Российской империи принимались высшими органами государственной власти – императором, правительством, Сенатом, Гос.Советом³⁹⁸.

Функционирование судебных учреждений Терской области

Летом 1862 года произошло новое разделение Терской области в военном и административном отношениях. Были учреждены правила как для выбора членов народных судов, так и для всего судопроизводства³⁹⁹. Царские власти щедро финансировали административные полицейские и судебные учреждения, охранявшие интересы метрополии и местных господствующих классов. Проект образования нового суда был составлен начальником Терской области. В соответствии с 1-й статьёй высочайше утверждённых 29 сентября 1862 года основных положений о преобразовании судебной части, судебная власть должна была быть отделена от власти административной, и, следовательно, ни начальник области, ни

аульный старшина не могли подвергать, кого бы то ни было взысканиям и наказаниям, так как это право отдавалось только судебной власти⁴⁰⁰.

Главный народный суд в Терской области состоял из почётных лиц. Председательство в нём поручалось особому лицу, выбранному начальником области, с утверждением его на этой должности Главнокомандующим Кавказской армии. Решения Главного народного суда принимались большинством голосов и передавались на утверждение начальнику области⁴⁰¹. В ходе применения данного закона на практике выяснились его существенные недостатки. Председатель горского словесного суда, обычно строевой офицер, был не подготовлен к судейской деятельности, и всё возвращалось к начальнику области, не стеснённого в своей военной и административной власти никакими нормами процессуального или материального права. По военно – уголовным законам горцев судили в комиссиях военного суда, учреждённых при разных частях войск. Полицейские и судебные функции были соединены в военно – уголовном законодательстве.

На рубеже XIX – XX вв. в ведении Министерства внутренних дел царской России находился широкий круг вопросов. Помимо охраны порядка и борьбы с революционным движением к ним относились: контроль над местным самоуправлением, почтово-телеграфная служба, переселенческая политика, прием иностранцев в русское подданство, медицинские и ветеринарные службы, цензура книг и периодических изданий, разрешение деятельности ряда промышленных и торговых заведений. Местные учреждения МВД на Кавказе делились на краевые и губернские, к числу последних относились полицейские управления. Общими для всего края были управление Кавказского жандармского округа, управление почтово-телеграфного округа, временное особое управление по медицинской части, ветеринарный комитет, Кавказский цензурный комитет и Статистический комитет. Большинство этих учреждений до упразднения наместничества находились в двойном подчинении наместника и центральных ведомств. По закону 1885 г. они подчинялись только своим ведомствам, хотя и обязаны были извещать о своих действиях главноначальствующему гражданской частью, губернаторов, начальников областей⁴⁰². В годы функционирования «военно-народного» управления население подчинялось военному министру. По определению «Военной энциклопедии»: «Военно-народное управление – подчинение административного устройства некоторых частей Кавказа и Туркестана, населенных малокультурными народностями военному

министру». В ее основу были положены принципы управления Алжиром, введенные Францией в 1848 г., т.е. подчинение всего управления военному начальству⁴⁰³.

Основу местного управления на Кавказе составляла полиция, организованная по общероссийской схеме. Областная полиция подчинялась начальнику области, уездная – уездному начальнику (исправнику), городская – полицмейстеру. В отдельных случаях на местах назначались приставы. Жандармские учреждения на Кавказе подчинялись окружному управлению, в задачи которого по инструкции 1904 г. входили: наблюдение за местным населением, проведение дознания по политическим делам, оказание помощи полиции в восстановлении порядка. Согласно Положению 1882 г. из состава полиции были выделены органы политического сыска – охранные отделения. Долгое время в ведении МВД находились также тюрьмы, которыми ведал краевой тюремный инспектор. В 1895 г. тюремная система была передана в ведение Министерства юстиции. Важным направлением деятельности МВД было обеспечение переселения на Кавказ русских крестьян: с 1896 г. этим занималось переселенческое управление министерства⁴⁰⁴.

С 1873 г. полиция в Российской империи стала комплектоваться по принципу вольного найма. До этого полицейские команды формировались из низших чинов армии, непригодных к строевой службе, а также отставных унтер-офицеров. Учитывая, что на службу в полицию из-за низкого жалованья шли в ряде случаев люди, которые по своему образовательному уровню и нравственным качествам не всегда соответствовали данной профессии, а, кроме того, постоянное их общение с правонарушителями, то можно сделать вывод о характере поведения низших чинов полиции. Соблюдение служебной дисциплины было достаточно серьезной проблемой для полиции Российской империи. Анализ исторических документов дает основание констатировать, что многие нарушения дисциплины по своей сущности идентичны нарушениям, совершаемым современными сотрудниками российской милиции. Среди конкретных факторов, обуславливающих преступность на Кавказе и выделенных А.С. Френкелем, следует особо указать и на состояние правоохранительной деятельности: « Кавказский разбой, – замечал Френкель, – это последствие плохой организации полиции, незначительности и дурного состава земской стражи, отсутствие защиты от разбойников... и, наконец, бедность полицейских дознаний и предварительного следствия...»⁴⁰⁵.

Правовое поле действия военно-полевых судов

Особенно бесправным было положение горцев в военно-полевых судах.

В комиссиях военного суда горцев судили за:

- 1) измену;
- 2) возмущение против правительства и поставленных им властей;
- 3) явное неповиновение начальству и тяжкое его оскорбление;
- 4) разбой;
- 5) похищение казённого имущества;
- 6) убийство и ранение с увечьем.

Полевой главный военный суд, как и его присутствия, а также временные полевые суды подчинялись Главнокомандующему армией. Подсудности полевого военного суда подлежали, помимо военнослужащих и лица гражданского ведомства в местностях, объявленных на военном положении, а также население неприятельских областей, оккупированных войсками.

В 1870 году были открыты военно – окружные суды в Кавказском военном округе. Воинский устав устанавливал два вида наказаний: уголовные и исправительные. К уголовным наказаниям относились: смертная казнь с лишением всех прав состояний и без лишений таковых, ссылка на житье, ссылка на каторжные работы и также заключение в крепость⁴⁰⁶. Ссылка применялась и как изгнание с места жительства, и как принудительное переселение. В этом случае наказывались не только конкретные люди, но и применялся принцип «объективного вменения», когда безвинно страдали большие коллективы людей, переселяемые насильно «за кампанию», для «поучения» оставшихся на родине. Наказывали так и за политические и за уголовные преступления⁴⁰⁷.

Формы наказания горцев:

ссылки «на житье» и в арестантские роты

Вид ссылки «на житье» в отдаленные губернии Европейской России был разделен на 4 степени, по продолжительности заключения. Места ссылки на житье ежегодно назначались Министерством внутренних дел и сообщались министру юстиции. Такими местами для чеченцев служили губернии: Новгородская, Олонецкая, Вологодская, Архангельская,

Псковская, Тульская, Рязанская, Калужская. Чаще всего в ссылку «на житье» отправляли восставших горцев. Для определения местностей, пригодных к водворению восставших, в назначенные для этих целей губернии направлялись чиновники из Министерства внутренних дел и создавались «разведочные комиссии». Одна из таких комиссий определила для поселения горцев Архангельскую губернию из-за ее удаленности и малонаселенности. Примечательно, что в 1860-х годах шел параллельный процесс колонизации Мурманского берега, активными участниками которого были поморы. Водворение ссыльных было одной из попыток колонизации Севера⁴⁰⁸.

Приговоренные к ссылке на житье отправлялись отдельно от других ссыльных, без оков и наручников. По прибытии на место все ссыльные этой категории были обязаны избрать образ жизни и приписаться на новом месте, оставаясь под надзором полиции. С разрешения высшего начальства им разрешалось заниматься промыслами и торговлей⁴⁰⁹. Обязательному занятию трудом по назначению администрации подлежали осужденные к ссылке на каторжные работы; присужденные к ссылке на поселение и водворение; приговоренные к отдаче в исправительные арестантские отделения. За свой труд (в зависимости от категории), арестанты, за вычетом стоимости материалов, получали от одной десятой до четырех десятых дохода. Из оставшихся сумм одна половина обращалась в доход государственного казначейства, а другая в пользу тюрьмы⁴¹⁰.

Среди различных видов наказаний высылка в арестантские роты занимала третье место по степени суровости и тяжести после смертной казни и ссылки на каторжные работы. В общественном сознании утвердился зловещий образ арестантских рот, созданный Ф.М. Достоевским. В частности, он писал: «Об арестантских же ротах в России все наши, которые были там, говорили с ужасом и уверяли, что во всей России нет тяжелее места, как арестантские роты по крепостям, и что в Сибири рай сравнительно с тамошней жизнью». Согласно действовавшему законодательству, содержание в арестантских ротах действительно относилось к числу тяжелейших наказаний⁴¹¹. Главная цель ссылки в арестантские роты сводилась к трудовой деятельности арестантов. Отличие данного вида ссылки заключалось в том, что арестанты, как правило, высылались на фиксированный срок (1-5 лет)⁴¹². Чтобы упорядочить процесс распределения ссыльных, командирам всех арестантских рот на территории Российской империи предписывалось каждые 10 дней представ-

лять в МВД сведения о числе свободных мест в руководимых ими ротах. Определять количество свободных мест следовало не по штатному составу роты, а по тому количеству людей, которое могло бы поместиться в здании, в котором она находилась. Вследствие этого арестантские роты были переполнены⁴¹³.

В арестантские роты, на крепостные работы чаще всего высылались предводители восставших, самые активные участники антиправительственных выступлений. После подавления восстания 1877 года в Чечне, были высланы на работы в следующие крепости Российской империи: Д. Джанбиев – крепость Кронштадт (5 лет); И. Арсингиреев, Л. Айкбинов – Динабург (по 4 года); М. Хамзатов – Бендеры (5 лет); Х. Джанхотов – Брест-Литовск (4 года); Чага-Ций – Выборг (5 лет); Ч. Таумурзаев – Свеаборг (5 лет); Э. Беецы – Бобруйск (4 года); Э. Султанмирзаев – Рига (4 года)⁴¹⁴. Динабургский тюремный замок относился к тюрьмам общего заключения. Эта тюрьма существовала с 1821 года, среднее число заключенных было – 264 человека. В Динабургской тюрьме работали мастерские: сапожная, ткацкая и переплетная. В среднем арестант в сутки зарабатывал 12 копеек. Также к тюрьмам общего заключения относился Рижский тюремный замок, находившийся в Лифляндской губернии. В тюрьме содержалось около 400 человек. Здесь были открыты мастерские: сапожная, слесарная, обойная, портняжная, коробочная, корзиночная и др. В каждой мастерской работало около 50 человек. В среднем арестант зарабатывал в сутки 19 копеек⁴¹⁵.

Многие участники восстания 1877 года были приговорены к повешению, но затем они были помилованы и приговорены к каторжным работам: Г. Магоматов – на 20 лет; Г. Амаев – на 20 лет (рудники); Х. Яхсаев – 20 лет (рудники); Х. Амаев – на 20 лет (рудники); Ш-М. Ших-Алиев – без срока. Каторжные тюрьмы были самыми тяжелыми по условиям содержания в царской России. Жестокости каторги способствовали и географическое положение тюрем, и отношение тюремного персонала. В несоизмеримой степени, большой смертности среди узников способствовали тюремные инструкции. В Шлиссельбурге было запрещено перестукиваться с соседями, коллективно прогуливаться, общаться друг с другом и нарушать тишину. Нарушение инструкций и покушение на жизнь тюремного персонала карались вплоть до смертной казни. Шлиссельбург во все времена в российской истории считался самой суровой тюрьмой. В Шлиссельбург направлялся наиболее жестокий и суровый тюремный персонал. Отбор происходил по многим критериям, но осо-

бенно ценилось усердие, исполнительность и грубое отношение к заключенным. Шлиссельбургская тюрьма использовалась для приведения в исполнение смертных приговоров (до 1905 года).

Шлиссельбургская тюрьма находилась у самого истока Ладожского озера, на острове. Главное тюремное управление часто помещало в эту тюрьму горцев. Симонович писал: «Кавказцы, привезенные из теплых стран, страдая от холода, кутались в тюремные одеяла, обматывали головы полотенцем. Камеры, в которых они находились, стали похожи на сумасшедшие дома. Даже трудно сказать, сколько кавказцев умерло в ШК. Они так быстро таяли, что многих мы не успевали даже увидеть, как следует разглядеть и узнать». Некоторые арестанты пытались сопротивляться тюремным порядкам. В качестве наказания заключенные носили ножные и ручные кандалы. Они весили до 10 кг. Кандалы не снимались даже с тяжелобольных арестантов. Карцеры делились на «холодные» и «горячие». Горячие карцеры находились около кочегарок. При температуре + 45 градусов узник должен был находиться до 30 суток. Узники называли этот карцер «Ривьерой». Холодный карцер также выдерживали лишь некоторые узники тюрьмы⁴¹⁶.

В «Положении о военно-исправительных ротах» (1867) к дням отдыха заключенного-военнослужащего прибавлялись дни рождения и тезоименитства членов царствующей фамилии, а также дни «о коих ежегодно объявляется циркулярами Главного Штаба», т.е. два главных трехдневных мусульманских праздника. В дни, которые осужденные военнослужащие освобождались от работ, они должны были совершать молитвы в своих камерах. Тогда же увидело свет «Положение о крепостных военно-арестантских отделениях», повторявшее вышеизложенный документ, но с одним немаловажным дополнением: начальство должно было наблюдать, чтобы арестанты-иноверцы не пользовались большим числом праздничных дней по сравнению с православными. В ноябре 1874 г. был утвержден штат Тифлисского тюремного замка, где кроме православного и армяно-григорианского священников состоял и штатный мулла. При этом жалованье духовного лица (96 руб. в год) являлось наименьшим среди содержания тюремных священнослужителей иных конфессий. В 1864 г. Свеаборгским комендантом мулла А.-С. Бакиров был представлен к серебряной медали «За усердие за совершение духовных треб в тюрьме»⁴¹⁷.

На Кавказе правительством были приняты меры к ограничению случаев подсудности казаков военному суду. В 1870 году были ут-

верждены правила «О подсудности по преступлениям лиц войскового сословия всех вообще казачьих войск», в соответствии с которыми дела о преступлениях лиц войскового сословия всех казачьих войск переходили в распоряжение гражданского ведомства. Военному суду казаки подлежали лишь в определенных случаях⁴¹⁸.

В горских народных судах судопроизводство осуществлялось «...по адату, шариату и по особым правилам, постепенно составленным на основании опыта»⁴¹⁹. Важнейшим направлением реформы являлось ослабление шариата и модернизация адатного права и процесса с целью подготовить постепенный переход горцев к единому российскому судопроизводству и уголовному законодательству. Вместе с тем российская администрация попыталась запретить ряд архаичных адатов, прямо противоречащих российскому законодательству. Вне закона было объявлено кровомщение. Теперь оно было приравнено к обычному убийству. Шамиль также всеми мерами пытался прекратить обычай кровомщения, удары которого весьма часто падали на невинных. Согласно шариату, родственники убитого не имеют права сами лишать жизни убийцу, а, схватив его, должны были представить наibu, который, по рассмотрению дела, на основании решения Шамиля, должен был или помирить противников, или казнить убийцу. Обычно мировые сделки заканчивались каким-либо вознаграждением, после чего родственники убитого уже не имели права на кровомщение⁴²⁰. Шариат, хотя и признает законность кровной мести, запрещает мстить кому-либо кроме самого убийцы и отдает предпочтение мирному разрешению конфликта. Вайнахские законы по большей части предполагали коллективную ответственность за проступок всей семьи, племени или тухкума. Еще одно различие между шариатом и адатом состояло в организации судопроизводства⁴²¹. В России в тот период можно было наблюдать некоторую «русскую завороченность» чеченским законом вендетты, тот спектр реакций – от презрения до амбивалентного восхищения, который обычное право горских народов вызывал у русского интеллектуала.

В истоках ислама, в обычаях принимающих его народов лежит совершенно своеобразное и порой поражающее своей ясностью и целесообразностью понимание цели уголовного наказания. Анализ этой цели позволяет по-другому взглянуть на роль кровной мести в социальных механизмах. Субъекты кровных счетов, иными словами, субъекты нравственно-правовых отношений в институте кровной мести – общины; личности же – в соответствии с их положением в роду, ситуативно – в зависимости от

отношений родства с пострадавшим и нарушителем мира. Только окончательное примирение родов (семейств) могло вернуть убийце спокойствие и безопасность. Видный судебный деятель современного Дагестана Х.У. Рустамов пишет об обычном праве того времени: «...Наказание, будучи реакцией на преступление со стороны общества, имеет здесь целью не воздаяние преступнику за его деяния, не исправление или устрашение преступника, не подавление порочных инстинктов населения, ни даже освобождение общества от опасных элементов, а только восстановление внутри общества мира, нарушенного преступлением»⁴²². Средства достижения цели назначения наказания, таким образом, заключается в попытке избежать отрицательных последствий для мира в обществе от реального применения кровной мести.

С введением на Кавказе военно-народного управления борьба с кровной местью вступила в новую фазу. По официальной статистике, около 80 % тяжких уголовных преступлений совершалось на почве кровной мести. Кровоотмщение, разрешенное по дореформенному адат-у по отношению к кровникам и застигнутым на месте преступления ворами и развратникам, было объявлено вне закона. Теперь оно было приравнено к убийству, совершенному при отягчающих обстоятельствах. Если до 1885 г. убийства могли рассматривать в народных судах Терской области по местному обычному праву, то с этого года они подлежали военным судам по российским законам. Чтобы искоренить кровоотмщение, виновных в убийствах и ранениях, умышленных или совершенных с корыстной целью, в 1860-1910 гг. судили в военных судах и высылали с Кавказа в арестантские роты и в отдаленные губернии России на срок от 3 до 10 лет. Кровника, зашедшего в селение, где жили родственники убитого им, штрафовали на 200 рублей. Убийцу, не успевшего скрыться, сразу же арестовывали.

Особенно сурово карались виновные в убийствах по кровоотмщению должностных лиц военно-народной администрации региона⁴²³. Если же какой-либо административный чин сам совершал «кровное» преступление, на это часто просто закрывали глаза или наказание было предельно мягким. В 1845 г. Мусса Кундухов в людном месте Владикавказа застрелил чеченского старшину Бехо, убившего за 15 лет до этого его трех сородичей. Наказанием для офицера М. Кундухова стал непродолжительный арест. Генерал Нестеров доложил князю М.С. Воронцову, что «это дело для спокойствия края необходимо предоставить народному обычаю»⁴²⁴.

Суд по адату основывается на некоторых общепринятых правилах, установленных обычаем и освященных временем. Чеченцы, избегая всякого ограничения своей воли, как нестерпимой узды, невольно покорялись превосходству ума и опыта и часто исполняли добровольно приговор стариков-судей. Сам обряд суда по адату весьма прост. Противники, желая закончить дело по адату, выбирают в посредники или судьи для себя одного или двух старшин. Старики выслушивают отдельно каждого из разбирающихся и, выслушав, произносят приговор. Старикам за суд ничего не платили. Для обвинения необходимо, чтобы истец представлял со своей стороны одного или двух свидетелей, которые должны были быть совершеннолетними, мужского пола. В случае, если истец не нашел свидетелей, то виновный оправдывается присягой на Коране. Очные ставки не требуются адатом, т.к. свидетели или доносчики, опасаясь мщения, обвиняют преступника тайно. При решении адатом необходимо условие, чтобы судьи единогласно объявили приговор; в случае же разногласий между стариками, тяжущиеся стороны выбирают себе других судей⁴²⁵.

Чеченское право считалось одной из самых развитых правовых систем на Кавказе. Благодаря этому за разрешением споров различного характера к чеченцам обращались народы практически всех регионов Кавказа, в том числе и горцы Грузии. Большую известность как знатоки правовых норм получили жители с. Майсты, горной области Чечни. Вплоть до 1944 года существовал «суд майстинцев», в который чеченцы и представители других народов Кавказа обращались как к последней инстанции. И, по преданиям, не было такого случая, который не могли разобрать майстинские судьи, к тому же, их приговор почти всегда устраивал обе стороны. Нормы чеченского права, по крайней мере, с начала XV века, устанавливались Высшим Советом страны. Эти нормы к тому же были записаны в конце XVII – начале XVIII века. Записи чеченского права исчезли во время выселения чеченцев в 1944 году⁴²⁶.

Целью реформы было ослабление исполнительной, судебной и законодательной власти мусульманского руководства сельских общин (кадиев, суфийских шейхов) и создание светской администрации, которая пользовалась бы доверием и авторитетом у местных жителей и была бы послушным исполнителем решений российских властей⁴²⁷. На Северном Кавказе был установлен контроль над деятельностью горских адатных судов: все материалы деятельности адатных судов поступали в местные административные и судебные органы. Российская администрация вела государственные санкции по отношению к тем, кто не выполнял ре-

шения адатных судов. Такие уклоняющиеся должны были выплачивать штрафы в пользу общины. Горские словесные суды штрафовали обвиняемого и свидетелей, не явившихся на судебное заседание. За неявку свидетеля в первый раз назначался штраф в 5 руб., за второй – 10 руб., не явившийся на суд обвиняемый платил штраф 25 руб. Другой действенной мерой принуждения выполнения адатных решений стало правило временного отбирания оружия у виновного до окончательного выполнения им решения адатного суда. Таким правом были наделены сельские старшины. У народов Северного Кавказа осталось право выбирать большинство членов адатных судов сроком на три года. Сохранился высокий образовательный и возрастной ценз для судей: они должны были быть старше 25 лет и хорошо знать адат. Горские суды являлись переходным органом от адатного судопроизводства к российскому⁴²⁸.

Распадение общественных, общинных связей вело к ослаблению общественного контроля над поведением человека. В пореформенный период преступность в России непрерывно возрастала. Реформы открывали более широкий простор частной инициативе и предприимчивости, расширяли рамки дозволенного и способствовали развитию отклоняющегося поведения, в том числе и в криминальной форме. Повышение роли богатства в системе ценностей, возможность через богатство сразу и радикально изменить свою жизнь к лучшему чрезвычайно этому способствовало и вводило многих людей среднего достатка в искушение⁴²⁹.

Как общегосударственная проблема незаконный оборот оружия в России возник в конце XIX века. Необходимо обратить внимание на такой источник незаконного распространения оружия, как армия и флот. Жажда наживы, стремление быстро разбогатеть толкали военных на преступления. К началу XX века хищения оружия и боеприпасов из воинских частей приняли очень большие размеры. В циркулярном письме командующего войсками Кавказского военного округа от 23 декабря 1900 г. № 23339 указывалось, что «кража казенного огнестрельного оружия, патронов, пороха в войсках Кавказского военного округа неоднократно обращала на себя внимание Государя Императора и вызывала собственноручные Его Величества резолюции, свидетельствовавшие об особой важности преступлений этого рода и необходимости неуклонного и строгого преследования их. К сожалению, не смотря на целый ряд мер, предпринятых с 1896 г. по войскам округа для осуществления таковых Державных указаний, кража оружия в войсках не прекратилась, и хотя и реже и в меньших. Чем прежде размерах, но все – же продолжала повторяться»⁴³⁰.

Произвол властей в судебном деле

Нововведённая судебная система была далека от совершенства. Горцы не привыкли вести судопроизводство с помощью многочисленной документации. Бесконечная волокита и сутяжничество были основными чертами судов того времени. В своём прошении жители селений 1 участка Грозненского округа в 1891 году писали, что их стеснённое экономическое положение усугубляется из – за существующих порядков «..в наших словесных судах, где процветает волокита (иные дела не разбираются 5 лет), взяточничество или соглашения различного рода до суда». «К нашему сожалению, – говорится, например, в одном из заявлений, поданных начальнику области чеченцами в марте 1909 года, – начальство ловит только мелких воров, а с крупными, действующими на крупные суммы, состоит в доле». И так думали не только местные жители, порой уличали друг друга в этом и сами чиновники⁴³¹. В Грозненском горском словесном суде к декабрю 1895 года накопилось 1676 нерешённых дел⁴³². По мнению депутата Н.С.Чхеидзе: «выдумывание всяких преступлений с целью вымогательства – всё это возведено в культ администрации на Кавказе»⁴³³. Краевед Н.С. Иваненков также делился своими наблюдениями: «Чеченец человек любознательный и пытливый. Он очень исполнителен к законным требованиям, но весьма неподатлив, когда не видит в требованиях законности»⁴³⁴. Нередко администрацией практиковалась ссылка «по жребию». Например, наместник распорядился выслать «семь наиболее вредных шейхов с семьями». Степень вредности, очевидно, еще не была установлена, а число уже было назначено... Известны случаи, когда в число высылаемых назначались малолетние и даже покойники. Высылка нередко практиковалась в массовой форме. Убедившись в своей бессилии отличить порочных людей от мирного населения, администрация высылала целые селения. Само собой понятно, что высылка мотивировалась необходимостью борьбы с «разбойничеством». Дикари, хищники, мошенники – такими эпитетами именовались жители Северного Кавказа. Русский историк отмечал, что термин «мошенники» стал почти официальным названием горцев в переписке Ермолова. То был образ дикого горца, варвара, враждебного России и живущего исключительно грабежом и разбоем. В чем же коренятся предрассудки? Предрассудки и предубеждения отражают конфликты интересов между определенными группами людей. Доказано, что люди часто создают «киллюзорную корреляцию» между этнической при-

надлежностью и преступной деятельностью. Они охотно запоминают практически все антисоциальные акты, совершенные представителями других национальных и религиозных групп. В то же время преступления, совершаемые «своими», легко забывают. Социологами также установлено, что, люди склонны предполагать наличие внутренних, изначальных, врожденных причин для негативного поведения «других» и наличие внешних, провоцирующих факторов для антисоциального поведения «своих». Данный феномен известен, как принцип фундаментальной атрибуционной ошибки. Исторические и социально-экономические изменения в обществе способствуют появлению стереотипов⁴³⁵.

Не редко администрация целенаправленно обрушивала свой гнев на самую зажиточную часть чеченского населения, чье имущество затем продавалось или конфисковывалось. Были случаи, когда в селах записывали в преступники бедных, одиноких людей, а богатых из больших семей, воров скрывали, опасаясь их мести⁴³⁶. В 1863 году, при инспекционной поездке по Терской области, наместник Кавказа вынужден был констатировать неудовлетворительное состояние судопроизводственной системы, и санкционировал открытие областного суда во Владикавказе, а также утвердил по штату прокурорскую должность⁴³⁷. Недостатком народного суда, по мнению наместника Кавказа, являлось подчинение его обязательно участвующему в нём административному начальнику. Также в составе туземного управления Терской области чувствовался большой недостаток в апелляционном суде⁴³⁸. Жалобы местных жителей на должностные лица обыкновенно оставлялись без последствий, и, обиженные, под влиянием чувства мести, они начинали прибегать к грабежам и разбоям⁴³⁹.

Большинство судей в Терской области представляли военные чины, которые не знали местных языков и не вдавались в изучение местных законов и традиций, что существенно затрудняло судопроизводство⁴⁴⁰. Окружные начальники, исполняя функцию полицейской власти, участвовали в заседаниях мировых судов с правом голоса. Отсутствие земских учреждений в Терской области само по себе уже не допускало возможности применения к этим судам общероссийской структуры судебной власти. Мировые судьи назначались правительством, отсутствовал институт присяжных заседателей⁴⁴¹. Хотя председателем горского словесного суда должен был быть помощник начальника округа, под председательством которого состав присутствия горского суда только и может считаться законным, но на практике, при отсутствии

помощника начальника округа, обязанность председателя в словесном суде исполняло иногда лицо, не имевшее никакого отношения к горскому суду. На основании параграфа № 60 временных правил от 18 декабря 1870 года решения и приговоры горских словесных судов Терской области могли быть обжалованы у начальника области в месячный срок со дня их объявления. Но начальник области не справлялся с потоком апелляционных жалоб. Поэтому фактическое рассмотрение поступивших дел зависело от столоначальника, которому приходилось давать взятку. По мнению современника: «Обзор судебного дела среди горского населения Кавказского края приводит к тому заключению, что положительную сторону составляет лишь крайняя дешевизна»⁴⁴². В разборе дел по шариату также возникали трудности. Северный Кавказ в тот период относился к Оренбургскому муфтияту, поэтому, в силу его отдалённости, контроль за работой кадиев в рамках мусульманского законодательства не проводился⁴⁴³.

Барон Торнау, служивший на Кавказе, Ханыков, состоявший при князе Воронцове, и некоторые другие чиновники предлагали выработать особый правильный мусульманский кодекс, подчинив все гражданские дела мусульман ведению их духовных судов, допуская подсудность мусульман общему гражданскому суду только в виде особых редких исключений. Они предлагали дела не мусульман с мусульманами подчинить разбирательству мусульманского духовного суда. Торнау замечал, что уничтожить в среде мусульман действие мусульманского права и подчинять их российскому праву – и опасно, и бесполезно. Торнау находил, что в интересах укрепления русской власти в среде мусульманского населения подчинение горцев действию русских гражданских законов невыгодно, т.к. это будет источником недовольства. Бакинский губернатор Кулебякин считал, что не только нет необходимости создавать для мусульман особый кодекс и предоставлять их духовенству широкие права в сфере правосудия, но даже не следует организовывать это духовенство, т.к. всякая организация придаст ему силу⁴⁴⁴.

Нельзя не отметить, что новая система судопроизводства находилась в подчинении военной администрации и «народного» в ней было крайне мало не только по форме, но и по содержанию. Военные в любой момент имели право отстранить судей от занимаемых должностей. В горских судах отсутствовали присяжные поверенные, адвокаты, защитники⁴⁴⁵.

Судебная реформа в центральных регионах России отличалась от окраинной своей демократичностью. Судебные уставы предусматри-

вали состязательность процесса с участием прокурора – обвинителя и адвоката. Для разбора мелких проступков и гражданских дел иском до 500 рублей, учреждался мировой суд, допускавший примирение сторон. Впервые был введён институт выборных присяжных заседателей, определявших виновность подсудимого. Большое значение имело и то, что судебные заседания стали открытыми, их материалы помещались в периодической печати⁴⁴⁶.

На Кавказе участковые мировые судьи назначались наместником. На мировых судей могли быть налагаемы в порядке дисциплинарного производства меры взыскания. Не смотря на отсутствие земских учреждений, в Терской области собирали в полном объёме земские повинности⁴⁴⁷. При устройстве судебной части в Терской области были допущены два существенных отступления от общероссийских Судебных уставов: мировые судьи не были выборными, но назначались от правительства; производство уголовных дел в окружных судах велось без участия присяжных заседателей⁴⁴⁸. Конечно, причин для этого было много. Среди них надо особо выделить колониальную политику царизма в управлении национальными окраинами. Отсутствие суда присяжных заседателей как института права, действительно способного привлечь местное население к работе новых органов правосудия, тормозило процесс развития общественного правосознания, отнюдь не способствуя поднятию авторитета пореформенного суда⁴⁴⁹. В отступлении от общих законов, по причине отсутствия земских учреждений, на Северном Кавказе существовала несменяемость мировых судей из-за существовавшего порядка их назначения и увольнения. При таком положении дел отсутствовал нравственный контроль над личным составом мирового суда, который осуществляли бы земские учреждения. Назревала необходимость постепенного подчинения горцев Терской области общим судебным мировым учреждениям, что привело бы к расширению их гражданских прав и свобод⁴⁵⁰.

Одним из главных препятствий к этому демократичному общественному развитию являлась косность взглядов некоторых чиновников, видевших в горцах лишь «дикарей», не способных воспринять «блага цивилизации». Представим для наглядности высказывание Н.Н. Рейхельта: «Кавказ, и к счастью, и к несчастью для него, так ещё первобытно дик, что для него вполне хватает примитивного закона, лишь бы только закон этот не оставался мёртвой буквой. Допустим на минуту, что введён суд присяжных. Что же получится? При известной каждому жив-

шему на Кавказе племенной розни между отдельными народностями, их старых счетах и односторонности развития, присяжные обязательно будут оправдывать всех своих и осуждать чужих. А так как русские для всех чужие на Кавказе, то суд иноплеменников прежде всего и главнее всего обрушится на русских»⁴⁵¹. А теперь приведём выдержку из отчёта высшего должностного лица на Кавказе – наместника: «Вместе с тем, однако, невозможно по разноплеменности, так и в особенности по неразвитости Закавказского населения применить здесь некоторые из тех условий нового суда, которые составляют достоянье более развитых гражданских обществ, к таковым принадлежали: выборное начало для мирового суда и суд присяжных; а потому соизволил, 9 декабря 1867 года, на введение судебной реформы в пределах Кавказского наместничества. Ваше Величество, по ходатайству моему и согласно постановлению Гос.Совета, в виду не существования на Кавказе земских учреждений, благоволили повелеть, чтобы впредь до времени, назначение мировых судей производилось от правительства, и дела уголовные решались без содействия суда присяжных»⁴⁵².

Судебная система Терской области в середине XIX века во многом являлась типичной для российских регионов, и, как и в них, носила инквизиционный характер и ничем неприкрытый произвол в решении судебных дел. В соответствии с судебными уставами 20 ноября 1864 года в России была введена гласность и состязательность судебного процесса и его независимость от администрации; вступали в действие институт адвокатуры и суды с участием присяжных заседателей. Эти меры вселяли надежду у населения Северного Кавказа в ближайшее изменение действовавшей судебной системы. Однако в ходе установления новой судебной системы в Терской области, был изъят целый ряд основ судебной реформы, хотя и сохранилось раздельное судопроизводство и судопроизводство для различных социальных групп и народов Северного Кавказа. В то же время отсутствовал суд присяжных заседателей, институт адвокатуры, велико было значение администрации в решении судебных дел⁴⁵³. Возникли затруднения во взаимоотношениях административной и судебной властей, которые в соответствии с уставами 1864 г. должны были исполнять свои функции независимо друг от друга. Но в условиях Северного Кавказа, где администрация могла вмешиваться в решение практически всех более или менее важных вопросов жизни края, этот принцип разделения властей исполнялся скорее в виде исключения, чем правила.

Начало судебных контрреформ

Поэтому уже через несколько лет существования новых судов на Кавказе, великим князем Михаилом были внесены в Кавказский комитет предложения о некоторых изменениях и дополнениях в устройстве мировых судов. Поступив в Соединённые департаменты законов и государственной экономии Государственного Совета в сентябре 1874 г., они были одобрены. Однако, при обсуждении их в общем собрании Гос. Совета некоторые из его членов выразили сомнение по поводу целесообразности проведения изменений в Терской и Кубанской областях и Ставропольской губернии. Эти изменения касались порядка назначения и увольнения мировых судей, которые назначались Правительственным сенатом по представлению наместника Кавказского. Внесённые на обсуждение предложения предполагали не только назначение, но и увольнение мировых судей наместником. Мотивируя своё решение отсутствием возможности введения здесь в ближайшем будущем земских учреждений, великий князь Михаил Николаевич указывал и на опыт, убедивший его « в крайнем неудобстве освободиться путём судебного преследования от личностей, которые оказались недостойными высокого звания судьи». Это был один из первых шагов отступления от основных начал судебной реформы, которые в скором времени переросли в целый ряд законов и подзаконных актов, получивших определение контрреформ⁴⁵⁴.

В результате судебной контрреформы появился закон от 8 апреля 1879 года, который значительно расширил круг дел, разбиравшихся военными судами по законам военного времени. Судебная контрреформа преследовала две взаимосвязанные цели: ограничить гласность, демократичность суда и усилить административное вмешательство в судопроизводство. Заметим, что началась судебная контрреформа в период, когда другие буржуазные реформы еще не завершились. При этом она была проведена не одноразовым законом, а рядом отдельных нормативных актов, под завесой так называемых «временных мер», скрывающих отказ от Судебных уставов⁴⁵⁵.

Для Российского общеимперского законодательства было характерно наличие значительного количества правовых норм, по которым религиозная или национальная принадлежность субъекта изначально давала определённые преимущества в гражданских правах, или же становилась фундаментом для «произрастания» многочисленных ограничительных

норм. Усиление ограничительных норм по вероисповедному и национальному признаку наблюдалось в 80-90-х гг. XIX в., что было связано с отходом от курса либеральных преобразований эпохи Великих реформ, а также с тем, что главным ориентиром в имперской политике этого времени стал идеал «единой» России во главе с русской народностью⁴⁵⁶.

Суд по адату, по сведениям Ф.И. Леонтовича, был судом посредническим. Известно, что чеченцы принимали к себе представителей других народов. В этой связи встает вопрос о подсудности дел по частнопроводимым спорам с участием этих лиц. Можно предположить, что в пределах своих семей «пришлые» разрешали споры на основе собственных адатов, а отношения между ними и коренными жителями (чеченцами) регулировались в соответствии с нормами местных адатов. Интересы «пришлых» могли представлять в суде члены местных сообществ, что вполне соответствует принципам патроната⁴⁵⁷.

Судебная контрреформа в первую очередь коснулась тех норм судебных уставов 20 ноября 1864 года, которые устанавливали порядок расследования и рассмотрения государственных преступлений. Одним из важнейших элементов судебной контрреформы в этой области стал закон 8 апреля 1879 года о передаче государственных преступлений и особо опасных преступлений, направленных против порядка управления – военным судам. По этому закону рассмотрение и решение их должно было осуществляться в военно – окружных судах или во временных военных судах, создаваемых каждый раз по указанию губернаторов из штаб – офицеров войск, расположенных в том военном округе, где производился суд. Этот же закон вносил существенные изменения и в порядок судопроизводства, ограничивая права подсудимых. Но ещё более широкие полномочия получали административные органы в местностях, объявленных на положении чрезвычайной охраны. Статья 26 предоставляла Главноначальствующему «право изъятия из общей подсудности дел об известном рода преступлениях и проступках» не только с передачей их к производству военного суда, но и с подчинением их административным решениям в пределах карательной власти, предоставленной ему на основании этой статьи. Он мог подвергать в административном порядке заключению в тюрьму на 3 месяца или аресту на тот же срок, или денежному штрафу на 3000 рублей за нарушение обязательных постановлений. Получение административными органами права рассмотрения дел, которые, вместе с судебными уставами, должны были

разрешаться исключительно в судебных местах, означало существенное нарушение принципа независимости суда⁴⁵⁸.

В 1893 году с разрешения царя значительная часть уголовных дел, связанных с горским населением, была изъята из общегражданских судебных уставов и передавалась на рассмотрение военным судам. В этом же году на Терскую область были распространены правила об административной высылке в Восточную Сибирь лиц из горского населения, обвиняемых или подозреваемых в краже лошадей и скота, а также другого имущества. В 1892 году была подтверждена статья 26 «Учреждения Управления Кавказского края» об административной высылке лиц горского происхождения за проступки до 5 лет в пределах области и за пределы Кавказского края⁴⁵⁹. На основании Высочайших повелений, последовавших 29 июля 1891 года и 25 января 1893 года, обвиняемые в вооружённом нападении на пассажиров и служащих железных дорог Кавказского края предавались военному суду для осуждения по законам военного времени, в случае, если преступление сопровождалось убийством, покушением на убийство, нанесением ран, увечий, разбоем, грабежом или поджогом. По ходатайству Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе такая мера стала применяться не только к железным дорогам, но и к остальным местностям. Хотя данная мера и была принята как временная, действовала она на Кавказе довольно долго⁴⁶⁰. Н.С. Чхеидзе обличал царизм в несправедливом отношении к горцам. На заседании III Гос. думы он говорил: «...Кавказская администрация только и занимается тем, что применяет террор к мирному населению. В сравнении с этой администрацией Зелим – хан прямо агнец невинный....»⁴⁶¹.

Развитие чеченских судов

При создании в 1858 году так называемых «народных судов» в Осетии, Чечне, Кабарде, царизм использовал тот богатый опыт, который был накоплен в первой половине XIX века «Временным судом» в Кабарде (1822-1858 гг.) и «Народными судами» в Осетии (1847-1858 гг.) и Чечне (1852-1858 гг.). Опасаясь новых обострений политических отношений с народами Северного Кавказа царизм при введении новой системы суда в крае вынужден был считаться с особенностями общественного строя, традициями, нравственными нормами обычного права и религиозными убеждениями местного населения. Члены новых судебных органов из-

бирались из местного населения, а председателями являлись начальники военно – народных управлений. По форме суд был создан по российскому образцу, но юридической основой судопроизводства оставались нормы обычного права местных жителей⁴⁶². Начиная с 1870 года согласно «Временным правилам» в сельских судах Кубанской и Терской областей решались лишь только мелкие споры и дела, стоимость которых не превышала 30 рублей. По всем мелким делам стоимостью свыше 30 рублей жители обращались в окружной суд, на что приходилось тратить больше средств и времени. Сельский суд решения принимал с общего согласия всех его членов и по большинству голосов⁴⁶³.

Сельские (аульные) суды существовали в каждом сельском обществе. Сельский суд составлялся из судей, избираемых сельским сходом. Судьи избирались на 1 год. Председательствовал на суде кто – либо из судей по выбору. Наказания, к которым сельские суды могли приговаривать: денежный штраф до 3-х рублей, арест до 7 дней, общественные работы до 6 дней. Решения и приговоры сельских судов составлялись письменно и объявлялись большей частью на арабском языке. Жалобы на их решения передавались в Горский словесный суд в течение месяца. В решении уголовных дел, согласно правил от 18 декабря 1870 года, Горский суд определял «...по совести – степень виновности обвиняемого, по обычаю – количество вознаграждения, следующего потерпевшему от преступления, и по закону – следующее виновному наказание»⁴⁶⁴.

В равнинных районах Грозненского и Хасав – Юртовского округов, в Кубанской области были учреждены аульные суды, а в Аргунском и Веденском, а также в горной части Грозненского и Хасав – Юртовского округов вводились участковые суды. Те и другие рассматривали одинаковый круг вопросов: в их ведение передавались уголовные дела по маловажным преступлениям, совершённым в пределах территории сельского общества. Более важные уголовные дела разбирались окружными словесными судами⁴⁶⁵.

В Терской области ведомству горских словесных судов подлежали дела, возникавшие между горцами. Кроме того, горский суд мог приступить к разбору дел в качестве суда третейского в случае обращения к нему обеих тяжущихся сторон, даже если одна из них не относилась к горскому населению. В горских судах отсутствовали присяжные поверенные, адвокаты и защитники. На основании параграфа № 66 изданных 18 декабря 1870 года временных правил для Горских словесных судов Терской области, данные суды выносили решения и

приговоры окончательные и неокончательные. На последние разрешалось подавать апелляционную жалобу начальнику Терской области⁴⁶⁶. Первоначально для горских судов Терской области в качестве апелляционной инстанции 29 мая 1862 года был образован Главный народный суд, состоявший из председателя, 3 кадиев, 8 депутатов, 1 делопроизводителя, 4 переводчиков и 2 писарей. На приговор горского суда, когда штраф составлял до 30 рублей, арест не свыше месяца, никаких жалоб не допускалось⁴⁶⁷. Все решения Главного народного суда принимались большинством голосов и передавались на утверждение начальнику Терской области. Постепенно принятие апелляционных решений напрямую перешло к начальнику области.

Работу терских судов затрудняло то, что никакого надзора за личным составом их не велось, над судьями не было установлено никакой дисциплинарной власти. Такой порядок не способствовал выработке профессиональной этики, столь необходимой в судейской службе⁴⁶⁸. Обязательное участие в народных судах административных чинов часто нарушало понятие не только о народном, но и вообще о суде, т.к. дела в них решались под давлением казённых чинов.

По заявлению председателя Грозненского горского словесного суда, нередко наблюдались случаи подкупа судей, особенно в сельских судах, где взятки начинали отсчёт с 5 копеек. Сторона, желавшая выиграть дело в сельском суде, обычно подходила к судейскому столу, незаметно бросала за воротник судье, как бы не замечавшему, небольшую монету и после этого уже ожидала благоприятного для себя решения суда⁴⁶⁹. По заявлению председателя Грозненского горского словесного суда, а также председателя Веденского горского словесного суда, желающие попасть в депутаты не жалели ни обещаний, ни угощений, ни денег. На подкуп выборщиков затрачивалось по несколько сот рублей. «Баллотировка, – говорил один из очевидцев, – походит на продажу с публичного торга выгодных должностей депутатов горского суда»⁴⁷⁰. При таком составе судов само судебное разбирательство являлось ненужной формальностью: исход дела предreshался вне суда, в ближайшей кофейне. Такой суд деморализовал, развивал сутяжничество, убивал веру в правосудие и подрывал авторитет судебной власти. Один из правоведов того времени так охарактеризовал положение судебной части на Северном Кавказе: «Если определять достоинства суда исключительно степенью его дешевизны для казны и для тяжущихся, то горские и народные суды близки к идеалу...»⁴⁷¹. Когда судьи в народные суды стали назначаться

администрацией, была потеряна вера в справедливость суда⁴⁷². Горские словесные суды было бы правильнее назвать, по их сути, административными судами⁴⁷³.

По свидетельствам очевидцев того времени у чеченцев было 3 суда: уголовный – Окружной, Горский словесный суд и не признаваемый законами народный суд (суд кровной мести)⁴⁷⁴. В управлении Аргунского округа, в лице председательствующего в суде, в начале 60-х годов XIX века была сконцентрирована большая власть. Этот судья пользовался уважением у народа, так как при судебных разбирательствах использовал свои обширные знания законов и обычаев. Криминогенная обстановка на подведомственной ему территории оставалась спокойной⁴⁷⁵. По существовавшим правилам, председательствовали в горских и народных судах первой степени начальники округов или участков. В действительности же нередко эти должности занимали другие лица. Например, в Грозненском горском суде председательствовал неоднократно подпоручик, мусульманин – командир сотни милиционеров. Председатели горских судов жаловались на тяжесть совмещения в одном лице: расследования преступлений, судебной оценки, добычи улик и исполнения приговора. Самые добросовестные из судей глубоко сознавали свою беспомощность в судебном деле и крайне им тяготились⁴⁷⁶.

Во всеподданнейшем отчёте за 1881 год, начальник Терской области сообщал о неудовлетворительном отношении горского населения к судебным и мировым учреждениям, не соответствующим по своему делопроизводству понятиям и характеру горцев. На полях данного отчёта император начертил «Меня не удивляет»⁴⁷⁷.

Общеввропейские принципы пореформенного российского права оставались непонятными и чуждыми подавляющему большинству коренного населения Северного Кавказа⁴⁷⁸. В общинах разворачивалась традиционная правовая жизнь, её участники заключали сделки, разрешали споры и при этом мало интересовались, как относятся к их обычаям царь и его окружение⁴⁷⁹. По горскому закону «кровь смывается кровью». Арест убийцы царскими властями и смерть виновного в тюрьме или в ссылке часто не засчитывалась в счёт кровной мести. Если арестованный преступник погибал в неволе, что случалось со многими осуждёнными горцами, кровная месть часто переносилась на ближайшего его потомка или родственника с отцовской стороны⁴⁸⁰.

В чеченском фольклоре часто воспевалось отмщение. Так, в одной из старинных песен звучат следующие слова:

*«Под горою укроет могила меня,
И забудет жена, что любила меня.*

*Насыть черную травы покроют весной,
И меня позабудет отец мой родной.*

*И сестра моя станет, наплакавшись всласть,
Жить, как будто без брата на свет родилась.*

*Только старший мой брат – настоящий джигит –
Будет помнить о брате, пока не отмстит.*

*И покуда не ляжет со мной под горой,
Обо мне не забудет и брат мой второй»⁴⁸¹.*

Особенностью обычного права чеченцев и ингушей является то обстоятельство, что присвоение чужого имущества, совершённое путём кражи, грабежа, объединяются в единое понятие «воровства» и во всех случаях наказываются возвращением похищенной вещи или выплатой стоимости её в двойном размере⁴⁸². Издавна в Чечне было два рода суда: по шариату и по адату. Суд по адату принадлежал избираемым посредникам; по шариату же могли судить только муллы и кадии. Каждый имел право избирать род суда по своему желанию. Имам Шамиль запретил суд по адату в своих владениях и повелел, чтобы каждый мусульманин судился не иначе, как на основании шариата⁴⁸³. Под шариатом подразумевалось мусульманское право, основанное на общих правилах и положениях ислама, изложенное в Коране. Действие шариата на Кавказе по российским законам было ограничено главным образом религиозными и семейными делами. Горцы, приверженцы шариата, стремились к полной отмене действия адатов в практике горских судов⁴⁸⁴.

Адат и маслагат

Основными источниками обычного права являются обычаи (адаты), мировые соглашения (маслагаты), решения и постановления народных собраний – правовые нормы⁴⁸⁵. Термин «адат» – арабского происхождения. Общим, родовым понятием адата нужно считать обычай, живущий в

народном придании – как способ решения судебных дел. По чеченскому сборнику 1864 года маслагат состоит в «миролюбивом окончании дел» – медиаторским судом. «Маслагатное» решение по обычаю немедленно исполняется и не принимается на апелляцию ни адатом, ни шариатом⁴⁸⁶. В конце сборника адатов чеченцев Нагорного округа, составленного на основании показаний почётных стариков, находим следующее сообщение: «...Вообще народ, и в настоящее время, видя необходимость, примеряясь к положению жизни общества, изменяет который – либо из старых адатов, охотно делает это; в таком случае дело нашей власти постепенно указывать народу на необходимость изменения и давать должное направление имеющим составить народным постановлениям»⁴⁸⁷. Чиновники также считали, что «...В мусульманском крае полезно поддерживать суд по адату, народному обычаю, против шариата, суда духовного, дающего преобладание фанатичного духовенства; но подчинение христианским гражданским законам равняется для туземца насилчанию на каждом шагу его веры, связанной с самыми мелочными обычаями жизни»⁴⁸⁸.

Зародившись в недрах социально однородной группы, обычай и обычное право благополучно переживает эпохи общественной дифференциации, когда коллективная организация даёт трещины, а коллективное сознание сталкивается с фактическим появлением в группе различных слоёв и прослоек с их уже частными интересами, особыми целями. Норма обычного права – «живая норма». Она действительна и действует, покуда её помнят, подтверждают и переподтверждают, точно воспроизводят, понимают и разъясняют с целью применения в соответствующих ситуациях. Запоминается прежде всего то, что ближе, понятнее, важнее и актуальнее⁴⁸⁹. Отсутствие письменности и необходимость поддержать устные культурные традиции привели к расцвету бытового фольклора, через который люди усваивали нормы обычного права, так же как и другие социальные ценности того времени. Речь идёт о пословицах, поговорках, притчах, ярких, художественно образных, мягко доступных каждому человеку. Каждому спорщику фольклор даёт шанс найти в пословицах нужную ему аргументацию, чтобы, подобно современному адвокату, блистать на суде эрудицией и остроумием, взять верх над пусть даже правым, но ненаходчивым и не бойким на язык оппонентом⁴⁹⁰.

По «Положениям» 19 февраля 1861 года крестьянам, проживавшим в центральных регионах России, разрешалось руководствоваться своими обычаями при регулировании наследственных имущественных отношений, дел, связанных с опекой и попечительством и т.д. Признание за

обычаями силы действующих юридических норм породило насущную необходимость изучения правоотношений. Крестьянство, изолированное от регулирующего влияния норм государственной власти, само выработало целый строй правовых отношений⁴⁹¹.

История права начинается задолго до того, как появился первый закон или первые письменные памятники права, так что историю права нельзя сводить к истории законодательства. Нормы обычая, как и все другие правовые нормы, выражали разрешения и запреты, стимулировали, с одной стороны известные действия, а с другой – вносили элементы ограничений в поведение групп и индивидов. Традиционные формы передачи социальной информации несли в концентрированном виде общественный опыт, собираемый многими поколениями по крупицам и потому казавшийся людям тех эпох чрезвычайно ценным⁴⁹². Правовая система есть некоторая тотальность, обязанная своим существованием государству, в полной мере зависящая от него в своём функционировании и развитии. Идею государственного права многие отвергают, как говорится «с порога». Свидетельства о существовании правовых или квазиправовых норм в обществах, где ещё не было явно выражено политической организации, неизменно интерпретируют по схеме «в этом обществе права нет, потому что там не было ещё государства»⁴⁹³.

На Кавказе, после установления российской власти, также существовали подобные предубеждения. Однако вскоре сама жизнь заставила чиновников заняться пристальным изучением обычного права горцев. А.Ф. Кони был первым, кто обратил внимание на своеобразие судебных порядков горцев Северного Кавказа, сложившихся под влиянием различных обстоятельств, прежде всего бытовых условий. Он доказывал, что положение Имперского судебного устава вступает в явное противоречие с вековыми обычаями горцев. А.Ф. Кони – один из активных проводников судебной реформы в России, законодатель, теоретик и практик в области юридической науки – не мог не знать и о других недостатках узаконенных судов на Кавказе. Так, он считал недопустимым практиковавшиеся здесь соединения в лице одного мирового судьи судебных и следственных функций⁴⁹⁴.

Необходимо отметить, что российская администрация на Северном Кавказе предпринимала значительные усилия по систематизации адатов и сведению их в сборники, тем самым рационализируя их. Как свидетельствовал Ф.И. Леонтович, в конце 60-х годов XIX века в горских обществах уже были изданы сборники адатов, по ним разбирали дела в народных судах⁴⁹⁵. Русским чиновникам приходилось иметь дело

с решениями низших судебных инстанций по адатам, мало или вовсе им не известным – следовательно, принимать на веру решения по обычному праву, без строгой проверки. Окружные суды рассматривали дела, переходившие по апелляции из горских судов, что также требовало знания адата и шариата. В связи с чем, во второй половине XIX века Горским управлением вёлся активный сбор информации об адатах горцев⁴⁹⁶.

Через военно – народное управление сельские словесные суды были включены в единую судебно–административную систему Российской империи. Адат из системы местного права превратился в составную часть государственного биюридического уголовного законодательства⁴⁹⁷. Горские суды Терской области составляли первую судебную инстанцию и являлись по своему строю установлениями судебно–административными. В Терской области не имелось второй судебной инстанции; жалобы на решения горских судов приносились начальнику области. Для окончательного решения, дела направлялись через Штаб Кавказского военного округа к наместнику на Кавказе⁴⁹⁸.

Адатное и мусульманское право народов Северного Кавказа занимало определённое место в правовой системе православного государства, они были формально институционализированы и стали частью государственного законодательства. Государственная власть признала и считалась с действием на Кавказе мусульманского права, однако связывала его компетенцию с отношениями мусульман только в сфере семьи, брака, наследства и религиозных дел⁴⁹⁹.

Стремление оправдать колониальную политику царизма на Северном Кавказе сводилось к формуле: «цивилизовать горские народы, прекратить их хищнические набеги, представляющие постоянную и значительную угрозу для русских поселений на Кавказе». Складывались легенды о дикости горцев и неспособности их создать «настоящее государство». К рассказам о грабежах и набегах горцев нужно относиться с крайней осторожностью. Следует помнить, что Кавказская война была в значительной мере войной партизанской и что происходившие в действительности набеги (немало их оказалось и просто вымышленными) являлись именно такими партизанскими действиями. Исключение составляли лишь набеги, практиковавшиеся горскими феодалами и чрезвычайно близкие по своему характеру к хищнической деятельности баронов западноевропейского средневековья. Наконец, необходимо иметь в виду, что набеги производились и царской армией, и в особенности поселёнными на линии казаками⁵⁰⁰. По воспоминаниям войскового старшины

А. Ржевуского, набеги казачьи то и дело сокрушали жилища врагов и нередко, вместе с пленением людей, один и тот же скот переходил из рук казаков в руки горцев и обратно, по несколько раз⁵⁰¹.

Для поддержания порядка на Кавказе предлагали разоружить не только горцев, но и нестроевых казаков⁵⁰². Одной из причин для этого послужило распространение пьянства среди казачьего населения после завершения многолетней войны с горцами. В 1895 году станичные общества Александровской, Самашкинской и Вознесенской станиц Сунженского отдела вынуждены были составить общественные приговоры о закрытии в данных сёлах всех питейных заведений⁵⁰³. Нарушение нравственных устоев среди казачьего населения не могло не отражаться и на строевых частях, в которых преобладающим видом преступности стало посягательство на чужую собственность⁵⁰⁴. Расхищаемое казённое оружие расходилось по рукам «лихих людей»⁵⁰⁵.

Одним из способов борьбы с преступностью было разоружение населения Терской области, в основном оно касалось только горцев⁵⁰⁶. В 1882 году вступили в силу «Правила ношения оружия туземцами в пределах Терской области». По этому распоряжению в пределах всей Терской области горцам запрещалось появляться с оружием, как огнестрельным, так и холодным: в городах, окружных центрах, укреплениях, станицах, посёлках, слободах, на почтовых дорогах. Изъятие из Правил допускалось только в отношении состоящих на действительной службе офицеров, числящихся в армии или милиции и лиц, получивших свидетельства на право ношения оружия у начальника округа. У нарушителей оружие отбиралось, и его превращали по протоколу в лом, а затем документы передавались в Окружное управление⁵⁰⁷. Помимо этого в Терской области длительное время действовал запрет на поселение горцев в Грозном и слободах: Воздвиженской, Шатое и Ведено. Им также запрещалось приобретать недвижимость в указанных населённых пунктах. Исключение делалось только для горцев, состоящих на государственной службе или вышедших в отставку в офицерских чинах⁵⁰⁸. В 1891 году начальник Терской области ввёл запрет на проживание горцев одной национальности на землях горцев другой национальности. На основании этого запрета местные власти силой снесли часть горских хуторов. Ещё через два года власти Терской области получили право в административном порядке высылать в Восточную Сибирь лиц, подозреваемых в краже лошадей и скота. Кроме того, горцам – чеченцам не разрешалось совершать деловые поездки за Терек и Сунжу⁵⁰⁹.

Установление на Кавказе жесткой паспортной системы

На основании Устава о паспортах и беглых «никто не мог отлучиться от места своего постоянного жительства без узаконенного вида или паспорта». Паспортная система являлась средством финансового и полицейского контроля, она нарушала права человека, т.к. перемена местопребывания – есть, прежде всего, акт свободного самоопределения каждого и касался только индивида, не имел никакого отношения к деятельности правящей власти. По вердикту властей, лицо, желавшее изменить место своей осёдлости, обязано было предоставить увольнительный приговор из одного податного общества и получить согласие на приём от второго. Беглым называлось лицо, отлучившееся с места своего постоянного жительства без узаконенного вида и без разрешения своего общества или правительства⁵¹⁰.

В 1895 году система регистрации населения была усовершенствована. Бессрочные паспорта получили дворяне, чиновники, духовенство, почетные граждане и разночинцы. Паспорта не выдавались лицам, состоящим под надзором полиции, подвергшимся судебным ограничениям; цыганам, не имевшим оседлости; и немощным калекам. Особые удостоверения личности на специальной бумаге выдавались офицерам и чиновникам запаса. Нижние воинские чины при своем перемещении обязаны были приписываться в полиции. Помимо паспортов полиция выдавала паспортные книжки, плакатные паспорта, письменные виды, билеты, временные свидетельства о личности в зависимости от сословной службы, религиозной и даже этнической принадлежности граждан⁵¹¹.

На Кавказе, в послевоенный период паспортный режим был намного жёстче, чем в российской глубинке. Сельские общины были повязаны круговой порукой и все несли наказание, если один из членов совершал преступление, или подозревался в его совершении. В силу этого немногие общества решались дать открепительный лист своим сородичам, опасаясь дальнейшей коллективной ответственности (которая могла закончиться полным уничтожением села властями) за поступки своих односельчан.

Криминагенная ситуация в Терской области

Вся Терская область во второй половине XIX века была просто наводнена войсковыми подразделениями, укреплениями, постами.

Многие утверждают о частых разбойных нападениях чеченцев, но не все понимают, насколько это было «технически» сложно сделать, да и затраты в таком случае далеко не окупали добычи. Чтобы совершить разбойное нападение или грабёж казачьих поселений чеченцам, например из Шатоя или Ведено необходимо было бы не одни сутки (в силу обширности территории) добираться до казаков, пряча оружие, запасшись необходимыми документами, дабы не вызывать подозрений у властей, тратя деньги на долгую дорогу и пропитание, а затем совершить тот же путь, но уже с отарой овец или стадом коров, что требовало ещё больше усилий. Условия существования в тот период были столь сложны, что проделать этот головокружительный трюк с воровством было крайне сложно и опасно, «овчинка не стоила выделки», легче было бы ограбить соседних грузин или дагестанцев. Но этого не происходило. Дело в том, что чеченский менталитет накладывал строгий запрет на грабёж и воровство. Чеченцы пойманного вора приводили к мечети, где кадии и старики наказывали виновного лишением земли и строений и изгнанием его навсегда из родного села⁵¹². Всегда оставались неизблемыми вечные истины Корана. Так, пророк Мухаммед сказал: «Перестает быть мусульманином совершающий убийство»⁵¹³. Много внимания и Библия уделяет соблюдению законов всеми, что может относиться и к любому участнику уголовного процесса: «Ибо не слушатели закона праведны перед Богом, но исполнители будут объявлены праведными. Закон же порождает гнев, но где нет закона – нет и преступления»⁵¹⁴.

По мнению современников той эпохи: «Воровство совершалось горским населением не столько из дурных инстинктов, но столько и потому, что, по понятиям их, оно, скорее – проявление удали и молодечества, чем злой воли»⁵¹⁵. Как правило, в послевоенный период все преступления в области приписывались горцам. Травля велась и в печати. Незвестный корреспондент вынужден был признать, что 99% содержания статей, заметок, корреспонденций были посвящены вопросу о разбоях⁵¹⁶. Однако некоторые другие корреспонденты всё-таки выступали в защиту горцев, против навязывания им всем, поголовно, образа разбойника и бандита, но такие авторы всегда вынуждены были прятать свои имена под псевдонимами, т.к. их взгляды не совпадали с проводимой официальной политикой властей. Ом (псевдоним) в статье «Кавказская хроника» писал: «Некоторые господа, из породы мелкотравчатых, добровольно принявших на себя роль кликуш, утверждают, что разбои на Северном Кавказе не что иное, как результат гуманного отношения к туземцам

местной администрации, что туземец преступен по натуре своей, что для него нужны не гуманные мероприятия, а ежовые рукавицы и т.п. Твердя беспрестанно и пугливо слово «туземец», кликуши, однако, не указывают, которая из туземных народностей наиболее преступна, какой народ выдвигает в настоящее время преступников. Не малый процент преступников в Терской области выдвигают русские. Тут уж, вероятно, и кликуши не дерзнут сказать, что преступления совершаются этими людьми по призванию. Преступления эти являются продуктом крайне ненормальных, существующих социальных условий. Необходимо улучшение следственной части, а также состава сельской полиции»⁵¹⁷.

В одной из Петербургских газет в конце 90-х годов XIX века появилась присланная с Кавказа статья, пытавшаяся дать делу о разбоях несколько новое освещение, да и то больше полусловом и намёком. Автор старался показать, что умножение разбоев есть дело своеобразной интриги, исходящей из среды недовольных новой административной системой края. Есть, по словам автора, и среди туземцев, и среди чиновников даже не мало людей, умеющих ладить с беспокойным элементом края путём разных поблажек и соглашений, а, следовательно, и обладающих секретом, как можно сокращать разбои или давать им простор. Когда эти люди недовольны, то прибегают к терроризированию населения, как к своего рода оппозиции»⁵¹⁸.

Ф. Гершельман, 8 лет служивший на Кавказе, пришёл к выводу, что грабежи являются прямым следствием общего неустройства края»⁵¹⁹. Г.М. Туманов, также долгие годы работавший на Северном Кавказе не сомневался, что рассказы о преступности преувеличены. В своей работе «Разбои и реформа суда на Кавказе» он писал: «Утверждать, что в натуре кавказца более элементов преступности, чем у других народностей, было бы слишком смело, просто абсурдно. В представлении европейца пылкий испанец или итальянец является более склонным к злодеяниям, чем рассудительный француз, а француз, в свою очередь – более беспокойным элементом, чем холодный норвежец или немец. Там, где осторожный северянин ограничился бы ловким подлогом, кражей или отравлением, там экспансивный южанин прибегает к грубому насилию: к грабежу, ранению, убийству. Но и в том и в другом случае преступление остаётся преступлением. Достоинно внимания и то, что некоторые аграрные преступления на Кавказе создаются недостатками закона»⁵²⁰.

Не смотря на нагнетание страстей вокруг вопроса о грабежах и разбоях горцев, статистика показала несколько иную картину, представив

Терскую область как одну из самых благополучных в криминогенном плане. В предреволюционные годы Терская область имела наименьшую преступность из всех кавказских губерний и областей⁵²¹. Если в 1874 году в области было совершено 252 преступления, то уже к 1875 году эта цифра снижается до 176⁵²². Цифровые данные о судимости и о кражах скота указывают на уменьшение числа преступлений. В 1893 году в Терской области было зафиксировано 213 краж скота, в 1894 году – 45, а в 1895 году – 121 кража. На 1893 год приходится 340 краж лошадей, к 1894 году этот показатель уменьшается до 171, а к 1895 году снова увеличивается до 205⁵²³. В 1896 году общее число осуждённых в Терской области, по сравнению с предыдущим годом, уменьшилось на 3141 (33,8%), причём в горских судах на 47,2%⁵²⁴.

На показатель уровня преступности в регионе сильно влиял постоянно увеличивающийся поток переселенцев, далеко не всегда работающих и законопослушных. Мигранты в основном поселялись на равнине и в городах. В 80-х годах XIX века в Грозном впервые появились нищие, выросла преступность. Один из корреспондентов «Терских ведомостей» писал в 1877 году: «До 1869 года на Сунже не было нищих, теперь они бродят целыми компаниями»⁵²⁵. До 1835 года практиковался перевод в казачье сословие всякого рода бродяг из числа беглых помещичьих крестьян и прочих лиц, «не помнящих родства». В 1831 году был издан Указ, который предусматривал, что «...из Кавказской области...бродяг здоровых, способных работать, не старше 25 лет, отсылать на Кавказскую Линию для отдачи в работники к казакам». Данные Статистических сводов Министерства Юстиции дают наглядный пример численности осуждённых по вероисповедальному признаку в Российской империи за определенные временные отрезки. Так, например, с 1874 по 1878 гг. осуждённых мусульман было 3 %, с 1879 по 1883 гг. – 3,4 %, с 1884 по 1888 гг. – 2,9 %, с 1889 по 1893 гг. – 2,6 % (православных 76,8 %, раскольников – 2,9 %, католиков – 6,7 %, протестантов – 3,7 %, иудеев – 6,7 %)⁵²⁶.

В Терской области проживало большое количество военных. В годы Кавказской войны эта категория граждан, в основном под действием спиртных напитков, нередко провоцировала совершение преступлений, а также и сама нарушала закон. В условиях мирного времени армия стала еще более «разлагаться», а многие ее чины – деградировать. Русскую пореформенную армию современники оценивали как «школу пьянства». Господствовало мнение, что алкоголь повышает храбрость и укрепляет силы в походной жизни. Алкоголизм в армии поддерживало неукос-

нительно соблюдавшееся правило выдачи казенных винных порций. Поскольку выдача денег в армии производилась одновременно с подношением чарки, «трезвенники» подвергались насмешкам товарищей. Медицинские комиссии констатировали, что «в русской армии все нижние чины более или менее пьют». Для офицера же выпить положенную ему высочайшим жалованьем чарку водки считалось едва ли не служебным долгом. Господствовало неписаное правило, что офицеру, неспособному к питию, и служить не стоит, так как он не справляется со своими должностными обязанностями. Неудивительно, что заболеваемость алкоголизмом среди офицеров была в 30 раз выше, чем у солдат⁵²⁷.

С ростом промышленности и торговли в крае увеличилось число экономических преступлений, появился рэкет. По свидетельствам современников: «Если вы заводите на Кавказе какое-либо промышленное предприятие, к вам через некоторое время доставляется по почте “окладной лист”, в котором обозначено, сколько вы должны платить местной разбойничьей банде за свою личную и имущественную безопасность. А затем к вам пожалует и лично депутат от банды за данью»⁵²⁸.

Бессилие власти в предупреждении преступлений, в раскрытии и в поимке преступников заставляло население прибегать к самообороне и самосуду. Поэтому процветание самосуда в виде кровной мести можно было поставить в вину не только населению, но и слабости местной власти, вследствие её недостаточной организованности. По мнению одного из современников «...следовало бы признать за аксиому, что не может быть правильного правосудия там, где судьи изображают из себя глухонемых, т.е. не знают ни местного языка, ни местных обычаев, ни веры, ни своеобразных условий местной жизни»⁵²⁹.

Установление системы осуждения и наказания коренных жителей

Этапирование горцев в места лишения свободы

Общая стоимость содержания и пересылки административно-ссыльных и их семей в Российской империи ежегодно составляла 444 060 рублей⁵³⁰. Чеченец Ахмат-хан Баев из Шатоя, побывавший по суду

за «кровные дела» несколько лет в Сибири, искренне говорил, что там ему жилось лучше: «Работа есть, деньги есть». Он сожалел, что чеченец не имеет выхода на русские просторы⁵³¹. Император, по положению Кавказского комитета от 28 ноября 1863 года разрешил ссылаемым в Сибирь на водворение уроженцам Кавказа выдавать ежегодно по 57 рублей 14/2 копейки на довольствие. Руководство Сибирского края добилося того, чтобы данная сумма выплачивалась не всем ссылаемым горцам, а лишь тем, которые не могут зарабатывать себе средства на жизнь по болезни или дряхлости⁵³².

Горцев чаще других жителей области высылали в отдалённые российские губернии и Сибирь. Высылка из края была введена в 1868 году по распоряжению главнокомандующего Кавказской армией. Это наказание применялось к признанным виновными в таких преступлениях, за которые по Уложению о наказаниях полагались каторжные работы или ссылка на поселение. Каторжные работы заменялись обыкновенно ссылкой в Сибирь навсегда, а ссылка на поселение – высылкой во внутренние губернии России на срок⁵³³. Право «принудительного переселения в Сибирь в порядке административном» было предоставлено в России некоторым высшим органам власти. Ссылались на срок до 5 лет, по распоряжению главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, «местные инородцы и туземцы, известные своей политической неблагонадежностью или же с преступными наклонностями». Вторая категория административно-ссыльных состояла из сосланных в соответствии с особыми правилами, действовавшими в Терской области. По ним заподозренные в краже лошадей или скота горцы подвергались административной ссылке в Восточную Сибирь по распоряжению местной власти. По своему статусу административно-ссыльные ничем не отличались от сосланных «на жительство» по суду и практически сливались с ними. К 1903 году в России остаются следующие виды ссылки по закону: каторга, ссылка на поселение, ссылка на водворение и административная ссылка, как особое наказание⁵³⁴.

В одной из чеченских песен так передается тоска родных по высланным в Сибирь:

*«Мне приносит вести небо синее,
Подтверждает черная земля.
Где, мой брат, тебя увижу я,
Боль разлуки нашей утоля?»*

*Ты лелеял, брат, мечту напрасную,
Сгоряча ты понаделал дел.
Ты не пожалел меня, несчастную,
Ты себя и то не пожалел.*

*Нынче по какому краю рыская,
Мне тебя искать всего верней?
Далека земля, земля сибирская,
Но близка печаль моя о ней»⁵³⁵*

Работа системы наказаний в имамате Шамиля

В имамате Шамиля существовало два аула, в которые ссылались люди, подлежащие смертной казни за свои преступления, но которых Шамиль не хотел этому подвергать, исходя из уважения к прежним заслугам – аул Читль, который считался «Шамилевской Сибирью» и был расположен на высокой горе, где была самая длинная зима в Дагестане и почти не проглядывало солнце. Там же размещалось и несколько семей, освобожденных от воинской службы и обязанных охранять ссыльных. Вторым местом ссылки являлся аул Акнада. Прапорщик И. Загорский, бывший в плену, сообщал следующее: «Все наказания приводят в исполнение с величайшей точностью и нужно сказать правду, что преступления становятся очень редки. Теперь через всю страну, над которой распространяется власть Шамиля, можно смело одному человеку провозить тюки золота без опасения лишиться их»⁵³⁶. После окончания Кавказской войны плененный Шамиль по дороге в столицу сильно сомневался в том, что его действительно везут прямо к царю в Петербург; он долго предполагал, что его везут в Сибирь и следил по компасу за направлением дороги. Когда путь шел на север, он был доволен, но малейшее уклонение на восток, тревожило Шамиля⁵³⁷.

Начали ссылать «вредных и преступных жителей из туземцев» царские власти ещё в 1862 году, осуществлялось это административным порядком, по соглашению с наместником на Кавказе. Высылались горцы преимущественно в Тульскую, Рязанскую, Калужскую, Новгородскую и Псковскую губернии⁵³⁸. В 1864 году главнокомандующий Кавказской армией предложил вместо ссылки определять горцев на

службу в действующие войска вне Кавказа на срок от 4 до 10 лет. Таким образом, руководство хотело сэкономить средства и установить спокойствие в крае, т.к. большинство горцев считало, что у них состава преступления не было, т.к. они действовали по обычаям, из-за удалённости или, пытаясь сохранить свою честь или честь своей семьи, рода. Однако вскоре выяснилось, что отдача лиц гражданского ведомства за преступления в военную службу окончательно отменена ещё в марте 1860 года. По мнению Гос.Совета «..Армия не может быть местом ссылки и наказания для преступников». В силу этих причин осуждённых горцев стали отдавать в арестантские роты гражданского ведомства; или ссылать их в Сибирь, или же использовать их на государственных работах: проведении Ладожского канала, очищении форсаторов судоходных рек, проведении шоссейных дорог⁵³⁹. Главнокомандующий мог по представлению начальника области высылать подозрительных лиц за пределы Кавказа на основании ст. 478 Свода военных постановлений. И только 8 марта 1868 года наместник Кавказа ввёл порядок, по которому при назначении горцам видов и сроков ссылки следовало руководствоваться Уложением о наказаниях⁵⁴⁰. Высылка, не смотря на то, что она признавалась во всех европейских кодексах, а также упоминалась в Уложении о наказаниях – наказанием, и притом довольно крупным – в России не считалась. Её чаще называли полицейской мерой, принимаемой для предупреждения повторного преступления. При этом, конечно, забывали, что ссылка для многих являлась карой равной даже смертной казни – из-за болезней, климата, языкового барьера, отсутствия средств к существованию⁵⁴¹.

Когда горцев выселяли из области за проступки, числящиеся за ними недоимки должны были выплатить правительству оставшиеся их сородичи⁵⁴². Только в 1875 году издержки по переселению горцев из Терской области в другие регионы были отнесены на счёт государственной казны, а до этого времени ссыльные терпели многочисленные бедствия на пути к месту несения наказания. В 1893 году на Терскую область были распространены правила об административной высылке в Восточную Сибирь лиц из горского населения, обвиняемых или подозреваемых в кражах лошадей, скота или другого имущества⁵⁴³. В правилах по административной высылке должны были быть указаны местности, куда ссыльные должны быть водворяемы, способы их передвижения к местам ссылки, пособия, которые они получали бы при поселении на новом месте и при следовании в пути⁵⁴⁴.

Военно-Грузинская дорога была этапною для препровождения арестантов из Закавказского края и Северо-Восточного Кавказа в Центральную Россию, Сибирь и обратно. На ночлег, между этапами арестанты, за исключением весьма немногих мест, размещались обычно по обывательским домам⁵⁴⁵. В 1857 году ссыльных в Сибирь начали возить от Петербурга до Твери по железной дороге, а от Твери до Тюмени на пароходах. В 1858 году последовало распоряжение возить всех пересыльных до Москвы по железной дороге⁵⁴⁶. Главный ссыльный тракт пролегал по рельсовому пути от Москвы через Рязань, Ряжск, Пензу, Самару, Уфу, Челябинск и далее по Сибирской и Забайкальской железным дорогам. Расходы по возвращению в прежние места жительства ссылокаторжных, признанных судебной властью невинно осужденными, членов их семей, происходили за счет казны⁵⁴⁷. Арестантов по всем линиям железных дорог в год перевозили в среднем, около 240 тыс. человек. За их перевозку железным дорогам платили свыше 384 тыс. рублей (1 руб. 60 коп. за каждого перевезенного). Сопровождением арестантов по железным дорогам были заняты 55 конвойных команд. В год на каждого конвоира приходилось около 119 перевезенных арестантов⁵⁴⁸.

Беглые

Отличительной особенностью сибирской ссылки был устойчиво высокий процент беглых. К 1 января 1898 г. в «безвестной отлучке» оказалось: в Енисейской губернии – 11556 (22,65 %) ссыльных; в Иркутской – 29403 (40,95 %); в Забайкальской области – 3374 (23,44 %); в Якутской – 1277 (24,66 %); в Амурской – 484 (71,27 %); в Приморской – 1817 (85,82 %). Есть основания полагать, что эти данные занижены. Например, по сведениям иркутского губернского тюремного инспектора в Иркутской губернии к 1 января 1897 г. 62 % ссыльных находились «в бегах»⁵⁴⁹.

Довольно часто осуждённые, не дождавшись разрешения вернуться на родину, самовольно покидали места лишения свободы. Горцы, проработавшие на каторге в Табольской губернии по 8-10 лет бежали через необозримые киргизские степи в Бухару, оттуда отправлялись в Ташкент и Мешед. Попавшие хоть раз в киргизские палатки беглецы уже считали себя вне опасности. Возвратившиеся через Среднюю

Азию на родину горцы в большинстве случаев вели себя тихо и скромно, рассчитывая исходатайствовать себе помилование⁵⁵⁰. Через год-два пребывания на каторге горцы совершали многочисленные побеги не только из Сибири, но даже с острова Сахалин. Сибирская железная дорога значительно облегчила и ускорила возвращение беглецов на Кавказ⁵⁵¹.

По мнению некоторых кавказских чиновников, нужно было применять строгие меры к горцам, без особых «судебных церемоний». В «по- сильном труде» бывшего уездного начальника, полковника Д.С. Барановского, представленном «на просвещенное благоусмотрение» министра внутренних дел В.К. Плеве, мы читаем следующее: «Нельзя пройти молчанием еще один важный вопрос: это способ уничтожения беглых из каторги разбойников, ибо население отчасти из страха не желает обнаруживать их местопребывание. Для уничтожения этого зла, следует либо нанимать лазутчиков для разведывания разбойничьих гнезд, либо прямо нанимать киллеров для расправы с беглецами.... В первом случае уездный начальник рискует своею жизнью, если сам идет на поимку, и жизнью находящихся с ним людей, во втором случае он рискует попасть в каторжную работу за убийство вместе с нанятым им киллером, если этот факт будет установлен судебною властью». Чиновников, готовых пускаться во все эти «тяжкие», подполковник называет опытными, честными, дисциплинированными и готовыми каждую минуту пожертвовать жизнью, людьми⁵⁵².

Царское помилование осужденных

Родственники, переживая за своих близких, обращались в различные инстанции с прошениями о помиловании. Император Александр II иногда давал такое разрешение на досрочное завершение сроков наказания горцев. В 1870 году в Курскую губернию, под надзор полиции были высланы Дуда Базукаев, Тепсурко Борзукаев и Мурад Лечиев. Жители села Старый Юрт составили приговор сельского общества, в котором поручились за будущее добропорядочное поведение высланных односельчан и ходатайствовали о досрочном возвращении их на родину. Весной 1873 года император разрешил вернуть осуждённых домой⁵⁵³. Также были помилованы жители села Азамат-Юрт – Шека и Уздемир Дусаевы, высланные в Иркутскую губернию, на поселение, за

убийство (кровомщение) односельчанина⁵⁵⁴. В связи с бракосочетанием Николая II, он даровал в 1894 году: «Туземцам Кавказа, высланным по распоряжению главного Кавказского начальства за совершение общеуголовных преступлений, водворённым в Сибирь и Европейскую Россию, при условии одобрительного поведения в ссылке: для высланных бессрочно – по истечении 12 лет, а для высланных в срок, превышающий 5 лет со времени ссылки – право избрания места жительства, за исключением столиц, столичных губерний и Кавказского края, разрешение на жительство, которое будет зависеть от главного Кавказского начальства»⁵⁵⁵. Существовали и другие поводы, в результате которых осуждённые горцы попадали под амнистию или их положение в местах лишения свободы значительно улучшалось. Например, в 1866 году наместник Кавказа, «...желая день рождения великого князя Александра Михайловича ознаменовать особой милостью», приказал Терскому областному прокурору освободить из тюремного заключения всех осуждённых, у которых остался один год до окончания срока наказания⁵⁵⁶.

Кавказские тюрьмы

Российское государство создало на Северном Кавказе тюрьмы и арестантские комнаты. Началась практика ареста виновных с учетом особенностей горской жизни. К примеру, если срок тюремного заключения приходился на время проведения сельскохозяйственных работ, то осужденный или его родственники могли обратиться в суд с просьбой об отсрочке отбывания наказания до окончания полевых работ⁵⁵⁷. В 1876 году в Терской области насчитывалось уже 6 тюрем, в частности, в таких городах, как Кизляр и Георгиевск. В этих учреждениях служила специальная тюремная полиция, находившаяся под надзором областного правления⁵⁵⁸. В области действовал «Владикавказский губернский попечительный о тюрьмах комитет», возглавлял который сам начальник Терской области, генерал-адъютант Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Также тюремные комитеты существовали в Моздоке, Хасав-Юрте, Ведено и Шатое⁵⁵⁹.

Проведение в жизнь положений Судебной реформы 1864 г. предполагало существенное увеличение числа осужденных. В связи с этим к 1865 г. меняются принципы комплектования служащих уголовно-

исправительных учреждений. Состав караульных постов в тюрьмах, заполняемый ранее военными чинами (из числа инвалидов или старослужащих), был заменен вольнонаемными надзирателями. Произошло немало преобразований. В частности, «сидельцев» стали привлекать к труду, который им оплачивали из расчета: 40% заработной суммы – заключенным в тюрьмах, 33% – в арестантских отделениях, 10% – ссыльным на каторжные работы. Это помогало заключенным не только содержать себя, но и в ряде случаев заработать на жизнь в первое время после освобождения. Отказ в 80-х годах XIX в. от дальнейшего использования смиренных и работных домов, арестантских рот и долговых ям также был обусловлен выработкой новой концепции исполнения уголовных наказаний.

За относительно небольшой период с 1886 по 1902 год было возведено 56 тюрем, приобретено под них 19, переоборудовано 28 крупных зданий. Определился курс на расширение сети крупных пересыльных тюрем и централов. Главное тюремное управление имело на балансе 895 тюрем с более чем 90 тыс. заключенных. Каторжане и ссыльные в это число не входили. В России только в 1881 г. Указом от 26 мая были отменены публичные казни. В результате проведенной реформы руководители мест лишения свободы вынуждены были брать на себя неизмеримо более широкий круг обязанностей, что, несмотря на рост служебной нагрузки, в целом позитивно сказывалось на тюремном быте и режимных мероприятиях⁵⁶⁰.

Установление системы перевоспитания преступников

Знаменателен тот факт, что в России книги в камерах заключенных появились почти одновременно с соответствующей практикой в США и западноевропейских странах, причем наличие библиотек объяснялось не столько воспитательными целями, сколько стремлением проявить милосердие («для умаления в содержавших неразлучной с их положением скуки»). Государство не забывало о надзорных функциях и выпускало списки книг, запрещенных к обращению в тюремных библиотеках: труды марксистов и социалистов, литературу порнографического содержания и просто «разжигающую страсти», стихи поэтов-символистов. Для неграмотных заключенных практиковались чтения вслух. В связи с открытием новых тюрем увеличивалось соот-

ветственно и количество тюремных библиотек. В 1904 году в 432-х из 652-х тюрем имелись библиотеки⁵⁶¹.

К сожалению, российские тюрьмы по санитарно-гигиеническим условиям содержания заключенных не соответствовали самым необходимым требованиям. Например, переполнение тюрем достигало 24 %, до 5 арестантов приходилось иногда на 1 место. Не менее острой была проблема состояния тюремных зданий. Ветхость стен, сырость, затхлость воздуха, антисанитария – характерные признаки многих тюрем того времени. Выделяемые на содержания тюрем средства, как правило, не превышали 50-60 % от необходимых сумм. Однако правительство предпочитало жестко экономить расходы на содержание заключенных. Следует сказать, что в тюремной практике широко применялись меры несовместимые с понятием человеческого достоинства: бритье половины головы (каторжникам – правую сторону, осужденным на поселение и бродягам – левую), телесные наказания, кандалы и пр.

Комитет министров в январе и феврале 1885 г. рассматривал доклад главноначальствующего на Кавказе Дондукова-Корсакова. В этом докладе сообщалось, что осмотренные докладчиком тюремные помещения в крае были найдены им « в самом безотрадном положении». Все принятые для «исправления» тюрем меры оказались совершенно недостаточными и необходимой является поездка на Кавказ начальника Главного тюремного управления». Император дал согласие на такую поездку. Начальник Главного тюремного управления в том же 1885 году совершил поездку на Кавказ и осмотрел тюрьмы во многих городах. Он нашел тюрьмы не только переполненными, но и «не удовлетворяющими самым скромным требованиям санитарии». Не смотря на это, комитет министров вследствие недостатка денежных средств высказался (31 декабря 1885 г.) лишь за приспособление под тюремные помещения различных других зданий⁵⁶².

«Устав о содержащихся под стражей» обходит почти полным молчанием условия тюремного режима. В 1842 г. вышел «Устав об арестантских ротах». Надо отметить, что это была своего рода попытка милитаризации тюрьмы, превращения тюрем в каторжные казармы. В статьях этих актов четко улавливались различия в положении заключенных в зависимости от их классовой принадлежности, даже в мелочах тюремного режима. Дворяне, чиновники, купцы первой и второй гильдии отделялись от «прочих арестантов». Их бытовые условия, питание,

обращение с ними были не такими, как у арестантов из народа – им даже разрешалось брать в тюрьмы своих слуг.

Необходимо отметить также, что перевоспитание преступников осуществлялось не только силовыми (карательно-репрессивными) методами. Нравственное (религиозное) воспитание также имело место. Большое значение придавалось также трудотерапии, что требовало обеспечения арестантов работой. Кроме того, арестанты могли освоить какую-либо полезную в обществе специальность⁵⁶³. Одним из существенных нововведений в тюремное законодательство было издание «Правил об исправительных приютах для несовершеннолетних», принятых 5 декабря 1866 года. Согласно им, в приютах вводилось обучение ремеслам, сельскому хозяйству, грамоте. Кроме того, статья 11 данных «Правил» устанавливала общую обязанность исправительных заведений в течение определенного срока оказывать помощь «выпускникам», обеспечивая «возможное содействие в деле устройства их будущности»⁵⁶⁴.

Тюремная реформа

Давно необходимая тюремная реформа была проведена только в 1879 году. Главное тюремное управление было создано в составе Министерства внутренних дел. Это управление стало высшей административной инстанцией во главе региональных тюремных учреждений. Оно должно было способствовать единообразию практики наказаний на всей территории огромной империи. Административное управление тюрьмами на среднем уровне принадлежало губернским, областным и городским властям, которые обязаны были содействовать благоустройству мест заключения и контролировать выполнение решений правительства относительно содержания арестантов. Особую группу мест заключения составляли крепости. Здесь действовали военные законы. Для казачьих областей были характерны войсковые тюрьмы. К 1 января 1882 года общее число всех содержащихся в местах заключения Российской империи составило 94797 человек⁵⁶⁵. В 1862 г. М.М. Максимов писал, что «мошенники и воры делятся на партии и классы, изучая воровство и мошенничество, каждый по своим способностям, от той самой партии, к которой принадлежит». Классическая мысль И. Бентама о том, что «тюрьма есть школа, где злодеяние преподается

гораздо более надежным способом, чем...добродетель», по-прежнему оставалась неизменно справедливой⁵⁶⁶.

Коллективная ответственность горского населения за кражи скота, убийства и разбой существовала наряду с личной ответственностью. За названные преступления наказывалось все сельское горское общество, в том случае, если преступление было совершено на его территории или к селению вели следы. Такая практика в регионе применялась длительный период. В 1902 году она была отменена частично и лишь в 1907 году – полностью⁵⁶⁷. Вместо того чтобы вдаваться в отвлечённые или оценочные суждения о самодержавии – нам важно осознать, какие гражданские возможности были воплощены в имперской правовой системе. Может ли закон служить опорой гражданства, когда его содержание различно для разных людей? Этот роковой вопрос возникал на протяжении всей истории России... Законы империи кодифицировали правила общественных отношений, определяя права и обязанности подданных через их коллективный статус. Индивид имел возможность на законных основаниях участвовать в важнейших аспектах общественной жизни только благодаря своей принадлежности к той или иной общности (с её конкретными правами и обязанностями). Таким образом, простые люди, как и представители элит, обладали правами в силу своей принадлежности к определённой категории подданных. Имущественное законодательство Российской империи наглядно демонстрирует всеобъемлющую идею самодержавия: воля Государя есть источник права, а законы империи отражают преимущественное право собственности императора на все ресурсы державы. Именно эта prerogative самодержавия и её огромное влияние на политическое и социальное развитие страны – по сей день привлекает внимание историков.

Подведем итоги. Империи – это государственные устройства, в которых одна этническая группа устанавливает и сохраняет контроль над другими этническими группами в границах определённой территории. Это воинственные государства. Их границы – военные, они расширяются или защищаются скорее силой оружия, нежели средствами естественного или культурного свойства (т.е. этнического, расового или религиозного)⁵⁶⁸. Для правителей Российской империи управление сводилось к контролю над ресурсами – территорией и рабочей силой – и поддержанию порядка, который бы гарантировал их безопасность. На первый план в государственной политике России выходил не закон, а таким образом понятие управления. Однако и закон становился необходимым,

как только государство начинало претендовать на определение прав и обязанностей людей, населявших его территорию. Для сбора налогов и податей требовалось поддерживать организационные и репродуктивные возможности местного населения.

Российское законодотворчество в его имперском измерении базировалось на тезисе о том, что каждый народ обладает своими обычаями и законами. Встроить эти особенные обычаи и законы в общую систему управления означало укрепить правопорядок и поддержать производительность труда населения в каждой области империи. Инкорпорирование местных «обычаев» в имперское законодательство также было своего рода сделкой: империя поддерживала на местах правосудие в местном, традиционном понимании в обмен на уплату населением податей и налогов. Однако все права и обязанности были всё – же производными от российских законов – то есть никаких «природных» прав на деле не существовало, или их действия были крайне ограничены⁵⁶⁹.

С начала пореформенного периода Кавказ (Предкавказье) превращается в один из основных районов миграции русского крестьянства из внутренних губерний России. Борясь с аграрным перенаселением, правительство вынуждено было специальными законодательными актами 80-90-х годов открыть «клапан» для переключения переселенческого движения в пределы не только Северного Кавказа, но и Закавказья. Уже к началу XX века становится очевидным аграрное перенаселение прежде осваиваемых районов на самом Кавказе. Также, в ходе землеотводных работ по созданию переселенческих участков, власти пренебрегли правовой стороной принятого здесь землепользования, зиждившегося на обычном праве. Таким образом, своей переселенческой политикой правительство вторгалось в сферу земельных отношений местного крестьянства, создавало путаницу и тем самым провоцировало конфликт. В контексте системного кризиса, поразившего Россию в начале XX века, одной из его существенных составляющих стали межэтнические конфронтации. Накопившиеся проблемы социально-экономического, политического порядка нередко являлись той почвой, которая порождала напряжение среди местного населения на окраинах, выплёскивавшееся в разного рода протесты, всё более принимавшие характер межэтнических конфликтов⁵⁷⁰.

Мусульманское население Северного Кавказа пользовалось шариатом, однако со временем это стало противоречить стремлению

государства к унификации законодательства, характерной для XIX столетия. В это время была проведена грандиозная работа по систематизации российского законодательства, которая, по сути, официально закрепила статус мусульманства и компетенцию его права. Уже в начале XIX века российское правительство, признав легитимность адатского и мусульманского права, включило отдельные комплексы его норм в состав законодательства. Однако российское право сохранило важное преимущество – нормы адата и шариата не применялись, если противоречили имперскому юридическому стандарту. Для мусульман Северного Кавказа сохранение своего права было проявлением государственного благоприятствования и протекционизма. Мусульманское право, безусловно, являясь правом российских подданных, сохраняло эндогенные свойства. Мусульманское право народов Северного Кавказа занимало специальное место в правовой системе российского православного государства. Соприкосновение двух систем повлекло, с одной стороны, коррекцию мусульманского процессуального права, а с другой – не подверглись деформации такие отрасли права как брачно-семейные, наследственные⁵⁷¹. В эпоху контрреформ 80-90-х гг. XIX в. консервативные тенденции в развитии местной судебной системы были усилены серьёзными изменениями в статьях судебных уставов. Тем не менее, несмотря на все трудности, сопутствовавшие развитию региональной судебной отрасли, анализ статистических данных о деятельности новых судебных органов даёт нам основание утверждать не только о целесообразности существовавших судебных учреждений, но и об эффективности их борьбы с региональной преступностью⁵⁷². Проведение судебной реформы на Северном Кавказе стало важным шагом вперед по пути становления новой судебной системы, основанной на буржуазных нормах и принципах права⁵⁷³.

Период становления и развития капитализма в России характеризуется значительными изменениями во всех сферах общественных отношений. Был проведен целый ряд прогрессивных реформ, значение которых сложно переоценить. Тем не менее, нельзя говорить однозначно только о положительных результатах реформ. Методы их продвижения на протяжении второй половины XIX века показали, что самодержавное российское государство было не в состоянии обеспечить эффективную реализацию прав и свобод личности, и многие изначально демократические институты так и не были внедрены в государственно-правовую практику⁵⁷⁴. Зачастую это объяснялось и оправдывалось «местными осо-

бенностями». Вот что по этому поводу писал в 1898 году А.С. Френкель: «У нас все приносится в жертву, так называемым, кавказским особенностям. Мы их сами создаем и искусственно поддерживаем. Малейшая реформа или стремление сравнить права и обязанности кавказцев по общероссийским законам вызывает протест. А что такое «кавказская особенность» – в сущности никто не знает.... На наш взгляд – это фикция, миф. Нет теперь этой особенности! Народ ее не знает, и знать не хочет! Все стремятся на Кавказе быть уравненными в правах и обязанностях с прочими гражданами России. И кому нужна эта особенность? Во всяком случае, не населению...»⁵⁷⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 185, 189.
- ² Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2006. – С. 18-19.
- ³ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 201-203.
- ⁴ Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Махачкада, 2002. – С. 3.
- ⁵ Гусейнов А. Кавказ подо мною... // Новая Россия. – М., 2000 – № 1. – С. 87.
- ⁶ Стрельбицкий И.А. Земельные приобретения России в царствование Александра II с 1855 по 1881 г. – СПб., 1881. – С. 6.
- ⁷ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т.2. – СПб., 1876. – С. 860.
- ⁸ ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.1.
- ⁹ Bobrovnikov W. Islam in the Russian Empire // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006. – S. 321.
- ¹⁰ ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.33.
- ¹¹ Магометов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол. XIX – нач. XX вв.). // Вестник Северо-Осетинского университета им. К.Хетагурова. – №1. – Владикавказ, 1999. – С. 9.
- ¹² Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль, 1879. – С. 65.
- ¹³ Там же. – С. 51.
- ¹⁴ Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль, 1879. – С. 50.
- ¹⁵ Там же. – С. 37.
- ¹⁶ Черных П.Я. Историко – этимологический словарь русского языка. В 2-х томах. Т.1. – М., 1993. – С. 594.
- ¹⁷ Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-х ч. Ч.1. – М.; Волгоград, 2006. – С. 174.
- ¹⁸ Ибрагимов З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М., 2003. – С. 11-13.
- ¹⁹ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Рн / Д., 1990. – С. 14.
- ²⁰ Фадеев Р.А. Письма с Кавказа. // Собрание сочинений Р.А. Фадеева. Т.1. – СПб., 1889. – С. 201.
- ²¹ Карапкова О.Г. Разработка и реализация столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1911 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – С. 111.
- ²² Хасбулатов А.И. Землевладение и землепользование Терского казачества

(вторая половина XIX – XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2005. – №4. – С.59-60.

²³ Суркова И.С. Право природопользования Терского казачьего войска (Историко-правовой анализ). Дис. ...канд. юрид наук. – Ставрополь, 2002. – С.87-88, 107-109, 116.

²⁴ Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол.XIX – нач. XX вв.). // Вестник Северо – Осетинского университета им. К. Хетагурова. – №1. – Владикавказ, 1999. – С.11.

²⁵ Дзидзоев В. Земельные и межнациональные отношения на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века. // Литературная Кабардино – Балкария. – Нальчик, 1999. – №1. – С.7.

²⁶ Горбачёв С. Северокавказский барьер: (Исторический анализ политики России на Северном Кавказе). // Молодая гвардия. – М., 1999. – №11-12. – С.239.

²⁷ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М., 1997. – С.299.

²⁸ Исаев С.-А.А. Аграрная политика царизма в плоскостной Чечне 50-60 гг.19 в. // ЧИННИ. Известия. Т.9. Ч.3. Вып.1. – Грозный, 1974. – С.102.

²⁹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М., 1997. – С.298.

³⁰ Там же. – С.299.

³¹ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н / Д., 1990. – С.15.

³² ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.53. Л.9.

³³ Из Терской области. // Казачий вестник. – Новочеркасск, 1884. – №32. – С.2.

³⁴ Из истории русско – кавказской войны (Документы и материалы). – Нальчик, 1991. – С.215.

³⁵ Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х годов XIX века как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003. – С.176.

³⁶ РГИА. Ф.1276. Оп.19. Д.593. Л.71.

³⁷ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д., 1990. – С.21.

³⁸ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.215, 217.

³⁹ Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801-1917. – М., 2006. – С.259-260, 262, 264.

⁴⁰ Из Терской области. // Казачий вестник. – Новочеркасск, 1884. – №32. – С.2.

⁴¹ Авторханов А.Г. Краткий историко – культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д., 1931. – С.12.

⁴² Hahn C. Neue kaukasisch Reisen und Studien. – Leipzig, 1911. – S.75.

⁴³ Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно – хозяйственного быта. – М.,1913. – С.37.

⁴⁴ Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М.,2006. – С.377.

⁴⁵ Лосев И.К. О классовом и общедемократичном содержании думских речей Т. Эльдарханова. // ЧИНИИ. Известия. Т.3. Вып.1. – Грозный,1963. – С.179-180.

⁴⁶ Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,2002. – С.78-79.

⁴⁷ Абрамов А. Кавказские горцы (из летних экскурсий). // Дело. – 1884. – №1. – С.75.

⁴⁸ Акаев В.Х. Чеченское общество в поисках геополитической и социокультурной идентичности. // Современные проблемы геополитики Кавказа. Сборник научных статей. – Р н/Д.,2001. – С.123.

⁴⁹ Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.305.

⁵⁰ Гаилов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (составленный на основе официальных документов). – Тифлис,1905. – С.4.

⁵¹ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.183.

⁵² Хайд Л. Дар. Как творческий дух преображает мир. – М.,2007. – С.156.

⁵³ ГИМ ОПИ. Ф.254. Ед.хр.321. Л.240.

⁵⁴ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ,1908. – С.211.

⁵⁵ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.49.

⁵⁶ Там же. – С.51,53.

⁵⁷ Шотин Ф. Правда о Кавказских горах. // Санкт – Петербургские ведомости. – СПб.,1900. – №172. – С.1.

⁵⁸ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.47.

⁵⁹ Ибрагимов К.Х. История права собственности на землю в России: IX – начало XX в. – Нальчик,2008. – С.284.

⁶⁰ Исаев С. –А.А. Аграрное движение в Чечне в 60-70 гг. XIX века. Автореф. дис. ....канд. ист. наук. – М.,1975. – С.16.

⁶¹ Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.I. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964. – С.164.

⁶² Исаев С. –А.А. Аграрное движение в Чечне в 60-70 гг. XIX века. Автореф. дис. .... канд. ист. наук. – М.,1975. – С.16.

⁶³ Курахви Р. Политическая организация дагестанских и нахских народов до присоединения к России // Исламская Цивилизация. – Махачкала,2005. – № 1. – С.15.

⁶⁴ Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд юрид. наук. – Краснодар,2007. – С.138-140.

⁶⁵ Алати Н.Б. Нормативное и организационно – правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII – XX вв. (историко-правовое исследование). Дис. ...докт. юрид. наук. – СПб.,2006. – С.128.

⁶⁶ РГИА. Ф.1268. Оп.12. Д.105. Л.74.

⁶⁷ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т.2. – СПб.,1876. – С.701.

⁶⁸ Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.I. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964. – С.163.

⁶⁹ Васильчиков А. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.I. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено –Ингушетии (1860-1940). – Грозный,1964. – С.728.

⁷⁰ Мадор Ю.П. Английская идея // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М.,2007. – С.66.

⁷¹ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т.2. – СПб.,1876. – С.709,731.

⁷² Там же. – С.701.

⁷³ Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империи./ Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции. // ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии. – Грозный,1964. – С.43.

⁷⁴ Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1990. – С.109.

⁷⁵ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.72.

⁷⁶ Там же. – С.57.

⁷⁷ Матющенко П.П. Аграрный вопрос в политике царизма на Северном Кавказе (втор. пол. XIX – начало XX вв.) // Человек. Сообщество. Управление. Приложение 2006. Актуальные проблемы исторической науки. – Краснодар,2006. – С.88-89.

⁷⁸ Борчасвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX веках – Тбилиси,1988. – С.298.

⁷⁹ Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1990. – С.109.

⁸⁰ Россия. Законы и постановления. Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и другими переселенцами из России. – СПб., 1862. – С.5.

⁸¹ Иванов А.И. Национально – освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 годах XIX века. // Исторические записки. – 1941. – №12. – С.166.

⁸² Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб., 1901. – С.6.

⁸³ РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.103. Л.11 об.

⁸⁴ Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества в XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция. Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 2005. – С.153.

⁸⁵ РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.103. Л.2 об.

⁸⁶ Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С.32.

⁸⁷ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892. – С.7.

⁸⁸ ГИМ ОПИ. Ф.254. Ед. хр.321. Л.45 об.

⁸⁹ Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992. – С.405.

⁹⁰ Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – Владикавказ, 1890. – №1. – С.7.

⁹¹ Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. – Саратов, 1996. – С.345.

⁹² Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ, 1912. – С.227.

⁹³ Народы Кавказа. Сборник статей. Кн.1. – М., 1993. – С.164.

⁹⁴ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ, 1912. – С.252 –254.

⁹⁵ Материалы к поземельным вопросам Кавказского края. Кавказ. Комиссия по выработке поземельных вопросов. Ч.1. – Тифлис, 1908. – С.141 –143.

⁹⁶ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418. Л.43 об.

⁹⁷ ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.89. Л.41.

⁹⁸ Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период. // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983. – С.66.

⁹⁹ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.220-222.

¹⁰⁰ Островитянов К.В. Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. – М., 1955. – С.7.

¹⁰¹ Приложения к мемуарам генерала Мусса – Паши Кундухова. // Дарьял. – Владикавказ, 1995. – №3. – С.195.

¹⁰² Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908. – С.203,209.

¹⁰³ Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в. Дис. ...докт. юрид. наук. – М., 2003. – С.138.

¹⁰⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф.49. Оп.1. Д.4. Л.280.

¹⁰⁵ Дедюлин С.А. Недостатки порядка отчуждения земель на государственные и общественные надобности (Приложение к Сборнику Узаконений по отчуждению земель). – СПб., 1901. – С.7.

¹⁰⁶ Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита, 1900. – С.1.

¹⁰⁷ Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законов. – СПб., 1872. – С.10.

¹⁰⁸ Салов В.В. Отчуждение недвижимой собственности для государственной и общественной пользы. – СПб., 1902. – С.6.

¹⁰⁹ Рамазанов Х.Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа. // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв. – Краснодар, 1987. – С.40.

¹¹⁰ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб., 1884. – С.69-70.

¹¹¹ Гаиров Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (Составлен на основе официальных документов). – Тифлис, 1905. – С.224,247.

¹¹² Там же. – С.224 –225.

¹¹³ Рагушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – нач. XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д., 1989. – С.27.

¹¹⁴ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб., 1884. – С.10.

¹¹⁵ Гриценко Н.П. К вопросу о социально – экономических отношениях в Чечено – Ингушетии в пореформенный период. // ЧИНИИ. Известия. Т.5. Вып.1. История. – Грозный, 1964. – С.30.

¹¹⁶ Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.322.

¹¹⁷ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С.152.

¹¹⁸ Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.322.

¹¹⁹ Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М., 2003. – С.6.

¹²⁰ РГАДА. Ф.1295. Оп.8.Ч.2. Д.4820. Л.1.

¹²¹ Максимов Е. Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко – статистические очерки. Вып. II. Чеченцы. – Владикавказ, 1894. – С.47.

¹²² Гаилов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (Составлен на основе официальных документов). – Тифлис, 1905. – С.240.

¹²³ Борчасвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII -XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.393.

¹²⁴ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д., 1990. – С.51.

¹²⁵ Фадеев А.В. О некоторых социально – экономических последствиях присоединения Чечено – Ингушетии к России. //ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный, 1960. – С.5.

¹²⁶ Обзор Терской области за 1892 год. // Терский календарь на 1884 год. Вып.3. Кн.1. – Владикавказ, 1893. – С.13.

¹²⁷ Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М., 1968. – С.216.

¹²⁸ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб., 1884. – С.80.

¹²⁹ Обзор Терской области за 1892 год. // Терский календарь на 1894 год. Вып.3. Кн.1. – Владикавказ, 1893. – С.17.

¹³⁰ Материалы по статистике Терской области. // Терские ведомости. – №85. – Владикавказ, 1884. – С.3.

¹³¹ Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено – ингушских племён с гор на равнину. // Чечено –Ингушский республиканский краеведческий музей. Известия. Вып.10. – Грозный, 1961. – С.128.

¹³² Трофимов А. Кавказ. – М., 1914. – С.18.

¹³³ ЦГА РСФСР – А. Ф.12. Оп.5. Д.26. Л.34.

¹³⁴ Борчасвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.292,319.

¹³⁵ РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.49. Л.5.

¹³⁶ Кокурхаев К.–С. А.–К. Общественно – политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол.XIX –нач. XX в.). – Грозный, 1989. – С.17.

¹³⁷ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2.– Владикавказ, 1892. – С.31.

¹³⁸ Терская область. Безземельный пролетариат. // Бакинские известия. – Баку, 1903. – №72. – С.3.

¹³⁹ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землеустройства в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. – С.215.

¹⁴⁰ РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.309. Л.3.

¹⁴¹ Шацкий П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кавказе. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига, 1963. – С.502.

¹⁴² Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп, 1994. – С.128.

¹⁴³ Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1877. – С.34–35.

¹⁴⁴ Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе. // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп, 1994. – С.128.

¹⁴⁵ Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис, 1919. – С.6, 16.

¹⁴⁶ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – С.174.

¹⁴⁷ Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во второй половине XIX века: практика и результаты. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – №3. – М., 2002. – С.76.

¹⁴⁸ Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол. XIX нач. XX вв.). // Вестник Северо – Осетинского университета им. К.Хетагурова. – №1. – Владикавказ, 1999. – С.10.

¹⁴⁹ РГИА. Ф.1276. Оп.19. Д.593. Л.455.

¹⁵⁰ Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д., 1989. – С.35.

¹⁵¹ Иванов А.И. Социально – экономическое положение Чечни и Дагестана в 60-70 гг. XIX века. // Ростовский Педагогический институт. Исторический факультет. Учёные записки. Т.1. – Р н/Д., 1941. – С.26.

¹⁵² РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.101. Л.3.

¹⁵³ РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.185. Л.19.

¹⁵⁴ Там же. Л.28.

¹⁵⁵ Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол. XIX нач. XX вв.). // Вестник Северо – Осетинского университета им. К. Хетагурова. – №1. – Владикавказ, 1999. – С.9.

¹⁵⁶ Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.257.

¹⁵⁷ Фадеев А.В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М., 1961. – С.253.

¹⁵⁸ Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб., 1903. – С.726.

¹⁵⁹ Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн.4. – Цхинвали, 1989. – С.92.

¹⁶⁰ Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол. XIX нач. XX вв.). // Вестник Северо – Осетинского университета им. К. Хетагурова. – №1. – Владикавказ, 1999. – С.12.

¹⁶¹ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908. – С.313.

¹⁶² Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб., 1884. – С.139, 142.

¹⁶³ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н / Д., 1984. – С.76.

¹⁶⁴ Там же. – С.59, 61.

¹⁶⁵ Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо – Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2001. – С.14.

¹⁶⁶ Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб., 1884. – С.20.

¹⁶⁷ Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – нач. XX в. (проблемы социально – экономического развития). – Ставрополь, 1980. – С.68, 70.

¹⁶⁸ Зинченко Г.Г. Современная советская историография развития промышленности в период капитализма. – Р н / Д., 1980. – С.13.

¹⁶⁹ Воропонов Ф.Ф. Крестьянские переселения. // Вестник Европы. Кн.1. – СПб., 1876. – С.204.

¹⁷⁰ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н / Д., 1984. – С.52, 58.

¹⁷¹ Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб., 1903. – С.44.

¹⁷² Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ, 1901. – С.20.

¹⁷³ Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н / Д., 1989. – С.125.

¹⁷⁴ Вновь изданные узаконения и распоряжения. // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ, 1891. – С.139.

¹⁷⁵ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н / Д., 1990. – С.53 – 54.

¹⁷⁶ Белобородов А. Землевладение в Терской области. // Терские ведомости. – Владикавказ, 1895. – №107. – С.2.

¹⁷⁷ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н / Д. – С.53.

- ¹⁷⁸ Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992. – С.417.
- ¹⁷⁹ Воробьёв Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб., 1908. – С.48.
- ¹⁸⁰ Белобородов А. Землевладение в Терской области. // Терские ведомости. – Владикавказ, 1895. – №108. – С.2.
- ¹⁸¹ Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992. – С.420.
- ¹⁸² Там же. – С.413.
- ¹⁸³ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/Д., 1984. – С.76.
- ¹⁸⁴ Там же. – С.76.
- ¹⁸⁵ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. – С.243.
- ¹⁸⁶ Гаиров Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (составлен на основе официальных документов). – Тифлис, 1905. – С.190.
- ¹⁸⁷ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/Д., 1984. – С.80.
- ¹⁸⁸ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н/Д., 1984. – С.10-11.
- ¹⁸⁹ Там же. – С.40.
- ¹⁹⁰ Там же. – С.42-43.
- ¹⁹¹ Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881 –1917). – Ашхабад, 1991. – С.4.
- ¹⁹² Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и из взаимоотношения с казачеством // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та. – Владикавказ, 1999. – № 1. – С.20-21.
- ¹⁹³ Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль, 1879. – С.205.
- ¹⁹⁴ Изгоев А.С. Общинное право. – СПб., 1906. – С.84, 110.
- ¹⁹⁵ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.712. Л.223.
- ¹⁹⁶ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908. – С.4.
- ¹⁹⁷ Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный, 1962. – С.57.
- ¹⁹⁸ Там же. – С.55.
- ¹⁹⁹ Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол XIX в.). – М., 1998. – С.69.
- ²⁰⁰ Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис, 1880. – С.116.
- ²⁰¹ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ, 1912. – С.193.

- ²⁰² Там же. – С.162.
- ²⁰³ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.8.
- ²⁰⁴ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.116.
- ²⁰⁵ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.8.
- ²⁰⁶ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.712. Л.223-235.
- ²⁰⁷ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.165.
- ²⁰⁸ Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М.,2003. – С.13.
- ²⁰⁹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX в.). – СПб.,1998. – С.43.
- ²¹⁰ Там же. – С.43,47.
- ²¹¹ Кузьминов П.А. Материалы сословно – поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа. // De die diem : Памяти А.П. Пронштейна (1919 –1998). – Р н/ Д.,2004. – С.122.
- ²¹² Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный,1960. – С.5-10.
- ²¹³ Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законов. – СПб.,1872. – С.1-7.
- ²¹⁴ Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и постановления. – Чита,1900. – С.24.
- ²¹⁵ Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.54-55.
- ²¹⁶ Дедюлин С.А. Сборник узаконений и распоряжений правительства по отчуждению земель и имущества для государственной и общественной пользы. – СПб.,1901. – С. IX-X.
- ²¹⁷ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.163.
- ²¹⁸ Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.51.
- ²¹⁹ Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб.,1901. – С.6.
- ²²⁰ Badde G. Vier vortrage uber den Kaukasus gehalten im Wintel 1873/74 in den grosseren staden deutschlands von Dr. G. Radde. – Gotha ,1874. – S.65.
- ²²¹ Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис,1880. – С.54.
- ²²² Хасиев С. –М.А. Землевладение чеченцев и ингушей в IX– перв. четв. XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис....канд. ист. наук. – М.,1973. – С.6.
- ²²³ Лавров Л.И. Историко – этнографические очерки Кавказа. – Л.,1978. – С.34.
- ²²⁴ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ,1908. – С.27-28.

²²⁵ Погошвили Д.Г. Вопросы социального строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988. – С.66.

²²⁶ Гоникишвили М.Г. Поземельно – крестьянская реформа в Терской области. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. – Тбилиси, 1984. – С.23.

²²⁷ Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис, 1880. – С.118.

²²⁸ Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч.2. – М., 1968. – С.23.

²²⁹ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. – С.307.

²³⁰ Соловьёв Е.Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и других племён, населяющих Россию. // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 году. – М., 1887. – С.110.

²³¹ Лавров Л.И. Историко – этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978. – С.91, 94.

²³² Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.54.

²³³ Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИННИ, Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии (1860 –1940). – Грозный, 1964. – С.164.

²³⁴ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.67.

²³⁵ Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (по архивным источникам). – М., 2000. – С.163.

²³⁶ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. – С.206.

²³⁷ Там же. – С.326.

²³⁸ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права. // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С.7-10.

²³⁹ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал – адъютанта графа Воронцова – Дашкова. – Тифлис, 1907. – С.57.

²⁴⁰ Хасбулатова З.И. Структура сельской общины и патронация у чеченцев во второй половине XIX века. // Вестник Московского университета. Серия 8. История. №1. – С.87-88.

²⁴¹ Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (кон.XIX – нач. XX в.). // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь, 1985. – С.23.

- ²⁴² Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX – нач. XX в. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. – СПб., 1999. – С.8.
- ²⁴³ Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М., 1990. – С.22.
- ²⁴⁴ Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный, 1962. – С.16.
- ²⁴⁵ Баландья Ж. Политическая антропология. – М., 2001. – С.44.
- ²⁴⁶ Там же. – С.61.
- ²⁴⁷ Vier vortrage uber den Kaukasus gehalten im Winter 1873/4 in den grosseren stadten deutschlands von Dr. G. Radde. – Gotha : Justus Perthes, 1874. – S.69.
- ²⁴⁸ Хасбулатов А.И., Хасбулатова З.И. Сельская община чеченцев: формы правления, землепользования и землевладения (XIX – нач. XX века) // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919–1998). – Р н/Д., 2004. – С.35.
- ²⁴⁹ Иванов М.А. Верховья реки Гехи // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. Т.XV. №5. – 1902. – С.280.
- ²⁵⁰ Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (втор. пол XIX – нач. XX вв.) // Вестник Северо – Осетинского университета им. К. Хетагурова. №1. – Владикавказ, 1999. – С.15.
- ²⁵¹ Гриценко Н.П. К вопросу о социально – экономических отношениях в Чечено – Ингушетии в пореформенный период (поземельные отношения) // ЧИННИИ. Известия. Т.5. Вып.1. История. – Грозный, 1964. – С.30.
- ²⁵² Гаилов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (Составлен на основе официальных документов). – Тифлис, 1905. – С.236.
- ²⁵³ Изгоев А.С. Общинное право. – СПб., 1906. – С.139.
- ²⁵⁴ Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М., 2002. – С.78.
- ²⁵⁵ Изгоев А.С. Общинное право. – СПб., 1906. – С.114.
- ²⁵⁶ Изгоев А.С. Общинное право. – СПб., 1906. – С.57-58.
- ²⁵⁷ Там же. – С.12.
- ²⁵⁸ Иваненков Н.С. Горные чеченцы (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.69.
- ²⁵⁹ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.60. Л.75.
- ²⁶⁰ Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С.154.
- ²⁶¹ Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб., 1903. – С.729.
- ²⁶² ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.33.

- ²⁶³ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т II. – М., 2001. – С.14.
- ²⁶⁴ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М., 2000. – С.371.
- ²⁶⁵ Российская государственность в терминах: IX – нач. XX в. Словарь. – М., 2001. – С.299.
- ²⁶⁶ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.26. Л.4.
- ²⁶⁷ Хасбулатов А.И. Чечено – Ингушетия накануне первой русской буржуазно – демократической революции. – Грозный, 1963. – С.25.
- ²⁶⁸ Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено – Ингушетии (1860-1940). – Грозный, 1964.
- ²⁶⁹ Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко – этнографическое исследование. – М., 1961. – С.158.
- ²⁷⁰ Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.395.
- ²⁷¹ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.64. Л.2.
- ²⁷² РГИА. Ф.1276. Оп.19. Д.593. Л.65.
- ²⁷³ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908. – С.340.
- ²⁷⁴ Хаген фон, Макс. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 годы // Отечественная история. – М., 2004. – № 5. – С.37-38.
- ²⁷⁵ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С.64.
- ²⁷⁶ Военное законодательство Российской империи. – М., 1996. – С.429-430.
- ²⁷⁷ Хаген фон, Макс. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия 1874-1917 годы // Отечественная история. – М., 2004. – № 5. – С.38-39.
- ²⁷⁸ Военное законодательство Российской империи. – С.376-377.
- ²⁷⁹ Военное законодательство Российской империи. – М., 1996. – С.371.
- ²⁸⁰ Военное законодательство Российской империи. – М., 1996. – С.377, 381.
- ²⁸¹ Рубежи ратной славы отечества. Вып.5. – М., 1997. – С.48.
- ²⁸² Хаген фон, Макс. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 годы // Отечественная история. – М., 2004. – № 5. – С.39.
- ²⁸³ Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военно-сухопутных сил России с 1550 до 1890 г. / Сост. В. Штейнгель. – СПб., 1890. – С.185.
- ²⁸⁴ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. – М., 1952. – С.331.
- ²⁸⁵ Шехирев Н. Всесловная воинская повинность. – Ирбит, 1875. – С.23, 29.

²⁸⁶ Леонов Н.И. военная реформа 1874 года в Башкирии // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Серия. История. – Уфа, 2000. – № 12/13. – С.77.

²⁸⁷ Леонов Н.И. Военная реформа 1874 года в Башкирии // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Серия. История. – Уфа, 2000. – № 12/13. – С.76.

²⁸⁸ Суриков Д.М. Воинская повинность. – М., 1904. – С.19.

²⁸⁹ Кепель О. В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874-1914 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.37.

²⁹⁰ Воинская повинность в главных государствах Европы. Вып. I. Пруссия. – СПб., 1858. – С.1, 23-24.

²⁹¹ Кепель О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874 – 1914 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.37, 63.

²⁹² Там же. – С.35.

²⁹³ Рубежи ратной славы отечества. Вып.5. – М., 1997. – С.48.

²⁹⁴ Кепель О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874-1914 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.33.

²⁹⁵ Кепель О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874-1914 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.123-124.

²⁹⁶ Леонов Н.И. Военная реформа 1874 года в Башкирии // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Серия История. – Уфа, 2000. – № 12/13. – С.77.

²⁹⁷ Фаизханов Х. Реформа медресе // Реформы образования: татары Нижнего-родчины и мусульманский мир России: Сборник работ по исламскому образованию. – Нижний Новгород, 2008. – С.8-9.

²⁹⁸ Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX вв.: опыт духовного управления мусульман. Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2003. – С.85.

²⁹⁹ Леонов Н.И. Военная реформа 1874 года в Башкирии // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Серия История. – Уфа, 2000. – № 12/13. – С.77-78.

³⁰⁰ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.417. Л.49.

³⁰¹ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418. Л.48 об.

³⁰² АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.417. Л.66.

³⁰³ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.6 (1886). – СПб, 1888. – С.239.

³⁰⁴ Семёнов Н. Туземцы Северо – восточного Кавказа. – СПб., 1895. – С.164.

³⁰⁵ Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892 – 1901 гг. – Тифлис, 1906. – С.12.

³⁰⁶ Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. – М., 2007. – С.176

³⁰⁷ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – азань, 2007. – С.59,67.

³⁰⁸ Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова. – М., 2008. – С.240-241.

³⁰⁹ Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно – документальное повествование. – Уфа, 2008. – С.97.

³¹⁰ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С.40,44,46,48.

³¹¹ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С.71,80,82.

³¹² Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С.154.

³¹³ Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ, 1886. – С.9.

³¹⁴ Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1887 год. – Владикавказ, 1887. – С.12.

³¹⁵ Вновь изданные узаконения и распоряжения // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ, 1891. – С.136.

³¹⁶ Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1972. – С.23.

³¹⁷ Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал – адъютанта графа Воронцова –Дашкова. – Тифлис, 1907. – С.99.

³¹⁸ ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т.VII (1887). – СПб., 1889. – С.296.

³¹⁹ Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ, 1886. – С.9.

³²⁰ Правилова Е. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – XX вв. // Ab imperio. – Казань, 2002. – №4. – С.121.

³²¹ Попов В.В. Горцы честно служили России // Военно – исторический журнал. М., 1997. – №2. – С.53.

³²² Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ....канд. ист. наук. – М., 2004. – С.130.

³²³ Ахмадов Я., Хасмагоматов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – №4. – С.35.

- ³²⁴ Музаев Т. Тапа // Голос Чечено – Ингушетии. – Грозный, 1992. – №76. – С.3.
- ³²⁵ Ахмадов Я., Хасмагоматов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – №4. – С.35.
- ³²⁶ Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. – Армавир, 2005. – С.121-122, 134, 155.
- ³²⁷ Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 1970. – С.12.
- ³²⁸ Хасбулатов А.И. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено – Ингушетии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988. – С.83.
- ³²⁹ Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (по данным этнографии). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Баку, 1971. – С.15.
- ³³⁰ Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX – нач. XX в. (историко – этнографическое исследование). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Тбилиси, 1972. – С.10-11.
- ³³¹ Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 1770-1773 гг. – СПб., 2002. – С.242, 309.
- ³³² Гелаева З.А. Социально – экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2004. – С.13.
- ³³³ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год. Т.3. Ч.3. – СПб., 1869. – С.418.
- ³³⁴ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М., 1997. – С.250.
- ³³⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.62. Л.64.
- ³³⁶ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М., 1997. – С.250.
- ³³⁷ Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого – этнографический сборник. Т.2. – Грозный, 1968. – С.274-275.
- ³³⁸ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М., 1997. – С.250.
- ³³⁹ Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв. – Махачкала, 1970. – С.11.
- ³⁴⁰ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.56. Л.53.
- ³⁴¹ Там же. Л.53, 56.
- ³⁴² Ом. Кавказская хроника // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – №3. – С.113.
- ³⁴³ Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М., 1990. – С.2.

- ³⁴⁴ РГАДА. Ф.1354. Оп.1274. Д.Т.-3. Л.1.
- ³⁴⁵ ЦГА РСО – А. Ф.262. Оп.1. Д.6. Л.10,17.
- ³⁴⁶ Там же. Л.33,39.
- ³⁴⁷ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.62. Л.64.
- ³⁴⁸ Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань, 2004. – С.303-304.
- ³⁴⁹ Ахмадов Х.С. Царская администрация и вопрос о сословиях в Чечено – Ингушском обществе второй половины XIX – нач.XX в. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988. – С.302-303.
- ³⁵⁰ Первая всеобщая перепись, произведённая 28 января 1897 года. Общий свод. Т.1. Ч.1. – СПб., 1905. – С.58.
- ³⁵¹ ЦГА РСО – А. Ф.11. Оп.13. Д.1019. Л.16.
- ³⁵² Ахмадов Я., Хасмагоматов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – №4. – С.35-36.
- ³⁵³ Лавров Л.И. Историко – этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978. – С.53.
- ³⁵⁴ Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М., 1990. – С.25.
- ³⁵⁵ Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговля в Чечне (втор. пол XVIII – перв. пол. XIX в.) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1978. – С.75.
- ³⁵⁶ Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып.1. – М., 1990. – С.23 –24.
- ³⁵⁷ Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговля в Чечне (втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в.) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1978. – С.72,75.
- ³⁵⁸ Дауев С.А. Чечня: коварные таинства истории. – М., 1999. – С.150.
- ³⁵⁹ Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. – Грозный, 1978. – С.132.
- ³⁶⁰ Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговля в Чечне (втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в.) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1978. – С.75.
- ³⁶¹ Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других Европейских государствах. Т.2. – СПб., 1876. – С.566,571.
- ³⁶² Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговля в Чечне (втор. пол. XVIII – перв. пол. XIX в.) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1978. – С.82.

- ³⁶³ Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация : Единство и противоречия. – М., 2003. – С.46.
- ³⁶⁴ Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.). Дис. ...докт. юрид. наук. – М., 2003. – С.298,301.
- ³⁶⁵ Мисроков З.Х. Адат и шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М., 2002. – С.6.
- ³⁶⁶ Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. ...канд. юр. наук. – Р н/Д., 2005. – С.54.
- ³⁶⁷ Джаншиев Г. Эпоха великих реформ: Исторические справки. Т.2. – М., 2008. – С.420-421.
- ³⁶⁸ Герман О.Б., Кузьменко О.В. Судебные преобразования в различных регионах России во втор. Пол. XIX столетия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 5 (24). – С.93-94.
- ³⁶⁹ Гасаналиев А.Ш. Формирование основных институтов административного права и административная правовая мысль России XIX – начала XX веков. Дис. ...канд. юр. наук. – Махачкала, 1999. – С.73-74.
- ³⁷⁰ Малахова Г.Н. Судопроизводство горских народов в системе российской административной власти на Северном Кавказе (исторический аспект) // Этнос и власть: местное самоуправление и этнические конфликты. Ч.1. – Саратов. 1999. – С.141.
- ³⁷¹ Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006. – С.272.
- ³⁷² Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв. Дис. ...канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – С.122.
- ³⁷³ Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. ...канд. юр. наук. – Р н/Д., 2005. – С.75-76.
- ³⁷⁴ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.193-194.
- ³⁷⁵ Ашинова З.А. Основные этапы вхождения адыгских народов в российскую систему местного самоуправления (вторая половина XIX – начало XXI века). Дис. ...канд. ист. наук. – Майкоп, 2006. – С.37.
- ³⁷⁶ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – СПб., 1876. – Кн.5. – С.37.
- ³⁷⁷ Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв. Дис. ...канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2004. – С.122.
- ³⁷⁸ Кодзоев Н.Д. История развития судебной системы Ингушетии. – Назрань, 2006. – С.18.
- ³⁷⁹ Темирбулатов И.И. Обычно-правовая система балкарцев и карачаевцев. – Кисловодск, 2007. – С.53.

³⁸⁰ Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003. – С.43.

³⁸¹ Михайленко Н.М. Использование правовых обычаев в период постреформенной модернизации // Модернизационные процессы в истории России XVIII – XX вв.: политика, экономика, культура: Сборник статей. – Армавир, 2003. – С.100,102

³⁸² Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. – М., 2007. – С.28,29.

³⁸³ Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М., 1888. – №27,32. – С.2.

³⁸⁴ Акаев В.Х., Керимов М.М. Этнические и региональные составляющие мусульманской культуры народов Северного Кавказа // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2008. – № 2. – С.14-15.

³⁸⁵ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С.23,66.

³⁸⁶ Дунаев К.Ю. Правовое регулирование административной ссылки в Российской империи (XIX в.): историко-правовое исследование. Дис. ...канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – С.136,141.

³⁸⁷ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С.11.

³⁸⁸ ГАРФ. Ф.677. Оп.1. Д.511. Л.11 об.

³⁸⁹ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С.48.

³⁹⁰ Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. – М., 2003. – С.24.

³⁹¹ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д., 1990. – С.91.

³⁹² Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С.10,14.

³⁹³ Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003. – С.25.

³⁹⁴ Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев; СПб; Харьков, 1904. – С.109.

³⁹⁵ Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. Особенная часть. – СПб., 1893. – С.371.

³⁹⁶ Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол. XIX в.). – М., 1998. – С.46.

³⁹⁷ Там же. – С.34-35.

- ³⁹⁸ Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003. – С. 23.
- ³⁹⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 16. Л. 22.
- ⁴⁰⁰ РГИА. Ф. 1149. Оп. 7. Д. 112. Л. 161.
- ⁴⁰¹ РГИА. Ф. 1268. Оп. 10. Д. 99. Л. 23 об.
- ⁴⁰² Городницкий Р.А. Учреждения Министерства внутренних дел на Кавказе в 1905-1917 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление. – М., 2004. – № 3. – С. 65, 68.
- ⁴⁰³ Военная энциклопедия. Т. 4. – СПб., 1911. М., 2001. – С. 519.
- ⁴⁰⁴ Городницкий Р.А. Учреждения Министерства внутренних дел на Кавказе в 1905-1917 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 21. Управление. – М., 2004. – № 3. – С. 66-67.
- ⁴⁰⁵ Карлеба В.А. Исторический опыт формирования и деятельности органов полиции в Кубанской области (1860-1917 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – С. 27, 63, 65-66, 87.
- ⁴⁰⁶ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. – М., 1952. – С. 112.
- ⁴⁰⁷ Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке. Дис. ...канд. ист. наук. – Пермь, 2003. – С. 40.
- ⁴⁰⁸ Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 годов (По материалам Архангельской губернии). Дис. ...канд. ист. наук. – Архангельск, 2004. – С. 96.
- ⁴⁰⁹ Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке. Дис. ...канд. ист. наук. – Пермь, 2003. – С. 89.
- ⁴¹⁰ Емельянова Е.В. К истории организации труда в местах лишения свободы отечественной уголовно-исполнительной системы // История отечественной уголовно – исполнительной системы: Сборник статей. – М., 2006. – С. 8.
- ⁴¹¹ Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 годов (По материалам Архангельской губернии). Дис. ...канд. ист. наук. – Архангельск, 2004. – С. 136.
- ⁴¹² Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. – Сургут, 2008. – С. 23.
- ⁴¹³ Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 годов (По материалам Архангельской губернии) Дис. ...канд. ист. наук. – Архангельск, 2004. – С. 96, 98.
- ⁴¹⁴ Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики. – М., 2006. – С. 191-192.
- ⁴¹⁵ Каталог международной тюремной выставки. Отдел – Россия. Губернские и Финляндские тюрьмы. – СПб., 1890. – С. 125, 147.
- ⁴¹⁶ Лаврентьев М.В. Пенитенциарная система России (кон. XIX – нач. XX вв.) и Шлиссельбургская политическая тюрьма. – Дис. ...канд. юрид. Наук. – Саратов, 2002. – С. 121-122, 138, 159-161.

- ⁴¹⁷ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С.230.
- ⁴¹⁸ Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. ...канд. юр. наук. – Р н/Д., 2005. – С.87.
- ⁴¹⁹ РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.22.
- ⁴²⁰ Шамиль и Чечня // Военный сборник. – СПб., 1859. – №9. – С.155.
- ⁴²¹ Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания // Исламская Цивилизация. – Махачкала, 2005. – № 1. – С.25.
- ⁴²² Попов А.П. Институт наказания на Кавказе: традиционно-правовой и художественный дискурсы // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.44. – Ставрополь, 2006. – С.179,181.
- ⁴²³ Кавказ: история, народы, культура, религии. – М., 2007. – С.257,259.
- ⁴²⁴ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.156.
- ⁴²⁵ Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – СПб., 1870. – С.53,55.
- ⁴²⁶ Ильясов Л. Тени Вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. – М., 2004. – С.360.
- ⁴²⁷ Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России: проблемы, теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С.165,167.
- ⁴²⁸ Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв. Дис. ...канд. юрид. наук. – Краснодар, 2004. – С.111-112.
- ⁴²⁹ Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – М., 1998. – №1. – С.30,38.
- ⁴³⁰ Невский С.А. Из истории борьбы с незаконным оборотом оружия. Боеприпасов и взрывчатых веществ в России // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16). – С.53-54.
- ⁴³¹ Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006. – С.247.
- ⁴³² Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1985. – С.107.
- ⁴³³ Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис, 1919. – С.102.
- ⁴³⁴ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.133.
- ⁴³⁵ Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом (на примере «лиц кавказской национальности)

// Национальные истории в советском и постсоветском государствах. – М., 1999. – С.105-107.

⁴³⁶ Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006. – С.258,260,273.

⁴³⁷ РГИА. Ф.565. Оп.1. Д.6680. Л.2.

⁴³⁸ РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.538. Л.15 об.

⁴³⁹ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.418. Л.54-55 об.

⁴⁴⁰ Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис, 1919. – С.34.

⁴⁴¹ РГИА. Ф.733. Оп.193. Д.381. Л.18.

⁴⁴² Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912. – С.51.

⁴⁴³ Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно – хозяйственного быта. – М., 1913. – С.154.

⁴⁴⁴ Быков Ф.А. Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе // Юридическое обозрение. – Тифлис, 1883. – №111. – С.42. – №112. – С.76-77.

⁴⁴⁵ Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. ...канд. юр. наук. – Р н/Д., 2005. – С.94.

⁴⁴⁶ Российская государственность в терминах: IX – нач. XX в. Словарь. – М., 2001. – С.390.

⁴⁴⁷ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.11. Отд.1 (1876). – СПб., 1878. – С.165,177.

⁴⁴⁸ Институт генерал – губернаторства и наместничества в российской империи. Т.1. – СПб., 2001. – С.210.

⁴⁴⁹ Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй половине XIX – нач. XX в. Дис. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 1999. – С.93.

⁴⁵⁰ ГА РФ. Ф.649. Оп.1. Д.603. Л.3,6.

⁴⁵¹ Рейхельт Н.Н. Чёрное море и Кавказ. Очерки Южного моря и Юга России. Волжские картинки. – СПб., 1900. – С.112.

⁴⁵² Всеподданнейший отчёт наместника Кавказского по Гражданскому Управлению Кавказским и Закавказским краем. 1863-1871. – СПб., 1872. – С.10-11.

⁴⁵³ Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол. XIX – нач. XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 1999. – С.157-158.

⁴⁵⁴ Там же. – С.92.

⁴⁵⁵ Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. ...канд. юр. наук. – Р н/Д., 2005. – С.100-101.

⁴⁵⁶ Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе Российской империи. 1906-1917 г. (в 2-х томах). Т.1. Дис. ...докт. ист. наук. – Казань, 2004. – С.103.

⁴⁵⁷ Арсанукаева М.С. Судопроизводство по частноправовым спорам на основе адата у чеченцев. Конец XVIII – начало XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006. – С.227-228.

⁴⁵⁸ Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол.XIX – нач.XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 1999. – С.99.

⁴⁵⁹ Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1985. – С.102-103.

⁴⁶⁰ Об изъятии некоторых преступлений, совершаемых в пределах Кавказского края // Терский календарь на 1896 год. Вып.5. – Владикавказ, 1895. – С.277.

⁴⁶¹ Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис, 1919. – С.100.

⁴⁶² Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач XX вв.). – Нальчик, 1995. – С.15.

⁴⁶³ Там же. – С.73,78.

⁴⁶⁴ Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб., 1912. – С.148,167.

⁴⁶⁵ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д., 1990. – С.38.

⁴⁶⁶ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912. – С.22,40.

⁴⁶⁷ Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол. XIX – нач.XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 1999. – С.50.

⁴⁶⁸ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912. – С.22.

⁴⁶⁹ Агишев Н.М., Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб., 1912. – С.140.

⁴⁷⁰ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912. – С.17.

⁴⁷¹ Там же. – С.18,21.

⁴⁷² Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн.4. – Цхинвали, 1989. – С.360.

⁴⁷³ Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно – хозяйственного быта. – М., 1913. – С.140.

⁴⁷⁴ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно – экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.135.

⁴⁷⁵ РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.538. Л.14 об.

⁴⁷⁶ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912. – С.14-15.

⁴⁷⁷ Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчётам за 1881–1890 годы генерал – губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб., 1893. – С. 402.

⁴⁷⁸ Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800–1917) // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С. 184.

⁴⁷⁹ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С. 49.

⁴⁸⁰ Саидов И.М. Этнографические заметки (Досоветский период) // ЧИННИИ. Известия. Т. V. Вып. 1. – Грозный, 1964. – С. 116.

⁴⁸¹ Сто истин: Песни народов Северного Кавказа. – М., 1984. – С. 483.

⁴⁸² Гантемирова Ф.А. Общественно – политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII -перв. пол. XIX в.). – М., 1972. – С. 15.

⁴⁸³ Самойлов К. Заметки о Чечне // Пантеон. Т. 23. Кн. 10. – СПб., 1855. – С. 38.

⁴⁸⁴ Леонтович Ф.И. Адагы Кавказских горцев. – Одесса, 1882. – С. 27.

⁴⁸⁵ Гантемирова Ф.А. Общественно – политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – перв. пол. XIX в.). – М., 1972. – С. 15.

⁴⁸⁶ Леонтович Ф.И. Адагы Кавказских горцев. – Одесса, 1882. – С. 10.

⁴⁸⁷ Там же. – С. 68.

⁴⁸⁸ РГИА. Ф. 932. Оп. 1. Д. 322. Л. 5 об.

⁴⁸⁹ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С. 26–27.

⁴⁹⁰ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С. 33.

⁴⁹¹ Александров В.А. Отечественная наука XIX – нач. XX вв. об обычном праве в России // Социально – политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж, 1983. – С. 10.

⁴⁹² Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С. 15.

⁴⁹³ Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999. – С. 258.

⁴⁹⁴ Калоев Б.А. А.Ф. Кони о Кавказе // Этнографическое обозрение. – М., 1997. – № 3. – С. 152, 154.

⁴⁹⁵ Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М., 2002. – С. 34.

⁴⁹⁶ Леонтович Ф.И. Адагы Кавказских горцев. – Одесса, 1882. – С. 41.

⁴⁹⁷ Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800 – 1917) // Обычное право в России : проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999. – С. 184.

⁴⁹⁸ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912. – С. 13.

⁴⁹⁹ Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М., 2002. – С. 37, 63.

- ⁵⁰⁰ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат – Шамиля. М., 2000. – С.29.
- ⁵⁰¹ Ржевуский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо – статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ, 1888. – С.4.
- ⁵⁰² Шанаев Г. Кое – что о горцах. – Тифлис, 1888. – С.36.
- ⁵⁰³ Статистический ежегодник // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. – Владикавказ, 1896. – С.62.
- ⁵⁰⁴ Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892-1901 гг. – Тифлис, 1906. – С.107.
- ⁵⁰⁵ Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.44.
- ⁵⁰⁶ ГА РФ. Ф.677. Оп.1. Д.517. Л.1 об.
- ⁵⁰⁷ Вновь изданные узаконения и распоряжения // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ, 1891. – С.131.
- ⁵⁰⁸ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.17.
- ⁵⁰⁹ Кокурхаев К–С. Общественно – политический строй чеченцев и ингушей (Втор. пол.XIX – нач.XX в.). – Грозный, 1989. – С.42.
- ⁵¹⁰ Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб., 1907. – С.295, 304.
- ⁵¹¹ Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начала XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.85.
- ⁵¹² Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С.9.
- ⁵¹³ Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль, 2001. – С.25, 28.
- ⁵¹⁴ Липский Н.А. Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (Историко-правовой анализ). Дис. ...канд. юрид. наук. – С.89.
- ⁵¹⁵ Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876. – С.59.
- ⁵¹⁶ Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе, 1971. – С.80.
- ⁵¹⁷ Ом. Кавказская хроника // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – №5. – С.66.
- ⁵¹⁸ Кавказские разбои и колонизация // Неделя. – 1898. – №44. – С.1395.
- ⁵¹⁹ Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб., 1908. – С.2.
- ⁵²⁰ Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб., 1903. – С.1, 4.
- ⁵²¹ Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.40.
- ⁵²² Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876. – С.59.
- ⁵²³ Статистический ежегодник // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. – Владикавказ, 1896. – С.61.

- ⁵²⁴ Статистический ежегодник // Терский календарь на 1898 год. Вып.7. – Владикавказ, 1897. – С.48.
- ⁵²⁵ Город Грозный. Популярные очерки истории. – Грозный, 1984. – С.42.
- ⁵²⁶ Курас С.Л. Источники по истории ссылки евреев в Сибирь во второй половине XIX в. – февраль 1917 г. (на примере Иркутской губернии). Дис. ...канд. ист. наук. – Улан-Удэ, 2006. – С.135.
- ⁵²⁷ Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М., 2007. – С.101-102.
- ⁵²⁸ Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.22.
- ⁵²⁹ Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб., 1903. – С.31.
- ⁵³⁰ Дунаев К.Ю. Правовое регулирование административной ссылки в Российской империи (XIX в.): историко-правовое исследование. Дис. ...канд. юрид. наук. – СПб., 2006. – С.173.
- ⁵³¹ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области) // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.145.
- ⁵³² РГИА. Ф.565. Оп.2. Д.7587. Л.9.
- ⁵³³ Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912. – С.46.
- ⁵³⁴ Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке. Дис. ...канд. ист. наук. – Пермь, 2003. – С.40, 88-89.
- ⁵³⁵ Сто истин: Песни народов Северного Кавказа. – М., 1984. – С.480.
- ⁵³⁶ Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 2003.
- ⁵³⁷ Шамиль на ..... С.110-111.
- ⁵³⁸ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. – С.449.
- ⁵³⁹ РГИА. Ф.200. Оп.1. Д.1430. Л.2, 4.
- ⁵⁴⁰ Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.ХІ. – Грозный, 1977. – С.30.
- ⁵⁴¹ Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб., 1903. – С.11.
- ⁵⁴² ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.50. Отд.2.(1875). – СПб., 1877. – С.158.
- ⁵⁴³ Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже XIX – XX вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1985. – С.27.
- ⁵⁴⁴ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. – С.447.
- ⁵⁴⁵ Исторический обзор Терка, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.ХVI. Ч.1. – М., 2008. – С.72.
- ⁵⁴⁶ Никитин В.Н. Тюрма и ссылка. – СПб., 1880. – С.143.

- ⁵⁴⁷ Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начало XX века. Сборник нормативных актов. – Рязань, 1998. – С.11.
- ⁵⁴⁸ Каталог международной тюремной выставки. Отдел – Россия. Пересыльная часть. – СПб., 1890. – С.1.
- ⁵⁴⁹ Марголис А.Д. Тюрма и ссылка в императорской России. – М., 1995. – С.37.
- ⁵⁵⁰ Зейдлиц Н.К. Очерк южно-каспийских портов и торговли. – Тифлис, 1870. – С.56.
- ⁵⁵¹ Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.31.
- ⁵⁵² Мелихов А. Россия и Кавказ – двести лет вместе // Октябрь – М., 2004 – № 3. – С.170-171.
- ⁵⁵³ РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.88. Л.1,5.
- ⁵⁵⁴ РГИА. Ф.1268. Оп.25. Д.18. Л.1.
- ⁵⁵⁵ Известия // Терские ведомости. – Владикавказ, 1894. – №137. – С.3.
- ⁵⁵⁶ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1. Д.24. Л.3.
- ⁵⁵⁷ Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. ...канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006. – С.152.
- ⁵⁵⁸ РГИА. Ф.733. Оп.193. Д.381. Л.16.
- ⁵⁵⁹ РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.26. Л.10.
- ⁵⁶⁰ Рент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России. – Рязань, 2006. – С.45-47.
- ⁵⁶¹ Кармовский В.В. Организация библиотек в российских тюрьмах в XIX – начале XX вв. // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сборник статей – М., 2006. – С.39,41.
- ⁵⁶² Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.3. 1870-1900. – М., 1961. – С.375-376.
- ⁵⁶³ Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начала XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.78,80.
- ⁵⁶⁴ Батчаева М.К. Трансформация и систематизация правовых документов регулирования пенитенциарных учреждений в 30-90-х гг. XIX в. // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск, 2005. – С.84-86.
- ⁵⁶⁵ Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – С.77-78.
- ⁵⁶⁶ Рент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России. – Рязань, 2006. – С.73.
- ⁵⁶⁷ Макаров Г.А. История развития полиции.... – С.48.
- ⁵⁶⁸ Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. / Под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С.34.

⁵⁶⁹ Бёрбэнк Д. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей. / Под. ред. А.И. Миллера. – М., 2004. – С.320-333.

⁵⁷⁰ Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М., 2005. – С.113.

⁵⁷¹ Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.). Автореф. дис. ...докт. юрид. наук. – М., 2003. – С.18-19.

⁵⁷² Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во второй пол. XIX – XX в. Дис. ...канд. ист. наук. – Ставрополь, 1999. – С.159.

⁵⁷³ Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и ее историко-правовой опыт. Дис. ...канд. юр. наук. – Р н/Д., 2005. – С.75.

⁵⁷⁴ Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма, 1861-1905 г. Дис. ...канд. юр. наук. – Самара, 2003. – С.67.

⁵⁷⁵ Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе. – Тифлис, 1898. – С.16.

ГЛАВА III.

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В ЧЕЧНЕ И МЕТОДЫ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ

Причины возникновения политической нестабильности в регионе

Общественно – политическая жизнь в крае отличалась динамизмом и была окрашена многими драматичными страницами. Вторая половина XIX века ознаменована ростом повстанческого движения. Политика правительства в земельном вопросе, и ее следствие – тяжелое экономическое положение крестьян, вызывали массовое недовольство. Ядром сопротивления против официальных аграрных мероприятий была сельская община. Сельский сход, отражая интересы общины, разбирал заявления крестьян-общинников и обращался в высшие органы власти, вплоть до царя, с жалобами на изъятие у них исконных земель кавказской администрацией и с просьбами вернуть земли или наделить новыми. Но большинство просьб и заявлений так и остались без ответа. Росло массовое недовольство экономическим положением и действиями власти¹.

Усугубляли положение трудящегося населения, и подталкивали их к открытому протесту произвол офицеров и различные злоупотребления чиновников кавказской администрации. Даже сами представители кавказской администрации, как и официальные историки, были вынуждены признать, что офицеры «своим оскорбительным поведением раздражали народ». Не принимая во внимание нравы горцев и местные традиции, они делали все, что им заблагорассудится. Касаясь этого, Гамба подчеркивал, что именно чинимые местным жителям обиды и малая поддержка, которую они встречали со стороны администрации, более всего мешают стабилизации и последующему улучшению дел в крае. «В то время как наивысшие чины армии и администрации отдаляются из-за своих характеров и служебного рвения от справедливости, – продолжает он, – в то время как самодержец этой обширной империи пренебрегает всеми действиями, чтобы прекратить всякие злоупотребления властью, деятели тринадцатого и четырнадцатого классов не останавливаются перед авторитетом, который им вручен, а их мрачные притеснения тща-

тельно замалчиваются и потому продолжают ускользать от всех инспекций и всех наблюдателей»².

Положительную роль в адаптации российского аппарата управления к местным условиям сыграло стремление региональной администрации к довольно широкому привлечению горской знати к деятельности в административных и судебных учреждениях низшего и среднего звена. Это сыграло значительную роль в ходе подавления восстаний, т.к. некоторые слои общества, уже придерживаясь своих интересов, связанных с российской властью, не поддерживали мятежников³. Включение Чечни в состав Российской империи позволило избежать исторической неопределенности многим слоям населения, дало возможность значительно более быстрыми темпами приобщиться к европейскому и мировому экономическому, социальному и культурному опыту. В то же время политика России на Кавказе не всегда отличалась продуманностью, должной государственной логикой и целесообразностью. Зачастую ее проводили лица, выражавшие позицию не самой перспективной части российского руководства, придерживавшейся однобокой, силовой схемы построения взаимоотношений с горскими народами, что приводило к сопротивлению в различных формах и масштабах (начиная с переселения в зарубежные страны и заканчивая восстаниями и требованиями отделения от Российской империи)⁴. Друг Дениса Давыдова Кульнев любил говорить: «Матушка Россия тем хороша, что все-таки в каком – ни будь углу ее дерутся. Блаженная была эпоха для храбрости! Широкое было поприще для надежд честолюбия!»⁵.

У лиц с национальным (религиозным) самосознанием не должно быть чувства дискомфорта от нахождения в многонациональной среде. Они не должны ощущать дискриминации при получении образования, распределении земель, работы или в случае притязания на занятия государственных должностей. Властям необходимо терпеть даже пропаганду сепаратизма, если эта пропаганда не сопровождается призывами к применению силы. Но для этого нужен высокий уровень развития государственности, чтобы противостоять подобным тенденциям и терпеть проявление «мирного» сепаратизма. Можно предвидеть жесткую реакцию со стороны государств, опасющихся расчленения своей территории. Исторический опыт говорит о том, что такие государства начинают притеснять малые нации, подозреваемые в сепаратизме. «Предусмотрительное» государство будет применять такие методы, как недопущение концентрации малого народа в каком-либо одном районе, а

тем более прилива к нему соплеменников из-за границы (например, возвращающихся чеченских мухаджиров из Османской империи). Народ, подозреваемый в сепаратизме, будут всячески ущемлять в развитии его национальной культуры. Представителям этого народа постараются закрыть доступ в военные школы и в учебные заведения, готовые государственных деятелей. Тем более их не допустят к кормилу правления.

История всех времен дает примеры хотя и не мудрой, но, тем не менее, распространенной государственной политики, которая ставит подозреваемый народ в приниженное положение. Политику уступок сепаратизму надо считать политикой меньшего зла, но при этом зло должно быть в законных рамках. Как бороться с сепаратизмом – известно. Первый и главный способ – это экономическое развитие региона. Люди, причисляющие себя к любой малой нации или народу, должны быть убеждены, что государственное отделение ничего не прибавит к их жизненному уровню, а, напротив, скорее понизит его⁶.

Опыт исторического прошлого демонстрирует абсолютную бесперспективность всех форм давления, принуждения и вообще политики насильственной ассимиляции по отношению к подчиненным этносам и прочим этническим меньшинствам. Достаточно вспомнить хотя бы пример Ирландии. Несмотря на достаточно далеко зашедший процесс этнической аккультурации ирландцев в рамках Британской империи и Англии, значительно затронувший не только сферу культуры, но и языка, это не привело к прочной интеграции Ирландии в состав Великобритании. Британцы всегда считали свою собственную экспансию само собой разумеющимся правом. Французскую экспансию в Северную Африку и русскую экспансию в Азию, с другой стороны, они рассматривали как предосудительные акты агрессии. А что немецкая экспансия является в высшей степени аморальной – на этом сошлись и французы, и русские, и британцы. Роберт Ноке, в оправдание этих действий говорил: «Мы забываем, что законы сделаны для того, чтобы связывать слабых, и быть нарушаемы сильными». «Все исторические права недействительны перед правами сильнейшего», – подтверждал Тилле в работе «Служение народу»⁷.

В обстановке назревания новой русско-турецкой войны (1877-78 гг.) правительство Александра II недооценивало роль Англии, которая стремилась использовать турецкую армию в целях «прекращения» русского влияния на Кавказе и горцев, для подготовки и проведения восстания против русской власти. Если, в период Крымской войны Англия стре-

милась способствовать раздроблению народов Кавказа и, таким путем поочередно подчинить их своему влиянию (первоначально больше сил и средств вкладывалось в «общение» с черкесами), то теперь план главы английского консервативного правительства Дизраэли предусматривал, прежде всего, образование Закавказского халифата (с помощью турецких сил), путем слияния мусульманского населения края. Англия старалась «играть» на недовольстве горцев сложившейся ситуацией и извлекать из этого свою стратегическую выгоду. Для того чтобы поднять восстание, были организованы еще в 1871 году поездки по Кавказу Кенингхема и других английских разведчиков⁸. Велась «большая игра» между великими державами, в которой интересами малых народов лишь манипулировали в зависимости от обстоятельств.

Многие европейцы были склонны истолковывать военное первенство как интеллектуальное, и даже биологическое превосходство. Империализм нуждался в расизме как единственно возможном оправдании своих действий. Европейские империалисты ответственны за успешное введение в обычную респектабельную внешнюю политику таких средств «умиротворения», как «массовое убийство» и «беспощадная резня»⁹. В некоторых случаях межэтнические конфликты могли заканчиваться и актами геноцида, когда группы населения физически истреблялись по этническому признаку.

История мировой практики показывает, что нередко побежденная сторона не мирилась со своим подчиненным статусом и могла долгое время, иногда и целыми столетиями, вести различные формы борьбы, в том числе и вооруженной, за свои права. В зависимости от поставленных задач, целей и реально достигнутых результатов в период сопротивления подчиненные этнические группы могли либо добиться полной политической самостоятельности, либо равных с доминировавшим этносом социально – политических и экономических прав, либо права автономии, широкого круга самоуправления и т.д.¹⁰.

Очень серьезной и актуальной является проблема легитимности власти, т.е. степени согласия, характеризующей отношения между управляющими и управляемыми. Власть легитимна, если общество признает за носителями власти право управлять им: управлять вообще, т.е. стоять во главе народа, и управлять в частности, т.е. делать это именно так, как они это делают. В этом случае признается обоснованность применяемых способов, методов и приемов управления. В свою очередь, политики ждут от управляемых подчинения, равно как и одобрения их

действий по борьбе с «антинародными силами», «внутренними врагами» и прочими, не желающими подчиниться и оказывающими вербальное или действенное сопротивление. Конечно, вопрос о пределах легитимности государственного насилия был сложным и также получал неоднозначное отражение в общественном сознании.

Макс Вебер выделил три типа легитимности: легитимность, основанную на праве; легитимность, основанную на традиции; и, наконец, легитимность, основанную на харизме (т.е. на признании исключительного права именно данного человека и именно данной группы на управление людьми). При любом типе легитимизации выделяются несколько ее важных предпосылок. Одной из них является время, длительность существования власти и привыкания к ней населения. Люди привыкают к определенному типу власти, к ее языку и идеологии, к ритуалам и атрибутике. После резкой смены власти или, тем более, общественного строя, необходимо и время, и чрезвычайно напряженные усилия, направленные на легитимизацию новой государственности и ее представителей¹¹.

Мобилизация – это общий процесс изменений при переходе от одной модели жизни к другой. Руководствуясь широким знанием применительно к этносу, теоретически можно было бы выделить этапы в его развитии, которые ознаменовали собой качественные изменения, иными словами ту самую смену моделей жизни, и на их основе провести анализ этнической мобилизации в том виде, как она проходила в каждом конкретном случае. Мы сузим эти рамки, и в контексте изучения предпосылок и механизма развития этих процессов у чеченцев сконцентрируем внимание на их политической составляющей. Как показывает исследование, политическая мобилизация этнических групп берет свое начало и формируется вокруг темы несправедливости. Именно на чувстве несправедливости у народа играют заинтересованные в его мобилизации лица или группы лиц. Разумеется, для успешной реализации их интересов необходимо наличие определенных исторических условий или сопутствующих факторов. Присутствие чувства несправедливости даже в пассивном состоянии несет в себе потенциал неожиданной активизации в любой момент при наличии сопутствующих факторов – ухудшении условий жизни этноса или угрозы их изменения в худшую сторону¹².

Наблюдения и выводы социальных психологов, исследовавших этиологию насилия, позволяют пролить свет на логику вооруженных восстаний. Одна из наиболее распространенных теорий (Т. Гарр) делает

упор на депривации: растущий дискомфорт, связанный с неудовлетворенностью основных жизненных запросов, создает почву для вспышек коллективной агрессии. Другой подход (Дж. Дэвис) ставит в центр внимания фактор фрустрации, то есть препятствия на пути удовлетворения потребностей людей. Такие препятствия воспринимаются особенно остро, если до этого на протяжении относительно длительного периода времени положение людей неуклонно улучшалось, порождая тем самым динамику ожидания. Внезапно возникающий разрыв между ожиданиями и реальной действительностью ощущается как невыносимый и делает большинство людей, испытывающих его, восприимчивыми к агрессивному подстрекательству. Ценное уточнение в эту объяснительную модель внес канадский ученый А. Раппопорт. Как он установил, степень агрессивности индивидов, стремящихся к определенной цели, особенно возрастает в том случае, если фрустрирующий фактор появляется в момент близкий к овладению предметом желания¹³. Источником агрессии против других групп часто является общая «травма», которой, например, для чеченского народа послужила Кавказская война и ее итоги. В 60-е годы XIX века «травмой» воспринимались и все реформы, ломка сложившейся организации жизни¹⁴.

Конфликты на этнической почве возникают при нарушении прав того или иного этноса, справедливости и равноправия в межэтнических отношениях. Непосредственными причинами возникновения межэтнических конфликтов могут быть экономические, политические, территориальные, социальные и иные противоречия. Следует также отметить, что в возникновении конфликтных ситуаций не последнюю роль играют и субъективный фактор. Основой межэтнических конфликтов являются проблемы и противоречия, которые возникают в процессе взаимодействия этносов. Возникновение межэтнических конфликтов и их острота во многом зависят от формы государственного устройства полиэтнической страны, от национальной политики властей. Историческая память этносов может являться существенным фактором в сфере межэтнических отношений и служить как амортизатором, так и катализатором конфликтов. Изучение и анализ системы этнополитических отношений, складывавшихся в прошлом и их развитие, могут принести существенную практическую пользу¹⁵.

Соприкосновение с Россией как военно-политической силой и иным культурным пространством неизбежно порождало многоуровневый конфликт. Его проявления сводились к «конфликту культурно-психологи-

ческих стереотипов»; «конфликту встречных действий» (т.е. взаимному насилию); «конфликту социально – политических институтов» (т.е. несоответствию управленческих систем); «этнополитическому конфликту» (вызванному включением русских в сложные межнациональные отношения); «конфликту материальных интересов». Данные разновидности конфликта необходимо воспринимать не как враждебный антагонизм, а как проявление объективного несовпадения этнокультурных парадигм и интересов. Собственно, вся человеческая история состоит из столкновений между различными институтами и интересами и последующей адаптации к различиям¹⁶.

Сравнительный контекст проведения национальной политики в европейских государствах

В конце XIX – начале XX в. образцовыми демократиями Европы считались Великобритания и Франция. В то же время по сравнению со многими странами мира Франция уже несколько столетий отличалась строгостью и целенаправленностью языковой политики. Активные меры по распространению литературного (стандартного) французского языка принимались уже в XVI в., а в эпоху Великой Французской революции, в 1794 г., был принят весьма жесткий закон, в соответствии с которым на всей территории страны во всех официальных сферах мог употребляться только этот язык. Языки меньшинств и диалекты не пользовались никакими правами. И в колониях делопроизводство и образование (в школах европейского типа) долгое время осуществлялось лишь на французском языке. Такая ситуация сохранялась более полутора веков, и лишь с 1951 г. языковое законодательство начало становиться более либеральным. В конце XIX в. во Франции и Великобритании политика была направлена на полную языковую ассимиляцию меньшинств, нередко даже в это время в школах детей били за общение на родном языке. И ко всем этим условиям представители национальных меньшинств вынуждены были приспособляться¹⁷. В Австро – Венгрии национальные меньшинства могли в довольно широких пределах пользоваться родным языком, получать на нем школьное и даже университетское образование, а на половине территории империи официальным языком, помимо немецкого, являлся венгерский.

Если кратко охарактеризовать политику царской России, в целом она была направлена на распространение по всей территории империи единого государственного языка – русского. В эпоху «великих реформ» Александра II действовали наибольшие ограничения в правах ряда языков, что вполне объяснимо: эти реформы усиливали централизацию страны, распространение единого рынка и единой административной системы, а также и единой системы образования (основанной на русском языке) и единой, т.е. русской культуры. А вот либерализация после Манифеста 17 октября 1905 г. была связана с расширением прав языков национальных меньшинств. Языковая политика царской власти в XIX столетии вызывала недовольство и протесты не только у национально ориентированной знати соответствующих народов, но и у оппозиционной к власти русской интеллигенции¹⁸.

Причины многих межэтнических конфликтов своими корнями уходят в далёкое прошлое. Не будучи разрешёнными или будучи решёнными не до конца, в момент своего возникновения, национальные проблемы, усугубляясь, развиваясь по принципу «снежного кома», постоянно актуализируют национальный вопрос. К концу XIX века национальная проблематика превращается в абсолютно доминирующую тему кавказского политического дискурса. Через нее выражаются все ключевые социальные противоречия. Болезненное внимание к этнодемографическому («национальному») балансу овладевает не только умами имперских администраторов, но начинает пронизывать идеологию самих местных элит, все более осваивающих идеи социального равенства с представителями других народов¹⁹.

Проявление исторической несправедливости оставляют глубокий след в сознании и незаживающую рану в памяти народа²⁰. В различного рода «Прокламациях», обращённых к кавказским народам, царские военачальники обычно обещали свободную и вольную жизнь под скипетром «августейшего российского монарха», одновременно угрожали жестокими наказаниями за всякое ослушание и набеги на русские укрепления, сёла и станицы. Однако данные «Прокламации» на деле не осуществлялись и горцы оказывались обманутыми в своих ожиданиях, а наказывались они сполна, даже за малейшие нарушения²¹.

Анализ политики царизма конца 50-х гг. XIX в. в Чечне показывает, что главными задачами Кавказского командования на тот период являлись: строительство новых военных коммуникаций, расширение сети казачьих станиц на бывших чеченских территориях, укрупнение чечен-

ских сел за счет насильственного переселения горцев на равнины, для чего уничтожались горные аулы и запасы продовольствия²². Действиям царской власти горцы оказывали упорное сопротивление, неоднократно подвергаясь при этом различным преследованиям и, нередко, физическому насилию²³.

Насильственные, волевые формы решения национально-территориальных вопросов, усугублённые политикой двойных стандартов – когда, например, одних выселяют, а других заселяют – порождают череду несправедливостей, развивая чувства национального притеснения, формируя комплекс национальной ущемлённости. Особенно остро это ощущают те, кто неоднократно пострадал со времён Кавказской войны, неся на себе тяжёлую печать исторической несправедливости. С 30 сентября по 2 октября 1850 г. 150 семей чеченских сел Гарчагой, Эшкалой, Начхой и Терлой были переселены в окрестности укреплений Закан-Юрт и Казах-Кичу. Генерал Слепцов особо отмечал перед вышестоящим командованием заслуги в содействии к переселению чеченцев этих сел старшин: Закан-Юрта – Саадулы Османова, Казах-Кичу – Баташа Булучуева, Алико Цугова и ачхоевского старшины Эльтемира Уцыгова. Политика выселения жителей горной Чечни на равнину продолжалась и в последующее время. Так, 21 декабря 1852 г. в крепость Грозную было выселено 350 жителей аула Хан-Кала. Начальнику войска на Левом фланге было дано право расселять горцев по его собственному усмотрению²⁴.

Внутренние миграции носили в основном принудительный характер. Об их проведении, а также отношении к ним самих горцев военный советник В.А. Франкини, работавший во втор. пол. XIX века при Российском посольстве в Константинополе, писал, что «у северокавказских народов к началу массовых миграций второй половины XIX века уже существовал страх перед миграционной политикой России и недоверие в испытанных уже бедственных последствиях системы переселений, давно уже применяемой русскими, в разных местах Кавказского края, т.е. системы, составляющей отрицание всякой личности, всякой самостоятельности и превращающей население в стадо». Внутренние миграции горцев рассматривались военным руководством в качестве одного из ключевых механизмов завоевания Северного Кавказа. А.А. Вельяминов подчеркивал, что «главное и надежнейшее средство к прочному овладению горами и к покорению обитающих в оных народов состоит в занятии укреплениями важнейших в топографическом отношении мест». Одним из видов внутренней насильственной миграции стало

расселение горцев, попавших в плен к русским властям в ходе военных операций Кавказской войны. Согласно разработанным главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом князем М.С. Воронцовым, наместником царя на Кавказе (1844-1854) «Правилам о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев» (1847), горских пленных главным образом поселяли на Дону или во внутренних губерниях Российской империи²⁵.

Исторические несправедливости «держат» народы в постоянном напряжении, играют не последнюю роль в усилении этноконфликтности. Большую опасность представляют их «невидимые» следствия, выражающиеся в глубинном изменении национального самосознания, чутко и остро реагирующего на малейшие изменения национального статуса. Накопившиеся обиды требуют выхода и находят его, проявляясь по-разному²⁶. Всем известно стремление горцев к свободе и независимости. «Страна сия всегда была убежищем многочисленных, смелых и дерзких народов с различными племенами и наречиями», – отмечал Данилевский, русский публицист и естествоиспытатель²⁷.

В период крушений люди возвращаются к коллективной идентичности, которая придает им чувство безопасности. Во время социальных конфликтов «иные» кажутся угрозой status quo, местные жители апеллируют к нации, стремятся создать свое государство, чтобы оно являлось гарантом их традиционных прав. В ряде случаев предшествующая напряженность в межгрупповых отношениях, недостаток информированности друг о друге, отрицательные социальные установки по отношению друг к другу и т.п. в результате непосредственного общения лишь усугубляют взаимные негативные оценки. Этот эффект может быть снят лишь при соблюдении определенных условий организации контакта: признания безусловного равенства сторон, наличия обстановки открытости и доверия, принятия общих, значимых для обеих сторон целей, уважения к традиционным нормам, ценностям, правилам поведения, образу жизни друг друга и т. д. Только при соблюдении всех этих условий непосредственный межличностный контакт представителей различных групп будет плодотворен, и можно будет рассчитывать на положительный политический и психологический эффект²⁸.

Российская империя находилась на стадии формирования культурного единства народов и наций, входивших в её состав. Ряд из них были включены в состав империи вопреки их желанию. Поэтому в сознании этих народов отсутствовало чувство единства с Россией, и они

были готовы вести борьбу за национальное освобождение и сохранение самобытности. Поскольку в этот период сохранялась глубокая связь между национальным и религиозным, религия сохраняла роль носителя базовых ценностей и самосознания народов империи. Борьба за национальное освобождение шла под религиозным знаменем. Осмысление религиозного фактора исторического процесса актуально для оптимизации многих сторон общественной жизни и практики государственного и военного строительства, поскольку религия является неотъемлемым компонентом человеческой истории, зачастую определявшим ход общественного развития²⁹. В условиях межэтнической, политической, социальной, экономической, религиозной «конкуренции» степень этнотолерантности значительно снижается: если в местах компактного проживания славян проявляется нетерпимость по отношению к представителям неславянских народов, то в национальных регионах, соответственно, наоборот. Таким образом, эскалация межэтнической напряжённости происходит практически повсеместно и ведёт к появлению и распространению национальных и религиозных движений. Возникнув на волне защиты национально-культурных интересов, они постепенно политизируются, становятся средством и орудием достижения политических целей. Прочность позиций национальных движений основывалась на апеллировании, во-первых, к высоким национальным чувствам, во-вторых, на эксплуатации чувства национальной ущемлённости и чувства привязанности к исторической «малой» территории, потерянной как в ходе, так и после Кавказской войны³⁰.

Определение понятия «восстание»

На территории Северного Кавказа неоднократно вспыхивали восстания. Что же понимала власть под определением «восстание?». Понятие «восстание» разделялось по той среде, где оно вспыхивало. Восстание («возмущение») среди военных чинов считалось воинским преступлением, «составляющим тягчайшую форму коллективного нарушения подчиненности». В теоретической конструкции восстание не требовало неизбежно активной формы противодействия воле начальства, а допускалась и пассивная форма сопротивления власти. Восстанием считалось возмущение, в котором участвовало не менее 8 человек. Участников восстания в мирное время ссылали на каторжные работы, а

в военное время – подвергали смертной казни³¹.

Восстание среди мирного населения – это один из видов преступлений против порядка управления, который представляет собой посягательство на государственную власть. Восстание – это активное сопротивление установившейся власти, поднятое для этого толпой («скопом»). В отличие от бунта, восстание не направлено ни на ниспровержение власти вообще, ни на изменение существующего государственного порядка, у него цель – единичное сопротивление власти, противодействие ей, в лице ее органов, в отдельном конкретном случае. Восстание, поэтому – не государственное, политическое преступление в узком смысле, а только посягательство на порядок управления. В статьях 263-269 Уложения о наказаниях говорится о явном противодействии властям, правительством установленных (восстаниях). Не считается восстанием: 1) одно неповиновение власти; 2) сопротивление, даже с насилием, но совершенное не многими, а лишь двумя или тремя (или одним) человеком. Для наличия восстания не требуется, чтобы насилие было совершено над самими представителями власти, достаточно насилия против мирного населения. Главные виновники, зачинщики восстания (не отягченного обстоятельствами) должны были подвергаться каторжным работам от 4 до 6 лет³².

В начале 1822 г. один из чеченских кадиев Абдул-Кадыр пытался поднять восстание в Чечне, уверяя соплеменников, что через 4 месяца войска турецкого султана прогонят русских с Кавказа. Осенью 1822 г. Ахмед-хан Аварский сообщил чеченцам, что султан будто бы уже начал войну против России и что следующей весной он пришлет свои войска на помощь кавказским мусульманам, борющимся против «гяуров» – русских. Однако помощи турок чеченцы так и не дождались³³. Известно, что во время Кавказской войны среди черкесов вели пропаганду турецкие агенты, подстрекавшие их к враждебным действиям против России и к продолжению неравной борьбы. Турция давала советы, как друг, но хуже не мог посоветовать и злейший враг. Горцы воевали, т.е. умножали свои страдания, не зная ни силы России, ни планов, ни намерений ее относительно себя и своей родины. Все это истолковывали им «дальновидные» турецкие агенты и их английские друзья, принимавшие даже депутатов от Кабарды в Лондоне³⁴. В 1828 году, в условиях начавшейся очередной русско – турецкой войны, турецкие эмиссары именем своего султана Махмуда II активно призывали чеченцев, дагестанцев и других горцев подняться против русского владычества. В чеченском селе Майртуп

состоялся по этому поводу съезд чеченских старшин, который решил не выступать в поддержку турецкого султана: «...сие совещание не имело успеха для турок... Чечня осталась спокойною...»³⁵. Зная о силе воздействия слухов на психологию масс, еще имам Шамиль в годы Кавказской войны пользовался этим оружием широко и эффективно. В 1850-е гг., когда уставшие от войны и ослабленные хозяйственным уроном чеченцы выражали желание заключить мир с Россией и переселиться в ее пределы, Шамиль каждой весной объявлял, что турецкая армия идет ему на помощь³⁶.

Восстание под руководством Байсунгура Беноевского

Не прошло и двух лет после пленения Шамиля, как в Чечне вспыхнуло восстание под руководством Байсунгура Беноевского, одного из наибов Шамиля. В годы Кавказской войны он руководил одной из провинций имамата³⁷. Эпицентром восстания стало одно из крупнейших горных обществ Чечни – беноевское. Зимой 1861 года, чеченцы выступили, под предводительством наиба Байсунгура (в боях еще при Шамиле, назвавшего его «человек-камень», он потерял глаз, руку и ногу) и Султан-Мурада Беноевских³⁸. Повод к восстанию дала администрация Терской области, начав с осени 1859 года переселение беноевцев. Что именно заставило терские власти прибегнуть к применению репрессивных мер против беноевцев, не известно, но в мае 1860 года первые полсотни беноевских семей, переселённых в аул Даттых, самовольно вернулись в Беной. В течение месяца вернувшиеся крестьяне через посредников просили разрешения остаться на своих землях, а власти, в свою очередь, требовали немедленно оставить Беной. В первых числах июня против восставших были посланы войска и местная милиция. Беноевцы, разбившись на мелкие группы, ответили нападениями на воинские команды в разных местах Веденского округа³⁹.

Андрей Михайлович Фадеев, много прослуживший на Кавказе, отмечал, что большинство восстаний в Чечне вспыхивали в результате беспорядочных и безрассудных действий местного руководства⁴⁰. По свидетельству наместника на Кавказе Н.Н. Муравьёва – Карского, во всех набегах на военные укрепления участвовали преимущественно «удальцы» с плоскостной части Чечни. Это объяснимо, ведь горным чеченцам в этом случае пришлось бы проделать огромный путь по пе-

ресечённой местности в условиях почти полного отсутствия дорог, по районам, наводнённым русскими войсками. Таким образом, участие беноевцев в военных набегах на равнинные гарнизоны было практически исключено⁴¹.

Первым начальником Терской области был генерал – адъютант Н.И. Евдокимов (1856-1861). В период его правления политическая обстановка в области резко осложнилась, что в определённой степени являлось результатом его консервативно – реакционных взглядов на умиротворение горцев только путём применения жёстких мер, репрессий и военных экспедиций⁴². Для того, чтобы наделить казаков землёй, граф Евдокимов, будучи командующим войсками Терской области, выдвинул план, по которому часть чеченцев и карабулак должна была переселиться в Малую Кабарду, жители которой в то время изъявили массовое желание уйти в Турцию⁴³. Согласно с этим планом, в 1860 году в предгорья Малой Чечни были водворены казачьи станицы 2-го Владикавказского полка.

Результатом введения указанной системы являлось вооружённое восстание в Ичкерии и Аргунском наместстве⁴⁴. Безусловно, представители властных структур понимали, что чеченцы весьма восприимчивы к несправедливости и в силу своей активности, могут взорвать спокойствие в крае в любой момент⁴⁵. Дабы предупредить народные волнения и технически к ним подготовиться, областное руководство временно остановило инженерные и дорожные работы и под видом учебных лагерей собрало два отряда в Среднем военном отделе⁴⁶.

Уклоняясь от прямого столкновения с направленными против них войсками, восставшие прибегали к тактике партизанских действий, которая первоначально принесла им успех, – к восстанию быстро присоединились другие селения Ичкерии, кроме аула Центорой. Байсунгур написал воззвание к жителям Чечни и тайно разбросал свои письма по мечетям⁴⁷. Примечателен и тот факт, что во время восстания в Ичкеринском округе в 1860 году русские поселенцы проявили сочувствие восставшим чеченцам. Более того, о совместном нападении беноевских крестьян и беглых солдат на воинскую команду в Хулхулаусском ущелье сообщал в июне 1860 года начальник Ичкеринского округа в своем письме на имя командующего войсками Терской области гр. Евдокимова⁴⁸.

Восстание распространилось и на соседний Аргунский округ, где во главе восставших стояли Атабай Атаев и Ума Дуев. Это позволило Байсунгуру Беноевскому приступить к организации собственного управления и планомерному очищению района восстания от российских войск.

В ряд селений были посланы в качестве старшин представители Байсунгура, а в ночь с 28 на 29 июля восставшие внезапной атакой выбили из селения Дышни – Ведено расквартированный там войсковой отряд. Развивая этот успех, Байсунгур захватил перевал Гамар – Дук, блокировав тем самым сообщение между укреплением Эрсеной и крепостью Ведено, а затем предпринял неудачную попытку захватить Ведено⁴⁹.

Крестьянское восстание длилось в Аргунском наместничестве с первых чисел мая 1860 года по 1862 год. В продолжение этого времени между восставшими и царскими войсками происходила непрерывная ожесточённая борьба. Аргунские повстанцы использовали тактику «отступления». Они изматывали преследовавшие их царские войска, а затем сами нападали. В Аргунском округе восставшие блокировали все располагавшиеся здесь укрепления, в том числе самое крупное из них – укрепление Евдокимовское (оно находилось в селении Итум-Кале), сообщение с которым долго не удавалось восстановить. Новая тактика восставших оказалась более удобной для российских войск, которые, наконец – то, обрели видимого противника, который вступал в открытый бой. Быстро вернув контроль над перевалом Гамар – Дук, российское командование приступило к планомерному захвату восставших аулов, постепенно продвигаясь к Беною. В Аргунском округе была снята блокада укреплений Башин – Кале и Евдокимовского.

Отступление восставших сопровождалось непрерывными боями и перестрелками, однако перевес был явно на стороне регулярной армии – 26 сентября 1860 года захвачен аул Беной, после чего восставшие вернулись к тактике партизанской войны. Ответные репрессии были направлены на всё население восставших округов⁵⁰. В наказание за неповиновение, целые чеченские общества в массовом порядке стали выселяться на плоскость. Особенно тяжёлым для чеченцев было переселение, предпринятое в декабре 1860 года, во время сильных морозов. 120 семей горцев, не имевших возможности укрыться в лесу зимой, были переселены в течение 2-х дней на плоскость, их жилища разорены войсками. В течение зимы 1861 года на Чеченскую равнину было выселено 1500 горных чеченцев. С начала весны и до глубокой осени 1861 года на территории Чечни, от реки Ассы до аула Гехи, оперировала военно-карательная экспедиция полковника Йедминского, силой оружия выселявшая чеченцев в предгорья и на плоскость⁵¹. В ноябре 1860 года основные усилия российских войск были направлены на то, чтобы вернуть контроль над основными коммуникациями Аргунского округа.

После того как удалось рассеять действовавшие здесь крупные отряды восставших, было принято решение возобновить наступление на селения Чеченского округа.

В январе 1861 года против восставших выступили три отряда под общим командованием нового начальника округа генерала Муссы Кундухова. Кроме того, была сформирована чеченская милиция общей численностью до 700 человек, во главе с полковником Арцу Чермoeвым. Военная карьера Чермoeва началась ещё в Крымскую войну, когда он отличился в боях против турок⁵². Экспедиция М. Кундухова, в ходе которой разрушено было 15 аулов, сопровождалась также массовым переселением населения – частью в крупные селения горной части Чечни, частью на равнину. В частности, на равнину было выселено 1218 беноевцев.

Мусса Кундухов, объезжая оставленные чеченцами сёла, всюду взрывал старинные башни, служившие укреплениями для восставших крестьян, сжигал дома. Солдаты угоняли скот и увозили хлеб. «Все постройки, как в аулах, так и хуторах, сожжены до основания, – докладывал он, – сено не только в аулах, но даже на самых вершинах гор истреблено огнём, чему жители сами удивлялись, увидев, что в неприступных тущобах и на высотах сено горело». 29 ноября 1860 года генерал Баженов докладывал помощнику начальника Терской области генерал – майору Кемпферту: «Нынче с термoeвцами окончил. Все аулы уничтожены. В Эзи и места нельзя узнать, как хорошо разобрали»⁵³. Таким образом, начиная с ноября 1860 года и в продолжение ряда месяцев, вся Чечня находилась в огне. Население выселялось с насиженных мест и водворялось в местах, вполне доступных оружию царских войск. Военные в ходе карательных экспедиций угоняли скот, увозили хлеб и домашний скarb крестьян в царские крепости, взрывали башни, уничтожали хлеб на полях и аулы сравнивали с землёй. В результате переселенческой политики царизма, в Чечне в конце 1860 года из населения 7 выселенных на плоскость чеченских обществ: Нашхоевского, Терлоевского, Дышниеvского, Мулкоевского, Чинхоевского, Хачароевского и, наконец, Чантинского возникли следующие новые аулы: Хайбах, состоявший из 60 дворов; Бауло – 48 дворов; Бечик – 35 дворов; Тусхорой – 70 дворов; Итум – Кале – 70 дворов; Гучум – Кале – 70 дворов и др.

В Шатоевском районе оперировали князь Туманов и Штанге, которые также чеченские аулы предавали огню, а население переселялось в другие районы или расселялось в стратегических целях по определён-

ному плану. Так аулы: Сатты, Бекум – Кале, Киелло, Пашете и Гюэлише составили одно село – Сатты с населением в 100 дворов; Хали-Кале и Соно были объединены в один аул Хали-Кале и т.д. После ликвидации крестьянского восстания, руководимого Байсунгуром, беноевцы, как наиболее беспокойный элемент, были расселены по всем плоскостным сёлам Чечни с таким расчётом, чтобы на каждый аул приходилось не более 10 семей беноевцев⁵⁴. Н.Ф. Грабовский, посетивший в 1868 году Чечню, отмечал, что «... в Аккинских горах все башни, служившие убежищем абрекам и людям, вообще преследуемым правительством, были взорваны русским отрядом в 1860 году. От них остались одни лишь развалины...»⁵⁵.

17 февраля 1861 года восстание в Ичкерии, руководимое Байсунгуром и Султан – Мурадом Беноевским было подавлено. Жёсткие репрессивные меры царского правительства позволили в конечном итоге сломить сопротивление. Раненого Байсунгура вместе с семьёй и сподвижниками пленили недалеко от аула Беной в местечке Бена-Дук. После недолгого разбирательства и скорого военно-полевого суда Байсунгур в марте того – же года был повешен на одной из площадей Хасав – Юрта. Чеченская устная традиция сообщает, что, когда Байсунгуру накинули петлю на шею, никто из окружающих виселицу солдат и казаков не согласился выбить табуретку из-под него. Только после того, как распоряжавшиеся проведением казни офицеры предложили денежное вознаграждение добровольному палачу, эту роль взял на себя один из стоявших в толпе дагестанцев⁵⁶.

Восстание в Аргунском округе продолжалось до конца 1861 года и военной администрации Терской области пришлось принимать дополнительные меры, чтобы не допустить его распространения на соседние области Дагестана. В Дагестанскую область была направлена военная колонна для сдерживания жителей Ункратльского общества в оказании помощи восставшим чеченцам, через передвижение дагестанцев в Андийский округ и горы Верхнего Дагестана⁵⁷. Для окончательного подавления чеченского восстания осенью 1861 года в Аргунский округ было стянуто большое количество войск, а также грузинской, осетинской, кабардинской, ингушской, дагестанской и чеченской милиции и конно-иррегулярных сотен. Войска были размещены на постой у местных жителей, которым было объявлено, что солдаты не уйдут до тех пор, пока руководители восстания не сдадутся властям. В это время графа Евдокимова назначили командующим войсками Кубанской области, а

вместо него во главе Терской области поставили генерал-лейтенанта Д.И. Святополк – Мирского.

Любопытно, что по поводу волнений 1860 года Д.А. Милютин не разделял мнения генерала Н.И. Евдокимова о том, что смута произошла «только от какого-нибудь внешнего подстрекательства»: «Нет ли тут более существенной причины, кроющейся в нашей администрации... Вообще, мы не можем похвалиться разумною, искусною и строго-бескорыстною администрацией». Искать причины волнений не вовне, а в себе предлагал, прежде всего, высокопоставленный царский чиновник⁵⁸.

После подавления восстания начался усиленный отток горцев в Турцию. Дмитрий Иванович объявил чеченцам, что земли, которые предназначались для казачьих станиц Евдокимовым, останутся у них. Озадаченные крутым поворотом политической системы, чеченцы были обрадованы новым ходом истории и многие отказались от вооружённого сопротивления власти, восстание сошло на нет. Эти обстоятельства в немалой степени способствовали тому, что в середине декабря 1861 года вожди восстания сдались. Атабай Атаев сдался 14 декабря в укреплении Шатой, а Ума Дуев явился туда же на следующий день, с готовностью умереть, но, прося помилования у власти за тех, кого он увлёк в вооружённом сопротивлении⁵⁹.

Атабай Атаев

Атабай Атаев в имамате Шамиля был наибом, мудиром (главой над рядом наибов). Известно, что Атабай 12 декабря 1845 года был назначен Гехинским наибом. До августа 1846 года он стоял во главе Гехинского наибства (Малая Чечня), затем его сменил М. Анзоров. В должности наиба А. Атаев участвовал в подготовке похода Шамиля в Кабарду в апреле 1846 года. С августа 1846 года в течение нескольких лет он являлся мудиром (старшим наибом, объединившим под своей властью несколько наибств) Малой Чечни, а затем – приближенным Шамиля⁶⁰. В числе известных учёных (алимов) Абдурахман из Газикумуха называл и Атабая⁶¹. После сдачи Шамиля в плен, Атабай еще продолжал возглавлять сопротивление горцев. Раненый, он был взят в плен. Позже Атабай Атаев пошёл на службу к русским, исполняя обязанности муфтия и судьи в Ханкале так как в годы Кавказской войны он казнил многих чеченцев, родственники которых, в силу кровной мести, желали ему смерти, а

доступ на Ханкалу для них был закрыт⁶². Семья А. Атаева проживала по соседству с местом его работы. С началом всеобщего восстания в Чечне Атабай Атаев вместе с Умой Дуевым его возглавил.

В результате подавления восстания, Атабай Атаев был сослан в Псковскую губернию, но не в качестве арестанта, а на поселение, под строгий надзор полиции. Город Порхов (Псковской губернии) по предписанию министра внутренних дел (№ 271) от 22 декабря 1861 года был назначен местом жительства «главы мятежников» в Малой Чечне и Аргунском округе чеченцу Атабаю Атаеву. В Порхове Атабаю ежедневно выдавали по 30 копеек серебром, а членам его семьи и слугам по 10 копеек на человека. Также за счёт казны для них арендовалось помещение. Находясь в Псковской губернии, Атабай переписывался с родственниками. В Фонде № 20 Канцелярии псковского губернатора Государственного архива Псковской области сохранились два письма: Атабая и его сына Ахмеда, переведенные с арабского языка⁶³. Когда А. Атаев, вместе с Умой Дуевым, был проездом в Смоленске, оттуда он тоже написал письмо сыну: «Я в Смоленске, – сообщал он, – здесь много мусульман. Я не имею ни в чём недостатка, кроме возвращения к Вам. Я вполне доволен щедростью здешнего русского народа... Образ их жизни чрезвычайно удивителен и различные их благодеяния не могут быть выражены словами и описаны пером. Весёлость жизни здесь лучше, нежели там»⁶⁴.

Во время пребывания Атабая в городе Порхове, он был приглашён в гости к сестре полковника Баралевского, на которую произвёл неизгладимое впечатление. Сам полковник не мог нахвалиться его добрыми качествами. Востоковед Нафаль также хорошо отзывался о природном уме А. Атаева и оценил его глубокие познания в арабском языке⁶⁵. В 1862 году А. Атаев подал прошение начальнику Терской области Д.И. Святополк – Мирскому: «Мы знаем, – писал он, что ключ нашего возвращения на родину, только в Вашей руке. По этой причине мы избрали Вас между прочими Начальниками и явились к Вам безусловно. Настоящее письмо Вашего Сиятельства мною получено. Содержание его и смысл обрадовали и возвеселили меня и я расцеловал оное с удовольствием, прочитывая его при том несколько раз»⁶⁶. Однако Атабаю в возвращении на родину было отказано, так как высшее кавказское руководство опасалось, что он, будучи грамотным и уважаемым среди мусульман человеком, будет претендовать на должность, а, получив власть, снова может встать во главе нового восстания горцев.

По предписанию министра внутренних дел П.А. Валуева Атабая перевезли из Псковской губернии на поселение в город Касимов, Рязанской губернии (там жили мусульмане и была мечеть), хотя первоначально предполагалось из города Порхова перевести его на жительство в Казань, но посчитали это нецелесообразным, т.к. там мусульманское население превышало остальное⁶⁷. А. Атаев, находясь в городе Касимове снова подал прошение, в котором изъявил желание поселиться в Петербурге и иметь при себе прислугу из мусульман; получать от 25 до 30 рублей содержания в месяц (вместо 14 рублей) и попросил определить своего сына на императорскую службу⁶⁸.

Ума Дуев

В отличие от А. Атаева, Уме Дуеву император разрешил вернуться на Кавказ, где, не смотря на оказанное доверие, в 1877 году У. Дуев снова возглавил восстание и после его подавления был повешен, а А. Атаев больше против власти не выступал. Ума Дуев широкое доверие и безграничное сочувствие сумел приобрести ещё при Шамиле, считавшем его честнейшим и прямодушным человеком. Имам якобы сказал: «А этот человек – моя правая рука, считающая у себя силу в половину моей армии, – Ума Дуев. Он происходит из самых высших людей по отцу и по матери. Дарю ему землю»⁶⁹. Укажем, что участок этот равнялся 630 десятинам и объединял 10% всей площади селений, составлявших Дзунсоевское общество⁷⁰. По отзыву командующего Кавказской армии генерала Орбелиани, Ума Дуев пользовался большим уважением у населения и по многим своим качествам мог при благоприятных обстоятельствах «сделаться главою восстания»⁷¹.

Условия содержания на поселении в Смоленске у У. Дуева были лучше, чем у А. Атаева. Император лично распорядился выделить У. Дуеву одновременно 100 рублей серебром на приобретение одежды, белья и пр. На содержание ему отпускали по 50 копеек в день (Атабаю только 30), на наём квартиры казна выделяла по 5 рублей серебром в месяц, были даны деньги и на содержание прислуги. Ума Дуев, находясь в ссылке, подал прошение на имя М.Т. Лорис – Меликова: «Проезд по России, – писал он, – её огромное пространство населённое народом, вид бесчисленного войска русского, сделали меня опытнее и я понял всё бессилие моих земляков перед русскими и эта опытность может служить

порукою моей безукоризненной службе России. Ходатайствуйте о моём возвращении на родину. Если же бедному изгнаннику нет надежды на возврат на родину, то нельзя ли мне исходатайствовать распределение в конно-мусульманский полк в Варшаву, чтобы в кругу своих земляков служить Великому Государю»⁷². Император разрешил У. Дуеву вернуться на Кавказ, для поселения в столице Терской области или её окрестностях. Однако по прошению Ипполитова, начальника Аргунского округа, Уме Дуеву разрешили вернуться в родное село, а не оставаться на поселении во Владикавказе. Более того, царские власти дали согласие на встречу У. Дуева с Шамилём в Калуге. 15 июня 1864 года во время этой встречи имам договорился с Умой о переписке и дал У. Дуеву свои личные деньги на дорогу домой. 15 июня Ума Дуев прибыл в Калугу к Шамилю, а 22 июня уже выехал на Кавказ⁷³.

М.Т. Лорис – Меликов, за время управления Терской областью постоянно опасался возникновения волнений среди горцев, выраженного в протесте против проводимых реформ и действий правительства. Практически каждую весну проводились им войсковые учения, осуществлялась передислокация войск. Города, штаб – квартиры войск были обнесены стенами или валами с башнями. На оградах передовых станиц находилось иногда по 2-3 орудия. Опасения начальника области были обоснованы: восстания постоянно вспыхивали⁷⁴.

Недовольная установленными порядками часть чеченского населения стремилась использовать против административного гнёта любую форму объединения и политического протеста, в том числе и религиозное учение⁷⁵. Большие неприятности царским властям в 60-х годах XIX века причинило религиозное движение в Чечне, под руководством Кунта-Хаджи. Это мусульманское, суннитское течение чеченцы называли «зикируллах», что означало молитвословие, воспоминание имени Бога. Российские власти называли это религиозное движение «зикризмом»⁷⁶. В справках Департамента полиции МВД России, в которых описывалось исламское движение на Кавказе, отмечалось, что «зикры» и «зикристы» во второй половине XIX – начале XX вв. были в Дагестане, Чечне и в Закавказье, в тех регионах, где проживали мусульмане суннитского направления. Любопытно, что Департамент полиции не связывал движение «зикристов» с политическими мусульманскими движениями⁷⁷. Необходимо отметить, что ни один руководитель массового освободительного движения на Северном Кавказе (не говоря уже о Кунта-Хаджи), не ставил задачу насильственного обращения в ислам не мусульманских

народов Кавказа; историческая хроника не сохранила и высказываний против русского народа⁷⁸.

Нормы религиозного законодательства, действовавшие в империи в конце XIX – начале XX веков, имели ряд ограничений, касавшихся таких важных принципов вероисповедной свободы, как свобода миссионерской деятельности, свобода избрания веры и образования новых религиозных групп среди признанных законом вероисповеданий, а также зависимость личных прав подданных от вероисповедания. В законодательном аспекте веротерпимость, по сути, выражала государственную концепцию свободы совести и веры, согласованную с интересами Церкви и государства. Юридически выделяя иноверное духовенство в качестве привилегированного сословия, монархия рассматривала его в качестве интегрирующей силы, формирующей и сохраняющей единство имперского пространства, залогом которого являлась законодательная защита религиозно-этнического многообразия империи.

Правительство Российской империи в своей вероисповедной политике исходило из того, что всякое христианское государство обязано уважать религиозную самобытность населяющих ее народов со всеми их характерными чертами, и практически не применяла принудительных мер с целью религиозной ассимиляции своих неправославных подданных. Государственно – церковную точку зрения на проблему веротерпимости сформулировал профессор Юрьевского университета М. Красножен, известный специалист по каноническому праву. В своей работе «Иноверцы на Руси», заслужившей одобрение императора Николая II, профессор подчеркивал, что «...принцип христианской терпимости отнюдь не предполагает равного отношения государства ко всем признанным им религиозным обществам. Справедливость требует, чтобы каждый получал свое, насколько это соединимо с представляемой государством истиной; принцип справедливости не есть принцип абсолютного равенства»⁷⁹. Правовым выражением веротерпимости являлось равенство признанных религиозных обществ перед законом. Непризнанные религиозные общества законодательством игнорировались и поэтому не имели никаких прав (например, «зикризм»). Необходимо отметить, что содержание понятия веротерпимости включало дискриминационные и репрессивные меры, направленные на ограничение религиозных свобод и религиозного плюрализма⁸⁰.

Кунта-Хаджи

Свои проповеди Кунта-Хаджи начал ещё при Шамиле, во время Кавказской войны. Обряды этого учения сопровождались религиозным круговым танцем, распевным исполнением молитв. Шамиль принял решение, что некоторые моменты зикризма противоречат шариату, и запретил Кунта-Хаджи проповедовать в имамате⁸¹. После возвращения Кунта-Хаджи из Мекки, вокруг него снова стали собираться последователи. Впервые властные структуры в Терской области обратили внимание на это религиозное движение в начале 1862 года⁸². Начальник Терской области попросил Муссу Кундухова выяснить, является ли Кунта-Хаджи политически опасным чеченским лидером. Полковник М. Кундухов, на запрос Д.И. Святополк – Мирского отвечал, что Кунта-Хаджи он характеризует как человека смиренного, преданного правительству и занимающегося земледелием и подворным хозяйством⁸³. А.П. Ипполитов, непосредственно наблюдавший зарождение зикризма в Чечне, писал: «Будучи родом из бедной и незначительной фамилии, Кунта-Хаджи отличался всегда честным образом жизни, строгой нравственностью и трудолюбием». Эта оценка подтверждается и документами, связанными с арестом и ссылкой Кунта-Хаджи, а также устными преданиями, сохранившимися в исторической памяти чеченского народа⁸⁴.

Зикризм действительно старался нравственно воспитывать своих последователей. Мусульманам предписывалось много трудиться, категорически запрещалось пьянство и воровство⁸⁵. Кунта-Хаджи призывал чеченцев к молитве и труду и даже советовал не носить оружия⁸⁶. В своих проповедях Кунта – Хаджи призывал чеченцев к миру с русскими, смириться с установившимся господством русских ради того, чтобы сохранить народ от полной гибели. Для этой цели, с его точки зрения можно было носить кресты, молиться в церквях⁸⁷. Мюриды Кунта-Хаджи верили, что он – один из 360 святых, благодаря которым держится мир, и, что он после смерти вернется на землю, когда наступит определенный час⁸⁸.

В конце Кавказской войны чеченцы были доведены до физического исчезновения. Оставшихся в живых охватил глубокий пессимизм, многие потеряли жизненные и духовные ориентиры. Газават призывал чеченцев бороться с царизмом до победного конца, обещая уставшему от войны народу перспективы только в загробной жизни. В этот тяжелый для чеченцев период появился проповедник, призывавший народ к терпению, пре-

крашению войны, братству, взаимной помощи. Им был чеченский суфий Кунта-Хаджи. Как отмечает А.Д. Кныш, «кадирийский суфий Кунта-Хаджи действительно призывал к мирному сосуществованию с русскими и «внутреннему» (духовному) джихаду как способу достижения духовного и морального совершенства и чистоты помыслов»⁸⁹.

В листовках, которые распространялись Кунта-Хаджи в Чечне и Ингушетии, он призывал к смирению: «Терпите, я из самых терпеливых». Но дальнейший текст листовки, попавшей к администрации, уже заставил её насторожиться: «Сказал Бог высочайший “малая толпа победит большую толпу” и “Бог с терпеливыми”. Ибо Бог высочайше повелевает мне в скором времени держаться, давая мне меч, прежде старости. Нельзя восставать, не дождавшись ответа от Бога, – я ожидаю ответ от Бога и он явит мне его»⁹⁰. Министр внутренних дел России вскоре проявил беспокойство в связи с распространением зикризма в Чечне, который счёл похожим на мюридизское движение⁹¹. Начальник Терской области Д.И. Святополк – Мирский имел свой взгляд на деятельность этого мусульманского движения: «...Действовать против такого религиозного течения административными мерами невозможно. Это бы раздуло огонь вместо его погашения». Дмитрий Иванович старался с помощью почётных и влиятельных лиц и мулл удержать зикристское течение в определённых рамках. Над Кунта-Хаджи и его семьёй был учреждён надзор. Святополк – Мирскому удалось удержать зикристов от столкновений с властными структурами российского управления»⁹².

С 1863 года движение зикристов приняло социально-экономический характер и стало очевидно, что оно явно направлено против колониальных властей⁹³. Хотя данное религиозное учение не заключало в себе никаких положений, которые можно было бы считать вредными в политическом отношении, зикристы угрожали власти уже тем, что имели свою собственную организацию, управляемую одной волей. Вся территория, находившаяся под влиянием зикристов, была поделена на 8 административно-территориальных участков, последние в свою очередь на низшие звенья – аулы. Во главе участков стояли наибы, а функции низшей аульной зикристской администрации выполняли старшины. По сохранившимся архивным данным в пяти наибствах Чеченского округа (Автуринском, Аргунском, Ачхой – Мартановском и Урус-Мартановском) насчитывалось 5758 зикристов⁹⁴. Представителями власти духовной стали имам и два шейха. Представителями зикристской светской власти являлись наибы, векили и мюриды.

Кунта – Хаджи принял звание имама, но по его утверждению, сделал он это временно. Народ предписывал ему дар творить чудеса, исцелять больных, способность переноситься из одного места в другое. Что касается состава учеников и последователей Кунта-Хаджи, то, по заключению А.Ипполитова, он был весьма специфическим и неожиданным: «Все, кому не нравился существующий порядок вещей; все, которые жалели о старом, добром времени, – все называли себя учениками и последователями Кунта – Хаджи и поборниками мусульманской веры, не имея ни малейшего понятия не только об учении зикра, но часто и о самой вере. Они – то в особенности и придали мистическому учению Кунта-Хаджи тот материальный и вместе с тем воинственный характер, который, в сущности, оно вовсе не имело». Со временем последователи Кунты стали проповедывать уже в Назрановском, Аргунском и Нагорном округах Терской области. Зикристы стали выполнять свои обряды публично, переезжая из аула в аул. Тогда областное руководство запретило «пение и пляски на улицах»⁹⁵. Не на шутку встревоженный М.Т. Лорис – Меликов указывал на необходимость идеологического воздействия на население с целью отвлечь от «вредного» учения и одновременно предложил неординарное решение – тотчас же набрать из чеченцев – зикристов полк и отправить на театр военных действий в Польшу⁹⁶. В 1863 году началось восстание в Польше, Литве и Белоруссии. Об этом стало известно чеченцам, обстановка накалялась. Поляков ссылали на Кавказ в наказание за участие в восстании⁹⁷. Сотни горских офицеров и переводчиков, общаясь ежедневно с поляками, находившимися в Терской области, жадно выслушивали последние сообщения, и об этих событиях становилось известно всему чеченскому народу.

Эпоха проповеди шейха Кунта-Хаджи стала периодом максимальной консолидации вайнахов под влиянием просвещенности и праведности учителя, стремившегося к единообразию доктрины. До него в истории Северо-Восточного Кавказа не возникало религиозной структуры, способной сплотить многочисленные разрозненные вайнахские этнические группы. Возникла совершенно новая надтейповая структура, временно объединившая в единую общность вайнахов всего Северо-Восточного Кавказа. Классическая схема стала изменяться сразу же после того, как Кунта-Хаджи «ушел с Кавказа». Единая надтейповая структура объединенная ритуалом тариката кадириййа и вирдом, данным Кунта-Хаджи своим муридам распалась на сеть ритуальных практик и социальных структур – вирдовых братств его учеников – муридов⁹⁸.

К весне 1863 года число последователей Кунта-Хаджи в Чечне возросло до 3000 человек и продолжало увеличиваться. Начальник Терской области, Михаил Тариелович, поначалу даже отказывался выполнять предписание Кавказского командования, требовавшего ареста Кунта-Хаджи. Своё мнение он аргументировал следующим образом: «...для нас будет очень невыгодно, если, взамен религиозной секты, у чеченцев явится вождь восстания»⁹⁹. Однако, высшее Кавказское руководство не посчитало доводы М.Т. Лорис-Меликова убедительными, был отдан приказ об аресте Кунта-Хаджи Кишиева.

Начальник области запросил дополнительные воинские подразделения, для присоединения их к 25 батальонам, уже расположенным в Терской области на случай «массовых беспорядков»¹⁰⁰. 3 января 1864 года Кунта-Хаджи был арестован и сослан в город Устюжено Новгородской губернии, в бессрочное поселение под надзор полиции¹⁰¹. В государственном архиве Вологодской области (город Устюжено ныне относится территориально к Вологодской области) в выписке из «Ведомости о лицах, находящихся под надзором полиции Новгородской губернии в г. Устюжено и уезде за 1865 г.», под номером 18 данных ведомостей проходит «Чеченец Ших-Кунты. Возраст 35 лет. Сослан за распространение фантастического учения «зикра». Проживает в Устюжено, постоянных занятий не имеет. Получает в месяц 1 руб. 80 коп. Женат, жена живет на их родине». Другими сведениями государственный архив не располагает¹⁰².

Шалинское столкновение, ссылка зикристов

Известие об аресте Кунта – Хаджи взволновало его последователей, и они начали собираться сначала в Герменчуке, а затем в Шали с намерением принудить руководство к освобождению имама. Генерал – майор Туманов двинулся к Шали с отрядом из 6 батальонов пехоты. Вблизи чеченского аула Шали большая масса зикристов, предводимых векилями, с пением религиозных гимнов, не вынимая оружие и надеясь только на неуязвимость, которую они думали получить с помощью зикра, двинулись на царские батальоны, вооружённые пушками. Войска окружили мюридов и устроили побоище¹⁰³. На месте столкновения осталось 164 убитых. В числе заколотых штыками оказалось 5 женских трупов. В отряде князя Туманова 33 военных было ранено, 8 убито. 22 января 1864 года начальник Терской области приказал отряду генерала

Туманова расположиться между селениями Герменчук и Шали, а всем наibaм и почётным лицам Чечни явиться в крепость Грозную. 26 января 1864 года М.Т. Лорис-Меликов объявил собравшимся чеченцам, что они обязаны выдать всех зикристов¹⁰⁴. Был назначен последний срок – 1 февраля, после чего начальник области пригрозил начать военные действия. Он также запретил исполнение зикристских обрядов¹⁰⁵.

В аулах Чечни жители были связаны взаимной порукой, и списки старшин в фамилиях и ответчиков перед правительством, в случае нарушения спокойствия в крае, должны были быть представлены наibaми в конце февраля 1864 года¹⁰⁶. После возвращения из крепости Грозной, наibaы и старшины в своих аулах арестовали 8 последователей Кунта-Хаджи. Семьи не пойманных зикристов взяли под стражу и выслали в Екатеринбург¹⁰⁷. В связи с этим один зикрист сам сдался, чтобы освободили его семью. Девять зикристов были высланы на крепостные работы, сроком на 4-5 лет в города: Кронштадт (укрепленный портовый город, находившийся на острове Котлин), Свеаборг, Выборг (главный город Выборгской губ., находившийся на берегу Выборгского залива), Ригу (губернский город в Лифляндской губернии), Динаминд, Динабург ((после 1893 г. – Двинск), уездная крепость в Витебской губернии, на берегу Западной Двины), Бобруйск (уездный город, крепость в Минской губернии. Находился на шоссеной дороге из Могилева в Брест-Литовск), Брест-Литовск (город в Гродненской губернии), Бендеры (город и крепость в Бессарабской области)¹⁰⁸, с дальнейшим отправлением их в Сибирь, на поселение¹⁰⁹.

Многие крепости, куда направлялись чеченские зикристы, находились на северо-западе Российской империи. В результате русско-шведской войны вся территория Финляндии в 1809 году отошла к России и многие крепости Южной Финляндии потеряли свое стратегическое значение. Но фортам нашлось традиционное для Российской империи применение – здесь разместили тюрьмы. Так появилась в Великом княжестве Финляндском тюрьма в Свеаборге (Суоменлинна). Свеаборг – название крепости, которая более 100 лет была местом базы для российского флота и являлась оборонительным сооружением на северном берегу Финского залива. Это одна из самых крупных морских крепостей в мире. Генерал-адъютант князь Гагарин, находившийся в свите императора, посетившего крепость в 1809 г., с восхищением описывал в своей книге «Тринадцать дней в Финляндии», мощь Свеаборга, крепости, которую «шведские львы построили для русских орлов». Первое постановление «Об отсылке туда лиц, подлежащих заключению в кре-

пости» относится к 1810 году. В Свеаборге содержались все категории заключенных: «от бродяг до смертников». Обогревались эти северные казематы плохо, и зимой арестанты сильно страдали от холода¹¹⁰.

3 июня 1823 года по инициативе инспектора по инженерной части кн. Николая Павловича, было утверждено «Положение для образования крепостных арестантов в Динабурге и Бобруйске в арестантские роты». Всего в царствование Александра I в разных регионах империи было образовано 22 крепостные арестантские роты, которые делились на военно-арестантские, комплектовавшиеся из осужденных преступников военного ведомства; и арестантские роты гражданского ведомства. Арестантов полагалось по 120 человек на каждую роту. Люди разбивались по отделениям, по их специальностям: каменщиков, плотников и т.д. В свободное от работы время заключенные должны были обучаться маршировке и военному строю¹¹¹. Размещение осужденных повстанцев по тюрьмам европейской России превышало население этих тюрем на многие тысячи человек. Многие были заключены в тюрьмы только по подозрению к соучастию к восставшим. Усмиритель польского восстания Муравьев с цинизмом признавался: «Очень часто я сажаю мятежников без малейшей вины, даже подозрения нет; ну, в таком случае я всегда решаю: посидит под замком, да подоле, быть может, что-нибудь и отыщется. И что же вы думаете? Я был так счастлив, что всегда что-нибудь за сидельцем-то моим да и отыскивал. Ну, тогда и подай его сюда». Начальник штаба Муравьева рассказывал, что «...Муравьев не терпел просьб о смягчении участи осужденных и, выхватывая из рук бумагу, быстро ее подписывал, причем слова «повесить, расстрелять» выходили у него всегда разборчивее других»¹¹².

М.Т. Лорис – Меликов поднял вопрос перед Главным штабом Кавказской армии о том, чтобы вернуть из ссылки всех зикристов, высланных в дальние уголки России в результате Шалинского восстания, с целью отправления их в Турцию¹¹³. Турецкое правительство изъявило согласие на принятие означенных чеченцев с тем условием, чтобы одновременно с зикристами переселились в Турцию и все члены их семей. В ноябре 1866 года о данном решении Порты Министерство иностранных дел уведомило руководство Кавказа. Кавказское начальство стало разыскивать высланных чеченцев, чтобы отправить их в Турцию. Выяснилось, что шесть зикристов так и не прибыли к месту ссылки и следы их затерялись. Трое – Хамзатов, Султанмерзаев и Телип Вагоби – умерли¹¹⁴.

19 мая 1867 года умер от голода и истощения Кунта-Хаджи. Местопребывание и смерть его были засекречены. Письма, посылаемые им к

родным, в которых он просил оказать ему содействие для поддержания существования, перехватывались и не доходили до адресатов¹¹⁵. Высочайше утвержденными 2 января 1864 г. правилами предписывалось подвергать проверке «... всю переписку высланных под надзор полиции в отдаленные губернии за политические преступления и неблагонадежность, за исключением людей малограмотных из простого звания»¹¹⁶. В письме на имя своего ученика Вары Гехинского Кунта-Хаджи писал: «Тебе завещаю соединить народы в братстве, примирить русских и вайнахов или смирить народы России свободой»¹¹⁷. Очень жаль, что многие мудрые, выстраданные мысли и замечания великого учителя так и не дошли до адресатов из-за действий властей. Согласно нормативно-правовым актам, регламентировавшим жизнь арестантов, предполагалась обязательная перлюстрация всей их корреспонденции, как отправляемой, так и получаемой. Ее получение и отправление велось через командиров рот. Письма, не содержавшие ничего предосудительного, отправлялись на почту, а задержанные передавались на усмотрение губернатора. В соответствии с Правилами о наблюдении за корреспонденцией лиц, обнаруживших вредные политические стремления, почтовая и телеграфная переписка лиц, состоявших под надзором полиции, могла вестись лишь с ведома местного полицейского начальства¹¹⁸.

Чеченцы очень почитают память о Кунта-Хаджи. Назм (слово назм происходит от арабского корня нзм, означающего «нанизывание жемчуга», «приведение в порядок», «сочинение стихов») «О Хаджи, наш Кунта-Хаджи» восхваляет подвиг Кунта-Хаджи и оплакивает разлуку с ним. Это один из самых проникновенных чеченских назмов. Представляем отрывок одного из назмов:

*«В Илисхан-Юрте – прах отца-Киши,
На святой Эртан Корте – мать Хеди.
Божьей воле следуя, бренность мира приняв на себя,
Незримо мюридов храня, милость Божья
С Тобой, Хаджи!
Где б ты ни был, по воле Божьей,
Знают мюриды, и стар, и млад,
Что Хаджи незримо пред Богом
Мюридам своим просит прощенье.
Нет Бога, кроме Аллаха,
Мухаммад – Посланник Аллаха¹¹⁹».*

Поклонение матери святого (Хеди) и признание ее в качестве святой не только в обрядовой практике чеченских тарикатов, но и в суфизме в целом – удивительный феномен¹²⁰.

Вара Гехинский

Чеченский абрек Вара Гехинский, являвшийся последователем Кунта-Хаджи, долго преследовался властями. По указанию Чеберлоевского пристава Гуданата Мударова он был окружён в одном из домов Ново-Атагинского аула крупным отрядом царских войск и после отчаянного 3-х часового единоборства был убит¹²¹. В его честь в Чечне была сложена песня, а в память измены народному делу Гуданата были воздвигнуты в Чечне, по дорогам, кучи камней, к которым каждый прохожий обязан был присоединить и от себя камень, произнося вместе с этим проклятие тому, кто был виновным в убийстве Вары¹²².

Таза Экмизаев

В течение мая 1865 года ученик Кунта-Хаджи Таза Экмизаев распространял в Ичкерии воззвания, в которых сроком восстания назначался день 24 мая, а местом сбора аул Харачой¹²³. В связи с волнениями в Ичкеринском округе в 1866 году полковник Головачёв в течение нескольких дней считал положение очень серьёзным и доносил находившемуся в Грозном начальнику области, что «...с Божиею помощью надеемся отстоять Ведено». Такие опасения возникали у Головачёва даже с четырьмя батальонами, находящимися за стенами укрепления, снабжённого артиллерией¹²⁴. Военный отряд, посланный областным руководством, арестовал Тазу и его 17 помощников. Военно-полевой суд приговорил Тазу к смертной казни, но затем помиловал его и заменил смерть на 12 лет каторги. В наказание за поддержку восставших аул Элистанжи был выселен в Надтеречное наибство, а аул Харачой обложили денежным штрафом в размере 1000 рублей¹²⁵.

Согласно сведениям, содержащимся в служебной переписке представителей местной администрации с центром в мае 1865 года «...пастух Таза, уроженец села Харачой, выдавая себя за святого, начал призывать своих односельчан к восстанию, говоря о скором появлении нового

имама». Несмотря на первый успех своей агитации, ему не удалось добиться широкого отклика в местной среде. В своем рапорте вышестоящей инстанции М.Т. Лорис – Меликов особо отметил: «Беспорядок этот имеет только местный характер; чеченское население, занятое приготовлением к переселению в Турцию, не принимает в нем пока участие, а перестрелка шайки Тазы с жителями прочих аулов Ичкерии, как случай весьма редкий в чеченском племени, произвела даже благоприятное на нас впечатление».

Почему же местное население отказало в помощи и поддержке человеку, доводы которого в любое другое время нашли бы отклик в самых широких его слоях? Лишь потому (как это и отмечает Лорис – Меликов), что перед обществом в тот момент стояла важная проблема – переселение в Турцию, которое поступок Тазы мог бы сорвать. Широкомасштабное восстание, к которому призывал Таза, или его уход с группой единомышленников в леса для дальнейшего сопротивления – все это неминуемо вызвало бы репрессии со стороны властей и процесс переселения, идея которого к тому времени овладела местным населением, был бы сорван. «В Чечне, – рапортовал из Владикавказа Мусса Кундухов, – везде спокойно, думают только о переселении, сердятся и бранят Тазу, над которым вместе с тем смеются, называя его кто как хочет...»¹²⁶. Василий Немирович-Данченко, путешествовавший по Чечне, с горечью замечал: «Не завидна судьба этих вольных орлов – некогда свободных рыцарей – горцев, запертых ныне в административных курятниках; горцев, братья которых тысячами вымирают в Анатолии и Сирии, поселенные турецким правительством среди враждебных им племени!»¹²⁷.

А вот как вспоминает о событиях того времени Д.А. Милютин: «...чеченцы, всегда отличавшиеся легкомысленностью, склонностью к увлечениям, не могли переродиться разом и потому требовали еще зоркого внимания со стороны русской администрации. Так, в мае 1865 года чуть было не возникло волнение в нагорной части Ичкерии. Какому-то пастуху деревни Хорочой по имени Таза вздумалось выдать себя за имама и призвать окрестное население на общий сбор для изгнания неверных. Попытка эта была подавлена немедленно с помощью самого же населения. По распоряжению начальников Ичкеринского и соседних округов быстро собрались местные милиции и рассеяли шайку, собранную новым фанатиком, который сам был схвачен и представлен русскому начальству...»¹²⁸.

В 1866 году дело Кунта-Хаджи продолжил мулла Абдурахман Ибрагимов, проповедовавший зикризм в юго-восточном районе Чечни. За короткое время он сумел вовлечь в свои ряды значительную часть населения. В декабре месяце 1866 года майор Петухов арестовал А. Ибрагимова¹²⁹. Несмотря на явные и серьезные расхождения между братствами Накшбандийя и Кадирийя, Кунта – Хаджи, похоже, никогда не осуждал прямо наکشбандийцев, признавая их тарикат вторым по суфийской утонченности после своего собственного. В противоположность наکشбандийцам Кунта – Хаджи отвергал идею активного вовлечения суфия в мирские дела. Он не только отвергал политическую борьбу, но и видел в ней лишь грех против божественного промысла Аллаха. Шейх утверждал, что люди, попавшие под власть русских, не только не теряют веры и уважения единоверцев, но и возвышаются над ними в силу перенесенных страданий¹³⁰.

Антиправительственные вооруженные восстания

Нарастание опасений властей относительно «благонадежности» чеченского народа накануне русско-турецкой войны 1877-78 гг.

Особое негодование покоренного народа вызывали вопросы перераспределения земли, а попросту говоря – реквизиция земли у горцев Кавказа. Поэтому вплоть до революции 1905 г., на Северном Кавказе, и особенно в Чечне, периодически возникали крестьянские восстания, объяснявшиеся, прежде всего, земельной проблемой¹³¹. Накануне русско-турецкой войны царские стратеги рассматривали возможность возникновения взрывоопасных ситуаций на Кавказе и ведения военных действий на два фронта: в тылу и на территории Порты. Особенно сильные опасения вызывал регион Северо – Восточного Кавказа. Хотя поколение воинов времён Кавказской войны уже постарело, а молодые люди выросли уже при новой власти и «пороху не нюхали», тем не менее, чеченцы не скрывали, что в случае движения войск на границу, они готовы восстать¹³².

По мнению Кавказского руководства самой ненадёжной считалась Терская область, а самой надёжной в плане антиправительственных выступлений – Дагестанская область. Однако, вопреки прогнозам, накануне восстания наиболее часто агитировали чеченцев за возмущение против власти выходцы из Дагестана и именно в Дагестанской области, где никто не предполагал – восстание достигло грандиозных масштабов¹³³. Приписанный к аулу Курчалой мулла Хаджи-Магома Магомаев, уроженец Дагестана, ещё в начале 70-х годов XIX века, пользуясь своим служебным положением, начал возмущать народ против действий русского правительства. Под предлогом общения с родственниками он часто посещал Дагестанскую область, а, возвращаясь, говорил чеченцам, что они как единоверцы и ближайшие соседи обязаны одновременно восстать вместе с дагестанцами против русских¹³⁴.

С лета 1874 года М.Т. Лорис – Меликову неоднократно сообщали окружные начальники и горцы об участии духовных лиц соседних обществ Дагестана в подстрекательстве чеченцев к беспорядкам. Особенно сильный ропот против действий правительства проявлялся в тех районах Чечни, которые граничили с Дагестаном. В Ичкерии было зафиксировано несколько случаев неповиновения сельским старшинам, распространялась молва о появлении шейхов и имамов¹³⁵. В 1875-1876 гг. в Чечне и Дагестане действовало несколько турецких агентов из числа дагестанских эмигрантов (мухаджиров), посланных генерал – губернатором Эрзерума для подготовки крупного восстания на Кавказе¹³⁶.

Лезгинский историк Гасан Алкадари, высланный в Тамбовскую губернию за подозрение в сочувствии к восстанию 1877-78 гг., в своей работе «Диван ал Мамнуы», написанной на арабском языке в классической восточной форме, пришёл к выводу, что главной причиной восстания он считает свободолюбивую традицию горцев и их нежелание находиться под властью других народов. В одной из касад, написанной в 1894 году Г. Алкадари представляет дело так, будто «чрезмерная доброта и забота», проявляемые о горцах Россией, были истолкованы как проявление её слабости и это заблуждение, по его мнению, послужило одной из причин восстания¹³⁷. Незадолго до войны с Турцией распространялись на Кавказе слухи, что российское правительство боится горцев и пойдет на любые уступки, лишь бы они сохраняли спокойствие¹³⁸.

Подготовка горцев к восстанию

Накануне восстания ходили слухи, что абхазцы и сваны хотят про-
рваться на Северный Кавказ и поднять здешнее население против вла-
сти¹³⁹. Немалую роль в подстрекательстве против действий правительства
сыграли горцы, высланные за пределы области и сбежавшие из мест
ссылки. Они находились на нелегальном положении в Терской области
также как и сотни мухаджиров, тайно вернувшихся на Кавказ. Ссылка
граждан в Сибирь, без суда и следствия, административным порядком,
не встречала сочувствия в обществе, а приводила к его возмущению.
Количество ссыльных было столь велико, что начальник острова Саха-
лин вынужден был обратиться с ходатайством об ограничении высылки
на остров уроженцев Кавказа. Беглецы, не имея возможности жить на
родине открыто, волей-неволей прибегали к грабежам и разбоям, или
становились духовными лидерами сопротивления власти, сломавшей
им жизнь¹⁴⁰.

В 70-е годы XIX века на территории Терской области действова-
ли турецкие агенты. Чеченский мухаджир Абдул Керим в Турции был
переводчиком по делам мухаджиров у Эмин Паши. Весной 1870 года
он получил задание пробраться через границу и посетить все горские
общества Терской области, дабы сообщить им, что «...блистательная
Порта требует от них восстания против России и обещается им тотчас
же, помочь, объявить немедленно войну». В залог справедливости этого
сообщения он, Абдул Керим, указывал на своего отца Цуцо и на своих
братьев и дядей, проживавших в 3-х днях пути от Грозного, которых, в
противном случае, если Турция не поможет восставшим, горцы могут
«изрубить в куски»¹⁴¹. Был пущен слух, что все чеченцы, принявшие
участие в восстании, навсегда избавляются от всяких налогов и полу-
чают землю в собственность в Турции, – не принявшие участие в вос-
стании будут обращены в рабство. Восстанию горцев в Беное способс-
твовала распространившаяся молва о том, что Мусса – Паша Кундухов с
черкесами уже около Владикавказа и вот – вот будет в Чечне¹⁴².

Англия связывала план создания Черкесского государства под про-
текторатом Англии и Турции с волнениями на Кавказе. Еще в период
Крымской войны усилилась активность иностранных агентов на Кавка-
зе. Английскому правительству удалось в этой роли использовать поль-
ских и венгерских эмигрантов, которые надеялись, что впоследствии
Англия поможет им восстановить независимость Польши и Венгрии.

Деятельность этих агентов вызывала недовольство царского правительства. Так, Николай I предъявил султану, давшему возможность польским и венгерским эмигрантам укрыться на территории Турции, ультимативное требование выдать их правительствам тех государств, подданными которых они являлись. Однако, при поддержке западноевропейских держав правительство Турции отказалось выполнить требование России и Австрии¹⁴³.

Подготовка к восстанию 1877-78 гг. в горной Чечне началась ещё весной 1876 года. Жители горных аулов собирались в лесах на тайные сходки, где речь шла о непосильных страданиях народа, звучали клятвы не мириться с установившимися порядками. Последним толчком к восстанию послужили слухи о появившейся возможности в условиях войны ликвидировать местные органы власти¹⁴⁴. В конце 1876 года и в начале 1877 года паломники Терской и Дагестанской областей возвращались на родину по – прежнему, без всяких утеснений и осмотров. Оказалось, что они-то и были эмиссарами, получившими в Стамбуле не только личные указания, но и прокламации, призывавшие к всеобщему восстанию¹⁴⁵.

Руководитель восстания – Алибек-Хаджи Алдамов

Восстание 1877-78 гг. возглавил паломник Алибек-Хаджи Алдамов, возвратившийся из Мекки через Константинополь¹⁴⁶. В Турции Алибек – Хаджи встречался с сыном Шамиля Гази – Магомедом, от которого получил целый план, как поднять Чечню и весь край одновременно с турецкими высадками на Черноморском побережье¹⁴⁷. Сын Шамиля, Гази-Магомед 7 августа 1871 года вместе с братом обратился к военному министру Д. Милютину с докладной запиской, прося разрешить ему, как старшему в роду, после смерти отца, временное проживание в Турции для опеки родных и близких. 14 августа Александр II дал Гази-Магомеду дополнительный отпуск в Турцию, а 7 тыс. рублей выделялись сыну имама в качестве «единовременного пособия по разъездам». Под влиянием горской эмиграции Гази-Магомед поступил на службу в турецкую армию.

В период русско-турецкой войны 1877-78 гг. он в чине дивизионного генерала командовал турецкими частями при осаде крепости Баязет. На Северном Кавказе вспыхнуло освободительное восстание. Горцам была обещана поддержка со стороны турецких войск во главе с сыном

их любимого имама¹⁴⁸. Турецкие войска под Карсом одержали временную победу. На Кавказе поползли слухи, что войска султана во главе с Гази – Магомедом приближаются к Тифлису и скоро будут на Северном Кавказе¹⁴⁹. Но слухи в очередной раз не подтвердились. Турецкая армия терпела поражение. Восстание горцев было подавлено.

После войны Гази-Магомед не пожелал участвовать в дворцовых интригах и вскоре оказался в опале: турецкий султан отстранил сына Шамиля от военной службы, хотя и присвоил ему чин маршала и отправил в почётную ссылку в Медину. Там Гази-Магомед и умер в 1902 году, завещав похоронить себя рядом с отцом, что и было выполнено¹⁵⁰. В 1866 году Шамиль присягнул на верность России со своими сыновьями: Гази-Магомедом и Шафи-Магомедом. в зале калужского Дворянского собрания. По воспоминаниям лиц, лично знавших Шамиля, «Если-бы Шамилю кто-нибудь сказал, что его любимый сын, по смерти его, покажет себя изменником России, он считал бы этого человека за наглого клеветника, за своего смертельного врага и вряд ли пощадил бы его...»¹⁵¹.

В 1877 году в Чечне распространилась молва о том, что в горах найден «священный меч» посланный Аллахом для истребления гяуров, и что этот меч находится в руках Алибека – Хаджи¹⁵². Воспользовавшись началом русско-турецкой войны, уважаемые горцами Солтмурад и Алибек – Хаджи Алдамов из Зандака 13 апреля 1877 года собрали авторитетных людей из разных районов и сёл и сообща решили разорвать все отношения с правящим режимом¹⁵³.

Многие чеченцы не поддержали восставших в силу того, что считали такие действия вероломными. Нападать с тыла, пусть даже на врага, в момент битвы его с третьим лицом считалось нарушением чеченской чести и достоинства мужчины и воина. Пусть и устно, но чеченцы в течение многих веков разработали строго регламентированную систему и таких процедур, как предъявление претензий противнику, объявление войны, заключение мира, правила ведения военных действий. Считалось недостойным покидать друга – союзника в ходе борьбы или вообще в беде. Подлежало всеобщему осуждению внезапное, вероломное нападение на противника¹⁵⁴.

Ислам осуждает войны, которые ведутся ради отмщения, удовлетворения амбиций, покорения других стран, захвата чужих земель и военной добычи. Мусульмане не должны вступать в войну, кроме тех случаев, когда на них совершено вооруженное нападение. Руководс-

твужась этим принципом, великий деятель ислама Али ибн Аби Талиб приказывал своим солдатам: «Не воюйте с ними, пока они не нападут на вас, поскольку милостью Аллаха, правда на вашей стороне, и ваше миролюбие будет еще одним доказательством вашей правоты». Мусульманам дано совершенно четкое указание: «Если противник признал свою неправоту или даже просто прекратил воевать, то не следует таить против него месть и злобу». Соблюдение набожности даже в сражении – еще один принцип мусульманского воспитания¹⁵⁵.

Восстание охватило прежде всего Юго – Восточную часть Чечни, граничащую с Дагестаном. Зандакский хутор Семсир состоял из 20-22 дворов, занимавшихся выделкой деревянной посуды для продажи. К числу хуторян принадлежала и семья Алдамовых, состоящая из отца и 5 братьев. Алибек был молод (24-27 лет), простодушен, легковверен и религиозен, поэтому, в Турции не особенно трудно было убедить его принять титул имама и поднять на своей родине знамя восстания, во имя свободы и возвышения религии¹⁵⁶. По возвращению из Мекки, Алибек стал вести пропагандистскую работу, готовя население к всеобщему восстанию¹⁵⁷. На тайных собраниях Алибек – Хаджи говорил о том, что царь Александр II вскоре после взятия в плен имама Шамиля, начал оказывать давление на мусульманскую религию, на шариат и вообще на чеченцев¹⁵⁸. Секретарь Алибека – Хаджи писал: «...собрав тайно людей, Алибек – Хаджи провёл заседание, где поднял вопрос о препятствиях, чинимых царём Александром II мусульманской религии и шариату, а также о различных запретах. В то время царские власти оповестили о том, что в мечетях запрещается читать громко зикры, хаджиям носить халаты и чалмы паломников, а также собираться в толпы для вызывания дождя. Люди, присутствовавшие на данном собрании, и особенно Алибек-Хаджи, говорили, что все эти запрещения несовместимы с шариатом; договорившись, приняли решение избрать Алибека – Хаджи имамом и, укрепляя его власть, назначить во всех местах его наибов. Ровно через 2 недели, в понедельник днём, Алибек – Хаджи раскрыв общий замысел, благословил дело молитвой»¹⁵⁹. Алибек – Хаджи предлагал избрать имамом Солтмурада, но последний, сославшись на возраст, рекомендовал 27-летнего Алибека.

По свидетельству Н. Семёнова, краеведа и очевидца тех времён, Алибек Алдамов распускал слухи о том, что русские, за неимением на Кавказе войск, нарядили в солдатские мундиры женщин. Другой раз имам объявил о том, что турецкие войска взяли Тифлис и под предво-

дительством Гази-Магомеда, сына Шамиля, усиленным маршем идут прямо в Ичкерия. В третий раз его приближённые нарядили дагестанца в красный халат и выдавали его народу за турецкого пашу, присланного султаном¹⁶⁰. Даже начальник Терской области, генерал-адъютант Свислунов, признавал, что: «...все без исключения чеченцы, если и не прямо, всё равно сочувствуют и желают успеха Алибеку. Некоторые видят в нём несчастного, которому приходится страдать за предпринятое им святое дело религии и которому поэтому, хотя в тайне, помочь обязан каждый правопроверный»¹⁶¹.

Шейх Дени Арсанов являлся последователем тариката накшбандийа. В 1877 году Дени участвовал в восстании Алибека – Хаджи Зандакского. Его дед был другом князя Бекович-Черкасского, а отец служил в царской милиции. Дени был против того, чтобы его отец служил царю и настойчиво просил бросить службу. Но практичный отец, материально обеспечивающий своих детей, на это пойти не мог. За примерную службу он не раз награждался царскими медалями и крестами¹⁶².

Мобилизация чеченских добровольцев для участия в войне с турками

В 1877 году наместнику, в качестве главнокомандующего Кавказской армией, было предоставлено право объявления различных местностей края на военном положении, что, безусловно, служило дальнейшему укреплению позиций российского руководства на Кавказе¹⁶³. 11 апреля 1877 года вышел закон, по которому Главнокомандующему Кавказской армией разрешалось объявлять на военном положении те местности Кавказа, которые вызвали для этого необходимость¹⁶⁴. В местностях, объявленных на военном положении, «военнопленные, виновные в умышленных действиях против безопасности армии, или дозволившие себе какие-либо поступки с намерением способствовать или благоприятствовать неприятелю, подвергаются: наказаниям, определенным за государственную измену. Тем же наказаниям подвергаются и неприятельские шпионы»¹⁶⁵.

К 1 мая 1877 года мобилизация войск в Терской и Дагестанской областях была закончена. Благодаря этому из-за восстания с границы не пришлось возвращать воинские части. В Терской области в мае 1877 года стало: 22 090 штыков, 3 288 шашек, 88 орудий с 2 886 нижними

чинами. Из-за восстания произошла и дополнительная мобилизация 5 полков Терского казачьего войска. Принимая во внимание вспышки недовольства горцев, их неповиновение властям, Михаил Николаевич (наместник) сообщил об этом Военному министру, для того, чтобы выяснить, переходить ли турецкую границу немедленно, или подождать особого приказа? Император ответил, что следует начать боевые действия немедленно¹⁶⁶.

Заметное место в проектах покорения Кавказа занимал вопрос о методах и масштабах использования местных военных ресурсов в имперских целях, попросту говоря, о покорении края с помощью его жителей. Несмотря на скептическое отношение к национальным формированиям со стороны ряда военачальников, милицейские и постоянные части, формировавшиеся на добровольной основе, сыграли заметную роль в истории Российской империи. Военная служба позволяла установить какой-то контроль над «горючим материалом» и направить его энергию в русло, согласное с видами правительства¹⁶⁷. Россия сочетала в покорении Кавказа разные методы: от материального и морального поощрения «мирных» горцев до жестоких расправ с непокорными, депортаций и заселения освободившихся территорий казаками¹⁶⁸.

Чеченцы охотно шли служить в армию и милицейские части. «Нельзя не отдать справедливости туземцам, — делился своими воспоминаниями о путешествии по Ичкерии И. Огранович, — их неутомимому старанию, способности и готовности служить (многие из них служат в постоянной милиции). Я убедился собственными глазами, как быстро, охотно и добросовестно они исполняют все поручения и приказания начальства, при чем никогда не заметишь на лице их ни малейшего оттенка недовольства или отказа; малейшее же поощрение служит особым побуждением к соревнованию между остальными»¹⁶⁹.

Генерал Эрисхан Алиев

Чеченец Эрисхан Алиев, дослужившийся в царской армии до генеральского чина, родился 30 апреля 1855 года в селении Старые Атаги. С датой рождения Алиева совпало и основание Константиновского кадетского корпуса, на его базе позже было создано Константиновское артиллерийское училище, в котором Алиеву предстояло учиться. Эрисхан Алиев вышел из стен этого училища в 1876 году в чине подпоручика с

назначением в Кавказскую гренадерскую артиллерийскую бригаду. Чуть позже Алиев блестяще закончил Михайловскую артиллерийскую академию и был оставлен в ней на некоторое время преподавателем, или, как их тогда называли, курсовым офицером. С началом Русско – турецкой войны 1877-1878 гг. двадцатидвухлетний подпоручик Э. Алиев получает назначение в действующую армию и отбывает к месту боевых действий. У тех, кто воевал на Шипкинских высотах и под Плевной, имя Эрисхана Алиева было постоянно на слуху. Он всегда был там, где решался исход сражения или локальной схватки. Даже из тогдашних смельчаков младшего офицерского состава мало кто мог похвастаться в 23 года двумя боевыми орденами Святого Станислава и Святой Анны третьих степеней¹⁷⁰.

1 ноября 1876 г. началось новое формирование милиции, призыв в которую населением Кавказа был встречен в целом благожелательно. Масса добровольцев, желающих поступить на службу, была одним из доказательств популярности военной службы среди народов Кавказа. В Дагестанской области, где предполагалось сформировать один полк, добровольцев набралось для трех полков, а затем здесь же началось формирование еще одного, – конно-иррегулярного полка. В Терской области добровольцев оказалось достаточно для 12 сотен. В последствии из добровольцев были сформированы конно-иррегулярные полки¹⁷¹.

15 января 1877 года был сформирован Чеченский Конно-иррегулярный полк. Командиром полка стал Арцу Чермоев. К середине февраля 1877 года в этот полк было зачислено около 600 человек из Грозненского, Аргунского, Веденского и Хасав-Юртовского округа¹⁷². В Чеченском конно-иррегулярном полку кроме чеченцев, служили русские Екимов, Фролов, грузины Камладзе, Мачавариани, осетины Дзозиев, Кантемахов и др. Так складывалась боевая дружба народов России, явившаяся важным фактором победы в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Когда на территории Османской империи, в период военной компании, с переходом русских войск в решительное наступление, развернулось Авлияр – Аладжинское сражение в Восточной Турции. Чеченский полк был в числе первых частей, ворвавшихся на Базарджикские высоты. «Чеченцы, – писал «Тифлисский вестник» – подобно урагану неслись все вперед и вперед». После этого многодневного сражения, завершившегося разгромом турецких войск, перед русскими войсками открылся путь к Эрзуруму. В ходе боев Чеченский полк понес значительные потери – до четверти личного состава. Полк был удостоен специального наградного

знамени, а его воины – знаков на головные уборы с надписью «За отличие в Турецкую войну»¹⁷³. Генерал – майор С. Духовский, в своей записке «О мерах сохранения спокойствия населения в Дагестанской и Терской области на случай войны» писал, что население Кавказа не только не создаст правительству никаких забот в случае военных столкновений с Турцией, но, напротив, примет в нём участие в том направлении, которое ему будет указано¹⁷⁴.

Русская армия

В XIX веке русские цари командовали самой большой армией в мире (включая пограничные войска) – с ней была сравнима в течение нескольких лет (в 1860-х годах) только Американская союзная армия. Однако в Российской империи было меньше военных на душу населения, чем в Германии и Франции (не считая колоний), и ненамного больше, чем в Австро-Венгрии или Франции, включая ее колонии. В пределах империи соотношение армии и населения заметно варьировалось. На окраинах царских владений концентрация войск была намного выше, чем в какой-либо из европейских колоний в Африке, в британской Индии или во французских владениях.

Расходы на военные нужды составляли лишь очень малую часть общего бюджета, кроме того, расходы на каждого солдата в Российской империи были меньше, чем у ее основных соседей. Россия не могла себе позволить призывать на военную службу всех надлежащих призыву, и, освобождая от военной службы почти 65 % призывников, страна обучала военному делу меньшую часть своих мужчин, чем любая другая крупная держава. Только в 1903 году все военные были, наконец, расквартированы в казармах и тем самым изолированы от гражданского населения, и только после 1906 года жизнь солдат стала более милитаризованной, когда их освободили от необходимости самих себя обеспечивать пищей и одеждой и работать по найму, чтобы помочь покрыть расходы¹⁷⁵.

Среди чеченцев весной 1877 года снова стали распространяться слухи, что в случае войны России с Турцией, русские не в силах будут подавить восстание, т.к. их основные силы будут находиться на турецком фронте. Между тем, 12 апреля 1877 года война с Турцией действительно была объявлена¹⁷⁶. Событие это, ставшее известным мусульманам горных округов раньше, нежели местному начальству, послужило

как бы новым подтверждением приведённых слухов¹⁷⁷. В ходе русско-турецкой войны Кавказский театр военных действий должен был играть второстепенную роль. Он должен был оттягивать силы турок с главного Европейского театра военных действий¹⁷⁸.

Обстановка для восстания складывалась благоприятно. К началу русско-турецкой войны значительная часть войск, находившихся в Терской области, была направлена в Закавказье. Туда же были посланы и иррегулярные горские формирования. Полки и батальоны расквартированных в Терской области войск не соответствовали по численности даже штатам мирного времени. В батальонах было по 200-250 человек, тогда как в мирное время положено 500, в военное – 900 человек. Прибытие запасных солдат ожидалось лишь к 25 апреля. В результате, к началу восстания, по данным официальных источников, русское командование, помимо охранных и караульных частей, располагало всего 2,5 – 3 тыс. солдат (главным образом пехотинцев)¹⁷⁹.

Постоянная экономия на нуждах армии привела к тому, что в 1877 г. она была вооружена винтовками нескольких образцов, не обладая преимуществом единообразия вооружения. Из 48 пехотных дивизий русской армии только 16 имели на вооружении современные для того периода винтовки системы Бердана с предельной дальностью стрельбы до 1200 шагов. 5 дивизий на Кавказе имели игольчатые винтовки Карле с бумажными патронами, 27 – винтовки системы Крнка. Обе винтовки имели прицельную дальность стрельбы до 600 шагов в линейных ротах, до 1200 у унтер-офицеров и у всех в стрелковых ротах. Поскольку серийный выпуск малокалиберных берданок начался с 1874 года, в ходе перевооружения в течение 1877 года могли быть снабжены новым оружием лишь войска, находившиеся в пределах империи и не участвовавшие в военных действиях, а также вновь сформированные войска¹⁸⁰. Тем не менее, русская армия была вооружена значительно лучше горцев. После Кавказской войны многих чеченцев насильно разоружили (под разными предлогами). Предполагалось полностью разоружить все население Северного Кавказа. Когда Шамиль уже был в плену, ему рассказали, что в Петербурге существует Кавказский комитет и прибавили: «...кому – бы лучше, как не тебе посоветовать, как приступить к обезоруживанию горцев?». Шамиль ответил: «Я никак не могу этого сделать; я посоветую хорошо, а исполнение будет плохое, скажут – Шамиль виноват»¹⁸¹.

Оружие попадало в руки горцев из воинских частей не только Кавказа. Но и других регионов. По сообщению жандармского офицера со

станции Иркутск, существовал тайный канал провоза «черкесами на Кавказ из Читы и Манчжурии казенных винтовок». Оружие в разобранном виде провозилось «ручным и обыкновенным багажом в корзинах, а чаще в двойном, тщательно замаскированном дне сундука». С годами количество перевозимого оружия увеличивалось. С 8 по 12 августа 1906 года жандармским отделением на станции Иркутск было обнаружено и изъято 80 винтовок и 700 патронов, направлявшихся в Елизаветпольск и Назрань. По сведениям, имевшимся в Департаменте полиции, оружие ввозилось в Россию на пароходах, доставлявших нефть в Англию, Ирландию, Дублин, Бельфаст, откуда они возвращались с оружием в русские черноморские порты, главным образом в Батум, Потти и Сухум. Досматривая иностранные суда, полиция настолько тщательно к этому подходила, что иной раз вызывала простой судов в портах, влекущий серьезные финансовые убытки. Тем не менее, усилия полиции оправдывали себя, конфисковывалось огромное количество западного контрабандного оружия¹⁸².

Несмотря на усилия «недоброжелателей» России, оружия у горцев накануне восстания было очень мало, зачастую оно было явно устаревшего образца. Быстрота, с которой было подавлено восстание в Чечне и Дагестане в 1877-1878 гг., и отсутствие огромных потерь во многом объяснялись подавляющим превосходством русской армии в вооружении. Дальнобойные винтовки (системы Бердана, Крнка и др.), давали явное превосходство над восставшими. Разрывные снаряды русской артиллерии также действовали очень эффективно в горах. Ракеты, несмотря на слабый заряд и очень не точную стрельбу, наносили серьезный ущерб противнику. Также с успехом применялось линейное оружие, высокую эффективность демонстрировали камнемётные фугасы – пороховые заряды, выбрасывавшие в заданном направлении град камней и гальванические мины¹⁸³.

Через Терскую и Дагестанскую области пролегали единственные пути, по которым русская армия на Кавказском театре могла получить подкрепление и снабжаться боеприпасами и продовольствием. Этих коммуникаций было две: Военно-Грузинская дорога от Владикавказа до Тифлиса и дорога вдоль побережья Каспийского моря до Баку. В Терской области находился узел сообщений Кавказской армии с её базой. Перерезав эти коммуникационные линии, можно было поставить русскую армию в Закавказье в чрезвычайно тяжёлое положение, что обеспечило бы успех турецких войск¹⁸⁴.

Начало восстания

В ночь с 12 на 13 апреля около 60 представителей различных сёл Веденского округа собрались в лесу близ аула Саясан и клятвенно обещали объявить свою независимость. Алибек-Хаджи здесь был провозглашён имамом и встал во главе национально-освободительного движения¹⁸⁵. Интересен сам круг руководителей нового восстания, большинство которых либо и раньше уже участвовали в вооруженной борьбе против России, либо происходили из фамилий, отличившихся в предыдущих восстаниях. Как почти сразу же стало известно российским властям, среди главных деятелей восстания был родной брат Алибека-Хаджи – Алихан-Хаджи, а также хорошо известный еще по восстанию 1860-1861 гг. дядя провозглашенного имамом Алибека-Хаджи Алдамова Солтамурад (Султан-Мурад) из Беноя. Другим руководителем восстания стал отбывший ссылку за участие в восстание 1860-1861 гг. Ума Дувев, находившийся уже в весьма преклонном возрасте¹⁸⁶. Следует отметить, что этот «старый, хитрый волк», как некоторые его в то время называли, который открыто выступил против царизма лишь во второй половине июля 1877 года, находился еще весной под сильным подозрением со стороны русских. А.Д. Лохвицкий именно поэтому хотел даже арестовать его в то время, но не стал этого делать, т.к. не получил соответствующих распоряжений¹⁸⁷.

Восстание буквально разделило многие чеченские семьи. Так старший сын У. Дувева – офицер совместно с приставом 2-го Шатоевского участка, 10 охотниками и несколькими местными жителями участвовал в военных действиях против восставших. У участника восстания Гаты-Хаджи родной брат – подпоручик Хату Мамаев командовал сотней в Чеченском конном полку. Начальник Терской области стремился использовать родственные связи между чеченцами, чтобы склонить хотя бы часть восставших к прекращению сопротивления¹⁸⁸.

Участник событий 1877-1878 гг. писал, что юные горцы брались за оружие, чтобы «...поволноваться, пошалить и затем, подобно охотнику, с невероятными преувеличениями, рассказать в кругу односельчан свои подвиги и описать опасности, которым подвергался.... К чему стремятся, за что дерутся, какие будут последствия – об этом большинство мало задумывалось, лишь бы сходить на охоту, подстрелить зверя в лице русского солдата»¹⁸⁹. Такое легкомысленное отношение к своей и чужой жизни у молодых людей отмечало и кавказское ру-

ководство. Восемнадцатилетний Ших-Мирза Ших-Алиев, участник восстания 1877-1878 гг. был судом приговорен к казни через повешение. Но суд учел его «легкомыслие» и молодой возраст и помиловал на каторжные работы (без срока)¹⁹⁰.

Некоторые горцы во время восстания действовали по обстановке, в зависимости от их интереса и личной безопасности. Во время восстания в Чечне и Дагестане в 1877 году «...нередко случалось, что тот же самый молодец, вчера стрелявший по нашим из засады, сегодня за пять рублей аккуратно доставляет приказание главного начальника в один из отрядов или донесение ему оттуда...». Человек, знавший Кавказ не понаслышке, писал о том, что коварство (в европейском понимании) здесь считалось военной хитростью. Служба царю, и связи с его врагами не считались горцами чем-то позорным или противоестественным. История знает множество примеров перехода из одного стана в другой и обратно. В годы Кавказской войны «лазутчиками» называли тех горцев, которые тайно сотрудничали с русским командованием и регулярно поставляли сведения о происходящем в стане противника. Наиболее активные кардонные начальники имели своих агентов – «лазутчиков» среди всех слоев горского общества – от князей до простых пастухов, которые поставляли информацию за деньги. Деньги выплачивались из специальной экстраординарной безотчетной суммы, выдававшейся этим начальником «на подарки горцам». В 1857 году один из лазутчиков, преследуя свои цели, направил действия русского отряда на аулы своих обидчиков – кровников, получив при этом «и моральное и материальное вознаграждение». Лазутчики сильно рисковали: по указу Шамиля уличенного русского шпиона мог убить любой, требовалось лишь присутствие свидетеля¹⁹¹.

Алибек – Хаджи, лидер восстания в Чечне, собрав Совет «с лучшими из мужей», сообщил им о начале войны между падишахом ислама (турецким султаном) и падишахом русских (царём), и сказал: «С моей точки зрения для нас было бы хорошо, если бы оказался нарушенным договор («ахд»), заключённый с неверными». В данном случае имеются в виду условия капитуляции имама Шамиля. Ни один из местных источников не пишет об объявлении джихада. С юридической точки зрения (исламское право) этого не требовалось, т.к. газават уже был однажды объявлен¹⁹².

Момент для начала восстания был выбран удачно: в Терской области оказалось так мало войск, что без прикрытия остались даже наиболее

важные переправы на реке Сунже. К тому же имевшиеся в наличии войска не были полностью укомплектованы, а прибытие пополнения ожидалось только в конце апреля. В Терской и Дагестанской областях к началу восстания находились 24 полевых батальона и местные войска, но областное руководство, испугавшись размаха восстания, запросило помощи и царское правительство вынуждено было две лучшие боевые дивизии – 20-ю и 21-ю направить не в Азиатскую Турцию, на войну, а разместить их на Северо – Восточном Кавказе, для подавления восстания¹⁹³. Таким образом, восставшие горцы помогли туркам, оттянув значительную часть русской армии на себя¹⁹⁴. Слухи будоражили умы людей. Во Владикавказе говорили, что имам Алибек получит от турецкого султана золотую саблю в благодарность за то, что он 2 дивизии задержал восстанием в Чечне и Дагестане¹⁹⁵. 149-й пехотный Черноморский полк должен был охранять Кубанскую область, но из-за восстания в Чечне, был переброшен на Восточный Кавказ. В Чечне полковые вещи, аптеки, орудия перевозились на вьюках по непроходимым тропам, которые нередко приходилось разрабатывать на ходу, для чего требовались ещё большие воинские силы¹⁹⁶.

Восстание началось 17 апреля 1877 года¹⁹⁷. Число восставших определялось различно, но их было не менее 2-х и не более 5 тыс. человек. Горцы, за весьма немногим исключением, были вооружены старыми кремневыми винтовками¹⁹⁸. О масштабах восстания 1877-1878 гг. красноречиво свидетельствуют потери: в Дагестанской и Терской областях в 1877 году было убито 9 офицеров и 242 солдата, ранено 34 офицера и 814 солдат. По мнению В.В. Лапина, Кавказская война закончилась подавлением восстания в Дагестане и Чечне в 1878 году, а началась Персидским походом Петра Великого в 1722-1723 гг.¹⁹⁹. Всего восстанием было охвачено более 504 населенных пунктов Чечни и Дагестана, что намного больше, чем в период Шамиля²⁰⁰.

Е.Г. Вейденбаум так описывал восстание горцев: «В 1877 году, в последнюю Турецкую войну, легковерный, восприимчивый и воинственный чеченский народ первый поднял восстание против русской власти во имя Ислама и своим примером привлёк население Дагестана»²⁰¹. Другой современник сравнивал события в Чечне с Французской революцией: «Имея случай близко видеть и наблюдать горцев во время мятежа 1877 года – мы неоднократно вспоминаем, как блузники, как уличные мальчишки бросались к баррикаде, с таким же лёгким сердцем, незлобно, весело шла горская молодёжь в леса, на завалы или в засады,

устроенные против русских. Во имя какой идеи рисковал горец своей свободой, может быть жизнью? Только за тем, что этим нарушалось однообразие, что представлялся случай поволноваться, пошалить, и затем, подобно охотнику, с невероятными преувеличениями рассказать в кругу односельчан свои подвиги и опасности, которым подвергался...»²⁰².

О масштабах выступления горцев под руководством 27 летнего Алибека-Хаджи Алдамова говорит тот факт, что с 17 по 20 апреля движение охватило 47 из 62 аулов горной Чечни, с населением 18 тыс. человек. 18 апреля в числе восставших было 200 человек, а к 19 апреля их количество увеличилось до 500²⁰³. Российские военные единодушно отмечали высокую боеспособность горцев и постоянно указывали, что война с горцами намного тяжелее военных действий против регулярных турецких или иранских армий: «Единственные войска, которые Восток после охлаждения первого взрыва мусульманства мог противопоставлять европейцам, были всегда составлены из кавказцев.... В отношении военной энергии сравнивать кавказских горцев с алжирскими арабами и кабилами...может быть только смешно. Горцы брали голыми руками крепости, где сидел целый батальон»²⁰⁴.

19 апреля 1877 года Терская область была объявлена на военном положении²⁰⁵. Волнения в какой – то степени были выгодны для администрации, получавшей награды за энергичное подавление беспорядков и имевшей возможность в условиях военного положения устранить или уничтожить часть неугодного населения. Военным вспышки непокорности давали уже редко представлявшуюся в это время возможность получить новый чин или орден не на войне, а в условиях мирного времени, воюя с плохо вооружёнными гражданами Российской империи²⁰⁶. В ходе подавления восставших, солдаты безнаказанно мародёрствовали на занятых территориях, а также травили посеvy, отбирали у населения лошадей, резали скот даже без какой-либо на то необходимости²⁰⁷. Генерал-адъютант Свистунов не скрывал, что восстание в какой-то степени «сыграло на руку» областной администрации, т.к. после подавления мятежа жить в Терской области стало намного безопаснее, по сравнению с тем положением, которое складывалось до 1877 года²⁰⁸. В Терской области за весь период восстания ни одного сколько-нибудь серьёзного боя не произошло. Составитель истории полка, батареи, бригады, почти всегда один из офицеров данной части войск, был заинтересован преимущественно в тех событиях, которые бы показывали подвиги этого подразделе-

ния, создающие её боевую славу, поэтому нередко осуществлялись приукрашивания незначительных событий или даже осуществлялась их прямая фальсификация.

О том, что в горах Кавказа не всё благополучно имелись смутные представления, как в России, так и за границей. До какой степени простиралось неблагополучие оставалось скрытым для большинства, даже для находившихся в это время на Кавказе²⁰⁹. Английское правительство особое внимание уделяло Кавказу и Средней Азии, как наиболее уязвимым местам Российской империи. В Англии были уверены в неизбежности восстания на Кавказе и успешном завершении похода в Закавказье англо-индийской армии. По плану англичан турки, отказываясь от активных действий в европейской части своего господства, должны были все силы направить на вторжение в Россию со стороны Азии. Одновременно агрессоры рассчитывали на широкую поддержку горских народов Кавказа²¹⁰.

В середине мая 1877 г. османское командование высадилло севернее Сухума около 10 состоявших в основном из мухаджиров батальонов, в формировании и подготовке которых участвовал, наряду с другими офицерами – северокавказцами, и М. Кундухов. Тогда же ему было предложено военным министром лично отбыть в Абхазию для руководства действиями этого десанта и вовлечения в инспирированное им восстание как можно более широких слоев местного населения, но Мусса Кундухов предпочел воздержаться от этой миссии, заявив, что направленные на Кавказ османские силы слишком малочисленны, чтобы способствовать достижению поставленных целей²¹¹. Во время войны 1877-1878 гг. османский морской десант три месяца оккупировал Абхазию. Затем, отступая из этого района, турецкие войска получили указ султана – вывести всех желающих переселиться в Османскую империю. Как свидетельствовали турецкие очевидцы, русские войска, вытеснявшие турецкий десант из Абхазии, не препятствовали его эвакуации и вывозу вместе с собой абхазцев. Причем многих из них насильно затаскивали в трюмы кораблей. Следовательно, власти двух стран были заинтересованы в этой акции²¹².

Многие чеченские общества и отдельные лица по несколько раз обращались к начальнику Аргунского округа с просьбой разрешить им арестовать и доставить к нему всех нарушавших порядок, но он на это не давал согласия²¹³. Многие старшины напрямую обращались к начальнику Терской области с негодованием: «...зачем допустили Алибека

–Хаджи забрать такую силу...взбунтовать всю Ичкеррию...У нас, ведь, ты знаешь, в начале ничего не было. И сидели бы мы спокойно, если бы тех остановили...»²¹⁴.

Исключительные обстоятельства заставляли общество отступить от принятых моральных обязательств по отношению к восставшим. И таким обстоятельством была непосредственная угроза жизни целого коллектива. Существовал некий предел возможного, после чего общество, продолжавшее придерживаться прежних позиций, ставило себя на грань выживания. Представителями этого взвешенного начала выступали старшины, которые брали на себя ответственность вести общество по непопулярному, «негероическому» пути. Обязанность подчиняться воле старейшин, когда дело касается общественных интересов, давала возможность обществу, где культ мужчины, воина был основополагающим, достойно выйти из состояния политического клинча с минимальными моральными потерями²¹⁵.

С 12 на 13 апреля восставшие, во главе с молодым имамом, выступили с развивающимся на высоком древке красным знаменем. На первой лагерной стоянке, при ярком освещении костров, восставшие присягнули на Коране служить делу восстания до последнего, не выдавать друг друга и изгнать русских с Кавказа. Куда ни подходили сначала восставшие, их встречали возгласами: «Уходите прочь, не то прогоним вас выстрелами!» Потолкавшись между несколькими аулами, решительно отказавшимися принять их к себе, заговорщики вечером 13 числа пришли к аулу Беной, население которого «славилось легкомыслием, весельем, беспокойным нравом и склонностью к беспорядкам, как, к своего рода, спорту...» Народ побросал все работы и собрался на площади рядом с мечетью. На форуме начались бурные дебаты, где обсуждались вопросы быть или не быть русскому владычеству на Кавказе и как лучше поступить – восстать немедленно или, из осторожности, дожидаться окончательного решения²¹⁶. Беноевцы поддерживали восставших, но пропуск Алибека не обошёлся им даром: покосы и кукурузные поля жителей были полностью сожжены царскими войсками²¹⁷. Но даже после этого жители Беноя снова восстали, за что и были поголовно выселены на равнину. Начальник Терской области заявил, что взбунтовавшиеся аулы должны выдать всех главных зачинщиков беспорядков, по указанию администрации. В случае неподчинения сёла будут уничтожены, зачинщики арестованы, а остальные жители выселены на плоскость²¹⁸.

17 апреля 1877 года генерал-адъютант Свистунов по обыкновению праздновал день рождения Государя императора. В самый разгар приготовлений к приёму гостей ему была вручена телеграмма из Хасав-Юрта от полковника Батьянова, который сообщал о разрастании массовых волнений в Ичкерии. Полковник Батьянов был сторонником бескомпромиссной борьбы с мятежниками и заявлял, что полагает «полезною мерою расстрелять из числа аманатов по пять человек каждого отложившегося аула». Он широко применял уничтожение запасов хлеба и сена, замечая, что это заставляет «одуматься» многих и препятствует оказанию «одуряющего действия на население»²¹⁹.

Торжественный обед прошёл спокойно, как обычно, а утром 18 апреля начальник области, осмотрев Чеченский Конно-иррегулярный полк, благословил его в путь, на войну с Турцией, после чего в срочном порядке сам выехал в Грозный. Столь поспешные действия были вызваны тем, что Свистунов опасался, как бы хорошо снаряжённый полк, узнав о мятеже, не явился на помощь восставшим. В Грозном начальник Терской области разработал план, по которому предполагалось «запереть» восставших в горах, до их полного подавления²²⁰. Также Свистунов предпринял меры по усилению пограничных укреплений на юго – востоке Терской области, чтобы не допустить соединения восставших Чечни и Дагестана. Интересно, что командующий войсками Дагестанской области называл восстание «национально-освободительным движением», а командующий войсками Терской области – «мятежом»²²¹.

Царская администрация в первое время прибегала к более мягким мерам, пытаясь тем самым приостановить дальнейший ход восстания. Генерал-адъютант Свистунов 20 апреля созвал в Грозном съезд почётных людей всей Чечни, главным образом мулл и чеченцев, совершивших хадж. Из Малой Чечни пришли многочисленные делегации и даже подали на имя царя верноподданнический адрес, в котором клятвенно заверяли в своей преданности. Из Большой Чечни было значительно меньше депутатов. Из горной Чечни делегаты на съезд не явились. К 21 апреля восстанием была охвачена почти вся Ичкерия²²². 24 апреля наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич вынужден был уведомить официальной телеграммой императора Александра II о том, что «...События в Терской области принимают серьёзный характер возбуждения фанатиками части населения Ичкерии и Ауха»²²³. 25, 26 и 27 апреля Алибек-Хаджи и его сторонники продолжили своё дело. К ним преимущественно присоединялась молодёжь, а люди более солидные

обещали содействие²²⁴. Начальник Веденского округа Авалов пытался воздействовать моральными внушениями через почётных и влиятельных лиц, оставшихся ему верными, на восставшую молодёжь. Он даже снарядил специальную делегацию, в обязанность которой входило ведение пропаганды с целью прекращения восстания. Однако восставшими эти «почётные» и «влиятельные люди» не были приняты. В результате, как сообщает командующий войсками Терской области, князю Авалову пришлось «употребить силу», для чего были вызваны в Цонторой и Ведено 5 рот Кюринского полка, всего 3500 штыков²²⁵. В то время Веденский округ был разделён на 3 участка: местопребывания пристава 1-го участка находилось в слободе Ведено; 2-го участка в селе Ножай-Юрт; 3-го участка в ауле Дарго. Это были стратегически важные пункты, упускать которые из-под своего влияния власть не собиралась²²⁶.

Восстание симсирцев отчасти было неожиданностью для самой Ичкерии. К несчастью, в пору восстания в том районе, где оно начиналось, управлял человек, совершенно новый, назначенный на должность всего за несколько месяцев до начала волнений. Это был штабс-капитан Проценко, человек умный, образованный, но несколько наивный и доверчивый, не знакомый с менталитетом чеченцев и местными обычаями. Проценко всё принимал за «чистую монету» и удивлялся «глупости» туземцев, а те, в свою очередь, «проводили» его на каждом шагу. В Ножай-Юрте пристав поселился у почтенного старика Шахбулата Шейх-Амирова, имевшего звание прапорщика милиции и пользовавшегося уважением среди соплеменников. К числу аулов, решивших до поры, до времени не присоединяться к Алибеку, принадлежал и Ножай-Юрт. Шахбулат в Ножай-Юрте еле-еле сдерживал народ от бунта, он заявил, что Проценко его гость и пока он жив, им не удастся дотронуться до него даже пальцем²²⁷.

Между тем восставшие взяли аул Гендергеной. Одним из первых актов восстания была расправа над старшиной селения Гендергеной. Большинство старшин горных сёл бежали под защиту русских укреплений, их дома были сожжены, а сами они приговорены восставшими к смерти²²⁸. Старшина аула Ножай-Юрт скрылся в укреплении Кишень –Аух. Дом старшины, а также дом наиба второго участка Веденского округа Чомака Ойшиева были сожжены²²⁹. Узнав о том, что Алибек-Хаджи едет в Ножай-Юрт, начальник участка Парцяня срочно выехал из этого села в Хасав-Юрт. Прибыв в Ножай-Юрт, Алибек первым делом приказал сжечь канцелярию начальника. Затем

он приказал сжечь дом шейха ножайюртовцев, сторонники которого не поддерживали восставших.

Население аулов Белгатай и Дарго попыталось воспрепятствовать Алибеку пройти через их территорию и открыло огонь по повстанцам. Убедившись в том, что ему не удастся пройти через Белгатай и Дарго, Алибек изменил маршрут²³⁰. Начальник Терской области признавал достоинства своего противника, в одном из писем он сообщал: «Нельзя не признать, – писал Смекалов, – что Алибек действует весьма хитро и с большим расчётом»²³¹.

В ходе восстания горцы так и не дождались помощи от турецкого султана. Тем временем к Алибеку-Хаджи начинают присоединяться всё новые и новые селения. В отношении этих аулов Свистунов даёт установку своему помощнику в Ичкерии: «Ножай-Юрт, Чанти-Мохк, Балансу, Саурго, Бети-Мохк или привести к покорности или уничтожить»²³². Семь аулов: Мехкеты, Таузен, Хатуни, Дышни-Ведено, Эрсеной, Зандак и хутор Семсир были полностью разрушены войсками во время усмирения восстания, а оставшееся население предполагалось выселить на плоскость²³³.

20 апреля 1877 года трёхтысячный отряд чеченцев двинулся на равнину и, 22 апреля произошло столкновение с российскими войсками возле селения Майртуп. Горцы воевали с оружием старого образца, а не огнестрельным. Тем не менее, они оказали хорошо вооружённым солдатам такое сопротивление, которое никто от них не ожидал. Чеченцы держались с завидным упорством, не смотря на артиллерийский огонь, и не раз переходили в контрнаступление²³⁴. Что касается настроений в Большой Чечне, – то вряд ли Алибек – Хаджи мог рассчитывать на быстрое присоединение её жителей к восстанию. Крестьянские хозяйства на равнине в гораздо большей степени, чем горцы, были втянуты в хозяйственные отношения с расположенными поблизости станицами и Грозным, который уже становился экономически притягательным для Чечни.

Для того чтобы заставить присоединиться к восстанию Большую Чечню, требовалось нечто большее, чем разгром небольших российских отрядов в горах²³⁵. На плоскости чеченцы и ингуши были почти полностью окружены русскими поселениями, станицами, военными гарнизонами и отрезаны ими от главной массы чеченцев, так что если бы здесь восстание и возникло, то оно было бы чрезвычайно быстро подавлено и помощь с гор не успела бы подойти²³⁶. Кроме того, уже весной 1877

года в плоскостных сёлах стали появляться беженцы, потерявшие близких, имущество, дома в ходе восстания, рассказами своими и бедами производившие неизгладимое впечатление на благополучных равнинных чеченцев. Между тем увеличение числа переселенцев усложняло хозяйственный быт коренных жителей, необходимость делиться землёй напрягала плоскостное общество.

Жажда справедливости, романтическое отвержение угнетения, в которые было окрашено самое первое восприятие восстания, вступают в столкновение с грязью и кровью его подавления. Понятия свободы и справедливости во многом деромантизируются и деутопизируются, а их восприятие в массовом сознании приобретает более конкретный и весьма ожесточенный характер. Можно сказать, что это время прощания с иллюзиями и надеждами на быстрое воплощение желаемого в действительность. Стихийное поведение часто является реакцией масс на политический кризис и нестабильность, на крушение привычных форм и норм жизни и т.п. Собственно психологические факторы, формирующиеся под влиянием социальной фрустрации, – нарастание чувства неуверенности, страха, непонимания того, что происходит с обществом и государством – ведут к появлению слухов, панике, агрессии и апатии. Возникает феномен многократного усиления эмоций. Справедливость как миф, как нравственный идеал, пересекаясь с эмпирическим опытом людей, порождала новые, более прагматические взгляды на действительность²³⁷.

В Терской области для подавления народного восстания было направлено 25 тыс. солдат. Свистунов издал приказ: «Только без сожаления косите всё, бейте, вешайте беспощадно...»²³⁸. Уже в начале мая 1877 года в Терской области было сосредоточено до 30 тыс. войск при 104 орудиях и более 5 тыс. добровольцев²³⁹. Часть этих сил была сосредоточена для охраны стратегически важных объектов и направлений, а непосредственно на подавление восстания брошено 84 роты и 8,5 казачьих сотен при 32 орудиях. Кроме того, из Дагестана против восставших был направлен отряд в составе двух батальонов Апшеронского и Самурского полков, шесть дружин и три сотни милиции при 4 орудиях. Командовал отрядом полковник Накашидзе. В мирное время в батальоне насчитывалось 500 человек, в условиях военного положения его численность увеличивалась почти вдвое и достигла уровня 900 человек²⁴⁰. Кавказское руководство понимало всю серьёзность ситуации, сложившейся на Северо – Восточном Кавказе в условиях войны

России с Турцией и близости театра военных действий с Кавказом. 5 мая 1877 года кавказский наместник в своей телеграмме брату Александру II так кратко охарактеризовал ситуацию с восстанием горцев: «Как видно, зараза гнездится глубоко, и искоренить её будет стоить не мало забот»²⁴¹.

Неоднозначность настроения жителей плоскости сразу же сказалась на действиях Алибека-Хаджи. 26 апреля жители Умахан – Юрта отказались впускать его отряды в село и он направляется к крупнейшему селению на плоскости – Шали. Через наиболее верных агентов князя Эристова властям стало известно, что мятежники подбираются к Шали и если село их примет, то это должно послужить сигналом всеобщего восстания Большой Чечни. Князь Эристов был уважаем у горцев и к нему беспрерывно приходили люди, пользовавшиеся большим влиянием не только в Грозненском округе, но и в других районах Чечни. За оборону Шали отвечал полковник Нурид, аварец по происхождению. Однако он не справился со своей задачей и шалинцы вынуждены были сами оборонять своё родное село. Отдавая отчёт Главнокомандующему на Кавказе о Шалинском деле, начальник области в телеграмме сообщал: «...оберегая свою репутацию от возможной неудачи (будем думать, что не свою особу), пассивно прилепившись к Эрсеною, простоял Нурид. Шалинцы, с Боршигом во главе, дали отпор мятежникам»²⁴². 28 апреля 1877 года не проверив сведения, в панике полковник Нурид прислал Свистунову записку: «Мятежники, встречая сочувствие во всех обществах Большой Чечни, сегодня беспрепятственно прошли к аулу Шали, который также присоединился к ним. Мне с отрядом в Большой Чечне делать больше нечего...» Затем Нурид прислал другую записку: «...аул Шали не принял мятежников, и они повернули назад». После этого полковник Нурид не получил в Терской области никакого серьёзного поручения, доверие руководства к нему было сильно подорвано²⁴³.

Старшиной села Шали был Боршиг Ханбулов был человеком смышлёным, правдивым и твёрдым. Ему, Боршигу, прежде чем кому-либо, стало известно о непрерывном прибытии в Грозный значительных военных сил, а Шали от Грозного было расположено совсем близко. В решительные дни 27 и 28 апреля Боршиг собрал всех мулл, хаджей, улемов села и успел убедить их, что от восстания Чечня всё равно ничего хорошего ждать не может, что если бы восставшие и победили, то, несомненно, лишь на очень короткий срок. Убеждённые

своим старшиной прапорщиком Борщигом, шалинцы дали слово отстоять аул от вторжения Алибека и его сдержали. Жители встретили Алибека ружейным огнём²⁴⁴. Толпы сторонников Алибека, рассчитывавшие, как видно, на сочувствие молодёжи, пробовали, было, не обращая внимания на угрозы старейшин, мулл и хаджей Шали, двинуться далее к аулу, но те дали залп в воздух Озадаченные мятежники отпрянули и повернули назад; шалинцы же, бывшие конными, понеслись им вслед, потрясая и угрожая оружием. Во главе всех скакал Борщиг. Казаки даже не преследовали бегущих, хотя сами они об этом умалчивали. В Шали Алибек – Хаджи сразу почувствовал к себе враждебное отношение жителей. Поняв, что плоскостные чеченцы не расположены к нему, имам вернулся в горы²⁴⁵. По некоторым свидетельствам Алибек Зандакский обладал даром ясновидения. Идея о бесполезности сопротивления властям начала отныне смелее высказываться благоразумными людьми (в основном старшего поколения) не только на плоскости Чечни, но отчасти и в горах. Борщигу была дарована пожизненная пенсия (около 400 рублей в год); кроме того, распоряжением начальника области он был зачислен в милицию на офицерскую должность, что прибавляло ему ещё до 600 рублей в год.

Мятежники оказывали упорное сопротивление, однако 27 и 29 апреля дважды потерпели неудачу в ущелье Хулхулау²⁴⁶. Чеберлоевцы под командованием Дады Залмаева, направлявшиеся в Шаро-Аргун, были рассеяны отрядом полковника Лохвицкого при поддержке местной милиции, которую организовал старшина Хайбула. Дада Залмаев из Чеберлоя, после подавления за 2 дня восстания, с 3 товарищами вернулся в Ичкерия – просить помощи Алибека²⁴⁷. Удачно для российской администрации складывалось положение и в Хасав-Юртовском округе, где успешно действовал отряд полковника Батянова. Эти успехи позволили командованию приступить к действиям по разгрому главного очага восстания. 10 мая началось наступление трёх российских отрядов на горную часть Веденского округа. В первых числах мая войска из Эрсеноя, со стороны Хасав-Юрта, местная милиция и милиция Андийского округа начали движение в сторону Чеберлоевского общества, где сконцентрировались восставшие, стараясь привлечь на свою сторону беновцев и зандакцев²⁴⁸.

14 мая 1877 года пришло известие о восстании в Салатавии, что заставило пересмотреть направление главного удара царских войск. Разгром дагестанских аулов сопровождался выселением «неблагонадеж-

ных» жителей селений Алмак и Буртунай²⁴⁹. Наместник на Кавказе давал следующие указания своим подчинённым в Терской и Дагестанской областях, как поступать с восставшими: «Необходимо, дело расправы за мятежные восстания против Правительственной власти поставить так, чтобы наказание распространялось не на одних только ищущих подвига самопожертвования фанатиков, а и на окружающую их виновную среду, чтобы страхом неизбежного общего наказания участников мятежных нарушений общественного порядка побудить массу противодействовать успеху преступных возбуждений отдельных личностей»²⁵⁰. 14 мая 1877 года в «Терских ведомостях» было опубликовано высочайшее повеление «О порядке ответственности лиц гражданского ведомства, совершивших в местностях, состоящих на военном положении, тяжкие преступления». По этому закону военным судом осуждали гражданских лиц за бунт и измену государству, за уничтожение средств сообщения, за нападение на часового²⁵¹. Когда Алибек-Хаджи в конце июня сам направился в Андию, он был встречен выстрелами в аулах Ансалта и Муни и должен был ни с чем вернуться из Дагестана в Чечню, где продолжалось ещё волнение в Шатое и Чаберлое²⁵².

Уничтожение аулов, хлебов, скота и всего, что, возможно, должно было, по мнению генерал-адъютанта Свистунова, явиться для восставших справедливым возмездием и, лишая их средств к существованию, заставить выйти из лесов и явиться с повинной²⁵³. Так, например, был уничтожен аул Тезень-Кале. К Смекалову явилась огромная толпа женщин и детей из аула с просьбой об оставлении их на месте. «Рыдания и плач общие и раздирающие, – сообщал начальник области. Согласился, если завтра ко мне будут доставлены: Алибек, Сулейман». Мятежные аулы в горах были разгромлены, частью совершенно уничтожены, а жители выселены на равнину. Остальные, оставшиеся на прежних своих местах проживания, обязаны были расчищать просеки и доставлять войскам продовольствие²⁵⁴. В 1877 году войсками и местным населением было проложено 200 вёрст горных дорог и лесных просек. Центороевцы предоставили 60 быков для довольствия войск, гурдалинцы – 50 быков и 200 баранов, курчалоевцы – 30 быков. Во время постоя в Центорое царские войска употребили хлеба и сена, по крайней мере, на 2000 рублей²⁵⁵. Угрожая уничтожить огнём всё имущество сочувствовавших восстанию обществ, военные требовали выдать главных виновников мятежа²⁵⁶.

Разнообразие методов ведения борьбы власти с восставшими

Кавказская администрация наряду с карательными акциями приступила к новым методам ведения борьбы. Была установлена награда в 25 рублей за каждого пойманного или убитого повстанца²⁵⁷. Награда за поимку или уничтожение вождей восстания была во много раз больше. Тем не менее, в июне Алибек – Хаджи почти беспрепятственно прошёл через милицейские кордоны от Семсира до лесистых высот, находящихся рядом с селением Аллерой. Выбивать его с этих высот пришлось с боями, после чего осуществлявший общее командование российскими войсками генерал Свистунов должен был признать невозможность покончить с восстанием силами чеченской милиции: «Прежде всего, трудно найти в среде благоразумного, преданного своим хозяйским интересам населения отважных личностей, которые согласились бы, с явной опасностью для жизни, решиться пойти в непреступные чащи лесов против фанатиков, знающих, что в случае поимки их ждёт неизбежная казнь и поэтому предпочитающих умереть с оружием в руках»²⁵⁸.

Неудачные попытки захватить Алибек – Хаджи способствовали росту его авторитета и увеличению числа восставших, которые прибегли к партизанским действиям: ежедневно восставшие группами по 30-60 человек перекрывали движение по дорогам, совершая нападения на российские отряды²⁵⁹. 16 июля 1877 года полковник Лохвицкий сообщал руководству, что Алибек арестовал всех старшин Чаберлоевского общества²⁶⁰. Молодой имам казнил чеченюховского муллу за то, что тот порицал его действия²⁶¹. Необходимо отметить, что в самом начале восстания Алибек убил старшину своего села, который был одним из его родственников²⁶².

После Чаберлоя войскам пришлось вновь покорять Ичкерия, где восставшие пытались во второй раз заблокировать крепость Ведено. Наступление на эту часть Веденского округа началось 14 августа и встретило упорное сопротивление населения, которое уже знало, что в случае поражения большинство жителей будет выселено²⁶³.

Кульминация вооруженных столкновений

В конце лета 1877 года число воинов Алибека достигло предельных размеров, их насчитывалось 30000 человек. Женщины принимали активное участие в восстании: готовили воинам пищу, перевязывали раненых и помогали в строительстве укреплений²⁶⁴. Усиление восстания в июле-августе 1877 г. было связано с временными неудачами русских войск на Кавказском театре: поражением русской армии под Зивином и последовавшим затем снятием блокады Карса и отступлением армии по всей линии фронта. Русские власти приняли ряд мер к недопущению распространения восстания. 8 августа 1877 года, в период ожесточенной борьбы, генерал Свистунов в весьма секретном письме начальнику Веденского округа Авалову писал: «Между нами будет сказано: меры снисхождения пока неизбежны; общий же со всеми расчет будет потом»²⁶⁵.

Для подавления восстания приказом по войскам Терской области № 50 от 31 мая 1877 г. был сформирован Походный штаб командующего войсками Терской области. При этом штабе были организованы военные отряды, в обязанности которых входило наблюдение за спокойствием в населенных пунктах, охрана горных проходов, ущелий, расположенных на границе с Закавказьем. Штаб координировал мероприятия по подавлению восстания, в т.ч. деятельность войсковых частей. После ликвидации восстания в августе 1878 года штаб был упразднен²⁶⁶.

Для охраны дорог по лесным ущельям рек Хулхулау и Аргуна, как главных в этом районе линий сообщения, были сформированы так называемые партизанские команды в 100-150 человек каждая. Эти команды жили по линии дороги и несли охранную службу²⁶⁷. По свидетельству очевидца, действия их сводились к следующему: «...дни и ночи ходили люди по 2-3 человека сначала по дороге, затем углублялись все более и более в леса. Над всякими чинили свой собственный суд – просто говоря, отправляли на тот свет. Эта партизанская команда навела на окрестных жителей такой страх, что они не осмеливались появляться ближе 6-7 верст от дороги. Мера была крутая, жестокая, но весьма эффективная...»²⁶⁸. Администрации Терской области в период восстания 1877-1878 гг. приходилось принимать и ряд других экстраординарных мер. Например, в архиве сохранился рапорт коменданта Пятигорска и Кавказских Минеральных Вод о выдаче жителям города патронов для самозащиты²⁶⁹.

Проведение карательных акций в Чечне

В августе 1877 года в Ичкерии была направлена карательная экспедиция. О характере экспедиции свидетельствует следующее распоряжение, данное Смекалову генералом Свистуновым: «Цель наша должна заключаться в том, – пишет он, – чтобы выбрать из всех аулов неблагонадёжных людей и сослать их навсегда с семьями в Россию. Беной и Зандак надо поголовно выселить в Сибирь или, если эти подлецы не пожелают, выморозить всех зимой, как тараканов и уничтожить...»²⁷⁰. Жителей селения Зандак, после уничтожения этого поселения, предполагалось выселить во внутренние губернии России. Предлагалось расселить их отдельными семьями по другим селам округа, однако жители этих сел высказывались против принятия зандаковцев²⁷¹.

За участие в восстании 1877 года у жителей Беноя и Зандака были конфискованы все земли²⁷². 110 семей, проживавших в селе Зандак, после уничтожения его войсками, были расселены на зимнее время в аулах, расположенных в плоскостной части округа, а размещение их по другим селениям оказалось невозможно, из-за отказов сельских обществ от принятия их в свою среду, как людей «совершенно неблагонадёжных»²⁷³. Только за участие в восстании 1877 года у горцев Северо – Восточного Кавказа было отобрано более 37400 десятин земли²⁷⁴.

Алибек-Хаджи, между тем, терял влияние на горцев: 22 сентября жители сёл Чечел-Аух и Даттых вступили в бой с повстанцами. В ответ Алибек-Хаджи расправился с аулом Даттых, он был сожжён дотла²⁷⁵. 25 сентября 1877 года генерал-адъютант Свистунов в зашифрованной телеграмме сообщал руководству о положении дел у себя в регионе: «Я имею на руках шайки Алибека, Умы на Аргуне. Между тем восстание в Дагестане возрастает и приближается к нашим границам и становится наше положение всё более опасным»²⁷⁶. Русские также считали одним из лидеров «мятежа», проходившего на территории Ичкерии в августе 1877 года аварца (тавлинца), которого звали Раджабали (Раджабилав)²⁷⁷.

К середине 1877 года силы, направленные против восставших, были увеличены ещё больше и состояли из 24 батальонов, 8 команд пехоты, 28 казачьих и 21 милицейской сотни, артиллерийской роты и 49 орудий²⁷⁸. Восставшие заставили русское командование держать в Терской области свыше 25 тыс. войск в то время, когда армия на Кавказском фронте

нуждалась в пополнении войск²⁷⁹. Проведение военной реформы 1874 года усилило мощь российской армии, позволило увеличить военный контингент, дислоцируемый на Кавказе. Служебные обязанности казачества были заметно облегчены. Однако на казаках оставалась обязанность непосредственной охраны общественного порядка в станицах. 7 казачьих полков участвовали в усмирении антироссийского восстания горцев в Чечне и Дагестане. На основании Высочайше утвержденного 3 июля 1882 года Положения Терское казачье войско в мирное время должно было содержать четыре конных полка сотенного состава, две конно-артиллерийские батареи на общем основании и два эскадрона императорского конвоя²⁸⁰.

До конца сентября длилось разорение селений по реке Басс, жителей которых почти поголовно выселили на плоскость. Начальник Веденского округа князь Авалов писал генералу Свистуну, возглавлявшему подавление восстания: «Почётные лица Мехкетов явились ко мне с уверениями в том, что сами жители покончат с бунтовщиками»²⁸¹. Жителям Мехкетов было обещано прощение в обмен на выдачу одного из руководителей восстания – Умы Дуева. Мехкетинцы ответили генералу Свистуну: «Генерал, от народа следует требовать только возможного. Ты знаешь, как нам трудно расстаться с могилами отцов и родиной, но мы беспрекословно покоряемся. Выдать же Уму не можем. Он был наш гость»²⁸². Законы гостеприимства на Северном Кавказе были такими, что они оберегали даже убийцу в доме его врагов-кровников, если он вверял им свою судьбу как гость. Известный кавказовед Н.Ф. Дубровин в этой связи писал: «Каждый успевший сказать хозяину: «Я твой гость» принимается по-братски, хотя он бы и был врагом семейства»²⁸³. Горский этикет не разрешал интересоваться личностью гостей и целью их путешествия, а сами путники никогда не обсуждали вслух свои планы и никогда не повторяли свой маршрут. Русское же командование рассматривало гостеприимство как соучастие в преступлении, – отказ в информации о госте (которая, в самом деле, могла быть предельно ограниченной) – как укрывательство преступника. Ситуацию усугублял обычай выбирать для ночлега дом самого уважаемого человека (визиты поднимали «рейтинг» хозяина). Наказания за «пособничество хищникам» оказывались направленными не только на одну из основ горского быта, но и затрагивали интересы влиятельных фигур. Отказ в крове скитальцу, путнику и тем более кунаку не только покрывал позором домовладельца, но и все село. Русские власти упорно требовали от чеченцев заведомо не выпол-

нимого и, затем жестоко карали за это. Не меньший ущерб взаимоотношениям нанесли и неоднократные попытки разоружить население, что было равносильно отказу всех мужчин считать себя таковыми²⁸⁴.

Некоторые чеченские аулы, с оружием в руках, действовали против мятежников²⁸⁵. За участие в боевых действиях 1877 года были награждены старшины Аргунского округа: Циклан Цициев (с.Ялхорой), Таймаз Албеков (с.Нахчу-Келой). Медали получили главы сёл: Сайрой, Гухой, Бухой, Итум – Кале, Чубях-Кенчу, Ушкалой. Мулла Джанхот Курбанов, поступивший на службу в 1870 году, получил орден святого Георгия 4 степени²⁸⁶.

Как отмечали российские исследователи, подавлению восстания способствовало и то обстоятельство, что восставшие сами прибегали к репрессиям против тех, кто уклонялся от участия в восстании: «...чеченские вожди сами себе портили. Так, Алибек – Хаджи в отместку за неповиновение, начал жечь и разорять аулы. Таким образом, палку уничтожали с двух концов: аулы палили русские, аулы палили и чеченцы. Приходилось искать защиты у сильнейших, а такими, видимо, были русские»²⁸⁷. По свидетельству начальника Шатоевского отряда, чеченская милиция «ни на шаг не отставала от солдат и многие из них высказывали удивительную храбрость в борьбе с мятежниками»²⁸⁸.

В числе участников восстания 1877-1878 гг. были как последователи накшбандийа, так и приверженцы тариката кадирийа. Лидер и большинство восставших чеченцев принадлежали к братству кадирийа²⁸⁹. Зикристов возглавлял Ума Дуев²⁹⁰. Ума – Хаджи Дуев, бывший наиб Шамиля, после подавления восстания 1861-62 гг. был отправлен в ссылку в Смоленск, но затем был помилован и вернулся на Кавказ²⁹¹. В Смоленске он прожил много лет и, судя по его письмам, раскаялся в содеянном, но в 1877 году, уже в возрасте 69 лет вновь возглавил восстание²⁹². Когда началось восстание, начальник Терской области, дабы избежать кровопролития вызвал к себе окружного кадия Абдул-Кадира Абдул-Кадырова и Уму-Хаджи Дуева для того, чтобы они, как уважаемые в народе люди, провели переговоры с восставшими и предложили последним пожалеть себя и выдать главных виновников беспорядков²⁹³. У. Дуев очень внимательно выслушал генерала и, возвратившись в Дзумсой, примкнул к этому движению. 17 июля 1877 года Ума-Хаджи Дуев с семьёй бежал к мятежникам. «Я начал так поступать, – говорил почтенный старик, – потому, что увидел неправильные действия иноверцев против мусульман»²⁹⁴.

Царская администрация прилагала все усилия, чтобы поймать Дуюва. В этом ей помогал старший сын Умы – Бици, затем и он перешёл на сторону восставших²⁹⁵. Чтобы поймать У.Дуюва в заложники взяли сына его Тутака и посадили его в Шатоевскую крепость. Другой сын, Дада, служивший в конвое, высадил окно в тюрьме и вместе с Тутаком бежал к восставшим. Кавказские власти потребовали, чтобы Дада Дуюв, царский офицер, доказал свою преданность правительству и помог задержать отца. «Сыну Умы прапорщику Даде объявите, – писал помощник начальника Терской области генерал Смекалов князю Накашидзе, – что он должен непременно отыскать отца и передать его в руки правительства. Иначе я буду смотреть на него как на сообщника отца и никогда ни на какую службу его не пушу». Дада Дуюв сделал свой выбор. Он предпочел перейти в лагерь восставших и сражался со своими земляками против карательных войск²⁹⁶. В районе Хунзаха, в бою был убит сын Умы – Тутак²⁹⁷.

29 сентября 1877 года Ума Дуюв во главе большого отряда дагестанцев прибыл в Шатоевское наибство. Он рассчитывал вновь поднять восстание в Шатоевском участке и направился к переправе через Шаро-Аргун. Однако население не только не вняло призывам Умы, но даже не допустило его к переправе через реку и около Шатоя встретило выстрелами. В одной из таких перестрелок Ума Дуюв был серьёзно ранен²⁹⁸. Он хотел войти в Чаберлой, но жители вышли ему навстречу с женщинами и детьми и просили не ходить к ним. Когда же Ума отказался исполнить их просьбу, 150 человек вышли вперёд и объявили Дуюву, что тогда он войдёт в Чаберлой, когда уничтожит их всех. Жители села Шикарой тоже не пустили Уму. В селе Шарой, при попытке Ума-Хаджи зайти в село, мятежниками были убиты женщина и мужчина, ранено было 4 человека. Войска поспешили на помощь местным жителям, Ума отступил и ушёл в Андию²⁹⁹.

Алибек – Хаджи скрывался в верховьях реки Ярыксу. Жители Зандака отправили делегацию с поручением упросить Алибека смириться. Но имам не допустил к себе депутатов³⁰⁰. Вот что рассказывает об этом факте Н. Семёнов в своих воспоминаниях: «Женщины долго упрашивали имама в лице высланных им к лесной опушке парламентёров смириться и прекратить бунтовать ради спокойствия и благополучия ичкеринского народа. Они плакали..., но сподвижники имама ответили на их слёзы издевательствами по адресу трусливых зандаковцев и грубой бранью по адресу русских...»³⁰¹.

Подавление восстания

Чтобы вынудить население сдать главарей мятежа, начальник области ужесточил репрессивные меры. Уничтожение аулов, хлебов, скота – по мнению Свистунова являлось справедливым возмездием восставшим и лишало их средств к существованию. Кроме того, для обеспечения спокойствия подозрительных аулов, начальникам отрядов, в случае необходимости разрешалось брать заложников. Алибек – Хаджи скрывался до 27 ноября, однако после того, как были арестованы все его родственники, сдался властям. К отцу Алибека Алдану приходил генерал Арцу Чермоев и просил, чтобы сын добровольно явился к властям. Алибек под давлением всех уговаривавших решил сдаться, чтобы из-за него не страдали родные и народ. Сдались властям и 12 наибов имама³⁰². Поверив княжескому слову, с повинной к князю Меликову явилось 274 человека, в том числе Ума Дуев с сыном и братья Залмаевы³⁰³. Ума Дуев был заключён под стражу 2 ноября 1877 года на территории Дагестанской области. Султан – Мурад и Сулейман (Цонтроевский) успели благополучно перебраться в Турцию.³⁰⁴

В середине октября 1877 года восстание в Чечне было окончательно подавлено. 16 октября начальник Терской области генерал-адъютант Свистунов телеграфировал Главнокомандующему на Кавказе: «Область очищена от мятежников, военные действия прекращены»³⁰⁵. Следующее сильное волнение в Чечне произошло только в 1886 году, но оно не шло ни в какое сравнение с мощным восстанием 1877 год³⁰⁶. При правильной организации восставшие могли, прежде всего, порвать во многих местах телеграфные провода из Петровска и Темир-Хан-Шуры через Хасав-Юрт и Грозный во Владикавказ; прекратить безопасный проезд по почтовым дорогам и сообщение между административными центрами; а затем, спустившись на плоскость, прервать железнодорожное движение. Руководители восстания, несомненно, понимали выгоды своего положения, но они не учли всех деталей обстановки, не выработали ясного плана действий, а главное, не сумели захватить в свои руки переправы и связь, чего так боялось царское командование³⁰⁷.

В конце XIX века власти жалели о том, что при усмирении восстания 1877 года был упущен самый удобный шанс к всеобщему разоружению горцев и к отмене тех щедрых льгот и привилегий, которые столь «неосторожно» даровал чеченцам в своей прокламации князь Барятинский в 1859 году³⁰⁸. В связи с подавлением восстания в Чечне и Дагестане

у царского правительства появилась возможность усилить действовавший в Турции корпус освободившимися войсками с Северного Кавказа, русская армия пошла в наступление по всей линии фронт³⁰⁹.

Военно-полевой суд

4-6 марта 1878 года в Грозном состоялся военно-полевой суд над руководителями восстания³¹⁰. Из 18 человек, привлечённых к суду, 13 было приговорено к смертной казни «через повешение», остальные – к 20 годам каторжных работ³¹¹. На вопрос, признают ли они себя виновными перед законом России, лидер восставших Алибек – Хаджи от имени своих соратников ответил: «Мы признаём себя виновными только перед Богом и чеченским народом, что мы не сумели восстановить законы шариата и свободу, дарованные нам Богом»³¹². Когда суд объявил Уме – Хаджи о том, что он приговорен к смерти, он ответил: «Всё равно я должен когда-нибудь умереть. Умру ли оттого, что вы меня повесите, или умру от какой-нибудь болезни, – какая в том разница»³¹³. Осуждённым предлагали подать ходатайство о помиловании на имя царя, но они отказались. На 6 году ссылки многие из них были амнистированы императором Александром III³¹⁴.

К месту казни впереди на «позорной» колеснице везли Уму, за ним на двуколке – Алибека. Остальные шли пешком в кандалах, со связанными руками. Один из усмирителей восстания, присутствовавший на казни, писал: «Меня поразило спокойствие, с которым эти люди умирали»³¹⁵. 9 марта 1878 года в 6 часов утра на ярмарочной площади в Грозном приговор суда был приведён в исполнение. Вместе с Ума – Хаджи Дуевым был повешен и его сын – офицер конной сотни императора³¹⁶. Видя, как сын теряет свои последние силы и готов вот-вот от слабости повалиться на землю, обратился к старшему офицеру с просьбой, чтобы его повесили первым: « – Пусть ягнёнок научится у старого волка, как надо умирать. Мы умели драться, мы должны показать, как надо отдавать жизнь за свободу». И он бесстрашно вступил на эшафот³¹⁷. Тела казнённых, зарытые первоначально в общей яме недалеко от места казни, были затем тайно перезахоронены в Тыртовой роще между Грозным и станицей Петропавловской. Своё название роща получила по фамилии её владельцев: атамана станицы Петропавловской П. Тыртова и его брата, купца второй гильдии Е. Тыртова. Особый цинизм этой акции состоял в том, что Тыр-

това роща была в то время излюбленным местом отдыха грозненцев³¹⁸. Несмотря на поражение восстания 1877-78 гг., тарикаты не только не утратили своего влияния, а, наоборот, приобрели ещё больший вес и распространились на запад от Чечни – в Ингушетию³¹⁹.

Репрессии и выселение горцев в северные регионы России

Подавление восстания сопровождалось широкими репрессиями не только против его непосредственных участников, но и всего населения восставших округов. Тысячи жителей горных селений были переселены на плоскость, земли их конфисковывались³²⁰. Сотни чеченских и дагестанских семей были навечно высланы во внутренние губернии России, свыше 500 чеченцев приговорены к бессрочным каторжным работам. До 1877 года для жизни горцев, высылаемых с Кавказа в Европейскую Россию, назначались губернии средней полосы и преимущественно: Тульская, Псковская, Рязанская и Калужская; там их находилось свыше 400 человек. В июне 1877 года более 500 семей были направлены на поселение в Новгородскую, Олонецкую и Вологодскую губернию³²¹. Олонецкая губерния была одной из самых северных губерний Европейской России, она граничила с Архангельской губернией, а в годы советской власти вошла в состав Карельской АССР³²².

В Сибири находилось до 1000 высланных горцев. Министр внутренних дел возмущался таким положением дел: «Я не могу не выразить, – докладывал он руководству, что остаюсь при убеждении в необходимости прекращения дальнейших высылки с Кавказа горцев»³²³. Министерство внутренних дел из-за большого количества умерших и бежавших из Сибири на родину ссыльных, предложило организовать на Кавказе Центральную каторжную тюрьму. В 1886 году, в виде опыта, некоторое количество каторжан из уроженцев Кавказа стали направлять на остров Сахалин. По мнению министра внутренних дел опыт этот, оказался неудачным, т.к. начальник о.Сахалин возбудил ходатайство об ограничении высылки на остров кавказских уроженцев, «как дающих значительный процент неспособных к труду». В виду этого, решено было отправлять на Сахалин только преступников здоровых и годных к работе³²⁴. Весной и летом 1878 г. во внутренние губернии России были высланы еще 660 семей коренных жителей Терской области и около 300 горцев без семей. Местные власти старались обеспечить бывшим

мятежникам приемлемые условия для переезда. Им выдавались «кормовые» деньги, предоставлялись подводы. Показательно, что для наиболее опасных арестантов власти не могли найти кандалы, число которых было ограничено. Видимо, ранее их применение практиковалось редко, а потому потребности в них не возникало³²⁵.

Многие горцы смогли вернуться на родину только после амнистии, объявленной в 1883 г. участникам восстания правительством Александра III (1881-1894). Политическая ссылка с Северного Кавказа во внутреннюю Россию практически не изучена. Только начинают вводиться в научный оборот яркие первоисточники, рисующие жизнь, ощущения и связи, ссыльных северокавказцев в дореволюционной России. Эти источники показывают, что, несмотря на существовавший языковой, культурно – религиозный барьер и полицейский надзор, многие чеченцы и дагестанцы смогли выжить и адаптироваться к жизни в разных немусульманских и мусульманских регионах России, таких как Северная Россия, Урал, Южное Поволжье, Украина³²⁶.

Тем не менее, для многих чеченцев выселение в Россию означало смертный приговор. Так, из 1625 горцев, выселенных в 1878 году в Новгородскую губернию, в первые месяцы умерли 429 (из них 118 мужчин, остальные – женщины) и 74 были признаны безнадежно больными³²⁷. В Новгородской области горцев поселили в уездных городах: Белозерске (на берегу Белого озера), Череповце, Кириллове. В «Северном Вестнике» была опубликована корреспонденция из Новгородской губернии, в которой Ю. Полуянский описывает как очевидец положение, в котором находятся кавказские переселенцы, высланные в северные губернии за участие в восстании 1877 года. «Я видел, – пишет Ю. Полуянский, – поселенцев в трех городах: Череповце, Кириллове и Белозерске; в числе их: молодых мужчин почти нет, по большей части все старики, женщины и дети. В Череповце горцы помещены в полуразвалившейся, давно необитаемой лачуге, состоящей из трех коморок. . . . Из пятидесяти человек уже умерло до тридцати, преимущественно дети, от чахотки и брюшного тифа. При всем том эти горцы имеют какой-то добродушный вид; со времени их прибытия не было ни одного буйства, несмотря на то, что незнание языка и обычаев легко могло породить не одно недоразумение. На пропитание взрослым отпускают ежедневно по 6 копеек, детям по 3 копейки. Когда я раздал больным и детям несколько денег, то между детьми поднялась веселая возня и хохот, а старшие подступали ко мне, спрашивая: начальник, завтра будет лето?»³²⁸.

В основном людей высылали на чужбину без суда. Разбор виновности принимавших участие в восстании 1877 г. и решение дела судебным порядком, по мнению наместника на Кавказе, привели бы, во-первых, к большому отягчению участи этих людей, и во-вторых, к замедлению дела и крайнему обременению военно-судебных учреждений вследствие необходимости разбирать слишком большую массу дел, поэтому он предлагал наказывать их административным порядком. В своей докладной записке он писал: «... вопреки соображениям человеколюбия, я прибегаю и, к сожалению моему, нередко, к означенной мере, или по Высочайше предоставленной мне власти, или с предварительным испрошением на то особых Высочайших соизволения, то это объясняется только важностью и настоятельностью тех причин, которые побуждают меня к такому образу действий. Необходимо дело расправы за мятежные восстания против правительственной власти поставить так, чтобы наказание распространялось не на одних только ищущих подвига самопожертвования фанатиков, а и на окружающую их среду, чтобы страхом неизбежного общего наказания участников мятежных нарушений общественного порядка побудить массу противодействовать успеху преступных возбуждений отдельных личностей»³²⁹.

Министерство внутренних дел разместило часть высланных семей в уездном городе Опочке Псковской губернии в пустующих казармах. Несмотря на четкую организацию приема и размещения горцев, вспышки массовых заболеваний предотвратить не удалось. Около 10% прибывших заболели тифом. Местными властями предпринимались меры по оказанию медицинской помощи, организации правильного питания и быта переселенцев. Не осталась в стороне и общественность. Для улучшения надзора и ухода за больными, приготовлением и разнообразием их пищи в Опочке «составился особый попечительный дамский комитет с ежедневным дежурством». Постепенно быт ссыльных налажился. К октябрю 1878 года 11 мальчиков – горцев обучились русской грамоте. В казармах открылись мастерские по изготовлению серебряных и медных изделий, сапожного дела, что способствовало получению дополнительных заработков переселенцами. Ссылные горцы пробыли в городе около 3-х лет. Многие из них умерли от холодного климата и тоски по родине. Если на 16 февраля 1878 года их насчитывалось 830 человек, то на 1 января 1882 года – 332 человека. По некоторым источникам, горцы получили свободу и были возвращены на родину по ходатайству Опочечкой помещицы княгини Дондуковой – Корсаковой, жены Кавказ-

ского наместника князя А.М. Дондукова – Корсакова. Горцы оставили заметный след в Опочке. В память об их пребывании городская Дума в 1910 году назвала одну из улиц Кавказской³³⁰.

Для участников восстания каторжный приговор являлся самым суровым наказанием, связанным с лишением свободы в перечне наказаний, предусмотренных законодательством за тяжкие преступления, он следовал сразу после смертной казни. В Уголовном Уложении устанавливалось, что приговоренные к каторге содержатся в каторжных тюрьмах «в общем заключении и подвергаются принудительным тяжким работам». После перевода на поселение каторжные зачислялись в ссыльные, а при освобождении записывались в городское или сельское состояние. В течение двух-пяти лет на них распространялся полицейский надзор, им запрещалось покидать места приписки без разрешения полиции, а также прибывать и проживать в особых, указанных законом, местностях³³¹.

Международное право XIX века – о восстаниях

Согласно юридическим нормам XIX века, из неограниченности верховной власти следует, что восстание против верховной власти, как таковой, никогда не может быть правом. С юридической точки зрения, это может быть только фактом, нарушающим право, то есть преступлением. Поэтому, восстания против верховной власти всегда наказывались справедливо, ибо они нарушали право в самом высшем его проявлении. Если верховная власть не имеет юридических границ, то она, имеет границы нравственные, хотя, юридически, она сама остаётся судьёй своих поступков, хотя сам нравственный закон требует повиновения во имя высшего порядка, однако были крайние случаи, когда нравственно извиняли восстания³³². Субъектом восстания может быть всякое дееспособное лицо, объектом – законное действие власти. Восстания бывают вооружённые и невооружённые, с применением насильственных действий и без явного насилия. Сопротивления также различались на физические (вооружённые и невооружённые), и психические³³³.

Международное право XIX века имело свою точку зрения на народные восстания, особенно если они происходили на территориях, занятых во время военных действий, т.е. оккупированных. Учёные, подавшие в Брюссельской конференции свои отзывы на Конгрессе ин-

ститута международного права в Гааге, в 1875 году считали, что если после оккупации население продолжает борьбу, которую они начали при вторжении в страну врага, даже без разрешения на то правительства, без сомнения, продолжают быть честными воинами, которые в случае попадания в плен, пользуются правами военнопленных. Оккупант не имеет права требовать от населения присяги верности, даже на время оккупации (Брюссельская Декларация (ст.37) оккупанту прямо отказывает в подобном праве). Население имеет право восстать против оккупанта. Совершённые при таких случаях преступления наказываются уголовным законом³³⁴.

Руководство в исламе по отношению к власти и «смутам»

Однако в то время для чеченского населения руководством действий являлось не государственное право, а только исламские каноны. Руководители восстания, якобы борясь за веру, нарушали её первоосновы и заставили преступить законы ислама всех, кого вовлекли в борьбу.

Самым дурным качеством считается в исламе возбуждение среди народа всякого рода смут. Зачинщиков подобных волнений народных Магомет проклинал, а в Коране это считается даже тяжелее убийства. Самым грозным, самым тяжёлым грехом считается возбуждение восстания против власти, даже в случае, если бы сама власть притесняла народ и тем самым давала повод к подобным восстаниям. Это объясняется тем, что последствия восстания гораздо хуже и тяжелее для народа чемто зло, которое причиняется притеснением власти³³⁵. В Коране сказано: «Ты не перестаёшь открывать некоторые вероломства с их стороны, кроме малого числа все они грешны, но прости им и иди далее; ибо Бог любит тех, которые поступают благородно. Зло и добро не могут идти рука об руку. Воздавай добром за зло и увидишь, что враг твой превратился в покровителя и друга; но никто другой не достигнет этого совершенства кроме постоянного». Когда Абухрайна спросил, в чём состоит благонравие, то Магомет сказал: «Посещение тех, которые прекратили с тобой отношения; прощение, извинение тому, кто причиняет тебе притеснения; воздаяния щедростью и милостью тому, кто оставляет тебя без милости»³³⁶.

Ислам придаёт особое значение договору как установленной свыше форме социального бытия. Сам Пророк заключал договоры и соглашения с многобожниками и неверующими³³⁷. Нарушение договора, – будь

он заключён между правоверным и иноверцем, – без предварительного уведомления о том противной стороны запрещено как Кораном, так и Магометом. Девиз Пророка: совершенство религии состоит в желании добра друг другу. Запрещается как преданиями Магомета, так и Аль – Кораном: заочно хулить и злоумышлять на других, заочно злословить, выпытывать о недостатках других, быть дурного мнения о других. Магомет говорил, как передают его мнение собеседники: «Не быть вам истинными мусульманами, пока у вас не будет любви к ближнему. Совершенство религии состоит в доброжелательстве другим». По учению Пророка притеснения иноверца более страшны и более ответственны, чем своего единоверца. Тарикат пишет: радость при несчастьи врага – весьма позорна, особенно же если сочтёшь это несчастье за успех своих молитв против врага, точно говоришь: вот моя молитва была услышана, силою моей молитвы враг мой наказан. Напротив, рекомендуется молитва об освобождении от постигшего несчастья, чтобы Бог послал благ лучше прежних³³⁸.

Государство и его законы рассматриваются в исламе как форма общественного договора, в котором достигается максимально возможный компромисс и устанавливается баланс интересов различных социальных групп и религиозных организаций. Неисполнение своих законных гражданских обязанностей, призывы от имени верующих и религиозных общин к участию в каких-либо акциях гражданского неповиновения и мятежах считаются в исламе недопустимыми³³⁹. По преданию Тыбрани, Магомет говорил «Гнев портит веру, как горькое растение вредит мёду». Тарикат так объясняет этот вред: человек в порыве сильного гнева теряет самообладание и бывает готов произнести преступные и обидные слова, а также способен отомстить лицу, причинившему ему гнев, что, конечно, служит причиной к обоюдному усилению вражды. По словам Анаса, Магомет говорил: «Если кто укротит гнев свой, то Бог в дни страшные отгонит от него муки страшные. Кто же сам не милосерден, к тому и Бог не милосерден, не будут милосердны и другие; кто не прощает, тому тоже не простят; кто, не смотря на возможность отомстить, прощает и извиняет и кто отклоняет свой гнев – того Бог возьмёт под свою защиту»³⁴⁰. Мусульманские писатели говорят, что гордость (такаббер) есть первое зло на земле, что она была причиной отринования сатаны (иблис) из лика ангелов, к которым он прежде был причислен. «Я удивляюсь, – говорил Магомет, – гордому славолюбцу, знающему из чего он создан». Арабские философы всегда предостерегали мусульман

от зависти и говорили, что это есть первое преступление на небе и на земле. Гнев уничтожает разум, зависть уничтожает религию, заочная хула – благие дела и корыстолюбие уничтожает стыд и совесть³⁴¹.

Немалую роль в том, что восстание не поддержали многие чеченские общества, сыграла не военная, а идеологическая борьба, т.к. большая часть чеченского духовенства, глубоко знавшая Коран, выступила против воззваний и действий восставших, за что некоторые из мулл и духовных лидеров заплатились жизнью. Их заслугой является то, что они до конца соблюдали ключевые нормы ислама и своими действиями сохранили от разорения и уничтожения целые районы Чечни. Муллы, улемы много раз в ходе восстания собирались у начальника Грозненского округа, полковника Николая Богдановича Эристова, приходили на переговоры и к начальнику Терской области³⁴². Беседы велись на почве Корана. «Да будет проклят тот, кто, во вред своим ближним поднимает руку против сильного» – провозглашали духовные авторитеты. Вскоре по всей Чечне, с высоты мечетей, распространилась мощная, горячая проповедь слова Пророка, осуждавшего восстания против власти. Князь Н.Б. Эристов не угрожал чеченцам силой, он прямо ставил дело на практическую почву материальных выгод и нужд, побеждал не эмоциями, а здравым смыслом. Реальные перспективы охлаждали многие горячие головы³⁴³.

Предводители восстания оправдывали свои поступки тем, что они считали себя обязанными, хотя им и жилось хорошо, пожертвовать личным благом для оказания помощи своему законному религиозному главе (имаму), а потому и нарушали заключённый с русскими мир, хотя это и не положено делать по шариату, т.к. договор должен быть священен. Главной задачей они считали не свержение власти, что также противоречит нормам ислама, а желали только возвратить отнятые у них земли, часть которых отдана казакам³⁴⁴. Соблюдение обещаний или договоров так выражается в Коране: «Если вы заключили мир с язычниками и они не нарушали его и не подали против вас никому помощи, соблюдайте верно, в отношении их, условные обещания в продолжение всего их срока. Бог любит тех, которые его боятся»; «Бог накажет за важные обещания, которые бы вы нарушили... Соблюдайте ваши обещания». Таким образом, руководители восставших сознательно нарушали исламские законы ради текущих интересов³⁴⁵.

Предательство и измена – категории морали, в которых фиксируется, прежде всего, отношение вероломства, т.е. обмана доверившего-

ся лица или общества, совершенно сознательно и с целью получения преимущества или какой-либо выгоды. Политическое предательство возникает там и тогда, где появляется гражданин, а вместе с ним права и обязанности человека – живущего не просто в государстве, а ощущающего себя гражданином государства, а не просто подданным. Оно зависит от сложившихся отношений личности и государства, от полученной выгоды, влияния на политическую карьеру и т.п. Данный феномен не осуждается, безусловно, а в некоторых случаях оправдывается, ввиду сложившихся обстоятельств и др. Христианская этика связывает предательство с бесчестьем, вероломством и клятвопреступлением. В православном государстве (Российской империи) предательство в политике оценивалось крайне негативно и не оправдывалось никакими практическими соображениями: достижением успеха, нанесенными обидами, оскорбленным самолюбием и пр. Политик, администратор выступал как воплощение интересов государства и считал предательство – предательством интересов государства³⁴⁶.

Включение региона в состав иного государства обрекало его на болезненный, противоречивый процесс, когда сочетаются добровольные и принудительные методы при широком использовании во втором случае военной силы³⁴⁷. Лишенные доступа к административным постам, местные сообщества имели различные способы реагировать на политику властей и довести до них свое мнение, будь то лояльные и нелояльные формы протеста, легальные и нелегальные формы сопротивления правительственным решениям и их саботажа. Все эти методы мы можем наблюдать на территории Терской области во второй половине девятнадцатого века, и как реакция на них – нелегальные формы сопротивления установившейся власти³⁴⁸.

Организация сотрудничества государства с горцами в военной сфере

Задача российских властей после присоединения Северного Кавказа к Российской империи не ограничивалась только установлением эффективного российского административно – политического управления в регионе, гарантировавшего контроль над населением недавно приобретённых территорий. В рамках этого управления российским властям необходимо было добиться социально-политической пере-

ориентации населения от противостояния к сотрудничеству с властями. Только в этом случае можно было снять угрозу существования в крае сепаратистских настроений, проявлявшихся в самых разных формах: от отказа платить налоги российской казне до вооружённых антиправительственных восстаний. Самым распространённым способом организации такого сотрудничества, дававшим наиболее скорые результаты, на Северном Кавказе, как и на Кавказе в целом, являлось привлечение местного населения к государственной гражданской и военной службе. Ещё задолго до покорения Северо – Восточного Кавказа одним из успешных и апробированных методов имперских властей «по приручению Кавказа» было вовлечение местных элит в общеимперскую политическую систему по линии военной и гражданской бюрократии³⁴⁹. К началу Первой мировой войны острота противостояния между чеченцами и русскими несколько ослабла. Этому во многом способствовало усиление влияния чеченцев в управленческой деятельности государства³⁵⁰.

Совершенно ясно, что серьезная причина этнических и межконфессиональных проблем – слабое взаимодействие религиозных организаций и государства в сфере образования, что явилось катализатором разрушений и нарушений незыблемых пределов. Очень важно понять, что религиозный и националистический экстремизм процветает на почве духовного невежества. Истинное понимание религии и религиозной культуры приводит к просветлению, святости, а не к восстанию, войне, или жестокости. Во всех этих чудовищных проявлениях виновата не религия, не вера, но ее незнание и непонимание. Ясно, что программировать поведение людей невозможно в принципе. Человек одновременно существует в многообразии житейских ситуаций, не укладывающихся ни в какие схемы, которые в силу этого оказываются бесполезными для него. Но если человек будет воспитан в определенной системе ценностей, то в момент любого, а тем более судьбоносного выбора, в силу полученного воспитания и образования он сумеет принять верное решение³⁵¹.

Войны, в которых принимали участие кавказские горцы на стороне Российской империи

На ранних этапах русско-кавказского сотрудничества одним из способов привлечения горцев на военную службу состоял в найме целых

отрядов или вербовке за денежное вознаграждение отдельных людей. Еще в XVI веке, в городке Терки жило около 200 «новокрещенов» – уроженцев Кавказа, по разным причинам покинувших свои села и принявших православие. Они знали местные наречия и потому особо ценились в разведывательной службе и на дипломатическом поприще. Российской короне народы Кавказа служили в XVII веке, о чем свидетельствует, например, сочинение французского капитана – наемника русской армии Жака Маржарета. Капитан Ж. Маржарет служил Борису Годунову и Лжедмитрию I. Капитан был очевидцем и активным участником жизни России в 1604-1611 гг. (бурные события начала Смуты). По свидетельству Жака Маржарета русские силы состояли большей частью из кавалерии. Черкесов, по его подсчетам, было в русской армии от 3 до 4 тысяч³⁵². В 1765г., из живущих близ Моздока горцев была сформирована Горская команда, просуществовавшая до 1824 года, когда она была включена в состав Горского полка, вошедшего в Терское казачье войско³⁵³. К концу XIX в. в Терском казачьем войске мусульмане по численности стояли на втором месте после православных. К этому времени в Кубанском казачьем войске мусульман практически не осталось (99% были христиане)³⁵⁴.

Еще задолго до покорения Северного Кавказа одним из успешных и апробированных методов имперских властей «по приручению» Кавказа было вовлечение местных элит в общеимперскую политическую систему по линии военной и гражданской бюрократии. Кавказовед В.В. Дегоев указывает на то, что подобная практика российских властей еще в перв. пол. XIX века обратила на себя особое внимание ряда западных авторов, следивших за событиями на Кавказе. Например, побывавший на Кавказе британский автор Дж. Джонсон относил предоставление людям любого этнического происхождения и вероисповедания равных возможностей в достижении высших должностей на русской военной и гражданской службе к числу «тонких и осмотрительных мер» России в приобретении новых территорий. Возможность привлечения горцев Северного Кавказа к русской гражданской и военной службе, как и других инородцев Российской империи, предопределяло формальное отсутствие в российском законодательстве каких-либо правовых ограничений по национальному признаку. Иноверие, за исключением иудаизма, также не являлось препятствием для занятия офицерских должностей, вплоть до генеральских³⁵⁵.

Горцы принимали активное участие практически во всех войнах, которые вела Российская империя с начала XIX века. По формуляр-

ным спискам военнослужащих первой половины XIX века удалось установить, что в среде российского генералитета 1812 года 15 человек являлись представителями кавказских народов. Российские мусульмане сражались с французами, в том числе и при Бородино, и во время сражения при Лейпциге. В награду за доблесть мусульманских конников в Отечественной войне 1812 года царь Александр I даровал мусульманской общине право построить мечеть в столице империи – Санкт-Петербурге³⁵⁶. В русско – персидскую кампанию 1826-1828 гг. на русской службе состояли 5 милицейских горских частей. Когда началась русско-турецкая война, главнокомандующий Кавказской армией генерал Паскевич писал: «Мухаммедане всех областей... просили убедительно дозволения к предстоящей кампании составить ополчение...дабы разделить подвиги храбрых войск наших»³⁵⁷. Во время Русско – турецкой войны 1828-1829 гг. И. Паскевич пригласил на службу знаменитого Бей – Булата, явившегося в Тифлис с 60-ю чеченскими джигитами. Необходимо отметить, что «джигит», это не только обиходное наименование горца, но и воинское звание, назначаемое нижним чинам некоторых кавказских и туркестанских частей войск³⁵⁸. На параде в честь взятия Эрзерума чеченцы стояли в одном ряду с казаками линейного полка³⁵⁹. Во время русско – турецкой войны 1828-1829 гг. было сформировано большое количество «конниц» и 3 конно – мусульманских полка. Эти части создавались из чеченцев, ингушей, аварцев, лезгин и представителей других народов Кавказа. При их формировании были задействованы мусульманские священнослужители³⁶⁰. Сохранялось две возможности принесения присяги: по мусульманскому образцу – клятва на Коране, и по традиционным обычаям горцев. У вайнахов по адату было принято клясться женой или покойным предком³⁶¹.

В 1837 г. было издано Распоряжение военного министра командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории Вельяминову. В документе поручалось сообщить народам, подведомственным Сунженской, Кабардинской и Кубанской линиям «О сохранении прав их на земли, веру и обычаи предков, Государь Император изволил поручать отвечать, что никто не думает их лишать сего, но что награды всегда последуют верной службе». Таким образом, российские военные власти жестко увязали получение горцами Северного Кавказа дворянских привилегий и наличием военной или государственной службы. В результате горцы были вынуждены устраиваться на российскую службу, поскольку

это был единственный путь сохранения или получения каких бы ни было привилегированных прав³⁶².

В 1820-40-х гг. русское командование на Кавказе активно старалось привлечь на свою сторону местные народы, создавая небольшие иррегулярные отряды. Политика доверия оказалась единственно верной – национальные формирования стали твердым оплотом империи не только на Кавказе, но и за пределами империи. Многие горцы, служа России верой и правдой, вписали славные страницы в ее военную историю³⁶³. В середине 30-х гг. XIX в. по инициативе генерал-фельдмаршала И. Паскевича было создано иррегулярное воинское соединение из горцев Северного Кавказа – Кавказский конно-горский полк. В 1849 г. полк принял участие в Венгерском походе русских войск. Весной 1844 года правительство России приняло специальное решение о дополнительном привлечении горского дворянства на службу в русскую армию. По свидетельству генерала Граббе, Николай I еще в 1830-е годы склонялся к формированию национальных частей по примеру тех, которые организовывали англичане в Индии. А.П. Ермолов скептически относился к боевой ценности горских дружин в условиях Кавказской войны³⁶⁴.

В 30-х годах XIX века у знатных горцев появилась возможность обучать своих детей военному искусству в столице Российской империи. В 1-й и 2-й Павловские кадетские корпуса определялось ежегодно по 6 детей кавказских князей и дворян, в Александровский кадетский корпус – по 12 детей. В 1830-1840-х годах в кадетских корпусах воспитывалось 315 горцев. Молодые горцы, после окончания военно-учебных заведений прикомандировывались к Лейб-Гвардии Кавказскому эскадрону Конвоя Е.И.В. Важной формой обучения горцев Северного Кавказа стали полковые и батальонные школы, которые получили право с 1836 г. «принимать туземное юношество».

В царствование императора Николая Павловича, в 1828 г. был сформирован из высших представителей кавказских горцев (в том числе и чеченцев) полуэскадрон, предназначенный для несения конвойной службы при императорском дворе. Горцы имели возможность пройти курс обучения в горском полуэскадроне. В конце обучения им присваивалось офицерское звание при обязательном условии проявления храбрости и верного служения царю и России. Так, за 54 года существования лейб-гвардии Кавказско-горского полуэскадрона (1828-1882 гг.) «...из него было выпущено обер-офицерами 754 горца», в том числе 524 корнетами

в кавалерию, а с 1869 года введен обязательный офицерский экзамен. 230 горцев имели чин прапорщиков милиции из-за того, что не смогли сдать офицерские экзамены³⁶⁵.

В декабре 1830 года Горский полуэскадрон, совместно с Гвардейским жандармским полуэскадроном и обозом Императорской Главной квартиры, выступил в г. Вильно. Прибыв в Вильно, полуэскадрон присоединился к штабу Гвардейского корпуса, выступившего в поход против польских мятежников. За войну с польскими мятежниками Горский полуэскадрон Конвоя получил 53 знака отличия (из них 42 было выдано горцам) польского ордена «За военное достоинство». 1 февраля 1882 года «...по Высочайшему повелению» Лейб-Гвардии Кавказский горский полуэскадрон был расформирован. Офицеры были произведены в следующие чины, получив пожизненную пенсию в размере 1200 рублей в год³⁶⁶.

Изобилует примерами воинской доблести история Крымской войны 1853-1856 гг., когда Кавказско-горский полк сражался с конницей англо-франко-турецких войск. Численность национальных воинских формирований в Крымской кампании только на Кавказском театре военных действий достигла 30 тыс. человек, в том числе среди них было до 12 тыс. северокавказских горцев³⁶⁷. В ходе Крымской войны для содействия Отдельному Кавказскому корпусу (с 1854 г. – Кавказская армия) российским командованием использовались как уже имевшиеся формирования горской милиции, так и вновь созданные иррегулярные формирования (ополчения) из народов Кавказа. Кроме того, в составе регулярных войск Кавказского корпуса находились и кадровые военные из числа горцев, прежде всего из родовитых семей, воспитанные и обученные в русской армии.

«Во время Восточной войны 1853-1856 гг., – вспоминал впоследствии генерал-лейтенант С.М. Духовской, – части милиции, случалось, показывали блестящие успехи»³⁶⁸. Д.А. Милютин в своих воспоминаниях указывал, что «формирование этих милиций из туземцев приносило двойную пользу: давало возможность уменьшить наряд казаков и вместе с тем извлекало из туземного населения и дисциплинировало тех бездомных сорванцов, которые обыкновенно являются первыми зачинщиками в военных волнениях и мятежах». Во время Русско-турецкой войны 1828-1829 гг. у некоторых военачальников была идея увести в Армению побольше «ненадежных» чеченцев, в расчете на то, что они оттуда не вернутся³⁶⁹.

Чеченский генерал – Валериан Николаевич Чеченский

Чеченский генерал – Валериан Николаевич Чеченский был из «военнопленных чеченцев». Он родился в 1812 г., а службу свою начал рядовым в пехотном полку генерал – фельдмаршала князя Варшавского графа И.Ф. Паскевича – Эриванского полку 28 апреля 1824 года и закончил ее в чине генерал – майора 17 сентября 1880 года. За 50 с лишним лет беспорочной службы он участвовал «в походах и делах» против турок и горцев и за «Отлично – усердную службу» награжден многими высшими боевыми наградами. Храбрым и талантливым полководцем среди чеченских генералов является Алиев Эрисхан (Ирисхан) Султан-Гиреевич (1855-1920), генерал от артиллерии. Он окончил 2-е Константиновское военное училище, Михайловское артиллерийское училище и артиллерийскую Академию³⁷⁰. Его боевые заслуги и талант военного стратега в Русско – Турецкой (1877-1878), Русско – Японской (1904-1905) и Первой мировой войнах проявились настолько ярко, что за 30 лет воинской службы и постоянно участия в войнах Э. Алиев прошел путь от юнкера (31 августа 1873 г.) до генерал – майора с утверждением в должности командира бригады – 6 декабря 1903 г. Уже через три года Э. Алиев был назначен командующим 5-й Восточно – Сибирской стрелковой дивизией, 2-м Сибирским армейским корпусом, с 1914 г. – являлся командиром 4 армейского корпуса, исполнял обязанности командующего 2-й русской армией. 14 апреля 1914 г. Э. Алиев «произведен в генералы от артиллерии». В исполнении чеченскими генералами своих воинских обязанностей, в их полководческих талантах и самоотверженности в защите России от ее внешних врагов во всей полноте воплотилось отношение чеченского народа к России³⁷¹.

Особенно активно кавказские горцы стали привлекаться к службе в рядах российской армии в ходе Кавказской войны. Так чеченец Бота Шамурзаев сильно помог российскому командованию в ходе боевых действий против горцев. Б. Шамурзаев «служил для русских открытой географической картой неизвестной им еще местности, компасом в море, опытным капитаном судна, которое, если бы хотел, мог погубить вполне безнаказанно...». Бота Шамурзаев был родом из аула Харачой. Во время уничтожения аула он был взят в плен и детство провел в семье подполковника Розена, брата генерала Г.В. Розена. Затем служил в конвое наместника Польского великого князя Константина Павловича. Ему прочили блестящую карьеру царского офицера и предложили крестить-

ся. Он отказался и попросил перевести его в Чечню, по которой «никогда не переставал тосковать». Царевич Константин, хорошо относившийся к Боте, удовлетворил его ходатайство. Не выдержав притеснений и издевательств генерала Пулло над чеченцами, он перешел на сторону Шамиля и был назначен наибом Мичика, а затем – и старшим наибом Большой Чечни. В конце 1851 г. Бота перешел обратно к русским. Российское командование, стремясь ослабить Шамиля и развалить высшее руководство имамата, доброжелательно приняло отошедших от него соратников. Боте купили дом в крепости Грозной, выдали крупную сумму денег. Вскоре он был назначен и качкалыкковским наибом. Без него с 1851 года не обходился ни один поход российских войск в Чечню, вплоть до окончания Кавказской войны. По ходатайству князя Барятинского Боте был возвращен чин поручика и назначена пенсия – 400 рублей в год, а также подарен большой земельный участок³⁷².

30 октября 1860 года было утверждено «Положение» о создании Терского Конно-иррегулярного полка, а 12 июня 1861 года этот полк уже был сформирован. Все чины полка присягали «по своей вере и закону» на верность службе. Формирование этого полка позволило отпустить на Дон два донских казачьих полка, которые несли на Северном Кавказе внутреннюю службу и менялись через каждые три года³⁷³. К иррегулярным воинским частям относились военные подразделения, не имевшие твёрдой, постоянной организации. Комплектовались они также по-особому³⁷⁴.

Одновременно с Терским Конно-иррегулярным полком была сформирована туземная временная милиция. Число желающих стать милиционерами превысило число вакансий. Стимулом для вступления в милицию служило то, что все нижние чины на время службы освобождались от уплаты личной натуральной повинности. Стремление горцев к службе в милиции объяснялось не только возможностью иметь постоянный заработок и налоговые льготы, но также милиционерам было разрешено носить оружие. Рациональность мировосприятия чеченских милиционеров вытекала, главным образом, из необходимости выживать, бороться за существование, ежедневно и ежеминутно решать насущные проблемы, от которых зависела жизнь конкретных людей, семей, близких³⁷⁵. На рубеже XVIII – XIX вв. с помощью кабардинской, чеченской, ингушской, осетинской милиции власти пытались организовать охрану стратегически важной Военно-Грузинской дороги³⁷⁶.

В начале 80-х годов, после упразднения Кавказского комитета и передачи дел о выяснении прав горских сословий в Комитет министров, бывший министр юстиции статс-секретарь Набоков заявил, что правительство России не связано с завоеванными народами Северного Кавказа никакими обязательствами и что последние должны добиваться успехов и достижений в жизни подобно остальным гражданам империи – за счет усердной «службы и образования»³⁷⁷. В начале 70-х годов XIX века правительство тщательно изучало и прорабатывало вопрос о привлечении горцев в регулярную кавалерию. Он рассматривался специальной комиссией, назначенной после вынесения Положения о всеобщей воинской повинности граждан Российской империи от 4 ноября 1870 г. Председатель ее, подполковник Краевич, в 1874 г. предлагал довести число воинских частей, состоящих из горцев Кавказа до 10 тыс. человек, а срок службы определить в три года. Состав частей сделать многонациональными. Отметила комиссия и способность горцев «к аванпостной службе и действиям малой войны... знание и привычку к горной местности». Командование считало горцев незаменимыми при разведке; к этому виду службы их привлекали с 1853 года. Кроме того, они считались лучшими частями при преследовании неприятеля и действиям малыми группами. Военный идеолог царской армии М. Драгомиров считал, что «идеалом и образцом в конном деле должны служить конницы, возникшие естественно». Единственным недостатком горской кавалерии признавалось отсутствие дисциплины и строгого соблюдения воинской иерархии³⁷⁸.

В Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. в составе русской армии добровольно сражалось 42 000 горцев Северного Кавказа. Формирование горских конно-иррегулярных полков прошло успешно, причем, добровольцев оказалось так много, что начальник Терской области М.Т. Лорис-Меликов предполагал использовать их для восполнения ожидаемых потерь и даже хотел сформировать дополнительную милицейскую часть. 15 января 1877 года был сформирован Чеченский конно-иррегулярный полк. По отзывам русского командования, горцы продемонстрировали образцы отваги, мужества и верности воинскому долгу³⁷⁹.

6 января 1879 года Указом императора чеченский конно-иррегулярный полк был награжден почетным знаменем. Роль знамен в поддержании боевого духа и традиций частей русской армии трудно переоценить. Во втор. пол. XIX века знамя имел каждый полк русской армии. В ряде случаев полки могли получать новые знамена взамен

старых. Во-первых, это происходило при пожаловании полкам юбилейных знамен. Во-вторых, частям войск могли жаловаться наградные Георгиевские знамена за боевые заслуги³⁸⁰. Стоит подчеркнуть одну из особенностей всех знаменных регалий Российской Императорской Армии – они никогда не реставрировались, и зачастую от времени и походов от полотнища оставались буквально мизерные клочья материи, но при этом даже в таком виде знамя (или то, что от него осталось) всегда выносилось в строй. В именном Указе от 14 января 1835 года император повелел: «...знамена и штандарты, со всеми принадлежностями, сохранять всегда как святыню...»³⁸¹.

В Русско-Японскую войну, горцы добровольно сформировали Терско-Кубанский конный полк. В Первую мировую войну, на основании единодушного постановления Съезда представителей всех народов Северного Кавказа, горцами была создана Кавказская конная туземная дивизия, в составе шести толков. По личному пожеланию Николая II, командование этой дивизией принял брат императора, вел. кн. Михаил Александрович³⁸². В начале Первой мировой войны правительство продолжило традиционную линию на создание иррегулярных добровольческих частей из уроженцев Кавказа. Допускался прием в качестве добровольцев мусульман Кавказа в возрасте от 21 до 30 лет, но при этом указывалось, что число таких добровольцев в каждой военной части, не должно было превышать установленной военным министром квоты. Такие квоты действовали в отношении общероссийских частей, но не касались национальных формирований³⁸³. 23 августа 1914 г. был объявлен высочайший приказ Николая II о формировании на добровольных началах Кавказской туземной дивизии. Архивные документы за август – октябрь 1914 г. содержат множество заявлений от добровольцев. Один авторитетный чеченец 8 августа просил прямо у императора «разрешения ехать на войну и взять с собой сотню чеченцев – добровольцев». Представители Грозненского и Веденского округов на своем съезде 11 сентября 1914 г. единогласно постановили ассигновать Чеченскому полку сверх уже оказанной материальной помощи снаряжением и обмундированием по 1 руб. с плоскостного дыма (двора) и по 50 коп. – с горного³⁸⁴. Кавказская туземная конная дивизия именовалась в военном обиходе «Дикой». В истории Дикой дивизии нет ни единого случая, даже единоличного – дезертирства! Дикая дивизия была одной из самых надежных войсковых частей – гордость русской армии. А. Палецкий писал: «Кавказцы имели полные моральные основания никакого участия в

русской войне не принимать. Мы отняли у кавказцев все: их прекрасные горы, их дикую природу, неисчерпаемые богатства этой благодатной страны. И вот, когда вспыхнула война, кавказцы добровольно пошли на защиту России и защищали ее беззаветно, не как злую мачеху, а как родную мать...»³⁸⁵.

Формирование горских милицейских частей

После окончания Кавказской войны командующий в Кубанской области разоружил всех жителей. Д.И. Святополк – Мирский в Терской области этого не сделал, за что, в свою очередь, и получал многочисленные нарекания. Терским горцам было предоставлено право носить оружие только в пределах их сёл. В станицах или городах они должны были появляться только безоружные³⁸⁶. Право разоружения горцев было предоставлено всем казакам, что вело к постоянным стычкам.

С 1860 по 1862 год в Терской области находились на службе 6 сотен временной туземной милиции. Для наблюдения за внутренней безопасностью и благоустройством, в округах с горским населением, при начальниках народных управлений, была учреждена охранная стража из горцев. Стража полагалась при начальнике области, при трёх начальниках военных отделов, при пяти окружных начальниках, при участковых начальниках. Чины охранной стражи составляли постоянный конвой начальников всех уровней управления и использовались при рассылке приказов, сборе информации. Зачастую горцам – милиционерам приходилось участвовать в тушении пожаров. В укреплениях Шатой и Ведено имелось несколько пожарных инструментов. В целом, в Аргунском, Веденском и Хасав – Юртовском округах даже к 80 годам XIX века пожарная часть так и не была оборудована, хотя пожары возникали довольно регулярно³⁸⁷.

Терский Конно-иррегулярный полк не оправдал своего назначения для власти: по выражению начальника области Д.И. Святополк – Мирского, он был «...дурно составлен»³⁸⁸. По проекту, представленному Святополк – Мирским, в Терской области были сформированы 12 сотен постоянной милиции. Одновременно с этим был упразднён Терский Конно-иррегулярный полк и туземная временная милиция. Государственная казна не терпела убытков от содержания милиции, так как расквартированные здесь войска сокращались за её счёт. Донские

казачьи полки № 21 и № 34 были отпущены на Дон, а пятая и шестая сотни полков Терского казачьего войска были определены на льготу. Таким образом, государственное казначейство сохранило 19280 рублей серебром³⁸⁹.

В состав постоянной милиции входила охранная стража, а в округах Среднего Военного отдела, в Нагорном округе Восточного отдела и в Ингушском округе – наиболее беспокойных в военно-политическом отношении – сельская полиция. 19 июня 1862 года командующим Кавказской армией был утверждён проект об учреждении в Терской области охранной стражи и земской полиции. Сформированные сотни постоянной горской милиции охраняли пути сообщения в области, несли службу на кордонах. По кордонам были распределены в основном бывшие чины Терского Конно – иррегулярного полка, 6 сотен которого влились в милицию³⁹⁰. 29 января 1865 года император Александр II утвердил временное «Положение о Терской постоянной милиции». Её численный состав не должен был превышать 11 сотен, а подчинялась она начальнику Терской области. Для проверки личного состава милиции, снабжения её продовольствием, при областном начальнике учреждалась должность инспектора Терской постоянной милиции. Инспектору никакой распорядительной власти по милиции не предоставлялось³⁹¹.

Сотенные командиры милиции и их помощники избирались из горцев, дослужившихся до офицерских чинов. Урядниками же и всадниками принимались, по добровольному желанию «...исключительно туземцы Терской области». Служба офицеров милиции, в отношении их прав и льгот, приравнивалась к службе в регулярных войсках, но при переводе их в регулярные войска, офицеры – милиционеры принимались на общих основаниях³⁹². Все чины милиции обязаны были иметь одежду и вооружение за свой счёт. В силу того, что обмундирование, вооружение и лошадь стоили в то время довольно дорого, иногда всем сельским обществом, коллективно, оказывали помощь односельчанину, желавшему служить в милиции. Например, хорошее седло стоило 3 коровы, хорошее кремневое ружьё – 7 коров³⁹³. Горцы, служа в российской милиции, одевались в свою национальную форму – черкеску, папаху, бурку и т.п. Интересно, что в 80-х годах XIX века был принят закон, по которому казакам Терского войска также было официально разрешено заменить форменные мундиры черкесками произвольных цветов, одинакового с мундирами покроя³⁹⁴.

Несение службы уроженцами Кавказа за пределами Терской области

Чеченцы несли службу не только в Терской области, но и в других регионах империи, а также воевали за рубежом. 22 июня 1906 г. депутат от Терской области Т.Э. Эльдарханов на заседании Гос.Думы выступил с заявлением на имя председателя I Думы кадета С.А. Муромцева. Основанием для заявления послужила полученная им телеграмма, где говорилось о найме чеченцев в качестве стражников для отправления в центральные губернии России. В телеграмме было сказано: «Чеченский народ не может позволить, чтобы руки их братьев обагрились кровью невинных русских граждан». В телеграмме содержался протест «против недостойного пользования невежеством и темнотой горцев». Т.А. Эльдарханова поддержали мусульманские депутаты, а также трудовики, кадеты и некоторые другие фракции Думы. Все они предложили предъявить запрос главе правительства о том, по чьей инициативе готовят из чеченцев «погромщиков мирных русских граждан», обещая им чины, почётную службу и знаки отличия, и намерен ли он принять меры к немедленному возвращению нанятых чеченцев и «прекращению преступной агитации»³⁹⁵.

Чеченцы служили в различных воинских подразделениях. В списке 4-ой сотни Кавказского Конно-горского полка значились: Чир Шотаев, Султан Гирей Алиев, Башир Махмутов, Сулан Бехаев, Караха Айдемиров, Мурдал Мукаев, Лягш Давкуров, Неси Ислан, Алиха Муреев, Дзага Арсамиков и Нана Алагаров³⁹⁶. Подпоручик Абдул Кадыр Султан Гиреевич Ахматов служил в 83 Самурском пехотном полку³⁹⁷. Для освоения напряжения в крае был создан полк из чеченцев для участия в подавлении польского восстания 1863–1864 годов. В состав полка были набраны лица, считавшиеся «наиболее беспокойными»³⁹⁸. Терские милиционеры участвовали в подавлении восстаний, конвоировали горцев при переселении в Турцию. Зачастую горцы сами изъявили желание участвовать в этих экспедициях, так как за такую работу больше платили и в условиях военного времени, можно было быстрее дослужиться до более высокого чина или получить награду, что также давало прибавку к жалованью. Объективно специфика военной службы определялась тем, что армия являлась инструментом государственного вооружённого насилия во внешней и внутренней политике, которое могло сопровождаться уничтожением людей, а также инфраструктуры, обеспечивающей

их повседневную жизнь и деятельность³⁹⁹. В 1861 году, когда на Западном Кавказе продолжались военные действия, горцы Терской области изъявили добровольное желание там воевать на стороне русских. Из Чеченского округа на войну отправились юнкера: князь Карасай Алхазов, Кадир Абаев, Узурхан Гамирзаев, а также всадники: Лечи Мимиев, Гучилука Хапчаев и Моска Аргунаев⁴⁰⁰. От Ичкеринского округа на Западном Кавказе воевали рядовые: Али Дебир Даджиев, Шамиль Шамхалов, Киха Алиханов⁴⁰¹.

Причин вступления чеченцев в ряды конно-иррегулярных полков было несколько и, чаще всего они носили чисто экономический характер. Во – первых, на глазах был показателен пример соотечественников, вступивших на военное поприще еще в период Кавказской войны. Достигая определенных чинов и знаний, они существенно поднимали свое хозяйство, став в скором времени крупными землевладельцами и предпринимателями. Во – вторых, это награды, которые гарантировали их обладателям пожизненную пенсию, возможность получения доходной должности, право носить оружие и другие привилегии, которые ставили их на один уровень с русским населением империи. Здесь показателен случай, когда после убийства Ш. Эльмурзаева у жителей Старого Юрта отобрали все оружие, оставив его только милиционерам и лицам, имевшим боевые награды. В – третьих, сама служба в армии давала чеченцам неплохую статью дохода, которую во многих случаях на скудных участках горских пашен получить было невозможно. Таким образом, причин для вступления в состав конно-иррегулярных полков было более чем достаточно⁴⁰².

В начале 70-х годов XIX века Россия начала усиленно готовиться к войне с Турцией. В связи с этим в одном из документов ставилась стратегическая задача: «Одной из первых мер в предвидении разрыва с Турцией, должно быть образование сколь можно многочисленной милиции из среды нашего мусульманского населения, в особенности горцев, и вывод их на театр военных действий»⁴⁰³. Хотя по закону Терская постоянная милиция могла состоять только из 11 сотен, её численный состав периодически менялся. В состав Терской милиции входили аульные старшины и их помощники, составлявшие земскую полицию. Кроме сотенного командира (с офицерским званием) в состав милицейских сотен входили юнкеры, урядники, всадники и писарь. Писарь направлялся из казачьих или регулярных войск. Кроме того, в каждой милицейской сотне должны были служить два человека (в крайнем случае, один),

владевшие русским языком и умевшие писать по-русски. Офицеры милиции носили на черкесках плечевые погоны и эполеты⁴⁰⁴.

Самое крупное сокращение милиции за 60-70-е годы XIX века произошло в 1865 году, когда горцы эмигрировали в Турцию. Затем её численность выросла до 14 сотен. Правительством предполагалось подкупать горцев, особенно чеченцев, эмигрировавших в Турцию, уже в ходе боевых действий, чтобы привлечь их в ряды русской армии. Как говорилось в одном из докладов: «На этот предмет вообще не следует жалеть лучшего средства – денег»⁴⁰⁵. Сбор сведений о путях сообщения и населенных пунктах, представляющих по современным понятиям элемент топографической разведки, являлся важной задачей. Эти сведения собирались на территории Европейской Турции, т.е. в районе предстоящих боевых действий⁴⁰⁶. Возможно, руководство предполагало также использовать чеченцев, эмигрировавших в Турцию, для сбора секретной информации за вознаграждение. В 1876 году, накануне русско-турецкой войны, из горцев Терской области был сформирован Терско – горский конно-иррегулярный полк⁴⁰⁷. За военные отличия многие чеченские офицеры и всадники были представлены к наградам⁴⁰⁸.

Чеченский конно-иррегулярный полк

25 января 1877 г. началось формирование Чеченского конно-иррегулярного полка. Начальник Терской области, с согласия командующего Кавказской армией, назначил командира полка, который в свою очередь, подбирал сотенных и взводных командиров. Командиром Чеченского полка стал Арцу Чермоев. Назначение на определенную должность имело вид своеобразной пирамиды: офицер самостоятельно должен был набрать по месту жительства определенное количество всадников. Отбор всадников и формирование полков возлагались на окружное начальство. Половину рядового состава предполагалось набирать из добровольцев, половину – по жребию. При нежелании идти на службу, всадник имел право выставить вместо себя другого. Однако число желающих служить было намного больше необходимого состава формируемых полков. В адрес начальства посыпались жалобы и прошения увеличить состав конницы.

Каждый полк имел свое знамя, сотенные значки, зурну и барабан. Трубачи, лекари, мастера-оружейники и прочий вспомогательный со-

став Чеченского полка был подобран из числа местных казаков, знавших язык, обычаи чеченцев. В Чеченский полк в первую очередь зачислялись лица от 18 до 40 лет, обладающие крепким здоровьем и имеющие полное боевое снаряжение – коня, сбрую, теплую одежду, а также, владеющие русским языком и грамотой, даже арабской. На последнее условие пришлось «закрывать глаза» – из 66 человек, набранных в Аргунском округе, насчитывалось всего 12 грамотных. Полное снаряжение всадника стоило от 150 до 1000 рублей. Большинство из призванных таких денег не имели. По просьбе личного состава главнокомандующий разрешил выдать в качестве аванса треть будущего жалованья, чтобы горцы смогли «снарядить себя всем необходимым к предстоящему зимнему походу». Каждому из нуждающихся казна выделила по 40 рублей жалованья и по 8 руб. 88 коп. на питание и фураж. Так, Чеченскому конно-иррегулярному полку было выдано 30 350 рублей серебром⁴⁰⁹.

Горцы достойно служили на фронтах Русско-турецкой войны и практически никогда не переходили на сторону противников, хотя те и были не только их единоверцами, но иногда и земляками, эмигрировавшими в Османскую империю. Пролитая за обладание Кавказом русская кровь, которой попрекали кавказцев, окупилась кровью горцев, пожертвованной как за собственную самодостаточность, так и за русское благополучие и славу, в борьбе с врагами России. Особенностью горцев в бою была их личная инициатива, смелость, самоотверженность. Горцы никогда не оставляли на поле битвы не только своих раненых, но даже и убитых и выносили их, несмотря на огонь противника. Устойчивым обычаем, заимствованным у горцев, стал вынос с поля боя тел погибших, какой бы ценой это не приходилось оплачивать. Солдаты и казаки приняли горский обычай не оставлять тела убитых в руках противника и часто ради этого, также как и горцы, несли чувствительные потери⁴¹⁰.

В одном из воззваний, распространённых среди горцев во время самого крупного за весь период после окончания Кавказской войны вооружённого восстания горцев в Чечне и Дагестане в 1877–78 годах против российских властей, говорилось: «Служащие из наших узденей в русских учреждениях продают ислам за чины, ордена и деньги, живут зажиточно, сильно поддерживают сторону русских»⁴¹¹. Действительно, в ходе подавления восстания были очень редки случаи перехода милиционеров на сторону восставших. Это не осталось незамеченным властями. Многие чеченцы получили ордена и медали за участие в подавлении восстания 1877–78 годов в Чечне и Дагестане⁴¹².

Чеченцы на службе у Шамиля и российского императора в годы Кавказской войны

В имамате Шамиля также действовала милиция, разделённая на сотни. Первым знаком отличия у Шамиля была серебряная круглая медаль, которую мог получить сотенный командир наибской милиции. На медали было написано по-арабски «За храбрость сотенному командиру». Следует заметить, что наряду с награждением за храбрость в имамате Шамиля существовало и так сказать «негативное» награждение, т.е. за «трусость». Тем, кто проявил в сражении трусость или малодушие, обшивали правый рукав черкески войлоком или пришивали на спину кусок материи – знаки, подчёркивающие неблагоприятный поступок. Эти знаки носили до тех пор, пока виновные не исправлялись, т.е. не отличались в бою. Орденами награждались и бывшие русские солдаты, бежавшие в горы. Например, перебежчик – драгун Нижегородского полка Родимцев за свои смелые действия был награждён имамом орденом «За храбрость»⁴¹³.

Многие горцы, воевавшие на стороне российской армии в годы Кавказской войны, получали не только медали, но и высшие имперские ордена. Получение некоторых из орденов давало право владельцу на потомственное дворянство и пожизненную пенсию. За отличия в ходе боевых действий прапорщик Минатула Ибрагимов 14 сентября 1841 года получил орден св. Станислава 3 степени. 27 апреля 1843 года прапорщику Абдул –Аджи Ибрагимову был вручён орден Св.Анны 4 степени. Мустафа Ибрагимов, дослужившийся до звания подполковника, был награждён орденом Св.Анны 4 степени (31 декабря 1851 года) с надписью «За храбрость»; орденом Св.Анны 3-й степени с бантом (7 октября 1853 года); орденом Св. Станислава 2 степени с мечами (8 декабря 1857 года). Сам Мустафа был княжеского происхождения⁴¹⁴. Знамена кавказским горцам жаловались очень щедро; так, с 1840 по 1845 год было пожаловано тринадцать знамен – и это при том, что части, как правило, насчитывали не более 300 человек! Надписи на знаменах говорили об отличиях, за которые они были пожалованы; причем на обратной стороне та же надпись была сделана на арабском языке; отличие же в основном состояло в покорности, преданности и усердии, а также в заслугах, «оказываемых постоянно в делах с непокорными горами»⁴¹⁵.

Многие мемуаристы отмечали высокий уровень корпоративной конкуренции среди кавказских полков. Одним из мощных двигателей

в Кавказской войне стала соревновательность между солдатами различных полков, занятых в одних и тех же операциях. Дело доходило до откровенной вражды, чем горцы не редко и пользовались. Однажды в базарный день в одном из сел возникла драка между чеченцами и солдатами Апшеронского полка. Прибежавшие на интригующий шум нижние чины Куринского полка бросились на помощь горцам, объясняя свое поведение так: «Как нам не защищать чеченцев?! Они – наши братья, вот уже 20 лет как мы с ними деремся!»⁴¹⁶.

Ежегодно на содержание Терской постоянной милиции казна отпускала 239250 рублей. 9 февраля 1871 года императором была утверждена смета расходов на содержание городских полиций в Терской области, по которой данные расходы были отнесены на счёт городских доходов. В 1893 году в Грозненском округе офицеры-горцы получали содержание: кадий Шатоевского горского словесного суда – прапорщик Абдул Кагир Абдул Кадыров – 300 рублей; помощник командира 6 сотни Терской постоянной милиции подпоручик Шерипов – 414 рублей; командир 6 сотни ротмистр У.Лаудаев – 649 рублей⁴¹⁷. За участие в русско-турецкой войне 1877-78 годов, горцы офицерского звания имели право на получение пенсии. Так, например, стали получать пенсии Джантемир Чериев и Ибит Арсамаков⁴¹⁸. Помимо этого, поощрялись материально и члены семей воевавших в Турции горцев. Дочь прапорщика Мачика Чепанова, по имени Дезик, жившей в селе Брагуны «... за усердие и преданность отца Русскому правительству» выплачивалась пенсия, размером 7 рублей 50 копеек, до выхода девушки замуж. Дочерям майора Баты Шамурзаева, до их выхода замуж выплачивалось 262 рубля. Мулла Карнуко Центро, из селения Гойты «За услуги и преданность правительству» получал пенсию в 75 рублей⁴¹⁹. По данным за 1895 год, около 100 чеченских офицеров и чиновников от царского правительства получали в качестве поощрения их службы более 10000 десятин лучшей земли в Терской области⁴²⁰. Горцы, служившие в российских войсках и нарушившие закон, отбывали наказание в военно-исправительных ротах.

Правовой статус постоянной горской милиции за время ее функционирования определенным образом менялся. Так, милиционеры, получавшие жалованье надсмотрщиков лесов, на основании Указа от 30 декабря 1869 г., были исключены из состава сотни, т.к. по этому Указу горские округа переводились на общегражданское управление. Менялась и ведомственная подчиненность горской милиции. В 1871 году ее дела из Кавказского горского управления были переданы в штаб Кавказ-

ского военного округа. В 1913 году горская постоянная милиция была существенно реформирована. Постоянная милиция в Терской области была упразднена, а вместо нее сформирована охранная стража, аналогичная земской страже центральных губерний империи⁴²¹.

Вопрос о Терской постоянной милиции поднимался в III Государственной думе. В Главном управлении казачьих войск был разработан проект преобразования этой милиции в Терскую полицейскую стражу, которая состояла бы в основном из казаков. Если милиционеру платили не более 240 руб. в год, то стражнику намеревались положить от 300 до 430 рублей. Появление вместо милиции полицейской стражи совпало с некоторым обновлением администрации Терской области. Казаки стали составлять до 90% Терской полицейской стражи⁴²².

ГЛАВА IV. МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ

Европейское миграционное движение в XIX веке

Имперская «национальная политика» никогда не строилась на игнорировании этничности. Напротив, можно лишь говорить о различных формах ее использования – от демонстративной «глухоты» к национальным различиям до жестокой избирательности, опирающейся на эти различия. Подобная этническая избирательность обеспечивает достижение различных локальных задач – от «разбавления» проблемных туземных территорий лояльным населением до поддержания определенного уровня доминирования и гомогенности в преимущественно русских районах. В то же время этническая чересполосица вкупе с аграрным перенаселением и далекими от разрешения земельно-сословными противоречиями оказывается серьезной угрозой для всей имперской конструкции региона. В острых межгрупповых противоречиях самодержавное государство стремится поддержать, прежде всего, казачество как свою ключевую социальную и военную опору и вытеснить горское население с его исконных территорий⁴²³.

Эмиграция как общественно – экономический феномен – это, как правило, следствие драматических событий, сопряжённое с острыми социально – психологическими коллизиями, зачастую обретающими трагический оборот. Недаром уже в древних Афинах самым тяжёлым наказанием, применявшимся крайне редко, был ostracism – изгнание из города провинившегося лица по решению народного собрания. Эмиграцию можно разделить на компактно-массовую (одновременный исход большой массы людей из страны обитания через определенные пункты – морские порты, крупные железнодорожные узлы и т.п.), дисперсно-массовую (исход большой массы людей разрозненными группами), и индивидуальную – разными путями, через различные пункты⁴²⁴.

В период 1840-1900 гг. эмиграция из Европы приняла такие большие размеры, что стала сильно влиять на понижение прироста населения. В некоторых странах количество эмигрантов составляло половину естественного прироста населения. На первом месте среди стран, поставлявших эмигрантов из Европы, стоит Соединенное королевство. Надо сказать, что не только ирландцы составляли контингент эмигрантов. Огромные массы англичан также покидали свою родину, рассчиты-

вая найти за океаном лучшие условия существования. На втором месте стоит Германия, которая за 60 лет дала почти 5 млн. человек, покинувших свои родные края. Далее идет Россия. За Россией следует Италия, Австро-Венгрия и Испания⁴²⁵.

Английская эмиграция

Английская эмиграция была одновременно результатом личных свобод и стимулом к развитию и обогащению национального характера. Заморские территории Британии создавались свободным избыточным и активным населением, осознающим свои гражданские права и обладающим даром оформления, практического освоения новых земель. Именно эмиграция – а не только имперская политика Британии – привела к всемирной культурной экспансии английского языка и английской культуры. В 1820-х гг. Англию покинуло 250 тыс. человек, к 1830 г. это число увеличилось до полумиллиона, а к 1850 г. – до полутора миллионов человек⁴²⁶. Следует отметить, что, несмотря на крайне незначительное число реально эмигрировавших в страны Азии и Африки англичан, требование о расширении поля для эмиграции было постоянным. Еще в феврале 1870 г. королеве Великобритании Виктории была подана петиция 100 000 английских рабочих. Согласно тексту петиции рабочие были обеспокоены тем, что королева «советует отказаться от колоний, имеющих миллионы акров земли, которые могли бы быть использованы с прибылью и для колоний, и для нас самих, как область для эмиграций...»⁴²⁷.

Переселение немцев

Внутриполитические и социально-экономические преобразования в Германии во второй половине XIX века и, прежде всего преодоление раздробленности и образование единого государства – изменили отношение германского правительства к эмигрантам. Массовая эмиграция давала возможность решать внутренние проблемы, были приняты новые эмиграционные законы, значительно расширяющие права эмигрантов. Закон 1867 г. о паспортах позволял выезжать без дополнительного разрешения администрации. В соответствии с законом 1870 г. о потере и приобретении гражданства вводилось двойное подданство. На основании

закона 1880 г. о колонизационных кредитах стало возможным получение финансовой помощи. Для поддержания культурных, духовно-нравственных связей со своими подданными вне Германии создавались различные общества и учреждения. В их программы были включены пункты о пропаганде германизма вне Германии и мирового объединения немцев, об осуществлении и поддержке всех общенемецких интересов⁴²⁸.

Тысячи немцев приняли решение переселиться в Российскую империю. Особенно их привлекал благодатный Юг России. Если в 1858 году на Северном Кавказе было 2,7 тыс. немцев (0,1% непрерывно растущего численно населения), то в 1897 году их численность достигла 39,5 тысяч. На Северном Кавказе земля была значительно дешевле, чем на Волге и Причерноморье. За одну десятину там платили от 40 до 150 рублей. На Волге и Причерноморье десятину стоила уже 300-700 рублей. Поэтому целые семьи переселялись на Северный Кавказ. Причиной переселения немцев в Хасав-Юртовский округ Терской области была в основном острая необходимость расширить свои землевладения. В немецких общинах старший сын был наследником земельного участка отца. Но семьи в основном были многодетными, и родители считали своим долгом обеспечить земельными участками и других сыновей.

Среди созданных в регионе немецких поселений, а именно в Хасав-Юртовском округе, преобладали хутора с численностью населения от 100 до 300 человек – такие как Аграхан, Николаевка, Туршунай, Романовка и др. Не считая нескольких поселений немцев образовавшихся в Хасав-Юртовском округе до начала XX века, главный поток немцев-переселенцев возник в первое десятилетие XX века. В 1902 году в Хасав-Юртовском округе проживало не менее 10 000 переселенцев – русских, украинцев, немцев. Немцы-переселенцы вскладчину собирали деньги и заключали договор на аренду казенной земли. Крестьянский поземельный банк ссужал деньги в кредит товариществам крестьян в случае покупки ими частновладельческой земли.

Переселение сопровождалось развитием законодательства, регулирующим этот процесс. 6 июня 1904 г. был издан новый закон о «...добровольном переселении сельских обывателей и мещан-землевладельцев на казенные земли». Этим законом было установлено сравнительно благоприятное отношение администрации к переселениям. Принятые государством законодательные и нормативные акты предоставили крестьянам-переселенцам некоторые льготы: пособия, льготные условия проезда по железной дороге, ссуды, открыли более

широкие возможности для переселенческого движения. Поток переселенцев нарастал с новой силой.

Немцы привнесли новую аграрную культуру на Кавказ. Самый высокий уровень агротехники был присущ немцам-колонистам. Современники отмечали у них стремление положить в основу сельского хозяйства научные достижения. В необходимых случаях они обращались к лучшим германским и австрийским профессорам за консультацией. Российские немцы регулярно выписывали журналы по ведению сельского хозяйства, семена новых сортов лучших сельскохозяйственных культур⁴²⁹.

В последней четверти XIX – начале XX в. из России за рубеж направился поток экономических переселенцев: безземельных крестьян, ремесленников, неквалифицированных рабочих. Всего за период с 1861 по 1915 г. Россию покинуло 4200 500 человек, в том числе почти 2,6 млн. – в первые 15 лет XX века. Следует отметить, что большинство эмигрантов из России не были этнически русскими. Более 40% эмигрантов составляли евреи. Около 30% российских эмигрантов были поляками, остальные распределялись между литовцами, финнами, немцами и русскими. Не все мигранты приживались на новых землях, а наряду с иммиграцией иностранных граждан с начала XX в. получает развитие и реэмиграция российских граждан, главным образом, русских. Они возвращались «не солоно хлебавши», но с яркими впечатлениями и опытом заграничной жизни. Таким образом, в XIX в. происходило постепенное увеличение количества россиян, покидавших пределы империи, что особенно заметно с 1840-х годов⁴³⁰. В конце XIX века в России возникла идея пополнить русскую казну за счет денежных поступлений от сезонных заграничных заработков крестьян. Осуществлению этого благоприятствовал закон 1897 года, по которому выдавались бесплатные 8-месячные паспорта для выезда за границу на заработки. Но законом этим могли воспользоваться лишь крестьяне, проживавшие в местностях, расположенных не дальше, чем за 21 версту от границы Российского государства⁴³¹.

По данным переписи 1897 г. нельзя точно определить размеры эмиграции населения из России. По примерным подсчетам, в последние десятилетия XIX в. число эмигрантов из Российской империи и долгосрочно отсутствовавших русских подданных составляло 769 тыс. человек, из которых в США проживало 444 тыс., в Англии – 50 тыс., в других зарубежных странах Европы – 35 тыс. человек, в странах Азии – 30 тыс., в Канаде – 23 тыс., в Аргентине – 10 тыс., в Бразилии – 9 тыс., Южной Африке – 6 тыс. человек и т.д.⁴³².

Массовая еврейская и польская эмиграция

Отток населения определенной этнической принадлежности свидетельствует об уменьшении и даже исчерпании возможностей для взаимной межэтнической адаптации. Первоначально, этническую миграцию осуществляют наиболее обеспеченные и социально активные члены, которые, не дожидаясь прямых угроз и действий, покидают территорию проживания. Располагая определенными материальными возможностями, эти члены диаспоры предпринимают более или менее безболезненный переезд на новые территории, имея при этом возможности жизненного обустройства. Основная же масса переселенцев вынуждена участвовать в миграции, которая имеет залповый ритм и эвакуационный характер⁴³³.

В 1870-е гг. евреи, стиснутые в «черте оседлости», стремились вырваться «на волю», к лучшей жизни. Некоторым удалось совершить «прорыв за черту» на восток, во внутренние губернии России; другие выбрали Запад, где средневековых ограничений для евреев уже не существовало. «Ответом» на кризис начала 1880-х гг. стал массовый исход евреев из России. Эмиграция стала важнейшим фактором в жизни евреев Российской империи в течение последующих трех с лишним десятилетий. В 1881-1914 гг. страну покинули 1 млн. 980 тыс. евреев (остались 5 млн. 250 тыс. чел.), из них 1 млн. 557 тыс. (78,6 %) эмигрировали в США. Лишь немногие уезжали в Палестину; другими направлениями эмиграции стали Аргентина, европейские страны, Южная Африка. Еврейская эмиграция приветствовалась правительством, видевшем в ней разрешение «еврейского вопроса». Министр внутренних дел Н.П. Игнатьев заявил в январе 1882 г., повторяя слова киевского военного прокурора В.С. Стрельникова: «Западная граница России для евреев открыта». Но в то же время, евреям, покинувшим Россию, было запрещено возвращаться обратно⁴³⁴.

В марте 1890 г. генерал-губернатор северо-западных губерний Российской империи обратился к министру внутренних дел с письмом, в котором выразил свою озабоченность непрекращающимся движением людей, направляющихся в Америку через границы Российской империи. Эмигрантами были евреи и польские крестьяне. Первые для правительства «не представляли большого интереса»: синий карандаш министра приписал после слова «еврей» одну фразу: «тем лучше». Перемещения же поляков вызвали большую озабоченность. Согласно некоторым дан-

ным, в первые годы XX в. около 8 % польского населения покидали страну ежегодно. Массовое перемещение людей через границу стало источником целого ряда проблем – здесь можно вспомнить о безопасности границ империи, об ее отношениях с соседними странами, о потере людских ресурсов и даже о затруднениях в работе консульских отделов, возникавших в результате попыток эмигрантов вернуться домой (а это желание возникало у многих). По крайней мере, по словам одного чиновника, подобные массовые перемещения граждан для России «прискорбны, потому что выставляют ее в невыгодном свете в глазах остального мира»⁴³⁵.

С 1881 по 1914 г., был период непрекращающейся еврейской эмиграции из Восточной Европы в Соединенное Королевство. Большинство переселенцев прибывало в Англию из Польши и России. В это время, по меньшей мере, 120 тыс. восточноевропейских евреев обрели новый дом в Великобритании, фактически удвоив ее еврейское население. Такое увеличение численности населения едва ли могло пройти незамеченным, и британское общество, как еврейское, так и не еврейское, в течение всего этого периода нервозно относилось к непрерывному потоку иммигрантов. Кроме того, Великобритания выступала в качестве «перевалочного пункта» на пути в Новый Свет, и усиление миграции на запад вызывало толки и страхи среди местного населения. В 1905 г. правительство Великобритании приняло ограничительный законодательный документ – «Акт об иностранцах», препятствовавший в какой-то мере увеличению потока беженцев в Соединенное Королевство⁴³⁶.

Выселение из Турции казаков и переселение туда горцев

В конце XIX в. казачьи формирования и привилегии казаков-некрасовцев в Турции были упразднены. За освобождение от воинской повинности казаки стали платить большой налог. Затем последовал приказ о введении в казачьих школах преподавания на турецком языке. После продажи с аукциона казачьих земель положение некрасовцев стало безвыходным. Они стали возвращаться в Россию. Казаки-некрасовцы по праву считаются уникальным явлением, не имеющим аналогов в мировой истории, поскольку, прожив в Турции 250 лет, им удалось сохранить в первозданном виде казачью культуру, образ жизни, традиции народной педагогики, патриотический настрой⁴³⁷. Правительство султанской Тур-

ции возлагало большие надежды на переселенцев с Кавказа «для сплочения своей распадающейся империи». Также правительство Турции желало продемонстрировать, что оно является покровителем мусульман, в том числе и российских, которых у себя на родине «притесняют русские христианские власти»⁴³⁸.

Отток северокавказского автохтонного населения в Османскую империю после окончания Кавказской войны одной из причин имел именно то, что многие горцы не видели для себя надежных социальных ориентиров. Оказавшись в контексте иной правовой, политической, религиозной и т.п. культуры, не имея надежных ресурсов сельскохозяйственного характера, они или покидали родину, или замыкались в узко этнических сельских обществах, или предпочитали формы деятельности, позволяющие сохранять жесткие корпоративные связи. Иными словами, горцы сохранили те поведенческие стереотипы, которые не оставляли особых надежд на то, что они смогут найти свое место в процессе модернизации⁴³⁹.

В своем отношении министру иностранных дел А.М. Горчакову главнокомандующий Кавказской армией А.И. Барятинский писал, что многочисленные переселения кавказских горцев в пределы Турции и прием их в подданство Порты, начавшиеся даже без согласия правительства, дают право «воспользоваться настоящими благоприятными обстоятельствами и настроением умов славянского населения Турции». Переселение христиан на Кавказ большими массами, считал он, имело бы важное историческое и государственное значение относительно окончательного и прочного утверждения на Кавказском перешейке; что нельзя даже предвидеть «всех выгодных для государства последствий, которые могли бы произойти от совершенного успокоения здешнего края». Представляет интерес и резолюция, поставленная царем на этом отношении: «Дело это обсудить на Кавказском комитете. Переселение вообще славян на Кавказ считаю мыслью весьма полезною». Но Кавказский комитет дал разрешение на поселение только 100 семей, т.к. это требовало больших затрат от государства. Турецким христианам неславянского происхождения, т.е. грекам и армянам комитет разрешил переселиться, если на это не потребуется денежных средств⁴⁴⁰.

Российское и турецкое правительство после завершения Кавказской войны фактически осуществили «обмен» – вместо покинувших родные края горцев, переселявшихся в Османскую империю, на Северный Кавказ прибыли тысячи армян и греков. Если до середины XIX в. на Северном Кавказе поселялись преимущественно кавказские и

персидские армяне, то с конца этого века большинство переселенцев прибывало из армянских областей Османской империи, где начинались масштабные преследования армян в ответ за их про-российскую ориентацию. К началу XX века число армян увеличилось на несколько порядков. По данным Всесоюзной переписи населения 1926 г., в Северо – Кавказском крае армяне по своей численности (162 186) уступали лишь русским – 3,8 млн., украинцам – 3,1 млн. (украинцами себя называли большинство казаков) и чеченцам – 296 282 человека⁴⁴¹. После Крымской войны и до начала Русско – турецкой войны 1877-78 гг. произошло переселение болгар в Южную Россию. Новые поселенцы освобождались «на 25-летний срок от платежа в казну всех вообще податей и отбывания рекрутских и других повинностей, под какими бы они наименованиями не существовали».

По данным английского автора Дж. Мак Карти, в результате всех миграций северокавказцев из России и Балкан мусульманское население Анатолии с 1878 по 1911 гг. возросло на 50%. Естественно, что появление такого количества бездомных, обездоленных людей, которые шли на все, чтобы не умереть от голода, вызывало страх и панику у местных жителей. Желание турецкого правительства поселить 40000 кавказцев в районе Алабаза вызвало протест со стороны проживавших там армян, греков, турок. Имелись случаи обращения христиан за помощью к британскому консулу, послам европейских стран в Стамбуле, а также к великому визи-рю. Что касается английских семей, проживавших в Османской империи, то в целях их безопасности, правительством было предложено британско-му послу в Стамбуле направить военную эскадру для защиты подданных Королевства от «преступных группировок черкесов и татар»⁴⁴².

Переселение – как последствие вооруженных конфликтов

Сопоставим историю Кавказа с историческими процессами, происходившими на Руси. Наблюдалась ли массовая миграция населения, в ходе завоевания ее территории, в России? Покорение Руси Золотой ордой принесло тяжелые испытания. Ордынцы требовали дани в размере десятой части во всем, в том числе регулярно уводили людей. Население спасалось массовой миграцией. Доля городских жителей упала после похода Батые с 13 до 1-2%. Количество жителей стольного города Владимира сократилось в 50 раз. Прежние пашни оказались заброшенными.

Малодворная деревня (главным образом однодворная) стала основным типом сельского поселения. Население выживало, приспосабливаясь к новым условиям. В России за многие века сложилась и укоренилась переселенческая культура, а культура народа, как известно, живет в веках даже после исчезновения причин, породивших народные традиции⁴⁴³.

Насильственное переселение чеченцев практиковал в своем государстве и имам Шамиль. С целью обезопасить караванный путь из Дагестана в Ичкерия и Ведено, Шамиль, по определению которого харачоевцы – «неисправимые разбойники», решил «принять последнюю меру» и выселил жителей чеченского селения в разные места Дагестана. И с тех пор, по свидетельству самого имама, «разбои на дороге совсем прекратились». Однако возникло другое затруднение для торговцев. После выселения харачоевцев, на протяжении всего пути из Дагестана в Чечню, не оказалось ни одного обжитого места, необходимого проезжающим для остановки. В связи с этим участились обращения к имаму заселить вновь Харачой его выходцами и уроженцами других сел. Шамиль вынужден был дать разрешение, и Харачой «опять заселили». Но это случилось уже накануне падения самого Имамата⁴⁴⁴.

В XIX веке многие западные политики обвиняли Россию в применении варварских, азиатских методов в управлении подданными. Тенденция определения России не как Восточной Европы, а как Азии родилась во Франции. Первым идеологом, считавшим, что русский народ, а потому и вся русская культура не имеет ничего общего с Европой и что место России в Азии, был известный французский историк – либерал Анри Мартон (1810-1885), выпустивший в 1865 году свою книгу «Россия и Европа». В этом труде французский ученый утверждал, что русские принадлежат к тюрко – алтайскому типу, что они лишь внешне похожи на европейцев, но ни имеют с ними ничего общего. Позднее эта теория вылилась в придании России качества враждебной силы, противостоящей Западу, обоснованием чего стало утверждение о расовой инаковости русского этноса из-за якобы тотального смешения с монголо – татарами.

С формальной стороны такое действие было необходимо с точки зрения расширения своей экспансии за счет России, превращения ее в колонию, стремление в глазах общественности «цивилизовать» азиатский народ. Необходимо было легитимировать эту экспансию Запада, европейцам представлялось, что посредством мифа о «русской азиатчине», можно было достигнуть своих корыстных целей⁴⁴⁵. Наши соотечественники, побывавшие в Европе нередко также критиковали

«цивилизованность» российского общества. Так В.П. Боткин, в своем письме к Н.А. Некрасову писал: «...вся Европа, любезнейший, смотрит на русского чуть ли не как на людоеда. Ты ведь не путешествовал по Европе, а мы в ней жили и не раз испытывали стыд, что принадлежим к дикой нации»⁴⁴⁶.

Однако если внимательно изучить историю Древней и Средневековой Европы, то мы увидим также много «дикого» и «варварского». По всему остальному миру к европейцам в то время относились как к воинам – кочевникам, своего рода татаро – монголам. Те правили из седла, европейцы – с палуб кораблей. Когда в XII и XIII в. европейцы отправились на Восток в крестовые походы, они встретили людей, превосходивших их по уровню культуры, искусства, дипломатии, технических познаний. Народы более высокой культуры оказались бессильными перед пушками захватчиков. Так, например, китайцы открыли порох в X веке и отлили первую пушку в середине XIII века. Но они чувствовали себя в такой безопасности, что, начиная с середины XVI века, вовсе отказались от участия в «гонке вооружений» и недостаточно внимания уделяли охране своих границ⁴⁴⁷.

Около пяти миллионов коренного американского населения жило на земле, которая сегодня называется Соединенными Штатами. В начале XIX в. оставалось еще полмиллиона. В 1891 г., в год «Раненого Колена» – последнего «великого избиения» индейцев в Соединенных Штатах – коренное население достигло самой низкой отметки: четверть миллиона, или 5 % от первоначального числа индейцев. Некоторые считали, что по гуманистическим причинам аборигенов надо защитить, переселяя их в удаленные места – а затем, точно по «чистому совпадению», можно занимать их плодородные земли и использовать их для себя. Геноцид стал считаться неизбежным побочным продуктом прогресса. Мессианская доктрина американской элиты о превосходстве США в отношении всего мира связана с мировоззрением «отцов – основателей» этого государства. Дж. Вашингтон называл новорожденную республику «поднимающейся империей». «...Я всегда с почтительным изумлением размышляю о заселении Америки, – писал Джон Адамс в 1765 году, – как о начале великого плана и промысла Всевышнего, имеющего целью просвещение и освобождение поработенной части человечества...»⁴⁴⁸.

Британская парламентская комиссия, основанная в 1870 г. для исследования причин несчастий, обрушившихся на туземные народы, пришла к выводу, что европейцы незаконно отобрали туземные терри-

тории, сократили численность населения и подорвали привычный для него образ жизни. Было сделано заключение: «Грубая жестокость и несправедливость были основной причиной вымирания местных племен». В качестве прямого следствия работы комиссии было создано Общество защиты аборигенов, чьей целью стало положить конец уничтожению туземных народов. В течение XIX столетия эта организация вела борьбу против геноцида малых народов, встречая активное сопротивление⁴⁴⁹. Обретение «культурного суверенитета», является долгом каждого представителя того или иного этноса. На данном утверждении базируется евразийская теория «обязательного права». Она исходит из «гуманитарно – идеологической» посылки, что каждый этнос, являясь носителем культурного своеобразия, обязан сохранить его, поскольку только «цветущая сложность» культурного поля Земли обеспечивает «единство и многообразие». Последнее и является формой единства человечества⁴⁵⁰.

Серьёзными последствиями победы России в многолетней Кавказской войне стали усиления эмиграционных настроений среди побеждённой части горских народов и собственно эмиграция. Победители нисколько не возражали: прямо или косвенно они сами подталкивали горцев к эмиграции, причём не только «кнутом» (политическими и религиозными притеснениями, ограничением крепостного права и другими вмешательствами в социальную иерархию горского общества), но и «пряником», например оплатой транспортных расходов⁴⁵¹.

Трагичным и губительным было массовое переселение народов Северного Кавказа в Османскую империю. Оно резко изменило демографическую карту Северного Кавказа, сказалось и на социально – экономическом развитии всего региона, разрушив его традиционную специфику и способствуя его колонизации русским, христианским населением (главным образом казаками)⁴⁵². Характерно, что российская наука (в лице военных статистиков конца XIX в. А. Макшеева, Н. Обручева и В. Золотарева) разработала специальную доктрину, имевшую «пальму первенства» в обосновании «территории благонадежности». Эта концепция предполагала территориальную дифференциацию населения по признакам «благонадежности» (к этой группе относилось преимущественно славянское население) и «неблагонадежное» (евреи, немцы, поляки, народы Кавказа и т.д.). Только те районы считались благонадежными, где русское население составляло более 50 %⁴⁵³.

Изучение массовых переселений и русской колонизации Северного Кавказа очень долго оставалось под негласным запретом. В силу офи-

циальной советской установки о «добровольном вхождении» восточных окраин в состав России и солидарности их трудящихся с русским народом историческое исследование массового бегства из «братской» России горцев – мухаджиров не приветствовалось. Кроме того, в условиях «железного занавеса» сбор материалов о северокавказских эмигрантах на зарубежном Ближнем Востоке для подавляющего большинства отечественных ученых был попросту невозможен. Положение резко изменилось только в последние десятилетия⁴⁵⁴.

Применение различных способов подталкивания чеченцев к эмиграции за пределы Российской империи

В 60-е годы XIX века российскими властями было спровоцировано и организовано массовое выселение чеченцев в Турцию. Генерал М.Т. Лорис – Меликов разворачивал среди горской верхушки провокационную деятельность, вербуя массы за уход в Турцию. Он сам запрашивал в Штабе главнокомандующего у генерала Карцова о присылке ему образцов текстов турецких прокламаций, распространявшихся ранее турецкими агентами в Черкессии, чтобы, размножив их в местной типографии, агитировать чеченский народ этими турецкими фальшивками. В письме Лорис – Меликова к генералу Карцову об этом говорится следующее: «Хотя и трудно ожидать, чтобы можно было возбудить охоту к переселению в добрых наших чеченцах собственно одной этой прокламацией, но все-таки не мешало бы прислать мне несколько экземпляров для распространения в населении». Народ обманывали, его оплели сетями административного заговора. Начальник Среднего военного отдела князь Туманов, которому было поручено прямое выполнение директивы («отклонять» чеченцев от переселения в Турцию), писал М.Т. Лорис – Меликову: «Первым и непременным условием к возбуждению в чеченцах желания переселиться в Турцию полагаю не обнаружение, что желание это исходит от правительства. В противном случае чеченцы, по свойственной им недоверчивости ко всякой правительственной мере, могут заподозрить правительство в намерении переселить все население Чечни в Турцию; а потому или заявят о желании всех на переселение, или же останутся на своих местах в выжидании насильственного выселения, ... следовательно, все это должно оставаться в глубочайшей тайне; от нашего умения будет зависеть без кровопролития или особых неурядиц довершить великое...»⁴⁵⁵.

На мусульман Дагестана и Чечни большое влияние оказывали письма с призывами к переселению, которые распространяли в 1860-1880-е гг. агенты османского правительства, российские власти и участники джихада времен Кавказской войны и восстания 1877 года. Ученик уехавшего в Стамбул Джамалуддина Казикумухского, известный накш-бандийский шейх Абдурахман Согратлинский написал в конце 70-х гг. на арабском языке сочинение о хиджре. В своем трактате он выступил за массовую эмиграцию мусульман с Северного Кавказа. По мнению шейха, когда мусульманские земли попадают под власть немусульманских правителей, а правоверные уже не могут выполнять свои религиозные обязанности и нет надежды восстановить права ислама при помощи гавата, каждый мусульманин обязан покинуть эту территорию⁴⁵⁶

В отличие от черкесов, вынужденных эмигрировать в ходе Кавказской войны, мухаджирское движение на Северо – Восточном Кавказе развивалось в условиях мирного времени. Больше всего в переселенческом движении были заинтересованы правящие круги. В результате эмиграции десятков тысяч горцев были освобождены большие пространства плодородных земель, автоматически становившиеся собственностью казны. Западная Европа осуждала инспирированное Россией выселение горцев в Турцию. Многие российские деятели высказывались против выселения, но к их мнению не прислушивались⁴⁵⁷. В 1870-е гг., среди российских чиновников вновь стали активизироваться сторонники массовых выселений. В это время некий Г. Буткевич подготовил план полного выселения горского населения с Северного Кавказа. Буткевич разделил горцев на менее или более опасных для государственных интересов России. Он предлагал выселить с Кавказа наиболее опасных, к которым он относил западных адыгов, кабардинцев, чеченцев и народы Дагестана. Менее опасными, по мнению Г. Буткевича, были тюркоязычные балкарцы и карачаевцы, а также принявшие крещение осетины. Г. Буткевич замечал: «...Что же касается чеченцев, самого фанатичного, неблагонадежного и разбойнического населения на Кавказе, занимающего богатейшую во всех отношениях часть Терской области, то крайне необходимо и желательно поголовное их выселение и при том, если бы оно не состоялось добровольно, следовало бы употребить для этого силу». Однако в 70-е годы подобные идеи не находили особого сочувствия у российских властей в Тифлисе и Петербурге⁴⁵⁸.

Переселение, даже добровольное, было большим испытанием для людей. Особенно во время переселения были страшны людские поте-

ри. В ходе переселения погибло около 40000 горцев Терской области, что составляло чуть менее половины всего выселившегося их состава. С 1 января по 1 сентября 1901 года из одной только Терской области в Турцию выехало 1850 семей. Оставшиеся в живых, возвратившись на родину, оказались без имущества и родовых земель. Они часто поселялись вне пределов своих этнических границ. Сотни поселений коренных жителей Кавказа были разорены, опустошены и уничтожены. В памяти народной навсегда закрепилось негативное отношение к царским властям, разлучившим их с родиной⁴⁵⁹.

Большой вклад в изучение проблемы выселения внес А.П. Берже. Его главная работа «Выселение горцев с Кавказа», опубликованная в двух номерах журнала Русская старина» за 1881-й и 1882 г. является обобщающим исследованием по данной проблеме. Автор использовал в ходе работы большое количество архивных материалов. А.П. Берже признает, что сведения о количестве официально выселенных неточны. Берже пишет, что при усилившемся выселении «счет переселенцев производился не с научной, а с гуманной целью уменьшить размеры бедствий переселенцев»⁴⁶⁰. Через всю работу Берже проходит мысль о «гуманности царизма». Оправдывая царизм, А. Берже пишет: «Наше правительство, очевидно, никогда не думало изгонять горцев...но желало лишь окончания тяжкой войны на Кавказе»⁴⁶¹.

Во многих частях мира колониальная экспансия сопровождалась массовым вытеснением населения. По мере овладения новыми территориями коренное население изгонялось, а землю захватывали новые поселенцы. Многие покидали родные места в результате целенаправленной государственной политики. Причиной перемещения для большей части населения являются невыносимые условия жизни, неуверенность в завтрашнем дне и нищета. Почти все эти люди испытывали огромные лишения⁴⁶². В широком смысле депортация – это принудительное перемещение значительной массы людей. Смыслом депортации, как макротехнологической операции является выживание власти как таковой, утверждение необходимой для этого выживания неограниченной возможности перемещение людских масс, либо, в известных случаях, профилактика негативных, потенциально опасных с точки зрения власти, событий или состояний («превентивное насилие»). Иными словами, депортация как технологическая операция всегда следовала логике прежде всего властной, а затем уже политической и экономической⁴⁶³.

Внутренняя миграция населения на Кавказе

В конце XVIII – первой половине XIX века передвижение горцев в основном было ограничено пределами Северного Кавказа – это был период так называемой внутренней миграции. Уже в конце XVIII века Россия начала использовать внутренние миграции горцев как часть своей политики в этом регионе. Так, в 1782 году часть чеченцев была переселена ближе к реке Сунже и Тереку. Внутренние миграции в это время носили как добровольный, так и насильственный характер. Видом насильственной внутренней миграции стало расселение горцев, попавших в плен к русским властям в ходе военных операций Кавказской войны. Согласно разработанному главнокомандующим Отдельным Кавказским корпусом генерал-адъютантом, князем Михаилом Семеновичем Воронцовым, наместником Кавказа (1844-1854) «Правилам о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев» (1847), горских пленных главным образом поселяли на Дону или во внутренних губерниях Российской империи⁴⁶⁴. Генерал – майор Ильинский, начальник Владикавказского военного округа 10 января 1851 г. ходатайствовал в обращении к Председателю земельного комитета генерал – майору барону Вревскому о выселении чеченцев, проживающих в Тагаурском и Назрановском обществах. В то же время предлагалось ингушей наделить землей в Малой Чечне, переселив их из Владикавказского округа. В ноябре 1857 г. было принято решение о выселении чеченцев из Малой Кабарды⁴⁶⁵.

С конца XVIII в. переселение в Турцию мусульман с бывших османских и сопредельных территорий становится постоянной практикой. В Османской империи было размещено около 300000 татар из Крыма. Это был первый случай большой миграции населения, осуществляемой Османским правительством. В 1856 г. Россия и Османская империя заключили соглашение о порядке переселения части адыгских племен. С марта 1857 года начал действовать закон, предоставлявший мухаджирам определенные льготы⁴⁶⁶.

Переселенческую политику практиковал и Шамиль. Известны многочисленные случаи переселения им жителей чеченских аулов вглубь Ичкерии в противовес аналогичной политики русских. Подобные крайние меры, предпринимавшиеся Шамилем, были, однако, выгодны и русским, по меньшей мере, в двух отношениях. Во-первых, освобождались новые земли для военных квартир, а при возможности и

для водворения русского населения. Во-вторых, переселение Шамилем жителей Чечни в горы усиливало и без того высокое демографическое напряжение в Ичкерии, – сведения о котором находим мы в одном из царских документов⁴⁶⁷.

Мухаджирство

Мухаджирство, будучи формой насильственной эмиграции, близко по своей социальной сути депортации. Политика выдавливания, искусственного создания невыносимых условий совместного проживания, агрессивность инонационального окружения, явное и неявное преследование, ограничения в правах и т.п. сродни депортации по содержанию. Причём, если депортация носит одномоментный характер, то мухаджирство растянулось на десятилетия, оборачиваясь практически равными последствиями для национального самоощущения и самосознания. И у мухаджиров, и у переселенцев, оказавшихся за границами своих национально-территориальных образований и утративших социальный статус и гражданские права, главным индикатором национального самосознания стал мотив защиты. Обиды прошлого (Кавказская война), ошибки настоящего, передаваясь из поколения в поколение, привели к формированию у кавказских народов этностатусной неудовлетворённости, став вневременным источником межнациональной напряжённости⁴⁶⁸.

За мотивами принудительных миграций стоит то или иное сочетание политических и прагматических факторов. Политические мотивы – предотвращать восстания, рассекать недовольство, ослаблять или гасить протест, делать более или менее однородными районы выселения⁴⁶⁹. Различия между «добровольной» и «вынужденной» миграцией провести непросто: иногда эти виды миграций неотличимы друг от друга. Перемещение беженцев часто происходит внезапно и в стрессовых ситуациях, представляющих угрозу для их жизни. Имея тенденции приобретать массовый характер, такое перемещение, как правило, сопряжено с утратой средств к существованию и общественного положения.

В то же время перемещение может выявить новые неожиданные возможности, и некоторые мигранты в состоянии ими воспользоваться. Однако для большинства переселение означает не расширение возможностей, а дальнейшее обнищание и всё меньшую уверенность в за-

вtraшнем дне. Тяжёлое испытание, связанное с отрывом от привычного окружения и перемещением в незнакомую среду, может вызвать острые физические и душевные страдания даже у здорового человека⁴⁷⁰. Презумпция депортации заключается в том, что право населения решающим и безоговорочным образом влиять на собственное расположение в пространстве власти является условным и его соблюдение или несоблюдение зависит исключительно от произвола власти. Презумпция локализации предполагает, что необходимые для власти перемещения населения в границах государства и за его пределы могут осуществляться только по произволу метавласти и в рамках тех технологических матриц, при помощи которых контролируется данное пространство⁴⁷¹.

Учёный Л.А. Гослинг провёл важное разграничение между четырьмя различными формами официального вмешательства в распределение населения. Исследование посвящено перемещению населения внутри страны. Формы правительственного регулирования по Гослингу:

1) Стихийное перераспределение, при котором отсутствует какое-либо прямое вмешательство власти, оказывающее воздействие на районы, направляющие или принимающие мигрантов.

2) Регулируемое перераспределение, при котором имеет место вмешательство либо в направляющем, либо в принимающем районе.

3) Организованное перераспределение, когда правительство использует сочетание положительных и отрицательных стимулов, с тем чтобы побудить население переехать из одного места в другое.

4) Принудительное перераспределение, когда власть применяет силу для перемещения людей из одного места в другое⁴⁷².

Трагедия послевоенной эмиграции горцев вызывала сочувствие у многих россиян. Один из очевидцев тех событий, так с горечью их комментировал: «Покорили мы Кавказ – с Кавказа стали выселяться горцы десятками тысяч семейств. Неужели мы такой народ, что с нами инородцу, иноверцу никак и ужиться нельзя, коль скоро мы над ним власть имеем, а не он преобладает над нами? Вовсе нет. В быту мы прекрасно соседствуем. Явление, что какое-либо племя, взятое в русскую народность, бежит от неё, есть явление, во всяком случае, прискорбное. Удерживать людей силой нельзя, но следует проверить свои действия по отношению к выселяющимся, и если в этих действиях было что-либо несправедливое или оскорбительное, следует изменить систему действия и стараться привлечь к себе остающихся. Чем менее вероисповеданий и «национальный» в узком смысле слова, характер будет иметь наше

отношение к окраинам России, чем лучше мы сумеем вовремя снять с них всякие условия и хотя – бы только приметы неравноправности, тем вернее будет поставлено дело»⁴⁷³.

После восстания 1831 года началось массовое выселение из Польши, в конце 40-х – начале 50-х годов XIX века ежегодно за границу России эмигрировало по 50 тыс. человек в год. После покорения Крыма полуостров почти обезлюдел. Правительство России вынуждено было остановить массовое переселение, т. к. уже экономике края был нанесён непоправимый ущерб – катастрофически не хватало рабочих рук⁴⁷⁴. После разгрома и смерти К. Булавина 7 тыс. его казаков во главе с Некрасовым бежали на Кубань под покровительство крымского хана и были поселены близ Тамани вместе с ещё ранее, в 1688-1692 гг. бежавшими из России раскольниками. В последствии, после присоединения Кубани к России, казаки-некрасовцы переехали в Турцию, где прожили 250 лет, сохранив верность православию старого обряда, русский язык, песни, обычаи петровских времён, но также симпатии к «старому турчину», т.е. к «доброму старому времени» Османской империи. В 1962 году они вернулись на родину, поселившись главным образом в Ставрополье⁴⁷⁵. После разгрома шведов под Полтавой 27 июня 1709 года Мазепа бежал со своими сторонниками в Турцию. Из потомков ушедших с ним 2 тыс. запорожцев на территории Османской империи в Добрудже в 1775 году была создана Задунайская Сечь. Но в 1828 году почти все задунайские запорожцы вернулись на родину. Лишь немногие из них остались, приняв ислам⁴⁷⁶.

Толчком к политике переселения горцев Северного Кавказа в Турцию, активно проводимой российским правительством в первой половине 60-х годов XIX века, послужило движение мухаджиров, существовавшее на Кавказе и прежде, но особенно усилившееся после пленения Шамиля⁴⁷⁷. Семантическая нагрузка слова «мухаджир» (иногда встречается транскрипция «махаджир») претерпела определённые метаморфозы во времени. Первоначально этим термином обозначали сподвижников пророка Муххамеда, ушедших с ним из Мекки в Медину в 622 году хиджры (по-арабски «хиджра» – бегство, перемещение), отсюда «мухаджир» – в буквальном смысле «переселенец»⁴⁷⁸.

Интересно, что для удержания чеченских масс в повиновении руководство имамата Шамиля использовало разные способы. Одним из наиболее интересных и в то же время тесно связанных с присвоением чеченских земель мероприятий являлось поселение в Чечне «мухад-

жиров». Эти последние представляли собой эмигрантов (чаще всего дагестанцев), ушедших от притеснений царизма к Шамилю. Таких мухаджиров имам расселял в Чечне, рассчитывая этим путём создать прочную базу для подавления всяких проявлений недовольства со стороны чеченской крестьянской массы. Однако и это средство оказывалось, в конечном счёте, далеко не всегда действенным. Репрессии, проводимые имаматом, выливаются в форму военных постоев и параллельно решают проблему снабжения постоянной армии. Имамат мобилизует дагестанские войска «тавлинцев» против чеченского крестьянства⁴⁷⁹. Фактически между различными формами вынужденной массовой миграции существует тесная связь. Люди, которым угрожает обязательное переселение на их родной земле, часто ищут убежище в качестве беженцев в соседних регионах. Таким образом, одно перемещение часто вызывает другое, усиливая тем самым человеческие страдания⁴⁸⁰.

Начальник Терской области М.Т. Лорис – Меликов был сторонником решительных, крутых и беспощадных мер для наведения порядка на Северо – Восточном Кавказе после завершения многолетней войны. «Тогда, – писал он, – чеченское население необходимо было сбить в одно место. Население это, отрезанное на плоскости от гор казачьими станциями, не осмелилось бы более грозить нам восстанием и не избегало бы самого бдительного надзора»⁴⁸¹. Одной из главных политических акций российского правительства по подчинению себе горских племён было переселение их с гор на плоскость и укрупнение поселений в стратегически важных пунктах путём соединения мелких аулов в крупные⁴⁸². Таким образом, ещё в начале 50-х годов XIX века плодородные равнины по течению реки Терек были освобождены под заселение их казаками. Представление о российском управлении, которому горцев «приглашали» подчиниться беспрекословно, у них сложилось на основе действий царских чиновников. Поэтому не удивительно, что горцы предпочитали массовый «уход» в Турцию⁴⁸³.

Необходимо отметить, что помещичье землевладение на Северном Кавказе сложилось в пореформенный период. Большая часть региона не знала крепостного права. После завершения Кавказской войны дворянское землевладение стало одним из способов колонизации края. Земельные участки закрепляли за служилой, в том числе, местной знатью в целях обеспечения гражданского порядка. Существенную часть дворянского землевладения составляли имения, принадлежавшие офицерам казачьих войск. Развитие товарного хозяйства в пореформенный

период поставило владельцев поместий перед проблемой интеграции в современное капиталистическое хозяйство. В ряде случаев это привело к возникновению высокотехнологичных современных аграрных хозяйств. Вместе с тем далеко не все помещики Северного Кавказа смогли адаптироваться к капиталистическому рынку, перестроить свое хозяйство на капиталистических началах. Многие из них закладывали и перезакладывали свои имения в кредитных учреждениях⁴⁸⁴.

Переселение аулов, столь удобное в административном и стратегическом отношениях, произвело целую социальную революцию внутри жизненных систем горских народов. В Чечне власти нередко уничтожали целые сёла, чтобы заставить их жителей переселиться на плоскость. Особенно тяжёлым для чеченцев было переселение, предпринятое в декабре 1860 года, во время сильных морозов. 120 семей горцев, не имевших возможности укрыться в лесу зимой, были переселены в течение двух дней на плоскость, а их жилища разорены войсками. Всего М. Кундухов переселил на плоскость 177 чеченских семей⁴⁸⁵. В новых районах поселений земли отводились правительством только во временное пользование без определения их количества и границ. Жителям гор приходилось приспосабливаться к плоскостным условиям хозяйствования. Очень часто случалось так, что начальство передвигало аулы с места на место в силу административной необходимости. По свидетельствам очевидцев, «...во всей Чечне не осталось не одного аула, ни одного двора, который по несколько раз не переселялся бы с одного места на другое»⁴⁸⁶.

В то же время самостоятельное передвижение горцев по области было ограничено «Положением о сельских (аульных) обществах», утверждённое наместником Кавказа 30 декабря 1870 года. Жители, приписанные к сельскому обществу, не имели права без согласия соответствующего общества переезжать на постоянное место жительства не только в другой район, но даже и в соседнее село. В докладной записке М.Т. Лорис-Меликова, поданной начальнику Главного штаба 14 июня 1863 года, чётко была обозначена перспектива переселения чеченского народа: «...вопрос, куда девать чеченское население, может иметь только одно решение – обмен туземных земель на казачьи. Сунженские полки без особого затруднения променяют свою безводную и безлесую землю, подверженную частым неурожаям и засухе, на плодородную плоскость Большой Чечни»⁴⁸⁷. Я. Абрамов прав, когда он пишет: «...не гениальный план заселения казаками занятых горцами местностей и изгнание пос-

ледних из гор является следствием разбоев горцев, а, наоборот, самые разбои являлись следствием «гениального» плана»⁴⁸⁸.

Основой любого локализирующего механизма является установление связи индивида с землёй, чаще всего с землёй, как сельскохозяйственным ресурсом. Кроме того, как показало время, властные структуры в землях, населённых не только и исключительно казаками, а как казаками, так и крестьянами, технологически более устойчивы, не смотря на трения между представителями двух этих сословий (а отчасти и благодаря этим межсословным трениям)⁴⁸⁹. Чтобы окончательно избавиться от «неудобного» населения, руководство Терской области предложило горцам переселиться в Кубанскую область. Однако вскоре среди чеченцев стали циркулировать слухи о незавидном положении переселенцев на Кубани и миграция в этом направлении прекратилась довольно быстро⁴⁹⁰. Горные чеченцы продолжали покидать свои родные аулы, а те из них, которые не соглашались селиться на равнине, в окрестностях Моздока и других городов, лежащих по Тереку и Куме, уходили в Турецкую Армению по несколько сот семей, конвоируемых русскими солдатами⁴⁹¹.

В истории встречается немало примеров совпадения интересов враждующих сторон. После завершения Кавказской войны произошло определённое совпадение интересов правящих кругов Петербурга, Стамбула, горской светской знати и горского духовенства, которые объединёнными условиями способствовали эмиграции горцев с Северного Кавказа в Турцию⁴⁹². Русское правительство давно уже решилось во чтобы то ни стало удалить непокорных горцев с их родины. Политика России, хотя и настойчивая, не была, однако, кровожадной. Этот факт признавал даже английский посол в Петербурге лорд Непира. Как только император России получил известие о трудностях и страданиях переселенцев, он в телеграмме наместнику Кавказа распорядился «отыскать средства к облегчению участи эмигрантов»⁴⁹³.

Летом 1864 года М.Т. Лорис – Меликов прибыл в Константинополь с секретной миссией – узнать положение дел у горцев, и какое внимание им уделяет Турецкое правительство. Чтобы выяснить истинную ситуацию, он прислушивался к разговорам турок и мухаджиров. После получения интересной для него информации, Михаил Тариелович заявил «...узнав о положении горцев с самой выгодной стороны, я, не боясь нравственной ответственности и нареkania чеченцев, отправился к Министру иностранных дел Али-Паше на переговоры.». Однако начальника

Терской области терзали и сомнения по поводу того, что в перспективе Россия могла получить массу неприятностей из-за поселения чеченцев в сопредельных областях Азиатской Турции. Поэтому в переговорах с Али-Пашой особое внимание уделялось как можно большему удалению горцев от русско-турецкой границы⁴⁹⁴.

После присоединения к России (в 30-60-е гг. XIX века) значение Кавказа в международных делах не только не ослабло, как можно было бы ожидать, но и повысилось, прежде всего, благодаря экспансионистскому курсу Англии, которому сопутствовали и политические интересы турецкого султана⁴⁹⁵. Правительства Османской империи и Великобритании возлагали немалые надежды на иммигрантов в надвигавшейся войне (1877-1878 гг.) с Российской империей; предполагалось использовать опыт войны черкесов с российскими войсками; знание ими русской военной тактики; владение многими из иммигрантов русским языком; знанием ими географических особенностей Кавказа, где намечалось открытие одного из фронтов. На русско-турецкий фронт планировалось отправить до 80 тыс. черкесских воинов. В определенной степени эти планы имели успех. Значительное количество кавказских иммигрантов приняло участие в боевых действиях русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и в антиколониальных восстаниях, вспыхнувших в Чечне, Дагестане и Абхазии. Черкесские воины, которых постоянно бросали в наиболее «горячие» точки фронтов, понесли серьезные потери. Установлено, что значительное количество молодых горцев, вступивших в османскую армию после иммиграции, не вернулось с фронтов⁴⁹⁶.

В 1856 г. Османское правительство начало разрабатывать новую политику в отношении населения империи, а 9 марта 1857 г. султан одобрил указ о миграции и поселениях, который был подготовлен Консультативной ассамблеей Танзимата. По этому указу, миграция на территорию Османской империи объявлялась свободной и открытой для любого, желающего принять ее подданство. Он предусматривал защиту поселенцев от любых религиозных преследований и свободу вероисповедания. Кроме того, поселенцы могли получить разрешение от султана на постройку церквей или других религиозных учреждений, в зависимости от их веры и убеждений. Правительство обещало предоставлять переселенцам лучшие земли и освободить их от всех налогов и службы в армии на 6 лет, в том случае, если они поселились в Анатолии. Поселенцы не могли продать землю в течение 20 лет, а если они решали покинуть страну, то должны были вернуть землю турецкому правительству.

Этот указ был опубликован во многих европейских газетах⁴⁹⁷. В 1869 году в Турции был принят закон о подданстве. Согласно ему, все лица, проживающие на территории Османской империи, рассматривались как османские подданные⁴⁹⁸. По договору Российской империи с Турцией (Договор Гати Гумаюн, 1856 г.) «...Назначение и выбор чиновников и прочих должностных лиц, зависят непосредственно от высочайшей воли. Все подданные Османской империи, без различия национальностей, допускаемы к публичным должностям, согласно правилам, применяемым ко всем жителям империи»⁴⁹⁹.

Когда переселение горцев в Турцию стало приобретать серьезные масштабы, вопрос о приеме мухаджиров в 1863 г. обсуждался на заседании Совета министров Османской империи, и его решение было сообщено через поверенного в делах России в Стамбуле Д.С. Новикова. В своем письме начальнику главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенанту А.П. Карцову он писал, что Порта выдвинула ряд требований относительно переселения, основными из которых были:

1. Стамбул и Трапезунд не должны быть единственными пунктами сосредоточения и водворения переселенцев;

2. Переселение начинать с мая 1864 г.;

3. Отправлять людей небольшими партиями;

4. Переселять ежегодно не более 5 тыс. семей;

5. Переселение производить в течение 10 лет.

Россия не выполнила ни одного этого пункта. Например, официальное выселение горцев началось сразу после выхода постановления Кавказского комитета от 10 мая 1862 года⁵⁰⁰. «Переселение непокорных горцев в Турцию, – писал граф Евдокимов, – без сомнения, составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайшие сроки, без большого напряжения с нашей стороны, но, во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру, как на вспомогательное средство покорения Западного Кавказа, которая дает возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть и разорение, чем покорность русскому правительству»⁵⁰¹.

В конце 50-х годов турецкими эмиссарами на Кавказе была распущена молва, что, Европейские державы объявили горские племена независимыми и приняли их под свою защиту⁵⁰². В прокламации османского агента Муххамета Насарата к черкесам, осетинам и чеченцам от 1 июня 1864 года указывалось: «С давних пор турецкие подданные, любя

вас как детей, употребляли все возможные старания помогать вам.... Берите ваши семейства и все необходимые вещи...наше правительство позаботится о постройке для вас дома, и весь народ принимает в этом деятельное участие»⁵⁰³.

Безысходное положение в Турции, в котором оказывалось абсолютное большинство кавказских мухаджиров, не оставляло им выбора и принуждало их становиться «добровольцами» османской армии. В армии они получали бесплатно обмундирование и питание, спасаясь тем самым от голода и нищеты. Таким образом, формально не нарушая своих обязательств, султанское правительство количественно и качественно укрепляло свою армию⁵⁰⁴. Право ношения оружия в Османской империи признавалось за всеми мусульманами. Основываясь, в том числе и на этом, Порта разрешила черкесам иммигрировать на свою территорию со всем имеющимся у них оружием. Однако благодаря гораздо лучшей вооруженности, боевому опыту, северокавказские переселенцы, как правило, обладали несравненным «силовым» превосходством над коренным населением, что делало их потенциально «опасным элементом»⁵⁰⁵. Постепенно Порта стала вносить большие ограничения на ношение оружия. Безусловным правом носить оружие имели лица, состоявшие на службе. В некоторых случаях оружие продолжали носить на себе и частные лица, несмотря на официальный запрет. Так, оружие разрешалось иметь в дороге, и под этим предлогом погонщики и все, находящиеся в пути, а в некоторых местах и земледельцы, идущие на работу, имели при себе оружие⁵⁰⁶.

Как отмечал британский консул в Анатолии, в отличие от привыкшего веками безропотно переносить произвол властей турецкого правительства, кавказские переселенцы «не были намерены сидеть, сложа руки и терять все без борьбы». Неповиновение решениям властей, захваты административных зданий и прочие самоуправные действия (нередко с целью протеста против невыполнения государством своих обязательств перед ними) представляли немалую проблему во многих местах империи. Данный вопрос стал предметом острых дискуссий в первом османском парламенте, большинство депутатов которого от анатолийских провинций (как христиане, так и мусульмане) обратилось к правительству и султану с просьбой не допустить во избежание подрыва общественной безопасности прибытия в Анатолию больших масс северокавказцев, предлагая в качестве решения проблемы направить их в малонаселенные области арабских провинций Ближнего Востока и даже

Северной Африки (в частности в Триполитанию). Также прозвучали требования срочно переместить большую часть черкесских беженцев в Сирию, а остальных – насильственно рассредоточить мелкими группами по местным турецким селам. Принимая во внимание указанные обстоятельства, османское руководство сочло, что на данном этапе черкесы могут быть с большей для государства пользой устроены в неспокойных и относительно удаленных арабских провинциях в качестве противовеса неконтролируемых или находящихся в состоянии конфронтации с властями этническими и конфессиональными группами, а также с целью хозяйственного освоения имевшихся в этом регионе целинных земель, особенно после потери земель на Балканах в результате войны с Российской империей (1877-1878 гг.)⁵⁰⁷.

Положение кавказских переселенцев в Турции

Мухаджеры, прежде всего, нужны были Османской империи для борьбы с «внутренним врагом» – повстанцами и национальными движениями, грозившими целостности страны. Иррегулярные отряды горцев использовались и для охраны столицы. С этой целью на рубеже XIX – XX веков вокруг Стамбула и на окраинах империи была создана сеть мухаджирских «черкесских» поселений. До конца XIX в. общины мухаджиров оставались «инородным телом» в османском обществе и государстве. Они были временно освобождены от налогов, подчинялись своим старшинам и селились обособленно от местного населения⁵⁰⁸.

В Османской империи перепись населения и парламентские выборы происходили на основе системы миллетов (понятие, которое в современной Турции воспринимается как «народ», «нация»). Мусульманский миллет Османской империи объединял кавказцев, турок, арабов, боснийцев, курдов. Стоит, однако, заметить, что те мусульмане, которые не принадлежали к числу суннитов, не пользовались теми преимуществами, на которые имели право другие представители миллета, и Османское государство было очень скупой на проявление терпимости к этой группе граждан. Система миллетов, не взирая на все перемены, просуществовала до конца Османской империи. Из-за этого даже сегодня мы не располагаем информацией на основе переписей об этнической структуре Османской империи⁵⁰⁹. Горцы, потеряв родину, не успели еще осознать происшедшее с ними, как их постигла новая трагедия: от них потребо-

вали изменить свои фамилии. Для кавказского человека такое принуждение, по крайней мере, было унижительно. Мероприятие проводилось в приказном порядке, как то: сменить в месячный срок свои фамилии на турецкие. Сопrotивляться было бесполезно. Началось сплошное отуречивание кавказских мухаджиров. Турки подошли к этому делу основательно. Они заранее подготовили большой список разных турецких слов и фамилий, которые кавказцы должны были для себя выбрать. Таким образом, горцы получили новые турецкие фамилии, имена и отчества⁵¹⁰.

Центральное правительство брало на себя частичное финансирование обеспечения новопоселенцев жильем, к строительству которого должны были активно привлекаться как они сами, так и местное население. Малоимущим поселенцам назначался хлебный паек. Не имея права отчислять на местные нужды дополнительную часть доходов от сбора налогов, и столкнувшись с очевидным нежеланием коренных жителей добровольно делиться с новоприбывшими согражданами сколько – ни будь значительной долей своей собственности, власти арабских провинций, поставленные перед необходимостью выполнения распоряжений правительства о приоритетном решении проблем иммигрантов, пошли по пути изыскания экстраординарных способов извлечения средств у населения. Например, вводился специальный подушный налог в размере 4 пиастров на все зарегистрированное мужское население. Не были исключением и случаи прямой конфискации у населения имущества (земли, скота и т.п.) в пользу переселенцев. Прибытие иммигрантов привело к непомерному росту цен на хлеб и другие продукты. Напряженность в значительной степени провоцировалась и тем обстоятельством, что администрация сплошь и рядом сознательно передавала в распоряжение поселенцев земельные, водные и прочие угодья, испокон веков находившихся в фактическом владении (а порой в легальной собственности) коренного населения, ставя тем самым черкесов перед необходимостью силой отстаивать свои права на полученные территории от посягательств их прежних хозяев.

Правительство оказывало определенное покровительство поселенцам, создавая военные посты вблизи отдельных колоний и направляя временами войска для их защиты. Однако в большинстве случаев иммигрантам приходилось защищать новоприобретенное жизненное пространство, полагаясь лишь на собственные силы. В 1878 году только из числа обитателей колонии Рас – эль – Айн было убито окружающими племенами, по меньшей мере, 100 человек⁵¹¹. В 1866 году в

Сирии, на востоке Халебского вилайета, в верховьях реки Хабур, была создана одна из самых крупных колоний северокавказских иммигрантов (в основном чеченцев) – Рас-эль-Айн, население которой первоначально насчитывало, по разным данным, от 18 до 25 тыс. чел. (4-5 тыс. семей). Значительная часть поселенцев к середине 70-х годов XIX века погибла в результате голода, болезней и вооруженных столкновений с соседями или самостоятельно переселились в другие, относительно стабильные регионы государства с более многочисленным кавказским населением. К примеру, в колонии Рас-эль-Айн к 1879 году оставалось всего 500 семей.

Число этнических северокавказцев, мигрировавших из различных регионов в османскую Сирию в период Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и непосредственно после нее вследствие связанных с ней военно-политических катаклизмов, составило не менее 50 тыс. человек, что было существенно меньше первоначально планировавшейся правительственной цифры. Последнее обстоятельство объяснялось, прежде всего, тем, что немалая часть горцев, вопреки предписаниям властей, уклонялась различными способами от отбытия в регионы назначения и осела в анатолийских провинциях⁵¹².

В некоторых районах Османской империи правительство не обладало реальной властью. Там власть принадлежала патриархальной аристократии – у бедуинских племен, кочующих на границах с пустынями, – шейхами, а в горных местностях – главам кланов, иногда делящим ее с религиозной аристократией. Важным источником формирования класса крупных землевладельцев были шейхи бедуинских племен. Возникновение крупных поместий кочевой аристократии было обусловлено двумя взаимосвязанными общественными процессами: развитием частной собственности на землю и переходом бедуинских племен на оседлость, поощряемым и направляемым властями. Племенам, которые находились на ранней стадии перехода на оседлость, предоставлялись обширные полосы неводеланных земель, не включенные в кадастр. Они отличались тем, что племена не получали юридического (документального) права на владение. Но зато они освобождались от налогов, принудительных общественных работ и военной службы.

В отдаленных и труднодоступных районах продолжала господствовать племенная стихия, а османские власти еще не в состоянии были восстановить свой контроль и поэтому прибегали к испытанным методам – подкупу, поощрениям или преследованиям и наказаниям.

Османский аграрный закон 1858 г. был направлен на разрушение коллективных форм владения землей, предоставления прав собственности непосредственно землевладельцу и недопущение любых форм посредничества между государством и крестьянином – владельцем. Основная цель его состояла в том, чтобы обеспечить переход от общинного и племенного землевладения к индивидуальному, что должно было ослабить родоплеменную и феодальную знать, власть, которой на местах угрожала османской централизации. Султанское правительство считало, что только сильное централизованное государство, имеющее дело с массой мелких и среднего класса крестьян, может обеспечить получение максимального дохода с земли. В середине XIX в. вследствие малой доходности земледелия, обусловленной отсутствием средств сообщения и общим упадком экономики, многие в прошлом засевавшиеся площади оставались необработанными и в соответствии с османскими законами переходили в распоряжение государства, а затем продавались с аукциона по низким ценам. В последней четверти XIX века вследствие быстрого роста внешней торговли и развития транспорта, что значительно повысило стоимость земли, последняя превратилась в объект напряженной борьбы⁵¹³.

Горцы очень тосковали по своей Родине. В поэме Нурдина Музаева «Сказание о Чечне» повествуется о страданиях чеченских переселенцев в Турции:

*« – Я умираю здесь на чужбине... –
Шепот ее был подобен крику. –
Я бы отвезти хотел ныне
Грушу лесную и ежевику.
Сбудутся если наши надежды,
Я завещаю: повремените,
Пусть не меня – хоть лоскут одежды
Дома, на родине схороните...»⁵¹⁴.*

Душераздирающее письмо направили чеченцы из Турции в 1865 году наместнику на Кавказе: «Мы гораздо охотнее пойдём в Сибирь, чем будем жить в здешней Сибири... Мы можем избавить многих горцев от гибели на чужбине своим возвращением. Из нас и так погибла одна треть»⁵¹⁵. Ностальгия потомков изгнанников за рубежом по родине на Кавказе не угасла и до настоящего времени⁵¹⁶.

По мнению кавказского руководства, неудачи, постигшие некоторую часть чеченцев при переселении в Турцию в 60-х годах XIX века также способствовали «их вразумлению»⁵¹⁷. Некоторые современные авторы связывали высокий уровень смертности среди поселенных в арабских и соседних с ними южноанатолийских провинциях черкесских эмигрантов с их упорным нежеланием отказываться от ношения традиционной кавказской одежды, которая была совершенно нецелесообразна в жарком климате их новой родины и лишь усугубляла страдания новопоселенцев⁵¹⁸.

Споры исследователей о количестве переселившихся в Турцию горцев

Считается, что всего с Кавказа было выселено 1800000 человек. Однако эта цифра сильно преуменьшена. Многие горцы уходили в Турцию без пропусков, т.е. без ведома царских властей⁵¹⁹. По данным А. Убичини и П. Де Куртейля, общее количество кавказских переселенцев 60-х годов к 1867 году дошло до 1 млн. человек. В западной историографии преобладает точка зрения, что число кавказских мухаджиров в 1859-1864 гг. перевалило за 1 млн. человек. Так, Петер Альфорд Эндрюс в своём исследовании «Этнические группы в Республике Турция» приводит цифру 1000000 переселенцев. Р. Конквест считает, что Кавказ покинуло 600000 человек. Ту же цифру называет немецкий автор К. Закс. По данным же английского историка Дж. Мак Карти, в результате всех миграций мухаджиров из России и Балкан мусульманское население Анатолии с 1878 по 1911 г. возросло на 50 процентов. В изданной впервые в 1959 г. в Мюнхене книге черкесского исследователя Р. Трахо «Черкесы» приводится цифра более 1 млн. для переселенцев 1859-1864 гг. Это мнение разделяет и турецкий историк И. Беркок. В особую группу можно выделить данные, сообщаемые черкесскими авторами, живущими в Турции и странах Ближнего Востока. Проживающий в Иордании черкесский автор Мухаммед Хейр Хагхандога считает, что в 1858-78 гг. Северный Кавказ покинуло около 1500000 мухаджиров, из них 600000 черкесы. Шаукат Муфти (Хабжоко) называет число в 500000 человек, а по данным Хаяти Бидже, в 1859-79 гг. в Анатолию переселилось 2000000 северокавказцев. С данными Хаяти Бидже совпадают данные, приводимые Нихат Берзегом⁵²⁰. По материалам турецких архивов американский

историк Камаль Карпат приводит следующие данные: с 1859 по 1879 гг. с Северного Кавказа выселилось 2 млн. человек, из которых достигли османской территории лишь 1,5 млн.⁵²¹.

В 1861 году из Кубанской и Терской областей было выселено в Турцию 10045 человек, а возвратилось обратно в 1861-62 годах – 7149 человек⁵²². С 1897 году общая численность населения Кавказского края выражалась цифрой 9248695 человек. В 1911 году численность чеченцев определялась в 250000 человек. Несомненно, что до покорения восточного Кавказа чеченцев было значительно больше⁵²³. По мнению некоторых специалистов, 100 тыс. чеченцев эмигрировали в Турцию⁵²⁴. По мнению немецких исследователей в настоящее время на Ближнем Востоке проживает около 3,5 млн. потомков кавказских мухаджиров⁵²⁵.

Император высказал пожелание, чтобы вопрос успокоения чеченцев разрешился по возможности мирным путём – «добровольным переселением». Но тут же добавил: «Если появиться необходимость прибегнуть к крутым мерам, вам (наместнику) предоставляется действовать по вашему усмотрению»⁵²⁶. Генерал Зотов писал: «Чем больше их уйдёт, тем меньше у нас останется тайных врагов». Для подталкивания горцев к эмиграции власти не гнушались даже использованием обмана. Вице-консул в Трапезунде Мошнин докладывал начальнику Главного штаба Кавказской армии Карцову: «Так как Турецкое правительство по интригам наших врагов может косвенным образом остановить переселение, причиняющее ему много хлопот и неприятностей, то я, со своей стороны, распустил слух, что выселение будет продолжаться только до весны 1864 года. В последствии, около весны, можно будет распустить слух о новом дозволении. В Константинополе правительство не имеет ясного понятия, да и сам здешний Паша, ни о причинах, ни о размерах переселения. Нам, конечно, нет никакой надобности их вразумлять до окончательного покорения горцев.»⁵²⁷.

Турецкое правительство в самом начале переговоров предупредило российские власти, что не может выдать заранее визириальные письма, определяющие маршруты и пункты окончательного заселения мухаджиров. Порты старалась всячески избегать дальнего следования партий кавказских переселенцев, чтобы сократить расходы казны на их переселение. Российская империя допустила массовое переселение чеченцев только на основании заверения Порты, что они будут поселены вдали от русско-турецкой границы. И по заверениям царских чиновников: «... если бы в то время было известно, что условия эти могут измениться, то

кавказское начальство нашло бы вынужденным прекратить вовсе переселение»⁵²⁸. В то же время британский посол в Константинополе настойчиво советовал Турецкому правительству горцев «растянуть... военными колониями по армянской границе и таким образом воспользоваться ими как пограничной стражей против России»⁵²⁹. Английское правительство убеждало Турцию не только прекратить приём эмигрантов, но отправить обратно уже прибывших, чтобы тем самым помочь горцам в борьбе против русских за свою независимость. Английский консул в Трапезунде О. Подайский старался повлиять на Порту. Он запугивал местные власти опасностью распространения заразных болезней, которые могли бы быть занесены переселенцами. Англия стремилась сохранить «врагов России на Кавказе». Она убеждала Турцию в необходимости способствовать продолжению «черкесского сопротивления России». Ещё в 50-х годах XIX века английский премьер-министр Пальмерстон составил секретный проект, в котором предусматривал расчленение России и передачу Крыма и Кавказа Турции, а на карте, отредактированной им, Черкессия была обозначена как независимая страна⁵³⁰. В марте 1878 г. правительство Италии и Франции через своих послов в Стамбуле потребовали от Порты, ссылаясь на неблагоприятный опыт черкесско – христианских взаимоотношений в Османской империи, не расселять черкесов вблизи городов со значительным христианским населением. В 1883 году российский консул в регионе также предостерег османские власти от создания поселений северокавказских иммигрантов в районах, лежащих на пути следования христианских паломников к Святым местам Сирии и Палестины. Нажим держав, безусловно, сыграл свою роль в том, что Порта предпочла воздержаться от осуществления планов черкесской колонизации в Ливане⁵³¹.

Царизм стремился ускорить эмиграцию горцев, для окончательного «замирения» края, чтобы не дать Порте «одуматься и переменить настроение». По договорённости между Портой и Российской империей чеченцам и лезгинам было запрещено селиться в Эрзерумском вилайете⁵³². Георгий Шелковников 4 сентября 1865 года докладывал руководству: «Дела наши идут хорошо. Чеченцев уже погнали частью в Эрзинган, в Карпут, частью в провинцию Диарбекирскую, так что Муш и Ван останутся свободными»⁵³³. Чеченец Камбулат писал о своём тяжёлом положении на родину: «Начальство области Муш объявило нам, что земля, отведённая для нас, совсем не та, на которой мы поселились. Мы возвратились из Муша и по причине близости зимы, и потому ещё,

что в Муше умерла и так третья часть наших людей, мы направились к пределам владений царя Московского. Тут на встречу нам вышло войско турецкое с Пашёю, и между нами произошла небольшая стычка, в которой убито с обеих сторон по 30 человек. Наконец, вышел к нам Аскер-паша с войском и обезоружил нас под тем предлогом, что нас будто бояться жители, видя наше оружие. Я же сам желаю купить землю в Эрзеруме, за собственные деньги. Потому, что земля, которая указана нам турками, никуда не годится»⁵³⁴. Вот как свидетельствует о пребывании в Турции один из современников: «Решившись переселиться, некоторые сделали это под влиянием толков подстрекателей... Чеченец ожидал, что он явится в Турцию, как в нежный дом, явится мухаджиром со всеми преимуществами этого священного сословия... но равнодушие и бесцеремонность с этими «мухаджирами» турок, называвших их шакалами, и вообще печальная действительность скоро охладила их»⁵³⁵.

Возникновение чеченских диаспор в Сирии и Иордании

Из всего потока эмигрировавших горцев, порядка 800000 человек осели в Османской империи, остальные были вынуждены продолжить путь в поисках лучшей доли и поселились в Сирии и Иордании⁵³⁶. Согласно Указу правительства Сирии, вышедшего в 1856 году, местные органы власти обязаны были оказывать переселенцам всяческое содействие, вплоть до бесплатного наделения их землёй из государственного резервного фонда, а также освобождения в азиатской части империи от поземельного и подушного налога сроком на 12 лет. Однако исполнение этого Указа на местах было сопряжено с рядом трудностей, среди которых на первом месте стояли нехватка плодородных земель и недовольство местного населения⁵³⁷. Офицер царской армии П. Аверьянов отмечал, что кавказцы в Сирии расселяются правительством на «...землях, которые хотя и считались официально казёнными, но фактически были во владении бедуинов, таким путём, черкесы и бедуины ставятя в положение непримиримых врагов». Кроме того, создание черкесами военной линии послужило причиной конфликта с бедуинами. В связи с этим кочевники — бедуины лишились фактически дани (хува), которую они прежде взимали с феллахов во время регулярных набегов.

Чеченская диаспора Иордании, осевшая в этой стране после долгих мытарств по странам Востока, налаживала жизнь в городе Зарка. Здесь,

на гостеприимной Иорданской земле все вайнахи (чеченцы и ингуши) объединились в единую общественную организацию «Кавказское общество» (Черкесское общество)⁵³⁸. Характер расселения «черкесов» в Дамасском вилайете (куда входила и современная Иордания) отвечал необходимости контроля над непокорными бедуинскими племенами. Борьбa против бедуинов пришлось в связи со строительством и охраной Хиджазской железной дороги, призванной соединить Дамаск с Мединой, для того, чтобы перевозка паломников стала быстрее и безопаснее. Негативное отношение бедуинов к строительству железной дороги в первую очередь было связано с тем, что они боялись потерять ту часть доходов, которую они имели от паломников, служа им охраной и проводниками. Одной из обязанностей «черкесской» колонии в Вадии-ас-Сир являлся надзор за бедуинами племён Аббади и Манасир. Жители Сувейлиха были призваны сдерживать набеги бедуинов. Чеченская колония аз-Зарка была нацелена против племени Бану Хасан, мухаджирy Наура выступали против Бану Сахр. Таким образом, в округе Заиордания функции мухаджиров определялись защитой стратегических сооружений и укрепления официальной власти в этом регионе⁵³⁹.

Помимо задач военного характера, мухаджирy привлекались для освоения залежных и заброшенных земель. Тем самым росла численность крестьянского населения, повышался уровень земледельческих культур, о чём неоднократно сообщали русские и зарубежные путешественники, проезжавшие в местах компактного проживания мухаджиров⁵⁴⁰. Чтобы дать мухаджирам стимул для занятия земледелием, Османское правительство предоставляло им определённые льготы. Земли, которые отводились мухаджирам, относились к категории «мири», т.е. государственных земель с правом использования их частными лицами, при этом размер выделенного им земельного надела, зависел от характера местности и качества почвы⁵⁴¹.

В Восточной Сирии в 1865-1866 гг. были расселены 13648 чеченцев, которым надлежало отражать набеги бедуинов и курдов. К 1880 году в результате боевых действий и болезней численность чеченцев сократилась более чем в два раза – к 1880 году в окрестностях Рас-эль-Айна их осталось около 5000. Это были первые военные линии из северокавказских переселенцев. Путешественник Д. Тейлор писал, что по распоряжению местных властей для защиты чеченцев у истоков реки Хабур были сооружены укрепления и казармы на 1 тыс. человек. Численность черкесов в Трансиордании, по данным отчета английской

мандатной администрации Палестины и Трансиордании, в Лигу Наций к 1924 году достигала 10 000 человек. Из них около 850 человек были чеченцы. Чеченцы проживали в Сувейлихе – 400 человек, в Зарке – 200 человек, Русейфе – 150 человек, и Сухнее – 100 человек⁵⁴².

Казалось бы, что после того как переселенцы обосновались на новом месте, жизнь должна была нормализоваться, однако положение и там не улучшилось. Участки, выделенные администрацией, были в большинстве своём пустынными и малопригодными для земледелия. Власть не оказала реальной помощи для устройства беженцев. «...Хотя правительство, – пишет П. Петкович, – и отводит этим переселенцам пустопорожние земли, но не имеет средств, чтобы снабдить их рабочим скотом, сельскохозяйственными орудиями и зерном, необходимым для посева и их пропитания»⁵⁴³. Не смотря на малую пригодность земель, переселенцам удавалось их культивировать, и, в конечном счёте, благодаря применению традиционной агротехники они давали урожаи более высокие, чем поля местного населения. Многие поселенцы Сирии предпочитали переезжать в города Трансиордании, Палестины, Ливана, где легче было найти работу⁵⁴⁴.

Иммиграция на Кавказ христиан из Османской империи и славян из центральных регионов России

Параллельно эмиграции с Кавказа шёл процесс иммиграции на Кавказ христиан из Османской империи и славян из центральных регионов России, поддерживаемый правительством. По журналу, утверждённому императором 27 февраля 1862 года, всем желающим христианам из Азиатской Турции, неславянского происхождения, разрешалось переселиться на Кавказ. Турецким грекам и армянам даровалась шестилетняя льгота от воинского постоя, восьмилетняя – от платежа податей и повинностей. Они также освобождались от денежных натуральных и рекрутских повинностей, а каждый мужчина наделялся 15 десятинами земли. Особый комитет разрешал переселяться на Кавказ армянам и грекам с условием, что они не будут требовать предоставления им подданства и постоянной оседлости. Для поощрения переселявшихся комитет выделил кавказскому наместнику 10 000 рублей для выдачи пособия новопоселенцам, нуждавшимся в первоначальном обустройстве. После принятия Положения от 10 марта 1866 года по решению Кавказских

властей из Турции стали вызываться новые желающие (христианского исповедания) поселиться в Кавказских пределах Российской империи⁵⁴⁵. Мухаджирам правительство также официально оказывало помощь. Еще в 1857 году начальник штаба Кавказского корпуса Д.А. Милютин в донесении военному министру предельно четко изложил представления офицерского корпуса на этот счет: «... обязанности к человеческому роду требуют, чтобы мы заблаговременно приняли меры для обеспечения существования даже и враждебных нам племен, которых по государственной надобности вытесняем из их земель»⁵⁴⁶.

С переселением славянского населения из центральных регионов России и армян, греков из Турции, российская государственность обрела для себя прекрасную опору в лице христианского населения Кавказа в дальнейшей христианизации Кавказа и внедрении своих структур и порядков, чуждых мусульманскому населению⁵⁴⁷. Иммигранты расширяли и без того многонациональный состав населения Кавказской окраины Российской империи. Русские стали составлять на Кавказе к началу XX века 34%⁵⁴⁸. В пореформенный период на Северный Кавказ переселилось 0,9 млн. человек. Для примера, в Западную Сибирь в этот же период переселилось около 1 млн. человек. Основные районы массовой иммиграции населения, расположенные за пределами Европейской России, – Северный Кавказ и Западная Сибирь – почти не отличались друг от друга ни по численности населения, ни по числу неместных уроженцев, ни по размерам прилива населения. В Терской области пришлое население было сосредоточено, прежде всего, в Пятигорском округе, а затем – во Владикавказском и на востоке области – в Кизлярском округе. Другие округа, расположенные в горах и предгорьях Кавказа, – Грозненский, Нальчикский, Сунженский и Хасав – Юртовский – во второй половине XIX в. заселялись мало⁵⁴⁹.

Правительство России не замедлило воспользоваться эмиграцией горцев, чтобы ещё больше «разбавить» местное население, создать выгодный для себя этно-демографический баланс. Регионы совместного проживания христиан и мусульман становились теми контактными зонами, которые объективно способствовали процессу взаимной адаптации. Они естественным образом «скрещивали» славянскую и кавказскую культуру в некий цивилизационный симбиоз. В 1862 году по распоряжению наместника Кавказа было образовано поселение в Ичкеринском округе «из 90 семейных и 8-ми одиночных, всех православного вероисповедания»⁵⁵⁰. В XIX веке всё более полиэтничным становилось

и население казачьих станиц. Так, по данным 1900 года в станице Наурской жили калмыки, армяне, грузины, поляки, чеченцы, евреи, лезгины и даже турки. В религиозном плане они делились на православных, старообрядцев, католиков, ламаистов, армяно-григориан, мусульман и иудеев⁵⁵¹.

В 1846 году в Воронежской и Курской губерниях распространились слухи «...Будто бы помещичьим крестьянам дозволено переселяться на Кавказ, и будто – бы там даруют им льготы». Крестьяне стали продавать свое имущество и отправлялись на Кавказ. Когда по дороге на юг они были задержаны представителями властей, то оказали активное сопротивление⁵⁵². Проводившаяся в России земельная реформа потребовала от русских крестьян существенного усилия для приспособления к новым условиям. Беспрецедентный рост населения крайне ухудшил ситуацию. По подсчетам департаментов окладных сборов, в пятидесяти губерниях европейской России за сорок лет после реформы население возросло на 72 %, т.е. с 50 до 86 млн. За такой короткий исторический промежуток времени масса людей, скопившейся на земле, почти удвоилась. Недостаток земли не компенсировался ни повышением урожайности, ни новыми запашками. Раньше крестьянин был уверен, что помещик не даст ему умереть с голоду, теперь же он в стрессовых ситуациях оказывался наедине с бедствиями. Крестьянин, если у него оказывались деньги, использовал их не на улучшение хозяйства, но для покупки земли. Общая пахотная площадь в стране в 1881 году увеличилась на 14,2%, а в 1887 году – на 25,8 %, по сравнению с 60-ми годами. Но процесс сельского хозяйства есть интенсификация использования земли. Однако основная масса крестьян рассматривала улучшение в хозяйстве как барскую затею. Сталкиваясь с малоземельем и истощением почв, крестьяне стали искать лучшей доли на юге страны. Из уст в уста передавались легенды об изобилии кавказских земель, где «даже воткнутая в землю палка дает прекрасный урожай». Поселившись по соседству с другими народами, русские крестьяне не могли не видеть преимущества высокой сельскохозяйственной культуры земледелия. Если русским переселенцам не хватало 25-30 десятин земли, то местное население обходилось в 4-5 десятинами. Для сравнения, крестьянин в Западной Европе, обладая 1,8 – 4,5 десятинами, мог вполне жить на доход со своего участка, не только сам не нанимаясь в батраки, но, даже имея возможность пользоваться наемной силой⁵⁵³.

С конца 50-х годов XIX века показатели воспроизводства на Северном Кавказе стремительно повышаются, и он уверенно выдвигается на

первое место в стране. Во втор. пол. XIX – нач. XX века миграции продолжают играть исключительно высокую, но уже не решающую роль в общем приросте населения региона. В 60-е годы XIX – начале XX века за счет естественного прироста население здесь увеличилось на 3,2 млн. чел., а миграции – на 1,7 млн.⁵⁵⁴. 1890-е – начало 1900 гг. ознаменовались снижением интенсивности миграции на Северный Кавказ. Закон 13 июля 1889 г., ставший основным переселенческим законом Российской империи, был вынужденно ориентирован на более самостоятельного и зажиточного переселенца, т.к. обеспечить достойные условия «массовому колонизатору» государство не было в состоянии. 1897 год выдался неурожайным, что привело даже к некоторому оттоку иногородних из региона. Конец XIX века ознаменован аграрным кризисом и ростом крестьянского движения протеста. В том числе, под влиянием и этих факторов снижается активность и интенсивность миграционных потоков на Северный Кавказ⁵⁵⁵. С 1905 года Кавказ был закрыт для переселения из Европейской России⁵⁵⁶.

Проблема земельного дефицита становилась всё более острой. Часть наиболее плодородных земель теперь отводилась для специального колонизационного фонда, где запрещалось размещать переселившихся на равнины горцам⁵⁵⁷. В процессе лихорадочного освоения империей Кавказа земельный вопрос действительно становился актуальным, особенно по мере быстрого роста численности переселенцев из внутренних губерний России. К началу 80-х гг. их количество перевалило за 700000. Царское правительство было заинтересовано в широкой колонизации Кавказа русским и украинским населением. Перманентный поток переселенцев, как организованный сверху, так и стихийный, должен был создать надёжную опору империи в наместничестве. Немаловажную роль играл и этнопсихологический фактор: местное население постепенно привыкало к соседству русских поселенцев, что неизбежно создавало более благоприятный социально-демографический фон для усвоения идей гражданственности, то есть законопослушания и лояльности к устоям российской государственности. Всё это нивелировало в дальнейшем специфически несовместимые особенности соседствующих этнических групп, вело к определённой ассимиляции, адаптации народов к новым условиям сосуществования. Данный процесс шёл вначале на бытовом, житейском уровне, а затем и в сфере общественного сознания и отождествления себя с народами всей империи⁵⁵⁸.

Проблема адаптации населения к новым условиям существования

В современной научной литературе адаптация понимается в двух смыслах: первое для обозначения конкретной формы или особенности, благоприятной для существования в данной среде, и как синоним самого процесса приспособления, т.е. активного изменения и развития. Именно второе, более широкое значение адаптации сейчас в науке весьма популярно, т.к. создает основу для своеобразной интерпретации развития этносов и их культур в разных условиях. Модели поведения, которые непосредственным образом связаны с процессом жизнеобеспечения этноса, являются основным предметом изучения адаптации человеческого общества к окружающей среде. Культура становится основным механизмом, посредством которого человеческие коллективы адаптируются к окружающей среде. Практический смысл, значимость адаптативного подхода в том, что именно он позволяет объяснить особенности формирования и функционирования этнической картины мира и этнической традиции складывающейся на ее основе. Для нас же особенный интерес представляет адаптация психологическая и организационная при перемещениях больших групп населения в разных структурных образованиях⁵⁵⁹.

О возможностях быстрой и безболезненной адаптации кавказских народов в единоверной Османской империи рассказывали горцам многие глашатаи. Турецкие эмиссары распространяли на Кавказе слухи, что по соглашению императора с султаном разрешено переселение христиан из Турции в Россию, а мусульман в Турцию, что также ускоряло процесс миграций⁵⁶⁰. До 1859 года массовой эмиграции в Турцию среди горцев Северо – Восточного Кавказа не было, отправлялись только отдельные семьи для паломничества в Мекку и Медину, причём для каждого случая необходимо было иметь особое разрешение⁵⁶¹. Сначала паломникам выдавались отпускные билеты сроком на один год, потом – на шесть месяцев и, наконец, в 1861 году последовало распоряжение отпускать туземцев на переселение в Турцию без препятствий.

До наступления 1861 года в Российской империи осуждали за измену родине тех, кто переезжал с вещами для прохождения службы в иностранное государство, а также тех, кто отлучался за границу с разрешения правительства, но по его вызову не возвращался. Российские подданные, принявшие присягу другого государства, предавались на

родине суду. По российским законам переход в другое подданство считался преступлением. Но Россия никогда не оспаривала у других держав право принимать в подданство россиян без разрешения российского правительства⁵⁶².

Горцев, принявших турецкое подданство, в России стали называть «изменниками Родины». С этим не был согласен начальник Терской области Д.И. Святополк – Мирский: «В крае, где в промежуток последних десяти лет правительство неоднократно поощряло жителей к переселению в Турцию и покупало даже у некоторых из них земли, дабы облегчить им это переселение, или давало для этого денежное вспомоществование, нельзя называть изменником человека, который, отправившись с дозволения начальства в Мекку и оставаясь там, принимает турецкое подданство. Такое название несправедливо, потому что такой человек не имеет и не может иметь сознания, что он совершает измену, поступая таким образом. Он просто виноват в несоблюдении некоторых формальностей».

Ещё до начала массового переселения коренного населения Северного Кавказа в Турцию государственные чиновники пытались воспрепятствовать возвращению из Турции самой образованной её части – офицерства. Этим достигались сразу две цели: «чистка армейских частей от туземного элемента» и обезглавливание национальных меньшинств на Северном Кавказе. По ходатайству главнокомандующего Кавказской армией, всех офицеров из горцев Кавказского края, возвратившихся из Турции, а также просрочивших заграничный отпуск, не прибегая к дальнейшему расследованию их виновности и не передавая их суду, считали исключёнными со службы и лишали прав на содержание от казны. Приказ по армии от 15 февраля 1861 года за № 544 законодательно закрепил это положение⁵⁶³.

Между тем многие из офицеров, отправляясь в Мекку, не собирались поселяться на Ближнем Востоке, и не только не просрочивали своих паспортов, но и возвращались ранее разрешённого им срока. Но по приказу № 544 они автоматически исключались из списков и лишались заслуженного прежде содержания, хотя и воспользовались собственным отпуском для соблюдения религиозного обряда и не продавали при отправлении в Мекку и Медину своего имущества⁵⁶⁴. Действительно, переселение горцев в Турцию в 1858-1860 годах шло под флагом отправки на «богомолье». Многие горцы, не приняв господства России, стали эмигрировать в Турцию. Это была своеобразная форма протеста против

устанавливающихся на Кавказе порядков. Однако многие паломники не хотели остаться за границей, а желали вернуться на родину, т.к. истинная цель их путешествия была – посещение святых мест, однако российские власти им всячески в этом препятствовали. Иногда паломничество в Мекку продолжалось свыше 5 лет⁵⁶⁵. В 1883 году «Санкт – Петербургские ведомости» в корреспонденции «С Кавказа» писали о том, что мусульмане Кавказа постоянно говорят о скором пришествии махди.... По сообщению Н.П. Остроумова, сославшегося на собственные беседы с мусульманами, «отправившиеся в Мекку и Медину мусульманские богомольцы – русские подданные – стремились по пути увидеть и поклониться махди, уже действовавшему в Судане»⁵⁶⁶.

Паломничество - как один из способов миграции мусульман на Ближний Восток

Ежегодно от 9 до 10 тыс. мусульман из Российской империи отправлялись в паломничество. Царским властям была удобна «богомольная» эмиграция, т.к. во – первых, таким образом России было удобнее скрыть перед Европой свои истинные намерения и, во-вторых, обходным путём предотвратить некоторое противодействие со стороны Турции к переселению кавказцев на её территорию. Относительно эмиграции в русском законодательстве не содержалось точных указаний. Закон нигде не формулировал права перехода из подданства России в подданство других государств. Но в то же время закон строго запрещал «недозволенное оставление Отечества, неявку лица из-за границы по вызову правительства и подговор к переселению в иностранные государства»⁵⁶⁷.

На особом контроле у российских властей стояли вопросы паломничества российских мусульман в Мекку. МВД и Департамент духовных дел иностранных исповеданий не без оснований считали, что из числа паломников турецкими властями вербуются люди для пропаганды радикального ислама и переселения в Османскую империю. Эти сведения подтвердило российское посольство в Константинополе в секретной записке в Министерство иностранных дел в ноябре 1874 года. Был принят ряд мер. Во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. хадж был запрещен. Хадж восстановили с 1879 года частично, а с 1881 года – полностью. Хадж разрешили при соблюдении следующих условий: наличие основного капитала от 20 золотников золота или 140 золотников сереб-

ра; личная свобода самого паломника; отсутствие денежных долгов и умственных расстройств. С ноября 1890 г. ужесточились меры по выдаче заграничных паспортов. Они были вызваны тремя причинами: 1) усилившееся движение к переселению в Турцию; 2) отсутствие средств для возврата домой. В итоге паломники занимали деньги у консула в Константинополе и не отдавали; 3) чума в Аравии. В итоге был дан отказ в сухопутном пути следования паломников. Изначально же определялось три маршрута паломничества из Российской империи в Мекку: через Закавказье и северную Персию; Среднюю Азию и Афганистан и из портов Черного моря. Наименьшая сумма расходов на дорогу по первому направлению определялась в 100 рублей, по двум остальным – по 300 рублей. Таким образом, указанный запрет значительно сделал дорожку паломничество для российских мусульман⁵⁶⁸.

Российские власти выдавали мусульманам паспорта с крайней неохотой, поскольку считали, что «хадж приносит Турции громадную материальную пользу пожертвованиями, употребляемыми и на военные нужды», а также полагали, что «во время хаджа появляются и развиваются разные эпидемические болезни, главным образом холера и чума». Не смотря на чинимые препятствия, в 1898 году в паломничество отправилось 1 795 российских мусульман. Некоторые паломники уходили в Мекку и без паспортов. Дарб аль-хадж – это так называемая паломническая тропа, использовавшаяся паломниками для отправления в Святые места из века в век. Многие российские мусульмане совершали по ней хадж неоднократно в течение своей жизни. Мусульмане шли по следующему маршруту: с Кавказа, через Стамбул, Дамаск, (обходя Иерусалим) по Зайорданию (восточному берегу р. Иордан) в Мекку и Медину. Интересно, что путь христианских паломников пролегал по аналогичному пути: через Кавказ, Константинополь, Дамаск, в Иерусалим, далее на Синайскую гору в православный монастырь Св. Екатерины и обратно в Россию⁵⁶⁹.

В декабре 1900 г. принимается решение по введению паломнических книжек для мусульман на шесть месяцев, без которых паломничество не допускалось; также определялись маршруты, по которым разрешалось паломничество. Особенность их состояла в том, что обслуживать маршруты должны были только российские транспортники. Препятствием в такой организации дела служили чауши – нелегальные проводники паломников через границу в Мекку. Часто они проводили паломников без загранпаспортов. Загранпаспорта выдавались только раз в год за

несколько месяцев до праздника Курбан – байрам. Для закавказских мусульман предусматривалось тюремное заключение от четырех до восьми месяцев за переписку с иностранными правительствами и отсылку за границу денежных средств без разрешения главноначальствующего на Кавказе. На правительственном уровне было внесено предложение об устройстве в Константинополе теккэ (путевого дома или караван – сарая) с мечетью и всеми необходимыми принадлежностями для совершения ежедневных молитв. Создание теккэ могло решить две задачи: резкое уменьшение контактов российских мусульман с турками, и постоянный контроль со стороны российского консула и посольства⁵⁷⁰.

Все паломники – российские мусульмане обязаны были явиться к консулу России в Константинополе для регистрации. Российские губернаторы, которые имели значительные мусульманские анклавы на своих территориях, обязаны были два раза в год сообщать в Константинополь обо всех выданных загранпаспортах мусульманам. Ввели жесткие правила проживания российских мусульман в Константинополе. Наконец, в декабре 1900 года принимается решение по введению паломнических книжек на 6 месяцев, без которых паломничество не допускалось, также определялись маршруты, по которым только и разрешалось паломничество⁵⁷¹.

Те горцы, которые побывали в Мекке, пересекали на своем пути территорию собственно Турции и своими глазами видели уровень жизни населения Османской империи. После возвращения на родину многие из них всячески отговаривали своих земляков от переселения на чужую землю. Так, в 1896 году житель села Барсуки Ини-Хаджи Сампиев, недавно вернувшийся из Мекки, писал: «Я теперь одумался, будучи в Мекке в настоящем году. Я увидел тамошнюю жизнь, несравненно худшую против здешней... Я теперь решительно не имею никакого желания переселяться». Однако много было и таких, кто распускал слухи о «райской жизни» в Турции. Дошли они и до Чечни. Уже в 1896 году желание переселиться изъявили жители селений Старые Атаги, Шали, Гойты, Гехи, Урус-Мартан и др. Всего по Грозненскому округу набралось 637 семей – 4454 человека⁵⁷².

Турецкое правительство было заинтересовано в пополнении своего населения за счёт горцев Северного Кавказа. Ей выгодно было получить новый народ – народ здоровый, воинствующий, воспитанный на традициях мужества, благородства и беззаветной преданности. Судя по статистическим данным, в период между 1840 и 1870 годами османы

составляли меньшинство от всего населения империи. 9 марта 1857 года турецкое правительство издало закон о переселении, в котором содержались очень привлекательные условия: «Каждый, кто желал эмигрировать в Турцию, находился под покровительством султана. Земли, выделяемые мухаджирам, освобождались от всяких налогов. Кто переселялся в район Тракия, освобождался от воинской службы на 6 лет, кто переселялся в Анатолию – на 12 лет». На основе этого закона в 1860 году было создано также управление по делам мухаджиров.

В 1887 г. в Османской империи была создана «Верховная мусульманская иммиграционная комиссия», цель которой состояла в том, чтобы «не только избавить черкесов от их бед, но и, подтолкнув северокавказских приверженцев ислама к переселению, «объединенными усилиями удерживать экспансию европейских держав на мусульманском Ближнем Востоке». Под «европейскими державами» подразумевалась, прежде всего, Россия. Во второй половине XIX века имперские и российские (внутренние) государственные интересы нередко сталкивались. До 70-х годов российские интересы, а также война на Кавказе, еще могли удерживать имперскую верхушку от явного авантюризма во внешней политике. Предостережение А. Чарторыйского о том, что остановка экспансии и умеренность в территориальных требованиях могут превратить Россию во второстепенную державу, «игрушку» в руках других, не было лишено смысла и государственной мудрости. Но мудрость эта касалась судеб лишь имперской государственности. Однако опасность и ненужность новых завоеваний в русском обществе и русских правящих кругах чувствовали инстинктивно, несмотря на выгоды и явную возможность его осуществить. Тем не менее, в 1877 году разразилась очередная война с Турцией, едва не приведшая к новой войне на Северном Кавказе⁵⁷³.

Турецкое правительство, создавая благоприятные законодательные условия для переселения кавказских горцев в Турцию, и не предполагало наплыва такого неорганизованного, огромного числа переселенцев на свою территорию⁵⁷⁴. Теперь уже турецкое министерство стало настойчиво обращаться через российского посла к министру иностранных дел, к наместнику на Кавказе, с просьбами остановить эти переселения. Но жалобы и требования были отклонены российской стороной под тем предлогом, что российское правительство не выселяет мусульман, а только даёт им отпуска для путешествия в Мекку. По правилам веротерпимости турецкое правительство не могло запретить подобное паломничество⁵⁷⁵.

После Кавказской войны российское руководство было поставлено перед дилеммой: либо утолить голод аборигенного населения Северного Кавказа, что означало возвращение им отобранных казаками-колонизаторами и государством земель (что оно по своей природе сделать не могло); либо продолжить мириться с положением всеобщего и бесспорного земельного голода, с чем не могли мириться сами горцы. Аппарат государственного управления России нашёл выход из создавшегося положения в потворстве, скрытой агитации и организации массового исхода горцев в Турцию, используя как средство то, с чем дотоле так долго боролся – исламское мировоззрение местного населения⁵⁷⁶. После заключения Кунта-Хаджи в тюрьму тарикат не был объявлен вне закона, но гласный зикр запретили, а российские власти стали активно поощрять широкомасштабную эмиграцию горцев-мусульман в единоверную Турцию «...поближе к Мекке и Медине», куда постоянно стремились паломники, что также составляло проблему для российских властей (выдача паспортов, несанкционированные миграции и т.п.)⁵⁷⁷. Горцы были вынуждены эмигрировать в Турцию в силу целого комплекса как объективных, так и субъективных причин⁵⁷⁸.

Начало массового переселения чеченцев в Османскую империю

Официальное выселение кавказских горцев в Турцию, как военная и политическая мера, началось в 1862 году, когда состоялось утверждение Постановления Кавказского комитета о переселении горцев. Чеченцы очень неохотно переселялись в Турцию, но невыносимость социально-экономического положения и политический гнёт вынудили их на этот крайний шаг⁵⁷⁹. Российские должностные лица, непосредственно работавшие и контактировавшие с местным населением, в своих рапортах указывали на невозможность добровольного выселения горцев в Турцию. Майор А. Ипполитов, начальник Аргунского округа, в письме к М.Т. Лорис – Меликову утверждал: «Я могу положительно сказать Вашему Сиятельству, что о добровольном переселении в Турцию народ даже не думает, при общем сборе они объявили мне, что пойдут только тогда, когда вся Чечня поголовно уйдёт, или же тогда, когда им прикажут идти».

Другой местный начальник в донесении к Лорис – Меликову констатировал: «О добровольном переселении в Турцию народ и не думает.

Не желает переселения, понимая хорошо, что для этого они слишком бедны. Чеченцы связаны родством и преданиями и с трудом оставляют свою родину». Мусса Кундухов, проводя агитацию среди чеченцев за уход в Турцию, неоднократно слышал от них, что они скорее расстанутся с жизнью, чем с родиной⁵⁸⁰. Полковник Беллик 25 марта 1865 года доносил начальнику Терской области: «...Другой чеченец, после многих стаканов портера, был более откровенен, он прямо сказал: не пойдём мы в Турцию и не пустим тех, кто собирается туда; в Турции ждёт нас смерть, ждёт она нас и здесь, но здесь она приятней, потому что здесь наша родина и здесь лежат отцы наши, побитые русскими»⁵⁸¹.

Воображение и доверчивость честных горцев постоянно подогревались блистательными и игривыми обещаниями помощи и участия при посредстве разных эмиссаров, и когда выселение уже началось, европейская дипломатия уверяла переселенцев, что Россия не имеет права их переселять, что весной 1863 года придут европейские комиссары для размежевания их с русскими⁵⁸². Для увеличения количества желающих выселиться в Турцию царские чиновники прибегали к таким неоднозначным методам, как распускание слухов, засылка агентов, подкуп влиятельных лиц, скрытая агитация. В 1865 году в Чечне повсеместно стали говорить о том, что огромное войско высадилось в Петровске и собирается перейти в Темир – Хан – Шуру, чтобы затем идти в Чечню для переселения её жителей в Турцию. Чеченцы неоднократно получали частные приглашения и воззвания к уходу в Турцию⁵⁸³. Кундухов, прибегая к содействию людей, получивших его покровительство или определённые средства, распускал слухи о том, что власти собираются освободить холопов без вознаграждения, уничтожить права высших сословий, подвергнуть всех подводной повинности и другим налогам. Мусса Кундухов обещал доверчивому населению, что в Турции они будут приняты на службу в том же достоинстве, которое имели в России⁵⁸⁴. М. Кундухов, окончательно решив вопрос о своём уходе в Турцию, выпросил у начальства 10 тыс. рублей для «негласного вознаграждения» трёх или четырёх личностей, наиболее популярных среди населения, т.е. для подкупа влиятельных лиц, чтобы с их помощью провести агитацию за выселение в Турцию⁵⁸⁵. Некоторые кавказские горцы подкупались царскими властями, зачастую это были уважаемые люди. Они открыто изъявляли желание переселиться в Турцию и становились во главе переселяющихся партий. За это, помимо денежного взноса, они получали право в течение года, если не пожелают поселиться в Турции, беспрепятственно возвратиться обратно на родину⁵⁸⁶.

М. Кундухов

Служебная карьера М. Кундухова складывалась в России довольно успешно. В 1861 году он был утверждён в должности начальника Чеченского округа. С 1863 года М. Кундухов был зачислен в армейскую кавалерию при Кавказской армии. Великий князь Михаил Николаевич поручил генерал-майору Кундухову, во время пребывания его летом 1864 года в Константинополе, войти в негласное сношение с турецким правительством относительно того, в какой мере и каким образом могла бы быть осуществлена мысль о переселении в Турцию части чеченского населения. Мусса Кундухов провёл переговоры с представителями турецкого правительства, которые дали согласие на переселение 5 тысяч семей чеченцев. После возвращения на родину он начал вести активную пропагандистскую работу. М. Кундухов разъяснял людям, что во время его поездки в Турцию лично султаном были обещаны всем переселяющимся вместе с Кундуховым большие льготы и полная независимость, в чём турецкое правительство отказало другим туземцам. Якобы именно ему была оказана высокая честь выбрать дорогу в Турцию не морем, а по суше. По заявлениям Кундухова, после его переселения в Турцию с представителями разных народов, в дальнейшем переселение будет запрещено. Многие жители в панике стали распродавать своё имущество и собираться в Турцию⁵⁸⁷.

«В откровенных разговорах Мусса Кундухов не раз высказывал уверенность, – писал М.Т. Лорис – Меликов, – что турецкое правительство поручит ему управление переселившимися в Азиатскую Турцию горцами и что главной заботой его при этом будет стянуть горское население в одно место, образовать отдельную область сначала на особых правах, а потом – с известной степенью независимости»⁵⁸⁸. Одним из главных условий успеха в проведении агитационной работы генерал Кундухов ставил полную негласность его личного участия в этом деле. Он был уверен, что никакие старания его не будут иметь благоприятного исхода, если только население узнает, что он действует с ведома правительства⁵⁸⁹. Горцы не подозревали, что в 1865 году российское правительство дало Кундухову разрешение на беспрепятственное возвращение его на родину, если условия жизнедеятельности в Турции ему не подойдут⁵⁹⁰. Характерно, что во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. М. Кундухов воевал против России, командуя турецкой дивизией, которая дислоцировалась в том самом Карсе, где проживали чеченцы и в штурме кото-

рого принимал участие М.Т. Лорис – Меликов. После победы в Турции, М. Кундухов предполагал прибыть на боевом коне на Кавказ, во главе мухаджирского войска, чтобы захватить власть⁵⁹¹.

Опасаясь восстания горцев, кавказское руководство дало указание местным властям создавать видимость, что якобы царское правительство против переселения горцев в Турцию. «Для успеха дела необходимо, – говорить в документе, – чтобы горцы не только не знали о желании нашем содействовать переселению, но местная власть должна, напротив, как бы отклонять их от этого намерения»⁵⁹². Насколько переселение чеченцев было всецело делом рук местной власти, можно видеть из того, что стремление к переселению охватило то самое количество чеченских семей, выселить которое было решено заранее и ту часть чеченского народа, которая казалась местной власти самой опасной⁵⁹³. Представители власти считали, что даже если удастся выселить только 2 тыс. чеченских семей, не могло быть и речи об уступках чеченцам хотя – бы и пяди казачьей земли⁵⁹⁴.

Не смотря на все принятые меры, в Чечне приготовления к переезду в Турцию шли медленно и неохотно. Начальник Терской области запросил разрешения у кавказского наместника на употребление оставшихся неизрасходованными казённых средств на подкуп влиятельных и уважаемых лиц среди чеченцев. Такое разрешение им было получено⁵⁹⁵.

Мусса Кундухов неоднократно приглашал к себе в дом чеченского наиба Садуллу Османова с почётными людьми, для проведения агитационной работы. Для пропагандистской деятельности М. Кундухову было выделено 5000 рублей. Многие горцы отказывались сотрудничать с Кундуховым и открыто высказывали ему своё негодование, но другие решили переметнуться на сторону властей. В архиве сохранились документы, по которым Садуллу Османова открыто называли царским агентом. Он и его люди распускали провокационные слухи о том, что ни один чеченец не получит ни клочка земли, что вся молодёжь будет отдана в солдаты, что мусульманская религия скорее будет запрещена и все станут христианами⁵⁹⁶. Во время Кавказской войны Садулла был наибом у Шамиля в провинции Гехи. По свидетельствам очевидцев он не умел обращаться со своими подданными и управлять делами так, как этого требовали чеченские обычаи. Участились жалобы на его действия имаму. Однако Шамиль не хотел снимать С. Османова с наибства т.к. считал его храбрым воином. Когда жители узнали, что имам не хочет с ним расстаться, то перешли на сторону русских⁵⁹⁷. Даже М.Т. Лорис – Меликов вынужден был признать,

что иногда С. Османов слишком «перегибает палку», распуская превратные слухи, смущающие население. Данные действия могли привести к военным столкновениям, поэтому начальник Терской области захотел как можно быстрее избавиться от слишком запальчивого агитатора⁵⁹⁸. Наиб Малой Чечни С. Османов управлял наибством в течение 8 лет и ещё до назначения на должность, майор постоянно отличался преданностью российскому правительству и неусыпно заботился о сохранении спокойствия в крае⁵⁹⁹. За служение отечеству наибу Османову был пожалован большой участок земли (550 десятин)⁶⁰⁰. Садулла Османов дал клятву на Коране содействовать переселению горцев «до конца», а также обязался возглавить вторую партию мухаджиров, дабы своим примером воодушевить остальных чеченцев. К тому же идти во главе первых партий было одним из условий выплаты денежного вознаграждения⁶⁰¹.

Чеченцы с трудом покидали родину. Среди чеченцев всегда находился десяток-другой семей, считавших переселение «неизбежным злом» в смысле спасения души или соединения с родственниками. Прежде чем решиться на этот важный шаг, чеченец испытывал внутреннюю борьбу, которая выразилась в следующей песне:

*«Мусульманский царь зовёт нас к себе,
Царь русский – остаться просит!
Без огня и ветра Чечня запылала:
Огнём был Алхасов Муса,
Вихрем подул Османов Садулла.
Пророчили нам муллы страшный суд;
Мы видим: родные бросают родное...
Вот он, день страшного суда!»⁶⁰².*

Благодарную память потомков заслужил Кунта-Хаджи, один из лидеров суфийского братства кадирия в Чечне, выступивший со своими единомышленниками против проводимой М. Кундуховым и ему подобными переселенческой пропагандой. Если бы не действия Кунта-Хаджи, то Муссе Кундухову, уже заручившемуся поддержкой Порты и российского руководства, удалось бы ввести в заблуждение большинство чеченцев⁶⁰³.

Цаго Нурий, вернувшийся в 1913 году из эмиграции на родину предков, выразил протест против переселения черкесов в Османскую империю следующим текстом: «Нам кажется, что мы мусульмане, – писал он, но мы не знаем заповедей и запретов ислама. Всевышний дал нам

разум для того, чтобы мы думали, прежде чем что-либо предпринять. Слава Аллаху, не все захотели покинуть отчий дом.

Покинув родину и переселившись в Турцию, мы сужаем границы ислама – это первое.

Второе – наши братья, находящиеся уже там, нами же будут стеснены, ибо им придётся волей-неволей делиться с нами землёй.

Те, кто останется здесь, становятся малочисленные, а значит слабее – это третье.

Кроме того, новое место не краше, не богаче, не роднее для нас. Мысли о родных, любимых, матерях и детях, оставленных на родине, погубят сердце и разум... Ветви, отрезанные от родных корней, на чужбине пытались привить к другим стволам. Но прививки эти не прижились. Они почти совсем засохли»⁶⁰⁴.

Потомки кавказских мухаджиров на современном этапе

Многие из внуков и правнуков кавказских переселенцев сегодня неплохо устроены в социально-статусном и материальном плане, иначе говоря – глубоко интегрированы в турецком обществе и в других ближневосточных государствах. Но считать их «народом» неправомерно. Это – территориально разбросанные и культурно ассимилированные диаспоры, обречённые в отсутствии более прочных и более институциональных убежищ на полное слияние с господствующим этносом⁶⁰⁵.

Приведем, для примера, имена некоторых видных чеченских деятелей северокавказской диаспоры в Сирии, Иордании предки которых эмигрировали из Российской империи:

1. Бааршахо Хасан – в 1940 – 50-х гг. являлся начальником охраны президента Сирии Шукри Куватли.

2. Ваппи Анвар – сотрудник МИД Сирии, советник, проживает в Дамаске.

3. Дагестани Абдель-Азиз Гасанбек, потомок рода Бхош, в 1950-х годах министр юстиции Сирии. Похоронен в Дейр – Эз – Зоре.

4. Дагестани Хасан-бек (ибн Бхош ибн Атти ибн Дади), потомок основателя аула Дади – Юрт (Чечня). В 1920-30-х гг. являлся губернатором провинции Эль – Джазира с центром в Дейр – Эз – Зоре.

5. Дували Ихсам, известный в Сирии режиссер телевидения, проживает в Дамаске.

6. Оздемир Джамалудин, 1945 г.р., бригадный генерал, потомок выходцев из селения Дади – Юрт, проживает в пригороде Дамаска Кудсея.

7. Оздемир Саид, 1935 г.р., юрист, инспектор Министерства обороны Сирии. Умер в 1994 г., похоронен в Дамаске.

8. Сесно Мухаммад, полковник сирийской армии.

9. Харчо Шукри, известный в арабском мире художник – каллиграфист, проживает в Дамаске.

10. Шанаро Махмуд, полковник сирийской армии, проживает в Дамаске.

11. Шишан Фарид Абдель-Хамид, военачальник, герой Сирии и Иордании, участник арабо-израильской войны 1973 г. Погиб, похоронен в Дамаске.

12. Абдулла Багавудин, мэр Эз – Зарки (1928-1942).

13. Алаудин Ахмад, дивизионный генерал, командующий спецназа Иордании, в 1994 г. подал в отставку.

14. Бено Муса, мэр Сувейлаха (1958-1976; 1979-1981).

15. Бено Салих, дивизионный генерал, министр по делам Совета Министров, назначен в августе 1998 г.

16. Башир Мухаммад, 1936 г.р., штабной бригадный генерал, заместитель начальника Генерального штаба министерства обороны (1976), председатель Административного совета отставных офицеров (1982-1984), министр сельского хозяйства (1984-1985).

17. Булат Касем, мэр Эз – Зарки (1947-1962, 1963-1965, 1971-1972).

18. Рамзи Ахмад, заместитель главкома Арабского легиона (иорданской армии) в 1920-30-х гг.

19. Якам Арслан, военачальник, дивизионный генерал бронетанковых войск, участник арабо-израильских войн 1967 и 1973 гг., дважды Герой Иордании, проживает в Аммане.

20. Бено Саид Юнис, 1928 г.р., закончил Инженерный колледж в Багдаде, Вашингтонский университет (г. Сиэтл), Королевский научно-технологический колледж в Глазго (Шотландия). Бакалавр (1950) и магистр (1958) в области гражданского строительства. В 1950-1964 гг. окружной инженер, директор Дорожного департамента Министерства общественных работ, 1964-1976 гг. заместитель министра общественных работ. В 1976 г. назначен министром общественных работ. Член Иорданской ассоциации гражданских строителей, Иорданского дорожного общества, Арабского общества гражданских строителей.

21. Дагестани Фахреддин Абдель-Хади, ученый и инженер. Закончил Миссурийский университет, доктор наук. 1968-1971 гг. – инженер корпо-

рации Ай – Би – Эм в Рочестере (штат Миннесота, США). 1971-1976 гг. – директор Департамента механической инженерии Королевского научного общества (КНО). 1976-1983 гг. вице-президент КНО; с 1984 г. президент КНО. Был членом Совета директоров Администрации природных ресурсов, Иорданской телекоммуникационной корпорации, Научного совета Исламского научно-технологического общества (аль – Муассаса) в Саудовской Аравии, Арабской федерации советов научных исследований (Ирак), членом Попечительского совета КНО, Национального колледжа инженерных и административных наук. В начале 1992 г. возглавил Центр стратегических исследований при КНО, занимавшемся изучением ситуации в новообразованных после распада СССР исламских государствах Средней Азии.

22. Джамма Абдул Баки, шейх. Независимый депутат от г. Эз-Зарка, первый заместитель председателя Нижней палаты (избран 19 ноября 1996 г.). Родился в 1922 г. в Эз-Зарка. В 1952 г. закончил университет Аль-Азхар (Египет). Был имамом и проповедником в мечети, назначался в муниципалитет. Возглавлял общественные организации: Общество исламской культуры, Исламское благотворительное общество, Дагестано – чеченское благотворительное общество, Комитет по закяту, Общество создания публичной библиотеки в г. Эз-Зарка. В 1954-1957, 1961-1969, с 1989 г. депутат парламента; 1989-1991 гг. государственный министр по парламентским вопросам; 29 ноября 1993 г. избран председателем Фронта национального единства; 1994-1995 гг. – государственный министр по юридическим и парламентским вопросам⁶⁰⁶.

В 1995 году Абдул – Баки Джамма являлся председателем международного общества выходцев из Чечни. Это общество добилось от Международного Красного Креста регулярной отправки медикаментов в Чечню и собирало для Республики пожертвования во время Чеченской войны. В Аммане состоялся 5-тысячный митинг протеста против «варварского вторжения России в Чечню». Английский журналист Джек Родден сообщал из Аммана, что в иорданской столице чеченцы каждый вечер собираются в своем клубе и обсуждают ситуацию в Грозном⁶⁰⁷.

Основателями города Эз-Зарка (в переводе с арабского «Голубая»), являются несколько семей чеченских мухаджиров, прибывших в 1900 году из современного Ножайюртовского района Чеченской Республики. Вскоре после этого сюда прибыла группа чеченцев из 70 семей, а в последующем и до начала Первой мировой войны продолжали прибывать и другие, более мелкие группы чеченских поселенцев. С момента основания и по сей день Эз-Зарка является

признанным по всей Иордании центром по изготовлению ювелирных изделий из серебра⁶⁰⁸.

В начале XX века, до турецкой революции кавказские мухаджеры пользовались в Османской империи большими правами, чем коренные жители: все лучшие места были заняты ими, руководство турецкой армией, почти что, за редким исключением, большею частью находилось в руках горцев, на которых султан смотрел как на верных проповедников своего влияния. Такое исключительное положение заставило горцев твердо стоять за султана. Турецкая буржуазная национальная революция свергла султана. В этой борьбе турецкой буржуазии против султана и внешних врагов, активнейшее сопротивление в пользу султана оказали черкесы. Враждебная часть кавказских мухаджиров, которые были в состоянии оставить Турцию, эмигрировали после революции в разные страны. Оставшаяся часть подверглась деспотическим наказаниям со стороны нового турецкого правительства. Когда турецкие горцы, проживавшие в городах, ехали в горные аулы, за ними следовал сыщик, настолько политически неблагонадежными стали горцы после свержения султана. Когда они на родном языке говорили, то турки относились к ним с большим недоверием, толкуя их разговор как злоумышленное намерение, поэтому горцы старались не говорить на родном языке в городах в присутствии посторонних⁶⁰⁹.

Во второй половине XIX века некоторые из начальствующих лиц пытались примирить чеченцев с их подневольным положением в России. Так, полковник Беллик доказывал горцам необходимость покориться всем тем условиям, какие диктует империя. Чеченцы на это отвечали: «...эти условия есть наша смерть, ибо переселение в Турцию и разрушение есть для нас одно и то же»⁶¹⁰. Я. Абрамов прав, когда он пишет: «Наше мнение по этому поводу выглядит так: только пользуясь всеми правами русского гражданства, туземец может примириться с русскими порядками»⁶¹¹. Горцы хотели переселиться в другое государство по причине не доверия к ним со стороны правительства Российской империи, которое в большинстве случаев их сильно оскорбляло и ущемляло гражданские права и свободы. Над ними постоянно тяготело клеймо «опасного элемента», даже когда они вовсе не давали для этого повода⁶¹².

Ход переселенческого движения стал стремительно набирать обороты. Безусловно, что царские чиновники не могли предусмотреть все тонкости процедуры переселения горцев. Восполнение подобных пробелов производилось путем закрепления в предписаниях либо единовременных мер по решению того или иного возникающего вопроса, либо предоставлением на местах «большей самостоятельности» царским чиновникам.

Примером решения возникающих сложностей в процессе переселения горцев может служить предписание командующего Кавказской армией командующему войсками Кубанской и Терской областей Евдокимову от 19 мая 1861 года. В преамбуле этого предписания говорилось, что сложилось обстоятельство, когда многие горцы, которые отправились в Турцию под предлогом торговли или поклонения святым местам, сами распродавали свое имущество, а теперь хотят вернуться обратно. Указывая на данное сложное положение дел, предписывалось, что водворять на Кавказе «...этих бездомных бродяг – значит добровольно увеличивать грабежи и смуты в крае, только принимающим мирное положение». Закрепляя обязывающую диспозицию для этой категории населения, указывалось на то, что впредь горцы не должны продавать свое имущество, отправляясь по делам в Турцию. Те же, которые его продали и вернулись на родину, должны были направляться «во внутрь России». Подобная воля командующего Кавказской армией должна была найти свое отражение и в организации визирования паспортов, где делалась особая пометка о том, что горцы «отправляются на поселение»⁶¹³.

Даже в ходе эмиграционного движения, чеченцам категорически было запрещено следовать в Турцию единичными семьями, передвигаться до русско-турецкой границы по распоряжению правительства они должны были только организованными партиями и под конвоем. Каждую партию переселенцев сопровождал «благонадёжный» офицер из туземцев. Каждой семье разрешалось брать не более двух арб, а каждая партия могла забрать не больше 200 волов. В числе имуществ разрешали брать оружие, но огнестрельное необходимо было уложить в арбы⁶¹⁴. Семейные и собственные земли распродавались почти за бесценок.

После массового, многотысячного переселения горцев в Турцию, многие аулы совсем опустели, неужоженные земли заросли бурьяном. Эти земли конфисковывались в пользу казны. На месте ушедших в Турцию мухаджиров предполагалось расселить ссыльных – осужденных на поселение в Сибирь. Такой проект переселения преступников выдвинул министр внутренних дел Валуев, однако с ним не согласился наместник Кавказа Михаил Николаевич, приведя, как политические, так и экономические аргументы⁶¹⁵. В тех сельских общинах, которые частично эмигрировали, земли переходили в пользу аульных обществ. Именно из-за этих регламентаций многие впоследствии возвратившиеся из Турции горцы окажутся без крыши над головой и без земельного надела⁶¹⁶.

Организованное переселение 28 партий чеченцев в Турцию

Император Александр II разрешил горцам Терской области переселяться в Турцию не морским путём, как это делали адыги, а через русско-турецкую сухопутную границу⁶¹⁷. Ещё при переселении в 1862 году горцев Кубанской области в Турцию им было строго запрещено следовать через сухопутную границу на Закавказский край по Военно-Грузинской дороге. Путешествие по дороге облегчало уход, т.к. можно было взять с собой не только домашний скот и лошадей, но и утварь, что становилось невыносимым при движении по морю. Однако кавказское руководство направило черкесов к берегам Чёрного моря, оправдывая своё решение тем, что якобы движение по Военно-Грузинской дороге мешает транспорту и караванам. На самом деле очень сильны были опасения соединения сил западных и восточных горцев, что могло привести к продолжению Кавказской войны⁶¹⁸.

Сухой путь передвижения сыграл положительную роль в переселении вайнахов в Турцию, т. к. именно он стал естественной преградой на пути преступных замыслов царской администрации. В противном же случае вайнахов ждала участь своих адыгских собратьев, подвергшихся поголовной депортации и погибших в пути. Этому есть документальное подтверждение. «В области Кубанской, прилегающей к морю, – сообщается в одном из источников, – решение этого вопроса было несравненно удобнее: соседство приморских пунктов не вызывало заботливости начальства сдерживать население, мы же обязаны делать это здесь, имея под рукой только Военно-Грузинскую дорогу»⁶¹⁹. Партийные офицеры в своих отчётах старались умалчивать об убыли людей, скота в руководимых ими партиях. Это помогало дальнейшему успешному продвижению по службе и увеличению вознаграждения. Огромные полицейские и казацкие силы, брошенные на охрану эмигрировавших в Турцию партий чеченцев, оказались в военном отношении не востребованными.

Во время следования 28 партий чеченцев к русско-турецкой границе беспорядков не было, равно как и ни одного случая воровства, совершённого чеченцами⁶²⁰. Однако воровали царские чиновники, причастные к переселению горцев. В докладе особой комиссии, назначенной при Окружном штабе для разбора сведений по переселению горцев, было сказано: «..Большинство квитанций и пособий переселенцам весьма сомнительного свойства..». Даже та мизерная «помощь», которая оказывалась государством крайне в ней нуждавшимся переселенцам, не

всегда до них доходила, так как это, как и всё совершавшееся на Кавказе, «сделалось доходною статьею для чиновников»⁶²¹.

Первая партия переселенцев выступила из Владикавказа (сборного пункта) 28 мая 1865 года и прибыла на границу у Хазапинской заставы 17 июня 1865 года. Последняя двадцать восьмая партия, двинулась из Владикавказа 16 августа и перешла русско-турецкую границу 10 сентября 1865 года. Таковы хронологические рамки самого крупного переселения горцев из Терской области в Турцию. В дальнейшие годы и десятилетия горцы повторяли этот путь, но уже в количествах значительно меньших.⁶²² В феврале 1867 года начальник Терской области всенародно объявил, что отныне горцы навсегда должны отказаться от всякой надежды на переселение в Турцию⁶²³.

Тысячи мусульман, изгнанных с Кавказа и из Крыма, хлынули в Анатолию, изменив ее этнический и религиозный состав. Таким образом, Османская империя все больше превращалась в мусульманскую страну⁶²⁴. В 1866 году на востоке Халебского вилайета, в верховьях реки Хабур была создана одна из самых крупных колоний северокавказских эмигрантов (в основном чеченцев) Рас – Эль – Айн, население которой первоначально насчитывало, по различным данным, от 18 до 25 тыс. человек. Однако ввиду непривычных климатических условий, земельных конфликтов с местными жителями, невниманием к нуждам колонистов провинциальных властей, их коррумпированности и в особенности из-за нападений кочевых племён это поселение оказалось недостаточно жизнеспособным. Значительная часть поселенцев к середине 70-х годов XIX века погибла в результате голода, болезней и вооружённых столкновений с соседями или самостоятельно переселилась в другие, относительно стабильные регионы государства. В колонии Рас – Эль – Айн к 1878 году из 4-5 тыс. семей осталось всего 500 семей⁶²⁵.

Положение горцев Северо – Восточного Кавказа, переселившихся в Турцию, было крайне тяжёлым. Земли, на которых были поселены чеченцы, были непригодны для земледелия – каменисты и бесплодны. Горцы попытались уйти с указанных им земель, но из-за этого произошло несколько вооружённых столкновений с турецкими войсками. Ввиду такого обострения ситуации Оттоманское правительство даже подняло вопрос перед русским послом о возвращении горцев обратно на Кавказ, тем более что, мол, они сами этого желают. Однако такое предложение было отклонено дипломатическим путём⁶²⁶. Турция считала себя вправе вернуть чеченцев в Россию, но не делала этого «из великодушия»⁶²⁷.

Арабеш-шейх на заданный ему вопрос – переселяться ли чеченцам в Турцию, для сохранения своей религии и благочестия, ответил: «Не надо, – Русский царь благоволит магометанству, как и Шамиль, и со временем все русские сольются с магометанами»⁶²⁸.

Родственные переселенческие общины турецкие власти расселили по 2-3 двора отдельно, по окрестным сёлам. Такая разобщённость горцам не нравилась⁶²⁹. В Гельском санджаке Эмин-паша обязал старшин деревень, в которые были помещены переселенцы, ни под каким видом не выпускать их из отведённых им селений. За самовольный уход какой-либо семьи старшина нёс персональную ответственность⁶³⁰. Чтобы как-то себя прокормить и спастись, многие чеченцы вынуждены были продавать свой скот, тайно пробираться в запрещённые для их поселений районы Турции и покупать там участки плодородной земли⁶³¹. Мусса-паша Кундухов и другие лица, привезшие с собой капиталы из России, безбедно жили или занимались торговлей⁶³².

25 января 1865 г. в своем письме из Керчи Лорис-Меликову о поездке в Арзрум Мусса Кундухов сообщал о положении чеченцев в Османской империи: «Очевидно, что турецкое правительство принимает все возможные меры к хорошему и прочному их устройству, но не подлежит сомнению, что чеченцы наши будут далеко счастливее, чем прежние поселенцы»⁶³³. Турецкое правительство действительно помогало кавказским переселенцам. Порта для помощи чеченцам отпускала значительные суммы, правда не всегда они доходили до адресата⁶³⁴. Горцам также выдавались продукты питания, поставлялся крупный рогатый скот и средства передвижения, выделялись деньги. Здесь также нередко царила коррупция. Генерал-губернатор Диарбекирского вилаята Мустафа-паша присвоил себе часть средств, выделенных Портой для выходцев из Терской области. Комиссия, присланная из Константинополя, выявила существенную недостачу ассигнованных средств⁶³⁵.

Кавказцы на службе в турецкой армии

Не имея возможности заниматься хлебопашеством и скотоводством, многие чеченцы вынуждены были пойти на службу в образованный властями Диарбекирский чеченский полк⁶³⁶. В задачи конного полка, состоявшего из 1 тыс. человек входили: сбор налогов, охрана больших дорог и борьба с непокорными правительству племенами. Как правило, кавказцы

в военном отношении, во многом превосходили арабов. Это принимала во внимание и французская администрация, привлекая горцев к военной службе. Около 800-1000 из них вошли в специальный полк, сформированный в Сирии из различных религиозных и этнических групп.

В разразившейся 12 апреля 1877 года русско-турецкой войне на границе с Россией были сформированы диверсионные отряды из кавказских переселенцев. Правительство Российской империи забеспокоилось и отправило генерала Фадия в Турцию для переговоров с сыном имама Шамиля Гази-Магомедом, предложив образовать на границе с Афганистаном «государство для всех черкесов», проживавших в Османской империи, однако на какой именно территории – не уточняется. Россия готова была взять на себя все расходы, связанные с переселением, при условии, что «черкесское государство» будет под её покровительством, но сын имама отказался от этого предложения. Он строил планы по возрождению государства своего отца на Кавказе. В ходе русско-турецкой войны он становится идейным вдохновителем и «знаменем» мощного восстания в Чечне и Дагестане, является главой горской верхушки, возбуждавшей мусульманское население Кавказа против России. В период военных действий в Стамбуле под личным руководством султана была создана комиссия с целью подготовки высадки десанта во главе с Гази Магомедом в Абхазии⁶³⁷. Другой сын имама Шамиля Мухаммед-Шефи с гневом отмечал: «Турецкое правительство вело политику в отношении горцев такую точно, как европейцы в отношении негритосов. У турецкого правительства не хватило благородства даже для дачи приюта горцам-переселенцам в Турции, которые с трепетом ехали туда, как в святые места, думая найти в единоверной Турции для себя новую родину»⁶³⁸.

На турецко – русский фронт Порты планировала отправить до 80 тыс. кавказцев. Английские и турецкие политики, таким образом, стремились недовольство эмигрантов своим положением в Турции направить в анти-русское русло, рассчитывая, что всевозможные тяготы и лишения на чужбине, надежда вернуть себе потерянную родину, превратят их в отличных воинов султана. Царское правительство пыталось привлечь к войне с Турцией жителей Дагестана, Однако «дагестанцы, – по словам современника событий Хасана аль – Кадари, – не согласились. Некоторые пошли с армией до фронта, но затем сбежали...»⁶³⁹. Чеченцы добровольцами вступили в ряды конно-иррегулярного полка, храбро воевавшего в Турции. Около 800 человек было в составе Чеченского полка, многие чеченцы были награждены за мужество, проявленное в бою с турками. Мухаджире были

лучшими кавалеристами у турок. Случались во время войны очень интересные встречи противников, узнававших среди неприятеля знакомых или даже родственников. Начинались расспросы о родине. Потом слышались взаимные упрёки и укоры, разгорался спор о том, какой стране лучше или честнее служить, можно ли воевать против единоверцев. Чаще всего дело доходило до брани и выстрелов, но были случаи, когда мухаджиры переходили на сторону царских войск, чтобы вернуться на родину. Это было вызвано не только сильной тоской по родине и тяжёлыми условиями существования в Турции, но и упорными слухами, говорящими о том, что на Кавказе восстание, целые аулы разоряются, а семьи выселяются в дальние уголки России. Слухи эти имели под собой вполне реальную почву; мухаджиры, опасаясь никогда не увидеть родных сёл и знакомых лиц, любыми путями устремлялись на родину⁶⁴⁰.

Царское правительство беспокоило возмещение роли горцев в Турции особенно после русско – турецкой войны 1877-78 гг. и подписания Берлинского трактата 1878 года. Нух – ал – Мартуки писал: «...Россия предупреждала турецкое правительство, чтобы оно хорошо следило за горцами и ограничивало их передвижение, так как среди них могут оказаться умные люди, которые, как их предки, основавшие в старые времена в Египте великое государство, просуществовавшее 140 лет, также могут попытаться создать такое же государство на территории Турции»⁶⁴¹. Турецкое правительство старалось не поселять горцев компактной массой, чтобы избежать беспорядков. Как правило, переселенцам власти выделяли такие места, которые по своим климатическим и другим условиям оказывались для них губительными. Поражение Турции в войне непосредственно сказалось на Кавказских эмигрантах, специально расселённых османской властью в Турции, как правило, в стратегических пунктах и вдоль основных дорог с целью создания полицейских барьеров на границах с христианскими районами: черкесы оказались здесь нежелательны. Кроме того, турецкое правительство, проводя политику усиления мусульманского элемента в стране, расселяло горцев среди местного христианского населения⁶⁴².

Переселенцы являлись новым источником для повинностей местным жителям, которых правительство заставляло безвозмездно содержать незваных гостей, строить им дома, развозить их из городов по сёлам⁶⁴³. Когда больше 10 партий чеченцев выдвинулись к Мушу, население встретило их весьма неприязненно, а местные власти протестовали против их прибытия. Чеченцы же, прельщённые хорошей землёй, объявили, что они

далее не пойдут, а местные жители «могут искать себе других земель». По инструкции турецкого правительства, чеченцам не разрешили остаться на земле Муша из-за отсутствия дороги через горы, они вынуждены были отправиться назад, с обходом на Чабокчур, в Диарбекирскую область⁶⁴⁴.

К 1871 году в Турции осталось около 10000 чеченцев. Таким образом, по приблизительным расчётам, в Турции погибло приблизительно 40000 горцев Северо – Восточного Кавказа. Большей частью они умерли от голода и болезней, а также от столкновений с турецкими частями. Вооружённые стычки происходили как на русско-турецкой границе, так и при расселении горцев на территории Турции. В конце 1865 года турецкие власти провели переосвидетельствование чеченцев, в результате чего выяснилось, что многие семьи находились в тяжелейшем состоянии, члены их были больны и измождены. Зачастую из целой семьи, переселившейся в Турцию, в живых оставалось 1 – 2 человека⁶⁴⁵.

Во многом неожиданная для турок активизация переселения в 1864 – 65 гг. и 1878-83 гг. вызвала эпидемию заразных болезней (малярия, тиф, оспа – среди мухаджиров) с многочисленными смертельными исходами⁶⁴⁶. Мухаджеры в Турции заболели тифозной лихорадкой, оспой, скарбунтом, водяной болезнью и т.п. Эпидемии, охватившие переселенцев при отсутствии карантинных мер, истребляли до 20 % переселявшихся. Некоторые голодающие переселенцы вынуждены были скрывать от начальства смерть своих родственников, чтобы получить за них провиант. Поэтому зачастую официальная статистика смертности среди горцев не соответствовала действительности. А ведь смертность, особенно среди первых эмигрантов, была очень велика⁶⁴⁷. По сообщениям российского консула, в Трапезунде в 1864 году средняя смертность среди эмигрантов составляла 180-250 человек в день, в Самсуне и его окрестностях 200 человек в день. В Дербенте и Ирмаке умирало ежедневно более 500 эмигрировавших с Кавказа горцев⁶⁴⁸.

Так как горцам в Турции было обещано освобождение от обязательной воинской повинности на 20 лет, в Трапезунд приехал Али – паша для создания войска из добровольцев. Было завербовано 500 человек. Мухаджеры охотно шли на службу, т.к. турки новобранцев отлично одевали и кормили. Для усиления притока горцев в воинские ряды, было запрещено продавать мужчин на невольничьем рынке. В рекруты турки брали только не женатых и потому выходцы с Кавказа вынуждены были продавать своих жён и детей, чтобы поступить на службу. В основном такая практика существовала в приморских турецких городах, куда приплывали черкесы.

Возвращение чеченцев на родину

Выходцы из Турции рассказывали, что тоска горцев по родине была так велика, что они прямо умоляли уезжавших на Кавказ привезти им на обратном пути в сумках родной землицы, чтобы устлать ею дно могилы. Передавали также, что горцы, умирая и будучи правоверными мусульманами, лицом обращались не в сторону Мекки, а в сторону родины, к Кавказу⁶⁴⁹. Говоря о тяжёлом положении мухаджиров на новой родине, газета «Всемирный путешественник» в 1871 году писала: «Через год две трети из них умерли... Тяжёлое положение, в котором оказались изгнанники, постепенно убеждало их на практике, что они должны вернуться на Родину»⁶⁵⁰.

По свидетельству одного из чеченских мухаджиров, проживавшего недалеко от Карса, его отец в один из дней собрал сородичей и сказал им: «Места скверные, народ собачий». Старики призадумались, слушая его слова. Долго и молча размышляли, наконец, послышалось: «Я первый из тех, кто хочет ехать обратно», к этому голосу прислушались и другие. В результате 90 дворов чеченцев отправились на русско-чеченскую границу, где их и застала зима. Три недели их не выпускали из Турции, много лишений пережили эмигранты⁶⁵¹. Хаткоко Давлет-Гирей ещё ребёнком с первой волной изгнанников был увезён в Османскую империю и сполна вкусил горький хлеб чужбины. В надежде хоть как-то предостеречь своих собратьев, всё ещё покидавших отчизну, он писал статьи, которые с 1908 года печатались в парижском журнале «Мусульманин». Вот что говорилось в них: «Я смею думать, что напротив, именно Турция, и никто больше, погубила горцев в нравственном, моральном и физическом отношениях. Притворный и гнусный режим. Нет на свете краше и лучше Кавказа. Обманывать вас у меня нет причины»⁶⁵². Жизнь мухаджиров в Турции была тяжёлой не только в плане социально-экономическом, но и в культурном отношении, из того, что в ней проводилась шовинистическая пантюркистская политика, с запретами горцам носить национальную одежду, черкеску, папаху, бурку. Чеченцы в Турции находились на грани исчезновения. Многие из них со временем утратили свой родной язык, обычаи. В Сирии также в ассимилятивной форме чеченская диаспора была на грани исчезновения⁶⁵³.

Переселившиеся в 1865 году в Турцию горцы на другой же год стали оттуда возвращаться. Мужчины, старики, женщины с привязанными за спинами детьми выходили к границе с Россией, проклиная своё легкомыслие, и турок⁶⁵⁴. В 1872 году на столе российского посла в Турции графа Н.П. Игнатьева лежали заявления от 8 500 семей мухаджиров (около

50 тыс. чел.) с просьбой о разрешении на возвращение⁶⁵⁵. Из огромной массы желавших вернуться в 60-х – начале 70-х годов XIX века сумели возвратиться в родные места лишь 5857 чеченцев. Значительно больше количество переселенцев вернулось после войны 1877-78 годов. С 1890 года, по какому бы поводу не собирались чеченцы, они все чаще и чаще стали говорить о возвращении на родину.

В сентябре 1868 г. из Турции в Тифлис прибыло 25 чеченцев, и заявили руководству о полной готовности поселиться «хоть в России, хоть в Сибири, но не возвращаться в Турцию». Этим переселенцам было разрешено отправиться к начальнику Терской области для их дальнейшего нового поселения, при этом уже в Тифлисе было дано разрешение старым и сиротам остаться на родине. В дальнейшем чеченцев предполагалось поселить в Лабинском округе Кубанской области, но, в конце концов, их оставили в чеченском регионе⁶⁵⁶. В начале 1895 года большая часть чеченцев из разных мест Турции снова отправилась в Терскую область, но не многие получили разрешение там остаться⁶⁵⁷.

Препятствия, возникавшие при реэмиграции горцев

Затрудняя и вовсе запрещая возвращение мухаджиров на Кавказ, царское правительство спешило захватить плодородные земли в свои руки. Оно объявляло землю общинной и, рассматривая её в этом случае как государственную, распоряжалась ею по своему усмотрению⁶⁵⁸. Правила, регламентировавшие порядок переселения горцев в Турцию, утвержденные начальником Главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенантом А.П. Карцовым в июне 1861 года, четко определяли категории лиц, имевших право возвращаться на территорию Российской империи и лишенных его. Например, «решительно воспрещалось» возвращаться горцам, вступившим в турецкое подданство, просрочившим свои паспорта, получившим паспорт не на свое имя, а на несколько семей. При этом в примечаниях оговорено, что под вступлением в турецкое подданство следует понимать обращение к местным турецким властям с просьбой о наделе земли, водворение на отведенных землях, передачу паспорта турецким властям и иные факты, служащие «несомненным знаком намерения перейти в подданство другой державы»⁶⁵⁹.

Исключение для реэмиграции допускалось только для бывших офицеров. Офицеров царской армии – принимали обратно, разрешая вернуть-

ся каждому, правда, их поначалу принимали на службу (в виде наказания) низшими чинами. Для некоторых же лиц это «разжалование» в солдаты было фиктивным. Приведем для наглядности соответствующий документ: «Главкомандующий Кавказской армией, имея ввиду, что в числе переселенцев были и офицеры, которые, обманувшись в своих надеждах при переходе в подданство Порты и испытавши тяжкие бедствия переселения, вернулись опять на родину, искренне раскаиваясь в своих заблуждениях и предоставляя себя милосердию правительства и приняв во внимание легкомыслие и незнание законоположений, а, также руководствуясь некоторыми другими соображениями, не счел справедливым подвергать их той ответственности, которую влечет за собой всякое недозволенное оставление отечества..., а потому ходатайствовал, чтобы всех офицеров из туземцев Кавказского края – переселенцев, возвратившихся из Турции, а равно просрочивших заграничный отпуск, не прибегая к дальнейшим расследованиям степени виновности их и не предавая суду, считать исключенными из службы, с тем, что если они вновь пожелают в оную вступить, то не иначе, как нижними чинами, и вместе с тем лишенными прав на заслуженное прежде от казны содержание, доколе они вновь не приобретут на оное право верною и усердною службою»⁶⁶⁰.

С 1865 по 1871 гг. 3760 чеченцев пожелали вернуться на родину, и вышли к русско-турецкой границе. Наместник на Кавказе разрешил вернуться в Терскую область 2260 горцам, 1500 человек вынуждены были остаться в Турции⁶⁶¹. Только за один, 1871 год из Турции возвратилось более 1,5 тыс. чеченцев⁶⁶². Вслед за уходом в 1863-65 гг. до 40 тыс. чеченцев и кабардинцев в Турцию, в начале 70-х годов произошёл возврат почти половины ушедших семей на родину⁶⁶³. Не видя другого выхода из создавшегося тяжёлого положения на чужбине, горцы стали продвигаться к русско-турецкой границе, для возвращения на Кавказ.

Переселенцам объявили, что при попытках пересечь границу против них будет применено оружие, как турецкой стороной, так и российской⁶⁶⁴. 12 ноября 1865 года турки произвели 13 выстрелов по чеченцам. Около 11 часов Камил Али – паша дал команду стрелять ядрами. Первое ядро поразило несколько человек, остальные разорвались в середине чеченского лагеря. После 5 выстрелов чеченцы были вынуждены покинуть границу⁶⁶⁵. Российские власти настаивали на том, чтобы Порта удалила от границы желающих вернуться на Кавказ. Кавказские переселенцы, не теряя надежды, обращались с прошениями о возвращении на родину в Генконсульство, к наместнику на Кавказе, начальнику Терской области,

императору Александру II⁶⁶⁶. Так, к кавказскому руководству с просьбой о возвращении обратился подпоручик русской службы Шахвали Хамзаев, у которого в Турции умерли брат, сестра и тётка⁶⁶⁷. В своём прошении на имя начальника Терской области чеченские мухаджиры сожалели о том, что эмигрировали в Турцию: «Покорнейше просим ходатайства Вашего Превосходительства, – писали они, – о возвращении нас на нашу родину. Мы узнали, что Мусса нас обманул, он говорил нам, что мы будем приняты на службу в том же достоинстве, какое имели у Вас. Теперь оказалось, что его слова были ложны, а справедливы Ваши. Из нас и так погибла уже одна треть»⁶⁶⁸. Мухаджиры Гамбулаг, Гадис, Гасихан, кадий Имаз и Астемир обратились к великому князю Михаилу Николаевичу. В своём прошении они сообщали: «Ваше императорское Высочество, мы находимся в весьма несчастном положении и просим Вас: будьте милосердны, разрешите нам возвратиться к Вам. Если бы имели малейшую возможность остаться здесь, мы не смели бы беспокоить Вас. Царь Московский для нас отец родной»⁶⁶⁹. Им был дан ответ, что они теперь турецко – подданные, и российские власти не вправе пропускать подданных чужого государства. Тогда горцы обратились к турецким властям, но Великий визирь Гусейн – бек возразил, что чеченцы не могут считаться турецко – подданными. Таковыми были только те, кто прожил в Турции 3 года⁶⁷⁰. Чеченцы вновь обратились к наместнику на Кавказе, с просьбой вернуть их на родину. В начале октября 1865 года более 500 чеченцев, находившиеся на границе около Александропольского кордона сообщили российским властям, что они готовы креститься, дабы вернуться на родину⁶⁷¹.

В начале ноября 1865 года на русско-турецкой границе уже скопилось 2600 человек, желавших принять православие и вернуться на Кавказ. Однако российское руководство даже на таких условиях не спешило пропускать их через границу, т. к. опасалось, что 18 тыс. чеченцев, располагавшихся в ближайших районах Турции, тоже пожелают креститься и вернуться на родину, а ведь возвращаться им было уже некуда, родовые земли были или конфискованы или проданы⁶⁷². В итоге было разрешено направить в Тифлис только 200 человек, находившихся у турецкого Арпачая. Принятие православия ставилось необходимым условием для этого, но на немедленном крещении чеченцев власть не настаивала. На Кавказе горцев конвоировали казаки, им выделялся провиант и дрова на ночлег. Эти переселенцы были в дальнейшем размещены в Надтеречном наместстве⁶⁷³.

Все пропущенные из Тифлиса во Владикавказ партии чеченцев находились в крайне бедственном положении: без всяких средств к су-

ществованию, без продовольствия, без скота и арб. Большинство партий составляли женщины и полунагие дети. При некоторых партиях оказывалось по несколько лошадей, но и те служили не для подъёма тяжестей, а для подвоза изнурённых стариков или больных женщин и детей⁶⁷⁴. Многим мухаджирам, после долгого переговорного процесса с турецкими и российскими властями пришлось повернуть обратно в Турцию, другие всё-таки тайно переходили границу.

Нелегальное возвращение чеченцев на Кавказ

Переходы русско-турецкой границы, по преимуществу тайные, всё учащались. Самое большое количество задерживаемых переселенцев было в Александропольском и Тифлисском уездах, а также в Тифлисе, по Военно-Грузинской дороге, на Дарьяльской заставе и в самом Владикавказе⁶⁷⁵. Начальник Терской области М.Т. Лорис – Меликов спешил сообщить в Главный штаб Кавказской армии о необходимости усиления надзора за переселенцами на границе. Эриванский военный губернатор 21 октября 1868 года предложил начальнику Александропольской кордонной линии: «...Строжайше объявить кардонной страже, что в случае нового прохода партий чеченцев стража поста, около которого пройдут чеченцы, будет предана суду». Всего в течение сентября и октября 1870 года перешли турецкую границу 758 человек, все они были сданы в Александропольскую карантинно-таможенную контору для передачи турецким властям. Но не смотря на все предпринятые меры, чеченцы переходили границу преимущественно вблизи Александрополя, по горным и лесным тропам, пробирались в Тифлис, где обращались к наместнику на Кавказе с просьбой о разрешении вернуться на родину. Они были согласны даже поселиться в любом уголке России, лишь бы не возвращаться в Турцию⁶⁷⁶. Горцы обычно прорывались через границу ночью, небольшими группами по 5-20 человек и проходили незамеченными ни кордонной стражей, ни местной земской полицией Тифлисской и Эриванской губерний.... Некоторым мухаджирам из-за отсутствия необходимых документов приходилось подкупать стражей порядка. Так, кумык Абдула, не имея паспорта, беспрепятственно добрался из Турции до Терской области. На вопрос, как ему это удалось, он ответил: «...отделывался деньгами»⁶⁷⁷.

Пограничный надзор являлся основной формой действий, который осуществлялся непрерывно и по всему периметру границы. Охрана

границы строилась в две линии. На первой линии сосредотачивались основные усилия пограничных постов и кордонов. Вторую линию прикрывали тыловые посты и летучие отряды. Нередко нарушители прорывались через границу большими партиями численностью по 50-100 и более человек. В этом случае они не бежали от пограничной стражи, а вступали с ней в открытый бой. Пресекая вооруженные прорывы через государственную границу крупных партий нарушителей, пограничники применяли приемы и способы «малой войны», т.е. партизанской. К числу таких способов можно отнести налет, засаду и т.п. В необходимых случаях пограничники при поддержке подразделений усиления от армейских гарнизонов могли осуществлять оборонительные и наступательные действия.

Нередки были случаи, когда нарушители границы стремились подкупить чинов пограничной стражи. Как показал анализ архивных документов, в этом случае порядок действий объездчиков или стражников был следующим: они могли брать взятку, но при этом обязаны были доложить об этом руководству. Такая форма борьбы с коррупцией довольно активно практиковалась в середине XIX в., но в дальнейшем от нее, по всей видимости, на официальном уровне, отказались⁶⁷⁸.

Чтобы остановить поток нелегальных мигрантов, Россия приняла некоторые дипломатические меры в отношении Турции. К началу дипломатической переписки в Терской области было схвачено несколько турецких агентов, агитировавших к восстанию. В ходе восстания Порты якобы обещала объявить России войну и поддержать кавказских горцев⁶⁷⁹. Приведя данные факты руководителям Турецкой империи, российское руководство поставило турецкое правительство перед выбором: «...Если поток эmissаров, проникающих в Терскую область, не будет остановлен, то кавказское начальство поневоле вынуждено будет открыть свободный уход в Турцию целым массам горского населения». После такого ультиматума турецкие власти постарались следовать указаниям России относительно кавказских переселенцев, хотя и продолжали выражать своё недовольство её действиями на Кавказе⁶⁸⁰.

Если мухаджиры возвращались на Кавказ легально, по турецким паспортам, с целью «посетить родственников», им это разрешалось только по согласованию с местным начальством⁶⁸¹. В 1866 году предполагалось отправить в Турцию новые партии чеченцев, но турецкое правительство отказалось принять их, говоря, что и с предыдущими

переселенцами у них слишком много хлопот⁶⁸². Без паспортов, тайно в 1866 году 53 чеченца проникли на Кавказ, о чём М.Т. Лорис – Меликов с возмущением сообщил в Тифлис⁶⁸³.

Окончательное решение о расселении прибывших из Турции горцев принимал начальник Терской области в зависимости от «политической благонадёжности» эмигрантов. Жалобы переселенцы подать не имели права, так как ещё 9 июня 1856 года вышел указ императора, по которому никакие просьбы и жалобы на действия кавказского начальства вышестоящие инстанции не принимали⁶⁸⁴. Начальники округов нередко ходатайствовали перед руководством о возвращении на родину своих бывших подчинённых. В августе 1867 года М.Т. Лорис – Меликов предупредил начальника Чеченского округа, что отныне его ходатайства о возвращении из Турции чеченцев больше к рассмотрению приниматься не будут⁶⁸⁵. Не смотря на данный отказ, начальник Чеченского округа вновь обратился в том же году к руководству, с просьбой освободить из-под ареста бывших жителей аулов: Гойтинского, Урус-Мартановского, Ачхоевского, Гехинского и Алхан-Юртовского и передать их на руки родственников. К сожалению, ответ начальника Терской области на данную просьбу так и остался неизвестен⁶⁸⁶. Иногда в решение переселенческих вопросов вмешивался великий князь Михаил Николаевич.

В годы активного мухаджирского движения М.Т. Лорис – Меликов в ультимативном порядке принудил выселиться почти всех карабулак в Турцию из-за его явно выраженного предвзятого отношения к ним. В рапорте А. Нурида на имя командующего войсками Терской области сообщалось: «Переселение карабулак идет хорошо, сами зажигают свои аулы, чтобы не оставить казакам»⁶⁸⁷. В 1871 году Наместник Кавказа разрешил пропустить в Терскую область 102 карабулака. М.Т. Лорис – Меликов ходатайствовал о возвращении их обратно в Турцию, но Михаил Николаевич не отменил своего распоряжения. Карабулаки остались в Терской области. В 1871 году наместник на Кавказе высказал начальнику Терской области своё мнение о желательной отмене безусловного запрета на возврат чеченцев из Турции. Михаил Николаевич заметил, что запрет этот практически не выполним, и сам Лорис – Меликов его периодически нарушает, оставляя горцев в Терской области. Михаил Тариелович, в ответе, данном 12 июня 1871 года, не согласился с наместником, и этот запрет продолжил своё действие на территории области⁶⁸⁸.

Н.П. Игнатьев

В 1867 году послом России в Османской империи был назначен Николай Павлович Игнатьев. Уже к 30 годам за свои разведывательные заслуги от императора Александра II он получил генеральский чин. Н.П. Игнатьев работал в МИД и возглавлял созданный там Азиатский департамент⁶⁸⁹. Александр II был крестным отцом Игнатьева. Это придавало последнему определенные силы, и он позволял себе сделать больше, чем делали другие. В Константинополе Н.П. Игнатьев постоянно сталкивался с противодействием российским инициативам со стороны европейских представителей, и это усиливало его убежденность во враждебности Европы к России. Игнатьев писал: «Всякий раз, когда нам приходилось отстаивать правое дело, если только в нем были прямо или косвенно замешаны интересы России, мы всегда оставались одинокими перед лицом сплотившейся против нас Европы». Н.П. Игнатьев заказывал статьи корреспондентам европейских газет в Константинополе, которые уже в Европе публиковали статьи в интересах России. На эти цели посольству ежегодно выделялось 20 тыс. рублей.

Вскоре после приезда в Константинополь Игнатьев создал с помощью православных общин широкую осведомительную сеть, работавшую подчас совершенно бескорыстно. Он прекрасно знал положение в империи, интриги в серале, а также обладал обширным компроматом на турецких министров и чиновников. Как писал в своих воспоминаниях дипломат Ю.С. Карцов, турецкие министры боялись Н.П. Игнатьева и были у него в руках. Игнатьеву удалось установить дружеские отношения со многими министрами Порты, к нему благоволили султан и наследник. Это позволяло успешно решать многие вопросы. Некоторые современники упрекали Игнатьева в коварстве, но сам он называл это «деловой сметкой». Не смотря на некоторые недостатки, он являлся одним из талантливейших дипломатов своего времени⁶⁹⁰.

При Александре III с 1881 года Н.П. Игнатьев оказался в кресле министра внутренних дел, сменив в нем уволенного М.Т. Лорис – Меликова, здесь ему пришлось непосредственно руководить новыми спецслужбами России, пришедшими на смену упраздненному Третьему отделению. Умер знаменитый разведчик и дипломат в 1908 году в большой бедности и нужде, так как в силу авантюрного склада характера на старости лет промотал и проиграл в карты все свое значительное состояние⁶⁹¹.

С 1867 года, благодаря дипломатическим способностям Н.П. Игнатьева, горцы стали возвращаться в Терскую область организованными

партиями. Указанные партии обратных переселенцев формировались в Александрополе. За все происшествия, которые могли произойти по дороге из Александрополя во Владикавказ, в каждой партии отвечали двое старшин, выбранных переселенцами. Ответственность они несли перед российскими органами управления⁶⁹². На границе российские власти снабжали чеченцев в случае необходимости одеждою и обувью, а также кормовыми деньгами, по 5 копеек на человека в сутки и отправляли их партиями во Владикавказ⁶⁹³.

Помимо официально зарегистрированных горцев, вернувшихся из Турции, многие, пробравшиеся тайно в Терскую область, стали жить там инкогнито, под чужими именами или в труднодоступных местах – опасаясь высылки в Турцию. Поэтому итоговое количество возвратившихся из Турции горцев можно подсчитать лишь условно. По некоторым данным, в общей сложности в Терскую область возвратилось к середине 70-х годов XIX века почти половина ушедших в Турцию горцев. Большое количество переселенцев вернулось, во время боевых действий и после их завершения, из Турции в 1877-78 годах⁶⁹⁴. Некоторые из чеченцев во время русско-турецкой войны решили эмигрировать на Ближний Восток, в знак протеста против действий российских властей во время восстания 1877 года и в знак солидарности с единоверцами⁶⁹⁵.

5 сентября 1872 года Кавказский наместник утвердил временные правила по переселению кавказских мусульман в Турцию и Персию. Это был один из первых законодательных актов, серьёзно препятствовавший исходу горцев из Терской области. Правительственная акция по массовому переселению горцев Северо – Восточного Кавказа в Турцию была закончена. Основные цели, преследуемые правительством России, были выполнены. Прежде всего, произошла «безболезненная» конфискация земель мухаджиров, ушедших в Турцию. Политически неблагонадёжное население области было устранено. Увеличение русскоязычного населения Терской области также произошло за счёт вытеснения коренных жителей. После возвращения горцев из Турции власти также получили возможность «фильтровать» население, по своему усмотрению его расселять, а неугодных снова отправлять в Турцию⁶⁹⁶.

Общее переселение мусульман после 1872 года заметно уменьшилось. Если до 1870 года перед переселением в Турцию движимое и недвижимое имущество оставалось горцам, то теперь недвижимое имущество в обязательном порядке переходило в распоряжение аульного общества. Кроме того, переселявшийся обязан был дать расписку о том, что он не

вернётся назад. С 1872 года каждый горец, уходивший в Турцию, обязан был перед отправлением в Мекку, предоставить поручительство своего общества, согласно которому оно возьмёт на себя обязанности оплатить казне расходы, если по каким – либо причинам паломник не вернётся назад⁶⁹⁷. Из донесения М.Т. Лорис – Меликова от 4 сентября 1873 г. за № 3357 видно, что в течение 1867-1872 гг. в Турцию из Терской области отправлялись «...лишь одиночные богомольцы по годовым или полугодовым паспортам, возвращавшиеся обыкновенно в срок»⁶⁹⁸.

Расселение вернувшихся в Российскую империю мухаджиров

В период правления Терской областью Д.И. Святополк – Мирского, вернувшиеся мухаджиры расселялись в основном на местах их бывшего проживания. С 1863 по 1875 год, когда областью управлял М.Т. Лорис – Мекликов, на прежние места жительства эмигранты практически не возвращались. Все они стали относиться к категории временно проживающих. Получившие право обратного возвращения на Кавказ, селились в разных местах, но без права на земельный пай. Некоторые общины принимали обратно своих бывших членов, но зачастую делали это из снисхождения и неохотно, так как приходилось делиться с возвратившимися из Турции земляками. В то же время многие аулы пустовали, земли были заброшены, но они стали достоянием государства и селиться там не разрешалось⁶⁹⁹. Представители высших сословий горцев, вернувшись из Турции, автоматически теряли свои привилегии, так как в области к этому времени была проведена земельная реформа. Некоторым бывшим господам предоставили кров их же холопы. Представители Высших слоёв общества стали выполнять тяжёлую физическую работу, раньше считавшуюся для них позорной. Весь уклад их жизни коренным образом переменялся⁷⁰⁰.

Возвратившиеся в Терскую область чеченцы были в основном поселены в Надтеречном наибстве. Предполагалось поселить чеченцев в Ставропольской губернии⁷⁰¹. В 1872 году, по Указу Государственного Совета, возвратившиеся чеченцы были поселены на казённых землях Кизлярского уезда среди русского населения. На первоначальное обустройство хозяйством правительство выделило чеченцам из казны 5 тыс. рублей⁷⁰². Осенью 1868 года уроженцы Урус-Мартановского наибства, тайно перешедшие границу, были отправлены для поселения в Лабин-

ский округ Кубанской области для того, чтобы: «..своим нищенским видом и рассказами о претерпённых ими бедствиях охладить в Лабинских жителях стремление к переселению в Турцию»⁷⁰³. В виде «особенной милости» Его Высочество разрешил чеченцам поселиться на Кубани⁷⁰⁴. Несколько из прибывших в Тифлис партий направлены были в Кубанскую область, но при следовании туда они все были задержаны во Владикавказе и затем, по распоряжению начальника Терской области, водворены в Чечне, на местах их прежнего жительства. В 1868 году несколько небольших партий мухаджиров были отправлены в Чечню не по Военно-Грузинской дороге, а окружным путём – через Закатальский округ Дагестанской области. Власть рассчитывала на то, что бедствующий вид чеченских переселенцев заставит забыть жителей Дагестана об эмиграции в Турцию. Однако мера эта не привела ожидаемого эффекта, дагестанцы воспринимали чеченцев как правительственных агентов, мешавших им эмигрировать в единоверную Турцию⁷⁰⁵.

В 1892 году начальник Терской области С.В. Каханов выступил с проектом перемещения наиболее «неблагонадёжных» чеченских аулов в степи Ставропольской губернии, а по данным Б.П. Берозова, примерно в то же время в кругах кавказской бюрократии обсуждался план переселения безземельных горцев в Сибирь и Среднюю Азию, однако обе эти невероятно затратные, как с политической, так и с финансовой точки зрения идеи реализованы не были⁷⁰⁶.

Новое переселение горцев в Турцию в 1880-1890 гг.

В 1880-1890 гг. наблюдался новый всплеск переселения горцев с Северного Кавказа в Турцию в больших масштабах. В 1893 году было столько желающих переселиться в Турцию, что участились случаи переселения без разрешения властей. Ещё в 1876 году из Стамбула (Константинополя) в Кавказское горское управление, 7 февраля поступило очередное тревожное предупреждение от посла России Н.П. Игнатьева, в котором говорилось, что возглавляемое им дипломатическое ведомство уже не раз обращало на это внимание краевых властей. В послании также указывалось на недостаточность «надзора на границе и об огромном количестве лиц, находящихся возможность прибыть в Турцию без паспортов и без дозволения начальства»⁷⁰⁷. Но в тоже время имело место и возвращение чеченцев на свою родину⁷⁰⁸. Ранее чеченцы жили на Тере-

ке, но постепенно казаки и русские переселенцы вытеснили их. Отсутствие справедливости при земельном распределении, недостаток средств существования заставили многих горцев эмигрировать за границу⁷⁰⁹. В 1888 году чеченцы жаловались властям на земельное стеснение, но их просьба привела к тому, что часть их была выселена в Турцию⁷¹⁰. Горцев подталкивало к выселению и христианское население Терской области, прямо заинтересованное в приобретении новых земель и имуществ, распродаваемых чеченцами по низким, бросовым ценам⁷¹¹.

Хотя, к началу 90-х годов XIX века переселение в Турцию формально было запрещено, начальник Терской области настаивал на возобновлении этого процесса. В своём отчёте за 1892 год он писал: «Следовало – бы не только не воспрещать им переселение в Турцию а, наоборот, в некоторых случаях даже поощрять таковое, конечно, при условии окончательного воспрещения обратного переселения»⁷¹². «Сбывать» в Турцию «нежелательный элемент» предлагал начальник Терской области Каханов. 11 марта 1893 года он писал начальнику штаба Кавказского военного округа: «...А так гораздо удобнее иметь ненадёжных людей вне государства, чем внутри территории, то это одно уже заставляет не только не препятствовать переселению туземцев, но и желать этого. Существуют особые разряды людей, дальнейшее пребывание которых в области вредно и поддержание которых, вопреки их желанию, только усиливает возможность беспорядков. Не только не следовало бы воспрещать желающим туземцам переселение в Турцию, но в некоторых случаях поощрять такое переселение». За счёт освобождающихся земель Каханов предполагал увеличить наделы остающихся горских крестьян. Если и после этого останутся свободные земли, он предполагал переселять на них русских крестьян⁷¹³.

В 90-х годах XIX века стремление к переселению в Турцию усилилось среди мусульманских народов в разных частях империи. Причины для появления этого желания были разными. В Поволжье, например, распространялись слухи о предстоящем, якобы, обращении в православие местных мусульман, основанные, по словам властей, на не правильном толковании мусульманским духовенством некоторых правительственных распоряжений. У кавказских мусульман стремление к выселению усилилось в связи с предполагавшимся новым обсуждением вопроса о распространении на них обязательной воинской повинности. Какая-то часть мусульманского населения стремилась в пределы султанской империи в поисках лучшей доли⁷¹⁴. Я.В. Абрамов, многие годы занимавшийся на рубеже XIX – XX вв. этой проблемой, среди прочих причин переселения

горцев на новом этапе называл: создание привилегированного положения казачьей верхушки в крае, «...которая, пользуясь поддержкой администрации, становится в некотором роде начальством над горцами», менее выгодное экономическое положение горцев, чем казаков; введение круговой поруки за преступления; практика обезоружения горцев; намерение привлечения горцев к отбыванию воинской повинности»⁷¹⁵.

Существовала и другая точка зрения. Наиболее ярко она представлена в статье под названием «Отчего наши горцы переселяются в Турцию», опубликованной в областной газете в 1904 году. Автор, пожелавший остаться неизвестным, писал, что горцы бегут в Турцию не по причинам своего бедственного положения. На его взгляд, причин много, но главная заключается в нежелании горцев подчиняться законам страны, «так как все горцы считают себя привилегированным народом», для которого было бы унижением отбывание повинностей, лежащих на русском крестьянине. Поводом к новым переселениям, – продолжает автор указанной статьи, – стало введение поземельного налога среди горцев взамен подымной подати, которую они рассматривают как первый шаг к уничтожению их привилегий и «со страхом говорят о предстоящей солдатчине», идут также старики, мечтающие найти вечное успокоение поближе к гробу Магомета, а также горская вольница, не привыкшая к труду»⁷¹⁶.

В 1896 году начальник Грозненского округа попытался выяснить причины эмиграции чеченцев в Турцию на сходе жителей Урус-Мартана, на котором присутствовало более 1000 человек, среди которых своё мнение высказывали старшины и влиятельные люди. По их мнению, чеченцы вынуждены были покинуть родину в связи с:

- 1) Запрещением публичной зикры, хотя все знают, что зикра не установлена шариатом.
- 2) Недостаточным выделением начальства из среды народа влиятельных людей.
- 3) Назначением старшин не всегда из почётных людей (привели примеры).
- 4) Устройством школы, на которую будут собирать деньги с народа.
- 5) Ожиданием, что по сёлам будут ставить на поселение солдат.
- 6) Приростом населения и неизменностью количества земли.
- 7) Вскрытием умерших неестественной смертью.
- 8) Освобождением в Турции земель из-за «избиения армян», которые чеченцы смогут свободно занимать⁷¹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что стремление какой-то части горцев к переселению в Турцию сохранялось и на рубеже веков, причины переселения были разнообразны. При этом также очевидно, что, как и после завершения Кавказской войны в российских властных структурах устойчиво сохранялась точка зрения на возможность использования стремления горцев к переселению в соответствии с видами правительства. Логика, лежавшая в основе миграционной политики правительства на Кавказе, предполагала, что действия по выдавливанию нежелательного населения из стратегически важных районов должно дополняться русской колонизацией. Наиболее последовательно эта политика проводилась на Западном Кавказе. Несколько в меньших масштабах она осуществлялась и на Северо – Восточном Кавказе.

Несмотря на очевидное стремление российских властей не препятствовать переселению горцев в Турцию, после 1901 года, по разного рода политическим соображениям, официальное переселение мусульман с Кавказа было приостановлено. Причиной тому послужило очередное обострение армянского вопроса в Турции. В связи с этим российский посол в Константинополе попросил Императорское министерство привлечь внимание кавказского начальства на крайнюю желательность отсрочки вопроса по переселению горцев до более спокойного и благоприятного времени⁷¹⁸. В этот период Турция уже не пыталась скрывать, что за счёт горцев надеется заселить армянские территории.

Миграции в Османскую империю и депортации населения внутри империи, с рассеянным расселением депортированных так, чтобы численность определенной нетюркской этнической группы в каждой местности не превышала 5-10%, были не просто связаны между собой, но стали со временем частью единого плана. Координация этой политики, ключевым элементом которой была теперь этничность, а не конфессия, занимались Директорат общественной безопасности и Директорат по делам расселения племен и иммигрантов Министерства внутренних дел.

Османская империя может служить примером того, как миграции из соседних империй и связанная с ними демографическая политика в самой империи османов становились важнейшим фактором формирования нации в ядре империи. Возрастающая обеспокоенность правительства султана тем, что стратегически важные районы вокруг столицы империи были заселены не мусульманами (главным образом, армянами и греками), совпадала с новыми волнами как добровольных, так и вынужденных переселений из России...⁷¹⁹.

Российское правительство опасалось, что горцы могут быть использованы османами для выдавливания христианского населения из Сирии, отток которого в Египет и Америку с этой турецкой территории активизировался с начала XX века⁷²⁰. Штаб Кавказского военного округа в 1895 году уведомил начальника Терской области, что тот, дабы приостановить процесс переселения чеченцев в Турцию, должен сообщить последним, что в случае если эмигрирует более половины жителей аула, оставшихся администрация в принудительном порядке выселит на новое место или расселит по другим сёлам⁷²¹. Тем не менее, в 1896 году желание переселиться высказали 2000 семей Хасав-Юртовского, Нальчинского, Грозненского и Сунженского округов. В 1898 году 10000 жителей Терской области заявили о своём желании переселиться в Турцию⁷²². Большинство из желающих эмигрировать в Турцию говорили об этом только рассчитывая на отказ руководства, полагая, что власть попытается их задержать на родине, даровав им некоторые льготы. Однако начальник Терской области генерал-лейтенант Каханов был настроен очень решительно: «...Единственный способ обречь Терскую область, где только 1/3 русского населения, – убеждал он руководство, – это только переселение туземцев в Турцию, воспользовавшись их желанием»⁷²³.

Вводимые властью ограничения на эмиграцию горцев с Кавказа

Активизация желания переселиться в Турцию встревожило русское правительство. В начале 1899 года при Министерстве внутренних дел было образовано «Особое совещание» для обсуждения мер, которые необходимо принять против агитации за переселение в Турцию, а также для выработки более строгих правил выдачи разрешений на переселение навсегда в Турцию⁷²⁴. В соответствии с выработанными предложениями (утверждёнными царём Николаем II в 1901 г.), желающие эмигрировать должны были выполнить много условий, выдвинутых правительством для переселения в другое государство. Ещё предпринятые в конце 60-х годов XIX века меры по проверке корреспонденций, поступающих из Турции горцам, были ужесточены. Также тщательно стали изучаться каналы поступления на Кавказ частных приглашений и воззваний к уходу горцев в Турцию⁷²⁵.

По распоряжению МВД, с 1899 года все изъявившие желание переселиться в Турцию, прежде всего, должны были получить согласие

турецкого правительства на принятие их в подданство⁷²⁶. После этого они должны были подать заявление местной губернской власти с ходатайством о лишении их российского гражданства. По распоряжению власти составлялись списки. Переселенцев предупреждали, что они теряют права русских поданных, переселение будет осуществляться за их собственный счёт, и они должны будут заплатить государству перед отъездом все недоимки. Также Императорскому посольству было вручено циркулярное предписание не визировать кавказским эмигрантам паспортов на въезд в Российскую империю, дабы избежать их возвращения на родину⁷²⁷. Однако, постановление Совещания, осложнив процесс выселения, всё же не воспрепятствовало ему. В 1901 г. в Конию прибыло 242 семьи «черкесов» (1210 чел.) – чеченцы, дагестанцы, ингуши и кабардинцы. По указу Абдул Хамида II оставшихся в Кони «черкесов» поселили вдоль Багдадской железной дороги (начиная от Кони). 25 июня 1901 г. с разрешения русского правительства на постоянное поселение в Турцию выехало ещё 2000 чеченцев⁷²⁸.

Переселение горцев в Турцию не прекращалось даже в начале XX века, хотя переселенцы – горцы, испытав все тяготы жизни в Турции, возвращались на Кавказ с большими трудностями⁷²⁹. Проводимая исламским духовенством переселенческая пропаганда 1890-х годов, начавшаяся в Кабарде и Чечне, призывавшая к эмиграции в Османскую империю по чисто религиозным мотивам, приобрела особое звучание ввиду официальной поддержки султана. Число мухаджиров быстро росло⁷³⁰. В 1900 году в Турцию ушли чеченцы из тейпа «Курчалой» – переселенцев возглавлял один из мюридов наиба Шамиля Ташу-Хаджи. Эта группа чеченцев прибыла в Иорданию, и король предоставил им земли в пойме реки, где потом вырос город Заркъя. Большинство переселенцев волны 1900 года составляли жители Ножай-Юртовского и Гудермесского районов. На начальном этапе руководил переселением почитаемый в религиозных кругах Товсултан – Хаджи. Перед смертью в Альваре (Турция) сан духовного правителя войн-мухафи он завещал своему зятю Абдулле. Он и повёл часть беженцев в современную Иорданию. Среди мухаджиров широко были представлены тейпы: гильной, беной, зандахой, бильтой и др.⁷³¹. В 1900 году в Турцию прибыло 26 чеченских семей (152 человека)⁷³². Поселение Азрак Шишан (в переводе с арабского «Голубая Чечня»), самое отдаленное от иорданской столицы поселение северокавказских мухаджиров (около 50 км.). Его жители должны были защищать Амман и прилегающие плодородные оазисы от набегов бедуинских племен с востока⁷³³.

В связи с тем, что вопрос о массовом переселении горцев в самом начале XX века ещё не был разрешён в положительном смысле, переселенцы обычно шли по уже апробированному их предшественниками пути – по заграничным паспортам отправлялись якобы для паломничества в Мекку, а, достигнув пределов Турции, там оседали и домой уже не возвращались⁷³⁴. В 1901 году на постоянное место жительства в Турцию переселилось 10000 горцев Северного Кавказа⁷³⁵. По мнению одного из эмигрантов, главной причиной было то, что их детей принуждали изучать русский язык. Черкес сказал: «...Если наши дети выучатся по-русски и перестанут быть хорошими мусульманами; для нас, же, мусульман, прежде всего необходимо изучение священного Корана»⁷³⁶. 700 чеченских семей во главе с шейхом Муххамед-Амиром переселились в Османскую империю в 1905-1906 годах⁷³⁷. Третий поток беженцев-переселенцев в Турцию совпал с началом Первой мировой войны. Маршрут мухаджиров пролегал через Одессу, где их и застала война⁷³⁸.

В целом эмиграция продолжалась до начала Первой мировой войны, когда Россия закрыла границы⁷³⁹. Турецкое правительство встретило переселенцев сурово: место для поселений указало в каменистых долинах, окружённых голыми скалами. Сразу потребовало отбывания воинской повинности всеми молодыми людьми, достигшими 22 лет. Не пожелавшие служить должны были немедленно покинуть Турцию⁷⁴⁰. Положение российских мусульман в Турции, в начале XX века, было весьма плачевно. Почти не одно из важных дел для переселенцев, обещаний, данных эмиссарами турецкого правительства не были выполнены⁷⁴¹. Многие горцы захотели вернуться обратно в Россию, но сделать это было уже намного сложнее, чем раньше, ведь в большинстве случаев с них на родине уже была взята подписка о том, что они покидают Россию навсегда и отказываются от её подданства. Согласно циркуляра Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе от 1 августа 1902 года за № 683, изданного на основании выработанных Особым совещанием при МВД в 1899 году предложений, просителям было объявлено, что обратное возвращение в Россию допущено не будет⁷⁴². Ежедневно десятки мухаджиров обращались в российское консульство на территории Порты с просьбой завизировать паспорта для возвращения в Россию, при этом горцы упорно отрицали заявления турецких властей о том, что они мухаджиры. Они уверяли дипломатов, что прибыли в Турцию для свидания с родственниками, для посещения святых мест, по коммерческим делам и как русско – подданные – обращаются в вице – консульство для оказания им помощи в возвращении на родину⁷⁴³.

Некоторым горцам удалось пробраться через границу и вернуться в Терскую область, но и тут у них возникали проблемы. Так как у возвращенцев не было российских паспортов, они обязаны были, чтобы получить русские билеты на жительство, достать сначала в Турции национальный паспорт, а затем завизировать его в российском консульстве на территории Порты, доказав при этом, что владельцы национальных турецких паспортов не являются мухаджирами, а стали гражданами Турции по другим причинам, но в данное время хотят поменять подданство на российское. Такая сложная бюрократическая схема практически не давала шансов мухаджирам для возвращения на родину, даже нелегальным путём, хотя были, конечно, средства, решавшие все проблемы – это, прежде всего, деньги и личные связи⁷⁴⁴.

Итоги и уроки мухаджирского движения

В англо-американской историографии разброс оценок количества мухаджиров колеблется от 600 до 3000000 человек⁷⁴⁵. Также в западной историографии приводятся данные о количестве эмигрировавших в Турцию чеченцах – 100 тыс. человек⁷⁴⁶. По данным россиянина Д.Е. Еремеева, всего в Турцию переселилось до 1,8 млн. горцев, по подсчётам В.А. Аболтина и Р. Гожбы – свыше 3 млн., однако многие погибли при переселении и впоследствии от болезней в непривычном климате. Поэтому к 1876 году их было около 1 млн., а к 1912 году – только 400000. Последняя цифра – явное следствие их сравнительно быстрой ассимиляции в турецкой среде. Они сыграли свою роль в истории Турции. Ныне около 1 млн. граждан Турции, проживающих в 830 сёлах, считают себя потомками горцев Кавказа⁷⁴⁷. Переселение в Турцию оставило тяжёлый, неизгладимый след в истории чеченского народа. Чеченский фольклор лучше всего раскрывает душевные переживания мухаджиров. В этом плане хорошо иллюстрирует события той эпохи чеченская народная песня, слова которой мы и приводим ниже:

*«Волк завывает на склоне далеком тоскливо.
Может он с голоду воем, его успокоит пожива,
Может, на склоне лесистом дождется он ночи,
Выследит лань и затихнет, до крови охочий*

*Волк не от голоду воеет, он голод бы выдержал молча
Воеет он, воеет, от стаи отбившийся волчьей.
Воеет он, зверь одинокий, в печали бесплодной,
Воеет он сытый, бедняга, и воеет голодный.*

*Странники мы, мы на этого волка похожи.
Голодны ль, сыты ли, воем по-волчьи мы тоже.
Мы от родимых могил, от земли оторвались.
Мы на чужбине остались и здесь затерялись.*

*Так караван, что стремился добраться до Мекки.
Сбился с пути и остался в пустыне навеки...»⁷⁴⁸*

Обобщая рассмотренный материал, подведём итоги. Не было бы Кавказской войны, не пришлось бы горцам покидать родные селения, спасаясь от карательных экспедиций и злоупотреблений властей. Колонизация подтолкнула сотни тысяч людей к эмиграции⁷⁴⁹. Территория Северо – Восточного Кавказа до установления здесь российского управления была разделена между народами, родами, семьями и частными лицами. Чтобы сломать функционирующую социальную структуру, а также обеспечить полицейский контроль над жителями труднодоступных районов, было начато переселение аулов с гор на плоскость, укрупнение плоскостных селений, а также подталкивание горцев к выселению за границу государства. Тем самым правительство нарушало права земельных владельцев, но обеспечивало земельными участками казачьи поселения.

Во второй половине XIX века российскими властями было спровоцировано и организовано массовое выселение горцев в Турцию. В отличие от черкесов, вынужденных эмигрировать в ходе Кавказской войны, мухаджирское движение на Северо – Восточном Кавказе развивалось в условиях мирного времени. Больше всего в переселенческом движении были заинтересованы правящие круги, хотя и здесь не всегда царило единогласие. В результате эмиграции десятков тысяч горцев были освобождены большие пространства плодородных земель, автоматически становившихся собственностью казны. Западная Европа осуждала инспирированное Россией выселение горцев на Ближний Восток. Многие российские деятели высказывались против выселения, по крайней мере, в том виде, в котором оно происходило, но к их мнению редко прислушивались.

Необходимо отметить, что эмиграция чеченцев, кабардинцев, ногойцев, ингушей, карабулак не была насильственной, её скорее можно назвать принудительно-добровольной. Причём принуждение оказывалось правительством России как скрыто (путём агитации подкупных лиц), так и открыто (например, объявлением ультиматума карабулакам и полным запретом на их возвращение на родину). Выселение горцев в Турцию и укрупнение их поселений на Кавказе способствовало усилению государственного контроля над военно-политической и экономической ситуацией в крае.

В.А. Матвеев, в своей кандидатской диссертации делает правильный вывод о том, что: «...Выселение горцев относится к числу крупнейших геополитических неудач России. Страна теряла своих потенциальных соотечественников, способных приумножить её государственную силу и экономическое благосостояние. Это трагедия не только тех, кто потерял свою историческую Родину, но и самой России»⁷⁵⁰. Мухаджирство отнюдь не привело к ослаблению позиции ислама на Северном Кавказе. Более того, оно способствовало, пусть и не сразу, развитию его связей с Турцией, Ближним Востоком, что продолжало накладывать отпечаток на общую ситуацию в регионе, особенно в связи с возраставшей там, в конце XIX века, конфликтогенностью⁷⁵¹.

Насильственную эмиграцию по отношению к целым народам, многие из которых были на грани исчезновения, оправдать нельзя никакими политическими соображениями. Изгнание с исконных территорий, исключение из активной политической, социально-экономической, культурной жизни; огульные обвинения в предательстве, подрыве дружбы и братства незаконно, безнравственно, политически, экономически неоправданно, в высшей степени несправедливо и непредсказуемо по характеру и масштабам последствий⁷⁵². И закончить хотелось бы словами Владислава Суркова: «В России есть вековая привычка сорить людьми. Многие наши прошлые периоды развития отличались пренебрежительным отношением к человеческой жизни и человеческому достоинству. И я считаю, что главное, что мы можем сейчас сделать, это заложить основу такого общества, в котором человеческая жизнь и человеческое достоинство будут стоять на первом плане»⁷⁵³.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. ...докт. ист. наук. – М.,1998. – С.207.

² Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию...» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,1983. – С.154-155.

³ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.421.

⁴ Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.5-6.

⁵ Келиматов А. Чечня: в когтях дьявола или на пути к самоуничтожению (история, аргументы и факты глазами очевидца). – М.,2003. – С.15.

⁶ Шейнин Л. Малые государства – не выход из положения // Политический класс. – М.,2007. – № 8 (32). – С.77-79.

⁷ Линдквист С. «Уничтожьте всех дикарей». – М.,2007. – С.150-151.

⁸ Тимошенко Е.Н. Кавказский фронт Русско-турецкой войны 1877-78 гг. и переселение абхазов // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб.,2007. – С.275.

⁹ Линдквист С. «Уничтожьте всех дикарей». – М.,2007. – С.7.

¹⁰ Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа в XVII – первой четверти XIX века (Этнополитические аспекты взаимоотношений). Дис. ...докт. ист. наук. – СПб.,2005. – С.30-31.

¹¹ Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг. Дис. ...докт. ист. наук. – М.,2004. – С.98-99,105.

¹² Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне:1917 – 2000 гг. Дис. ...канд. полит. наук. – М.,2006. – С.168-169.

¹³ Волкова И.В. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи. Дис. ...докт. ист. наук. – М.,2006. – С. 674 -675.

¹⁴ Матчанова З.Ш. Проблема низкой эффективности мер противодействия террористической деятельности на Северном Кавказе: историко-правовой экскурс // Человек и Закон. – М.,2007 – № 5. – С.147-148.

¹⁵ Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа в XVII – первой четверти XIX века (Этнополитические аспекты взаимоотношений). Дис. ...докт. ист. наук. – СПб.,2005. – С.25,29.

¹⁶ Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российско-го подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: в 2 кн. Кн.2. – М.,2006. – С.202.

¹⁷ Алпатов В.М. Языковая политика в России и Франции // Диаспоры. – М.,2003. – № 1. – С.68.

- ¹⁸ Алпатов В.М. Языковая политика в России и Франции // Диаспоры. – М., 2003. – № 1. – С.72-73.
- ¹⁹ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2006. – С.39.
- ²⁰ Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Черкесск, 2003. – С.125.
- ²¹ Чекменёв С.А. Из истории Кавказской войны // Вестник Пятигорского государственного лингвистического ун – та. – Пятигорск, 1996. – №1. – С.76.
- ²² Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С.86.
- ²³ Гумашвили Л.Э. Общетеоретические проблемы и пути возрождения национальной государственности в Чечне // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская научно-практическая конференция. – Элиста, 2006. – С.190.
- ²⁴ Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века.: Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С.83.
- ²⁵ Хачетлова С.М. Проблема миграций на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XIX века // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2008. – № 2. – С.47-48.
- ²⁶ Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Черкесск, 2003. – С.125.
- ²⁷ Чекменёв С.А. Из истории Кавказской войны // Вестник Пятигорского государственного ун-та. – Пятигорск, 1996. – №1. – С.76.
- ²⁸ Повразнюк К.В. Проблема интеграции мусульман в европейское общество. – СПб., 2007. – С.8-9.
- ²⁹ Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – XX веков (исторический аспект). Автореф. ...канд. ист. наук. – СПб., 2005. – С.3,13.
- ³⁰ Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Черкесск, 2003. – С.136.
- ³¹ Военная энциклопедия. Т.VI. – СПб., 1911, М., 2001. – С.625.
- ³² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.VI. – СПб., 1892. – С.917.
- ³³ Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века. Дис. ...докт. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С.393-394.

³⁴ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – XX вв.) Кн.1. / Сост.: Агуа-жба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум, 2005. – С.527.

³⁵ Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Т.7. – Тифлис, 1878. – С.879. С. – Х. Нунуев. Мюридизм в Чечне: исторический аспект // Государственная служба. – М., 2007. – № 3.(47). – С.103.

³⁶ Курбанов Ш.К. Народно-освободительное движение в 20-50-е годы XIX века на Северо – Восточном Кавказе и накшбандийский тарикат. Ди. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2004.

³⁷ Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001. – С.255.

³⁸ Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Т.1. – М., 1998. – С.444.

³⁹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.8.

⁴⁰ Фадеев А.М. Воспоминания (1790-1867). Ч.2. – Одесса, 1897. – С.235.

⁴¹ ГИМ ОПИ. Ф.254. Ед. хр.321. Л.50.

⁴² Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). – Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – С.38.

⁴³ ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.6. Д.817. Л.27.

⁴⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.220.

⁴⁵ Военно – географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Т.2. Стратегический очерк. Терско – Дагестанский театр. – Тифлис, 1908. – С.38.

⁴⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.9.

⁴⁷ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.346., 1863. Л.33.

⁴⁸ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 1998. – С.243.

⁴⁹ Исаев С.-А.А. Народные восстания. – М., 1999. – С.41.

⁵⁰ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.9.

⁵¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.11, 15.

⁵² Музаев Т. Тапа. //Голос Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1992. – №76. – С.3.

⁵³ ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.14, 21, 25.

⁵⁴ Там же. Л.20.

⁵⁵ Кавказ: история, народы, культура, религии. – М., 2007. – С.228.

⁵⁶ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.9.

⁵⁷ ГИМ ОПИ. Ф.208. Ед.хр.13. Л.16.

⁵⁸ Мелихов А. Россия и Кавказ – двести лет вместе // Октябрь – М., 2004 – № 3. – С.170.

- ⁵⁹ ГИМ ОПИ. Ф.208. Ед.хр.13. Л.16.
- ⁶⁰ Федорова Е.М. «Возвращение на родину признается еще правомерным...». Ссылные горцы в Псковской губернии. 1862-1880 гг. // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 3. – С.66.
- ⁶¹ Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001. – С.225.
- ⁶² АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол). Оп.488. Д.346. Л.33.
- ⁶³ Федорова Е.М. «Возвращение на родину признается еще правомерным...». Ссылные горцы в Псковской губернии. 1862-1880 гг. // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 3. – С.67.
- ⁶⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.160.
- ⁶⁵ АВПРИ. Ф.144. (Перс. стол). Оп.488. Д.346. Л.43 об.
- ⁶⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.99.
- ⁶⁷ Федорова Е.М. «Возвращение на родину признается еще правомерным...». Ссылные горцы в Псковской губернии. 1862-1880 гг. // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 3. – С.67,75.
- ⁶⁸ АВПРИ. Ф.144 (Перс. стол.). Оп.488. Д.346., 1863. Л.30.
- ⁶⁹ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.54.
- ⁷⁰ Гаджиев В.Г. Мастера отечественного кавказоведения. – Махачкала, 2005. – С.114.
- ⁷¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.245. Л.36.
- ⁷² ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.122.
- ⁷³ Там же. Л.122-123.
- ⁷⁴ РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.3.
- ⁷⁵ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в 19 веке). Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – С.260.
- ⁷⁶ Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001. – С.254.
- ⁷⁷ Карданова Ю.Х. Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе: выбор между православием и исламом (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004. – С.49
- ⁷⁸ Гапуров Ш.А., Израйилов А.М. Зарождение юридикализма – идеологии освободительного движения горцев Северного Кавказа (К вопросу о роли ислама в антиколониальных движениях народов Востока) // Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность / Материалы всероссийской научной конференции, 21-23 сентября 2007 г. – Карачаевск, 2007. – С.59.
- ⁷⁹ Красножен И. Иноверцы на Руси. – Юрьев, 1900. – С.151.
- ⁸⁰ Бендин А.Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской Империи (втор. пол. XIX – начало XX века) // Церковно – исторический вестник. – М., 2004. – № 11. – С.115-117, 130.

- ⁸¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.231.
- ⁸² РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.120. Л.2.
- ⁸³ Там же. Л.3.
- ⁸⁴ Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо-Восточного Кавказа (идейно-философская эволюция). Дис. ...канд. филос. наук. – Грозный, 2007. – С.92.
- ⁸⁵ ОР РГБ. Ф.169. К.59. Д.9. Л.1 об.
- ⁸⁶ Новая мусульманская секта Зикра или Зекир из восточной стороны Кавказа // Московские ведомости. – М., 1864. – №36. – С.2.
- ⁸⁷ Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо – Восточного Кавказа (идейно – философская эволюция): Дис. ...канд. философ. наук. – Грозный, 2007. – С.95-96.
- ⁸⁸ Шахшаева А.Г. Исламский фактор в политике арабских государств и России. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2005. – С.175.
- ⁸⁹ Цит. по: Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006. – С.89-90.
- ⁹⁰ РГВИА. Ф.14719. Оп.3. Д.756. Л.12.
- ⁹¹ ОР РГБ. Ф.169. К.65. Д.9. Л.1.
- ⁹² ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.27.
- ⁹³ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX в.). Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – С.260.
- ⁹⁴ Там же. С.259.
- ⁹⁵ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.120. Л.3.
- ⁹⁶ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX в.). Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – С.260.
- ⁹⁷ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.37.
- ⁹⁸ Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе // Суфизм как социокультурное явление в российской умме. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 21 ноября 2006 г.). – Нижний Новгород, 2007. – С.53-54.
- ⁹⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.233.
- ¹⁰⁰ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.11. Л.38.
- ¹⁰¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.9.
- ¹⁰² Аджаматов Б. Святыни Дагестана. – Махачкала, 2005. – С.190.
- ¹⁰³ Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей в Чечено-Ингушетии в 20-70 гг. XIX века). – Алма-Ата, 1975. – С.146.
- ¹⁰⁴ РГВИА. Ф.14719. Оп.3. Д.756. Л.18 об.
- ¹⁰⁵ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.3. Л.19.
- ¹⁰⁶ Gammer Moshe. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – University of Pittsburgh Press, 2006.

- ¹⁰⁷ РГВИА. Ф.14719. Оп.3. Д.756. Л.20,23.
- ¹⁰⁸ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 82-х т. Т.7,10,21,29,76 – СПб.,1892-1893.1897.. М.,1990,1991,1992,1993.; Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. В 5 т. Т.1,2. – СПб.,1862. – С.232,273,314,798.
- ¹⁰⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.12.
- ¹¹⁰ Орфинская Л.В. Краткая тюремная история крепостей Южной Финляндии XIX века // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып.15. Крепости-тюрьмы Северо-Западной России и Южной Финляндии. История и современность. Материалы научной конференции. – СПб.,2007. – С.110.
- ¹¹¹ Военная энциклопедия / Под. Ред. В.О. Новицкого. Т.3. – СПб.,1911, М.,2000. – С.18-19.
- ¹¹² Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.2. 1825-1870. – М.,1961. – С.535-536.
- ¹¹³ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.268.
- ¹¹⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.58.
- ¹¹⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.234.
- ¹¹⁶ Данько Т.А. Документы ГИАНО о польской ссылке и римско – католической общине в Новгородской губернии // Новгородский архивный вестник. – Великий Новгород,2007. – № 6. – С.227.
- ¹¹⁷ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX веке). Дис. ... докт. ист. наук. – М.,1998. – С.260.
- ¹¹⁸ Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 годов (по материалам Архангельской губернии): Монография. – Архангельск,2004. – С.47.
- ¹¹⁹ Гарасаев А.М. Из чеченского религиозного поэтического наследия: назмы – духовные песнопения в обрядовой практике суфиев // Вестник МГУ. Серия13. Востоковедение. – М.,1998. – №4. – С.80-82.
- ¹²⁰ Там же. – С.82.
- ¹²¹ Айдамиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный,1991. – С.76.
- ¹²² Вейденбаум Е. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. – Б.м.,1875. – С.14.
- ¹²³ Иванов А.И. Национально – освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 гг. XIX в. // Исторические записки. – 1941. – №12. – С.181.
- ¹²⁴ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.16.
- ¹²⁵ Иванов А.И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 гг. XIX века. // Исторические записки. – 1941. – №12. – С.181.
- ¹²⁶ Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб.,2004. – С.80-81.
- ¹²⁷ Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни // Русские ведомости. – М.,1888. – №27. – С.3.

- ¹²⁸ Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867. – М., 2005. – С. 114.
- ¹²⁹ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 6. Д. 294. Л. 5.
- ¹³⁰ Зелькина А. Учение Кунта – Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. – М., 2006. – № 2. – С. 38-39.
- ¹³¹ Хасбулатов Р.И. Размышления о войне и мире. Кремль и российско-чеченская война. – М., 2003. – С. 223.
- ¹³² ОР РНБ. Ф. 175. Д. 13. Л. 18.
- ¹³³ Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб., 1878. – С. 18.
- ¹³⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф. 37. Оп. 1. Д. 77. Л. 139.
- ¹³⁵ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 129. Л. 55-56.
- ¹³⁶ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 143.
- ¹³⁷ Абдуллаев С.М. Вопросы истории Северо – Восточного Кавказа в сер. XIX. в работах Гасана Алкадари. Автореф. дис. .... канд. ист. наук. – М., 1991. – С. 4, 22.
- ¹³⁸ Елычников Ю.Ю. Северный Кавказ в истории России // Российский исторический журнал. – М., 2006. – № 1 (38). – С. 37.
- ¹³⁹ Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877-1878 гг. – СПб., 1912. – С. 28.
- ¹⁴⁰ Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском юридическом обществе). – Тифлис, 1898. – С. 33, 36.
- ¹⁴¹ АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 627., 1870. Л. 134-135.
- ¹⁴² Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 г. – СПб., 1912. – С. 29, 34.
- ¹⁴³ Кавказ в сердце России. – М., 2000. – С. 89-90.
- ¹⁴⁴ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в 19 в.). Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – С. 289.
- ¹⁴⁵ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896. – С. 27.
- ¹⁴⁶ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М., 1958. – С. 237.
- ¹⁴⁷ Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб., 1878. – С. 18.
- ¹⁴⁸ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – С. 13.
- ¹⁴⁹ Мальсагова Г.Г. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный, 1968. – С. 26.
- ¹⁵⁰ Шамиль. Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997. – С. 13.
- ¹⁵¹ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С. 200-203.
- ¹⁵² Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. – СПб., 1878. – С. 4.
- ¹⁵³ Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн. 1. – Грозный, 1999. – С. 107.

¹⁵⁴ Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III – I тысячелетия до нашей эры): Дис. ...докт. ист. наук. – Тбилиси, 1998. – С.230.

¹⁵⁵ Свет священного Корана: разъяснения и толкования. – СПб., 2008. – С.285, 287.

¹⁵⁶ Gammer Moshe. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – University of Pittsburgh Press, 2006.

¹⁵⁷ Семёнов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы – воспоминания о чеченском восстании в 1877 году. // Кавказский вестник. Кн. VI. – Тифлис, 1900. – С.24.

¹⁵⁸ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998. – С.296.

¹⁵⁹ Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн. I. – Грозный, 1999. – С.108.

¹⁶⁰ Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб., 1895. – С.88.

¹⁶¹ Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб., 1912. – С.27.

¹⁶² Акаев В.Х. Накшбандийский шейх Дени Арсанов // Известия высших учебных заведений. Северо-кавказский регион. Общественные науки. – Рн/Д., 2004. – №1. – С.20.

¹⁶³ Щадрин М.А. Эволюция политико-территориального устройства России в процессе формирования и развития российской государственности (Историко-правовой и теоретико-правовой аспекты). Дис. ...канд.юр. наук. – СПб., 2004. – С.65.

¹⁶⁴ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LII (1877). – СПб., 1879. – С.370.

¹⁶⁵ Сборник военно-уголовных постановлений, изданных с 1 января 1874 по 1 января 1876 г.в изменение и дополнение ч. VI Свода военных постановлений 1869 г. – СПб., 1876. – С.75.

¹⁶⁶ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. I. Вып. I. – СПб., 1904. – С.82-83.

¹⁶⁷ Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. – С.23.

¹⁶⁸ Аргиев А. Кавказ и национальная политика центра // Россия XXI. – М., 1998. – №11-12. – С.178.

¹⁶⁹ Огранович И. Поездка в Ичкериию // Кавказ. – Тифлис, 1866. – №22. – С.102.

¹⁷⁰ Джабиров И. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян. Судьба Победоносца // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 11. – С.48-50.

¹⁷¹ Амирова З.М. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. (подготовка и начало военных действий на кавказско-малоазиатском театре) // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2005. – №2. – С.90

¹⁷² Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн. I. – Грозный, 1999. – С.240.

¹⁷³ Россия и Северный Кавказ: история и современность. – М., 2006. – С.162, 167.

¹⁷⁴ Санакоев М.П. Народы Кавказа и формирование иррегулярных частей в годы русско-турецкой войны 1877-78 гг. // Юго-Осетинский НИИ. Известия. Вып.22. – Тбилиси, 1977. – С.45.

¹⁷⁵ Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005. – С.99-100.

¹⁷⁶ Kuleba M. Imperium na kolanach. Wojna w Czczeniu 1994-1996. – Warszawa, 1998. – S.16.

¹⁷⁷ William C. Fuller, jr. // The imperial army // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006. – S.541.

¹⁷⁸ Янбердин И.Т. Развитие провиантской службы русской армии во второй половине XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2006. – С.125.

¹⁷⁹ Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. ...канд. ист. наук. – Б.м., 1954. – С.196.

¹⁸⁰ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М., 2006. – С.322-323.

¹⁸¹ Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994. – С.183.

¹⁸² Невский С.А. Из истории борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в России // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16). – С.56-57, 61.

¹⁸³ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.221-223.

¹⁸⁴ Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М., 2006. – С.191-192.

¹⁸⁵ Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ, 1890. – С.14.

¹⁸⁶ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.367, 369.

¹⁸⁷ Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., Омаров Х.А. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы). Кн.1. – Махачкала, 2001. – С.211.

¹⁸⁸ Там же. – С.377.

¹⁸⁹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.71.

¹⁹⁰ Ибрагимова З.Х. чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М., 2006. – С.192.

¹⁹¹ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.255-256, 261.

¹⁹² Мусаев М.А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2003. – С.134-135.

¹⁹³ Конституция графа Лорис – Меликова и его частные письма. – Лондон, СПб. Б.г. – С.16.

¹⁹⁴ Зиссерман А.Л. Фельдмаршал князь Александр Иванович Барятинский. 1815-1879. Т.3. – М.,1891. – С.371.

¹⁹⁵ Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб.,1878. –С.21.

¹⁹⁶ Кавказская армия. Т.3. Ч.2. Отдел санитарный. – СПб.,1884. – С.16-17.

¹⁹⁷ G.V.Hahn. Neue Kaukasische Reisen und Studien. – Leipzig,1911. – S.80.

¹⁹⁸ Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. – СПб.,1878. – С.4-5.

¹⁹⁹ Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб.,2003. – С.97,99.

²⁰⁰ Исмаилова А.И. К вопросу о причинах восстания горцев Чечни в 1877-1878 гг. // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала,2006. – № 2. – С.21.

²⁰¹ Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни (к 10-летию советской Чечни). – Грозный,1930. – С.29.

²⁰² Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.21.

²⁰³ Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus. – Leipzig,1901. – S.208.

²⁰⁴ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.65-66.

²⁰⁵ Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.14.

²⁰⁶ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.24.

²⁰⁷ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.303.

²⁰⁸ Мещерский В. Кавказский путевой дневник князя Мещерского. – СПб.,1878. – С.18.

²⁰⁹ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.4-5.

²¹⁰ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско – Турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972. – С.71.

²¹¹ Чочиев Г.В. Генерал Мусса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М.,2006. – С.71.

²¹² Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М.,2006. – С.103.

²¹³ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.8. Д.70. Л.12.

²¹⁴ Семёнов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы – воспоминания о чеченском восстании в 1877 году. // Кавказский вестник. Кн. VI. – Тифлис,1900. – С.5.

²¹⁵ Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб.,2004. – С.81-82.

²¹⁶ Там же. – С.25,28.

²¹⁷ Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб.,1912. – С.28.

- ²¹⁸ Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ, 1890. – С.18.
- ²¹⁹ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2006. – С.53.
- ²²⁰ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896. – С.27-28.
- ²²¹ РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.152. Л.1,9.
- ²²² Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный, 1968. – С.22.
- ²²³ Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 году. – Махачкала, 1940. – С.37.
- ²²⁴ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896. – С.57.
- ²²⁵ Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 году. – Махачкала, 1940. – С.37.
- ²²⁶ Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С.121.
- ²²⁷ Семёнов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы – воспоминания о чеченском восстании в 1877 году. // Кавказский вестник. Кн. VI. – Тифлис, 1900. – С.26-28.
- ²²⁸ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С.10.
- ²²⁹ Исаев С.-А.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX века. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. – Грозный, 1979. – С.108.
- ²³⁰ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998. – С.302.
- ²³¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.245. Л.15.
- ²³² Авторханов А. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа. // ЧИНИИ. Т.1. Вып.1. – Грозный, 1936. – С.22.
- ²³³ Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С.122.
- ²³⁴ РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.153. Л.11.
- ²³⁵ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С.11.
- ²³⁶ Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Т.2. Стратегический очерк. Терско – Дагестанский театр. – Тифлис, 1908. – С.39.
- ²³⁷ Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг. Дис. ... докт. ист. наук. – М., 2004. – С.265, 308.
- ²³⁸ Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М., 1996. – С.181.
- ²³⁹ Гакаев Дж. Дж. Очерки политической истории Чечни (XX в.). – М., 1997. – С.49.

- ²⁴⁰ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896. – С.31.
- ²⁴¹ РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.94 (1). Л.72 об.
- ²⁴² Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896. – С.65.
- ²⁴³ Там же. – С.57.
- ²⁴⁴ Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ, 1890. – С.18.
- ²⁴⁵ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998. – С.298.
- ²⁴⁶ РГИА. Ф.485. Оп.1. Д.108. Л.69.
- ²⁴⁷ Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ, 1890. – С.18.
- ²⁴⁸ РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.94 (1). Л.49.
- ²⁴⁹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.11.
- ²⁵⁰ Россия. Кавказский наместник. О высылке с Кавказа мятежных горцев Дагестанской и Терской областей. Сборник материалов. – СПб., 1878. – С.6.
- ²⁵¹ Высочайшие повеления. // Терские ведомости. – Владикавказ, 1877. – №20. – С.1.
- ²⁵² Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. ... канд. ист. наук. – Б.м., 1954. – С.211.
- ²⁵³ Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб., 1912. – С.29.
- ²⁵⁴ РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.305 (2). Л.231 об.
- ²⁵⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.24. Л.14.
- ²⁵⁶ РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.154. Л.18.
- ²⁵⁷ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX в.). Дис. .... докт. ист. наук. – М., 1998. – С.291.
- ²⁵⁸ Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб., 1912. – С.27.
- ²⁵⁹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.12.
- ²⁶⁰ Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный, 1968. – С.26.
- ²⁶¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.141 об.
- ²⁶² Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., Омаров Х.А. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы). Кн.1. – Махачкала, 2001. – С.51.
- ²⁶³ Paul B.Henze. Circassian Resistance to Russia. // The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. – London, 1992. – S.105.
- ²⁶⁴ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998. – С.309.
- ²⁶⁵ Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период. Дис. ... канд. ист. наук. – С.65.

²⁶⁶ Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.75.

²⁶⁷ Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. ...канд. ист. наук. – Б.м., 1954. – С.211.

²⁶⁸ Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2006. – С.55.

²⁶⁹ Макаров Г.А. Указ. соч. – С.75.

²⁷⁰ Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный, 1968. – С.31.

²⁷¹ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. – С.445.

²⁷² ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52. Д.622. Л.89.

²⁷³ РГИА. Ф.1268. Оп.23. Д.85. Л.58.

²⁷⁴ Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века. Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – С.301.

²⁷⁵ Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. ...канд. ист. наук. – Б.м., 1954. – С.223.

²⁷⁶ РГВИА. Ф.485. Оп.1. Д.117. Л.36.

²⁷⁷ Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., Омаров Х.А. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы). Кн.1. – Махачкала, 2001. – С.217.

²⁷⁸ Иванов А.И. Восстание в Чечне в 1877 году. // Исторические записки. – №10. – 1941. – С.291.

²⁷⁹ Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. ...канд. ист. наук. – Б.м., 1954. – С.227.

²⁸⁰ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. 243-244.

²⁸¹ Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М., 1996. – С.181.

²⁸² Эшба Е. Асланбек Шерипов. – Сухуми, 1990. – С.85.

²⁸³ Хубиева З.А. Место и роль духовно-нравственных ценностей в социокультурном пространстве Северного Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского гос. тех. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – Ставрополь, 2005. – № 1. – С.43.

²⁸⁴ Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. – СПб., 2003. – С.30.

²⁸⁵ РГВИА. Ф.414. Оп.1. Д.305 (2). Л.231 об.

²⁸⁶ ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.140. Л.2,4,30.

²⁸⁷ Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб., 1912. – С.40.

- ²⁸⁸ ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.30. Л.24.
- ²⁸⁹ Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность. Дис. ...канд. филос. наук. – М.,1996. – С.92.
- ²⁹⁰ Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М.,1999. – С.5.
- ²⁹¹ Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 году. – Грозный, 1968. – С.28.
- ²⁹² ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.24.
- ²⁹³ ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.30. Л.24.
- ²⁹⁴ Хроника Чеченского восстания 1877 года. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.28.
- ²⁹⁵ Мальсагова Т.Т. Восстание горцев в Чечне в 1877 году. – Грозный,1968. – С.28.
- ²⁹⁶ Исаев С.-А.А. Неистовый Ума Дуев // Нохчи. – Грозный,1999. – № 1. – С.21-23.
- ²⁹⁷ Перебийнос Ф. Асланбек Шерипов. // Советский Северный Кавказ. – №19-20. – С.34.
- ²⁹⁸ Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. ...канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.211.
- ²⁹⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.77. Л.143,148.
- ³⁰⁰ Хроника Чеченского восстания. // Терский сборник. – №1. – Владикавказ,1890. – С.21.
- ³⁰¹ Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика. Дис. ...канд. ист. наук. – Б.м.,1954. – С.207-208.
- ³⁰² Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн.1. – Грозный,1999. – С.108.
- ³⁰³ Мальсагова Т.Т. Восстание горцев в Чечне в 1877 году. – Грозный,1968. – С.33.
- ³⁰⁴ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб.,1896. – С.121.
- ³⁰⁵ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль,1998. – С.311.
- ³⁰⁶ Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Т.2. Стратегический очерк. Терско-Дагестанский театр. – Тифлис,1908. – С.38.
- ³⁰⁷ Исмаилова А.И. Восстание горцев Чечни и Дагестана в 1877-1878 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный,2007. – С.81.
- ³⁰⁸ РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.296. Л.9 об.
- ³⁰⁹ ГА РФ. Ф.678. Оп.1. Д.682. Л.36.
- ³¹⁰ ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Оп.1. Д.42. Л.1.
- ³¹¹ Мальсагова Т.Т. Восстание горцев в Чечне в 1877 году. – Грозный,1968. – С.35.
- ³¹² Цит по: Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность. Дис. ...канд. филос. наук. – М.,1996. – С.92.

- ³¹³ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998. – С.303.
- ³¹⁴ Омаров Х.А. Воспоминания Абдурхзака Согратлинского о восстании 1877 года. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. – Махачкала, 1988. – С.97.
- ³¹⁵ Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998. – С.314.
- ³¹⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Оп.1. Д.1. Л.24.
- ³¹⁷ Перебийнос Ф. Асланбек Шерипов. // Советский Северный Кавказ. -№19-20. – С.34.
- ³¹⁸ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.13.
- ³¹⁹ Яхияев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность. Дис. ...канд. филос. наук. – М., 1996. – С.92.
- ³²⁰ ЦГА РСФСР-А. Ф.11. Оп.52. Д.622. Л.89.
- ³²¹ РГИА. Ф.1268. Оп.23. Д.85. Л.63 об.
- ³²² Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.21. – СПб., 1897. – С.898.
- ³²³ Россия. Кавказский наместник. О высылке с Кавказа мятежных горцев Дагестанской и Терской областей. Сборник материалов. – СПб., 1878. – С.15, 17.
- ³²⁴ Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе. – Тифлис, 1898. – С.34.
- ³²⁵ Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ в истории России // Российский исторический журнал. – М., 2006. – № 1 (38). – С.41-42.
- ³²⁶ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.151-152.
- ³²⁷ Иванов А.И. Восстание в Чечне в 1877 году. // Исторические записки. – №10. – 1941. – С.294.
- ³²⁸ Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.). Кн.1. / Сост.: Агуажба Р.Х.; Ачугба Т.А. – Сухум, 2005. – С.570, 573-574.
- ³²⁹ Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. – С.445, 447.
- ³³⁰ Федорова Е.М. «Возвращение на родину признается еще правомерным...». Ссылные горцы в Псковской губернии. 1862-1880 // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 3. – С.66-67.
- ³³¹ Михеев А.П. Правовые основы каторжного приговора и режима содержания каторжных узников в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2007. ТТ.6, вып.1: История. – Новосибирск, 2007. – С.151.
- ³³² Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М., 1894. – С.64.
- ³³³ Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев – СПб – Харьков, 1904. – С.17.

- ³³⁴ Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль, 1879. – С.88.
- ³³⁵ Баязетов И. –М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887. – С.47.
- ³³⁶ Баязетов И. –М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887. – С.28,39-40.
- ³³⁷ Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль, 2001. – С.30.
- ³³⁸ Баязетов И. – М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887. – С.30, 33-34,50.
- ³³⁹ Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль, 2001. – С.30.
- ³⁴⁰ Баязетов И. –М. А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887. – С.35-36.
- ³⁴¹ Там же. – С.29,31.
- ³⁴² Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства: географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500000 адресов. Год 1878. – М., 1878. – С.657.
- ³⁴³ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896. – С.97,106.
- ³⁴⁴ РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.6.
- ³⁴⁵ Православные богословы об исламе. – М., 2006. – С.154.
- ³⁴⁶ Дрибас О.В. Политическое предательство: его моральная и юридическая оценка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2000. – № 2. – С.122.
- ³⁴⁷ Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. канд. ист. наук. – Воронеж, 2006. – С.31.
- ³⁴⁸ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006. – С.79.
- ³⁴⁹ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – С.121.
- ³⁵⁰ Джандаров И. А-Х. Становление государственности Чечни (земельно – территориальный аспект). – М., 2005. – С.24.
- ³⁵¹ Лаза В.Д. Развитие теологического образования и религиозного просвещения как элемента формирования гражданского общества в России // северный Кавказ в национальной стратегии России. – М., 2008. – С.243,245.
- ³⁵² Маржарет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржарет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). – М., 2007. – С.7.
- ³⁵³ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.): Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С.131-132.

- ³⁵⁴ Там же. – С.139.
- ³⁵⁵ Мачукаева Л.Ш. Российские власти о проблеме привлечения коренного населения Кавказа к имперской гражданской и военной службе (XIX – начало XX вв.) // Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. академика М.Д. Миллионщикова. Вып. 7. – Грозный, 2007. – С.357-358.
- ³⁵⁶ Ахмедов А.А., Голубев А.Ю. К вопросу о введении института военных имамов в Российской армии // Военная мысль. – М., 2008. – № 2. – С.60.
- ³⁵⁷ Абадиев Б.В. Достойные сыны Отечества. – Магас, 2008. – С.7-8.
- ³⁵⁸ Военная энциклопедия /Под. Ред К.И. Величко. Т.9. – СПб., 1912. М., 2007. – С.84.
- ³⁵⁹ Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычаи. Религия. Сборник. – СПб., 2006. – С.54.
- ³⁶⁰ Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.): Дис. ...канд. ист. наук. – Казань, 2007. – С.132, 139.
- ³⁶¹ Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания // Исламская Цивилизация. – Махачкала, 2005. – № 1. – С.25-26.
- ³⁶² Шарманова М.А. Становление и развитие государственности на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // История государства и права. – М., 2007. – № 13. – С.23.
- ³⁶³ Васильев М. Дагестанский конный полк // Цейхгауз. – М., 2000 – № 1 (10). – С.24.
- ³⁶⁴ Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. – СПб., 2006. – № 4. – С.27.
- ³⁶⁵ Кошев М. Армия в системе российской политики просвещения горцев Северного Кавказа XIX – начала XX вв. (Постановка проблемы) // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик, 2006. – № 2. – С.186-187.
- ³⁶⁶ Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2004. – С.26, 28, 33.
- ³⁶⁷ Зубкова Н.Ю. Национальные формирования горцев первой половины XIX в. в контексте российско-северокавказской интеграции // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М., Армавир, 2007. – С.127-128.
- ³⁶⁸ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945 годы. – М., 2007. – С.24.
- ³⁶⁹ Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 4. – С.28.
- ³⁷⁰ Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917-март 1918 г. – М., 2007. – С.467.
- ³⁷¹ Туркаев Х.В. Жажда неутоленная. – М., 2007. – С.22-23.

- ³⁷² Гапуров Ш.А., Товсултанов Р.А. «Погром Чечни» в 1852 // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2006. – №2. – С.78-79.
- ³⁷³ Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах. // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып.3. – Тифлис, 1883. – С.306.
- ³⁷⁴ Российская государственность в терминах: IX – XX в. Словарь. – М., 2001. – С.194.
- ³⁷⁵ Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Составители А.Я. Лившин, И.Б. Орлов. – М., 2003. – С.7.
- ³⁷⁶ Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. – СПб., 2006. – № 4. – С.26.
- ³⁷⁷ Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793-1897 гг. Т.1. – Нальчик, 2003. – С.7-8.
- ³⁷⁸ Бызов И. Начало формирования «Дикой дивизии» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12). – С.22.
- ³⁷⁹ Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М., 2006. – С.48-49.
- ³⁸⁰ Холлов И.В. Хранение исторических знамен в полках Российской Императорской Армии в конце XIX – начале XX в. // Гербовед. – М., 2007. – № 97. – С.101.
- ³⁸¹ Комаровский Е.А. Знамена Кавказской гренадерской дивизии в фондах Национального Музея Республики Татарстан // Гербовед. – М., 2007. – № 97. – С.92,99.
- ³⁸² Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2004. – С.67.
- ³⁸³ Подпратов Н.В. Национальные меньшинства в русской армии в XVIII – начале XX века. – СПб., 2004. – С.83.
- ³⁸⁴ Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945 годы. – М., 2007. – С.27.
- ³⁸⁵ Дикая дивизия. Сборник материалов. – М., 2006. – С.9,69.
- ³⁸⁶ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.129. Л.55.
- ³⁸⁷ Терская область. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876. – С.60.
- ³⁸⁸ ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1. Д.16. Л.24.
- ³⁸⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.8. Л.6.
- ³⁹⁰ РГИА. Ф.1149. Оп.7. Д.95. Л.16.
- ³⁹¹ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С.178.
- ³⁹² РГВИА. Ф.330. Оп.11. Д.32. Л.174.
- ³⁹³ Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный, 1962. – С.55.
- ³⁹⁴ ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т.LV. Отд.2. (1880-1881). – СПб., 1884. – С.184.

- ³⁹⁵ Афаунов А.А. Национальная политика России и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторический опыт (1906-1921 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2004. – С.39.
- ³⁹⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.278. Л.30.
- ³⁹⁷ РГВИА. Ф.16096. Оп.1. Д.18. Л.155.
- ³⁹⁸ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.24.
- ³⁹⁹ Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине XIX – XX веков (исторический аспект). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 2005. – С.13.
- ⁴⁰⁰ ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.56. Л.2.
- ⁴⁰¹ РГВИА. Ф.14257. Оп.3. Д.590. Л.21 об.-22.
- ⁴⁰² Бызов И. Начало формирования «Дикой дивизии» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12). – С.22.
- ⁴⁰³ ГА РФ. Ф.649. Оп.1. Д.156. Л.33.
- ⁴⁰⁴ Тимошевская А.Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства, XIX – начало XX в. Дис. ...канд. юр. наук. – М., 1998. – С.140-141.
- ⁴⁰⁵ Там же. Л.32 об.
- ⁴⁰⁶ Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII – начало XX в.). Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2003. – С.250.
- ⁴⁰⁷ ЦГА РСО-А. Ф.83. Оп.1. Д.3. Л.2.
- ⁴⁰⁸ ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.134. Л.104.
- ⁴⁰⁹ Бызов И. Начало формирования «Дикой дивизии» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12). – С.23.
- ⁴¹⁰ Лапин В.В. армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.288.
- ⁴¹¹ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. .... канд. ист. наук. – М., 2004. – С.121.
- ⁴¹² ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1. Д.134. Л.104-105.
- ⁴¹³ Хаджи Мурад Доного. Ордена Шамиля. – Махачкала, 1995. – С.10, 13, 30.
- ⁴¹⁴ ЦГА РСО-А. Ф.262. Оп.1. Д.23. Л.329 об.
- ⁴¹⁵ Шевяков Т. Гвардейцы с Кавказа // Родина. – М., 2000 – № 1-2. – С.152.
- ⁴¹⁶ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.285.
- ⁴¹⁷ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.1092. Л.4.
- ⁴¹⁸ ЦГА РСО-А. Ф.15. Оп.1. Д.244. Л.102.
- ⁴¹⁹ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.1092. Л.203, 213.
- ⁴²⁰ Мамакаев М. Чеченский тайп и процесс его разложения. – Грозный, 1962. – С.56.

⁴²¹ Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.46.

⁴²² Дунюшкин И. В дозоре казаки и чеченцы // Родина. – М., 2004. – №6. – С.59.

⁴²³ Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2006. – С.39-40.

⁴²⁴ Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М., 2006. – С.11.

⁴²⁵ Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды. – М., 2007. – С.156-157.

⁴²⁶ Мадор Ю.П. Английская идея // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., 2007. – С.58.

⁴²⁷ Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (втор. пол. XIX в.). – Минск, 2007. – С.48.

⁴²⁸ Мусаев М.М. История переселения и социально-экономической адаптации немцев в Дагестане 1864-1941 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2007. – С.87.

⁴²⁹ Мусаев М.М. История переселения и социально-экономической адаптации немцев в Дагестане 1864-1941 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2007. – С.53-60, 66.

⁴³⁰ Алексеева Е.В. Диффузия европейской инновации в России (XVIII – XX в.) – М., 2007. – С.13-15.

⁴³¹ Куприн Д.О. Правительственная политика России в отношении крестьянской эмиграции в конце XIX – начале XX века. – М., 2000. Деп. В ИНИОН РАН. 20.11.2000, № 56 039. – С.7.

⁴³² Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистике. – М., 1978. – С.70-71.

⁴³³ Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: На материалах Северо-Кавказского региона. Дис. ...докт. полит. наук. – М., 2003. – С.63-64.

⁴³⁴ Будницкий О. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008. – С.9-10.

⁴³⁵ Клиер Дж.Д. Контрабанда людей: правительство России и эмиграция из Царства Польского в 1881-1892 годах // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008. – С.20.

⁴³⁶ Джонсон С. В поисках «города-убежища»: Лондонская «еврейская хроника» и российская эмиграция, 1881-1905 годы // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008. – С.47.

⁴³⁷ Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность. Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2005. – С.59.

⁴³⁸ Дзидзоев В.Д. Переселение мусульманских народов Кавказа в Турцию. 1860-1870-е гг. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 9. – С. 103.

⁴³⁹ Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002. – С. 104-105.

⁴⁴⁰ Кудасева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): Дис. ...докт. ист. наук. – Майкоп, 2006. – С. 302.

⁴⁴¹ Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России // Армяне Ставрополя и Терека. – Пятигорск, 2007. – С. 19-20.

⁴⁴² Кудасева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.): Дис. ...докт. ист. наук. – Майкоп, 2006. – С. 302.

⁴⁴³ Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-ч. Ч. 1. – М.; Волгоград, 2006. – С. 173-174.

⁴⁴⁴ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: социально – экономическое положение, политико – правовая и военно – административная система управления: Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С. 196..

⁴⁴⁵ Лактионов А.А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на примере О. Шпенглера и евразийства). Дис. ...канд. филос. наук. – Р н/Д., 2006. – С. 143.

⁴⁴⁶ Лазновская Г.Ю. Мир Запада глазами русских писателей второй половины XIX в. // Молодая наука – 2007: Материалы региональной межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Часть VI. – Пятигорск, 2007. – С. 297.

⁴⁴⁷ Линдквист С. «Уничтожьте всех дикарей». – М., 2007. – С. 56, 118.

⁴⁴⁸ Лактионов А.А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на примере О. Шпенглера и евразийства). Дис. ...канд. филос. наук. – Р н/Д., 2006. – С. 127.

⁴⁴⁹ Линдквист С. «Уничтожьте всех дикарей». – М., 2007. – С. 121-122, 129-130.

⁴⁵⁰ Лактионов А.А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на примере О. Шпенглера и евразийства). Дис. ...канд. филос. наук. – Р н/Д., 2006. – С. 169. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1-2. – Минск, 1998-1999. Шпенглер О. Пруссачество и социализм. – М., 2002.

⁴⁵¹ Белозёров В. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005. – С. 35-36.

⁴⁵² Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М., 2001. – С. 4, 84.

⁴⁵³ Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002. – С. 90.

⁴⁵⁴ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С. 156.

- ⁴⁵⁵ Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик, 2002. – С.138-140.
- ⁴⁵⁶ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.167.
- ⁴⁵⁷ Abdurahman Avtorhanov. The Chechens and the Inguch during the Soviet Period and its Antecedents. // The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim world. – London, 1992. – С.150.
- ⁴⁵⁸ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.173-174.
- ⁴⁵⁹ Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XX столетия. – Сухуми, 1975. – С.417.
- ⁴⁶⁰ Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т.33. – С.164.
- ⁴⁶¹ Кумыков З. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х годах XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик, 1998. – С.25-27, 32, 37.
- ⁴⁶² Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1989. – С.21-22.
- ⁴⁶³ Королёв С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М., 2001. – С.27.
- ⁴⁶⁴ Думанов З.Б. Внутренние миграции на Северо – Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Вып. III. – Нальчик, 2006. – С.271, 275.
- ⁴⁶⁵ Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов. В 2-х т. Т.1. Территория, население и особенности социально – экономических отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х гг. XIX в. / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбахов. – М., 2005. – С.170-171, 191.
- ⁴⁶⁶ Чеучева А.К. Политика Османской империи на Северо – Западном Кавказе // Вопросы истории. – М., 2007. – № 9. – С.126-127.
- ⁴⁶⁷ Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо-Восточном Кавказе в первой половине XIX века.: Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С.84-85.
- ⁴⁶⁸ Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Черкесск, 2003. – С.113.
- ⁴⁶⁹ Козлов В.А., Козлова М.Е. Патерналистская утопия и этническая реальность: чеченцы и ингуши в Сталинской ссылке (1944-1953). // Вестник архивиста. – М., 2003. – №3-4 (75-76). – С.227.
- ⁴⁷⁰ Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1989. – С.36.
- ⁴⁷¹ Королёв С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М., 2001. – С.28.
- ⁴⁷² Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1989. – С.125.

- ⁴⁷³ Внутреннее обозрение. // Вестник Европы. – Кн.10-я. – СПб.,1876. – С.810.
- ⁴⁷⁴ Там же. – С.813.
- ⁴⁷⁵ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.84.
- ⁴⁷⁶ Гордеев А.А. История казаков со времени царствования Петра Великого до начала великой войны 1914 года. – М.,1992. – С.46-60.
- ⁴⁷⁷ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дисс. ... канд. ист. наук. – М.,2004. – С.175.
- ⁴⁷⁸ Абдуллаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во второй половине XIX – начале XX века (Причины и последствия). Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала,2000. – С.3.
- ⁴⁷⁹ Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М.,2000. – С.389.
- ⁴⁸⁰ Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М.,1989. – С.22.
- ⁴⁸¹ ОРФ СОИГСИ.Ф.17. Оп.1 Д.6. Л.222.
- ⁴⁸² ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.26. Л.34.
- ⁴⁸³ Шебзухова Ф.Х. Социально-экономические последствия вхождения северо-западных адыгов в состав Российской империи: история и современность // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ: материалы всероссийской научной конференции (3-4 апреля 2008 г.). – Улан-Удэ,2008. – С.41.
- ⁴⁸⁴ Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этнодемографическая и социально – экономическая эволюция (1861-1917 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Славянск – на – Кубани,2006. – С.139,195.
- ⁴⁸⁵ Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.12. Ч.2. – Тифлис,1904. – С.1220.
- ⁴⁸⁶ РГИА. Ф.1268. Оп.10. Д.99. Л.7.
- ⁴⁸⁷ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д.,1925. – С.2.
- ⁴⁸⁸ Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х г. XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик,1998. – С.29.
- ⁴⁸⁹ Королёв С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М.,2001. – С.35.
- ⁴⁹⁰ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д.,1925. – С.34.
- ⁴⁹¹ Реклю Э. Земля и люди. Т.6. Восточный Кавказ. Чеченцы, дагестанцы. – СПб.,1883. – С.108.
- ⁴⁹² Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ... канд. ист. наук. – С.175.
- ⁴⁹³ К вопросу о переселении черкесов. // Современный листок. – 1864. – №24. – С.4.

- ⁴⁹⁴ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Рн /Д., 1925. – С.30,34.
- ⁴⁹⁵ Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60 гг. XIX века. – Владикавказ, 1992. – С.5.
- ⁴⁹⁶ Березгов Б.Н., Кушхабиев А.В., Чочиев Г.В. Черкесы в Турции // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С.412,414.
- ⁴⁹⁷ Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османская империя во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствие // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум, 2004. – С.97-98.
- ⁴⁹⁸ Васильев А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.67.
- ⁴⁹⁹ Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб., 1869. – С.178.
- ⁵⁰⁰ Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. – М., 2007. – С.26.
- ⁵⁰¹ Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо_Западного Кавказа. Т.1. – Нальчик, 2001. – С.294.
- ⁵⁰² АВПРИ. Ф.161/4 (Азиатский департамент). Оп.729/2. Д.6., 1856-58. Л.60.
- ⁵⁰³ Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М., 1998. – С.85.
- ⁵⁰⁴ Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос. пед. ун.-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – С.136.
- ⁵⁰⁵ Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая половина XIX – начала XX веков) // Вестник Северо – Осетинского университета им. ЕК. Хетагурова. – Владикавказ, 1999. – № 1. – С.181.
- ⁵⁰⁶ Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. – СПб., 2002. – С.35.
- ⁵⁰⁷ Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая пол. XIX – начало XX веков) // Вестник Северо – Осетинского гос. ун – та. – Владикавказ, 1999. – № 1. – С.159-161.
- ⁵⁰⁸ Бобровников В.О. «Малый Дагестан» под Стамбулом: северокавказские суфии и святые места в Турции // *Turcica et Ottomanica*: сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. – М., 2006. – С.155-156.
- ⁵⁰⁹ Тюркер Т. Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.): Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.23-24.
- ⁵¹⁰ Тхайцухов М.С. Абазинцы на Северном Кавказе и в Турции (XVIII – XX вв.) Дис. ...докт. ист. наук. – М., 2005. – С.386-387.
- ⁵¹¹ Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (втор. пол. XIX – начало XX веков) // Вестник Северо – Осетинского гос. ун-та. – Владикавказ, 1999. – № 1. – С.163-168.

- ⁵¹² Чочиев Г.В. Расселение.... С.157,162.
- ⁵¹³ Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX – 60-е годы XX в. – М.,1991. – С.68, 73, 78, 84, 97.
- ⁵¹⁴ Яблокова Г.И. У истоков книги. – Грозный,1990. – С.47.
- ⁵¹⁵ Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998. – С.89.
- ⁵¹⁶ Темиров У. Кавказская война и проблемы черкесского этноса // Жизнь национальностей. – М.,2005. – № 3. – С.61.
- ⁵¹⁷ ГА РФ. Ф.677. Оп.1 Д.511. Л.24.
- ⁵¹⁸ Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (втор. пол. XIX – начало XX веков) // Вестник Северо – Осетинского университета им. К. Хетагурова. – Владикавказ,1999. – № 1. – С.183.
- ⁵¹⁹ Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975. – С.413.
- ⁵²⁰ Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции (вторая пол. XIX – первая четверть XX вв.). Дис. ...докт. ист. наук. – М.,2002. – С.52.
- ⁵²¹ Karpat K. The Religions and Ethnic Distribution of the Ottoman Population (1830-1914). / Madison / Wisconsin,1985. – S.69.; Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М.,2006. – С.84.
- ⁵²² Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975. – С.213,235.
- ⁵²³ Народы Земли. Кавказ. Народы Кавказа. Т.IV. – СПб.,1911. – С.191,197.
- ⁵²⁴ The Baltic and Caucasian states. The Nations of to-day. A New History of the World Edited by John Buchan.
- ⁵²⁵ Halbach U. Nordkaukasien – von Widerstand geprägt // Informationen zur politischen Bildung. Russland. – Berlin,2003. – №281. – S.5.
- ⁵²⁶ Кумыков Т.Х. Проблемы Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию. // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик,2001. – С.18,20.
- ⁵²⁷ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик,2001. – С.234.
- ⁵²⁸ АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2564.,1865. Л.111.
- ⁵²⁹ Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми,1975. – С.209.
- ⁵³⁰ Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско – Турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси,1972. – С.55.

- ⁵³¹ Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (втор. пол. XIX – начале XX веков) // Вестник Северо – Осетинского государственного университета им. К. Хетагурова. – Владикавказ, 1999. – № 1. – С.172-173.
- ⁵³² АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (старый)). Оп.502а. Д.4468. Л.165об.
- ⁵³³ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.13. Л.85.
- ⁵³⁴ Там же. Л.97.
- ⁵³⁵ Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик, 2002. – С.142.
- ⁵³⁶ Gaspard Armand. Caucase. – Lausanne, 1969. – S.15.
- ⁵³⁷ Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос. пед. ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып. 8. – С.135.
- ⁵³⁸ Муртазалиев В.Ю. Роль чеченской диаспоры в возвращении депортированных чеченцев на историческую родину // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская научно-практическая конференция. – Элиста, 2006. – С.219.
- ⁵³⁹ Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние. Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2003. – С.93.
- ⁵⁴⁰ Weeks T.R. Managing empire: tsarist nationalities policy // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006. – S.41.
- ⁵⁴¹ Там же. – С.118.
- ⁵⁴² Кушхабиев А.В. К истории переселения черкесов в Сирию и Иорданию (Документы и материалы) // Живая старина. – Нальчик, 1991. – № 1. – С.23.
- ⁵⁴³ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М., 2001. – С.62-64.
- ⁵⁴⁴ Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос. пед. ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып. 8. – С.135.
- ⁵⁴⁵ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.208-209.
- ⁵⁴⁶ Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Монография. – Рн/Д., 2006. – С.100.
- ⁵⁴⁷ АВПРИ. Ф.149. (Турецкий стол (старый)). Оп.502а. Д.4468., 1861-1870. Л.25.
- ⁵⁴⁸ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.210.
- ⁵⁴⁹ Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. – М., 1978. – С.66-69.
- ⁵⁵⁰ Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – XX века. Дис. докт. ист. наук. – Махачкала, 2004. – С.305.
- ⁵⁵¹ Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.). Дис. ... докт. ист. наук. – Ставрополь, 2001. – С.98.

- ⁵⁵² Россия под надзором. Отчеты III Отделения. 1827-1869. – М., 2006. – С.321.
- ⁵⁵³ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. – М., 2008. – С.290-292.
- ⁵⁵⁴ Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX вв. Этностатистическое исследование // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М., 2001. – С.7-8.
- ⁵⁵⁵ Шнайдер В. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов: Монография. – М., 2005. – С.145.
- ⁵⁵⁶ Тхоржевский И.И. Отчет о служебной поездке на Кавказ. – Б.м., 1909. – С.4.
- ⁵⁵⁷ Гатагова Л.С. Северный Кавказ. // Русское население национальных окраин России XVII – XX вв. – М., 2000. – С.164-165.
- ⁵⁵⁸ Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ. // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998. – С.307-308.
- ⁵⁵⁹ Кудасева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (XIX в.). Дис. ...докт. ист. наук. – Майкоп, 2006. – С.21,23.
- ⁵⁶⁰ АВПРИ. Ф.149.(Турецкий стол (новый)). Оп.502-6. Д.7659. Л.52об.
- ⁵⁶¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.4. Л.3.
- ⁵⁶² АВПРИ. Ф.149.(Турецкий стол (новый)). Оп.502-6. Д.7659. Л.33-36.
- ⁵⁶³ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.11. Л.22.
- ⁵⁶⁴ ЦГА РСФСР-А. Ф.12. Оп.5. Д.26. Л.2об.
- ⁵⁶⁵ Культурное строительство в Чечено – Ингушетии (1920-1941 г.): Сборник документов и материалов. – Грозный, 1979. – С.59.
- ⁵⁶⁶ Резван Е. В Мекку на разведку // Россия – М., 1992 – № 37 – С.9.
- ⁵⁶⁷ Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т Т.1: О государственном устройстве. – М., 2006. – С.348..
- ⁵⁶⁸ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб., 2007. – С.249.
- ⁵⁶⁹ Нуриманов И. Хадж мусульман России. Из прошлого к настоящему // Хадж российских мусульман. – Н. Новгород, 2008. – С.71-72.
- ⁵⁷⁰ Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб., 2007. – С.249,252.
- ⁵⁷¹ Тихонов А.К. Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М., 2006. – С.150-151.
- ⁵⁷² Бызов И. Мухаджирство или переселение вайнахов на Ближний Восток // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12). – С.20-21.
- ⁵⁷³ Орешкова С.Ф., Ульянов Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М., 2006. – С.104.
- ⁵⁷⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.362.

- ⁵⁷⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.5. Л.8.
- ⁵⁷⁶ СОГОМИАЛ. Ф.4. Оп.2. Д.541. Л.17.
- ⁵⁷⁷ Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе: философия протеста // Центральная Азия и Кавказ. – Швабия, 2003. – № 5(29). – С.20.
- ⁵⁷⁸ Radomir Vlcek: Rusko, Kavkaz a Cecensko v 19. století (Ke genezi a vyvoji konfliktu) // Slovanský přehled. – Praha, 2000. – № 3. – С.306.
- ⁵⁷⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.11.
- ⁵⁸⁰ Мемуары генерала Мусса-паши Кундухова. // Дарьял. – Владикавказ, 1995. – №2. – С.126.
- ⁵⁸¹ Чекменёв С.А. Из истории переселения горцев в Турцию. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик, 1994. – С.186.
- ⁵⁸² Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа. // Русская старина. Т.33. – 1882. – С.176.
- ⁵⁸³ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.8. Д.27. Л.16.
- ⁵⁸⁴ ЦГА РСО-А. Ф.12 Оп.5. Д.29. Л.46.
- ⁵⁸⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1 Д.6. Л.245.
- ⁵⁸⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.17 Оп.1. Д.6. Л.253.
- ⁵⁸⁷ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.35. Л.21.
- ⁵⁸⁸ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.5. Л.7.
- ⁵⁸⁹ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д., 1925. – С.17.
- ⁵⁹⁰ СОГОМИАЛ. Ф.4. Оп.2. Д.541. Л.17.
- ⁵⁹¹ Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М., 1998. – С.87.
- ⁵⁹² Касумов А.Х. Разные судьбы. – Нальчик, 1967. – С.12.
- ⁵⁹³ Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий). // Дело. – 1884. – №1. – С.72.
- ⁵⁹⁴ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.35. Л.19.
- ⁵⁹⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.253.
- ⁵⁹⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.252.
- ⁵⁹⁷ Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001. – С.227.
- ⁵⁹⁸ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н /Д., 1925. – С.56.
- ⁵⁹⁹ РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.105. Л.3.
- ⁶⁰⁰ РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.102. Л.48.
- ⁶⁰¹ Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе. // Научная мысль Кавказа. – Р н / Д., 1999. – №4. – С.51.

- ⁶⁰² Сборник сведений о Терской области. Вып.1-й. – Владикавказ,1878. – С.274.
- ⁶⁰³ Бэрэздж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.165.
- ⁶⁰⁴ Бэрэздж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.171.
- ⁶⁰⁵ Дегоев В. Два века и мира на Кавказе. // Россия и Чечня: поиски выхода. – СПб.,2003. – С.230.
- ⁶⁰⁶ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.) – Махачкала,2001. – С.255,257,262,265-271,275,277.
- ⁶⁰⁷ Черток С. «Черкесы» Ближнего Востока // Русская мысль – Париж,1995 – № 4062 – С.7.
- ⁶⁰⁸ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.) – Махачкала,2001. – С.179.
- ⁶⁰⁹ Кукба В.И. Избранные труды / Составление, предисловие и примечание: В.Ш. Авидзба, Л.Х.Саманба. – Сухум,2007. – С.128-129.
- ⁶¹⁰ Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н/ Д.,1925. – С.60.
- ⁶¹¹ Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х гг. XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик,1998. – С.31.
- ⁶¹² Внутреннее обозрение. // Вестник Европы. Кн.10. – СПб.,1876. С.814.
- ⁶¹³ Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. – Р н/Д.,2005. – С.256.
- ⁶¹⁴ АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.7659. Л.54об.
- ⁶¹⁵ Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.2. – Нальчик,2003. – С.269.
- ⁶¹⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.49. Л.71.
- ⁶¹⁷ АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе)). Оп.517/2. Д.2564.,1865. Л.66.
- ⁶¹⁸ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX века). Сборник архивных документов. – Нальчик,2001. – С.450.
- ⁶¹⁹ Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.138.
- ⁶²⁰ АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе.). Оп.517/2. Д.2564.,1865. Л.154.
- ⁶²¹ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.115.
- ⁶²² АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (старый)). Оп.502-а. Д.4468.,1861-1870. Л.155.

- ⁶²³ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.32. Л.15.
- ⁶²⁴ Лемерль П., Кицикис Д. На перекрестке цивилизаций: Сборник. – М.,2006. – С.209.
- ⁶²⁵ Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая половина XIX – начало XX веков). // Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова. – №1. – Владикавказ,1999. – С.157.
- ⁶²⁶ Die politische und militärische Bedeutung des Kaukasus von Otto Wachs. – Berlin. N.W. 1889. – S.32.
- ⁶²⁷ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.119.
- ⁶²⁸ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.138.
- ⁶²⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.21. Л.22.
- ⁶³⁰ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.333.
- ⁶³¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.97.
- ⁶³² АВПРИ. Ф.149. (Турецкий стол (старый)). Оп.502-а. Д.4468. Л.119об.
- ⁶³³ Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.2. – Нальчик,2003. – С.285.
- ⁶³⁴ Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.2. – Нальчик,2003. – С.285.
- ⁶³⁵ АВПРИ. Ф.149.(Турецкий стол (старый)). Оп.502-а. Д.4468.,1861-1870. Л.115.
- ⁶³⁶ АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2570.,1871. Л.39.
- ⁶³⁷ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.52-53.
- ⁶³⁸ Азаров В.М., Марущенко В.В. Кавказ в составе России: История Отечества. // Ориентир. – 2001. – №3. – С.14.
- ⁶³⁹ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.52.
- ⁶⁴⁰ Градовский Г. Лагерь на Караяле 25 августа. // Голос. – СПб.,1877. – №210 – С.2.
- ⁶⁴¹ Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М.,2001. – С.30.
- ⁶⁴² Народы Кавказа. Сборник статей. Кн.1. – М.,1993. С.157.
- ⁶⁴³ АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (старый)). Оп.502-а. Д.4468.,1861. Л.62 об.
- ⁶⁴⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.86.
- ⁶⁴⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.329.

- ⁶⁴⁶ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора в странах ближнего и среднего Востока: история и современные процессы (втор. пол. XIX – XX вв.). Автореф. дис. ... кан. ист. наук. – Махачкала, 2001. – С. 13.
- ⁶⁴⁷ The Nations of to-day A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltig and Caucasian states. – London. 1923. – S. 204.
- ⁶⁴⁸ К переселению черкесов в Турцию. // Весть. – СПб., 1864. – № 23. – С. 15.
- ⁶⁴⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 5. Л. 43.
- ⁶⁵⁰ Мухаджирство в истории горских народов Северного Кавказа. // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблема мухаджирства. – Нальчик, 1994. – С. 25.
- ⁶⁵¹ ОРФ СОИГСИ. Ф. 17. Оп. 1 Д. 21. Л. 22-23.
- ⁶⁵² Бэрзедж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп, 1996. – С. 169.
- ⁶⁵³ Бадаев С-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный, 1998. – С. 247, 253.
- ⁶⁵⁴ Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб., 1910. – С. 224.
- ⁶⁵⁵ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала, 2001. – С. 51.
- ⁶⁵⁶ Архивные материалы о Кавказской войне и высылении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч. 2. – Нальчик, 2003. – С. 347, 349.
- ⁶⁵⁷ Умалатов У. Чечня глазами чеченца. – М., 2001. – С. 137.
- ⁶⁵⁸ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI -XIX веках. – М., 1958. – С. 224, 227.
- ⁶⁵⁹ Маремкулов А.Н. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативные правовые акты (XVIII – XIX вв.) // Отечественные архивы. – М., 2005. – № 5. – С. 24.
- ⁶⁶⁰ Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик, 2002. – С. 175-176.
- ⁶⁶¹ АВПРИ. Ф. 180 (Посольство в Константинополе). Оп. 517/2. Д. 2570, 1871. Л. 39.
- ⁶⁶² Народы Кавказа. Сборник статей. Кн. 1. – М., 1993. – С. 159.
- ⁶⁶³ Гаилов Н.Д. О поземельном устройстве горских племён Терской области. Исторический очерк (Составлен на основе официальных документов). – Тифлис, 1905. – С. 44.
- ⁶⁶⁴ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.
- ⁶⁶⁵ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.
- ⁶⁶⁶ РГИА. Ф. 866. Оп. 1. Д. 36. Л. 3.
- ⁶⁶⁷ ОРФ СОИГСИ. Ф. 17. Оп. 1 Д. 13. Л. 83.
- ⁶⁶⁸ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 5. Д. 29. Л. 46, 53.

- ⁶⁶⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.99.
- ⁶⁷⁰ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.36. Л.8.
- ⁶⁷¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.129.
- ⁶⁷² АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2564.,1865. Л.152-153.
- ⁶⁷³ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.132.
- ⁶⁷⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.18. Л.7.
- ⁶⁷⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.335.
- ⁶⁷⁶ РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.88. Л.8.
- ⁶⁷⁷ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.27. Л.9.
- ⁶⁷⁸ Шпак А.Н. Создание и совершенствование защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721-1893 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2006. – С.137,139-140.
- ⁶⁷⁹ АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.627.,1870. Л.134.
- ⁶⁸⁰ АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.2565.,1866. Л.88 об.
- ⁶⁸¹ Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX века). Сборник архивных документов. – Нальчик, 2001. – С.438.
- ⁶⁸² Бадаев С.– Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.201.
- ⁶⁸³ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.15. Л.9.
- ⁶⁸⁴ АВПРИ. Ф.144 (Персидский стол). Оп.488. Д.1907.,1862. Л.78.
- ⁶⁸⁵ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.16. Л.33.
- ⁶⁸⁶ ЦГА РСО – А. Ф.12. Оп.5. Д.30. Л.49.
- ⁶⁸⁷ Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб.,2004. – С.87.
- ⁶⁸⁸ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.18. Л.2,3,5.
- ⁶⁸⁹ Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. – М.,2006. – С.346.
- ⁶⁹⁰ Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика // Труды Института рос. истории РАН. Вып.6. – М.,2006. – С.102,109-114.
- ⁶⁹¹ Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. – М.,2006. – С.346.
- ⁶⁹² ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.8. Л.65.
- ⁶⁹³ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.16. Л.60.
- ⁶⁹⁴ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.19. Л.25.
- ⁶⁹⁵ ЦГА РСО – А. Ф.11. Оп.52. Д. 622. Л.90-об.

- ⁶⁹⁶ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.19. Л.65.
- ⁶⁹⁷ Бадаев С. – Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный, 1998. – С.215-216.
- ⁶⁹⁸ Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характер. Дис. ...канд. ист. наук. – Б.м., 1954. – С.128.
- ⁶⁹⁹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.18. Л.24.
- ⁷⁰⁰ ГА РФ. Ф.109. 1 экс. Д.8. Ч.2. Л.5.
- ⁷⁰¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.13. Л.152.
- ⁷⁰² РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.88. Л.6-7.
- ⁷⁰³ ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1. Д.6. Л.341-342.
- ⁷⁰⁴ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5. Д.35. Л.34.
- ⁷⁰⁵ Выселение горцев с Кавказа. // Русская старина. Т.33. – 1882. – С.26.
- ⁷⁰⁶ Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2003. – С.66.
- ⁷⁰⁷ Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). Дис. ...канд. ист. наук. – Р н/Д., 2005. – С.111-112.
- ⁷⁰⁸ Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный, 1998. – С.228.
- ⁷⁰⁹ O.G. von Wesendonk. Aus der kaukasischen welt. – Berlin, 1925. – S.177, 336.
- ⁷¹⁰ ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.177. Л.108.
- ⁷¹¹ АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.5085., 1893.
- ⁷¹² Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ, 1893. – С.64.
- ⁷¹³ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – С.193.
- ⁷¹⁴ РГИА. Ф.821. Оп.8. Д.791. Л.60.
- ⁷¹⁵ Абрамов Я.В. Кавказские горцы. – Краснодар, 1927. – С.6.
- ⁷¹⁶ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области) Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – С.193-194.
- ⁷¹⁷ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.965. Л.157.
- ⁷¹⁸ Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2004. – С.194.
- ⁷¹⁹ Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006. – С.39-40.

⁷²⁰ АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.5084.,1891-1913. Л.102,128-129.

⁷²¹ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2. Д.965. Л.51.

⁷²² Sakwa R. Introduction: Why Chechnya? // Chechnya: From Past to Future. – London,2005. – S.5.

⁷²³ АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.3419.,1898-1899. Л.8 об.-9 об.

⁷²⁴ Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М.,1958. – С.240.

⁷²⁵ ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.8. Д.27. Л.16.

⁷²⁶ Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первая четверть XX вв. Дис. ...докт. ист. наук. – М.,2002. – С.63-64.

⁷²⁷ АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2406.,1902. Л.2 об..17.

⁷²⁸ Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первая четверть XX вв. Дис. ...докт. ист. наук. – М.,2002. – С.64.

⁷²⁹ Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.228.

⁷³⁰ Бэрэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.158.

⁷³¹ Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.229-231.

⁷³² АВПРИ. Ф.180 (Посольство в Константинополе). Оп.517/2. Д.5084.,1891-1913. Л.129.

⁷³³ Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала,2001. – С.181.

⁷³⁴ К вопросу о переселенческом движении туземцев Терской области. // Донская речь. – 1902. – №10. – С.1.

⁷³⁵ Северный Кавказ, 28 ноября. // Русские ведомости. – М.,1902. – №336. – С.2.

⁷³⁶ АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2431.,1900-1902. Л.3.

⁷³⁷ Бэрэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп,1996. – С.158.

⁷³⁸ Бадаев С.-Э.С. Вайнахская диаспора в Турции, Иордании и Сирии (История и современность). – Грозный,1998. – С.231.

⁷³⁹ Лежиков А. Родина вторая, родина первая. // Азия и Африка сегодня. – М.,1991. – №10. – С.2.

⁷⁴⁰ Северный Кавказ, 28 ноября. // Русские ведомости. – М.,1902. – №336. – С.2.

⁷⁴¹ АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2448.,1907. Л.20 об.

- ⁷⁴² АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2444.,1905. Л.10,13.
- ⁷⁴³ АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2406.,1902. Л.2.
- ⁷⁴⁴ АВПРИ. Ф.149 (Турецкий стол (новый)). Оп.502-б. Д.2451.,1910. Л.1 об.
- ⁷⁴⁵ Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии начала XX в. // Брянский гос. пед. ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – С.132.
- ⁷⁴⁶ The Nations of to-day A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London,1923. – S.204.
- ⁷⁴⁷ Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М.,1995. – С.113.
- ⁷⁴⁸ Сто истин: Песни народов Северного Кавказа. – М.,1984. – С.478-479.
- ⁷⁴⁹ Лежиков А. Родина вторая, родина первая. // Азия и Африка сегодня. – М.,1991. – №10. – С.2.
- ⁷⁵⁰ Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX -начало XX в.). Дис. ...канд. ист. наук. Р н/Д.,2005. – С.173.
- ⁷⁵¹ Казначеев А.В. История ислама на Северном Кавказе (начало XIX – XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск,2002. – С.21.
- ⁷⁵² Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Черкесск,2003. – С.113.
- ⁷⁵³ Сурков В. Тексты 97-07. – М.,2008. – С.111.

ГЛАВА V.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО

1.Изменение специализации традиционного хозяйствования и рост производительности сельскохозяйственной отрасли производства

Начало капитализации сельского хозяйства

Наиболее общим итогом реформирования в Терской области стала дальнейшая модернизация основной сферы занятия коренного населения региона – сельскохозяйственной отрасли производства. Капитализм приникал в край, в большей степени подчиняя себе крестьянские хозяйства. В горских крестьянских дворах происходила трансформация традиционных форм и методов ведения хозяйства. Развитие капиталистических отношений способствовало подрыву замкнутости крестьянского мира, о чем свидетельствует появление отходников. В сельском хозяйстве Северного Кавказа произошли определенные позитивные подвижки, выразившиеся в увеличении числа лиц, занятых предпринимательской деятельностью, в улучшении их материально – технической базы. Сдерживали рост экономического благосостояния крестьянства многочисленные налоги и повинности, а также строгий паспортный режим, препятствовавший свободному передвижению предпринимателей по Терской области¹. В целом следует отметить, что политика российской власти, основанная на принципах патернализма, веротерпимости, социальных и политических компромиссов с одной стороны, а также твердости курса, с другой стороны, привела к тому, что за короткое историческое время, несмотря на объективные трудности и ряд субъективных причин, Россия смогла освоить и включить в общероссийскую и мировую экономическую системы всю территорию Северного Кавказа².

Окончание катастрофической по своим последствиям Кавказской войны привело к кардинальным переменам в хозяйстве горцев, поскольку изменилась сама среда обитания и условия хозяйственной деятельности коренного населения Северного Кавказа. Резкая ломка традиционного

жизненного уклада и трудности адаптации к новым административно-политическим и экономическим условиям жизнедеятельности обострили социальные противоречия, которые особенно остро проявились в сфере землепользования, порождая различные конфликты. После переходного периода, характеризовавшегося нарушением упорядоченности землепользования, ослаблением коллективизма и утратой синхронности в сельском производственном процессе, наступила фаза стабилизации функциональной роли общины в организации экономического быта горцев. Возросла самостоятельность семьи при выборе характера хозяйственной деятельности и форм использования земельного пая. Наиболее предприимчивые хозяева находили возможность проявления экономической инициативы, не ограничиваемой жестко регламентирующей опекой коллектива. Интенсификация хозяйственных контактов с «окружающим миром», усвоение агротехнического опыта пришлого населения, благоприятная конъюнктура развивающегося рынка Северного Кавказа и прогресс региональной транспортной инфраструктуры в связи с вводом в эксплуатацию железной дороги Ростов-Владикавказ-Грозный обусловили отраслевые сдвиги в скотоводстве и земледелии и рост благосостояния отдельных групп населения³.

Природный фактор – один из важнейших показателей, определяющих особенности ведущих отраслей экономики. Конец эпохи ранней бронзы в Предкавказье совпадает с изменением климатических условий. В конце второй половины атлантического периода голоцена в Центральном Предкавказье отмечается уменьшение сухости и распространение разнотравья. Ландшафт терских равнин в рассматриваемое время был степной. По долинам рек росли байрачные леса и, конечно, существовали особые оазисные участки. От побережья Черного моря до Каспия вдоль Терека господствовала гумидная степь. В зоне приморского Дагестана росли леса. С наступлением суббореального периода меняется облик ландшафтов: исчезает доминирующая степная растительность, появляются широколиственные леса, господствует разнотравье, становится более влажно, начинаются холодные зимы⁴.

С точки зрения эволюции в выигрышном положении находились те древние государственные и «догосударственные» образования, которые в своем составе имели и равнины, и горы. И дело даже не в том, что такая диверсификация рельефа предполагает лучшую обеспеченность природными ресурсами, хотя именно эта особенность является основой для экономики. Такая «конструкция» территории обуславливает разнообразие родов деятельности, зарождение экономики и дальнейшую

оптимизацию хозяйственной структуры. Что касается противопоставления «горы – равнины», то в этом вопросе геополитика однозначно не определилась. В то же время известен, например, тезис о том, что горные страны не только не являются источниками экспансии, но, наоборот, становятся областями притяжения, жертвами экспансий. Понятие «дом» для горного жителя значительно более существенно и разнообразно, чем для жителя равнин, как раз в силу уникальности и неповторимости ландшафта, поэтому горец так дорожит своей землей и не стремится обрести чужие владения, он вполне сомодостаточен⁵.

Как биологические системы (этноценозы) северокавказские этносы сформировались в эпоху, когда антропогенные нагрузки на окружающую среду не превышали допустимых норм. По мере исторического развития, когда в этнической жизни стали все больше доминировать социальные черты, природная среда стала испытывать все большие нагрузки. Распашка земель на горных склонах, интенсивная вырубка лесов, выпас скота и сооружение транспортных коммуникаций без соответствующих экспертиз – все это привело к усложнению традиционных взаимосвязей между людьми и окружающей средой⁶.

Древнейшая история экономического освоения Кавказа

Археологические материалы показывают, что земледельческая культура начала складываться у народов Северного Кавказа в глубокой древности. В 1957 году на Кавказе нашли кувшин с обуглившимися зернами пшеницы. Археологи датировали находку 3 тыс. до н.э.⁷. Раскопки Сержень – Юртовских и других поселений дали богатейший материал о том, что жители этой территории сеяли голозерный ячмень, мягкую пшеницу, просо, коноплю. Культурные растения на Кавказе (например в с. Чох) выращивали в перв. пол. VI тыс. до н.э. (многорядный ячмень, пшеница однозернянка и др.). Археологические исследования свидетельствуют о том, что основными земледельческими культурами, возделываемыми на Северном Кавказе начиная с неолитического времени, были твердые, мягкие и карликовые сорта пшеницы, голозерный ячмень, лен, бобы и другие растения⁸.

Наличие железных серпов указывает на пашенный характер земледелия и на сбор более значительного урожая с относительно больших площадей по сравнению со временами использования каменной или

костяной мотыги. Употребление сохи для обработки земли археологи относят к бронзовому веку⁹. О роли земледелия в жизни населения говорит материальная культура и фольклор, языческие культы и лексика¹⁰. В целом археологические исследования свидетельствуют о том, что основными земледельческими культурами возделывания, на Северном Кавказе начиная с неолитического времени, были твердые, мягкие и карликовые сорта пшеницы, голозерный и пленчатый ячмень, лен, бобы и другие сельскохозяйственные культуры¹¹.

Результаты изучения археологических памятников и отложений помета домашнего скота показывают, что скотоводство начало развиваться в Центральной части Северного Кавказа около 4 тыс. лет назад. С этого времени домашние животные постоянно становятся новым очень важным компонентом пастбищных экосистем региона¹². Основоположник современного учения о биологических основах селекции Н.И. Вавилов, «...обнаружил исключительную роль Кавказа как центра происхождения культурных животных»¹³.

Есть версия, что прародиной индоевропейского населения был Северный Кавказ. К этому выводу привел ряд находок древнейшего текстиля, происхождение которого связано с кавказским тартаном. Древнейшие мумии, найденные в Западной Азии поразили ученых изумительной сохранностью, яркостью красок и европейским типом одежды... на людях с европейским обликом: каштановыми или белокурыми волосами, удлиненными носами и черепами, стройными телами и большими глазами. Любопытно, что европейцы впервые совершили путешествия в глубины Азии только после возникновения Монгольской империи, объединившей территории Азии и Восточной Европы и тем самым создавшей прочное евразийское геополитическое единство¹⁴.

Профессор лингвистики и археологии Западного колледжа в Лос-Анджелесе доктор Элизабет Барбер провела детальное исследование текстиля (темно-пурпурные шерстяные одежды), и обнаружила поразительное сходство с кельтским тартаном, который используют в северо-западной части Европы. Исследовательница выдвинула версию о том, что материал, найденный в могилах таримских (китайских) мумий, и европейский тартан имеют общее происхождение. Согласно существующим свидетельствам, он появился в районе Кавказских гор, по крайней мере, 5 тыс. лет назад. Много рационального было в одежде кавказских горцев. Одной из древнейших тканей, прекрасно сохраняющей тепло в суровых высокогорных условиях, является шерсть. Ученые выяснили,

что чем больше ткань насыщена воздухом, тем она теплее. Если, например, принять теплопроводность воздуха за 1, то теплопроводность шерсти равна 6,1; шелка-19,2; льна – 29,9. Для суровых зим в горных условиях шерстяные вещи – просто необходимы¹⁵.

Доктор Э. Барбер выдвинула гипотезу о двух волнах миграции, которые начались с Кавказа – прародины индоевропейского населения и очага европейского земледелия и скотоводства. Первая миграция – западная, в результате которой возникла кельтская и другие европейские цивилизации. Другая миграционная волна двигалась на восток, в Центральную Азию, Западный Китай и Индию¹⁶. Интересно, что именно красный цвет при окрашивании шерсти пользовался большой популярностью на Кавказе, особенно у чеченцев. Этому во многом способствовало обильное произрастание на Кавказе марены. Данное растение могло дать около десятка оттенков красного цвета. В Центральных регионах России крайне редко можно было встретить растения, из которых можно было получить красную краску, из-за чего марена и пользовалась особой популярностью. Среди красителей, получаемых из растений, произрастающих в средней полосе, преобладают желтый и зеленый цвета, за ними идут коричневый и черный¹⁷. Содержание и характеристики красящих веществ зависят от многих причин, в том числе от климатического фактора, состава почв и др. Таким образом можно предположить, что народы, заселившие Европу и Азию сохранили древнюю традицию своих кавказских предков окрашивать ткань в красный цвет.

Природно-географические факторы

История любого народа совершается на определенной территории, в строго очерченных природно-географических условиях. Известный ученый – историк В.О. Ключевский, в частности, называл природу «силой, которая держит в своих руках колыбель каждого народа»¹⁸. Трудоёмким было хозяйство в высокогорных районах, где сложился высокий уровень орошаемого земледелия¹⁹. Природные условия серьёзно влияли на все отрасли экономики. Особенно сильно это ощущалось в сельской местности. Очень важное значение имели температурные условия и ландшафт местности. Причём необходимо отметить, что «максимального развития в прошлом, – как писал Н.И. Вавилов, – земледелие достигло не в областях и районах наиболее лёгких, с нашей современной точки

зрения, для освоения, а как раз, наоборот, в условиях суровых горных районов». Северный Кавказ в этом отношении – не исключение. Здесь опытом многих поколений выработано чрезвычайное многообразие земледельческих орудий, оригинальных способов обработки почвы, сбора урожая, обмолота и многих других земледельческих технологических процессов²⁰. Природа Предкавказья во многом была похожа на природу большинства русских губерний, земля очень плодородна и главным занятием жителей являлось хлебопашество. Пшеница, кукуруза, просо, ячмень – росли почти в рост человека. По Тереку располагались сплошные виноградники²¹.

Горная Чечня принадлежит к числу немногих регионов России, которые обладают весьма выгодным физико – географическим положением. С фактором географической широты местности связано нахождение горной Чечни в южной части умеренного климатического пояса, на стыке с поясом субтропическим. Такое расположение горной Чечни обуславливает большую продолжительность теплого времени года и поступление значительного количества солнечного тепла и света (особенно, в сравнении с другими частями России), что определяет общую благоприятность климата для жизнедеятельности людей и развития межотраслевого сельского хозяйства. Преобладающая часть горной Чечни расположена примерно на тех же широтах, на которых находятся центральная Италия, северная Испания и южная Франция. В пределах Российской Федерации южнее горной Чечни располагается только высокогорный Дагестан. Поэтому можно утверждать, что главной особенностью горной Чечни является ее нахождение на самом юге Российской Федерации²².

По измерениям, сделанным в 1888 году, предел травянистой растительности на Кавказе отмечался на высоте с 9 780 до 11000 футов. Предел произрастания леса (березы) доходил до 8 300 футов, предел роста ячменя отмечался на высоте 8 100 футов, ржи – 7 906 футов, пшеницы – 7 400 футов, винограда – 3 570 футов. Высшее обитаемое село Куруш располагалось в Дагестанской области на высоте 8 175 футов. Также можно назвать следующие горы: Чергень (3019 в.), Гилла – корт (7 210 в.), Майстис – мта, Тебулос – мта, Камито (14 027 в.)²³. Высота над уровнем моря для г. Грозного составляла 419 футов. Годовое количество дождя для Грозного насчитывало 557 мм., для Ведено – 785 мм. Средняя зимняя температура и для Грозного и для Ведено была 2 градуса мороза. Расстояние по дорогам от Владикавказа до укрепления Ведено

составляло 161 версту, до города Грозного – 101 версту²⁴.

«Весьма многие, – писал русский исследователь в 1834 г., – ошибочно полагают, что горская часть Чечни совершенно бесплодна и мало обитаема, тогда как это, напротив, прекрасная страна. В горной части Чечни, или так называемых Черных горах, менее сеют кукурузу и рис, а более пшеницы и ячменя, а в самых высоких горах и пшеница родится дурно, там сеют один ячмень. В ичкерийских горах большие горские селения, ни в чем не уступающие населенным пунктам равнинной Чечни»²⁵. В своих записках путешествуя по Кавказу академик Фальк в 1773 г. описывая хозяйственный строй чеченцев притеречных районов, подчеркивал: «Неурожаев почти не бывает. Обыкновенно жатва вознаграждается в 10 и 15 раз». Исследователи истории Дагестана, установив деградацию террасового земледелия у аварцев, объясняют ее «появлением дешевого чеченского и кумыкского хлеба», вследствие чего «с XVII века в высокогорной части Аварии отличается преобладание роста товарности скотоводства над земледелием»²⁶.

В годы Кавказской войны Чечня и Дагестан представляли собою вполне сложившийся единый хозяйственный механизм, а потому не случайно, что Чечня являлась не только частью государства – имамат, но и представляла собою важный элемент в составе экономической базы движения горцев Северо – Восточного Кавказа. Так, старший адъютант штаба Отдельного Кавказского корпуса Иван Норденстам прибыв летом 1832 года в Чечню, сообщал, что там производится хлеба больше, чем нужно» для прокормления жителей ее, которые почти всегда променивают избытки онго соседям своим кистинцам и лезгинам... на шерсть, бурки, грубое сукно и другие произведения». С подобными известиями перекликаются также сведения других авторов, писавших о Северо – Восточном Кавказе в XIX веке. Взаимозависимость между горными районами Северо – Восточного Кавказа и его равнинными территориями простекала не только от разницы уровня их экономического развития, но и от различий основных видов их хозяйственной деятельности. Она, в свою очередь, основывалась на разнице естественно – географических условий среды проживания жителей равнин и гор²⁷.

После завершения Кавказской войны изобильные просторы Юга стали «житницей империи», производя практически всю российскую пшеницу, там же было сосредоточено элитное отечественное животноводство. Так называемые черноземные районы Центральной России оставались регионами, производившими в основном овес и рожь²⁸. «Карта

урожая 1900 г. в 64-х губерниях Европейской России и Северного Кавказа» представляет количество злаков, приходившихся на 1 человека. В Грозненском округе этот показатель варьировался от 18 до 24 пудов²⁹. По статистическим сведениям, представленным на карте по данным 1898 г., мы узнаем о том, что урожай ячменя в Грозненском округе был самым высоким по Российской империи, урожай овса также один из самых лучших, а озимая пшеница давала средний урожай. Урожай яровой пшеницы за 1898 г. был выше урожая озимой. Остаток яровых хлебов на душу населения за 1898 год в Грозненском округе был от 18 до 24 пудов. Остаток озимых хлебов был от 1,5 до 3 пудов (один из самых низких показателей по империи). Остаток всех хлебов на душу населения за 1898 г. в Грозненском округе был от 18 до 24 пудов. Такой же показатель был в Нальчикском и Хасав – Юртовском округах. Урожай сена на незаливных лугах в Грозненском округе был самый большой на Северном Кавказе – более 175 пудов с десятины. Урожай сена с заливных лугов – от 125 до 150 пудов с десятины, меньше чем в Сунженском округе, там урожай составлял 175 пудов³⁰.

За 25 предвоенных лет (перед 1914 годом) посевные площади Северного Кавказа совершили громадный скачок – увеличились в 4 раза, с 3 до 12 млн. десятин. Численность населения за то же время возросла всего лишь вдвое. Прирост обеспечивался за счет интенсификации производства, прежде всего широкого применения сельскохозяйственной техники и повышения общей культуры хозяйствования. Дон и Северный Кавказ стояли на первом месте по росту посевных площадей на каждые 100 сельских тружеников России. В 1905-1913 гг. хлебные посевы выросли в Европейской России на 8 %, а в регионе – на 53 %. На каждые 100 сельских тружеников в Европейской России засеивалось 82,2 десятины, а в Терской области 122,1 десятина. В 1901-1910 годах количество выращенного и собранного хлеба возросло в Кубанской области на 14 %, а в Терской области и Ставропольской губернии – на 25 %³¹.

По Северному Кавказу соотношение земледельческого и скотоводческого населения достигло к концу XIX века средних показателей по России. В Терской области доля населения, занимавшегося скотоводством, была наивысшей – около 60 тыс. человек, или 6,4 %; а в Кубанской области – самой низкой – около 37 тыс. человек, или 1,9 % от всего населения³². Уже в 60-70-х гг. XIX в. Северный Кавказ выдвигается на роль одного из центров тонкорунного овцеводства в России. Параллельно с этим идет рост мясо-молочного животноводства³³. С 1883 по 1904 гг. в

Терской области число овец выросло в два раза. В отличие от Кубанской области и Ставропольской губернии число тонкорунных овец на Тереке росло и в начале XX века, достигнув к 1908 году свыше полумиллиона голов. Грубошерстное производство возросло только до начала XX века. Рост товарности скотоводства в Терской области способствовал расширению рыночных связей. Если по всей Терской области в 1878 г. было продано скота на 300 тыс. рублей, то уже в 1896 г. было продано всех видов скота на 1800 тыс. рублей. Произошел рост торгового оборота в 6 раз. Россия резко увеличила вывоз отечественной шерсти за границу. С 1871 по 1890 г. экспорт шерсти из Российской империи превышал импорт почти в 5 раз, и большая заслуга в этом принадлежала Кавказу³⁴.

Даже в суровые военные годы хлеба в Чечне было вполне достаточно. В отчете наместника Кавказа за 1845 г. говорится: «Вообще недостатка в хлебе не было, чему лучшим доказательством служит то, что, по случаю заготовления провианта для продовольствия войск в настоящем году, большая часть одного была искуплена на месте в крае»³⁵. Академик М.Н. Покровский в своей работе, подчеркивая исключительную важность для дагестанцев чеченского хлеба, писал: «...кто владел чеченской плоскостью, тот был хозяином и в горах Дагестана». Согласно имеющимся сведениям плодородная Сунженская долина «на которой чеченцы имели свои богатые обрабатываемые поля и тучные луга, снабжающие жителей не только сеном для прокормления их стад зимой, но и служащие изобильными пастбищными местами, для стад их горных соседей», служила житницей для Нагорного Дагестана. В Дагестанской области существовал своеобразный торгово – экономический центр, к которому тяготели жители Северного и Нагорного Дагестана, а также горной Чечни. Им являлся дагестанский аул Анди, куда в значительном количестве поступал чеченский хлеб. Разница в уровне экономического развития различных народов Северо – Восточного Кавказа регулировалась путем поддержания активных хозяйственных обменов между ними. Это, в конечном счете, вело к установлению экономической зависимости одного общества от другого³⁶.

В северокавказских предгорьях люди издавна занимались земледелием. Центральный Кавказ уже к 1700 году отличался от Западного меньшей лесистостью, что в основном было связано с очень активной хозяйственной деятельностью местных жителей. На северном склоне Кавказских гор, выше сравнительно узкого пояса широколиственных лесов в расширениях речных долин (в межгорных котловинах) были

распространены горные луговые степи, остепененные луга с фрагментами березовых лесов, которые граничили с высокогорными лугами. Радиоуглеродным методом установлено, что начало хозяйственного освоения этих территорий, выразившееся в сведении грабово-буковых и сосновых лесов, относится к первым векам нашей эры. Дальнейший интенсивный выпас скота привел к распространению лугов на бывшей лесистой территории. Изменение растительного покрова и видов животных, в значительной степени способствовала миграция из предгорных степей представителей степной флоры и фауны, тогда как ранее такая миграция сдерживалась наличием лесного пояса³⁷.

Охрана окружающей среды

До середины XIX века Северо – Восточный Кавказ почти целиком был покрыт густым лесом. Кавказская война положила начало массовому истреблению лесных массивов. Исторические данные свидетельствуют о том, что в долине среднего течения Терека еще в начале XIX века доминировали пойменные лесные ландшафты. Пойменные леса состояли в то время из дуба, шелковицы, диких груш, яблок и различных кустарников. Некоторые представления о характере животного мира долины Терека в сер. XIX в. можно составить по работам Ю. Жидловского и К. Самойлова. Ю. Жидловский образно писал об обилии птиц в то время: «огнистые фазаны и тяжелые стрепеты летели навстречу путникам, а куропатки выбегали прямо на дорогу; дикие голуби и кулики разного вида покрывали берега реки; стаи журавлей и цапли бродили по болотам, а лебеди плавали по заливам; дикие утки и гуси, каравайки, чайки, жаворонки и другие птицы летали вокруг, наполняя криком окрестности...». Сообщая об обилии фазанов в этой местности в прошлом, отставной солдат говорил исследователю И.А. Ограновичу: «А фазаны! Как куры ходили!»³⁸. В начале XX века К.А. Сатунин писал о том, что «...леса непрерывной каймой...» покрывали берега Терека. По свидетельству Сатунина, в прежние времена в этих местах в изобилии водились такие дикие животные как олени, косули, кабаны³⁹. В горной Чечне на Скалистой горе были найдены реликтовые виды растений: рододендрон кавказский (ледниковый реликт), реликтовая сосна Коха и другие редкие виды⁴⁰. Из работ Д.А. Милютина мы узнаем, что в 40-х годах XIX века сразу за Сунжей начинались густые непроходимые леса.

Почти вся Чеченская плоскость была покрыта ими, за исключением равнины между реками Аргуном и Гойтой⁴¹. Шамиль в полной мере осознавал значимость лесов для чеченцев и строго следил за их охраной. Он сурово наказывал не только за бездумное уничтожение деревьев, но и в том случае, если они вырубались для нужд людей, но без его на то разрешения. За каждое срубленное дерево в качестве штрафа брали корову или быка, и в худшем случае вешали в центре села, и тело нарушителя висело в течение недели в назидание другим⁴².

Эпос и обычаи народов Северного Кавказа донесли до нас множество регламентаций и запретов по отношению к объектам природы. Почти повсеместно выявляется почитание оленя, запрет охоты на него, особенно в период выкармливания потомства. Покровитель оленей Елта ослепил, по приданию, родоначальника чеченцев за попытку убить красивого белого оленя. В записанной В. Миллером легенде об озере Геленчедж дух озера обращает двух женщин в камни за то, что они загрязнили хрустально чистую воду. Подобные легенды и мифы рождались из конкретных жизненных обстоятельств и наблюдений. Здесь практические потребности переплетались с эстетическим отношением, с зачатками элементарной экологической охраны. Богиня вьют в чечено-ингушском эпосе – не терпит грубого вторжения в свои владения, она карает за нарушение тишины в горах, насылая губительные снежные обвалы. Здесь отражено знание людьми особенностей гор. Горцы с древности подметили, что их деятельность на земле вызывает некоторые изменения в окружающей среде, иногда нежелательные. Например, вырубка деревьев на открытом пространстве отрицательно сказывалось на урожае в верховьях рек, на их полноводности. На Кавказе существовали запреты на вырубку лесов, особенно в тех местах, где их было мало. Это у чеченцев проявилось в культе деревьев и священных рощ, в строгом соблюдении древнейших норм народного полеводства⁴³.

Согласно исламским источникам, весь окружающий мир своим существованием обязан воле Аллаха. Он же призывает людей жить в гармонии с окружающей природой. Ислам не поощряет бесполезный сруб деревьев и кустарников. Пророк сказал: «Если мусульманин вырастит плодовое дерево и возделает пашню, от которых найдут пропитание птица, человек или животное, то будет зачтено ему, как подача добровольной милостыни». В исламском праве определяются условия нанесения ущерба собственности противника. Представители различных религиозных сект аузам и исмаилиты считают запретным уничтожение

посевов и фруктовых деревьев. Ханифиты исходят из того, что если убивают людей, то можно уничтожать и деревья. Первый халиф Абу-Бакр во время своего правления, собрав войско, отправляемое на войну, напутствовал таким приказом: «Не совершайте вероломство, жестокости и нападок! ... Не вырубайте пальмы, не жгите жилища и хлебные поля, не вырубайте плодоносящие деревья...»⁴⁴.

А.П. Ермолову принадлежала идея массовых вырубок лесов на Северном Кавказе. О «ермоловской» системе завоевания Кавказа пишет известный историк В.А. Потто: «При Ермолове в первый раз возникла система рубки лесов. И эта система до последних дней Кавказской войны стала необходимым основанием всех действий, главнейшим средством покорения Кавказа, и жестоко поплатились те, кто от нее отступил». Действительно, покорение Кавказа – во многом есть покорение его природы, а именно просеки позволяли воевать регулярной армии в непроходимых чеченских лесах. Еще один важный аспект затрагивает А. Зиссерман, отмечая, что при Ермолове и его начальнике штаба Вельяминове рубка просек производилась силами «самых же чеченцев с их собственными топорами, тогда как в позднейшее время рубка в основном производилась солдатами и казенными топорами»⁴⁵. Осенью 1820 г. был вырублен вековой лес на склонах Ханкальского ущелья, а вслед за этим сожжен Герзель-аул, отобран скот на провиант и взяты горцы для рубки леса⁴⁶.

Обезлесение Чеченской равнины резко изменило ее общий ландшафтный и климатический облик: иными стали сток, рисунок гидрографической сети, понизился уровень грунтовых вод и нарушился их естественный режим. Был прерван естественный ход почвообразования. В горных лесах после рубок особенно активизируется эрозия почв. Нарушение лесных почв и ухудшение их фильтрационных свойств существенно снижает водоохранно – защитную функцию лесов и воздействует на режим стока рек. Известен период восстановления (после рубок) водоохранных и водорегулирующих функций лесной растительности. Например, для буковых лесов такой период составляет не менее 20-25 лет⁴⁷.

Из-за уничтожения лесов на Чеченской равнине увеличились средние температуры воздуха в летний и зимний периоды. Несколько повысился и абсолютный минимум температуры воздуха, высота снежного покрова на освобожденной от леса равнине уменьшилась. В связи с понижением уровня грунтовых вод и нарушения естественного режима произошло прогрессирующее обсыхание территории и исчезновение многих водных объектов. Так, по данным К. Самойлова, вблизи

Ханкальского ущелья существовало небольшое озеро (в нем даже водились раки), от которого ничего не осталось. До Кавказской войны много болот находилось при устьях рек, впадающих в Сунжу (особенно в устье р. Гехи и в междуречье Валерик – Асса). Исчезновению болот в горной Чечне способствовало масштабное уничтожение лесов и осушение крупных земельных массивов, одновременно изъятых под разные хозяйственные нужды⁴⁸. Сильное повреждение лесов равнялось, по современным понятиям о войне, излишнему варварству, которое было направлено против того блага неприятеля, которое должно было лежать вне сферы неприязненных действий⁴⁹.

Основные виды катастрофических разрушений земной поверхности на протяжении всей эволюции сводились к вытаптыванию, выбиванию и разрушению растительного покрова, созданию различных фортификационных сооружений, нарушению русла рек и водных источников, разрушению населенных пунктов, ирригационных сетей и уничтожению сельскохозяйственных угодий, нарушению и частичной ликвидации инфраструктуры – мостов, отдельных путей – и многому другому. Наиболее катастрофические последствия войн приводили к мощным вспышкам эрозии, дефляции и других разрушительных рельефообразующих процессов; в условиях климатического опустынивания – к смене растительного покрова, существенному изменению ландшафтов⁵⁰.

В суровые годы Кавказской войны все методы борьбы с противником считались приемлемыми. В 1819 году по приказу главнокомандующего на Кавказе А.П. Ермолова началась масштабная рубка леса в Чечне. Войска и мобилизованные местные жители под прикрытием стрелковой цепи прокладывали просеку шириной около 400 метров, что позволяло частям, двигавшимся по ее середине, находиться вне досягаемости выстрелов горцев, укрывавшихся за деревьями. Местный официоз – газета «Кавказ» – писала о рубке леса как о боевых действиях⁵¹. «Через глубину океана могучей растительности рубили просеки военные отряды. Тысячи топоров каждый день губительно действовали в неприкосновенном веками лесу, прокладывая в нем широкий след; и деревья, в несколько обхватов, валялись как колосья под серпом, разрубались на части и исчезали в пламени громадных костров. С наступлением сумерек звук топоров умолкал и рабочие – чеченцы и солдаты, спешили расположиться вокруг костров на отдых»⁵². Уничтожение лесных массивов привело к изменению климата и росту сельскохозяйственных посевных площадей. Приведем, для наглядности, воспоминания современника: «Теперь северные

плоскогогорья обезлесели совсем, а у Сулака есть целые версты, где земля сухая и потрескавшаяся, как кожа ящерицы, стала окончательно не способна даже питать жалкую траву. Нельзя сказать, что мы стали благодетелями! С уничтожением лесов высохли реки, климат изменился к худшему и там, где у чеченцев росли в садах нежнейшие деревья южной флоры, теперь едва dozревают более грубые плоды...»⁵³.

В военных целях леса на Чеченской равнине вырубались не только русскими войсками. В окрестностях села Гехи (в особенности на реке Валерик) чеченцами возводились гигантские лесные баррикады, материалом для которых служили чудовищные по размерам вековые дубы. Также огромные лесные завалы чеченцы сооружали на реках Мичик и Гойта⁵⁴. Правый берег Сунжи был почти весь покрыт сплошным строевым лиственным лесом. Этот лес чеченцы срубали и весной сплавляли его для продажи в Кизляр⁵⁵. По воспоминаниям русского солдата С. Беляева (1848 г.), бывшего в плену у чеченцев, во времена имама Шамиля за порубку леса в первый раз виновный подвергался штрафу в размере 30-40 копеек, а за вторичную порубку его сажали в яму. По сведениям лесничего В.В. Марковича (1897) при Шамиле за незаконно срубленное дерево виновный уплачивал быка или корову, а за значительную порубку леса виновного даже однажды повесили⁵⁶.

После вырубки лесов начался процесс остепнения Чеченской равнины. В самом конце XIX века Г.И. Радде наблюдал на Чеченской равнине «...интересную смесь типичных степных растений с видами, которые... принадлежат горам и лесам...». В западной части Чеченской равнины совместно встречались элементы лесной (последлесной), лесостепной, луговой и степной растительности. Но на всей этой территории не были отмечены такие характерные растения настоящей степи, как ковыль, типчак и тонконог.

В восточной половине Чеченской равнины лесоистребление началось позднее, чем в западной. По сведениям Г.К. Властова (1856), леса в Большой Чечне стали энергично рубить в военных целях только в начале 1850-х гг. Так, еще в 1850 году селение Шали располагалось на поляне среди дремучего и труднопроходимого леса. Последлесные луга Чечни – вторичные образования, возникшие на месте сведенных человеком лесов. Наибольшее распространение последлесные луга получили в Черных горах, особенно на юго – востоке горной Чечни. Так, только в окрестностях одного небольшого населенного пункта (с. Симсир в Ножай – Юртовском районе Чечни) было выявлено множество последлесных полей, имеющих антропогенное происхождение⁵⁷. По карте

Кавказского края, составленной в 1880 г. можно выяснить, сколько леса приходилось на 1 человека в районах: Ведено – Ножай – Юрт (4-6 дес.); Шатой – Химой (1-2 дес.); Урус – Мартан – Эрсеной (1/2 – 1 дес.). Как мы видим, эти величины очень незначительны, а ведь раньше лесами было покрыто все пространство проживания чеченцев⁵⁸.

Бесконтрольная вырубка лесов по всей Российской империи продолжалась вплоть до XIX века. По времени это значительно дольше, чем в странах Западной Европы. В Европейской России лесные массивы стремительно сокращались. За столетие после Петровской эпохи в стране было уничтожено более 22 млн. гектаров леса. При этом такие действия не осуждались, а восхвалялись, т.к. они расширяли пашенные площади, и за счет этого рос вывоз зерна за границу. Только к концу XIX столетия охране лесов стали уделять должное внимание, в том числе и разрабатывать соответствующие законодательные акты⁵⁹.

В соответствии с Положением о сбережении лесов (утверждено 4. 05. 1888 г.) и Лесным Уставом (свод законов Российской империи, т. VIII, ч.1.) определялись несколько категорий лесов: 1) защитные и водоохранные леса любой формы собственности; 2) крестьянские наделы или лесные дачи; 3) леса обществ и установлений; 4) леса, принадлежащие частным лицам, удельному ведомству, казне; 5) леса, выделенные крестьянам для увеличения сельскохозяйственных угодий. Леса первых трех категорий находились под защитой лесоохранного закона Российской империи (1888 г.), а двух последних – контролировались экономическими ограничениями. При этом в сознание лесопромышленников внедрялось требование – на месте вырубки должен быть новый лес. Таким образом, в первом Российском лесоохранном законе существовало положение, побуждающее всех партнеров, связанных с лесным хозяйством, выполнять экологические требования и рационально использовать леса, способствуя их сохранности и воспроизводству⁶⁰. Если сравнить соотношение десятин лесной площади на одного человека (кон. XIX в.) в Европейской России с Кавказом, то окажется, что в первой в 2,6 раз больше лесной площади на человека, чем на Кавказе. Обратившись к сравнению Кавказа с Западной Европой оказывается, что только Норвегия, в которой приходилось на 1 человека 15,5 десятин леса и Швеция (5,51 дес.), превосходили в этом отношении Кавказ. Все же остальные государства Запада отставали от Кавказа по этим показателям⁶¹.

В зависимости от разнообразия геологического строения и климатических особенностей Терской области, почвы её были весьма

разнообразны. В то время как на западе встречались глинистые почвы, сильно окрашенные перегноем в чёрный цвет и напоминавшие русский чернозём, далее, к востоку, они становились светлее; в восточной половине области встречались уже в основном серо-жёлтые солонцеватые глины, а на севере – пески затеречных степей. Видовое распространение земледельческих культур в области зависело не только от определённых хозяйственных традиций, количественного и качественного состава почв, но, в условиях предгорий и гор – от высоты местности над уровнем моря, что влекло за собой значительные перепады температурных характеристик и количества выпадавших осадков. Регионы области, в зависимости от их высоты над уровнем моря, специализировались на различных земледельческих культурах. Так, в окрестностях Кизляра (-11 м.) было хорошо развито виноградарство, при большом уровне влажности. В высокогорных местностях, например в Ведено (730 м.), получали прекрасный урожай табака, в условиях сухого, разреженного воздуха. Ячмень легче других злаков приспособился к суровым высокогорным условиям, и поэтому в Черных горах чеченцы его выращивали довольно часто и интенсивно⁶². Структура глинистых почв и песков, а также преобладание большого количества ветров со стороны Каспийского моря и с севера, на Чеченской равнине, не позволяли влаге задерживаться. Поэтому постройка многочисленных каналов способствовала повышению уровня сельскохозяйственного производства⁶³.

В пореформенный период экономическое положение в Терской области стабилизировалось. Земледельческая культура стала увеличивать как свои качественные характеристики, так и производство валового продукта. По урожайности Терская область стояла несколько выше всех внутренних губерний России. По общему безусловному количеству зерна, приходившемуся на 1 человека, считая только ячмень, рожь, пшеницу, просо, кукурузу; Терская область, где на 1 человека приходилось 2,5 четвертей зерна, стояла наравне с самыми хлебоборобными губерниями Европейской России (Воронежской – 2,57; Киевской – 2,53; Владимирской – 2,47). Горный Аргунский округ можно было приравнять к Петербургской губернии, где на 1 человека приходилось 1,01 четвертей зерна⁶⁴. Из Терской области ежегодно в среднем вывозилось более 2 млн. пудов хлеба, но случалось, как в 1897 г. – более 7 млн. пудов, в 1902 г. – в 2 раза больше. Владикавказская железная дорога в 1898 г. перевезла 6,7 млн. пудов зерна, в 1900 г. – 7,7 млн., а в 1902 г. – 9,6 млн. пудов. Даже в начале Первой мировой войны, когда сельское хозяйство прихо-

дило в упадок, зерновые запасы в Терской области по приблизительным подсчётам составили 524,8 тыс. пудов. Терская область стала одним из главных зернопроизводящих районов Российской империи⁶⁵.

Хлебный экспорт Европейской России осуществлялся главным образом, за счет Дона и Северного Кавказа. Их доля по этой статье была решающей и в масштабах всей России. Среднегодовые поставки хлеба страны на мировой рынок доходили в тот период до 549,5 млн. пудов, в том числе и с, полей региона – примерно 225 млн. пудов, или 41%. С Кавказа хлеб почти целиком (в среднем 202 млн. пудов ежегодно) как высоко кондиционный, конкурентоспособный отправлялся в Европу⁶⁶.

Традиционное земледелие чеченцев

Чеченцы издавна занимались земледелием. Хлебопашество долгое время было для них основным источником существования. Земледелие у чеченцев было на весьма высоком уровне. По свидетельству очевидцев у чеченцев, живших в притеречных районах, неурожаев почти не было: «...обыкновенная жатва вознаграждала в 10 и 15 раз»⁶⁷.

В результате проведённой в Терской области земельной реформы, огромные площади земельных пространств отошли во владение Терского казачьего войска. Многие войсковые земли пустовали, в то время как горцам катастрофически её не хватало, из-за несправедливого государственного распределения земельных угодий в Терской области. Сдавать землю в аренду казакам было выгоднее, чем заводить на ней войсковое хозяйство⁶⁸. Краевед и преподаватель В.П. Пожидаев много путешествовал по Кавказу. До нас дошли некоторые его исторические зарисовки, приведем некоторые выдержки из них: «Это не работа, а каторга. Стал бы я работать на такой земле, да пропади она!» – сказал однажды русский крестьянин В.П. Погожеву, наблюдавшему из окна вагона уборку горцами своей крошечной нивы⁶⁹. Другого очевидца тех времён, Е. Маркова также поражало горское трудолюбие: «Когда едешь по Чечне или по Кубанской области в дни жатвы хлебов, – писал он, бесчисленные полчища грузных и больших копен, покрывающих поля, кажутся невероятными даже для жителей плодородных курских полей. Пшеница, кукуруза, просо, ячмень – тут поднимаются тесными стенами»⁷⁰. Стремясь подчеркнуть достаточно высокий уровень развития земледелия у чеченцев, У. Лаудаев предпринял попытку сравнить хозяйственные занятия

чеченцев с соседними народами, в частности с кабардинцами. Он пишет, что «...тогда как кабардинцы и другие племена...понятия не имели о хлебопашестве, чеченцы деятельно занимались им»⁷¹. Академик М.Н. Покровский в своей работе, подчеркивая исключительную важность для дагестанцев чеченского хлеба, писал: «кто владел чеченской плоскостью, тот был хозяином и в горах Дагестана»⁷².

По среднему урожаю всех хлебов Чечня занимала в России одно из первых мест, вслед за Украиной. С 1888 по 1893 год Чечня производила ежегодно 2672184 пуда кукурузы, на сумму 1068874 рубля (40 коп. за 1 пуд). После обработки земельного участка чеченцы сеяли обычно кукурузу. За кукурузой следовала пшеница, а затем обратно кукуруза. Таким образом, пропашное растение (кукуруза) чередовалась со злаковыми, благодаря чему истощение почвы шло не так быстро как, например, у казаков, высевавших почти исключительно злаки⁷³. В горной зоне чаще всего выращивали яровую пшеницу, ячмень, просо, кукурузу. Ко всем этим злакам подсеивали особый сорт гороха⁷⁴.

На истощённых землях, для удобрения, нередко устраивали стойбища для мелкого и крупного скота в осенне-зимний период. Таким образом, навоз скапливался на месте и сложный, трудоёмкий вопрос транспортировки снимался⁷⁵. Горные чеченцы не только получали хлеб от жителей плоскости, но и пускали свои стада для удобрения их земель⁷⁶. Вайнахи удобряли землю и илом. Этот способ также был широко известен. Из навоза, вывозившегося на поля, наиболее ценным считался овечий, затем навоз крупного рогатого скота, совсем не годился конский. Навоз вносили на 3 или 4 года, в зависимости от культур, засеваемых на этом участке.

Традиционными культурами вайнахов были: ячмень, пшеница, просо, овёс, лён, фасоль, тыква, огурцы, рис, рожь, голый ячмень⁷⁷. Дикий лен рос на горных лугах. Высоко в горах чеченцы сеяли лен. Семена льна собирались и перемалывались. Из полученной маслянистой муки делали лепешки, считавшиеся «весьма гастрономическим кушаньем», особенно с горным медом. Лён крестьяне возделывали и в степных, полустепных притеречных районах. Выращивали здесь масличный лён на семена, так как он был менее требователен к влаге и более теплолюбив. Лён являлся пластовой культурой, то есть высевался по целине. По мере сокращения площади целинных земель, в связи с военно-казачьей колонизацией края, уменьшились и посевы льна⁷⁸. В 1897 год под посевами льна было занято 48 тыс. десятин, а конопли – 2 тыс. десятин⁷⁹. Конопля росла в нагорной полосе, около Ведено, «составляя густые заросли». «Замечательно, – от-

мечает В.В. Маркович, – что употребление конопли совершенно не известно у чеченцев». Тмин, растущий на горных лугах, чеченцы употребляли как пряность, добавляли его для вкуса в домашнюю колбасу⁸⁰. Просо также сеяли в горах и привозили на продажу в Ведено. Из отчета начальника Терской области за 1894 год мы узнаем следующее о посевах овса: «В последние годы в обществах Хачарой, Хельдихарой, Дашни и Чанти (Аргунского округа), где местные условия чрезвычайно благоприятны для посевов овса, жители стали в довольно большом количестве заниматься посевами овса для продажи. В прошлом (1893) году было продано до 1500 четвертей (315 т.) этого хлеба»⁸¹.

Природные условия определяли характер земледелия. Большая часть Восточного Кавказа была покрыта лесами, поэтому издавна практиковалась преимущественно подсечно-огневая система земледелия. В целом горное земледелие, по сравнению с равнинным, до 70-80-х годов XIX века, имело более высокий уровень развития. Большинство населения горной зоны обходилось своим урожаем, не покупая хлеб на стороне. По свидетельствам очевидцев, ичкеринцы занимались хлебопашеством все, без исключения⁸². Огромные просторы равнинной зоны Северного Кавказа, занятые горцами, использовались первоначально для скотоводства – главной отрасли хозяйства равнинных жителей. Верхние пределы земледелия в горах Чечни достигали 2130 метров. Посевы картофеля на Кавказе были зафиксированы на высоте более 2250 метров⁸³. В конце XIX – начале XX в. в Чечне успешно выращивали картофель разных сортов: Американка розовая, Неженка белая и Брунелль красная⁸⁴. А.П. Берже писал о верхних районах реки Аргун: «Вся местность покрыта искусственными террасами, на которых сеяли пшеницу и кукурузу». Клочки плодородной земли между скал разыскивались, «как золото в Сибири», и ценились весьма высоко⁸⁵. Под посевы здесь шли небольшие участки земли даже на утесах, на которых иногда даже невозможно было разместить двух человек. Но и эти площади не всегда были пригодны для земледелия, ведь чем выше в горы, тем хуже вызревал урожай. Современники говорили: «Мудрено тут заниматься земледелием: куда ни кинь – все клин»⁸⁶. «Под пашни, – писал П.Н. Ражаев про горную Чечню, – занято всё, что только можно было распахать, кукуруза преимущественно перед всеми другими хлебами возделывалась во всех аулах, где позволяют климатические условия. Только в аулах, расположенных выше 4-х тысяч футов, преобладает яровая пшеница, овёс и ячмень, а на высоте 7000 футов высевается один ячмень, но он редко созревает и идёт на корм скоту»⁸⁷.

Ячмень

Ячмень произрастал на самых высоких и холодных горных участках⁸⁸. Ячмень возделывался на всей чеченской территории. Однако наибольшее количество посевов ячменя росло в верховьях рек: Чанты-Аргуна, Шаро-Аргуна и Фортанги, где поля засеивались преимущественно этим злаком. В 1878 году по официальным данным ячмень занимал первое место по всему горному Аргунскому округу⁸⁹. В условиях сурового альпийского климата кукуруза уступала место ячменю. Пашни и покосы здесь были разделены на узенькие полоски и удобрялись навозом через каждые 3-5 лет⁹⁰. Наиболее древними злаковыми на территории Чечни, по мнению И.Ю. Алироева, можно считать ячмень и пшеницу⁹¹. В Чаберлоевском наибстве, в конце 60-х годов XIX века возделывали особый сорт ячменя, очень похожий на гималайский⁹². В каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства входил и ячмень из Грозненского округа⁹³. Лепешки из ячменя употреблялись чеченцами в пищу, ячменное зерно шло на корм лошадям.

Н.И. Вавилов в работе, специально посвященной земледелию Северного Кавказа, основанной на собственном полевом материале, отмечал, что нельзя понять эволюцию пшеницы и ржи без Кавказа. По его мнению, некоторые виды пшеницы, обнаруженные в горах, «отмечаются поразительной стойкостью к болезням». Наличие таких качеств пшеницы, возможно, объясняется не только благоприятными климатическими и почвенными условиями, но и давней традицией ее возделывания. В VII – IX вв. пшеница была основной культурой у населения современной Чечни и Ингушетии. Об этом красноречиво говорит нахождение остатков растений пшеницы, наличие большого количества хозяйственных ям для зерна и зернотерок в культурных слоях городищ⁹⁴.

М.Х. Багаев, М.Г. Магомедов, В.А. Кузнецов с сотрудниками обнаружили обугленные зерна проса в культурных слоях городищ, датированных VII – IX вв. на территории Чеченской Республики. В записях арабского историка XII в. Идриси просо упоминается как основная зерновая культура на Северном Кавказе. Табак попал в этот регион в середине XII в. Сюда его завезли турки, с которыми горские народы имели широкие торговые отношения. По некоторым сведениям кукуруза проникла на Чеченскую равнину из Грузии. Уже в 1830 г. кукуруза здесь являлась наиболее распространенным злаком, без которого, как отмечал Р.Ф. Розен, «население здесь не могло существовать»⁹⁵.

Овес

Овес сеяли высоко в горах, не ниже 5 тыс. футов над уровнем моря. Овёс произрастал в ряде мест Аргунского округа, в частности в верховьях Шаро-Аргуна, где природные условия благоприятствовали вызреванию этой культуры. В Аргунском округе, Чантинском наибстве разводили особый сорт овса – чёрный, по весу и качеству далеко превосходивший обыкновенный овёс⁹⁶. Много овса чеченцы привозили на продажу в Ведено. Из овса горцы делали муку, также овес употреблялся на корм лошадям⁹⁷.

Чеченцы сеяли рожь по Аргуну, где она была известна под названием «чёрная пшеница». Упоминание о возделывании этого злака чеченцами мы находим лишь в конце XIX века и только у одного автора – Е. Максимова⁹⁸. В долине реки Терек выращивали рис. Его посевы неуклонно расширялись, чему способствовала сеть оросительных каналов. Так, если в 1811 году было засеяно 501 и собрано 4840 пудов риса, то в 1835-м, соответственно, 14850 и 40 000 пудов⁹⁹.

Детей с 8-10 лет учили, на какую глубину надо пахать почву для кукурузы, проса, пшеницы; как сеять и когда убирать; как сохранить урожай без потерь. Дети практическим путем убеждались в возможности изменения природы многих растений. Так вместе с взрослыми, подростки и юноши участвовали в получении новых сортов плодовых растений. В частности обучались приемам прививки фруктовых деревьев и выведению новых сортов яблонь, груш, слив и т.д. Участие в этой работе способствовало проявлению творческого отношения к делу и служило важным условием развития познавательных сил¹⁰⁰.

Не смотря на прочные традиции горного земледелия, чеченцы уже имели давний опыт самостоятельного переселения на плоскость, где со временем обживались и были лучше обеспечены землёй, чем в горах¹⁰¹. На равнине Чечни, через которую протекает несколько рек и множество ручьёв, полив начали практиковать ещё в XVIII веке, в связи с развитием земледелия. Уже в это время здесь было несколько оросительных каналов¹⁰². В самый разгар Кавказской войны чеченское население в долине Сунжи ревностно обрабатывало свои поля и неохотно шло «на дело». Старые поселенцы на Тереке продали большую часть своего оружия казакам за полцены. Царской администрации приходилось даже штрафовать чеченцев за то, что они рисковали своей жизнью, отправляясь для обработки земли в опасную зону без оружия¹⁰³.

Многие краеведы отдавали дань уважения горцам, оценивая по достоинству их трудолюбие. Баранов Е., в своей статье «По Северному Кавказу» писал: «На горца принято смотреть, большей частью, как на лентяя, привыкшего жить грабежом и разбоем, и на все его жалобы не обращается должного внимания. Но ведь всем же известно, что тот же туземец, «лентяй» и «разбойник», поселившись в глухих и диких дебрях гор, сумел, благодаря своей изумительной энергии и египетскому труду, создать из каменистой и безлюдной почвы гор участки пахотной земли, дающей урожай ячменя и даже пшеницу. К сожалению, это совсем не ставится в заслугу туземцу, и в глазах большинства он остаётся тем же «дикарём» с хищническими наклонностями, каким его узнали первые русские, когда он, с оружием в руках, защищал свободу своей родины»¹⁰⁴. «Чеченцы трудолюбивее других кавказских народов. Когда чеченец дома, работает неусыпно» – писал другой очевидец¹⁰⁵. Чеченцы были не только трудолюбивы, но и, обладая практичным умом, и умели использовать свой труд с максимальной выгодой.

Пшеница

В пореформенный период большие изменения происходили в структуре посевных площадей. Горцы и казаки стали возделывать культуры, которые пользовались большим спросом на рынке. Например, за 15 лет (с 1876 по 1891 год) площадь, занятая пшеницей, увеличилась у плоскостных чеченцев почти на 46 %¹⁰⁶. Земледельческое хозяйство чеченцев стремительно росло. В казачьих станицах урожайность пшеницы была низкой, что стимулировало горцев улучшать свою земледельческую производительность, благодаря чему рынок пшеницы становился постепенно чеченским¹⁰⁷. О том, что пшеница в горной Чечне являлась в течение почти всего XIX века преобладающим злаком, говорят письменные источники. В работе А.П. Берже, например, относящейся к середине XIX века, утверждается, что пшеница занимает у чеченцев первое место. В отчётах начальников Аргунского и Веденского округов за 1870-75 гг. указано, что пшеница стоит на первом месте. В 80-90-е годы XIX века в Чечне в целом снижается количество посевных площадей под пшеницей в связи с резким увеличением посевов кукурузы¹⁰⁸.

Валовой сбор зерновых хлебов в целом по Северному Кавказу (без Дагестана) увеличился за 22 года (1875-1899 гг.) более чем в семь раз,

тогда как по 50 губерниям европейской России он возрос менее чем в 2 раза. Начиная с 1887 по 1899 год валовой сбор зерна по всей Терской области вырос в два с лишним раза, с 1525785 до 3354185 четверти. С 1892 по 1896 год валовой сбор зерна в Грозненском округе увеличился на 100%¹⁰⁹. По валовому сбору зерна в 1898 году Грозненский округ занимал первое место среди других округов, но по товарным излишкам на душу населения – почти последнее место. И хотя за 1891-1898 годы валовой сбор зерна на душу населения в Грозненском округе возрос с 1,98 до 2,34 четвертей, а чистый сбор с 1,79 до 2,16 четвертей, это не сильно повлияло на ситуацию. Рост производства зерна на продажу и вывоз его за пределы Чечни отнюдь не являлся признаком повышения уровня материального благосостояния местного населения, а наоборот, происходил за счёт понижения потребления хлебопродуктов¹¹⁰. На равнине Северного Кавказа земледелие являлось ведущей отраслью хозяйства только у чеченцев¹¹¹. Северный Кавказ, став житницей страны, был важным фактором в борьбе России с дешёвым американским хлебом на международном рынке¹¹².

До 1877 года, для обеспечения Кавказской армии продовольствием, приходилось его привозить из России. В условиях отсутствия современных путей сообщения, это было очень накладно. В связи с развитием сельского хозяйства на Кавказе ежегодно стали столько собирать зернового хлеба, что, за вычетом необходимого количества на посев и местную необходимость, оставалось значительное число зерна, часть которого и закупалась для армии. Также горцы поставляли Кавказской армии фураж и скот¹¹³.

Из-за нехватки земельных угодий и в целях увеличения прибыльности производства горцы нередко брали у казаков землю в аренду. Урожай свой горцы-арендаторы, особенно жители горной полосы, чаще всего, реализовывали осенью, когда цены на кукурузу самые низкие, ниже среднегодовых на 10-15%. Засуха, град, саранча часто наносили большой ущерб посевам, далеко не всегда удавалось получить средний урожай. Сильным градом, 32 апреля 1871 года, у жителей села Алхан-Юрт, Грозненского округа, были истреблены посевы травы и озимый хлеб. Не смотря на тяжёлые условия, убыточный характер, аренда пахотных земель получила широкое распространение у осетинского, ингушского и чеченского крестьянства. Слабее она была развита у карачаевцев, кабардинцев, балкарцев. Горцы-арендаторы работали больше, но получали от земли меньше, чем даже мелкие крестьяне, владельцы земельных участков. Лишь безысходная нужда заставляла горцев арендовать землю на столь тяжёлых и невыгодных условиях.

Кукуруза

Поскольку кукуруза давала наиболее высокие урожаи, во многих горских округах Терской области под её посевами была занята большая часть пахотных земель, в том числе и находящихся в аренде¹¹⁴. Можно предполагать, что уже в XVIII веке кукурузу сеяли почти повсюду на Чеченской равнине, отличавшейся весьма благоприятными климатическими и почвенными условиями. Специальные кукурузные базары во многих селениях Чечни обеспечивали хлебом не только приезжих горцев Чечни и Дагестана, но и соседних русских казаков¹¹⁵. На равнине высевали особые местные сорта кукурузы; до высоты 1100 метров над уровнем моря преобладали белые сорта, а от 1100 до 1500 метров – жёлтые. В ходе полевых исследований выяснилось, что в Чечне возделывалось свыше 20 местных сортов кукурузы¹¹⁶. К кукурузе подсеивали бобы, рожь, пшеницу, дикий горошек, овёс. Особенно восторженно отзывался о кукурузных посевах Чечни царский офицер И.И. Норденстамм. «В 1832 г. мне случилось видеть, – говорил он, – в деревне Гехи кукурузное поле, на котором кукуруза была такой величины, что при проходе отряда нашей части конница въехала в одну полосу и всадников не видать было»¹¹⁷. В 1832 г. генерал Вельяминов разорил аул Дарго. Торнау, участник той экспедиции, вспоминал: «Помню я даргинскую кукурузу ростом выше человека на коне; много сабель поломали на ней наши татары, с ожесточением уничтожавшие все чеченское из мщение за поругание убитых товарищей»¹¹⁸.

Кукуруза имеет свои преимущества по сравнению с другими хлебами. Урожаи ее почти не зависят от засухи и в несколько раз превышают урожаи пшеницы. Землевладельцам не надо спешить с уборкой кукурузы, т.к. она не осыпается и может простоять до самой зимы. Початки кукурузы сохраняются очень долго и могут прокормить население в неурожайные годы. Пища, приготовленная из кукурузы питательна, полезна и дешева. Для кормления скота очень выгодно разводить кормовую кукурузу, т.к. ее урожай превышает урожай всех других кормовых трав в несколько раз. Кукуруза растет на самых разнообразных почвах. Есть примеры того, как хорошо кукуруза возделывается на каменистых и песчаных почвах. На хорошо удобренной почве кукурузу можно возделывать несколько лет подряд. После кукурузы можно сажать зерновой хлеб и другие растения¹¹⁹.

Картофель

У чеченцев были участки с посадками картофеля¹²⁰. Картофельводство – самая «молодая» отрасль сельского хозяйства во всей горной зоне Чечни. Появление картофеля в горной части Чечни В.Р. Берг и Б.Л. Калоев относят к концу XIX века, когда его завезли сюда русские солдаты и поселенцы. В отдаленные высокогорные селения Чечни картофель впервые проник в сер. 20-х гг. XX века. Наиболее ранние известия о картофеле в горной Чечне находим мы в работах А.Е. Россиковой (1896 г.), отметившей посадки этой культуры в селе Хуландой, и Н.С. Иваненкова (1910), указавшего на картофель в долине реки Чанты – Аргун¹²¹. Н.С. Иваненков, обследовавший разные зоны Чечни спустя полвека после окончания Кавказской войны, чаще всего встречал огородные овощи в тех чеченских селениях, которые находились вблизи от бывших русских укреплений. Это указывает на широкое заимствование возделывавшихся сельскохозяйственных культур горцами у русских. В подтверждении этого приведем следующие факты. Зимой 1858 г. в Чишкинской котловине русскими войсками было основано крепление Аргунское, а весной того же года вокруг этого укрепления возникли богатые гарнизонные огороды. Русская крепость Ведено стала крупнейшим очагом овощеводства в горной Чечне. В гарнизонных огородах крепости Ведено, по данным Я.Я. Верлина (1870), выращивалось около 30 видов овощей¹²².

Промышленное огородничество на Кавказе имело все данные для развития. С одной стороны, обширный круг потребителей, с другой – обильное и дешевое производство, с третьей удобные транспортные пути¹²³. Чеченцы выращивали лук, разводили на продажу чеснок. Между кукурузой обычно сеяли фасоль и тыкву. Тыкву ели вареной и печеной. Тыкву горцы также давали и скоту. Чеченцы считали, что лошади быстро поправляются, если им примешивать тыкву в корм. Земляная груша разводилась вместе с тыквой в кукурузниках, ели ее сырой. Она часто оставалась в земле всю зиму, сохраняя свои качества¹²⁴.

Просо возделывалось в чеченских сёлах: Ведено, Саясан, Ножай-Юрт, Мужичи и др.¹²⁵. По сведениям 1876 года чеченцы Грозненского округа высевали 8 тыс. четвертей пшеницы, к 1888 году эта цифра возросла до 14035 четвертей, а к 1891 году – до 14815 четвертей. Таким образом, за 15 лет площадь посева пшеницы увеличилась на 46%. Кукурузы чеченцы посеяли: в 1890 году – 11020 четв., 1891 – 13667 четв., 1893 – 14113 четв. Посев проса с 1335 четвертей в 1888 году

поднялся до 3378 четвертей в 1891 году; ржи с 61 четверти до 171 четверти, картофеля с 28 четвертей до 102 четвертей¹²⁶. В 1888 году в Терской области на долю Чечни и Ингушетии приходилось 94,4% всей собранной кукурузы. Рост посевов кукурузы объясняется ещё тем, что она находила спрос в соседнем Дагестане, Владикавказе и Ростове. Экспортировалась она через Петровск в Иран. По данным статистики перевозки хлебных грузов по Владикавказской железной дороги (1894-1900 гг.) видно, что к началу XX века по станциям Гудермес и Самашкинская кукуруза составляла до 90 %, а по станциям Гудермес и Грозный 60-70% всех хлебных грузов¹²⁷.

В России кукуруза возделывалась на Кавказе, в Бессарабии и Подольской губерниях. В 1896-97 годах в России было всего собрано 58 млн. пудов кукурузы, а вывезено за границу 23% от чистого сбора. В 1897-98 годах сбор достиг 110 млн. пудов. За границу уже экспортировали 47 млн. пудов. По сравнению с первой половиной 70-х годов XIX века, в 1891-95 годах средняя цена кукурузы понизилась на 1/5, а в 1896-97 годах на 1/3¹²⁸....Государство было крайне заинтересовано в наращивании севооборота и сбора зерна на Кавказе. Для этого правительство принимало некоторые меры. Например, областное правление ежегодно приобретало и раздавало населению семена различных сельскохозяйственных растений для проведения опытных посевов на участках с разными ландшафтными и климатическими условиями. Министерство земледелия и государственных имуществ открыло для руководства Терской области кредит в 500 рублей, для закупки семян, чтобы обеспечить ими местное население¹²⁹. С 1888 года в Терской области, при правлении, стал работать областной агроном¹³⁰.

Сельскохозяйственные общества Предкавказья по направлениям и районам деятельности, в силу условий развития местной экономики, дифференцировались на общие и специальные, самостоятельные и вспомогательные. Деятельность общих сельскохозяйственных организаций была посвящена актуальным проблемам развития хозяйства в целом, специальные – служили интересам какой-либо отдельной отрасли хозяйства (садоводству, виноделию и т.п.). Общества сельского хозяйства, стремившиеся решить насущные проблемы местной экономики, являлись самостоятельными. Немало было проделано обществами для организации и упорядочения сбыта сельхозпродукции не только внутри области, но и за ее пределами. Все эти меры объективно способствовали повышению рентабельности сельского хозяйства на Северном Кавказе.

Особо следует отметить работу обществ по проведению сельскохозяйственных выставок. Эта форма деятельности включала в себя сложные мероприятия научного и практического характера, требовала значительных финансовых затрат, большого опыта. В целом, проведение выставок в конце XIX в. – начале XX в. стало ярким событием общественной и экономической жизни Терской области, вызвало неподдельный интерес у широких слоев населения¹³¹. Во Владикавказе в 1898 году открылась первая Терская сельскохозяйственная выставка. На ней в отделе животноводства демонстрировались породы: как местных животных, так и завезенных из Центральной России.

В Терской области в 80-90-х годах XIX века увеличивалось количество садов, улучшалось качество различных видов деревьев. Деревья облагораживались посредством прививки и окулирования; завозились новые сорта из Крыма и других центров садоводства. В Грозном был основан специальный рассадник полезных растений, ставший опытно-показательным хозяйством. В нем насчитывалось 15 тыс. виноградных лоз и несколько тысяч фруктовых деревьев. Сюда за саженцами приезжали жители Чечни, Ингушетии и Дагестана¹³². В селе Мереджи, находившемся в западной части Черных гор, существовал плодовый сад, состоящий из груш, яблонь и слив, выращенных местным энтузиастом Даут – Гиреем Доуевым. А.Е. Россикова указывала на сад из вишни, груши, яблони, сливы и ореха грецкого в селе Химой, принадлежавший старшине села Али – Магоме¹³³.

Не смотря на применение новейших методов в сельскохозяйственном производстве, земледелие по-прежнему основывалось на многовековых основах. По древней традиции, время начала сенокоса и жатвы у чеченцев устанавливали старейшины села. Праздник «выхода плуга» был всеобщим и обязательным. Первую борозду проводил мулла или наиболее состоятельные жители села¹³⁴. Календарный цикл сельскохозяйственных земледельческих работ казаков был полностью заимствован у горцев. Так, например, праздник «выхода плуга» имел много общих черт с аналогичными обрядами горцев Чечни¹³⁵.

Гребенцы, вплоть до второй половины XIX в., широко пользовались тяжелым деревянным плугом грузинского типа, заимствованным ими у жителей низовьев Терека и Сунжи. Казаки восприняли у горцев также молотильные доски, бытующие до сих пор еще в Нагорной Чечне, Дагестане и других районах Кавказа. Чеченцы, жившие на равнине, стали применять плуги, бороны, серпы фабричного производства, а также

шести – восьмигранные каменные катки для молотьбы, заимствованные у русских и казаков¹³⁶.

Горцы научили казаков приемам длительного хранения зерна в специальных зерновых ямах¹³⁷. В Чечне были свои традиции хранения зерна. В некоторых случаях его хранили в больших глиняных кувшинах. Более оригинальным являлся столовый способ. Хранение зерна в дупле на Кавказе было присуще только чеченцам. Изготовление дупла требовало определённых навыков. Найденный в лесу ствол сначала срезали пилой, очищали от шелухи, выдалбливали, а затем выжигали и ставили дощатое дно. В Ножай-Юртовском районе, например, многие хозяева имели несколько дупел разных размеров, вместимостью от 2-х мешков до 3-х центнеров зерна¹³⁸.

Хранение зерна в дуплах деревьев – была одной из древнейших чеченских традиций. Подобные деревянные сосуды встречались в быту и у других северокавказских народов, однако они использовались у них не для хранения зерна, а для других хозяйственных нужд. Представляет несомненный интерес тот факт, что способ хранения зерна в дуплах деревьев восходит, по крайней мере, к 1 тыс. до н.э., – тогда его использовали жители горных районов Древней Греции, о чем сообщают античные авторы. В Древней Греции и Риме, а также у меотов в период древнегреческой колонизации территории Восточного Причерноморья для хранения зерна широко использовались кожаные мешки и разнообразные глиняные сосуды: пафосы и амфоры достаточно большой емкости. В Чечне также хранили зерно в кожаных мешках и больших глиняных кувшинах. Здесь прослеживается прямая аналогия способов хранения зерна у античных народов 1 тыс. до н.э. и северокавказских народов¹³⁹.

Многие земледельцы продавали своё зерно практически сразу после сбора урожая. Мелкие скупщики сами передвигались по аулам и станицам и скупали хлеб у тех хозяев, которые не имели возможности его хранить, или транспортировать на областные рынки¹⁴⁰. Вайнахские орудия обработки почвы были весьма разнообразными: от наиболее архаичных (палка-копалка), с помощью которых, возможно, земледелие делало свои первые шаги, до сравнительно поздних, появление которых связано с внедрением в сельское хозяйство края орудий фабричного производства. В XIX веке «палка-копалка» сохранилась только в Ичкерии – самой восточной области Чечни. И. Огранович, побывавший в Ичкерии в 60-х годах XIX века, писал, что «острой палкой делают углубления в земле и кладут туда зерно». Отметил её бытование у чеченцев и Н.Ф. Дубро-

вин. Географ П.И. Знаменский в конце 1920-х годов наблюдал, как это орудие использовали в некоторых районах Чечни при обработке почвы. «Где кочковатая поверхность, – писал он, – не позволяет вспашку земли плугом, не изжита ещё мотыга и, что ещё удивительнее, обыкновенная палка с обожжённым концом»¹⁴¹. Палкой-копалкой обычно пользовались при обработке только что расчищенного от леса участка земли, где многочисленные корни деревьев не давали возможности работать плугом. Обычно участок обрабатывали после дождя, когда почва становилась мягче. Это орудие представляло собой, обычно, кол длиной 175-180 см., в большинстве случаев сделанный из граба. Конец его обжигался. «Палку-копалку» в основном использовали при посевах кукурузы, фасоли, огурцов, тыквы и других растений, требующих гнездовой посадки. Крестьянин делал лунки на равном расстоянии одна от другой. В лунки помещались семена, а затем их затапывали пяткой ноги¹⁴².

В высокогорье, где земельный голод ощущался особенно остро, земледельцам приходилось отвоёвывать у суровой природы каждый клочок земли. Выдолбленная на голой скале мизерная терраска с искусственной почвой называлась у вайнахов «ага». Для ежегодного расширения такой терраски и для подготовки на ней почвы для посева использовали мотыгу-кирку. Мотыга для прополки представляла собой четырёхугольную металлическую пластину, надетую на длинную ручку при помощи двух черенков. Стремление удлинить рабочую часть объясняется тем, что в народе существовало поверье, будто растение боится и сжимается, когда над ним заносится лезвие, а это вредно сказывается на урожайности. Земледелец никогда не становился лицом к солнцу, а старался стать так, чтобы его тень ложилась на уже обработанные всходы, так как даже движение тени, якобы, может повлиять на урожайность¹⁴³.

Чеченцев издревле называли «народом плуга»¹⁴⁴. Большим своеобразием отличались плуги, бороны в Чечне, что было вызвано, по-видимому, более высоким уровнем развития земледелия и давними традициями возделывания кукурузы на больших площадях¹⁴⁵. У вайнахов есть целый ряд вариантов бороны. Борону они использовали в основном для улучшения структуры почвы перед севом, а также для прореживания посевов, сбивания сорняков, уплотнения почвы после посева, что, с точки зрения народной агротехники, способствовало задержанию в почве драгоценной влаги, уносимой суховеями. Надо признать, что уплотнение верхнего слоя после сева, хотя и примитивными средствами, в районах, подверженных частым засухам, для XIX века было немалым достижением¹⁴⁶.

В конце XIX века, под влиянием русских переселенцев, появились четырёхугольные рамные деревянные бороны с двумя и тремя перекладами. В то же время стали применять бороны с железными зубьями местного и фабричного производства. С 80-х годов XIX века по всей Чечне стали широко распространяться серпы фабричного производства, вытеснившие постепенно местные традиционные серпы. Значительным событием следует считать появление почти в то же время фабричной косы, применявшейся как у русских, с приспособлением для укладки жатвы.

Перевозка хлеба домой, где это было доступно, производилась в любое время года на саях. Особенно распространён был этот метод в горах¹⁴⁷. Исследование показывает, что чеченцы и ингуши плоскостной зоны широко применяли деревянные плуги кумыкского, украинского, кабардинского и отчасти русского типов. Плуги фабричного производства стали проникать в Чечено-Ингушетию с 80-х годов XIX века. Это были плуги различной конструкции и различных наименований: болгарский, немецкий и др.¹⁴⁸. В конце XIX – нач. XX вв. в Чечен-ауле, Шали, Бачи-Юрте, Белгатое и в других равнинных сёлах Чечни, на смену тяжёлому плугу, который обслуживало 4 человека, пришёл однолемешный фабричный плуг, в который впрягали наряду с волами и буйволами и лошадей.

В конце XIX – начале XX века принципы распределения трудовых обязанностей в вайнахских семьях были в целом традиционными. Сложившиеся нормы, закреплённые веками, определяли поведение вайнахских крестьян в начале пахоты, сева, жатвы, сенокоса и других сельскохозяйственных работ. Традиционный институт взаимопомощи вайнахов («белхи») – сложный по своей структуре обычай, в центре которого находился совместный неоплачиваемый труд. «Белхи» начинался с общинного решения на сельском сходе помочь вдове или нуждающейся семье, например, вспахать поле или убрать урожай. Поэтому в конце XIX – начале XX века и даже позже среди вайнахского сельского населения никогда не встречались люди, просящие милостыню, ибо здесь семьи, нуждающиеся в помощи, не просили об этом сами, а ждали и были уверены, что каждый из сельчан по мере возможности придет к ним на помощь. Вайнахи до сих пор считают своей нравственной обязанностью обработать поле и убрать его у одинокого и больного соседа. Если кто-либо не являлся на «белхи», его не наказывали, но его осуждало общественное мнение¹⁴⁹.

Увеличение сбора зерна в послевоенный период вызвало рост обрабатывающих промыслов. Возрастающее значение в реализации хлебных продуктов приобретала мукомольная промышленность края. Судя по многочисленным фольклорным данным, появление водяных мельниц у народов Северного Кавказа относится к очень глубокой древности. Водяные мельницы составляли большей частью собственность наиболее состоятельных крестьян, а также родственных семей¹⁵⁰. Горцы мололи на своих водяных мельницах в основном кукурузу, ячмень, овёс и пшеницу. Хозяин мельницы получал десятую меру от обмолоченного зерна. Мельницы строились без единого железного гвоздя¹⁵¹. Иногда мельницы ставились прямо на реке. Так, была описана водяная мельница, установленная на двух плотках и приводимая в действие течением Терека. Замысел этой постройки применялся в тех местах, где река была подвержена подъемам и падениям уровня воды через равные промежутки времени¹⁵². Существенным показателем товарного производства является появление паровых мукомольных мельниц. В 70-80 годах они начали все активнее строиться в регионе. Так, в 1878 году известный чеченский капиталист Башаров построил в Грозном большую паровую мельницу, которая перерабатывала продукцию более чем на 62 тыс. рублей¹⁵³. После 80-х годов XIX века у богатых чеченцев появились конные, а затем и паровые молотилки зерна. Казаки заимствовали у своих горских земляков орудия молотбы – круглые и граненые деревянные и каменные катки¹⁵⁴.

Наибольшее количество лесопилен в 1893-1903 годах имел Веденский и Грозненский округа, а также город Грозный, что было также характерно и для мельниц¹⁵⁵. Сравнивая темпы внедрения новой сельскохозяйственной техники в Европейской России и на Северном Кавказе, видно, что этот процесс на Кавказе происходил значительно интенсивнее¹⁵⁶. В 1898 году Терским обществом сельского хозяйства и сельскохозяйственной промышленности была устроена выставка в городе Владикавказе, а в 1899 году открыт склад земледельческих машин и улучшенных семян, которыми стали пользоваться местные земледельцы¹⁵⁷. С января по август 1902 года склад продал товара на сумму 32468 рублей, из них наличными – 25330 рублей. В конце 90-х годов XIX века сельскохозяйственных машин становится в Терской области всё больше.

На заседании специальной комиссии по выработке мер к поднятию экономического положения казачества в 1898 году, губернский секретарь Вертепов среди причин, тормозящих развитие хозяйства казаков,

отметил полнейший застой в земледельческой технике: «Избыток земли, – заявил он, – не побуждает казака совершенствовать земледельческую технику. Обработка полей прадедовскими способами, при постоянной погоне за ценными землями, привела к истреблению травянистой растительности и вообще к разрыхлению верхнего плотного слоя земли. Беспорядочное пользование землёй сделало её бездоходной»¹⁵⁸.

Овощеводство и бахчеводство

В Чечне издавна развивалось овощеводство и бахчеводство. На Чеченской плоскости высаживались огурцы, арбузы, дыни¹⁵⁹. Крестьяне высаживали несколько сортов дынь: желтые, рябые и мелкие сладкие дыни. Последний сорт выращивался в основном в горной части Чечни¹⁶⁰. Уже в XVIII веке основным поставщиком арбузов и винограда была территория низовьев Терека, о чем говорит наделение ее гербом с изображением этих плодов. В 1729 году, по заказу военной коллегии, герольдией были разработаны гербы для войсковых частей, дислоцированных по губерниям, городам и провинциям. Среди них фигурирует и терский герб, представляющий собой «Арбуз зеленый, вверху две кисти виноградные красные, поле вверху белое, а внизу желтое». В терском гербе применен географический принцип, который отражал такую специфику данной территории, как изобилие здесь винограда и арбузов. Эти плоды для Москвы являлись экзотическими и поставлялись царскому столу из Астраханской губернии, в состав которой и входил Терский город. Первоначально Терский город и прилегающие к нему земли низовьев Терека входили в состав Астраханского воеводства, а с 1719 года, когда была образована Астраханская губерния, эта территория была оформлена как одна из провинций, на которые делилась губерния¹⁶¹.

Для фруктов и овощей на Кавказе зачастую не выделяли отдельных участков, а из-за недостатка земли, сажали их прямо между кукурузой. Огурцы рассаживали и в горах Чечни, где климатические условия благоприятствовали этому¹⁶². Горная зона Чечни, впрочем, как и равнинная, кругом закрыта горными хребтами, которые защищают ее от губительных холодных северных ветров. Благодаря этому здесь произрастают многие культурные растения. Невероятно, но факт: посевы кукурузы – весьма теплолюбивой культуры «поднимались» почти до 2 тыс. метров над уровнем моря¹⁶³.

В конце XIX века в Чечне насчитывалось 258 сравнительно крупных садовых хозяйств, владельцы которых занимались сбытом свежих и сушеных плодов. 223 из них находились на территории Веденского округа, а 35 – в Грозненском округе¹⁶⁴. Сливы довольно часто разводились чеченцами. Дикие яблоки с грушами и шишками шли на изготовление кваса, употреблявшегося во многих чеченских семьях. Дикий грецкий орех рос на Кавказе обычно по ущельям и речным долинам. Чеченцы уже давно стали сажать грецкие орехи у себя на приусадебных участках. Дерево грецкого ореха живет иногда 500-800 лет, а бывает, что доживает и до 2000 лет. Причем все это время дерево плодоносит. Деревья грецкого ореха использовались как полезащитные насаждения, а также для укрепления горных склонов. Древесина грецкого ореха весьма ценилась: из нее изготовлялась мебель, музыкальные инструменты и различные кустарные изделия. Кора и листья грецкого ореха применялись для окраски волос, шелка, шерсти и древесины в черные и коричневые тона; кроме того, кору использовали для дубления кожи. Орехи не только употребляли в пищу, но и использовали при лечении различных заболеваний¹⁶⁵.

В Терской области кроме 7000 десятин под виноградниками, имелось еще до 3900 десятин под фруктовыми садами, площадь огородов занимала не менее 15 тыс. десятин¹⁶⁶. В 1893 году в Терской области было собрано арбузов и дынь 8399 тыс. пудов, из которых на Чечено-Ингушетию приходилось 5963 тыс. пудов или более 71%. Из 11млн. пудов огурцов, собранных в том же году, около 8 млн. приходилось на Чечню и Ингушетию¹⁶⁷. По продаже овощей Грозненский округ занимал первое место в Терской области. В Грозненском округе было продано овощей в 1894 году на сумму 4800 рублей, в 1895 эта цифра выросла до 4907 рублей, а в 1896 году увеличилась до 12620 рублей¹⁶⁸.

В конце XIX века у чеченцев появляются европейские огородные культуры, такие как помидоры, капуста, картофель, редис и др.¹⁶⁹. После того, как картофель завезли из Америки, началась его интенсивная пропаганда в Европе. Фридрих Вильгельм даже издал указ – отрезать носы и уши тем, кто отказывается выращивать эту культуру. В 1764 году картофель появляется на огородах Москвы, Петербурга, Киева и западных окраин России. В деревнях его называют «чертовым яблоком» и выращивать отказываются. Неурожаи зерна все-таки вызвали интерес крестьян к картошке. К 1843 году в Российской империи на человека приходилось 20 кг картофеля в год.

В 40-х годах XIX века в Предкавказье началось постепенное внедрение картофеля. Как и по всей России того времени, оно проводилось методом принудительных мер и шло медленно. Урожай из-за плохой обработки земли были низкими. И, тем не менее, производство картофеля возрастало из года в год¹⁷⁰. Горцы использовали картофель не только для приготовления различных блюд, но и кормили им домашних животных. Крупному рогатому скоту картофель давали в вареном виде, а овцам и козам – в сыром¹⁷¹. Иногда картофель использовался горцами при лечении ожогов. Еще древние инки изобрели первое картофельное пюре и использовали его как лекарство от ран. Сырой картошкой они также лечили и ревматизм. В 2005 году в картофельных клубнях обнаружены вещества, способствующие понижению артериального давления. А в 1995 году картофелю выпала почетная миссия стать первым овощем, выращенным в космосе на шаттле «Коламбия»¹⁷².

В 1896 году в Терской области было продано продуктов огородничества на 452,7 тыс. рублей, ягод на 33 тыс. рублей. Фруктов в этом году собрали 35,1 тыс. пудов. Таким образом, в условиях развивающегося товарного хозяйства даже такие в основном натурально-потребительские подразделения сельского хозяйства, как огородничество, не говоря уже об отраслях специально-торгового земледелия, всё чаще и чаще поставляли свою продукцию на рынок¹⁷³. В среднем в Терской области плодов и ягод собирали до 80 000 пудов, из которых 50 000 пудов шли на продажу¹⁷⁴.

Садоводство

Исторические документы, работы дореволюционных исследователей свидетельствуют о том, что в Чечне издавна было развито садоводство. «Садоводство прежде процветало, чему очевидным доказательством служит множество садов, которыми окружены развалины аулов, – писал в середине XIX столетия И. Иванов. – Лет пятнадцать тому назад сады приносили хороший доход своим хозяевам, возившим множество свежих и сушёных плодов в Кизляр и Моздок на продажу»¹⁷⁵. В 1819 году по приказу генерала А.П. Ермолова были уничтожены прекрасные сады жителей селения Дада-Юрт. Чеченские садоводы уже в те времена делали прививки фруктовым деревьям особым способом и очень умело выращивали саженцы грецкого ореха¹⁷⁶. Исходя из своих личных наблю-

дений, участник Кавказской войны генерал Левашов, интересовавшийся ранней историей северокавказских народов, также отмечал, что одним из главных занятий жителей Чечни являлось садоводство¹⁷⁷.

Значительное количество фруктовых садов было в восточных чеченских районах и в Грозненском округе. Своими садами особенно славились сёла Гехи и Герзели¹⁷⁸. Из плодовых деревьев в горах Чечни разводили: груши, яблоки, сливы, вишни, айву, алычу, персики, кизил, тутовник и виноград. Восточная Чечня была знаменита своими ореховыми рощами¹⁷⁹. Ножай-Юртовский район отличался обилием лесов и ореховых деревьев, его часто называли «ореховым раем». Орех служил здесь для населения значительным источником дохода. Его сбывали в немалом количестве не только в самой Чечне, но и на рынках соседних областей и губерний¹⁸⁰. Веденский район отличался большим количеством цветов, высаженных в селах. Н.Я. Динник, путешествуя по Чечне, отмечал в своём исследовании: «Путешествие от Эрсеновской станции до Ведено доставило нам только удовольствие. На протяжении 25 вёрст тянется хорошая шоссе́нная дорога, – писал он. Во дворах Ведено много цветников, все стены и плетни скрываются в густой зелени роз. Многие дома почти не видны за окружающими их садами и цветниками»¹⁸¹.

Виноградарство

Облагораживание диких сортов винограда началось изначально в Малой и Передней Азии и в Египте с IV тысячелетия до н.э. Однако в междуречье Тигра и Ефрата виноградное вино появляется позже, и до начала II тысячелетия до н.э. не имеется бесспорных свидетельств о его производстве¹⁸². Практически в каждом чеченском селе выращивали виноград. Одна его часть шла на продажу, другую употребляли в пищу, а из остального делали варёное вино (джану)¹⁸³. Виноградники, разведённые в Самашкинской станице, Умахан-Юрте и Новом Юрте занимали в общей сложности 145 десятин. В Умахан-Юрте получали в год до 4000 вёдер вина. Сады были засажены отличными лозами из брагуновских садов, ранее вывезенных из Дербента. В Новом Юрте виноград считался более высокого качества, урожай доходил до 25000 вёдер вина в год¹⁸⁴. Жители Брагуновского селения обрабатывали в значительном количестве бочечные трости – деревянные дощечки, из которых бондари составляли бочки. В чеченских селениях насчитывалось 17 лесопилен

для приготовления досок и распилки бочечных тростей. Лесопильни действовали за счёт силы воды. Основной сбыт тростей приходился на город Кизляр¹⁸⁵. На Кавказе под культуру винограда была отведена самая обширная площадь в России¹⁸⁶. В 1875 году в Грозненском округе насчитывалось 318 виноградных садов (212 десятин земли), дававших 2217 вёдер вина. В 1882 году в Грозненском округе было сделано 120863 вёдер вина. В 1896 году по Сунженскому отделу Грозненского округа общая площадь виноградников составляла 232 десятины, было изготовлено 3468 вёдер вина.

К началу XX века среди чеченцев выделились крупные владельцы виноградных плантаций. Так, Мага Эльбуздаков из села Новый Юрт имел 13400 кв. сажень виноградников, Сатабаль Сатаев – 1900 кв. сажень, Якуб Давлетов – 1200 кв. сажень¹⁸⁷. В целом, не смотря на существенные перепады в реализации винограда и его продукции, местные производители получали от этой отрасли хозяйства всё больше и больше дохода. Средняя цена винограда составляла 1 коп. за фунт. Одна десятина виноградника давала до 200 вёдер вина в год. Чистый доход с 1 десятины составлял 50 рублей. Вино горцы в основном продавали в крупных городах, штаб-квартирах полков и в казачьих станицах¹⁸⁸.

В дошамилевской Чечне горцы изготавливали ячменное пиво («ниха») и водку («каракх»), но пьянства как социального явления не было. Кое-где горцы продолжали делать пиво и водку даже при имаме Шамиле, несмотря на то, что имам сурово карал за употребление спиртного и табакокурение. О том, что водку изготавливали в Ичкеринском округе в первом же десятилетии после пленения Шамиля, сообщает доктор медицины Я.Я. Верлин: «...жители аула Дарго перегоняют из проса водку и продают ее в соседние аулы». Собственную водку делали и жители селения Итум – Кале¹⁸⁹. Однако виноделие в Чечне не получило того размаха, как, например, в Кизлярском округе. Чеченцы были глубоко верующими людьми и старались не только не злоупотреблять спиртными напитками, но даже и не производить их, хотя это и было очень выгодно.

Среди хадисов Пророка и высказываний святых Имамов очень много таких, где осуждается употребление хмельных напитков, а также подчеркивается незавидная судьба, ожидающая любителей спиртного в Судный день. Так, согласно хадису, святому Пророку принадлежат такие слова: «Все опьяняющие вещества запретны; проклятье Аллаха лежит на спиртных напитках, на тех, кто их производит, на их помощниках, на

продавцах вина, его покупателях и раздавальщиках, а также на тех, кто пользуется доходом от него, кто его грузит, разносит и употребляет». В суре Аль-Маида прозвучали слова Всевышнего: «Опьяняющий напиток, майсир... – скверные деяния, внушаемые Шайтаном»¹⁹⁰.

В 1870 г. Кавказ являлся центром виноградарства России. В то время на Кавказе под виноградными садами было занято 86 тыс. десятин земли, что составляло 67 % общего пространства земли под виноградниками в России. С садов Кавказа в 1870 г. было получено 16 млн. пудов винограда, или 71 % всего урожая, собранного в России. На Кавказе было получено более 11 млн. ведер вина – 68 % выделанного в 1870 г. вина во всей России. Из этого количества кавказскими виноделами было продано 6 млн. ведер, остальное производители оставили для собственного употребления. Таким образом, еще в начале 70-х годов XIX века, кавказские виноделы отправляли на российский рынок миллионы ведер вина¹⁹¹.

Северный Кавказ отпуская по Владикавказской железной дороге больше товарного вина, чем Закавказье – по Закавказской дороге. С 1896 г. и вплоть до начала Первой мировой войны лидером вывоза вин с Северного Кавказа была станция Хасав-Юрт. По объёмам перевозок к ней не смогла приблизиться ни одна из крупных станций Владикавказской железной дороги. Вино вывозилось по железной дороге через Петровск по Каспийскому морю на Нижегородскую ярмарку. Важным недостатком перевозок по железной дороге были кражи вина в пути. Хорошо оборудованных зданий для выделки и хранения вина в округе не было¹⁹².

Продукты садоводов и огородников из Терской области часто экспонировались на выставках и получали заслуженные призы и награды. В 1896 г. в Нижнем Новгороде была открыта XVI Всероссийская торгово-промышленная и художественная выставка. В застекленной оранжерее Центрального зала Отдела садоводства, плодоводства и огородничества демонстрировались экспонаты по садоводству, а налево – свежие фрукты и ягоды. Из 44 экспонатов этой группы – 15 выращено на Кавказе, что соответствовало тому значению, которое приобрел этот регион в деле садоводства¹⁹³. 2 сентября 1901 г. в г. Тифлисе открылась Кавказская сельскохозяйственная выставка. В отделе виноградарства и виноделия широко экспонировались виноград и вина, производимые на Северном Кавказе. Терскую область представляли А.И. Ткачёв (бронзовая медаль), Н.Г. Абрамов, А. Алханов, С.А. Улаев, М.Х. Мугдусиев – они выставили вина рислинг, токай, пино-блан, токайское десертное, кизлярское¹⁹⁴.

Табаководство

Большие плантации на Кавказе традиционно отводились под культивирование табака. Считается, что в Европу табак попал с Колумбом. Он вскоре вошел в моду в среде аристократии в качестве лекарства и тонирующего средства. По преданию, французский дипломат Жан Нико, в честь которого и назван никотин, вылечил от мигрени королеву Екатерину Медичи с помощью табачного порошка. Против табакокурения категорически возражала церковь. Основаниями для такого отношения было сходство табачного дыма с дымом преисподней, а также измененное, неконтролируемое поведение курильщиков. В Европе первоначально табак использовался как лекарство (XVI в.). В России утверждали, что табак – средство искушения сатаны, порождение греха. Нарушителям запретов, из-за употребления табака (при Алексее Михайловиче) назначали кнут, ссылку, рвали ноздри. Об использовании дурманных средств в древности, на северо-западном побережье Каспийского моря сообщает Геродот (V в. до н.э.). Древний историк описал массоgetов, «вдыхавших дым каких-то сгоравших в костре растений». Вероятно, это была не конопля, со свойствами которой Геродот был знаком, а другое растение¹⁹⁵.

Табаководство также стало стремительно развиваться на Кавказе в пореформенный период. Россия принадлежала к числу тех стран, в которых производство табака превосходило его потребление. С 1881 по 1896 год произошло увеличение количества производимого табака на 73 %, а табачного дохода на 190 %. С 1865 по 1896 год наивысшего развития в стране культура табака достигла на Северном Кавказе, в пределах которого площадь плантаций возросла с 141 десятины до 12045 десятин. Россия, по размерам производства табака уступала в мире только Австрии. На долю Кавказа приходилось 200000 пудов выращенного табака в год¹⁹⁶.

Табачное сырьё весьма высокого качества давали России Кавказ, Крым и Бессарабия. Большим спросом первоначально пользовался бессарабский табак, но потребность в нём снизилась из-за сильного развития табаководства на Северном Кавказе. Хотя в России преобладало курение папирос, но на табачных фабриках главную статью производства составлял курительный табак, т.к. потребители предпочитали готовить папиросы домашними средствами, используя для этого готовые бумажные гильзы для папирос¹⁹⁷. Разводимый в России табак принадлежал преимущественно к низшим сортам и употреблялся бедными слоями населения (махорка, бакунь). Высшие, ароматические сорта возделыв-

вались главным образом на Северном Кавказе. По свидетельству Н. Данилевского уже в начале XIX века табак в изобилии произрастал на Кавказе¹⁹⁸. Курение табака было прекращено в период имамата Шамиля. Но с ростом спроса на него на рынке, табаководство также стало возрождаться¹⁹⁹. Чеченцы и ингуши разводили табак ещё в XVIII веке. Табак низшего качества (махорка) предназначался не только для курения, но чаще всего для мойки шерсти и овец²⁰⁰.

Широкое распространение табаководства на Северном Кавказе пришлось на 60-е годы XIX века. Только за 1865-1878 годы площадь табачных плантаций увеличилась на Северном Кавказе с 141 до 4370 десятин, то есть возросла более чем в 30 раз. Сбор табака составлял 5,2 тыс. пудов. Уже в 1868 году в рапорте местных властей в акцизное управление отмечалось, что табаководство развивается не только на равнинной Чечне, но и в горах²⁰¹. В 1863 году статьёй устава об акцизе, был запрещён сухопутный провоз во внутренние губернии России из Закавказья иностранного табака, как в готовом, так и в сыром виде. Прежде всего, этот запрет коснулся турецкого экспорта²⁰². Кавказские мухаджирь, в большом количестве покинувшие Россию в 1865 году, в Турции обогатились опытом по выращиванию табака местных сортов и при возвращении на родину его активно использовали. Когда мухаджирь стали возвращаться в Терскую область, они контрабандно принесли с собой семена лучших сортов турецкого табака, которые охотно скупали у них местные табачные фабрики²⁰³.

Для поощрения развития табакопромышленности в Терской области и для борьбы с нелегальным ввозом турецкого табака, император разрешил с 22 апреля 1870 года ввозить на Кавказ сырой иностранный табак²⁰⁴. В 1872 году начальник Грозненского округа сообщал, что «погода Чечни благоприятствует разведению табака» и просил управление «выписать из Турции...лучших табачных семян трёх сортов: кеобека, самсона и трапезонда. Для разведения их в крае». Долгое время табак являлся главным экспортным товаром Османской империи на мировой рынок, в том числе и на российский. С конца XIX в. до 1910 г. табак был в числе основных экспортных товаров (на государственном уровне) Турции в Россию. В 1895 году экспорт табака в Россию был на сумму 1352902 рубля, в 1900 году – 1062554 рубля. Судя по данным, экспорт табака в Россию уменьшался год за годом. Эту причину можно объяснить тем, что Россия сама начала очень активно выращивать табак на Кавказе²⁰⁵.

Табаководством чаще занимались в горных районах Чечни. В основном там сеялся табак сортов трапезонд и самсон, дававшие урожай превосходного качества. Средний доход с 1 десятины доходил до 180 рублей. Собранный табак частично перерабатывался на местах, а частично продавался в город на табачные фабрики. С 1862 по 1865 годы на Северном Кавказе существовало только две табачные фабрики. К 1869 году их количество увеличилось до 18. В Терской области в 1869 году работало 6 табачных фабрик, 3 из которых находились во Владикавказе. Фабрики по производству курительного табака высших сортов были сосредоточены в основном в Ростове на Дону²⁰⁶.

В конце 80-х годов XIX века группа чеченских капиталистов предполагала устроить в Грозном завод для обработки табака с местных плантаций²⁰⁷. В 1890 году атагинские табаководы основали в Грозном, с использованием наёмной рабочей силы, табачную фабрику по переработки местного табака²⁰⁸. Выходцам из Старых Атагов – Садуку Нааиаеву и Музе Магиеву было разрешено на этой фабрике перерабатывать только местный чеченский табак, ввоз табака из-за границы им запрещался²⁰⁹.

Высшие сорта табака разводили в Грозненском округе Терской области. Одним из высших ароматических сортов был трапезонд. Он причислялся к «жёлтым» табакам, идущим на изготовление папирос. По официальным данным в 1872 году в чеченских селениях: Шали, Старые Атаги, Гойты и других было собрано 83 пуда табака, а в 1876 году уже 115 пудов. В 1872 году в Грозненском и Владикавказском округах собрали 1200 пудов табака, что на 10% было больше предыдущего года. Самым лучшим считался табак из Атагов²¹⁰. Атагинский табак отличался особенным специфическим вкусом и запахом. На многих курильщиков, не привыкших к нему, он действовал «сильно одуряющее», из-за чего не все могли его курить²¹¹.

Не смотря на трудности выращивания табака, в 90-е годы только в Старых Атагах занимались табаководством 414 хозяйств, которые получали несколько сот пудов табака в год²¹². Получившийся табак, имевший ряд великолепных достоинств, сбывался частью на областные фабрики и фабрику «Фортуна» (в Петровск), частью употреблялся самими горцами, а частью распространялся контрабандным путём среди окрестного населения и во Владикавказе. Внутренняя контрабанда была связана с тем, что с 1868 года был введён акциз с табака и торговые пошлины, официально торговать им стало невыгодно. Путевые издержки и введён-

ные пошлины приводили владельцев табачных фабрик к банкротству. Некоторые из них полностью прекращали торговлю. Другие стали завозить в Терскую область иностранный табак под видом местного. Широко стала распространяться контрабанда иностранного табака²¹³. Тем не менее, не смотря на все налоговые трудности, производство табака в Терской области продолжало расти. Если в 1876 году собрали только 115 пудов табака, то в 1886 году сбор уже составил 2243 пуда, а к 1889 году он достиг 2988 пудов. Число плантаций с 277, бывших в Грозненском округе в 1886 году, возросло до 981 – в 1889 году; количество земли под табаком за то же время увеличилось с 32 до 36 десятин²¹⁴.

Богата разнообразными природными ресурсами была кавказская земля. На заседании Кавказского отдела Императорского русского технического общества, 9 октября 1871 года. Начальник Терской области М.Т. Лорис – Меликов заметил, что насколько богата местность в низовьях Терека, можно видеть из того, что 17000 десятин земли вокруг Кизляра производят на 1,5 млн. рублей вина, марены и риса. Марену на Кавказе начали возделывать в начале XIX века. Она являлась прекрасным красителем для любого вида пряжи. До 1874 года мареневодством в Терской области занимались в значительных размерах в основном жители Грозненского, Кизлярского и Хасав-Юртовского округов. Семена марены из Грозненского округа были представлены в каталоге коллекций Кавказского общества сельского хозяйства²¹⁵. Кавказское общество сельского хозяйства содействовало разведению марены. Обществом были составлены и разосланы по краю чертежи и описания мельниц, используемых в Голландии и Франции для перемола корней марены и приготовления крапа, а также бесплатно были розданы семена марены.

Кавказская марена была послана в Москву, где по лабораторным исследованиям, произведенным химиками и фабрикантами, было найдено, что она содержит гораздо более процентов красильного вещества, чем голландская или французская, и фабриканты нашли более выгодным покупать кавказскую марену, нежели иностранную. Марену стали разводить чеченцы Старого и Нового Юрта, а также гребенские казаки²¹⁶. Ежегодный сбор марены доходил до 80 тыс. пудов. В 1877 году в Терской области мареной было засеяно до 250 десятин, сеяли также и пеньку²¹⁷. В Дербенте и Кубе, где марена находила первоначальный сбыт, торговля ею сосредотачивалась в руках немногих скупщиков, которые, пользуясь монополией, понизили цену до того, что марена перестала приносить прибыль, и не могла окупить издержки производства. С 1874

года из-за границы в Россию стали ввозить более дешёвый, чем марена, синтетический краситель алезарин. Алезарин вытеснил марену, а её производители разорились, продав в 1874 году из 80 тыс. пудов марены только 57580 пудов²¹⁸.

Пчеловодство

Производство мёда на Кавказе также было развито в значительных количествах. К числу древнейших хозяйственных занятий чеченцев, как и всех нахов, относится пчеловодство (в более отдаленные времена – бортничество). В 1588 году феодал Шихмурза в список своих услуг русскому царю внес мед, дарованный им терским воеводам. «Медвяной ясак» возили в Терский город жители Мичкизского и Шибутского обществ Чечни²¹⁹. В Российской империи, только на территории Кавказа получение мёда носило промышленный характер. По приблизительным расчётам там располагалось более 1,5 млн. ульев²²⁰. В 1896 году в Грозненском округе насчитывалось 17705 ульев²²¹.

По свидетельствам знатоков, кавказская пчела, в отличие от российской, почти не кусалась, отличалась «незлобивостью, кротостью». Желтая кавказская пчела была впервые открыта для россиян знаменитым русским естествоиспытателем Палласом в 1773 году во время его путешествия по Кавказу, совершенному по поручению Екатерины II. Экземпляр этой пчелы хранится в Берлинском зоологическом музее²²².

Мёд из Терской области был ароматен, нежен и в нём почти не было той остроты, которая была при повышенном содержании муравьиной кислоты. Терский воск также отличался своими достоинствами: лёгкостью, зернистостью и отсутствием смолистых веществ. Он не уступал по своим качествам алтайскому пчелиному воску. Мёд и воск скупали у населения приезжие «шабаи», а затем они его сильно разводили всякими примесями и пускали в продажу²²³. У чеченцев мед скупали приезжие армянские и азербайджанские купцы²²⁴.

В 1873 году пчеловоды области получили 11 тыс. пудов мёда и около 3 тыс. пудов воска, что составляло 160 тыс. рублей годового дохода. В Чечне, в горной зоне, пчеловодство было сосредоточено преимущественно в селениях: Шатой, Борзой, Варанды и других. По данным за 1873 год, в Веденском округе пчеловодством занималось до 200 хозяйств, имевших 2795 ульев-сапеток. Через 3 года (1876 год) число жителей,

занимавшихся данным промыслом, составляло уже 320 человек²²⁵. В 80-х годах XIX века пчеловодство процветало в селениях Цапан-Юрт, Алхан-Юрт, Куллары, Валерик и особенно в Ачхой-Мартане. В отдельных чеченских хозяйствах было по 100 и более ульев²²⁶. В Итум-Кале некоторые чеченцы держали до 200 ульев и получали от каждой из них по 25-30 кг. меда. Чеченцы занимались пчеловодством в значительно большем размере, чем кабардинцы, осетины и кумыки. Особенно пчеловодство было развито в предгорной полосе Чечни²²⁷.

Наступление капитализма коснулось также и пчеловодства. Производство мёда и воска постепенно сосредотачивалось в руках сельской буржуазии. У Якорсаева из Шами-Юрта было 100 ульев, у Гочаева Тейсурко из Ачхой-Мартана – 140 ульев, у Айдемирова Хассау из Ножай-Юрта 100 ульев. Скупщики выкупали по низким ценам у владельцев мёд и воск и переправляли его на рынки для перепродажи²²⁸.

Пчеловодством занимались в основном старшие мужчины семьи, иногда привлекая к этой работе женщин. В их обязанность входило следить за роями, ухаживать за ними и размещать. Если в дом приходил гость, то они разводили костер из мокрой соломы и дымом умерщвляли пчел. Летом ульи выставляли в сады, а зимой складывали один на другой в теплом месте²²⁹. Был у горцев и особенный «ставленный» мед, в которые иногда примешивали так называемый «бешеный» или «пьяный» мед. Этот мед весьма умеренно употребляли во время застолий²³⁰.

Наравне с земледелием в регионе было хорошо развито и скотоводство. Окончание войны и предпринятые царизмом меры по ослаблению экономических санкций в отношении вайнахских так называемых «немирных горцев» привели к некоторому оживлению животноводства в регионе. Ландшафтно-климатические и исторические условия, традиционные институты хозяйствования народов Северо – Восточного Кавказа, распространение торгово-рыночных отношений способствовали развитию скотоводства в Терской области. В пореформенный период, по количеству крупного рогатого скота к количеству населения, Терская область занимала первое место на Кавказе. По количеству же лошадей и овец она уступала первенство Ставропольской губернии²³¹. В 1875 году в Терской области насчитывалось: лошадей – 110866 голов, крупного рогатого скота – 516368; овец и коз – 1191455; буйволов – 26617; свиней – 37513 голов. По отношению ко всему населению, на каждые 10 человек приходилось: 2 лошади, 10 голов крупного рогатого скота, овец и коз более 22 голов.

Горное скотоводство

В Терской области существовала специализация различных регионов по производству скота²³². Содержание скота было как стойловое (рабочий скот, коровы, телята), так и отгонное (отары овец, гурты молодняка)²³³. Чеченское население специализировалось на земледелии, однако, когда крохотные участки земли перестали обеспечивать людей прожиточным минимумом, чеченцы вынуждены были более пристальное внимание уделять животноводству, дававшему возможность выпасать скот на общественных пастбищах²³⁴. Содержание скота приносило людям: 1) молоко; 2) приплод, мясо, шерсть; 3) рабочую силу; 4) навоз, употребляемый на кизяк; 5) навоз и золу от кизяка, для удобрения земли. Кавказская трава и горные пастбища давали возможность получать безукоризненно высокие сорта молока, сыра и масла, которые могли стать конкурентоспособными даже на мировых рынках²³⁵. На Кавказе телят никогда не резали, а оставляли их до конца дойного периода. Мясо и шерсть, полученные в Терской области, охотно раскупались в соседних регионах и даже поступали на крупнейшие ярмарки России.

Отходы скотоводческого производства также использовались коренными жителями в домашнем хозяйстве. Кизяк, изготовленный из помёта, употреблялся в виде топлива в тех местах, где нет дров. В безлесных местностях области кизяк пользовался большим спросом и являлся предметом купли и продажи. Кизяк горел медленно и держал тепло в помещении очень долго. Полученную в ходе отопления золу жители использовали для удобрения своих полей. Таким образом, получалась цикличность безотходного сельскохозяйственного производства²³⁶.

Горное скотоводство имело свои особенности. В горах увеличение количества скота имеет свой предел в силу топографических условий местности, не позволяющих запастись на зиму достаточным количеством сена и гуменных кормов²³⁷. На высоких горных плоскостях лето коротко, продолжительность растительного периода ограничена, сила солнечного освещения не велика. Хозяйства нуждались в больших кормовых запасах, зимнее содержание скота обходилось дорого. На низменности же лето продолжительное и знойное; трава нередко выгорает и пастбища оголяются. Зато зимнее столовое содержание скота весьма непродолжительно и обходилось дешёво²³⁸. Переведённый на низменность с солончаковой растительностью, с водопоем на озёрах, горный скот нередко заболел и погибал²³⁹. Движение скота в горы, с целью

выпаса у подножия перевалов начиналось с конца мая и продолжалось до октября. Когда температура понижалась и начинал идти снег, выпас скота прекращался и он снова возвращался на зимние стоянки²⁴⁰.

В Чечне, на постоянных сенокосах травы накашивалось очень мало, в среднем её приходилось на двор около 5-6 возов. Во время уборки сена соблюдалась большая бережливость. Всякая былинка, пригодная на корм, срезалась серпом, выдёргивалась руками и относилась на плечах домой, где просушивалась и складывалась в копны на крышах домов или в сараях²⁴¹. Скот, оставленный в горах, держали в стойлах (обычно в нижних этажах жилых домов и башен) и кормили сеном, заготовленным летом на горных лугах. Для доставки сена вниз с покосных участков чеченцы применяли оригинальный способ: копну туго переплетали гибкими прутьями и скатывали вниз по склону. Горное сено было чистым, без бурьяна, но ради экономии его перед кормлением смешивали с соломой. В лесистых предгорьях мелкий рогатый скот содержался на подножном корму в течение всего года. Крупный скот зимой держали в стойле и кормили смесью сена и кукурузных стеблей²⁴².

Плохое состояние коневодства объясняется недостаточностью зимнего корма. Редкий житель в селе имел 2-3 лошади²⁴³. Лошадям чеченцы давали в корм не овёс, а кукурузу и ячмень²⁴⁴. В основном кукурузным стеблем горцы Северного Кавказа кормили скот. Осенью они часто пускали скотину прямо на кукурузные посевы – для пастбы²⁴⁵. Чечня была богата сероводородо – солёными источниками, что также использовалось местными жителями в животноводстве. «Чеченцы, – пишет В. Маркович, водою этих источников поят баранту и скот, который приобретает от неё усиленный аппетит, вследствие чего питание скота увеличивается и он становится жирным и вообще бодрым»²⁴⁶. Лучшей соломой в Терской области считалась просяная, за ней ячменная, овсяная, далее пшеничная и ржаная²⁴⁷. Простые русские люди заимствовали название альпийских нагорных пастбищ у горцев. Они стали их называть «Яйла» (от чеч. «плоскогогорий») ²⁴⁸.

Горцы нередко для распахивания своих земель нанимали казаков из соседних станиц с плугом и волами за плату по 40-45 копеек, реже 30 копеек за вспахивание полосы в 1 сажень шириной и 150 сажень длиной²⁴⁹. Наглядным примером договора найма по адатскому праву чеченцев был наем пастуха. Наем пастуха осуществлялся путем всеобщего сельского схода, где рассматривалась кандидатура пастуха и его помощника, оговаривалась сумма вознаграждения за работу и обязанность пастуха отвечать за целостность стада. Со стороны пастуха должны были присутствовать

два поручителя. Оплата труда наемного работника производилась как в натуральной, так и в денежной форме. Натуральным вознаграждением в Чечне с давних времен считалась оплата зерном и солью²⁵⁰.

В Чечне, во второй половине XIX века появилась новая социальная группа – батраки. Людей нанимали на один, два года или несколько лет, а иногда – только на период уборки урожая или заготовки сена. Уборка 1 дес. пшеницы обходилась в 8-9 рублей. В конце XIX века в чеченских обществах выделились состоятельные семьи, которые вели свои хозяйства на товарно-капиталистической основе. Так, в селе Кень-Юрт семья Ш.Мустафаевых, состоявшая из 23 человек, владела 2 домами и имела 60 быков, 250 коров, 300 лошадей, 1500 овец, 500 коз, 10 верблюдов, 115 голов нагульного скота, 70 голов молодняка, торговую лавку и эксплуатировала в своём хозяйстве батраков и наёмных рабочих²⁵¹. В 1886 году Мурзабеков и Эльмурзаев из села Старый Юрт владели 630 лошадьми. В том же году в селе Майюртуп М. Бимурзаев владел стадом в 300 коров. Братья Бимурзаевы имели 160 овец и коз, Адуевы из села Аду-Юрт по 700 овец и коз, 170 голов крупного рогатого скота.

Уже подворные списки 1886 года показывают ту огромную пропасть, которая лежала между богатыми хозяевами и бедняками. По 24 селениям плоскостной Чечни в 1886 году 575 хозяйств или 7,5% не имели никакого скота и 109 семей – ни домов, ни скота²⁵². Животноводы со средним уровнем достатка вынуждены были объединяться в артели или товарищества для организации выпаса скота²⁵³. В горных чеченских районах (Шалажи, Ялхорой) на домовладельца приходилось от 100 до 500-600 голов овец и 12-20 голов крупного рогатого скота. Коровы пользовались предпочтением, владелец 1-3 штук считался человеком бедным. Ослы таскали дрова, волы производили доставку волоком строевого леса. Лошади исполняли роль вьючных животных, их держали не более 5-6 штук в хозяйстве²⁵⁴.

Коневодство

В хозяйствах горцев значительное место отводилось коневодству, которое также начало принимать товарный характер. К началу 80-х годов XIX века среди зажиточной части чеченцев выделились хозяйства Мирзабековых и Эльдаровых, в которых было более 600 лошадей, Буршузаевых – 300 лошадей, Элихановых, владевших 26 лошадьми. По данным посемейных списков 1886 года из 9277 хозяйств равнинной Чеч-

ни лошадей имели 3747, безлошадных было 5530 хозяйств. Пахота производилась волами. Иметь лошадь было привилегией богатых людей²⁵⁵. Обычно лошадей, как впрочем, и любой крупный рогатый скот, метили специальной меткой – тавром или тамгой. Это подтверждало породность лошади и оберегало ее от похищения. Каждый владелец скота имел свое, отличное от других, тавро. Его подделка строго каралась²⁵⁶.

В чеченском фольклоре данные о табунном коневодстве относятся к позднему средневековью. В сказании «Морской конь», например, это ярко отражено. На Северном Кавказе существовало три вида коневодства: табунное, домашнее (или хозяйственное) и заводское. Все они имели определенные системы содержания животных. Заводское коневодство получило наибольшее распространение в Терской области. У горцев не было принято подковывать лошадь. Только на рубеже веков, когда лошадь стали впрягать в арбу и другие виды гужевого транспорта, ее стали подковывать, заимствуя эту норму у соседнего русского населения. Однако волов горцы начали подковывать еще в начале XIX в., с появлением в горах первых колесных дорог²⁵⁷. В конце XIX – начале XX в. в Терской области находилось 50 частных конских табунов, в которых было 213 производителей и 2875 маток. На долю Чечни из них приходилось 33 частных табуна, 181 производитель и 2473 матки. В это же время в Чечне концентрировалось поголовье улучшенных пород коневодства. Также чеченцы лучше других выращивали одиночных лошадей²⁵⁸.

В 1877 году в Хасав – Юртовском округе на каждую душу населения приходилось 4,7 голов скота; на семью в 5 душ по 23,6 голов, в том числе по 18,2 овец и скота²⁵⁹. Среди чеченского населения Грозненского округа в конце 80-х годов XIX века 3,7 % из 32711 дворов не имели крупного рогатого скота; 58,6 % содержали лошадей; 45 % – мелкий скот²⁶⁰. По крупному рогатому скоту к концу века Грозненский округ занимал ведущее место в Терской области. С 1883 по 1904 год количество скота увеличилось почти в 2 раза²⁶¹. В начале 90-х годов XIX века по количеству скота Чечня занимала 2 место в Терской области. На плоскости чеченцы на 100 жителей имели 119,5 голов мелкого скота, а в горах 335,5 голов. На чеченский двор приходилось 5,46 голов крупного рогатого скота. Только 3,9 % чеченцев не имели крупного рогатого скота. На 100 душ населения приходилось 9,2 лошади. В плоскостной Чечне было 116607 голов крупного рогатого скота – в горной местности 75622 голов. На плоскости имелось 9867 лошадей, а в горах – 7227. Мелкого скота насчитывалось на плоскости 141084 голов, а в горной Чечне 221444 голов²⁶².

Рассмотрим таблицу развития животноводства в Чечне:

Скот	1889 год – всего голов	1889 год – на 100 жителей	1895 год – всего голов	1895 год – на 100 жителей
Крупный рогатый скот.	192229	104,1	247174	137
Лошади.	17094	9,2	18088	9
Овцы и козы.	362528	196,2	318674	159

Как видно по статистическим данным, количество крупного рогатого скота заметно увеличивалось, в то же время число овец и коз уменьшилось²⁶³.

По данным корреспондента газеты «Терские ведомости» на Грозненской ярмарке в 1890 году на втором месте по купле-продаже стоял скот. Приведём в таблице данные, по количеству проданных животных скотоводами Грозненского округа.

Вид скота	Год	Количество голов	Вырученные суммы (рубли).
Крупный рогатый скот	1895		6595
Мелкий рогатый скот			91441
Лошади		12769	36109
Крупный рогатый скот	1897	4803	87233
Мелкий рогатый скот		10873	36941
Лошади		1011	39594
Крупный рогатый скот	1898	4803	87233
Мелкий рогатый скот		10873	36947

Данная таблица показывает значительное увеличение продажи крупного рогатого скота, снижение количества проданного мелкого рогатого скота и увеличение проданных лошадей на Грозненской ярмарке²⁶⁴.

В апреле месяце 1893 года в Терской области была введена регистрация всего поголовья скота. Было проведено ветеринарно-санитарное обследование. Пропуск скота из соседних областей и губерний допускался лишь при соблюдении установленных правил. Благодаря всем этим мерам чума скота в области почти прекратила распространяться²⁶⁵. Ветеринарный персонал был определён законом 18 мая 1898 года, по ко-

тому вся Терская область была разделена на 32 ветеринарных участка. Возглавлял ветеринарную службу областной ветврач. Всего в Терской области насчитывалось 39 ветеринарных врачей и 70 фельдшеров, 2 ветврача выезжали по вызовам²⁶⁶.

На областных ярмарках чины ветеринарно-полицейского надзора проверяли у продавцов свидетельства, выданные ветеринарной службой той местности, откуда был доставлен скот. Даже при наличии этих документов, весь скот на ярмарках проходил обязательный ветеринарный досмотр. Ветеринарная служба запретила продажу скота по дворам, в местах, для этого не установленных²⁶⁷. Не только заболевания и эпидемии влияли на численность скота, но также и природные катаклизмы вносили свою лепту в увеличение падежа скота. 16 марта 1875 года во время страшного мороза, разразилась буря со снежной метелью. В связи с этим в Грозненском округе погибло: 2682 лошади, 932 головы рогатого скота, 5 верблюдов и 4790 баранов. Всего население понесло убытков на сумму в 113405 рублей, но к правительству за помощью не обратилось²⁶⁸.

Счастливым, благоприятным для жизни местом считалось то, которое выбирал для привала крупный рогатый скот. Основание одного из первых поселений равнинной Ингушетии – Назрани, по преданию связано с белым бычком, облюбовавшим данное место. Чеченцы на предварительно выбранном самим скотом месте привала, закапывали в яму полный кувшин воды, закупорив горлышко воском. Спустя несколько дней, или месяцев, проверяли каков результат, и если влаги в сосуде оказывалось меньше, место для поселения людей считалось непригодным²⁶⁹.

Горный и равнинный скот различался, прежде всего, своими размерами. Горная порода не была крупной, имела небольшие рога и чаще всего была худой. Мелкий скот удобен был для горцев тем, что он мало потреблял корма и легко передвигался по горным кручам. Горские быки были значительно легче на ходу, по сравнению со степным скотом и свободно бегали рысью²⁷⁰. Н Данилевский описывал быков следующим образом: « Быки горские употребляемы в упряжке наравне с ослами и лошадьми, для перевозки тяжестей вьюками. Они гораздо легче на ходу по сравнению со степным скотом и свободно бегут рысью. Они среднего роста и отличаются скорым ходом и неустойчивостью»²⁷¹. У чеченцев только быка и оленя можно было принести в жертву высшим богам, настолько они считались «чистыми» животными. Чеченцы верили, что кончик языка быка (как и ряда других животных) способствует развитию речи у ребенка, делает его «острым на язык»²⁷².

Наиболее распространенными породами коров были местные, которые отличались малорослостью и малой молочностью; зато они свободно передвигались по горам, довольствуясь небольшим количеством кормов. В конце XIX века местный скот стал активно вытесняться украинским – рослым, высокой упитанности, меньше поддающийся болезням. Поэтому в аулах охотно покупали производителей украинского скота и тем улучшали породность. Кроме того, в казачьи станицы и равнинные села чеченцев завозился скот шведской, немецкой и других пород²⁷³.

Буйволоводство

Во второй половине XIX в. буйволоводство достигло значительного размера на Северном Кавказе. В Терской области, особенно в Чечне и на Кумыкской плоскости разводилось много буйволов. Буйволы, распространившиеся из Закавказья и Турции, использовались как тягловая сила (один буйвол заменял двух быков) и для производства молочных продуктов. В ряде мест, например, на Чеченской равнине, вспашку производили исключительно буйволами. Для этой цели в селах Гудермес, Курчалой и Урус-Мартан во второй половине XIX века вывели специальную породу буйволов. Покупать их приезжали из Ингушетии, Осетии, Кабарды²⁷⁴. Однако, в основном буйволы содержались для молочного хозяйства. Буйволье молоко заменялось коровьим там, где содержание буйволиц обходилось не дороже содержания коров. Молочные продукты от буйволиц очень ценились чеченцами и редко поступали на рынок²⁷⁵. В аулах буйволицы обычно составляли 10-30 % от всего дойного стада²⁷⁶. Буйволы были в основном распространены в Грозненском, Хасав-Юртовском и Веденском округах. Благодаря своей нетребовательности к кормам, высокому содержанию (7-8 %) жира в молоке и большой рабочей производительности, сельское население очень дорожило буйволами²⁷⁷. Буйволов не держали русские и немцы, хотя жившие с ними бок о бок горцы содержали их в значительном количестве. Волами в Нагорной полосе Чечни также сильно дорожили, содержали их значительно лучше остального скота. Однако буйволы, по сравнению с волами, обладали большей силой, работали долго и равномерно. Буйволицы давали много молока, оно было густое и жирное.

В Терской области, на Грозненский округ приходилось самое большое число буйволов²⁷⁸. Буйволоводство распространено было преимущественно на низменности. На плоскогорьях буйволы встречались в тех

селениях, в которых было много луговой и выгонной травы, где зимы были умеренны и имелись большие площади пахотной земли, требующей тяжелого плужного вспахивания. В отличие от волов, буйволы хорошо переносили тяжелую жару при наличии воды и меньше страдали от мошек и насекомых, а также не боялись болот и стоячих вод²⁷⁹.

Волы

Чеченцы также разводили и волов. Особое внимание уделялось подготовке волов к празднику «выхода плуга». Животных начинали откармливать за 1-2 месяца до начала весенне-полевых работ отдельно от других животных. В плуг запрягали две пары волов. Первая пара должна была быть посильнее, чем вторая. Откормленные волы к началу весны выглядели упитанными и даже холеными, и поэтому существовал ряд магических средств, призванных сберечь их от сглаза. Для этого об лоб одного из волов разбивали яйцо, что сулило хороший урожай. Распространен был обычай подвешивать на рог волов бублики, испеченные из муки различных злаковых, чаще пшеницы²⁸⁰.

Козы

У чеченцев не было ни одного стада овец, в состав которого не входило бы от 5 до 15% коз. В далеком прошлом в высокогорных условиях в стадах преобладали козы. Выносливые и ловкие, они проще доставали себе корм, и приплод у них был выше, чем у овец. Вероятно, что состав стада стал активно меняться в сторону овец в связи с развитием ткацкого ремесла, так как овца давала шерсть более высокого качества – от грубой до мягкой, в зависимости от возрастных особенностей. Козел – вожак – «бошто» – пользовался огромным почтением у горцев Чечни, его чуть ли не обожествляли²⁸¹. Кастрированные козлы-вожаки, с колокольчиками на шее, обычно шли впереди овец и служили как – бы их проводниками²⁸². Случаи гибели овец от перепуга были нередки, а козлы-вожаки в значительной степени предохраняли стада от такой случайности, так как были более смелыми животными²⁸³. В деле разведения коз чеченцы занимали ведущую позицию в регионе. В 1884 году В. Тресковский составил таблицу, показывающую количества скота на Кавказе за десятилетний период, с

1871 по 1881 год. Из этой таблицы мы узнаём, что всего на Кавказе было 1227000 коз, из которых 1000000 приходился на Терскую область. А в области самым большим количеством коз обладали чеченцы²⁸⁴.

Разведение коз было выгодным занятием, особенно в некоторых горно-лесистых районах региона. От козы в год надаивали до 45 ведер молока (больше чем от коровы), обладавшего большой жирностью (4,5 %). Его употребляли в натуральном виде или смешивали с коровьим и овечьим молоком для получения масла и сыра. Из пуха козы делали высококачественное сукно, шедшее на башлыки, бешметы, черкески, а также войлочные шляпы. Козу стригли раз в год весной, получая до 1,5 фунта шерсти. В течение года коза могла дать два приплода по 1-2, реже 3 козленка. В каждой овечьей отаре был козел-вожак. Традиция эта уходит корнями в глубь веков. Больше всего коз держали жители современных Ножай-Юртовского и Веденского районов Чечни²⁸⁵. Численность стада, особенно в рыночную эпоху, стала активно меняться в сторону овец²⁸⁶.

В 70-80-х годах XIX в. происходит перемещение центра тонкорунного овцеводства России на территорию степного Предкавказья. Здесь они нашли такие же благоприятные условия для разведения тонкорунных овец, какие имели в недавнем прошлом в «Новороссийских» губерниях. Несмотря на то, что животноводство Северного Кавказа было экстенсивным, российские переселенцы, кочевые и горские народы совместными усилиями не только сохранили лучшие местные породы, но и добивались их улучшения²⁸⁷.

Овцеводство

Первое место, но уже по овцеводству, Терская область занимала не только на Кавказе, но и в Центральной России²⁸⁸. Число овец в области составляло 56,3 % от всего количества выращиваемого скота. Большую часть скотоводческой отрасли Аргунского округа составляло овцеводство. Особенным успехом в овцеводстве славилось чеченское село Мехкеты, где на 225 дворов приходилось более 20 тыс. овец²⁸⁹.

Первые источники о разведении чеченцами «множества овец» относятся к XVI в. и считаются принадлежащими аккинцам, населявшим слободу Терского городка (1558 г.). Уже тогда чеченцы широко использовали правый берег Терека для содержания там зимой своих овец. Наряду с местной породой овец черной масти, чеченцы разводили тушинскую и андий-

скую породу овец. Шерсть тушинской овцы высоко ценилась на рынке. Большими партиями ее вывозили в Центральную Россию, а на ковровой фабрике Коверковых, недалеко от Москвы, из пряжи тушинской шерсти изготавливали ковры. Чеченская курдючная черная порода овец имела мягкую, нежную длинную шерсть, которую в большом количестве горцы сбывали мастерам бурочного производства. Андийская черная порода овец была распространена в Веденском округе. Шерсть этой овцы была тонкой, нежной, мягкой и длинной. Из этой шерсти на месте изготавливали тысячи бурок, которые сбывались в Тифлисе и других местах. Можно предположить, что чеченцы, жившие в низовьях Терека, могли разводить также калмыкскую, ногайскую и кумыкскую породы овец, приспособленных к местным (жарким и сухим) природным условиям²⁹⁰.

Среди чеченцев существовал особый вид соглашений отдельных домохозяев, имевших скотину и овец, и не имевших их. По этому традиционному соглашению овцы, коровы и тёлки годовалого возраста отдавались в условную аренду. Срок аренды не превышал обычно трёх лет. Во всех случаях отдачи в аренду овец и коз хозяин имел право резать овец на пищу, но мясом и шкурами он должен был делиться с арендатором поровну. Шерсть с овец также делилась пополам, только молоко полностью забирал арендатор. Главным источником дохода от овцеводства являлась в основном шерсть, в меньшей мере мясо, молоко и овчина²⁹¹.

Альпийская Чечня экономически дополняла равнинную. Живые бараны с гор прогонялись на плоскость, где обменивались на пшеницу и кукурузу. Немытая шерсть рунами шла в Дагестанскую область и другие регионы²⁹². У адыгов стрижка овец считалась почти исключительно обязанностью мужчин. У чеченцев в стрижке наряду с мужчинами участвовали и женщины, осуществляя не только сбор, упаковку шерсти, но нередко также и стрижку. Прекрасно обрабатывали шерсть чеченцы, прежде всего жители равнинных сел; например, в современном селе Толстой-Юрт население почти целиком было занято изготовлением добротных чеченских бурок, сбывая их своим соседям – терским казакам²⁹³.

Из шерсти овец изготавливали сукно, остальная шерсть использовалась на изготовление бурок, которые продавались соседним народам²⁹⁴. Овец и коз чеченцы доили, и это считалось чисто мужской обязанностью. Из молока масло не приготавливалось, оно всё шло на выделку сыра. Чеченский сыр готовился в основном из овечьего молока. Сыр из молока овцы считался более ценным, чем коровий. Сывороточный уксус (сильно скисшая сыворотка) также употреблялся чеченцами²⁹⁵.

Верблюды

Верблюды разводились в Терской области, их количество достигало 2297 голов. Верблюды использовались в основном как транспортное средство для перевозки товаров на значительное расстояние. Верблюды использовались не только в качестве тягловой силы; они давали мясо, молоко и шерсть, высоко ценившиеся на рынке: сукно из верблюжьей шерсти считалось более теплым и прочным, чем сукно из овечьей шерсти. Из такого сука выходили добротные башлыки и черкески²⁹⁶. Во многих чеченских семьях женщины выделывали бурки и сукно из верблюжьей шерсти²⁹⁷.

Коневодство в годы Кавказской войны было очень развито в Чечне и Шамиле, во время войны с Россией формировал в Чечне конное войско²⁹⁸. «Горцам, – пишет в своих мемуарах Абдурахман, – один из ближайших сподвижников Шамиля, – много легче было выступать в Чечню, чем в районы Дагестана. Всего легче было конным, т.к. Чеченская земля была изобильна, с дешёвым фуражом и продовольствием. Поэтому горцы в большинстве случаев, при выступлении против русских, сами со своими конями и животными жили за счёт средств и зерна чеченцев». В кратком военно-статистическом описании Чечни, составленном Норденшаммом в 1834 году, написано следующее: «В долинах и на плоскогорьях Чечни превосходно растут все виды злаков. Земледелием занимаются усердно, скотоводство является главным источником доходов населения»²⁹⁹. ... В 70-х годах XIX века по количеству лошадей на 100 душ населения Чечня и Ингушетия занимали последнее место в Терской области. Редкий житель в селе имел 2-3 лошади. Обычно на 2 семьи приходилась 1 лошадь. Стоила хорошая верховая лошадь от 100 до 150 рублей, осёл продавался за 10-15 рублей³⁰⁰. По данным военно-конской переписи, в 1899 году безлошадных было в Грозненском округе 29839 хозяйств (72 %), в Сунженском – 3912 хозяйств (31 %) ³⁰¹. Запросы капиталистического рынка стимулировали улучшение пород в коневодстве. Если в 60-х годах XIX века на всём Северном Кавказе разводили только местные породы коней, то к 1904 году всего 72,5 % разводимых пород являлись местными. Появляются конные заводы с английскими, арабскими, донскими и другими скакунами. Если в 1891 году среди коннозаводчиков края было всего 132 представителя восьми коренных национальностей, то в 1904 году среди них было уже 268 представителей 13 коренных национальностей³⁰². В 1857 году для состязания на Императорские призы было записано 53

лошади, из которых 4 были чеченской породы³⁰³. В начале 20 века лучше других на Кавказе сохранились породистые лошади у кабардинцев и чеченцев³⁰⁴.

Рыболовство

Терская область на значительном протяжении от устья Сулака до Серебряной пристани включала в себя берег Каспийского моря. Кроме того, область пронизывала сеть больших и малых рек во главе с Терekom и Сулаком. На карте Терской области за 1891 год указаны следующие реки: Терек, Сулак, Гойта, Аргун, Мичик, Аксай, Гумс, Хулхулау, Басс, Чанты – Аргун, Шаро – Аргун, Рошня, Теньга, Мартан, Фортанга, Гехи, Джалка³⁰⁵. Терек – крупнейшая транзитная река горной Чечни, окаймляющая ее территорию с севера. Согласно Ю. Шидловскому (1843), Терек исстари считался «...благодетелем Кавказской области». О гидрологических особенностях этой реки имеются интересные исторические свидетельства. В частности, о Тереке в период половодья (с середины мая до конца июля) более 150 лет назад образно писал И. Иванов: «...Терек, от таяния в горах снега, представляет разительное явление, воды его стремятся с такою быстротою, что уносят деревья и ворочают огромные камни; шум волн его слышится за несколько верст». По Н. Торопову и А.А. Долгушину, сильные наводнения и прорывы Терека имели место в 1845, 1855, 1863, 1882, 1888 и 1900-1902 гг. Н.Ф. Дубровин отмечал случаи возвышения воды в Сунже на 3-4 метра.

Сунжа – вторая по значимости река Чечни. Согласно А.П. Берже и К.В. Долгову, в прошлом эта река на короткое время почти ежегодно замерзала. В настоящее время Сунжа (как и Терек) редко когда полностью замерзает. Долина р. Сунжи примечательна своими особенностями. К.В. Долгов об этом писал так: «Сунжа отличается своими извилинами, в особенности на пути от Самашкинской станицы, где извилины чуть не образуют полных колец. По этим извилинам Сунжа течет медленно и на протоки не разливается». В древности по современной долине Сунжи протекал Терек, который затем отклонился на северо – запад и выработал себе новое русло. По последним исследованиям высокогорное (1870 м.) озеро Кезеной – Ам образовалось также в результате изменения русла реки из-за произошедшего обвала, перегородившего речную долину мощной естественной плотиной³⁰⁶.

До значительного загрязнения Сунжи нефтяными источниками и бытовыми отходами и забора больших объемов речной воды на хозяйственные нужды, многие виды рыб заходили из Терека в его полноводные правобережные притоки. Н.Я. Динник, в водах реки Аргун (близ слободы Воздвиженской) отмечал шемаю и, по всей видимости, пескаря и усача терского. В высокогорных реках Чечни и сейчас водится форель ручьевая, голец усатый, а также уж водяной. В высокогорном озере Кезе-ной – Ам обитает форель весом до нескольких килограмм³⁰⁷.

Европейцы, побывавшие на Северном Кавказе, в частности, в Терской области, были поражены рыбными богатствами края. Дж. Кук писал: «В реке Терек много рыбы, в особенности большое количество прекрасных лососей, в близи устья, где она впадает в Каспий, встречается большое количество осётров». Действительно, рыбные богатства края были неисчислимы. В 1874 году один из любителей местной истории писал: «Старики рассказывали, что в прежние времена, как пойдёт рыба, то Терек делается точно живой: вода выходит из берегов и течёт не к морю, а вверх...такая сила её была. Ловить рыбу тогда никому не запрещалось, ни своему, ни чужому...Были зажиточные люди, которые занимались этим промыслом и жили хорошо»³⁰⁸.

Для Терека отличительными видами рыб являлись: каспийский лосось, шемая и усач. Чрезвычайно много здесь встречалось сома, сазана, жереха, а из осетровых рыб – севрюги. В течение года из рыбы добывалось икры красной 480 пудов, чёрной – 1835 пудов. На ярмарках 1 пуд чёрной икры продавали в среднем по 20 руб. 50 коп.; красной икры – по 5 руб.³⁰⁹ Любопытно, что лосось предпочитал терскую воду, а шемая – и вместе с ней жерех и усач – сунженскую. По свидетельству П.П. Зубова, в 1835 году побывавшего на Кавказе, вода в реке Сунже была мутной, но считалась «здоровой». Рыбы в ней водилось много, попадались даже выдры и бобры³¹⁰.

Чеченцы очень бережно и с любовью относились к своим рекам, особенно горным, что отразилось в их фольклоре, поэтическом творчестве. Свое стихотворение «Утро над Аргуном» известный чеченский поэт Магомед Мамакаев посвятил горной реке:

*«Словно из каменной тесной неволи
Вырвавшись, мчит за волною волна,
Кружатся, плещут, сиيبаются волны –
Песня Аргуна далеко слышна.*

*... Вот они, слышу, шумят непокорно.
Вот они, вижу, бегут, клопоча,
Вывались, словно из пасти дракона,
Мчатся, над силой его хохоча.*

*... Небо грозою грозить начинает.
Вот озаряется вспышкою даль,
Вижу, чернеют на склонах чинары,
Светятся волны Аргуна, как сталь»³¹¹.*

Чечня очень богата чистейшими горными родниками – их насчитывается около 1300. Самые известные родники на Чеченской равнине – Чернореченские источники в городе Грозном. Но особенно много родников в Черных горах. В настоящее время болота занимают незначительную площадь. Однако в недавнем прошлом они были широко распространены на Чеченской равнине. Так, А.П. Берже писал: «Большая и Малая Чечня изобилует болотами, из которых многие занимают довольно значительное пространство»³¹².

В мае 1871 года Терские казённые воды были переданы в ведение Терского областного правления. Право рыболовства в реке Терек принадлежало Терскому казачьему войску на особых основаниях. Прибыль от рыбных промыслов входила в смету доходов Терского казачьего войска. Поземельные участки с казачьими водами отдавались в оброчное содержание на основании параграфа 151 войскового «Положения»³¹³. Значительный доход Терское казачье войско получало также от войсковых переправ, проложенных через реки. Развитие капиталистических отношений вынуждало войско отдавать свои воды в оброчное содержание. Зачастую речные воды сдавались за плату их действительным, многовековым владельцам – кавказским горцам³¹⁴. Горцы лишались права ловить для себя рыбу. Кроме того, им не разрешалось иметь лодки, кроме тех случаев, когда горцам позволяли ими пользоваться для переправы на другой берег. В связи с постановкой таких условий чеченцы были вынуждены брать участки речных вод в оброк, или ловить рыбу контрабандно. В соломенных шалашах, на берегу Терека чеченцы ловили рыбу у забоя. Основу забоя составляли крепкие, вбиваемые в дно реки колья, расположенные зигзагами, на которые натягивалось сетное полотно. Пойманная рыба вылавливалась баграми³¹⁵. Довольно много рыбы водилось и в многочисленных каналах на территории Терской области, отведённых от полноводных рек.

Среди рыбопромышленных водоемов России Каспийское море занимало первое место не только по количеству, но и по качеству добываемой в нем рыбы. По данным за 1860 г. на 3,6 млн. центнеров всей рыбной продукции, добываемой в промысловых бассейнах страны, на внутренние водоемы приходилось по удельному весу 94,5 %, в том числе уловы Каспийского моря составляли 55,5 % или 2 млн. центнеров. На протяжении пятидесяти с лишним лет (с 1860 по 1913 гг.) ведущую роль в Российской империи занимало Каспийское море, которое давало от 43,9 до 63,1 % всей добычи рыбы в стране, а в стоимостном отношении из 68,4 млн. рублей общего дохода, получаемого рыбной промышленностью России в конце XIX века 30 млн. рублей приходилось на долю Каспийского бассейна. Каспийское море территориально было разделено на четыре основных рыбопромысловых района: Каспийско – Волжский, Закавказский, Закаспийский и Персидский, а также воды Терского казачьего войска и Уральского казачьего войска³¹⁶.

Оросительная система Чечни

Длительная Кавказская война нанесла большой вред оросительной системе Чечни. От некоторых селений, занимавшихся поливным земледелием, и от их оросительной сети остались только следы, как, например, возле Дади – Юрта (на реке Терек) и Гаджи – аула (на реке Аргун) и др. После Кавказской войны, надеясь, что земля у них, наконец, останется по-прежнему в частной собственности, чеченцы начали восстанавливать и строить новые каналы. Но колониальная администрация требовала переделов земли через каждые 2-3 года. Система частых переделов земли между жителями селений отбивала охоту крестьян улучшать временно используемые ими участки земли удобрением, устраивать ограды и приводить в порядок сложную оросительную систему.

Как известно, поливное земледелие с развитой системой орошения возникает в основном там, где господствует частная собственность на землю³¹⁷. Данные А.П. Берже свидетельствуют о существовании на Чеченской равнине, по – видимому, ещё в XVIII веке ирригационных систем для орошения полей³¹⁸. После окончания Кавказской войны был восстановлен так называемый Гаджиаульский канал, построенный в XVIII веке. Наиболее ранними оросительными каналами в Чечне можно считать Ханкальский и Шавдонский каналы, построенные в самом нача-

ле XIX века, после основания крепости Грозной³¹⁹. Появление частной собственности у чеченцев относится к более раннему периоду. Ирригационное сооружение и оросительная сеть, устроенные на индивидуальном участке, считались собственностью хозяина этого участка. Дамбы и плотины для мельниц и прилежащие к ним участки продавались, сдавались в аренду и переходили по наследству. Во многих селениях, например, Чаберлое, Галанчожа, все прилегающие земли, кроме священных рощ, были поделены между семьями. Жители этих селений даже на водопой водили скот через особый длинный коридор, огороженный с обеих сторон каменной или плетёной оградой, или же по дну канала. Обычаи, связанные с частной собственностью на землю, запечатлены во многих чеченских преданиях³²⁰.

Чеченцы отводили от рек крупные оросительные каналы. Место, где создавалось отводное сооружение, называлось «Хин корта». От головного канала отводили более мелкие боковые каналы – татолы, карсоли, для чего из свай устраивали крепкий водораздел. Уход за оросительными каналами у чеченцев, а также порядок пользования ими при поливе осуществлялись под руководством общественных старейшин, избравшихся обычно сроком на один год. Особое внимание обращалось на уход и содержание главного канала, очистка которого проводилась ежегодно ранней весной жителями всех сёл, пользовавшихся водою из него. Примечательно, что в случае отказа от участия в работе виновники подвергались штрафу, у них забирали некоторые предметы домашнего обихода и выставляли их на показ всему селу. Это считалось большим оскорблением для данной семьи³²¹. Работа на отдельных мелких каналах выполнялась только теми, кто был заинтересован в этом – одной семьёй или несколькими семьями. Ирригационное сооружение и оросительная сеть, устроенные на индивидуальном участке, считались собственностью хозяина этого участка.

Орошение получило широкое распространение не только у жителей плоскостной Чечни, но и в горах, хотя высокогорный ландшафт технически очень усложнял эту работу. Но не даром же у чеченцев существует древняя пословица «жизнь может быть только там, где есть вода»³²². В высокогорной Шатоевской котловине применяли особые средства для подвода воды к пашням. К ним, например, относятся желоба «анари», сборные водопроводы из липовой коры «хьех». Свообразными акведуками проходили эти водопроводы через пропасти и ущелья, подвешенные лозой дикого винограда, заменявшей здесь верёвки и тросы³²³.

В 1866 году жителями Малой Чечни был сооружён канал протяжённостью более 27 км., он проходил из реки Аргун, через Ханкальское ущелье и спускался недалеко от Старосунженского аула к реке Сунже. В это же время на Чеченской равнине началось строительство самой крупной оросительной системы в дореволюционной Чечне – Ново-Атагинского канала, орошавшего более 15 тыс. десятин земли, принадлежавших селениям Новые Атаги, Шали, Белгатой, Герменчук. Строительство канала, завершившееся в 1871 году, потребовало от чеченцев, по словам Н.А. Вроцкого «египетских работ» и огромных материальных средств³²⁴. От Шалинской поляны канал разделялся на 4 рукава, общая протяжённость всей оросительной системы доходила до 40 вёрст. Оросительный канал длиной 10 вёрст провели жители села Старая Сунжа. Более 10 тыс. десятин земли обводнил канал, проведённый от Терека до реки Аксай³²⁵.

Чеченцы занимали место между Терекom и южной границей Терской области, начиная от Дарьяла до истока реки Акташ³²⁶. В Терской области на долю суши приходилось 60868 вёрст, а на 1 версту – 10 жителей обоего пола. В Грозненском округе было 7442,4 версты суши, на версту приходилось 22,6 жителя³²⁷. В 1872 году в Терской области орошалось уже 34600 десятин земли, из них большая часть приходилась на Чечню и Ингушетию. Здесь находились крупные оросительные каналы: Аргунский – 26 вёрст, Маян – Татаул – 38 вёрст, Герменчукский – 10 вёрст³²⁸. Чеченские сёла: Гойты, Новые Алды, Старые Атаги – совместно спроектировали своими силами Большой канал, в дальнейшем ими построенный. Если возникала необходимость обратиться за поддержкой в проектировании канала к администрации области, жители её сообща подавали прошение. В 1874 году общество 10 сёл 3 участка Грозненского округа обратилось с ходатайством к начальнику округа, о содействии в проведении канала из реки Сунжа или Гудермеса, или из Черноречья, для орошения принадлежащих им земель. В XIX веке Сунжа была полноводна и разливы её обладали порой разрушительной силой. Особенно сильным было наводнение в Грозном в 1882 году. Вода в Сунже поднялась на 5 метров. Сорвало 4 моста, залило подвалы с купеческими товарами, что вызвало нарекания в адрес власти. Постройка каналов помогала снижать и регулировать уровень воды в реке³²⁹. Командированным чиновником администрации управления в 1874 году был создан проект Сунженского канала, так как начальник области пришёл к мнению о жизненной необходимости его постройки. Изыскания по проектированию канала обошлись в 300 рублей. В результате совместных усилий властных структур и населения канал был построен³³⁰.

В результате массового уничтожения лесов, в Терской области нарушился климатический баланс и ранее плодородные почвы стали страдать от засухи. Рост сельскохозяйственного оборота области во многом зависел от наличия водных каналов, орошавших поля. В западной части Чечни сады и огороды поливались в основном посредством специальных колёс, устроенных для этой цели на каналах. В восточной части Чечни большое распространение получили мельницы, работавшие на воде из каналов. Посевы кукурузы, очень распространённые в тот период в Чечне, также требовали влажной почвы и поливались из каналов³³¹. В 1872 году М.Т. Лорис – Меликов писал о развитии земледелия в области: «Желание обеспечить урожай кукурузы вызвало у чеченцев стремление к устройству оросительных каналов, которых в течение отчётного года разработано два на протяжении 40 вёрст»³³².

На жарком, засушливом Юге ирригация всегда служила для сохранения и увеличения урожая. В тоже время вода оберегала поля от медведки, полевых мышей и т.п. С другой стороны, было замечено, что лучшая мука с поливной пшеницы считается несколько менее ценной по сравнению с мукой не политых полей, отчасти потому, что поливная мука дает менее припека и менее подъема при выпечки хлеба. Для солода пивовары также старались брать неполивной ячмень. Мельники утверждали, что с поливной пшеницы труднее получить 1-й сорт крупчатки, в отличие от неполивной. Таким образом, и в деле орошения сельскохозяйственных культур очень важен был продуманный, тщательно выверенный подход³³³.

В областях, населённых мусульманами, надел полей водою из поливных каналов совершался по адату. В силу адата, распоряжение по орошению полей поручалось общиною выборному лицу (тамаде), на обязанности которого лежало открытие и закрытие шлюзов. Он, следовательно, властен был снабжать поля живительной влагой или отказывать в ней³³⁴. Однако на частных каналах, распределением воды занимались их владельцы и члены их семей.

При эксплуатации общественного канала должны были быть удовлетворены два требования: измерить воду и распределить её между соучастниками. Приверженцы ислама соблюдали 5 принципов мусульманской ирригации:

- 1) Вода не может быть предметом частной собственности.
- 2) При недостатке воды – право за тем, кто раньше других воспользовался водой.

- 3) Право очерёдности пользования водой выше и ниже по течению.
- 4) При равных условиях преимущество определялось по жребию.
- 5) Распределение воды – по пространству подлежащих орошению земель³³⁵.

Принцип частной собственности пользовался в Азии, вообще меньшим уважением, чем в Европе. Западная цивилизация выражается, главным образом, в развитии личности человека, при условии неприкосновенности права частной собственности. Европейец был уверен, что законы и общественная власть сохраняет за каждым то, чем он законно владеет. На Востоке привилегированным положением пользовалась общественная собственность. Там, где проточные воды объявлялись собственностью государства и где устанавливалось законным проведением оросительных каналов через чужое имущество – администрация принимала воды в своё распоряжение. В Индии и Египте управление каналами было сосредоточено в руках правительственных чиновников и инженеров.

В Италии, Франции, Испании управление водами было основано на началах самоуправления участников орошения: товариществ, ассоциаций, – утверждённых правительственной властью и руководящихся уставами³³⁶.

Устройство и распространение ирригации, прежде всего, зависело от правильного решения юридических законов о праве собственности на воду и праве провода каналов через чужие владения. Российская империя тяготела к азиатскому ирригационному праву – по передаче государству недр и вод и полному контролю по их распределению. Чеченскому обществу был ближе европейский способ распределения воды (самоуправляющийся), который совмещал в себе частную и коллективную ответственность – при минимальном давлении со стороны государства.

Терская администрация стремилась держать под строгим контролем работу по строительству и эксплуатации каналов. Ирригационные каналы нуждались в обширной и сложной администрации, необходимо было разработать целый ряд законоположений, регулирующих взаимоотношения государства с местными общинами и частными лицами. Например, ни в Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, ни в Уложении о наказаниях, не предусмотрена была кража воды. Кражей признавалось похищение движимого имущества, мошенничеством признавалось учинённое обманом хищение также движимого имущества, а воды по Российским законам принадлежали земле, которая относилась

к имуществу недвижимому. Предписывалось: строго преследовать за перекапывание дорог оросительными каналами, но не указывалась степень ответственности за это нарушение частных, общественных и юридических лиц³³⁷. «Нынешнее состояние орошения на Кавказе – писал один из очевидцев, представляет весьма безрадостную картину грубого своеволия и безначалия, крайней отсталости от современных технических требований»³³⁸. Не смотря на все недостатки установившейся на Кавказе административной системы, власть нередко оказывала значительную помощь местному населению в его насущных нуждах. Так, например, правительство выделяло из средств государственного казначейства ежегодно по 17000 рублей на укрепление берегов Терека и постройку новых ирригационных сооружений³³⁹.

Значительное расширение площади поливаемых земель привело к бурному развитию виноградарства и виноделия на Северо – Восточном Кавказе. Кавказская война сыграла решающую роль в становлении вино – водочной промышленности в регионе. Обилие войск, дорогостоящая доставка колёсным путём спирта с русских рынков, высокий акциз на хлебный спирт, право перекуривать виноградное сусло без акциза – вот факторы, повлиявшие на развитие виноградарства и виноделия в крае. Низкие цены на изготавливаемые по Тереку спиртные напитки сыграли важнейшую роль в их широком распространении на вино – водочном рынке Российской империи.

Кавказское виноделие

Фруктовое винокурение в больших размерах на Северо – Восточном Кавказе началось с 60-х годов XIX века. До того времени местное производство было весьма невелико, хотя «кизлярка» спорила на Нижегородской ярмарке с французской водкой. С введением откупной системы и налогов на хлебное вино (1865), фруктовое винокурение, не обложенное тогда казной, сделало громадный успех в крае. Винно – спиртовая отрасль начала успешно развиваться в Терской области. Новые экономические отношения, установившиеся в крае с началом реформ, заставляли горцев опосредственно принимать участие в развитии винной промышленности края, так как это приносило немалые доходы. В 70-х годах XIX века виноградарство в хозяйствах чеченцев и ингушей после длительного упадка начинает возрождаться. Так, в 1872 году в

селе Брагуны было получено вина 40 тыс. вёдер, в селе Новый Юрт – 14 тыс.; в Старом Юрте – 3 тыс. вёдер³⁴⁰. В Грозненском округе у чеченцев сильно увеличилась площадь пашенных земель, засеваемых кукурузой. Местная кукуруза шла на производство спирта и крахмала для заводов Владикавказа и Моздока, а также вывозилась за пределы области – в Дагестан и Ростов³⁴¹.

Кавказское молодое виноградное вино под названием чихирь (до 500 тыс. вёдер) на ярмарках покупали фабриканты Москвы, Ярославля, Кашина и других городов. Они подвергали его заморозке, очистке, «сдабриванию» и на следующий год привозили на ту же ярмарку в качестве иностранного вина разных сортов³⁴².

Чеченцы имели свои национальные напитки, которые употребляли во время праздников. Из дикого винограда выжималась чапа – сок для питья. Из слабоалкогольных напитков можно назвать бузу – напиток из проса и максу (сладкую бузу)³⁴³. Древнейшим чеченским напитком считалась ниха – брага. Ещё более древним был в горах напиток ийи – горское пиво³⁴⁴.

В изречениях Пророка сказано, что всякое опьяняющее вещество является запретным³⁴⁵. Мусульманское право представляет собой систему правовых принципов и норм, призванных защищать религию, жизнь, разум, собственность. Так, употребление спиртных напитков считается совершённым и доказанным в случае, если лицо признаётся в содеянном, обладая внешними признаками опьянения и в отношении него имеются свидетельские показания, подтверждающие этот факт. Данное преступление рассматривается как посягательство на разум (интеллект) человека, являющийся одной из защищаемых мусульманским правом ценностей, без которой немыслима и невозможна вера во Всевышнего³⁴⁶. Выдающаяся личность, чеченец, сподвижник Шамиля Ташев – Хаджи, в 1834 году обратился ко всем мусульманам с воззванием³⁴⁷. Приведём дословно речь этого мудрого человека. «Мы прожили свою жизнь, – говорил Ташев – Хаджи, – и того не ведая, совершали греховные поступки, употребляя опьяняющие напитки, куря табак, в своеволии и жестокосердии, и в нашей слепоте касательно истинного, правильного пути. А теперь каждому из нас необходимо чистосердечно покаяться перед Аллахом. Откажитесь же без промедления и сожаления от опьяняющих напитков...»³⁴⁸. В Библии, и в творениях святых отцов мы многократно находим строгое осуждение порока пьянства. В Священном Писании говорится, что «полезно...если будешь пить его умеренно...» «Пьянство

– корень всех зол... Пьяница – живой мертвец... Никто так не исполняет злой воли дьявола как пьяница», – наставлял святой Иоанн Златоуст³⁴⁹.

В отчёте Главнокомандующего Кавказской армии Михаила Николаевича за 1869 год прямо говорится о том, что главный порок и причины всех проступков и преступлений на Кавказе – пьянство, корень которого лежит в среде, дающей рекрутов для армии³⁵⁰. После окончания военных действий и вывода основного контингента российских войск, массовое употребление спиртных напитков среди офицеров, солдат и казаков оставалось одной из самых серьёзных проблем для высшего руководства, судопроизводственных органов и коренного населения Северного Кавказа, т. к. постоянно вызывало всплеск преступлений. Самым распространённым из них являлось самовольное оставление части, побои, кражи, изнасилования.

На фоне злоупотребления «кизляркой» происходили столкновения не только у солдат с местным населением, но зачастую были стычки между солдатами и офицерами царской армии с одной стороны и казаками Терского казачьего войска – с другой. Злоупотребление спиртными напитками в Терской области было распространено и среди рабочих. Так, по воспоминаниям современников: «...На руднике и Аллагирском заводе не было ни одного крепостного, не поражённого алкоголизмом. Все пили и здорово пили...». Тяжёлый физический труд рудокопа и металлурга, дешевизна и доступность спиртного и другие причины способствовали этому.

Государственная власть, следя за производством, торговлей и употреблением спиртосодержащих продуктов на Кавказе, пыталась не только контролировать эти процессы, но и производить их жёсткую регламентацию с помощью законодательных актов. В «Уставе о питейном сборе», изданном в 1867 году, ограничивалось время продажи вино – водочных изделий с 7 часов утра до 10 часов вечера. В городах и на ярмарках это время продлевалось до 11 часов вечера. Ограничения были, прежде всего, связаны с уменьшением функциональности контроля за продажей спиртного в более позднее время³⁵¹. 24 мая 1875 года были изданы правила, по которым запрещалось открывать питейные заведения в близи учебных заведений, больниц и церквей. Однако этот запрет неоднократно нарушался, в связи с чем, в 1890 году вышло распоряжение, по которому все винные лавки и погреба, расположенные ближе 40 сажень от перечисленных учреждений, закрывались³⁵². Кавказская администрация стремилась бороться со злоупотреблениями спиртными

напитками. В одном из документов говорилось: «...Ввиду ограждения населения Терской области от пьянства, подрывающего благосостояние её жителей, запрещается торговля спиртными напитками в неположенных для этого местах». По Указу Правительствующего Сената, с 1880 года запрещалось открывать питейные заведения не только на базарах, но и в любом месте, где происходил постоянный рыночный торг³⁵³.

Некоторые российские деятели пытались использовать спиртные напитки – как одно из средств покорения края. «Присовокупив к фанатическому учению Алкорана русскую водку, – писал Ростислав Давыдов, – а к обещаниям словесным толстую висельную верёвку – тогда дикарь, под влиянием страсти и страха быстро подвинется к нашим целям. С ослаблением морального достоинства человека, ослабевают вся масса в совокупности...»³⁵⁴. Чеченцы, по воспоминаниям очевидцев, «пили весьма исправно». Но спившихся среди них не было, так как пили они только тогда, когда представлялся к тому законный повод: приезд гостя, свадьба³⁵⁵. Пьяницы среди чеченцев попадались крайне редко³⁵⁶. Но по многим свидетельствам, в пьяном виде чеченец был просто невыносим. Придирчивость, ссора с кинжалом во время обильного застолья – были обычным делом. Часто такое поведение объяснялось горячим южным темпераментом»³⁵⁷. Употребление спиртных напитков «развязывало» язык, давало повод высказаться о наболевшем. Так, полковник Беллик 25 марта 1865 года доносил начальнику Терской области: «...Другой чеченец, после многих стаканов портера, был более откровенен, ...он прямо сказал: не пойдём мы в Турцию и не пустим тех, кто собирается туда; в Турции ждёт нас смерть, ждёт она нас и здесь, но здесь она приятней, потому что здесь наша родина и здесь лежат отцы наши, побитые русскими»³⁵⁸. В целом, виноделие на Кавказе в послевоенный период развивалось очень интенсивно, но наряду с положительными результатами (ростом экономики и благосостояния граждан), оно принесло и не свойственное для кавказских мусульман явление – пьянство, приведшее к увеличению преступности в крае и другим негативным последствиям.

Экономическая асимметрия и национально – культурная неоднородность оказывали влияние на формирование институтов административного и экономического управления. Асимметричная система власти – ещё одна специфическая черта финансового хозяйства империи. Одной из главных задач правительства был поиск оптимальной для каждой окраины модели властно – бюджетных отношений между центром и регионами. Поэтому формы бюджетного управления постоянно менялись

под влиянием политической конъюнктуры, обострения национальных противоречий, стремления сократить бюджетные затраты³⁵⁹. Многонациональность империи – фактор, обусловивший специфику экономического развития и финансовой политики. Правительство вынуждено было принимать в расчет не только национальные традиции управления, но даже, например, «религиозный контекст» местного населения.

С другой стороны, региональная и национальная экономическая специализация, а также распространение националистических концепций способствовали возникновению идеологий экономического национализма и регионализма. К концу XIX – началу XX века формируется сеть национальных и региональных экономических элит, конкурирующих между собой, в том числе за влияние на правительство. В результате в финансовых мероприятиях правительства на окраинах нередко отражалось соперничество национальных и региональных лобби. Таким образом, складывание финансовой системы империи можно рассматривать отчасти как результат экономической конкуренции и взаимодействия разных национальных и региональных экономических сообществ³⁶⁰.

2. Интенсивное развитие промышленности

Кавказские минеральные богатства – основа промышленного производства второй половины XIX века

Помимо того, что Российское государство владело громадным земельным фондом, оно брало на себя в той или иной форме ответственность за промышленное производство, так как стремилось приобрести определенную независимость от мирового рынка. Это касалось, прежде всего, тяжелой промышленности. Американский экономист Джеконсон в изданной в США книге «Commercial Russia in 1904» писал: «Никогда, быть может, в истории человечества деятельность правительства в чисто промышленной области не была более широкой и всеобъемлющей, чем за последний период русской истории. Русское правительство с помощью центрального государственного банка контролирует финансовое положение страны; оно владеет и управляет 2/3 железнодорожной сети и 7/8 всех телеграфов. Почти 1/3 всей земли и 2/3 лесов еще в его непосредственном заведывании. Оно владеет наиболее ценными рудниками

и обрабатывает на своих заводах продукты, добытые из этих рудников. Оно продает все спиртные напитки... скупает весь спирт. Русское правительство – самый крупный землевладелец, самый крупный капиталист, самый крупный строитель железных дорог и самый крупный предприниматель во всем мире». Л. Троцкий также замечал: «Самодержавие с помощью европейской техники и европейского капитала превратилось в крупнейшего капиталистического предпринимателя, в банкира и монопольного владельца железных дорог и винных лавок»³⁶¹.

В конце XIX – начале XX в. ощутимо возрастает геополитическое значение Кавказе в связи с вовлечением его в мировое хозяйство. Богатые природные (прежде всего нефтяные) ресурсы превращают Кавказ в сферу острой экономической конкуренции европейских держав, включая Россию³⁶². В конце XIX столетия Россия была фактически монопольным производителем марганцевой продукции. Германские инвестиции в добычу марганцевой руды на Кавказе обеспечивали удовлетворение в ней около 75 % потребности промышленности Германии³⁶³.

Интерес российского правительства к рудным богатствам Северного Кавказа усиливается в XVIII веке. В русских документах неоднократно упоминается об исследовании залежей руды в Кабарде, Чечне, Балкарии, Осетии... Сведения о месторождениях цветных металлов в горах Центрального Кавказа поступали и от кабардинских князей, посетивших Петербург в 1743 г., и от грузинских посланников; информация о рудах с содержанием серебра, свинца и золота содержалась в докладах Осетинской духовной комиссии³⁶⁴.

Во время Кавказской войны одной из задач гражданской деятельности князя А.И. Барятинского являлось начало широкомасштабного обследования территории Кавказа и последовательного освоения его природных ресурсов. Наместник всячески приветствовал и поощрял научные и практические экспедиции, проводимые в регионе. А.И. Барятинский вызвал в регион группу горных инженеров для поиска рудных месторождений из-за серьезной нехватки квалифицированных специалистов. По плану наместника на Кавказе, они, находясь при войсках «будут употребляемы для открытия и обследования рудных минеральных месторождений» и по мере своих исследований составят отчеты о проделанной работе, которые отдадут управляющему горной частью для учреждения дальнейших разработок. В результате чего «все скрытые от нас минеральные богатства края, известные даже в древние времена, деятельными разведками видов, будут обнаружены»³⁶⁵.

Кавказские минеральные богатства были так велики, что каждый затраченный на этот край рубль – приносил доход³⁶⁶. К полезным ископаемым первостепенной важности, добывающимся на чеченской территории относились: нефть, асфальтовые руды, ангидрид, барит, гипс, глина, железные руды, каменный уголь, каолиновые руды, медные руды, мергель, охра, сера, серебро – свинцовые руды, селитра, сланец, сурьма, цемент, золото. Из второстепенных минералов можно перечислить следующие: кварц, горный хрусталь, серный колчедан, вольфрам, флоридиновые глины, стронцит, аспидные сланцы и другие³⁶⁷.

С древности народы Северного Кавказа почитают камень. Обобщенное понятие о камне, как об одной из первооснов мира, присуще всем народам Северного Кавказа. Отношение к минералам кавказских народов отразилось на их культуре. Разнообразнейшие по своим свойствам горные породы служили людям в самых различных видах их деятельности. Без камня кавказец не представлял себе существование. Это и строительный материал для жилища, и возведение земледельческих террас; это сырье для изготовления орудий труда, это неисчерпаемый источник для работы в прикладном искусстве. Камень – одна из основ материального производства горцев. Нравственно-эстетическое отношение к камню и его поэтизация присутствуют в эпосе. В образах камней, скал, гор олицетворялись идеалы кавказцев, их представления о твердости, надежности, незыблемости и постоянстве мира³⁶⁸.

Освоение залежей полезных ископаемых на чеченских землях

Чеченская земля была настоящей кладовой ценных «камней»: от золота до асфальта. Асфальтовые руды обычно располагались рядом с выходами на поверхность нефтеносных источников. Залежи кира разрабатывали на склонах и у подошвы Грозненского и Терского хребтов, около Серноводска, а затем на местных заводах расплавляли в асфальт. Куски добытого кира разбивали колотушками на более мелкие части и плавили их с мазутом в закрытых чугунных котлах. Готовый асфальт разливали в круги³⁶⁹. Вблизи Грозненских нефтяных источников в 1889 году персидскоподданным Халибековым было добыто около 3000 пудов кира. Близ Брагуновских нефтяных источников купцами Аджи-Юсуфом и Онановым было разработано 2000 пудов кира. Всего в Терской облас-

ти в 1889 году добыли 5000 пудов кира³⁷⁰. Асфальт сбывали в Нижний Новгород, Ростов и другие регионы. Работали на асфальтовых заводах в основном чеченцы.

Ангидрид добывали недалеко от чеченских сёл Ушкалой и Химой, а барит рядом с высокогорным селением Дай³⁷¹. Гипс чеченцы усердно собирали по руслу рек и отвозили на продажу в город Грозный³⁷². На левом берегу реки Чанты – Аргун Чанхоевская скала почти вся состояла из гипса³⁷³. Много гипса находили в Грозненском округе³⁷⁴. Кристаллический гипс залегал недалеко от села Шалажи, в долинах рек Гехи и Мартан, в Итум – Калининском участке – рядом с сёлами Химой и Ушкалой³⁷⁵. Во многих горных ущельях встречались большие залежи квасцового глинистого сланца. С помощью этих квасцов чеченцы окрашивали сафьян и другие предметы. Местами залегал глинистый плитняк высокого качества: ровный, плотный, зеленовато-серого цвета. Он применялся чеченцами при изготовлении надгробных плит и памятников³⁷⁶. В некоторых сёлах, например Дачу – Борзой, Улус – Керт, Варанды, встречалось большое количество чеченских домов, стены и ставни которых были окрашены в чёрный и жёлтые цвета. Краски эти изготовлялись чеченцами из особого рода глины, содержащей в себе большой процент красильных веществ³⁷⁷. Гончарная глина встречалась в Чечне почти повсеместно³⁷⁸. Глина абсорбентов залежала у села Варанды.

Залежи железной руды располагались в двух верстах от укрепления Ведено и добывались ещё в 1846 году Шамилём. В Грозненском округе около села Дарго велась добыча железной руды. Месторождение бурого железяка располагалось у аулов Мусен-Кале и Хани-Кале³⁷⁹. Железный купорос встречался около селений Ножай – Юрт и Кошкельды. Здесь его собирали женщины для окраски ниток³⁸⁰. Каменный уголь, залежавший по реке Шаро-Аргун, в силу его высокого качества был представлен Горным управлением на Тифлисской выставке. Добыча каменного угля велась вблизи селения Ца-Ведено³⁸¹. Много угля залегало на левом берегу Сулака, в верховьях Чанты-Аргуна и Шаро-Аргуна³⁸².

Некоторые полезные ископаемые, найденные в этом регионе, были уникальны даже для такой богатой горнодобывающей страны, как Россия. К таким редким рудам можно отнести каолин, ценившийся очень высоко и применявшийся для изготовления высококачественной фарфоровой и фаянсовой посуды³⁸³. Получение фарфора на основе российского сырья – было одной из главных задач, поставленных в XVIII веке. Национальная культура, активно утверждавшаяся в новом европейском

качестве, не могла остаться в стороне от европейского фарфорового бума³⁸⁴. В связи с большим спросом на фарфоровые изделия появилась необходимость открытия отечественных фабрик, работавших на местном сырье, каолиновых рудах, которые крайне редко встречались в природе. В XIX веке каолином называли фарфоровую глину³⁸⁵. Каолин является единственным видом глин, обладающий достаточной пластичностью для удобной лепки и формовки; весьма огнеупорный и в то же время после обжига на большом огне не только не деформирующийся, а приобретающий большую прозрачность и белизну³⁸⁶. В Чечне каолиновые руды залежали около Серноводска, Алдов, а также их находили в Хасав-Юртовском округе.

Первыми из металлов человеку стали известны золото и медь, причем золото использовалось раньше меди. Например, в Африке оно применялось в 9-10 тыс. до н.э. Раскопки на территории современной Армении показывают, что еще в 5-9 тыс. до н.э. там размещался центр производства меди³⁸⁷. Чеченские залежи медной руды находили в ущелье рек Кий и Гехи, на правом берегу реки Чанты-Аргун³⁸⁸. Большое месторождение медной руды было обнаружено около села Тюолой. Оно находилось в Итум-Калинском районе, на высоте 7000 футов над уровнем моря. Это месторождение медной руды было представлено тремя кварцевыми жилами. В кварце наблюдалось включение медного колчедана. Бельгийский инженер Луи – Де – Ратце, обследовавший месторождение, дал о нём благоприятный отзыв. Анализ руды был произведён в 1898 году в Брюсселе – доля содержания меди в руде колебалась от 5,48 % до 29,46 %. Весь запас медной руды был определён ориентировочно цифрой в 4000000 тонн. В этом плане для Российской империи Кавказ был хорошим приобретением, т.к. до начала разработки чеченских руд Россия вынуждена была ввозить ежегодно 6800 тонн медной руды³⁸⁹. С 1882 г. выплавка меди на Кавказе утратилась. Именно на Кавказе впервые в России были установлены электролитические способы очистки черной меди, дающие медь высокого качества. В отделе горного дела и металлургии, на Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г., проводившейся в Нижнем Новгороде, Кавказ был представлен продукцией медных рудников и медеплавильных заводов, а также заводов по производству серебра, свинца, марганца³⁹⁰. Начавшуюся после 1882 года активную разработку марганца увеличили предприятия Кавказа, где получали почти половину его мировой добычи³⁹¹.

Полезное ископаемое мергель добывали в Шатоевском округе близ села Хани-Кале³⁹². Месторождение охры располагалось к западу от села Сюжи, на русле реки Варанды-Эхк, где чеченцы сделали ряд копанок, из которых время от времени проезжавшие в Грозный местные жители брали охру для продажи. Охра была двух цветов: красная и оранжевая. При затирании с маслом образцы давали хорошую кроющую краску. В силу большого спроса на красящие материалы и сравнительно немногочисленные месторождения русских природных красок, это чеченское месторождение могло иметь большое значение для России³⁹³.

Серную руду и самородную серу добывали на левом берегу Сулака, близ Шатоя, на правом берегу реки Шаро-Аргун и на левом берегу реки Чанты-Аргун, около селений Цем, Варанды, Даркольчу³⁹⁴. В Хасав-Юртовском округе, на хребте Эрдышты также были большие запасы серы. В Российской империи добыча серы велась только на Кавказе. Сера была очень важна для военного и химического производства³⁹⁵. С давних времён, в разных районах Кавказа, местное население для своих нужд использовало серу. В то время, когда серные спички ещё не были в употреблении у европейцев, горцы изготавливали сухие лучины, обмакивали их в раствор серы и таким образом получали первые кустарные спички³⁹⁶. Помимо разрабатываемых месторождений серы, были и предполагаемые, которые можно было обнаружить по водным источникам. Протекавшая по залежам вода обогащалась серой – становилась серно-щелочной и приобретала резкий запах. Серные источники находились между Дербентом и Чири – Юртом, а также рядом с селением Исти – Су³⁹⁷. Зачастую сера находилась в труднодоступных местах, что, однако не сильно препятствовало местному населению в её добыче. Например, месторождение серы находилось у самой вершины горы, на крутом склоне (50°– 60°), на берегу реки Чанты-Аргун. Здесь чеченцы вели её добычу, а затем доставляли в селение Зонах, где производили выплавку серы³⁹⁸. Сера активно добывалась в Грозненском округе. Так, в 1897 году серной руды было добыто 4 тыс. пудов³⁹⁹. На дороге в Шатой В.А. Долгополовым был оборудован серный завод, который очень успешно начал добычу серы⁴⁰⁰. Фирма «Долгополов и К» производила разработку серной руды. В 1897 г. ею было добыто в Букезинском руднике 2000 пудов, Варандинском – 2000 пудов, чистой серы получали 450 пудов⁴⁰¹. После отъезда в российскую столицу В.А. Долгополова, разработкой серного месторождения занялся С.П. Елисеев, к северу от села Малые Варанды, на участке в 40 десятин. Работы были начаты в 1896 году, а прекратились

в 1908 году. Наибольшая годовая добыча у С.П. Елисеева была в 1899 году – она составляла 6000 пудов⁴⁰². Добываемая сера доставлялась во Владикавказ, Москву и Баку⁴⁰³.

В Чечне с давних времён около селения Кей велась добыча серебряно-свинцовых руд. Русские торговые люди покупали свинец в горных обществах Чечни⁴⁰⁴. Есть свидетельства о том, что в 1632 году терские конные стрельцы «покупывали» в горах «в Калканех» и в «Мылкыцех» (т.е. в Ингушетии и Чечне) свинец и «приваживали» его на Терек⁴⁰⁵. Серебро – свинцовые месторождения в основном разрабатывались чеченцами на протоке реки Чанты-Аргун, на правом склоне реки Чанты – Ахк, около селений Зуран и Сандухой⁴⁰⁶.

Селитру местные жители использовали в основном для получения чёрного пороха, который чеченцы довольно искусно изготавливали, а также для лечения червивых ран у животных.⁴⁰⁷ Селитроносные земли располагались в 5 верстах от селения Шатой, близ сёл Ялхорой, Башен – Кале, Катыр – Юрт, Цеси и Саной⁴⁰⁸. Месторождение селитры у чеченского села Сатты, занимало площадь до 76,5 гектаров⁴⁰⁹. Чеченцами велась также добыча горючего сланца, в основном в Грозненском округе⁴¹⁰.

Известный источник соледобычи – Даттых, располагавшийся на землях Карабулакского общества, послужил в средневековый период основой благосостояния фамилии Белхароевых. В более поздний период выпаренной из данного источника солью пользовались, согласно документам: «все кистинцы, все ингушевы, все карабулаки и часть чеченцев»⁴¹¹. По данным М.О. Омарова (1892 г.), колодизная добыча рассола производилась на Больших и Малых Даттыхских соляных источниках. Здесь ежегодно вываривали до 5,3 тыс. пудов соли. Согласно подсчетам Г.П. Михайловского (1905 г.), через 13 лет Даттыхские соляные варницы давали за год почти 65 тыс. пудов поваренной соли. По свидетельству М.А. Иванова (1906 г.), колодизная добыча рассола велась на соляных источниках близ села Мереджой – Берем. Годовое количество поваренной соли, отправляемой на продажу, не превышало здесь 500-600 пудов. А.И. Воскресенский считал, что Мереджой – Беремовское месторождение поваренной соли может иметь и промышленное значение. Чеченцы для своих хозяйственных нужд в основном использовали соль, добытую в Черных горах⁴¹².

Месторождение сурьмяного блеска, близ села Хуландой, разрабатывалось чеченцами на вершине горы, в 7-8 ямах. Сурьмяная руда близ этого аула содержала 61,6 % сурьмы⁴¹³. В царское время месторождение сернистой сурьмы обнаружили на высоте 2500 метров, в 3-4 км. от села

Хуландой – в 114 км. от Грозного, на правом берегу реки Хуландой. В начале XX века (1900-1906 гг.) предприниматель Батыр-Султан добыл здесь около 6000 пудов этого минерала. Запасы сернистой сурьмы в этом районе были очень велики и простирались до 600000 пудов. В России сурьму не добывали, поэтому в 1913 году её ввоз составлял 1501 тонна. Мировая добыча сурьмы в 1925 году достигла 25756 тонн. Сурьму использовали для изготовления сплавов и красок, фейерверков, военных снарядов, автомобильных шин и в медицине⁴¹⁴.

Цементный камень добывали около селений Дачу – Борзой и Гудермес⁴¹⁵.

Каменоломни раковистого, песчаного и известкового камня находились близ посёлка Новый Юрт⁴¹⁶. Скалы, ограничивающие Аргунское ущелье, образовались из нептунических пород. Внутри этой породы часто встречались крупные и мелкие кристаллы известкового шпата и песчаника. В некоторых местах залежали целые пласты алебастра, который добывался чеченцами для продажи⁴¹⁷. В конце XIX столетия горный инженер Симонович высказал предположение о наличии в наносах долин всех кавказских рек – золота. Его мнение поддерживали геологи Абих и Фавр⁴¹⁸. По обе стороны от Терека в речном песке и береговых наносах находили золото.

Горный воск (озокерит) добывался чеченцами по дороге в Шатой, на правом берегу реки Чанты-Аргун. Ртутная руда (киноварь) разрабатывалась близ села Ньюхой⁴¹⁹. Соляные источники располагались в бассейне реки Фортанги м в 8 верстах от Ведено. Около Ведено чеченцами добывалась соль в 2-х каменоломнях⁴²⁰.

Кавказский марганец в отношении своего качества и количества занимал первое место не только в России, но даже на всём земном шаре⁴²¹. Не доезжая 2,5 – 3 км. до села Ушкалой на левом берегу р. Чанты-Аргун, среди меловых отложений, выделялась скала из пород мраморной структуры. Это были залежи гипса и ангидрида (чеченцы называли их мраморными). Мощность пород (их высота) достигала 75-85 метров; они тянулись более чем на 5 км., т.е. запасы были просто громадными⁴²². Уже к началу XX века Россия на мировом рынке стала одним из ведущих поставщиков марганца. Хотя на внутреннем рынке спрос на этот металл был невелик, потребность в нем зарубежных потребителей, главным образом в Голландии, Великобритании, США и Германии, стимулировала строительство дополнительных железнодорожных веток на Кавказе, для вывоза этого ценного ископаемого за границу⁴²³.

После присоединения Кавказа к России вопрос о собственности на землю и её недра встал особенно остро. Предприниматели разных мастей ринулись на просторы этого благодатного края, желая максимально обогатиться за счёт всего, что когда-то принадлежало местным жителям. Горцы, понимая, что их земли поступили в распоряжение казны, пытались получить хоть какую-то выгоду от своей собственности, заключая общественные договоры с предпринимателями на разработку полезных ископаемых на их, казалось бы, землях, с отчислением определённых сумм в пользу жителей, от полученной предпринимателем прибыли. Иногда дело доходило до полного абсурда, когда, например, самим же горцам запрещалось добывать руды на землях их общины. Так, например, приговором обществ сёл Сальбюри и Лошкарой постановили добычу охры и других полезных ископаемых на землях этих обществ. Однако, отзывом Штаба Кавказского военного округа, обществам было запрещено разрабатывать их руды⁴²⁴. В приказах по Терской области от 15 августа 1890 года за № 80 и 23/25 марта 1897 года было объявлено, что общества селений без разрешения правительства не могут входить ни в какие соглашения с горнопромышленниками по разработке и эксплуатации минеральных ископаемых до получения на то надлежащего разрешения. Виновных, в лице сельских должностных лиц привлекали к ответственности и в судах возбуждали иски по уничтожению заключённых договоров⁴²⁵.

Не отработанными в этой области являлись и законы. Действовавшее законодательство не указывало порядка оценки земель, в недрах которых находились полезные ископаемые. А ведь в Терской области на тот период проживало довольно большое количество частных собственников, желавших разрабатывать недра своих земель, или продать их. Если рассматривать вопрос по аналогии, то Гос.Совет неоднократно разъяснял, что при оценке земель поросших лесом, лес надлежит ценить нераздельно с землёй, т.е. лес отдельно не ценился – просто продавалась земля. Можно ли было в связи с этим оценивать рудоносную землю, как простой участок земли – не ясно⁴²⁶. В 1891 году вопрос о праве собственности на недра получил благоприятное разрешение для Терского казачьего войска⁴²⁷. В случаях открытия в недрах земель казачьего войска благородных металлов и минералов, эти земли отходили в казну за установленное законом вознаграждение. Станицы получали соответствующее количество десятин земли из смежных земель войскового запаса, при невозможности такой замены было положено вознаграждение – единовременное или ежегодное⁴²⁸.

У чеченских обществ запасных земельных наделов государством предусмотрено не было. Тем более речь не шла о материальном поощрении. В случае нахождения полезных ископаемых на горских землях – самым им, в основном запрещалось их разрабатывать, а зачастую эти земли или конфисковались в пользу государства, или Терского казачьего войска (как случилось с нефтяными источниками); или эти ископаемые добывались предпринимателями, принося доход не исконным хозяевам, а государству, в виде налогов и роста горнодобывающего оборота страны.

История возникновения Кавказского перешейка

Рассмотрим историю появления такого разнообразия полезных ископаемых на Кавказском перешейке. В середине Юрского периода (175-165 млн. лет назад) Кавказ, покрытый океаном Тетис, пережил киммерийскую складчатость. Цепь подводных и надводных вулканов протянулась тогда на многие километры вдоль гребня Кавказского ядра. Большой Кавказ входил в состав Евразийской литосферной плиты, образуя ее краевую часть. Большой Кавказ, как край Евразийского континента послужил относительно жестким упором, для идущего с юга, со стороны Малокавказской дуги, давления, в результате которого расплющиваются выжимаемые к северу структуры и комплексы пород Альпийского пояса⁴²⁹. В промежутке времени от 15 до 5 млн. лет назад под напором сближающихся литосферных плит, произошло (и продолжается ныне) грандиозное сводовое воздымание Кавказа, как бы выдавливание всей его перемятой горной массы вверх. Одновременно с поднятием продольного свода Кавказа у его подножий опускались передовые прогибы – Терско-Каспийский, Западно-Кубанский и другие. К прогибам приурочены нефтеносные пески, а также пологие складки и валлообразные поднятия, послужившие ловушками для нефти и газа⁴³⁰.

Западная и центральная части Северного Кавказа, Грозненский район в чокракском веке относились к подобласти влажного средиземноморского климата, для которого были характерны обильные атмосферные осадки, мягкие климатические условия, субтропическая и тропическая растительность. Климат юго – восточной части Северного Кавказа (Дагестан) в отличие от западной и центральной части Предкавказья был более умеренным. В киммерийский и куяльницкий века раннего плиоцена довольно существенно меняется соотношение

площади суши и моря, так как, преобладавшие в это время поднятия, привели к ликвидации полуостровного положения Кавказской суши и установлению континентального климата на большей части территории Северного Кавказа. В это время происходит соединение Ставропольского выступа суши с Русской платформой, которые, видимо, были разделены узкой полосой сообщавшихся и изолированных озер. Связь между Каспийским и Черноморским бассейнами, возможно, осуществлялась вдоль предгорий Северного Кавказа⁴³¹.

Расположенная к югу от Передовых хребтов Чеченская равнина образовалась на месте глубокого продольного прогиба земной коры, заполненного валунами, песками, глиной и талыми снежно – ледниковыми водами, приносимыми с южных хребтов. Возможно, первоначально на месте Чеченской равнины существовало озеро, постепенно высохшее. Хребты Черных гор сложены в основном мягкими, легко размываемыми глинистыми породами. Среди глинистых отложений встречаются выходы плотных песчаников, мергелей и известняков, образующих прорывы. Сильно расчлененная и пересеченная горная территория, ограниченная на севере правым берегом Терека, а на юге водоразделом Бокового хребта, чрезвычайно разнообразна в климатическом отношении. На это обстоятельство еще 150 лет назад обратил внимание К. Самойлов (1859). Он считал, что в Чечне на незначительном протяжении встречаются многие климаты планеты, начиная от климата «вечных морозов» и кончая даже климатом «вечных жаров экватора...»⁴³².

Чеченская нефть

Грозненское месторождение представляет собой редкий, идеальный тип строения в виде замкнутого свода. При этих условиях, весь запас газов, растворенных в нефти, не сообщается с атмосферой, тем самым полностью сохраняясь. Нефтеносные отложения состоят из сланцевых глин, чередующихся с мощными пластами рыхлых песчаников и песков. Такой состав намного облегчает бурение. Благодаря построенной железной дороге грозненская нефть стала всемирно известной и очень популярной на международном рынке. Грозненская нефть экспортировалась через г. Петровск (порт Каспийского моря); г. Новороссийск (порт Черного моря); а также через крупнейший кавказский торговый узел – г. Ростов-на Дону⁴³³. Выгоды, извлекаемые людьми из коммер-

ческих операций с нефтью и газом настолько значительны, что история нефтяной промышленности оказалась тесно связанной с экономическим и политическим господством одних народов над другими и с национально-освободительным движением. Любопытен и актуален в этой связи анекдот начала XXI века: В амазонских джунглях обнаружено неизвестное племя. Больше всего исследователей удивила огромная надпись на английском языке, отчетливо видимая с самолета: «Нефти нет!».

В годы катаклизмов, стихийных бедствий, войн потребность людей в топливном сырье резко возрастает. Особую роль горючее имело в годы Второй мировой войны. Острую нехватку заправочных средств, немецкая армия ощутила уже зимой 1941 г. Берлин взялся за разработку секретной операции «Блау» (директива № 41), основной задачей которой стало наступление германских войск на юге России с целью захвата нефти, а затем и нефтяных месторождений Ирана и Ирака, откуда Гитлер намеревался двинуться еще дальше – на Индию⁴³⁴. Было даже создано акционерное общество «Немецкая нефть на Кавказе» и собран внушительный контингент из 15 тыс. специалистов и рабочих для технического обслуживания кавказских нефтепромыслов. Дело оставалось «за малым» – захватить их. По плану германского командования Кавказ, с согласия «министерства оккупированных восточных областей» должен был быть расчленен: «Цель – национальная раздробленность». После взятия Моздока, 25 августа 1942 г. в эфире берлинского радио зазвучали слова: «Мы у ворот в Алханчурскую долину, которую называют нефтяным дном». В Майкопе сидел и ожидал переезда в Грозный германский нефтяной трест с полным штатом инженеров. В походных типографиях немецких дивизионных газет были заготовлены специальные выпуски «О взятии Грозного 24 августа». Однако нефтяная столица Северного Кавказа фашистам так и не сдалась. В конце 1942 г. войскам вермахта пришлось начать отступление с Кавказа⁴³⁵.

Основы нефтеперерабатывающей промышленности России

Россия потребляла в начале XX в. больше нефтяного топлива, чем вся Западная Европа, причём использование его было далеко не экономичным. В первые годы существования нефтяной отрасли целевым продуктом был керосин, а бензин, и другие «отходы», выливали в землю. В результате над уровнем почвенных вод образовывалась и достигала

изрядных размеров состоящая из «конденсата» линза. Такие линзы часто сопровождали крупные отечественные хранилища топлива. Линза медленно двигалась, выходящий из нее в реки и подземные воды «конденсат» ухудшал экологическую обстановку и грозил экологической катастрофой всему региону⁴³⁶. Спустя некоторое время нефтяные «отходы» стали применять в военном деле. В русской армии артиллерийские орудия традиционно очищали от грязи и копоти глицерином и теплой мыльной водой. Однако в военное время достать теплую воду было очень затруднительно, да и артиллерийские орудия отмывались не до конца. Выяснилось, что продукты нефтепереработки (нефтяное «масло» и нефтяное «сало») значительно быстрее и эффективнее очищали оружие и, к тому же, при этом можно было использовать холодную воду. Строительство железных дорог позволило доставлять эти нефтяные «чистящие средства» в воинские части даже в отдаленные уголки страны⁴³⁷.

Уже в 1887 году соотношение угля и нефти в топливно-энергетическом балансе России было сопоставимо с подобными же параметрами в США середины XX века, и «углезация» баланса, причём довольно вялая, обнаружилась лишь после 1901 года⁴³⁸. Россия – самая холодная в мире страна. Для одинакового с другими странами уровня комфорта нашим согражданам приходится расходовать в 4-8 раз больше энергии, чем в других странах. Потребность в энергоресурсах в России всегда была очень высокой⁴³⁹. Спрос породил предложение. Добыча русской нефти в 1893 г. достигла 340 млн. пуд. в год и продолжал расти. По этим показателям Россия достигла уровня Америки⁴⁴⁰. Юг России во втор. пол. XIX в. занял лидирующее положение в отечественной тяжелой промышленности, оттеснив Урал с его старой технологией производства и устаревшим оборудованием. Это содействовало сокращению отставания страны в целом по наиважнейшим экономическим показателям от европейских государств⁴⁴¹.

В 1863 г. в России в первый раз появился американский фотоген, под именем «керосина». Он был прозрачный, легкий, превосходно горел в лампах⁴⁴². В Лейпцигской технической лаборатории сравнили русский и американский керосин. Выяснилось, что русский керосин при выгорании в лампе, поддерживает пламя одинаковой напряженности, между тем, как при использовании американского керосина пламя постепенно тускнеет. Европейцы стали жаловаться на то, что горение американского керосина не поддерживалось с первоначальной яркостью. Русский керосин к началу 80-х гг. XIX века стал постепенно вытеснять американского

конкурента благодаря своим прекрасным техническим характеристикам. После 1882 года американцы вынуждены были сократить вывоз керосина с 490 млн. галлонов до 450 млн. галлонов. На крупнейшем в Российской империи фотогеновом (керосиновом) рынке в Нижнем Новгороде все больше сделок стали заключать иностранные партнеры⁴⁴³.

В XIX в. нефтеперерабатывающая промышленность России была сосредоточена в местах добычи нефти – в Грозном и Баку. Нефтеперерабатывающие заводы, расположенные вне Кавказа, давали не более 4 % общего производства керосина в России. Между тем основными потребителями готовых нефтепродуктов являлись районы, удаленные от места нефтепереработки. Только на долю четырех центральных губерний России – Московской, Владимирской, Петербургской и Саратовской в 1900 г. приходилось около 60 % общего потребления нефтепродуктов в стране. С учетом перевозки цены на нефтепродукты были высокими⁴⁴⁴.

Рост научно-технических знаний и изобретений на Кавказе

Сооружение нефтепровода имело долгую и драматическую предысторию. «Дожить бы мне до нефтепровода. Тогда бы я знал, по крайней мере, что это дело не затрется ни откупщиками, ни акцизами, ни железнодорожниками», – говорил Д.И. Менделеев, твердо полагавший, что «успехи русского нефтяного дела всецело зависят от построения длинных нефтепроводов». При жизни, однако, мечте великого ученого не суждено было сбыться⁴⁴⁵. Ряд выдающихся трудов посвятил земным недрам и освоению их богатств Д.И. Менделеев. Много внимания уделил гениальный ученый нефти. Он видел в нефти не только горючее: «сжигать можно и ассигнации», – говорил Менделеев. По мысли ученого это полезное ископаемое важно для хозяйства страны и тем, что из него можно получать многие ценные продукты (например, медицинские препараты). Менделеев выдвинул оригинальную идею транспортировки нефти – проект нефтеналивного судна для перевозки нефти по воде и нефтепроводы – как лучший способ транспортировки ее по суше.

Также в 1884 году знаменитый изобретатель, инженер В.Г. Шухов, вполне разделявший мысль Менделеева о том, что нефтепроводы от Грозного и Баку к Черному морю могут оживить нефтяную промышленность, разработал детальный проект 880–километровой линии Баку – Батум. Однако состоявшийся год спустя 1 съезд нефтепромышлен-

ников нашел проект «преждевременным и излишним». Лишь в 1907 г. вошел в строй трубопровод Баку – Батум, но предназначался он для перекачки бензина⁴⁴⁶. Русские ученые сделали большой вклад в создание двигателей внутреннего сгорания, работающих не на дорогом бензине, а на более дешевом жидком топливе, например, на нефти. В 1899 году в Петербурге группой талантливых инженеров и техников машиностроительного завода «Русский дизель» была создана русская «нефтянка». Этот нефтяной двигатель был очень экономичным. Имея мощность в 25 лошадиных сил, он расходовал всего 240 гр. сырой нефти на лошадиную сил в час – результат для своего времени невиданный. Слава русского завода быстро облетела мотостроительные предприятия Европы⁴⁴⁷.

Развитие промышленности в России в пореформенный период, фундаментальные научные исследования и открытия русских ученых способствовали бурному росту технических наук и пробуждению интереса к технике. Это привело к усилению деятельности научных обществ, что выразилось, прежде всего, в возникновении нового типа подобных организаций научно – технических обществ. В 1866 году в Петербурге возникло Русское техническое общество. Значительной заслугой Русского технического общества стало проведение первой Всероссийской выставки предметов освещения и нефтяного производства (20 декабря 1887 г. – 1 апреля 1888 г.), которая стала своеобразным смотром достижений отечественной нефтяной и газовой промышленности и дала мощный импульс для ее дальнейшего развития. Участие российских ученых и инженеров в международных конгрессах в Париже (1900), в Льеже (1905), в Бухаресте (1907) во многом способствовало развитию нефтяной науки⁴⁴⁸. Деятельность РТО была столь успешной, что, начиная с 1868 года, началось учреждение ее многочисленных филиалов по стране. В декабре 1899 г. было создано Терское отделение Русского технического общества, объединившее лучших инженеров и техников региона. Деятельность этой организации способствовала дальнейшему развитию нефтяной отрасли Грозненского нефтяного района⁴⁴⁹. Русское техническое общество к началу XX века имело в Российской империи свыше 40 отделений.

В конце XIX века в Грозном бурно развивалась нефтяная промышленность, здесь была основана первая химическая лаборатория на Северном Кавказе⁴⁵⁰. Правда, были в этом деле и свои издержки. Вот как описывает начало работы лаборатории на Грозненских нефтяных промыслах современник: «Керосин перетаскивали ведрами в здание,

громко называемое лабораторией. Что это была за лаборатория, можно судить по тому, что в ней ни один из многих, выписанных из Баку специалистов (керосиновых мастеров), не мог работать, и они быстро исчезали, и лишь чуть ли не выросший в ней чеченец Сосланбек, совершенно неграмотный, был бессменным в ней химиком»⁴⁵¹.

Исследователь К.В. Харичков на основе исследований свойств грозненской парафинистой нефти рекомендовал для грозненской нефтепереработки, в отличие от бакинской схемы масляного направления, максимально развивать бензиновое и парафиновое производство. Нефть, добываемая в Грозном, относится к редкому на Земле виду, так как содержит много легких частей бензина, гигроина и большое количество парафина. Это обеспечивает ей большой спрос не только на внутреннем рынке, но и на мировом уровне⁴⁵². В 1914 г. Общество «Русско – Грозненский Стандарт» произвело организацию производства нефтяных парафинов в городе Грозном. На проектируемых заводах стоимость отечественного парафина выходила в 5-6 раз дешевле заграничного, что давало большую прибыль владельцам фирмы и экономию государственных средств. Но Первая мировая война задержала строительство парафинового завода в Грозном⁴⁵³.

Развитие промышленности на Северном Кавказе привело к бурному росту научно – технических знаний и кадров технической интеллигенции. Вместе с тем следует отметить особую заинтересованность в развитие технических знаний на Кавказе Совета съезда терских нефтепромышленников – организации крупного капитала, возникшей в 1898 году в Грозном. Отделение Русского технического общества было открыто в Грозном 16 декабря 1900 года. Деятельность Отделения развивалась в нескольких направлениях, основными из которых являлись: общие собрания; заседания Совета; научно – практическая работа комиссий; оказание консультационной помощи; участие в работе научных съездов, конференций, выставок; издание трудов и специальной технической литературы; культурно – просветительная работа. Отделение располагало небольшой библиотекой, укомплектованной преимущественно технической литературой и периодикой на русском и иностранных языках. Источниками комплектования библиотеки являлись подписка, пожертвования обмен. Доступ в библиотеку был открыт для всех желающих, правда, только по рекомендации членов отделения РТО. Терское отделение РТО являлось политехническим обществом, однако вопросы нефтя-

ной науки и техники в его деятельности носили преобладающий характер. Одним из важнейших направлений деятельности Терского отделения РТО являлась культурно – просветительная работа. Так, усилиями Отделения, была открыта большая школа для детей рабочих – нефтяников. Кроме того, были открыты технические курсы для рабочих. Совет съезда терских нефтепромышленников выделил для их содержания субсидии в размере 1500 рублей в год⁴⁵⁴.

Решающее значение для подъёма Грозненской нефтяной промышленности в конце XIX в. имел промышленный и общеэкономический подъём 90-х годов и связанный с ним рост железнодорожного строительства. Спрос на нефтепродукты в этих условиях опережал предложение, и нефтяное дело становилось одним из самых прибыльных, выгодных для приложения капиталов⁴⁵⁵. Без развития нефтяной и нефтедобывающей промышленности невозможно представить такие достижения, как авиация и автомобилизация⁴⁵⁶. Возникновение и развитие Грозненской нефтяной промышленности было толчком для образования чугунно – литейных, механических заводов; котельных; мастерских и торговых предприятий⁴⁵⁷. В Грозном были открыты следующие предприятия: два чугунолитейных завода и механический, по изготовлению и ремонту оборудования буровых скважин – «Молот» (1896), положивший начало заводу «Красный молот»⁴⁵⁸. Основы развития нефтяного дела, заложенные в конце XIX века на Кавказе, сказались в дальнейшем, в том числе в периоды Первой и Второй мировых войн, когда было обеспечено снабжение топливом, смазочными материалами и взрывчаткой нашей военной техники. В конце XIX и в начале XX века Россия занимала первое место в мире по добыче нефти.

Периодизация нефтедобычи и нефтепереработки

Периодизацию нефтедобычи можно представить следующим образом:

- 1) Переход от использования свободных выходов нефти к сооружениям (копанок). Человек в этот период впервые использовал биологическую энергию для воздействия средствами труда на горную породу с целью создания искусственной горной выработки.

- 2) Период строительства колодцев. Увеличение количества добычи нефти, используется энергия не только людей, но и животных, появ-

ляются орудия труда (вёдра, ручные буры). Второй период начался на Северном Кавказе не позднее середины XVII века, так как первые письменные упоминания о колодцах относятся к 1653 году.

3) Третий период – механического бурения скважин при помощи тепловой энергии ударно-штанговым (бакинским) способом, продлился всего четыре года, с 1893 по 1897 гг. Для Грозненских нефтепромыслов окончание второго периода и начало третьего пришлось на 1893 год, когда была пробурена механическим способом при помощи паровой машины первая нефтяная скважина.

4) Четвёртый период – механического бурения скважин ударным канатным способом начался летом 1897 года, когда этим новым для России способом была успешно пробурена скважина глубиной около 100 саженей, со скоростью в 1,5 раза большей, чем ударно-штанговым способом. Грозненский способ интенсивно эволюционировал и скоро, в 1902 году на смену пеньковому канату пришёл металлический. Паровые машины были заменены на нефте – и газомоторные⁴⁵⁹.

Нефтепереработка также претерпела свою эволюцию. Первый её период – нефтяной. Продукт потребления – сырая нефть, использовалась для смазывания колёс, освещения и отопления помещений, в медицинских и военных целях. Второй период – керосиновый. Начался в 1862 году, когда на российском рынке был широко представлен американский керосин, позже уступивший место российскому керосину – в том числе и за границей. Керосин использовался для освещения и в медицинских целях, а также как топливо для двигателей. Третий – бензино – мазутный период, характеризуется применением бензина в связи с развитием авиации и автомобилестроения, а также переводом судов и локомотивов на мазутное топливо. Он начался в 1905 году⁴⁶⁰.

В России искусственный газ для освещения начали применять даже чуть раньше, чем во многих городах Западной Европы. Первые экспериментальные работы по использованию газа для городского освещения начались в Санкт-Петербурге в 1819 году. В Англии были закуплены небольшие установки по производству светильного газа. Единственным препятствием для развития газового хозяйства стала зависимость от регулярности поставок сырья – британского каменного угля из Кардифора, так как использование донбасского угля в тот период было экономически невыгодным. В Москве газовое освещение появилось в 1850 году⁴⁶¹. В пореформенных городах на улицах начинают появляться электрические фонари. Сохранилось свидетельство

о попытках использовать электричество для освещения улиц еще в первой половине XIX века. В 1849 г. в Петербург прибыл французский химик Аргиро «для введения в России системы электрического освещения». Для осуществления такого опыта была создана комиссия, в которую от Академии наук вошел Б.С. Якоби, известный ученый в области электротехники. Из Министерства народного просвещения было получено предписание, чтобы «первоначально в виде опыта этого способа освещения сделать к четырем канделябрам, окружающим Александровскую колонну, и к главному въезду в Адмиралтейство». Однако «производство опытов не имело успеха», и император «повелел прекратить дальнейшее действие сей комиссии и закрыть оную». Практическое применение для освещения улиц электричества получило лишь в последние десятилетия XIX века⁴⁶².

Древнейшее использование нефти

Первые сведения об использовании нефти восходят к древнейшему периоду. Шумеры, населявшие междуречье Тигра и Ефрата, наполняли ею светильники, а нефтяной битум применяли как цементирующий раствор для изготовления кирпича. Этот кирпич обладал поразительной прочностью – сложенные из него стены стоят до сих пор. Битум использовали для постройки дорог (прообраз современного асфальта), укрепления берегов рек и каналов. С помощью нефти египтяне бальзамировали мумии. Древние медики считали нефть почти панацеей. Описание ее фармацевтических достоинств, составленное римским ученым Плинием Старшим, гласит, что нефть останавливает кровотечение, заживляет раны, излечивает катаракту, в качестве мази снимает подагру, облегчает зубную боль, успокаивает хронический кашель, устраняет одышку, приносит облегчение при ревматизме и лихорадке. Китайцы первыми подошли к добыче нефти наиболее системно – в 347 г. именно в Поднебесной была пробурена первая в мире нефтяная скважина. Рационально использовать нефть – деля ее на фракции – первыми научились арабы. Около 950 г. они построили первые установки для перегонки нефти – перегонные кубы из обожженной глины. У «просвещенных» европейцев «каменное масло» считалось «сарацинским чудом» и использовалось исключительно в медицинских целях⁴⁶³.

В Чечне ещё в далёком прошлом началась добыча и использование нефти в местах её естественного выхода на поверхность. В записях древнегреческих, арабских и персидских авторов уже имеются первые упоминания о наличии и использовании нефти на Северном Кавказе, в том числе и в Чечне⁴⁶⁴. Известно из документа, что в 1788 году чеченский князь Казбулат торговал и имел определённый доход с нефтяных колодцев, расположенных в его владениях⁴⁶⁵. «Имели мы, – писали моздокские казаки в прошении генералу Ртищеву от 4 августа 1811 года, – общую выгоду от мирных чеченских деревень, поселённых на той стороне реки Терека, жителями которых привозилась на продажу чёрная нефть для мазания тележных колёс и продавалась вольною ценою». Позднее, нефть была изъята у чеченцев и стала собственностью Кавказского линейного полка, который сдавал её в откуп. Назрановские и сунженские жители (ингуши и чеченцы) вели контрабандную добычу нефти, которую сбывали на военной Линии⁴⁶⁶.

Пристальное изучение кавказской нефти Россией началось ещё в XVIII веке. Русский академик Иоган Лерхе, путешествовавший по Каспийскому морю в 1735 году, писал относительно нефти: «Нефть – темно-бурого цвета, но когда ее перегоняют, то делается светло-желтого. Есть белая нефть, она несколько мутна, но по перегонке так светла делается, как спирт, и сия загорается весьма скоро»⁴⁶⁷. В 1770 году горячие источники по поручению Академии наук обследовал академик И.А. Гюльденштетт (1745-1781), который, осматривая правый берег реки Терек, описал брагунские нефтяные источники и приблизился к Мамакаевским источникам нефти.

В 1830 году российский химик-минеролог Р.И. Герман (1805-1879), «объезжая Кавказ для исследования свойств минеральных источников» посетил Малую Чечню, и среди прочих описал «нефтяной источник, находящийся в направлении Старо-Юрта и Мамакай-Юрта, в 10 верстах от крепости Грозной... Источник даёт в день 20 вёдер нефти, из которой готовится, в устроенном близ источника помещении, чистое горное масло. Остающийся от перегонки асфальт тут же употребляется вместо топлива под аппаратами для перегонки». Эти слова убедительно свидетельствуют о том, что в 20-х годах XIX века, кроме перегонного завода братьев Дубининых около Моздока, существовали и другие предприятия, перерабатывающие нефть в Чечне⁴⁶⁸.

Начало Грозненской нефтяной промышленности

Генерал Ермолов основал Грозный в 1817 г., а уже через 5 лет Василий Дубинин с братьями устраивают в ближайшем к Грозному населенном пункте, лежавшем на торговой дороге в Россию, Моздоке, завод для перегонки нефти. Вели они это дело свыше 20 лет. Дубинины видели свои заслуги «в обучении тому ремеслу армян и других русских людей и в вывозе сего материала в течение 20 лет многими тысячами пудов во внутреннюю Россию, чем сильно стеснили заграничный привоз сей потребности, с унижением цены, которая от 120 руб. сделалась 40 руб. ассигнациями за пуд». Перегнанные нефтепродукты применялись для освещения и как лечебное средство. В 1847 году в награду за свою производственную деятельность Василий Дубинин был награжден серебряной медалью на Владимирской ленте⁴⁶⁹.

О выделении из земли горючего газа впервые в России стало известно из дневника тверского купца Афанасия Никитина «Хождение за три моря», который в XV веке по дороге в Индию завернул в Сурханы, близ Баку. Он отмечал: «А яз пошел к Дербенту, а из Дербента к Баке, где огонь горит неугасимы». В 1876 году Д.И. Менделеев поставил вопрос о широком практическом использовании попутного газа. Однако российские промышленники до конца века отдавали предпочтение нефти, считая производство газа делом несостоящим. Поэтому даже концу 1916 года добыча природного газа в России была крайне незначительной и составляла чуть более 111 тыс. кубических метров⁴⁷⁰.

В начале XIX века нефть добывалась открытым способом из нефтяных колодцев, а в 1823 году крепостной крестьянин Василий Дубинин вместе с братом построил первый аппарат для переработки нефти⁴⁷¹. Так на Северном Кавказе был сооружён первый не только в России, но и в мире нефтеперегонный завод. С течением времени центром формирующейся нефтяной промышленности в Чечне стал город Грозный. Также выход на поверхность нефти отмечался в районе современных населённых пунктов: Брагуны, Ачалуки, Карабулак, Серноводск, Самашки, Беной, Исти-Су. Выходы нефти наблюдались по берегам реки Аргун, близ села Дуба-Юрт⁴⁷². О наличии здесь месторождений нефти было известно чеченцам очень давно. В 200 саженьях к северу от курорта Брагуны заметны были на поверхности земли выходы тяжёлой нефти из первого нефтяного пласта. Брагуны славились в первую очередь своим мощным горячим серным источником (+90 градусов), но залежи нефти очень давно начали привлекать внимание людей⁴⁷³.

Разработка Брагунских, Исти-Сутских, Беноевских и Чанты-Аргунских нефтяных групп

Местное население добывало нефть с помощью колодцев, глубина которых была от 3 до 10 аршин. Всего в окрестностях Брагунов можно было насчитать до 300 чеченских колодцев. По сведениям горного инженера Леднёва имелись указания, что в Брагунах, на участках князей Таймазовых нефть тарталась с глубины 10-12 сажень – из бурого песчаника⁴⁷⁴. Отсутствие притоков воды в местах залегания нефтяных пластов на Брагунских месторождениях удешевляло проведение буровых скважин и облегчало добычу нефти. Стоимость одной скважины с необходимыми постройками и сооружениями составляла 35000 рублей. Брагуновские источники выгодно отличались от Грозненских из-за удобного доступа к источнику пресной воды. Терек находился всего в 2-х верстах от нефтяных участков, что обеспечивало дешёвое получение пресной воды, тогда как для Грозненских промыслов воду возили в бочках за 15 вёрст⁴⁷⁵.

В 1866 году офицеры из горцев – братья Арсланбек, Султан и Бирахан Таймазовы сдали свой участок площадью около 400 дес. земли – возле селения Брагуны в аренду Исмаилу Али-Оглы и Магомеду Мехти – Оглы на 5 лет под устройство бань (имелись тёплые источники) и добычу нефти за 1400 руб. серебром в год. Их конкурент Мирзоев пытался воспрепятствовать осуществлению этой сделки. Брагунские источники принадлежали князьям Таймазовым и обществу села Брагуны и располагались на площади в 4000 квадратных сажень; 60 колодцев ежедневно давали до 100 вёдер нефти. С 1870 года эти источники стали арендоваться, с оплатой в год по 1400 рублей серебром⁴⁷⁶. Работали на нефтяных приисках в основном местные жители. На эту работу старались устроиться многие чеченцы, т.к. в день они могли заработать до 75 копеек. Управляющие считали их «...достаточно понятливыми и трудоспособными»⁴⁷⁷.

В Алдах несколько конкурирующих иностранных фирм пробурили 6 скважин – в одной из них оказалась нефть⁴⁷⁸.

Истисуйская группа была расположена в Грозненском округе, на земле села Исти-Су. В верховьях реки Ярык-Су существовал единственный в своём роде нефтяной источник, вытекавший из известняка верхнего мелиолита. По сравнительно низкому удельному весу, по небольшому содержанию акцизных смол и малой вязкости, его можно было отнести к источнику лёгкой отбензиненной нефти. Местным жителям давно был известен источник «белой» нефти. На северном склоне хребта Плани

Дук, в лесу, в небольшой луже собиралась лёгкая нефть, которую чеченцы охотно использовали для смазки оружия. Светлая нефть, прежде чем выйти на поверхность, должна была просачиваться по трещинам и плоскостям наслоений через глины, что, весьма вероятно и влияло на её свойства. Этим может быть объяснено различие в качестве нефти – тёмной и светлой⁴⁷⁹. 6 ноября 1866 года унтер-офицер Иван Завьялов заключил договор с жителями села Исти-Су, на право добычи нефти из источников, с обязательством платить обществу ежегодно 400 рублей. Когда Завьялов брал в аренду нефтяные источники, имелось лишь 2 колодца, из которых добывалось нефти во время дождя до 3-х вёдер в день, при отсутствии дождя не менее 1,5 ведра в день. Завьялов выкопал 11 новых ям, затратив на это 300 рублей, но только в одной из них оказалась нефть. Вскоре у Завьялова появились разногласия с жителями села по вопросам эксплуатации участков и арендной платы. В апреле 1867 года он расторг договор. У арендатора Беллика также сложились напряжённые отношения с жителями селения Исти-Су, из-за того, что он не сделал дополнительные взносы сельской общине за использование поверхности их нефтеносных участков земли. С ним договор также был расторгнут⁴⁸⁰. Общество стало само эксплуатировать скважины, добывая нефть в незначительных количествах, идущую на потребность самих жителей села Исти-Су.

В 1872 году в Чаберловском участке, на земле селения Нашхой, по соглашению с жителями села и с разрешения начальника Терской области разрабатывалась и добывалась нефть бесплатно прапорщиком милиции Мударовым. Горцы, бывшие на службе у царского правительства, пользовались особыми привилегиями и всячески поощрялись местной администрацией.

Беновская группа нефтяных источников находилась на земле села Беной, в Веденском округе. Местность залегания нефтяных жил занимала около 50 кв. вёрст. Колодцы, вырытые местным населением, были глубиной от 2 до 6 аршин и располагались в основном по левому берегу реки «Нефтянки». Жители издавна черпали из них нефть зеленовато-бурого цвета, с сильным запахом газа. Чеченцы использовали эту нефть как горючий материал, а также для окраски своих построек, дабы предохранить их от сырости⁴⁸¹. С развитием Грозненской нефтяной промышленности эти места стали активно посещаться рядом геологов, представителями частных фирм, которые ограничивались наблюдениями общего характера. Бенойские выходы нефти изучали геологи: Денисов – в 1886

году и Коншин – в 1892 году⁴⁸². Бенойско – Датахский нефтеносный район обладал рядом преимуществ и редким свойством – сочетанием широких полей отложений с пологим залеганием нефтяных слоёв. Но это строение было связано с надвигом, закрывавшим нефтеносные слои. Чтобы пробить минеральный надвиг и дойти до нефти, к юго-западу от села Гендырген, необходимо было пробурить скважину высотой в 250-450 метров. Наиболее высокая точка водораздела реки Эхкечу была известна под названием «Мехкидетен – корт». Таким обозначением она обязана обильным выходом нефти (по-чеченски «Мехкидетен» означает – земляное масло). Не смотря на высокое положение, здесь имелись многочисленные нефтяные источники. Существование нефтяных источников на высоте свыше 1000 метров, на водоразделе, в условиях горного рельефа, казалось просто невероятным⁴⁸³. По мнению промышленников и геологов той эпохи, каждый район, вне зависимости от его рельефа и расположения, заслуживал пристального внимания. Территория Терской области тщательно изучалась в связи с поисками новых месторождений нефти. В 1910 году была создана большая цветная карта Терской и Дагестанской областей, на которой были обозначены наиболее перспективные месторождения нефти⁴⁸⁴.

В разработке нефтяных источников Беноевской группы пореформенного периода можно отметить два этапа: до 1870 года – аульный; с 1870 – арендный. По статистическим данным при разработке местными жителями нефтяных источников близ Беноя, быстро увеличивалась добыча нефти. Так, если в 1868 году было разработано 1500 пудов нефти, то в 1869 году эта цифра увеличилась до 2362 пудов. Однако к 1889 году нефтедобыча на этом участке снизилась до 328 пудов⁴⁸⁵. Из отчёта начальника Веденского округа мы узнаём, что с 1870 года Беноевские нефтяные источники на основании контракта начинают разрабатываться арендатором Иваном Растамовым. За использование этих участков он вносил плату 1000 рублей серебром в год. Хотя Растамовым и было увеличено количество колодцев до 12, добыча нефти в 1870 году упала по сравнению с 1869 годом в 3,5 раза и равнялась 617 пудам 20 фунтам. В 1871 году добыча нефти арендатором уменьшилась ещё в 6 раз, насчитывая 100 пудов. Добываемая им нефть частью сбывалась в сыром виде, частью перегонялась. Растамов продавал нефть в основном в Хасав-Юрте по 2 рубля 50 копеек за пуд⁴⁸⁶.

Необычайно трудно было доставлять нефть к железной дороге. И. Растамов продавал нефть в Хасав-Юрте в связи с тем, что этот крупный

населённый пункт связывала с Беноевскими источниками отремонтированная дорога. Со станции Хасав-Юрт дорога шла через чеченские сёла: Ярыксу-Аух, Бено-Юрт, Ножай-Юрт, Саурго, Саясан. Передвигаться по этой дороге было довольно опасно и тяжело, т.к. она проходила по высокогорью, а в дождь глина размокала, и колёса скользили, отчего проехать по ней было почти невозможно. В связи с опасностью передвижения, население арендаторам зачастую отказывалось предоставлять лошадей и повышало стоимость перевозки нефти на своём транспорте⁴⁸⁷.

Колодцы хутора Кюренбеной представляли собой восемь ям небольшого размера, местами креплённых деревом, наполненных водой и нефтью. Наблюдалось газирование источников. Нефть собиралась, главным образом, метёлками, с которых она отжималась в вёдра⁴⁸⁸.

Чанты – Аргунская нефтяная группа находилась вблизи реки Чанты-Аргун, около развалин укрепления Ярош-Марды. В 1866 году эта группа официально считалась государственной собственностью. Вблизи Чанты-Аргуна сохранились остатки «двух небольших горских ям», доказывающих первоначальную разработку нефти на этом участке местными жителями. В апреле 1866 года моздокский купец 2-й гильдии, купеческий сын Сергей Цыблов обратился к начальнику Кавказского горского управления с просьбой о выдаче ему разрешения на добычу нефти по обеим сторонам реки Чанты-Аргун. После рассмотрения этого вопроса начальником Терской области 10 августа 1868 года, управлением Аргунского округа было заключено условие на право добычи нефти из указанных источников Цыбловым. Но уже в апреле 1870 года он добровольно отказался от своего права на источник, находя эту операцию для себя невыгодной, и предоставил месторождение обратно в распоряжение правительства. Только после этого Кавказской администрацией было передано право распоряжаться Чанты-Аргунскими источниками тем аульным обществам, на земле которых они находились⁴⁸⁹.

Фактический материал указывает на экстенсивный путь развития нефтедобычи на её первоначальном, «кустарном» этапе, который не приводил к резкому увеличению количества добываемой нефти в данном регионе. Отсутствие реформ, стагнация нефтяной промышленности в Терской области были очевидны. Установление государственной монополии на регулирование нефтедобычи и нефтепереработки на Северном Кавказе не способствовало развитию частного предпринимательства. Отсутствие высокотехнологических производств, кредитных банковс-

ких средств, путей транспортировки нефти и продуктов её переработки – тяжело сказывались на нефтяной отрасли. Всё говорит о том, что обветшалому мануфактурному производству, основанному на несложной технике, ручном труде и откупной системе, давно уже следовало уступить дорогу современному, хорошо организованному производству, основанному на машинной технологии, свободном предпринимательстве и конкуренции. Отмечая большую заинтересованность капиталистов в сравнении с государством, подполковник Браковский писал: «Вековой опыт убедил, что казна – дурной антрепренер и надо обратиться к частной инициативе»⁴⁹⁰.

Залежи высококачественной нефти, обилие дешёвой рабочей силы давали возможность извлекать баснословные прибыли. Так, если за 60 лет, с 1833 по 1893 год колодезным способом было добыто 3,5 млн. пудов нефти, то после начала промышленной добычи, за один только 1893 год было добыто 8 млн. пудов нефти⁴⁹¹. Формы эксплуатации земельной нефтеносной собственности задерживали рост технического прогресса в нефтедобыче. Капиталовложения в строительство путей сообщения требовали длительных сроков аренды. Отсутствие жилищного строительства нефтепромышленники объясняли непосредственно условиями аренды. На ходатайство нефтяных компаний о продлении срока аренды, представители Терского войска, как собственника нефтеносных земель, отвечали следующее: «Вопрос о сроке аренды нефтяных участков необходимо рассматривать...со стороны интересов Терского войска. Продление срока аренды на прежних условиях несёт ущерб войску...» Короткий срок аренды гарантировал землевладельцу более полное получение ренты и присвоение части капиталовложений нефтепромышленников⁴⁹².

В конце XIX века поисково-разведочные работы бурением скважин начинаются на Вознесенской, Карабулакской и других площадях Чечни и Ингушетии. Для дальнейшего развития геолого-поисковых и разведочных работ на нефть и газ важное значение имели результаты исследований Геологического комитета, проведенных в самом начале XX века и открытие Новогрозненского месторождения нефти в 1913 г. По результатам геологических исследований были составлены карты нефтенасыщенных пластов и литолого-стратиграфические схемы нефтеносных участков. Добыча нефти из Новогрозненского месторождения к 1917 г. (за четыре года) достигла 638 тыс. тонн⁴⁹³.

Установление откупной системы в нефтяной отрасли

Откупная система установилась на Тереке не позже 1811 года (в Баку с 1907 г.). Её суть состояла в том, что владельцы нефтеносных земель за определённую сумму и на определённый срок сдавали все (т.е. те, которые существовали и которые могли быть открыты) нефтяные источники предпринимателям.

До последней трети XVIII века нефтяные земли являлись собственностью чеченских сельских обществ. По мере продвижения русских войск на Кавказ, нефтяные колодцы, в конце концов, оказались позади выдвинувшейся на юг русской границы. Казна, нуждавшаяся в деньгах, изыскивала новые источники доходов. Нефтяные колодцы, как сообщала газета «Кавказ», – «...были потом подарены казакам». 6 станиц Кизлярского отдела располагались на землях изгнанного чеченского населения, а станица Барятинская (Горячеисточненская) соседствовала с крупным плоскостным селом Старый Юрт (Толстой-Юрт), из-за чего староюртовцы были лишены части своих земель. Станица Кахановская, в частности, была основана в 1860 г. на месте села Умахан-Юрт в излучине нижней Сунжи и находилась почти в окружении 14 чеченских сел, принявших избранных умаханюртовцев в число своих жителей.

Всего на Сунженской линии горцы лишились 262946 дес. плоскостной земли. Такое положение создавало серьезные предпосылки для враждебности соседствующего чеченского и казачьего населения края. С открытием нефтяных месторождений в этом районе и осознанием горцами связанных с этим прибылей, львиная доля которых доставалась новым хозяевам, чеченцы поняли, какого источника повышения благосостояния они лишились. Только на небольшой части нефтеносных земель были расположены чеченские села Алды и Новые Алды вблизи Грозного. Но и у этих сел тянулись территориальные споры с соседними казачьими станицами – Ермоловской и Грозненской⁴⁹⁴.

Геолог А.М. Коншин, исследовавший историю Грозненских нефтяных промыслов, писал о том, что войско начало сдавать колодцы в аренду с 1833 года⁴⁹⁵. 16 февраля 1845 года Николай I рескриптом на имя наместника Кавказа Воронцова утвердил «Положение о Кавказском линейном войске». В параграфе №154 «Положения» говорилось, что «в знак особого благоволения...в пользу войска предоставляется всемилостивейше пожалованный ему доход от нефтяных источников близ крепости Грозной». За 57 лет существования откупной системы, с

1833 по 1890 год, войско имело 152500 рублей серебром чистого дохода, получая, таким образом, в среднем в год с каждого откупщика 5647 рублей. Откупная система, применявшаяся в нефтяной промышленности, была характерным явлением крепостной эпохи. Она избавляла государство (войско) от излишних хлопот – содержания специального аппарата для эксплуатации источников или для взимания налогов за продажу нефти. Вывозом нефти от источников к рынкам сбыта и местам потребления занимались, по – найму, главным образом её бывшие владельцы – чеченцы⁴⁹⁶.

Нефтяной бизнес, как главный доход Терского казачьего войска

«Хозяином» богатых нефтяных участков являлось Терское казачье войско, которое как собственник земли получало в виде земельной ренты до 1 млн. рублей дохода⁴⁹⁷. Терское казачье войско выделило себе на Грозненской группе источников 15 десятин и на Мамакаевской – 10 десятин, а затем сдавало обе группы в аренду. Смежные с войсковыми нефтяными источниками земли были оставлены войском в собственность Алхан-Юртовской и Грозненской станицам⁴⁹⁸.

Здесь необходимо заметить, что доходы с нефти шли не только в бюджет войска, но и, в виде вознаграждения за отчуждаемую землю, в бюджет станиц. Согласно правил, от 22 мая 1894 года, источники нефти, расположенные на станичных землях, считались принадлежностью войска и в случае разработки отчуждались, а станичным обществам выдавалось или денежное вознаграждение или дополнительно отводилась земля.

Добыча нефти велась как на войсковых, так и на частновладельческих землях, но 9/10 всего количества нефти было добыто на землях Терского казачьего войска⁴⁹⁹. Там, где нефтеносный пласт пересекал земли войска, чеченских обществ и частных владельцев, предприниматели старались не иметь дело с чеченцами, т.к. Кавказское горное управление регулярно отказывало арендаторам в отводах на этих участках земли под разработку нефти. Проще всего оказывалось заключать аренду с войском, в этом плане конкурентную борьбу оно с успехом выигрывало⁵⁰⁰.

Если общий доход с нефтяной промышленности взять за 100%, то промышленники получали 35%, казна 32%, собственники земли 24% и посредники 9%⁵⁰¹.

Терское войско проявило большую активность в нефтяном бизнесе. Обычные условия аренды их земель, это: выплата 150 рублей за каждую десятину и дополнительно 2–6 копеек за каждый пуд добытой нефти. В 1903 году на принадлежавших Терскому войску землях было добыто более 32,4 млн. пудов нефти; в 1907 году – 38,6 млн. пудов; в 1911 – 74,5 млн. Вместе с тем роль войска в нефтяном бизнесе была узкой и ограничивалась сдачей в аренду земельных участков. Полученные доходы, как правило, не возвращались в отрасль в качестве новых капиталовложений, а расходовались на другие цели: содержание войсковых учреждений, выплату разного рода пособий, финансирование сельскохозяйственных работ. Значительная часть вырученных средств вкладывалась в разного рода ценные бумаги. Прилив денег в казну Терского казачьего войска позволил развернуться войсковому строительству, обслуживающему нужды войска, и это строительство зиждилось на нефтяном фундаменте. В целом Терское казачье войско приходится рассматривать как организм, паразитирующий на развивающемся Грозненском промышленном районе⁵⁰². При реформировании нефтедобычи и нефтепереработки резко должна была увеличиться производительность, что привело бы к большому приросту валового налогового дохода, которым пришлось бы делиться с общегосударственной казной, была бы введена ещё большая отчётность и ревизионность. Без реформирования, в условиях откупной системы, Терское областное правление полновластно распоряжалось всеми источниками доходов на территории области. Теперь уже в большинстве случаев не жители селений распоряжались недрами земель, испокон веков принадлежавших им по праву наследования, а государство или давало это право общине, или заключало сделки с арендаторами, не согласуя свои решения с жителями тех земель, где происходила нефтедобыча. Органы государственного управления не могли запретить коренным жителям пользоваться нефтяными источниками на их территории, хотя бы в силу невозможности контроля, но роль государства была наглядно продемонстрирована в форме распоряжения земельной собственностью⁵⁰³. Иногда государство, в виде исключения, разрешало чеченцам заключать длительные договоры с арендаторами на эксплуатацию их нефтеносных земель. 18 апреля 1915 года жители села Новые Алды, насчитывавшего 520 дворов, общественным сходом постановили отдать в аренду на 24 года 20 десятин земли Степану Трофимовичу Лианозову. Удивительно, но в то время «светски» неграмотное население,

не имевшее юридической помощи, сумело составить очень грамотный в правовом отношении документ, прописывавший мельчайшие нюансы взаимоотношений общины с арендатором. На сегодняшний день, целиком сохранился дошедший до нас юридический документ, показывающий степень адаптации коренного населения в условиях капиталистического развития, его грамотный подход к возникающим жизненным ситуациям. Приведём выдержки из этого контракта:

1) Лианозов обязан уплатить обществу по 5 тыс. рублей за каждую десятину. Если владение участками в течении арендного срока будет нарушено правительством или административной властью, которая воспрепятствует владению и добыче нефти и признает приговор недействительным, то задаток по 200 рублей с десятины останется в пользу общества, остальное возвратиться Лианозову.

2) Арендowanными участками Лианозов может пользоваться как для сельскохозяйственной надобности, так и для устройства торговых и промышленных предприятий.

3) Общество для подвоза материалов, труб отводит дорогу, которой Лианозов должен пользоваться, а если им будут причинены убытки на указанной дороге – должен уплатить обществу убытки по справедливой с обеих сторон оценке.

4) Лианозов или его правопреемники при разработке нефти или руды обязаны уплачивать обществу сверх арендной платы за землю ещё по 2 копейки за каждый пуд добытой нефти – 4 раза в год. За несвоевременную уплату попудных денег арендатор выплачивает обществу Новые Алды пени, 1 месяц просрочки по 1% с рубля, второй по 2% и т.д.

5) Для учёта добываемой нефти общество имеет право поставить на арендных участках своего собственного контролёра, которому Лианозов обязан предоставить на промыслах соответствующее помещение – 2 комнаты с отоплением и освещением.

6) По окончании арендных сроков Лианозов в течение 6 месяцев должен очистить отведённые участки от всех строений. Причём всё не вывезенное в течение этого срока с участка оборудование, в том числе трубы и буровые скважины – переходят в собственность общества.

7) Всякие претензии и иски должны разбираться в суде.

Под общественным приговором подписались уполномоченные жители селения Новые Алды: Уди Шантукаев, Шамиль Исаков, Магомед-Мирза Такаев, Эльмурза Капланов⁵⁰⁴.

Чеченская нефтяная предпринимательская элита

Представители офицерского сословия входили также и в чеченскую предпринимательскую элиту. Самый известный чеченский нефтепромышленник А. –М.Чермоев не только происходил из офицерской семьи, но и сам был офицером, получившим ранение в бою. Интересно, что предпринимательский успех пришёл к нему после того, как ему удалось взять в аренду нефтеносные участки у селения Алды. При этом А. –М.Чермоев предложил алдынскому обществу не только 30000 рублей в качестве единовременной выплаты, но и гарантировал специальным договором передачу четвёртой части доходов от добытой на этих участках нефти. В то время никто другой не предлагал чеченским крестьянам таких условий и А. –М.Чермоев имел полное право утверждать, что нефтеносные участки он получил лишь потому, что алдынцы «..давно убедились в том, что мне дороги их интересы и что в своей деятельности я всегда готов поступиться своими личными интересами для пользы родного мне селения».

Надо сказать, что молодая национальная буржуазия довольно быстро начала осознавать свои собственные интересы, связывая их с интересами чеченского народа. Исходя из этих позиций требование известного депутата Гос.думы от горцев Терской области Т. Эльдарханова «остановить расхищение природных богатств края до полного разрешения земельного вопроса» можно рассматривать как первое проявление претензий национальной буржуазии на контроль над природными ресурсами Чечни.⁵⁰⁵ Чеченский князь Туган Алхазов – инженер по нефтедобыче, являлся одним из первых учеников П.К. Услара. В книгу П.К. Услара «Чеченский язык» (Тифлис 1862 г.) вошли фольклорные материалы, записанные со слов Т.Алхазова⁵⁰⁶. С 1890 по 1911 год правительственный надзор за Грозненской нефтяной промышленностью осуществлял горный инженер IV Кавказского горного округа – чеченец Магомед Омарович Омаров⁵⁰⁷. Чеченский шейх Шаптукаев был одним из организаторов нефтепромышленного общества «Старо-Юртовская нефть»⁵⁰⁸. Крупные шейхи выступают в качестве самостоятельных общественных деятелей, отстаивающих собственные экономические и политические интересы, что объективно способствует сближению этой социальной группы с быстро формирующейся национальной предпринимательской и военно-бюрократической элитой. Этот процесс нашёл отражение, в частности, в обеих нефтяных компаниях, созданных чеченским национальным

капиталом. Так, компаньонами А.-А. Шаптукаева в компании «Старогрозненская нефть» выступают крупные чеченские купцы и предприниматели Баширов, Бадуев, Батукаев и Мирзоев, а крупный коммерсант и шейх Юсуп-Хаджи Байбатыров известен близостью к крупнейшему нефтяному магнату Абдул-Межиду (Топе) Чермоеву⁵⁰⁹. А – М. Чермоев, после Октябрьской революции покинул родину. Проживая во Франции, согласно Особому архиву французской службы безопасности, числился в масонской ложе «Сюрте Женераль»⁵¹⁰. Крупным нефтепромышленником, землевладельцем, одним из первых чеченских миллионеров был сын полковника Шеды Эльмурзаева – Ахметхан Эльмурзаев⁵¹¹.

Несмотря на то, что многие чеченские предприниматели пробовали себя в нефтяном бизнесе, лишь не многие сумели заработать, а главное сохранить многомиллионное состояние. Неудачное вложение капиталов, например, привело к разорению Айдемировых, Уцмиевых, Таймазовых. Последние, кстати, неплохо зарабатывали до отмены откупной системы, сдавая в аренду принадлежавшие им нефтяные колодцы. Чеченская устная традиция рассказывает об одном из неудачливых предпринимателей – Абубакаре Чермоеве, который, первоначально сказочно разбогатев, построил в Грозном большой трёхэтажный особняк. Однако после революции 1917 года, оставшийся не только без прежнего богатства, но и большинства близких родственников, Абубакар кормился подаванием на улицах Грозного.

Видные представители чеченского духовенства, тот же Дени Арсанов и Сугаип – мулла Гайсумов, тоже пытались (правда, неудачно для себя) принять участие в нефтяном бизнесе. Ничего порочающего их в этом нет. Поскольку ислам считает предпринимательство делом богоугодным. Из подсчётов, проведённых Х.С. Ахмадовым, следует, что чеченские предприниматели были удачливее других в сложном деле получения разрешения властей на отвод участков для проведения разведки на наличие полезных ископаемых. Чеченцы и ингуши составляли менее 21% от числа лиц, подавших соответствующие заявки. Однако они составляли уже более 27% от лиц, которым подобные разрешения были выданы. Вместе с тем официальная статистика по Терской области свидетельствует, что наиболее перспективные участки неизменно переходили к крупным нефтяным фирмам. Чеченские предприниматели работали в тесном союзе с деловыми людьми других национальностей. Надо полагать, что российские и иностранные партнёры ценили в чеченских предпринимателях наличие местных связей и деловую хватку. Так,

осетин В.Д. Кулаев сотрудничал с чеченцами В.Д. и Г.П. Дышниевыми; Абдул-Межид Магомедович Мутушев счёл полезным для себя союз с Н.З. Рутенбергом⁵¹². Заметим, что среди служащих «Англо-Русского Максимовского общества» и общества «Русский стандарт», как правило, представителей народов Северного Кавказа не было⁵¹³.

Рабочие-нефтяники

Разумеется, чеченцы попадали в Грозный не только в качестве предпринимателей, купцов или государственных служащих. Немалое количество крестьян шли в город в поисках временного или постоянного заработка. По данным А.И. Хасбулатова, чеченцы и ингуши составляли более 11 процентов от общего числа рабочих шести нефтепромышленных фирм Грозного. Немало было чеченцев, ставших профессиональными рабочими. Четвёртая часть бурильщиков, слесарей, мотористов и других специалистов были чеченцами. Промышленное отходничество особенно увеличилось в 90-е годы XIX века, когда была ликвидирована откупная система и предприниматели с началом промышленной добычи нефти остро нуждались в рабочей силе. На нефтяных приисках рабочий-черпальщик мог заработать в месяц 8 рублей, кузнец 20 рублей, бондарь 23 рубля, а плотник 25 рублей⁵¹⁴. На Грозненские нефтепромыслы шли в основном молодые горцы. Большинство прибывших на промыслы были холостыми (69,3% учтенного количества рабочих чеченцев и ингушей)⁵¹⁵.

В Грозный, на нефтяные промыслы ежегодно пребывало 4000-5000 рабочих. Из них около 1/5 приезжали в разное время по одиночке – это мастеровые, работу они находили быстро на металлических и литейных производствах. Остальные 4/5 – были чернорабочими, они прибывали небольшими партиями. Эти группы подолгу оставались без работы и часто покидали город, не найдя заработка, т.к. требование на чернорабочих в Грозном вполне удовлетворялось местными жителями⁵¹⁶. Нефтяное производство сопровождалось мастерскими, где также требовалась рабочая сила. На Ахвердовских промыслах работали механические мастерские, где выполнялись токарные и кузнечные работы, работы по ковке выполнял паровой молот. В мастерской строгали, обтачивали и буравили железо и медь. Под напором парового молота раскаленное железо превращалось в тонкие и длинные пластины. Все эти работы требовали

определенной квалификации, навыков и опыта⁵¹⁷. Несмотря на такую острую необходимость в рабочих руках в условиях промышленного бума, правительство выпустило несколько ограничительных правовых актов, касающихся вайнахских отходников. В 1891 году было издано постановление, запрещающее проживать в черте Грозного и Владикавказа всем чеченцам и ингушам, не состоящим на государственной службе. Вскоре, 14 мая 1893 года, вышла директива, запрещающая горскому населению работать на промышленных предприятиях города Грозного⁵¹⁸.

Формирование кадров рабочих-нефтяников шло главным образом за счет местного русского и горского населения Кавказа, а также крестьян-отходников из центральных губерний России. Особенно много приезжало отходников из Пензенской, Тамбовской и Казанской губерний. Наиболее многочисленными были казанские татары. Особой прослойкой на грозненских промыслах были поляки, сосланные сюда после подавления восстания 1863 г. Грозненский и Бакинский нефтепромышленные районы сыграли для судеб тысяч дагестанцев – отходников исключительно важную роль. В этих двух наиболее крупных центрах Кавказа шел непрерывный процесс обновления пролетариата за счет дагестанских отходников⁵¹⁹. Многим жителям Дагестана приходилось покидать свои аулы в поисках средств к существованию. Из каждой тысячи человек населения на заработки уходило значительно больше людей, чем по 38 губерниям России. Причем больше всего отходников уходило из Темир-Хан-Шуринского, Гунибского, Казикумухского и Даргинского округов. Отходники в основном искали себе работу на нефтеразработках в Грозном, Баку, Майкопе. В общем, около 60 тыс. дагестанцев большую часть года находились в сфере промышленного производства⁵²⁰.

Основная масса рабочих проживала в поселках на нефтяных промыслах, находившихся в радиусе 5-16 км. от Грозного. Здесь нефтяники ютились в землянках и маленьких плетеных домиках с плоскими крышами. Многие рабочие жили в казачьих хуторах, расположенных вдали от промыслов. Ни один из рабочих поселков не имел водопровода. Питьевую воду привозили из Грозного и реки Сунжи, находившейся на расстоянии 11-17 км; выдавали ее строго по норме (четыре ведра на семью в сутки); для мытья, стирки и прочего пользовались дождевой водой или брали ее из буровых скважин. Рабочие разных национальностей еще сохраняли отличия в одежде. Горцы и терские казаки носили в нерабочее время черкеску, русские старожилы Кавказа надевали специальную форму «мастерового» нефтяных промыслов⁵²¹.

В конце 90-х гг. нефтяной бум в Грозном достигает апогея: чуть ли не все лучшие дома города оказались занятыми под нефтяные конторы и частные квартиры «нефтяников», в результате в Грозном возникает квартирный кризис. На наем квартир у работников нефтяных промыслов уходило до 20-30% заработной платы. Квартиры, которые получали от хозяев немногие «счастливчики», даже буржуазные газеты называли «саклями» и «свинятниками». Рабочие (холостяки) жили в бараках, которые очень напоминали «...общие тюремные камеры»⁵²². В 1898 году нефтепромышленники разработали правила внутреннего распорядка на нефтяных промыслах, состоящие из 46 пунктов. В этих правилах требовалось, чтобы чеченец, ингуш или казак предоставляли от начальника своего округа или атамана удостоверение о благонадёжности. Таким образом, бизнесмены ограждали себя от притязаний властей по укрытию «неблагонадёжных элементов» на своём производстве. Тем не менее, именно Грозненские нефтепромыслы, а не сельские районы Чечни, в 1905 году стали главным очагом политической нестабильности в области⁵²³. В Грозном к 1905 г. насчитывалось более 11 тыс. рабочих, из них до 6 тыс. – рабочие нефтяных промыслов, до 3 тыс. – рабочие-железнодорожники, 650 – рабочие нефтеперегонных заводов, 1600 – рабочие городских предприятий и т.д.⁵²⁴.

Деятельность съезда Терских нефтепромышленников

В условиях, когда государственная администрация не могла эффективно решать весь комплекс проблем, связанных с развитием грозненского нефтепромышленного района, эти функции взял на себя съезд Терских нефтепромышленников и его Совет, созданный еще в 1898 году. Съезды терских нефтепромышленников собирали представителей всех Грозненских нефтяных компаний. Претворение в жизнь принятых решений поручалось постоянно действующему рабочему органу – Совету съезда Терских нефтепромышленников. Последний регулировал отношения непосредственно между нефтяными компаниями, разрабатывал ценовую политику, составлял рекомендации для властей, определял размеры отчислений на развитие промышленной инфраструктуры и т.д.

Большое внимание уделялось Советом съезда Терских нефтепромышленников урегулированию так называемого «рабочего вопроса». Согласно «Положению об организации Совета съезда Терских нефтеп-

ромышленников» от 23 марта 1899 года все действовавшие в Грозном нефтедобывающие компании обязаны были производить специальные отчисления в размере 1/5 копейки с каждого пуда добытой нефти для развития социальной сферы. К 1910 году это добровольное обложение давало в распоряжение Совета съезда терских нефтепромышленников ежегодно до 100 тысяч рублей, которые шли на строительство и содержание на нефтяных промыслах больниц, амбулаторий, школ, молитвенных домов и других социальных учреждений. Совет из своих средств построил для рабочих мусульманскую мечеть и планировал строительство православной церкви; построил и содержал телефонную станцию, дороги, мосты, приступил к устройству почты и сберегательной кассы. Кроме того, намечалось сооружение здания для полицейских чинов и содержание специальной промысловой охраны в составе пристава, его помощника, канцелярских чинов и 40 конных и пеших нижних чинов.

По требованию Совета съезда Терских нефтепромышленников с 1 июня 1906 года каждая нефтяная фирма создала так называемый «больничный фонд», из которого выплачивалось пособие заболевшим рабочим. Помощь из «больничного фонда» предоставлялась рабочим на более выгодных условиях, чем это предусматривалось Уставом больничных касс, создаваемых по распоряжению властей. Поэтому Совет рекомендовал открывать больничные кассы только на тех грозненских предприятиях, где не действовал «больничный фонд». Со временем выплаты из «больничного фонда» достигли довольно больших размеров. На оказание медицинской помощи на каждого рабочего выделялось 13 руб. 50 коп., а на жителя промыслов – 9 рублей. Для сравнения: в крупнейшем угледобывающем центре Юга России – Екатеринославе – аналогичные расходы были в 8-12 раз меньше⁵²⁵.

Тяжелые условия жизни и работы являлись причиной высокого уровня травматизма и заболеваний среди рабочих. Только в 1907 году на нефтепромыслах, где было задействовано 2566 рабочих, произошло 837 несчастных случаев, в том числе 4 со смертельным исходом. За 5 лет, с 1908 по 1912 гг., количество больных, лечившихся в рабочей больнице на промыслах, возросло с 442 человек до 1054. В том числе с различными травмами – с 78 до 336, с ранениями – с 68 до 99. Только летом 1903 года в России был принят закон, предусматривавший обязательную выплату пособий рабочим и служащим, пострадавшим в результате несчастного случая на производстве. До этого владельцы предприятий обязаны были выплачивать компенсацию лишь в том случае, если несчастный случай

произошел по их вине. Сложилась практика, когда хозяева предприятий напрямую договаривались с пострадавшими рабочими о размере выплачиваемых компенсаций. Как правило, размер таких единовременных выплат был невелик и утративший работоспособность рабочий, и его семья вскоре оказывались в тяжелейшем материальном положении, однако, получив деньги от хозяина, рабочий уже не мог требовать выплаты пособия через суд.

По статистике в нефтяной промышленности России за 1909-1916 гг. на 1000 рабочих приходилось в год 99,2 несчастных случаев, из них тяжелых (смертельных и с постоянной утратой трудоспособности) 22,96 несчастных случая. Наибольшее количество несчастных случаев приходилось на бурение (25,1 %) и на обработку металлов (25,4 %), затем большое количество несчастных случаев падает на различные работы, связанные с перемещением в ручную тяжестей (9 %), на различные виды транспорта (7,8 %), на строительство (15,5 %), на добычу нефти (3,8 %), на перекачку нефти (1,4 %); остальные несчастные случаи происходили на других видах работ⁵²⁶.

К профессиональным заболеваниям, выявленным среди рабочих Грозненской нефтяной промышленности прежде всего относили так называемую «парафиновую болезнь» (поражение кожи), катары верхних дыхательных путей, особенно у рабочих, обслуживавших сортировочные отделения нефтеперегонных и масляных заводов и др. Было выявлено, что рабочие нефтяной промышленности, по сравнению с населением вообще, гораздо чаще (в 3-4 раза) страдают заболеваниями периферической нервной системы. Также особенно часто выявлялось хроническое воспаление слизистой оболочки глаз. Основной причиной, вызывающей указанное заболевание, являлось раздражающее действие газообразных продуктов нефти. В той или иной мере, с действием газа приходилось сталкиваться почти всем работникам нефтяной промышленности; заболевало в среднем 10 % рабочих⁵²⁷.

Большую помощь в деле открытия новых больниц могли сыграть земства. Представители крупнейших нефтяных компаний выступали за введение земства в Терской области. Совет Съезда Терских нефтепромышленников предлагал выделить нефтепромысловый и заводской районы Грозного в отдельную земскую единицу, самостоятельно входящую в областное земство, с предоставлением Съезду Терских нефтепромышленников прав и обязанностей уездных (окружных) земских собраний, а его Совету – уездных (окружных) управлений. Кроме того, Совет предлагал не облагать грозненские нефтепромышленные

компании земским сбором, так как по решению съезда они уже и так взяли на себя содержание школ, больниц и производили другие выплаты на общественные нужды. Так, в 1910 году расходы Совета съезда на школьное дело, при пересчете на каждого жителя грозненских промыслов, составляли 2 руб. 50 коп., а на каждого рабочего – 3 руб. 40 коп. В 1911-1912 гг. размеры всех пособий, ежегодно выделяемых рабочим, достигли 27 тыс. рублей⁵²⁸.

Перевозка нефтепродуктов к местам сбыта осуществлялась гужевым способом. Нефть и продукты её производства перевозились в деревянных буковых бочках: 50 – пудовых для мазута и сырой нефти и 25 пудовых для керосина и бензина. Перевозкой, в основном, занимались чеченцы. Откупщики вступали в соглашение с горцами, которые «...уговаривались о перевозке нефти и, получая за это плату, обязывались вместе с тем, и уже бесплатно, даром стеречь источники, охранять их от засорения, выжигания и прочего, лишь бы только монополия перевозки принадлежала им». Вывоз нефти из войсковых источников для продажи, без ведома арендатора, запрещался⁵²⁹. Случаи воровства нефти были в то время не редки. В январе 1897 года жители Васильева хутора остановились около амбара Мамакаевского промысла и стали ведрами черпать нефть, наполняя свой бочонок. Сторож, заметивший это, прибежавший к ним, был связан и избит. Только благодаря буровым рабочим, услышавшим его крики, этот случай не имел печальных последствий⁵³⁰.

В Грозненской и Мамакаевской балках с давних времён производилась добыча нефти при помощи колодцев, которые с 1833 года начали сдаваться в аренду разным лицам⁵³¹. Площадь, на которой обнаруживали признаки нефтеносности, в пределах Терской области, занимала в 1890 году около 9 тыс. кв. вёрст⁵³². Грозненские нефтяные промыслы начинались от города в 17 верстах и тянулись на 5-6 вёрст⁵³³. Арендная плата с 1855 года не превышала 5 тыс. рублей и количество добываемой нефти точно неизвестно. С 1855 по 1860 год источники находились в аренде у купца Чикалова, который в год добывал до 15 тыс. вёдер нефти и платил Терскому казачьему войску от 7 до 12 тыс. рублей⁵³⁴. С 1860 по 1865 год источники находились в аренде у купчихи Савдигаровой, причём годовая арендная плата возросла до 13250 рублей в год, а добыча нефти до 20000 вёдер⁵³⁵. Кизлярская купчиха Савдигарова владела заводом для выделки фотонафталя при станции Наурской, но в 1863 году её завод сгорел. Истреблено было нефти и имущества на 17981 рубля серебром. В результате этого пожара предпринимательница обанкротилась, арендованные ей

нефтеносные участки были отданы на откуп на торгах, проводившихся в апреле 1865 года. Наивысшая плата была предложена титулярным советником Иваном Минаевичем Мирзоевым. И.М. Мирзоев был известным промышленником на Кавказе, обладал большими капиталами и являлся почётным гражданином города Тифлиса. С 1865 по 1885 год нефтяные промыслы были в аренде у И.М. Мирзоева, развившего добычу нефти до 66500 пудов в последний год аренды⁵³⁶. Мирзоев арендовал у войска три группы – Грозненскую, Мамакаевскую и Карабулакскую – за общую ежегодную плату в 13375 рублей. При этом практиковавшееся ранее бесплатное получение войском ежегодно 600 пудов нефти было отменено и заменено денежной платой войску 13615 рублей. Иван Минаевич, арендовав у войска участки земли, на первых порах приступил к постройке на Грозненской группе – нефтеперегонного завода. В 1873 году в Терской области насчитывалось два нефтяных завода и один фотогеновый. Продажная цена 1 пуда нефти на месте её добычи у Мирзоева была несколько ниже, чем у Савдигаровой и составляла 1,5 рубля. В первые годы цена за 1 пуд фотогена на заводе Мирзоева была 2 рубля и выше. В арендной описи Мирзоева указывалось, что с поверхности четырёх неглубоких колодцев Мамакаевской группы собирали 10-12 вёдер нефти в сутки. Грозненская, Мамакаевская и Карабулакская группы колодцев занимали площадь в 77000 квадратных сажень. Если в 1869 году насчитывалось 82 колодца, то в 1870 году их количество увеличилось до 85.

С 1885 по 1892 год Грозненское месторождение арендовал владимирский купец Интабух (по другим сведениям Нитабух), увеличив производительность до 450000 пудов в год⁵³⁷. Интабух провёл некоторые мероприятия по улучшению колодцев, очистил и углубил их до 40-50 метров⁵³⁸. Над колодцами были устроены ручные ворота, приводимые во вращение каждый 2 рабочими. Нефть поднималась кожаными мешками, вместимостью от 4 до 5 вёдер. Затем она выливалась в корыто, на дне которого сделано отверстие, закрываемое деревянной пробкой. Отстоявшуюся воду в корыте спускали, а нефть вычёрпывали ведром и выливали в воронку, из которой она шла по железным трубам в каменный бассейн. Суточная добыча чистой нефти из 2-х колодцев составляла 1800 вёдер, это было около 1170 пудов⁵³⁹. Первый нефтеперегонный завод, построенный на Соляной балке, что на Старых промыслах города Грозного, вырабатывал керосин. В 1891 году завод сгорел⁵⁴⁰.

На Кавказе остатки от нефтяного производства использовали довольно часто. Соляное масло и тяжёлый бензин шли на отопление.

Лёгкий бензин, предварительно очищенный серной кислотой и содой, шёл на продажу, а мазут – на смазку колёс⁵⁴¹. Главная масса нефтяного остатка составляла маслянистое вещество, имеющее неприятный запах, но обладающее свойствами жирных масел. Благодаря этому, остатки стали употреблять для смазки машин. Для железных дорог изготавливали смазки, содержащие тяжелое нефтяное масло, в котором растворен каучук (для густоты и вязкости). За границей давно уже стали использовать нефтяные остатки в промышленном производстве. Завод Юнга в Шотландии ежегодно поставлял много нефтяных продуктов для смазки колес на шотландских железных дорогах. При перегонке нефтяных остатков получался кокс и газ. В Америке был весьма распространен переносной аппарат, для получения осветительного газа из нефтяных остатков и из самой нефти. Нефтяные остатки также употреблялись повсеместно вместо дегтя⁵⁴².

Как быстро шло увеличение притока нефти в Грозненских колодцах в связи с их углублением, видно из следующего сопоставления⁵⁴³.

Год	Глубина (сажень)	Суточный приток (в пудах)
1876	13	37
1885	17	100
1888	19	280
1890	21,5	1000
1891	21,5	1000

Применительно к Грозненскому нефтеносному району ценные факты содержатся в работах видного геолога Е.М. Юшкина. Рассмотрев развитие промышленности за 16 лет (1892-1908 гг.), автор разделил их на три этапа, назвав первый «периодом увлечений» (1895-1896), второй «периодом разочарований» (1897-1898) и лишь с 1901 года в Грозном, по мнению Е.М. Юшкина, начался третий «период правильной и серьезной эксплуатации, что есть чему поучиться и бакинцам»⁵⁴⁴.

С прекращением военных действий на Кавказе, этот богатейший край стал быстро развиваться не только в культурном отношении, но и в смысле роста заводских, фабричных и горных предприятий⁵⁴⁵. До 1883 года нефтяная промышленность не обращала на себя серьезного внимания правительства, на неё смотрели как на мелкий доход Кавказского

края и то отдавали её на откуп, то брали в казённое управление. Однако уже в 1887 году Россия начала употреблять 18 млн. пудов керосина, что заставило взглянуть на нефтяную отрасль по – другому⁵⁴⁶. Поступая на рынки империи, кавказский фотоген сохранял внутри государства сумму в 20 млн. рублей, тратившуюся на покупку американского фотогена⁵⁴⁷. Спрос на бензин превышал количество его выработки, масса бензина требовалась для газовых моторов. Вывоз бензина из Баку был возможен только во время навигации. Между тем, вырабатываемый в Грозном бензин находился рядом с железнодорожной станцией и мог вывозиться в течение круглого года. Грозненская нефть, в силу её технических свойств, заменяла дёготь и в то же время была ниже его по стоимости. А ведь в то время колёса смазывались именно дёгтем. Таким образом, Грозненская нефть стала крайне необходима стране, т.к. по некоторым показателям обходила Бакинскую⁵⁴⁸.

В Европе русский керосин в небольших объемах появился впервые в 1882 году. Этот год можно обозначить как первую попытку выхода российских нефтепродуктов на европейский рынок. В 1890 году из России на экспорт было поставлено 41 млн. пудов, в том числе на европейском рынке было реализовано 28,7 млн. пудов российского керосина. В конце XIX века вектор российского керосинового экспорта теперь уже четко указывал на Восток. Так, если в 1893 году в Европу было поставлено 22 млн. пудов керосина, то на Восток – уже 28 млн. пудов⁵⁴⁹. В конце XIX – и начале XX веков в импорте нефтепродуктов на рынки Османской империи Россия занимала первое место. Нефтепроводы, которые были построены в конце XIX в., нефтесклады и танкеры для транспортировки нефти служили для перевозки нефтепродуктов на рынок «Ближний Восток – Османская империя»⁵⁵⁰.

И.А. Ахвердов

Первым предпринимателем, заложившим буровые скважины, вместо существовавших тогда в Грозном примитивных нефтяных колодцев, был владикавказский адвокат Иосиф Аветович Ахвердов. Компаньоном Ахвердова в нефтяных делах был Почетный гражданин г. Владикавказа, владелец пивоваренного завода на Купеческой улице Егор Христофорович Киреев (фирма «Ахвердов и К»). Интерес к нефтяной промышленности диктовался ее исключительной прибыльностью. Присяжный

поверенный из Владикавказа И.А. Ахвердов стал 13 мая 1893 г. компаньоном Владикавказского 1-й гильдии купца Ш. Интабуха, которому были отданы на откуп в 1885-1895 гг. богатейшие нефтеносные участки в станице Грозненской, Алхан-Юртовской и Карабулакской общей площадью в 45 десятин. Так как предприятие Интабуха находилось на грани разорения, единственной его надеждой был кредит, обещанный Ахвердовым (за 6 лет за Интабухом было начтено 4 166 рублей штрафов, а производительность его колодцев не превышала 1 500 пуд., после введения акциза на керосин в 1888 г. и подорожание гужевого транспорта). Дело в том, что И.А. Ахвердов был Особым поверенным Владикавказского городского банка. Однако кредита Интабух так и не получил. Устранив Интабуха от участия в деле, Ахвердов завладел всем предприятием, а попытка судиться с ним закончилась неудачно. Довольно безуспешно пытались отсудить свои права на долевое участие в ахвердовском деле и сыновья Интабуха.

Ахвердову каким-то загадочным образом удавалось «выходить сухим из воды». Так было и в случае обвинения его в разорении Владикавказского городского банка, поверенным которого он являлся. Ахвердов с помощью мошенничества украл у банка большие суммы. В результате этого и других злоупотреблений 24 октября 1884 г. Владикавказский городской банк был объявлен несостоятельным. По отношению же к поверенному банка присяжному поверенному Ахвердову было возбуждено в окружном суде уголовное дело, «но таковое судебной палатой было оставлено без последствий». А. Ахвердов использовал «накопленные» средства как первоначальный капитал для занятия нефтяным бизнесом. В предприятия были также вложены и средства Е.Х. Киреева⁵⁵¹.

В начале 1893 года нефтяное дело в Грозном «купил» у прежнего арендатора Интабуха присяжный поверенный И.А. Ахвердов с компанией⁵⁵². С переходом нефтяных участков к фирме «Ахвердов и К» в 1893 году началась разработка месторождения посредством буровых скважин и в том-же году забил первый фонтан, привлёкший внимание промышленников и положивший начало интенсивному развитию этого района⁵⁵³. 28 июня 1893 года фирма «Грозненские и Алхан-Юртовские нефтяные промыслы Ахвердов и К» заложила первую буровую скважину. Такое сложное название у фирмы было связано с тем, что эта компания, помимо Грозненских, арендовала на 24 года 30 десятин земли Алхан-Юртовской станицы, с платой 1 коп. за каждый пуд добытой нефти, при первых 2 млн. пудов и по 1,5 коп. с пуда, если будет добываться более⁵⁵⁴. Как мы

видим, уже в подготовительный период, у этой нефтяной организации были далеко идущие замыслы, которые, она впрочем, в дальнейшем и смогла воплотить в жизнь, сделав прорыв в области нефтедобычи.

Бурение первой скважины производил буровой мастер из Баку – Муравьёв. Он работал с помощью своих машин и инструментов и дошёл до глубины 35 сажень, за что получил 11 тыс. рублей. Для сравнения можно сказать о том, что рабочие – чеченцы, работавшие при бурении, получали 8-9 рублей в месяц⁵⁵⁵. 18 ноября 1893 года, когда вторая скважина была доведена до глубины 28 сажень, из неё внезапно появился грандиозный фонтан чистой нефти, ударивший на высоту 30 сажень. Сила этого фонтана была настолько необычайно велика, что только в течение первого дня, а именно 18 ноября, он выбросил более 800 тыс. пудов нефти. Заполнив все имеющиеся на промысле хранилища и ямы, нефть, как горная река, устремилась по ложу балки к выходу в долину реки «Нефтянке». Поперёк балки был немедленно насыпан земляной вал. Благодаря этому заграждению, удалось образовать громадное хранилище, вместимостью более 15 млн. пудов нефти⁵⁵⁶. По личному сообщению инженера – технолога Исаковича, 1-й нефтяной фонтан ударил в Грозном 6 октября 1893 года, в 5 часов утра – на 62 сажени. Масса любопытных бросилась на промыслы полюбоваться невиданным зрелищем. В 1894 году один из нефтяных фонтанов загорелся – погибли люди. Но всё же Грозненские фонтаны, в отличие от Бакинских не выбрасывали камни вместе с нефтью на поверхность земли – поэтому были более безопасны⁵⁵⁷. 27 августа 1895 года из скважины № 7, на участке 977 был получен грандиозный фонтан нефти с первоначальным дебитом около миллиона пудов нефти в сутки. Скважина фонтанировала в течение 3-х лет. Это был крупнейший в мире, по обилию выброшенной нефти, фонтан. Нефть била из скважины с оглушительным рёвом, заливая все окрестности. Этот фонтан дал Грозненскому месторождению всемирную известность⁵⁵⁸. Грозненская производительность держалась на фонтанах до 1897 года. В 1898 году фонтанами добывалось 32,1% нефти, а в 1900 году уже 21,8%. Ни на одном из участков не была достигнута подошва месторождения, поэтому ещё существовали пласты, не тронутые эксплуатацией⁵⁵⁹.

Одновременно с буровой вышкой сооружался и буровой станок для канатного бурения. Строили его из дерева, только отдельные ответственные детали «скрепления» делали из стали и железа. Канаты при бурении применялись как органические, так и металлические. Первые

изготавливали диаметром 2-3 дюйма из манильской пеньки (которая была мало чувствительна к сырости и не нуждалась в пропитывании дегтем, смолой). Сила удара молота находилась в прямой зависимости от эластичности каната. Органические канаты обладали этим свойством, однако они были дороги и быстро изнашивались. Расход манильских пеньковых канатов при бурении был равен одной сажени на каждую пробуренную сажень. Расход канатов из русской пеньки больше на 30-50%. Для тартания, как и для бурения, применялись стальные канаты. Канаты изготавливались из не оцинкованной проволоки тигельной стали. В Грозном распространены были канаты фабрик Максимова (Р н/Д), Дейкселя, Форберса, Черноморского общества (Одесса), Меергольда и Московского металлического завода⁵⁶⁰. Во время Московской выставки 1882 года помимо образцов нефтепродуктов, интерес у публики вызывали модели буровых вышек и других приспособлений для добычи нефти, дополнявшиеся графиками и чертежами. Среди экспонатов этой группы – товарищество братьев Нобель, Бакинское нефтяное общество и др. Особые успехи отмечались в переработке нефти. Если к 1882 году нефть перерабатывалась только на керосин и нефтяные остатки, то на выставке 1896 года экспоненты выставили широкий ассортимент осветительных и смазочных масел, а также специальные сорта керосина с высокой температурой вспышки. На иностранные рынки вывозилось до 46 млн. пудов керосина⁵⁶¹.

Первые грозненские предприниматели не обладали сколько-нибудь значительными капиталами для расширения, а то и просто поддержания в относительном порядке своих промыслов и с самого начала должны были заниматься поисками необходимых денежных средств. Так, в частности, Ахвердов после своих двух фонтанов следующую скважину закладывает почти через год, а до этого «борется» с фонтанами: с помощью вызванных солдат удалось через 2 недели в буквальном смысле забить первую фонтанирующую скважину, а спустя некоторое время она вообще была заброшена. Об изоляционных работах никто не заботился. Естественно, что большинство скважин быстро обводнялось. А между тем в 1899 году инженер Лавров разработал метод изоляции водяных пластов глиной, названный «грозненским»⁵⁶².

Ахвердовские фонтаны вызвали сенсацию, вокруг Грозненских промыслов на короткое время развёртывается настоящий ажиотаж. Мнение о бесперспективности Грозного всячески подогревалась Бакинскими нефтепромышленниками, начавшими на страницах «Каспия»

настоящий поход против освоения Грозненского месторождения, как невыгодного в эксплуатации⁵⁶³. Грозненская нефть была ниже по стоимости, чем бакинская, поэтому покупатели осаждали контору товарищества «Ахвердов и К»⁵⁶⁴. Особое место в списке выдающихся армян занимает И.А. Ахвердов. В начале XX века конкуренцию ему пытались составить бакинские нефтепромышленники – армяне (Манташев, Лианозов, Цатуров), открывшие в Грозном филиалы своих фирм. Армянам в Терской области активно помогал начальник Среднего военного отдела генерал – майор А.Г. Туманов (Туманян) и начальник области, тифлисский армянин М.Т. Лорис – Меликов⁵⁶⁵.

В Терской области самая глубокая скважина была не более 71 сажени, в то время, как на Апшеронском полуострове глубина скважин доходила до 250 саженей. За счёт лёгкости добычи нефти грозненские нефтепромышленники, в отличие от бакинских, экономили больше средств⁵⁶⁶. В качественном отношении грозненская нефть также имела свои преимущества. Достаточно было грозненскую сырую нефть выдержать 2-3 месяца, и она, без всяких перегонок, являлась прекрасным продуктом для отопления и смазки. Грозненская нефть по своей густоте, вязкости и цвету заменяла древесный дёготь, поэтому в Киеве, Харькове и других городах покупатели требовали «грозненскую чёрную нефть». Грозненская нефть была высококачественной. После обработки она давала 25% чистого керосина и 50% остатков⁵⁶⁷. Грозненский мазут успешно конкурировал с бакинским даже там, где он был на 5-7 и даже 10 копеек дороже последнего⁵⁶⁸. В 1900 году нефтепромышленность Грозного составляла 4,9% всей нефтяной промышленности страны, а в 1905 году – 10%. По темпам развития Грозненский район обогнал Баку⁵⁶⁹.

10 ноября 1895 года был пущен в эксплуатацию керосиновый завод фирмы «И.А. Ахвердов и К», ставший родоначальником Грозненской нефтеперерабатывающей промышленности, однако главное слово было за нефтедобычей⁵⁷⁰. На интенсивность буровых работ влияло: приближение конца аренды участка, желание использовать истощённые пласты при наличии высокой цены на нефть. Нежелание добывать в первый год эксплуатации нового участка большого количества нефти из-за особенностей контрактов с областным правлением (им был установлен обязательный минимум добычи), выжидание результатов бурения на соседних участках. Скважины, после фонтанирования не зачищались месяцами и даже годами. К 1901 году на Грозненских приисках было 7 заброшенных скважин, что составляло 4,8%. В Баку эта цифра не пре-

вышла 0,4%⁵⁷¹. В 1901 году в Грозном насчитывалось 147 вышек⁵⁷². К 1904 году осталась только одна фонтанирующая скважина, а глубина её достигала уже 250 сажень⁵⁷³. В течении 1895 года товарищество «Ахвердов и К» добыло 28000000 пудов нефти, а с промыслов, за то же время было отпущено только 5100100 пудов. У фирмы были заказы, расписанные на год вперёд, выполнить которые можно было, отпуская по 70 цистерн в день, но это было возможно только при наличии трубопровода. Ежедневно на железнодорожную станцию в Грозный доставляли до 300 бочек нефти, но этого было явно недостаточно⁵⁷⁴. Перевозка с промыслов мазута, бензина и керосина производилась исключительно в бочках, обычно чинаровых, реже дубовых, стянутых ореховыми или железными обручами. В Грозном керосин перекачивался в железные вагоны – цистерны, принадлежавшие фирме «Ахвердов и К»⁵⁷⁵. Нефть отпускаясь для топлива главным образом на Владикавказскую железную дорогу и отчасти в Днепропетровский и Донецкий промышленные районы. В 1895 году в Грозненском нефтяном районе строится первый нефтепровод протяжённостью 12 вёрст⁵⁷⁶.

До строительства железной дороги из Грозного сырую нефть отправляли на нефтеперегонный завод в Махачкале, а полученный керосин через Махачкалинскую нефтебазу отправляли по Каспийскому морю на внутреннюю реализацию через волжские нефтебазы, а остаток перегонки грозненской нефти (мазут) сжигали на месте в топках паровых котлов⁵⁷⁷.

Загрязнение окружающей среды

Многие из сегодняшних экологических проблем возникли более ста лет тому назад, в том числе и в связи с добычей, переработкой, транспортировкой и хранением нефти. Начало 1899 года. На грозненских промыслах решается вопрос о защите реки Нефтянки от «буровой воды» после нефтяных ловушек. Проходит немного времени и в газете «Каспий» № 221 пишут «...о возбуждении Областным Правлением гражданского иска против доверенных фирм вследствие порчи воды реки Нефтянки спускными водами промыслов, результатом самовольного действия которых была гибель рыбы и порча воды...». В то же время у грозненских промышленников имелось предписание самого Областного Правления, предлагающего, под страхом закрытия центральных нефтепроводных

станций, проведение от таковых канавы прямо в реку Нефтянку, в виде временной меры».

Капиталисты в Грозном с целью сокращения издержек по бурению добивались (и весьма успешно) у горного надзора признания обводненными и истощенными таких нефтяных пластов, скважины которых давали суточную добычу 90-100 т. нефти. Бурение после подобных заключений велось без закрытия воды и других природоохранных мероприятий. Это привело к преждевременному обводнению западного Грозненского района и резкому сокращению производительности богатейших участков. Лигроин, не имевший, за отсутствием сбыта, цены, сильно стеснял заводы Грозного. Поэтому, по-видимому, всеми заводами применялась следующая своеобразная мера ликвидации лигроина. Выкапывали колодцы 15-20 метров глубиной, 1-1,5 в диаметре с шахтами в разные стороны по 2-4 метра. Шахты служили для увеличения поглотительной поверхности. Сюда из резервуаров сливался лигроин, который быстро поглощался в горизонтах гравия.

Удивительным, на первый взгляд, являлся пример того, что кирпичный завод Хангельдиева в течение ряда лет отапливался нефтью и нефтяными продуктами, не закупив за это время ни одного центнера нефти: последнюю просто черпали из колодца, расположенного в усадьбе Кирпичного завода и, очевидно, служившего коллектором для нефти, просочившейся с территории Владикавказской железной дороги и прочих предприятий, из примитивно сооруженных ими амбаров для хранения нефтепродуктов. 11 августа 1928 года при рытье поглотительного колодца в усадьбе нового здания Научно-исследовательского института Грознефти (ГрозНИИ) на глубине 22 м. в горизонте сплошных песков после предварительных выходов удушливых газов, требовавших усиленного вентилирования колодца, появилась нефть. В течение 1 часа оттартывали 5-7 ведер. Тотчас был произведен анализ этой нефти, показавший следующее: «Полученный из колодца продукт есть на $\frac{1}{4}$ безпарафиновая нефть, ... первоначальных периодов заводской деятельности в Грозном»⁵⁷⁸.

Периодизация транспортировки нефти

Обратимся теперь к периодизации транспорта нефти. Первый период – гужевой транспорт сырой нефти в бурдюках и бочках на подводах (арбах) запряжённых лошадьми или быками. Его окончание

приходится на сентябрь 1895 года, когда от Старогрозненских промыслов к нефтеперегонному заводу был проложен первый в Грозном нефтепровод. До его прокладки, для транспорта нефти в среднем в день было задействовано 250-300 подвод, на которых перевозили не более 220-300 тонн нефти. Такое положение приводило к тому, что завод работал не на полную мощность, на промыслах скапливалось большое количество нефти, из-за чего приходилось приостанавливать добычу, и кроме того, в непогоду дороги становились непроезжими и нефть на заводы не возили совсем.

Второй период – трубопроводный. Транспортировка нефти происходила от промыслов до нефтеперегонных заводов (январь 1896 года – по настоящее время). К началу 1898 года от промыслов было проложено 5 нефтепроводов, пропускная способность которых вдвое превосходила объёмы добываемой нефти. Хотя капиталовложения в сооружение нефтепроводов, металлических резервуаров, насосных станций были значительными, они окупили себя за 3 года. Перекачка нефти велась круглосуточно и не зависела от погоды, в десятки раз уменьшились потери от разливов нефти.

Третий период – железнодорожной транспортировки нефтепродуктов и нефти в другие города России – начался в мае 1893 года, когда в Грозный пришла Петровская ветка Владикавказской железной дороги.

Четвёртый период – транспортировка нефтепродуктов по магистральным трубопроводам. Начался в 1914 году, хотя грозненские нефтепромышленники ещё в 1895 году ставили вопрос о строительстве нефтепроводов к Каспийскому и Чёрному морям⁵⁷⁹. Проект соединения Грозненских промыслов с Чёрным морем был представлен горным инженером Е.В. Глушковым. На основании договора с Терским казачьим войском Глушков получил право на аренду без торгов 100 десятин нефтеносной земли для обеспечения нефтью проектируемого им нефтепровода. 30 мая 1897 года на имя директора Департамента железных дорог министерства финансов, В.В. Максимова пришла телеграмма от председателя Совета съезда бакинских нефтепромышленников П.О. Гукасова, с просьбой отклонить ходатайство Глушкова о прокладке нефтепровода Грозный – Чёрное море. Вот что говорилось в данном обращении: «...Съезд имеет честь покорнейше просить Ваше превосходительство, – сообщал он, – не отказать в той справедливой защите бакинской промышленности, какой она пользовалась до сих пор с Вашей стороны».

Конкурентная борьба грозненской и бакинской нефти

На заседании комиссии под председательством Д.Ф. Кобеко против проекта Глушкова выступили представители бакинской нефтяной промышленности и предприниматели угольного Кузбасса. Первые опасались появления на Черноморском побережье дешёвого керосина, последние – вытеснения каменноугольного топлива грозненскими нефтяными остатками. Они были поддержаны в своём союзе В.В. Максимовым⁵⁸⁰. Если нефтяными землями в Баку распоряжалось Министерство государственных имуществ, а также Министерство торговли и промышленности, то землями в Грозном ведало Терское областное правление, подчинявшееся главнокомандующему Кавказской армией, Главному управлению казачьих войск и военному министру. Этот сложный и громоздкий аппарат медленно разбирался в неотложных нуждах нефтяной промышленности, поэтому приходилось обращаться в более высокие государственные инстанции⁵⁸¹. На рубеже XX века бакинские нефтяные короли увидели в Грозном опасного соперника. На страницах бакинских газет развернулась антигрозненская компания. Благодаря огромным усилиям бакинских нефтяных магнатов в 1896 году был провален проект строительства магистрального нефтепровода Грозный – Чёрное море. Грозненским нефтепромышленникам оставалось уповать только на железную дорогу, но и здесь не всегда всё складывалось удачно. Строительство ветки Ростов – Беслан – Грозный – Дербент коренным образом изменило положение нефтяной промышленности⁵⁸². Однако недостаточная провозоспособность Владикавказской железной дороги, временный запрет на перевозку сырой нефти с температурой вспышки ниже 28% – из за опасений пожараопасности, приводили к плохому сбыту грозненской нефти и продуктов её обработки⁵⁸³.

Первые крупные партии нефти начали обменивать и продавать ещё в ходе Кавказской войны. В 1848 году на Северном Кавказе насчитывалось 12 Меновых дворов, из которых самыми значительными были Кизлярский, Дачи – Юртовский и Червлёнский. Из отчёта о меновой торговле за 1846 год видно, что чеченцами, аварцами и представителями других народов было привезено на Меновые дворы нефти, или «горного масла», как они его называли, на сумму в 10500 рублей. Взамен нефти местное население получало хлеб, ситец и другие товары. Сбыт керосина до отмены откупной системы производился как на местном, так и на центральном рынках России. Братья Дубинины писали об этом

следующее: «Нефть белая вывозится большим количеством на продажу на Нижегородскую ярмарку, а также в Москву и другие разные города Российской империи – на продажу купцам и аптекам, а густая чёрная нефть употребляется на Кавказской линии в продажу же, на смазку колёс и конной упряжи». Слово «керосин» впервые появляется и начинает часто употребляться при продаже уже в 1846 году⁵⁸⁴. Начиная с 1896 года, грозненская нефть стала большими партиями отправляться в крупные торгово-промышленные центры России. Уже в 1897 году эта нефть вытеснила поставщиков бакинской нефти в Ростове на Дону. В 1895 году грозненские фирмы продали в Англии 20 млн. пудов нефти⁵⁸⁵.

В 1905 году нефтяной бизнес в России в основном контролировался двумя крупнейшими компаниями («Братья Нобель» и «Мазут»). Общество «Мазут» (сбыт нефтепродуктов) наряду с «Русским Стандартом» (нефтепромыслы в Грозном) и «Каспийско – Черноморским обществом» (добыча и переработка нефти в Баку) входило в нефтяной концерн парижских Ротшильдов. Известно, что член правления «Мазута» Савелий Поляк финансировал ведущую кадетскую газету «Речь», а его брат Соломон был влиятельным членом нижегородской организации партии «Народной Свободы». «Братья Нобель» и «Мазут» заключили между собой соглашение о ценах и объемах продаж («картель»). По существу, именно это монополистическое объединение определяло цены на рынке. Став основным продавцом нефтепродуктов, картель «Братья Нобель» и «Мазут» сразу же резко взвинтили цены, жестоко ударив по карману главных потребителей нефтяного топлива – фабрикантов Центрального промышленного района и волжских пароходчиков. Они, в свою очередь, выступили с серией ходатайств о необходимости принятия правительственных мер против растущей дороговизны топлива. Сами промышленники объясняли рост цен увеличением себестоимости добычи нефти в связи с истощением находившихся в разработке месторождений⁵⁸⁶.

Л. Нобель построил первый в мире нефтеналивной танкер «Зоро-астр», который был спущен на воду в 1878 г., это вызвало настоящую революцию в транспортировке нефти. Создав первую в мире вертикально-интегрированную нефтяную компанию (от разведки месторождений до реализации керосина), Нобели заполучили в качестве союзников семейство Ротшильдов, а также ряд других видных бизнесменов Старого Света. Европейцы вступили в жестокую конкурентную борьбу с Джоном Рокфеллером, который в ту пору лишь перепродавал нефть с чужих месторождений, американец быстро осознал свою ошибку, начал

скупать скважины и скоро «Стандарт Ойл» превратился в первый вертикально-интегрированный холдинг Нового Света⁵⁸⁷.

Ещё в 1876 году Россия ввозила много американских нефтяных товаров – например, было завезено 2,6 млн. пудов осветительного масла. В 80-х годах не только прекратился ввоз иностранных нефтяных продуктов, но сильно вырос вывоз, достигший в 1890 году 47 млн. пудов, а в 1893 году 59 млн. пудов нефти. Внутреннее потребление, едва достигавшее в 1876 году 4 млн. пудов, в 1893 году выросло до 30 млн. пудов⁵⁸⁸. Россия сжигала 20 млн. пудов осветительных масел (керосина), Европа 50 млн. пудов, а Америка 30 млн. пудов. Потребление керосина в России достигало 7 фунтов на одного жителя. В то же время Россия производила самый дешёвый керосин в мире, она имела огромную рыночную сеть и 25 тыс. вёрст железной дороги, что обеспечивало дешёвую доставку нефтепродуктов потребителям⁵⁸⁹.

Скудные данные о работе заводов с 1896 по 1899 год – свидетельствуют о том, что заводы работали не систематично или бездействовали (завод Ахвердова). Следовательно, почти вся нефть, добытая в эти годы, вывозилась в сыром виде за границу и продавалась как жидкое топливо⁵⁹⁰. Нефтедобыча стала приходить в упадок из-за использования устаревших, открытых способов добычи нефти. Средний срок «жизни скважины» эксплуатировавшей один пласт, составлял 3 – 5 лет. Обычно скважины бурились с учётом дальнейшего углубления и эксплуатации ещё 2-3 пластов, поэтому общая продолжительность работы скважины составляла от 10 до 15 лет, а на разработку новых скважин требовались большие вложения капиталов⁵⁹¹.

Фонтанный способ добычи был наиболее дешёвым и простым. Как только была разработана и изготовлена в Баку усовершенствованная фонтанная арматура, то в Грозном её установили (около 1900 г.) на скважинах, что позволило уменьшить потери нефти от разливов, улучшить экологическую обстановку на промыслах, уменьшить пожарную опасность и утилизировать газ. Это привело к изменению технологии добычи нефти открытой – на закрытую. Отсюда два периода: первый – открытой добычи нефти, с 1893 по 1900 год; второй – закрытой добычи с 1900 по настоящее время⁵⁹². До революции в Грозном делались только попытки применения насосной добычи. Первый опыт применения штанговых насосов был произведён в 1898 году, «Первым Грозненским товариществом» на скважине №7. Сравнивая тартание с качкой насосом, специалисты заключали, что если тартанием можно извлечь от 10000 до

20000 пудов жидкости в сутки, то насосом – 150000 пудов. В 1893 году рабочие – чеченцы, отрабатывая на бурении по 12-14 часов в день, получали в месяц 8-9 рублей. Тартальщик получал от 20 до 21 рубля. Известно, что стоимость аренды квартиры в Грозном в 1897 году колебалась от 3 до 5 рублей в месяц. В 1895 году в Грозном 1 фунт хлеба стоил 3 копейки, говядины 6 копеек, баранины 7 копеек⁵⁹³.

Развитие нефтедобывающей и перерабатывающей промышленности вывело Грозный в ряд крупнейших российских и мировых промышленных центров. Однако чеченцы, исконно проживавшие на этой земле, были в этом эпицентре капиталооборотов лишь незваными гостями. Об этом очень скорбно и красочно повествует эпическая песня, текст которой хотелось бы привести полностью, т.к. это голос самого народа:

«У самых гор среди аулов, начиная с глубокой котловины, выкатился на гору город нефти. Стал на мгновение, задумался, испугавшись и в жажде сытой жизни и золота, медленно сполз с горы, строя нефтяные вышки, бараки и пузатые резервуары. Где несколько лет назад стоял дремучий лес и, по тропинке редко скрипела чеченская арба, завизжала желонка, тартая из земных глубин чёрное золото нефти. И по проложенным в земле жилам, чёрным потоком стремилась земная кровь в цистерны, мчалась постукивая по рельсам в даль и возвращалась обратно катеринками, пятисотками, тысячами и миллионами в карманы бельгийцев, англичан и русских проходимцев, приехавших искать богатство, счастье и чёрное золото.

Город строили гяуры. Пришли орсы – аскер, разбили аул, угнали скот, выгнали из саклей женщин, стариков и детей, сожгли аул, и на пожарище, при столах и криках построили город. Для большего уважения, внушения к силе орсы – аскер, пусть город будет «Грозный». – «Гурозни», говорили чеченцы, и значения не понимали. Хорошо только поняли, что земля не их, леса тоже и что гяуры каждый день глубже лезут в горы. В трёх верстах от города, за маленькой речушкой Гойты, над обрывом притаился аул Алды; замер, из-под тишка взглядывая на строящийся город, на вышки, на бараки, на копоть. Притаился и молча глядел ненавидящем взором. Молча отдавал землю, молча отдавал луга. Молчал, когда в аул приехал пристав, и солдаты и сказали – «Наша». Мирно сеял кукурузу, а в песнях пел о свободе, об уходе гяуров, о мести – жаркой мести, с запахом дыма и крови. Когда ночь отодвинет вдаль чёрные изломы гор, задёрнет их туманом горным, когда небо опустится, что кажется слившимся с землёй, а ночь зажжёт

земные звёзды, — огни в тусклых окнах сакли, — в саду под тенью вишен и груш раздастся песня...»⁵⁹⁴.

Грозненские нефтепромышленники на первоначальном этапе мало заботились об экологической чистоте города. Они ставили вышки там, где им нравилось, не заботясь о геологическом строении почвы. Работать на строго научных началах им даже не приходило в голову⁵⁹⁵. Дороги, ведущие к колодцам и заводам были сильно испорчены, по обеим их сторонам текли отбросы, спускаемые с заводов — тяжёлый бензин, кислые и щелочные остатки, а также часть нефти и мазута, из-за их небрежного сбора и хранения⁵⁹⁶. В течение более двадцати лет основными продуктами, выделяемыми на Грозненских заводах, были керосин и мазут. Керосин выделялся в количестве 7-11%, а мазут в количестве 70-80% от всей перегоняемой нефти. Ввиду отсутствия спроса на бензин, он в первые годы организации промышленной переработки нефти, сливался в землю, но затем, по мере развития автомобилестроения за рубежом и в России, потребность в нём начала быстро расти и экологическая обстановка улучшилась⁵⁹⁷.

Благодаря нефтяным запасам город Грозный стал разрастаться в индустриальный центр для русских и казаков⁵⁹⁸. Так, например, с 1890 по 1900 год в Грозненском округе (вместе с г. Грозным) количество предприятий выросло с 79 до 211, главным образом за счёт кирпично-черепичных, лесопильных, известковых и колёсных заводов. Это было непосредственным образом связано с небывалым ажиотажем вокруг нефтеносных участков и гигантским скачком в развитии нефтяной промышленности в Грозненском районе во второй половине 90-х годов 19 века. С 1896 по 1900 год в Грозненском округе число торговых заведений увеличилось с 474 до 564, т.е. почти на 16%; общая сумма оборота с 3532674 до 453074 рублей, т.е. на 23%, общая сумма прибыли увеличилась почти в 3 раза⁵⁹⁹.

Экономический кризис, охвативший многие государства, показал, что экономика России с этого момента оказалась самым тесным образом связана со всеми процессами, происходившими в экономике Западной Европы. Импорт капитала в этот период для России стал новым и важным элементом в совокупности экономических связей с Западной Европой. Именно с 1870-х гг. темп прилива иностранных инвестиций в промышленность России заметно усиливается. Наряду с капиталами, на Кавказ устремились и иностранные предприниматели с новейшими технологиями переработки нефтепродуктов и жадной получения очень высоких прибылей⁶⁰⁰.

Проблемы взаимодействия Российского государства с иностранным капиталом

К 1905 году из 15 крупнейших Грозненских нефтяных фирм 10 принадлежало иностранному капиталу, а общий объём иностранных инвестиций достиг 40 млн. рублей. Таким образом, нефтяная политика делалась не в Грозном, и даже не в России, а далеко от тех мест, где нефть добывалась. Проблема взаимодействия государства с иностранным капиталом имеет особую значимость и актуальность. Начало активного распространения иностранного капитала в России можно отнести к 1887-1888 годам. Это могло быть результатом качественного изменения политики государства по отношению к иностранным акционерным компаниям и увеличением заинтересованности западных инвесторов в российской нефти. В экономической политике Российской империи, на разных этапах ее развития наблюдалась борьба протекционизма и фритредерства иностранного капитала. Иностранцами, по российскому законодательству являлись компании, учрежденные за границей Российской империи и действовавшие на ее территории на основании особого разрешения. Стоит отметить, что провозглашалась только юридическая (но не экономическая, например, выраженная в страховании бизнеса) защита иностранного капитала, тем не менее, иностранцы стали очень активно осваивать российский нефтяной рынок, получая сверхприбыль от продажи в основном сырой нефти⁶⁰¹.

Правовед, историк, этнограф, главный редактор «Правительственного вестника» Александр Александрович Башмаков (1858-1943) подвергал критике существовавший в российском законодательстве способ определения национальной принадлежности акционерной компании по месту ее учреждения. «Если законодатель, – отмечал русский ученый, относясь с понятным недоверием именно к иностранным компаниям, как легче ускользающим от его контроля, нашел возможным объявить таковыми только те, которые учреждены за границей, то в таком ограниченном определении круга иностранных предприятий несомненно отражается глубокая доверчивость законодателя». А.А. Башмаков считал принципиально нежелательной значительную степень проникновения иностранного капитала в сеть российских экономических интересов, особенно в сферу крупных предприятий. Принцип частной собственности в применении к большим предприятиям, затрагивающим жизненные интересы целых районов, должен, по его мнению, прогрессивно угасать,

по мере роста числа рабочих, количества вложенного в дело капитала и т.д. Далее Башмаков пишет: «Установление волею государства таких пределов частного владения предприятиями, дабы предотвратить индустриальное закрепощение народа, представляется тем более необходимым, когда эту чрезмерную и социально несправедливую власть получают в свои руки иностранцы, т.е. люди неспособные понять душу того народа, угнетения которого они даже не замечают. Тут нужно твердое установление пределов внедрения иностранного капитала в глубь жизни народа. Грань должна быть там, где уже не идет речь об одном увеличении доходов с предприятия и начинается власть над народом. Предприниматели могут, как высший предел своих надежд требовать себе денежного обогащения и доходности предприятия, но власти – никогда!»⁶⁰². Общий вывод, который делал Башмаков по вопросу об определении национальной принадлежности предприятия, гласил: «Определение национальности данного акционерного общества есть вопрос факта и не должно зависеть от незыблемых формальных признаков, которые всегда могут быть использованы фиктивно, для прикрытия истинного положения вещей. Единственным правилом, для определения истинного национального характера данного общества должно быть признание, что где власть и распоряжения, решающие дела данного общества, там и родина...»⁶⁰³.

Именно интересами монополий было продиктовано падение добычи нефти в целом по России в начале XX века, что привело к затяжному «топливному голоду», при этом цены на нефть продолжали расти. Настоящим ударом для нефтяной промышленности стало введение акциза, приведшее к удорожанию пуда керосина с 50 коп. до 90 коп. Особенно болезненно это было для мелких производителей, которые стали стремительно разоряться⁶⁰⁴. В целом по России за 1910-1914 годы цены на нефтепродукты более чем утроились и стали выше мировых. Соответственно, резко увеличились прибыли нефтяных монополий: в 1910 году доходность в нефтяном бизнесе составляла в среднем 12,9%; а в 1913 году – уже 29%⁶⁰⁵. В нефтяной промышленности Грозненского района нельзя было указать ни одного предприятия, основанного самостоятельно иностранцами. Все они были куплены у россиян.

Российская империя не пыталась «закрыть» Кавказ. Наоборот, именно контроль империи над этим регионом, в конечном счете, обеспечил туда доступ западноевропейскому капиталу. Сейчас очевидно, что этот процесс означал не просто экономическую эксплуатацию, но и распространение новых знаний, технологий, нового образа жизни,

новых ценностей. «Имперский проект» не препятствовал, а скорее поощрял модернизацию Кавказа. Известная формула «за капиталом следует флаг», характерная для западноевропейских колониальных империй, не работала в империи Российской. Здесь все происходило наоборот – сначала политическое господство, а затем уже экономическая интеграция⁶⁰⁶.

Настороженно отнеслось к замыслу промышленного освоения района военное министерство. Военные опасались, что проникновение иностранного капитала может отрицательно сказаться на интересах казачества. Они считали, что лучше повременить с разработкой естественных богатств, но здесь сохранить их в руках русских промышленников. За это ратовал министр А.Н. Куропаткин. Но сами казаки верхи высказывались за привлечение капитала иностранцев и утверждали, что «только при их участии тот или иной замысел становится наиболее рациональным способом и увеличивается нефтяное производство»⁶⁰⁷.

В 1914 г. «Ахвердов и К» сдала Нобелям все свое имущество по транспортировке, хранению и продаже нефтепродуктов: склады, емкостью в 3,7 млн. пуд. в 8 пунктах страны, 201 вагонов-цистерн, 4 буксирных судна, 2 шхуны и 13 барж в России и вошла в состав треста «Братья Нобель», одного из трестовых объединений («Ройял Датч Шелл», «Нобель» и Российская Генеральная нефтяная корпорация «Ойл»), которые сложились в результате монополизации нефтяного бизнеса братьями Нобелями. Необходимо отметить, что основной исходной составляющей фонда самых престижных в мире Нобелевских премий явились прибыли, полученные Нобелями от участия в кавказской нефтепромышленности в конце XIX века. К началу Первой мировой войны Нобели сосредоточили в своих руках 86 % всех акционерных капиталов и 60 % всей добычи в Российской империи. Если добавить, что указанные группировки контролировали 12 из 15 крупных кавказских нефтепроводов, т.е. 90 % выхода промышленной нефти к заводам и пристаням, картина станет еще более рельефной⁶⁰⁸.

Законом 3 июня 1892 года запрещалось иностранцам и иностранному обществу, даже получившим разрешение действовать в пределах России, приобретать в собственность или пользование нефтеносные земли, и управление нефтяными землями в Кавказском крае⁶⁰⁹. Более того, даже разработкой нефтяных залежей казенных и частных

земель Терской области, за исключением земель Терского казачьего войска (на которых и располагалось Грозненское месторождение), было разрешено заниматься иностранцам и евреям каждый раз с особого разрешения Министерства гос.имуществ, по соглашению с министром внутренних дел и финансов, а также Главногоначальствующего гражданской частью на Кавказе⁶¹⁰. В 1891 –97 гг. было запрещено проживание евреев в Кубанской и Терской областях, а также ограничивалось их участие в нефтяном бизнесе⁶¹¹. В конце XIX века работа на нефтеносных землях Кубанского и Терского казачьего войска была запрещена для евреев. Иностранцы неиндусского исповедания допускались к разработкам нефтяных промыслов с единоличного разрешения военного министра⁶¹².

По суждениям комиссии, образованной в 1898 году, в виде общего правила иностранцам разрешалось производить поиск и разработку нефти только в местностях, ещё не исследованных. К заведомо нефтеносным промыслам иностранцы допускались лишь при доказанном уклонении от эксплуатации нефтяных богатств русскими капиталистами⁶¹³. Однако зачастую эти запреты оставались только на бумаге или не приводили к желательным результатам. С 29 мая 1898 года указом «О правах иностранцев по приобретению недвижимых имуществ на Кавказе» приобретение земель в данном регионе империи ограничивается исключительно нуждами создаваемых промышленных предприятий, удостоверенных разрешением Главногоначальствующего по гражданской части Кавказского края⁶¹⁴.

Начало проникновения иностранного капитала в Грозненскую нефтяную промышленность

В 1895 году, когда иностранцы впервые приобрели в Грозном нефтяные земли (у Ахвердовского общества), Терское областное управление, в лице начальника области, вошло с ходатайством к высшему руководству об отмене в силу закона 3 июня 1892 года результатов этих торгов и о передаче нефтеносных участков в руки русских предпринимателей, изъявивших желание столько – же заплатить. Но ходатайство не было удовлетворено. Терская администрация не зря не хотела связываться с иностранцами; как показало время, только 9 иностранных промыслов из 82 оплачивали аренду в пользу казны⁶¹⁵.

В течение всего 1893 года Ахвердов вёл переговоры с капиталистами в Москве и Петербурге, но не смог найти капиталы вследствие недоверия к Грозненским нефтяным месторождениям, а также из-за косности столичных предпринимателей. Потерпев неудачу в переговорах с соотечественниками, находясь на грани полного краха, Ахвердов в начале 1894 года выезжает в Париж, но и там не достигает желаемых результатов из-за отрицательной позиции, занятой Ротшильдами. Из Парижа Ахвердов направляется в Лондон, где ему после 2-х месячного пребывания, удаётся договориться со А.Стюартом о финансировании своего грозненского предприятия. В 1895 году было заключено соглашение с англичанами, зафиксировавшее переход всего нефтепромышленного хозяйства Ахвердова в арендное содержание «Лондон эйдженси». Согласно этому договору в Грозный из Лондона для управления ахвердовским промыслом пребывает специальный представитель Ф. Гарбут, которому Ахвердов официально выдал доверенность на ведение всех дел своего предприятия⁶¹⁶. Англичанам было более выгодно торговать сырьём без всякой технической обработки нефти. Некоторые нефтеперерабатывающие заводы были закрыты⁶¹⁷. Летом и осенью 1895 года англичане перестроили в Грозном нефтеперегонный завод и заложили несколько новых скважин, однако на этом дело опять застопорилось и снова из-за отсутствия у английской стороны необходимых средств⁶¹⁸. У Стюартов буровые были доведены до глубины 100 саженей. В сентябре 1895 года здесь был получен самый обильный фонтан, выбрасывавший до 1 млн. пудов нефти в сутки. Фонтан бил со страшной силой на высоту 50 саженей и его нефтяные брызги относились ветром на несколько вёрст. В 1895 году в Грозном было 15 буровых и все они давали нефть. Когда иностранцы сравнивали грозненскую нефть с бакинской, рассчитывая их конкурентоспособность на мировом рынке, то, практически всегда первая выигрывала. Выяснилось, что грозненская нефть отличается огромным содержанием бензинов и малым выходом керосинов. Грозненский бензин, по своим показателям, мог спокойно конкурировать с лучшими сортами американского бензина. Хотя выход керосина у бакинского был вдвое больше, чем у грозненского, но в качестве он значительно уступал. Остатки грозненской нефти были неудобны для отопления (тянулись), но превосходили бакинские по смазывающей способности. Терская лёгкая нефть крайне редко встречалась в природе, за что очень ценилась на нефтяном рынке⁶¹⁹.

Бельгийские фирмы

После перехода общества «И.А. Ахвердов и К» в бельгийские руки новыми его владельцами в конце 90-х годов XIX века были употреблены значительные средства в целях расширения, реорганизации и переоборудования всего его промыслового хозяйства. В частности, были построены: нефтепровод от промыслов к железнодорожной станции в Грозном, который планировал построить еще сам Ахвердов; сооружено 40 резервуаров для хранения нефти; расширен и перестроен нефтеперегонный завод, число эксплуатационных скважин в 1900 году было доведено до 40. Значительно увеличился земельный фонд общества. При этом арендовались не только войсковые и станичные земли, но и частновладельческие участки (князей Таймазовых, Уцмиевых и др.). К началу XX века общество «Ахвердов и К» занимает доминирующее, монопольное положение в Грозненском районе⁶²⁰. Бельгийская фирма «Ахвердов и К» в 1899 году давала 80,13% от общего грозненского нефтяного производства. В 1900 году на её долю приходилось уже 49,27%. Войдя в российский нефтяной промысел в 90-е годы, бельгийский капитал в первые годы XX века уже контролировал более половины всей грозненской нефтедобычи и нефтепереработки⁶²¹.

По данным Совета Съезда Терских нефтепромышленников известно, что:

В 1895 году было добыто 82.889 пудов нефти;

1896 – 17200151 пуд.

1897 – 27568794 пуд.

1898 – 17716899 пуд.

1899 – 25194566 пуд.

1900 – 30687948 пуд.

До 1900 года царила старейшая и крупнейшая фирма общества «Ахвердов и К», оперировавшая сначала английскими, а затем бельгийскими капиталами, однако в 1898 году в Грозном начала свою деятельность фирма «Новый Русский Стандарт», занявшая видное положение и составившая достойную конкуренцию нефтяному обществу⁶²². Общество «Русский Стандарт» было учреждено во Франции в 1881 году. Учредителями были О. Шабриер из Леона, А. Бо и А. Леенгардт из Марселя. В 1883 году общество получило новое название «Русский Стандарт, нефтяное общество». В 1889 г., вскоре после открытия мощных нефтяных

месторождений в Терской области, Русский Стандарт» принял решение переориентировать свою деятельность на грозненскую нефть и свернул работы на кубанских промыслах. К концу XIX века на нефтяных промыслах Кубани воцарились тишь и уныние, а в Чечне началось бурное развитие нефтяной отрасли⁶²³.

Парижские Ротшильды и «Русский Стандарт»

В конце 80-х годов Ротшильды воспользовавшись финансовыми затруднениями действовавшей на Кубани и позднее в Грозненском районе нефтепромышленной компании «Русский Стандарт», купили контрольный пакет ее акций. Русская нефть стала объектом притязаний французско – еврейского (парижские Ротшильды) капитала. В 1887 году значительная часть акций «Русского Стандарта» была приобретена парижскими Ротшильдами. Правление было переведено в Париж. До начала 1890-х годов Общество осуществляло свою деятельность в России нелегально, через подставных лиц.

После получения в 1892 году официального разрешения на производство операций в России, Общество сосредоточило свою промысловую деятельность в Грозненском районе. Постепенно промысловая деятельность этой компании была перенесена с Кубани в Грозненский район. Решение об этом Ротшильды приняли после «консультации» со Скальковским. Горный департамент Министерства гос. имуществ, директором которого был приближенный к Ротшильдам К.А. Скальковский, контролировал нефтяную промышленность и Ротшильды, имея во главе этого департамента своего человека, не только пользовались его поддержкой, но и регулярно получали информацию по любому вопросу. Через Скальковского были заранее известны условия предстоящих торгов нефтеносных земель, перемены железнодорожных тарифов на перевозку нефти и т.п. В Российской империи действовало более десятка крупных еврейских нефтяных фирм. В общей сложности еврейские нефтеторговые предприятия составляли 15-16% всей нефтяной промышленности страны⁶²⁴. Ротшильдское нефтяное Общество владело крупными нефтеперегонными заводами в Грозном и Новороссийске и вело широкую экспортную торговлю через Новороссийск. В 1899 году Ротшильды приобрели весь акционерный капитал Московского нефтепромышленного общества, организованного в 1897 году группой

московских предпринимателей (А.В. Бари и др.) для эксплуатации Грозненского нефтяного месторождения, оказавшегося в затруднительном положении⁶²⁵.

К концу XIX века правовое положение иностранных подданных в сфере предпринимательской деятельности в России характеризуется почти полной свободой. Ограничительные нормы общего законодательства в отношении иностранных предпринимателей были преодолены практикой акционерного сепаратного законодательства, основанной на общем курсе правительства по привлечению иностранных капиталов в экономику России. В отношении иностранных акционерных обществ складывается такое положение, при котором для их деятельности в Российской империи существовали более льготные условия, чем для русских акционерных компаний⁶²⁶.

Иностранные инвестиции

Российская промышленность эксплуатировалась в пользу иностранных владельцев, прибыль вывозилась в виде купленного за рубли золота. Иностранные инвесторы 1896-1914 годов приходили в уже развитую индустриальную страну, с готовым и очень дешевым рабочим классом. Тогда в мире не было такой индустриальной страны со столь дешевой рабочей силой. В 1914 году стоимость акций и облигаций иностранных компаний в России достигла 1 млрд. 960 млн. рублей. И из российских компаний они на 150 млн. рублей получали ежегодно дивидендов. А золотой запас России составлял около 2 миллиардов⁶²⁷. Приток иностранного капитала в Грозненскую нефтяную промышленность с 1890 по 1903 год дал около 18 млн. рублей. Всего за период до 1895 года в нефтяную промышленность данного региона было вложено 1,4 млн. рублей иностранного капитала⁶²⁸. Мощность Грозненских нефтеперерабатывающих заводов на 1900 год составляла 303000 тонн нефти в год⁶²⁹.

Иностранные инвесторы прямо переносили на российскую экономику рыночную практику, знания и механизм регулирования производства. Вместе с иностранным капиталом в Россию поступал интеллектуальный потенциал и управленческий опыт. Начиная постройку новых или реконструкцию действовавших предприятий в России, иностранные инвесторы обращались за необходимым оборудованием, технологией,

материалами к более знакомому для себя рынку своих стран, что способствовало появлению в России современной технологии, техники и новых материалов. Далеко не вся сумма прибыли покидала пределы России, поскольку часть ее была выплачена в форме налогов на промышленную и торговую деятельность, другая часть просто прожита в России многочисленными иностранцами. Наместник Кавказа И.И. Воронцов – Дашков считал, что до 70% валовой прибыли иностранцев оседало в России в виде расходов.

Сложившиеся рыночные отношения, благоприятный инвестиционный климат, доверие иностранных инвесторов к российской экономике обеспечивали поступление иностранного капитала (как в форме займов, так и в акционерной форме) в крупных размерах в кризисные для России периоды экономической и политической жизни⁶³⁰. К началу 90-х гг. XIX века дефицит государственного бюджета Российской империи составлял 74 млн. рублей. Чтобы найти дополнительные источники пополнения бюджета, были увеличены косвенные налоги на многие товары массового потребления – сахар, табак и др. Кроме того, в 1894 году была введена государственная монополия на производство и продажу водки, которая позволила увеличить бюджетные поступления на 25 %⁶³¹.

В связи с кризисной ситуацией России была вынуждена обратить свое внимание на западный финансовый рынок. Среди допущенных к котировке на лондонской бирже русских ценностей преобладали акции нефтяных обществ. Их насчитывалось 55 с основным капиталом в 149 150 тыс. рублей, что составляло 60 % всех капиталов русских дивидендных бумаг в Лондоне. Для сравнения можно отметить, что на парижской фондовой бирже котировались акции лишь 12 акционерных нефтяных предприятий с капиталом 76 990 тыс. рублей, что составляло 12 % всех русских ценностей. Нефтяной отдел ежегодника лондонской биржи содержал, главным образом, описание одних русских нефтяных предприятий, на долю которых приходилось около 75 % всех акций иностранных нефтяных компаний. Из всех имевшихся на берлинской бирже русских промышленных ценностей обороты происходили только с одной единственной бумагой – акциями Нобель. На амстердамской бирже находились в котировке акции Нобель, Русского (для внешней торговли) банка и пяти русско – английских нефтяных предприятий⁶³².

Франция – как основной кредитор царской России

В 1888 г. в результате непродуманной политики Россия оказалась на грани краха. Однако русским помогло сближение с Францией. До 1870-х гг. финансы России зависели от немецких займов, однако после перемещения мирового центра в результате франко-прусской войны Франция, опасаясь Германии, пошла на союз с Россией и предоставила в ее распоряжение значительные денежные суммы. По мнению западных аналитиков, следствием «природы» русских стал упадок их финансов: «русские не умеют распоряжаться деньгами и расходуют больше, чем имеется в стране ресурсов, залезая в долги». Не без оснований одного из министров финансов обвиняли в том, что тот едва не довел страну до банкротства через посредство Ротшильдов⁶³³.

Франция являлась основным кредитором царской России: Французская сторона высказывала некоторые опасения по поводу роста имперского долга. Еще в 1897 г. министр финансов Кошери отмечал, что «французский рынок постоянно открыт для всяких попыток займов, которые Россия сочтет удобными сделать, не давая нам объяснений». В 1900 г. министр финансов Кайо критиковал частые займы России. «Я признаю, – говорил он, – что Россия – наша союзница, и что нам трудно закрыть ей рынок.... Но нужно, чтобы мы, принимая их, могли начислить объем и цену нашей уступки». Это замечание, относившееся к частному случаю, прекрасно передавало настроение французских официальных финансовых кругов и указывало на лидерство политических мотивов в вопросах о предоставлении займов.

Большая часть российских имперских займов расходовалась на войны и вооружения, но в то же время значительное их число пошло на железнодорожное строительство и на эксплуатацию естественных богатств Российской империи⁶³⁴. Привлечение иностранного капитала в форме займов и инвестиций С.Ю. Витте считал основой своей финансовой системы. Взгляды Витте, который, ссылаясь на мировой опыт, отстаивал необходимость иностранных инвестиций в российскую экономику, сталкивались с серьезной оппозицией. Их не разделяли зять царя великий князь Александр Михайлович, выступавший против допущения английских предпринимателей к эксплуатации кавказских нефтяных месторождений, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе кн. Г.С. Голицын. В 1899 г. по инициативе Г.С. Голицына вновь был возбужден вопрос о необходимости ограничить доступ иностранных ка-

питалов в Россию, в частности, в нефтедобывающую промышленность. Полемика с противниками привлечения иностранных капиталов продолжилась и в дальнейшем⁶³⁵.

До Первой мировой войны Россия по общей сумме государственного долга занимала второе место после Франции, а по размерам внешнего долга была первой в мире. Государственный внешний долг к 1895 г. достиг 1,7 млрд. рублей. В 1914 г. среди развитых стран внешний государственный долг кроме России имела только Япония. Остальные государства – должники (первое место среди которых принадлежало Индии) были зависимыми и полуколониальными. Основными кредиторами дооктябрьской России были Англия и Франция⁶³⁶. Общий объем внешних займов для России в 1861-1880 годах составил более 1,6 млрд. рублей, и за 1866-1880 годы казна была вынуждена выплатить 350 млн. рублей процентов по этим займам. В итоге, Российская империя попала в долговую кабалу, выплата огромных процентов по займам стала главной статьей государственных расходов, намного превосходящих военные расходы⁶³⁷.

Но, вернемся к рассмотрению истории развития Грозненского нефтяного района. Одним из первых предпринимателей в Грозном был отставной подполковник А.Р. Русановский – представитель московского Нижегородско – Самарского земельного банка. В 1892 году он арендовал у грозненского станичного правления и Алхан-Юртовской станицы нефтеносные участки и без промедления приступает к их разработке. Русановский заложил первые в Грозненском районе буровые скважины. Бурение производилось вручную на небольшой глубине, и в результате первые признаки нефти были обнаружены только через полтора года.

В 1895 году усиливает своё влияние в Грозном семья ростовских купцов Максимовых. Максимовское многомиллионное состояние было нажито на крупной торговле лесом и лесоматериалами. В 1895 году В.Р. Максимов организует в Грозном отделение фирмы специально для торговли нефтью и внедряется в товарищество «А.Р. Русановский», заменив в мае 1896 года самого Русановского на посту директора правления. Максимовым удалось привлечь в свой нефтяной бизнес иностранных инвесторов. В 1901 году образуется в Грозненском районе Англо-Русское Максимовское общество⁶³⁸.

Во второй половине 1896 года в Грозном был введен в эксплуатацию нефтеперегонный завод «Общества Владикавказской железной дороги», построенный по проекту талантливого изобретателя Феликса

Инчика с использованием принципов регенерации теплоты. Вот оценка этого завода, данная профессором Московского университета Владимиром Марковниковым (1837-1904) после его посещения предприятия в 1897 году: «...он не только имеет себе подобных в России, да и едва ли найдутся такие за границей. Он производит впечатление изящной механической игрушки, в которой, как скоро заведена пружина, все делается само собой с замечательной правильностью». С пуском завода в Грозном при нем была организована первая в регионе аналитическая лаборатория, возглавить которую в сентябре 1896 года доверили Константину Харичкову. Здесь он проработал около 13 лет и превратил ее по существу, в один из ведущих отечественных научно – исследовательских центров в области переработки нефти⁶³⁹.

Английские, бельгийские и французские компании

Представим перечень нефтяных предприятий, перешедших с 1897 года к иностранцам, в основном – к англичанам: «Англо – Русское Максимовское Общество», «Шпись и Стукен», «Московское нефтепромышленное Общество», «Ахвердов и К», «Русский Стандарт», «Новый Русский стандарт». Три четверти оперирующих в Грозном фирмы на данном этапе были иностранными. Из всех бакинских и грозненских российских фирм, только одна – «А.И. Манташев и К» самостоятельно экспортировала нефтяные продукты на иностранные рынки. Все прочие доставляли свой товар только в Батуми и Новороссийск, а оттуда их экспортировали в основном английские фирмы⁶⁴⁰. Русская нефть получила доступ на рынки Востока через английские руки. Динамика потребления русского керосина в Китае, Японии, Индии и других странах этого района в Азии с конца XIX в. зависела не от русских экспортёров нефти, а целиком от английской фирмы «Самуэль» и от принадлежавшей ей флотилии танкеров.

Вместе с тем само финансовое ведомство России всемерно подталкивало английские деловые круги в этом направлении. С.Ю. Витте считал, что заинтересованность крупных английских финансистов и промышленников откроет бездонный лондонский денежный рынок для русских ценных бумаг и вместе с тем послужит некоторым противовесом против влиятельных британских политических и финансовых кругов, настроенных антирусски⁶⁴¹. Иностранные инвестиции сыграли важ-

ную роль в экономическом развитии России, облегчив ее первые шаги по пути индустриализации, но они не были определяющим фактором ее экономического развития, направления которого обуславливались, прежде всего, внутренним развитием страны. При этом иностранные инвестиции позволили более эффективно использовать передовую промышленную технологию, и уже сложившиеся навыки капиталистического предпринимательства, способствуя тем самым установлению в России новейших организационных форм машинной индустрии, торговли и т.д.⁶⁴².

С 1893 по 1901 год количество нефтяных фирм возросло с 3-х (добычу вела одна) до 28 (из них добычей занимались 14). Из 28 фирм в 1901 году было 10 акционерных обществ, 8 товариществ, 9 единоличных владельцев и 1 торговый дом. К 1901 году на промыслах было 149 паровых двигателей. На базе паровой энергии ручное выкапывание колодцев было заменено паровым ударным штанговым, а к 1901 году более передовым канатным бурением. Количество рабочих, занятых в Грозненской нефтяной промышленности к 1901 году достигло 3000 человек. До 1903 года в нефтяную промышленность было привлечено 6879800 рублей английских капиталов (фирма АРМО – Англо – Русско – Максимовское общество, Шпис Петролиум компани и др.). На втором месте стояли бельгийские капиталы. Значительная часть денежных средств, однако, не доходила до промышленности, растворяясь в руках финансистов, вращаясь в области биржевой игры и спекуляции. К нуждам города капитал выказывал пренебрежение – не было хороших дорог, школ, больниц⁶⁴³. Итогом деятельности связанных с германским капиталом нефтепромышленных компаний на Кавказе («Терский синдикат», «Казбекский синдикат» и др.), стал их уход из российской нефтяной промышленности. Несмотря на большую заинтересованность германских капиталов в российской нефти, лоббирование участия в освоении кавказской нефти немецких компаний со стороны высшего руководства Германии, в результате конкурентной борьбы с группами Ротшильдов, Нобеля и др., а также, не в последнюю очередь с антигерманской политикой царского правительства, российская доля германского нефтяного бизнеса, накануне Первой мировой войны, перешла в руки английских компаний⁶⁴⁴.

По имеющимся данным за 50 лет (с 1833 по 1893 гг.) в Грозном из нескольких соседних нефтяных источников, эксплуатировавших крайне незначительную площадь около 1,5 десятин, было добыто более

3700000 пудов нефти. В 1863 году в Баку из 102 колодцев было добыто всего 300000 пудов нефти⁶⁴⁵. Грозненские источники привлекали к себе внимание не только нефтяных магнатов, но и большое количество простых людей, особенно во время фонтанирования скважин. Крымско-Кавказский горный клуб, открывшийся 6 мая 1890 года в Одессе организовывал экскурсии на Грозненские нефтяные источники, а также в Шатой и Ведено. Видно обстановка на Кавказе была довольно безопасна, раз появился такой вид деятельности – по привлечению туристов и путешественников⁶⁴⁶.

В начальной стадии развития капитализма для нефтедобычи почти всех стран мира характерна откупная система хозяйства. Нефтяные источники сдаются их собственниками (землевладельцами) на откуп промышленникам на срок от 15 до 20 лет и более, с уплатой последними откупных платежей землевладельцам. В США и странах Западной Европы эта система просуществовала до середины XIX века.

Феодалным собственником нефтяных источников в Грозном было Терское казачье войско, в Баку – правительство (казна). За аренду источников им платились откупа, представлявшие собой феодалную ренту⁶⁴⁷. Кавказский комитет, рассмотрев состояние нефтяной промышленности на Кавказе, пришёл к заключению, что привилегии, предоставленные откупщикам, препятствуют развитию частного предпринимательства и конкуренции. «Откупщики не только не заботятся о техническом усовершенствовании и об открытии новых источников, но даже не изыскивают того количества нефти, которое бы могли дать существующие источники», – значилось в одном из документов комитета. Главное управление наместника на Кавказе, поддержав мнение Кавказского комитета о «ненормальности и вредности» откупной системы постановил немедленно упразднить эту систему и передать казённые нефтяные источники в частные руки с помощью торгов, на конкурентной основе. Однако это решение было выполнено только на Бакинском месторождении⁶⁴⁸.

В ходе реформы нефтяной отрасли производства, в Терской области государственные интересы столкнулись с интересами правящей чиновничьей элиты, когда доходы от нефти поступали в Терское казачье войско и частично к управляющему краю. Ревизионной отчётности практически не существовало. Поэтому отмена откупной системы на Северо – Восточном Кавказе была искусственно заторможена невыполнением постановлений Кавказского комитета, заверенных императором, и привела к отставанию отрасли на 20-30 лет от бурно развивающейся

Бакинской группы нефтепромышленного комплекса. Так, уже в 1878 году в Бакинском районе не было не одного колодца, вся добыча нефти велась с помощью буровых установок⁶⁴⁹.

В 1894 году правительством были утверждены «Правила о нефтяном промысле на землях Кубанского и Терского казачьего войска», которыми отменялась существовавшая здесь десятки лет откупная система, давно мешавшая развитию региона. Терские и кубанские правила были в некотором отношении консервативнее бакинских (например, ограничение срока аренды 24 годами, чего не было в Баку). С момента опубликования правил земли Терской области были разделены на, так называемые земли «заведомо нефтеносные», которые должны были сдаваться не иначе, как с торгов – отдельными участками, и «открытые для разведок». С 1895 по 1900 год было пять торгов, происходивших в обстановке ажиотажа, спекуляции, подкупов. Участки переходили из рук дворянства и чиновников в руки капиталистов. Цена одной десятины нефтеносной земли непрерывно возрастала и дошла до 5000 – 10000 рублей. В Терское областное правление с 1897 по 1900 год поступило до 5000 заявлений с просьбой о выдаче свидетельств на разведки нефти⁶⁵⁰.

Финансовый капитал играл чрезвычайно важную роль в налаживании и успешном развитии экономики Северного Кавказа. Развитие нефтедобычи и нефтепереработки в Терской области сдерживалось из-за географических, административных и экономических условий. Вместе с тем нефтяная промышленность постепенно становится одной из наиболее капиталистически развитых, монополизированных отраслей промышленности Юга России⁶⁵¹. В первые десятилетия XX века Грозный становится и научным центром Терской области. Одним из организаторов научных исследований химических свойств нефти был профессор К.В. Харичков. Он первым открыл парафиновый тип грозненской нефти и предложил создать в Грозном производство парафина⁶⁵².

Структура многонациональной Российской империи оставалась сложной и неоднозначной. С модернизацией усилился её колониальный характер. Экономическое развитие отдельных регионов стало более сильно и явно ориентироваться на центр и его промышленные потребности. Северокавказские области России могут быть охарактеризованы как колонии, не только в силу их роли в качестве сырьевого придатка и рынка сбыта, но также по причине их относительно низкого социально-экономического и социально – культурного уровня развития и правового дискриминационного обособления их населения⁶⁵³. В конце XX

столетия, более чем другие народы региона, чеченцы подчёркивали необходимость процесса деколонизации – именно в этом ракурсе следует оценивать стремление чеченцев к независимости. Чеченское руководство потребовало, чтобы Москва возместила ущерб от колониальной эксплуатации чеченской нефти, газа и других природных богатств, которая длилась более 100 лет⁶⁵⁴.

На рубеже XIX – XX столетия происходят глубокие изменения в структуре хозяйственной деятельности народов, закладываются основы новой, не свойственной ранее горцам, социальной инфраструктуры (торгово-промышленные, образовательные и медицинские учреждения, почтовая связь, дорожное сообщение); происходит уменьшение масштабов непроизводственных сфер обогащения за счёт становления и расширения торгово-экономических отношений; постепенно осуществляется унификация административно – государственного устройства. Эти процессы, несомненно, были значительно ускорены присоединением Кавказа к России, но не следует забывать о том, что это было обусловлено и объективным ходом развития: во-первых, сохранение в первозданном виде системы горских общественных отношений уже тормозило их развитие, во-вторых, сказывалось влияние постепенного угасания феодальных форм жизни, приходивших в противоречие с нарождавшимися капиталистическими отношениями⁶⁵⁵. На уровне социально-экономических отношений северокавказские народы смогли удачно вписаться в российскую государственность. В них были заинтересованы, в них нуждались, их защищали. Наконец, они обладали собственным правовым пространством, являвшимся частью общей правовой панорамы Российской империи⁶⁵⁶.

Одним из сдерживающих факторов развития нефтяного бизнеса на Северном Кавказе было влияние местной полувоенной администрации. История отечественной нефтяной промышленности в 90-е годы, возникновение и развитие крупнейших нефтепромышленных фирм, даёт редкие примеры проникновения иностранных капиталов и сильнейшей конкурентной борьбы. Именно в этом процессе и следует искать корни, истоки той концентрации производства и монополизации, которые происходят в Грозном на рубеже XIX и XX вв.⁶⁵⁷. В конце 80-х годов XIX века царизм получил первые займы во Франции, на парижской бирже проводилась колоссальная операция по конверсии русского государственного долга. Постоянно нуждавшееся в денежных средствах, российское правительство стало активно использовать возможности,

которые открыл перед ним франко-русский политический союз 1891 г., размещая на парижской бирже один за другим государственные займы. Это положение позволяло, используя заинтересованность российского правительства в парижской бирже, вынудить у России новые уступки французскому капиталу. При посредстве Петербургского международного банка Ротшильды, используя своё положение кредиторов, получили возможность более эффективно воздействовать на царское правительство через Министерство финансов.

Таким образом, внедрению Ротшильдов на кавказский нефтяной рынок способствовали коррупция царской администрации, жёсткая кредитная политика парижского банкирского дома, т.е. предоставление дешёвых кредитов, с которыми местные предприниматели попадали в финансовую зависимость, и в которых ощущался острый недостаток. Государственные структуры не имели чёткой стратегии в вопросе банковско-кредитной политики, что в условиях дефицита свободных финансов внутри страны толкало местных промышленников к банкротству или слиянию с иностранными капиталами, с передачей им ведущих позиций в нефтяной отрасли⁶⁵⁸.

Редакция журнала «Будильник» призывала читателей обратить внимание на засилье иностранцев в добывающей промышленности страны: «Неисчислимы богатства Кавказа, несомненно, разнообразны, а мы, русские, ходим вокруг да около. Пока мы благодушествуем, иностранные предприниматели рвут и хватают жирные кавказские куски. Там, где носились русские храбрые «орлы», там выются теперь заграничные «хищники», выуживая нефть, серу, медь, и – все дорогое плывет мимо наших рук и нашего носа... Хозяевами Кавказа оказываются, по преимуществу, предприниматели-иностранцы, которые наспех пожинают доходы и высоко держат знамя своего кармана... Между тем, кому, как не русским, принадлежит по праву и по долгу культурная миссия и задача экономического развития края?»⁶⁵⁹

Иностранные займы были теми канатами, на которых раскачивалось, но все же держалось самодержавие в критическую для него эпоху. Иностранные займы со временем превратились в тормоз развития, став инструментом, при помощи которого внутренние накопления «перекачивались» за границу. Согласно расчету американского историка П. Грегори, за 1881-1913 гг. российские публичные фонды, размещенные за границей, принесли около 3 млрд. рублей, а сумма платежей их иностранным держателям превысила 5 млрд. рублей. В

России, где большинство населения занималось земледелием, собственных источников накопления средств было недостаточно. Выходом из этого дефицита представлялся приток иностранных капиталов, которые должны были содействовать ускоренному развитию отечественной промышленности. В 1900 г. иностранные инвестиции составляли около 70% всего капитала, вложенного в горную промышленность, 72% – в машиностроение и металлообработку, 31% – в химическую промышленность. Из 18 металлургических заводов Юга только 4 были основаны русским капиталом. В самом конце XIX – начале XX веков почти половина всей промышленности находилась в руках иностранных капиталистов⁶⁶⁰.

Чеченское ремесленное производство

Наряду с земледелием и скотоводством большую роль в хозяйственной жизни горцев играли ремесло и домашние промыслы. Народные промыслы чеченцев, самобытные и высокохудожественные, играли существенную роль в хозяйственной жизни с древнейших времён⁶⁶¹.

Народное искусство – вторая Природа – в этой новой ситуации бытия актуализируется в общественном сознании как культура духовная. Веками из поколения в поколение народные мастера передают свое мастерство, язык образов, а вместе с ним тайное знание мира, единство человека и природы. Учат гармонии между ними, той родственности отношений, которая рождает творчество, выковывает могущественную жизнестойкость каждого народа, и большого и малого, позволяя им плодотворно мирно соседствовать, обогащая друг друга, переживать свою историю. Сохранить соединяющий ток живой традиции между прошлым, настоящим и будущим, между сменяющимися друг друга поколениями помогает народное искусство. Собственно в этих связях и есть его нравственные, эстетические силы воздействия. Народное искусство всегда остается неисчерпаемым кладом художественных идей для искусства профессионального⁶⁶². В родовом чувстве народного мастера таится источник духовности, позволяющий древним символам оставаться живыми, им же определяется качество искусства. Промышленная система, где мастер становится придатком конвейера, штамповальщиком, естественно не может возникнуть народное качество⁶⁶³.

Кустарная промышленность

Особого правового регулирования требовали вопросы разграничения самих промышленных заведений на заводы, фабрики, мануфактуры, а также определение понятий кустарной промышленности, ремесла и промысла. Определение понятия «кустарной промышленности» после сложных дискуссий на протяжении нескольких лет определила, созданная в 1872 г. при Министерстве финансов, Комиссия по исследованию кустарной промышленности в России. Была принята следующая формулировка: «Кустарная промышленность есть тот вид обрабатывающей промышленности, который является домашним занятием преимущественно сельского населения и служит дополнением при сельском хозяйстве». Под ремеслом понимались занятия, имеющие «предметом обработку вещей посредством ручной работы».

Мануфактуры, фабрики и заводы отличались от ремесел тем, что имели «в большом виде заведения и машины», у ремесленников были лишь ручные машины и инструменты. Фабричными заведениями было принято считать те, которые по промысловому обложению обязаны были выбирать гильдейские свидетельства, то есть заведения, имеющие более 16 рабочих или использующие механические двигатели при меньшем числе рабочих⁶⁶⁴. В 1896 году Г.Г. Адельханов учредил акционерное общество кожевенного и войлочного производства на Кавказе с основным капиталом в 1,5 млн. рублей. Компания включала в себя кожевенный завод, войлочную фабрику (основана в 1889 г.), фабрику готовой обуви и обмундировальную мастерскую (основаны в 1886 г.). Григорий Григорьевич Адельханов родился в Москве, образование получил в коммерческом училище в Петербурге. После обучения в Лейпциге был направлен вел. Кн. Михаилом Николаевичем на Кавказ, где работал в Тифлисском отделении государственного банка. В 1872 г. он был избран управляющим Тифлисского общества взаимного кредита. Г.Г. Адельханову на Кавказе одному из первых было присвоено звание коммерции советника⁶⁶⁵.

Чеченцы изготавливали кустарные изделия для себя, на заказ и для продажи на рынке. Д. Семенов свидетельствовал: «Многие изделия горцев отличаются изяществом вкуса. Превосходная работа галунов, выделка сафьяна и кожи, конская сбруя и разные украшения на оружии, все совершенство этих изделий – не плоды образования и развития, но единственно следствие натуры горца. Все это делается со вку-

сом и старанием не из расчета, не на продажу, но для удовлетворения собственного чувства. Стоит сравнить работу горца с работой наших крестьян, или даже наших городских мастеровых, чтобы убедиться в дарованиях горцев»⁶⁶⁶. Венгерский ученый-этнограф XIX века Жан – Шарль де Бесс свидетельствовал: «Чеченские женщины демонстрируют много вкуса и мастерства в своей работе. Украшения одежды и обуви, выполняемые из галуна, золотых и серебряных нитей, поражают своим совершенством»⁶⁶⁷.

По мере развития в Терской области капиталистических отношений происходил упадок кустарных промыслов. После того как было завершено строительство железной дороги, резко возросло количество поступавших в Чечню фабрично-заводских изделий. В период своего наивысшего расцвета продажа шерстяных изделий приносила в Терской области до 2 млн. рублей дохода, но уже ближе к концу XIX в. конкуренция фабричного сукна и тканей серьезно подорвала производство домо-тканого сукна в Чечне. Его производство продолжается почти исключительно в горных районах и направлено на удовлетворение внутренних потребностей⁶⁶⁸. Тем не менее, кустарные промыслы не исчезли с рынка товаров. Во многом это объяснялось тем, что вечно испытывавшие острый дефицит наличных денег чеченские крестьяне предпочитали приобретать необходимые им товары у кустарей, расплачиваясь с ними натуральными продуктами своего хозяйства.

В конце XIX века в связи с развитием промышленности в России и усилением вывоза её товаров, на Северном Кавказе происходило постепенное вытеснение крестьянских промыслов промышленным производством. Кустарь превращался зачастую в наёмного рабочего, а скупщик – в работодателя⁶⁶⁹. Однако в острой конкурентной борьбе у кустарей был ряд преимуществ перед промышленниками. Прежде всего, нужно выделить неповторимость индивидуальной «ручной» работы мастера, в которую он вкладывал свой взгляд на мир, свою душу, свой национальный колорит, настроение. Ремесленник использовал приёмы, передаваемые из поколения в поколение на протяжении столетий.

У кустаря не было администрации, накладных расходов – его изделия были намного дешевле и оригинальнее фабричных штампованных экземпляров. Раз, затративший значительный капитал на первоначальное устройство, нанявший большое количество мастеровых, крупный фабрикант должен был постоянно поддерживать значитель-

ное производство. Для мелкого промышленника уменьшение спроса менее чувствительно: он может несколько приостановить производство, продавать не все изделия, переждать кризис⁶⁷⁰. Положительным результатом пореформенного развития промыслов явилось создание крупных отраслевых групп по обработке сырья. Углублялась специализация каждой из таких групп, выделялись ведущие отрасли мелкой промышленности⁶⁷¹.

Шорный промысел

Шорный промысел (изготовление сбруи, седла, пояса, ногаяк) был развит у всех народов Северного Кавказа. Кустарное производство из кожи почти не встречало соперничества фабрик. Существовало три способа обработки кожи: первый – толчком и солью, второй – только солью и третий – солью и мукой (пшеничной, ржаной). Овчина должна была заготавливаться сразу после забивания скота. В начале XX века на базарах Итум – Кале и Шатоя овчина стоила от 60 копеек до одного рубля, шкура крупного рогатого скота – 3-5 рублей, козья – 40-45 копеек, телячья – 25-30 копеек, ягненок – 10-15 копеек⁶⁷². Особое развитие у чеченцев получила выделка ремней различного назначения. Их изготовление было делом каждого чеченца, хотя имелись и специалисты – мастера. В древности (вплоть до принятия ислама) мужчина – чеченец не имел права выходить за порог дома без подтянутого пояса. Считалось, что не подпоясанный мужчина уподобляется женщине (ждущей наследника). За такой позор мужчине могли выдворить из села⁶⁷³. Несмотря на замысловатость техники обработки кожи, изделия отличались высоким качеством и сбывались даже в центральные промышленные районы России⁶⁷⁴. Искусно изготовленные кавказские ремни были тонки как тесьма, мягки и весьма прочны⁶⁷⁵.

Производство шелка

Ежегодно в равнинной Чечне в 90-х годах XIX века производилось около 830 пудов шелка. Равнинные чеченцы ежегодно заготавливали 830 пудов шелковичных коконов. Причем один пуд коконов про-

давали за 25-40 копеек или меняли на один аршин ситца. Размотанная шелковая нить стоила от 1 руб. 80 коп. до 3 руб. 50 коп. Секреты чеченского шелковичного производства сохранились до настоящего времени. Шелковичный червь – салар разводится в Чечне и в настоящее время⁶⁷⁶. В XIX веке на рынки Грозного, Хасав-Юрта и других торговых центров края поступал шелк-сырец, смотанный в мотки. Из шелковой нитки изготавливались пояса, плелись всевозможные тесьмы, шнуры для пистолетов и часов, галуны и др. Галунами и тесьмой украшалась одежда, башлыки, обувь⁶⁷⁷. В меньшей степени, нежели плетение и ткачество, для Чечено – Ингушетии характерна вышивка. Она служила декоративным дополнением в женском костюме, украшая рукава и полы женской одежды. Чеченские женщины вышивали по шелковой ткани и бархату разноцветными нитками; особо нарядные платья вышивали серебряной и золотой канителью с жемчугом и разноцветным бисером⁶⁷⁸.

Вышивка

Золотой вышивкой оформлялись футляры для часов, вешавшиеся на стене в кунацкой, и другие предметы.. Уверенность почерка народных орнамента утрачивалась, когда рука мастера имела дело с новым, непривычным материалом, заимствованной техникой его обработки, новыми предметами. В этом отношении показательна вышивка цветными и белыми нитками по белому полотну (наволочки и салфетки, скатерти, полотенца), получившая распространение в быту горских народов во второй половине XIX века в результате тесных соприкосновений с культурой казачьего и иного пришлого населения, несшей в себе элементы русского и украинского искусства. Чеченские и ингушские женщины стали все чаще обращаться к вышивке стебельчатым швом и «ришелье»⁶⁷⁹.

Региональное руководство старалось поддерживать и развивать кустарные промыслы, так как именно они являлись неповторимым «лицом» края на многочисленных выставках и распродажах, как в России, так и за рубежом. Это производство также способствовало поддержанию политической стабильности в регионе, так как обеспечивало большую занятость населения, особенно в сезон отсутствия земледельческих работ и в отличие от отходничества естественно закрепляло население в

местах его традиционного проживания. Вопрос о практической помощи кустарям возник в 1896 году, во время пребывания на Кавказе министра земледелия и государственных имуществ А.С. Ермолова. Благодаря его инициативе 31 декабря 1899 г. был открыт в виде особого правительственного органа – Кавказский кустарный комитет. Комитет был призван выяснить практические нужды кустарей и в силу возможностей приходить им на помощь. Ежегодно на эти цели из средств казначейства выделялось 4 тыс. рублей⁶⁸⁰.

В 1893 году председатель Статистического комитета С.В. Каханов командировал секретаря Г.А. Вертепова по Терской области для изучения кустарных промыслов, поручил ему лично собирать предметы, а начальникам округов предписал принять меры к охране исторических памятников от расхищения туристов. Г.А. Вертепов привёз из командировки 62 предмета и 28 фотографий. В 1895 и 1896 годах командировки Вертепова повторились, вместе с ним владикавказский фотограф Л.И. Рогозинский произвёл снимки достопримечательностей Чечни и Осетии⁶⁸¹.

В горах крупным ремесленным центром Чечни являлось село Шатой, где было много мастеров по обработке металла, камня, дерева, кожи, а также по изготовлению одежды и обуви. Сюда приезжали за товарами из многих высокогорных селений Чечни⁶⁸². Кустарной промышленностью славились чеченские высокогорные сёла: Ножай-Юрт, Ведено, Харачой⁶⁸³. Строгий функционализм, пожалуй, наиглавнейший из приоритетов народного искусства вайнахов. Все творческие силы народа направлялись на создание истинно полезных изделий. Одной из основных черт традиционной бытовой эстетики вайнахов была установка на добротность, качественность вещи и вместе с тем легкость и удобство пользования ей. Бытовым изделиям чеченцев присущи монументальность и обобщенность форм. В них нет богатства узорочья и утонченного изящества, однако присутствуют такие качества, как мудрая простота, строгость и убедительность. На протяжении длительного времени вырабатывался каждый тип изделия со своими технологическими особенностями и художественным оформлением, строго отвечавший своему назначению. Форма, размер, орнаментальная отделка удивительно рациональны и обусловлены логикой той функции, которую они выполняют в быту. Эти благородные качества являются драгоценным наследием для развития современной художественной культуры чеченцев⁶⁸⁴.

Сохранение народных традиций в кустарном производстве

Умение в области того или иного ремесла совершенствовались и передавались из поколения в поколение методом показа, рассказа, упражнения. Пяти – шестилетний ребенок учился подавать инструменты по ходу выполнения родителями тех или иных трудовых операций. С 7-8 лет он включался в работы по овладению ремеслом. Часто наследование опыта по изготовлению изделия и творческая переработка его молодым поколением обеспечивали дальнейшее развитие ремесла и достижение высокого мастерства в нем. Глубинными связями соединено с природой народное творчество, та коллективная эмоция, которая с оригинальной неповторимостью искусства выражала эти связи в школах традиций народных промыслов. Мастер чувствует моральную ответственность за то, что ему дала традиция, выпестованная опытом поколений.

Родовая основа коллективного опыта, наследуемая система художественного языка для народного мастера определяющая. Поэзия необычного извлекается из традиционного, открывается вместе с тем и в жизненных наблюдениях, преломляемых через традицию, что определяет художественное образное мышление мастера. Отсюда пленяющая яркая метафоричность, образ как бы просвечивает своей родовой сущностью. Истинно новое не ломает преемственности, создает живые формы, а не подобие, утверждается в родовых качествах. При всей однотипности изделий народное искусство не терпит механичности однообразия, индивидуальное начало в работе мастера всегда окрашивает образ, дает ему свое звучание. Воспитанное традицией чувство формы направляет фантазию мастера. Целостность искусства не исключает разнообразия, как произведений, так и творческих индивидуальностей, манер, приемов, мотивов и сюжетов⁶⁸⁵.

Наличие неплохо развитого скотоводства обусловило и распространение в Чечне промыслов, связанных с переработкой продуктов животноводства, прежде всего с обработкой шерсти. Из овечьей шерсти на простом деревянном станке чеченские женщины изготавливали грубошерстное сукно. Ткацкие станки сохранялись в чеченских семьях очень долго, практически до 30-х годов XX века. Из грубого сукна делали мешки, перемётные сумы, изготавливали верёвки и паласы, а из тонкого сукна шили верхнюю одежду⁶⁸⁶. Чеченские войлоки и бурки на Кавказе считались лучшими⁶⁸⁷. Народы Северного Кавказа использовали шерсть как оберег. Шерсть наделялась сверхъестественными свойствами плодородия, способностью очищать и оберегать все живые существа⁶⁸⁸.

Суконное производство

Бурка не имеет аналогов в мире. Характерной особенностью бурки являлось то, что она не промокала даже в самый сильный ливень, потому что во время дождя по шерсти скатывалась вода. Привязать бурку за седло – дело не простое. Оно требует большого мастерства и силы. С ним не каждый может справиться. Надо бурку сложить пропорционально, с двойной складкой, затем скатать две половинки вовнутрь так, чтобы образовался цилиндр, который привязывают за седлом ремнем, в один обхват, с особым кавказским узлом. Это довольно сложная «техника». И сложна она даже для бывалого наездника. По горским обычаям никто не имел права выезжать в дорогу, если не освоил в совершенстве эту технику, иначе не миновать ему позора – таков был закон для наездника – горца⁶⁸⁹. Бурка всецело была приспособлена для наездничества, являясь непременным походным снаряжением горца. Не прилегая плотно к телу, сдвинутая на левое плечо, бурка давала возможность скрыть оружие и свободно стрелять. При внезапных нападениях наездники использовали ее в качестве щита⁶⁹⁰.

Длинные, волнистые пряди шерсти, вкатанные в войлок, создавали своеобразный декоративный эффект у бурки. Этот вид одежды спасал от непогоды даже коня и огнестрельное оружие. Данные качества снискали бурке большую популярность не только у горцев, но и у представителей других народов⁶⁹¹. Сложность отделочных операций зависела от вида бурки: пастушеская, ходовая, бурка с косицей и нарядная бурка. Особо выделяли белую нарядную бурку, с косицей, изготавливаемую на заказ. Главное отличие – плотность, легкость, в меру уложенная длинная волнистая косица, – все достигалось правильной обработкой сырья и опытом мастера⁶⁹².

Образ бурки соотносится с территорией ее изготовления, она обладает неким свойством определять пространство как таковое. Образ бурки связан не только с представлением о родном доме, обжитой территории, но также и представлением об особом, сакральном пространстве. До принятия ислама, согласно традициям чеченцев, покойника «одевали в чистое и новое платье и в полном вооружении, с шапкой на голове и буркой на плечах, опускали в могилу». Бурка являлась не только элементом костюма, но нередко выступала как вариант жилища, причем жилища, которое человек развешивал, как правило, на чужих, не освоенных им территориях, где пребывание его носило явно временный характер – в

отдаленных горных районах, лесах, т.е., с точки зрения традиционного сознания, местах обитания различных персонажей демонологического ряда. Бурка как «инструмент соединения двух миров», использовалась в обрядовой практике. Степень «маргинальности» бурки, непосредственной близости к иным сферам чрезвычайно высока, но далеко не каждый мог реализовать во всей полноте заложенную в ней глубокую смысловую многозначность⁶⁹³.

На Кавказе было широко распространено производство башлыков. Башлык – суконный или шерстяной остроконечный колпак (капюшон) с двумя длинными суживающимися концами-лопастями. Башлыки с удовольствием носили не только коренные жители Кавказа, как часть своей традиционной одежды, но и казаки. В 1862 году башлык, как часть обмундирования, был введен для некоторых пехотных частей русской армии, в 1871 году – для всей армии. В отличие от солдатского, офицерский башлык имел серебряную или золотую тесьму по прибору⁶⁹⁴. Производство первоклассных сукон для черкесок и башлыков было сосредоточено в Грозном, Веденском и Аргунском округах. Исследователи отмечали, что чеченские суконщики использовали опыт дагестанцев, кумыков, осетин и казаков⁶⁹⁵. Равнинные жители Терской области ткали преимущественно покупную шерсть овец горных жителей Чечни, или перекупали у них готовые сукна, шили из них черкески и башлыки и продавали на ярмарках и базарах. Многие женщины ходили в отдалённые аулы и скупали готовое сукно и бурки. Во второй половине XIX века среди чеченских мастериц наблюдается специализация на ткачих и швей, последние закупали готовое сукно и реализовывали на рынках сшитые из него готовые изделия – черкески, башлыки, ноговицы.

Расцвет домашнего суконного производства приходится на середину XIX века, а со второй половины начинается его спад, хотя и сохранялось в быту горцев на незначительном уровне вплоть до 20-х годов XX века. Интересно отметить, что домашнее сукно было вытеснено, прежде всего, из женского платья, а затем только из нижней одежды мужчины и постельных принадлежностей. Дольше всех домашнее сукно для одежды было представлено, как это ни странно, в башлыке⁶⁹⁶. Ни одна фабричная ткань не подходила так удачно для повседневного ходового башлыка, как чеченское сукно. Башлык согревал уши, шею, пояс. Горцы долго сохраняли симпатии к башлыку из кустарной ткани, отдавая предпочтение практичной стороне, а не модным тенденциям. В тот период, когда хорошее сукно для одежды уже не пользовалось спросом, и его

почти не ткали, наоборот, на рынке цены на грубые накидки возросли до двух овец за одну, когда раньше можно было обменять и за одну годовалую овечку. В конце XIX века в Терской области на продажу было произведено войлочное – валяльных изделий на сумму более 1,3 млн. рублей. По степени развития этот промысел в изучаемый период стоял выше суконного⁶⁹⁷.

Чеченские бурки отличались плотностью и лёгкостью, что обусловлено тщательным выщелачиванием их в источниках⁶⁹⁸. Чеченское сукно высокого качества изготавливали в сёлах, расположенных по правому берегу реки Терек, между Моздоком, Грозным и Хасав – Юртом. Развитию промыслов именно в этом районе способствовало то обстоятельство, что рядом, в отрогах Терского хребта в обилии имелись горячие щелочные минеральные источники, в которых шерсть промывалась перед поступлением в производство⁶⁹⁹. Шерсть делилась на два сорта – длинную, идущую на «основу», и короткую, идущую на поперечную нитку «уток». Затем шерсть сучилась в пряжу. На заготовку пряжи на одну черкеску или, на один «кусок» сукна уходило 10 дней. Готовое сукно мыли в тёплой воде с мылом, уваливали его (ногами) и сушили⁷⁰⁰. Варкой мыла занимались преимущественно в лесной, горной полосе. Каждая хозяйка варила его только раз в году, в количестве 1 пуда. Местное горное мыло с виду напоминало известковый камень. Но оно пользовалось большой популярностью и ценилось даже дороже, нежели русское заводское, к которому относились с пренебрежением⁷⁰¹.

Представители зажиточных слоев чеченского населения носили праздничные черкески из тонкого фабричного сукна черного, а в отдельных случаях темно – красного цвета. В вырезе черкески были видны грудь бешмета, его высокий воротник, а при ходьбе – низ полы. Встречались бешметы оранжевого, светло – синего, зеленого, коричневого цветов, иногда с неброским мелким рисунком. При общей строгости костюма бешмет ярких цветов, несомненно, служил оживляющим моментом. Обувь из красного сафьяна на Кавказе была признаком княжеского происхождения, желтая – дворянского. Особенно яркими расцветками отличались платки и шали у чеченок. Цветовая гамма в национальной одежде являлась одним из важных признаков, и даже при сходстве покроя и состава одежды позволяла выявить этническое своеобразие⁷⁰². Горская одежда не только выдержала испытание временем, но и снова вошла в моду в начале XXI столетия. Самой экстравагантной моделью в этническом стиле стала кавказская черкеска. Модельеры 2008

года рекомендовали ее носить с тонкой хлопковой футболкой, белой рубашкой и рванными голубыми джинсами. В современной моде тонкие этнические мотивы проступают не только в элементах одежды, но и в способах обработки ткани: традиционные ветровки, просторные брюки и даже классические плащи шьются из грубого сукна, а также из хлопка и льна, окрашенных натуральными материалами: шафраном, куркумой, экстрактом крапивы⁷⁰³.

Национальное искусство окрашивания ткани

Искусство окрашивания ткани применялось на Северном Кавказе преимущественно к шерстяным изделиям и сафьяновым козам и в этом применении оно стояло у кавказских кустарей гораздо выше, и было более распространено, чем в России. Еще Геродот свидетельствовал об искусстве жителей Восточного Кавказа окрашивать шерсть в разные тона⁷⁰⁴. Наиболее широкое применение в окрашивании имели «желтинник», алыча, ива, дуб и марена. Все перечисленные выше растения встречались на Кавказе почти повсеместно и предварительно не подвергались никакой особой обработке⁷⁰⁵. Для получения черной краски была пригодна крушина ломкая; коричневой краски – скумпия кожевенная. В горной Чечне имелось немало растений для получения синей, зеленой, красной и желтой краски⁷⁰⁶. Растение румянка произрастало на горных лугах. Его корень использовался для окраски ниток в красный цвет. Бальзамин в изобилии рос в лесах Ичкерии. Из его цветов чеченцы готовили краску, которой красили бороды. Душицу варили и готовили из нее черную краску, откуда и произошло ее чеченское название, которое переводится как «черная трава»⁷⁰⁷. Вайда красильная (синило) произрастала на берегах р. Терек. Как растение, дающее синюю краску, вайду разводили на полях. Ее также употребляли для лечения ран. Красильная резеда (церва) придавала ткани желтый цвет. Для получения краски церву варили в воде. Кислоты придавали отвару цервы яркость, щелочи делали ее цвет темно-желтым, а квасцы – лимонно-желтым. Церва произрастала в предгорьях Кавказа на высоте 1800-2700 метров⁷⁰⁸. Чеченцы для крашения шерстяной материи использовали листья дикой лесной яблони, кору дуба, ольхи, грецкого ореха. Комбинация травы с ольховой корой давала великолепную черную краску для окрашивания бурок, которая пользовалась большим спросом не только в Чечне, но и за ее пределами⁷⁰⁹.

До 1872 года марена принадлежала к важнейшим красильным растениям и стоила дорого. В год сбор марены доходил до 80 тыс. пудов и обеспечивал занятость большому числу местного населения⁷¹⁰. К началу 70-х годов XIX века применение ализарина вытеснило употребление марены. В 1886 году председатель Астраханского биржевого комитета писал председателю Московского биржевого комитета «...пятнадцать лет назад красильный корень марены, употреблявшийся на фабриках, внезапно был замещён ализарином. Тогда, вследствие этого события жители, занимавшиеся исключительно мареноводством, были разорены...». Упадок производства марены оставил без работы на Кавказе около 60 тыс. крестьян⁷¹¹. В конце XIX в. естественные красители стали заменять химическими, но все же у марены остались свои почитатели. Дело в том, что у травянистых красителей богатейшая палитра, в которую входят все цвета спектра. Но особенность их заключается в том, что цвета растительных красителей мягкие, они не имеют той вызывающей яркости, которая присуща анилиновым красителям.

Возделывание марены в некоторых районах Кавказа было основным занятием населения, рассчитанным на снабжение русских текстильных фабрик краской⁷¹². Марена была довольно трудоемким растением. В сухих местах она требовала обязательной поливки, и в тоже время она очень любила тепло⁷¹³. Корни марены собирали ранней весной и сушили под навесом. Красно-бордовый цвет, который можно получить с помощью корней марены, был излюбленным у мастеров-ковроделов Кавказа. Корни марены измельчали и отваривали в течение нескольких часов. Любые красители, находящиеся в цветах, листьях и корнях травянистых растений, извлекают вывариванием сырья в мягкой воде. В летнее и осеннее время для этих целей используют дождевую воду, которую специально собирают. Ключевую воду старались не использовать, т.к. в жесткой воде краситель мог выпасть в осадок. Перед тем, как опустить в экстракт марены шерстяную пряжу, ее предварительно вымачивали в растворе квасцов, который подкисляли соком из алычи⁷¹⁴.

Марена на Кавказе имела долгую историю. Как сообщал Н. Костомаров, «...еще в XVII веке довольно важна сделалась торговля мареною. Марена произрастала около Терека на протяжении шестидесяти верст. Жители Терека и гребенские казаки собирали ее, и продавали персидским купцам... Правительство долго не знало об этом промысле. Царь... приказал объявить жителям Терека, чтобы они не продавали марены в Персию, а доставляли ее в казну, которая будет платить им с прибав-

кою...; велено было строить в Тереке амбар для склада марены...»⁷¹⁵.

В начале 40-х годов XIX века И.Ф. Баранов, фабрикант из города Александров, испытал кавказскую марену у себя на фабрике и пришел к выводу, что содержание красильных веществ в ней гораздо больше и лучше по качеству, чем в дорогом голландском крапе (превращенная в порошок марена называлась «крапом»). Под руководством предприимчивого фабриканта мареноводство стало приобретать на Кавказе промышленные масштабы. Баранов вел дело «широкой рукой»: давал постоянные задатки плантаторам, чтобы они не нуждались в деньгах во время работ; заключал с ними контракты, покупая урожай на несколько лет вперед; входил в товарищеские сделки с местными земледельцами, снабжая их капиталами. Вслед за Барановым на Кавказ отправились и другие предприниматели: Зубовы, Малютины, Лепешкины и пр. Мареноводство стало быстро разрастаться, появились поклонники у кавказской марены и за границей, откуда стали поступать заказы на качественное сырье. Баранов и другие фабриканты с помощью марены понизили цены на весь ситцевый товар, кумачи, бумагу. Марена в основном шла на производство хлопчатобумажных, шерстяных, льняных и шелковых тканей. Также она использовалась при бумажном и кожевенном производстве.

Князь Воронцов живо интересовался этой отраслью сельского хозяйства и, мареноводство росло с каждым годом во время его управления Кавказом. Особенно обильны были урожаи марены в 40-х гг. XIX в. Были годы, когда цена марены доходила до 10 000 руб. за пуд⁷¹⁶. Богатством по содержанию красящего вещества отличаются корни марены; дающие до семи тонов на красной основе. В соединении с другими цветами, марена дает бесчисленное множество тонов, богатых по колориту. В Чечне встречались целые мареновые рощи, а в лесных массивах – мареновые заросли. Корни марены продавали на крупных рынках в Грозном, Кизляре, Моздоке. Столь широкая популярность марены дополнялась и лечебными свойствами, которыми она обладала. Не зря говорили, что «сеять марену – сеять золото».

В связи с бурным развитием производства кавказская марена становится на российском рынке серьезным конкурентом ее иностранным аналогам. Главными производителями и экспортерами марены в мировом экономическом пространстве в то время являлись Франция и Голландия. В Австрии, Италии, Турции и Персии развитие этой отрасли значительно отставало. С 1822 по 1827 г. в Россию было завезено 46 755

пудов европейского крапа. С 1837 по 1841 г. эта цифра увеличилась до 133 573 пудов. В следующее пятилетие (1842-1846 гг.) – эти показатели падают, и средний привоз составляет только 101 492 пуда. Значительное количество азиатской марены поступало в Россию по оренбургской и сибирской линиям, через Хиву, Бухару и Ташкент. В 1849 году из Персии было завезено 4 178 пудов марены, что также было ниже среднегодовых показателей. Уменьшение это было, прежде всего, связано с ростом отечественного (кавказского) мареневодства.

В конце XIX в. главные потребители «дербентского корня» (марены) – владимирские и московские фабриканты стали замечать присутствие разных примесей в кавказской марене: землю и песок, камни и проч. Это заставило их, и дало им предлог еще больше понизить цены и обратиться к министру финансов с жалобой на кавказских мареневодов⁷¹⁷. Из-за того, что в марену стали подмешивать другие вещества, потребители перестали доверять продавцам и стали покупать ее не в виде крапового порошка, а в сухом виде – корнем, что понижало выгоды производства, т. к. перевозка ее в громоздком виде была труднее и дороже⁷¹⁸. В 1868 году происходит нечто непредвиденное – ученые Граби и Либерман из каменного угля получили искусственную краску – алезарин, который вскоре проник в Россию и «убил» окончательно марену⁷¹⁹.

Ковроделие

Среди различных видов народного декоративно-прикладного искусства Северного Кавказа особое место занимает ковроделие⁷²⁰. Для возникновения и бытования ковроткачества наиболее благоприятными оказались условия предгорий. Локализация ковроткацких районов в подгорной зоне решает важную задачу в смысле этнической экологии. Возможность перемещений из степи в горы и обратно позволяет человеку обеспечить себя всем необходимым без нанесения существенного вреда окружающей среде. Несомненно, что ковроткачество распространено на Кавказе, в Передней и Центральной Азии с древних времен. В исторических источниках, относящихся к концу I тыс. до н.э., содержатся многочисленные сведения о развитом производстве ковров в Вавилоне, Ассирии, Кавказе. Ковроткачество возникло в среде зерновых земледельцев, ведущих отгонное и придомное скотоводство. К районам с широко развитым ковроткачеством относились юго – восточное побережье

Каспийского моря, прикаспийская низменность⁷²¹. Из Притеречных районов в производстве войлоков и войлочных изделий особо выделялись мастерицы села Шеди – Юрт, где этот промысел сохранил активную форму вплоть до 50-х годов XX века. Войлочные чехлы для ружей и холодного оружия – сохранили древнее название войлока у чеченцев. Они изготавливались из отходов, причем занимались этим наряду с женщинами и мужчины⁷²².

Войлочные ковры изготавливались нескольких видов: для покрытия пола, кровати, для вывешивания на стены, обивки средств передвижения и как подстилки (коврики) для молитв. Кошмы для пола не красили, остальные красили в яркие цвета, используя, в основном, растительные краски⁷²³. Отличительной чертой вайнахских традиционных войлочных ковров – истангов было то, что в орнамент органически вплетались ведущие звериные и фаллические мотивы, гораздо меньшее место занимал растительный орнамент⁷²⁴.

Орнаментальное творчество вайнахов

Орнаментное творчество вайнахов никогда не исходило из учета только красивой формы. Оно не признавало случайных комбинаций, возникших оторвано от исторических процессов, традиций, от реального мира⁷²⁵. Помимо ворсовых ковров, чеченцами изготавливались и гладкие ковры – одно – и двусторонние, паласы. Ковры ручной выработки были также добротны и практичны, как и фабричные. Они подкупали своей непосредственностью, несли в себе неповторимый отпечаток индивидуальности мастера⁷²⁶. Узорные войлочные ковры чеченцев и ингушей вызывают восхищение монументальностью образов, эпичностью художественного языка, уверенностью и предельной ясностью ритмов, энергией цветового аккорда. В них проявляется своеобразие орнаментального мышления и декоративно-художественного чутья вайнахских женщин⁷²⁷.

Народное искусство противостоит силам разрушения – светом и радостью жизни. Оно пленяет, чарует всем своим строем, пластичностью художественного языка, поэтическим содержанием образов, сообщающим нам тайну природности, духовности, в неотделимости друг от друга дающих ценностные ориентиры. Чувство гармонии основано здесь на интуитивном даре целостного видения мира. Это дар особый.

Он проявляется, как и в произведении, так и в самом акте творчества, направленного на родовые ценности. Радость труда начинается с овладения мастером техникой; совершенствование в этом порождает артистизм. Во всем этом творческом процессе живет тончайшая вибрация ритма, цвета, рельефа, дающая живое дыхание произведению народного мастера, как бы продолжая саму природу...⁷²⁸.

Изготовление ковра требовало художественного вкуса. С наиболее удачных вариантов снимали выкройки – на кожаном или войлочном материале и хранили в семье, передавая из поколения в поколение. Мастерницы очень ревностно относились к своим выкройкам, в них обычно присутствовали их любимые мотивы орнамента. Мастерницы предпочитали свои выкройки не показывать никому, тем не менее, желающие умудрялись с лучших ковров снимать копии выкроек и продавать их нередко на рынке за одну среднюю овцу. Ковры пользовались большим спросом у населения. Например, в каждый базарный день, в селе Итум – Кале жители местной округи приобретали до 20 декоративных ковров⁷²⁹.

Ещё в 1880 году П. Остряков писал, что «в бурочном производстве в первый раз появляются начала артельного труда так, что несколько семей занимаются делом сообща под руководством опытной мастерицы». Также, для отмывки, обработки и валяния шерсти у чеченцев регулярно устраивались «белхи» – взаимопомощь. В. Борисов в 1883 году отмечал, что в «Терской и Дагестанской областях Северного Кавказа кустарное ткачество сукон выросло из домашнего занятия, сукна стали ткать не только для одного домашнего потребления, но и для продажи на сторону, отчего производительность всё более и более развивалось»⁷³⁰.

Чеченское сукно, изготовленное в Грозненском округе, продавалось главным образом затеречному и сунженскому казачьему населению. На каждого хозяина двора в этих станицах приходилось по одной черкеске и одному башлыку из чеченского сукна. Чеченские женщины из остатков шерсти, перерабатываемой на бурки, ковры и сукна, делали по 4 перемётные суммы на двор⁷³¹. Почти каждая чеченская семья изготавливала полстяные ковры для дома. Для ковров использовалась длинная, грубая, толстая пряжа. В селении Ачхой производили узорчатые ковры из вшитого друг в друга войлока разных цветов⁷³². Приёмы изготовления войлоков с вшитым узором очень остроумны и экономичны. По одному и тому же трафарету вырезали узоры из войлоков разной окраски, например, красного и зелёного. После этого красный узор вшивался в зелёный фон

и наоборот. Получались два войлока – близнеца обратной расцветки. Ни один сантиметр материала при этом способе не шёл в отходы. Швы прикрывались белой тесьмой, которая или нашивалась сверху или особым образом ткалась одновременно со сшиванием войлока. Белая тесьма чёткой и резкой линией обводила и выделяла узор. Войлоки с вшитым узором представляли значительный интерес по разнообразному сочетанию цветов, богатству узоров, большой декоративности⁷³³. Чеченские истанги – не просто являлись украшением дома, они были посланиями, мостом между прошлым и будущим. Долгий путь прошли узоры, бережно передаваемые из поколения в поколение. Ислам не позволяет изображать живое существо, поэтому восточные ковры стали своеобразными картинами, сюжеты которых художники, мастера обозначали условными знаками – узорами⁷³⁴. Кавказские ковры вызывали неподдельный интерес во всем мире, поэтому они часто экспонировались не только в России, но и за рубежом. На Парижской выставке 1867 года Кавказским комитетом были выставлены работы горянок: ковры (стоимостью от 5 до 25 рублей) и войлоки (стоимостью от 2 до 50 рублей)⁷³⁵.

Традиционная чеченская одежда

Бурка – очень древняя одежда: ещё 2.300 лет назад греческий историк Геродот, посетивший Кавказ, нашёл здесь народ, носивший бурки, или как он их называл «чёрные плащи», о чем и поведал в своей работе. Греки так и называли этот кавказский народ «чёрными плащами» («меланхлены»). Процесс изготовления бурок довольно сложен. Укатанную бурку подвергали обработке щёткой с железными остриями, что придавало ей взлохмаченный вид. Затем бурку красили в котле с дубовой корой и с купоросом, после чего её промывали в реке, высушивали на солнце и вновь взрыхляли расчёской, а внутреннюю сторону над костром слегка обжигали, отчего она становилась снаружи лохматой, а изнутри гладкой. В заключении бурка с помощью ножниц получала округлую форму⁷³⁶. Средняя долговечность бурки у местного населения составляла 10 лет. В конце 80-х годов XIX века годовое производство бурок в Чечне равнялось приблизительно 7.400 штук на 73.300 рублей⁷³⁷. К концу XIX века производство бурок у чеченцев увеличилось до 21 тыс. штук⁷³⁸.

Падение бурочного промысла совпало с окончанием Кавказской войны, во время которой казачьему населению и всем офицерам требова-

лось гораздо больше бурок. В последствии казаки охотно стали заменять бурки солдатскими шинелями или кафтанами из верблюжьей шерсти или серого солдатского сукна. Горцы вместо бурок стали носить овчинные шубы, скроенные как черкески⁷³⁹. В 90-е годы XIX века развилась специализация аулов, по изготовлению бурок, а в городе – производство их на промышленной основе. Изготовление бурок увеличилось. По сведениям Тифлисского биржевого комитета, по бурочному производству были известны следующие селения: Старый Юрт – ежегодно производил 10 тыс. штук, Шали – 3 тыс., Зибир-Юрт – 2 тыс., Умахан-Юрт – 1 тыс., Илхин-Юрт – 500 штук и т. д. Всего население чеченских сёл производило 21 тыс. бурок в год. Одна бурка стоила 5-7 рублей. Итого в 3-х районах Грозненского округа ежегодно производили приблизительно 86-90 тыс. бурок на сумму около 900 тыс. рублей. В Грозненском и Хасавюртовском округах коврово-войлочным производством на рынок занималось 3.750 дворов⁷⁴⁰. Грозненский район производил наиболее дешёвые, ходовые бурки. Эти бурки содержали много грубой шерсти степной овцы⁷⁴¹. Центр производства чеченских бурок находился в селе Старый Юрт. Из этого села бурки распространялись по всему Кавказу. Чеченский район имел свои постоянные рынки сбыта бурок: Грозный, Наур, Моздок, Хасав – Юрт, Аксай, Владикавказ и Тифлис⁷⁴². По мере покорения и замирения края, постепенно водворялись и сношения горцев с местным населением, особенно с казаками. Шерстяные изделия туземцев вытеснили по своей дешевизне и доброкачественности фабричные изделия, подчинили себе даже вкусы и привычки казаков⁷⁴³.

Большим своеобразием отличался костюм чеченского мужчины. Исследователь Л.П. Семенов в качестве мужской верхней одежды чеченцев называет халат из цветной шелковой или шерстяной ткани. Халат был длинный, ниже колен, и под него надевали короткую стеганую одежду. Халат имел покрой черкески, но с более широкой спинкой. Старинной мужской одеждой были серые или черные рубашки из холста, льна, бязи или шелковой ткани. Черкески и бешметы надевались на рубашки. Изделия из меха и кожи были широко распространены в горной Чечне: овчинные шубы, меховые штаны, барашковая шапка, «папах», «чуваки» (туфли) и ноговицы из тонкой козлиной кожи. Мужские шапки изготавливались из меха, холста, реже – из шерстяной ткани. Позже они были вытеснены другими меховыми или войлочными шапками горцев⁷⁴⁴.

Лен у чеченцев получил распространение в качестве материала для пошива одежды. Лен срезали в начале осени, до созревания семян,

сушили и затем на 10-12 дней оставляли в запруженной воде. Вынув из воды, обламывали верхнюю корку и для извлечения нити разглаживали его коровьей или бычьей лопаткой. В этом случае нить получалась равномерной и блестящей. Эту нить чеченцы и ингуши использовали, в частности, для пошива обуви, изготовления «хуржинов» и др., из нее также плели веревки для хозяйственного использования и шили одежду. Материал для одежды делали и из камыша. Правда, такая одежда была несколько грубей обычной, но зато, как считалось, была комфортной, в жару – прохладной, а в холод – теплой. В Чечено – Ингушском объединенном музее хранились изготовленные из камыша ремни и небольшие веревки⁷⁴⁵.

Ни одна семья не обходилась без кожаного мешка – «лежиг» для переноски зерна или муки. Мешок сшивался из кусков овчины. Перемётные сумы «хуржины» и пояса для ношения кувшинов с водой изготавливались в Чечне повсеместно⁷⁴⁶. Летом горцы переправлялись через Терек на бурдюках из бараньих и козьих шкур, которые отличались от других кавказских бурдюков тем, что были сшиты шерстью внутрь, а снаружи смазывались жиром или другим веществом, не пропускающим воды; такой бурдюк имел два отверстия: одно для надувания, другое для укладывания одежды, пищи, оружия и т.п. Пешие чеченцы переправлялись через Терек, привязывая бурдюк к спине, конные брали с собой по два бурдюка; наполнив их своими вещами, они привязывали бурдюки под передние лопатки лошадей и, таким образом, сидя на конях, переправлялись через полноводный Терек⁷⁴⁷.

Основным головным убором чеченца служила конусообразная папаха, делавшаяся из овчины; а у богатых из шкуры бухарского барашка⁷⁴⁸. Иностранный исследователь-путешественник Г.Ю. Клапрот, побывавший в самом начале XIX века в Чечне, отмечал, что чеченки шьют в качестве женского головного убора шапки, очень похожие на шапки черкешенок, и носят их только чеченские девушки⁷⁴⁹.

Свадебные платья шили из шёлка – белого или ярких цветов. Женщины из богатых семей носили башмаки и туфли городского и местного производства, а также галоши. В начале развития капиталистических отношений в Чечне и Ингушетии вайнахская одежда стала постепенно вытесняться европейским костюмом⁷⁵⁰. Еще в годы Кавказской войны считалось престижным нарядиться в черкеску из тонкого европейского сукна⁷⁵¹. Среди вайнахов весьма стыдным считалось брать за шитьё одежды плату деньгами. Взамен заказчица помогала портнихе в поле или

в домашнем хозяйстве. Швейные машины стали появляться у вайнахов в последней четверти XIX века⁷⁵². Чтобы понять, как одевались горцы в то время, обратимся к наблюдениям их современника: «Жизнь на Кавказе вообще ведь поражает своею культурною пестротой. В ней рядом встречаются такие вещи и наблюдаются такие явления, которые, казалось бы, должны быть разделены громадным промежутком во времени и пространстве. Сюда быстро доходит парижская мода и «*yupes culottes*», например, вероятно, уже выписаны кавказскими дамами; но отсюда еще не ушла чадра, и здесь сохранились еще женские шальвары, свои юбки-штаны, которые носят туземные бабы. Многие горцы, как подлинные дикари, еще красят свои бороды красною краской, но и на Кавказе, конечно, имеются люди, которые спрыскивают их духами...»⁷⁵³.

На Всероссийской этнографической выставке, проведенной в Москве в 1866 году, был представлен чеченский женский костюм. Хотя выставка проходила сразу после завершения Кавказской войны, и чеченцы переживали тяжёлые времена, тем не менее, костюм чеченской женщины отличался изысканностью и роскошью. На экспозиции была представлена рубашка шелковая белая, обшитая галуном, с гранатовой пуговкой. Штаны были сшиты из глазета, чувяки обшиты серебром. Архалук также был шелковый. Бархатная полоска на головном уборе была расшита бусами, а красные тесёмки, обхватывая голову, завязывались, на затылке. Косынка вся была украшена блёстками⁷⁵⁴.

Богатые чеченцы предпочитали носить чувяки, а также ноговицы из чёрного сафьяна; иногда к таким чувякам пришивалась подошва из буйволово́й кожи. Многие надевали мягкие кавказские сапоги⁷⁵⁵. Чувяки кроились так, что имели только один шов, пересекающий всю подошву. При окончательной обработке этот шов выглаживался. У чеченцев шили чувяки с небольшими широкими голенищами. Такие же чувяки мы видим у скифов на древне – греческих вазах⁷⁵⁶. Иногда к чувякам прикрепляли особым образом подковы с шипами. Эту обувь носили на босу ногу, подкладывая пучок высушенной травы, которая была одновременно мягкой и упругой, предохраняя ступню от повреждений⁷⁵⁷.

Аппликацией из кожи украшали обувь и ноговицы, кисеты. Чаще всего сочетались чёрный и красный цвета. Археологические материалы средневекового периода показывают распространение кожаных аппликаций на всем Северном Кавказе. Привычка к аппликациям из кожи связывается и с тем, что узоры-трафареты для золотого шитья первоначально вырезались из кожи и лишь позднее на смену им пришли бумага

и картон. Встречалась аппликация из кожи на обуви, сшитой из бурочного войлока у чеченцев и ингушей. Цветовая гамма у чеченцев была более яркая, сочная, чем у адыгов, осетин и карачаевцев. Строилась она на контрастных тонах: красно-синее, красно-зелёное, чёрно-оранжевое и других сочетаниях цветов⁷⁵⁸.

Новым явлением в традиционном кожевенном производстве было то, что зажиточные люди стали нанимать ремесленников по обработке кож, а произведённый товар реализовывать на рынках русскому и казачьему населению⁷⁵⁹. Также наемные подмастерья использовались и в других отраслях кустарных промыслов. Мастеровой (обычно представитель одного из дагестанских народов), работающий в Чечне, известен у чеченцев под термином «куйичи». Он мог быть и горшечником, и медником, и серебряных дел мастером, и лудильщиком и т.п. Связь данного термина с дагестанской «столицей» ремесла с. Кубачи – очевидна⁷⁶⁰. Особенно часто медные посудные изделия производились в Чечне дагестанскими мастерами, приходившими сюда на промысел и работавшими в крупных селениях. Пришлые чеканщики, выполняя заказы, в большинстве случаев учитывали местные вкусы. Их изделия, хотя и перекликались с дагестанскими – лакскими, кубачинскими, – но не повторяли их⁷⁶¹.

Ювелирное дело

Известное развитие получило в Чечне ювелирное дело. Ювелирные изделия представляют главным образом традиционные украшения мужского и женского костюмов. При этом для женских украшений характерно сочетание серебра с позолотой. В числе женских украшений были «серебряные ошейники», на которых висели большие монеты, особенно ценились серебряные рубли, производившие большой звон при каждом движении⁷⁶². Мужские изделия – чисто серебряные, ибо серебро считалось в Чечне «мужским» металлом. Чеченские мастера работали почти исключительно с серебром, изготавливая на заказ и для продажи широкий ассортимент товаров: от богато украшенного оружия и конской сбруи до предметов домашней посуды и всякого рода безделушек. В горных районах Чечни изготавливали узкие серебряные браслеты, кольца, и перстни чрезвычайно простой формы с черневым орнаментальным мотивом, надписями, семантическими знаками и цифрами⁷⁶³. Большая часть про-

изведённых товаров скупалась перекупщиками, которые практически отрезали мастеров-кустарей от рынка⁷⁶⁴.

Пристрастие вайнахов к черневому декору серебра значительно активизировало творческие поиски и достижения как местных, так и дагестанских мастеров черни в этой оригинальной технике ювелирного искусства народов Кавказа, ставшей значительным вкладом в сокровищницу ювелирного дела⁷⁶⁵. Во второй половине XIX в. формировались ценностные ориентации на различные иноэтнические художественные традиции. Ювелирное искусство в значительно большей степени, чем другие виды народного творчества чеченцев и ингушей, испытывало воздействие дагестанских образцов. В редких изделиях прослеживаются отзвуки ногайской культуры. В селениях Ножай-Юртовского района, непосредственно граничащих с Дагестаном, работало много ювелиров аварцев и лакцев. Дагестанцы украшали свои изделия «чеченскими» узорами, особенности которых проявлялись в строгой симметрии и укрупненности орнаментальных мотивов, нанизанных на одну ось; в обильном применении чернения и фактурных разработок металлической поверхности; введения крупной зерни, столь излюбленной вайнахским народом⁷⁶⁶.

Архивные материалы почти не содержат сведений о мастерах-оружейниках, которые были, как правило, бедными людьми. Их доход был ниже уровня, подлежавшего налоговому обложению, поэтому они не интересовали царскую администрацию и не попадали в материалы проверок ремесленных заведений. В отличие от них мастера серебряного дела обычно фиксировались пробирными учреждениями. 1 июня 1832 года Государственным Советом было постановлено учредить в Тифлисе пробирную палатку, которая должна была клеймить изделия вырабатываемые местными мастерами, при необходимости производить «испытания руд и материалов, принимать от жителей драгоценные металлы». В 1886 году была открыта пробирная палатка во Владикавказе. В 1897 году была учреждена во Владикавказе должность губернского пробирера Терской области, подчиненного Донскому управлению. В ведение Владикавказского центра входили весь Северный Кавказ и Дагестан. К сожалению, архив терского пробирера не сохранился. Отчеты же о проверках мастерских и торговцев по Терской области, посылавшиеся в Петербург, за все годы деятельности пробиреров, к сожалению, не отличаются полнотой. Терские пробиреры не приводят имен проверенных мастеров, а сообщают лишь имена нарушителей пробирного устава.

Поэтому список кустарных мастеров, составленный по их отчетам, не полон. Это всего лишь список нарушителей пробирного устава⁷⁶⁷. Терский пробирер, в сферу деятельности которого входила Чечня, судя по сохранившимся отчетам, не отличался особым рвением и проверял лишь мастерские Грозного и Владикавказа. В сельские районы он не выезжал и лишь докладывал, что нарушений пробирного устава нет⁷⁶⁸. Поэтому исторические свидетельства о количестве оружейников и ювелиров в чеченских селах – крайне недостаточны.

Кавказ, как известно, является одним из древнейших центров металлургии. Данные сравнительного языкознания дают основание думать, что железо впервые появляется у кавказских народов⁷⁶⁹. Судя по таким находкам, как клёпанные из листовой бронзы котлы, найденные в Бамутских курганах, можно сделать вывод, что металлообработка в эпоху ранней бронзы достигла значительных успехов⁷⁷⁰. Понимая значение металла в жизни горцев, Кавказское общество сельского хозяйства в 1875 году создало коллекцию железных изделий, собранных из всех уголков Терской области. Чеченские кустарные промыслы были представлены инструментом для подбивки кукурузы и лопаткой для выгребания золы из камина⁷⁷¹. Примитивные с точки зрения современного человека горские орудия труда по тому времени были совершенными произведениями человеческого разума и рук. Каждое орудие создавалось с установкой на максимальную целесообразность, практичность, удобство. Представление о гармонии и красоте орудий труда закономерно вытекало из их строгой целесообразности и разумности⁷⁷².

Производство оружия

Из металлообрабатывающих промыслов в XIX века наибольшее значение имело производство оружия. Чеченцы к оружию относились очень бережно. Подарить кинжал, шашку или обменяться ими символизировало дружбу, установление мира⁷⁷³. Когда горцам царские власти запрещали носить с собой оружие, и полиция строго следила за этим, то, чтобы иметь при себе хоть вид кинжала, горцы носили одни ножны без клинка или хотя бы с клинком, но деревянным⁷⁷⁴. А.С. Френкель, для борьбы с разбоем на Кавказе предлагал полностью разоружить все мусульманское население, выкупая у него оружие. В то же время он считал, что это вызовет некоторое неудобство для населения, т.к. горцам

придется отправляться в дорогу без оружия, им невозможно будет охотиться, нести караул и т.п.⁷⁷⁵ Учтя все положительные и отрицательные стороны, а также возможности власти, решено было отложить полное разоружение горцев.

У горцев было много самобытного, оригинального оружия. В ходе Кавказской войны солдаты царской армии впервые столкнулись с довольно странным защитным оружием горцев – с так называемой рогулей, которая служила защитой то удара саблей, шашкой. Такую рогулю обычно делали из железа или стали длиной не более полуметра, она имела утолщённую ручку с деревянной рукояткой. Горцы прятали её под шубой или черкеской, в бою же молниеносно подставляли под удар сабли или шашки. Сабля, попавшая в рогулю, ломалась или получала сильную зазубрину, так что больше ею пользоваться было нельзя. Такая рогуля служила и подставкой для кремневого ружья⁷⁷⁶. Путешествовавший по Северному Кавказу в 1797-1798 гг. Я. Потоцкий указывает на то, что впервые видел здесь черкеса, стреляющего из лука. В.И. Марковин пишет: «Воин-вайнах всегда имел при себе холодное оружие (кинжал, а то и саблю), лук и набор стрел с железными наконечниками. Если же дело доходило до настоящей брани, он облачался в кольчужную рубаху с короткими рукавами из хорошо прокованных железных колечек, надевал цельнокованный железный шлем и брал круглый щит». Описывая боевое снаряжение черкесов, М.Ю. Лермонтов говорит не только об огнестрельном оружии, но и о старинных доспехах: так Измаил в бою появляется «в броне железной» и т.п.⁷⁷⁷

Перевооружение частей русской армии по кавказскому образцу

Предметы вооружения Терского казачьего войска первоначально заказывались руководством на Златаутовском заводе, а затем продавались казакам, причем шашка с отделкой и портупеей обходилась в 8 рублей, а кинжал с поясом – в 4 рубля. Однако и начальство и казаки Терского казачьего войска обратились к начальству с заявлением, что Златаутовские кинжалы стоят дороже лучших кинжалов местного изготовления на 1,5-2 рубля, а по своим качествам (слишком хрупкая сталь) не соответствуют своему назначению. В связи с данным заявлением, Военный Совет разрешил Терскому казачьему войску закупать оружие у местных

мастеров⁷⁷⁸. Кубанское и Терское казачьи войска были вооружены шашкой так называемого «казачьего образца». Это простая шашка горцев Кавказа с утопленной рукояткой. 8 апреля 1881 г. последовало высочайшее утверждение новых образцов шашек для русской артиллерии. В новых шашках кривизна клинка была сделана по образцу кавказских «волчков». Кроме того, был уменьшен вес клинка, его центр тяжести был перенесен ближе к боевому концу. К новым шашкам теперь полагались только деревянные ножны, вместо железных. Железные ножны были оставлены только в некоторых полках гвардейской кавалерии, как парадное оружие⁷⁷⁹. В 1910 г. было разрешено офицерам всех кавказских частей носить шашку «азиатского образца», в то время как в остальных частях русской армии была введена так называемая пехотная сабля, вошедшая по земле⁷⁸⁰.

Первоначально сабля была как рубящим, так и колющим оружием. В XIV веке на сабле появляется елмань – утолщение в боевой части клинка, которое утяжеляло оружие и увеличивало силу удара. С этого времени сабля становится преимущественно рубящим оружием. Русская конница переняла у кочевников технику сабельного боя, стрельбу из лука и манеру высокой седловки. Сабля имела малую массу (без ножен 850-950 г.) и значительную кривизну клинка. С XIII века сабля приходит на вооружение русской конницы, постепенно вытесняя меч. Позже саблями вооружились стрельцы и казаки⁷⁸¹.

При изготовлении оружия мастера использовали в своем творчестве, с одной стороны, стилевые особенности форм других национальных традиций, с другой стороны – иностранные материалы, в первую очередь клинки. Так, мастера – оружейники из Златоуста виртуозно украшали русскими узорами шашки и кинжалы, имевшие формы, традиционные для Северного Кавказа. Таких примеров творческой переработки традиционно сложившихся форм можно привести немало⁷⁸². В настоящее время в парижском Музее Армии можно увидеть образец кавказской шашки с надписью: «Кавказская шашка, принадлежавшая капитану Розену, адъютанту генерала Меншикова, позже Горчакова во время осады Севастополя. Розен отдал эту шашку капитану Вансону в лагере Камеш после окончания военных действий в апреле 1856 года. Дар генерала Вансона»⁷⁸³.

С завершением Кавказской войны производство горского оружия, прежде всего огнестрельного, сокращается. Впервые меры по ограничению распространения вооружения на Кавказе среди горских народов

были приняты во время Кавказской войны. В высочайше утвержденных «Правилах для таможенного надзора по Кавказской линии» от 13 марта 1835 г. точно определялось, какие из видов вооружения запрещалось пропускать к горцам по всей Линии. Оружие и боеприпасы для армии, а также холодное и огнестрельное оружие, в небольших количествах находящиеся при приезжающих из России, пропускалось через Кавказскую линию только в городах Екатеринодаре и Кизляре. Частным лицам и нижним чинам запрещалось провозить через Кавказскую линию свыше положенного комплекта патронов⁷⁸⁴.

Помимо преследования властей свою роль сыграло всё более широкое распространение скорострельного оружия российского и иностранного производства. У. Лаудаев приводит несколько названий для огнестрельного оружия, свидетельствующих о его происхождении: «Из ружей преимуществуют мажартоп, – вероятно, венгерские; ценятся также ружья, называемые gryme (крымские) и бахчисарай. Из пистолетов славятся вендит, или венецианские; перенг, или французские; генже, получившие название от пистолетов из Генуи»⁷⁸⁵. Итак, огнестрельное оружие в значительной мере было привозным из Европы (французское, итальянское и др.). В годы Кавказской войны горцы получали современные нарезные английские ружья через посредство Турции и отдельных перекупщиков. С помощью этих «заграничных» поставок они поражали русских военных с расстояния 500-600 метров⁷⁸⁶. Со временем в Чечне стало преобладать только холодное оружие, являвшееся незаменимым атрибутом национального костюма⁷⁸⁷.

Большими достоинствами отличалась кавказская винтовка. Прежде всего, она была очень лёгкой. Горцы раньше, чем было усовершенствовано русское пехотное ружьё, дали своему ружью нарезы и достигли этим дальности, поэтому кавказская винтовка, при особом устройстве прицела, далеко превосходила русское солдатское ружьё (до введения штуцеров). Оригинальными были и кавказские пистолеты с хитроумными приспособлениями для многозарядности, изобретёнными раньше, чем европейский револьвер барабанной системы. Интересно отметить, что некоторые кавказские пистолеты имели ложи, по форме напоминающие ружейные⁷⁸⁸. Случалось, что за ружье или шашку платили двести баранов, или столько же рублей⁷⁸⁹. По свидетельствам старожилов, чеченцы добывали свинец на руднике близ селения Хакмадой. По некоторым данным чеченцы делали порох, извлекая селитру из некоторых трав⁷⁹⁰. Помимо военных целей свинцовые пули использовались че-

ченцами в различных обрядах в качестве жертвоприношения в местных святилищах. В склепах нередко находят свинцовые пули – в кожаных мешочках, в кисетах, которые прикреплены к поясам умерших⁷⁹¹.

Пули горцев, сделанные в большинстве случаев из сплава свинца и меди, имели малый калибр (иногда размером с горошину) и, благодаря высокой скорости полета, «прошивали» мягкие ткани, не нанося тяжелых повреждений противнику. Имелось много примеров, когда солдаты с простреленными руками и даже ногами совершали длительные переходы. После и даже во время боя горцы осматривали деревья и выковыривали из-под коры застрявшие там пули. Самодельный порох горцев был очень гигроскопичен и не мог применяться в сырую погоду, поэтому его смешивали с «русским», который добывался всеми правдами и неправдами. Лакомой добычей были патронные сумки павших солдат, а также фуры с боеприпасами⁷⁹².

Д.А. Милютин принимал непосредственное участие в боевых действиях на Кавказе и имел возможность ознакомиться с действиями кавказских войск и убедиться в несовершенстве их тактики. Тут не было того превосходства, которого следовало ожидать от «европейского регулярного войска», победившего армию Наполеона, над «неустроенными толпами вооруженного населения». Напротив, по его мнению, превосходство часто оказывалось на стороне горцев. Это объяснялось не только хорошо знакомой им и удобной для обороны местностью, умением приспосабливаться к ней, хорошим качеством огнестрельного и холодного оружия, но и меткостью ружейного огня противника⁷⁹³. Генерал-майор А.Ф. Сорокин также отмечал, что «...Горцы владеют оружием с особенною, только им свойственною ловкостью»⁷⁹⁴. У крепости Грозной и в районе села Гехи чеченцы использовали не только ружья, но и пушки. Горские пушки были вполне приспособлены к местным условиям, имели относительно небольшой вес и не уступали русским орудиям по дальности стрельбы. Горцы очень умело, и весьма результативно использовали свою артиллерию⁷⁹⁵.

Отсталость отечественной военной промышленности, с одной стороны, и отсутствие средств для приобретения новых видов вооружений за границей – с другой, сильно тормозили дело перевооружения и помешали Милютину добиться сколько-нибудь существенных результатов в этой области. Ему приходилось непрерывно бороться с Министерством финансов, отстаивая требуемые им ассигнования на перевооружение армии, причем министр никогда не получал требуемых сумм. Большим

препятствием, по словам Милютин, было «вмешательство в это дело, под эгидой наследника цесаревича, людей неспециальных, вовсе не знакомых с техникой оружейного дела и взявшихся за переделку наших ружей по какой-то случайно попавшейся им в руки неиспытанной системе». Вокруг наследника увивались различные дельцы только с одной целью: как бы побольше нажиться на поставке оружия, предлагая закупать вооружение в Европе. Милютин же придавал большое значение развитию отечественной военной промышленности, понимая, что только она может обеспечить армию в мирное и тем более в военное время. В одной из своих резолюций относительно приобретения ружей за границей военный министр писал: «Россия – не Египет, чтобы ограничиться покупкой ружей за границей на всю армию. Мы должны устроить свои заводы для изготовления в будущем наших ружей...»⁷⁹⁶.

В ходе реформ 60-70-х годов XIX века были выработаны основополагающие принципы снабжения армии артиллерийским вооружением и боеприпасами. Они сводились к следующему: к иностранным заказам прибегать только в исключительных случаях, опираясь, прежде всего, на отечественного производителя; наряду с казенными заводами по производству артиллерийского вооружения и боеприпасов должны существовать и частные. При этом казенные предприятия должны служить «регулятором-конкурентом» для частных, школой для накопления специалистов. Не менее 60-70 % заводов, производивших вооружение, и от 80 до 100 % занятых производством боеприпасов должны были контролироваться государством, т.е. быть казенными. Размещение заказов на снаряды за границей в интересах государственной безопасности запрещал Государственный Совет, к зарубежному производителю прибегали только в случаях ведения войны⁷⁹⁷.

Переворужение позволило Кавказской армии вести борьбу равноценным оружием. Офицер 82-го Дагестанского пехотного полка писал, что после пленения в 1859 г. Шамиля среди горцев распространилась идея, что «русские водят дружбу с чертями». Сталкиваясь со своим противником на базаре, горцы пытались выяснить, откуда появились «ружья, которые бьют так далеко, а главное, такую большую пулю, в которой есть и свинец, и куски железа (горные орудия)». Подобная пуля, по утверждению горцев, попадая в руку, ломала кость. Если прежних ружей горцы не боялись, т.к. солдаты из них стреляли очень плохо, особенно после дождя, то после перевооружения русской армии положение горцев значительно усложнилось⁷⁹⁸.

Кавказ на протяжении многих лет был для русской артиллерии военным полигоном, где отбатывались тактические приемы, и испытывалось новое оружие⁷⁹⁹. В 1830 г. на Кавказе началось формирование постоянных частей горной артиллерии. В 1838 г. на вооружение армии были приняты первые горные орудия специальной разработки – $\frac{1}{4}$ пудовый (122 мм.) единорог и $\frac{1}{2}$ пудовая мортира (на Кавказе испытывались с 1834 г.). В 1834 г. начальник артиллерии Кавказского корпуса генерал Г.Ф. Козлянинов писал: «...артиллерия нового устройства служит с пользой; она открыла пути в неприступные места, где никогда не была бы нога без ее содействия; а во многих случаях спасла отряды и самих отрядных начальников...»⁸⁰⁰. В 1840 г. были введены картечные гранаты, изобретенные в 1803 г. английским генералом Шрапнелем; в 1844 г. утверждены новые правила для вооружения крепостей; в 1845 г. получили новую организацию бригады кавказской артиллерии и учреждены особые горные роты. При Михаиле Николаевиче (наместнике на Кавказе), началась усиленная деятельность по артиллерийскому перевооружению. С 10 августа 1860 г. в армии стали использовать нарезные пушки, заряженные цилиндрическими гранатами⁸⁰¹.

Переворужение – как форма двустороннего заимствования в ходе Кавказской войны

Русская артиллерия оставалась средством военного и морального превосходства царских сил над горцами до 1842 года, когда Шамиль начал создавать свою артиллерию. Уже в следующем году она нанесла серьезный урон противнику. Первоначально артиллерия горцев состояла из трофейных орудий. Во время сражения в Ичкерии (1842 г.) два таких орудия попали в руки горцев, а в 1843 г. было захвачено 27 русских пушек. Тогда и было начато производство собственной горской артиллерии, и это дело оказалось очень сложным. «Когда кончилась отливка, – отмечал секретарь Шамиля, – и начали стрелять из пушки для пробы ядрами, то она разорвалась и разрушилась. Тогда имам поклялся: «Клянусь, мы отольем все-таки ее, хотя пришлось бы мне продать свою лошадь и ружье»». Ученый М.Казем-бек, который встречался с Шамилем в 1859 г., отмечал, что «артиллерия у него до ста орудий». На пушках, которые были отлиты в имамате, ставилась личная печать Шамиля⁸⁰².

В первые годы Кавказской войны происходило ознакомление обеих сторон друг с другом, поскольку боевые возможности русских были также мало известны горцам, как военные качества кавказцев – россиянам. Обе стороны заплатили за «расширение кругозора» очень высокую цену. Политические, социально-экономические и природно-климатические реалии этого региона определили особый характер «организации пространства войны», в котором многие европейские стратегические установки и тактические приемы оказались не эффективны. Противоборствующие стороны поневоле стали заимствовать друг у друга методы и формы борьбы. Так, чеченцы прониклись уважением к «царским пистолетам», как часто они стали называть пушки, дававшие русским войскам огромное преимущество. Затем чеченцы наладили собственное производство этого вида вооружения⁸⁰³.

Чеченские шашки

Чеченцы славились качественным изготовлением оружия. В 1897 году один из кавказских краеведов писал, что «ещё в самое недавнее время во многих аулах Терской области выделялись очень порядочные клинки; наибольшею известностью пользовались клинки атагинских мастеров, попавших даже в казачьи песни»⁸⁰⁴. Чеченские мастера знали секреты обработки булатных клинков и так называемой «дамаской» стали, что позволяло им изготавливать шашки, которые можно было свернуть вокруг пояса или положить в домашнее сито для просеивания муки. На изготовление некоторых уникальных клинков мастера затрачивали до 10 лет, их обработка всегда велась на буковом угле. Закалка производилась по частям самыми разными способами: воздушная, при помощи воды, различных жиров (например, волчьего и медвежьего), соли, песка и т.п.⁸⁰⁵. Считалось, что закаленное с помощью животного жира оружие приобретает качества волка или медведя. Часто клинки сабель и кинжалов украшали рисунком, изображающим бегущего волка, поэтому среди терского казачества за ними закрепилось название «волчки». Обычно эти сабли выделялись из привезенной стали или перделывали из других клинков и мечей. Так, одна из найденных в Чечено-Ингушетии шашек – «волчков» – переделанный меч крестоносца XIII – XIX веков⁸⁰⁶. Чеченцы делали клинки шашек такого отличного закала, что могли резать кремь, что и делали горцы, водя лезвием взад и впе-

ред по кремнию, как смычком по скрипке⁸⁰⁷. В конце XIX века широкое распространение среди вайнахов получили клинки дагестанского типа, характерными признаками которых являлись более внушительные размеры, ромбовидность в сечении и по одному желобку, расположенных не на одной линии клинка. Отличны от них были традиционные вайнахские кинжалы, которые более легки, в сечении имеют очень сложный рисунок, два и более желобка на плоскости⁸⁰⁸.

Появление шашки на Кавказе выводят из Турции либо Ирана, мотивируя это отсутствием раздвоенных наконечников на клинковом оружии, производившемся в других частях света. Но в Европе также была широко распространена подобная конструкция. Шашка при всей своей небольшой длине и кривизне (по сравнению с саблей) очень удобна именно для ношения лезвием вверх и, естественно, для применения из этого положения. Подвешивание шашки лезвием вверх увеличивало самое главное – скорость первого удара. Позже, когда шашка вытеснит саблю из боевого комплекта вооружения, последнюю горцы продолжают хранить и надевать с парадными доспехами⁸⁰⁹. На Кавказе к оружию предъявляли немало требований. Клинок шашки, прежде всего, должен был быть «легким как перышко, упругим как лоза и острым как бритва». Как писал В.А. Потто, после прихода на Кавказ русские были очарованы шашками горцев, «удары которых, нередко перерубавшие ружейные стволы и даже рассекавшие панцири, приводили всех в изумление»⁸¹⁰. Интересно заметить, что Россия раньше других европейских стран приняла саблю и оценила ее боевые возможности⁸¹¹.

Холодное оружие (шашки) у казаков имелось, но за весьма малым исключением, кавказской работы. С выселением горцев в Турцию, снабжение Кубанского и Терского войска шашками стало весьма затруднительно, в чём признавались официальные власти⁸¹². Чеченские шашки пользовались успехом у русских офицеров. До сих пор в музее Льва Толстого висит шашка, подаренная ему Садо Мисирбиевым⁸¹³. Когда А. Дюма (отец) путешествовал по Кавказу, он очень высоко оценил мастерство местных умельцев, а черкеску, которую ему подарили, он не снимал, считая ее красивой и практичной⁸¹⁴. По наблюдению французского писателя «...оружие у чеченцев обычно было так светло, так гладко вычищено, что его можно было принять за серебряное»⁸¹⁵.

В годы Кавказской войны кинжал был очень популярен не только среди чеченцев, но и у русских. Это обуславливалось, прежде всего, его хорошими техническими характеристиками и удобством. Главной

конструктивной особенностью образцов оружия, называемых «кинжалами», является наличие у них особой формы клинка – двухлезвийного, оканчивающегося острым концом, у которого сходятся оба лезвия. При этом надо отметить, что клинок этот может быть прямым, с рукоятью, прикрепляемой к клинку строго параллельно продольной оси клинка, или изогнутым. С давних пор для поражения противника наряду с ножами применялись и кинжалы. В XVI – XVII веках в фехтовальных школах Италии и Испании в дополнение к рапире стали использовать кинжал, который служил для вооружения левой руки. Этот способ фехтования быстро распространился по всей Европе⁸¹⁶.

Кинжалы

Следует отметить, что в 1904 году был официально утверждён тип холодного оружия (кинжал), применявшийся казаками уже несколько десятилетий. Это оружие, заимствованное у горцев, с течением времени подвергалось лишь несущественным изменениям, не затрагивающим конструктивные основы. Приказ по военному ведомству 1871 года за № 380, устанавливавший форму обмундирования и снаряжения Кубанского и Терского казачьих войск, очень определённо описывал холодное оружие: « Кинжал должен быть азиатский с произвольною оправою, привешиваемый к поясу, а шашка азиатского образца с произвольною отделкою». При опускании острия шашек и кинжалов на железный лист клинки пробивали его без малейшего для себя вреда. При рубке меди и железа отлично зарекомендовали себя лезвия, не получившие ни помятостей, ни зарубок⁸¹⁷. Производство ножей было сосредоточено главным образом в Чечне и на Кумыкской плоскости. Лезвие дорогих сортов кавказских ножей сваривалось из мелких кусков ржавых гвоздей и затем хорошо прокаливалось особым способом⁸¹⁸.

Кинжалы – традиционное вайнахское оружие. Наиболее древние кинжалы были обнаружены около с. Сержень-Юрт и с. Зандак. Эти предметы, относящиеся к VIII в. до н.э., были изготовлены из железной заготовки и подвергнуты целенаправленному цементированию поверхности. Стоит отметить, что сам процесс искусственного получения стали в начале железного века, был достаточно трудоемким. Для получения науглероженного слоя толщиной 5 мм. необходимо было выдерживать предмет при нагревании в течение 9 часов при температуре 910

градусов⁸¹⁹. До XIX в. кинжалы чеченцев были широкими (до 7-9 см.) и длинными (до 60 см), имели ребристую поверхность и заканчивались длинным острием. Кинжалы с удлинённым и тонким острием называли «противокольчужными». С середины XIX века и особенно после окончания Кавказской войны кинжалы стали меньше изящнее.

Кинжал носил каждый мужчина, начиная с 14-15 лет. Конечно, очень престижно было иметь хороший кинжал, например такой, чтобы одним ударом можно было рассечь бурку на две части. О существовании уникальных по прочности клинков свидетельствовал Г.А. Вертепов: «...В Сунженском отделе мне удалось видеть кинжал известного мастера... лезвие его, с одной стороны обыкновенное, с другой зазубрено в виде пилы, которою свободно можно было распиливать самую крепкую сталь. Закалка этого кинжала была настолько хороша, что не поддавалась слесарным инструментам, и когда владелец задумал снять зазубрины, пришлось «отпустить» клинок, в ущерб его прочности. Подобные клинки встречаются теперь как большая редкость...»⁸²⁰.

С начала XVIII века и до начала XX века распространен был особый, кавказский тип кинжала – с прямым лезвием. У ингушей и чеченцев это оружие достигало значительных размеров – шириною «в четыре пальца» и длиной до 70 см.⁸²¹. В городе Грозном выделывали кинжалы, достигавшие иногда длины 1,2 метра и напоминавшие мечи⁸²². Кинжалы использовались не только в бою, но и в быту, а также при устройстве оборонительных сооружений. Благодаря конструкции рукояти кинжала, кинетическая энергия удара увеличивалась примерно в 1,6 раз. При рытье траншей горцы использовали только кинжалы и небольшие деревянные лопаточки. Традиция подвешивания кинжала на середине живота восходит к началу I тыс. до н.э.⁸²³.

Специфической чертой чеченских кинжалов и отчасти шашек является украшение клинков гравировкой, а иногда и инкрустацией – растительным и геометрическим орнаментом, арабскими надписями – изречениями из Корана. Гравировкой иногда покрывали всю поверхность клинка. Нередко мастера писали свои имена гравировкой или инкрустацией, иногда штампом выбивали клеймо со своим именем. Украшение оружия серебром не было распространено в Чечне, господствовал строгий стиль: рукоять из рога или кости, ножны, оклеенные черной кожей с железным устьем, обоймицей, наконечником. Многие мастера – клинчники сами делали прибор к своим шашкам и кинжалам⁸²⁴.

Аул Джигурта приобрел известность как один из центров произ-

водства холодного оружия в XVIII – XIX вв. Оржейным делом в селекции занималась только одна семья – Рашидовы. Мастера оружейного дела Рашидовы сами изготавливали для своих изделий рукояти из рога буйвола, моржовой и слоновой кости. Рукояти делались двух видов: цельные и составные. Ножны обтягивались черной кожей, прибор – металлической, наконечник спрятан под кожу, виден только шарик. На клинках работы Махмада Рашидова имеются, кроме клейм, надписи, выполненные инкрустацией из медной проволоки. У Рашидовых было клеймо (мохар) в виде кувшинчика; на дне клейма имела медная пластинка с выбитым именем мастера. Благодаря высокому качеству клинков, Саид Рашидов стал одним из лучших поставщиков оружия для армии Шамиля, для мюридов и наибов имамата. После окончания Кавказской войны Саид и Махмад, а затем и их потомки выполняли заказы для Терского казачьего войска. У них был очень выгодный заказ на клинки шашек «Терсмаймал». Рашидовы имели постоянных украшателей оружия. На клинках они часто изображали солнце; ножны были с солярными знаками. Орнамент схож с украшением безворсовых ковров «истанг». Мужские чеченские пояса для ношения кинжалов украшали очень редкой техникой – золотой насечкой по серебру на черневом фоне⁸²⁵.

После строительства Северо – Кавказской железной дороги мастера в качестве сырья стали использовать вагонные рессоры, которые подвергались, по выражению мастеров, «процессу очищения». Рессоры разрезались на полосы и погружались в состав, состоящий из соли, чеснока, серы, помета водоплавающих птиц и других компонентов. Этот состав содействовал ускорению процесса коррозии. Затем металл прокаливали и вытягивали, сворачивали в спираль, а затем снова превращали ее в полосу и помещали в прежний состав. Эти процедуры повторяли многократно, пока не добивались нужного результата. Некоторые мастера использовали для закаливания уголь, полученный из белой древесины⁸²⁶.

Знаменитые чеченские оружейники

До недавнего времени были известны имена лишь 14 чеченских оружейников. В 1995-1998 гг. И.А. Асхабов обследовал селения, которые в прошлом были известны как центры оружейного производства. Опросом потомков мастеров и старейших жителей селений он восстановил

имена еще 157 мастеров, составив список из 171 человека. Но этот список, конечно, не полон: во время депортации 1944 г. и в современной Чеченской войне погибли и потомки мастеров, поэтому некому вспоминать имена своих предков. Известным центром кузнечного мастерства было селение Старый Юрт (с. Дайкур – аул). С этим селением связаны имена известных мастеров холодного оружия Муртаза – Али и Чиллы. По рассказу внука Чиллы, он был уже известным клинчником, когда примерно в 1890-1893 гг., переехав во Владикавказ по совету одного офицера – осетина, для которого он изготовил шашку и кинжал. Во Владикавказе Чилла открыл небольшую мастерскую и вскоре приобрел известность, особенно среди офицеров. Он выполнял заказы военных и гражданских лиц Владикавказа, Тифлиса, Петербурга. Чиллу, единственного мастера – оружейника, упомянул в «Очерках кустарных промыслов Терской области» Г.А. Вертепов, отметивший, что во Владикавказе «...известен некий Чилли, кинжалы которого с вороненым лезвием обладают необычайно высокими достоинствами, однако малодоступны по цене (от 15 до 25 руб.) и поэтому не находят себе широкого сбыта»⁸²⁷.

В Дарго работали пять семейств оружейных мастеров: Авторхановы, Велиевы, Исаевы, Мунциговы, потомки Геты. Один из мастеров рода Авторхановых, Сабар (род. в 1855 г.) кроме клинков изготавливал револьверы системы Наган и Кольт⁸²⁸. Старожилы из села Дарго называют мастеров своего селения, делавших ружья для армии Шамиля – это мастер Гета (1790-1895) и его сын Дуска (1815-1895). Особенно славился Дуска, его называли одним из лучших мастеров не только в Чечне, но и на всем Кавказе. Старожилы рассказывали о запрете, наложенном Шамилем на продажу ружей Дуски противнику под страхом смерти. Кроме ружей, Дуска изготавливал пистолеты. Сохранилось одно ружье Дуски. Его ствол выполнен из дамасской стали. В тот же период в Дарго работал мастер по имени Бетирха (1820-1925), также изготавливавший ружья и пистолеты.

В селе Большие Атаги проживали мастера Мута (род. в 1830 г.) и его сын Гапа, называемый Муты Гапа (1850-1943). Гапа, как и его отец, делал ружья и пистолеты, но когда спрос на кремневое оружие упал, стал делать холодное оружие. В Атагах проживала семья Магомедовых, которые, будучи в основном мастерами холодного оружия, изготавливали также замки для ружей и пистолетов⁸²⁹. В Ауховском районе, в селе Шир – Юрт особенно был известен мастер Кадыр (сер. XIX в.) и три его сына, делавшие кроме холодного и огнестрельное оружие⁸³⁰.

Чеченские образцы прикладного искусства на выставках и в музеях

Первый музей в Чечне открылся в ноябре 1924 года. Это был Окружной музей Грозненского отдела народного образования. Основ его фондов составило собрание оружия древних времен и периода Кавказской войны XIX века: шамилевские ружья, пистолеты, ценнейшие коллекции древнеперсидского и русского вооружения (кольчуга, мечи, копья, щиты, самострелы и т.д.), предметы культа, быта, декоративно – прикладного искусства и художественных промыслов чеченского и других народов области⁸³¹. Во время Северо-Кавказской историко-бытовой экспедиции, проводившейся Историческим музеем в 1936-37 годах, в селе Цонторой была приобретена польская сабля 1614 года, в селе Дарго членам экспедиции показали венгерскую (XVIII в.) и немецкую (XIX в.) сабли. Обычно, в ходе боевых действий, иностранные клинки снабжались рукоятками местной работы⁸³². В конце XIX века широкое распространение среди вайнахов получили клинки дагестанского типа, характерными признаками которых являются более внушительные размеры, ромбовидность в сечении и по одному желобку, расположенных не на одной линии. Кинжалы эти были широко известны среди чеченцев. Отличны от них традиционные вайнахские кинжалы, которые единичны, более легки, в сечении имеют более сложный рисунок, два или более желобков на плоскости⁸³³.

Оружие народов Кавказа получило высокое признание и на мировом уровне. Так, оружие, изготовленное Амирхановым Абитой (с. Андреевское), экспонировалось в русском отделе Парижской выставки. Его шашка была оценена в 20 рублей, кинжалы в 8,10,35 рублей, кинжальные ножи в 80 рублей⁸³⁴. Несмотря на то, что выставки в целом готовились достаточно традиционно, на них проявлялись и некоторые новые тенденции общественной жизни. По примеру Парижской всемирной выставки 1867 года, впервые широко отразившей жизнь колоний, на Петербургской выставке были выделены разделы Кавказа, Туркестана, Сибири. Разделы национальных окраин знакомили посетителей с природными ресурсами этих территорий, этнографией коренных народов.

В пореформенный период в отечественную выставочную практику впервые вошли многие новые элементы: организация учебного дела и территориальных отделов; привлечение к подготовке выставки научных организаций, создание на местах губернских вспомога-

ных комитетов; усиление наглядности и обучающих возможностей экспозиций путем демонстрации, наряду с готовыми изделиями, самого процесса изготовления; приглашение для знакомства с выставкой представителей иностранных держав; возвращение на всероссийскую промышленную выставку ремесленной продукции, устройство публичных лекций, экскурсий и т.п.⁸³⁵

В настоящее время в Государственном Этнографическом музее, в особой кладовой хранится изумительной красоты и филигранного качества кинжал с ножами, изготовленный кистинским мастером. Самым удивительным в этом великолепном холодном оружии является изображение маленькой поющей птички прямо на конце желобка (для стока крови) его стального лезвия. Таким образом человек, изготовивший смертоносное оружие – воспевал жизнь. Заслугой Этнографического музея является бережное отношение к народному творчеству кавказских горцев. В 1904 году этим музеем была организована экспедиция на Кавказ, в результате которой из Урус – Мартана в Петербург доставили: лук, ткацкий станок, прибор для выбивания огня из кремния, кузнечные инструменты, серп для кукурузы, бурав, ножницы, мебель, войлочные ковры. Следующая экспедиция отправилась в Терскую область в 1907 году. С.А. Гатуев привёз в Этнографический музей следующие чеченские вещи: серьги серебряные, перстень женский с арабской вязью и перстень мужской; музыкальные инструменты, железный таганок, металлические «кошки» для лазания по деревьям, маслобойку, ошейник, бурку, чётки. В 1978 году Этнографический музей командировал В.А. Дмитриева в ЧИАССР для сбора предметов обихода конца XIX-нач.XX вв. В результате этой экспедиции коллекция музея пополнилась многими ценными чеченскими вещами. В Ленинград были доставлены: серп, маслобойка (с. Герменчук нач.XX в.), шумовка из лужёной меди и железа (с. Мехкеты кон.XIX в.), кружка из меди с узором (с. Ведено XVIII в.), чашка керамическая (с. Мехкеты XIX в.), черпак из дерева (с. Хани-Кала XIX в.), доска молотильная (с. Ихорой), кумган из лужёной меди (с. Ведено кон. XIX в.)⁸³⁶.

В собраниях разных музеев встречаются клинки кинжалов, подписанные по – русски «Чилла». Иногда это же имя передано в арабской графике. Изделия Чиллы в народе назывались «Чилли буолат», то есть лучшая сталь Чиллы. Однако, Чилла не производил выплавку стали; он получал готовую сталь от русских и чеченцев, привозивших ее из Дамаска; выковывал из нее изделия и особым способом закаливал. Эта

закалка и придавала стали особые качества. У Чиллы, единственного из владикавказских мастеров, покупала клинки фирма Зинаиды Коджоянц, обычно выписывавшая клинки из-за границы. Известно, что Чилла подарил шашку и кинжал начальнику Терской области. Затем такой же комплект он изготовил для наместника Кавказа князя Воронцова – Дашкова, а потом и для Николая II. За высокое качество работы он получил в награду от начальника Терской области позолоченный чайный сервиз и право ношения огнестрельного оружия; от Воронцова – Дашкова – золотой медальон с цепью, а от императора – золотые швейцарские часы с надписью «Известному кавказскому мастеру по изготовлению холодного оружия Чилле Муртазалиеву»⁸³⁷. Другому российскому императору – Александру III в 1888 году, во время его поездки по Кавказу, был подарен комплект оружия, который в настоящее время хранится в двух музеях – Российском этнографическом музее в Петербурге и в Гатчинском арсенале. В этнографическом музее хранится шашка, на рукояти и клинке которой имеется арабская надпись, переводимая следующим образом: «Это Величайшему Императору Александру III по случаю прибытия его на Кавказ в 1888 году от жителей Чечни, от избытка радостной любви сердец. Работал Якуб Муаин Астамар». В Гатчинском музее хранится шашка, ружье и пороховница, поднесенные императору⁸³⁸.

Чеченские всадники обыкновенно были вооружены кинжалами, шашками, пистолетами, а некоторые и ружьями. Среди взрослых были и мальчуганы лет 10-12 с длинными кинжалами или пистолетами за поясом. Станный контраст с этими вооружёнными хозяевами плоскости составляли «пришельцы» – русские солдаты. Нередко человека по два, по три пробирались они из одного укрепления в другое. «Оружия никакого. Расстёгнутый, в одной рубашке, плетётся себе спокойно, будто в своей родной сторонushке, в Тамбовской или Вятской губернии» – свидетельствовал краевед Н. Семёнов. Чеченцы сотрудничали с воинскими гарнизонами. Они часто передавали свои покосы расположенным вблизи войскам с тем, чтобы половина скошенной травы составляла плату за труд солдат, а другая поступала в пользу хозяев⁸³⁹.

После завершения Кавказской войны чеченское население не стали разоружать из-за опасений всеобщего восстания. Выборочно некоторые сёла разоружали, в наказание за возмущение или из-за страха перед восстанием. Так, в 1889 году для конфискации оружия к селу Старый Юрт пришлось выдвинуть два батальона и два эскадрона⁸⁴⁰. В Терской области, при наместнике на Кавказе князе Г.С. Голицыне, были обезору-

жены и лишены права ношения оружия жители чеченских сёл: Дышни – Ведено, Кени – Юрта, Кади -Юрта и др. В некоторых случаях жители сдавали оружие добровольно⁸⁴¹.

Одно из древних ремёсел – кузнечество – получило у чеченцев значительное развитие. Кузнецы почти во всех сёлах содержались на общественные средства. Сельское общество выделяло кузнецу из общественного фонда пай, предоставляло право выпаса скота на общественном пастбище, освобождало от натуральных повинностей, выплачивало хлебом – по две меры кукурузы – или же деньгами – по 50 копеек с каждого двора. Кузнецы были в каждом селении: в горных – по 1-2 кузнеца, в больших равнинных доходило и до 5⁸⁴².

Обычно кузнец не только изготовлял новый или чинил старый нехитрый хозяйственный инвентарь сельчан, но и занимался слесарным ремеслом. В конце XIX века по количеству кузнецов первое место в Чечне занимал Грозненский округ, где их работало 137 из 918 по всей Терской области⁸⁴³.

Развитие деревообрабатывающего промысла

Деревообрабатывающим промыслом чеченцы занимались с глубокой древности, почти в каждом хозяйстве. Посуда вытачивалась на появившемся ещё в раннем средневековье токарном станке разнообразных конструкций «чарх». Токарное дело, уходящее своими корнями в глубокую древность, в XIX веке вновь возродилось. В Чечне использовали различные токарные станки, от примитивных с вертикальной осью вращения, наподобие гончарного круга, до станков с механическим приводом, работавшим при помощи воды. Станки были переносные и стационарные с ручным и ножным приводом. Все эти станки имели местное происхождение, за исключением ножного станка, с педалью, соединенной при помощи винтового зажима, где крепилась и обрабатывалась заготовка. Особой конструктивной сложностью местные станки не отличались, но, тем не менее, изготовленные на них изделия имели спрос по всему Кавказу⁸⁴⁴.

В домах чеченцев домашняя утварь и обстановка были деревянными⁸⁴⁵. Развитию этого промысла способствовало и наличие больших лесных массивов ценных пород, прежде всего буковых, хотя чеченцы традиционно использовали для хозяйственных нужд почти все породы дере-

вьев. Дуб очень ценился чеченцами как строевой материал, но был почти повсеместно вырублен в годы Кавказской войны. Из дикой вишни горцы делали палки, кнутовища на плети и чубуки. Осина по чеченским традициям считалась «грязным» деревом и из нее ничего не делали. Клен полевой употреблялся при изготовлении прикладов для оружия; ольха – для изготовления водяных сооружений (желоба, корыта). Древесина кизила шла на гребни, поделки, где требуется очень твердая и вязкая древесина⁸⁴⁶. В конце XIX в. – начале XX века в Чечне начинают распространяться фабричные изделия – шкафы, чемоданы, трюмо, сундуки и зеркала⁸⁴⁷.

Из бука традиционно изготавливали домашнюю утварь: миски, чашки, ложки, стулья, национальные столики на трёх ножках, сундуки, а также топорища и лопаты. Делали сундуки, обитые в косую клетку металлическими полосками, в промежутке между которыми закладывалась цветная фольга, стекла и слюда. Иногда сундук раскрашивали разными красками геометрическим узором⁸⁴⁸. Поскольку букловая древесина красивая и хорошо полирующаяся, она особенно часто использовалась для производства гнутой мебели, музыкальных инструментов, фанеры, бочек⁸⁴⁹. Липа служила не только строительным материалом (для изготовления стропил, оконных рам, дверей), но и шла на производство деревянных корыт, ложек, чашек, подносов, ободков для сит⁸⁵⁰. На корыте-подносе подавалась варёная баранина, куски её были расположены в особенном порядке. Бочки выжигались из одного ствола; в них хранились мука, кислое молоко, сыр. Древнего типа скамьи делались из бука и ясеня; очень низкие и для европейцев неудобные, заставляли их непривычно сгибаться. Ковши имели очень древнюю форму. Ковши для спиртных напитков стилизовали под человеческие черепа⁸⁵¹. Интерес представляют деревянные кубки у вайнахов. У чеченцев их именуют кад (кедаш), что означает почесть (уважение). Некоторые из бокалов имеют тамговые знаки и вырезанные надписи⁸⁵². На деревянных (из твёрдого дерева) коньках чеченские мальчишки катались зимой⁸⁵³. На Кавказе вайнахи для снятия шкуры животного употребляли нож, целиком изготовленный из крепкой древесины, дабы избежать ее порезов⁸⁵⁴. Особенно ценились у чеченцев сделанные с большим мастерством и художественным вкусом чашки из твёрдых пород дерева или древесных наплывов.

Творческое начало обычно проявляется в преодолении материала, технических сложностей. Этот процесс открывает часто неожиданное, с художественной точки зрения, наполняет вещь теплотой неповторимого. Вот почему представляется невозможным в народном искусстве разде-

лить творчество и ремесло. Техническая сноровка, навыки мастера, вместе с мотивами, сюжетами, темами; профессиональные тайны, любовь к прекрасному – как живое предание старины, как ценнейший дар, передаются от мастера к мастеру, из поколения в поколение. Это создает нравственный потенциал в деятельности народного промысла⁸⁵⁵.

Работа с деревом была излюбленным занятием горцев, она даже считалась одной из характерных черт горских народностей, которую в своё время подметил Л.Н. Толстой. По наблюдениям современника, «...во время беседы горцы, особенно старики, не могли обойтись без строгания какой-нибудь деревяшки, из которой постепенно вырисовывалась нужная и гармоничная вещь: вилы, сохранившие естественное разветвление сучка и облагороженные человеческой рукой, оригинальной формы грабли ложки с причудливыми скульптурными ручками, орнаментированные блюда и даже детские колыбельки»⁸⁵⁶. На колыбели, сделанной из дерева, изображались стилизованные фигурки добрых духов, защищавшие младенца от мира зла⁸⁵⁷.

В чеченской орнаментике господствовала высокая степень условности и символизма, превращающая изображение в знак. Например, квадрат считался изображением четырех сил, постоянно действующих на человека: божественных, ангельских, человеческих и сатанинских. Квадратами представлялись и сердца людей. Обычные крест обозначал отросток Древа Жизни или Ось Света, лестницу, соединяющую Небо и Землю. Особо популярные стилизации животных также выполняли функцию знака. Так, баран – всегда считался знаком правды и милосердия, жертвенности и миролюбия; бычьи рога – знаком богатства, неуступчивости и непреклонности перед злом. Среди редко встречающихся растительных узоров популярны были трехлепестковые цветы и удлинённые листья. В основе элементов любого орнамента чаще всего угадывается солярная символика: косой крест и спирали⁸⁵⁸. Исследователь Северного Кавказа XIX века А. Васильев писал: «Натура горца богата и полна. Чувство изящного не только не чуждо ему, но напротив, составляет принадлежность его природе и, можно сказать, в значительной степени. Многие изделия горцев отличаются изяществом вкуса»⁸⁵⁹. Во второй половине XIX века наиболее заметные изменения произошли в обработке дерева. Явно под влиянием близкого русского соседства чеченцы начали шире применять орнамент для украшения ставень, наличников и веранд. Также орнаментом стали чаще украшать в домах перегородки и опорные столбы, а также кровати, табуретки, шкатулки и сундуки⁸⁶⁰.

Чеченцы и ингуши широко использовали для создания художественно оформленных бытовых изделий местные природные материалы. В долинах рек, на равнине, где есть заросли камыша, осоки, изготавливались, прежде всего, циновки, украшенные узорным плетением и подкрашенные⁸⁶¹. Циновочный промысел был развит у чеченцев довольно широко. Из прутьев граба плели корзины, плетни и сапётки. Из веток орешника изготавливали улья, затем их обмазывали глиной. Для хранения кукурузных початков использовались плетёные хранилища «доо»⁸⁶². Первоначально пчелиные улья лепили только из глины. Подобные улья были также распространены в Греции, Иране и Афганистане. Но поскольку улья приходилось часто перевозить, поднимать высоко в горы на альпийские луга, глиняные сапетки оказались не очень удобными – они были тяжелы и легко разбивались. Поэтому вскоре вместо глиняного жгута для изготовления сапеток стали использовать соломенный. Улья, сплетенные из соломенных жгутов, были не только легкими и прочными, но, благодаря низкой теплопроводимости соломы, не перегревались внутри от знойных лучей южного солнца и не переохлаждались в случае понижения температуры воздуха высоко в горах. Соломенные стенки надежно защищали пчел от дождя и проникающих ветров. Более сложные улья – сапетки состояли из нескольких частей – надставок, в которых размещались запас меда и расплодное гнездо. Такие сапетки имели сложную форму и отличались скульптурной выразительностью⁸⁶³.

Высокое качество чеченских изделий отмечалось на различных выставках. В 1872 году, на Московской Политехнической выставке, Губаханова Бельше, из села Ачхой, Грозненского округа, получила бронзовую медаль за хорошие рогожи, сплетённые из осоки⁸⁶⁴. Славилась плоскостная Чечня и изготовлением веников, которые здесь выращивались и выделялись. Вайнахские кустари освоили изготовление веников приблизительно к концу XIX века и делали их очень красивыми и практичными. Для связки веника использовался специальный расщеплённый красный прут, придававший ему прочность и своеобразную красоту⁸⁶⁵.

Незапамятную древностью веет от некоторых кустарных изделий горцев. Возьмём приспособления для перевозки. Первичным орудием перевозки были сани, употреблявшиеся во все времена года, и только значительно позднее появилась двухколёсная платформа со сплошными колёсами. Эти древние «экипажи» изготавливали в Чечне и в начале XX века. В горах, даже летом можно было встретить пару маленьких горных бычков, тянущих по кремнистой дороге сани с кладью. Сани из

толстых дубовых брусков, толщиной в несколько сантиметров, были приспособлены к сопротивлению самым сильным ударам на крутизне горных дорог. Спрос на эти сани был значителен в аулах близ Главного Кавказского хребта.

Арбы свои горцы делали, приспособливая их к местным условиям, к крутизне склонов, например: чем последние круче, тем диаметр колёс меньше, чтобы понизить центр тяжести груза, при этом колёса соответственно утолщены. В пологих местностях, у подошвы Чёрных гор, арбы были на колёсах со спицами⁸⁶⁶. Особенно много кузовов для арб изготавливали в Большой Чечне, откуда их вывозили в Моздок, Георгиевск и на другие степные рынки, где продавали кочевникам⁸⁶⁷. Надо отметить, что развитие колесного производства было вызвано увеличением гужевых перевозок хлеба и других грузов на рынки края и ростом в изготовлении колесного транспорта в связи с возникшим повышенным спросом на продукцию чеченских и казачьих мастеров⁸⁶⁸. Деревообработка в Чечне устойчиво развивалась из года в год, поскольку почти не испытывала конкуренции со стороны промышленных предприятий. К тому же спрос на продукцию мастеров-деревообрабочиков был постоянным хотя бы потому, что большая часть крестьянского инвентаря изготавливалась из дерева⁸⁶⁹.

Гончарное производство

С глубокой древности было развито гончарное производство, поскольку в Чечне имелось надлежащее сырьё (глина)⁸⁷⁰. Особый расцвет гончарное производство получило в раннее средневековье, когда параллельно с ручной лепкой появился гончарный круг. Создавались превосходные сосуды оригинальных форм, которые расписывались белой глиной⁸⁷¹. Ремесленные занятия населения края уже в раннесредневековую эпоху были заметными и разно-отраслевыми. Так, открыты сложные по устройству двухъярусные гончарные печи (с. Дуба-Юрт), установлено клеймение днищ гончарной посуды, что говорит о профессиональном ремесленничестве. Качество керамики, богатство форм и обжиг в XII – XIII вв. значительно улучшаются. Начинает производиться даже черепица (с. Мартан-Чу)⁸⁷².

Чеченская посуда была сделана не только хорошо, но и красиво и носила на себе следы малоазийских образцов. С помощью простого

станка выделялись большие кувшины до 1-2 метров, горшки, чашки. Посуду хорошо обжигали и поливали свинцом⁸⁷³. Чеченская глиняная поливная посуда охотно разбиралась на ярмарках и базарах, как «туземных», так и русских⁸⁷⁴. Центрами гончарного производства в Чечне считались селения Старый Юрт, Шали, Курчалой и Майртуп, а годовой доход мастеров составлял от 150 до 165 рублей⁸⁷⁵. В селе Шами – Юрт, гончар Магомет Хизириев выделял глиняную посуду в свободное от полевых работ время. В год он обжигал 2400 предметов. Средний, чистый годовой доход составлял 120 рублей. Также он занимался и изготовлением черепицы, которая стала охотно раскупаться зажиточными чеченцами для кровли домов. На черепице он зарабатывал в год 180 рублей⁸⁷⁶. Около слободы Шатой развивалось горшечное производство и выделка черепицы. Способ изготовления черепицы чеченцы переняли у русских, служивших в слободе. В связи с развитием этого нового промысла повсеместно в Чечне глиняные крыши стали заменяться черепичными теми хозяевами, у которых были соответствующие для этого материальные возможности⁸⁷⁷.

Изготовление керамических изделий в Чечне имеет давние традиции. Начало керамического производства на Кавказе относится к концу эпохи неолита – V тыс. до н.э.. На керамических сосудах и обломках самого раннего периода замечена художественная отделка, представленная искусством орнамента – налепного, вдавленного, врезного, штампованного и т.д. Орнамент подчеркивал конструкцию изделия, отражал элементы окружающей среды и отличался своей простотой. Орнаменту обычно отводилась небольшая часть поверхности сосуда⁸⁷⁸.

В Чечне была развита резьба по камню. Известно, что в эпоху позднего средневековья орнаменты на входах и стенах башен в горах выполнялись резьбой на камне. Более сложно оформлялись чеченцами каменные надмогильные памятники (стелы) в XIX веке. Многие, из последних, изготовлены достаточно тщательно и являются образцами высокоразвитого местного декоративно-прикладного искусства. Чеченцы вырабатывали из камня и другой вид плиточных изделий – домашние печи, очаги⁸⁷⁹.

Капиталистические отношения стали активно проникать в кустарные промыслы чеченцев. По официальным данным в 1885 году в одном только Веденском округе действовало восемь лесопилен, на которых работали наёмные батраки⁸⁸⁰. Владельцы паровых заводов, на которых перемолачивалось зерно окрестных землевладельцев, за работу заби-

рали одну десятую часть перемолотого продукта⁸⁸¹. Уже в 1892 году в Чечне насчитывалось около 1000 водяных мельниц⁸⁸². В 1901 году в одном только Грозненском округе работали следующие кустарные предприятия: известковых-2; кирпичных, черепичных и гончарных-96; кожевенных-1; лесопильных-77; водяных и ветряных мельниц-737; других-9. Таким образом, только в этом районе Чечни имелось 925 кустарных предприятия, на которых было задействовано 957 рабочих. Указанные предприятия в течение 1901 года произвели продукции на общую сумму 780.171 рубль⁸⁸³.

Хотя кустарное производство ещё прочно соединялось с земледелием, но уже постепенно обнаруживалась специализация, когда отдельные предприниматели целиком посвящали себя организации того или иного рода ремесленного производства: нанимали квалифицированных рабочих, имели штат учеников. Знаменем времени, особенно в 80-90-е годы, стал отрыв вчерашних крестьян, лишь часть календарного года занимавшихся промыслами, от земледелия и полное сосредоточение на производстве тех или иных ремесленных изделий. При этом производители кустарных изделий столкнулись с жестокой конкуренцией со стороны бурно развивающейся российской фабрично-заводской промышленности, что неизбежно привело к сокращению тех промыслов, которые не могли выдержать такой конкуренции. Однако, в изменившихся условиях кустари проявили удивительную «живучесть» и за счёт как увеличения интенсивности своего труда, так и за счёт гибкости и маневренности, выразившейся в перепрофилизации своего производства, смогли выстоять и выжить в сложных условиях рыночной модернизации страны⁸⁸⁴. Промыслы играли существенную роль в жизни чеченского народа, они были разнопрофильны и охватывали всё многообразие окружающих человека природных ресурсов, которые использовались им для своих бытовых и хозяйственных целей. Поэтому исследование народных промыслов имеет не только научное, познавательное, но и практическое значение⁸⁸⁵.

Характерной особенностью кустарных кавказских промыслов является то, что ими в основном занимались женщины. Если суммировать женские и мужские работы, то получается, что на Северном Кавказе из 70 случаев 39 составляли труд женщин, а 31 – мужчин. У русских промысловое занятие – в основном мужская сфера деятельности. На Северном Кавказе роль горянок не только первенствующая по отношению к числу кустарных производств, но и зачастую женщины зарабатывали

намного больше мужчин. Кавказские изделия пользовались заслуженным успехом, как на рынках, так и на международных выставках. Они отличались от русских крестьянских изделий лучшей обработкой и отделкой, большей красотой и прочностью, хотя, при несовершенстве орудий труда эти качества достигались с большим трудом. Ежегодно на Северном Кавказе изготавливались предметы народных промыслов на сумму 3 841 000 рублей⁸⁸⁶.

Показатели высоких достижений чеченских народных промыслов на всероссийских выставках

В эпоху первых железных дорог и пароходов, когда мировой рынок только начал складываться, для промышленников и ремесленников, торговцев и сельских хозяев, инженеров и художников Всемирные выставки были едва ли не важнейшим средством заявить о себе, представить свою продукцию всему свету и, благодаря этой глобальной рекламе, упрочить свои конкурентные позиции и в собственной стране, и за ее пределами. Впрочем, на таких всемирных конкурсах – ярмарках не только состязались, но и общались, знакомились, вступали в сделки и даже в долговременное партнерство. Недаром каждая выставка сопровождалась не менее чем десятком международных конгрессов, где обсуждали самые разные темы – от устройства ботанических садов до таможенных тарифов, от защиты интеллектуальной собственности до спасения на водах⁸⁸⁷.

Чеченские кустарные произведения зачастую выигрывали в конкурентной борьбе не только на насыщенном в своём многообразии российском рынке, но и пользовались заслуженным признанием на международной арене. Особенно ярко эта тенденция была видна на выставках, часто проводившихся в конце XIX века. С 70-х годов девятнадцатого века, по инициативе «Кавказского общества сельского хозяйства», Кавказ стал представляться на международных выставках: в Вене (1872 г.), Филадельфии (1876 г.), Амстердаме (1877 г.), Париже (1878 г.), Антверпене, Лондоне, Женеве⁸⁸⁸ и других экспоцентрах⁸⁸⁹.

В 1850 г. в Петербурге состоялась Всероссийская выставка. Экспонаты Кавказа, демонстрировавшиеся на выставке, привлекли внимание устроителей русского отдела первой Всемирной выставки в Лондоне, благодаря чему кавказские изделия попали на выставку в Лондон. Экспози-

ция первой Всемирной выставки промышленности и сельского хозяйства была развернута в знаменитом лондонском Хрустальном дворце в Гайд – парке. Лондонскую выставку посетило свыше 6 млн. человек. Все образцы Кавказа настолько понравились, что после закрытия выставки были помещены в музеи Лондона и Оксфордского университета⁸⁹⁰.

На Московской выставке, проходившей в 1864 году, Кавказ был представлен 216 экспонатами. Высшие награды были присуждены за табак и вино. 30 кавказских экспонатов получили следующие награды: 2 золотые медали, 1 большую медаль и 5 малых серебряных медалей, а также 22 похвальных отзыва. Следующая выставка была проведена в столице империи в 1870 году и Кавказ представил 214 экспонатов. Всего, было получено, 45 наград и снова высшей наградой был удостоен табак, также награды получили за шёлк и хлопок⁸⁹¹.

Участвовать в выставках, а тем более получать награды, было очень престижно и в конкурентной борьбе это играло свою роль. Токарных и гравёрных дел мастер В.И. Бараев, имевший свой магазин на Невском проспекте в Петербурге, за свои изделия на выставке 1861 года получил серебряную медаль, а в 1870 году – бронзовую. Желая участвовать в Московской Политехнической выставке, он написал заявление, в адрес её Управления: «Желая выставить на предстоящую Московскую Политехническую выставку мои изделия, покорнейше прошу Управление отвести мне место на выставке, величиною не менее 3 аршин в длину и 1,5 аршин в ширину и уведомить меня какое именно мне будет дано место и в каких отделах выставки»⁸⁹². Однако, В.И. Бараеву было отказано в экспонировании, т.к. срок приёма заявлений уже истёк, о чём его известил председатель технологического отдела выставки⁸⁹³.

Московская Политехническая выставка проводилась в ознаменовании 200-летней годовщины Петра Великого. Сам Александр II пожелал, чтобы Кавказ с честью был представлен на этой выставке, для чего была учреждена особая комиссия. Данная комиссия рекомендовала, для наглядности привезти в Москву самих горцев «...с их нарядами, орудиями и обстановкой...»⁸⁹⁴. Московская Политехническая выставка 1872 года была одной из самых представительных, из 1.136 кавказских экспонатов 188 удостоились высших наград⁸⁹⁵.

В 1882 году в Москве была проведена Всероссийская промышленно – художественная выставка, на которой были представлены и кустарные изделия из Терской области:

1. Грозненская горская школа – модели сельских построек, орудий и предметов домашнего быта.

2. Джантемиров Евта (Грозненский округ, с. Старый Юрт) – белые и черные бурки по 30-35 рублей. Его заведение существовало с 1870 г. Рабочих насчитывалось 5 человек, годовое производство исчислялось 300 рублями. Материал для выработки черных бурок Джантемиров Е. покупал в нагорных округах: Веденском и Аргунском, для белых – в Дагестанской области.

3. Докаев Агу (Грозненский округ, с. Старый Юрт) – белые и черные бурки по 30-35 рублей. Заведение также работало с 1870 г., рабочих было 5 человек, годовое производство – 300 руб. Материал для изготовления черных бурок Докаев А. Закупал в Веденском и Аргунском округах, а для белых – В Индии и Дагестанской области.

4. Исаков Мудар (Грозненский округ, с. Старый Юрт) имел такое же производство, что и Докаев Агу, исходный материал для белых бурок также закупал в Индии и Дагестане.

5. Рамзалотов Рожап (Грозненский округ, с. Старый Юрт) – имел такое производство бурок, что и предыдущие мастера⁸⁹⁶.

На Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 года экспонировали свои изделия 2.633 участника. Ремесленники и кустари прибывали на выставку вместе с изделиями своего производства и здесь их продавали. Министерство государственных имуществ выделило средства для приобретения изделий, которые затем поступали для кустарного отдела Императорского сельскохозяйственного музея в Петербурге. На этой выставке были вручены 544 медали, из которых 49 золотые, 248 серебряные и 247 бронзовые, а также 371 похвальный лист⁸⁹⁷. В слесарно – кузнечно-литейном отделе Терскую область представляла лесопилка, изготовленная учениками Грозненской горской школы. С ней в комплекте был выставлен дом (сакля), водяная мельница, соха, барона, плетнёвое помещение, скамейка и молотилка⁸⁹⁸. В IX отделе, секции кустарной промышленности, экспертной комиссией была вручена Хид Зарматову, жителю села Старый Юрт, Грозненского округа, бронзовая медаль за высококачественные бурки⁸⁹⁹.

В сентябре 1898 года во Владикавказе открылась первая Терская народная сельскохозяйственная выставка. На выставке демонстрировались новейшие сельскохозяйственные орудия и машины, улучшенные сорта зерновых хлебов, кукурузы, посевных трав⁹⁰⁰. Общинный кузнец

Босхоевской сельской общины, 6 участка Грозненского округа, Оку Омаев был удостоен высокой чести – награждён за изготовленные им высококачественные кузнечные изделия⁹⁰¹.

На Парижской всемирной выставке 1867 года Кавказ был представлен по преимуществу коллективно⁹⁰². Дело в том, что среди населения ходил слух, что выставки устраиваются с целью выяснения благосостояния жителей, чтобы затем увеличить подати. Опасаясь этого, люди старались сделать коллективную заявку, продать организаторам выставки предметы общественного производства⁹⁰³. Французский император Наполеон III еще до открытия выставки несколько раз посещал Русский отдел, смотрел кавказские ковры, оружие и этнографические предметы⁹⁰⁴. На Парижской всемирной выставке Кавказ в основном был представлен фотоснимками, музыкальными инструментами, продуктами сельского хозяйства⁹⁰⁵. Кавказские сыры предлагали на пробу французской публике. Многие из них не нравились, тогда как некоторые сорта, имея своеобразный вкус и пикантность, удовлетворяли избалованный европейский вкус⁹⁰⁶. Кавказские произведения экспонировались также на Парижской выставке 1890 года. Там, на нескольких полках, были размещены изящные предметы, сделанные из дерева, альбомы с видами Кавказа, карты, фотоснимки наглядно иллюстрировавшие выставку⁹⁰⁷. Таким образом, о кавказских умельцах узнавали не только в России, но и за рубежом; стали налаживаться международные экономические связи, осуществлялся обмен опытом во многих производственных вопросах, рос уровень национального и личного самосознания, налаживался мирный процесс в регионе.

Во второй половине XIX в., и особенно в 1870-1890 е. гг., на Северном Кавказе начался промышленный бум. Промышленные центры возникали преимущественно там, где были в наличии сырьевые и энергетические ресурсы, а также удобные пути сообщения. Наиболее богатой оказалась Чечня, где были обнаружены месторождения нефти, медных руд, угля и т.д. В Чечне было построено несколько крупных частных заводов: кирпичные заводы «Слон» и другие, принадлежавшие С.М. Хагнельдиеву; механический и котельный заводы И.Ф. Жедырова и И.Л. Фреу. В начале XX века во Владикавказе и Грозном много новых промышленных и торговых заведений принадлежало представителям горских народов. Особенно, как показывают данные Терского календаря за 1914 год, этот процесс усилился в 1910-х годах. Так, в Чечне из 112 предприятий 32 принадлежали чеченцам. В Ингушетии находилось 18 предприятий, полностью принадлежавших ингушам⁹⁰⁸.

Во второй половине XIX столетия на Северном Кавказе наиболее развитой в промышленном отношении являлась Терская область. Численность предприятий за 20 лет с 1884 по 1903 гг. возросла с 1705 до 3985, то есть более чем в два раза. Соответственно увеличилась и численность рабочих: с 3908 до 7599 человек. Индустриальными центрами области являлись Грозненский нефтепромышленный район и Владикавказский округ с горными промыслами. По развитию промышленности, по численности рабочих Грозненский район занимал второе место на Северном Кавказе после Ростова – на – Дону и не имел себе равных в Терской области. Это был второй центр нефтяной промышленности в стране. Сравнительно глубокая капитализация Терской области и появление монополистических объединений происходило в условиях остаточных явлений, свойственных незрелым формам развития капитализма, в лице мелкотоварного производства мануфактуры. Так называемая «фабрично-заводская промышленность» в основном представляла собой паровые мельницы, кирпично-черепичные и винокуренные заводы, кустарные предприятия, на которых работало по 3-4 человека. Из Указателя фабрик и заводов окраин России за 1895 год мы узнаем о функционировании следующих чеченских лесопилен, действовавших на силе воды: Челаев Эрсамирза (с. Мехкеты, 1883 г.) – производительность 2 тыс. руб. при 3 рабочих; Тангаев Бирта (с. Мехкеты, 1881) – 2 тыс. руб. при 4 рабочих; Наурбиев Магомет (с. Мехкеты, 1886 г.) – 2 тыс. руб. при 3 рабочих; Сугуев Юсуп (с. Мехкеты) – 2 тыс. руб. при 4 рабочих. Также в Чечне действовали мукомольные предприятия: Чулик – Хаджиев Газабай (с. Беной) – водяная мельница, производительность 3 тыс. руб. при 4 рабочих; Бамат – Алиев Ахмат (с. Беной, 1877 г.) – 3 тыс. руб. при 4 рабочих; Солтаханов Селтхан (с. Беной, 1882 г.) – 2 тыс. руб. при 2 рабочих; Хаммирзаев Мурад (с. Зандак) – 3 тыс. руб. при 4 рабочих; Алисултанов Эрсентрей (с. Зандак, 1883 г.) – 2 тыс. руб. при 4 рабочих; Иналов Джевотхан (с. Саясан) – 4 тыс. руб. при 3 рабочих; Гамаев Давли – Мирза (с. Саясан) – 4 тыс. руб. при 2 рабочих; Алумкажев Янгулбай (с. Энгеной) – 3 тыс. руб. при 4 рабочих; Абуруков и Нагаев (с. Новый Юрт, 1883 г.) – 6 тыс. руб. при 5 рабочих; Эльгиреев Мисур (с. Новый Юрт, 1885) – 4 тыс. при 4 рабочих⁹⁰⁹. На Тереке, как и в целом по России, имело место переплетение всех форм эволюции капитализма. Большая роль при этом принадлежала правительству. В основном оно инициировало и поддерживало развитие горнозаводского и нефтяного производства, имевшего большое значение в обеспечении страны жидким топливом и кредитами⁹¹⁰.

ГЛАВА VI.

РОСТ ТОВАРООБОРОТА И УЛУЧШЕНИЕ ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА

Строительство дорожных артерий в годы Кавказской войны

Основными дорожными артериями в России в начале XIX века, среди которых выделялись почтовые тракты, были грунтовые дороги. В 1902 г. для приведения в порядок дорог было создано Главное управление путей сообщения. В 1832 г. произошло разделение дорог на 5 классов: государственные или дороги главных сообщений; дороги больших сообщений; почтовых сообщений из губернии в губернию, уездных торговых и почтовых сообщений; сельские и полевые дороги. При императоре Николае I был издан Указ об установке по всем почтовым дорогам через каждые 500 сажень (около 1 км.) верстовых столбов с надписью, которая указывала расстояние до столицы, губернского города, ближайшей почтовой станции. Увеличение шоссейных дорог из-за недостатка средств, а главным образом ввиду начавшегося железнодорожного строительства шло довольно медленно. В то же время именно появление шоссе способствовало развитию почтового сообщения⁹¹¹.

В годы Кавказской войны дорогам уделялось очень большое внимание. Это было одно из стратегических направлений военно-колонизационной политики в крае. Сначала русские войска прорубили два прохода: один вблизи Каспийского моря – дербентский; другой посередине горного кряжа – самый трудный: Военно-Грузинскую дорогу. Поскольку дорога через Дарьяльское ущелье выполняла в основном военно-стратегические функции, ее постройкой, охраной и эксплуатацией занималось военное ведомство. Отсюда и пошло ее название – Воено-Грузинская дорога. С 1811 г. Военно-Грузинская дорога переходит в ведение Управления путей сообщения, которое начинает интенсивные дорожные работы: взрывает затрудняющие движение скалы, строит мосты и лавинозащитные галереи, станционные дома, осваивает новые, более удобные отрезки трассы⁹¹². В начале XX века, в одном из репортажей писали: «Живописна вся эта страна и щедро наделена от Бога! Только тем этот гористый край не хорош, что трудно в нем прокладывать дороги. Да и

справиться с горцами-головорезами тоже было не легко. Они, – что кошки, умеют цепляться по родимым скалам; а русскому человеку, привычному к ровным местам, трудновато приходилось воевать по таким труднощам, где не было места развернуться удали! Горцы, бывало, как дикие козы, засядут по вершинам своих гор, да оттуда из-за камней да скал и подстреливают солдатиков. Наши молодцы и рады были бы сдачи дать, да промеж лесу и камней никого не видать...»⁹¹³. От Владикавказа Военно-Грузинская дорога шла по равнине и затем постепенно входила в горное ущелье р.Терека. По обеим сторонам дороги местность возвышалась ступенчато. Тянулись речные террасы, проточенные водами Терека, протекавшего когда-то на большой высоте и поменявшего со временем свое русло ⁹¹⁴. «Кто один раз проехал этою дорогою, – говорил Паррот, – тот конечно во всю жизнь не забудет возвышенных впечатлений, произведенных бесчисленными и разнообразными красотами Кавказа»⁹¹⁵.

В стратегическом регионе была создана сеть коммуникационных линий, окутывающая весь Северный Кавказ. Довольно часто к строительству дорог привлекалось местное население, отбывая различные повинности⁹¹⁶. Строительство дорог на Кавказе, безусловно, было делом нужным и полезным. Беда состояла в том, что законами не были точно определены нормы повинностей и сроки их выполнения. Дорожная повинность включала работы, связанные и с расчисткой просек, и с доставкой лесоматериалов на строительство, и восстановление крепостей, укреплений, мостов, и с прокладкой новых и содержанием в исправности старых дорог. Неоправданно жестокими были и методы обеспечения выполнения повинностей. Так, на прокладку дорог между крепостями практически все мужское население собирали на несколько дней, а иногда на месяц и более, полностью отрывая их от своих хозяйств и насущных дел⁹¹⁷. Во время строительства Владикавказской железной дороги многие рабочие из-за неблагоприятных условий заболели лихорадкой. С марта 1873 г. по март 1874 г. на территории строительства Владикавказской железной дороги на каждую тысячу больных приходилось 15 смертей. Всего же на протяжении данного периода времени из общего количества в 17 тыс. человек заболело 4,7 тыс., из них 67 рабочих умерло⁹¹⁸.

Изучение формирования северокавказской транспортной сети и её влияния на экономическое развитие региона подталкивает к мысли о том, насколько хрупкой и тонкой материей может быть «традиционная» экономика. Общества, существующие в сложных природных условиях,

зачастую используют очень сложные механизмы для приспособления к этим условиям, «вписывания» в окружающий ландшафт. И чем сложнее механизм, тем уязвимее он по отношению к изменениям среды и любым внешним воздействиям. За любой прогресс приходится платить. В данном случае такой «платой» стал кризис «традиционной» северокавказской экономики, нарушение баланса экономического развития горных и равнинных районов и фактическое «выдавливание» жителей гор из системы географического разделения труда в регионе. Объективно это способствовало консервации наиболее архаичных черт северокавказских обществ, возникновению экономического, социального, политического и культурного раскола внутри них и, в конечном счёте, повышению конфликтности процесса интеграции Северного Кавказа в состав России⁹¹⁹.

Вместе с тем, нельзя не сказать о том, что строившиеся в военно – стратегических целях дороги, значительно улучшили инфраструктуру края, расширили экономические и культурные контакты как внутри Чечни, так и с соседними территориями. Кроме того, строительство шоссейных дорог, установление конно – почтовой и телеграфной связи имели весьма важное значение и для укрепления тесных экономических контактов Северо – Восточного Кавказа с Россией и соседними государствами, что в конечном счёте служило интересам и местного населения⁹²⁰. В начале XX века на Северном Кавказе за счёт притока иностранного капитала началось развитие городских трамвайных дорог и транспорта. Так, бельгийский предприниматель, инженер Г.И. Скараманга, в 1902 г. основал во Владикавказе «Общество Владикавказских трамваев и электрического освещения», которое занялось строительством трамвайных дорог во Владикавказе⁹²¹.

С начала 1820-х гг. русское командование склоняется к необходимости приспособить местный театр военных действий к природе Кавказа с помощью рубки леса. Сначала были полностью вырублены леса в Ханкальском ущелье возле Грозного и на окрестных возвышенностях. В 1823 г. аул Шали был атакован только после того, как был сведен на нет прилегающий к селу лес, прикрывавший подходы к этому опорному пункту горцев. Многие участники Кавказской войны считали, что без сведения лесов покорение Чечни было бы невозможно. Местный офицер – газета «Кавказ» – писала о рубке леса как о боевых действиях. После окончания боев командование использовало дефицит земельных угодий, чтобы заставить чеченцев вырубать леса, прилегавшие к «ненадежным» аулам. Местным жителям не разрешали засевать даже опустевшие поля,

предлагая вместо этого сводить на нет вековые заросли, которые могли стать убежищем для повстанцев⁹²².

Кавказская война положила начало массовому истреблению лесных массивов. Военные неудачи заставили принять новую тактику завоевания края. С 1846 года в Чечне армия начала наступать медленно и систематично, путём прорубки просек и водворения военных поселений. Леса были вырублены, появились новые дороги, связующие главные стратегически важные для российского командования пункты. При прокладке горных дорог силами войск существовал обычай устанавливать чугунные доски с названием полка, принимавшего участие в строительстве. Во время восстания 1877-1878 годов в Чечне и Дагестане многие из этих досок были разбиты⁹²³.

Стратегическое значение построения дорог в Терской области

В Терской области постройке и ремонту дорог и мостов уделялось много внимания. Для царской администрации дороги были важны, прежде всего, в полицейском отношении – для быстрой переброски войск, в случае восстания населения, а также для связи с укреплениями, разбросанными на огромной территории. Дороги также являлись экономическими артериями региона. Впервые на кавказской земле начала действовать российская почтовая служба, для функционирования которой были проложены почтовые дороги. Почтовая дорога от Владикавказа до Грозного протягивалась на 101 версту и шла вдоль левого берега реки Сунжи⁹²⁴. На север от Грозного была проложена почтовая дорога к станции Николаевской, где она примыкала к моздокско – кизлярскому почтовому тракту. На юго – востоке от Грозного почтовая дорога, длиною в 60 вёрст, уходила на слободу Ведено⁹²⁵.

Понимая значимость дорог как для укрепления статического положения империи, так и для развития экономики региона М.Т. Лорис – Меликов сам объехал всю область, изучая возможные направления будущих дорог. Первым его начинанием на этом поприще стало строительство шоссе между Владикавказом и Моздоком. Строительство велось в течение нескольких лет, и Лорис – Меликов регулярно выезжал на объект, чтобы лично проконтролировать сооружение дороги. Новый тракт был

проложен между Грозным и Хасав – Юртом. Генерал Лорис – Меликов одним из первых выдвинул идею строительства надежной транскавказской дороги. Еще в 1858 году, когда Михаил Тариелович был назначен начальником войск в Абхазии и инспектором линейных батальонов, Кутаисского генерал–губернаторства, он представил наместнику проект соединения черноморского побережья Закавказья с Северным Кавказом удобной дорогой через перевалы. Будучи начальником Терской области, он неоднократно высказывал свои доводы кавказскому наместнику о целесообразности строительства железной дороги из Ростова в Закавказье. При этом, Лорис – Меликов брал на себя обязанности всемерно содействовать строительству дороги, если она пройдет по территории Терской области⁹²⁶.

Чеченские дороги

Одна из самых крупных дорог Чеченской равнины, проходя через укрепление Воздвиженское, пронизывала Чечню в южном направлении и служила связующим звеном Чеченской равнины с городом Грозным – на севере; а на юге с гористым Аргунским округом. Другая дорога шла из Грозного по Чечне в юго – восточном направлении через аулы Бердыкель и Герменчук в укрепление Эрсеной, а отсюда вверх по ущелью реки Хулхулау в Ведено; наконец третья дорога направлялась на запад из укрепления Воздвиженского и вела через аулы Урус-Мартан и Ачхой в станицу Ассиновскую, а оттуда в Слепцовскую, где и соединялась с почтовым трактом, идущим из Владикавказа в Грозный⁹²⁷.

В связи с открытием почтовых станций в отдалённых горных округах Чечни, с середины 70-х годов XIX века, администрация Терской области стала следить за методичным и регулярным ремонтом путей сообщения. В Грозненском округе большинство дорог и мостов ремонтировались дважды в год: весной и осенью. В 1871 году в Аргунском округе была построена дорога от укрепления Шатой до аула Бени, протяжённостью в 45 вёрст. В 1875 году эта дорога была отремонтирована, а также укреплена дорога от Шатоя до аула Борзой. Вьючная дорога между аулами Цугунуй и Верхние Варанды, на расстоянии 4 вёрст была перестроена в колёсную. Также в этом горном районе были отремонтированы все мосты через реки Шаро-Аргун и Чанты-Аргун⁹²⁸. В 1874

году недалеко от села Устар-Гордой, через реку Аргун был перекинут красивый железный мост⁹²⁹. Ведомство путей сообщения построило железный мост через реку Терек во Владикавказе. Этот мост, как и многие другие, был собран не на русском заводе, где за это требовали слишком высокую оплату, а в Штетине, на заводе «Вулкан». Ольгинский железный мост через Терек по контракту, заключенному с братьями Сименс, стоил по 5 руб. 50 коп. за пуд с доставкой на место, но без сборки. И даже при таких условиях «иностранный» мост обошелся гораздо дешевле отечественного аналога⁹³⁰.

Дорожные разрушения (климатические и технические) в мирные времена на обширных пространствах приводили к разным последствиям: от дорожных (с прилегающими участками), до обширных пространств испорченных земель. Издревле пути сгущались у переправ через реки, мостов, водных источников, населенных пунктов. Нагрузки на природную среду здесь были наиболее мощными. С помощью современных технических средств, на аэрофотоснимках, космических портретах можно увидеть эти участки освещенными до белого цвета⁹³¹. Следует отметить, что дорога в менталитете чеченцев не просто конкретное понятие, а нравственная категория. С древних времен все, что относилось к дороге, считалось священным. Согласно поверью, человек, проложивший дорогу или построивший мост, заслуживает рая. Следить за состоянием дороги, проходящей мимо селения, считалось коллективной обязанностью всех его жителей. Кроме того, они несли моральную ответственность за всех проезжавших по этому отрезку пути и должны были оказывать гостеприимство запоздалым спутникам. Жесткий запрет налагался на все, что могло осквернить дорогу, повредить ее. Нельзя было брать с дороги даже камень, занимать пядь земли, относящейся к ней, а разрушение моста вообще считалось страшным преступлением. Ритуальность всего, что связано с дорогой, восходит к тем далеким временам, когда у чеченцев существовало сакральное отношение к дорогам⁹³².

В течение 1880-1881 годов царским правительством было ассигновано на прокладку дорог и сооружение мостов в горных районах Чечни 17680 рублей. Дороги, прежде построенные в военно-стратегических целях, во второй половине XIX века начинают приобретать экономическое значение не только для населения, но и для руководства⁹³³. По «Положению» Военного совета от 30 июля 1893 года были проведены шоссейные, грунтовые дороги; построены мосты через реку Сунжу у

села Алхан-Юрт, через реку Ассу у станицы Петропавловской по торговому тракту в Чечню, близ станицы Ассиновской в горную Чечню. Строительство дорог способствовало росту городов и городского населения⁹³⁴. На содержание в исправности дорог, находящихся в ведении областной администрации, разрешено было израсходовать дополнительные земские сборы с торговых документов и питейных патентов. Из этого источника в 1900 году израсходовали 54346 рублей 45 копеек на : капитальный ремонт мостов через реки Чанты– Аргун, Сунжу, на Шатоевский трактат и другие объекты. Горное население нередко на свои собственные средства строило дороги и занималось их ремонтом. Областное руководство помогало бесплатной доставкой пороха, негодного для боевого употребления и выделяло небольшие суммы на покупку необходимого инструмента⁹³⁵.

Хулхулауская дорога начиналась от Грозного и доходила до Ведено. Дорога служила единственным колёсным путём сообщения плоскости Большой и Малой Чечни с Нагорной Ичкерией. Дорога была шоссирована только местами. Прокладывание одной версты шоссе обходилось в 1200 рублей. По сведениям Р.Ф. Розена «дорога от крепости Грозной шла через чеченские деревни Гребенчук, Автур, Веден и Черми в Андию. И этот путь был весьма удобен»⁹³⁶. Издавна были известны дороги, которые шли из Чечни в Гумбет – Аварию – Согратль – Андалал – Гид и через перевал у истоков Аварского Койсу – в Грузию.

Керкетская горная дорога протянулась от Ведено, через Харачой, мимо озера Кезеной-ам, до Керкетского перевала. Она служила единственным путём сообщения плоскости Чечни с Западным Дагестаном и Аварской плоскостью⁹³⁷. К сожалению, отсутствие земской сметы тормозило улучшение путей сообщения. В 1871 году в разработке дороги через Харачоевский перевал участвовали 3000 горцев, а в улучшении дороги по Аргунскому ущелью – 7000 горцев. В последней трети XIX в. в южной части Чечни проводились изыскательные работы по выбору оптимального варианта прохождения шоссейного пути и железной дороги в Грузию. Колесную грунтовую дорогу провели из Грозного через Воздвиженское до Евдокимовского укрепления (с. Итум – Кале). Дальнейшее строительство шоссе из Итум – Кале в Грузию было прекращено из-за прихода железной дороги во Владикавказ (начальный пункт Военно – Грузинской дороги).

По данным А.Л. Зиссермана, колесная дорога от аула Харачой до военного лагеря на Озере Кезеной – Ам по крутому склону Покосной

горы была сделана русскими солдатами всего за 10 дней⁹³⁸. По «Царской» дороге на озеро Кезеной – Ам приезжали многие именитые люди: в 1871 году император Александр II, затем знаменитый русский профессор – орнитолог М.И. Богданов, крупный кавказский чиновник и исследователь Н.К. Зейдлиц, зоолог Россиков и др.⁹³⁹. С превращением Хасавюрта в административный центр округа, он стал центром наиболее важных дорог и почтовых трактов, связывающих главные пункты Северного Кавказа и Закавказья. Так, через Хасав-Юрт стали проходить почтовые тракты от Владикавказа до Петровска (Махачкалы), от Екатеринодара (Краснодара) до Баку и Тифлиса, а также до укрепления Гуниб. Дальнейший рост значения Хасав-Юрта был отмечен открытием в 1874 году телеграфной станции, что позволило установить телеграфную связь с основными центрами России. В 1881 г. Хасавюртовская станция была переведена в разряд «первоклассных» и работала с полным дневным действием. При телеграфной станции был открыт прием и получение международной корреспонденции на немецком, французском и персидском языках. С 1877 г. произошло новое изменение в расписании Хасавюртовской конторы – прием почты производился теперь ежедневно⁹⁴⁰.

К 1877 году через Чечню была проложена следующая дорожная сеть (базовые пути с ответвлениями):

1. Чеченская дорога с колесно-почтовым трактом в 215 верст: Владикавказ – Назрань – Грозный – Устар-Гордой – Умахан-Юрт – Хасав-Юрт – Чири-Юрт.

2. Колесная дорога в 330 верст:

Грозный – Эрсеной – Ведено – Ботлих – Хунзах – Ходжал-Махи – Урма – Темир-Хан-Шура.

3. Предгорная колесная дорога в 183 версты:

Владикавказ – Слепцовская – Ачхой-Мартан – Воздвиженская – Эрсеной – Герзель – Хасав-Юрт.

4. Аргунская колесно-вьючная дорога в 76 верст:

Грозный – Воздвиженская – Евдокимовское⁹⁴¹.

Дорога из Эрсеной в Ведено шла по лесистому ущелью реки Хулхулау. Дорога эта была сделана весьма качественно, имела пологие спуски и подъемы и шоссирована до Ведено. В 1871 году император проезжал по этой дороге, на завтрак он останавливался в селе Эрсеной. Место завтрака Александра II решили сохранить для истории и посадили вокруг него деревья⁹⁴².

Охрана дорог

К числу натуральных повинностей, выполняемых населением Терской области, относились: постройка, содержание и ремонт мостов, дорог и плотин. Осенью 1876 года в Веденском округе Чечни, при ремонте старых и строительстве новых дорог и мостов участвовало 1920 человек. За два месяца на строительстве дороги от Шатоя до Буни было использовано 14000 человек⁹⁴³. Помимо отбывания повинностей, местные жители работали также по найму на Военно-Осетинской дороге, по Моздокскому шоссе и на других областных дорогах⁹⁴⁴. По особым административным правилам все дороги в Терской области были разделены на участки и к каждому из этих участков приписывались аулы, которые и подвергались ответственности – в виде штрафов, содержания караулов – за всякий случай убийства, разбоя или грабежа, происшедшего на приписанном участке дороги.

Проходящая по области Ростово – Владикавказская железная дорога тоже была поделена на участки и к каждому из них были приписаны сёла, которые и обязаны были заботиться о целостности железнодорожной ветки, для чего жителям приходилось содержать за свой счёт особую дорожную стражу⁹⁴⁵. Также областным руководством был учреждён особый институт дорожных техников, на которых возложили полный надзор за дорогами, для чего им предоставили все полицейские права⁹⁴⁶.

Железнодорожная жандармерия, кроме борьбы с преступностью, выполняла обширные задачи по обеспечению бесперебойного функционирования дорог, для чего наблюдала за выполнением «Полицейских железнодорожных правил». Этот акт определял весь порядок работы железных дорог – от формирования поездов до способа подачи аварийных сигналов. Поэтому жандармы следили за исправностью пути, чистотой на перронах, правильностью составления грузовой документации, сохранностью пломб на дверях вагонов, имели право отстранять от работы поездную бригаду в случае ее нетрезвости и т.д. и т.п., словом, представляли собой как бы вторую администрацию дороги. Чины железнодорожной полиции не имели права вмешиваться в распоряжения лиц железнодорожной службы по технической эксплуатации и управлению дорогой, а также чинов других ведомств, имеющих на дорогах определенные обязанности.

В циркуляре штаба Корпуса жандармов от 18 апреля 1886 года за № 21 говорилось, что чины жандармских полицейских управлений же-

лезных дорог «призваны законом к исполнению в подведомственном им железнодорожном районе не всех обязанностей общей полиции, а только тех, кои относятся к охранению порядка и общественной безопасности или к расследованию проступков и преступлений». Помимо этого, чины железнодорожной полиции должны были наблюдать за внешним видом и поведением некоторых работников железной дороги. В частности, «чтобы носильщики были прилично одеты в чистых фартуках, с установленными для них знаками, чтобы при остановках поездов на станциях они не бросались толпой в вагоны, мешая этим свободному выходу пассажиров, не предлагали назойливо им свои услуги, а тем более не хватали без требования их ручную кладь». Жандармские унтер-офицеры должны были составлять регулярные и подробные отчеты о своей работе и подавать их в виде рапортов на имя начальника управления. При этом особое внимание уделялось сведениям о наличии безбилетников и пассажирах, не имеющих документов, удостоверяющих личность, а также о разного рода нарушениях и беспорядках на железнодорожных станциях и в поездах.

Чины железнодорожной полиции порой проявляли такую изобретательность, настойчивость, умения и навыки, что им могли бы позавидовать «гении уголовного розыска». Так, в 1913 году ротмистр Сорохтин был награжден 300 рублями (с занесением в послужной список). Эту награду выдали ему за раскрытие преступления, совершенного разбойничьей шайкой на Владикавказской железной дороге, и арест ее главарей⁹⁴⁷. Патрулировались не только станции и вокзалы, но и депо, мастерские, склады, подъездные пути, а один раз в месяц жандармы были обязаны обойти всю часть железной дороги, вверенной управлению. По признанию руководства Корпуса жандармов, успехи железнодорожной жандармерии в борьбе с хищениями были весьма скромными. Такое положение дел объяснялось самой организацией службы на железных дорогах. Жандармам разрешалось сопровождать лишь те поезда, которые перевозили ценности на сумму свыше 100 тыс. рублей. Правовое положение железнодорожной жандармерии было по-своему уникальным. Дело в том, что Отдельный корпус жандармов, как полиция политическая организационно представлял собой войсковую часть и состоял на бюджете Военного ведомства. Таким образом, железнодорожная жандармерия была частью полиции, организованной на военный лад и выполнявшей функции общей полиции. Жандармы должны были наблюдать за целостностью пути и дорожных сооружений, не

допускать к ним лиц посторонних, оказывать помощь пострадавшим при крушении поездов и даже проверять качество продуктов, продававшихся в станционных буфетах.

17 октября 1875 года было учреждено Владикавказское жандармское полицейское управление. Содержание штата управления возлагалось на акционерное общество Ростово – Владикавказской железной дороги. Вследствие бурного развития железнодорожной сети жандармские полицейские управления железных дорог к началу XX века стали самыми крупными подразделениями корпуса жандармов, по численности личного состава, превзойдя все остальные части корпуса вместе взятые⁹⁴⁸. На чинов жандармско-полицейских отделений возлагались довольно обширные обязанности, прежде всего охрана порядка: предупреждение и пресечение нарушений общественного благочиния и безопасности; поддержание порядка при пассажирских перевозках. Например, контроль за соблюдением очереди при покупке в кассах проездных билетов, правильностью взимания платы, соблюдением норм поведения при посадке пассажиров, осуществлялась борьба с безбилетными пассажирами. В таких случаях унтер-офицеры составляли протоколы на лиц, самовольно севших в поезд, а также протокол о «принудительном удалении из поезда». Материалы дознания направлялись унтер-офицерами мировым судьям, где по ним принимались решения.

Жандармско-полицейские руководители и чины должны были знать распоряжения железнодорожной администрации о противопожарных, врачебно-санитарных и других мерах, контролировать их исполнение. Так, приказом по Управлению Владикавказской железной дороги от 15 октября 1904 г. было «...воспрещено всем служащим и проживающим в полосе отчуждения держать свиней». Жандармские чины не допускали на станции и полосу отчуждения нищих. Вели наблюдение за станционными киосками с целью пресечения «выставления явно соблазнительных изданий и изображений», предупреждая продавщиц, что такое деяние влечет за собой уголовную ответственность. От жандармов также требовалось знание Устава Российских железных дорог, правил технической эксплуатации и других документов.

Унтер-офицеров стали обучать управлению паровозами (должности машиниста и помощника машиниста). Для поступления в корпус жандармов офицеру необходимо было соответствовать определенным требованиям: окончить военное и юнкерское училище по первому разряду; отслужить в армии не менее шести лет; быть потомственным

дворянином; не быть католиком. Наряду с этим подвергались тщательной проверке политическая благонадежность и финансовое состояние кандидата. Кроме того, удовлетворявший этим требованиям должен был выдержать предварительные испытания при штабе корпуса жандармов для занесения в кандидатский список. Когда подходила очередь, кандидат прослушивал четырехмесячные курсы (в Санкт-Петербурге) и сдавал выпускной экзамен. Офицер, выдержавший этот экзамен, переводился высочайшим приказом (императора) в корпус жандармов. Такая тщательная подготовка кадров способствовала установлению прочного порядка на железнодорожных линиях⁹⁴⁹.

Особые меры безопасности были предприняты по охране Ростово-Владикавказской железной дороги особенно в годы Русско – турецкой войны 1877-1878 гг. Эта дорога являлась важнейшей магистралью, по которой перемещались составы с военными грузами и резервами, оружием и боеприпасами; шли эшелоны с ранеными и больными. Не случайно охранять дорогу привлекались не только регулярные части, но и отряды милиции, укомплектованные горцами⁹⁵⁰.

В горах Чечни до революции основным видом транспорта была арба на двух небольших деревянных колёсах, в которую впрягали пару волов. На плоскости применялась арба на больших колёсах, запряжённая лошадьми. В связи с постройкой более комфортабельных, современных дорог появилась возможность использовать удобный, скоростной транспорт. Во второй половине XIX века всё большую популярность стали приобретать новые виды транспортных средств – брички, бидарки, фаэтоны⁹⁵¹. Долгое время, до появления Владикавказской железной дороги, перевозкой грузов за плату на дальние расстояния занимались ногойцы. Так, в 50-х гг. XIX века для доставки грузов до станции Екатериноградской и Владикавказа ногойцы, осетины, ингуши, русские выставляли до 6 тыс. подвод⁹⁵².

К началу 70-х годов XIX столетия большая часть Российской империи была уже связана телеграфным сообщением, и в состав её сети входили почти все губернские и уездные города, а также Кавказ и Туркестанский край. В 1875 году была введена система быстро действующих аппаратов Юза, что значительно оживило обмен депеш во внутренних и международных сообщениях⁹⁵³. Впечатляющим было количество работавших на Тереке почтово-телеграфных чиновников – 0,19% против 0,12% по стране и 0,13% по Кавказу⁹⁵⁴. В 80-е годы XIX в. в России завершился промышленный переворот, что открывало простор для раз-

вития капиталистической промышленности. Страна вступила в стадию раннеиндустриальной модернизации, которая охватила экономическую, политико – правовую, культурную сферы общественной жизни. Ритмы модернизационных процессов задавались как внутренними стимулами соответствующих сегментов общества, так и внешними воздействиями. Мощным стимулом форсированной индустриализации в России стало железнодорожное строительство. Оно способствовало более активной эволюции экономики в целом⁹⁵⁵.

Начало железнодорожного строительства в России

В России старались заимствовать опыт железнодорожного строительства западных стран. Из отчета о путешествии по Европе подполковника Мельникова и капитана Кербедза⁹⁵⁶ (в 1837-1838 гг.) мы узнаем о том, что данные лица ездили по всем железным дорогам Англии, Франции, Бельгии и пришли к выводу, что: «...Железные дороги представляют преимущество скорости, которое дает им высокое назначение в системе внутренних сообщений государств. Государство, имеющее полную систему железных дорог, допускающих, например, скорость в 4 раза большую скорости обыкновенной почтовой езды, может быть рассматриваемо в отношении администрации и взаимных сношений как бы сосредоточенных в 16 раз меньшего пространства. Такое сближение пределов государства представляет слишком большие выгоды, чтоб рано или поздно ими не воспользоваться»⁹⁵⁷.

30 октября (11 ноября по новому стилю) в 1837 году состоялось торжественное открытие первой российской железной дороги – Петербург и Царское Село были соединены однопутной железнодорожной колеей, по которой пошли поезда. Первые поезда были в диковинку и привлекали много людей, желавших увидеть новое чудо. Толпы зевак разбегались враспынную едва слышав резкие свистки, которыми машинист предупреждал о приближении «железного коня». Чтобы не пугать и не нервировать публику, заботясь о безопасности движения поезда, начальство решило отменить резкие паровозные свистки, заменив их ...музыкой. Для этого впереди дымовой трубы паровоза ставился орган, исполнявший разные музыкальные пьесы с аккомпанементом сильных труб и барабанов. Ручку органа крутил агент службы движения, но продолжалось это недолго. Успех Царскосельской железной дороги в

значительной степени предопределил и ускорил решение вопроса о строительстве железнодорожных магистралей по всей стране⁹⁵⁸.

Начало широкого железнодорожного строительства в России было положено указом от 26 января 1857 года. В указе намечался план строительства железных дорог, которые бы связали столицу империи с центральными районами страны, с Поволжьем, с балтийскими и малороссийскими портами, с западной сухопутной границей. Вопрос о сооружении железнодорожной магистрали на Северном Кавказе в этот период не ставился. И это понятно, ведь здесь шла война. Во второй половине XIX века транспортная сеть в самой России находилась в процессе модернизации. Вторая половина XIX века была периодом напряжённого железнодорожного строительства. По темпу развития железнодорожной сети Россия стояла на одном уровне с Соединенными Штатами Северной Америки. В Европейской России развитие шло медленнее (хотя несколько быстрее, чем во всей Европе), а в Азиатской России – гораздо быстрее⁹⁵⁹. Н.В. Муравьев – министр юстиции – ратовал за освоение дальних пределов Российской империи и за активное участие заключенных в строительстве железных дорог. Интересно, что Амурскую железную дорогу (начало современной Байкало-Амурской магистрали) начали строить каторжники, но строительству помешала Первая мировая война⁹⁶⁰. На строительстве Амурской железной дороги с мая 1910 по январь 1916 г. были заняты 2500-3000 заключенных⁹⁶¹.

В целом железнодорожное строительство в Российской империи во второй половине XIX столетия шло очень успешно. В 1919 году У. Черчилль объяснял сложность западной интервенции в России широким развитием здесь железнодорожной сети, которая была построена еще в царское время: «Древняя столица находилась в центре сети железнодорожных линий, расходящихся из Москвы во все стороны. В центре сидел паук. Тщетной была надежда уничтожить его, двигая против него ряды опутанных паутиной мух!»⁹⁶².

Иностранцы, путешествуя по России, не уставали восхищаться удобством русских поездов, ничем не уступавших швейцарским или американским. «Путешествовать железной дорогой в России дешево и приятно: находящиеся на пути следования поездов первоклассные гостиницы и рестораны намного превосходят французские и немецкие; в вагонах-ресторанах подают роскошный обед и всего за один рубль. Ассортимент же станционных буфетов выше всяких похвал. Железнодорожные станции весьма живописны и, в своем роде представляют собой

произведение искусства. Их отличают аккуратность, основательность, удобство. Они ничем не уступают лучшим сельским станциям в любом уголке Европы и Америки» – писали многие западноевропейские путешественники. Не укрылось от западных наблюдателей и стратегическое значение железнодорожного строительства: оно, по их мнению, позволило соединить огромную страну, «отдаленные владения» с «мозгом и нервным центром гигантской империи»⁹⁶³.

Новации в железнодорожных технологиях Российской империи

Первые пассажирские вагоны строились I, II, III классов, они отличались друг от друга внутренним оборудованием и отделкой. В первых вагонах не было необходимых удобств для пассажиров. Однако уже в 1850 г. Александровский завод построил два вагона усовершенствованной конструкции и с комфортными условиями для пассажиров. Поскольку пассажирских вагонов не хватало, их закупали в западноевропейских странах. Однако они оказались не рациональными для условий России, и в 1868-1884 гг. потребовалось осуществить их переделку и создать отечественный тип пассажирского вагона. Такой тип характеризовался наличием сквозного прохода внутри кузова, устройством закрытых тамбуров по концам вагона, хорошей изоляцией кузова, окнами с двойными рамами. С 1863 года пассажирские вагоны стали оборудовать туалетами и умывальниками, а также печами сухого отопления. Ковровские мастерские впервые в мире (в 1866 г.) создали индивидуальное, а в 1877 г. водяное отопление. Совершенствовались вентиляционные устройства. Фонари со свечами с 1877 г. стали заменять газовым, а с 1887 г. – электрическим освещением⁹⁶⁴. По распоряжению министра путей сообщения керосин и бензин был запрещен для освещения пассажирских вагонов из-за низкой температуры вспышки. Для освещения разрешалось использовать тяжелое минеральное масло⁹⁶⁵. В 1906 г. были построены двухэтажные пассажирские вагоны. Такие конструкции в последствии получили распространение в Германии...

Как известно, в 1869 г. в России впервые в мире было введено бесперегрузочное сообщение, допускавшее эксплуатацию грузовых вагонов по всем дорогам страны. Эта целесообразная система эксплуатации обусловила нормализацию парка грузовых вагонов, т.е. создание одина-

ковых по типу, конструкции и размерам вагонов для всех дорог страны. Так, крытые вагоны строились с одинаковыми внутренними размерами кузова и их называли вагонами «нормального типа». Грузоподъемность вагона последовательно увеличивалась: в 1891 г. до 12,5 т., в 1905 г. до 15 т., в 1911 г. до 16,5 т., в 1933 г. до 18 т. Развитие нефтяной промышленности обусловило появление нового типа подвижного состава – цистерны, сначала зарубежной (1863 г.), а затем (1872 г.) отечественной постройки. Первые изотермические вагоны с ледяным охлаждением появились в России в 1862 г., т.е. раньше, чем в США. Первый вагон с опрокидывающимся для высыпания груза кузовом был построен в 1868 г., тоже задолго до появления думпкаргов в США. Имелись и другие специализированные вагоны⁹⁶⁶. Однако быстрый технический прогресс зачастую искусственно тормозился. Даже в 1908-1909 г., когда бензиновые цистерны уже применялись, правда, как исключение, на Владикавказской железной дороге, другие железные дороги этих цистерн дальше Ростова и Новороссийска (так называемое «внутреннее сообщение») не пускали, как за отсутствием соответствующих договоров, так и по причине огнеопасности: предпочитали в этом отношении традиционные тогда деревянные бочки. Около 1908 г. заводы общества «Ахвердов и К», а потом, два года спустя и «Русский Стандарт» заключили договора на поставку бензинов в Лондон. Впервые в этих договорах оговаривается пожароопасность нефтепродуктов, устанавливается норма кипения бензинов, что было важно при транспортировке⁹⁶⁷.

Новый паровоз, созданный Обществом Владикавказской железной дороги совместно с Путиловским заводом, был на тот момент самым мощным паровозом в Европе. В 1878 г. машинист депо Минеральные Воды Беренс изобрел роторный снегоочиститель с приводом от паровой машины паровоза, и в январе 1879 г. успешно испытал первую в мире модель снегоочистителя этого типа⁹⁶⁸.

Железнодорожники Российской империи не только не отставали в технологиях от ведущих мировых держав, но зачастую и опережали их, хотя к строительству новых транспортных путей приступили значительно позже и находились в более тяжелых, для эксплуатации подвижного состава, природных условиях. Россияне охотно делились своими достижениями на выставках. Так, в 1900 г. на Всемирной выставке в Париже Общество Владикавказской железной дороги (протяженность 199 630 км.. в т.ч. 232 км. двойного пути) представило альбом подвижного состава и справочную книгу службы подвижного состава и тяги⁹⁶⁹.

Проекты строительства железных дорог на Кавказе

После завершения Кавказской войны проблема отсутствия на Кавказе дорожной сети, обеспечивающей как стратегические интересы кавказской администрации, так и экономические потребности населения, оставалась острой. Поскольку Военно-Грузинская дорога была единственным сухопутным путём, связывающим Северный Кавказ и Закавказье, в дополнении к ней было необходимо построить ещё несколько дорог через Главный Кавказский хребет⁹⁷⁰. Появилось несколько проектов строительства железнодорожной ветки на Кавказе.

В 1858 году была издана брошюра Г. Любанского «Сближение Средней Азии с Европою или проект о железных дорогах между городами Варшавою и Тифлисом и между Черным морем и Каспием», вызвавшая резонанс у читателей, публикации в периодике. Г. Любанский в своем проекте предлагал провести ветку железной дороги от Варшавы, проложив ее через Киев, Харьков, через Ставрополь на Кизляр, а оттуда до приморского города Петровска. Далее дорога бы проходила по западному побережью Каспийского моря, через Дербент – в Баку, а оттуда дорога бы уходила на Тифлис. От этой главной линии железной дороги должны были отходить пути к Георгиевску, Владикавказу, Ессентукам. Стоимость всех дорог оценивалась приблизительно в 317 млн. 600 тыс. рублей серебром. Этот капитал предполагалось выручить от продажи акций. Сам автор называл свой проект идеей-мечтой, но как показало время, частично его мечты позже были осуществлены на деле – Владикавказская железная дорога была построена уже через 20 лет после публикации данного проекта⁹⁷¹.

В новом плане железнодорожного строительства, составленном в 1862 году, акцент делался на обеспечение железнодорожными путями юга европейской России, где быстро развивалось сельскохозяйственное производство, ориентированное на экспорт и внутренние рынки⁹⁷². Кавказ по своему географическому положению не только представлял удобнейший путь к Средней Азии, но и являлся кратчайшим сухопутным путём в Индию. В 1867 году появилось французское общество, желавшее произвести изыскания для проведения железной дороги из Европы в Индию, через Кавказский перешеек. Однако этой инициативе не позволили развиваться дальше⁹⁷³. Наместник на Кавказе, великий князь Михаил Николаевич всячески ратовал за привлечение отечественного и иностранного капиталов в железнодорожное строительство. В 1868

году к нему обратился представитель германских банков «Томас Беринг и К» с предложением постройки дороги Ростов – Екатеринодар – Анапа. Воспользовавшись интересом, который высказывали финансовые круги Германии к концессиям в России, им предложили выстроить ветку Царицын – Ставрополь – Сухум, и Ростов – Владикавказ. Однако рисковать вкладывать деньги в малоизвестный регион, который на первый взгляд не предполагал быстрой отдачи, представитель немецкой стороны отказался. В итоге иностранцы получили разрешение на строительство дороги от Ейска к Анапе, с ветвями к Ростову-на-Дону и Тузловской косе.

Наместник напрямую обратился к императору (своему родному брату) и указал ему на недопустимость дальнейшей изоляции кавказского региона от остальной империи. Михаил Николаевич предлагал протянуть железнодорожную ветку между Ростовом и Владикавказом и сделать от нее ответвление к одному из Черноморских портов. Это позволяло не только добиться военных и политических выгод, но и получить немалую экономическую прибыль. Следует отметить, что еще в достаточно юном возрасте Александр II был хорошо знаком с состоянием железнодорожного дела в России. В 1842 году, будучи наследником престола, он возглавлял Комитет С.–Петербург – Московской железной дороги, который занимался общим наблюдением за строительством и разрешением всех основных вопросов, а также рассматривал ходатайства о получении концессий на строительство железных дорог⁹⁷⁴.

Между тем в одобренном императором в конце 1868 года плане развития сети железных дорог о Кавказе речи не было. Было принято решение не распылять средства, и это ставило замысел развития коммуникации в регионе в ближайшее время под сомнение. В 1868 году наместник на Кавказе, Михаил Николаевич обосновал необходимость строительства железной дороги, способной соединить центральные области России с Северным Кавказом и Закавказьем тем, что военная эпоха прошла, пришло время мирных завоеваний – силой технического превосходства цивилизации. В своей записке на имя царя, Михаил Романов писал: «Кавказ покорён, но пока покорение – только материальное и поэтому подвержено случайностям. Дабы упрочить его, нужно покорение духовное, которое возможно лишь при условии сокращения расстояний, отделяющих Кавказ от империи»⁹⁷⁵. Доводы наместника показались настолько серьезными, что Александр II разрешил пересмотреть собственное распоряжение и отдал приказ Комитету министров обсудить данную проблему. Император приказал внести местные железные доро-

ги в число первоочередных и предпринять самые энергичные меры по их строительству.

Но и этого Михаилу Николаевичу показалось недостаточно. В 1869 году кавказская администрация уже более детально представила свой проект постройки новой дороги. В одном из документов предполагалось «...соединить Кавказ с центром империи железнодорожным путём между Ростовом и Владикавказом с ветвью к одному из пунктов восточного берега Чёрного моря»⁹⁷⁶. Будучи в Петербурге в конце 1869 года, наместник вновь ставит вопрос о немедленном строительстве Ростово – Владикавказской железной дороги. Было созвано Особое собрание под председательством императора, которое признало необходимость включить магистраль в число «неотложных». 2 января 1870 года император... «Высочайше повелел соизволить: линию от Ростова до Владикавказа включить в сеть главнейших железных дорог и обеспечить исполнение этих дорог преимущественно пред другими...»⁹⁷⁷.

При обсуждении Кавказской сети железных дорог К.Ф. Бентковский обратил внимание на значение этих дорог для международной торговли, считая северо-кавказские линии звеном будущей связи Европы с Индией. «Огромные расходы на содержание на Кавказе войск могут быть уменьшены лишь по проведении к нему железных дорог» – было заявлено на заседании Кавказского отдела Русского технического общества 1 февраля 1869 года. Там же было объявлено, что от постройки кавказской железной дороги одни сбережения по военному ведомству составят 4 миллиарда рублей⁹⁷⁸. В 1869и 1870 г. вопрос о кавказских железных дорогах был предметом многосторонних обсуждений и оживленных прений; особенно в Русском техническом обществе. Результатом этих обсуждений стала отмена сооружения предложенной сети на неопределенное время⁹⁷⁹. Для строительства железной дороги от Ростова до Владикавказа в 1870-1871 гг. были проведены изыскания по четырем вариантам: через Пятигорск; через Ставрополь; южнее Ставрополя и по долинам рек Кубани и Терека. Из них был одобрен последний вариант, по которому трасса дороги идет по равнинной местности через плодородные районы и только на последнем участке по предгорьям Кавказа⁹⁸⁰. При постройке Ростово – Владикавказской железной дороги большие мосты должны были возводить через реки: Дон, Темерник, Ею, Кубань, Уруп, Куму, Малку и Терек. Общее число станций, включая и конечные, должно было быть не менее 42⁹⁸¹.

Уже в 1871 году Ростов был соединён с Москвой через Харьков и тогда же была установлена прямая связь Ростова с Воронежем⁹⁸². В 1872

году была утверждена концессия под названием «Общество Ростово – Владикавказской железной дороги». В том же 1872 году правительство Александра II утвердило устав «Акционерного общества Ростово – Владикавказской железной дороги»⁹⁸³. 2 июля 1872 г. Александр II в Санкт – Петербурге утвердил представление о выдаче концессии Р.В. Штейнгейлю и утвердил устав будущего акционерного общества Ростово – Владикавказской железной дороги. Это общество обязывалось построить и эксплуатировать железную дорогу согласно уставу и техническим условиям, а также построить шоссе от станции Минеральные Воды в Железноводск, Пятигорск, Ессентуки и Кисловодск и содержать его в исправности. Основным капиталом общества был определен в 27 миллионов 221 тысяча 600 рублей⁹⁸⁴.

Железнодорожное предпринимательство в России

Железнодорожное предпринимательство нередко принимало уродливые формы «концессиональной горячки» и ажиотажа; возник целый ряд (несколько десятков) железнодорожных обществ, которые весьма беспорядочно и бесхозяйственно вели свои дела, давали значительно преувеличенное исчисление строительных расходов и вообще всеми силами старались использовать «казенный сундук» для собственного обогащения. В 1873 году министр путей сообщения гр. Бобринский писал в своем докладе государю: «Существование многих наших железнодорожных обществ – мнимо; фирмы их – фальшивы; правления их – неправильны; акционеры их – подставные; акции их – не реализованы...»⁹⁸⁵. В 1861 – 1877 гг. было произведено около 50 выпусков государственных займов и гарантированных правительством облигаций, а также акций железнодорожных обществ. Их реализация дала казне 2,9 млрд., причем 1,2 млрд. были получены на внутреннем рынке. Главной причиной увеличения правительственного долга отныне становится железнодорожное строительство. Уже в 1876 году почти половина российского долга, то есть 1,8 млрд. рублей, была связана с постройкой железных дорог⁹⁸⁶.

Безнаказанный грабёж казны осуществлялся в форме предоставления концессии на железную дорогу с гарантированным правительственным доходом. В этом грабеже принимали участие в первую очередь придворные, во главе с членами императорской фамилии, не исключая и

самого императора⁹⁸⁷. В постройке железной дороги было крайне заинтересовано военное ведомство, в состав которого входило Управление Путей Сообщения на Кавказе⁹⁸⁸. Забота о прибыли определяла действия акционеров уже на начальных этапах строительства Владикавказской железной дороги. Здесь предприниматели использовали нехитрый, но весьма эффективный приём. Суть его заключалась в максимальном завышении сметной стоимости дороги, под которую выпускались гарантированные государством акции, а поскольку строительство дороги обходилось гораздо дешевле, то вся разница между сметной стоимостью и действительной стоимостью дороги присваивалась учредителями данного железнодорожного акционерного общества. В погоне за прибылью акционеры и подрядчики всячески удешевляли строительство, но не за счёт рационализации, а за счёт снижения требований к качеству работ. Состояние путей Владикавказской железной дороги было настолько плохим, что сход поездов с рельсов стал обычным явлением. Любопытно, что правление Владикавказской железной дороги всякий раз объясняло крушение поездов действиями злоумышленников, якобы пытавшихся ограбить почтовые вагоны⁹⁸⁹.

Строительство акционерной Ростово-Владикавказской железной дороги

В 1872-75 гг. руководствуясь военно-стратегическими и экономическими интересами государства и при его финансовой помощи была построена частная (акционерная) Ростово-Владикавказская железная дорога, прошедшая через области Войска Донского, Кубанскую, Терскую области и Ставропольскую губернию. Радикальные преобразования 60-х гг., создавшие условия для бурного развития экономики страны, повлекли за собой новое значительное расширение масштабов кредитных операций правительства⁹⁹⁰. В целях обеспечения равных условий функционирования акционерных железнодорожных компаний, в 1868 году министр финансов М.Х. Рейтерн издал распоряжение, в котором оговаривалось, чтобы от участия в железнодорожных обществах были удалены все лица, которые по своему служебному положению могли бы лоббировать принятие тех или иных правительственных решений, влияющих в частности, на развитие экономики. Тем самым, исключая реализацию интересов тех или иных железнодорожных компаний⁹⁹¹.

При конкурсном отборе соискателей на строительство Ростово – Владикавказской железной дороги Р.В. Штейнгель (1841-1892), была предоставлена концессия на постройку 700-верстной железной дороги от Ростова до Владикавказа. Рудольф Васильевич Штейнгель – барон, инженер путей сообщения, был известным строителем железных дорог. Для строительства этой важной стратегической и народнохозяйственной дороги было организовано акционерное общество под председательством Штейнгеля. Кроме того, Р.В. Штейнгель был известен как один из наиболее прогрессивных сельскохозяйственных предпринимателей на Юге; как крупный землевладелец и овцевод. На внутренний и внешний рынки в благоприятные годы он поставлял не менее 100 000 пудов перwokлассной шерсти⁹⁹².

Управление Владикавказской железной дороги со дня своего основания всегда располагалось в Ростове. С 1910 г. в Ростове – на – Дону начал издаваться журнал «Вестник Владикавказской железной дороги». Выходил он 2 раза в месяц, знакомил читателей с приказами и распоряжениями Министерства путей сообщения и управления дороги, с наиболее важными событиями в жизни железных дорог страны и Северного Кавказа, печатались статьи научно-технического характера.

Первоначально административный персонал Владикавказской железной дороги размещался в собственных зданиях на Вокзальной площади, по большей части – в арендуемых частных строениях⁹⁹³. Затем было выстроено собственное здание, ставшее архитектурным украшением самой большой парадной площади Ростова – на – Дону. Примером модерна в архитектуре административных строений стало четырехэтажное здание Управления Владикавказской железной дороги, построенное в Ростове в 1911-1913 гг. по проекту А.П. Буткова и И.Н. Вальтера. Здание имело периметральную форму плана с внутренними дворами. Общее композиционное и конструктивное решение здания дают основания отнести его к рационалистическому модерну. Вместе с тем, этот объект эклектичен, смешение отчетливо проявляется в многообразии стилистики интерьеров постройки. В его строительство были вложены немалые средства, так как это здание являлось «лицом» Владикавказского акционерного общества⁹⁹⁴.

Железная дорога, обойдя многие важные экономические пункты из-за предпочтения правительством стратегических соображений экономическим, в последствии, в поисках прибыли постоянно расширялась, вовлекая в сферу товарно-денежных отношений всё новые районы

северокавказского региона. Благодаря значительному увеличению возможности сбыта по железной дороге товарной продукции Чечня быстро превратилась в район высокоразвитого торгового животноводства и земледелия⁹⁹⁵. Высокопоставленные петербургские чиновники вторым по значению событием после победы в Кавказской войне считали строительство Владикавказской железной дороги. Один из современников писал: «Вот и железная дорога прошла по самому предгорью, прорезав наиболее беспокойные местности Северного Кавказа – Чечню и Ингушетию. Гудермес – это один из самых «разбойничьих» аулов, а теперь и там станция. Должно же это в местной жизни сказаться. Если штык оказался не в состоянии замирить горцев, то, может быть, купон их утихомирит...»⁹⁹⁶.

К началу 1880-х годов вся железнодорожная сеть России общей протяженностью 21228 верст полностью находилась в собственности частных компаний, за исключением 57-верстной Ливенской линии, принадлежавшей государству. По существу, железнодорожные общества были отпущены государством в «самостоятельное плавание» в надежде на рыночные саморегулирующие силы. Однако в процессе эксплуатации, построенные железные дороги быстро изнашивались. Концессионеры же не были заинтересованы в проведении модернизации, поскольку это требовало немалых капиталовложений, что неизбежно отразилось бы на прибыли самым отрицательным образом. Следует отметить, что ни в одной сфере производственно-хозяйственной деятельности грабеж казны различными концессионерами и учредителями не принимал такого наглого и циничного характера, как в железнодорожном деле. По данным комиссии Э.Т. Баранова, к началу 80-х годов из 37 железнодорожных компаний только пять не пользовались правительственной гарантией и не являлись должниками казны. Акционерные железнодорожные общества, владевшие железнодорожной сетью России, построенной в основном за счет государственных средств, отнюдь не считались ее арендаторами. По законодательству железнодорожные общества являлись собственниками железных дорог в течение всего концессионного срока (от 81 года до 85 лет), после чего дороги должны были перейти в собственность казны. По условиям большинства концессий государство при выкупе железных дорог должно было выплачивать выкупное вознаграждение за акции железнодорожного общества⁹⁹⁷.

Концессионеров осуществлявших строительство Ростово – Владикавказской железной дороги, на первых порах меньше всего интересо-

вало, что и как они строят. Для них важно было, заполучив концессию, обогатить себя за счёт щедрых государственных кредитов. Строительство железной дороги принесло немало бед простым труженикам, о чем неоднократно говорилось в демократической прессе. Так, в «Заметках провинциального философа», опубликованных в № 24 Петербургской газеты «Неделя» за 1878 г., Шелгунов писал, что на строительстве железной дороги Ростов – Владикавказ ежедневно умирают десятки рабочих. Статистические данные привлекались автором с целью далеко идущих социальных обличений⁹⁹⁸. Периодическая печать конца XIX – начала XX вв. ярко показывает ещё одну статью доходов акционеров, также напрямую связанную с халатным отношением к железнодорожному хозяйству. Это экономия на оборудовании станций и станционных путей. Правление дороги предпочитало не тратить деньги на строительство переходных мостов, ограждений и прочих приспособлений, снижавших бытовой травматизм и число несчастных случаев. Газета «Каспий» от 20 января 1901 года писала: «На станции Грозный в последнее время было очень много случаев увечий из-за наездов маневрирующих паровозов на людей. Несмотря на вопиющую необходимость, администрация дороги не желает тратить на сооружение переходных мостиков, предпочитая рисковать человеческими жизнями ради грошовой экономии»⁹⁹⁹.

На железных дорогах России серьезную угрозу движению поездов в зимнюю пору создавали снежные заносы. Для защиты от них стали применять переносные решетчатые щиты из тонких досок. В 1870-е годы лесовод Н.К. Срединский впервые в России начал устраивать снегозащитные лесонасаждения из лиственных пород. Первые опыты не всегда оказывались удачными. Ряды деревьев, посаженные нерасчетливо близко к железнодорожному полотну, создавали эффект неглубокой выемки, наиболее уязвимой для снежных заносов. На некоторых перегонах по этой причине пришлось вырубать десятки верст неудачно высаженных лесополос. Прошли годы, прежде чем определились оптимальные схемы снегозащитных лесонасаждений для рельсовых путей разного профиля. В конце XIX века начали появляться первые снегоочистители для механизированной очистки рельсовых путей от снега. И все же главной силой при расчистке путей долго еще оставался наемный рабочий с лопатой в руке¹⁰⁰⁰.

После издания в 80-х годах XIX века закона «О преобразовании некоторых существующих доходных железнодорожных обществ и предоставлении им постройки новых линий значительного протяжения»

Общество Владикавказской железной дороги вошло в число самых крупных монополистов Северного Кавказа¹⁰⁰¹. Оно превратилось в огромное капиталистическое предприятие, сосредоточившее в своих руках железнодорожную сеть, превышающую 2300 вёрст и имевшее право на её расширение в областях, к ней тяготевших. Как монополист, Общество Владикавказской железной дороги препятствовало образованию других железных дорог на Северном Кавказе. Только это Общество имело право сооружать здесь железнодорожные линии, и поэтому процесс экономического развития различных областей Северного Кавказа шёл с замедлением. Более того, Общество препятствовало развитию и других путей сообщения, которые могли конкурировать с железной дорогой. Даже такая, казалось бы, мелкая деталь, как недостаток вагонов, отрицательно сказывались на развитии экономики Северного Кавказа, поскольку конкурировать с Обществом Владикавказской железной дороги было некому¹⁰⁰².

Вследствие того, что Общество Владикавказской железной дороги монопольно владело путями сообщения на Северном Кавказе и его поддерживало правительство, оно установило самые высокие в России тарифы на перевозку хлебных грузов. Даже в официальных кругах России этот тариф называли «исключительным»¹⁰⁰³. Количество хлеба, перевозимого Владикавказской железной дорогой до 1880 года, простиралось до 2 млн. четвертей. Производительность Северного Кавказа к концу XIX века увеличилась настолько, что железная дорога даже была не в силах убирать весь подвозимый к ее станциям хлеб. На избыток хлеба указывает и снабжение войск, здесь расквартированных. Годовая потребность для войск в провианте в годы войны 1877-1878 гг. составляла 170 000 четв., приблизительно на 60 000 человек. В счет этой пропорции до 120 000 четв. заготавливалось в крае, а остальное привозилось. Для довольствия войск требовалась преимущественно рожь и гречиха, посевы которой на Кавказе были в изобилии¹⁰⁰⁴.

Коммерческое агентство Владикавказской железной дороги

Учрежденное в 1889 г. Коммерческое агентство Владикавказской железной дороги развернуло кипучую деятельность по приему и перевозке хлебных грузов. В начале 1890-х гг. на крупных станциях Владикавказской железной дороги (Тихорецкая, Кавказская, Армавир,

Прохладная) были построены элеваторы и крытые зернохранилища. Основными формами торгового капитала в 1860-1890-е гг. стали: покупка продуктов скупщиками у производителей, для чего были учреждены конторы по приему хлеба. Появились и иностранные предприниматели, скупавшие зерно, например известный парижский миллионер Луи Дрейфус¹⁰⁰⁵. Руководство Владикавказской железной дороги построило колоссальный, первый в России по величине, элеватор для хранения 3-х миллионов пудов хлеба в Новороссийске и оборудовало этот порт пристанями (разных систем), дающих возможность одновременно грузить и разгружать несколько больших океанских пароходов в любое время дня и ночи. Элеватор в Новороссийске увеличил складские помещения этой портовой станции до 9 млн. пудов¹⁰⁰⁶.

Большую прибыль железнодорожные дельцы получали от операций с нефтепродуктами. В марте 1913 г. депутат государственной думы от Терской области М.А. Караулов на одном из заседаний на основе фактических данных доказал, что Общество Владикавказской железной дороги практически полностью подчинило себе терскую нефтепромышленность и настолько упрочило свое монопольное положение в крае, что «только в Африку не тянется...»¹⁰⁰⁷. В 1891 г. тогдашний министр финансов России И.А. Вышнеградский отмечал «искусное и энергическое видение дела, которое до тех пор составляло отличительную черту администрации предприятия Владикавказской дороги. По скудости вообще у нас смелых, опытных и достаточно предусмотрительных коммерческих предпринимателей...»¹⁰⁰⁸.

Строительство железнодорожной ветки

Беслан – Грозный – Гудермес – Хасав-Юрт – Петровск – Баку

Строительство железнодорожной ветки Беслан – Петровск вблизи Назрановской крепости началось в конце августа 1891 г. Газета «Терские ведомости» сообщала, что «работы начались с Назрановских высот. На расстоянии почти шести верст везде были расставлены рабочие с ломами, с кирками, с лопатами, а другие с подводами, и после молебна вся эта масса обсыпала отроги высот и закипела работа». Для строителей железной дороги, а их насчитывалось около тысячи человек, было построено три барака: в Назрани около здания старого вокзала, недалеко от Назрановской крепости возле водяной мельницы и в селе Плиево. В период строительс-

тва железной дороги в окрестностях крепости побывал будущий классик советской литературы Максим Горький (Пешков), который принимал непосредственное участие в строительстве бараков для рабочих. В течение трех месяцев он работал сторожем, а затем кашеваром в той же артели. Впечатления, полученные Горьким от пребывания на Кавказе отражены в рассказах: «В ущелье» (1913 г.) и «Чужие люди» (1923 г.)¹⁰⁰⁹.

Академику Г.В. Абиху принадлежит большая заслуга в том, что была проложена железная дорога от Владикавказа через Петровск в Баку. Будучи членом Императорского Русского технического общества, которое в 1870-х годах изучало и проектировало возможность строительства железной дороги из Владикавказа в Тифлис по туннелю через Главный Кавказский хребет, Г.В. Абих подверг критике этот проект и настоял на необходимости строительства дороги через Петровск и Баку. Лишь благодаря личной поддержке императора Александра III было принято решение строительства Петровской ветки Владикавказской железной дороги. В 1885 г. царь утвердил решение Кабинета министров начать строительство Владикавказско – Петровской железной дороги. В 1892 г. были начаты работы по продолжению Владикавказской железной дороги на Грозный-Петровск-Дербент-Баку. С ноября 1893 г. вступила в эксплуатацию линия Грозный – Петровск, в мае 1899 г. было открыто движение по всей линии Беслан – Грозный – Гудермес – Кади-Юрт – Хасав-Юрт – Чир-Юрт – Петровск, протянувшаяся на 250 верст¹⁰¹⁰. Пассажирское движение на участке железной дороги от реки Сулак до Петровска было официально открыто 17 мая 1894 г. В том же году Обществом Владикавказской железной дороги была открыта контора для ремонта паровозов и вагонов – депо станции Петровск¹⁰¹¹.

Железнодорожная ветвь от Беслана до Петровска через Грозный была слабо оснащена технически. На станциях и разъездах применялось ручное управление стрелок и семафоров, что отражалось на пропускной способности поездов, которая была низкой. Паровозы и вагоны также имели ручные тормоза. Железнодорожную линию обслуживало 22 товарных и 6 товаропассажирских паровозов. Общий парк составлял 838 вагонов. На железнодорожных станциях и разъездах устраивались крытые зернохранилища – «ссыпки». Сюда крестьяне привозили продукты своего хозяйства и продавали их агентам компаний, занимавшимся скупкой и вывозом продуктов сельского хозяйства на внешние рынки¹⁰¹².

Когда в 1872 году встал вопрос о строительстве железной дороги от Ростова на Дону до Владикавказа то, по рекомендации министра путей сообщения А. Бобринского, концессия на её сооружение была предоставлена инженеру путей сообщения Р. Штейнгелю. В 70-х годах XIX века его имущество оценивалось в 6 млн. рублей. Северовосточный район города Грозного, где барон Р. Штейнгель построил кирпичный завод, стали называть «Бароновкой». Данное наименование сохранилось в народе до сих пор. Когда в Грозном началась разработка нефтяных богатств, Штейнгель не упустил случая нажиться и на этом деле.

В июле 1875 года было уже открыто пассажирское и товарное движение по всей линии Ростово – Владикавказской железной дороги (652 версты)¹⁰¹³. С 1872 по 1884 год железная дорога на Северном Кавказе называлась Ростово – Владикавказской, а с 1884 и до 1917 года – Владикавказской. Проведение железной дороги во Владикавказ сыграло определённую положительную роль и для Грозного. Между двумя этими городами стал ходить дилижанс, и сообщение с центральной Россией теперь шло не прежним окружным путём, а значительно короче – через Владикавказ¹⁰¹⁴. В 1876 году город Владикавказ был соединён с Петровском, а через него, и с Баку¹⁰¹⁵. В 1884 году акционерному «Обществу Владикавказской железной дороги» было разрешено строить ветку на Новороссийск. В 1888 году Владикавказская железная дорога была соединена с портом Новороссийск, в 1894 году – с портом Порт – Петровским (ныне Махачкалой)¹⁰¹⁶. Большое значение для дальнейшего развития промышленности и торговли в крае имело завершение постройки железнодорожной магистрали Беслан – Грозный – Петровск¹⁰¹⁷. Петровская ветвь Владикавказской железной дороги, прорезав Чечню в самой широкой её части, подчинила своему влиянию самую населённую и производственно богатую местность Терской области¹⁰¹⁸.

Кавказская администрация не только поддерживала идею по проведению железнодорожной ветки до города Грозного, но и ратовала за продолжение магистрали вплоть до Баку. На заседании Комитета министров 29 мая 1890 года вновь была признана целесообразность скорейшего возведения магистрали, но найти необходимые для этого 12 млн. рублей так, и не смогли. Когда в начале 1891 года министр путей сообщения Гюббенет предложил среди прочих путь от Владикавказа или станции Беслан по левому берегу Сунжи, то это решение показа-

лось наиболее предпочтительным. Но военный министр отстаивал свой проект строительства, от станции Дарг-Кох. В результате жарких споров удалось согласовать позиции по направлению дороги от станции Беслан через Грозный¹⁰¹⁹.

1 мая 1893 года к станции Грозный из Беслана подошёл первый пассажирский поезд¹⁰²⁰. Чеченцы называли его «огненная почта». Это была неслыханная «самоходная» машина. Вагоны соединялись между собой винтовыми стяжками, которые нередко обрывались в пути, и вагоны отрывались от поезда¹⁰²¹. Чтобы посмотреть «огненную почту», люди приезжали из близлежащих сёл. Гудок его был слышен даже в Старых Атагах. Железная дорога позволила привозить мануфактуру и другие «заморские» товары¹⁰²². Построение железной дороги открыло новую страницу в экономическом освоении Кавказа¹⁰²³. Ростово – Владикавказская дорога привязала Кавказ к России в экономическом и стратегическом смысле надёжнее, чем могло бы даже это сделать водворение 100000 новых колонистов в этой местности¹⁰²⁴. В начале XX века, через Москву, Рязань курсировал поезд Петербург – Грозный (маршрут № 90). Он проходил расстояние в 2512 верст. Цены на билеты были следующие: на I класс – 47 руб. 40 коп.; на II класс – 27 руб. 65 коп; на III класс – 15 руб. 80 коп. Срок годности билета составлял 8 дней, за 10 фунтов багажа брали 104 коп. Таким образом без пересадок можно было легко добраться из Грозного до столицы Российской империи, что даже не возможно было представить в годы Кавказской войны в непроходимых, дремучих лесах Ичкерии¹⁰²⁵.

Вокзалы меняли сложившуюся городскую структуру, становились центрами культурно-экономической жизни города: здесь появлялись магазины, рестораны, киоски для продажи газет. Вокзалы были местом развлечений, проводов друзей. В то же время за порядком следили очень строго. Железная дорога имела право отказать в приеме к перевозке пассажиров, если они были пьяны, или были «непристойно» одеты¹⁰²⁶. Современники отмечали сходство вокзалов на станциях железных дорог, но видели в этом скорее архитектурный недостаток, чем достоинство. Один из них, путешествуя по России в конце XIX века, оказавшись на вокзале в Тифлисе, писал: «Вокзал переносит немножко в Киев или Нижний... Железнодорожная архитектура удивительно шаблонна: она не признает ни климата, ни гармонии здания с декорацией природы...»¹⁰²⁷.

К началу XX века Владикавказская железная дорога связала между собой все основные регионы Северного Кавказа. Из 2046 вёрст длины

дороги 324 версты приходилось на Донскую, 845 – на Кубанскую, 453 – на Терскую, 214 на Дагестанскую области, 192 – на Ставропольскую и 18 на Черноморскую губернии¹⁰²⁸. Строительство железных дорог – это, прежде всего, колоссальный труд по перемещению грунта при устройстве насыпей и выемок под земляное полотно заданного профиля. На строительстве линии Ростов-Владикавказ земляные работы в объёме 900 тыс. кубических сажень (около 9 млн. кубометров) выполнялись преимущественно вручную, с помощью лопаты и тачки, а также конной возкой. На этих работах было занято 17 тыс. рабочих, привлечённых из внутренних российских губерний¹⁰²⁹.

Уже в 1875 году было учреждено Жандармское Полицейское Управление на Ростово-Владикавказской железной дороге. Все расходы по его содержанию были возложены на счёт Общества Ростово – Владикавказской железной дороги¹⁰³⁰. При устройстве на железную дорогу проситель должен был представить из соответствующего жандармско-полицейского управления железной дороги свидетельство о благонадежности¹⁰³¹.

В ходе постройки железной дороги многие земли, принадлежавшие горцам и казакам, безвозмездно ими были потеряны, хотя по российскому законодательству владельцы собственности имели право на вознаграждение за утерянное имущество. По мнению Гос.Совета, если проведение железной дороги сделало невозможным пользование землёй, прилегающей к полотну дороги, то это обстоятельство служило поводом к увеличению размера присуждённого владельцу вознаграждения. Даже за временное занятие имущества (до 3-х лет), требовалось выплачивать его владельцу вознаграждение в размере 6 % в год¹⁰³². Так, при постройке Московско-Курской железной дороги, один из землевладельцев уступил свою землю железнодорожному акционерному обществу: усадьбную по 10 рублей за кв. сажень, а полевою по 1 рублю 50 копеек за кв. сажень, что составляло 3600 рублей за десятину¹⁰³³. Терские казаки попытались извлечь выгоду из постройки железной дороги. Когда земля, прилегающая к железнодорожным станциям являлась собственностью станицы, то общественным договором станичники запрещали сооружение жилых помещений и складов вблизи железной дороги. Это вынуждало дельцов перебираться в станицы, где они арендовали помещения, а казаки занимались извозным промыслом до железной дороги¹⁰³⁴.

Уровни доходов Общества Ростово – Владикавказской железной дороги

В связи с тем, что Общество Владикавказской железной дороги монопольно владело путями сообщения на Северном Кавказе и его поддерживало правительство, оно установило самые высокие в России тарифы на перевозку грузов. В 1894 году на 1 акцию общества приходилось 25 рублей дохода, в 1903 году – 91 рубль 40 копеек, а ещё через несколько лет 200 – 220 рублей дохода¹⁰³⁵. Общество Владикавказской железной дороги нередко авансировало хлебоотправления, выдавая ссуду под хлеб до 80% его биржевой стоимости. В 1889 году таких ссуд было выдано на сумму 17 тыс. рублей, а в 1895 году – уже на сумму в 958 тыс. рублей¹⁰³⁶. За 7 лет (с 1875 по 1881 год) по Ростово-Владикавказской железной дороге было перевезено около 2 млн. пассажиров и около 70 млн. пудов различных грузов¹⁰³⁷. До постройки Ростово – Владикавказской железной дороги Россия сообщалась с Северным Кавказом лишь Волгой, что было довольно затруднительно из-за летнего мелководья устья реки и её зимнего замерзания.

Главный доход руководство железных дорог получало не от грузов, идущих между конечными пунктами, а от грузов, забираемых по пути. Поэтому особенно выгодна была постройка железнодорожных путей в местностях с высокой долей производительности товаров. Перед постройкой железной дороги руководство Акционерного общества прогнозировало быструю окупаемость её после изучения гужевого товарооборота на Кавказе. По отчёту о шоссейном сборе на Военно-Грузинской дороге, в 1867 году между Владикавказом и Тифлисом было перемещено грузов в 2000000 пудов¹⁰³⁸.

В 1900 году в одну только Терскую область по железной дороге было перевезено товаров в 15807873 пуда¹⁰³⁹. С проведением Владикавказской железной дороги рынок Северного Кавказа открылся для дешёвых фабричных изделий «от Тулы до Варшавы». Большинству местных мастеров пришлось частью ликвидировать своё домашнее производство¹⁰⁴⁰. С устройством Ростово – Владикавказской железной дороги торговая деятельность в Терской области значительно оживилась. В то же время в 1884 году, по сравнению с 1882 годом оборот капиталов на ярмарках Терской области уменьшился. Это связано с тем, что жители находили более выгодным продавать свои товары во внутренних губерниях России с помощью железной дороги и паромод-

ного сообщения по Волге¹⁰⁴¹. Местные торговцы, пользуясь железной дорогой, приобретали необходимые товары большей частью из первых рук, минуя посредников на ярмарках¹⁰⁴². С проведением железной дороги появилась возможность скоропортящиеся южные фрукты и овощи вывозить на север страны. Терские яблоки и груши пользовались большой популярностью в Москве и Петербурге. До проведения Владикавказской железной дороги хлеб шёл в Ростов гужем из самых отдалённых частей Северного Кавказа, железная дорога привлекла хлебные грузы из ещё более удалённых от Ростова мест¹⁰⁴³. Железная дорога связала Терский край с южными центрами производства и торговли хлебом: Ростовом, Новороссийском, Астраханью. Один из авторов писал: «Железная дорога из-под носа увозит хлеб, а вырученные на него деньги идут на покупку: самовара, лампы, ботинок, шёлкового платка, кружев, глицеринового мыла, одеколона»¹⁰⁴⁴.

Что касается скорости перевозки пассажиров и грузов, то она оставляла желать лучшего. Так, зимой 1875 года пассажирский поезд на Ростово – Владикавказской железной дороге шёл, как правило, из Царицына в Р н/Д в течение 26 дней¹⁰⁴⁵. Сравнительно малая стоимость строительства Ростово – Владикавказской железной дороги объясняется пониженными техническими требованиями, а именно использованием железных, а не чугунных рельсов, и паровозов более лёгкого веса по сравнению с разрешённым на других дорогах, допущением крутых уклонов с целью уменьшения объёма земляных работ, снабжением дороги подвижным составом в небольшом количестве: 11 паровозов и 228 вагонов на каждые 100 вёрст – в два раза меньше среднего количества подвижного состава на других дорогах. Недостаточность подвижного состава стала очевидной уже в 1874 году, ещё до открытия регулярного движения на дороге. В результате Обществу Владикавказской железной дороги был разрешён дополнительный выпуск облигаций на 3 млн. 189 тыс. 250 руб. для увеличения подвижного состава и производства дополнительных работ¹⁰⁴⁶. Топливом для паровозов служил мазут или же нефть вместе с мазутом. Нефть была жизненно необходимым продуктом для Владикавказской железной дороги. Ежегодная потребность дороги в мазуте составляла 20 млн. пудов – то есть $\frac{3}{4}$ всего мазута, производимого Грозненскими нефтеперегонными заводами¹⁰⁴⁷.

Владикавказская железная дорога, как транспортное предприятие, имела прогрессивное значение в деле становления и развития нефтепромышленности Северного Кавказа. Она в значительной степени опре-

делила масштабы и темпы этого развития. В 1893 году через Грозный прошла железная дорога, и в том же году была заложена первая буровая скважина. Строительство железной дороги, которое было завершено в 1893 году, во многом предопределило планировочную структуру города Грозного. Предполагалось проложить дорогу прямой линией через Грозный. В этом случае развитие города пошло бы в сторону Горячеисточнинской горы, по возвышенности с чистым воздушным бассейном. Преследуя эту цель, инженеры-путейцы обратились к городскому самоуправлению с предложением об отчуждении земель для строительства железной дороги, станции, депо и служб. Хозяева города не возражали против выделения земли, но потребовали оплаты по 60 руб. за каждую квадратную сажень. Тогда путейцы вынуждены были обратиться к жителям станицы Грозненской, которая размещалась в юго-западной части города, но её население не считалось городским. Станичники удовлетворили просьбу путейцев и бесплатно выделили земли для строительства железной дороги¹⁰⁴⁸.

За 60 лет (1833-1893 гг.) до проведения Петровской линии Владикавказской железной дороги в Грозненском районе было добыто лишь около 3 млн. пудов нефти. С сооружением в 1894 году Петровской линии Владикавказской железной дороги (Беслан – Петровск) и Петровского порта был открыт выход к Чёрному морю нефтяным грузам Кавказа, что особенно дало мощный толчок развитию нефтяной промышленности в районе Грозного¹⁰⁴⁹. Основные грузопотоки направлялись из Грозного на Ростов и Петровск-Порт, который связывал этот район с Закавказьем, Средней Азией и Поволжьем. Потребителями грозненской нефти стали и промышленные районы Украины. Туда же большими партиями поступал керосин. Кроме того, он вывозился и в западные губернии страны.

Первое место в товарообороте занимала перевалка нефтяных продуктов, для приема и хранения которых в Петровске был построен парк из 40 резервуаров. К молу был проложен железнодорожный путь, по которому поезда подвозили и принимали груз с морских пароходов. В том же направлении были проложены трубы нефтепровода. У конечности северного мола находилась станция с паровым насосом для перекачивания нефти, мазута и керосина из наливных шхун в резервуары, расположенные за пределами города. Уже оттуда наливались в вагоны-цистерны и направлялись в различные пункты России. Движение нефтяных грузов вызвало устройство в Петровске железнодорожного коммерческого агентства и нефтяных складов, а также несколько контор и агентств, раз-

личных нефтяных обществ¹⁰⁵⁰. В Петровске работал небольшой нефте-перегонный завод купца первой гильдии из Грозного – Ахвердова¹⁰⁵¹.

Особенно интенсивно товарообмен начал осуществляться в конце XIX века. Из Поволжья и Прикамья (через Царицын) на Северный Кавказ поступали лесоматериалы; из Донбасса, Приазовья, Урала – железо и металлические изделия, из Южного горнопромышленного района (через Ростов) – уголь и кокс, из Новороссийска – цемент, машины, сельскохозяйственное оборудование. Московский промышленный район, Нижегородские рынки снабжали (через Петровск – Порт) текстильными изделиями русских фабрик и заводов¹⁰⁵². Возникнув и развиваясь в новых, капиталистических условиях Новороссийский порт по темпам роста, по внутреннему благоустройству превзошел даже такие крупные порты, как Санкт-Петербургский и Одесский. Новороссийск получал до 86 % всех хлебных грузов железнодорожной сети Владикавказской железной дороги. Общий грузооборот Новороссийского порта за период 1890-1900 гг. вырос с 30,3 до 60,8 миллионов пудов, или более чем в 2 раза. Основными потребителями хлеба, вывозившегося из Новороссийска в начале XX века была Германия (до 30 %), Нидерланды (до 20 %), Италия (до 20 %), Дания (до 10 %), а также Бельгия, Франция, Великобритания, Греция¹⁰⁵³.

Фонды Совета Съездов Терских Нефтепромышленников и Нефтяного комитета Управления железных дорог содержат сведения о конкурентной борьбе Общества Владикавказской железной дороги с грозненскими нефтепромышленниками¹⁰⁵⁴. Хотя по добыче нефти Общество Владикавказской железной дороги занимало одно из последних мест среди нефтепромышленников Грозненского района, зато оно являлось лидером по её переработки. Проникновение Общества в сферу нефтедобычи привело к повышению цен на нефть, а это негативно повлияло на те отрасли промышленности, которые потребляли нефтепродукты¹⁰⁵⁵.

Свою лепту в загрязнение окружающей среды внесли предприятия нефтеперерабатывающей промышленности и железные дороги. Под строительство нефтяных вышек, резервуаров и дорог была отчуждена большая площадь плодородных земель. Однако руководство этих предприятий не брало на себя никаких обязательств по восстановлению лесных массивов, садов и пахотных земель¹⁰⁵⁶. Осознание необходимости защиты окружающей среды при столь драматичности положения народов Северного Кавказа проникло во все слои общества уже во второй половине XIX века. В 1909 году А. Каневский с горечью

отмечал: «Лет 15 назад близ станции Прохладной – Ростово-Владикавказской железной дороги можно было убить в цель 40-50 штук фазанов, теперь вряд ли найдется пара, другая. И таких осиротевших мест на Кавказе много»¹⁰⁵⁷.

Значение Владикавказской железной дороги

Роль Владикавказской железной дороги для Моздока была неоднозначной. Талантливый публицист и экономист И. Бентковский 1 февраля 1869 года на заседании Кавказского отделения Русского технического общества поставил вопрос о необходимости постройки ветки Моздок – Владикавказ при сооружении планируемой ещё только дороги Пятигорск – Моздок – Петровск¹⁰⁵⁸. Однако данное предложение не было принято. С открытием железной дороги оживилась хозяйственная деятельность расположенных по этой дороге сёл, станиц и городов, что несколько снизило роль Моздока в экономике края. Но вскоре стал действовать гужевой путь от Моздока до Прохладной и товарооборот снова стал налаживаться¹⁰⁵⁹. Постройка железнодорожной ветки Беслан – Порт-Петровск через земли чеченцев – аккинцев привела к фактическому искусственному разделению аккинской земли на две части – плоскостную и предгорную. Железная дорога становилась линией, на юг от которой и вытеснялось всё аккинское население вплоть до 20-х годов XX столетия¹⁰⁶⁰.

По своему положению конечной станции железной дороги, Владикавказ являлся пунктом, в котором задерживалось ежедневно значительное число пассажиров, направлявшихся в Тифлис и из Тифлиса. С одной стороны в дилижансах, двигавшихся по Военно-Грузинской дороге, число мест было ограничено, а с другой, лишь один поезд в сутки прибывал во Владикавказ¹⁰⁶¹. Постройка железной дороги способствовала изучению Кавказского края, привлечению сюда туристов и путешественников. Харьковский университет был первым в России, организовавшим студенческие экскурсии на Кавказ. Идея проведения таких экскурсий принадлежала профессору А.Н. Краснову, слушавшему ранее лекции в Германии и Швейцарии – где такие горные экскурсии проводились. Летом 1894 года харьковские студенты: топографы, геологи, ботаники и этнографы отправились в путешествие на Кавказ. Университет полностью оплачивал дорогу. Правление железной дороги предоставило сту-

дентам отдельный вагон, хотя студентов было всего 17 человек, во главе с профессором Красновым. До Владикавказа харьковчане добирались в комфортабельных условиях – на поезде, а оттуда отправились пешком до Тифлиса¹⁰⁶².

Путешествие царя по Кавказу по железной дороге

На поезде совершил свое путешествие и царь. Осенью 1888 года Кавказ ожидал прибытия императора. Путешествие Александра III было рассчитано на 28 дней и насыщено всевозможными мероприятиями. Во время возвращения с Кавказа 17 октября 1888 года близ станции Борки произошло крушение императорского поезда. Весь состав упал на насыпь, несколько человек погибло. Из членов императорской семьи пострадала больше всех старшая дочь Ксения, которая осталась горбатой. Причиной катастрофы было нарушение правил движения поездов. Громоздкий поезд, составленный из тяжелых вагонов, на слишком высокой скорости везли сразу два товарных паровоза. Произошло крушение¹⁰⁶³

Среди чеченцев в XIX веке стали появляться первые железнодорожники. И это не смотря на то, что приток чеченцев в грозненскую промышленность сдерживался административными барьерами. В Терской области действовало постановление, запрещающее чеченцам поселяться на территории Грозного, а также слобод Воздвиженской, Ведено и др., рядом с военными укреплениями. Исключение делалось только для лиц, состоящих на государственной службе или вышедших в отставку в офицерском звании, а также имеющих «особые» заслуги перед государством. Прием чеченцев в светские учебные заведения тоже был ограничен квотами, распределявшимися по национальному признаку. Тем не менее, не смотря на эти ограничения, некоторым чеченцам удалось пополнить ряды Терской интеллигенции уже в первые послевоенные десятилетия. Первым машинистом из чеченцев стал Ибрагим Магомаев, который в 1893 году закончил Владикавказское ремесленное училище. В 1897 году И. Магомаев получил право самостоятельно управлять локомотивом, а с 1900 года он становится машинистом пассажирских поездов¹⁰⁶⁴.

В Терской области на долю железных дорог приходилось 453,9 вёрст, шоссейные были протяжённостью в 160 вёрст, а на грунтовые дороги приходилось 5800 вёрст¹⁰⁶⁵. Постройка Владикавказской железной дороги через территорию Северного Кавказа закрепила и упрочи-

ла экономические связи края с ведущими промышленными районами страны¹⁰⁶⁶. Таблица эксплуатации Владикавказской железной дороги за период с 1875 по 1887 год, составленная бароном Штейнгелем, служит также свидетельством экономического оживления края. Так, если в неполном 1875 году валовой доход дороги составлял 772165 рублей, то в 1887 году он возрос до 3071051 рубля, т.е. сумма валового дохода увеличилась в 4 раза¹⁰⁶⁷.

Расширение строительства железных дорог и сопровождающая его общественная коммуникация способствовали ментальному картографированию империи и ее местностей. Эти пространственные единицы становились гибкими, подлежали исторической динамике и зависели от исторически изменяющихся экономических, социальных и культурных межпространственных отношений. Местность становилась предназначенной не самой себе, а вышестоящим целям. Ее аграрные ресурсы с проведением новых путей сообщения все активнее направляются на снабжение имперского центра и на экспорт. Этим она способствует империи, как некой финальной общности¹⁰⁶⁸. В 1870 году Главным инженером Терской области была составлена областная карта, показывающая «местности, тяготеющие к двум направлениям Владикавказской железной дороги». На карту также были нанесены и крупнейшие нефтяные месторождения¹⁰⁶⁹.

Военно-стратегическое значение Владикавказской железной дороги

Развитие железнодорожного транспорта имело также огромное значение в деле укрепления обороноспособности страны. Особенно показательной в этом плане была быстрая передислокация войсковых частей на юг страны накануне войны 1877-1878 годов. Постройка дороги позволила наладить регулярное снабжение армии продовольствием и вооружением в ходе боевых действий на территории Османской империи¹⁰⁷⁰. В период войны с Турцией (1877-1878 гг.) Владикавказская железная дорога, будучи доведена лишь до Владикавказа и имея в то время весьма слабую провозоспособность (7 пар поездов 25 вагонного состава в сутки), оказала большие услуги армии. С 8 ноября по 22 декабря 1876 г. по данной железной дороге было доставлено в г. Владикавказ 102 тыс. человек и до 10 тыс. лошадей¹⁰⁷¹.

За умелое руководство при перевозке войск, военных грузов, больных и раненых во время русско-турецкой войны 1877-78 гг. управляющий Ростово – Владикавказской дорогой (1876-1880) А.А. Алёхин был награждён орденом Святого Владимира 4-й степени. Именно в ходе русско-турецкой войны боевое крещение получили военные железнодорожные команды, учреждённые по «Положению о военных железнодорожных командах (в мирное время)» от 25 марта 1870 г. Их целью было немедленно исправлять все случайные повреждения на эксплуатируемых железных дорогах и обеспечивать бесперебойное движение по железным дорогам соседних государств при занятии их русской армией. Работа этих команд, в ходе войны переименованных в железнодорожные батальоны, облегчила ведение боевых действий, придав войскам необходимую маневренность¹⁰⁷².

Мобилизация 1876 г. была первой в России, осуществленной с использованием железнодорожного транспорта, и стала проверкой соответствия службы военных сообщений требованиям военного времени. Накануне Русско-турецкой войны 1877-1878 гг. планом предусматривалось одновременное развертывание военных действий на Балканах и в Закавказье, для чего необходимо было осуществить массовые воинские перевозки на расстояние свыше 1,5 тыс. км., сосредоточив на русско-румынской и русско-турецкой границах более 500 тыс. человек с артиллерией и обозами. Мобилизация в России была объявлена 2 ноября по 44 губерниям. На призывные пункты явилось 224,3 тыс. запасных и было доставлено около 63 тыс. лошадей. Их перевозку осуществляли 24 железные дороги, всего потребовалось 995 поездов. Некоторые проблемы возникли с частными владельцами железных дорог. Владельцы железных дорог хотели получить прибыль, а на воинских перевозках они теряли до 40 % тарифа (так было оговорено в конвенции), и поэтому стремились перевозить частные коммерческие грузы¹⁰⁷³.

Владикавказская железная дорога, охватывая густой сетью территорию Северного Кавказа, часть побережья Чёрного моря, Каспия и Волгу, превратилась в ключевой транспортный путь из Европейской России в Закавказье. Эта железнодорожная монополия получала огромные прибыли не только путём эксплуатации железнодорожных линий, но и за счёт контроля основных отраслей хозяйства района Северного Кавказа. Обществом была создана также целая система вспомогательных пред-

приятий, которые способствовали развитию интенсивного грузопотока по Владикавказской железной дороге¹⁰⁷⁴.

К концу XIX века Владикавказская железная дорога выдвинулась в число наиболее доходных в России. С 1887 по 1900 год доход увеличился с 2 до 11 млн. рублей, или в 5,5 раза. Акционерам ежегодно отчислялось от 10 до 18% чистого дохода, что значительно превосходило величину долевого участия акционерного капитала в общих оборотах общества. Дивиденды достигали 20-30% от номинальной цены акции. Дорога получила возможность вкладывать немалые суммы в развитие своего хозяйства и обновление технических средств. Местные железнодорожники относились к одной из наиболее обеспеченных категорий трудящихся. Накануне революции средний годовой заработок составлял здесь порядка 400 руб., что превышало среднее содержание железнодорожных служащих в целом по стране и промысловых рабочих. При этом машинисты получали в год, согласно официальным данным, до 1300 руб.¹⁰⁷⁵. Наличие на Тереке ряда нефтепромышленных предприятий, крупных железнодорожных станций способствовало относительной со Ставрополем, большей представленности инженерно-технического персонала. В 5 раз превосходила численность железнодорожной интеллигенции в Терской области по сравнению со Ставропольской губернией. Впечатляющим было распространение на Тереке железнодорожных служащих – 0,15% против 0,10% общероссийских и средних по Кавказу¹⁰⁷⁶.

Для детей своих служащих Владикавказская железная дорога содержала 23 низших и 2 средних учебных заведения, с общим числом учащихся до 7000 человек. Для детей служащих, обучающихся в средних учебных заведениях, имелись в пределах дороги 5 общежитий. Кроме того, при железной дороге существовало «Общество просвещения», целью которого являлось удовлетворение «просветительских нужд» служащих, их семей и детей, а также забота о сиротах бывших служащих Владикавказской железной дороги. Потребность в чтении удовлетворялась за счёт литературы, хранившейся в немногочисленных станционных библиотеках. Правление оплачивало также функционирование двух передвижных вагонов-библиотек, оборудованных в 1899 году из бывших вагонов третьего класса. В феврале 1900 года первая библиотека-вагон отправилась в свой первый рейс из Ростова до Владикавказа и от Тихорецкой до Царицына, совершив до 1901 года 22 полных рейса. Подписчиками могли быть все служащие, получившие от начальства особое

удостоверение личности. Пользование библиотекой было платным до 1909 года. Общий книжный фонд библиотек Владикавказской железной дороги составлял 2213 экземпляров. В основном это были газеты и журналы, а среди литературы преобладали книги религиозно-нравственного, научно-популярного содержания. В 1879 году дорога имела шесть больниц, рассчитанных в общей сложности на 140 коек¹⁰⁷⁷.

Основное место в перевозке грузов Владикавказской железной дороги занимали продовольственные товары (картофель, сельдь, подсолнечное масло, овощи). По вывозу масла за границу дорога занимала первое место. В годы промышленного подъема на Владикавказской железной дороге был самый высокий чистый доход в Российской империи. Показатель Владикавказской железной дороги был самым высоким среди частных железных дорог.

Железнодорожные общества при поддержке Правительства стремились разместить свои акции на иностранных фондовых рынках. В конце XIX века такое стало возможно, но на условиях двойного обеспечения, то есть, помимо выдачи обязательств государственного казначейства, еще и высылкой залога и депонирования в Английском банке для продажи государственных и железнодорожных ценностей. Облигации большинства русских железнодорожных обществ получали правительственные гарантии, как и акции. Такие бумаги занимали, как бы, промежуточное положение между государственными и частными ценными бумагами. Правительство и дороги очень активно стремились разместить облигации за рубежом. В 1898-1899 годах была предпринята попытка реализовать в США 4% облигации Владикавказской и Юго-Восточных железных дорог на общую сумму 10 млн. долларов (19,4 млн. руб.). В начале XX столетия произошел бум русских ценных железнодорожных бумаг на европейских биржах. Дивиденды выплачивались в Лондоне, Париже, Амстердаме, Берлине. Ко времени революции на счетах по оплате срочных купонов и вышедших в тираж облигаций одного только Общества Владикавказской железной дороги находилось 10,5 млн. рублей; причем, почти вся эта сумма была размещена в банкирских домах Амстердама¹⁰⁷⁸. Располагая солидными капиталами, используя своё экономическое влияние и финансовые возможности, Владикавказская железная дорога многое сделала для освоения сырьевых ресурсов, для становления и развития промышленности и сельского хозяйства Северного Кавказа и Дона¹⁰⁷⁹.

4. Торговля

По мере развития путей сообщения и товарно-денежных отношений кратковременные и эпизодические формы торговых связей становились всё более устойчивыми и постоянными. Рост товарного потенциала сельскохозяйственного производства Северного Кавказа был связан с активизацией товарных связей внутри региона, его контактами с другими районами страны и с зарубежными рынками¹⁰⁸⁰. Весьма существенным последствием модернизации для горских народов было вовлечение их наиболее мобильной части в сферу торгово-финансового предпринимательства. Торговля и финансы как приоритет социально-экономического характера избираются частью этнического меньшинства. Исторически эти сферы деятельности открывали большие возможности, нежели производство, политика, наука и т.п., сопряженные с необходимостью в совершенстве владеть «инструментарием» – русским языком в Российской империи. Корпоративность, свойственная кавказским народам, только подталкивала «неофитов» торговли и бизнеса на уже проторенный представителями старшего поколения путь¹⁰⁸¹.

Археологическая история развития торговли на Кавказе

Археологические раскопки свидетельствуют о том, что развитые торговые отношения у чеченцев существовали с очень древних времен. Во II тыс. до н.э. торговые контакты у коренных жителей Северного Кавказа были налажены с хуритами, с хеттским миром и Средиземноморьем, с Ираном и Ассирией, а через них, благодаря транзитной торговле, на Кавказ попадали предметы из Египта и Финикии. Завозились они и в Чечню. В основном это были предметы широкого потребления. Они попадали на местные рынки и ярмарки, откуда купцами разносились по горным и равнинным селам.

Самой необыкновенной находкой за всю историю археологических изысканий не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе являются литые железные коромысловидные весы, найденные в Дайском могильнике. Доктор исторических наук М.Х. Багаев предполагает, что эту находку можно датировать втор. пол. VII – началом XIII в. Причина распространения взвешивания и появления денежно-весовых систем одна и та же – потребность товарного обращения в правильной организации об-

мена. Поиски аналогий дайским железным весам приводят в Волжскую Булгарию и древнюю Русь¹⁰⁸². Русско-вайнахские исторические связи своими корнями уходят в глубокую древность. Академик Б.Д. Греков отмечает, что прикаспийские и закавказские народы встречались со славянами по торговым делам еще в VII – VIII вв. Они стали более интенсивными, начиная примерно с конца XV века¹⁰⁸³. Чеченцы также издавна состояли в оживлённых торговых отношениях с ингушами, аварцами, кумыками, кабардинцами, осетинами и другими народами.

Развитие торговых отношений в годы Кавказской войны

На всем протяжении своего исторического пути, даже в самые тяжелые периоды, во время войны, чеченцы вели торговые операции. Так, барон Вревский в 1840 году писал, что в Чечне, «...развиты в довольно высокой степени торговля и промышленность, и народ, противодействовавший нам, многое теряет». Майор Властов отмечал, что «чеченец весьма склонен к мирным занятиям, в особенности к торговле». Известно, что смена гребенцами одежды имела своим источником, помимо развития семейных связей, и рынок». Особенно тесные торговые связи надтеречные чеченцы имели с ближайшими к ним казаками из станиц, расположенных по левому берегу Терека. Так, жители селения Али – Юрт возобновили и поддерживали после Кавказской войны этнокультурные и хозяйственные связи с казаками станицы Галюгаевской; жители села Чулик – Юрт – с казаками станицы Ищёрской; жители сёл Верхний Наур и Нижний Наур – с жителями станицы Наурской и дальше по Тереку: Мекен – Юрт напротив станицы Мекенской, селение Кейн – Юрт – напротив станицы Калиновской. Были устроены паромные переправы через Терек. Нередко связи были настолько тесными, что жители чеченских сёл и казачьих станиц знали друг друга по именам и в лицо¹⁰⁸⁴. Одна из крупных ярмарок была в станице Наурской, которую посещали не только казаки и чеченцы, но и горцы Дагестана. В 1837 году на Наурскую ярмарку приехало 6 500 человек, и здесь было продано различных товаров на сумму 39027 рублей. Среди этих товаров первое место занимали текстильные изделия: сукна, ситцы, бязь, атлас, парча, ленты, холсты; кроме того, крупный рогатый скот, лошади, овцы, пшеница, зеркала и т.п. В 40-х годах XIX века ежегодно в торговле принимали участие около 12 тыс. горцев¹⁰⁸⁵.

Появление в Чечне довольно значительного избыточного продукта, естественно, вело к быстрому развитию торговли. Однако этому мешали ограничения, введённые российскими властями. В эпоху имамата Шамиля русская Кавказская линия значительно ограничивала свободу передвижения горцев. Въезд на ее территорию и выезд за ее пределы разрешались только по «билетам» – своего рода временным паспортам, выдававшимся горцам русскими военными чинами или местными, «туземными» властями. Строгая билетно – паспортная система по мере завоевания распространялась по всему Северному Кавказу. Паспортный режим для горцев смягчился лишь к концу XIX века¹⁰⁸⁶. Но, несмотря на все запреты и препятствия, торговля продолжала активно развиваться. Документы довольно часто сообщают о больших чеченских обозах с товарами, подолгу простаивавших у российской границы на берегу Терека. При этом о размахе торговых операций некоторых чеченских торговцев можно судить по такому примеру – в 1751 году российские власти не разрешили проезд для торговли некоему чеченцу Цуканию Кичину, который прибыл с товаром на 20 арбах¹⁰⁸⁷. Во втор. пол. XVIII в. царское правительство отменило всякие пошлины с жителей Кабарды и Кумыки при покупке товаров и продаже ими своих изделий и скота в Кизляре. Но такая привилегия не распространилась на чеченцев. Возмущенные таким положением дел, чеченцы выступили против введения новых русских порядков, на что получили ответ в виде карательных экспедиций в чеченские селения¹⁰⁸⁸.

Меновая торговля

Российская торговля развивалась в регионе в двух формах: сначала как меновая, а затем как ярмарочная. В первой половине XIX в. на Северном Кавказе преобладала меновая торговля. Инициатором ее распространения здесь выступала российская военная администрация. Чтобы в суровые годы Кавказской войны привлечь горцев к торговле с русскими, для них был введен ряд льгот. Так, они освобождались от положенной для казаков и купцов уплаты государственной пошлины. Последствия такой политики не заставили себя долго ждать. В 1810-х гг. на основании Положения о меновой торговле с горцами на Кавказской линии, утвержденного 6 июля 1810 года, были открыты первые меновые дворы, в которых можно было приобрести различные това-

ры, но, в первую очередь, соль, торговля которой стала монополией государства: для чеченцев – в Науре, для осетин – во Владикавказе и т.д.¹⁰⁸⁹. В 1830-1840-м гг. горцы стали более активно участвовать в меновой торговле. Они сами обращались к российским властям с просьбой об учреждении торговых дворов вблизи от территорий их проживания. Меновая торговля вследствие разгула контрабанды, была поставлена под контроль Министерства внутренних дел и Войскового казачьего правления. К середине XIX в. меновая торговля уступила ярмарочной¹⁰⁹⁰. Н.Н. Муравьев, наместник на Кавказе, торговле всячески способствовал. Он склонялся к заключению прочного мира с горцами, признанию имамата Шамиля, как самостоятельного государства под протекторатом России, а развитие торговли считал первейшим средством для установления доверия между противоборствующими сторонами¹⁰⁹¹.

Во время Кавказской войны горцы сбывали свои товары при посредничестве кунаков из казаков и родственников из «мирных», к которым они попадали, минуя казачьи пикеты при встрече с которыми у них, обычно отбирались товары. Скот, являясь частной собственностью индивидуальных лиц, был основным мерилем стоимости у чеченцев. Его охотно принимали в обмен на другие продукты и товары¹⁰⁹². Оригинальными были условия продажи животных. «Горец знал, что если он приведет на базар в военное укрепление животное для продажи, то его оставят на три дня на испытание, не окажется ли оно ворованным. Если в промежуток этого времени действительный хозяин не являлся, тогда деньги, следовавшие продавцу, отдавались ему покупателем, а в противном случае животное возвращалось настоящему хозяину»¹⁰⁹³. Соль была важным меновым товаром в торговле чеченцев с кумыками. В 1833 году в Чечню было завезено 15000 пудов соли¹⁰⁹⁴. Чеченцы, не смотря на строгий запрет на взаимодействия их с воюющими против России горцами и принятии их имущества, не переставали принимать от них рогатый скот и лошадей. В случае задержания во время торговой сделки, они предъявляли скот как военную добычу¹⁰⁹⁵. Этот вид торговли являлся также показателем степени развития в Чечне товарно-денежных отношений. Прекратить такую негласную торговлю «не было возможности». Чеченцы продавали свои товары и русским военным. Солдаты покупали у чеченцев хлебные лепешки, овощи и молоко, но в дома при этом не входили, опасаясь за свою жизнь¹⁰⁹⁶.

В июне 1836 года был снят запрет на ввоз русских ассигнаций к горцам. Предполагалось, что прекращение этого ограничения позволит сблизить русских с горскими народами, которые «войдя в ближайшие и частые с ними сношения, ... постоянно осваиваясь с нашими бумажными деньгами и получив уверенность в приобретении посредством их всех нужных для себя потребностей», будут больше ориентироваться на Россию. Не скрывалось, что такая политика была заимствована у англичан¹⁰⁹⁷. Из «Записок» А.П. Ермолова можно подробнее узнать о методах приобщения горцев к торговле с русскими: «Весьма немногие из самых злейших разбойников бежали из селений, по левому берегу лежащих; все прочие бывали в лагере, и я особенно ласкал их, дабы, оставаясь покойными в домах своих, могли привозить на продажу нужные для войск съестные припасы...Герменчук, одно из главных и богатейших селений в Чечне, просило о пощаде и получило оную, дало аманатов. Я ласкал жителей, имея в виду проложить дорогу...»¹⁰⁹⁸. Еще М.В. Ломоносов видел прямую зависимость благополучия, славы, цветущего состояния государства от трех источников. Первое – от внутреннего покоя, безопасности и удовольствия подданных; второе – от победоносных действий против неприятеля, с заключением «прибыточного и славного мира»; третье – от «взаимного сообщения внутренних избытков с отдаленными народами через купечество»¹⁰⁹⁹.

Интересен путь, которым горцы приобщались к торговле. О нём в своей работе рассказал К. Самойлов: «Рядовой чеченец – труженик, обладающий некоторым излишком продуктов, сначала продаёт дрова, сено, разные мелкие и домашние изделия и продукты; потом, скопив небольшой капитал, отдаёт его купцам за процент. Другие же предпочитают отдавать деньги под залог займы; за охотниками занять остановки не бывает, а потому берётся очень высокий процент. А коль скоро проценты запрещены магометанским законом, то их берут под видом «добровольного подарка» должника за услугу. Подобное приобретение денег было одобряемо, в то время как именованим купцом чеченец обижался»¹¹⁰⁰. Рост товарности сельского хозяйства Чечни во второй половине XVIII – первой половине XIX веков происходил за счёт роста товарного производства в крестьянских хозяйствах. Ростовщический капитал всё более начинает активизироваться на Кавказе.

В XVIII веке Кизляр стал центром установления экономических связей России с северокавказскими народами. Чеченцы, помимо хлеба и продуктов животноводства, сплавляли в Кизляр по Тереку большое

количество строевого леса (от 500 до 800 плотов в год). Кроме того, они привозили в город ежегодно до шести тысяч арб таркал, а также бочки, обручи. Сплав леса из чеченских регионов производился по реке Сунже и по Тереку, от впадения Сунжи в Терек до г. Кизляра. Лес сплавлялся на плотках и состоял из орешника, ясеня, кизила, бука, дуба. Сплаваемый лес в основном предназначался для виноградных подпорок (таркал), для выделки бочек для вина. Ежегодно из Кизляра вывозилось 10-15 тыс. бочек вина, преимущественно в Нижний Новгород¹¹⁰¹.

Кизлярские купцы выезжали по торговым делам в различные регионы Северного Кавказа. Туда они везли в основном российские товары: холст, соль, сахар, хлопчатобумажные ткани, ленты, тесьму, зеркала, металлические изделия, разные «мелочные товары» (ножницы, иглы, вина, рыбу, стеклянную, медную и деревянную посуду)¹¹⁰². На севере Дагестана в XIX в. функционировала крупнейшая ярмарка в селе Эндери (Андреево). Интересно, что село Андреево в начале XIX века военные считали чеченским аулом: «Андреевский аул – единственный промышленный пункт в Чечне и сравнительно очень богат ...» – читаем мы в одном из донесений¹¹⁰³. Характерно, что в сферу торговли Эндери – Кизляра была вовлечена значительная часть Чечни. Чеченцы получали через Кизляр холст, грубые хлопчатобумажные ткани из Персии, ситцы, платки, шелковые материи, железо, соль, медную посуду. Большая же часть этих товаров шла к чеченцам из Эндери и Дербента¹¹⁰⁴. Грузины и армяне продавали в Кизляре, Моздоке вино, фрукты, масло и др. Они участвовали и в посреднической торговле. Из горских аулов они вывозили марену, шкуры, паласы, орехи; поставляли туда предметы домашнего обихода, галантерею и пр.¹¹⁰⁵. В годы Кавказской войны Кизляр называли Парижем левого фланга Кавказской линии. В городе было три рынка: русский, армянский и «татарский». Не редкими гостями на этих рынках были и торговцы из имамата Шамиля¹¹⁰⁶.

Меры поощрения торговли в имамате Шамиля

Торговые люди в имамате Шамиля пользовались большим почетом. Более восьмидесяти купцов получили от него охранные и сопроводительные грамоты. В целях поощрения торговли Шамиль

ссужал некоторых купцов деньгами. Шамиль пытался развить торговлю не только внутри имамата, но и за его пределами. Например, он поощрял рядом льгот купцов других стран, привозивших товары на территорию имамата. Горские купцы несли военную и прочие повинности так же, как и все, и если не участвовали в военных действиях, то только в случае экстренных торговых обстоятельств, требовавших присутствия их в местах, отдаленных от сборных пунктов. Необходимо обратить внимание на то, что в имамате Шамиля отсутствовало налогообложение при заключении сделок купли-продажи различного рода товаров, в том числе животных, то есть не было налога на прибыль, что позволяет говорить об определенном либеральном подходе при налогообложении¹¹⁰⁷.

В имамате Шамиля в ходе совершения торговых операций запрещалось сбывать неприятелю хлеб, железо, продовольственные товары. Для недопущения спекуляции хлебопродуктами в условиях их дефицита Шамиль ограничил цены на торговлю хлебом в Чечне уровнем урожайности последних сезонов. Шамиль отказался от чеканки собственных монет, что было прямым свидетельством того, как экономика царизма влияла на экономику гор. В то же время при огромной нехватке имевшихся в обращении денежных знаков стали появляться фальшивые деньги, которые горцы чеканили под царские монеты. Шамиль понял опасность такого явления для хозяйственного развития страны и принял меры для уничтожения фальшивых денег¹¹⁰⁸.

Обычное право чеченцев предусматривало серьезную ответственность сторон при заключении договора купли-продажи. Согласно чеченскому устному договору продавец отвечал за проданную им вещь покупателю. При продаже вещи продавец нес ответственность за сокрытие той или иной информации о проданной вещи, о которой покупатель не мог знать на момент заключения договора купли-продажи. В случае обнаружения серьезных обстоятельств, скрытых продавцом от покупателя, первый был обязан полностью вернуть полученные деньги за проданную покупателю вещь¹¹⁰⁹.

Подрывая натуральную основу хозяйства чеченцев, торговля невидимыми нитями связывала отдельные аулы, тейпы, тухумы, способствовала объединению Чечни в экономическое целое. Генерал Ермолов предписывал чеченцам – торговцам « для свободной торговли давать билеты без затруднения и защищать их от всяких обид». Уже в 1811 г. на Кавказской Линии создается 5 меновых дворов и открывается соляной

магазин во Владикавказе. Из этих меновых дворов только два – Наурский и Лашуринский, были доступны чеченцам для совершения торговых сделок. Первый посещали в основном надтеречные и сунженские чеченцы, второй – жители горных районов¹¹¹⁰. Немалую роль в развитии торговли на Северном Кавказе сыграл Каспийский торговый флот России¹¹¹¹. К 40-м годам XIX века число лиц, ежегодно переходящих через Кизлярский карантин, доходило до 23-25 тыс. человек; из них до 15 тыс. торгующих горцев и до 10 тыс. разных промышленников. Торгующих чеченцев можно было встретить в Кизляре, Тифлисе, Дербенте и других городах. В условиях неурожая 1839 года Пулло запретил всякую торговлю в Чечне. Жители горных районов, лишённые возможности покупать хлеб в равнинных районах Чечни и Дагестана, были поставлены перед выбором: либо смерть от голода, либо с оружием в руках бороться за свое существование¹¹¹².

В годы Кавказской войны горянки, на протяжении четырех самых теплых месяцев, продавали одних только дикорастущих плодов на 15-20 рублей серебром. Дикая черная смородина и малина росли на побережье реки Аргун в изобилии¹¹¹³. Особенно хорошо покупали на базарах и ярмарках кизил, ягоды, орехи. Большой популярностью у русских пользовался дикий чеснок – черемша, которая стала им известна благодаря местным жителям. Чеченки ее собирали ранней весной, откапывая из-под снега самые молодые побеги. Это был довольно тяжелый труд, за который получали совсем небольшую прибыль. По ценам 1884 г. воз черемши стоил 25 копеек¹¹¹⁴. Семья, занимавшаяся разнообразным торговым промыслом, выручала до 125 рублей серебром в год; имея при этом несколько голов скота, годовой посев ячменя и кукурузы, дрова и сено. По воспоминаниям С. Иванова «...многие женщины принарядились в канаусовые бешметы, детей одели в рубашки, у многих вошло в обычай пить чай по утрам...»¹¹¹⁵.

Чеченские предания говорят, что Молкх из рода Нохчоо – основатель Ичкеринского общества первый ввёл меру локтем. Локоть до середины XIX века продолжал служить мерою длины¹¹¹⁶. Чеченцы предпочитали серебряные деньги золотым. Медные, называемые чёрными, брали с неохотой. Жители Нового Юрта, расположенного на правом берегу Терека, напротив станицы Червлённой, поразили в 1848 году русских офицеров и солдат той исключительностью среди аулов Кавказа, что они принимали только пятиалтынные и серебряные трёхрублёвки (75 коп.) с польскими надписями.

Пути развития аграрно-капиталистического рынка на Северном Кавказе

Оказавшись в составе Российской империи, чеченский регион неизбежно должен был подвергнуться влиянию развивающегося в России капитализма. Развитие русского капитализма вширь требовало экономического подчинения окраин России. Процесс освоения новых территорий требовал изучения народонаселения и экономических ресурсов края¹¹¹⁷. Капитализм всегда стремился к расширению своего господства, к завоеванию новых рынков, к распространению на новые территории. Говоря об окраинах империи, представители русской буржуазии подчёркивали: «Рынки эти важны для русской торговли и промышленности, как для сбыта своих изделий, так и ещё более – для покупки сырья для своих фабрик»¹¹¹⁸. Не следует забывать, что торговля с горцами носила в целом колониальный характер. Об этом пишет А.В. Фадеев: «Отдалённость Кавказа от промышленных центров России, изоляция кавказских горцев от экономически развитых европейских стран, большие различия в технике производства и производительности труда между российской фабричной промышленностью и местными кустарными промыслами, громадная разница цен между центральными районами империи и её окраинами – всё это создавало благоприятные возможности для неэквивалентного обмена. Неравномерное положение сторон...усиливало колониальный характер торговли с горцами»¹¹¹⁹.

Аграрно-капиталистический рынок Северного Кавказа начал формироваться в 80-90 гг. XIX века. Этому способствовал ряд социально-экономических факторов, и в первую очередь реализация буржуазных реформ в России, массовая колонизация свободными производителями громадных массивов малоосвоенных степных земель, строительством железных дорог и морских портов, связавших Северный Кавказ с другими районами страны и зарубежными рынками, развитие производительных сил и, сельскохозяйственного производства. Например, уже к 1890 году по чистому сбору зерна на душу населения Кубань и Ставрополье обогнали большинство хлебопроизводящих губерний России¹¹²⁰. Всё постепенно подчинялось рынку, всё превращалось в акт купли-продажи, в товар. К началу 90 гг. XIX века в Терской области не только среди казачьих станиц, но и среди горских поселений не осталось ни одного населённого пункта, где не было хотя бы одной торговой точки¹¹²¹. Г.А. Евреинов, в своей работе «Национальные вопросы на инородческих ок-

раинах России» писал: «Вредно стеснять промышленную инициативу инородцев, когда масса коренного русского населения ещё не вышла из той инерции, в которой её удерживали наши отсталые государственные и общественные порядки»¹¹²².

Дон и Северный Кавказ были крупнейшими поставщиками животноводческой и рыбной продукции, зерна, фруктов, овощей и вина. В 1909-1911 годах оттуда ежегодно вывозилось в среднем 144,1 тыс. голов крупного рогатого скота, 11, тыс. лошадей, 108,1 тыс. овец, 29,4 тыс. свиней; а, кроме того, 702 тыс. пудов готового мяса, 102,2 тыс. пудов сала, 684 тыс. пудов яиц. Перерабатывающая промышленность получала 577,3 тыс. пуд. кож, 1,6 млн. пуд. шерсти, 93 тыс. пуд. продуктов молочной промышленности. Среднегодовые поставки хлеба страны на мировой рынок доходили в тот период до 549,5 млн. пудов, в том числе с полей Северного Кавказа – примерно 225 млн. пудов, или 41 %. В хозяйствах морских, речных и озерных побережий Кавказа важное место занимало рыболовство. В реках: Терек, Дон, Кубань в 1913 г. было выловлено около 50 тыс. пуд. красной рыбы, 3,3 миллиарда штук сельдей, получено свыше 4 тыс. пуд. икры. В 1907-1911 годах с Северного Кавказа и Дона в среднем ежегодно отправлялось свыше миллиона пудов рыбы (139 тыс. пуд. – на экспорт)¹¹²³.

Традиционно особую роль в жизни мусульманской общины России играло занятие торгово – предпринимательской деятельностью. По материалам переписи 1897 г. в Российской империи числилось около 7 тыс. купцов – мусульман (с семьями). В расчет здесь брались лишь те из них, кто официально был приписан к первой, второй или третьей купеческой гильдиям. Несомненно, число мусульман, занимавшихся торговлей и предпринимательством, было гораздо больше¹¹²⁴. Занятие торговой деятельностью требовало от купца постоянного перемещения по разным населённым пунктам и общения с представителями многих этносов. В условиях военно-народного управления, жёсткого паспортного режима у коренных жителей Терской области практически на каждом шагу их предпринимательской деятельности возникали преграды. Только для того, чтобы получить паспорт горец должен был, прежде всего, заручиться общественным приговором своего села, удостоверяющим нравственную благонадёжность просителя и отсутствие препятствий на отлучку его из сельской среды. С этим приговором проситель должен был отправиться к начальнику участка (иногда вёрст за 50-100) и получить у него удостоверение о неимении тех же препятствий; затем он обязан

взять справку из горского словесного суда о своей несудимости и не нахождении в данный момент под судом и следствием; и уже только при наличии всех этих «удостоверений» и «справок» он мог рассчитывать на получение из управления паспорта и разрешения на временную отлучку из родного села. И все эти хлопоты обходились для просителя недёшево, что не для всякого из горцев было доступно ¹¹²⁵.

В 1858 году распоряжением правительства была ликвидирована Кавказская карантинная линия и сняты многочисленные административные барьеры на пути развития торговых отношений с горцами ¹¹²⁶. До преобразований 30 декабря 1869 года горцы Терской области свободно торговали по всей её территории, если получали право временно покинуть своё село. Однако с начала 70-х годов XIX века для торговли в городах, слободах и станицах области власть стала требовать торговые документы, на основании высочайше утверждённого 9 февраля 1865 года Положения «О пошлинах за право торговли». По этому Положению торговать разрешалось только с выдачей ежегодных особых свидетельств и билетов с уплатой в государственный доход пошлин. Единственным народом, для которого руководство сделало исключение из правил – были чеченцы. Начальник Терской области предоставил им 2-х летнюю льготу на торговлю в аулах Чечни без документов. Своё решение он объяснял тем, что «торгующих чеченцев всего 50 человек, а это не принесёт ущерба казне и торговля у них требует поощрительных мер» ¹¹²⁷.

Чеченские купцы

К 1900 году практически в каждом чеченском селении насчитывалось несколько постоянных торговых точек. Реальное число чеченских торговцев было существенно выше официально зарегистрированного, так как многие занимались торговыми операциями, не имея на это юридических документов, что позволяло уклоняться от уплаты пошлин. Так, в 1877 году власти оштрафовали 10 чеченских торговцев на общую сумму 1025 рублей, именно из-за отсутствия у них торговых свидетельств. Средний размер штрафа (100 рублей) показывает, что провинившиеся купцы были людьми довольно состоятельными.

С открытием железнодорожного сообщения кардинально расширяется география коммерческих связей чеченских купцов. Никого уже

не удивляет наличие торговых связей чеченских торговцев со столицей (Санкт-Петербургом), Москвой или Нижним Новгородом. Одновременно увеличивается число российских купцов, открывавших свои лавки не только в Грозном, но и непосредственно в чеченских горах. Так, купцы В. Носов, Н. Сорокин, Пейкаров и другие имели торговые лавки в крепости Ведено¹¹²⁸.

В 1900 году торговцами в целом по Чечне (включая Грозный) числились 2630 человек, а в 1913 году их было уже 3120. Общий товарооборот за это же время возрос с 7 миллионов 692,5 тысяч рублей до 12 миллионов 276,6 тысяч рублей. При этом чеченские купцы сумели занять лидирующие позиции не только на селе, но и в грозненской городской торговле¹¹²⁹.

Ещё в годы Кавказской войны многие русские военачальники отмечали склонность чеченцев к мирным занятиям и считали важным перенесение чеченской энергии из военной сферы в предпринимательскую деятельность. Временный генерал-губернатор Терской области, генерал-лейтенант Колюбакин отмечал: «Чеченцы представляют из себя народность сильную духом и телом, смышлёную, не лишённую предприимчивости, склонную особенно к торговле, гораздо меньше к ремёслам, пока не трудолюбивую, особенно в мужской половине, тем не менее, имеющую перед собой хорошее и здоровое будущее, несомненно, большее, чем все другие горские племена Северного Кавказа»¹¹³⁰. Властов, воевавший в Чечне также выделял чеченцев. В своей статье «Война в большой Чечне» он писал: «Чеченец весьма склонен к мирным занятиям, в особенности к торговле, которая, при врождённой его сметливости, обещает всегда хорошие барыши. – Деньги, вот главная пружина его деятельности. Занятия, обещающие ему выгоды, заставляют его всегда бросать оружие, которое он считает только средством для защиты. В чеченце встречаются черты редкого благородства и честности»¹¹³¹. Некоторые военные, после подавления восстания 1877 года, приходили к выводу, что «...именно торгово – экономические успехи в крае не дали разрастись народному возмущению. Многим чеченцам было уже жаль расставаться с накопленным капиталом, выгодным социальным положением и экономическими льготами – из-за перехода на сторону восставших. Практичный разум брал верх над эмоциями – целые сёла отказывались пускать на свою территорию повстанцев...»¹¹³². На рубеже XIX – XX вв. торговлей увлеклось значительное число горцев, ибо в силу многих обстоятельств занятие ей стало наиболее удобным и лёгким способом получения денег. В национальных округах свыше 90% хозяев торговых заведений были выходцами из горских народов¹¹³³.

Сведения о торговых связях народов Кавказа с русскими мы имеем, начиная с IX века. Так, арабский автор Ибн Хордад бех, писавший в 60-70-х годах IX века, отмечал, что русские купцы плавали по Черному морю, а также по морю Каспийскому, выходя на любой берег этого моря и доставляя свои товары на верблюдах в Багдад. Русы привозили меха, выдр, черных лисиц, мечи, моржовую кость, янтарь¹¹³⁴.

После завершения Кавказской войны торговля была сосредоточена в основном в руках лиц армянского и еврейского происхождения, но с течением времени положение стало меняться¹¹³⁵. С расширением торгово – экономических связей Чечено-Ингушетии с Россией, наблюдается быстрый рост численности торговцев. В 1892 году, по данным статистики, в Чечено-Ингушетии было зафиксировано 844 торговца, к 1900 году число их увеличилось до 3 тыс. человек. Столь бурный рост объёма торговли в крае в немалой степени объяснялся развитием железнодорожного сообщения, и заметным расширением географии экономических связей края¹¹³⁶. В одной из газет была опубликована статья, в которой указывалось на увеличение доли иностранных купцов в городе Грозном: «Персы обильно наводнили наш город и захватили в руки не только мелочную торговлю, но и отбивают поденную работу у мужиков – переселенцев. Досадно, во-первых, что всякая мерзость у нас в России находит радушный прием, а главное, что эта мерзость презрительно смотрит на русских, точно граждане своего отечества. Перс не уступит вам дорогу, а в лавке своей он не постесняется наговорить вам кучу всевозможных мерзостей, если вы не купите у него что-нибудь, при посещении лавки»¹¹³⁷.

Торговые свидетельства чеченцы получали в городе Грозном и, с каждым годом их число увеличивалось¹¹³⁸. Обычно чеченские купцы разъезжали по аулам на арбах, имея при себе товаров на сумму в 100-200 рублей. Они останавливались у своих кунаков на 3-4 дня, а затем ехали дальше, пока не распродавали весь товар¹¹³⁹. В начале XX века чеченцы активно торговали не только на своей территории, но и в казачьих станицах. В Щедринской, Червлённой, Николаевской, Калиновской и других станицах по Тереку мануфактурная торговля почти полностью оказалась в руках чеченцев. На торгах земельных участков станицы Щедринской казаки постановили, не допускать к торгам чеченцев, но явившийся с телеграммой Наместника начальник участка объявил, что казаки не имеют на это права, т.к. чеченцы являются такими – же гражданами, как и станичники¹¹⁴⁰.

Число торговых предприятий в Грозненском округе от 120 в 1876 году выросло до 240 в 1889 году. Из 240 – 155 предприятий специализировались на продаже мануфактурных и галантерейных товаров¹¹⁴¹. В 1899 году в сельской местности Чечни насчитывалось 773 торгово-промышленных заведения. С 1899 года по 1903 год было официально зафиксировано 629 частных чеченских торговых организаций. Сумма торгового оборота составила 734442 рубля¹¹⁴². Удельный вес мелких предприятий (менее 50 чел.) был значительно выше на Северном Кавказе, чем в России, но по уровню промышленного развития он не может быть отнесён к отсталым окраинам, так как увеличение числа крупных торговых организаций шло очень быстрыми темпами¹¹⁴³. Наибольший относительный прирост более крупной торговой деятельности происходил именно на Кавказе. Этот процесс наиболее наглядно показывает убыль числа документов на мелкий торг за 1880-1890 годы. В России только 1% жителей занимался торговлей¹¹⁴⁴.

Скупщики и кулаки выкупали хлеб у горцев на корню, а затем свозили его на ссыпные пункты железнодорожных станций, крупно наживаясь на этом. Цены на хлеб в отдельных местностях скупщиками устанавливались произвольно, более того, было распространено обвешивание, обман и обščёты. В обмане, например, были уличены агенты фирмы «Дрейфус», которые закупали крупные партии хлеба в Чечне и Ингушетии, используя фальшивую меру¹¹⁴⁵. Некоторые торговцы заказывали товар в Москве и, были обмануты в своих ожиданиях. Так, один из грозненских купцов, вместо заказанных дамских весенних пальто и накидок получил из Москвы тюк, в котором оказались кирпичи, прикрытые сверху несколькими измятыми накидками. Веса эта «посылка» 38 фунтов. Требуемый товар найти так и не удалось¹¹⁴⁶.

По свидетельству очевидцев, зажиточнее других чеченцев являлось население Малой Чечни, во главе с её «чеченской Москвой» – Урус – Мартаном.¹¹⁴⁷ В конце XIX столетия в Чечне стала формироваться прослойка довольно крупной буржуазии. В 1884 году была основана крупная торговая фирма Мациевых. Только у одного из них Эльмурзы, за полтора – два десятка лет капитал возрос до 500000 рублей, что позволило ему прибрать к рукам 1350 десятин земли, расположенных в окрестностях Грозного, открыть магазины¹¹⁴⁸. Капитал семьи Мациевых был нажит от розничной и оптовой торговли в селе Аксай и в городе Грозном. Скотопромышленник и владелец больших участков земли Ахматхан Эльмурзаев нажил состояние в полмиллиона рублей. Недвижимое имущество Эльмурзаевых и

Мациевых оценивалось в 1 млн. рублей. Годовые обороты были не менее 15-16 млн. рублей. В отчёте комиссионерства Русско – Азиатского банка они характеризовались как «аккуратные плательщики и осторожные, знающие своё дело коммерсанты»¹¹⁴⁹. Чеченский капиталист Баширов активно торговал мукой, ежегодно закупал различные товары на Нижегородской ярмарке, По характеристике ревизора Русско – Азиатского банка Тальма, где капиталист имел кредит, Баширов был «дельный, энергичный коммерсант и аккуратный плательщик по своим обязательствам»¹¹⁵⁰. Возьмём для примера «зажиточный букет» Чечни: Дубаевых, Чуликовых, Шамурзаевых. Все их предки возглавляли дружины, являлись видными, прославленными представителями своего народа¹¹⁵¹.

Уже в 80-х годах XIX века чеченские помещики и сельские богачи ежегодно экспортировали в среднем до 200000 пудов хлеба, вывозили мясо, масло, шерсть и шерстяные изделия на сотни тысяч рублей ежегодно¹¹⁵². Горцы Северного Кавказа каждый год сбывали огромные табуны лошадей и отары овец на ярмарках в Моздоке, Пятигорске, Тифлисе. На Грозненской ярмарке в 1890 году было продано лошадей, крупного и мелкого рогатого скота на сумму 36000 рублей¹¹⁵³.

Владелец скота и вообще всякий хозяин, желавший продать свой скот на ярмарке или базаре, обязан был иметь при себе свидетельство от сельского или станичного правления или городской полиции о том, что в местности, из которой прибыло животное для продажи, нет чумы или других болезней. При выгоне гурта с ярмарки скотопромышленник должен был заявить ветеринарно – полицейскому надзору о назначении своего гурта: следует ли гурт для посадки на железную дорогу или гонится на выпас. В первом случае он должен был дать подписку, что гурт будет посажен на ближайшей станции на поезд. По окончании ярмарки, работавшие на ней ветеринары, обязаны были представить отчет о своей деятельности: губернатору (начальнику области) и ветеринарному отделению губернского правления¹¹⁵⁴.

В Терской области, при вывозе продуктов в Европейскую Россию, приходилось встречаться с весьма значительным затруднением, чаще же с полной невозможностью вывоза товара потому, что губернаторы для разрешения ввоза продуктов во вверенные им губернии, всегда ставили обязательным условием снабжение ветеринарным свидетельством о здоровом состоянии до убоя тех животных, от которых были получены продукты. Это требование в Терской области можно было удовлетворить только в тех пяти городах, где имелись ветеринары, наблюдавшие за убоем скота¹¹⁵⁵.

Учреждение торговой полиции

Учреждение торговой полиции в регионах Северного Кавказа в 80-х годах XIX века диктовалось исторической необходимостью (по мере роста населенных пунктов) и было связано с развитием органов гражданского управления. Торговая полиция вела надзор за правильным производством торговли и за выполнением со стороны торговцев, промышленников и ремесленников правил, изложенных в соответствующих уставах. Она наблюдала за порядком в пользовании местами, отведенными под устройство разного рода заведений, а именно: мельниц, кожевенных, кирпичных и других заведений по специальным разрешениям. Торговая полиция призвана была упорядочить торговлю, взимать торговые сборы, а также осуществлять надзор за соблюдением установленной таксы на продажу товаров и бороться с разного рода преступлениями; наблюдала за внутренним распорядком на всех базарах и ярмарках.

Полиция следила, чтобы базарные площади и ряды между лавками, ларями были своевременно убраны и содержались в чистоте; чтобы не загромождались проходы; а также места для торговли занимались теми продавцами, которые внесли за это определенную плату. Торговая полиция следила за мерами и весами. Она также следила за доброкачественностью продаваемых продуктов и вообще, за соблюдением торговцами законов. Полиция наблюдала за добросовестностью в торговле, поэтому всякого рода обмер, обвес: при продаже, купле или обмене товаров, а также другие обманы (в количестве или качестве товара), или при расчете платежа, размене денег и в других случаях – строго преследовались по закону. В случае ненормального увеличения цен торговая полиция выясняла причины этого явления¹¹⁵⁶.

Межнациональные торговые отношения

Население Восточной Чечни, граничившее с Дагестаном, торговало с аварцами и андийцами, которые в обмен на фрукты, войлок, бурки, нефть (её использовали для освещения жилищ) приобретали главным образом кукурузу. В дагестанские сёла чеченцы привозили на продажу лошадей, собственного производства сёдла и сбруи. Торговые связи тушин были в основном направлены в территориально близкие им и наиболее доступные соседние горные общества Чечни. Здесь тушины

покупали кукурузу. В 1866 году 8 мер кукурузы чеченцы продавали по 1 рублю¹¹⁵⁷. Жители Чечни приводили в Тушеттию лошадей хорошей породы, которых обменивали на овец местной породы, приносили соль, керосин и, по словам старожилов – тушин «очень красиво сделанную деревянную утварь»¹¹⁵⁸.

К концу XIX века у Чечни установились прочные рыночные связи с индустриальными центрами Приазовья, Черноморья, Донбасса и даже Урала¹¹⁵⁹. Чеченские товары сбывались на рынках индустриальных центров России, что является свидетельством присущей капитализму тенденции к интернационализации способов производства и обмену на основе отраслевой, хозяйственной специализации различных по уровню развития производств, проникновению торгово-ростовщического капитала в горский аул, превращение его в агента промышленного капитала¹¹⁶⁰. У чеченцев были непосредственные торговые отношения с Москвой и Нижним Новгородом¹¹⁶¹. Из Чечено-Ингушетии в конце XIX века ежегодно по железной дороге вывозилось в среднем около 90% нефти и нефтяных продуктов – (12109 тыс. пудов) в города: Киев, Нежин, Москву, Харьков, Ригу, Петербург, Одессу, Курск, Тифлис, Варшаву, Брест – Литовск и другие районы Южной и Западной России. Большие партии зерна и мучных продуктов (494 тыс. пудов) вывозились в Среднюю Азию, Закавказье, Петровск и другие районы. Лесные грузы (226 тыс. пудов) вывозились в города: Баку, Петровск – Порт, Пятигорск, Владикавказ. Птицу, яйца (31 тыс. пудов) – в города: Петербург, Ригу, за границу. Сырые кожи, шкуры, а также выделанные кожи – (24 тыс. пудов) вывозились в Курск, Владикавказ и другие города¹¹⁶².

С развитием на Северном Кавказе таких отраслей специального торгового земледелия, как табаководство, возрастали и товарные перевозки табака. Особенно много табака в Терской области выращивали чеченцы. Владикавказская железная дорога являлась самым крупным отправителем высших сортов табака в России. В 1894-1898 годах на её долю приходилось 48,6% всех железнодорожных перевозок табака в России, а в 1903-1904 годах – 66,7%¹¹⁶³. Чечня издавна являлась поставщиком хлеба для соседних регионов. В конце XIX столетия хлебные грузы отправлялись главным образом в Дагестан, на Кубань, в Среднюю Азию, Закавказье и внутренние губернии России.

О расширении хлебной торговли в Чечне говорит появление всё новых хлебных рынков. Так, в 1863 году хлебный рынок появился в селе Старый Юрт (Толстой Юрт), в 1867 году – в Урус – Мартане, в 1886 году

– в Шалах. Чечня в это время поставляет излишки своего хлеба не только в Дагестан, но в северные области Ирана и даже казакам. За исключением отдельных неурожайных лет, вплоть до начала XX века происходит стабильный рост производства зерна. Если в 1874 году Чечня и Ингушетия вместе собрали 313,035 четвертей зерна, то в 1900 году урожай составил 512,662 четверти¹¹⁶⁴. В среднем, за 1896-1900 годы чеченцы экспортировали 715136 пудов хлебных излишков. В Грозный было отправлено 551037 пудов, а в Гудермес 184099 пудов¹¹⁶⁵. Чеченцы в большом количестве вывозили шёлк – сырец в Кизляр. Так, отдельные жители села Гехи продавали шёлк на 1 тыс. рублей. Доставляемые в Баку персидские товары развозились во все области Северного Кавказа. Большой популярностью у горцев пользовались шёлковые персидские ткани¹¹⁶⁶.

Со второй половины XIX века стали распространяться у чеченцев русские железные печи, а в некоторых богатых домах на плоскости ставили так называемые голландские печи. Тогда же начали входить в употребление и керосиновые лампы¹¹⁶⁷. Благодаря рейсам, совершаемым грузовыми пароходами между Балтийским и Чёрным морями, при весьма невысоких фрахтах, была возможность у балтийских заводов доставлять свою продукцию на Кавказ. Известно, что Северный Кавказ в большом количестве вывозил своё зерно на экспорт¹¹⁶⁸. Получая с Юга хлеб, промышленные губернии не только сбывали туда продукцию своих фабрик и заводов, но и снабжали население степных окраин рабочими руками и средствами производства¹¹⁶⁹. Товарная продукция народов Северного Кавказа (осетин, кабардинцев, чеченцев, черкесов и др.) – оружие, скот, лошади, шерсть, мёд, воск и т.д., реализовывались в основном в России через Троицкую Екатеринодарскую ярмарку, а также через Тамань, Темрюк и Черноморское побережье от Анапы до Сочи. В середине XIX века объём торговли Северного Кавказа и России по ввозу и вывозу составил около 100 тыс. рублей¹¹⁷⁰.

Открытие базаров и ярмарок

В начале 1850 года несколько почтеннейших горцев из лучших фамилий с разрешения Шамиля и по доверенности от «непокорных обществ» обратились к начальнику левого крыла Кавказской Линии. Они попросили учредить в окрестности крепости Грозной, один раз в месяц, трёхдневные базары и позволить «немирным» жителям Чечни, находив-

шимся под управлением имама, привозить на них домашние изделия и продукты для продажи и обмена на различные промышленные товары, доставляемые в крепость русскими купцами из центральной России. С разрешения высшего начальства в начале мая базар, превратившийся по сути в первую ярмарку, был открыт. На ярмарку в начале мая 1850 года съехались до 500 арб «непокорных» чеченцев с жёнами и детьми¹¹⁷¹. Вот что сообщает один из офицеров, писавший в пятидесятых годах: «В 1850 году главнокомандующий, желая сблизить непокорных горцев с русскими, разрешил открыть около крепости Грозной ярмарку, на которую дозволено было привозить товары и горцам, подвластным Шамилю. После размена аманатов, 15 мая заключено было перемирие на три дня, горцы начали собираться в Грозный. Главный привоз с гор составляли хозяйственные продукты: яйца, сыр, масло, мёд; привезли также много шкур, обделанных и необделанных, кожаные изделия, сукна, ковры и тому подобное. Горцам было запрещено продавать хлеб во всех видах, железные и деревянные изделия. С нашей стороны не дозволена была продажа оружия и железа. Но торг этот с обеих сторон оказался невыгодным: горцы продали выгодно только привезённые ими шкуры, множество съестных припасов остались непроданными по причине недостатка потребителей и негодности к сохранению впрок этих продуктов в наступившие уже сильные жары. Наши купцы имели тоже очень небольшой сбыт, состоявший преимущественно из шёлковых и бумажных материй и калмыцкого чая. После этого опыта ярмарка уже не собиралась, может быть потому, что Шамиль опасался невыгодных для своей власти последствий от сближения с русскими его подвластных»¹¹⁷². Наряду с военными операциями русское командование приняло очень интересный и показательный шаг, не смотря на первые не очень удачные попытки, оно снова попыталось использовать экономические средства, укрепляя тем самым своё влияние в Чечне. В 1859 году наместник Кавказа А. Барятинский распорядился организовать в Грозной с 1860 года две ярмарки в год – весной и осенью. В дальнейшем они сыграли важную роль в развитии города¹¹⁷³. Грозненские ярмарки быстро завоевали популярность. Чаще всего мужчины привозили свои товары на ярмарки в Грозный, Шали и станицу Воздвиженскую¹¹⁷⁴. Однако больше всего доходов торговцы получали на Грозненских ярмарках: весенней, с оборотом в 300427 рублей и осенней – с оборотом в 624427 рублей¹¹⁷⁵. Если в 1874 году оборот двух Грозненских ярмарок составлял 836 тыс. рублей, то к 1890 году он уже равнялся почти 2 млн.

рублей. В 1890 году в Грозном было более 700 торговцев, оборот их магазинов и лавок составлял 2042035 рублей¹¹⁷⁶. По данным 1865 года джейраховцы, живя недалеко от Владикавказа и, пользуясь дорогой для аробной езды, сбывали там, на рынке, камень и лес, а мереджинцы, добывавшие соль из местных соляных источников, обменивали в Чечне и других ближайших районах соль на хлеб¹¹⁷⁷. Торговля быстро развивалась не только в Грозном и Владикавказе, но практически по всей густо населённой территории Терской области. О том, насколько сильно было развитие рыночных связей в Чечне, можно судить по разным признакам, в том числе и по наличию здесь базаров и ярмарок. Крупнейшие базары собирались в чеченских селениях Ведено, Шатой, Шали, Урус – Мартан, Гехи, Курчалой, Али – Юрт, Старый Юрт. Веденский базар давал 35 тыс. рублей годового дохода; Урус – Мартановский – 50 тыс. рублей; Шалинский – 75 тыс. рублей; Шаами – Юртовский – 40 тыс. рублей; Гехинский – 18 тыс. рублей; Курчалойский – 15 тыс. рублей. 12 базаров Чечни совокупно давали 271400 рублей торгового оборота в год. Следует также учитывать торговый оборот Грозненского рынка (150 тыс. рублей), в работе которого активное участие принимали чеченские торговцы.

После того, как была построена железная дорога, а в населённых пунктах появилась сеть постоянных торговых лавок, значение большинства ярмарок резко упало. Исключением в Терской области являлся Грозненский рынок, оборот которого и в первое десятилетие XX века составлял 150 тыс. рублей в год. В чеченских селениях уже в конце XIX столетия начинает появляться и постоянно расширяется сеть торговых учреждений. В Грозненском округе было открыто примерно 350 магазинов и лавок самого различного назначения, в том числе: в Урус – Мартане – 35, Ачхой – Мартане – 30, Старом Юрте – 24. Несколько меньшее количество постоянных торговых точек имело в Веденском округе – более 250, в том числе: в Гудермесе – 34, Шали – 39, Новых Атагах – 25, Цацан-Юрте – 22, Герменчук – 15, Бачи – Юрте – 16¹¹⁷⁸.

Базары в многолюдных чеченских сёлах Шали и Урус – Мартан (в каждом до 15000 – 20000 населения) кипели жизнью. Купцы из этих сёл, кроме местных оборотов, успели установить прочные торговые связи с Москвой и Нижним Новгородом¹¹⁷⁹. В адрес начальника области поступали многочисленные просьбы от горских обществ об открытии ярмарок и базаров. В 80-х годах XIX века такие прошения поступали, в частности, начальнику Терской области от жителей сёл Пседах, Кучмазукино, Урус – Мартан и др. Но областная администрация часто давала

отказ на эти прошения, в то же время казачьим станицам предоставлялись все возможности для открытия ярмарок и базаров¹¹⁸⁰. Чеченцы стали создавать серьезную конкуренцию в торговле для казаков. Начальник Веденского округа Джапаридзе, донося по служебной инстанции, писал: «Желание выселить туземцев из слободы Ведено, уже много лет владеющих собственностью и мирно занимающихся торговлей, вызвано желанием части русских слобожан-торговцев избавиться от чеченцев из-за конкуренции по торговле»¹¹⁸¹.

Интенсификация развития торгово-рыночных отношений на Кавказе

Сделаем выводы. Земледелие у чеченцев во второй половине XIX века оставалось основной отраслью сельского хозяйства. Ведущее место в скотоводстве, как в горной, так и в равнинной части, занимало овцеводство. Все виды скота находились в индивидуальной и отчасти семейной собственности, что подтверждается наличием знаков и клейм — тамг. Система тамгирования явилась следствием развития частной собственности в виде скота, регулируемая нормами адата и шариата¹¹⁸². Постепенно устанавливались тесные торгово — экономические отношения между горными и равнинными регионами, с соседними народами и особенно русским населением и казачеством. В работе обоснован вывод о том, что между народами Северного Кавказа и Чечни в период капитализма крепились исторические традиции дружбы и сотрудничества. С XVI века в семью северокавказских народов вливается казачество, которое к началу XIX века стало равноправной составной частью местного общества¹¹⁸³. В течение нескольких веков узы взаимного родства, куначества и взаимопомощи связывали горцев и казаков. Причем в составе казачества оказалось немало самих горцев. Как и между всякими соседними народами того времени, случались и вооруженные столкновения казаков с горцами, представители и одного и другого народов захватывали пленных, угоняли скот. Однако повседневная жизнь протекала не только в стычках и войнах, а преимущественно в мирных и добрососедских отношениях. Ввиду пространственного расположения Кавказа на стыке Европы и Азии, в зоне соприкосновения различных культур и цивилизаций, отличавшихся отсутствием стабильности на тот период времени, приход России в данный район рассматривался российским

правительством в качестве стабилизирующей силы, реально способной отражать агрессивные нашествия сопредельных стран и обеспечить благоприятные условия социально – экономического развития не только юга России, но и всей империи¹¹⁸⁴.

Русский капитализм, втягивая различные отрасли хозяйства Чечни в товарное производство, подчиняя их нуждам капиталистического рынка, способствовал превращению региона в неразрывную часть целого народнохозяйственного организма Российской империи. Это влияние стало усиливаться с последней четверти XIX в. и особенно наглядно проявилось в начале XX столетия. Революционные последствия для региона имела коренная перестройка транспортных путей, позволившая организовать вывоз с Северного Кавказа местной продукции и осуществить качественный товарооборот между отдаленными районами империи и другими странами. В пореформенный период интенсивно шло строительство железнодорожных магистралей, грунтовых, шоссейных дорог, мостов, переправ и т.д. Северокавказская нефть, вывозившаяся по железной дороге, была одним из самых перспективных источников доходов. Ее добыча в значительной степени способствовала росту экономического благосостояния не только Кавказа, но и всей страны в целом. Наряду с вытеснением ряда народных промыслов и их исчезновением, отдельные виды ремесленного производства горцев видоизменились, находили новые рынки сбыта, пытались приспособиться к новым экономическим условиям. Также появились и новые направления кустарного производства, например, в Чечне стало активно развиваться производство черепицы, в связи с требованиями времени и интерьерной моды.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хубулова С.А. Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX в.: этнодемографические и социально – экономические аспекты развития. Дис. ...докт. ист. наук. – Владикавказ, 2003. – С.318.

² Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х гг. XIX в. как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную и экономическую систему России// Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003. – С.178.

³ Прасолов Д.Н. Адыги в составе царской России во второй половине XIX – начале XX в. // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006. – С.285-287.

⁴ Кореневский С.Н. Древнейшие землевладельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М., 2004. – С.72-73.

⁵ Невский В.Н. Восприятие рельефа как средство формирования мировоззрения человека // Рельеф и человек. – М., 2007. – С.25-26.

⁶ Исамутдинов Д.И. Географическая среда и этносы Северного Кавказа: страницы истории и геополитические перспективы. Дис. ...канд. географ. наук. – Махачкала, 1997. – С.32-33.

⁷ Ионин С. Кавказ. По горным дорогам древней земли. – М., 2007. – С.10.

⁸ Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (К древней истории нахских племен III – I тыс. до н.э.). Дис. ...докт. ист. наук. – Тбилиси, 1998. – С.141.

⁹ Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (историко-этнографическое исследование). Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный, 2004. – С.34.

¹⁰ Moon D. Peasants and agriculture // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. Cambridge, 2006. – S.41.

¹¹ Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III – I тысячелетия до нашей эры). Дис. ...докт. ист. наук. – Тбилиси, 1998. – С.142.

¹² Савинецкий А.Б. История пастбищных экосистем Центральной части Северного Кавказа за последние тысячелетия. Дис. ...канд. биол. наук. – М., 1990. – С.189.

¹³ Яндиев М.А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. – М., 2007. – С.211.

¹⁴ Кожин В. Пятый пункт: Межнациональные противоречия в России. – М., 2005. – С.98.

¹⁵ Коростелев Н.Б. Народная гигиена (историко-медицинская оценка) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и история медицины. – М., 1996. – № 3. – С.57.

¹⁶ Хотон Б. Великие тайны и загадки истории. – Харьков, Белгород, 2008. – С.351.

¹⁷ Федотов Г.Я. Большая энциклопедия ремесел. – М., 2008. – С.604.

¹⁸ Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань, 2004. – С.12.

¹⁹ Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (кон. XVIII – нач. XX в.). // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь, 1985. – С.26.

²⁰ Дохова В.В. Экологическая культура народов Терской области в 60-х гг. XIX – нач. XX вв. Дис. ... канд. ист. наук. – Нальчик, 2001. – С.120.

²¹ Кавказ. Справочная книга сторожила. Т.1. Ч.1. – Тифлис, 1887-1888. – С.2.

²² Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ... докт. геогр. наук. – М., 2005. – С.18.

²³ Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована в военно – топографическом отделе Кавказского военного округа в 1903 г. – Тифлис, 1903. – С.1-6. Карта Кавказского края с показанием пути следования их императорских величеств по краю в 1888 году (до г. Владикавказа). – Тифлис, 1888. – С.1-6.

²⁴ Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована военно – топографическим отделом Кавказского военного округа в 1870 г. – Тифлис, 1870 – С.1-4.

²⁵ Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: социально – экономическое положение, политико – правовая и военно – административная система управления. Дис. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С.179-180.

²⁶ Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – С.43-44.

²⁷ Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С.42-44.

²⁸ Карпович М.М. Из «Экономической истории Европы с 1750 года» // История и историография России. Из научно – материального наследия русского зарубежья. Серия «Антология русского зарубежья». Т.III. – М., 2006. – С.195.

²⁹ Карта урожая 1900 г. в 64-х губерниях Европейской России и Северного Кавказа. – СПб., 1900. – С.1-4.

³⁰ Карта урожая 1898 г. в 60-ти губерниях Европейской России и Северного Кавказа – СПб., 1898. – С.1-10.

³¹ Карапкова О.Г. Разработка и реализация столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1911 гг.). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 2007. – С.105.

³² Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (на материалах скотоводства). Дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983. – С.42.

³³ Шебзухова Т.А. К вопросу об использовании в истории опыта развития сельского хозяйства Северного Кавказа в его реформировании на современном этапе //

Северо-Кавказский гос. техн. ун-т. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». – Ставрополь, 2002. Вып. 7. – С. 83.

³⁴ Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (на материалах скотоводства). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 1983. – С. 148, 179.

³⁵ Сумбат – Заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. – Баку, 1958. – С. 75.

³⁶ Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С. 45, 47.

³⁷ Белоновская Е.А., Ясный Е.В. Антропогенная трансформация горных экосистем Большого Кавказа // Биота экосистем Большого Кавказа. – М., 1990. – С. 178.

³⁸ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С. 277.

³⁹ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С. 271.

⁴⁰ Там же. – С. 320.

⁴¹ Милютин Д.А. Курс Военной географии и Военной статистики, преподаваемый в Императорской военной Академии Генерального Штаба Подполковником Милютиным. Кавказский край. – СПб., 1846. – С. 21.

⁴² Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М., 2007. – С. 19.

⁴³ Айдемиров Н.Г. Эстетическая культура народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1999. – С. 67.

⁴⁴ Алиева П.Д. Экологическая культура в мусульманской теологии (Эколого-философский анализ). Дис. ...канд. биол. и филос. наук. – Махачкала, 2005. – С. 120.

⁴⁵ Герман Р.Э. Русские военные деятели и историки XIX века о способах покорения Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского гос. техн. ун-та. Серия «Право». – Ставрополь, 2000. Вып. 2. – С. 92-93.

⁴⁶ Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4-х книгах. Кн. 1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. – М., 1998. – С. 50.

⁴⁷ Коляда И.В. Эрозия почв на вырубках расчищенных лесных площадях особо охраняемых природных территорий Северо-Западного Кавказа. Дис. ...канд. сельскохозяйств. наук. – Новочеркасск, 2003. – С. 16.

⁴⁸ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С. 99, 287-288.

⁴⁹ Эйхельман. О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль, 1879. – С. 178.

⁵⁰ Чичагов В.П. Антропогенные преобразования аридных регионов: масштабы, длительность, многообразие разрушений, количественная оценка // Рельеф и человек. – М., 2007. – С. 52.

⁵¹ Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (Страницы хроники русско-горской трагедии XIX века): Монография. – Нальчик, 2007. – С. 97-98.

⁵² Золотое руно. Рассказ чеченца // Русский инвалид. – СПб., 1852. – №178. – С.1.

⁵³ Немирович-Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские Ведомости. – М., 1888. – №27. – С.3.

⁵⁴ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. ист. географ. наук. – М., 2005. – С.284.

⁵⁵ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. – СПб., 1904. – С.564.

⁵⁶ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.310.

⁵⁷ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. ист. наук. – М., 2005. – С.129.

⁵⁸ Карта Кавказского края с показателем относительного количества леса к народонаселению. – Тифлис, 1880. – С.XVI.

⁵⁹ Быков А.А. Социальная экология. – Томск, 2007. – С.142.

⁶⁰ Коляда И.В. Эрозия почв на вырубках и расчищенных лесных площадях особо охраняемых природных территорий Северо-Западного Кавказа. Дис. ...канд. сельхоз. Наук. – Новочеркасск, 2003. – С.9.

⁶¹ Васильев Я.К. Какими мерами могли-бы частные лесовладельцы Кавказа поднять производительность своих лесов в связи с требованиями лесоохранительного закона. – Тифлис., 1890. – С.10.

⁶² Радде Г. Сельское хозяйство промышленность // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.9. Кавказ. – СПб., М., 1883. – С.229.

⁶³ Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М., 2001. – С.89.

⁶⁴ Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Т.2. Ч.1-2. – Тифлис, 1882. – С.155.

⁶⁵ Хубулова С.А. Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX – первой четверти XX в.: этнодемографические и социально-экономические аспекты развития. Дис. ...докт. ист. наук. – Владикавказ, 2003. – С.111.

⁶⁶ Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Воронеж, 2006. – С.59.

⁶⁷ Цит. по: Гранкин Ю.Ю., Землянский А.В. Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30-90 годы XVIII века. Монография. – Пятигорск, 2006. – С.127.

⁶⁸ Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М., 2001. – С.104.

⁶⁹ Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсурсы, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. – М., Л., 1926. – С.46.

⁷⁰ Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом. // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М., 1893. – С.29.

⁷¹ Цит. по: Тебиева Л.Т. Хозяйственно-экономические воззрения северокавказских просветителей (конец XVIII – 70-е гг. XIX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2005. – С.113.

⁷² Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо-Востоном Кавказе в первой половине XIX века.: Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С.45.

⁷³ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892. – С.75.

⁷⁴ Хасиев С.– М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX–перв. четв.XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. .... канд. ист. наук. – М., 1973. – С.10.

⁷⁵ Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии. // Кавказский этнографический сборник. Т.VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси, 1986. – С.64.

⁷⁶ ГИМ ОПИ. Ф.254. Д.321. Л.50.

⁷⁷ Хасиев. С. – М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв.XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1973. – С.6,9.

⁷⁸ Исаев С.– А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в XIX веке). Дисс. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – С.41.

⁷⁹ Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. – СПб., 1904. – С.564.

⁸⁰ Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898. – С.5.

⁸¹ Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. – Майкоп, 2001. – С.773.

⁸² Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб., 1871. – С.380.

⁸³ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С.202-205.

⁸⁴ История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С.247.

⁸⁵ Воскресенский Е. Кавказ в сочинениях Пушкина и Лермонтова. – М., 1898. – С.30.

⁸⁶ Ставровский С. Кавказ. – М., 1895. – С.18.

⁸⁷ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С.61,64.

⁸⁸ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.26.

- ⁸⁹ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С. 79.
- ⁹⁰ Маркграф О. Чеченские селения. // Терские ведомости. – 21 ноября – 1881. – С. 3.
- ⁹¹ Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный, 1978. – С. 64.
- ⁹² ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.
- ⁹³ Ходжаев С. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис, 1875. – С. 22.
- ⁹⁴ Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Бондарева Т.Н. Происхождение, распространение и история возделывания культурных растений Северного Кавказа. – Майкоп, 2001. – С. 58.
- ⁹⁵ Там же. – С. 101, 108, 307.
- ⁹⁶ ЦГА РСО-А. Ф. 12. Оп. 1. Д. 343. Л. 1.
- ⁹⁷ Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898. – С. 4.
- ⁹⁸ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С. 91.
- ⁹⁹ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С. 178-179.
- ¹⁰⁰ Бузоева З.С. Влияние семейных традиций и обычаев горской семьи народов Северного Кавказа на воспитание подрастающих поколений. Дис. ... канд. пед. наук. – Владикавказ, 2001. – С. 110.
- ¹⁰¹ Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917). Дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург, 1996. – С. 34.
- ¹⁰² Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. М., 1981. – С. 66.
- ¹⁰³ ГА РФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 511. Л. 24.
- ¹⁰⁴ Баранов Е. По Северному Кавказу. // Новое обозрение. – 1902. – № 6016. – С. 1.
- ¹⁰⁵ Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре. // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С. 10.
- ¹⁰⁶ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX веке (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик, 1962. – С. 126.
- ¹⁰⁷ Сборник сведений о Терской области. Т. 1. Вып. 1. – Владикавказ, 1878. – С. 115.
- ¹⁰⁸ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С. 82.
- ¹⁰⁹ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX веке (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик, 1962. – С. 121.
- ¹¹⁰ Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ЧИНИИ. Известия. Т. 2. Вып. 1. История. – Грозный, 1960. – С. 9.
- ¹¹¹ Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (На материале скотоводства). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983. – С. 149.

- ¹¹² Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа. // СОНИИ. Известия. Т.25. – Орджоникидзе, 1966. – С.98.
- ¹¹³ Арцишевский А. Условия нашей борьбы с соседями на Кавказе раньше и теперь. – М., 1908. – С.27.
- ¹¹⁴ Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Р н /Д., 1984. – С.22-25.
- ¹¹⁵ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С.94.
- ¹¹⁶ Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX– перв. четв. XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1973. – С.10.
- ¹¹⁷ История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С.42.
- ¹¹⁸ Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. – М., 2008. – С.117.
- ¹¹⁹ Геевский В.Н. Возделывание и употребление кукурузы. – Тифлис, 1864. – С.3-4, 20-21.
- ¹²⁰ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.26.
- ¹²¹ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ... докт. географ. наук. – М., 2005. – С.254-255.
- ¹²² Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ... докт. географ. наук. – М., 2005. – С.257.
- ¹²³ Карцов А.С. Огородничество на Северном Кавказе. – СПб., 1896. – С.32.
- ¹²⁴ Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898. – С.2,6,9.
- ¹²⁵ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. - М., 1981. – С.94.
- ¹²⁶ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892. – С.74.
- ¹²⁷ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX веках. – Тбилиси, 1988. – С.324,327.
- ¹²⁸ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. – СПб., 1902. – С.30.
- ¹²⁹ Всеподданнейший отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1897 год. – Владикавказ, 1898. – С.92.
- ¹³⁰ Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб., 1903. – С.715.
- ¹³¹ Бридня О.П. Деятельность сельскохозяйственных обществ Предкавказья во второй половине XIX в. – 1920 г. Дис. ... канд. ист. наук. – Краснодар, 2003. – С.140-141.
- ¹³² Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.110.

¹³³ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М.,2005. – С.243.

¹³⁴ Мадаева З.А. Календарные праздники, обычаи и обряды вайнахов кон.ХІХ-нач.ХХ вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М.,1981. – С.18,22.

¹³⁵ Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в сер.ХVІ – нач. ХХ в. (динамика этнокультурных процессов). Автореф. дис. ... докт. ист. наук. – М.,1996. – С.38.

¹³⁶ Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.363-364.

¹³⁷ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.113.

¹³⁸ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.163.

¹³⁹ Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. – Майкоп,2001. – С.342-343.

¹⁴⁰ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в ХVІІІ – ХІХ в. – Тбилиси,1988. – С.329.

¹⁴¹ Хасиев С.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в ХІХ -ХХ в. // Советская этнография. – №1. – М.,1973. – С.139.

¹⁴² Там же. – С.140.

¹⁴³ Там же. – С.143.

¹⁴⁴ Евстигнеев Ю.А. Россия: коренные народы и зарубежные диаспоры (краткий этно-исторический справочник). – СПб.,2008. – С.150.

¹⁴⁵ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.138.

¹⁴⁶ Хасиев С.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в ХІХ – ХХ в. // Советская этнография. – М.,1973. – №1. – С.144.

¹⁴⁷ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.118.

¹⁴⁸ Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в ХІХ– перв. четв.ХХ вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. ....канд. ист. наук. – М.,1973. – С.13.

¹⁴⁹ Хасбулатова З. Нравственность – это главное // Этносфера. – М.,2008. – № 5 (116). – С.21.

¹⁵⁰ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.126,169,173.

¹⁵¹ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.118.

¹⁵² Гендерсон Э. Библийские разыскания и странствия по России. – СПб.,2006. – С.276.

¹⁵³ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в ХVІІІ – ХІХ в. – Тбилиси,1988. – С.349.

- ¹⁵⁴ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.113.
- ¹⁵⁵ Мартиросиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ, 1924. – С.32.
- ¹⁵⁶ Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа. // СОНИИ. Известия. Т.25. – Орджоникидзе, 1966. – С.98.
- ¹⁵⁷ Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала, 1976. – С.194.
- ¹⁵⁸ Денискин В.И. Об условиях и характере развития земледелия у терских казаков в конце XIX в. // К вопросу о революционном преобразовании на Северном Кавказе за годы советской власти. – Орджоникидзе, 1974. – С.134.
- ¹⁵⁹ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб., 1871. – С.379.
- ¹⁶⁰ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 1998. – С.42.
- ¹⁶¹ Охонько Н.А. Исторические символы Кавказа. – Пятигорск, 2006. – С.8-9.
- ¹⁶² Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С.100.
- ¹⁶³ Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ, 2002. – С.313.
- ¹⁶⁴ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.396.
- ¹⁶⁵ Степанчикова И. Черный грецкий орех против рака. – СПб., 2001. – С.25.
- ¹⁶⁶ Заваров С. Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. – Тифлис, 1900. – С.312.
- ¹⁶⁷ Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). – Грозный, 1963. – С.105.
- ¹⁶⁸ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.329, 334.
- ¹⁶⁹ Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный, 1978. – С.136.
- ¹⁷⁰ Ермаков В.П., Чекменев С.А. Русская колонизация Степного Предкавказья // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральн., регион., соц.-экон. и политич. процессов). Ученые записки. Вып.3. – Пятигорск, 2004. – С.40.
- ¹⁷¹ Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993. – С.119.
- ¹⁷² Картофель. Как нам помогла Америка // Mens Health. – М., 2007. – 09.07. – С.68.
- ¹⁷³ Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX века: к проблеме развития аграрного капитализма. – Рн /Д., 1988. – С.184.
- ¹⁷⁴ Краткие сведения о состоянии на Кавказе сельского хозяйства. – Тифлис, 1900. – С.5.
- ¹⁷⁵ Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный, 1978. – С.61.

- ¹⁷⁶ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народное движение в крае в 19 в.). Дис. ... докт. ист.наук. – М.,1998. – С.43.
- ¹⁷⁷ Там же. – С.42.
- ¹⁷⁸ Самойлов К. Заметки о Чечне. – М.,2002. – С.67.
- ¹⁷⁹ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М.,1981. – С.101.
- ¹⁸⁰ Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ,2002. – С.320.
- ¹⁸¹ Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.42-43.
- ¹⁸² Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М.,2007. – С.8.
- ¹⁸³ Самойлов К. Заметки о Чечне. // Пантеон. – Т.23. Кн.10. – СПб.,1855. – С.67.
- ¹⁸⁴ Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). М.,2001. – С.24.
- ¹⁸⁵ Округа Терской области. // Сборник сведений о Терской области. – Владикавказ,1878. – С.116.
- ¹⁸⁶ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. – СПб.,1902. – С.111.
- ¹⁸⁷ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.336.
- ¹⁸⁸ Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.115.
- ¹⁸⁹ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М.,2005. – С.60.
- ¹⁹⁰ Свет священного Корана: разъяснения и толкования. – СПб.,2008. – С.334-335.
- ¹⁹¹ Сумбат – Заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. – Баку,1958. – С.254.
- ¹⁹² Симанович Е.А. Развитие виноградарства и виноделия на Северном Кавказе во второй половине XIX в. – 1914 г. Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар,2005. – С.153,155.
- ¹⁹³ Авдаков И.Ю. Экспозиции Кавказа и Средней Азии на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // Кавказ: история, культура, традиции и языки. – Сухум,2004. – С.258.
- ¹⁹⁴ Там же. – С.142.
- ¹⁹⁵ Иванова Т.А. Религиозно-мистические, социально-психологические и политические причины использования наркотических веществ в первобытном, древнем и средневековом обществах. – Саранск,2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 7.08.03, № 58 187. – С.4,16-17.
- ¹⁹⁶ Сборник сведений по истории и статистики внешней торговли России. Т.1. – СПб.,1902. – С.82.
- ¹⁹⁷ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893. – С.72.

- ¹⁹⁸ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М., 1846. С.84.
- ¹⁹⁹ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII -XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.349.
- ²⁰⁰ Ратушняк В.Н. Развитие капитализма в сельском производстве Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX в. – Краснодар, 1988. – С.195.
- ²⁰¹ Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. – Махачкала, 1981. – С.76.
- ²⁰² Официальная летопись. // Кавказ. – Тифлис, 1870. – №57. – С.1.
- ²⁰³ Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб., 1910. – С.224.
- ²⁰⁴ Официальная летопись. // Кавказ. – Тифлис, 1870. – №57. – С.1.
- ²⁰⁵ Naugі Sarpaz. Руско-турецкие торговые связи на рубеже XIX – XX веков // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007. – С.305-306.
- ²⁰⁶ Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб., 1893. – С.75.
- ²⁰⁷ Мартиросиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ, 1924. – С.29.
- ²⁰⁸ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.349.
- ²⁰⁹ Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный, 1972. – С.151.
- ²¹⁰ Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начале XX вв. – Махачкала, 1970. – С.64.
- ²¹¹ Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898. – С.12.
- ²¹² Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный, 1972. – С.151.
- ²¹³ РГИА. Ф.1268. Оп.14. Д.149. Л.7.
- ²¹⁴ Мартиросиан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ, 1924. – С.29.
- ²¹⁵ Ходжаев С. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис, 1875. – С.38.
- ²¹⁶ Кавказское общество сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис, 1875. – С.14,34.
- ²¹⁷ Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С.115.
- ²¹⁸ Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Т.2. Ч.1-2. – Тифлис, 1882. – С.166.
- ²¹⁹ Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001. – С.254.

- ²²⁰ Сборник сведений по истории и статистики внешней торговли России. Т.1. – СПб., 1902. – С.199.
- ²²¹ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик, 1962. – С.148.
- ²²² Кожевников Г.А. Породы кавказских пчел. Доклад. – СПб., 1900. – С.9.
- ²²³ Оса. Пчеловодство в Терской области. // Казбек. – Владикавказ, 1896. – №119.
- ²²⁴ Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ, 2002. – С.314.
- ²²⁵ Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1981. – С.79.
- ²²⁶ Гриценко Н.П. Землепользование терских казаков и переселенцев. // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный, 1967. – С.149.
- ²²⁷ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892. – С.86.
- ²²⁸ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.352.
- ²²⁹ Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ, 2002. – С.314.
- ²³⁰ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М., 1846. – С.183.
- ²³¹ ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Д.46. Л.29.
- ²³² Ибрагимов З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М., 2001.
- ²³³ Исаев С.–А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 1998. – С.45.
- ²³⁴ Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908. – С.218.
- ²³⁵ Калантар А.А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис, 1901. – С.4.
- ²³⁶ Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.П. – Тифлис, 1890. – С.25-27.
- ²³⁷ Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведённых в 1912 году. – Владикавказ, 1914. – С.22.
- ²³⁸ Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.П. – Тифлис, 1890. – С.4.
- ²³⁹ Там же. – С.193.
- ²⁴⁰ Журналы Особого совещания в городе Владикавказе для пересмотра действующих правил о передвижении скота. – Владикавказ, 1895. – С.28.

- ²⁴¹ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908. – С.224.
- ²⁴² Мусаев А.Н. Шейх Мансур. – М., 2007. – С.76.
- ²⁴³ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.106.
- ²⁴⁴ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892. – С.79.
- ²⁴⁵ Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.П. – Тифлис, 1890. – С.40.
- ²⁴⁶ Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный, 1978. – С.53.
- ²⁴⁷ Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.П. – Тифлис, 1890. – С.194.
- ²⁴⁸ Радде Г.И. Органический мир Кавказского края. – Тифлис, 1877. – С.27.
- ²⁴⁹ Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.П. – Тифлис, 1890. – С.197.
- ²⁵⁰ Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. ... канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006. – С.59.
- ²⁵¹ Борчасвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.339, 346.
- ²⁵² Гриценко Н.П. Землепользование терских казаков и переселенцев. // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный, 1967. – С.146-47.
- ²⁵³ Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (по данным этнографии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Баку, 1971. – С.14.
- ²⁵⁴ Иванов М.А. Верховья реки Гехи. // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. Т.XV. №5. – 1902. – С.300.
- ²⁵⁵ Борчасвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.360-361.
- ²⁵⁶ Марзоев И.Т. Рсетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII – XX вв.): Монография. – Владикавказ, 2008. – С.91-92.
- ²⁵⁷ Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993. – С.73-74.
- ²⁵⁸ История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С.251.
- ²⁵⁹ Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С.126.
- ²⁶⁰ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Рн/Д., 1990. – С.89.

- ²⁶¹ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.356.
- ²⁶² Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892. – С.79-84.
- ²⁶³ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.355.
- ²⁶⁴ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.362-363.
- ²⁶⁵ Журналы Особого совещания в городе Владикавказе для пересмотра действующих правил о передвижении скота. – Владикавказ, 1895. – С.14.
- ²⁶⁶ Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ, 1901. – С.94.
- ²⁶⁷ Новейшие узаконения и обязательные правила, относящиеся к Терской области. // Терский календарь на 1891 год. – Владикавказ, 1890. – С.85.
- ²⁶⁸ Терская область. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876. – С.56.
- ²⁶⁹ Калдани А.М. Башенная культура горцев Центрального Кавказа. Дис. ...докт. ист. наук. – Тбилиси, 1990. – С.69-70.
- ²⁷⁰ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М., 1846. – С.85.
- ²⁷¹ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М., 1846. – С.85.
- ²⁷² Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993. – С.208.
- ²⁷³ История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С.249-250.
- ²⁷⁴ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С.196.
- ²⁷⁵ Калантар А.А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис, 1901. – С.5.
- ²⁷⁶ Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис, 1890. – С.197.
- ²⁷⁷ Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведённым в 1912 году. – Владикавказ, 1914. – С.40.
- ²⁷⁸ Максимович. Статистические сведения о скотоводстве в Терской области. // Терские ведомости. – №41. – Владикавказ, 1875. – С.3.
- ²⁷⁹ Краткие сведения о состоянии на Кавказе сельского хозяйства. – Тифлис, 1900. – С.19.
- ²⁸⁰ Мадаева З.А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.250-251.

- ²⁸¹ Шавлаева Т.М. Древние виды бурок чеченцев // Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. академика М.Д. Миллионщикова. Вып.7. – Грозный, 2007. – С.394.
- ²⁸² Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведённым в 1912 году. – Владикавказ, 1914. – С.62.
- ²⁸³ Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993. – С.49.
- ²⁸⁴ Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе. // Материалы для устройства казённых летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.II. – Тифлис, 1890. – С.195.
- ²⁸⁵ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С.196.
- ²⁸⁶ Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный, 2006. – С.86-87.
- ²⁸⁷ Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Воронеж, 2006. – С.50.
- ²⁸⁸ Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведённым в 1912 году. – Владикавказ, 1914. – С.42.
- ²⁸⁹ ЦГА РСФСР-А. Ф.11. Оп.65. Д.177. Л.44 об.
- ²⁹⁰ Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993. – С.45,47-48.
- ²⁹¹ Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (по данным этнографии). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Баку, 1971. – С.16.
- ²⁹² Маркграф О. Чеченские селения. // Терские ведомости. – Владикавказ, 1881. – 21 ноября. – С.3.
- ²⁹³ Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993. – С.151.
- ²⁹⁴ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. – Махачкала, 1940. – С.15.
- ²⁹⁵ Калантар А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис, 1901. – С.58.
- ²⁹⁶ Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993. – С.87.
- ²⁹⁷ Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002. – С.68.
- ²⁹⁸ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ. 1908. – С.221.
- ²⁹⁹ Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. – Махачкала, 1940. – С.13.

- ³⁰⁰ Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908. – С.221.
- ³⁰¹ Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (социально-экономический очерк). – Нальчик, 1965. – С.54.
- ³⁰² Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (На материале скотоводства). – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1983. – С.17.
- ³⁰³ Бентковский И.В. Обзор Ставропольских конских скачек на императорские призы. // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т.VI. – Ставрополь, 1910. – С.7.
- ³⁰⁴ Кавказ. – СПб., 1902. – С.34.
- ³⁰⁵ Карта Терской области. – СПб., 1891. – С.1.
- ³⁰⁶ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.94-95, 97.
- ³⁰⁷ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Респблики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.144.
- ³⁰⁸ Цит. по: Дохова В.В. Экологическая культура народов Терской области в 60-х годах XIX -начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2001. – С.82.
- ³⁰⁹ РГИА. Ф.1268. Оп.18. Д.150-а. Л.12.
- ³¹⁰ Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельному оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. Ч.2. – СПб., 1835. – С.158.
- ³¹¹ Мамакаев М. Шрамы эпохи. – М., 1995. – С.5-6.
- ³¹² Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.99, 194.
- ³¹³ РГВИА. Ф.330. Оп.7. Д.195. Л.40.
- ³¹⁴ РГВИА. Ф.330. Оп.9. Д.205. Л.3.
- ³¹⁵ Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб., 1901. – С.4, 8, 17.
- ³¹⁶ Воронова А.А. Рыбный промысел Каспийского моря и морские торговые связи в XIX – начале XX вв. // Вестник Ставропольского гос. университета. Вып.40. – Ставрополь, 2005. – С.54-55.
- ³¹⁷ Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный, 1964. – С.166.
- ³¹⁸ Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв. XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1973. – С.2.
- ³¹⁹ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С.68.
- ³²⁰ Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках. // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы науч-

ной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный, 1964. – С.164-165.

³²¹ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С. 69.

³²² Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки). Дис. ... канд. ист. наук. – Тбилиси, 1986. – С.37.

³²³ Хасиев С.– М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XVIII – перв. четв. XX вв. (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1973. – С.3.

³²⁴ Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981. – С. 68.

³²⁵ Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1979. – С.34.

³²⁶ Москвич Г. Кавказ. Географический, этнографический, исторический и экономический очерки. – Одесса, 1896. – С.89.

³²⁷ Статистика Российской империи. Т.XVII . Волости и гмины, 1890 год. Издание Центрального Статистического комитета. – СПб., 1892. – С.1,3.

³²⁸ Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала, 1976. – С.195.

³²⁹ Казаков А.И. Страницы истории города Грозного: краеведческие этюды. – Грозный, 1989. – С.18.

³³⁰ РГИА. Ф.866. Оп.1. Д.44. Л.16.

³³¹ Ибрагимов З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М., 2001. – С.91.

³³² Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1981. – С.61.

³³³ Хатисов И.С. Ирригация на Кавказе. – СПб., 1881. – С.33.

³³⁴ Радде Г. Сельское хозяйство и промышленность. // Живописная Россия. Т.IX. Кавказ. – СПб., М., 1883. – С.222.

³³⁵ Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис, 1880. – С.149.

³³⁶ Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис, 1880. – С.280.

³³⁷ Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. – Владикавказ, 1914. – С.69.

³³⁸ Дингельштет В. Водовладение и ирригация. Ч.1. – Тифлис, 1880. – С.361.

³³⁹ Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб., 1903. – С.721.

³⁴⁰ Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1981. – С.74.

³⁴¹ Гантемирова Г.А. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала, 1976. – С.197.

³⁴² Булгаков М.Б. Экономические взаимосвязи народов. // Российская многонациональная цивилизация : Единство и противоречия. – М., 2003. – С.56.

- ³⁴³ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб.,1871. – С.417.
- ³⁴⁴ Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный,1978. – С.145.
- ³⁴⁵ Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль,2001. – С.17.
- ³⁴⁶ Гельдибаев М.Х. Особенности доказывания вины и назначения наказания в мусульманском праве. // Ойла («Мысль»). 1998. – №1. – С.79.
- ³⁴⁷ Шарафутдинова Р.Ш. Арабоязычные документы Северного Кавказа из Государственного Исторического Музея. // Россия и арабский мир. – СПб.,1994. – С.57.
- ³⁴⁸ ГИМ ОПИ. Ф.437. Ед.хр.2. Л.41 об.
- ³⁴⁹ О социальной концепции русского православия. – М.,2002. – С.347.
- ³⁵⁰ ГИМ ОПИ. Ф.307. Ед.хр.8. Л.9.
- ³⁵¹ Ибрагимов З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880). – М.,2001. – С.29.
- ³⁵² Кавказский учебный округ. Сборник распоряжений. – Тифлис,1890. – С.658.
- ³⁵³ Важнейшие узаконения и распоряжения, относящиеся к Терской области за 1892 – 1893 гг. // Терский календарь на 1894 год. Кн.1. – Владикавказ,1893. – С.57.
- ³⁵⁴ РГАЛИ. Ф.195. Оп.1. Д.5313. Л.7.
- ³⁵⁵ Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб.,1895. – С.65.
- ³⁵⁶ Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб.,1914. – С.164.
- ³⁵⁷ По Чечне и Дагестану. // Справедливость. – М.,2003. – №3-4 (125-126). – С.19.
- ³⁵⁸ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.337.
- ³⁵⁹ Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах,1801-1917 гг. – М.,2006. – С.8-9.
- ³⁶⁰ Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801-1917. – М.,2006. – С.8.
- ³⁶¹ Ахизер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. – М.,2008. – С.286-287.
- ³⁶² Марчук Н.И. Кавказ в международно-геополитической системе: XVI – XX вв. / Международное сотрудничество на пороге XXI века. – М.,1999. – С.72.
- ³⁶³ Бесленев М.С. Роль иностранного капитала в экономике пореформенной России // Исторические этюды. Сб. статей. Вып.3. – Карачаевск,2005. – С.94.
- ³⁶⁴ Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века). Дис. ...докт. ист. наук. – Нальчик,2006. – С.188.
- ³⁶⁵ Муханов В.М. Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (Жизненный путь, военно-административная и общественная деятельность). Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2004. – С.198-200.

- ³⁶⁶ Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб., 1910. – С.501.
- ³⁶⁷ Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д., 1931. – С.5-6.
- ³⁶⁸ Айдемиров Н.Г. Эстетическая культура народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1999. – С.65.
- ³⁶⁹ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.19-20.
- ³⁷⁰ Мёллер В.И. Отчёт господину Министру Государственных Имуществ о деятельности Управления Горной частью Кавказского края в 1889 году. – Тифлис, 1889. – С.163.
- ³⁷¹ Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне – Р н/Д., 1931. – С.6.
- ³⁷² Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесу. // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн.19. – Тифлис, 1897. – С.271.
- ³⁷³ Обзор Минеральных богатств Терской области. // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ, 1890. – С.186.
- ³⁷⁴ Семёнов Тянь-Шанский В.П. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып.7. Предкавказская полоса. – СПб., 1910. – С.7.
- ³⁷⁵ Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне – Р н/Д., 1931. – С.5.
- ³⁷⁶ Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М., 2003. – С.9.
- ³⁷⁷ Шерипов Д. Очерк о Чечне. – Грозный, 1929. – С.10.
- ³⁷⁸ Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.22.
- ³⁷⁹ Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года. // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.II. – Р н/Д., 1929. – С.31.
- ³⁸⁰ Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М., 2003. – С.8.
- ³⁸¹ Обзор Минеральных богатств Терской области. // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ, 1890. – С.186.
- ³⁸² Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892. – С.17.
- ³⁸³ Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М., 2003. – С.8.
- ³⁸⁴ Сиповская Н.В. Фарфор в России XVIII века. – М., 2008. – С.226.
- ³⁸⁵ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.3. – СПб., М., 1882. – М., 1979. – С.86.
- ³⁸⁶ Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 82-х томах. – СПб., 1902. – Т.35. – С.329.
- ³⁸⁷ Карапетянц И.В. Геологическая документация и организация геологического фонда. – М., 1991. – С.6,8.

³⁸⁸ Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д., 1931. – С.5.

³⁸⁹ РГФ. Ед.хр.1. Отч.65213. Л.2 об., 11 об.

³⁹⁰ Авдаков И.Ю. Экспозиции Кавказа и Средней Азии на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // Кавказ: история, культура, традиции и языки. – Сухум, 2004. – С.258.

³⁹¹ Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке (Промышленные и научно-промышленные выставки). Дис. ...канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – С.152.

³⁹² Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне – Р н/Д., 1931. – С.6.

³⁹³ Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года. // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.П. – Р н/Д., 1929. – С.29.

³⁹⁴ РГФ. Ед.хр.1. Отч.65213. Л.12 об.

³⁹⁵ Обзор Минеральных богатств Терской области. // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ, 1890. – С.186.

³⁹⁶ Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – №10. – С.96.

³⁹⁷ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895. – С.26.

³⁹⁸ Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года. // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.П. Р н/Д., 1929. – С.29.

³⁹⁹ Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века. // Архивное управление НКВД Грузинской ССР. Исторический вестник. – Тбилиси, 1945. – С.230.

⁴⁰⁰ Шерипов Д. Очерк о Чечне. – Грозный, 1929. – С.11.

⁴⁰¹ Мартиросиан Г.К. Богатство Терского края // Горская мысль – Владикавказ, 1922. – № 2. – С.35.

⁴⁰² Притула А.Ф. Грозненская нефтяная и Терская горная промышленность перед национализацией. – М. – Л., 1925. – С.156.

⁴⁰³ Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – №10. – С.9.

⁴⁰⁴ Исаев С. – А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке). Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1998. – С.56.

⁴⁰⁵ Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М., 1963. – С.299.

⁴⁰⁶ Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д., 1931. – С.6.

⁴⁰⁷ Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный, 1978. – С.53.

⁴⁰⁸ Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб., 1900. – С.18.

- ⁴⁰⁹ РГФ. Ед.хр.1. Отч.65213. Л.12 об.
- ⁴¹⁰ Обзор Минеральных богатств Терской области. // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ,1890. – С.186.
- ⁴¹¹ Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М.,2001. – С.258.
- ⁴¹² Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М.,2005. – С.207.
- ⁴¹³ Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб.,1900. – С.21.
- ⁴¹⁴ РГФ. Ед.хр.1. Отч.65213. Л.12-12 об.
- ⁴¹⁵ Иваненков Н.С. Горные чеченцы (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ,1910. – С.22.
- ⁴¹⁶ Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891. – С.60.
- ⁴¹⁷ Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис,1905. – С.20.
- ⁴¹⁸ Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №11. – С.106.
- ⁴¹⁹ Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб.,1900. – С.22.
- ⁴²⁰ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.17.
- ⁴²¹ Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе. // Кавказский вестник. – Тифлис,1901. – №11. – С.45.
- ⁴²² Шаповалов А.П. Предварительный отчет Экспедиции Научного Общества ЧАО по изысканию цементных мергелей и гипса в Нагорной Чечне в 1929 г. // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный,1929. – № 1. – С.45.
- ⁴²³ Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. – М.,2008. – С.32.
- ⁴²⁴ ЦГА РСО – А.. Ф.11. Оп.16. Д.161. Л.9 об.
- ⁴²⁵ Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ,1912. – С.185.
- ⁴²⁶ Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900. – С.22.
- ⁴²⁷ Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ,1891. – С.60.
- ⁴²⁸ Петров Ф.В. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Сборник действующих по 1 августа 1911 года узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживавших в казачьих поселениях лиц невойскового сословия. – Вильна,1911. – С.127.

- ⁴²⁹ Большой Кавказ в альпийскую эпоху /Под ред Ю.Г. Леонова. – М.,2007. – С.338,340.
- ⁴³⁰ Печерин А.И. Сотворение Большого Кавказа. // География в школе. – М.,2000. – №1.
- ⁴³¹ Калмыкова Н.П. Изменение разнообразия наземной биоты Предкавказья с миоцена до голоцена // Проблемы экологии горных территорий. Сборник научных трудов. – М.,2006. – С.156,159.
- ⁴³² Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М.,2005. – С.53,75.
- ⁴³³ Барбот де Марни Н.Н. Нефтяные месторождения Северного Кавказа. – СПб.,1893. – С.10,12.
- ⁴³⁴ Ибрагимов З.Х. Индия в планах Германии и Японии в годы Второй мировой войны. – М.,2003.
- ⁴³⁵ Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. – Нальчик,2007. – С.94,96,106.
- ⁴³⁶ Черкасов А. Легенда о кавказской нефти // Чечня. Жизнь на войне. – М.,2007. – С.56.
- ⁴³⁷ Обзор Журналов артиллерийского комитета // Артиллерийский журнал. – СПб.,1885. – № 5. – С.478.
- ⁴³⁸ Дорожкин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. – М.,2004. – С.105.
- ⁴³⁹ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М.,2000. – С.282.
- ⁴⁴⁰ Экскурсии на Кавказ учеников Киевской 1-й гимназии. – Киев,1901. – С.117.
- ⁴⁴¹ Щербаков И.В. Германские инвестиции и предприниматели Юга России (70-е гг. XIX в. – 1914 г.) // Экономическая история: Ежегодник. 2007. – М.,2008. – С.59.
- ⁴⁴² Гулишамбаров С.И. Краткий очерк развития керосинового производства на Кавказе. – СПб.,1887. – С.7,10.
- ⁴⁴³ Труды комиссии при Императорском Русском Техническом обществе по вопросу о нефтепроводе и мерах к развитию нефтяного дела в России. – СПб.,1885. – С.147,149,156.
- ⁴⁴⁴ Муталлапов Н.Г. Становление и развитие системы нефтеснабжения в России. Дис. ...канд. техн. наук. – Уфа,2007. – С.6.
- ⁴⁴⁵ Шуухова Е. Первый нефтепровод // Былое. – М.,1995. – № 9 (50). – С.14.
- ⁴⁴⁶ Шухова Е. Первый нефтепровод // Былое. – М.,1995. – № 9 (50). – С.14.
- ⁴⁴⁷ Рассказы о русском первенстве. – М.,1950. – С.201-202,327.
- ⁴⁴⁸ Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Истоки российской нефти: Исторические очерки. – М.,2008. – С.52, 56.
- ⁴⁴⁹ Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия: в 2 т. Т.1. – М.,2008. – С.606.
- ⁴⁵⁰ Исаева Р. Терское отделение Русского технического общества: зарождение и становление (1899-1913 гг.) // Вайнах – Грозный,2004. – № 4. – С.55-56.

- ⁴⁵¹ Сельский Л.А. Начало Грозненской Нефтяной Промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – С.20.
- ⁴⁵² Джазаева З.М. Кавказо-европейские экономические связи в конце XIX – начале XX вв. (Северокавказский регион) // Исторические этюды. Вып.2 – Карачаевск, 2002. – С.96.
- ⁴⁵³ Олсункаев Х.А. Становление и развитие парафинового производства на Грозненских НПЗ. Дис. ...канд. Техн. наук. – Уфа, 2006. – С.4.
- ⁴⁵⁴ Исаева Р. Терское отделение Русского технического общества: зарождение и становление (1899-1913 гг.) // Вайнах. – Грозный, 2004. – № 4. – С. 57-58.
- ⁴⁵⁵ Люднева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.94.
- ⁴⁵⁶ Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. ... докт. техн. наук. – М., 1999. – С.4.
- ⁴⁵⁷ Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). – Грозный, 1965. – С.27.
- ⁴⁵⁸ Самойлов Л. Грозный – город удивительной судьбы...// Родина. – М., 2006. – №12. – С.36.
- ⁴⁵⁹ Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. ... докт. техн. наук. – М., 1999. – С.35-36.
- ⁴⁶⁰ Там же. – С.57.
- ⁴⁶¹ Рунов В.А. Российская газовая империя. – М., 2008. – С.18-19.
- ⁴⁶² Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008. – С.91.
- ⁴⁶³ Преображенский С. Истоки «немалой прибыли» // Наша власть: дела и лица. – М., 2008. – № 3. – С.60.
- ⁴⁶⁴ Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993. – М., 1993. – С.9.
- ⁴⁶⁵ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX веке). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 1998. – С.47.
- ⁴⁶⁶ Тогоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол.XVIII – 40 г.XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе, 1966. – С.161.
- ⁴⁶⁷ Сельский Л.А. Начало Грозненской Нефтяной Промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2. – С.15.
- ⁴⁶⁸ Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. ... докт. техн. наук. – М., 1999. – С.65-66.
- ⁴⁶⁹ Сельский Л.А. Начало Грозненской Нефтяной Промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2. – С.15-16.
- ⁴⁷⁰ Рунов В.А. Российская газовая империя. – М., 2008. – С.21.
- ⁴⁷¹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.26.

- ⁴⁷² РГФ. Ед.хр.1. Отч.48695. Л.3.
- ⁴⁷³ РГФ. Ед.хр.1. Отч.48666. Л.1.
- ⁴⁷⁴ РГФ. Ед.хр.1. Отч.48663. Л.1.
- ⁴⁷⁵ РГФ. Ед.хр.1. Отч.48666. Л.1,5.
- ⁴⁷⁶ Ибрагимов З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.316.
- ⁴⁷⁷ РГФ. Ед.хр.1. Отч.18271. Л.5.
- ⁴⁷⁸ РГФ. Ед.хр.1. Отч.23410. Л.1 об.
- ⁴⁷⁹ РГФ. Ед.хр.1. Отч.17713. Л.1-2.
- ⁴⁸⁰ РГФ. Ед.хр.1. Отч.48664. Л.2.
- ⁴⁸¹ РГФ. Ед.хр.1. Отч.23542. Л.1.
- ⁴⁸² РГФ. Ед.хр.1. Отч.17778. Л.1.
- ⁴⁸³ РГФ. Ед.хр.1. Отч.17713. Л.4-11.
- ⁴⁸⁴ РГФ. Ед.хр.1. Отч.18271. Л.1.
- ⁴⁸⁵ Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. ... докт. ист. наук. – М.,1999. – С.56.
- ⁴⁸⁶ Ибрагимов З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002.– С.318.
- ⁴⁸⁷ РГФ. Ед.хр.1. Отч.48629. Л.1,3.
- ⁴⁸⁸ Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. ... докт. ист. наук. – М.,1999. – С.102.
- ⁴⁸⁹ Ибрагимов З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М.,2002. – С.317.
- ⁴⁹⁰ Джазаева З.М. Кавказо-европейские экономические связи в конце XIX – начале XX вв. (Северокавказский регион) // Исторические этюды. Вып.2. – Кара-чаевск,2002. – С.90.
- ⁴⁹¹ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси,1988. – С.384.
- ⁴⁹² Божедомов А.И. Земельная рента в капитале нефтедобывающей промышленности. Дис. ... канд. ист. наук. – Грозный,1958. – С.95,98.
- ⁴⁹³ Керимов И.А., Даукаев А.А. История зарождения и развития ГРП и добычи нефти и газа на территории ЧР // Труды Грозненского государственного нефтяного института им. акад. М.Д. Миллионщикова. Вып.5. – Грозный,2005. – С.10.
- ⁴⁹⁴ Дунюшкин И.Е. Юг России: накануне катастрофы: Борьба органов государственной власти и терского казачества с национал – клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX века: Монография. – Екатеринбург,2003. – С.21,34.
- ⁴⁹⁵ Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополий (1893-1917).– Грозный,1962. – С.20,23.

⁴⁹⁶ Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный, 1962. – С.24,29.

⁴⁹⁷ Мужев И.Ф. Развитие капитализма на Северном Кавказе в конце XIX – нач. XX вв. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып.6. – Ставрополь, 1957. – С.138.

⁴⁹⁸ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.3.

⁴⁹⁹ Успенский Л.Ф. Терское казачье войско и нефть. Вып.1. – Владикавказ, 1929. – С.1,15.

⁵⁰⁰ РГФ. Ед.хр.1. Отч.48693. Л.1.

⁵⁰¹ Авторханов А. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа. // ЧИНИИ. Известия. Т.1. Вып.1. – Грозный, 1936. – С.37.

⁵⁰² Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.31.

⁵⁰³ Ибрагимов З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С.321.

⁵⁰⁴ РГФ. Ед.хр.2. Отч.17709. Л.7-13.

⁵⁰⁵ Ахмадов Я., Хасмагоматов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века. // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – №4. – С.36.

⁵⁰⁶ Сулейманов А. Топонимия Чечни. – Нальчик, 1997.

⁵⁰⁷ Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). Грозный, 1965. – С.62.

⁵⁰⁸ Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного. // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып.5. – Грозный, 1953. – С.33.

⁵⁰⁹ Ахмадов Я., Хасмагоматов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века. // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – №4. – С.38.

⁵¹⁰ Келиматов А. Чечня: в котлях дьявола или на пути к самоуничтожению (история, аргументы и факты глазами очевидца). – М., 2003. – С.173.

⁵¹¹ Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. – М., 2007. – С.464.

⁵¹² Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.38.

⁵¹³ Шигабудинов М.Ш. «Паспортные книги» как источник по проблеме отходничества среди крестьянства Северо – Восточного Кавказа. // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983. – С.82.

⁵¹⁴ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.400.

⁵¹⁵ Шигабуудинов М.Ш. «Паспортные книги» как источник по проблеме отходничества среди крестьянства Северо – Восточного Кавказа. // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983. – С.84.

⁵¹⁶ Тезяков К.И. Рынки найма сельских рабочих на Юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. Вып.2. – СПб., 1902. – С.106.

⁵¹⁷ Коновалов Г. Краткий отчет об экскурсии // Экскурсии учащихся Кавказского Учебного Округа в 1908 году. Вып. 1. – Тифлис, 1909. – С.213.

⁵¹⁸ Мнацаканян А. Российско-чеченские отношения при «старых режимах»: Историческая справка // Чечня. Жизнь на войне. – М., 2007. – С.19.

⁵¹⁹ Шигабуудинов М.Ш. Дагестан в начале XX века // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т.2. История Дагестана в XX веке. – Махачкала, 2005. – С.12.

⁵²⁰ Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860-1917 г.): к проблеме становления и развития капиталистических отношений. Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С.278.

⁵²¹ Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ, 2002. – С.376-378.

⁵²² История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С.263, 268.

⁵²³ Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против Царизма и монополии (1893-1917). – Грозный, 1962. – С.92.

⁵²⁴ Хасбулатов А.И. Чечня в начале XX в. // История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т.П. История Чечни XX и начала XXI века. – Грозный, 2008. – С.13.

⁵²⁵ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX –XX веках. – М., 2005. – С.478-479.

⁵²⁶ Бухалов И.И. Промышленный травматизм в Грозненской нефтяной промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2. – С.34-35.

⁵²⁷ Попель В.А. Профессиональная и производственная заболеваемость рабочих Грозненской нефтяной промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2. – С.28, 30, 32.

⁵²⁸ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.449, 479-480.

⁵²⁹ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С.320.

⁵³⁰ Труды первого съезда Терских нефтепромышленников в городе Грозном (С 25 июня по 9 июля 1898 года). – Грозный, 1898. – С.35.

⁵³¹ РГИА. Ф.268. Оп.3. Д.480. Л.251.

⁵³² Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области. // Терский сборник. Вып.1. Отд.1. – Владикавказ, 1890. – С.244.

⁵³³ Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис, 1905. – С.1.

- ⁵³⁴ РГФ. Ед.хр.1. Отч.48576. Л.1.
- ⁵³⁵ РГИА. Ф.268. Оп.3. Д.480. Л.251.
- ⁵³⁶ Там же. Л.251 об.
- ⁵³⁷ РГФ. Ед.хр.1. Отч.48576. Л.2.
- ⁵³⁸ Афанасьев А.И. Начало большого пути. – Грозный, 1970. – С.5.
- ⁵³⁹ Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области. // Терский сборник. Вып.1. Отд.1. – Владикавказ, 1890. – С.244.
- ⁵⁴⁰ Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный, 1984. – С.44.
- ⁵⁴¹ Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области. // Терский сборник. Вып.1. Отд.1. – Владикавказ, 1890. – С.249.
- ⁵⁴² Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвании и на Кавказе. – СПб., 1877. – С.30-31.
- ⁵⁴³ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.3.
- ⁵⁴⁴ Колосов Л.Н. О степени изученности Грозненского нефтяного дела. // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. – Грозный, 1978. – С.84.
- ⁵⁴⁵ Всемирная Колумбова выставка 1893 года в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб., 1893. – С.27.
- ⁵⁴⁶ Рагозин В.И. Русская нефтяная промышленность в 1887 году. – М., 1887. – С.6,36.
- ⁵⁴⁷ ГА РФ. Ф.678. Оп.1. Д.687. Л.34.
- ⁵⁴⁸ Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М., 1895. – С.12,17.
- ⁵⁴⁹ Василенко А.Б. Геополитические аспекты нефтяной политики США и Российской империи во второй половине XIX века // Во славу российской нефти: Материалы научно-исторической конференции «Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности России во второй половине XIX века, 28февраля 2006 г. – М., 2006. – С.17-20.
- ⁵⁵⁰ Наугі Саграз. Русско-турецкие торговые связи на рубеже XIX – XX веков // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007. – С.300.
- ⁵⁵¹ Чшиева М.Ч. Из истории деятельности нефтепромышленной фирмы «Ахвердов и К» на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – № 13. – С.115-117.
- ⁵⁵² Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.11.
- ⁵⁵³ РГФ. Ед. хр.1. Отч.48576. Л.2.
- ⁵⁵⁴ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.11.
- ⁵⁵⁵ Там же. – С.13.

- ⁵⁵⁶ Записки о состоянии Грозненского и Алхан – Юртовского нефтяного промысла, принадлежавшего товариществу нефтяных промыслов. – СПб., 1894. – С.2-3.
- ⁵⁵⁷ Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1900 год. Т.1. – Владикавказ, 1901.
- ⁵⁵⁸ Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного. // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып.5. – Грозный, 1953. – С.11.
- ⁵⁵⁹ Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1901 год. Т.2. – Владикавказ, 1902. – С.4.
- ⁵⁶⁰ Джафаров К.И., Гареева Т.Б. Очерки истории нефтяных промыслов Северного Кавказа. – Уфа, 1998. – С.46, 66.
- ⁵⁶¹ Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке (Промышленные и научно-промышленные выставки). Дис. ...канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – С.151-152, 154, 157.
- ⁵⁶² Ершов Г.А. Чудесный источник... С.26.
- ⁵⁶³ Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М., Л., 1962. – С.100.
- ⁵⁶⁴ Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М., 1895. – С.8.
- ⁵⁶⁵ Акоюн В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России // Армяне Ставрополя и Терка. – Пятигорск, 2007. – С.18-19.
- ⁵⁶⁶ Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М., 1895. – С.9.
- ⁵⁶⁷ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895. – С.286.
- ⁵⁶⁸ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.16.
- ⁵⁶⁹ Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период. // Исторические записки. Т.73. – М., 1963. – С.296.
- ⁵⁷⁰ Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности (1893-1993). – М., 1993. – С.12.
- ⁵⁷¹ Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1900 год. Т.1. Владикавказ, 1901. – С.23, 27.
- ⁵⁷² Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы, курорт Горячеводск, курорт Серноводск. – Владикавказ, 1914. – С.79.
- ⁵⁷³ Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис, 1905. – С.2.
- ⁵⁷⁴ Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М., 1895. – С.8.
- ⁵⁷⁵ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.17.
- ⁵⁷⁶ Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993. – М., 1993. – С.12.
- ⁵⁷⁷ Нурисламов Р.С. Развитие технических средств транспортировки нефти и нефтепродуктов в России и СССР. Дис. ...канд. техн. наук. – Уфа, 2006. – С.42.

⁵⁷⁸ Джафаров К.И., Гареева Т.Б. Очерки истории нефтяных промыслов Северного Кавказа. – Уфа, 1998. – С.157-158.

⁵⁷⁹ Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1999. – С.53,55.

⁵⁸⁰ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914. Документы и материалы. М.-Л., 1961. – С.203,683.

⁵⁸¹ Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный, 1962. – С.364.

⁵⁸² Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М., 1998. – С.89-90.

⁵⁸³ Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1901 год. Т.2. – Владикавказ, 1902. – С.12.

⁵⁸⁴ Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный, 1962. – С.29,37.

⁵⁸⁵ Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1981. – С.16.

⁵⁸⁶ Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и «нефтяные» дебаты в III Государственной думе // Постигая историю...: сборник научных статей. – Пенза, 2006. – С.135.

⁵⁸⁷ Преображенский С. Истоки «немалой прибыли» // Наша власть: дела и лица. – М., 2008. – № 3. – С.61.

⁵⁸⁸ Министерство финансов. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб., 1896. – С.15.

⁵⁸⁹ Рагозин В.И. Русская нефтяная промышленность в 1887 году. – М., 1887. – С.76.

⁵⁹⁰ Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный, 1962. – С.65.

⁵⁹¹ Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе. Дис. ... докт. ист. наук. – М., 1999. – С.76.

⁵⁹² Там же. – С.46.

⁵⁹³ Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный, 1962. – С.70,87.

⁵⁹⁴ О тех, кого называют абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихов и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный, 1927. – С.54.

⁵⁹⁵ Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. – Владикавказ, 1914. – С.77.

⁵⁹⁶ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.8.

⁵⁹⁷ Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993. – М., 1993. – С.154.

⁵⁹⁸ O. G. von Wesendonk. Aus der kaukasischen welt.– Berlin, 1925. – S.102.

⁵⁹⁹ Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ, 1992. – С.56.

⁶⁰⁰ Щербаков И.В. Германские инвестиции и предприниматели Юга России (70-е гг. XIX в. – 1914 г.) // Экономическая история: Ежегодник. 2007. – М., 2008. – С.59.

⁶⁰¹ Вовк А.С. Регулирование положения иностранного капитала в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. – Вып.8. – М., Волгоград, 2006. – С.188-189.

⁶⁰² Башмаков А.А. Борьба с немецким засильем в акционерном деле. – Петроград, 1915. – С.18-19,35.

⁶⁰³ Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т.2. – М., 2007. – С.203.

⁶⁰⁴ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.52.

⁶⁰⁵ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.32.

⁶⁰⁶ Торкунов А.В. Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007. – С.11-12.

⁶⁰⁷ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.74.

⁶⁰⁸ Чшиева М.Ч. Из истории деятельности нефтепромышленной фирмы «Ахвердов и К» на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – № 3. – С.116,126.

⁶⁰⁹ Липрианди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.100.

⁶¹⁰ Главнейшие узаконения и распоряжения за 1892 – 1893 гг. – СПб., 1894. – С.49.

⁶¹¹ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX. – нач. XX.в.). – СПб., 1998. – С.32.

⁶¹² Особые журналы Совета Министров царской России. 1909 – 1917 гг. – М., 2001. – С.439.

⁶¹³ РГИА. Ф.1276. Оп.20. Д.48. Л.136-141.

⁶¹⁴ Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX -начале XX веков. Дис. ...канд. юр. наук. – Волгоград, 2002. – С.86.

⁶¹⁵ Липрианди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.101,108.

⁶¹⁶ Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М., Л., 1962. – С.104.

⁶¹⁷ Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.103.

⁶¹⁸ Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М., Л., 1962. – С.104.

⁶¹⁹ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.26,42.

⁶²⁰ Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М., Л., 1962. – С.104,112.

⁶²¹ Чшиева М.Ч. История нефтяного соперничества иностранного капитала на Кавказе в конце XIX – начале XX вв.: Монография. – Владикавказ, 2008. – С.95,98.

⁶²² Юшкин Е. Обзор Грозненской нефтяной промышленности за 1900 год. Промысловое дело. – Владикавказ, 1901. – С.3.

⁶²³ Матвейчук А. Российский крез: взлет и падение // Родина. – М., 2008 – № 10. – С.19.

⁶²⁴ Ицхак Д. История евреев на Кавказе. В 2-х т. Т.1-2. – Тель – Авив, 1989. – С.480-481(Т.1). – С.284 (Т.2).

⁶²⁵ Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914. Документы и материалы. М. Л., 1961. – С.684-685.

⁶²⁶ Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX веков. Дис. ...канд. юр. наук. – Волгоград, 2002. – С.114.

⁶²⁷ Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М., 2000. – С.148-149.

⁶²⁸ Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного. // Известия Грозненского областного краеведческого музея. Вып.5. – Грозный, 1953. – С.19.

⁶²⁹ Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993. – М., 1993.

⁶³⁰ Бесленеев М.С. Роль иностранного капитала в экономике пореформенной России // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск, 2005. – С.90,92,96.

⁶³¹ Хлебникова О.Н. Проблемы общественного управления России на рубеже XIX – XX веков: Монография. – М., 2007. – С.69.

⁶³² Лизунов П. Россия в Европе // Былое. – М., 1995. – № 2. – С.9.

⁶³³ Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2006. – С.35-36.

⁶³⁴ Лобанова Е.В. Российский долг Франции и революционная ментальность (по материалам советского дипломата Х.Г. Раковского, 1920-е годы) // Проблемы экономической истории: mundus o economicus. – М., 2006. – С.172.

⁶³⁵ Алексеева Е.В. Диффузия европейской инновации в России (XVIII – начало XX в.). – М., 2007. – С.202-204.

⁶³⁶ Алексеева Е.В. Диффузия европейской инновации в России (XVIII – начало XX в.). – М., 2007. – С.202.

⁶³⁷ Нефедов С.А. Демографически – структурный анализ социально – экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург, 2005. – С.245.

⁶³⁸ Люднева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.77,82.

⁶³⁹ Матвейчук А. Магистр технологии // Нефть России. – М., 2005. – №12. – С.120.

⁶⁴⁰ Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С.94.

⁶⁴¹ Чшиева М.Ч. Иностраннный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2005. – С.102,105.

⁶⁴² Там же. – С.180.

⁶⁴³ Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). Автореф. .... канд ист. наук. – М., 1953. – С.8-11.

⁶⁴⁴ Чшиева М.Ч. Иностраннный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2005. – С.100.

⁶⁴⁵ Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895. – С.7.

⁶⁴⁶ Горепекин Ф.И. По горам Терской области. Краткий путеводитель. – Владикавказ, 1910. – С.11.

⁶⁴⁷ Божедомов А.И. Откупное нефтяное хозяйство Чечено-Ингушетии в пореформенный период и его место в мировой капиталистической нефтяной промышленности. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.11. – Грозный, 1977. – С.16-17.

⁶⁴⁸ РГИА. Ф.1268. Оп.16. Д.125. Л.7-8.

⁶⁴⁹ Ибрагимова З.Х. Чеченская история. Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002. – С.312.

⁶⁵⁰ Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). Автореф. ... канд. ист. наук. – М., 1953. – С.7.

⁶⁵¹ Люднева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа: 1861-1914 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.112.

⁶⁵² Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.II. – М., 2001. – С.36.

⁶⁵³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000. – С.238.

⁶⁵⁴ Хелен Краг, Ларс Функ Хансен. Северный Кавказ: народы на перепутье. – СПб., 1996. – С.78.

⁶⁵⁵ Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Черкесск, 2003. – С.88.

⁶⁵⁶ Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.). Дис. ...докт. юрид. наук. – М., 2003. – С.85.

⁶⁵⁷ Люднева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.94.

⁶⁵⁸ Чшиева М.Ч. Иностраннный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Владикавказ, 2005. – С.64-65, 68.

⁶⁵⁹ «Зеркало Кавказа». Альбом. – М., 1902. – С.23.

⁶⁶⁰ Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). – М., 2007. – С.206-207.

⁶⁶¹ Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000 – 2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб., 2002. – С.78.

⁶⁶² Malsagov A. Caucasian mountain folk. Old ways and new. – Moscow, 1984. – С.33.

⁶⁶³ Некрасова М.А. Народное искусство – культура духовная // Народные мастера. Традиции и школы. – М., 2006. – С.12-15.

⁶⁶⁴ Ковалева Н.В. Правовое регулирование промышленного производства Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. – Кострома, 2007. – С.64-66.

⁶⁶⁵ Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. – СПб., 1998. – С.19-20.

⁶⁶⁶ Семенов Д. Отечествоведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – М., 1879. – С.37.

⁶⁶⁷ Цит. по: Хатагова Е.Р. Экологическая направленность народной педагогики Северного Кавказа и ее использование в воспитании младших школьников: (На примере Республики Северная Осетия – Алания). Дис. ...канд. пед. наук. – Владикавказ, 2004. – С.34.

⁶⁶⁸ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.413.

⁶⁶⁹ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Рн /Д., 1990. – С.75.

⁶⁷⁰ Пономарёв Н.В. Обзор кустарных промыслов России. – Пг., 1902. – С.5.

⁶⁷¹ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.44.

⁶⁷² Гарсаев Л. Технология изготовления вайнахской одежды // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 12. – С.56.

⁶⁷³ Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III – I тысячелетия до нашей эры). Дис. ...докт. ист. наук. – Тбилиси, 1998. – С.156.

- ⁶⁷⁴ Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения. 2000 – 2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб., 2002. – С. 80.
- ⁶⁷⁵ Маслов С. О поездке на Кавказ // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. – М., 1848. – № 10. – С. 115.
- ⁶⁷⁶ Гарсаев Л. Технология изготовления вайнахской одежды // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 12. – С. 56.
- ⁶⁷⁷ Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период. Дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2006. – С. 16-17.
- ⁶⁷⁸ История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С. 255.
- ⁶⁷⁹ Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М., 1987. – С. 65, 71.
- ⁶⁸⁰ Труды I съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис, 1902. – С. 8.
- ⁶⁸¹ Исторический очерк о Терской области. – Б.м. Б.г. – С. 26-27.
- ⁶⁸² Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. Т.1. – М., 1960. – С. 352.
- ⁶⁸³ Маргошвили Л.Ю. Мужская одежда вайнахов (в конце XIX – начале XX века). // Кавказский этнографический сборник. Т. VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси, 1986. – С. 29.
- ⁶⁸⁴ Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М., 1987. – С. 53, 72-73.
- ⁶⁸⁵ Некрасова М.А. Народное искусство – культура духовная // Народные мастера. Традиции и школы. – М., 2006. – С. 20, 23.
- ⁶⁸⁶ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С. 24.
- ⁶⁸⁷ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895. – С. 268.
- ⁶⁸⁸ Дзарахова З.М.-Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань, 2007. – С. 141.
- ⁶⁸⁹ Шамурзаев А.А. Роль и место чеченца Боты Шамурзаева в творчестве М.Ю. Лермонтова. – Грозный, 2004. – С. 70.
- ⁶⁹⁰ Абхазы. – М., 2007. – С. 219.
- ⁶⁹¹ Аппаева Ж. Кавказская черкеска // Юный художник. – М., 2002. – № 10. – С. 45.
- ⁶⁹² Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. ... канд. ист. наук. – Грозный, 2006. – С. 94.
- ⁶⁹³ Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб., 2004. – С. 191, 194, 197.

- ⁶⁹⁴ Казачество. Энциклопедия. – М., 2008. – С. 50.
- ⁶⁹⁵ Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С. 368.
- ⁶⁹⁶ Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный, 2006. – С. 104-108.
- ⁶⁹⁷ Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный, 2006. – С. 94, 108.
- ⁶⁹⁸ Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – С. 23, 78.
- ⁶⁹⁹ Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в Эпоху империализма (Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции). // Чечено-Ингушский НИИ. Известия. Т.4. – Грозный, 1964. – С. 48.
- ⁷⁰⁰ Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С. 27.
- ⁷⁰¹ Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – С. 250.
- ⁷⁰² Текеева С.А. Цветовой канон в одежде народов Северного Кавказа // Алиевские чтения: научная сессия преподавателей и аспирантов университета / Материалы научной сессии в двух частях. Часть II. – Карачаевск, 2007. – С. 208-209, 211.
- ⁷⁰³ Мода из народа // Теленеделя. – М., 2008. – № 2(15). – С. 75.
- ⁷⁰⁴ Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. – СПб., 1866. – С. 20.
- ⁷⁰⁵ Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.. – С. 127.
- ⁷⁰⁶ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С. 200.
- ⁷⁰⁷ Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898. – С. 7, 9, 12.
- ⁷⁰⁸ Оверин А., Ситовский Н. Опыт русско-кавказской флоры. Т.2. – Тифлис, 1858. – С. 157-158, 188-189.
- ⁷⁰⁹ Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке. – М., 1949. – С. 115; Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон. XIX – нач. XX вв.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. – С. 7.
- ⁷¹⁰ Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С. 148.
- ⁷¹¹ О Прикаспийской марене. – Тифлис, 1863. – С. 58.
- ⁷¹² Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке. – М., 1949. – С. 115.

⁷¹³ Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок. – СПб., 1864. – С.381.

⁷¹⁴ Федотов Г.Я. Большая энциклопедия ремесел. – М., 2008. – С.594, 596, 604.

⁷¹⁵ Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – перв. пол. XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007. – С.165.

⁷¹⁶ Радде Г. Сельское хозяйство и промышленность // Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении. Т.9. Кавказ. – СПб., М., 1883. – С.227.

⁷¹⁷ О Прикаспийской марене. – Тифлис, 1863. – С.30, 38, 44, 48, 57-58.

⁷¹⁸ Военно-статистический сборник. Вып. IV. – СПб., 1871. – С.267.

⁷¹⁹ Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный, 2006. – С.128-129.

⁷²⁰ Койчуев А.Д. Карачай: вопросы истории, культуры и религии. – Ставрополь, 2006. – С.114.

⁷²¹ Ларина Е.И. Ковроткачество народов Российской империи. – М., 2007. – С.190-191, 194-195.

⁷²² Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный, 2006. – С.74, 78-79.

⁷²³ Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – начале XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000 – 2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб., 2002. – С.79.

⁷²⁴ Wierzejski T. Kobięce wschodnie. – Warszawa, 1970. – S.69.

⁷²⁵ Акиева Х.М. Орнаментация войлочных ковров чеченцев и ингушей // «Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», региональная научно-практ. Конференция. – Махачкала, 1986. – С.40.

⁷²⁶ Татаев В.А., Шабаньянц Н.Ш. Декоративно – прикладное искусство Чечено – Ингушетии. – Грозный, 1974. – С.4, 19, 30.

⁷²⁷ Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. – М., 1987. – С.57.

⁷²⁸ Некрасова М.А. Народное искусство – культура духовная // Народные мастера. Традиции и школы. – М., 2006. – С.16-17.

⁷²⁹ Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование. Дис. ...канд. ист. наук. – Грозный, 2006. – С.75-76.

⁷³⁰ Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии. – Нальчик, 1962. – С.17, 26.

⁷³¹ Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – С.103.

⁷³² Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма (Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции). // Чечено-Ингушский НИИ. Известия. Т.4. – Грозный, 1964. – С.48.

⁷³³ А РЭМ. Ф.2. Оп.2. Д.339. Л.14.

⁷³⁴ Эстамирова Т. Художник Ясханов, его истанги и ковры // Нохчи. – Грозный, 1999. – № 1. – С.34.

⁷³⁵ Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб., 1900. – С.43.

⁷³⁶ Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.27.

⁷³⁷ Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – С.33.

⁷³⁸ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н /Д. – С.70.

⁷³⁹ Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века. // Архивное управление НКВД Грузинской СССР. Исторический вестник. – Тбилиси, 1945. – С.228.

⁷⁴⁰ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.366.

⁷⁴¹ Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – СПб., 1913. – С.45.

⁷⁴² Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – С.38.

⁷⁴³ Там же. – С.13.

⁷⁴⁴ Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.85-86.

⁷⁴⁵ Гарсаев Л. Технология изготовления вайнахской одежды // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 12. – С.56.

⁷⁴⁶ Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936 –37 гг. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XV. Сборник статей по истории СССР XIX в. – М., 1941. – С.164-65.

⁷⁴⁷ Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М., 1961. – №1. – С.51-52.

⁷⁴⁸ Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. – Т.1. – М., 1960. – С.362.

⁷⁴⁹ Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.89.

⁷⁵⁰ Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон.XIX. – нач. XX вв.). Автореф. дис.. канд. ист. наук. – М., 1992. – С.1.

⁷⁵¹ Пржецлавский П. Несколько слов о военном и гражданском устройстве Чечни и Дагестана, во время правления имама Шамиля // Кавказ. – Тифлис, 1863. – №64. – С.404.

⁷⁵² Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон. XIX – нач. XX вв.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1992. – С. 8.

⁷⁵³ Пеешихонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: невыученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006. – С. 164-165.

⁷⁵⁴ А РЭМ. Ф.5. Оп.1. Д.1. Л.22.

⁷⁵⁵ Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. – Т.1. – М., 1960. – С.362.

⁷⁵⁶ Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.29.

⁷⁵⁷ Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа. // Ставропольский Педагогический институт. Учёные записки. Некоторые вопросы кавказоведения. – Ставрополь, 1971. – С.202.

⁷⁵⁸ А РЭМ. Ф.2. Оп.2. Д.339. Л.18-19.

⁷⁵⁹ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.368.

⁷⁶⁰ Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в Чечне в свете вайнахо-дагестанской хозяйственной интеграции в дореволюционном прошлом // «Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», региональная научно – практическая конференция. – Махачкала, 1986. – С.30.

⁷⁶¹ Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М., 1987. – С.68.

⁷⁶² Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.90.

⁷⁶³ Дробышева Н.В. Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа. Дис. ... канд. филос. наук. – Р н/Д., 2004. – С.135.

⁷⁶⁴ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С.25.

⁷⁶⁵ Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М., 1987. – С.69-70.

⁷⁶⁶ Там же. – С.69-71.

⁷⁶⁷ Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Дагестан и Закавказье. Ч.1. – М., 1977. – С.14,22.

- ⁷⁶⁸ Пешхоев С.-С. Оружие вайнахов (чеченцев и ингушей). – М., 2002. – С. 6.
- ⁷⁶⁹ Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов. // Известия Кавказского Историко-археологического института. Т. VI. – Тифлис, 1927. – С. 61.
- ⁷⁷⁰ Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т. 1. – Грозный, 1965. – С. 10.
- ⁷⁷¹ Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис, 1876. – С. 57.
- ⁷⁷² Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа. // Ставропольский Педагогический институт. Учёные записки. Некоторые вопросы кавказоведения. – Ставрополь, 1971. – С. 191-193.
- ⁷⁷³ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003. – С. 232.
- ⁷⁷⁴ Чернышев П.П. Отчет общества организаций путешествий учеников Тверской гимназии за 1911-1912 гг. Экскурсия на Кавказ под руководством директора гимназии. – Тверь, 1912. – С. 22.
- ⁷⁷⁵ Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе. – Тифлис, 1898. – С. 12.
- ⁷⁷⁶ Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко – этнографическое исследование). Дис. ... канд. ист. наук. – Грозный, 2004. – С. 165.
- ⁷⁷⁷ Соснина Е.Л. Черный алмаз. Лермонтовский сборник статей // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т. 2. – Ставрополь, 2007. – С. 342.
- ⁷⁷⁸ Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб., 1902. – С. 46.
- ⁷⁷⁹ Струков Д.П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер вел. кн. Михаил Николаевич. Очерк жизнеописания Е.И.В. – СПб., 1906. – С. 517.
- ⁷⁸⁰ Кузнецов Б. Вопросы и ответы // Военная быль. – Париж, 1969. – № 98. – С. 48.
- ⁷⁸¹ Кусаинова Е.В. Традиции кочевых племен в русском боевом искусстве // Военно-исторический журнал – М., 2008. – № 3 (575). – С. 37.
- ⁷⁸² Старинное оружие. Из собрания Государственного исторического музея. – М., 1993. – С. 6-7.
- ⁷⁸³ Гудаков В.П. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – СПб., 2007. – С. 462-463.
- ⁷⁸⁴ Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия на Кавказе в XIX – начале XX века // Военно – исторический архив. – М., 2004. – № 9(57). – С. 140-141.
- ⁷⁸⁵ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С. 150.
- ⁷⁸⁶ Арефьев Б. Солдат империи. – М., 2003. – С. 104.
- ⁷⁸⁷ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С. 23.

- ⁷⁸⁸ Тульский государственный музей оружия / Сост. Е.Е. Дроздова. – М., 2008. – С. 20.
- ⁷⁸⁹ Кавказ в сердце России. – М., 2000. – С. 162.
- ⁷⁹⁰ Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре. // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001. – С. 10.
- ⁷⁹¹ Аствацатурян Э. Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С. 152.
- ⁷⁹² Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С. 79, 81.
- ⁷⁹³ Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – М., 2005. – С. 127.
- ⁷⁹⁴ Сорокин А.Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. – СПб., 1844. – С. 3.
- ⁷⁹⁵ Арефьев Б. Солдат империи. – М., 2003. – С. 84-85.
- ⁷⁹⁶ Голицын Ю. Военные реформы в России и дефицит госбюджета // Наша власть: дела и лица. – М., 2001. – № 2 (5). – С. 61.
- ⁷⁹⁷ Литвиненко Д.В. Артиллерийская промышленность России во втор. пол. XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 10 (582). – С. 51-52.
- ⁷⁹⁸ Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36). – С. 74.
- ⁷⁹⁹ Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник СОГУ. – Владикавказ, 2008. – № 3. – С. 81.
- ⁸⁰⁰ Скиба К.В. Реформирование войск Отдельного Кавказского корпуса и казачьих частей в 1830-х гг.: к постановке вопроса // Вопросы южнорусской истории. Вып. 14. – М., Армавир, 2008. – С. 44.
- ⁸⁰¹ Ф. фон-Климан. Пятисотлетие русской артиллерии. 1389-1889. – Тифлис, 1889. – С. 29, 33.
- ⁸⁰² Мухаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. Идеологические и политические аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (кон. XVIII – перв. пол. XIX в.). – Майкоп, 2006. – С. 109-110.
- ⁸⁰³ Лапин В.В. Россия и Кавказ... С. 29.
- ⁸⁰⁴ Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т. 1. – Грозный, 1965. – С. 61.
- ⁸⁰⁵ История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С. 21.
- ⁸⁰⁶ Пешхоев С. – С.С. Оружие вайнахов (чеченцев и ингушей). – М., 2002. – С. 13, 15.
- ⁸⁰⁷ Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю императору. – СПб., 1860. – С. 196.
- ⁸⁰⁸ Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в Чечне в свете вайнахо-дагестанской хозяйственной интеграции в дореволюционном прошлом // Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы исто-

рии и современного развития. Тезисы докладов региональной научно-практической конференции. 14-16 октября 1986 г. – Махачкала, 1986. – С.30.

⁸⁰⁹ Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие. : Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С.38-39,96.

⁸¹⁰ Асхабов И. А.-Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006. – С.127-128.

⁸¹¹ Государева Оружейная палата. – СПб., 2002. – С.23.

⁸¹² ГИМ ОПИ. Ф.307. Ед.хр.8. Л.71.

⁸¹³ Чебриков С. Чеченское оружие. // Справедливость. – М., 2002. – №16-17 (117-118). – С.24.

⁸¹⁴ Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т.3. – М., 1993. – С.321.

⁸¹⁵ Екельн Л. Джекнат и Бока. Чеченская повесть // Отечественные Записки. – 1843. – Т.31. – №11. – С.5.

⁸¹⁶ Устинов А.И., Портнов М.Э., Нацваладзе Ю.А. Холодное оружие. – М., 1994. – С.34.

⁸¹⁷ Фролов Б.Е. К вопросу о разработке образца шашки и кинжала для кавказских казачьих войск. // Древности Кубани и Черноморья. Кн.1. – Краснодар, 1993. – С.146.

⁸¹⁸ Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. // Терский сборник. Вып.4. – Владикавказ, 1897. – С.11.

⁸¹⁹ Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века: протомеотская группа памятников. – М., 2007. – С.21.

⁸²⁰ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С.145.

⁸²¹ Мальсагов М.С. Наследие Таргима. Документы. Фотографии. Литературные и научные труды. В 2-х книгах. Кн.1. – М., 2007. – С.182.

⁸²² Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.30.

⁸²³ Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие. : Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004. – С.147-149,161.

⁸²⁴ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С.146.

⁸²⁵ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С.164-165.

⁸²⁶ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С.163.

⁸²⁷ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С.156,159,161.

⁸²⁸ Асхабов И.А.-Р. Чеченское оружие. – М., 2001. – С.126-129.

⁸²⁹ Асхабов И.А. – Р. Чеченское оружие. – М., 2001. – С.156-157.

⁸³⁰ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С.154-155.

⁸³¹ Ксаев А. Чечня: годы и люди. – Грозный, 2007. – С.11.

⁸³² Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственно-го Исторического музея 1936-37 гг. // Труды Государственного Исторического музея. Вып. XV. Сборник статей по истории СССР. XIX в. – М., 1941. – С.167.

⁸³³ Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в свете вайнахо-дагестанской хозяйственной интеграции в дореволюционном прошлом // «Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», регион. научно-практ. Конференция. – Махачкала, 1986. – С.30.

⁸³⁴ Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб., 1900. – С. 102.

⁸³⁵ Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в XIX веке (Промышленные и научно-промышленные выставки). Дис. ...канд. ист. наук. – Екатеринбург, 2005. – С. 124, 298.

⁸³⁶ Народы Кавказа. Каталог – указатель этнографических коллекций. – Л., 1981. – С. 24-25.

⁸³⁷ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С. 161.

⁸³⁸ Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004. – С. 146.

⁸³⁹ Семёнов Н. Туземцы Северо-восточного Кавказа. – СПб., 1895. – С. 5.

⁸⁴⁰ Кривенко В.С. Очерки Кавказа. Поездки на Кавказ осенью 1888 года. – СПб., 1893. – С. 15.

⁸⁴¹ Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911. – С. 39.

⁸⁴² Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000-2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб., 2002. – С. 79.

⁸⁴³ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С. 24.

⁸⁴⁴ История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С. 316.

⁸⁴⁵ Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000 – 2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб., 2002. – С. 78.

⁸⁴⁶ Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898. – С. 1, 3, 6, 16, 22.

⁸⁴⁷ Народная медицина Северо – Восточного Кавказа на примере Чеченской Республики / Х.М. Батаев, А.Ж. Хаджиева, З.И. Яхъяева. – Пятигорск, 2006. – С. 34.

⁸⁴⁸ Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М., 1987. – С. 57.

⁸⁴⁹ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С. 200.

⁸⁵⁰ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С. 24-25.

⁸⁵¹ Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – № 1. – С. 28.

⁸⁵² Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. – Владикавказ, 2007. – С. 338.

- ⁸⁵³ Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе. // Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн.19. – Тифлис.,1897. – С.316.
- ⁸⁵⁴ Шереметьев Д. Оружие как метафора // Звезда. – СПб.,2003. – № 9. – С.171.
- ⁸⁵⁵ Некрасова М.А. Народное искусство – культура духовная // Народные мастера. Традиции и школы. – М.,2006. – С.23.
- ⁸⁵⁶ Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа. // Ставропольский Педагогический институт. Учёные записки. Некоторые вопросы кавказоведения. – Ставрополь,1971. – С.204.
- ⁸⁵⁷ Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.28.
- ⁸⁵⁸ Дробышева Н.В. Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа. Дис. ...канд. филос. наук. – Р н/Д.,2004. – С.101-103.
- ⁸⁵⁹ Айдемиров Н.Г. Эстетическая культура народов Северного Кавказа. // Ставропольский госуниверситет. – Ставрополь,1999. – С.8.
- ⁸⁶⁰ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М.,2005. – С.519.
- ⁸⁶¹ Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М.,1987. – С.66.
- ⁸⁶² Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000-2001 гг. Краткое содержание докладов. – СПб.,2002. – С.79.
- ⁸⁶³ Федотов Г.Я. Большая энциклопедия ремесел. – М.,2008. – С.521.
- ⁸⁶⁴ Ситовский Н.Г. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875. – С.288.
- ⁸⁶⁵ Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М.,2003. – С.183.
- ⁸⁶⁶ Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.27.
- ⁸⁶⁷ Маркграф О.В. Очерки кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М.,1882. – С.250.
- ⁸⁶⁸ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный,2006. – С.608.
- ⁸⁶⁹ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М.,2001. – С.25.
- ⁸⁷⁰ Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000-2001 гг. Краткое содержание докладов. СПб.,2002. – С.79.

⁸⁷¹ Мальбахов Б.Х. Декоративно-прикладное искусство адыгов. : Дис. ...докт. искусствоведения. – Нальчик, 2004. – С.121.

⁸⁷² Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001. – С.200-201.

⁸⁷³ Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает. // Советский Северный Кавказ. – 1930. – №1. – С.29.

⁸⁷⁴ Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – С.250.

⁸⁷⁵ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.24.

⁸⁷⁶ Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882. – С.277.

⁸⁷⁷ Иваненков Н.С. Горные чеченцы. Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области. // Терский сборник. Вып.7. – Владикавказ, 1910. – С.144.

⁸⁷⁸ Шавлаева Т.М. Орнамент «древо жизни» в пигментной росписи чеченской керамики // Материалы научно – практической конференции «Наука, образование и производство», посвященной 85-летию Грозненского государственного нефтяного института им. академика М.Д. Миллионщикова. Г. Грозный, 24 декабря 2005 г. – Грозный, 2006. – С.331.

⁸⁷⁹ История Чечни (XIX в.). – Грозный, 2006. – С.316-317.

⁸⁸⁰ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.368.

⁸⁸¹ Указатель фабрик и заводов окраин. – СПб., 1895. – С.164.

⁸⁸² Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892. – С.92.

⁸⁸³ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т.П. – М., 2001. – С.25.

⁸⁸⁴ Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо – Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2001. – С.18.

⁸⁸⁵ Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев в XIX – нач. XX в. (по этнографическим материалам). // Лавровские (Среднеазиатско – кавказские) чтения 2000 – 2001 гг. Краткое содержание докладов. СПб., 2002. – С.80.

⁸⁸⁶ Пругавин В.С. Кустарь на выставке 1882 года. Очерки кустарной промышленности России по последним исследованиям частных лиц, земств, комиссий. – М., 1882. – С.47.

⁸⁸⁷ Ронин В.К. Россия на Всемирных выставках 1885 и 1894 годов // Славяноведение. – М., 1994. – № 4. – С.3.

⁸⁸⁸ Ронин В.К. Россия на Всемирных выставках 1885 и 1894 годов // Славяноведение. – М., 1994. – № 4. – С.4.

- ⁸⁸⁹ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный, 2006. – С.605.
- ⁸⁹⁰ Джапаридзе С.С. Грузия на выставках народного хозяйства в XIX в. – Тбилиси, 1985. – С.31-33.
- ⁸⁹¹ Ситовский Н. П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис, 1875. – С.175.
- ⁸⁹² ГПМ. Ф.100.1, инв.№16474/41. Л.1.
- ⁸⁹³ ГПМ. Ф.100.1, инв.№16474/42. Л.1.
- ⁸⁹⁴ ЦИАМ. Ф.227. Оп.2. Д.31. Л.49.
- ⁸⁹⁵ Ситовский Н.П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис, 1875. – С.176.
- ⁸⁹⁶ Указатель Всероссийской промышленно – художественной выставки 1882 года в Москве. – М., 1882. – С.535-536.
- ⁸⁹⁷ Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности. Т.2. Вып.1. – Тифлис, 1890.
- ⁸⁹⁸ Терская область на Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 года. // Терские ведомости. – Владикавказ, 1889. – № 98. – С.1.
- ⁸⁹⁹ Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности. Т.2. Вып.1. – Тифлис, 1890. – С.101.
- ⁹⁰⁰ Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры терских казаков. – Нальчик, 1994. – С.33.
- ⁹⁰¹ Первая Терская сельскохозяйственная выставка в городе Владикавказе. // Терские ведомости. – Владикавказ, 1898. – №113. – С.1.
- ⁹⁰² Ситовский Н.П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис, 1875. – С.176.
- ⁹⁰³ Ситовский Н. Московская Политехническая выставка 1872 года. – Тифлис, 1873. – С.15.
- ⁹⁰⁴ Ситовский Н. Письма по поводу Парижской Всемирной выставки. – Тифлис, 1867. – С.7.
- ⁹⁰⁵ Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб., 1900. – С.27-28.
- ⁹⁰⁶ Ситовский Н.П. Московская Политехническая выставка. – Б.м., Б.г. – С.17.
- ⁹⁰⁷ Кавказские произведения на Парижской выставке 1890 года. // Кавказ. – Тифлис, 1890. – №302. – С.2.
- ⁹⁰⁸ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.242-243, 247.
- ⁹⁰⁹ Указатель фабрик и заводов окраин России: царства Польского, Кавказа, Сибири и Средне-азиатского владений. Материалы для фабрично – заводской статистики / Сост. П.Л. Орлов. – СПб., 1895. – С.11, 139.
- ⁹¹⁰ Кемпинский Э.В. Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2003. – №6. – С.330.

- ⁹¹¹ Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008. – С.387,389.
- ⁹¹² Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007. – С.234.
- ⁹¹³ Желиховская В. Кавказ и Закавказье. – М., 1913. – С.4.
- ⁹¹⁴ Экскурсия на Кавказ учениц женской гимназии Э.П. Шаффе в 1910 г. – СПб., 1912. – С.53.
- ⁹¹⁵ Данилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М., 1851. С.14-15.
- ⁹¹⁶ Максимов С. Край крещеного света. Ч.IV. Русские горы и кавказские горцы. – СПб., 1866. – С.9.
- ⁹¹⁷ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 1998. – С.214.
- ⁹¹⁸ Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв.: На примере Владикавказской железной дороги. Дис. ...канд. ист. наук. – Рн/Д., 2004. – С.57.
- ⁹¹⁹ Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога – несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник. Т.1(33). – М., 2004. – С.125.
- ⁹²⁰ Исаев С.-А.А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.). Дис. ...докт. ист. наук. – М., 1998. – С.201.
- ⁹²¹ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007. – С.234-235.
- ⁹²² Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. – С.113-114.
- ⁹²³ Лапин В.В. Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. – М., 2007. – № 6. – С.86.
- ⁹²⁴ Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис, 1888. – С.249.
- ⁹²⁵ Там же. – С.254.
- ⁹²⁶ Акопян В.Н. Начальник Терской области // Армяне Ставрополя и Терека. – Пятигорск, 2007. – С.96-97.
- ⁹²⁷ Сборник сведений о Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1878. – С.33.
- ⁹²⁸ Терская область. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876. – С.58.
- ⁹²⁹ Россииков К.Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан. // Записки Кавказского ода Русского Географического общества. Т.13. №1. – Тифлис, 1884. – С.7.
- ⁹³⁰ Герсегован М. Програма для действий Кавказского отделения Русского технического общества. – Тифлис, 1868. – С.12-13.
- ⁹³¹ Чичагов В.П. Антропогенные преобразования аридных регионов: масштабы, длительность, многообразие разрушений, количественная оценка // Рельеф и человек. – М., 2007. – С.54.
- ⁹³² Ильясов Леча. Исторические области Чечни // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 8(16). – С.18.

⁹³³ Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984. – С.82.

⁹³⁴ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.382.

⁹³⁵ Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ, 1901. – С.25.

⁹³⁶ Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – XIX в.). – Махачкала, 2007. – С.223-224.

⁹³⁷ Обзор производительных сил Кавказского Наместничества за 1879 год. – Тифлис, 1880. – С.448.

⁹³⁸ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.261.

⁹³⁹ Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения. Дис. ...докт. географ. наук. – М., 2005. – С.230.

⁹⁴⁰ Мусаев М.М. История переселения и социально-экономической адаптации немцев в Дагестане 1864-1941 гг. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала, 2007. – С.69-70.

⁹⁴¹ Сборник материалов по Русско-Турецкой войне 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т.1. Вып.1. – СПб., 1904. – С.23.

⁹⁴² Хаджаминасов Т. Путевые впечатления при поездке в некоторые отдаленные горные места Терской области. – Тифлис, 1876. – С.6.

⁹⁴³ Исаев С.-А.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX века. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. – Грозный, 1979. – С.106.

⁹⁴⁴ Материалы по истории Осетии. Т.III. – Дзаужикау, 1950. – С.304.

⁹⁴⁵ Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий). // Дело. – СПб., 1884. – #1/ – С.37.

⁹⁴⁶ Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб., 1903. – С.731.

⁹⁴⁷ Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.105, 107, 122.

⁹⁴⁸ Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.106.

⁹⁴⁹ Колодий М.А. История транспортной милиции: Царицын – Сталинград – Волгоград. – Волгоград, 2007. – С.10-14.

⁹⁵⁰ Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ в истории России // Российский исторический журнал. – М., 2006. – № 1 (38). – С.39-40.

⁹⁵¹ Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. Т.1. – М.,1960. – С.357.

⁹⁵² Амангулова Р.С. Социально – экономическое развитие и политическое положение ногайцев Дагестана в XIX -начале XX века. : Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,2005. – С.81.

⁹⁵³ Шапошников Г. Почта, телеграф, телефон. // Россия в конце XIX века. – СПб.,1900. – С.744.

⁹⁵⁴ Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо – кавказское исследование). – М.,2005. – С.95.

⁹⁵⁵ Лебедев Г.Ю. Индустриально – аграрное развитие Северного Кавказа в процессе модернизации российской экономики в 90-е годы XIX в. – начало XX в. На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.179.

⁹⁵⁶ Кербец Станислав Валерианович (1810-1899) – инженер, почетный член Петербургской Академии наук (1858 г.). По национальности поляк, работал в России. Автор проектов мостов через реку Неву в Петербурге и нескольких железнодорожных мостов (Гродзичский А. Инженер – мостостроитель Станислав Кербец // Культурно – просветительская работа («Встреча»). – М.,2007. – № 7. – С.15.)

⁹⁵⁷ Об относительных выгодах различных систем внутренних сообщений. Из отчета о путешествии 1837-1838 гг. // Железнодорожный транспорт. – М.,2007. – № 9. – С.14-15.

⁹⁵⁸ Павлов В.Е. Первая Российская железная дорога массового пользования // Железнодорожный транспорт. – М.,2007. – № 9. – С.6,12.

⁹⁵⁹ Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. Анализ русского экспорта до войны... Статистический очерк. – Петроград,1922. – С.21.

⁹⁶⁰ Лаврентьев М.В. Пенитенциарная система России (кон.XIX – нач. XX вв.) и Шлиссельбургская политическая тюрьма. Дис. ...канд. юрид. Наук. – Саратов,2002. – С.162.

⁹⁶¹ Емельянова Е.В. К истории организации труда в местах лишения свободы отечественной уголовно-исполнительной системы // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сборник статей. – М.,2006. – С.9.

⁹⁶² Черчилль Уинстон. Мировой кризис: 1918-1925. – М.,2007. – 156-157.

⁹⁶³ Данилин С.А. Образ России и ее политики в англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – М.,2006. – С.56,58.

⁹⁶⁴ Крейнис З.Л. Очерки истории железных дорог. Два столетия. – М.,2007. – С.323-324.

⁹⁶⁵ Чайковский Н.И. Приборы для железнодорожного и вагонного освещения // Сборник технических отчетов экспертной комиссии выставки предметов освещения и нефтяного производства. – СПб.,1889. – С.1.

⁹⁶⁶ Шадур Л.А. Развитие вагоностроения // Железнодорожный транспорт. – М.,2007. – № 9. – С.27-28.

⁹⁶⁷ Сельский Л.А. Начало Грозненской Нефтяной Промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный,1930. – № 2. – С.23.

⁹⁶⁸ Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв.: На примере Владикавказской железной дороги. Дис. ... канд. ист. наук. – Рн/Д., 2004. – С.161.

⁹⁶⁹ Всемирная выставка. Париж, 1900 г. Русский отдел. Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской выставке 1900 г. – СПб. Б.г. – С.132.

⁹⁷⁰ Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов). // Кавказский сборник. Т.1 (33). – М., 2004. – С.111,117.

⁹⁷¹ О проекте Г. Любанского // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь, 1858. – №18. – С.131-132.

⁹⁷² Яковлев С.Ю. Создание и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе (кон. XIX – нач. XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 1999. – С.5.

⁹⁷³ О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис, 1869. – С.23.

⁹⁷⁴ Гольянов А.Л. Железнодорожное дело в период царствования Александра II // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. Вып.4. – СПб., 1998. – С.114.

⁹⁷⁵ Журавлёв В.В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромыслов на Северном Кавказе. // Очерки социально-экономической и политической истории СССР. – М., 1964. – С.226.

⁹⁷⁶ РГИА. Ф.219. Оп.1. Д.7039. Л.11.

⁹⁷⁷ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ... докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.77-79.

⁹⁷⁸ О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис, 1869. – С.3,8,33.

⁹⁷⁹ Струве Г. Материалы для изучения минеральных вод Кавказа. Отд.3. Кавказские минеральные воды. – Тифлис, 1872. – С.2.

⁹⁸⁰ Овсянников Г.М. История железных дорог на Кубани: история Краснодарского отделения Северо-Кавказской железной дороги. – Краснодар, 2008. – С.8.

⁹⁸¹ Сборник сведений о железных дорогах в России. 1870-1872. Отд. II. Разные сведения о железных дорогах. – СПб., 1875. – С.99.

⁹⁸² Константинов О.А. Северный Кавказ (Северо-Кавказский край и Дагестан). – М., Л. 1930. – С.8.

⁹⁸³ Казбеков Г.В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860-1940). – Орджоникидзе, 1963. – С.8.

⁹⁸⁴ Аванесян А.А. Железнодорожное строительство на Северном Кавказе в 70-е годы XIX в. // Молодая наука – 2007: Материалы региональной межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Часть VI. – Пятигорск, 2007. – С.118.

⁹⁸⁵ Пушкирев С.Г. Россия в XIX веке (1801-1914). – Нью – Йорк, 1956. – С.248.

⁹⁸⁶ Страхов В.В. Использование внутренних государственных займов в Российской империи // Преподаватель XXI век. – М., 2006. – № 4. – С.33.

⁹⁸⁷ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. – М., 1952. – С.65.

⁹⁸⁸ Всеподданейший отчёт наместника Кавказского по Гражданскому Управлению Кавказским и Закавказским краем. 1863-1871. – СПб., 1872. – С.33.

⁹⁸⁹ Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона : вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. ...канд. ист. наук. – Р н /Д., 2004. – С.121.

⁹⁹⁰ Страхов В.В. Внутренние государственные займы Российской империи // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. – Вып.8. – М., Волгоград, 2006. – С.122.

⁹⁹¹ Царуева А.С. Основные направления эволюции промышленного производства России в XIX в. Дис. ...канд. экон. наук. – Владикавказ, 2005. – С.41.

⁹⁹² Терещенко А.Г. Немцы в борьбе России за Кавказ. – М., 2006. – С.266.

⁹⁹³ Сидоренко В. Последний царский министр // Дон. – Р н/Д., 2004. – № 11. – С.162.

⁹⁹⁴ Есаулов Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: Его формирование и культурный потенциал. Т.1. Дис. ...докт. арх. наук. – М., 2004. – С.326.

⁹⁹⁵ Харин Ю.Г. Влияние Владикавказской железной дороги на развитие экономики Северо-Кавказского региона в конце XIX – нач. XX вв. // История Северного Кавказа с древнейших времён по настоящее время. Пятигорск, 2000. – С.253.

⁹⁹⁶ Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006. – С.164.

⁹⁹⁷ Тестов В.Н. Политика российского правительства в области железнодорожного транспорта в 80-90-е годы XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – Воронеж, 2004. – С.131-135.

⁹⁹⁸ Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (допролетарский период). – Р н/Д., 1990. – С.18, 31.

⁹⁹⁹ Цит. по: Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. ...канд. ист. наук. – Р н /Д., 2004. – С.124.

¹⁰⁰⁰ Сидоренко В.Т. Выбранные места из истории Северо-Кавказской железной дороги. – Р н/Д., 2002. – С.33-34.

¹⁰⁰¹ Журавлёв В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1964. – С.7.

¹⁰⁰² Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. ...канд. ист. наук. – Р н/Д., 2004. – С.169, 172.

¹⁰⁰³ Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв.: На примере Владикавказской железной дороги. Дис. ...канд. ист. наук. – Р н/Д., 2004. – С.128.

- ¹⁰⁰⁴ Литвинов М. окраины России. Военно-географические очерки. Вып.1. Кавказ. – СПб.,1884. – С.35-36.
- ¹⁰⁰⁵ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.,2007. – С.236,238.
- ¹⁰⁰⁶ «Зеркало Кавказа». Альбом. – М.,1902. – С.12.
- ¹⁰⁰⁷ Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв.: На примере Владикавказской железной дороги. Р н/Д.,2004. – С.127.
- ¹⁰⁰⁸ Сидоренко В. Последний царский министр // Дон. – Р н /Д.,2004. – № 11. – С.154.
- ¹⁰⁰⁹ Кодзоев Н.Д. Город Назрань: исторический очерк. – Магас,2006. – С.138.
- ¹⁰¹⁰ Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860-1917): к проблеме становления и развития капиталистических отношений. Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала,2006. – С.138-139.
- ¹⁰¹¹ Тахнаева П. Махачкала. История другого города. – Махачкала,2007. – С.57-58.
- ¹⁰¹² История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1. История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный,2006. – С.623.
- ¹⁰¹³ Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон. XIX – нач. XX в.). Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,1998. – С.31.
- ¹⁰¹⁴ Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный,1989. – С.12.
- ¹⁰¹⁵ Айларов В.Д. Революционное и социально-демократическое движение в Северной Осетии в период империализма (90-е годы XIX в. – окт.1917 г.) Автор... канд. ист. наук. – Нальчик,1977. – С.6.
- ¹⁰¹⁶ Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д.,1990. – С.128.
- ¹⁰¹⁷ Кокурхаев К.-С., А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол. XIX-нач. XX в.). – Грозный,1989. – С.20.
- ¹⁰¹⁸ Максимов Е. Чеченцы. // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ,1892. – С.18.
- ¹⁰¹⁹ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.90.
- ¹⁰²⁰ Ваксман А.А. Записки краеведа. Грозный,1984. – С.23.
- ¹⁰²¹ Афанасьев А.И. Начало большого пути. – Грозный,1970. – С.10.
- ¹⁰²² Чеченцы: история и современность. – М.,1996. – С.211.
- ¹⁰²³ Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма виришь. – М.,1981. – С.54.
- ¹⁰²⁴ ОР РГБ Ф.363. К.5. Д.5. Л.30.
- ¹⁰²⁵ Указатель кратчайших и удобнейших железнодорожных маршрутов от С.-Петербурга и обратно. – СПб.,1909. – С.87.

¹⁰²⁶ Железнодорожный отдел // Весь Кавказ и Донская область на 1908 год. Первый торговый справочник-альманах. – Р н/Д.,1907. – С.ХІ.

¹⁰²⁷ Крушеван А.П. Что такое Россия. Путевые заметки. – М.,1900. – С.75.; Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М.,2008. – С.86-87.

¹⁰²⁸ Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон. XIX – нач. XX в.). – Махачкала,1998. С.39.

¹⁰²⁹ Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона : вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. ...канд. ист наук. – Р н /Д.,2004. – С.54.

¹⁰³⁰ ПСЗ РИ. Собр.2-е. Т.50. Отд.2. (1875). – СПб.,1877. – С.307.

¹⁰³¹ Сенин А.С. Государственная служба в России: история и современность. – Одиноцово,2007. – С.22.

¹⁰³² Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900. – С.33,64.

¹⁰³³ Там же. – С.20.

¹⁰³⁴ Алексанов И. Северный Кавказ. Экономические очерки из жизни края. // Вестник Европы. Т.6. Кн.11. – СПб.,1899. – С.116.

¹⁰³⁵ Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон. XIX – нач. XX в.). Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,1998. – С.39.

¹⁰³⁶ Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала,1976. – С.197.

¹⁰³⁷ Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX веке (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик,1962. – С.142.

¹⁰³⁸ Герсегонов М.Н. Кавказские железные дороги. – М.,1874. – С.10.

¹⁰³⁹ Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год. – Владикавказ,1901. – С.100.

¹⁰⁴⁰ Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области. // Терский сборник. Вып.4. – Владикавказ,1897. – С.9.

¹⁰⁴¹ Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.І. – Владикавказ,1878.

¹⁰⁴² Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ,1886.

¹⁰⁴³ Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Хлебная производительность и торговля. – СПб.,1892. – С.2.

- ¹⁰⁴⁴ Денискин В.И. Зерновое хозяйство Терских казаков во второй половине XIX века. // ЧИНИИ ИЯЛ. Т.9. Ч.3. Вып.1. Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1974. – С.80.
- ¹⁰⁴⁵ Яковлев С.Ю. Создание и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе (кон. XIX – нач. XX в.). Дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 1999. – С.50.
- ¹⁰⁴⁶ Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.). Пятигорск, 2003. – С.38.
- ¹⁰⁴⁷ Журавлёв В.В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромыслов на Северном Кавказе. // Очерки социально-экономической и политической истории СССР. – М., 1964. – С.230.
- ¹⁰⁴⁸ Шабаньянц Н.Ш. Грозный. М., 1964. – С.14 -15.
- ¹⁰⁴⁹ Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период. // Исторические записки. Т.73. – М., 1963. – С.296.
- ¹⁰⁵⁰ Тахнаева П. Махачкала. История другого города. – Махачкала, 2007. – С.63.
- ¹⁰⁵¹ Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860-1917): к проблеме становления и развития капиталистических отношений. Дис. ... докт. ист. наук. – Махачкала, 2006. – С.144.
- ¹⁰⁵² Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века: К проблеме развития капитализма вширь. – М., 1981. – С.102.
- ¹⁰⁵³ Дмитриев Е.В. Становление железнодорожной инфраструктуры в контексте экономического развития Ставрополя во второй половине XIX – начале XX вв. // Российская и зарубежная история: социально-экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып. VIII. Часть I. / Под общей ред. В.П. Ермакова. – Пятигорск, 2007. – С.72.
- ¹⁰⁵⁴ Журавлёв В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма. Автореф. дис. .... канд. ист. наук. – М., 1964. – С.5.
- ¹⁰⁵⁵ Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. ... канд. ист. наук. – Рн/Д., 2004. – С.167.
- ¹⁰⁵⁶ Пушкаренко А.А. Природоохранная деятельность в Области Войска Донского во второй половине XIX – начале XX вв. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – С.12.
- ¹⁰⁵⁷ Дохова В.В. Экологическая культура как модификационный процесс традиционных национальных культур // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004. – С.43.
- ¹⁰⁵⁸ Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России. Дис. ... канд. ист. наук. – Махачкала, 1981. – С.76.
- ¹⁰⁵⁹ Город Моздок: Исторический очерк. – Владикавказ, 1995. – С.84.
- ¹⁰⁶⁰ Чеченцы: история и современность. – М., 1996. – С.202.
- ¹⁰⁶¹ Кривенко В.С. Поездка на юг России в 1888 году. // Исторический вестник. Кн.1. – СПб., 1891. – С.150.

¹⁰⁶² Краснов А.Н. Отчёт физико-математическому факультету о совершаемых студентами Харьковского университета научно-педагогических, географических экскурсий по Военно-Осетинской дороге. // Записки императорского Харьковского университета. Кн.3. – Харьков, 1896. – С.1-3.

¹⁰⁶³ Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: этно-демографическая и социально-экономическая эволюция (1861-1917 г.). Дис. ...докт. ист. наук. – Славянск-на-Кубани, 2006. – С.347.

¹⁰⁶⁴ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.425.

¹⁰⁶⁵ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Т.52. Кавказский край. – СПб., 1903. – С. 730.

¹⁰⁶⁶ Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон. XIX – нач. XX в.). – М., 1994. – С.98.

¹⁰⁶⁷ Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа. // СОНИИ. Известия. Т.25. Орджоникидзе, 1966. – С.97.

¹⁰⁶⁸ Шперлинг В. Строить железную дорогу, создавать имперское пространство: «местность», «край», «Россия», «империя» как политические аргументы в пореформенной России // Ab Imperio. – Казань, 2006. – № 2. – С. 110, 133.

¹⁰⁶⁹ Карта Терской области с показанием местностей, тяготеющих к двум направлениям Владикавказской железной дороги. – Б.м., 1870. – С.1.

¹⁰⁷⁰ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 гг. в России. – М., 1952. – С.119.

¹⁰⁷¹ Военная энциклопедия. Т.4. – СПб., 1911. М., 2001. – С.426-427.

¹⁰⁷² Елютин О.Н. Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России. 1830-е – 1880-е гг. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2000. – С.167.

¹⁰⁷³ Мартыненко И.В. Служба военных сообщений в Русско-турецкой войне (1877-78 гг.) // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 3. – С.74-75.

¹⁰⁷⁴ Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (последняя треть XIX – начало XX вв.). Пятигорск, 2003. – С.39,90.

¹⁰⁷⁵ Кемпинский Э.В. Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2003. – №6. – С.324.

¹⁰⁷⁶ Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо-кавказское исследование). – М., 2005. – С.93,95.

¹⁰⁷⁷ Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо-Кавказского региона : вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги). Дис. ...канд. ист. наук. – Р н/Д., 2004. – С.89,98.

¹⁰⁷⁸ Недорубов А.Н. Железные дороги юга России в начале XX века. Государство и частный капитал. Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2003. – С.160-164, 173.

- ¹⁰⁷⁹ Сидоренко В.Т. Выбранные места из истории Северо-Кавказской железной дороги. – Р н/ Д.,2002. – С.148,150.
- ¹⁰⁸⁰ Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в конце XIX – нач.XX в.: к проблеме аграрного капитализма. – Р н/Д.,1989. – С.179.
- ¹⁰⁸¹ Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир,2002. – С.104.
- ¹⁰⁸² Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. – М., 2008. – С.133-134.
- ¹⁰⁸³ Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – М.,2006. – С.78.
- ¹⁰⁸⁴ Гелаева З.А. Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв. Дис. ...канд. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.125.
- ¹⁰⁸⁵ Ицхак Д. История евреев на Кавказе. В 2-х т. Т.1. – Тель – Авив,1989. – С.226.
- ¹⁰⁸⁶ Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М.,2002. – С.42.
- ¹⁰⁸⁷ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. – М.,1997. – С.251.
- ¹⁰⁸⁸ Природа Этнорелигиозного терроризма. – М.,2008. – С.32.
- ¹⁰⁸⁹ Гайдабуря И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – начало XX вв.). Дис. ...канд. ист. наук. – Краснодар,2007. – С.53.
- ¹⁰⁹⁰ Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.,2007. – С.230-231.
- ¹⁰⁹¹ Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М.,2003. – С.251.
- ¹⁰⁹² Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.54.
- ¹⁰⁹³ Федорова О. Франц Рубо. – М.,1982. – С.19.
- ¹⁰⁹⁴ Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол.XVIII – 40 г.XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.160.
- ¹⁰⁹⁵ РГВИА. Ф.644. Оп.1. Д.25. Л.3.
- ¹⁰⁹⁶ Арефьев Б. Солдат империи. – М.,2003. – С.87.
- ¹⁰⁹⁷ Шигабуудинов Д.М. Россия и Северо – Восточный Кавказ в 20-50 гг. XIX века (Проблемы и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев против царизма). Дис. ...докт. ист. наук. – Махачкала,2004. – С.198.
- ¹⁰⁹⁸ Записки А.П. Ермолова. 1798 – 1826 гг. / Сост. В.А. Федорова. – М.,1991. – С.305,421.
- ¹⁰⁹⁹ М.В. Ломоносов. Первые основания горной науки. – М.,2008. – С.259.

¹¹⁰⁰ Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол. XVIII – 40 г. XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе, 1966. – С.166.

¹¹⁰¹ Томашевский В. Внутренние водные и шоссейные пути Кавказа. – СПб., 1888. – С.13.

¹¹⁰² Гранкин Ю.Ю. Кизляр – политический и экономический центр Северо-Восточного Кавказа в XVIII веке // Российская история: актуальные вопросы (общенациональный и региональный аспекты). Ученые записки. Вып.2. – Пятигорск, 2003. – С.140-141.

¹¹⁰³ Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб., 1913. – С.103.

¹¹⁰⁴ Османов М.О. Обмен и торговля в Дагестане в XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3. – С.62.

¹¹⁰⁵ Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. – Армавир, 2001. – С.85,88.

¹¹⁰⁶ Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем...». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007. – С.294.

¹¹⁰⁷ Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в первой половине XIX века. Дис. ...канд. ист. наук. – СПб., 2003. – 142,151.

¹¹⁰⁸ Айбатов М.М. Государственно-правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.): монография. – М., 2006. – С.156.

¹¹⁰⁹ Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. ...канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006. – С.58.

¹¹¹⁰ Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.53.

¹¹¹¹ Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783-1816 гг. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. – Армавир, 2006. – С.257.

¹¹¹² Гапуров Ш. А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (Страницы хроники русско-горской трагедии XIX века): Монография. – Нальчик, 2007. – С.24.

¹¹¹³ Огранович И. Поездка в Ичкериию // Кавказ. – Тифлис, 1866. – №23. – С.101.

¹¹¹⁴ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.). Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С.112.

¹¹¹⁵ Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – СПб., 1859. – Т.7. – №6. – С.543.

¹¹¹⁶ Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев. Дис. ...канд. юрид. наук. – Махачкала, 2006. – С.160,167.

¹¹¹⁷ Кузьминов П.А. Отечественная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1988.

¹¹¹⁸ Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный, 1960. – С.3.

¹¹¹⁹ Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М., 1960. – С.63.

¹¹²⁰ Ратушняк В.Н. Формирование аграрно-капиталистического рынка Северного Кавказа в конце XIX – начале XX вв. // Аграрный рынок в его историческом развитии. Тезисы докладов и сообщений. – М., 1991. – С.94-95.

¹¹²¹ Ортабаев Б.Х. Развитие торговли в Терской области в кон. XIX – нач. XX вв. (1890-1917). // Проблемы социально-экономической истории и революционное движение на Дону и Северном Кавказе. (XIX– нач.XX вв.). – Р н/Д., 1992. – С.102-103.

¹¹²² Евреинов Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политических программ. – СПб., 1908. – С.105.

¹¹²³ Карапкова О.Г. Разработка и реализация столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1911 гг.). Дис. ...канд. ист. наук. – М., 2007. – С.108-110.

¹¹²⁴ Николаев Э.А. Культурно – исторические трансформации православия и ислама в общественном дискурсе России (XIX – XXI вв.). Дис. ...докт. ист. наук. – Улан – дэ, 2006. – С.224.

¹¹²⁵ К вопросу о переселенческом движении туземцев Терской области. // Донская речь. – Р н/Д., 1902. – №10. – С.1.

¹¹²⁶ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.429.

¹¹²⁷ ГАСК. Ф.459. Оп.1. Д.1448. Л.1.

¹¹²⁸ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.433.

¹¹²⁹ Ахмадов Я.З., Хасмагомадов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005. – С.482-483.

¹¹³⁰ РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1115. Л.28.

¹¹³¹ Властов. Война в Большой Чечне. //Русский инвалид. – 1856. – №160. – С.715.

¹¹³² РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.303. Л.10.

¹¹³³ Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ, 1992. – С.89.

¹¹³⁴ Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X – XV вв. в отечественной исторической науке. – Черкесск, 1992. – С.39-40.

¹¹³⁵ Статистический ежегодник. // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ, 1891. – С.64.

¹¹³⁶ Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984. – С.81.

¹¹³⁷ Грозненские известия // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – №18. – С.1.

- ¹¹³⁸ Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып.1. – Владикавказ,1878. – С.91.
- ¹¹³⁹ Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол.XVIII – 40 г. XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе,1966. – С.162.
- ¹¹⁴⁰ Ткачёв Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып.1. – Владикавказ,1911. – С.69-70.
- ¹¹⁴¹ Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII -XIX в. – Тбилиси,1988. – С.377.
- ¹¹⁴² Ахвледиани Б. Торговля в Чечне в прошлом и настоящем. // Северокавказский край. – Р н/Д.,1925. – №1. – С.166.
- ¹¹⁴³ Зинченко Г.Г. Современная советская историография развития промышленности в период капитализма. – Р н/Д.,1980. – С.23.
- ¹¹⁴⁴ Министерство финансов. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1896. – С.40,52.
- ¹¹⁴⁵ Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии. // Из истории дореволюционного Дагестана. – Махачкала,1976. – С.201.
- ¹¹⁴⁶ Из города Грозного // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – №28. – С.2.
- ¹¹⁴⁷ РГВИА. Ф.970. Оп.3. Д.1115. Л.26 об.
- ¹¹⁴⁸ Город Грозный. Популярны очерки истории. – Грозный,1984. – С.43.
- ¹¹⁴⁹ Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). – Грозный,1965. – С.17.
- ¹¹⁵⁰ Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905 –1917). Дис. ... канд. ист. наук. – Екатеринбург,1996. – С.40.
- ¹¹⁵¹ Мамакаев М.А. Правовой институт тайпизма и процесс его разложения. – Грозный,1936. – С.14.
- ¹¹⁵² Мамакаев М.А. Чеченский тайп и процесс его разложения. – Грозный,1962. – С.36.
- ¹¹⁵³ Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). – Нальчик,1965. – С.45.
- ¹¹⁵⁴ Общие правила ветеринарного надзора и порядка передвижения скота // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь,1890. – Приложение к №28. – С.25-26.
- ¹¹⁵⁵ Журналы Особого совещания в г. Владикавказе для пересмотра действующих правил о передвижении скота. – Владикавказ,1895. – С.39.
- ¹¹⁵⁶ Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани. Дис. ...канд. ист. наук. – Пятигорск,2005. – С.100-103.
- ¹¹⁵⁷ Огранович И. Поездка в Ичкериию // Кавказ. – Тифлис,1866. – №22. – С.97.
- ¹¹⁵⁸ Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX в.). // Кавказский этнографический сборник. Т.IX . Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М.,1989. – С.166-67.

- ¹¹⁵⁹ Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России. // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный, 1960. – С.17.
- ¹¹⁶⁰ Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. – Тбилиси, 1988. – С.383.
- ¹¹⁶¹ Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895. – С.10.
- ¹¹⁶² Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984. – С.78.
- ¹¹⁶³ Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д., 1989. – С.179.
- ¹¹⁶⁴ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. С.18.
- ¹¹⁶⁵ Ахвледиани Б. Торговля в Чечне в прошлом и настоящем. // Северокавказский край. – №1. – Р н /Д., 1925. – С.169.
- ¹¹⁶⁶ Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол. XVIII – 40 г. XIX в.). // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе, 1966. – С.162.
- ¹¹⁶⁷ Калоев Б.А. Чеченцы. // Народы мира. Народы Кавказа. Т.1. – М., 1960. – С.360.
- ¹¹⁶⁸ Всемирная Колумбова выставка 1893 года в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб., 1893. – С.196.
- ¹¹⁶⁹ Крикунов В.П. Социально-экономическое развитие и революционное движение на Дону и Северном Кавказе в 60-х годов – перв. пол. 90-х годов XIX века. – Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1973. – С.16.
- ¹¹⁷⁰ Булгаков М.Б. Экономические взаимосвязи народов. // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003. – С.148.
- ¹¹⁷¹ Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный, 1989. – С.8.
- ¹¹⁷² Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М., 2000. – С.433-434.
- ¹¹⁷³ Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный, 1989. – С.10.
- ¹¹⁷⁴ Hahn C. Neue kaukasisch Reisen und Studien. – Leipzig, 1911. – S.76.
- ¹¹⁷⁵ Терская область. // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876. – С.58.
- ¹¹⁷⁶ Город Грозный. Популярны очерки истории. – Грозный, 1984. – С.43.
- ¹¹⁷⁷ История Ингушетии: Материалы. – Орджоникидзе, 1933. – С.93.
- ¹¹⁷⁸ Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времён. Т. II. – М., 2001. – С.27.
- ¹¹⁷⁹ Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896. – С.13.

¹¹⁸⁰ Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в конце XIX – начала XX вв. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – нач. XX в. (проблемы социально-экономического развития). – Ставрополь, 1980. – С.60.

¹¹⁸¹ Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный, 1972. – С.229.

¹¹⁸² Борчашвили Э.А. Социально – экономические отношения в Чечено – Ингушетии в XVIII – XIX в. Дис. ...докт. ист. наук. – Тбилиси, 1988. – С.381,389.

¹¹⁸³ Гапуров Ш.А. Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XIX в. Дис. ...докт. ист. наук. – М., 2004. – С.433.

¹¹⁸⁴ Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.) Дис. ...докт. ист. наук. – Пятигорск, 2005. – С. 45,413-414.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ К СЕРИИ “ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ”

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Архив внешней политики Российской империи. Историко-документальный департамент МИД РФ (далее АВПРИ).

АВПРИ. Ф.144. Персидский стол. Оп.488.

Д.134,1898 г.;

Д.201,1898 г.;

Д.346,1863 г.;

Д.416, 1882 г.;

Д.417, 1884 г.;

Д.418, 1896-1907,1910 гг.;

Д.1907,1862 г.;

Д.3027,1868 г.

АВПРИ. Ф.149. Турецкий стол (старый). Оп.502 (а).

Д.4462,1870 г.;

Д.4468,1861-70 гг.

АВПРИ. Ф.149. Турецкий стол (новый). Оп.502 (б).

Д.2406,1902 г.;

Д.2419,1897-98 гг.;

Д.2431,1901 г.;

Д.2444,1905 г.;

Д.2448, 1907 г.;

Д.2451,1910 г.;

Д.7659;

Д.3419,1898-1899.

АВПРИ. Ф.161/4. Азиатский департамент. Оп.729/2.

Д.6, 1856-58 гг.

АВПРИ. Ф.180. Посольство в Константинополе. Оп.517/2.

Д.627,1870 г.;

Д.2564,1865 г.;

Д.2565, 1866 г.;
Д.2570, 1871 г.;
Д.5084, 1891-1913 гг.;
Д.5085, 1893-1902 гг.

Архив Востоковедов Санкт-Петербургского филиала Института Востоковедения РАН (далее АВ СПб. ФИВ РАН.).

АВ СПб. ФИВ РАН. Разр. II. Оп. 2.
Д. 14; Д. 25.

Архив Российской Академии наук (далее АРАН).

АРАН. Ф. 624. Личный фонд член-корреспондента РАН С. В. Бахрушина. Оп. 1. Д. 181.

Архив Российского этнографического музея (далее А РЭМ).

А РЭМ. Ф. 1. Оп. 2.
Д. 183;
Д. 234;
Д. 303.

А РЭМ. Ф. 2. Оп. 2.
Д. 339.

А РЭМ. Ф. 5. Оп. 1.
Д. 1.

Государственный архив РФ (далее ГА РФ).

ГА РФ. Ф. 109. Третье отделение собственной его Императорского Величества

Канцелярии. 1826 - 1880 гг. 1 экспедиция.
Д. 8 ч. 2.

ГА РФ. Ф. 109. 4 экз.

Д.255.

ГА РФ. Ф.569. Фонд М.Т. Лорис – Меликова. Оп.1.

Д.117;

Д.127;

Д.135.

ГА РФ. Ф.649. Фонд Романова Михаила Николаевича (1832-1909 гг.), сына Николая I, наместника на Кавказе. 1745-1915 гг. Оп.1.

Д.156;

Д.231;

Д.603.

ГА РФ. Ф.677. Фонд Александра III (1845-1894 гг.). 1845-1896 гг. Оп.1.

Д.498;

Д.511;

Д.517.

ГА РФ. Ф.678. Фонд Александра II (1818-1881 гг.). 1825-1899 гг. Оп.1.

Д.680;

Д.682;

Д.687.

ГА РФ. Ф.730. Фонд Игнатьева Николая Павловича (1832-1908 гг.), директора Азиатского департамента МИД, посла в Турции. 1623-1918 гг. Оп.1. Д.501.

Государственный архив Ставропольского края (далее ГАСК).

ГАСК. Ф.73. Ставропольская гимназия. Оп.1.

Д.447;

Д.897.

ГАСК. Ф.73. Оп.2.

Д.478.

ГАСК. Ф.80. Ставропольский губернский статистический комитет.
Оп.1.

Д.15.

ГАСК. Ф.302. Ставропольская контрольная палата. Оп.1.

Д.116;

Д.660.

ГАСК. Ф.459. Ставропольская казенная палата. Оп.1.

Д.1448.

Государственный исторический музей. Отдел письменных источников (далее ГИМ ОПИ).

ГИМ ОПИ. Ф.155. Коллекция по истории армии и флота.

Ед. хр. 122.

ГИМ ОПИ. Ф.208. Фонд Черняева М.Г.

Ед. хр.13.

ГИМ ОПИ. Ф.254. Фонд Н.Н. Муравьёва-Карского (1794-1866 гг.).

Ед. хр. 321.

ГИМ ОПИ. Ф.307. Фонд М.Н. Романова.

Ед. хр. 8;

Ед. хр. 9.

ГИМ ОПИ. Ф.371. Фонд А.П. Зайцева, директора учебных учреждений Терской области.

Ед. хр. 1.

ГИМ ОПИ. Ф.372. Фонд Я.М. Неверова, попечителя Кавказского учебного округа

Ед.хр.15.

ГИМ ОПИ. Ф.437.

Ед. хр.2.

ГИМ ОПИ. Ф.451. Фонд В.Ф. Миллера.

Ед. хр. 1.

Государственный Политехнический музей (архивное отделение, далее ГПМ).

ГПМ. Ф.100.1. Фонд Политехнической выставки 1872 г.

Инв.№ 16174/41;

Инв.№16474/42.

Государственный Центральный музей современной истории России (далее ГЦМСИР).

ГЦМСИР А № 21 804.

Музей антропологии и этнографии им. П. Великого РАН. Отдел Кавказа (далее МАЭ РАН ОК).

МАЭ РАН ОК. Ф.121-105.

МАЭ РАН ОК. Ф.136-22.

МАЭ РАН ОК. Ф.1403-23.

Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее ОР РГБ).

ОР РГБ. Ф.169. Фонд Д.А. Милютин. К.44.

Д.33.

ОР РГБ. Ф.169. К.59.

Д.9.

ОР РГБ. Ф.169. К.65.

Д.9;

Д.10.

ОР РГБ. Ф.169. К.74.

Д.53.

ОР РГБ. Ф.363. Фонд М.И. Венюкова. К.1.

Д.14.

ОР РГБ. Ф.363. К.5.

Д.5.

Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее ОР РНБ).

ОР РНБ. Ф.175. Фонд В.А. Геймана (1823-1878 гг.), генерал-лейтенанта, участника войны на Кавказе. Оп.1.

Д.3;

Д.13.

ОР РНБ. Ф.520. Фонд М.М. и Б.М. Никольских. Оп.1.

Д.374.

ОР РНБ. Ф.874. Фонд А.И. Фаресова. Оп.2. Д.299.

Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Аббаева Владикавказского научного центра РАН и Правительства Республики Северной Осетии – Алании (далее ОРФ СОИГСИ).

ОРФ СОИГСИ. Ф.1. Оп.1. Кн.1.

Д.8;

Д.43;

Д.46;

Д.49;

Д.56;

Д.89;

Д.93;

Д.177;

Д.221;

Д.278.

ОРФ СОИГСИ. Ф.2. Оп.1.

Д.16.

ОРФ СОИГСИ. Ф.16. Оп.1.

Д.13.

ОРФ СОИГСИ. Ф.17. Оп.1.

Д.4;

Д.5;

Д.6;

Д.11;

Д.13;

Д.14;

Д.15;

Д.16;

Д.18;

Д.19;

Д.21.

ОРФ СОИГСИ. Ф.33. Фонд Г.А. Кокиева. Оп.1.

Д.1;

Д.245;

Д.260.

ОРФ СОИГСИ. Ф.37. Фонд Б.В. Скитского. Оп.1.

Д.42;

Д.53;

Д.56;

Д.62;

Д.77.

ОРФ СОИГСИ. Ф.49. Фонд А.А. Гассиева. Оп.1. Д.4.

Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА).

РГАДА. Ф.1274. Фонд Паниных – Блудовых (1768-1901 гг.). Оп.1.

Д.868.

РГАДА. Ф.1295. Канцелярия Главного директора межевого корпуса и управление межевой частью Министерства юстиции (1832-1918). Оп.8. ч.II.

Д.4820.

РГАДА. Ф.1354. Планы дач генерального специального межевания 1765-1917 гг. (коллекция). Оп.1274.

Д. А-4; Д. А-5; Д. А-7; Д. А-8; Д. А-9; Д. А-10; Д. А-11; Д. А-12; Д. А-13; Д. Б-5; Д. Б-6; Д.-7; Д. Б-8; Д. Г-1; Д. Г-3; Д. Г-4; Д. Г-5; Д. Д-2; Д. Д-3; Д. Д-4; Д. И-1; Д. И-2; Д. К.-2; Д. К-3; Д. К-4; Д. М-1; Д. М-2; Д. М-3; Д. М-4; Д. М-5; Д. М-6; Д. Н-6; Д. О-1; Д. О-2; Д. Т-3; Д. Т-4; Д. Т-5; Д. У-1; Д. Х-1; Д. Х-2; Д. Х-3; Д. Х-4; Д. Ц-1; Д. Ч-2; Д. Ч-3; Д. Ч-4; Д. Ш-1; Д. Э-2; Д. Э-3.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1276.

Д. А-13;

Д. Т-4.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1277.

Д. М-1.

РГАДА. Ф.1354. Оп.1278.

Д. М-1;

Д. Ц-1.

Российский государственный архив кинофотодокументов (далее РГА КФД).

РГА КФД. Ал.568.

Мн.4.5.8.

Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ).

РГАЛИ. Ф.46. Фонд П.И. Бартенева. Оп.2.

Д.359;

Д.369.

РГАЛИ. Ф.191. Фонд П.А Ефремова. Оп.1.
Д.2432.

РГАЛИ. Ф.195. Фонд П.А. Вяземского. Оп.1.
Д.5313.

РГАЛИ. Ф.1337. Коллекция мемуаров. Оп.1.
Д.235.

РГАЛИ. Ф.1440. Фонд И.А. Данилина. Оп.1.
Д.384.

**Российский государственный военно-исторический архив
(далее РГВИА).**

РГВИА. Ф.ВУА. Военно-учётный архив.
Д.6716;
Д.20 579;
Д.20 595;
Д. 20 609.

РГВИА. Ф.55. Оп.1.
Д.140.

РГВИА. Ф.330. Главное управление казачьих войск. Оп.7.
Д.195.

РГВИА. Ф.330. Оп.9.
Д.205.

РГВИА. Ф.330. Оп.11.
Д.32.

РГВИА. Ф.400. Главный Штаб. Оп.17.
Д.20 915;
Д. 22 258;
Д. 29 276.

РГВИА. Ф.414. Статистические, экономические, этнографические сведения о Российской империи. Оп.1.

Д. 303 (3);

Д. 305 (1);

Д. 305 (2).

РГВИА. Ф.485. Русско – Турецкая война 1877-78 гг. Оп.1.

Д. 94 (I);

Д. 117;

Д.152;

Д. 153;

Д. 154.

РГВИА. Ф.644. Командующий войсками Терской области. Оп.1.

Д. 25;

Д. 57;

Д. 101;

Д. 102;

Д. 103;

Д. 105;

Д. 117.

РГВИА. Ф.970. Военно-походная канцелярия Е.И.В. Оп.2.

Д.1925;

Д. 2205.

РГВИА. Ф.970. Оп.3.

Д.195;

Д. 1115;

Д. 1381;

Д.1925;

Д. 2185.

РГВИА. Ф.1329. Войсковое правление Терского казачьего войска. Оп.1.

Д.12.

РГВИА. Ф.2067. Штаб главнокомандующего армиями Юго-Западного фронта. Оп.2.

Д.985 ч.3;

Д. 987 ч.3.

РГВИА. Ф.3640. Чеченский конный полк (1914-1918 гг.). Оп.1.
Д.14.

РГВИА. Ф.14 257. Штаб командующего войсками. Оп. 3.
Д. 389;
Д.538.
Д. 590.

РГВИА. Ф.14 505. Чеченский Конно-Иррегулярный полк. Оп.1.
Д. 1;
Д. 2;
Д. 3;
Д. 5;
Д. 6;
Д. 7;
Д.14;
Д. 21.

РГВИА. Ф.14 505. Оп.3.
Д. 25.

РГВИА. Ф.14 719. Генеральный Штаб. Оп.3.
Д. 756.

РГВИА. Ф.16 096. Списки, истории болезней. Оп.1.
Д. 18.

**Российский государственный исторический архив (далее
РГИА).**

РГИА. Ф.200. Оп.1.
Д. 1430.

РГИА. Ф.219. Оп.1.
Д.7039.

РГИА. Ф.268. Оп.3.

Д. 480.

РГИА. Ф.485. Оп.1.

Д.108.

РГИА. Ф.547. Придворная контора великого князя Михаила Николаевича (1834-1910 гг.). Оп.2.

Д. 1300.

РГИА. Ф.565. Департамент государственного казначейства. Оп.1.

Д.4398.

РГИА. Ф.565. Оп.2.

Д. 6680;

Д.6875;

Д. 7587;

Д. 8023.

РГИА. Ф.573. Оп.6.

Д.7608.

РГИА. Ф.733. Оп.193.

Д. 381.

РГИА. Ф.821. Оп.8.

Д.712;

Д. 791.

РГИА. Ф.866. Фонд М.Т. Лорис – Меликова (1844-1913 гг.). Оп.1.

Д. 2; Д. 3; Д. 8; Д. 16; Д. 26; Д. 30; Д. 32; Д. 35; Д. 36; Д. 39; Д. 40;
Д. 44; Д. 45;

Д. 60; Д. 64; Д. 105; Д.120; Д. 129.

РГИА. Ф.932. Оп.1.

Д. 296;

Д. 303;

Д. 309;

Д. 322;

Д. 456.

РГИА. Ф.1149. Департамент законов. Оп.7.

Д. 62;

Д. 84;

Д. 95;

Д. 107;

Д. 112.

РГИА. Ф.1149. Оп.8.

Д. 64.

РГИА. Ф.1152. Департамент экономий. Оп.7.

Д.533.

РГИА. Ф.1152. Оп.8. Д.32;

Д. 88;

Д. 216.

РГИА. Ф.1268. Кавказский комитет (1833-1882 гг.). Оп.10.

Д. 42;

Д. 49;

Д. 99;

Д. 104;

Д. 124.

РГИА. Ф.1268. Оп.12.

Д. 105.

РГИА. Ф.1268. Оп.14.

Д.149.

РГИА. Ф.1268. Оп.15.

Д. 146.

РГИА. Ф.1268. Оп.16.

Д. 125.

РГИА. Ф.1268. Оп.18.

Д.26;

Д. 88;

Д. 150(а);

Д. 185.

РГИА. Ф.1268. Оп.23.

Д. 85.

РГИА. Ф.1268. Оп.25.

Д. 18.

РГИА. Ф.1276. Оп.19.

Д.593.

РГИА. Ф.1276. Оп.20.

Д. 48.

РГИА. Ф.1287. Хозяйственный департамент (1799-1904 гг.). Оп.7.

Д.494.

РГИА. Ф.1290. Центральный статистический комитет МВД. Оп.4.

Д.499.

РГИА. Ф.1341. Первый департамент Сената (1763-1917). Оп. 104.

Д.279.

РГИА. Ф.1407. Благотворительное общество чинов судебного ведомства (1895-1917 гг.). Оп.3.

Д.7943.

Российский Федеральный геологический фонд (далее РФФ).

РФФ. Ед. хр.1.

Отчёт 17 713; 17 778; 18 271; 23 410; 23 542; 48 576; 48 629; 48 663; 48664; 48 666; 48 693; 48 695; 65 213.

РГФ. Ед. хр.2.
Отчёт 17 709.

Северо-Осетинский государственный объединённый музей истории, архитектуры и литературы (далее СОГОМИАЛ).

СОГОМИАЛ. Ф.4. Терское казачье войско. Оп.2.
Д.541.

Центральный государственный архив Республики Северной Осетии-Алании (далее ЦГА РСО-А).

ЦГА РСО-А. Ф.11. Терское областное правление. Оп.4.
Д.12.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.13.
Д. 1019.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.16.
Д. 161.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп.52.
Д. 622.

ЦГА РСО-А. Ф.11. Оп. 65.
Д. 177.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.1.
Д. 24;
Д. 343;
Д. 489.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.2.
Д.238;
Д. 653;
Д.724;
Д. 965;
Д.1092.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.5.

Д. 15;

Д. 26;

Д. 27;

Д. 29;

Д. 30;

Д. 35;

Д. 83;

Д. 86.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 6. Д. 294; Д. 817.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп.7.

Д. 4;

Д. 159;

Д. 163;

Д. 263.

ЦГА РСО-А. Ф.12. Оп. 8.

Д. 27;

Д. 70.

ЦГА РСО-А. Ф.15. Оп.1.

Д. 244.

ЦГА РСО-А. Ф.55. Оп.1.

Д.30;

Д. 134;

Д. 140.

ЦГА РСО-А. Ф.83. Терско – горский конно-иррегулярный полк.
Оп.1.

Д. 3.

ЦГА РСО-А. Ф.123. Оп.1.

Д. 37;

Д. 102;

Д. 158;

Д. 185;

Д. 1050;

Д. 1068.

ЦГА РСО-А. Ф.262. Комиссия для разбора сословных прав. Оп.1.

Д.6;

Д. 23.

ЦГА РСО-А. Ф.270. Оп.1.

Д.20.

Центральный исторический архив г. Москвы (далее ЦИАМ).

ЦИАМ. Ф.227. Комитет для устройства в Москве музея прикладных знаний и заведования им. Оп.2.Д. 31.

БИБЛИОГРАФИЯ

I. Нормативно-правовые акты

1. Важнейшие узаконения и распоряжения, относящиеся к Терской области за 1892-93 гг.// Терский календарь на 1894 г. Кн.1. – Владикавказ,1893.
2. Вновь изданные узаконения и распоряжения // Терский календарь на 1892 г. Кн.1. – Владикавказ,1891.
3. Военное законодательство Российской империи. – М.,1996.
4. Выдрин В.И. Отчуждение недвижимых имуществ для государственной и общественной пользы (под железные дороги). Законы и разъяснения. – Чита,1900.
5. Высочайшие повеления // Терские ведомости. – 1877. – № 20.
6. Высочайшие повеления // Терские ведомости. – 1888. – № 39.
7. Главнейшие узаконения и распоряжения за 1892-1893 гг. – СПб.,1894.
8. Дедюлин С.А. Недостатки порядка отчуждения земель на государственные и общественные надобности (Приложение к Сборнику Узаконений по отчуждению земель). – СПб.,1901.
9. Дедюлин С.А. Сборник Узаконений и распоряжений правительства по отчуждению земель и имущества для государственной и общественной пользы. – СПб.,1901.
10. Договоры России с Востоком. Политические и торговые. – СПб.,1869.
11. Журналы Особого совещания в г. Владикавказе для пересмотра действующих правил передвижения скота. – Владикавказ,1895.
12. Законы о вере и веротерпимости (Составил Я.А. Канторович). – СПб.,1899.
13. Законы об управлении областей Дальнего востока. – СПб.,1904.
14. Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России (1554-1929). – Уфа,1998.
15. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). – М.,2001.
16. Кавказский учебный округ. Положение о ремесленном отделении. Б.м. Б.г.
17. Кавказский учебный округ. Сборник распоряжений. – Тифлис,1890; Тифлис,1891 .

18. Кануков А.А. Законодательные акты, касающиеся Северного Кавказа и в частности Терской области. – Владикавказ, 1914.
19. Кауфман А.А. Свод трудов местных комитетов по Кавказу, области Войска Донского, Сибири, Степному краю и Туркестану. – СПб., 1904.
20. Леонтович Ф.И. Адагы Кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Вып. 1. – Одесса, 1882.
21. Материалы к поземельным вопросам Кавказского края. Комиссия по выработке поземельных вопросов. Ч. 1. – Тифлис, 1908.
22. Настольный хронологический указатель постановлений, относящихся до устройства военносухпутных сил России с 1550 до 1890 г. / Сост. В. Штейнгель. – СПб., 1890.
23. Новейшие узаконения и обязательные правила, относящиеся к Терской области // Терский календарь на 1891 г. – Владикавказ, 1890.
24. Отдел официальный. Именной Высочайший указ. // Терские ведомости. – 1887. – № 17.
25. Петров Ф.В. Законы о поземельном устройстве казачьих станиц. Сборник действующих по 1 августа 1911 года узаконений о поземельном устройстве казачьих станиц и проживающих в казачьих поселениях лиц войскового сословия. – Вильна, 1911.
26. Полное собрание законов Российской империи (далее ПСЗ РИ). Собрание 2-е. Т. 41. – СПб., 1866.
27. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 45. Отд. 3 (1870). – СПб., 1874.
28. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. 50. Отд. 2 (1875). – СПб., 1877.
29. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LI. Отд. 1 (1876). – СПб., 1878.
30. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LII (1877). – СПб., 1879.
31. ПСЗ РИ. Собр. 2-е. Т. LV. Отд. 1, 2; (1880-1881). – СПб., 1884.
32. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 3 (1883). – СПб., 1886.
33. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 5 (1885). – СПб., 1887.
34. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 6 (1886). – СПб., 1888.
35. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 7 (1887). – СПб., 1889.
36. ПСЗ РИ. Собр. 3-е. Т. 15 (1895). СПб., 1899.
37. Приказы и постановления // Кавказский календарь на 1863 г. – Тифлис, 1862.
38. Россия. Главное управление Наместника Кавказского. Положение об учебной части на Кавказе и за Кавказом. – Тифлис, 1867.
39. Россия. Законы и постановления. Положение о заселении предгорий Западной части Кавказского хребта кубанскими казаками и дружинами переселенцами из России. – СПб., 1862.

40. Сборник документов по сословному праву народов Северного Кавказа. 1793 – 1897 гг. Т.1. – Нальчик, 2003.
41. Сборник материалов по мусульманству. Т.2. – Ташкент, 1900.
42. Сборник распоряжений, напечатанных в циркулярах по управлению Кавказским учебным округом. Т.1 (1867-71). – Тифлис, 1891.; Т.3 (1877-1881). – Тифлис, 1891; Т.4 (1882-1886). – Тифлис 1889.; Т.5 (1887-1891). Ч.1. – Тифлис, 1890.
43. Сборник военно-уголовных постановлений, изданных с 1 января 1874 по 1 января 1876 г. в изменение и дополнение ч. VI Свода военных постановлений 1869 г. – СПб., 1876.
44. Свод законов Российской империи. Т.3. Кн.2. Кн.3. – СПб., 1896.
45. Свод законов Российской империи, повелением Государя Императора Николая I составленный. Т.11. Ч.1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. СПб., 1896.
46. Уголовно-исполнительное законодательство России XIX – начала XX века. Сборник нормативных актов. – Рязань, 1998.
47. Шапсугов Д.Ю., Свечникова Л.Г., Исмаилов М.А. Обычное право и акты Российского государства на Северном Кавказе (втор. пол. XVIII – перв. треть XX века). Хрестоматия. – Р н/Д., 2008.

Опубликованные статистические, архивные и справочно-информационные материалы

1. Акты Кавказской Археографической комиссии. Т.12. Ч.1, 2, 3. – Тифлис, 1904.
2. Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.
3. Айтберов Т.М., Дадаев Ю.У., Омаров Х.А. Восстания дагестанцев и чеченцев в послешамилевскую эпоху и имамат 1877 года (материалы). Кн.1. – Махачкала, 2001.
4. Альбом портретов членов Государственной Думы. Часть 2-я. Европейская Россия. Кавказ и Закавказье. Сибирь и Степной край. – М., 1906.
5. Античная литература и эпиграфика о Кавказе. – Б.м. Б.г.
6. Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001.
7. Архив Кавказской Археографической комиссии. Т.ХI. – Тифлис. Б.г.
8. Архивные материалы о Кавказской войне и выселении черкесов (адыгов) в Турцию (1848-1874). Ч.1. – Нальчик, 2001. Ч.2. – Нальчик, 2003.

9. Архивы России. Москва и Санкт-Петербург. Справочник-обозрение и библиографический указатель. Русское издание. – М., 1997.
10. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2007.
11. Байраков И.А., Болотханов Э.Б., Авторханов А.И., Таймасханов Х.Э., Шахтамиров И.Я. Чеченская Республика: природа, экономика и экология. Учебное пособие. – Грозный, 2006.
12. Барышников М.Н. Деловой мир России. Историко-биографический справочник. – СПб., 1998.
13. Бентковский И.В. Список населенных мест по сведениям 1873 г. – Ставрополь, 1874.
14. Бердяев С.К. Разбои на Северном Кавказе: Из воспоминаний старого администратора: (Период 1907-1915 г.). – Париж, 1936.
15. Библиография Кабардино-Балкарии, Карачаево – Черкессии и Адыгеи с древнейших времён до 1917 года. Т. I. Ч. 1. – Нальчик, 1997. Т. II. Ч. 1. – Нальчик, 1998. Т. III. Ч. 1. – Нальчик, 2000.
16. Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005.
17. Богоявленский М. Каталог Краснодарского художественного музея имени А.В. Луначарского. – Краснодар, 1953.
18. Боденштедт Ф. Народы Кавказа и их освободительная война против русских. – Б.м., 1859.
19. Братилов Г.Н. Музыкальные инструменты народов мира: Энциклопедический словарь. – М., 2005.
20. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722-1803 г. Т.3. Ч.3. – СПб., 1869.
21. Валуев П.А. Дневник министра внутренних дел (1861 г.) // Александр II. Воспоминания. Дневники. – СПб., 1995.
22. Вернем Грозному музей. Каталог выставки. Сборник материалов. – М., 2002.
23. Весь Грозный и его окрестности. Нефтяные промыслы. Курорт Горячеводск. Курорт Серноводск. – Владикавказ, 1914.
24. Витте С.Ю. Воспоминания. Т.1. – М., 1960.
25. Владикавказ. Фотоальбом. – Владикавказ, 2007.
26. Владыкин М. Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. Т.1,2. – М., 1874; М., 1885.
27. Военная энциклопедия / Под ред. К.И. Величко. Т.9,10. – СПб., 1912. М., 2007. Т.14,16. – СПб., 1914. Т.18 – СПб., 1915.

28. Военная энциклопедия / Под ред. В.Ф. Новицкого. – Т.I. – СПб.,1911. М.,1998. Т.III – СПб.,1911. М., 2000. Т.IV. – СПб.,1911. М.,2001. Т.V. – СПб.,1911. М., 2002. Т.VI. – СПб.,1911, М., 2001. Т.VII. – СПб.,1911. М., 2004.
29. Военно-географическое и статистическое описание Кавказского военного округа. Стратегический очерк. Терско – Дагестанский театр. – Тифлис,1908.
30. Военно-историческая карта Северо – Восточного Кавказа. – Нальчик, 2002.
31. Военно-статистический сборник. Вып.IV. – СПб., 1871.
32. Всемирная выставка. Париж,1900. Русский отдел. Каталог Русского отдела на Всемирной Парижской выставке 1900 г. – СПб. Б. г.
33. Всемирная выставка. Париж. 1900. Русский отдел. Участие России на Всемирной Парижской выставке 1900 г. Отчет генерального комиссара Русского отдела. – СПб.,1901.
34. Всемирная Колумбова выставка 1893 г. в Чикаго. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб.,1893.
35. Всероссийская промышленная и художественная выставка. М.,1882.
36. Иллюстрированный каталог художественного отдела Всероссийской выставке в Москве,1882 г./ Сост. Н.П. Собко. – СПб.,1882.
37. Всеподданнейшая записка по управлению Кавказским краем генерал – адъютанта гр. Воронцова – Дашкова. – Тифлис,1907.
38. Всеподданнейший отчет наместника Кавказского по Гражданскому Управлению Кавказским и Закавказским краем: 1863-1871 гг. – СПб,1872.
39. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1892 год. – Владикавказ,1893.
40. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1894 год. – Владикавказ,1895.
41. Всеподданнейший отчет начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1897 год. – Владикавказ,1898.
42. Вторая Кавказская выставка продуктов садовых культур в 1898 году. – Тифлис,1898.
43. Гаджи-Али. Сказание очевидца о Шамиле. – Махачкала,1995.

44. Гендерсон Э. Библейские разыскания и странствия по России. – СПб., 2006.
45. Горепекин Ф.И. По горам Терской области. Краткий путеводитель. – Владикавказ, 1910.
46. Горцы Северного Кавказа глазами художников (по следам художественно – этнографических экспедиций 1924-1926 гг.). Каталог выставки. – Ставрополь, 1997.
47. Горшельт Г. Кавказские походные рисунки. Вып.1-5. – СПб., 1896.
48. Государева Оружейная палата. – СПб., 2002.
49. Государственная Дума России: Энциклопедия: В 2-х т. Т.1. Государственная дума Российской империи (1906-1917 гг.). – М., 2006.
50. Государственная Третьяковская галерея. Русское искусство XVIII – XX века.
51. Живопись, скульптура. Новые поступления. Каталог выставки. – М., 1999.
52. Государственный центральный музей музыкальной культуры имени М.И. Глинки, Москва. Музей-квартира Н.С. Голованова. – М., 2007.
53. Граф Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Биографический очерк. – Тифлис, 1889.
54. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.3. – СПб. – М., 1882. М., 1979.
55. Дзагуров Г.А. Переселение горцев в Турцию. Материалы по истории горских народов. – Р н/Д., 1925.
56. Дзидзария Г.А. Труды. Т. III. Из неопубликованного наследия. – Сухум, 2006.
57. Дикая дивизия. Сборник материалов. – М., 2006.
58. Длужневская Г. Мусульманский мир Российской империи в старых фотографиях: Альбом. – СПб., 2006.
59. Дневник Д.А. Милютин 1873-75 г. Т.1. – М., 1947.
60. Добровольский Л.М. Запрещенная книга в России. 1825-1904. Архивно-библиографические разыскания. – М., 1962.
61. Дондуков – Корсаков К. Всеподданнейшая записка Главноначальствующего на Кавказе по гражданскому управлению. – СПб., 1883.
62. Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована военно – топографическим отделом Кавказского военного округа в 1870 г. – Тифлис, 1870.

63. Дорожная карта Кавказского края. Составлена и литографирована в военно – топографическом отделе Кавказского военного округа в 1903 г. – Тифлис, 1903.
64. Документальная история образования многонационального государства Российского. В 4-х книгах. Кн.1. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках. – М.,1998.
65. Дубле Е.О. Всеобщая статистика Российского государства; географическая, административная, финансовая, коммерческая, промышленная. Сборник 500 000 адресов. Год 1878. – М., 1878.
66. Душенко К.В. Цитаты из русской истории от призвания варягов до наших дней. – М., 2005.
67. Дюма А. Путевые впечатления. В России. В 3 т. Т.3. – М.,1993.
68. Еркерт Р. Кавказ и его народы. Б.м.,1887.
69. Железнодорожный отдел // Весь Кавказ и Донская область на 1908 год. Первый торговый справочник-альманах. – Р н/ Д.,1907.
70. Живопись XVIII – начала XX века (до 1917 года). – М.,1952.
71. Загурский Л.П. Отчёт о состоянии Кавказского отдела Императорского Русского географического общества. – Тифлис,1883.
72. Записки А.П. Ермолова. 1798-1826 гг. / Сост. В.А. Федорова. – М.,1991.
73. Зверинский В.В. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 г. – СПб.,1887.
74. Зеленин Д.К. Библиографический указатель русской этнографической литературы о внешнем быте народов России. 1700-1910 гг. Т.1. – СПб.,1913.
75. «Зеркало Кавказа». Альбом. – М.,1902.
76. Зубов П.П. Картина Кавказского края, принадлежащего России и сопредельных оному земель в историческом, статистическом, этнографическом, финансовом и торговом отношениях. В 4-х ч. СПб.,1835.
77. Свт. Игнатий (Брянчинов). Будущее России в руках Божественного Промысла. Письма к Н.Н. Муравьеву-Карскому. – М.,1998.
78. Из истории русско-кавказской войны. (Документы и материалы) – Нальчик,1991.
79. Из фондов Государственного Русского музея. Русское искусство XV – XX веков. – Л.,1989.
80. Имперская Россия и мусульманский мир (конец XVIII – начало XX в.): Сборник материалов. – Сост. и автор вступ. ст., предисловия и комментариев Д.Ю. Арапов. – М., 2006.

81. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Вып.1. – М.,1998.
82. Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М., 2006.
83. Исторический обзор Терека, Ставрополя и Кубани. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Т.XVI. Ч.1. – М., 2008.
84. История Ингушетии: Материалы. – Орджоникидзе, 1933.
85. Итенберг Б.С., Твардовская В.А. Граф М.Т. Лорис-Меликов и его современники. – М., 2004.
86. Кавказ. – СПб., 1896.
87. Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
88. Кавказ. Справочная книга сторожила. Т.1. Ч.1. – Тифлис, 1887-1888.
89. Кавказская армия. Т.3. Ч.2. Отдел санитарный. – СПб.,1884.
90. Кавказская выставка предметов сельского хозяйства и промышленности. Т.2. Вып.1. – Тифлис,1890.
91. Кавказский Военно-исторический музей. Краткий путеводитель по Кавказскому Военно-историческому музею. – Тифлис,1909.
92. Кавказский запрос в Государственной Думе (Полные речи всех ораторов по официальным стенограммам). – Тифлис,1909.
93. Кавказский край. Атлас социально – экономический. Статистические данные по гражданскому управлению Кавказского наместничества 1855-1880 г. – Тифлис,1855-1880.
94. Кавказское медицинское общество. Тифлис. Празднование 50-летнего юбилея Императорского Кавказского медицинского общества 20 апреля 1914 года. (1864 -1914 гг.). – Тифлис,1915.
95. Кавказское общество сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис,1875.
96. Казачество. Энциклопедия / Под ред. А.П. Федотова – М., 2008.
97. Казбек Г.Н. Военно-статистическое описание Терской области. Т.2. Ч.1-2. Тифлис,1882.
98. Карта Кавказского края с показанием пути следования их императорского величества по краю в 1888 году. – Тифлис,1888.
99. Карта распространения перемежающихся лихорадок на Кавказе (составлена доктором Н. Тороповым в 1864 г.). – Б.м.,1864.
100. Карта российских владений за Кавказом. Составлена корпусным топографом, поручиком Колоколовым в 1836 году. – СПб.,1836.

101. Карта Терской области. – СПб., 1891.
102. Карта Терской области с показанием местностей тяготеющих к двум направлениям Владикавказской железной дороги. – Б.м., 1870.
103. Карта урожая 1898 г. в 60-ти губерниях Европейской России и Северного Кавказа. – СПб., 1898.
104. Карта урожая 1900 г. в 64-х губерниях Европейской России и Северного Кавказа. – СПб., 1900.
105. Карта учебных заведений Кавказского учебного округа за 1880 год, составленная Р.Шенгером. – Тифлис, 1880.
106. Карта учебных заведений Кавказского учебного округа к 1 января 1899 г. – Тифлис, 1899.
107. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис, 1876.
108. Каталог личных фондов отечественных историков. Вып.2. Первая половина XIX века. – М., 2007.
109. Каталог педагогически-профессионального отдела Кавказской выставки 1889 г. – Тифлис, 1889.
110. Каталог склада Военно-топографического отдела Генерального штаба. Вып. II. – СПб., 1887.
111. Кентманн П. Кавказ. – Б.м. Б.г.
112. Княгина Н.А. Дондукова – Корсакова. – Тифлис, 1887.
113. Кожевников Г.А. Породы кавказских пчел. Доклад. – СПб., 1900.
114. Коллекции Кавказского музея. Т.5. Археология. – Тифлис, 1902.
115. Комиссия по исследованию современного положения землепользования и земледелия. – Владикавказ, 1908.
116. Кондаков С.Н. Список русских художников к Юбилейному справочнику Императорской Академии художеств. – М., 2002.
117. Коновалов Э.Г. Новый полный биографический словарь русских художников. – М., 2008.
118. Конституция графа Лорис – Меликова и его частные письма. – Лондон; СПб. Б.г.
119. Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта / Отв. ред. д.ф.н., профессор А.Д. Яндаров. – М., 2002.
120. Краткий путеводитель Кавказского музея (в Тифлисе). – Тифлис, 1875.
121. Кривенко В.С. В Министерстве двора. Воспоминания. – СПб., 2006.
122. Кто есть кто в мире / Гл. ред. Г.П. Шалаева. – М., 2003.

123. Кузнецов Н, Буш Н., Фомин А. Материалы для флоры Кавказа. – Вып.14. – Юрьев, 1906.
124. Куликова А.М. Востоковедение в российских законодательных актах (конец XVII в. – 1917 г.). – СПб., 1993.
125. Культурное строительство в Чечено – Ингушетии (1920 – июнь 1941 г.): Сборник документов и материалов. – Грозный, 1979.
126. Кумыков Т.Х. Проблемы Кавказской войны и выселение адыгов в Турцию // Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. – Нальчик, 2000.
127. Лечение аятами Корана и помощь в повседневных нуждах. – СПб., 2007.
128. Литература в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея, 1850-1916: альбом-каталог. – М., 2008.
129. Мальсагов М.С. Наследие Таргима. Документы. Фотографии. Литературные и научные труды. В 2-х книгах. Кн.1. – М., 2007.
130. Маржерет Ж. Состояние Российской империи. Ж. Маржерет в документах и исследованиях: (Тексты, комментарии, статьи). – М., 2007.
131. Мартынов Н.Г. Систематическая роспись книг, брошюр, атласов и карт. – СПб., 1911.
132. Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Императорского
133. Московского Археологического Общества, снаряженные на Высочайше дарованные средства. Вып.1. – М., 1888.
134. Материалы по истории Дагестана и Чечни. Т.3. Ч.1. – Махачкала, 1940.
135. Материалы по истории Осетии. Т.III. – Дзаужикау, 1950.
136. Международная тюремная выставка. Отдел – Россия. Губернские и Финляндские тюрьмы. – СПб., 1890.
137. Международная тюремная выставка. Каталог. Отдел – Россия. Пересыльная часть. – СПб., 1890.
138. Мёллер В.И. Отчёт господину Министру Государственных Имуществ о деятельности Управления Горной частью Кавказского края в 1889 году. – Тифлис, 1889.
139. Миансаров М. Библиография Кавказа. Опыт справочного системного каталога. Т.1. – Б.м. Б.г.

140. Милютин Д.А. Воспоминания. 1843-1856 гг. / Под ред. Л.Г. Захаровой. – М., 2000.
141. Милютин Д.А. Воспоминания, 1863-64 гг. – М., 2003.
142. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865 – 1867 гг. – М., 2005.
143. Министерская система в Российской империи: К 200-летию министерств в России. – М., 2007.
144. Министерство финансов. Фабрично-заводская промышленность и торговля России. – СПб., 1896.
145. Монополистический капитал в нефтяной промышленности России. 1883-1914 гг. Документы и материалы. – М.-Л., 1961.
146. Мусульманские депутаты Государственной Думы России. 1906-1917 гг. Сборник документов и материалов / Сост. Л.А. Ямаева. – Уфа, 1998.
147. Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством Шамиля. Сборник документов. – М., 2005.
148. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографической коллекции (Государственный этнографический музей). – Л., 1981.
149. Народы Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х годов XIX века. Сборник документальных материалов. В 2-х т. Т.1. Территория, население и особенности социально – экономических отношений у народов Центрального Кавказа в 40-х – начале 60-х гг. XIX в. / Сост. П.А. Кузьминов, Б.К. Мальбохов. – М., 2005.
150. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.III. – Ставрополь, 2000.
151. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.IV. – Ставрополь, 2002.
152. Несмачная С.И. История Кавказа в лицах: Биографический словарь. Т.V. – Ставрополь, 2006.
153. Нефть и газ Чечни и Ингушетии: к 100-летию Грозненской нефтяной промышленности. 1893-1993 гг. / Под ред. Л.Х. Ибрагимова. – М., 1993.
154. Обзор Грозненской нефтяной промышленности (Промысловое дело) за 1901 год. Т.2. – Владикавказ, 1902.
155. Обзор Минеральных богатств Терской области // Терский сборник. Вып.1. – Владикавказ, 1890.
156. Обзор производительных сил Кавказского Наместничества за 1879 г. – Тифлис, 1880.

157. Обзор Терской области за 1892 год // Терский календарь на 1894 год. Вып.3. Кн.1. – Владикавказ,1893.
158. Об изъятиях некоторых преступлений, совершаемых в пределах Кавказского края // Терский календарь на 1896 год. Вып.5. – Владикавказ,1895.
159. Об относительных выгодах различных систем внутренних сообщений. Из отчета о путешествии 1837 – 1838 гг. // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 9.
160. Общий состав управлений Кавказского военного округа. Ч.III. – Тифлис,1869.
161. Округа Терской области // Сборник сведений о Терской области. – Владикавказ,1878.
162. О некоторых геологических деятелях и явлениях. – Б. м., 1908.
163. Опыт справочного систематического каталога печатных сочинений о Кавказе, Закавказье и племенах, эти края населяющих / Сост. М. Миансароф. – Б.м. Б.г.
164. Оразаев Г.М.-Р. Тюркоязычная деловая переписка на Северном Кавказе XVII – XIX вв.: (Исследования, тексты и комментарии). – Махачкала, 2007.
165. Орлов П.А. Указатель фабрик и заводов окраин России: Царства Польского, Кавказа, Сибири и среднеазиатских владений. – СПб.,1895.
166. О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис,1869.
167. Особые журналы Совета Министров царской России. 1909-1917 гг. – М., 2001.
168. Основные положения социальной программы российских мусульман. – Ярославль, 2001.
169. Отчет Кавказского отдела императорского Русского географического общества за 1870 год. – Тифлис,1871.
170. Отчет о вторых краткосрочных курсах гимнастики для учащихся в низших и средних учебных заведениях Кавказского учебного округа, состоявшихся летом 1910 г. – Тифлис,1911.
171. Отчет о деятельности Распорядительного Комитета «Кавказско-го Мусульманского Благотворительного Общества» за 1909 г. – Тифлис, 1910.
172. Отчёт о Кавказском музее. – Тифлис,1867.
173. Отчет Тифлисского общества покровительства животным за 1901 год. – Тифлис,1902.

174. Первая всеобщая перепись, произведенная 28 января 1897 г. Общий свод. Т.1.Ч.1. – СПб.,1905.
175. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т.2. – СПб.,1905.
176. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Терская область.1905.(4). Т.XVI. – СПб. Б.г.
177. Первый толковый БЭС. – СПб., М., 2006.
178. Перечень художественных произведений Цветковской галереи. – М.,1915.
179. Письма императора Александра II князю А.И. Барятинскому (1857 – 1864 гг.) // Вопросы истории. – М., 2007. – № 2.
180. Письма с Кавказа к Л.Н. Толстому. – Махачкала,1928.
181. Письма Шамиля. – Махачкала,1997.
182. Подробный указатель по отделам Всероссийской промышленной и художественной выставки 1869 г. в Нижнем Новгороде. Отдел II. Коннозаводство и коневодство. – М.,1896.
183. Покорение и заселение Кавказа / Сост. А.К. Шериев. – Пятигорск, 2004.
184. Права народов. Международные документы и российские законодательные акты: Сборник документов / М.И. Аушев, С.А. Глотов, О.О. Миронов, М.П. Фомиченко. – М., 2006.
185. Предстоящий в г. Тифлисе с 16 по 24 июня 1913 г. XIII Съезд Русских естествоиспытателей и врачей. – Тифлис,1912.
186. Приложение к всеподданнейшему отчету // Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1884 год. – Б.м.,1885.
187. Природа и население России. В 4-х частях. Ч.4. Народы Европейской России. Вып. III. Крым и Кавказ. – СПб., 1906.
188. Проблемы Кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20-70-е гг.XIX в.). Сборник архивных дел. – Нальчик, 2001.
189. Путеводитель по Терской области. – Тифлис,1871.
190. Путешествие в Крым и Кавказ фон Энгельгардта и Фридриха Паррота. – Берлин,1815.
191. Река Терек от Шелкозаводской станицы до устья. – СПб.,1863.
192. Розен Р.Ф. Описание народов, принадлежащих правлению начальника войск Левого фланга Кавказской Линии и соседственных, покорных и непокорных. – Б.м.,1830.

193. Российская государственность в терминах: IX – нач. XX в. Словарь. – М., 2001.
194. Российские военные и гражданские чиновники на Кавказе. XIX век: Справочник / Составитель З.М. Блиева. – Владикавказ, 2003.
195. Россия. Кавказский наместник. О высылке с Кавказа мятежных горцев Дагестанской и Терской областей. Сборник материалов. – СПб., 1878.
196. Россия под надзором. Отчеты III отделения. 1827-1869. – М., 2006.
197. Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа. Т.1. – Нальчик, 2001.
198. Русский музей императора Александра III. Т. I, II. Живопись и скульптура / Сост. Н. Врангель. – СПб., 1904.
199. Русско-чеченские отношения, вторая половина XVI – XVII вв.: Сборник документов. – М., 1997.
200. Сборник материалов по Русско – Турецкой войне 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т.1. Вып.1. – СПб., 1904.
201. Сборник сведений о железных дорогах в России. 1870-1872 гг. Отд. II. Разные сведения о железных дорогах. – СПб., 1875.
202. Сборник сведений о потерях Кавказских войск во время войн кавказско – горской, персидских, турецких и в Закаспийском крае 1801-1885 / Под ред. В.А. Потто. – Б.м., Б.г.
203. Сборник сведений о Терской области. Т.1. Вып. I. – Владикавказ, 1878.
204. Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России. Т.1. – СПб., 1902.
205. Сведения по статистике народной нравственности и народного образования // Сборник статистических сведений о Кавказе. Т.1. – Тифлис, 1869.
206. Свет священного Корана: разъяснения и толкования. – СПб., 2008.
207. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1881-1890 гг. генерал – губернаторов, губернаторов, начальников областей и градоначальников. – СПб., 1893.
208. Свод Статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898 гг. / Сост. Р. Шёнгер. – Тифлис, 1899.
209. Святой праведный Иоанн Кронштадтский. Творения. Дневник. Т. IV., 1862. М., 2006.
210. Северный Кавказ – наш общий дом: рекомендательный библиографический указатель / Сост. Т.В. Желтухина. – Ставрополь, 2006.

211. Семенов Д. Отечество ведение. Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. Т.3. Кавказ и Урал. – М., 1879.
212. Семенов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. В 5 т. Т.2. – СПб., 1862.
213. Сиоран Э.М. Горькие силлогизмы. – М., 2008.
- «Следить за нераспространением среди мусульман вредных, нетерпимых правительством учений...». Проект «Положения» об управлении духовной жизнью мусульман Северного Кавказа (1889 г.). (Публикация Д.Ю. Арапова) // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М., 2006.
214. Словарь афоризмов русских писателей. – М., 2004.
215. Советская повседневность и массовое сознание. 1939-1945 / Составители А.Я.Лившин, И.Б.Орлов. – М., 2003.
216. Современный словарь иностранных слов. – М., 1993.
217. Сомов А.И. Каталог картинной галереи Императорской Академии художеств. Т.1. Русская живопись. – СПб., 1872.
218. Сочинение Генерального Штаба полковника Ракинга (1862 г.). Краткий исторический очерк христианства кавказских горцев со времён Св. Апостолов до XIX столетия // Сборник Русского исторического общества. Т.2 (150). Россия и Северный Кавказ. – М., 2000.
219. Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006.
220. Статистика Российской империи. Т.XVII. Волости и гмины, 1890 год. Издание Центрального Статистического комитета. – СПб., 1892.
221. Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.19. Указатель изменений в распределении административных единиц и границ империи с 1860 по 1887 гг. – СПб., 1887.
222. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1892 год. Кн.1. – Владикавказ, 1891.
223. Статистический ежегодник // Терский календарь на 1897 год. Вып.6. – Владикавказ, 1896.
224. Статистический обзор современного положения казачьих войск. – СПб., 1903.
225. Статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1874.
226. Студенецкая Е.Н. Народы Кавказа: Каталог-указатель этнографических коллекций. – Л., 1981.
227. Стебницкий И.О. Картографическое обозрение Кавказа и Закавказья. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. Т.1. – СПб., 1879.

228. 100 незнакомых картин из фондов Государственного исторического музея. – СПб., 1998.
229. Тамбовская областная картинная галерея. Каталог. Вып. 1. Русское искусство XVIII – XX века. – Л., 1976.
230. Терская область // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876.
231. Терская область. Начальник. Отчёт начальника Терской области и Наказного Атамана Терского казачьего войска о состоянии области и войска за 1900 год – Владикавказ, 1901.
232. Терская область. Статистический комитет. Обзор Терской области за 1886 год. – Владикавказ, 1886; ... за 1884 год. – Владикавказ, 1884; ... за 1887 год. – Владикавказ, 1887.
233. Терская Окружная Плановая Комиссия. Терский округ. Очерки по истории, экономики и советскому строительству. Ч. II. – Пятигорск, 1927.
234. Терский областной статистический комитет. Исторический очерк Терского областного статистического комитета. – Владикавказ, 1897.
235. Труды I Съезда деятелей кустарной промышленности Кавказа. – Тифлис, 1902.
236. Труды Комиссии по исследованию современного положения землепользования и землевладения в Нагорной полосе Терской области. – Владикавказ, 1908.
237. Труды комиссии при Императорском Русском Техническом обществе по вопросу о нефтепроводе и мерах к развитию нефтяного дела в России. – СПб., 1885.
238. Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т. 52. Кавказский край. – СПб., 1903.
239. Труды Особого совещания по вопросам образования восточных инородцев. – СПб., 1905.
240. Труды Первого съезда служащих врачей гражданского ведомства на Кавказе. Т. 1. Вып. 1. – Тифлис, 1912.
241. Труды Первого съезда кавказских врачей. Холерная эпидемия 1892 года на Кавказе. Т. 1. Вып. 2. – Тифлис, 1893; Т. III. – Тифлис, 1894.
242. Труды Первого съезда Терских нефтепромышленников в городе Грозном (с 25 июня по 9 июля 1898 г.). – Грозный, 1898.
243. Тульский государственный музей оружия / Сост. Е.Е. Дроздова. – М., 2008.

244. Туманов Г.М. К введению на Кавказе земского самоуправления. Материалы, собранные Тумановым. – Тифлис, 1905.
245. Уварова П.С. Былое. Давно прошедшие счастливые дни // Труды ГИМ. Вып. 144. – М., 2005.
246. Указатель Всероссийской промышленно – художественной выставки 1882 года в Москве. – М., 1882.
247. Указатель кратчайших и удобнейших железнодорожных маршрутов от Санкт–Петербурга и обратно. – СПб., 1909.
248. Указатель находящихся в Академии произведений по алфавиту имен художников и предметов / Императорская Академия художеств. – СПб., 1842.
249. Указатель русского отдела Парижской всемирной выставки. – СПб., 1900.
250. Указатель фабрик и заводов окраин. – СПб., 1895.
251. Фадеев Р.А. 60 лет Кавказской войны; Письма с Кавказа; Записки о кавказских делах. – М., 2007.
252. Федотов Г.Я. Большая энциклопедия ремесел. – М., 2008.
253. Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе (Реферат, читанный в Кавказском юридическом обществе). – Тифлис, 1898.
254. Хаджи-Мурат. Документы. Письма. Очерки. Факты. Сборник. – М., 1999.
255. Ход учебного дела на Кавказе с 1802 по 1880 год. – Тифлис, 1880.
256. Художники народов СССР. Библиографический словарь. В 6-ти томах. Т.1,3. – М., 1970.
257. Художники народов СССР. Биобиблиографический словарь. В 6 т. Т.4. Кн.1. – М., 1983.
258. Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего Государю императору. – СПб., 1860.
259. Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774-2004). – М., 2006.
260. Черных П.Я. Историко – этимологический словарь русского языка. В 2-х томах. Т.1. – М., 1993.
261. Шейх Хаким. Моинуддин Чишти. Суфийское целительство. – СПб., 2007.
262. Шилов Д.Н. Государственные деятели Российской империи. Главы высших и центральных учреждений. 1802-1917 гг. Библиографический справочник. – СПб., 2001.

263. Щербов – Нефедович А.О. Доклад о результатах командировки в Терскую область. – СПб., 1902.
264. Эвлия Челяби. Книга путешествия (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 1. Земли Молдавии и Украины. – М., 1961.
265. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): Энциклопедия; в 2 т. Т.1. – М., 2008.
266. Экслибрисы и штемпели частных коллекций. – М., 2001.
267. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. Т.VI. – СПб., 1892, Т.VII. – СПб., 1892; Т.X. – СПб., 1899; Т.XXI. – СПб., 1897.
268. Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. В 82-х томах. Т. 29. – М., 1991; Т.35.; Т.74 – М., 1990; Т.76 – М., 1993.
269. Энциклопедический словарь военной медицины / Под ред. Е.И. Смирнова. В 6 т. – М., 1948.
270. Эпиграфические памятники Северного Кавказа на арабском, персидском и турецком языках. Ч.2. – М., 1968.
271. Юбилейный справочник Императорской Академии художеств / Сост. С.Н. Кондаков. – СПб., 1914.
272. Инжил я Делаца бинчу керлачу бартах лаьцна долу тептар (Новый Завет на чеченском языке). – Самара, 2007.

Статьи периодических изданий

1. Аббасбейли А. Кавказ в сфере геостратегических реалий // Обозреватель. – М., 2003. – № 11.
2. Абрамов Я. Одна из погрешностей нашей поземельной политики на Кавказе // Терек. – 1883. – № 64, 65.
3. Абрамов А. Кавказские горцы (Из летних экскурсий) // Дело. – 1884. – № 1.
4. Аванесян А.А. Железнодорожное строительство на Северном Кавказе в 70-е годы XIX в. // Молодая наука – 2007: Материалы региональной межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Часть VI. – Пятигорск, 2007.
5. Азаров В.М.; Марущенко В.В. Кавказ в составе России: История Отечества // Ориентир. – М., 2001. – № 3.

6. Айбатов М.М. Проблема взаимодействия модернизирующих государственно-правовых реформ и этнических государственно-правовых культур горских народов в творчестве просветителей 60-70-х годов XIX века // История государства и права. – М., 2007. – № 7.
7. Айларова С.А. В поисках национальной идентичности // Вестник Северо – Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3.
8. Акаев В.Х. Накшбандийский шейх Дени Арсанов // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2004. – № 1.
9. Акаев В.Х., Керимов М.М. Этнические и региональные составляющие мусульманской культуры народов Северного Кавказа // Известия ВУЗов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2008. – № 2.
10. Акиева Х.М. Изобразительное искусство Чечни и Ингушетии первой половины XIX в. (традиции и новаторство) // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – М., 2008. – № 4.
11. Алафаев А.А., Тетугев А.И. Россия на Северном Кавказе в XVIII – начале XX в. /// Преподавание истории в школе. – М., 2007. – № 3.
12. Алексанов И. Северный Кавказ. Экономические очерки из жизни края // Вестник Европы. – СПб., 1899. – Т.6. Кн.11.
13. Алексеева А. «Душа моя на другой планете!» // Комсомольская правда. – М., 2008. – № 123-д (24 150-д).
14. Алексей, Патриарх Московский и всея Руси. Заявление в связи с обострением трагических событий в Чечне // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4059.
15. Алиев Б.Г. И.-Гербер о союзах сельских общин Аварии // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 1.
16. Аликова З.Р. Хирургическая помощь в народной медицине Северного Кавказа // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2000. – № 3.
17. Алпатов В.М. Языковая политика в России и Франции // Диаспоры. – М., 2003. – № 1.
18. Амирова З.А. Русско-турецкая война 1877-78 гг. (подготовка и начало военных действий на кавказско-малоазиатском театре) // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2005. – № 2.

19. Аппаева Ж. Кавказская черкесска // Юный художник. – М., 2002. – № 10.
20. Аракчеев Д.И. Кавказские музыкальные инструменты в музее Московской Консерватории // Русская Музыкальная Газета. – СПб., 1905. – № 12.
21. Арапов Д.Ю., Бобровников В.О. Программа государственных экзаменов для «мусульманского духовенства» Закавказья (1873 г.) // Гуманитарная мысль Юга России. – Краснодар, 2006. – № 2 (03).
22. Арапович Б. О Шамиле на шведском языке // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.
23. Аргиев А. Кавказ и национальная политика центра // Россия XXI. – М., 1998. – № 11-12.
24. Артемов А. Абдурахман Авторханов // Посев. – М., Франкфурт. – № 4 (1438).
25. Асватуров А.С. Люди Империи: заведующие Восточным отделением Императорской Публичной библиотеки // Библиотекосведение. – М., 2007. – № 2.
26. Ахвледиани Б. Торговля в Чечне в прошлом и настоящем // Северокавказский край. – Р н/Д., 1925. – № 1.
27. Ахмадов Я.; Хасмагомадов Э. Чеченское офицерство в процессе формирования национальной элиты во второй половине XIX – начале XX века // Вестник ЛАМ. – Грозный, 2003. – № 4.
28. Ахмедов А.А., Голубев А.Ю. К вопросу о введении института военных имамов в Российской армии // Военная мысль. – М., 2008. – № 2.
29. Ахметов У.Т. Русское Географическое общество и Казахстан // Вестник Прикаспия: археология, история, этнология. – Элиста, 2008. – № 1.
30. Багаев М.Х. Чеченцы XIX века // Вести Республики. – Грозный, 2007. – № 96 (570).
31. Бадаев С.-Э.С. Чеченское мухаджирство второй половины XIX века как следствие политики самодержавия на Северном Кавказе // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 1999. – № 4.
32. Баев Г. О введении земского самоуправления в Терской области // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – № 4.
33. Баранов Е. По Северному Кавказу // Новое обозрение. – М., 1902. – № 6016.

34. Батаева Х.М., Яхьяева З.И. О народной медицине в Чеченской Республике // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2007. – № 2.
35. Батаева Х.М., Яхьяева З.И. Н.И. Пирогов о народной медицине чеченцев и ингушей // Вопросы гуманитарных наук. – М., 2005. – № 3.
36. Башиева С.К., Геляева А.И. Концепт «мера» (норма) в языковой картине мира народов Кавказа (На материале пословиц и поговорок) // Эльбрус – Нальчик, 2001- 2002 – № 1 (13).
37. Безотосный В.М. Милютин Д.А. Воспоминания. 1865-1867 // Отечественная история. – М., 2008. – № 6.
38. Белобородов А. Землевладение в Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 107,108,109.
39. Белова Л. Лермонтов и Кавказ // Отечество. – М., 2004. – № 7 (50).
40. Белоглазкин Г. Хранящим Россию // Вечерний Ставрополь. – Ставрополь, 1990. – 23 октября.
41. Бендин А.Ю. Веротерпимость и проблемы национальной политики Российской Империи (втор. пол. XIX – начало XX века) // Церковно – исторический вестник. – М., 2004. – № 11.
42. Бердников И. Об управлении духовных дел магометан // Имперское возрождение. – М., 2007. – № 2 (10).
43. Берже А.П. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. – 1882. – Т.33.
44. Бетеева М.М. Церковноприходская школа, как начальный этап развития образования на российском Кавказе // Преподавание истории и обществознания. – М., 2007. – № 3.
45. Блейх Н.О. Становление люмьеризма у северокавказских народов в первой половине XIX в. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 11.
46. Блохин В.Ф. О вреде «Вредного направления» // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 2.
47. Бойко М. Гяур в поношенном мундире // НГ Ex Libris. – М., 2007. – № 33 (430).
48. Бобровников В.О. Еще раз об исламском образовании на Северном Кавказе (попытка ответить на вопросы Г.Г. Косача к А.А. Ярлыкапову) // Вестник Евразии. – М., 2004. – № 1(24).
49. Борисов А. Герой войны и победитель чумы // Щит и меч. – М., 1999. – 5 августа (№ 31).

50. Боров А.Х. Национальные истории народов Северного Кавказа: проблемы концептуализма // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
51. Бужан Е. Дело табак! // Оракул. – М., 2007. – № 12.
52. Бунькова Ю.В. Культурологический синтез в кавказской политике П.К. Услара // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 4.
53. Бурдина Е. «На их же родном языке, и притом на языке народном...». Система национального образования по Николаю Ильинскому // Родина. – М., 2007. – № 10.
54. Бутов С. Мудрец // Спорт-Экспресс. – М., 2008. – № 187 (47 67).
55. Бухалов И.И. Промышленный травматизм в Грозненской нефтяной промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2.
56. Бызов И. Как начиналось «покорение горских народов» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 7 (15).
57. Бызов И. Мухаджирство или переселение вайнахов на Ближний Восток // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12).
58. Бызов И. Начало формирования «Дикой дивизии» // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 4 (12).
59. Быков Ф.А. Исторический ход вопроса о мусульманских законах на Кавказе // Юридическое Обозрение. – Тифлис, 1883. – № 111, 112.
60. Валькович А. «Рисуй, Орловский!» // Цейхгауз. – М., 2001. – № 2.
61. Вапилин Е.Г. Освещение периодической печатью России жизни армии и флота // Военно-исторический журнал. – М., 2006. – № 8 (556).
62. Василенко В.Г. Состояние здравоохранения на Дону и Северном Кавказе в пореформенный период // Российский исторический журнал. – М., 2006 – № 1 (38).
63. Васильев М. Дагестанский конный полк // Цейхгауз. – М., 2000. – № 1 (10).
64. Великая Н. Трепак и лезгинка // Родина. – М., 2004. – № 5.
65. Вести от горцев-мусульман Терской области // Мусульманская газета. – 1913. – № 11.
66. В защиту горцев // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – № 14.
67. Винныйчук А.В. Возникновение и становление городских газет в России: середина XIX – начало XX века // Известия высших

- учебных заведений. Северо – Кавказский регион. Общественные науки. Спецвыпуск «Вопросы филологии» 2006. – Рн/Д., 2006.
68. Висковатов А.А. С Казбека // Русский вестник. – СПб., 1865. – № 12.
69. Владикавказ // Терские ведомости. – Владикавказ, 1875. – № 11.
70. Владыченский А.С. Язык научных трудов выдающегося естествоиспытателя России // Московский университет. – М., 2007. – № 17 (4208).
71. Властов. Война в Большой Чечне // Русский инвалид. – СПб., 1856. – № 160, 166.
72. Волова Л.В. Межкультурная коммуникация на Северном Кавказе // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 1 (12).
73. Внутреннее обозрение // Вестник Европы. – СПб., 1876. – Кн. 5, 10
74. Волхонский М.А. Национальный вопрос во внутренней политике правительства в годы первой русской революции // Отечественная история. – М., 2005. – № 5.
75. Воронова А.А. Рыбный промысел Каспийского моря и морские торговые связи в XIX – нач. XX вв. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 40. – Ставрополь, 2005.
76. Воропонов Ф.Ф. Крестьянские переселения // Вестник Европы. – СПб., 1876. – Кн. 1.
77. Выселение горцев с Кавказа // Русская старина. Т. 33. Б. м., 1882.
78. Высокая Е.В. Историческое мышление как историко-культурная картина мира: особенности имперской традиции в Великобритании и России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России» – М., 2007. – Спец. выпуск № 2.
79. Гаджиев Д. Миссионерская деятельность Православной Церкви на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв. // Христианское чтение. – СПб., 2006. – № 26.
80. Гаджиев М.С. Р. Эркерт и Дж. Эберкромби – исследователи «Даг-бары» // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.
81. Гаммер М. Шамиль и мусульманские державы: оттоманские турки, каджары и Мехмет Али Египетский // Вестник института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. – Махачкала, 2006. – № 1 (5).
82. Гапуров Ш.А., Товсултанов Р.А. «Погром Чечни» в 1852 году // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2006. – № 2.

83. Гарсаев А.М. Из чеченского религиозного поэтического наследия: назмы – духовные песнопения в обрядовой практике суфиев // Вестник МГУ. Сер.13, Востоковедение. – М.,1998. – № 4.
84. Гарсаев Л. Технология изготовления вайнахской одежды // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 12.
85. Гатагова Л.С. Кавказ после Кавказской войны: этноконфликтный аспект // Вестник Института цивилизаций. – Владикавказ, 2000. – Вып.3.
86. Гатагова Л.С., Трепавлов В.В. Кавказская война // Преподавание истории в школе. – М., 2006. – № 1.
87. Гельдибаев М.Х. Особенности доказывания вины и назначения наказания в мусульманском праве // Ойла («мысль»). – Грозный, 1998. – № 1.
88. Георгиев В.А. «В.В. Дегоев. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин». // Отечественная история. – М., 2002. – № 4.
89. Герберт А. «Развитие ресурсов этой области тормозится существующей системой» (Кавказ глазами английского полковника. 1889 г.) // Источник. – М.,1999. – № 5.
90. Герман О.Б. Земельные отношения на Тереке в перв. пол. XIX – нач. XX вв. (историко-правовой аспект) // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 7.
91. Герман О.Б., Кузьменко О.В. Судебные преобразования в различных регионах России во втор. пол. XIX столетия // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2006. – № 5.
92. Герман Р.Э. Русские военные деятели и историки XIX века о способах покорения Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского го. Техн. Ун-та. Серия «Право». Вып.2. – Ставрополь, 2000.
93. Гнездилова Е. Рубо, похищенный и возрожденный // Век. – М., 2002. – № 23.
94. Голицын Ю. Военные реформы в России и дефицит госбюджета // Наша власть: дела и лица. – М., 2001. – № 2 (5).
95. Голицын Ю. Кнут и пряник Кавказской войны // Наша власть: дела и лица. – М., 2001. – № 3 (6).
96. Головлев А.А. Этапы и факторы формирования населения г. Грозного (1818-1998) // Известия Русского географического общества. – СПб., 2000. – Вып.1.

97. Горбачев С. Северокавказский барьер: (Исторический анализ политики России на Северном Кавказе) // Молодая Гвардия. – М., 1999. – № 11/12.
98. Городецкий Б.М. Литературные и общественные деятели Северного Кавказа // Кубанский сборник на 1913 год. – Екатеринодар, 1913. – Т.18.
99. Городницкий Р.А. Учреждения Министерства внутренних дел на Кавказе в 1905- 1917 гг. // Вестник Московского университета. – Сер. 21. Управление. – М., 2004. – № 3.
100. Горожане боятся врачей больше, чем болезней // Московский комсомолец. – М., 2008. – № 168 (24 826).
101. Горячеводск // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1916. – № 4-5.
102. Горячие минеральные источники кн. Таймазова (Терской области, Грозненского округа) // Новое обозрение. – Тифлис, 1890. – № 2273.
103. Градовский Г. Лагерь на Караяле 25 августа // Голос. – СПб., 1877. – № 210.
104. Грачев С.В. Образование нерусских народов Российской империи в геополитическом контексте // Педагогика. – М., 2002. – № 7.
105. Грен А. Два слова по поводу возможности развития литературы у горцев Кавказа // Россия и Азия. – Киев, 1899. – № 12.
106. Гриненко Л.О. Письмо графа А.А. Бобринского о древностях Северного Кавказа // Донская археология. – Р н /Д., 2000. – № 3-4 (8-9).
107. Гриценко Н.П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков: Их взаимное влияние друг на друга // Археолого-этнографический сборник / Чеч.– Ингуш. НИИ ист., языка, и литературы. – Грозный, 1969. – Т. III.
108. Гродзицкий А. Инженер – мостостроитель Станислав Кербедз // Культурно – просветительская работа («Встреча») – М., 2007. – № 7.
109. Грозненские известия // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – № 18.
110. Грозный // Северный Кавказ. – Ставрополь, 1888. – № 37.
111. Гульчеев В.А. Некоторые социальные и исторические аспекты развития физической культуры в Осетии // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – № 13.
112. Гусейнов А. Кавказ подо мною // Новая Россия. – М., 2000. – № 1.

113. Данько Т.А. Документы ГИАНО о польской ссылке и римско – католической общине в Новгородской губернии // Новгородский архивный вестник. – Великий Новгород, 2007. – № 6.
114. Дацкевич А.П. Курорты Чечни // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2.
115. Джабаги Вассан-Гирей. Революция и гражданская война на Северном Кавказе кон. XIX – нач. XX в. // Наш Дагестан. – Махачкала, 1994. – № 167-168.
116. Джабиров И. Чечня и чеченцы в судьбах России и россиян. Судьба Победоносца // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 11.
117. Дзидзоев В. Земельные и межнациональные отношения на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX века // Литературная Кабардино-Балкария. – Нальчик, 1999. – № 1.
118. Дзидзоев В.Д. Переселение мусульманских народов Кавказа в Турцию 1860-1870 гг. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 9.
119. Добаев И.П. Зарождение, развитие и современное состояние ислама на Северном Кавказе // Донской юридический институт: Ученые записки. Т.15. – Р н/Д., 2001.
120. Документальная хроника жизни края // Живая старина. – Нальчик, 1993. – № 3.
121. В.В. Докучаев // Нива. – СПб., 1905. – № 45.
122. Дорджиева Е.В. Адаптационно – деятельностные модели культуры традиционной калмыцкой элиты в Российской империи в XVIII – XX вв. // Вестник РУДН. Серия «История России». – М., 2007. – № 1.
123. Дохова В.В. Экологическая культура как модификационный процесс традиционных национальных культур // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
124. Дрибас О.В. Политическое предательство: его моральная и юридическая оценка // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Р н/Д., 2000. – № 2.
125. Дубнова Н.В. Лермонтов: идеализация востока до его реального познания // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 3.
126. Дунюшкин И. В дозоре казаки и чеченцы // Родина. – М., 2004. – № 6.

127. Егорышева И.В. Первые эпидемии холеры в России (1823, 1829-1931 гг.) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2008. – № 2.
128. Екельн Л. Джекнат и Бока. Чеченская повесть // Отечественные Записки. – 1843. – Т.31. – № 11.
129. Елисеев А.В. Российские исследователи Кавказа // География в школе. – М., 2000. – № 1.
130. Емельянов И. Чемпион из общаги // Советский спорт. – М., 2008. – № 117 (17 599).
131. Емельянов О.Б. Государственная служба и ее влияние на состояние хозяйства терско-гребенского казачества в перв. пол. XIX века // Российский исторический журнал. – М., 2006. – № 1 (38).
132. Ермоленко Л.П. Охрана памятников старины на Северном Кавказе в 1920-1930 –х гг. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 48. – Ставрополь, 2007.
133. Жугова Т.Ч., Шوماхов А.О., Кимова Л.Ф. Из истории медицины Кабардино- Балкарии // Проблемы социальной гиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 2001. – № 6.
134. Журомский К. Романтические образы Кавказа в русской бронзовой скульптуре // Антикварное обозрение. – СПб., 2006. – № 1.
135. Захарова Л.Г. Александр II и место России в мире // Новая и новейшая история. – М., 2005. – № 2, 4.
136. Зелькина А. Ислам в Чечне до российского завоевания // Исламская Цивилизация. – Махачкала, 2005. – № 1.
137. Зелькина А. Учение Кунта – Хаджи в записи его мюрида // Этнографическое обозрение. – М., 2006. – № 2.
138. Зинева Н.С. Роль геополитического фактора в истории российско-кавказских взаимоотношений в конце XVIII – первой половины XIX вв. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып.49. – Ставрополь, 2007.
139. Золотое руно. Рассказ чеченца // Русский инвалид. – СПб., 1852. – № 178.
140. Ибрагимбейли Х. – М. Сказать правду о трагедии народной // Политическое обозрение. – М., 1989. – № 4.
141. Иванов А.И. Восстание в Чечне в 1877 г. // Исторические записки. – М., 1941. – № 10.
142. Иванов А.И. Национально-освободительное движение в Чечне и Дагестане в 60-70 гг.XIX века // Исторические записки. – М., 1941. – № 12.

143. Иванов М.А. Верховья реки Гехи // Известия Кавказского Отдела Императорского Русского Географического общества. – 1902. – Т.XV. № 5.
144. Иванов С. О сближении горцев с русскими на Кавказе // Военный сборник. – СПб.,1859. – Т.7. – № 6.
145. Ивахненко А.С. Обмундирование и снаряжение русских регулярных войск в Кавказской войне 1817-1864 гг. // Информационно-аналитический вестник. – Вып.4. – Майкоп, 2001.
146. Известия // Терские ведомости. – Владикавказ,1894. – № 137.
147. Известия // Неделя. – 1899. – № 33.
148. Из города Грозного // Северный Кавказ. – Ставрополь,1888. – № 28.
149. Из Терской области // Казачий вестник. – Новочеркасск,1884. – № 32.
150. Ильясов Л. Исторические области Чечни // Чеченское общество сегодня. – М., 2007. – № 8 (16).
151. Индербаев Г. Наш край в живописи М.Ю. Лермонтова // Вайнах. – Грозный, 2004. – № 7.
- 152.Ипполитов Г.М. Моральный дух Русской армии: из истории изучения проблемы // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36).
- 153.Исаев С.-А.А. Неистовый Ума Дуев // Нохчи. – Грозный,1999. – № 1.
- 154.Исаев Э.А. Вайнахская этика о значении образования // Гуманитарные и социально-экономические науки. – Рн/Д., 2008. – № 1 (38).
155. Исаева Р. Терское отделение Русского технического общества: зарождение и становление (1899 – 1913 гг.) // Вайнах. – Грозный, 2004. – № 4.
156. Исмаилова А.И. К вопросу о причинах восстания горцев Чечни в 1877 – 1878 гг. // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 2.
157. Исаков С.М. Международная научная конференция «Национальный вопрос в интеграции и распаде СССР» // Отечественная история. – М., 2005. – № 2.
158. Исаков С.М. Первая российская революция и мусульманское движение // Отечественная история. – М., 2005. – № 5.
159. Итенберг Б.С. Военачальник и администратор на Кавказе // Отечественная история. – М., 2004. – № 1.
160. Кавказ. Альбом Л.Е. Дмитриева – Кавказского. СПб.,1880 г. Рецензия // Художественный журнал. – СПб.,1881. – № 2.
161. Кавказ и его жители // Вестник Российского Общества Красного креста – 1884. – № 4-7.

162. Кавказов А. Промышленность, о которой мало кто знает // Советский Северный Кавказ. – 1930. – № 1.
163. Кавказские произведения на Парижской выставке // Кавказ. – Тифлис, 1890. – № 302.
164. Кавказские разбои и колонизация // Неделя. – СПб., 1898. – № 44.
165. Калинин С. История научных организаций Северного Кавказа // Обозреватель. – М., 2006. – № 6 (197).
166. Калоев Б.А. Из истории русско-чеченских экономических и культурных связей // Советская этнография. – М., 1961. – № 1.
167. Калоев Б.А. А.Ф. Кони о Кавказе // Этнографическое обозрение. – М., 1997. – № 3.
168. Карагезов Р. Коллективная память и «политика памяти» в странах Центрального Кавказа // Центральная Азия и Кавказ. – Швеция, 2005. – № 6 (42).
169. Карапетян О.Т. Краткий очерк развития горного дела на Кавказе // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – № 10-11.
170. Карданова Ю.Х. Конфессиональная политика Российской империи на Северном Кавказе: выбор между православием и исламом (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Кабардино – Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
171. Карпов Ф. Нефтяное дело в Терской области // Терский сборник. – Владикавказ, 1890. – Вып. 1. Отд.1.
172. Картофель. Как нам помогла Америка // Mens Health. – М., 2007. – сентябрь, 2007 г.
173. Карцов А.П. Письма из губернии. Терская область // Русский вестник. – СПб., 1894. – Т.234.
174. Касумова С.Ю. Из истории христианства в южном Азербайджане // Известия Академии наук Азербайджана. Серия истории, философии и права. – Баку, 1991. – № 2-3.
175. Катышева М. Сердца трех // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 8.
176. К вопросу о переселении черкесов // Современный листок. – 1864. – № 24.
177. К вопросу о переселенческом движении туземцев Терской области // Донская речь. – Р н/Д., 1902. – № 10.
178. Кемпинский Э.В. Экономическое развитие Ставропольской губернии и Терской области в конце XIX – начале XX вв. // Сборник Русского исторического общества. – М., 2003. – № 6.

179. Киняпина Н.С. Административная политика царизма на Кавказе и в Средней Азии в XIX веке // Вопросы истории. – М., 1983. – № 4.
180. Клычников Ю.Ю. Северный Кавказ в истории России // Российский исторический журнал. – М., 2006 – № 1 (38).
181. Кобахидзе Е.И. Межэтническое взаимодействие в процессах интеграции и дезинтеграции народов Северного Кавказа (социокультурный анализ) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2004. – № 4 (37).
182. Козлов В.А.; Козлова М.Е. Патерналистская утопия и этническая реальность: чеченцы и ингуши в Сталинской ссылке (1944-1953) // Вестник архивиста. – М., 2003. – № 3-4 (75-76).
183. Колесникова М.Е. И.В. Бентковский – краевед и историк Северного Кавказа // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 1.
184. Коллесникова М.Е., Маловичко С.И. Новые направления изучения региональной истории: История пограничных областей Северного Кавказа // Вестник Ставропольского гос. пед. ин – та. – Ставрополь, 2004. – Вып.39.
185. Колпачева О.Ю. Деятельность школы по русификации и христианизации коренного населения окраин Российской империи в XIX – начале XX века //Северо-Кавказский гос. техн. ун-т. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». Вып.7. – Ставрополь, 2002.
186. Комаровский Е.А. Знамена Кавказской гренадерской дивизии в фондах Национального Музея Республики Татарстан // Гербовед. – М., 2007. – № 97.
187. Кончин Е. Из-под руин // Культура. – М., 1995.
188. Конюшевский Л.К. Старый Кавказ // Целебный Кавказ – Тифлис, 1915. – № 1-2.
189. Коростелев Н.Б. Народная гигиена (историко-медицинская оценка) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – М., 1996. – № 3.
190. Кошев М. Армия в системе российской политики просвещения горцев Северного Кавказа XIX – начала XX вв. (Постановка проблемы) // Литературная Кабардино – Балкария. – Нальчик, 2006. – № 2.
191. К переселению черкесов в Турцию // Весть. – СПб., 1864. – № 23.
192. Кузнецов Б. Вопросы и ответы // Военная быль. – Париж, 1969. – № 98.

193. Кузьминов П.А. Причины крестьянской реформы у народов Северного Кавказа // Вестник Кабардино-Балкарского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. Вып.9. – Нальчик, 2004.
194. Кудряшев В.Н. Имперская и этнократическая тенденции в русском национализме конца XIX – начала XX века // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. История. – Уфа, 2007. – № 31/32.
195. Купцис И.Д. О химическом составе и радиоактивности сернистых вод Горячеводска и Псекупска // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2.
196. Курахви Р. Политическая организация дагестанских и нахских народов до присоединения к России // Исламская Цивилизация. – Махачкала, 2005. – № 1.
197. Курбанов Г. Суфизм на Северном Кавказе: философия протеста // Центральная Азия и Кавказ. – Швеция, 2003. – № 5 (29).
198. Кусаинова Е.В. Традиции кочевых племен в русском боевом искусстве // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 3 (575).
199. Куценко И.Я. Кавказская война и проблемы преемственности политики на Кавказе // Черкесия. – Черкесск, 2002. – № 1.
200. Куценко И. «Русские и адыги живут добрососедски, их отношения являют собой образец современного общежития народов, достойный для подражания не только в России, но и в мире. Однако память о Кавказской войне, затуманенная, сглаженная полуправда описаний наносит ущерб взаимоотношениям между людьми / И. Куценко // Черкесия. – Черкесск, 2004. – № 2.
201. Кушхабиев А.В. К истории переселения черкесов в Сирию и Иорданию (Документы и материалы) // Живая старина. – Нальчик, 1991. – № 1.
202. Ланщиков А. Русские на Кавказе. XIX в. // Литературная Россия. – М., 1992. – № 51.
203. Лапин В. Кавказская война XVIII – XIX веков в исторической памяти // Россия XXI. – М., 2007. – № 6.
204. Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 4.
205. Латынина Ю. Идея нации и идея империи // Знание-сила. – М., 1993. – № 4.

206. Лежииков А. Родина вторая, родина первая // Азия и Африка сегодня. – М., 1991. – № 10.
207. Леонов Н.И. Военная реформа 1874 года в Башкирии // Вестник Восточного института экономики, гуманитарных наук, управления и права. Сер. История. – Уфа, 2000. – № 12/13.
208. Лизунов П. Россия в Европе // Былое. – М., 1995. – № 2.
209. Литвиненко Д.В. Артиллерийская промышленность России во втор. пол. XIX – начале XX века // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 10 (582).
210. Литвинова А. «Жизнь чинов пограничной стражи на Кавказе совершенно боевая...» // Пограничник. – М., 2002. – № 7.
211. Лысых Л.Д. «Энциклопедия ума и сердца» // Московский журнал. – М., 2008. – № 2.
212. Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта горцев Северного Кавказа и их взаимоотношения с казачеством // Вестник Северо-Осетинского гос. университета. – Владикавказ, 1999. – № 1.
213. Майоров М. О нравственности и национальных интересах // Международная жизнь. – М., 2007. – № 1-2.
214. Макаров Н., Ганин А. «А се кони турабиевы...» // Родина. – М., 2008. – № 4.
215. Максаков И. Конец войны, не ставшей миром // Независимая газета. – М., 1999. – 2 июня.
216. Максимович. Статистические сведения о скотоводстве в Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ, 1875. – № 41.
217. Макунин Ю. Полководец и поэт – основатели газет // Журналист. – М., 2002. – № 3.
218. Мальбахов Б.К. Российская демократическая мысль о колониальной войне на Кавказе // Вестник Северо-Осетинского ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3.
219. Мамбетов Г.Х. Институт аманатства и его роль в распространении и изучении русского языка на Северном Кавказе // Вестник Кабардино-Балкарского гос. ун-та. Серия гуманитарные науки. Вып. 8. – Нальчик, 2003.
220. Мамонов А.В. Граф М.Т. Лорис – Меликов на пути к власти: (XIX в.) // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. – М., 2001. – № 4.

221. Манкиев А.А. Об истоках «чеченского кризиса» // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2005. – № 1.
222. Маремкулов А.Н. Инструкции представителей царского самодержавия на Северном Кавказе как нормативные правовые акты (XVIII – XIX вв.) // Отечественные архивы. – М., 2005. – № 5.
223. Маремкулов А.Н. Историко-правовые аспекты изучения политики России на Кавказе // Современные гуманитарные исследования. – М., 2005. – № 1.
224. Маркграф О. Чеченские селения // Терские ведомости. – Владикавказ, 1881. – 21 ноября.
225. Маркелов Н. «Завтра я еду в Чечню брать пророка Шамиля...» // Дон. – Р н/Д., 2008. – № 2.
226. Маркович В.В. В лесах Ичкерии. Воспоминание лесничего о чеченском лесе // Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического общества. – Тифлис, 1897. – Кн. 19.
227. Маркус Д.С. «Пора сменить средневековый язык вражды в богословии!» // Медина. – Нижний Новгород, 2007. – № 16 (40).
228. Маркусова В.А. Цитируем ость российских публикаций в мировой научной литературе // Вестник Российской академии наук. – М. – Т. 73. № 4.
229. Мартиросиан Г.К. Богатство Терского края // Горская мысль. – Владикавказ, 1922. – № 2.
230. Мартовицкая А. Убить передвижника или Еще раз об искусстве точечных ударов // Культура. – М., 2000. – № 8.
231. Мартыненко И.В. Служба военных сообщений в Русско – турецкой войне (1877-1878 гг.) // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 3.
232. Маслов С. О поездке на Кавказ // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. – М., 1848. – № 10.
233. Матвеев В. В интересах горцев. О системе управления на Северном Кавказе // Ориентир. – М., 1999. – № 11.
234. Матвеев В. Кавказская война минувшего века: итоги и уроки // Ориентир. – М., 1998. – № 10.
235. Матвеев В.А. Особенности административно-политического обустройства окраин Российской империи (на примере Северного Кавказа) // Известия ВУЗов. Северо – Кавказский регион. Серия Общественные науки. – Р н/Д., 2006. – № 1.

236. Матвеев В.А. Переселение горцев в Турцию: неучтенные детали трагедии и подлинные интересы России на Кавказе // Научная мысль Кавказа. – 1999. – № 4.
237. Матвеев В.А. «Русские покушались строить мечети...» // Родина. – М., 2004. – № 4.
238. Матвеев В.А. Сепаратизм на Северном Кавказе: Границы явления на рубеже XIX – XX вв. // Известия ВУЗов. Сев.– Кавк. регион. Общественные науки. – Рн/Д., 2001 – .№ 3-4.
239. Матвейчук А. Магистр технологии // Нефть России. – М., 2005. – № 12.
240. Матвейчук А. Российский крез: взлет и падение // Родина. – М., 2008. – № 10.
241. Материалы для статистики Терской области // Терские ведомости. – Владикавказ, 1884. – № 9, 85.
242. Матчанова З.Ш. Проблема низкой эффективности мер противодействия террористической деятельности на Северном Кавказе: историко-правовой экскурс // Человек и Закон. – М., 2007. – № 5.
243. Матющенко П.П. Аграрный вопрос в политике царизма на Северном Кавказе (л. XIX – начало XX вв.) // Человек. Сообщество. Управление. Приложение 2006. Актуальные проблемы исторической науки. – Краснодар, 2006.
244. Мачукаева Л.Ш. Российские власти о проблеме привлечения коренного населения Кавказа к имперской гражданской и военной службе (XIX – начала XX вв.) // Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. Академика М.Д. Миллионщикова. Вып. 7. – Грозный, 2007.
245. Межиева Р. Художник из Дады – Юрта (190 лет академику живописи П. Захарову) // Вайнах. – Грозный, 2006. – № 9.
246. Мелихов А. Россия и Кавказ – двести лет вместе // Октябрь. – М., 2004. – № 3.
247. Мемуары генерала Мусса-Паши Кундухова // Дарьял. – Владикавказ, 1995. – № 1-2.
248. Миронов Б.Н. Преступность в России в XIX – начале XX века // Отечественная история. – М., 1998. – № 1.
249. Митрофанов В.В. Некролог С.Ф. Платонова о графе А.С. Уварове // Российская археология. – М., 2008. – № 4.
250. Мицаев М.М., Мицаева Р.Ш. Сообщение 1. Сибирская язва // Вестник Академии наук Чеченской Республики. – Грозный, 2006. – № 2.

251. Музаев Т. Тапа // Голос Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1992. – № 76.
252. Муратова Е.Г. Модернизация и традиция в этнических ареалах Северного Кавказа (Исторический и актуальный опыт) // ОНС: Общественные науки и современность. – М., 2006. – № 3.
253. Мусукаев А., Мальбахов К. «Письма с Кавказа и Крыма» // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 1 (10).
254. «Наша внутренняя политика по мусульманскому вопросу является важным фактором политики внешней». С.Ю. Витте и его позиция в мусульманском вопросе // Источник. Документы русской истории. – М., 2003. – № 2.
255. Наши городские банки // Терские ведомости. – Владикавказ, 1879. – № 26.
256. Неверов Я.М. К вопросу об образовании инородцев // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1869. – Ч. CXLVI.
257. Невский С.А. Из истории борьбы с незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ в России // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
258. Невский С.А. Правовое регулирование оборота оружия на Кавказе в XIX – начале XX века // Военно-исторический архив. – М., 2004. – № 9 (57).
259. Некрасова М.Б. Марк Блок // Историки мира. Вып. 1-й // Архивно – информационный бюллетень. – М., 1998. – № 4 (20).
260. Некролог. Бентковский И.В. // Новое обозрение. – Тифлис, 1890. – № 2300.
261. Немирович – Данченко В. Вдоль Чечни. Из летней поездки по Каспийскому морю // Русские ведомости. – М., 1888. – № 27, 32.
262. Никитин Н.И. Национальная политика Российской империи в Сибири // Преподавание истории в школе. – М., 2007. – № 3.
263. Новая мусульманская секта Зикра или Зекир из восточной стороны Кавказа // Московские ведомости. – М., 1864. – № 36.
264. Нунуев С.-Х. Мюридизм в Чечне: исторический аспект // Государственная служба. – М., 2007. – № 3 (47).
265. Обзор журналов артиллерийского коимитета // Артиллерийский журнал. – СПб., 1885. – № 5.
266. Обзор печати // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1917. – № 2.
267. Общие правила ветеринарного надзора и порядка передвижения скота // Ставропольские губернские ведомости. Приложение к № 28. – Ставрополь, 1890. – № 28.

268. Огранович И. Поездка в Ичкерия // Кавказ. – Тифлис, 1866. – № 23.
269. Одинцов А. Укрепление Ведено, Грозненского округа // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1898. – № 3.
270. Оленин В. Кавказские силуэты // Кавказ. – Париж, 1938. – № 8-9 (56-57).
271. Олимах И. Василий Верецагин // Смена. – М., 2008. – № 9.
272. Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год // Русская старина. – М., 1893. – Т. 79. № VII.
273. Ом. Кавказская хроника // Кавказский вестник. – Тифлис., 1901. – № 5.
274. О проекте Г. Любанского // Ставропольские губернские ведомости. – Ставрополь, 1858. – № 18.
275. О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 9.
276. О присоединении к православию // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1896. – № 3.
277. Орфинская Л.В. Краткая тюремная история крепостей Южной Финляндии XIX века // Труды Государственного музея истории Санкт – Петербурга. Вып. 15. Крепости-тюрьмы Северо-Западной России и Южной Финляндии. История и современность. Материалы научной конференции. – СПб., 2007.
278. Оса. Пчеловодство в Терской области // Казбек. – Владикавказ, 1896. – № 119.
279. Османов М.О. Обмен и торговля в Дагестане в XIX в. // Вестник Института истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2005. – № 3.
280. Островский О.Б. Эволюция цензурной политики при Александре I (1801-1825) // Вестник молодых ученых. Серия: Исторические науки. – СПб., 2006. – № 2.
281. Отчет Владикавказского Епархиального Училищного Совета о состоянии церковно-приходских школ и школ грамоты за 1893-1894-й учебный год // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 1.
282. Официальная летопись // Кавказ. – Тифлис, 1870. – № 57.
283. Павильонов С.П. Кавказские очерки и заметки. Причины, задерживающие образование мусульманского населения на Кавказе // Церковная летопись. – 1874. – № 15.

284. Павлов В.Е. Первая Российская железная дорога массового использования // Железнодорожный транспорт. – М., 2007. – № 9.
285. Пальм. Кавказские губернаторы о Кавказе (Материалы для истории Кавказского мятежа) // Исторический вестник. – СПб., 1910. – Т. 121. Год 31.
286. Первая народная школа в Чечне // Терские ведомости. – Владикавказ, 1897. – № 108.
287. Первая Терская сельскохозяйственная выставка в г. Владикавказе // Терские ведомости. – Владикавказ, 1898. – № 113.
288. Перебийнос Ф. Асланбек Шерипов // Советский Северный Кавказ. – 1926. – № 19-20.
289. Передпольский Г. Несколько слов об учителях городских училищ вообще и на Кавказе в частности // Кавказский вестник. – 1901. – № 3.
290. Першиц А.И.; Смирнова Я.С. Юридический плюрализм народов Северного Кавказа // Общественные науки и современность. – М., 1998. – № 1.
291. Печерин А.И. Сотворение Большого Кавказа // География в школе. – М., 2000. – № 1.
292. Пирожков В.В. Демократическая направленность взглядов передовых кавказских врачей XIX и начала XX века // Советское здравоохранение. – М., 1960. – № 5.
293. Плешаков И.Н. Император Павел I: «Через Бухарию и Хиву на реку Индус...» // Военно-исторический журнал. – М., 2007. – № 12 (572).
294. Пляскин В.П. Русская армия в послевоенном обустройстве Кавказа (втор. пол. XIX –нач. XX в.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2002. – № 3.
295. Пляскин В.П. Система военно-народного управления на Кавказе (вторая половина XIX – начало XX в.) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2002. – № 2.
296. Подколзина Л. Пейзажи из передвижников. Пейзажи в творчестве Н.А. Ярошенко. К 160-летию художника // Голос Кавказа. – Пятигорск, 2007. – № 1.
297. Понамарева Е.Ю. Возникновение и деятельность общественных организаций Ставропольской губернии как отражение насущных потребностей населения в последней трети XIX – начале XX в. // Вестник СГПИ. Вып. 7. – Ставрополь, 2006.

298. Попель В.А. Профессиональная и производственная заболеваемость рабочих Грозненской нефтяной промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2.
299. Попов В.В. Горцы честно служили России // Военно-исторический журнал. – М., 1997. – № 2.
300. Попов В. Кавказский узел до сих пор не развязан // Независимое военное обозрение. – М., 2008. – № 23.
301. Портнов А. Великий псевдоним Иосифа Пржевальского // За семью печатями. – М., 2007. – № 1.
302. По Чечне и Дагестану // Справедливость. – М., 2003. – № 3-4 (125-126).
303. Правилова Е. «Цена» империи: центр и окраины в российском бюджете XIX – начала XX вв. // Ab imperio. – Казань, 2002. – № 4.
304. Правительственный вестник // Русский инвалид. – СПб., 1870. – № 50.
305. Праздаускас А. Россия и Кавказ: как сбросить груз прошлого? // Российские вести. – М., 1994. – № 170.
306. «Предоставляется совершенная свобода следовать магометанской или другой какой-либо вере». Генерал А.А. Вельяминов об управлении духовной жизнью горцев Кавказа // Источник. Документы русской истории. – М., 2003. – № 5.
307. Преображенский С. Истоки «немалой прибыли» // Наша власть: дела и люди. – М., 2008. – № 3.
308. Преосвященный Иосиф, епископ Владикавказский (1821-1890 гг.) // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1903. – № 1.
309. Пржецлавский П. Несколько слов о военном и гражданском устройстве Чечни и Дагестана во время правления имама Шамиля // Кавказ. – Тифлис, 1863. – № 64.
310. Приложения // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 1-2, № 3-4.
311. Приложения к мемуарам генерала Мусса-Паши Кундухова // Дарьял. – Владикавказ, 1995. – № 3.
312. Приложения: Список лечебных мест Кавказа // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1915. – № 5-6.
313. Присоединены к православию в 1898 году // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1899. – № 7.
314. Пылков О. «В книгах недостаток, остается играть в карты!» Первые библиотеки на Севере – Западном Кавказе // Родина. – М., 2008. – № 2.

315. Пыхалов И. Северный Кавказ. Причины депортации 1943-1945 гг. // Молодая Гвардия. – М., 2002. – № 10.
316. Разные известия // Владикавказские епархиальные ведомости. – Владикавказ, 1895. – № 8.
317. Рашидова Г.Р. О публицистике П.К. Услара // Вестник молодых ученых Дагестана. – Махачкала, 2006. – № 2.
318. Рашковский Е. Ислам в динамике глобальной истории // Мировая экономика и международные отношения. – М., 2004. – № 6.
319. Резван Е. В Мекку на разведку // Россия. – М., 1992. – № 37 (9-15 сентября).
320. Решетин Н. Родной язык в туземной школе // Терские ведомости. – Владикавказ, 1910. – № 254.
321. Романовский В. Развитие учебного дела на Кавказе и в бывшем царстве Грузинском в XIX веке // Кавказский вестник. – Тифлис, 1901. – № 11.
322. Ронин В.К. Россия на Всемирных выставках 1885 и 1894 годов // Славяноведение. – М., 1994. – № 4.
323. Россиков К.Н. Поездка в Чечню и Нагорный Дагестан // Записки Кавказского отделения Русского Географического общества. – Тифлис, 1884. – Т.13. № 1.
324. Рощин М.Ю. П.И. Тахнаева. Христианская культура средневековой Аварии (VII -XVI вв.) в контексте реконструкции политической истории // Восток. Афро – азиатские общества: история и современность. – М., 2006. – № 3.
325. Рябушев А. Дудаевцы похитили уникальные музейные экспонаты // Российские вести. – М., 1996. – № 34.
326. Савельев А.Е. Народы Кавказа в русской историографии X – начала XIX в. // Вопросы истории. – М., 2008. – № 11.
327. Савельев А.Е. Переговоры с горцами и их отражение в воспоминаниях современников // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
328. Салчинкина А.Р. Специфика боевых действий на Кавказе в 1817-1864 гг. глазами офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Клио. – СПб., 2007. – № 1 (36).
329. Самойлов Л. Грозный – город удивительной судьбы... // Родина – М., 2006. – № 12.
330. Сапожников А.И. Из истории военной цензуры в России: деятельность военно – цензурного комитета (1835 – 1858 гг.) // Клио. – М., 2002. – № 4 (19).

331. Сафонов А. Военные из рода Пушкиных // Щит и меч. – М., 1999. – 22 июня.
332. Северикова Н.М. У истоков русского просвещения // Московский университет. – М., 2005. – № 7 (4112).
333. Северный Кавказ, 28 ноября // Русские ведомости. – М., 1902. – № 336.
334. Сегень А. Окончание бесконечной войны... // Новая книга России. – М., 2004. – № 7 (67).
335. Сельский Л.А. Начало Грозненской Нефтяной Промышленности // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный, 1930. – № 2.
336. Семакова И. Кавказская сказка // Родина. – М., 1998. – № 4.
337. Семенов Л.П. Встречи М.Ю. Лермонтова на Кавказе // Ученые записки Северо – Осетинского гос. педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т.XVIII. Выпуск историко-филологический. – Дзауджикау, 1949.
338. Сенин А.С. «Требуется большого искусства и осмотрительности...» (Из истории управления национальными окраинами Российской империи) // Этнополитический вестник. – М., 1996. – Т.1 (13).
339. Серман И. Живой Лермонтов // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4084.
340. Серов К., Козин В. Буйвасар Сайтиев поставил себе троечку // Комсомольская правда. – М., 2008. – № 123-д (24 150-д).
341. Сидоренко В. Последний царский министр // Дон. – Рн/Д., 2004. – № 11.
342. Силаев Н.Ю. Миграционная политика российского правительства на Северном Кавказе во втор. пол. XIX в.: практика и результаты // Вестник Московского университета. – М., 2002. – Сер. 8. История. – № 3.
343. Смирнов М. Заметка о необходимости этнографических изысканий на Кавказе // Кавказ. – Тифлис, 1874. – № 11, 28.
344. «Совершено повсеместное освобождение холопов во вверенной мне области». Рапорты начальника Терской области М.Т. Лорис – Меликова. 1866-1867 гг. (Ю.Н.Герасимова) // Исторический архив. – М., 2005. – № 6.
345. Солдатов С.В.; Худобородов А.Л. «Надо, чтобы кавказец находил для себя столько же пользы принадлежать нам, сколько и мы в

- его удержании». Князь Г.Г. Гагарин о политике России на Кавказе. 1884. // Исторический архив. – М., 2004. – № 1.
346. Сопов А. Родина казаков: история с географией // Родина. – М., 2008. – № 4.
347. Соснина Е. Л. Кавказ глазами Франции. История одного поиска // Голос Кавказа. – Пятигорск, 2007. – № 1.
348. Соснина Е.Л. Мог ли М.Ю. Лермонтов участвовать в разведывательных операциях? // Военно-исторический журнал. – М., 2008. – № 6 (578).
349. Спангелис С.В. На рубежах Кавказа // Московский журнал. – М., 2000. – № 6.
350. Староверов В. Исторические уроки буржуазного решения аграрного вопроса в России // Диалог. – М., 2000. – № 6.
351. Старовойтова Г. Россия и Чечня: смертельное объятие // Московский комсомолец. – М., 1995. – № 47 (17059).
352. Стефанов А.Т. Архив Крепости Св. Дмитрия Ростовского и его судьба // Северо – Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии. Вып.1. Т.III. Кн. 1. Записки. – Р н/Д., 1927.
353. Страхов В.В. Использование внутренних государственных займов в Российской империи // Преподаватель XXI век. – М., 2006. – № 4.
354. Султыгов А. – Х.А. Этнополитический конфликт в Северной Ирландии: прошлое и настоящее // Новая и новейшая история. – М., 2006. – № 2.
355. Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теория империи // Ab Imperio. – Казань, 2001. – № 1-2.
356. Сухов И. Для душевного спокойствия // Время новостей. – М., 2007. – № 122.
357. Тайсаев К.У. Состязания и игры, связанные с общественным и семейным бытом // Эльбрус. – Нальчик, 1999. – № 2 (11).
358. Тахо – Годи М.А. Ксавье де Местр и Кавказ // Вестник Северо – Осетинского университета им. К.Хетагурова. – Владикавказ, 1999. – № 1.
359. Тедтоев А. К вопросу о переселении части горцев в Турцию // Молодой коммунист. – Дзауджикау, 1953. – № 63.
360. Темиров У. Кавказская война и проблемы черкесского этноса // Жизнь национальностей. – М., 2005. – № 3.
361. Тернавский Н.А. Вышли в свет // Новый исторический вестник. – М., 2005. – № 2 (13).

362. Терская область. Безземельный пролетариат среди горского населения // Бакинские известия. – Баку, 1903. – № 72.
363. Терская область на Кавказской сельскохозяйственной и промышленной выставке 1889 г. // Терские ведомости. – Владикавказ, 1889. – № 98.
364. Тилинина Т.В. Особенности заблуждений в общественных науках // Общество и право. – Краснодар, 2007. – № 2 (16).
365. Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию // Ученые записки Северо-Осетинского гос. педагогического института им. К.Л. Хетагурова. Т.ХVIII. Выпуск историко-филологический. Дзауджикау, 1949.
366. Трембикова А.А. Применение педагогических идей и опыта образовательной деятельности К.П. Яновского на Кавказе в реформировании российской системы образования в конце XIX века // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. Вып.10. – Ставрополь, 2007.
367. Фадеев Р.А. Отрывки из записки генерала Фадеева о Кавказе // Русь. – 1884. – № 3.
368. Федорова Е.М. «Возвращение на родину признается еще правомерным...» Ссылные горцы в Псковской губернии. 1862-1880 // Отечественные архивы. – М., 2004. – № 3.
369. Хаген фон, Макс. Пределы реформы: национализм и русская императорская армия в 1874-1917 годы // Отечественная история. – М., 2004. – № 5.
370. Хасбулатов А.И. Землевладение и землепользование Терского казачества (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Научная мысль Кавказа. – Р н/Д., 2005. – № 4.
371. Хасбулатова З.И. Нравственность – это главное // Этносфера. – М., 2008. – № 5 (116).
372. Хасбулатова З.И. Структура сельской общины и патронимия у чеченцев во второй половине XIX века // Вестник Московского университета. Серия 8. История. № 1.
373. Хасиев С.-М.А. О некоторых орудиях обработки почвы у вайнахов в XIX – XX в. // Советская этнография. – М., 1973. – № 1.
374. Хачетлова С.М. Проблема миграций на Северном Кавказе в конце XVIII – начала XX века // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – Р н/Д., 2008. – № 2.
375. Хизриев Р. Исторические и этнокультурные связи народов Чечни и Дагестана // Вайнах. – Грозный, 2007. – № 4.

376. Хизриева Г. Вирдовые братства на Северо-Восточном Кавказе // Суфизм как социокультурное явление в российской умме. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 21 ноября 2006 г.). – Нижний Новгород, 2007.
377. Холов И.В. Хранение исторических знамен в рамках Российской Имперской Армии в конце XIX – начале XX в. // Гербовед. – М., 2007. – № 97.
378. Хроника // Целебный Кавказ. – Тифлис, 1916. – № 3.
379. Хроника. Скончался Смекалов // Терские ведомости. – Владикавказ, 1890. – № 11.
380. Хроника Чеченского восстания 1877 г. // Терский сборник. – Владикавказ, 1890. – № 1.
381. Хубиева З.А. Место и роль духовно-нравственных ценностей в социокультурном пространстве Северного Кавказа // Сборник научных трудов Северо-Кавказского гос. тен. ун-та. Серия «Гуманитарные науки». – Ставрополь, 2005. – № 1.
382. Цветкова О.Н. Завершающий этап Кавказской войны 1859-1864 гг. // Вестник молодых ученых: Исторические науки. – СПб., 2004. – № 1.
383. Цогоев В.Г. Архивное дело в Терской области в 1860-1917 гг. // Отечественные архивы. – М., 2003. – № 2.
384. Чебриков С. Чеченское оружие // Справедливость. – М., 2002. – № 16-17 (117-118).
385. Черноус В.В. Северный Кавказ в контексте этноэтатизма и глобализации // Журнал Отдела философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований им. Т.М. Керашева. – Майкоп, 2006. – № 5.
386. Черток С. «Черкесы» Ближнего Востока // Русская мысль. – Париж, 1995. – № 4062.
387. Чеснов Я.В. Над чем смеются чеченцы: (Этнологическое исследование) // Знание – сила. – М., 2001. – № 7.
388. Чеучева А.К. Политика Османской империи на Северо – Западном Кавказе // Вопросы истории. – М., 2007. – № 9.
389. Чеченские сказки и легенды // Терские ведомости. – Владикавказ, 1880. – № 43.
390. Чикаева К.С. Офицерский корпус Северного Кавказа (1861-1917 гг.): статус, состав и образование // Культурная жизнь Юга России. – Краснодар, 2006. – № 3 (17).

391. Чирг А.Ю. Дипломатические методы завоевания Черкесии царизмом в XIX веке // Информационно-аналитический вестник. Вып.4. – Майкоп,2001.
392. Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) // Вестник Северо-Осетинского гос. университета. – Владикавказ,1999. – № 1.
393. Чшиева М.Ч. Из истории деятельности нефтепромышленной фирмы «Ахвердов и К» на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Бюллетень Владикавказского института управления. – Владикавказ, 2005. – № 13.
394. Шавлаева Т.М. Древние виды бурок чеченцев // Труды Грозненского Государственного нефтяного института им. академика М.Д. Миллионщикова. Вып.7. – Грозный,2007.
395. Шадур Л.А. Развитие вагоностроения // Железнодорожный транспорт. – М., 2007.– № 9.
396. Шамиль и Чечня // Военный сборник. – СПб.,1859. – № 9.
397. Шаповалов А.П. Предварительный отчет Экспедиции Научного Общества ЧАО по изысканию цементных мергелей и гипса в нагорной Чечне в 1923 г. // Известия Научного Общества Чеченской Автономной Области. – Грозный,1929. – № 1.
398. Шарманова М.А. Становление и развитие государственности на Северном Кавказе в конце XVIII – первой половине XIX в. // История государства и права. – М., 2007. – № 13.
399. Шашин А. Миссионерская поездка на Кавказ // Братское слово. – М.,1894. – № 13.
400. Шебзухова Т.А. К вопросу об использовании истории опыта развития сельского хозяйства Северного Кавказа в его реформировании на современном этапе // Северо-Кавказский гос. технич. Ун-т. Сборник научных трудов. Серия «Гуманитарные науки». – Вып.7. – Ставрополь, 2002.
401. Шевяков Т. Гвардейцы с Кавказа // Родина. – М., 2000. – № 1-2.
402. Шейнин Л. Малые государства – не выход из положения // Политический класс. – М., 2007. – № 8 (32).
403. Шепелев Л. Гражданские чиновники Военного министерства 1834-1855 // Цейхгауз. – М.,1999. – № 9.
404. Шереметьев Д. Оружие как метафора // Звезда. – СПб., 2003. – № 9.

405. Шотин Ф. Правда о Кавказских горах // Санкт-Петербургские ведомости. – СПб., 1900. – № 172.
406. Шперлинг В. Строить железную дорогу, создавать имперское пространство: «местность», «край», «Россия», «империя» как политические аргументы в пореформенной России // *Ab Imperio*. – Казань, 2006. – № 2.
407. Штакельберг Э. Кавказские народы // Русский инвалид. – СПб., 1846. – № 21.
408. Шухова Е. Первый нефтепровод // Былое. – М., 1995. – № 9 (50).
409. Эмин Г. Великий русский почвовед // Смена. – М., 1951. – № 8.
410. Энглези А.И. Знаток Кавказа // Московский журнал. – М., 2005. – № 11.
411. Эстамирова Т. Художник Ясханов, его истанги и ковры // Нохчи. – Грозный, 1999. – № 1.
412. Яковлев Г. Покаяние имама // Парламентская газета. – М., 2000. – 30 июня.
413. Яковлев Н. Развитие национальной письменности у восточных народов Советского Союза и зарождение их национальных алфавитов // Революционный Восток. – 1928. – № 3.
414. Якубов А. Чеченская история: за и против... // Голос Чеченской Республики. – Грозный, 2007. – № 9 (21172).
415. Ярлыкапов А. Исламское образование на Северном Кавказе в прошлом и настоящем // Вестник Евразии. – М., 2003. – № 2.
416. Galtung L.E. A.S. Pusjkins forfedre I Tyskland, Skandinavia og Baltikum // Соотечественник. – Берген, 2007. – № 5.
417. Radomir Vlcek: Rusko, Kavkaz a Cecensko v. 19. století (Ke genezi a vyvoji konfliktu) // Slovanský přehled. – Praha, 2000. – № 3.
418. Zeteichvili P.J. Orthodoxie et cecumenisme dans ehistoire religieuse de la Georpie //
419. Символ. – Париж, 2005. – № 48.

V. Монографии.**Научные статьи в брошюрах и сборниках**

А

- Абадиев Б.В. Достойные сыны Отечества. – Магас, 2008.
- Абашин С.Н.; Бобровников В.О. «Соблазны культа святых» // Подвижники ислама: Культ святых и суфизм в Средней Азии и на Кавказе. – М., 2003.
- Абаев А.М. Этнокультурные особенности физического воспитания детей и юношества у народов Северного Кавказа // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007 г. – Саранск, 2007.
- Абдуллаева З.А. Кавказ – глазами именитого немецкого художника Теодора Горшельта. – Грозный, 2007.
- Абдуллаева Э.Б. Изучение народной музыкальной культуры Дагестана // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сборник статей. – Махачкала, 2007.
- Абдуллаев М.А. Историческая культурно – творческая роль ислама на Северном Кавказе // Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно – практической конференции. – Махачкала, 2006.
- Абдурахманов Д.Б., Гапуров Ш.А. Страны Востока и колониальная политика европейских держав (XVI – середина XIX века). – Грозный, 2007.
- Абрамов Я.В. Кавказские горцы. – Краснодар, 1927.
- Абхазия и абхазы в российской периодике (XIX – нач. XX вв.) Кн.1 / Сост.: Агуажба Р.Х., Ачугба Т.А. – Сухум, 2005.
- Абхазы. – М., 2007.
- Авдаков И.Ю. Экспозиции Кавказа и Средней Азии на XVI Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде // Кавказ: история, культура, традиции и языки. – Сухум, 2004.
- Аверин М.Б. Особенности управления национальными окраинами России кон. XIX – нач. XX в. (на примере Кавказского края) // Государство и право: проблемы, помехи, решения и предложения. Вып. I. – Ульяновск, 1996.
- Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь, 1973.

- Авксентьев А.В.; Шаповалов В.А. Этносоциальные проблемы России. – Ставрополь, 1994.
- Авраменко А.М.; Матвеев О.В.; Ратушняк В.Н.; Матющенко П.Н. История России и Кавказа в новейших исторических публикациях // Вопросы отечественной истории. – Краснодар, 1995.
- Авторханов А.Г. Империя Кремля. – Минск – Москва, 1991.
- Авторханов А.Г. К основным вопросам истории Чечни (К 10-летию Советской Чечни) – Грозный, 1930.
- Авторханов А.Г. Краткий историко-культурный и экономический очерк о Чечне. – Р н/Д., 1931.
- Авторханов А.Г. Революция 1905 года в национальных областях Северного Кавказа // ЧИНИИ. Известия. Т.1. Вып.1. – Грозный, 1936.
- Агаджанов С.Г. Основные черты системы управления национальных окраин России (Опыт сравнительно-исторического анализа) // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998.
- Агаев А.Г. Магомед Ярагский: Мусульманский философ, поборник веры, свободы, нравственности. – Махачкала, 1996.
- Агишев Н.М.; Бушен В.Д. Материалы по обозрению горских и народных судов Кавказского края. – СПб., 1912.
- Аджамов Б. Святыни Дагестана. – Махачкала, 2005.
- Аджи М. Азиатская Европа. – М., 2006.
- Айбатов М.М. Государственно – правовая мысль народов Северного Кавказа (XIX – начало XX в.). – М., 2006.
- Айдарова Н.М., Гусаева К.Г. Теоретико-правовые проблемы регулирования межнациональных отношений: Монография. – Махачкала, 2006.
- Айдемиров А.А. Хронология истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1991.
- Айдемиров А.А. Эстетическая культура народов Северного Кавказа / Ставроп. гос. ун-т. – Ставрополь, 1999.
- Айдемиров Н.Г. Эстетическая культура народов Северного Кавказа. – Ставрополь, 1999.
- Айларова С.А. Обновляющийся Северный Кавказ: общественно-политическая мысль 60-90-х гг. XIX в. – Владикавказ, 2002.
- Айларова С.А. Северокавказское просветительство 60-70-х гг. XIX века и статья У.Лаудаева «Чеченское племя» // Вопросы политологии, истории и социологии: Сборник научных трудов. Вып.3. – Владикавказ, 2000.

- Айналов Д. Кавказ и его древности. – Харьков, 1902.
- Айрапетов О. Внешняя политика Российской империи (1801-1914). – М., 2006.
- Акаев В.Х. Ислам в Чеченской Республике. – М., 2008.
- Акаев В.Х. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Акаев В.Х. Суфизм и ваххабизм на Северном Кавказе. – М., 1999.
- Акаев В.Х. Чеченское общество в поисках геополитической и социокультурной идентичности // Современные проблемы геополитики Кавказа. Сборник научных статей. – Р н/Д., 2001.
- Акаев В.Х., Вок Г.Б., Керимов М.М. Ислам в Чечне: традиции и современность // Чеченский государственный университет, Независимый институт гуманитарных исследований Чеченской Республики, Чеченское отделение Философского общества России. Серия «Общественная мысль». Вып.3. – Грозный, 2006.
- Акиев Х.А. Привилегированное сословие горцев Северного Кавказа на службе в царской армии и милиции // Вопросы истории, классового образования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – нач. XX в.). – Грозный, 1980.
- Акиева Х.М. Орнаментация войлочных ковров чеченцев и ингушей // Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития. Тезисы докладов региональной научно – практической конференции. 14-16 октября 1986 г. – Махачкала, 1986.
- Акимов А.И. «Сухарная оказия», или Страница из истории Кавказской войны // Victoria. Gloria. Fama. Материалы международной научной конференции, посвященной 300-летию Военно – исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ч.2. – СПб., 2003.
- Акопян В.З. Краткий очерк по истории армянских поселений на Юге России // Армяне Ставрополя и Терека. – Пятигорск, 2007.
- Акопян В.Н. Начальник Терской области // Армяне Ставрополя и Терека – Пятигорск, 2007.
- Аксютин Ю.М. Проблема идентичности малых этносов в имперской культуре России // Этнос развивающейся России: проблемы и перспективы: материалы межрегиональной научно-практи-

- ческой конференции 22-23 сентября 2006 г. г. Абакан. – Абакан, 2006.
- Албагачиев Р.Ш. Без прошлого нет будущего // Без прошлого нет будущего. – Нальчик, 2005.
- Албагачиев Р.Ш. Путешествие И.А. Гюльденштедта на Кавказ // Без прошлого нет будущего. – Нальчик, 2005.
- Албогачиева М.С.-Г. Ингуши в XX веке: этнографические аспекты религиозных практик // Северный Кавказ: Традиционное сельское общество – социальные роли, общественное мнение, властные решения: Сборник статей. – СПб., 2007.
- Александров В.А. Отечественная наука XIX – нач.XX вв. об обычном праве в России // Социально-политическое и правовое положение крестьянства в дореволюционной России. – Воронеж, 1983.
- Алексеев И.Л. Ислам в русском общественном сознании // Человек, этнос, культура в ситуациях общественных переломов. – М., 2001.
- Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 1998.
- Алексеева Е.В. Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.). – М., 2007.
- Алексеева Е.В. Европейская культура в имперской России: проникновение, распространение, синтез. – Екатеринбург, 2006.
- Алексеева Е.В. Территориальная экспансия Российской империи в сравнительно- исторической ретроспективе // Россия в VII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. – Екатеринбург, 2006.
- Алексеева Е.П. Вопросы взаимосвязей народов Северного Кавказа с русскими в X – XV вв. в отечественной исторической науке. – Черкесск, 1992.
- Алешина Л. Михай Зичи. – М., 1975.
- Алиев Б.Г. Свободное узденство феодального Дагестана (XVIII – первая пол. XIX в.). – Махачкала, 2007.
- Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора: история и современность (вторая половина XIX – XX вв.). – Махачкала, 2001.
- Алиева Н.Э., Наменатов Р.А., Селиванова Н.А. Издания Кавказского статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.
- Аликов В. Очерк положения животноводства в Терской области, составленный по данным обследования, произведенным в 1912 году. – Владикавказ, 1914.

- Алироев И.Ю. Нахские языки и культура. – Грозный, 1978.
- Аминева Е.Ю. Заметки о фольклоре Северо-Кавказского региона (Чечня глазами российского солдата) // Кабинет фольклора. Статьи, исследования и материалы: сборник научных трудов. Вып.2. – Саратов, 2005.
- Ананичук В.Я. Закавказье и Северный Кавказ: истоки конфликтности и политика России. – М., 1997.
- Андриевский Д.И. Население Кавказа как источник комплектования армии. По данным десятилетия 1892-1901 гг. – Тифлис, 1906.
- Андроников И. Собрание сочинений в 3-х томах. Т.3. – М., 1981.
- Антропологическая поездка Анучкина Д.Н. на Кавказ // Отчет Императорского Русского географического общества в 1882 г. – СПб., 1883.
- Аракелян Ф.А. Иностранный пресса в России. По материалам армянской печати. – СПб., 2004.
- Аракелян Ф.А. «Цензурное рассмотрение будет поручено...»: (Цензура армянских сочинений в С. – Петербургском цензурном комитете во втор. пол. XIX – начале XX в.) – СПб., 2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 28.07.2003, № 58157.
- Арапов Д.Ю. Ислам в Российской империи // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). Составитель и автор вводной статьи, комментариев и приложений Д.Ю. Арапов. – М., 2001.
- Арапов Д.Ю. Д.А. Милютин о «мусульманстве» // Актуальные проблемы гуманитарных, социальных, экономических и технических наук: Межвузовский сборник научных и научно-методологических трудов. Т. Вып.2. – М.: МГИУ, 2003.
- Ардасенов А.Г. По поводу лесных пожаров. – М., 1902.
- Арефьев Б. Солдат империи. – М., 2003.
- Арсанукаева М.С. Судопроизводство по частноправовым спорам на основе адата у чеченцев. Конец XVIII – начало XIX века // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Архиреев М.В. Кавказ, империя, Европа: большая Кавказская война русской литературы // Историко – литературный сборник: Выпуск 3: К 70-летию профессора М.М. Кедровой. – Тверь, 2002.

- Арцишевский А. Условия нашей борьбы с соседями на Кавказе раньше и теперь. – М., 1908.
- Асланов Л.А. История России: были и небылицы // Россия державная: В 2-х частях. Ч.1. – М.; Волгоград, 2006.
- Аствацатурян Э.Г. Турецкое оружие. – СПб., 2002.
- Аствацатурян Э.Г. История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XIX – начале XX в. Ч.1. Дагестан и Закавказье. – М., 1977.
- Аствацатурян Э.Г. Оружие народов Кавказа. – СПб., 2004.
- Асфендияров А.З. Введение кантонной системы управления в Башкирии // Из истории Башкирии. Дореволюционный период. – Уфа, 1969.
- Асхабов И. А.–Р. Искусство оружейных мастеров // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Асхабов И. А.–Р. Чеченское оружие. – М., 2001.
- Аталиков В. Наша старина. – Нальчик, 1996.
- Аталиков В.М. Страницы истории. – Нальчик, 1987.
- Афанасьев А.И. Начало большого пути. – Грозный, 1970.
- Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта (Социокультурная динамика России). От прошлого к будущему. – М., 2008.
- Ахмадов Х.С. Царская администрация и вопрос о сословиях в Чечено-Ингушском обществе второй пол. XIX – нач. XX вв. // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988.
- Ахмадов Ш.Б. Взаимоотношения чеченцев с народами Кавказа и России в прошлом // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Ахмадов Ш.Б. Культура чеченцев в XVIII веке // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Ахмадов Ш.Б. Обычай и традиции чеченцев как непреходящие ценности духовной культуры народов // Юг России: культурно-исторический феномен. Сборник научных статей. – Элиста, 2004.
- Ахмадов Я.З. История Чечни с древнейших времен до конца XVIII века. – М., 2001.
- Ахмадов Я.З., Хасмагоматов Э.Х. История Чечни в XIX – XX веках. – М., 2005.
- Ахмадов Я.З., Осмаев А.Д. Русско-чеченское этнокультурное и хозяйс-

- твенное взаимовлияние на Тереке в XVI – XVIII веках // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Ацаркина Э.Н. Александр Осипович Орловский (1777 – 1832). – М., 1971.
- Ашхотов Г. Периодизация изучения музыки – устной традиции адыгов // Фольклор и музыкальная культура Дагестана и Северного Кавказа: Сборник статей. – Махачкала, 2007.

Б

- Бабаев Н.А. Межнациональные конфликты (причины возникновения и пути их разрешения) // Этнические проблемы в современной России: Международная научно – практическая конференция. Апрель 2007 г.: Сборник докладов / Под общей ред. Беловой Е.В. – М., 2007.
- Бабаян Л.А. Лорис – Меликов. Герой Кавказа – «бархатный диктатор» России. – Ереван, 2004.
- Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье. VI в. до н.э. – XII в. н.э. – М., 2008.
- Багаев М.Х. Роль Российской академии наук в становлении археологии Чечни: состояние и перспективы // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004.
- Багаев М.Х. Русская и советская историография древней и средневековой материальной и духовной культуры чеченцев // Культура Чечни. – М., 2002.
- Багров Л. История русской картографии. – М., 2005.
- Баддели Д. Завоевание Кавказа русскими. 1720-1860. – М., 2007.
- Бадерхан Ф. Северокавказская диаспора в Турции, Сирии и Иордании (вторая половина XIX – первая половина XX века). – М., 2001.
- Бадяева Т.А. Народное искусство чеченцев и ингушей на современном этапе // Традиции и современность в искусстве народных художественных промыслов Северного Кавказа. – М., 1987.
- Бажанов Е. Страна незаходящего солнца. Национальная политика Российской империи и самоназвание русского народа. – Самара, 2006.
- Базоркин М.М. История происхождения ингушей. – Нальчик, 2002.
- Бакрадзе Д.З. О доисторической археологии вообще и Кавказской в особенности. – Тифлис, 1877.

- Баландья Ж. Политическая антропология. – М., 2001.
- Баммат Г. Кавказ и русская революция: Политический аспект. – Махачкала, 2000
- Бантыш – Каменский Д.Н. Российские генералиссимусы и генерал – фельдмаршалы. – М., 2007.
- Бараков П. В.В. Докучаев. Биографический очерк. – Варшава, 1904.
- Барбот де Марни Н.Н. Нефтяные месторождения Северного Кавказа. – СПб., 1893.
- Барковская Е.Ю. Ислам и государственное строительство России (вторая половина XVI в. – февраль 1917 г.). – М., 2006.
- Барковская Е.Ю. Мусульманское право и правовая культура. – М., 2001.
- Баррет Т. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. – Самара, 2000.
- Барсамов Н.С. Айвазовский в Крыму. – Симферополь, 1970.
- Барсамов Н.С. Море в русской живописи. – Симферополь, 1959.
- Бартоломей И. Чеченский букварь. – Тифлис, 1866.
- Басаргина Е.Ю. Императорская Академия наук на рубеже XIX – XX веврв (Очерки истории). – М., 2008.
- Батунский М.А. Россия и ислам. Т.III. – М., 2003.
- Батчаева М.К. Трансформация и систематизация правовых документов регулирования пенитенциарных учреждений в 30– 90-х гг. XIX в. // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск, 2005.
- Бахтурина А.Ю. Окраины российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914-1917 гг.). – М., 2004.
- Башилов Б. Миф о русском «сверх империализме». – Буйнос – Айрес, 1952.
- Башмаков А.А. Борьба с немецким засильем в акционерном деле. – Пет-роград, 1915.
- Баязетов И.–М.А. Отношение ислама к науке и к иноверцам. – СПб., 1887.
- Баязитов А. Ислам и прогресс. – СПб., 1898.
- Беженцы: динамика перемещения: Доклад для Независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1989.
- Безугольный А.Ю. Народы Кавказа и Красная армия. 1918-1945 годы. – М., 2007.

- Бейджент М. Запретная археология. – М., 2006.
- Бекмаханова Н.Е. Государственное законодательство и народы России // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
- Бекмаханова Н.Е. Национальный (этнический) и конфессиональный состав казачьих войск Российской империи в XIX – нач. XX вв. // Казачество как фактор исторического развития России. – СПб., 1999.
- Белгородская Л.В. Образ Российской империи в зеркале англо – американских справочно – энциклопедических изданий XX в.: монография. – Красноярск, 2006.
- Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. – СПб., 1910.
- Белецкая Е.М. Этническое самосознание гребенского казачества в фольклоре XVI – XIX веков // «Власть и общество: национальная политика и межэтнические отношения (исторический опыт и современность). 1906-2006 г.»: Материалы краевой научно-практической конференции, Адлер, 7-11 октября 2006 г. – Краснодар, 2006.
- Белобородова А.А. Цензурное законодательство в России во втор. пол. XIX – начале XX века // Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура: 2 т.: сб. научн. Трудов. IV Междун. научн. конференция (г. Белгород, 8 декабря 2006 г.). – Белгород, 2007.
- Белогриц – Котляровский Л.С. Преступления государственные. – Киев; СПб.; Харьков, 1904.
- Белозёров В. Этническая карта Северного Кавказа. – М., 2005.
- Белоновская Е.А., Ясный Е.В. Антропогенная трансформация горных экосистем Большого Кавказа // Биота экосистем Большого Кавказа. – М., 1990.
- Бентковский И.В. Обзор Ставропольских конских скачек на императорские призы // Сборник сведений о Северном Кавказе. Т. VI. – Ставрополь, 1910.
- Берг Л.С. Всесоюзное Географическое общество за сто лет. – М., Л., 1946.
- Бережная Н.Н., Еремина А.В. Общее и особенное в текстах провинциальных историописателей Северного Кавказа (конец XIX – начало XX века) // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: сборник статей. – Челябинск, 2006.

- Березгов Б.Н., Кушхабиев А.В., Чочиев Г.В. Черкесы в Турции // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.
- Березин И. Путешествие по Дагестану и Закавказью. – Казань, 1850.
- Берже А. Кавказ в археологическом отношении. – Тифлис, 1874.
- Берозов Б.П. К вопросу об особенностях и формах аграрного движения и классовой борьбы осетинского крестьянства в пореформенный период // Проблемы и культура народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1985.
- Бёрбэнк Д. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
- Бескровная Н.С. История сохранения и возрождения усадьбы художника Н.А. Ярошенко // Наследие Н.А. Ярошенко в движении эпох: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 45-летию основания Мемориального музея-усадьбы художника Н.А. Ярошенко и 100-летию со дня рождения В.В. Сеключоцкого – основателя и первого директора. – Кисловодск, 2008.
- Бесленеев М.С. Роль иностранного капитала в экономике пореформенной России // Исторические этюды. Сборник статей. Вып.3. – Карачаевск, 2005.
- Бижев А.Х. Социально-экономический строй народов Центрального и Северо-Западного Кавказа в годы Кавказской войны (по материалам российской разведки). – Майкоп, 2005.
- Битарова А.Т. Некоторые негативные консервативно-архаичные моменты в этикете общения горцев Северного Кавказа. – Владикавказ, 2002.
- Битова А. «У нас есть одно достояние общее... у нас есть русский язык» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М., 2006.
- Блажко А.В. Проблема раннего заселения Кавказа: археологический и палеоантропологический аспекты // Университетский историк: Альманах. Вып.3. – СПб., 2005.
- Бларамберг И. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. – М., 2005.
- Блиев М.М. О некоторых вопросах истории взаимоотношений народов Северного Кавказа с Россией в XVI – XIX в. // СО Пед. ин-т. Учёные записки. Т.27. Вып. I. – Орджоникидзе, 1967.
- Блиева З.М. А.И. Барятинский: концепция гражданского и военного управления Кавказом // История народов России в исследованиях и документах. Вып. 2. – М., 2007.

- Блиева З.М. Россия и Северный Кавказ: особенности системы управления в конце XVIII – 80-е гг. XIX в. // Управление Россией. Опыт. Традиции. Новации. XVI – XX вв.: коллективная монография. – М., 2007.
- Блинов А. Губернаторы. Историко-юридический очерк. – СПб., 1905.
- Блохин В.Ф. «Блюстители благочиния»: российская цензура и служащие цензурных ведомств 1820-е – 1860-е гг. // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки 1, 2006. – СПб., 2006.
- Бобровников В.О. «Горское хищничество» в теории и практике российского ориентализма на Северном Кавказе в XIX в. // Меняющаяся Европа: Проблемы этнокультурного взаимодействия. – М., 2006.
- Бобровников В.О. «Малый Дагестан» под Стамбулом: северокавказские суфии и святые места в Турции // *Turcica et Ottomanica*: сборник статей в честь 70-летия М.С. Мейера. – М., 2006.
- Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. – М., 2002.
- Бобровников В.О. Судебная реформа и обычное право в Дагестане (1800-1917) // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999.
- Богданов М. Птицы Кавказа // Труды общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Т.VIII. Вып. 4. – Казань, 1879.
- Богородица. 2000 лет в русском и мировом изобразительном искусстве. – М., 2004.
- Божедомов А.И. Земельная рента в капитал нефтедобывающей промышленности. – Грозный, 1958.
- Божедомов А.И. Откупное нефтяное хозяйство Чечено-Ингушетии в пореформенный период и его место в мировой капитализации нефтяной промышленности // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т.10-11. – Грозный, 1977.
- Большакова О.В. Власть и политика в России XI – начала XX века: американская историография. – М., 2008.
- Большой Кавказ в альпийскую эпоху / Под. Ред. Ю.Г. Леонова. – М., 2007.
- Бондарева О.А., Гайдабур И.Г. Административная система, сословный строй и сословное право Северного Кавказа (в источниках и исследованиях отечественных кавказоведов) // Вестник Ставро-

- польского государственного университета. Вып.46. Ч.2. – Ставрополь, 2006.
- Бондаревский Г.Л. Россия и Северный Кавказ в XVI – XIX веках // Документальная история образования многонационального государства Российского. Кн.1. Россия и Северный Кавказ. – М.,1998.
- Борисенков В.П., Гукаленко О.В., Данилюк А.Я. Поликультурное образовательное пространство России: история, теория, основы проектирования: монография. – М., 2006.
- Бороденко В.Е. Административно-церковное управление Предкавказья в XIX в. // Проблемы историографии и истории Кубани. Сборник научных трудов. – Краснодар,1994.
- Ботяков Ю.М. Абреки на Кавказе: Социокультурный аспект явления. – СПб., 2004.
- Боханов А. Россия дней давно минувших // Российская империя в фотографиях. Конец XIX – начало XX века. – СПб., 2004.
- Брежнев В.С. Проблема межэтнических отношений в священных писаниях: Тора, Новый Завет, Коран // Исторические основания взаимодействия культур. Вып.П. Проблемы теории культуры и гуманистики. – Р н/Д.,1991.
- Броневский С.М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. – Нальчик,1999.
- Бугославский С. М.М. Ипполитов-Иванов. – М.,1936.
- Будницкий О. Век эмиграции // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.
- Булгаков М.Б. Экономические взаимосвязи народов // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
- Булгаков Ф.И. Наши художники. Т.I – II. – М., 2002.
- Бурыкина Л.В. Особенности интеграции Северного Кавказа в государственное пространство России в XIX в. // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ. Материалы всероссийской научно-практической конференции. 3-4 апреля 2008 г. – Улан-Удэ, 2008.
- Бурыкина Л.В. Переселенческое движение на Северо – Западный Кавказ в 90-е годы XIX века. – Майкоп, 2002.
- Бушуев С.К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. – Л.,1939.
- Бушуев С.К. Революционное движение в Чечено-Ингушетии в 1905-1917 гг. – Грозный,1941.

Быков А.А. Социальная экология. – Томск, 2007.

Быт и нравы русской армии после 1812 года (По письмам генерала Фези из Польши и с Кавказа). – СПб., 1912.

Бэрзэдж П. Изгнание черкесов (Причины и последствия). – Майкоп, 1996.

В

Ваксман А.А. Записки краеведа. – Грозный, 1984.

Василенко А.Б. Геополитические аспекты нефтяной политики США и Российской империи во второй половине XIX века // Во славу российской нефти: Материалы научно-исторической конференции «Роль частного предпринимательства в развитии нефтяной промышленности России во второй половине XIX века, 28 февраля 2006 г. – М., 2006.

Василенко В.Г. История здравоохранения медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (1800-1940 гг.). – Армавир, 2006.

Васильев А.М. Кавказская война во взглядах и деятельности Д.А. Милютин // Военная реформа в России: история и современность. – Екатеринбург, 2002.

Васильев Я.К. Какими мерами могли-бы частные лесовладельцы Кавказа поднять производительность своих лесов в связи с требованиями лесоохранительного закона. – Тифлис, 1890.

Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и древних Европейских государствах. Т.2. – СПб., 1876.

Ватейшвили Д.Л. Русская общественная мысль и печать на Кавказе в первой трети XIX века. – М., 1973.

Введенский Г.Э. Пять веков русского военного мундира. – СПб., 2005.

Вейденбаум Е. Заметки об употреблении камня и металлов у кавказских народов. – Б.м., 1875.

Вейденбаум Е.Г. Путеводитель по Кавказу. Отдел I. Очерк этнографии Кавказского края. – Тифлис, 1888.

Вейсенгоф С. Сведения о состоянии орошения на Кавказе по 1883 год. – Тифлис, 1883.

Великая Н.Н. К истории взаимоотношений народов восточного Предкавказья в XVIII – XIX вв. – Армавир, 2001.

Величенко С. Численность бюрократии и армии в Российской империи в сравнительной перспективе // Российская империя в зарубеж-

- ной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
- Венков А.В. Гроза Кавказа. Жизнь и подвиги генерала Бакланова. – М., 2008.
- Вердеревский Е.А., Дункель-Веллинг Н. Шамиль в Париже и Шамиль поближе. – Тифлис, 1855.
- Верт В.Пол. От «сопротивления» к «подрывной деятельности»: власть империи, противостояние местного населения и взаимозависимость // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
- Вертепов Г.А. Очерки кустарных промыслов в Терской области // Терский сборник. Вып.4. – Владикавказ, 1897.
- Веселие Руси. XX век. Градус новейшей российской истории: от «пьяного бюджета» до «сухого закона». – М., 2007.
- Вивчарь Г.М. Только вместе, только в дружбе. – Майкоп, 2006.
- Виноградов В.Б. «Российскость» как парадигма северокавказского историко-культурного единства в составе России // «Российскость» в истории Северного Кавказа. Серия «Вопросы Северокавказской истории». – Армавир, 2002.
- Виноградов В.Б. Н.С. Семенов и его очерк «День в ауле» 1869 года. – Армавир, 2002.
- Виноградов П.Б. Страницы истории развития здравоохранения Чечено-Ингушетии в 1917-1937 годах. – Тверь, 2003.
- Вовк А.С. Регулирование положения иностранного капитала в Российской империи в конце XIX – начале XX в. // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып.8. – М., Волгоград, 2006.
- Военная постоянная повинность в главных государствах Европы. Вып. I. Пруссия. – СПб., 1858.
- Войны, сражения, полководцы в произведениях классической живописи. – М., 2002.
- Волкова Н.Г. Основные демографические процессы // Культура и быт народов Северного Кавказа. – М., 1968.
- Волкова Н.Г. Этнокультурные контакты народов Кавказа в общественном быту (XIX – нач. XX в.) // Кавказский этнографический сборник. Т. IX. Вопросы исторической этнографии Кавказа. – М., 1989.
- Волконский Н. Биография А.М. Дондукова-Корсакова. – Тифлис, 1883.
- Волхонский М.А. Первая русская революция и восстановление Намес-

- тничества на Кавказе // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М., 2006.
- Вольная Г.Н. Прикладное искусство населения Притеречья середины 1 тысячелетия до н.э. – Владикавказ, 2002.
- Воробьев Б. Земельный вопрос у казаков. – СПб., 1908.
- Воронец Е.Н. Нужны ли для России муфтии? – М., 1891.
- Воронина О.Г. Из истории изучения национального конфликта (Чечня и развитие российско-чеченских отношений) // Universitas: Наука в контексте современной культуры. Сборник статей. – СПб., 2001.
- Воронцов С.Л. Военное управление на территории Российской империи в XVIII – XX веков // Народ, политика, власть в истории России. – Ярославль, 2005.
- Воскресенский Е. Кавказ в сочинениях Пушкина и Лермонтова. – М., 1898.

Г

- Гаврилов Ю.А., Шевченко А.Г. Мусульманство в истории и культуре народов России: исламская составляющая российской цивилизации. – М., 2007.
- Гаджиев В.Г. Мастера отечественного кавказоведения. – Махачкала, 2005.
- Гаджиев В.Г., Пикман А.М. Великие русские революционные демократы о борьбе горцев Дагестана и Чечни. – Махачкала, 1972.
- Гаджиева С.Ш. Кумыки. Историко-этнографическое исследование. – М., 1961.
- Газданова Е.А., Мадзаева Е.К. Из истории создания Национальной научной библиотеки Республики Северная Осетия – Алания // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. – Краснодар, 2005.
- Гаибов Н.Д. О поземельном устройстве горских племен Терской области. Исторический очерк (составлен на основе официальных документов). – Тифлис, 1905.
- Гакаев З. Предисловие // Краткая аннотированная библиография чеченского конфликта / Отв. ред. д.ф.н., профессор А.Д. Яндаров. – М., 2002.
- Гакаев Д. Д. Он достоин памяти народной (Краткий исторический очерк о Таштемире Эльдерханове). – Грозный, 1991.

- Гакаев Д.Д. Очерки политической истории Чечни (XX век): В 2 ч. – М., 1997.
- Гакаев Д.Д. Развитие гуманитарных наук как фактор политической стабильности // Академическая и вузовская наука – народному хозяйству Чеченской Республики: проблемы восстановления и развития. – М., 2004.
- Гакстаузен А. Фон Август. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Чёрным и Каспийским морями. – СПб., 1857.
- Галушкин Н.В. Собственный Его Императорского Величества Конвой. – М., 2004.
- Гальцев В.С. К истории пореформенного развития Северного Кавказа // СОНИИ. Известия. Т.25. – Орджоникидзе, 1966.
- Гаммер М. Шамиль. Мусульманское сопротивление царизму. Завоевание Чечни и Дагестана. – М., 1998.
- Гамсун К.В. Сказочном царстве: Мечты и впечатления о Кавказе. – М., 2005.
- Ганич А.А. Черкесы в Иордании: особенности исторического и этнокультурного развития. – М., 2007.
- Ганкин Я. Грозненское нефтяное дело за 1894 год. – М., 1895.
- Гантемирова Г.К. К вопросу о развитии торгового земледелия в Чечено-Ингушетии // Из истории дореволюционного Дагестана: Сборник научных трудов. – Махачкала, 1976.
- Гантемирова Ф.А. Общественно-политический строй и обычное право чеченцев и ингушей (XVIII – перв. пол. XIX в.). – М., 1972.
- Гапуров Ш.А. Еще раз о горско – казачьих набегах // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Гапуров Ш.А. Россия и Чечня в первой четверти XIX века. – Нальчик, 2003.
- Гапуров Ш.А., Израйилов А.М. Зарождение мюридизма – идеологии освободительного движения горцев Северного Кавказа (К вопросу о роли ислама в антиколониальных движениях народов Востока) // Ислам и политика на Северном Кавказе: история и современность / Материалы всероссийской научной конференции, 21-23 сентября 2007 г. – Карачаевск, 2007.
- Гапуров Ш.А., Израйилов А.М., Товсултанов Р.А. Чечня на завершающем этапе Кавказской войны (Страницы хроники русско – горской трагедии XIX века): Монография. – Нальчик, 2007.

- Гарунова Н.Н. Российские города-крепости в контексте политики России на Северо-Восточном Кавказе в XVIII – перв. пол. XIX в.: проблемы политической, экономической и культурной интеграции. – Махачкала, 2007.
- Гассиев А.А. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992.
- Гатагова Л.С. Северный Кавказ // Русское население национальных окраин России XVII – XX вв. – М., 2000.
- Гатагова Л.С., Исмаил-Заде Д.И. Кавказ // Национальные окраины Российской империи: становление и развитие системы управления. – М., 1998.
- Гвоздецкий Н.А., Федчина В.Н., Азатьян А.А., Донцова З.Н. Русские географические исследования Кавказа и Средней Азии в XIX – начале XX вв. – М., 1964.
- Геден, митрополит Ставропольский и Бакинский. История христианства на Северном Кавказе до и после присоединения его к России. – М.; Пятигорск, 1992.
- Геевский В.Н. Возделывание и употребление кукурузы. – Тифлис, 1864.
- Георги И.-Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / Переизд. с изд. 1799 г., с испр. и доп. – СПб., 2005.
- Гарасимова Г.И. «Известный изобразитель Кавказской жизни». К 15-летию со дня рождения Ф.А. Рубо // Кавказский сборник. – Т.3 (35). – М., 2006.
- Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.2. – М., 1961.
- Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т.3. – М., 1961.
- Герсеванов М.Н. Кавказские железные дороги. – М., 1874.
- Герсеванов М. Программа для действий Кавказского отделения Русского технического общества. – Тифлис, 1868.
- Герчук Ю. Писатель перед фотографом // Литература в лицах. Фотографии русских писателей из собрания Государственного Литературного музея, 1850-1916: альбом-каталог. – М., 2008.
- Гершельман Ф.К. Причины неурядиц на Кавказе. – СПб., 1908.
- Гешаев М. Знаменитые чеченцы. Кн. I. – Грозный, 1999.
- Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (втор. пол. XIX в.). – Минск, 2007.
- Глушков В.В. История военной картографии в России (XVIII – начало XX вв.). – М., 2007.

- Голованова М.П. Регалии Российской империи. Государственное знамя. – М., 2007.
- Голованова С.А. Казачество на Северном Кавказе: проблема институализации // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002.
- Головлев А.А. Очерки о Чечне (природа, население, новейшая история). Монография. – Ульяновск, 2007.
- Голубева Т.Г. Местное самоуправление: история и современность, теория и практика // Сборник научных статей. Юбилейный сборник. – Ставрополь, 2004.
- Гольянов А.Л. Железнодорожное дело в период царствования Александра II // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. Вып.4. – СПб., 1998.
- Гонтарева Е.Н. Горские школы в дореволюционной Чечено-Ингушетии // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т.VI. Вып.1. Статьи и материалы по истории Чечено – Ингушетии. – Грозный, 1965.
- Гонтарева Е.Н. Начальное образование в дореволюционной Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1965.
- Горбунов А.П. «Свое» и «чужое» в истории Кавказской войны и ее отображении: преодоление противостояния // История Северного Кавказа: социально-экономические, национальные и политические процессы. – Пятигорск, 2004.
- Гордеев А.А. История казаков со времени царствования Петра Великого до начала великой войны 1914 года. – М., 1992.
- Гордин Я.А. Декабристы и Кавказ. Имперская идеология либералов // Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб., 2001.
- Гордин Я.А. Зачем был нужен России Кавказ? Иллюзии и реальность // Кавказ и Россия – прошлое и настоящее. – СПб., 2007.
- Город Грозный. Популярные очерки истории. – Грозный, 1984.
- Город Моздок: Исторический очерк / Под ред. А.Г. Кучиева. – Владикавказ, 1995.
- Городецкий Б.П. К истории издания «Кавказского пленника» // Академия наук СССР. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. Т.2. – М., 1936.
- Горчханова Г.А. География экономических связей Чечено-Ингушетии во второй половине XIX века // Вопросы исторической геогра-

- фии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984.
- Градовский А.Д. Начала русского государственного права // Градовский А.Д. Собрание сочинений в 9 томах. Т.7. Ч.1. – СПб., 1907.
- Градовский А.Д. Собрание сочинений: В 9 т., Т.1-2. Т.6. – СПб., 1901. Т.9. – СПб., 1908.
- Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т.1: О государственном устройстве. – М., 2006.
- Градовский А.Д. Начала русского государственного права: в 2 т. Т.2: Органы управления. – М., 2006.
- Градовский А.Д. Современное воззрение на государство и национальность. – М., 1872.
- Градовский Г.К. Война в Малой Азии в 1877 году. – СПб., 1878.
- Гранкин Ю.Ю. Кизляр – политический и экономический центр Северо – Восточного Кавказа в XVIII веке // Российская история: актуальные вопросы (общенациональный и региональный аспекты). Ученые записки. Вып.2. – Пятигорск, 2003.
- Гранкин Ю.Ю., Землянский А.В. Северный Кавказ и его колонизация Россией в 30-90 годы XVIII века. Монография. – Пятигорск, 2006.
- Грачева О.А. Художественное творчество русских офицеров в XIX веке: монография. – М., 2007.
- Грибоедовские места / Сост. Н.А. Тархова. – М., 2007.
- Гриневецкий Б.Б. Результаты двух ботанических путешествий на Кавказ в 1900 и 1901 гг. – Юрьев, 1903.
- Гриценко Н.П. Города Северо – Восточного Кавказа и производительные силы края V – XIX вв. – Р н/Д., 1984.
- Гриценко Н.П. Горский аул и казачья станица Терека накануне Великой Октябрьской социалистической революции. – Грозный, 1972.
- Гриценко Н.П. Землепользование терских казаков и переселенцев // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный, 1967.
- Гриценко Н.П. К вопросу о социально-экономических отношениях в Чечено-Ингушетии в пореформенный период // ЧИНИИ. Известия. Т.5. Вып.1. История. – Грозный, 1964.
- Гриценко Н.П. Рабство и работорговля в Чечено-Ингушетии (XV – первая половина XIX вв.) // Известия ЧИНИИ. Т.Х. – Грозный, 1976.
- Гриценко Н. Русские просветители XIX века среди кавказских народов // Взаимоотношения народов Чечено-Ингушетии с Россией и народами Кавказа в XVI – XX вв. – Грозный, 1981.

- Гриценко Н.П. Экономическое развитие Чечено-Ингушетии в пореформенный период (1861-1900). – Грозный, 1963.
- Грове Ф. Холодный Кавказ. – СПб., 1879.
- Гроссман Л.Т. Бархатный диктатор. – М., 1933.
- Губенко О.В. Терское казачье войско в XV – XXI вв. (Влияние государства на социально-экономические аспекты казачьей жизни). – Ессентуки, 2007.
- Гудаков В.В. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века. – СПб., 2007.
- Гулишамбаров С.И. Краткий очерк развития керасинового производства на Кавказе. – СПб., 1887.
- Гумашвили Л.Э. Общетеоретические проблемы и пути возрождения национальной государственности в Чечне // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская научно-практическая конференция. – Элиста, 2006.
- Гусейнов Г.-Р.А.-К, Куркиев А.С. Из истории лингвистических связей народов Чечено-Ингушетии с Россией: (Дооктябрьский период). – Грозный, 1992.
- Гутнов Ф.Х. Горский феодализм. Ч.1. – Владикавказ, 2007.
- Гюберт И.И. Проказа в Терской области и Терская лепрозория. – Владикавказ, 1911.
- Гюльденштедт И.А. Путешествие по Кавказу в 11770-1773 гг. – СПб., 2002

Д

- Давидсон А. Наследие имперского прошлого // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
- Давудов О.М. Дагестан накануне и в период русско-турецкой войны 1877-78 годов. Внутриполитическая обстановка. Обзорение классовой борьбы // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. – М., 2004.
- Даглат У.Б. Вклад Б.К. Далгата в популяризацию древней обрядово-вербальной культуры вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

- Дадаев Ю.У. Столицы Шамиля. – М., Махачкала, 2007.
- Дамения И.Х. Историография истории народов Кавказа XIX – нач. XX вв. – СПб., 1996.
- Дамения И.Х. Россия. Абхазия: Из истории культурных взаимоотношений в XIX – нач. XX в. – СПб., 1994.
- Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. – Шушан – Ереван, 1997.
- Данилевский Н. Кавказ и его горские жители в нынешнем их положении. – М., 1846.
- Ланилевский Н. Кавказ и его горские жители. – М., 1851.
- Данилевский Н.Я. Россия и Европа. – СПб., 1895.
- Данлоп Д. Россия и Чечня: история противоборства. Корни сепаратистского конфликта. – М., 2001.
- Дарчиева С.В. Первая Государственная Дума и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе // Кавказоведение: опыт исследований. Материалы международной научной конференции (Владикавказ, 12-13 октября 2005 г.). – Владикавказ, 2006.
- Дауев С.А. Чечня: коварные таинства истории. – М., 1999.
- Дегоев В.В. Генерал Мусса Кундухов: история одной иллюзии. (К проблеме национально-культурного самопожертвования в русско-кавказском мире) // Сборник Русского исторического общества. Т.7(155). Россия и мусульманский мир. – М., 2003.
- Дегоев В. Два века и мира на Кавказе // Россия и Чечня: поиски выхода. – СПб., 2003.
- Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М., 2001.
- Дегоев В.В. Кавказский вопрос в международных отношениях 30-60-х гг. XIX века. – Владикавказ, 1992.
- Дегоев В.В. К возобновлению издания «Кавказских сборников». Т.1(33). – М., 2004.
- Дегоев В.В. Об исторических аспектах взаимоотношений «Центр-периферия» в Кавказском контексте // Вестник института цивилизации. – Владикавказ, 1998.
- Дегоев В.В. Социально-политические вызовы XXI века и пути развития российского кавказоведения // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Дегоев В., Ибрагимов Р. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Поветка дня на вчера. – М., 2006.

- Демин Л. С мольбертом по земному шару. Мир глазами В.В. Верещагина. – М., 1991.
- Ден В.Э. Положение России в мировом хозяйстве. Анализ русского экспорта до войны... Статистический очерк. – Петроград, 1922.
- Денискин В.И. Зерновое хозяйство Терских казаков во втор. пол. XIX в. // ЧИНИИ ИЯЛ Т.9. Ч.3. Вып.1. Известия, статьи и материалы по истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1974.
- Денискин В.И. Об условиях и характере развития земледелия у терских казаков в конце XIX в. // К вопросу о революционных преобразованиях на Северном Кавказе за годы советской власти. – Орджоникидзе, 1974.
- Денисова Н. Роль адыгских просветителей в развитии идеи демократизации образования на Северо – Западном Кавказе (XIX – нач. XX вв.) // История и культура народов Предкавказья и Северного Кавказа: проблемы межнациональных отношений. – Рн/Д., 1999.
- Джазаева З.М. Кавказо – европейские экономические связи в конце XIX – начале XX вв. (Северокавказский регион) // Исторические этюды. Вып.2. – Карачаевск, 2002.
- Джандаров И. А.-Х. Становление государственности Чечни (земельно – территориальный аспект). – М., 2005.
- Джаншиев Г. А. Эпоха великих реформ: Исторические справки. В 2-х томах. Т.2. – М., 2008.
- Джапаридзе С.С. Грузия на выставках народного хозяйства в XIX в. – Тбилиси, 1985.
- Джонсон С. В поисках «города убежища»: Лондонская «еврейская хроника» и российская эмиграция, 1881-1905 годы // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.
- Дзагалов А. Украинские поселения в Центральном Предкавказье в XIX в. // Український історичний збірник – 2005. Випуск 8. – Київ, 2005.
- Дзарахова З.М.-Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань, 2007.
- Дзидзоев В.Д. Взаимоотношения землевладельцев и крестьян в Северной Осетии в начале XX в. // Вестник Северо-Осетинского гос. ун-та им. К.Л. Хетагурова. – Владикавказ, 2008. – № 3.
- Димаев С.У. Становление чеченской профессиональной музыки, место и роль в этом процессе интонационных композиторов // Культур-ры Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.

- Дешериев Ю.Д. Роль русского языка и русской культуры в духовном развитии народов Северного Кавказа // Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. – Грозный, 1982.
- Дешериев Ю.Д. Сравнительно-историческая грамматика нахских языков и проблемы происхождения и исторического развития горских кавказских народов. – М., 2006.
- Джанаев А.К. Народы Терека в российской революции 1905-1907 гг. – Орджоникидзе, 1988.
- Джандаров И.А.–Х. Становление государственности Чечни (земельно-территориальный аспект).– М., 2005.
- Джафаров К.И., Гареева Т.Б. Очерки истории нефтяных промыслов Северного Кавказа. – Уфа, 1998.
- Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.). – Нальчик, 2001.
- Дзарахова З.М. – Т. Национальное самосознание ингушей: этнокультурные факторы. – Назрань, 2007.
- Дзидзария Г.А. Мухаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. – Сухуми, 1975.
- Дзидзоев В.Д. Национальная политика: уроки опыта. – Владикавказ, 1994.
- Дзуцова И.П. Материалы для словаря художников, работавших в Грузии во второй половине XVIII – XIX веке // Музей. Художественные собрания СССР. Вып. 7. – М., 1987.
- Дибиров М. Дагестанская народная физическая культура. – Махачкала, 1975.
- Дикаев С.У. Террор, терроризм и преступления террористического характера (криминологическое и уголовно-правовое исследование). – СПб., 2006.
- Дингельштет В. Водовлаждение и ирригация. Ч. 1. – Тифлис, 1880.
- Динник Н.Я. По Чечне и Дагестану. – Тифлис, 1905.
- Длужневская Г.В. Мусульманский мир Российской империи (по материалам фотоотдела Научного архива Института истории материальной культуры Российской Академии наук) // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

- Дмитриев В.А. Геокультурное районирование Кавказа: Западный Кавказ // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычаи. Религия. Сборник. – СПб., 2006.
- Дмитриев Е.В. Становление железнодорожной инфраструктуры в контексте экономического развития Ставрополя во второй половине XIX – начале XX вв. // Российская и зарубежная история: социально – экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып. VIII. Часть I / Под общей ред. В.П. Ермакова. – Пятигорск, 2007.
- Дмитриева О. Восприятие феномена Кавказа элитой русского общества начала XX века // Опыты историко – антропологических исследований. – М., 2004.
- Дневник князя Амилахвари // Кавказский сборник / Под ред. Потто. Т. XXVIII. – Тифлис, 1908.
- Добаев И.П. Северный Кавказ и российский ислам: некоторые историко-политологические проблемы изучения // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I съезда ученых-кавказоведов (27-28 августа 1999 г.). – Р н/Д., 2000.
- Добролюбов Н.А. О значении наших последних подвигов на Кавказе // Полное собрание сочинений. Т.4. – М., 1937.
- Додонов И.Ю. Истоки славянской письменности. – М., 2008.
- Долгих А.Н. А.П. Ермолов и крестьянский вопрос в России // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России: материалы Всероссийской научной конференции, 14-16 мая 2008 г. – Н. Новгород, 2008.
- Доманский Я.В. Древняя художественная бронза Кавказа в собрании Государственного Эрмитажа. – М., 1984.
- Доного Х.М. Знамена Кавказской войны. – Махачкала, 1997.
- Дорожкин А.Г. Промышленное и аграрное развитие дореволюционной России: взгляд германоязычных историков XX в. – М., 2004.
- Доронченков А.И. Российская эмиграция «первой волны» о национальных проблемах покинутого отечества. – СПб., 1997.
- Драгоманов М.П. Политические сочинения. Т.1. Центр и окраины. – М., 1908.
- Драгоманов М. Соловья баснями не кормят. – Женева, 1880.
- Дроздов Н.И., Федорченко В.И. Министерство народного просвещения Российской империи в лицах: 1802-1917 годы. – Красноярск, 2005.

- Дубенцов Б.Б. М.Т. Лорис – Меликов и «охранители» в 1880-1881 гг. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб., 2003.
- Дубровин Н.Ф. История войны и владычества на Кавказе. Т.1. Очерк Кавказа и народов его населяющих. Кн.1. Кавказ. – СПб., 1871.
- Дударев С.Л. В.Б. Виноградов и судьба концепции добровольного вхождения Чечено – Ингушетии в составе России (рассуждения ученика и современника) // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М., Армавир, 2007.
- Дудова С. Ислам в Карачаево – Черкесии: от истории к перспективам: монография. – Пятигорск, 2006.
- Думанов З.Б. Внутренние миграции на Северо – Западном и Центральном Кавказе в первой половине XIX века // Исторический вестник. Вып. III. – Нальчик, 2006.
- Дунюшкин И.Е. Юг России: накануне катастрофы: Борьба органов государственной власти и терского казачества с национал – клерикальным сепаратизмом на Северном Кавказе в начале XX века: Монография. – Екатеринбург, 2003.
- Дыбо В.А. Язык – этнос – археологическая культура (Несколько мыслей по поводу индоевропейской проблемы) // Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы: в 2-х кн. Кн.1. – М., 2006.
- Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – нач. XX вв.) – СПб., 1998.

Е

- Евангулов Г.Г. Местная реформа на Кавказе. – СПб., 1914.
- Евреинев Г.А. Национальные вопросы на инородческих окраинах России. Схема политического прогресса. – СПб., 1908.
- Евстигнеев Ю.А. Россия: коренные народы и зарубежные диаспоры (краткий этно-исторический справочник). – СПб., 2008.
- Емельянова Е.В. К истории организации труда в местах лишения свободы отечественной уголовно-исполнительной системы // Историю отечественной уголовно-исполнительной системы: Сборник статей. – М., 2006.
- Емкужева М.М., Темботова Э.Ж. Современное распространение серой крысы на Кавказском перешейке // Проблемы экологии горных территорий. Сборник научных трудов. – М., 2006.

- Ермаков В.П., Чекменев С.А. Русская колонизация Степного Предкавказья // Российская история: проблемы, мнения, оценки (федеральных, региональных, социально-экономических и политических процессов). Ученые записки. Вып.3. – Пятигорск, 2004.
- Ермаков И.А. Ислам в культуре России. – М., 2001.
- Ермолаев И.П. Становление Российского самодержавия. Истоки и условия его формирования: Взгляд на проблему. – Казань, 2004.
- Ерохин П.М. Горные курорты Чечни // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т.1. – Р н/Д., 1928.
- Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. – М., 1968.
- Ерошкин Н.П. Российское самодержавие. – М., 2006.
- Ершов Г.А., Тонконогов П.М., Ермоленко А.П. Чудесный источник: Очерки о нефтяниках Чечено – Ингушетии. – Саратов, 2002.
- Ефименко А.Я. История украинского народа. – Киев, 1990.
- Ефремов Ю.В. В стране горных озер. – Краснодар, 1991.

Ж

- Желиховская В.П. Кавказ и Закавказье. – М., 1913.
- Журавлев В.В. Заключение // Административные реформы в России: история и современность. – М., 2006.
- Журавлев В.В. Общество Владикавказской железной дороги и развитие нефтепромыслов на Северном Кавказе // Очерки социально-экономической и политической истории СССР. – М., 1964.

З

- Заваров С. Кавказ в сельскохозяйственном отношении в 1899 г. – Тифлис, 1900.
- Загидуллин И. Архитектурный образ молитвы и центр общественной жизни уммы // Мечети Российской империи: фотоальбом. – Н.Новгород, 2006.
- Загурский Л.П. Заметка об исследовании кавказских языков. – М., 1880.
- Загурский Л.П. П.К. Услар и его деятельность на Кавказе // Сборник сведений о Кавказских горах. Вып.Х. – Тифлис, 1881.
- Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870-х гг. в России. – М., 1952.

- Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках. Т.1. – М.,1976.
- Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. – М.,1968.
- Зайончковский П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. – М.,1978.
- Закс А.Б. Северо-Кавказская историко-бытовая экспедиция Государственного Исторического музея 1936-37 гг. // Труды Государственного Исторического музея. Вып.XV. Сборник статей по истории СССР. – М.,1941.
- Зарождение и развитие земледелия на Северном Кавказе. – Майкоп, 2001.
- Зарубекова Г.В. Сепаратизм в Чечне. – М., 2000.
- Захаров В.А. Загадка последней дуэли // Лермонтовский текст. Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.
- Захаров В.А. Лермонтов и Кавказ – рождение темы // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Захаров В.А., Кравцова Т.Ю. «Кавказский сборник» // Кавказский сборник. Т.1(33). – М., 2004.
- Захаров И.С. Николай Иванович Пирогов: реформы и бессмертие. Книга I. 1810-1856 гг. – СПб., 2008.
- Зейдлиц Н.К. Очерк южно-каспийских портов и торговли. – Тифлис,1870.
- Зеленева И.В. Геостратегия России на Кавказе в XIX – начале XX веков // Актуальные проблемы современной политической науки. Вып.2. – СПб., 2002.
- Земское самоуправление в России,1864-1918: в 2 кн. Кн.1: 1864-1905. – М., 2005.
- Зинченко Г.Г. Современная советская историография развития промышленности в период капитализма. – Р н/Д.,1980.
- Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867). – СПб.,1879.
- Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский (1815-1879). Т.1. – М.,1888.
- Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский // Русский архив. Кн.1. Вып.1. – М.,1889.
- Зиссерман А.Л. Фельдмаршал кн. А.И. Барятинский. 1815-1879. Т.3. – М.,1891.

- Зубкова Н.Ю. Национальные формирования горцев первой половины XIX в. в контексте российско-северокавказской интеграции // О компоненте добровольности в строительстве Российского Кавказа. – М., Армавир, 2007.
- Зуйкина Е.А. К вопросу о роли русских в системе межнациональных отношений на Северном Кавказе // Северный Кавказ: выбор пути национального развития. – Майкоп, 1994.

И

- Ибрагимов К.Х. История права собственности на землю в России: IX – начало XX в. – Нальчик, 2008.
- Ибрагимова З.Х. Восточный Кавказ. – М., 2004.
- Ибрагимова З.Х. Индия в планах Германии и Японии в годы Второй мировой войны. – М., 2003.
- Ибрагимова З.Х. Мир чеченцев. XIX век. – М., 2007.
- Ибрагимова З.Х. Мифы и факты о чеченской истории. – М., 2003.
- Ибрагимова З.Х. Северный Кавказ. Время перемен (1860-1880 гг.). – М., 2001.
- Ибрагимова З.Х. Чеченская история: Политика, экономика, культура. Вторая половина XIX века. – М., 2002.
- Ибрагимова З.Х. Чеченский народ в Российской империи: адаптационный период. – М., 2006.
- Ибрагимова З.Х. Чеченцы в зеркале царской статистики (1860-1900). – М., 2006.
- Ибрагимова З.Х. Чечня после Кавказской войны (1863-75 гг.) (По архивным источникам). – М., 2000.
- Ибрагимова З.Х. Проспект монографии «Мир чеченцев. XIX век». – М., 2007.
- Ибрагимов М., Хатуев И. Чеченская Республика в период Великой Отечественной войны. – Нальчик, 2007.
- Иваненков Н.С. Горные чеченцы: (Культурно-экономическое исследование Чеченского района Нагорной полосы Терской области). // Терский сборник. Вып. 7. – Владикавказ, 1910.
- Иванов А.И. Социально-экономическое положение Чечни и Дагестана в 60-70 гг. XIX века // Ростовский Пед. ин.-т. Ист. фак. Ученые записки. Т.1. – Р н/Д., 1941.
- Иванов К.В. Редактор газеты «Кавказ» В.В. Стратонов (1910-1911 гг.) // Книжное дело на Северном Кавказе. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.

- Иванова Н.А., Желтова В.П. Сословно-классовая структура России в конце XIX – начале XX века. – М., 2004.
- Иванова Т.А. Религиозно-мистические, социально-психологические и политические причины использования наркотических веществ в первобытном, древнем и средневековом обществах. – Саратов, 2003. – Деп. В ИНИОН РАН. 7.08.03, № 58187.
- Ивановский В.В. Русское государственное право. Т.1. Вып.3. – Казань, 1896-1898.
- Игнатьев Е. Россия и окраины. – СПб., 1906.
- Известия о бывшем в Кавказе лжепророке Мансуре // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001.
- Изгоев А.С. Общинное право. – СПб., 1906.
- Изречения и афоризмы Ф.Ницше. Злая мудрость. – М., 2007.
- Иллерицкая Н.В. Некоторые вопросы истории России в трудах В.И. Сергеевича, А.Д. Градовского и Ф.И. Леонтовича // История и Историки. – М., 2001.
- Ильин И.А. О грядущей России. Избранные статьи. – М., 1993.
- Ильин С.В. Витте. – М., 2006.
- Ильясов Л.М. Средневековая чеченская архитектура // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Ильясов Л. Тени Вечности. Чеченцы: архитектура, история, духовные традиции. – М., 2004.
- Империя и либералы (Материалы международной конференции). Сборник эссе. – СПб., 2001.
- Ингуши. Сборник статей и очерков по истории и культуре ингушского народа. – Саратов, 1996.
- Институт генерал-губернаторства и наместничества в Российской империи: В 2 т. / Под ред. В.В. Черкесова. Т.1. – СПб., 2001. Т.2. – СПб., 2003.
- Ионин С. Кавказ. По горным дорогам древней земли. – М., 2007.
- Ипполитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки в моих воспоминаниях. – М., 1934.
- Исаев С.-А.А. Из истории социальных отношений и классовой борьбы в Чечено-Ингушетии в последней четверти XIX в. // Социальные отношения и классовая борьба в Чечено-Ингушетии в дореволюционный период. – Грозный, 1979.
- Исаев С.-А. А. Просветительская роль России на Северном Кавказе на примере Чечни и Ингушетии // Чеченцы в истории, поли-

- тике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
- Исаева Т.А. К историографии социального развития Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в. // Вопросы истории и исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып.1. – Грозный, 1978.
- Исаева Т.А. Феодалные владения на территории Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1977.
- Ислам на Северном Кавказе: история и современность. Материалы Всероссийской научно – практической конференции. – Махачкала, 2006.
- Исмаил-Заде Д.И. И.И. Воронцов-Дашков – администратор, реформатор. – СПб., 2008.
- Исмаил-Заде Д.И. Граф И.И. Воронцов – Дашков. Наместник Кавказский. – М., 2005.
- Исмаил-Заде Д.И. Система управления и российская бюрократия // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
- Исторический отдел // Терский календарь на 1896 год. Вып.V. – Владикавказ, 1895.
- Исторический очерк Землеустройства казачьих войск. Т.XI. Ч.IV. – СПб., 1911.
- Исторический очерк о Терской области. – Б.м., Б.г.
- История горских народов Кавказа. – Нальчик, 2004.
- История и основные этапы становления государственной границы на юге России и перспективы развития Краснознаменного особого пограничного округа. – Ставрополь, 1997.
- История Кабарды с древнейших времен до наших дней. Т.1-2. – М., 1967.
- История народов Северного Кавказа (кон.XVIII в. – 1917 год). Т.1-2. – М., 1988.
- История религий в России. – М., 2001.
- История СССР. Учебник для педагогических институтов. 1861-1917 г. / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М., 1990.
- История Чечни (XIX век). – Грозный, 2006.
- Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2003.
- Ицхак Д. История евреев на Кавказе. В 2-х томах. Т.1-2. – Тель-Авив, 1989.

- Ищенко В.А. Школьное историческое образование в России в конце XIX – начале XX в. // Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.А., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь, 2005.
- Ищенко В.А., Перковская Г.А., Топчиева В.И., Ушмаева К.А. Историческое образование в России: конец XIX – начало XXI в. – Ставрополь, 2005.

К

- Кабузан В.М. Динамика численности и этнического состава населения Чечено-Ингушетии в XVIII – XX веках // Труды Института российской истории / Ин-т Росс. истории РАН. – М., 1997. Вып.5. – М., 2005.
- Кабузан В.М. Население Северного Кавказа в XIX – XX вв. Этностатистическое исследование // Социально-политическая ситуация на Кавказе: история, современность, перспективы. – М., 2001.
- Кавказ. – СПб., 1902.
- Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Кавказ в сердце России. – М., 2000.
- Кавказ: история, народы, культура, религии. – М., 2007.
- Кавказец. Что сделала для Кавказа Россия под скипетром дома Романовых. – Тифлис, 1913.
- Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
- Кагиров С. – Э.Т. Этимологические изыскания чеченского языка: Чеченцы – хранители «праязыка» на современном этапе. – М., 2003.
- Кадиев Д.А. Грозный – столица Чеченской Республики. – М., 2003.
- Кадиев Д.А. Чеченская Республика глазами созидателя. Т. III. – М., 2007.
- Казбеков Г.В. Формирование и развитие рабочего класса в Северной Осетии (1860-1940). – Орджоникидзе, 1963.
- Казаков А.И. Страницы истории г. Грозного: краеведческие этюды. – Грозный, 1989.
- Казиев Ш. Имам Шамиль. – М., 2006.
- Казиев Ш.М., Карпеев И.В. Повседневная жизнь горцев Северного Кавказа в XIX веке. – М., 2003.

- Казначеев А. Административные преобразования в Терской области (1860-1905 гг.). – М., 2004.
- Казначеева Т.П. Эстетическое влияние горской материальной культуры на культуру трудового казачества Северного Кавказа // Ставропольский Пед.ин-т. Ученые записки. Некоторые вопросы кавказоведения. Вып.1. – Ставрополь, 1971.
- Калантар А. Молочное хозяйство на Кавказе. Т.1. Вып.1. – Тифлис, 1901.
- Калантар А.А. Состояние скотоводства на Кавказе // Материалы для устройства казенных летних и зимних пастбищ и для изучения скотоводства на Кавказе. Т.2. – Тифлис, 1890.
- Калашников Г.В. Проблема биографики военных деятелей России XVIII века // Источниковедческие и методологические проблемы биографических исследований: Сборник материалов научно-практического семинара (Санкт-Петербург, 4-5 июня 2002 г.). – СПб., 2002.
- Калмыкова Ж.А. Интеграция Кабарды и Балкарии в общероссийскую систему управления (вторая половина XVIII – начало XX века). – Нальчик, 2007.
- Калмыков Ж.А. Установление русской администрации в Кабарде и Балкарии (кон.XVIII – нач.XX вв.). – Нальчик, 1995.
- Калмыкова Н.П. Изменения разнообразия наземной биоты Предкавказья с миоцена до голоцена // Проблемы экологии горных территорий. Сборник научных трудов. – М., 2006.
- Калоев Б.А. Дневник кавказоведа. – Владикавказ, 2002.
- Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М., 1981.
- Калоев Б.А. Скотоводство народов Северного Кавказа: С древнейших времен до начала XX в. – М., 1993.
- Калоев Б.А. Чеченцы // Народы Кавказа / Под ред. М.О. Косвена и др. Т.1. – М., 1960.
- Каменев Е.В., Четвертной Д.В. Человек на войне: культурные практики XIX в. (по мемуарам участников войны 1812 г. и Кавказской войны) // Культура исторической памяти: Материалы Всероссийской научной конференции, Петрозаводск, 25-28 апреля 2003 г. – Петрозаводск, 2003.
- Каминский Л.С., Новосельский С.А. Потери в прошлых войнах (1756-1918). Справочная книга. – М., 1947.
- Канода Н.Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881-1917 гг.). – Ашхабад, 1991.

- Кантария М.В. Агрикультурные способы полеводства в Чечено-Ингушетии: (Этнографические данные) // Кавказский этнографический сборник. Вып. VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси, 1986.
- Кантор В.К. Санкт-Петербург: Российская империя против российского хаоса. К проблеме имперского сознания в России. – М., 2008.
- Канукова З.В. Старый Владикавказ. Историко-этнологическое исследование. – Владикавказ, 2008.
- Каппелер А. Россия – многонациональная империя: Возникновение. История. Распад. – М., 2000.
- Караев Т.М. Россия и Кавказ. Проблема культурной ориентации. – М., 2001.
- Карапетянц И.В. Геологическая документация и организация геологического фонда. – М., 1991.
- Карбелашвили А. Первые телеграфные линии на Кавказе. – Тбилиси, 1988.
- Каримов А.Э. «Докуда топор и соха ходили»: очерки истории земельного и лесного кадастра в России XVI – нач. XX в. – М., 2007.
- Кармовский В.В. Организация библиотек в российских тюрьмах в XIX – начале XX вв. // История отечественной уголовно-исполнительной системы: Сборник статей. – М., 2006.
- Карпачев М.Д. Власть и общество в России на закате империи: истоки конфликта // Власть и общественное движение в России имперского периода. – Воронеж, 2005.
- Карпов Ю.Ю. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. – СПб., 2007.
- Карпов Ю.Ю. Военная организация и социальное развитие союзов сельских общин Северного Кавказа // Этнографические аспекты традиционной военной организации народов Кавказа и Средней Азии. Вып. 1. – М., 1990.
- Карпович М.М. Из «Экономической истории Европы с 1870 года» // История и историография России. Из научно – литературного наследия русского зарубежья. Серия «Антология русского зарубежья». Т. III. – М., 2006.
- Каррер Анкос Э. Евразийская империя: История Российской империи с 1552 г. до наших дней. – М., 2007.
- Карцов А.С. Огородничество на Северном Кавказе. – СПб., 1896.
- Касумов А.Х. Разные судьбы. – Нальчик, 1967.

- Катионов О.Н., Смагин Р.Ю. Система подготовки военных топографов в Российской империи // Пишем времена и случаи: материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию кафедры отечественной истории НГПУ (Новосибирск, 25-26 апреля 2008 г.). – Новосибирск, 2008.
- Келиматов А. Чечня: в когтях дьявола или на пути самоуничтожения (История, аргументы и факты глазами очевидца). – М., 2003.
- Кемпинский Э.В. Первая российская революция и национально-горское движение в Терской области // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005.
- Кемпинский Э.В. Российская интеллигенция: история и судьбы (региональное северо – кавказское исследование). – М., 2005.
- Кемпинский Э.В. Формирование интеллигенции в условиях полиэтничной Терской области в конце XIX – начале XX в. // Межэтническое взаимодействие на юге России: проблемы и пути решения в условиях социальной трансформации: сборник статей по материалам третьей региональной научно – практической конференции. Ставрополь, 20 июня 2003. – Ставрополь, 2003.
- Кеппенен Ф.П. Несколько слов о кавказском музее. – СПб., 1896.
- Керимов И.А., Даукаев А.А. История зарождения и развития ГРР и добычи нефти и газа на территории ЧР // Труды Грозненского государственного нефтяного института им. акад. М.Д. Миллионщикова. Вып.5. – Грозный, 2005.
- Кидирнязов Д.С. Взаимоотношения ногайцев с народами Северного Кавказа и Россией в XVI – XIX вв. – Махачкала, 2003.
- Киняпина Н.С. Внешняя политика России втор. пол. XIX в. – М., 1974.
- Киняпина Н.С. Политика русского самодержавия в области промышленности (20-50-е годы XIX в.). – М., 1968.
- Кипкеева З.Б. Народы Северо – Западного и Центрального Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. – 60-е годы XIX в.). – М., 2006.
- Киреев Е.П. К вопросу о хищническом хозяйничании иностранных капиталов в дореволюционной нефтяной промышленности Грозного // Известия Грозненского краеведческого музея. Вып.5. – Грозный, 1953.
- Киреева Р.А. Государственная школа: историческая концепция К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. – М., 2004.

- Клапрот Ю. Описание поездок по Кавказу и Грузии в 1807 и 1808 годах. – Нальчик, 2008.
- Клиер Дж. Д. Контрабанда людей: правительство России и эмиграция из Царства Польского в 1881-1892 годах // Еврейская эмиграция из России. 1881-2005. – М., 2008.
- Ф. фон-Климан. Пятисотлетие русской артиллерии. 1389-1889. – Тифлис, 1889.
- Климович Л.И. Ислам в царской России. Очерки. – М., 1936.
- Клычников Ю.Ю. Сбор российскими офицерами сведений о Северном Кавказе в конце 20-х – начале 30-х годов XIX в. // Актуальные проблемы российской и мировой истории. Ученые записки. Вып. 1. – Пятигорск, 2002.
- Клычников Ю.Ю., Линец С.И. Северокавказский узел: особенности конфликтного потенциала (Исторические очерки) / Под ред. Академика В.Б. Виноградова. – Пятигорск, 2006.
- Клычникова М.В. Из опыта организации частных учебных заведений на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Российская и зарубежная история: социально – экономические и политические проблемы общества и государства. Ученые записки. Вып. VIII. Ч. II. – Пятигорск, 2007.
- Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777 – 1864 гг.): Монография. – Пятигорск, 2006.
- Ключевский В.О. Курс русской истории. Сочинение в 9 томах. Т.1. – М., 1987.
- Книга для всех. – М., 1997.
- Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. Т.1-2.
- Ковалевский М.М. Конституция гр. Лорис – Меликова и его частные письма. – Берлин, 1904.
- Ковалевский П.И. Восстание в Чечне и Дагестане в 1877 и 1878 гг. – СПб., 1912.
- Ковалевский П.И. Кавказ. Т.1. Народы Кавказа. – СПб., 1914.
- Ковалева Н.В. Правовое регулирование промышленного производства Российской империи во второй половине XIX – начале XX веков. – Кострома, 2007.
- Коваленко А.Н. К атрибуции раннего рисунка М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2. Т.2. – Ставрополь, 2007.

- Кодзоев Н.Д. Город Назрань: исторический очерк. – Магас, 2006.
- Кодзоев Н.Д. История развития судебной системы Ингушетии. – Назрань, 2006.
- Кожин В.В. О русском национальном сознании. – М., 2004.
- Кожин В. Пятый пункт: Межнациональные противоречия в России. – М., 2005.
- Козенкова В.И. Древние основы культурного наследия нахского этноса. К истокам горского менталитета // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Козенкова В.И. У истоков горского менталитета: Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып.3. – М., 2002.
- Козлов С.А. Территориальное расширение Российского государства в XVI – XIX вв. // Санкт-Петербургский международный летний и культурно-исторический университет. 2007. Территориальное расширение России и земельный вопрос. – СПб., 2007.
- Козырев В.А. Историческая ретроспектива некоторых экологических последствий хозяйственного освоения территории Предкавказья переселенцами из внутренних губерний России в XVIII – XIX в. // Наука, экология и педагогика в технологическом университете: сборник научных докладов Ежегодной научно – практической конференции в технологическом университете. – Минеральные Воды, 2007.
- Козырев В.А. Северный Кавказ: экология, здоровье, народная медицина. – Минеральные Воды, 2007.
- Койчуев А.Д. Карачай: вопросы истории, культуры и религии. – Ставрополь, 2006.
- Кокиев Г. Крестьянская реформа в Северной Осетии. – Б.м., 1940.
- Кокурхаев К.-С. А.-К. Общественно-политический строй и право чеченцев и ингушей (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) – Грозный, 1989.
- Кокурхаев К.А. Правовая система и судопроизводство чеченцев и ингушей (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вопросы истории Чечено-Ингушетии / Чечено-Ингушский ин-т ист., соц. и филол. – Грозный, 1977.
- Колесникова М.Е. Источниковая база по историческому краеведению Северного Кавказа (нач. период) // Из истории народов Северного Кавказа. Сборник статей. Вып.4. – Ставрополь, 2001.

- Колесникова М.Е., Логачева А.В., Охонько Я.Н. Ставропольская губернская архивная комиссия: страницы истории архивного дела Северного Кавказа: Монография. – Ставрополь, 2007.
- Колодий М.А. История транспортной милиции: Царицын – Сталинград – Волгоград. – Волгоград, 2007.
- Коломиец В.Г. Очерки истории и культуры Терских казаков. – Нальчик, 1994.
- Колосов Л.Н. Из истории развития капиталистических отношений в Чечено-Ингушетии в эпоху империализма / Развитие промышленности, кредита и торговли накануне Октябрьской революции // ЧИНИИ. Известия. Т.4. Вып. 1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии. – Грозный, 1964.
- Колосов Л.Н. О степени изученности Грозненского нефтяного дела // Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона. Вып. 1-2. – Грозный, 1978.
- Колосов Л.Н. Очерки истории промышленности и революционной борьбы рабочих Грозного против царизма и монополии (1893-1917). – Грозный, 1962.
- Колосов Л.Н. Первое поколение пролетариата Чечено-Ингушетии (1893-1917). – Грозный, 1965.
- Коновалов Г. Краткий отчет об экскурсии // Экскурсии учащихся Кавказского Учебного Округа в 1908 году. Вып. 1. – Тифлис, 1909.
- Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863 – 1864 годов (по материалам Архангельской губернии): Монография. – Архангельск, 2004.
- Конопка С. Кавказ. – Тифлис, 1914.
- Константинов О.А. Северный Кавказ (Северо-Кавказский край и Дагестан). – М., Л., 1930.
- Конфессии Северного Кавказа. Конфессиональный диалог-путь к духовному обогащению народов. – Пятигорск, 2004.
- Корганов В.Д. Кавказская музыка. Сборник статей. – Тифлис, 1908.
- Корневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М., 2004.
- Коренное население: Глобальное стремление к справедливости: Доклад для независимой комиссии по международным гуманитарным вопросам. – М., 1990.

- Корепанова С.А. Промышленные выставки России XIX века: к 120-летию Сибирско – Уральской научно – промышленной выставки 1877 г. – Екатеринбург, 2007.
- Коркин А.Л. Кавказские письма Л.Н. Толстого // Литературный процесс: кавказский контекст. Симпозиум XI. Материалы V Международного конгресса «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру». 8-12 октября 2007 г. – Пятигорск, 2007.
- Коркунов Н.М. Русское государственное право. Т.2. Особенная часть. – СПб., 1893.
- Корнилова А.В. Григорий Гагарин. Творческий путь. – М., 2001.
- Корнилова А. Григорий Гагарин. – М., 2004.
- Королев С.А. Конфликт колонизаций. Российская власть и становление независимых социальных пространств. – М., 2001.
- Корф С.А. Национальности и государство // Российская политическая наука в 5 т. / Под общ. Ред. А.И. Соловьева. Т.1: XIX – начало XX в. – М., 2008.
- Косвен М.О. Материалы по истории этнографического изучения Кавказа в русской науке. Ч.II. // Кавказский этнографический сборник. Т.46. – М., 1958.
- Костанян Ю.Л. Граф Михаил Тариелович Лорис – Меликов (1824-1888). – СПб., 2005.
- Кочекаев Б.– А.Б. Классовая структура ногайского общества в XIX – XX в. – Алма-Ата, 1969.
- Кошев М.А. Люди, события, факты истории народов Северного Кавказа в очерках, иллюстрациях и документах (конец XIX – XX век). – Майкоп, 1999.
- Кошман Л.В. Город и городская жизнь в России XIX столетия: Социальные и культурные аспекты. – М., 2008.
- Кошубаев Д. От составителя // Мир дому твоему. Избранная проза народов Кавказа. – Нальчик, 2003.
- Краг Хелен, Ларс Функ Хансен. Северный Кавказ: народы на перепутье. – СПб., 1996.
- Краснов А.Н. Отчет физико-математическому факультету о совершенных студентами Харьковского университета научно-педагогических, географических экскурсий по Военно-Осетинской дороге // Записки императорского Харьковского университета. Кн.3. – Харьков, 1896.
- Красножен М. Иноверцы на Руси. – Юрьев, 1900.

- Краткие сведения о состоянии на Кавказе сельского хозяйства. – Тифлис, 1900.
- Крейнис З.Л. Очерки истории железных дорог. Два столетия. – М., 2007.
- Крестовский В.В. Двадцать месяцев в действующей армии: (1877-78 гг.). Т.1. – СПб., 1878.
- Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма. – Р н/Д., 1990.
- Кривенко В.С. Очерки Кавказа. Поездки на Кавказ осенью 1888 года. – СПб., 1893.
- Крикунов В.П. Краткий обзор указателей источников и литературы по истории Дона, Кубани и всего Северного Кавказа. – Отрад-ная, 1999.
- Круковский Б.В., Рамишвили М.Б. Кавказское медицинское общество и его борьба с холерой (кон. XIX – нач. XX века). – М., 1991.
- Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. – М., 1960.
- Крупнов Е.И. Средневековая Ингушетия. – Магас, 2008.
- Крымский А. Школа, образованность и литература у российских мусульман. – М., 1905.
- Кудаева С.Г. Огнем и железом. – Майкоп, 1998.
- Кудашев В. Исторические сведения о кабардинском народе. – Киев, 1913.
- Кузнецов А.А. Об эволюции понятия «иностранцы» в российском законодательстве // Образы России в отечественной и мировой словесности, истории и культуре: Материалы Международной научной конференции. – Калининград, 2006.
- Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV века. – Пятигорск, 2007.
- Кузнецов И.Д. Терские казаки и их рыбные промыслы. – СПб., 1901.
- Кузьминов П.А. М.Т.Лорис – Меликов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2(34). – М., 2005.
- Кузьминов П.А. Он стоял у истоков модернизации Центрального Кавказа // Исторический вестник. Вып. IV. – Нальчик, 2006.
- Кузьминов П.А. Материалы сословно-поземельных комиссий как исторический источник по истории народов Северного Кавказа // De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998) – Р н/Д., 2004.
- Кузьминов П.А. Образование Терской области в 1860 г. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. – Армавир, 2002.

- Кузьминов П.А. Траектории сближения: утверждение России в степном Предкавказье в конце XVIII – первой половине XIX вв. // Кавказский сборник. Т.4.(36). – М., 2007.
- Кукба В.И. Избранные труды / Составление, предисловие и примечания: В.Ш. Авидзба, Л.Х. Саманба. – Сухум, 2007.
- Кулешов Ю.А. О позднем защитном вооружении народов Северного Кавказа // Военная археология: Сборник материалов семинара при Государственном Историческом музее. Вып.1. – М., 2008.
- Кулова И.Р. Формы, методы и приемы физического и трудового воспитания горской молодежи в прошлом. – Владикавказ, 2003.
- Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Кумыков З.Т. Вопрос о выселении адыгов в Турцию в 50-60-х гг. XIX века в историческом кавказоведении. – Нальчик, 1998.
- Кумыков Т.Х. Вовлечение Северного Кавказа во Всероссийский рынок в XIX в. (По материалам Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии). – Нальчик, 1962.
- Кумыков Т.Х., Нагоев М.Б. Исторические реалии народов Северного Кавказа в произведениях деятелей культуры России первой половины XIX в. – Нальчик, 1996.
- Куприн Д.О. Правительственная политика России в отношении крестьянской эмиграции в конце XIX – начале XX века. – М., 2000. – Деп. В ИНИОН РАН. 20.11.2000, № 56 039.
- Куприянов П.С. Образы «дикарей» в записках русских путешественников начала XIX века: абстракция и реальность // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М., 2006.
- Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во втор. пол. XIX. в.: К проблеме развития капитализма вширь. – М., 1981.
- Куприянова Л.В. Новороссийский порт и Владикавказская железная дорога в пореформенный период // Исторические записки. Т.73. – М., 1963.
- Куракаев А.Э. Национальные особенности чеченского народа // Вклад спортсменов – чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006.
- Куреня О.О. Социологический аспект двуязычия в Ирландии // Судьба языков: вопросы внешней и внутренней истории. – М., 2008.
- Курмаев М.В. Книга в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: монография. – Самара, 2007.

- Кусаев А.Д. Писатели Чечни – Грозный, 2005.
- Кусаев А. Чечня: годы и люди. – Грозный, 2007.
- Кутафин О.Е. Российская автономия: монография. – М., 2006.
- Кушева Е.Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (вторая половина XVI – 30-е годы XVII века). – М., 1963.

Л

- Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып.3. – Тифлис, 1883.
- Лавров Л.И. Историко-этнографические очерки Кавказа. – Л., 1978.
- Лавров Л.И. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924-1978 гг.). – Л., 1982.
- Лаза В.Д. Развитие теологического образования и религиозного просвещения как элемента формирования гражданского общества в России // Северный Кавказ в национальной стратегии России. – М., 2008.
- Лазновская Г.Ю. Мир Запада глазами русских писателей второй половины XIX в. // Молодая наука – 2007: Материалы региональной межвузовской научно – практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. – Часть VI. – Пятигорск, 2007.
- Лайпанов Х.О. К истории переселения горцев Северного Кавказа в Турцию // Труды Карачаево-Черкесского НИИ. Вып.5. – Ставрополь, 1966.
- Ланда Л.С. К вопросу о взаимоотношениях горских евреев и мусульман на Восточном Кавказе в XIX – начале XX в. // Третьи Торчиновские чтения. Религиоведение и востоковедение: Материалы научной конференции. С.– Петербург, 15-18 февраля 2006 г. – СПб., 2006.
- Ланда Р.Г. Ислам в истории России. – М., 1995.
- Ланцапова Л.Ю. Чеченский след в этнокультуре калмыцкого народа. Терские калмыки // Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.
- Лапидус Н. Николай Самокиш // Николай Самокиш. – М., 2006.
- Лапин В.В. Алексей Петрович Ермолов – покоритель Кавказа (Размышления перед портретом) // Отечественная история и историческая мысль в России XIX – XX веков: Сборник статей к 75-летию А.Н. Цамутали. – СПб., 2006.

- Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008.
- Лапин В.В. Дезертиры в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Армия и общество в Российской истории XVIII – XX вв.: сборник трудов международной заочной научной конференции. – Тамбов, 2007.
- Лапин В.В. Кавказская война – война взаимного непонимания // Россия и Кавказ: История. Религия. Культура. – СПб., 2003.
- Лапин В.В. К вопросу о хронологических рамках Кавказской войны XVIII – XIX вв. // Страницы российской истории: Проблемы, события, люди. – СПб., 2003.
- Лапин В.В. Национальные формирования в Кавказской войне XVIII – XIX вв. // Кавказ и Россия. Прошлое и настоящее. История. Обычаи. Религия. Сборник. – СПб., 2006.
- Лапин В.В. «Убедить непокорные племена в превосходстве нашего оружия...» Военные планы покорения Кавказа // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005.
- Лаптева Л.Е. Региональное и местное управление в России (втор. пол.XIX в.). – М., 1998.
- Ларина Е.И. Ковроткачество народов Российской империи. – М., 2007.
- Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о Кавказских горах. Вып.6. – Тифлис, 1872.
- Лев Феликсович Лагорио / Авторы текста Н.О. Майорова, Г.К. Скоков. – М., 2006.
- Левашев Е.М. А.А. Алябьев // Вестник истории, литературы, искусства. Т.4. – М., 2007.
- Лейберов И.П. Окончание Большой Кавказской войны // Музеи России: поиски, исследования, опыт работы. Сборник научных трудов. Вып.4. – СПб., 1998.
- Лемерль П., Кицикис Д. На перекрестке цивилизаций: Сборник. – М., 2006.
- Лермонтов М.Ю. Картины и рисунки поэта. Иллюстрации к его произведениям. – Л., 1964.
- Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 1. Стихотворения 1828-1841
- Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т. 2. – Ставрополь, 2007.

- Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. – М., 2007.
- Лилов А. Деятельность Общества Восстановления православного христианства на Кавказе за 1860-70 гг. – Б.м. Б.г.
- Линден В. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Исторический очерк. – Тифлис, 1917.
- Линдквист С. «Уничтожьте всех дикарей». – М., 2007.
- Липранди А.П. Кавказ и Россия. – Харьков, 1911.
- Лисицына Г.Г. Кавказский комитет – высшее государственное учреждение для управления Кавказом (1845-1882) // Россия и Кавказ – сквозь два столетия. – СПб., 2001.
- Листопадов Е. Кавказ // Кавказ. Вечность в камне: Фотоальбом. – Ннальчик, 1994.
- Литвинов М. Окраины России. Военно-географические очерки. Вып.1. Кавказ. – СПб., 1884.
- Литвинов Н.Д., Литвинова А.Н. Кавказ, далекая страна. – Воронеж, 2006.
- Лихачев Д.С. Избранное: Мысли о жизни, истории, культуре. – М., 2006.
- Лобанова Е.В. Российский долг Франции и революционная ментальность (по материалам советского дипломата Х.Г. Раковского, 1920-е годы) // Проблемы экономической истории: mundus o economicus. – М., 2006.
- Лобова Г.В. Литература народов Северного Кавказа: Монография. – Славянск – на – Кубани, 2008.
- Лосев И.К. О классовом и обще демократичном содержании думских речей Т. Эльдарханова // ЧИНИИ. Известия. Т.III. Вып.1. – Грозный, 1963.
- Лукеш А. Примерные программы гимнастики и детских игр. – Тифлис, 1911.
- Лукиянов С.А. Веротерпимость как принцип религиозной политики в России (XVI – XX вв.): Монография. – М., 2007.
- Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. – М., 1996.
- Любичанковский С.В. Структурно-функциональный подход к истории местного управления Российской империи (1907-1917 гг.). – Оренбург, 2005.

- Лятошинский Н.Л. Кавказ в историческом отношении. – Киев, 1901.
- Ляхов Б., Сухоруков В. Кавказская война XIX века: наместники, генерал – губернаторы, военачальники. – М., 2007.

М

- Магомадов М.М. Сущность и факторы интенсификации производства // ЧИНИИИЯИЛ. Т.IX. Ч.4. Вып.1. Известия. – Грозный, 1976.
- Магомедов Р. Восстание горцев Дагестана в 1877 г. – Махачкала, 1940.
- Магомедов А.А., Дзидзоев В.Д. Устройство поземельного быта народов Кавказа и их взаимоотношения с казачеством (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Сев.– Осет. гос.ун-та им. К.Л. Хетагурова. Гуманитарные науки. №1. – Владикавказ, 1999.
- Мадаева З.А. Народные календарные праздники вайнахов. – Грозный, 1990.
- Мадаева З.А. Новое и традиционное в трудовых праздниках вайнахов // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Мадор Ю.П. Английская идея // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., 2007.
- Мазаева Т.А. Инновация в этнокультурной среде. – Нальчик, 2007.
- Макарова Н. Экскурсия на Кавказ учениц женской гимназии Э.П. Шаффе в 1910 г. – СПб., 1912.
- Макашвили З.А. Смирнов-Кавказский (1847-1891). – Тбилиси, 1988.
- Максимов Е. Терское казачье войско. Историко-статистический очерк. – Владикавказ, 1890.
- Максимов Е. Чеченцы // Терский сборник. Вып.2. Кн.2. – Владикавказ, 1892.
- Максимов Е., Вертепов Г. Туземцы Северного Кавказа. Историко-статистические очерки. Вып.II. Чеченцы. – Владикавказ, 1894.
- Максимов С. Край крещеного света. Ч.IV. Русские горы и кавказские горцы. – СПб., 1866.
- Макшеев А. Военно-статистическое обозрение Российской империи. – СПб., 1867.
- Малахова Г.Н. Государственное управление Кавказом – история и современность // Вертикаль власти: проблемы оптимизации взаимодействия федерального, регионального и местного уровней власти в современной России. Вып.1. – Р н/Д., 2001.
- Малахова Г.Н. Государственные реформы 60-80-х гг. XIX в. как завершающий этап включения Северного Кавказа в административную

- и экономическую систему России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003.
- Малахова Г.Н. Становление и развитие российского государственного управления на Северном Кавказе в конце XVIII – XIX вв. – Р н/Д., 2001.
- Малахова Г.Н. Судопроизводство горских народов в системе российской административной власти на Северном Кавказе (исторический аспект) // Этнос и власть: местное самоуправление и этнические конфликты. – Саратов, 1999.
- Маловичко С.И., Узденова Э.Б. Операционные возможности исследовательского поля «истории пограничных областей» («the Borderlands history») и изучение контактных социокультурных зон Северного Кавказа // Кавказ между Западом и Востоком. Межвузовский сборник научных работ. – Карачаевск, 2003.
- Мальбахов Б.К., Дзамихов К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (сер. XVI – кон. XVIII вв.). – Нальчик, 1996.
- Мальсагова Т.Т. Восстание горцев Чечни в 1877 г. – Грозный, 1968.
- Мальцев В.Н. Административные реформы в казачьих областях Северного Кавказа во втор. пол. XIX в. // Проблемы истории казачества. – Волгоград, 1995.
- Мальцев В.Н. Разработка Е.А. Головиным и П.Х. Грабе принципов отношений с горским населением Северного Кавказа в конце 30-х годов XIX века // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар, 2008.
- Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Р н/Д., 1999.
- Мальцев Г.В. Понимание права. Подходы и проблемы. – М., 1999.
- Мамаев А.М. Из истории физического воспитания чеченских юношей // Вклад спортсменов – чеченцев в развитие спортивной борьбы России. – СПб., 2006.
- Мамакаев М.А. Правовой институт тайпизма и процесс его разложения // Известия Чечено-Ингушского НИИ. Т.1(4). Вып.1. – Грозный, 1936.
- Мамакаев М. Чеченский тейп и процесс его разложения. – Грозный, 1962.

- Мамакаев М. Шрамы эпохи. – М., 1995.
- Мамбетов Г.Х. Крестьянские промыслы в Кабарде и Балкарии во второй половине XIX – нач. XX века. – Нальчик, 1962.
- Мамедов М. Массовые стереотипы и предрассудки в национальных историях и представлениях о прошлом (на примере «лиц кавказской национальности») // Национальные истории в советском и постсоветских государствах. – М., 1999.
- Манин В.С. Архип Иванович Куинджи и его школа. – Л., 1987.
- Мансуров И.И. Физическая культура полиэтнического общества (На примере Северного Кавказа). – Карачаевск, 2001.
- Мануйлова В. Утраченные письма Лермонтова // Литературное наследство – М., 1948 – Т.45-46. Ч.2. М.Ю. Лермонтов. – М., 1948.
- Марголис А.Д. Тюрьма и ссылка в императорской России. – М., 1995.
- Маргошвили Л.Ю. К вопросу о поселении кистов Панкиси // Вопросы истории народов Кавказа. – Тбилиси, 1988.
- Маргошвили Л.Ю. Культурно-этнические взаимоотношения между Грузией и Чечено-Ингушетией в XIX – и начале XX в.: (Кисты Панкиси). – Тбилиси, 1990.
- Маргошвили Л.Ю. Мужская одежда вайнахов (в конце XIX – начале XX века) // Кавказский этнографический сборник. Т. VI. Очерки этнографии горной Чечни. – Тбилиси, 1986.
- Маремкулов А.Н. Юридические формы политики Российской империи на Северном Кавказе в XVIII – XIX вв.: историко-правовой аспект. – Рн/Д., 2005.
- Марзоев И.Т. Осетинская феодальная знать в системе взаимодействия этнических элит Северного Кавказа (XVIII – XX вв.): Монография. – Владикавказ, 2008.
- Марк фон Хаген. История России как история империи: перспективы федералистского подхода // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
- Маркграф О.В. Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. – М., 1882.
- Маркграф О.В. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ, 1881.
- Маркелов Н.В. «Все картины военной жизни, которых я был свидетелем...». Боевая судьба М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.

- Маркелов Н.В. Кавказские силуэты: история Кавказа в лицах. – Пятигорск, 2006.
- Маркелов Н.В. Лермонтов и Северный Кавказ. – Пятигорск, 2008.
- Маркелов Н.В. Поговорим о бурных днях Кавказа. – М., 2006.
- Марков Е. Общий очерк. Кавказ в его настоящем и прошлом // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., М., 1893.
- Марков Е.Л. Очерки Кавказа. Картины кавказской жизни, природы и истории. – СПб., М., 1887.
- Марковин В.И. Башенная архитектура и ее декор – неоценимый источник изучения культуры чеченцев и ингушей // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Маркович В.В. Название, употребление и распространение некоторых более важных в народном быту растений Ичкерии. – Тифлис, 1898.
- Мартirosiан Г.К. Социально-экономические основы революционного движения на Тереке // Северо-Кавказский институт краеведения. – Владикавказ, 1925.
- Мартirosiан Г.К. Терская область в революции 1905 года. – Владикавказ, 1929.
- Мартirosiан Г.К. Фабрично-заводская промышленность на Тереке. – Владикавказ, 1924.
- Марченко Л.С. Армянский наследник графа Евдокимова // Армяне Ставрополя и Терека. – Пятигорск, 2007.
- Марчук Н.И. Кавказ в международно-геополитической системе: XVI – XX вв. // Международное сотрудничество на пороге XXI века. – М., 1999.
- Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.) Монография. – Р н/Д., 2006.
- Матвеев В.П. Орловская губерния. Летопись Орловского края на старинных открытках. – Орел, 2007.
- Матвеева Л.Д. Зарубежная историография национально – государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье. – Уфа, 2005.
- Матвейчук А.А., Фукс И.Г. Истоки российской нефти: Исторические очерки. – М., 2008.
- Матиева А.Х. Проблемы национальной политики царской России в исследованиях М.М.Ковалевского // Кавказский сборник. Т.2 (34). – М., 2005.

- Махарадзе Н.А. Русская газета на Кавказе в 40-50-е годы XIX века. – Тбилиси, 1984.
- Мачукаева Л.Ш. Проблемы политико-административного управления Северным Кавказом (1905-1914) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза. – М., 2005.
- Мегрелидзе Ш.В. Закавказье в Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – Тбилиси, 1972.
- Медушевская О.М. Новое знание о человеке // Источниковедческая компаративистика и историческое построение. – М., 2003.
- Межуев Б.В. Генерал – губернаторство в системе местного управления России // Россия в условиях трансформации: Историко – политологический семинар. Материалы. Вып.12. – М., 2001.
- Мелкадзе Н.В. Библиотека Кавказского отдела Императорского Русского географического общества // История библиотек: исследования, материалы, документы. Вып.6. – СПб., 2006.
- Менделеев Д.И. Нефтяная промышленность в Северо-Американском штате Пенсильвания и на Кавказе. – СПб., 1877.
- Менщиков И.С. Британские премьер – Министры XIX века: Монография. – Курган, 2006.
- Мещерский В. Кавказский путевой дневник кн. Мещерского. – СПб., 1878.
- Мёллер В., Денисов М. Полезные ископаемые и минеральные воды Кавказского края. – СПб., 1900.
- Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. – М., 2006.
- Мильков Ф.Н. А.Н. Краснов – географ и путешественник. – М., 1955.
- Милютин Д.А. Курс Военной Географии и Военной Статистики, преподаваемый в Императорской Военной Академии Генерального Штаба Подполковником Милутиным. Кавказский край. – СПб., 1846.
- Мининков Н.А. Методология истории. – Р н/Д., 2004.
- Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе: Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М., 2002.
- Михайленко Н.М. Использование правовых обычаев в период пост-реформенной модернизации // Модернизационные процессы в истории России XVIII – XX вв.: политика, экономика, культура: Сборник статей. – Армавир, 2003.

- Михайлов В. «Кавказ – это один из живительных родников русской культуры» // Россия и Кавказ на рубеже столетий. – М., 2006.
- Михайлов К.Е. В горах Кавказа. – М., 2001.
- Михеев А.П. Правовые основы каторжного приговора и режима содержания каторжных узников в конце XIX – начале XX века // Вестник Новосибирского государственного университета: Серия: История, филология. Т.6, вып.1: История. – Новосибирск, 2007.
- Мнацаканян А. Российско-чеченские отношения при «старых режимах»: Историческая справка // Чечня. Жизнь на войне. – М., 2007.
- Могильницкий Б.Г. К вопросу о теоретико – методологических основах немарксистской историографии // Современная зарубежная немарксистская историография. Критический анализ. – М., 1989.
- Монастыри Кавказской епархии и их роль в культурном развитии Северного Кавказа. – Р н/Д., 2006.
- Москвич Г. Кавказ. Географические, этнографические, исторические и экономические очерки. – Одесса, 1896.
- Мужев И.Ф. Горцы Северного Кавказа в период империализма (Социально-экономический очерк). – Нальчик, 1965.
- Мужев И.Ф. Развитие капитализма на Северном Кавказе в кон.XIX – нач.XX в. // Сборник статей по истории Кабарды и Балкарии. Вып.6. – Ставрополь, 1957.
- Мужухоева Э.Д. Административно-территориальное деление управления Терской области в 80-90 гг. XIX в. // Вопросы исторической географии Чечено-Ингушетии в дореволюционном прошлом. – Грозный, 1984.
- Музаев Т.М. Союз горцев. Русская революция и народы Северного Кавказа, 1917 – март 1918 г. – М., 2007.
- Мун В.А. Государственно-правовые воззрения Л.Н. Гумилева // Двенадцатая Региональная конференция молодых исследователей Волгоградской области, 13-16 ноября 2007 г. – Вып.2. Право и юриспруденция. – Волгоград, 2008.
- Мунаев И., Ахмадов М. О чеченском песенном фольклоре // Чеченская народная поэзия в записях XIX – XX вв. – М., 2005.
- Муравьев А.Н. Письма о магометанстве. – Казань, 1875.
- Мурзаханов Ю. Илья Шеребетович Анисимов // История и этнография горских евреев Кавказа. – Нальчик, 1998.
- Муртазалиев В.Ю. Роль чеченской диаспоры в возвращении депортированных чеченцев на историческую родину // «Восстановление

- национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская научно-практическая конференция. – Элиста, 2006.
- Мусаев А.Н. Шейх Мансур. – М., 2007.
- Мусхаджиев С.Х. Исламский узел Кавказской войны. Идеологические и политические аспекты освободительного движения на Северном Кавказе (кон. XVIII – перв. пол. XIX в.). – Майкоп., 2006.
- Мухаметшин Ф.М. Мусульмане России: судьбы, перспективы, надежды. – М., 2001.
- Муханов В.М. Кавказская война через призму персональной истории генерала Н.И. Евдокимова // Российское общество: историческая память и социальные реалии: Материалы межрегиональной научно-практической конференции XIV Адлерские чтения – 2008. – Краснодар, 2008.
- Муханов В.М. Покоритель Кавказа князь А.И. Барятинский. – М., 2007.
- Муханов В.М. Полемика о методах покорения Северного Кавказа в середине 1850-х гг. и участие в ней князя А.И. Барятинского // Первые открытые исторические чтения «Молодая гвардия». Сборник статей. – М., 2003.
- Мушкетов И.В. Геологическая поездка на Кавказ в 1881 году. – СПб., 1882.

Н

- «Навеки вместе» (о добровольном вхождении Чечено-Ингушетии в состав России). – Грозный, 1980.
- Надеждин П.П. Кавказский край. Природа и люди. – Тула, 1895.
- Назарова А.Ф. Эволюция человеческих популяций. – М., 2000.
- Назарова А.Ф., Алхутов С.М., Кузнецова М.Г. Проблемы родства финно-угорских, славянских и германских популяций по данным антропогенетики, истории и лингвистики // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007. – Саранск, 2007.
- Народная медицина Северо – Восточного Кавказа на примере Чеченской Республики / Х.М. Батаев, А.Ж. Хаджиева, З.И. Яхьяева. – Пятигорск, 2006.
- Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20-50 гг. XIX в.: Материалы Всесоюзной научной конференции, 20-22 июня 1989 г. – Махачкала, 1989.

- Народы Земли. Кавказ. Народы Кавказа. Т.IV. – СПб., 1911.
- Народы Кавказа. Кн.1. – М., 1993. Кн.3. – М., 1995. Кн.4. – М., 1995.
- Натиев Д. Кавказский военный песенник. – СПб., 1895.
- Невская В.П. Сельская община у горских народов Северного Кавказа (кон.XVIII – нач..XX в.) // Проблемы общественной жизни и быта народов Северного Кавказа в дореволюционный период. – Ставрополь, 1985.
- Невский С.А., Карлеба В.А, Яковлева Л.В. Предварительное расследование преступлений в Российском государстве в XVI – начале XX века (уголовно-процессуальные и организационные аспекты): Учебное пособие. – Краснодар, 2006.
- Некрасова М.А. Народное искусство – культура духовная // Народные мастера. Традиции и школы. – М., 2006.
- Несмачная С.И. Первое издание архивных документов на Кавказе // Кавказский сборник. Т.2.(34). – М., 2005.
- Нефедов С.А. Демографически – структурный анализ социально – экономической истории России. Конец XV – начало XX века. – Екатеринбург, 2005.
- Нечитайло Д.А. Международный исламизм на Северном Кавказе. – М., 2006.
- Нечитайлов М.В. Реформирование кавказского военного мундира в перв. пол. XIX в. – Ставрополь, 2003. – Деп. ИНИОН РАН 26.05.03., № 58018.
- Никерина И.В. Уроки Л.Н. Толстого в кавказском контексте // XIX век в истории России: Современные концепции истории России XIX века и их музейная интерпретация // Труды ГИМ. Вып.163. – М., 2007.
- Никитин В. Казачество: Нация или сословие? – М., 2007.
- Никитин В.Н. Тюрьма и ссылка. – СПб., 1880.
- Никольская Е. «Тифлисский живописец» // Братья Чернецовы. – М., 2002.
- Новицкий А.П. Художественная галерея Московского Публичного и Румянцевского музея. – М., 1889.
- Новомарьинский Г. Северное Кубанское и Терское предгорье Кавказа // Живописная Россия. Т.9. Кавказ. – СПб., 1893.
- Ногманов А.И. Государственно-исламские отношения в России во второй половине XVI – начале XX в. // Пути познания России: новые подходы и интерпретация. – М., 2001.

- Носов К.Н., Запороженко Э.В., Черноморец С.С., Тутубалина О.В. Исследования селевых потоков в России и бывшем СССР: история и перспективы // Сборник научных трудов Северо – Кавказского института по проектированию водохозяйственного и мелиоративного строительства (ОАО «Севкавгипроводхоз»). Вып.17. – Пятигорск, 2007.
- Нугис А. Против великодержавного шовинизма и местного национализма. – Хабаровск, 1933.
- Нунуев С.Х. Нахи и священная история. – Ярославль, 1998.
- Нуриманов И. Хадж мусульман России. Из прошлого к настоящему // Хадж российских мусульман. – Н. Новгород, 2008.

О

- Обертынюк А.Ю. Мемуары Прасковьи Сергеевны Уваровой как исторический источник // Ключевские чтения – 2008. Отечественная история и культура: единое пространство в прошлом, настоящем и будущем: Материалы Межвузовской научной конференции. Сборник научных трудов. – М., 2008.
- Оверин А., Ситовский Н. Опыт русско-кавказской флоры в применении к сельскому хозяйству и домашнему быту. Т.1-2. – Тифлис, 1858.
- Овсянников Г.М. История железных дорог на Кубани: история Краснодарского отделения Северо-Кавказской железной дороги. – Краснодар, 2008.
- Олейников Д.И. Теория контактных зон и диалога культур применительно к продвижению России на Северный Кавказ в 1810-1860-е гг. // Actio Nova 2000. – М., 2000.
- Оль П.В. Иностранные капиталы в России. – Пг., 1922.
- Омаров Х.А. Воспоминания Абдурхзака Согратлинского о восстании 1877 г. // Изучение истории и культуры Дагестана: археографический аспект. – Махачкала, 1988.
- Омельченко О.А. Традиции и наследие русского права. Очерки и статьи. – М., 2006.
- О прикаспийской марене. – Тифлис, 1863.
- Орешкова С.Ф., Ульченко Н.Ю. Россия и Турция: проблема формирования границ. – М., 2006.
- Ортабаев Б.Х. Историография социально-экономических отношений у горских народов Терека в кон. XIX – нач. XX в. – Орджоникидзе, 1988.

- Ортабаев Б.Х. Развитие торговли в Терской области в кон.ХІХ – нач. ХХ вв. (1890-1917 г.) // Проблемы социально-экономической истории и революционные движения на Дону и Северном Кавказе (ХІХ – нач.ХХ вв.). – Р н/Д.,1992.
- Ортабаев Б.Х. Социально-экономический строй горских народов Терека накануне Октябрьской революции. – Владикавказ,1992.
- Ортабаев Б.Х. Усиление колониального режима царизма на Северном Кавказе на рубеже ХІХ – ХХ вв. // Проблемы истории и культуры народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе,1985.
- О сети Кавказских железных дорог. – Тифлис,1869.
- Осипов К. Звезды олимпийской сборной России. – СПб., 2008.
- Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. – М., 2005.
- Осмаев М.К., Алироев И.Ю. История и культура вайнахов. – М, 2003.
- Османов А.М. Мой край Дагестан. – М.,1979.
- О социальной концепции русского православия. – М., 2002.
- Островитянов К.В. Земельная рента и развитие капитализма в сельском хозяйстве. – М.,1955.
- О существе национальной индивидуальности и об образовательном значении крупных народных единиц. – Б.м.,1877.
- О тех, кого называли абреками. Сборник рассказов, повестей, легенд, сказок, стихотворений и социально-экономических очерков о Чечне и чеченцах. – Грозный,1927.
- Охонько Н.А. Исторические символы Кавказа. – Пятигорск, 2006.
- Очерк восстания горцев Терской области в 1877 году. – СПб., 1896.
- Очерки истории Чечено-Ингушетии. Т.1. – Грозный,1965.

II

- Павлихина И. Живописное наследие М.Ю. Лермонтова // Лермонтовский текст в пространстве времени. Материалы межвузовской студенческой научно-практической конференции. – Пятигорск, 2002.
- Панеш Э.Х. Некоторые аспекты традиционной социализации у народов Северо-Западного Кавказа // Детство в традиционной культуре народов Средней Азии, Казахстана и Кавказа. – СПб.,1998.
- Пантюхов И.И. Антропологические наблюдения на Кавказе. – СПб.,1893.

- Парова Л.М. К истории разработки планов покорения Кавказских горцев российским царизмом // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 1993. – № 3.
- Паршев А.П. Почему Россия не Америка. – М., 2000.
- Патрушева Н.Г. Доклад председателя Тифлисского комитета по делам печати о реорганизации цензурного надзора на Кавказе (1913 г.) // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып.3. Сборник статей. – Краснодар, 2005.
- Пахомов Н.П. Лермонтов в изобразительном искусстве. – М., 1940.
- Педагогические и политико-правовые проблемы образования в России кон.ХІХ – нач. ХХ вв. – М., 2002.
- Переписка цесаревича Александра Николаевича с императором Николаем І. 1838-1839. – М., 2008.
- Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Кн.4. – Цхинвали, 1989.
- Петин С. Собственный Его Императорского Величества конвой. – СПб., 1899.
- Пешехонов А.В. Культурная драма // Старая Россия и старая Чечня: не выученные уроки (Изучающим Отечественную историю). – Ярославль, 2006.
- Пешхоев С.-С. С. Оружие вайнахов (чеченцев и ингушей). – М., 2002.
- Пивоваров Ю.С. Русская история как «русская идея» // Национальная идея: страны, народы, социумы. – М., 2007.
- Пикулев И. Николай Семенович Самокиш (1860-1944). – М., 1954.
- Пиралов А.С. Краткий очерк кустарных промыслов Кавказа. – СПб, 1913.
- Пирогов Н. Отчет о путешествии по Кавказу. – СПб., 1849.
- Пирожков В.В. Вопросы профилактики в деятельности передовых врачей Кавказа ХІХ и начала ХХ века // Тезисы докладов 2-го съезда гигиенистов и санитарных врачей Грузинской ССР, 5-8 октября 1960 г. – Тбилиси, 1960.
- Повразнюк К.В. Проблема интеграции мусульман в европейское общество. – СПб., 2007.
- Погожев В.П. Кавказские очерки. – СПб., 1910.
- Погошвили Д.Г. Вопросы соц. строя народов Северного Кавказа в грузинской советской историографии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988.

- Подпрятков Н.В. Национальные меньшинства в русской армии в XVIII – начале XX века. – СПб., 2004.
- Пожидаев В.П. Горцы Северного Кавказа: ингуши, чеченцы, хевсурцы, осетины и кабардинцы. Краткий историко-этнографический очерк. – М., Л., 1926.
- Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современное положение Кавказа. – СПб., 1904.
- Покровский Н.И. Кавказские войны и имамат Шамиля. – М., 2000.
- Полежаев А.И. Стихотворения. Поэмы и повести в стихах. Переводы. Воспоминания современников и критики. – М., 1990.
- Полное жизнеописание святителя Игнатия Кавказского (епископ Кавказский и Черноморский с 1858 по 1861 г.). – М., 2002.
- Поляков В. Ливенцы. Замечательные имена. – Орел, 2007.
- Поляков Ю.А. Адаптация и миграция в историческом контексте // Адаптация российских эмигрантов (конец XIX – XX в.). Исторические очерки. – М., 2006.
- Померанцев А.В. Как живут и трудятся народы в горах Кавказа. – М.-Л., 1927.
- Пономарев Н.В. Обзор Кустарных Промыслов России. – Пг., 1902.
- Попов А.В. Лермонтов на Кавказе. – Ставрополь, 1954.
- Попов А.П. Институт наказания на Кавказе: традиционно-правовой и художественный дискурсы // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 44. – Ставрополь, 2006.
- Поспелов Г.Г. Еще раз о рисунках Пушкина // Вестник истории, литературы, искусства. – Т. 4. – М., 2007.
- Потолов С.И. Начало монополизации Грозненской нефтяной промышленности (1893-1903). // Монополии и иностранный капитал в России. – М.; Л., 1962.
- Потто В.А. Два века Терского казачества (1577-1801). Т. 1-2. – Владикавказ, 1912.
- Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. – СПб., 1913.
- Правилова Е.А. Финансы империи: Деньги и власть в политике России на национальных окраинах, 1801-1917. – М., 2006.
- Православные богословы об исламе. – М., 2006.
- Прасолов Д.Н. Адыги в составе царской России во второй половине XIX – начале XX в. // Адыгская (черкесская) энциклопедия / Под ред. проф. М.А. Кумахова. – М., 2006.

- Природа этнорелигиозного терроризма. – М., 2008.
- Притула А.Ф. Грозненская нефтяная и Терская горная промышленность перед национализацией. – М.;Л.,1925.
- Прозоров С.М. Предисловие // Ислам на территории бывшей Российской империи: Энциклопедический словарь / сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. Т.1. – М., 2006.
- Прокопенко Ю.А. Историко-культурное развитие населения Центрального Предкавказья во второй половине I тыс. до н.э. – Ставрополь, 2005.
- Прокопенко Ю.А. История северокавказских торговых путей IV в. до н.э. – XI в. н.э. – Ставрополь, 1999.
- Прокопенко Ю.А. К вопросу о роли ученых – кавказоведов в изучении нумизматики Центрального и Восточного Предкавказья в дореволюционный период (начало XIX в. – 1917 г.) // Интеллигенция России: история и судьбы: Межвузовский сборник научных статей. – Ставрополь, 1999.
- Прокудин К.А. Горцы Северного Кавказа в Ставропольской гимназии в XIX веке // ЧеловеК: Научный альманах. Вып.1. – Ставрополь, 2005.
- Пронштейн П.А., Патракова В.Ф. Советская историческая наука и вопросы изучения кавказского мухаджирства XIX века // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик, 1994.
- Проценко Ю.П. Записка о производительных силах Кавказского Прикаспийского края // Кавказский календарь на 1880 год. – Тифлис, 1879.
- Пругавин В.С. Кустарь на выставке 1882 года. Очерки кустарной промышленности России по последним исследованиям частных лиц, земств, комиссий. – М., 1882.
- Прытков В. Николай Александрович Ярошенко. – М., 1960.
- Псянчик А.В. Материалы к истории отечественной этнической картографии XVIII – XIX вв. (по фондам центральных архивов) // Народы Урало – Поволжья: история, культура, этничность. Материалы межрегиональной научно – практической конференции. Уфа, 28 ноября 2003 г. – Уфа, 2003.
- Пушкарев С.Г. Россия в XIX веке (1801-1914). – Нью – Йорк, 1956.
- Пушкин А.С. Полное собрание художественных произведений. – СПб, 1999.

Пьецух В.А. Дурни и сумасшедшие. Неусвоенные уроки родной истории. – М., 2006.

Пяткова С.Г. Польская политическая ссылка в Западную Сибирь пореформенного периода. – Сургут, 2008.

Р

Рагозин В.И. Русская нефтяная промышленность в 1887 году. – М., 1887.

Радде Г.И. Органический мир Кавказского края. – Тифлис, 1877.

Радде Г. Сельское хозяйство и промышленность // Живописная Россия. Т.IX. Кавказ. – СПб.; М., 1883.

Разгонов С.Н. Орлы на башнях: Государственный исторический музей: Люди и годы. – М., 2008.

Раздольский С.А. Новационное воздействие христианства на культуры горских народов (XVI – начало XIX столетий). – Майкоп, 2007.

Размышления о России и русских. «Вторая философия» русского человека. – М., 2006.

Рамазанов Х.Х. Проведение земельной реформы в горских районах Северного Кавказа // Проблемы аграрного развития Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв. – Краснодар, 1987.

Ранчинский В.П. Этнические меньшинства общины мусульман Сирии нач. XX в. // Брянский гос. пед. ун-т. Межвузовский сборник трудов. Вып.8. – Брянск.

Рассказы о русском первенстве. – М., 1950.

Ратушняк В.Н. Актуальные проблемы истории и историографии Северного Кавказа. – Краснодар, 2000.

Ратушняк В.Н. Сельскохозяйственное производство Северного Кавказа в кон.XIX – нач.XX в.: к проблеме развития аграрного капитализма. – Р н/Д., 1989.

Ратушняк В.Н. Формирование аграрно-капиталистического рынка Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX вв. // Аграрный рынок в его историческом развитии. Тезисы докладов. – М., 1991.

Рент Ю.А. История уголовно-исполнительной системы России. – Рязань, 2006.

Рейнке Н.М. Горские и народные суды Кавказского края. – СПб., 1912.

Реклю Э. Земля и люди. Т.6. Гл.IV. Восточный Кавказ. Чеченцы, дагестанцы. – СПб., 1883.

- Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков): Монография. – М., 2006.
- Ржевуский А. Терцы. Сборник исторических, бытовых и географо-статистических сведений о Терском казачьем войске. – Владикавказ, 1888.
- Рибер А. Сравнивая континентальные империи // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
- Робакидзе А.И. Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988.
- Рожкова М.К. Экономическая политика царского правительства на Среднем Востоке во второй четверти XIX века и русская буржуазия. – М.:Л., 1949.
- Розенфельд Б.М. Дышу Лермонтовым // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология: В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.
- Романов Б. Роковые предсказания России. – М., 2006.
- Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – СПб., 1860.
- Российская империя в зарубежной историографии. – М., 2005.
- Россия в XVII – начале XX в.: региональные аспекты модернизации. – Екатеринбург, 2006.
- Россия и Северный Кавказ: история и современность. – М., 2006.
- Ростованов А.Е. Военный талант народа. Кавказская война и русско-армянские военно-исторические связи. – Сочи, 2002.
- Рубежи ратной славы Отечества. Вып.5. – М., 1997.
- Рунов В.А. Российская газовая империя. – М., 2008.
- Русева Л. России верные сыны. – М, 2006.
- Русин В.Ф. Моя жизнь с чеченцами и ингушами. – Нальчик, 2008.
- Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо – Западного Кавказа. – Нальчик, 2001.
- Русские писатели в нашем крае. Сборник статей. – Грозный, 1958.
- Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Первая половина девятнадцатого века. – М., 1954.
- Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман в России. – Пг., 1917.
- Рыбаков Ю.Я. Промышленная статистика России XIX в. Источниковедческое исследование. – М., 1976.
- Рыбалко С.Н. Легенды и предания Кавказа. – Ставрополь, 2000.

С

- Савенко С.Н., Савенко Е.А. Вклад Пятого Археологического съезда (1881 г.) в дело изучения и сохранения памятников христианства // Прозритилевские чтения: Сборник материалов научно-практической конференции. Выпуск 3. (научное издание). – Ставрополь, 2007.
- Савчук В.С. Иван Яковлевич Акинфеев. 1851-1919. – М., 1996.
- Садулаев Г. Я – чеченец. – Екатеринбург, 2006.
- Саидов И.М. Землевладение и землепользование у чеченцев и ингушей в XVIII – XIX веках // ЧИНИИ. Известия. Т.IV. Вып.1. История. Материалы научной сессии по вопросам истории Чечено-Ингушетии (1860-1940). – Грозный, 1964.
- Саидов И.М. Этнографические заметки (досоветский период) // Известия ЧИНИИ истории, языка и литературы. Т.5. Вып.1 (История). – Грозный, 1964.
- Саидов И.М. Этнографический и фольклорный материал о классовых отношениях у чеченцев и ингушей // Археолого-этнографический сборник. Т.II. – Грозный, 1968.
- Сакс Г. Работа среди национальных меньшинств. – Л., 1931.
- Саламов Б. Горские народы: расцвет и сближение. – Орджоникидзе, 1975.
- Сало В.М. История фармации в России. – М., 2007.
- Салов В.В. Отчуждение недвижимой собственности для государственной и общественной пользы. – СПб., 1902.
- Самойлов К. Заметки о Чечне. – М., 2002.
- Санакоев М.П. Народы Кавказа и формирование иррегулярных частей в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Юго-Осетинский НИИ. Известия. Вып.22. – Тбилиси, 1977.
- Саракаев И.-Б. По трупам Чечни: жгучий и наболевший вопрос. – Грозный 1991. Владикавказ, 1913.
- Сарнова О. О ты, поэзия мольберта. – СПб., 2001.
- Сатунин К.А. Обзор исследования млекопитающих Кавказского края. – Тифлис, 1903.
- Сахаров А.Н. Россия: Народ. Правители. Цивилизация. – М., 2004.
- Сахроков В.А.; Шилин К.И. Экософия культуры ислама. Социология будущего. Первая энциклопедия III тысячелетия. Т.5. Ч.3. – М.; Новосибирск, 2001.

- Святловский В.В. Очерки и картинки «из Кавказских воспоминаний». – Одесса, 1898.
- Северный Кавказ в истории России. XIX век. – М., 2004.
- Северный Кавказ в составе Российской империи. – М., 2007.
- Северный Кавказ: история, региональная специфика, проблемы обеспечения безопасности: Монография. – М., 2007.
- Седельщиков В.В. Геологическая экспедиция в Нагорную Чечню осенью 1926 года // Северо-Кавказский краевой Горский НИИ. Записки. Т. II. – Рн/Д., 1929.
- Сейранян Б.Г. Эволюция социальной структуры стран Арабского Востока. Земельная аристократия в XIX в.– 60-е годы XX в. – М., 1991.
- Секлюцкий В.В. Николай Александрович Ярошенко. – Ставрополь, 1963.
- Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и «нефтяные» дебаты в III Государственной думе // Постигая историю...: сборник научных статей. – Пенза, 2006.
- Селиванова Н.А. Библиотеки северокавказских статистических комитетов: организация, фонды, деятельность // Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 2. Сборник статей / КГУКИ. – Краснодар, 2004.
- Селунская Н.Б. Россия на рубеже XIX – XX веков (в трудах западных историков). – М., 1995.
- Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 1994.
- Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. – М., 2006.
- Семенов А. Интервью Марка фон Хагена и Ричарда Уортмана о проблеме нового курса по истории России // Ab Imperio. Теория и история национальностей и национализма в постсоветском пространстве. – Казань, 2001.
- Семенов Н. Из недавнего прошлого на Кавказе. Рассказы-воспоминания о чеченском восстании в 1877 году // Кавказский сборник. Кн. VI. – Тифлис, 1900.
- Семенов Н. Туземцы Северо – Восточного Кавказа. – СПб., 1895.
- Семенов Тянь-Шанский В.П. Торговля и промышленность Европейской России по районам. Вып. 7. Предкавказская полоса. – СПб., 1910.
- Сенин А.С. Государственная служба в «Золотой век» Российской империи // История государственной службы в России. XVIII – XX века. – М., 1999.

- Сенин А.С. Государственная служба в России: история и современность. – Одинцово, 2007.
- Сенявская Е.С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. – М., 2006.
- Сергеева Г.А. Одежда народов Дагестана и Чечни (по материалам Государственного Исторического музея) // Кавказский этнографический сборник. Т.6. – М., 1976.
- Серкулидзе С.Д. История взаимоотношений кавказских и закавказских народов. – Владикавказ, 1998.
- Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. – М., 1997.
- Сигаури И.М. Очерки истории и государственного устройства чеченцев с древнейших времен. Т. II. – М., 2001.
- Сидоренко В.Т. Выбранные места из истории Северо-Кавказской железной дороги. – Рн/Д., 2002.
- Сидоров В. По России. Т.2. Кавказ. Путевые заметки и впечатления. – СПб., 1897.
- Силаев Н.Ю. «Кавказа не станет...» (Владикавказская железная дорога: несколько незамеченных сюжетов) // Кавказский сборник. Т.1(33). – М., 2004.
- Симбирцев И. Третье отделение. Первый опыт создания профессиональной спецслужбы в Российской империи. 1826-1880. – М., 2006.
- Симонов Л., Мердер И. Лошади. Конские породы. – Париж, 1895; М., 2008.
- Синенко С.Г. Мусульманское духовное собрание. Художественно-документальное повествование. – Уфа, 2008.
- Сиповская Н.В. Фарфор в России XVIII века. – М., 2008.
- Ситовский Н. Московская Политехническая выставка 1872 года. – Тифлис, 1873.
- Ситовский Н.П. Обзор двадцатипятилетней деятельности Кавказского общества сельского хозяйства (1850-1875). – Тифлис, 1875.
- Ситовский Н. Письма по поводу Парижской Всемирной выставки. – Тифлис, 1867.
- Скиба К.В. Реформирование войск Отдельного Кавказского корпуса и казачьих частей в 1830-х гг.: к постановке вопроса // Вопросы южнорусской истории. Вып. 14. – М., Армавир, 2008.
- Скитский Б.В. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа // Ингуши. – Саратов, 1996.

- Скоров. Минеральные воды Кавказского наместничества // Кавказский календарь на 1877 год. – Тифлис, 1876.
- Слущкий А.И. Материалы по истории книжного дела региона в фондах государственных учреждений дореволюционного Северного Кавказа // Журналистика: историко – литературный контекст. Вып.1. – Краснодар, 1999.
- Смирнов Н.А. Политика России на Кавказе в XVI – XIX веках. – М., 1958.
- Смирнов Ф.А. Иллюстрированная география Кавказа. – СПб., 1912.
- Смирнова С.К. Адаптационные стратегии в контексте политики межэтнических отношений // VII Конгресс этнографов и антропологов России: доклады и выступления. Саранск, 9-14 июля 2007. – Саранск, 2007.
- Соколов А.Р. Благотворительность в народном образовании и ее роль в трансформации российского общества. – СПб., 2005.
- Соколов К.Б. Русская интеллигенция XVIII – начала XX вв.: картина мира и повседневность. – СПб., 2007.
- Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. – М., 1998.
- Соллогуб В.А. Три повести. – М., 1978.
- Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. – СПб., 1891.
- Соловьев Е.Т. О необходимости изучения знаков собственности кавказских туземцев и др. племен, населяющих Россию // Труды V Археологического съезда в Тифлисе в 1881 году. – М., 1887.
- Сорокин А.Ф. Руководство к расположению и построению временных укреплений на Кавказе. – СПб., 1844.
- Соснина Е.Л. Северный Кавказ XVIII – XIX вв. глазами французских художников // Феномен творческой личности в культуре. Материалы II международной конференции. – М., 2006.
- Соснина Е.Л. Черный алмаз. – М., 2004.
- Соснина Е.Л. Черный алмаз. Лермонтовский сборник статей // Лермонтовский текст: Ставропольские исследователи о жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова: Антология. В 2 т. Т.2. – Ставрополь, 2007.
- Сосунов Г. Еврейские памятники Восточного Кавказа. – Махачкала, 2007.
- Сперанский Н.В. Борьба за школу. Из прошлого и настоящего на Западе и в России. – М., 1910.

- Ставровский Л.Я. Кавказ. – М., 1895.
- Становление Российской Федерации. – М., 1986.
- Станько А.И. Журналистика Дона и Северного Кавказа (Допролетарский период). – Р н/Д., 1990.
- Старинное оружие. Из собрания Государственного исторического музея. – М., 1993.
- Степанчикова И. Черный грецкий орех против рака. – СПб., 2001.
- Стейнвелд Ч. Создание социальных групп и определение социального статуса индивидуума: идентификация по сословию, вероисповеданию и национальности в конце имперского периода в России // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: Антология. – М., 2005.
- Сто истин: Песни народов Северного Кавказа. – М., 1984.
- Страницы истории России: Сб. научных трудов. – Ур. ГУПС. – № 45 (128). – Екатеринбург, 2005.
- Страхов В.В. Внутренние государственные займы Российской империи // Экономическая история России: проблемы, поиски, решения: ежегодник. Вып.8. – М., Волгоград, 2006.
- Стрельбицкий И.А. Земельные приобретения России в царствование Александра II с 1855 по 1881 г. – СПб., 1881.
- Струве Г. Материалы для изучения минеральных вод Кавказа. Отдел 3. Кавказские минеральные воды. – Тифлис, 1872.
- Струков Д.П. Августейший генерал-фельдцейхмейстер вел. кн. Михаил Николаевич. Очерк жизнеописания Е.И.В. – СПб., 1906.
- Сулейманов А.С. Топонимия Чечни. – Нальчик, 1997.
- Султанов Ф. Периодическая печать на Кавказе. – Тифлис, 1901.
- Сумбат – Заде А.С. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в. – Баку, 1958.
- Суриков Д.М. Военская повинность. – М., 1904.
- Сурков В.Ю. Основные тенденции и перспективы развития современной России. – М., 2007.
- Сурков В.Ю. Тексты 97-07. – М., 2008.
- Сусенков Е.И. Русско – монгольская война (1237 – 1241 гг.). – Томск, 2006.
- Сухоруков В.Д. Историческое описание земли Войска Донского. – Новочеркасск, 1903.

Т

- Тадевосян И. Национальный вопрос на Кавказе. – Ереван, 2007.
- Тайсаев К.У., Портнов А.В. Традиционные физические упражнения и игры народов Северного Кавказа. – М., 1999.
- Тамарин А. Мусульмане на Руси. – М., 1917.
- Танкиев А.Х. Реликты магического обрядового фольклора у ингушей // Магическая поэзия народов Северного Кавказа. Сборник статей. – Махачкала, 1989.
- Тарасов Л.М. Василий Федорович Тимм (1820-1895 гг.). – М., 1954.
- Тарик А. Столкновение цивилизаций: крестовые походы, джихад и современность. – М., 2006.
- Татаев В.А., Шабаньянц Н.Ш. Декоративно – прикладное искусство Чечено – Ингушетии. – Грозный, 1974.
- Таубэ А.А. Развитие аптечного дела в Москве и губерниях Российской империи в XVIII – XIX столетиях // Международный сборник научных трудов (ноябрь 2006 г.). – СПб., 2006.
- Тахнаева П. Махачкала. История другого города. – Махачкала, 2007.
- Тезяков К.И. Рынки найма сельских рабочих на Юге России в санитарном отношении и врачебно-продовольственные пункты. Вып. 2. – СПб., 1902.
- Текеева С.А. Цветовой канон в одежде народов Северного Кавказа // Алиевские чтения: научная сессия преподавателей и аспирантов университета / Материалы научной сессии в двух частях. – Ч. II. – Карачаевск, 2007.
- Темирбулатов И.И. Обычно-правовая система балкарцев и карачаевцев. – Кисловодск, 2007.
- Терещенко А.Г. Немцы в борьбе России за Кавказ. – М., 2006.
- Тернавский Н.А. Взаимодействие этнических культур Евразии и Кавказа. Историко-этнографический очерк. – Краснодар, 2006.
- Тетуев А.И. Межнациональные отношения на Северном Кавказе: эволюция, опыт, тенденции. – Нальчик, 2006.
- Тимошенко Е.Н. Кавказский фронт Русско-турецкой войны 1877-78 гг. и переселение абхазов // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

- Тихонов А.К. Борьба российских властей с турецкой пропагандой среди мусульман Среднего Поволжья (вторая половина XIX в.) // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып.3. – М., 2006.
- Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней трети XVIII – начале XX в. – СПб., 2008.
- Тихонов А.К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII – начале XX в. – СПб., 2007.
- Тихонов Б.В. Переселения в России во второй половине XIX в. По материалам переписи 1897 г. и паспортной статистики. – М., 1978.
- Ткаченко Д.С. Из истории национально-просветительской политики Российской империи на Северном Кавказе в конце XIX – начале XX вв. // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы: Материалы I Съезда ученых-кавказоведов (27 –28 августа 1999 г.) – Р н/Д., 2000.
- Ткачев Г.А. Ингуши и чеченцы в семье народностей Терской области. Вып.1. – Владикавказ, 1911.
- Тлепцок Р.А. Проблема колонизации в российской истории: диалектика понятий // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. – Вып.5. – Майкоп, 2006.
- Томашевский В. Внутренние водные и шоссейные пути Кавказа. – СПб., 1888.
- Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII – XX веков: Очерки жизни и творчества. В 2-х томах. Т.2. – М., 2007.
- Томпстон С.Р. Российская внешняя торговля XIX – начала XX в.: организация и финансирование. – М., 2008.
- Торкунов А.В. Кавказ в истории, политике, сознании: преемственность и современные реалии // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Торопов Н.И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок. – СПб., 1864.
- Тотоев М.С. К вопросу о переселении кабардинцев в Турцию / СОНИИ. Т.18. – Орджоникидзе, 1949.
- Тотоев Ф.В. Развитие рабства и работорговли в Чечне (вторая половина XVIII века – 40-е годы XIX века) // Социальные отношения народов Северного Кавказа. – Орджоникидзе, 1978.

- Тотоев Ф.В. Состояние торговли и обмена в Чечне (втор. пол XVIII – 40 г. XIX в.) // Известия СОНИИ. Т.25. – Орджоникидзе, 1966.
- Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад Советского Союза / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов / Сост. С.М. Исхаков. – М., 2005.
- Трепавлов В.В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV – XVIII вв. – М., 2007.
- Трепавлов В.В. Введение // Российская многонациональная цивилизация: Единство и противоречия. – М., 2003.
- Трепавлов В.В. Особенности и закономерности «национальной политики» в России XVI – XIX вв. // История и историки: историографический вестник / Ин-т Российской истории РАН. – М., 2005.
- Трепавлов В.В. Присоединение народов к России и установление российского подданства (проблемы методологии изучения) // Этнокультурные взаимодействия в Евразии: в 2 кн. Кн.2. – М., 2006.
- Тройно Ф.П. Аренда земли под промышленные и торговые заведения у горских народов Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX в. / История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – нач. XX в. (проблемы социально-экономического развития). – Ставрополь, 1980.
- Тройно Ф.П. Арендные отношения у горцев Северного Кавказа. – Рн/Д., 1984.
- Тройно Ф.П. Горская молодежь в русских учебных заведениях Северного Кавказа в кон. XIX в. // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 12-13. – Ставрополь, 1971.
- Тройно Ф.П. Документальные источники об арендных отношениях у горцев Северного Кавказа в досоветский период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983.
- Трофимов А. Кавказ. – М., 1914.
- Трошев Г.Н. Чеченский излом: Дневники и воспоминания. – М., 2008.
- Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. – М., 1993.
- Труды Института российской истории / Институт российской истории РАН. – М., 1997. Вып. 5. – М., 2005.
- Туманов Г.М. Земельные вопросы и преступность на Кавказе. – СПб., 1900.
- Туманов Г.М. Кавказский университет. – СПб., 1909.

- Туманов Г.М. Разбои и реформа суда на Кавказе. – СПб., 1903.
- Туманский А.Г. Арабский язык и кавказоведение. – Тифлис, 1911.
- Тумский К.И. Нефтяная промышленность в Терской области и Грозненская нефть. – М., 1895.
- Туркаев Х.В. Жажда неутоленная. – М., 2007.
- Туркаев Х.В. Россия и Чечня: аспекты историко-культурных взаимосвязей до 1917 года // Культура Чечни: история и современные проблемы. – М., 2006.
- Туркаев Х.В. Жажда неутоленная. – М., 2007.
- Туркаев Х.В., Туркаева Р.А. Л.Н. Толстой в Чечне. Новая концепция войны и мира // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
- Тхоржевский И.И. Отчет о служебной поездке на Кавказ. – Б.м., 1909.

У

- Уарзиати В.С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. – Владикавказ, 2007.
- Уварова П.С. Кавказ. Путевые заметки. – М., 1887.
- Уварова П.С.В.Ф. Миллер как исследователь Кавказа. – Б.м., 1913.
- «Уголки России». Карманная справочная и записная книжка. Вып. 1. Северный Кавказ. – Ставрополь, 1902.
- Умалатов У. Чечня глазами чеченца. – М., 2001.
- Уманец Ф.М. Колонизация свободных земель России. – СПб., 1884.
- Уманец Ф.М. Проконсул Кавказа. Историческая монография. – СПб., 1912.
- Урланис Б.Ц. Историческая демография: избранные труды. – М., 2007.
- Услар П.К. Древнейшие сказания о Кавказе // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. X. – Тифлис, 1881.
- Услар П.К. Этнография Кавказа. Языкознание. Ч. II. Чеченский язык. – Тифлис, 1888.
- Усманова Д.М. Мусульманская фракция и проблемы «свободы совести» в Государственной Думе России (1906 – 1917). – Казань, 1999.
- Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1908-1916. – Казань, 2006.
- Успенский И.И. Проводы графа М.С. Воронцова на Кавказ. – Ставрополь, 1912.
- Успенский Л.Ф. Терское казачье войско и нефть. Вып. 1. – Владикавказ, 1929.

Устинов А.И., Портнов М.Э., Нацваладзе Ю.А. Холодное оружие. – М.,1994.

Ушаков М.И. Нефтяная промышленность России. – СПб.,1912.

Ф

Фаган Брайан, Де Корс Кристофер. Археология. В начале. – М., 2007.

Фадеев А.В. О некоторых социально-экономических последствиях присоединения Чечено-Ингушетии к России // ЧИНИИ. Известия. Т.2. Вып.1. История. – Грозный,1960.

Фадеев А.В. Россия и Кавказ первой трети XIX века. – М.,1960.

Фадеев А.В. Формирование земледельческого капитализма на Северном Кавказе в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1959. – М.,1961.

Фадеев А.М. Воспоминания (1790-1867). В 2-х томах. Ч.2. – Одесса,1897.

Фадеев Р. Письма с Кавказа к редактору Московских ведомостей Р.Фадеева. – СПб.,1865.

Фадеев Р.А. Собрание сочинений. Т.1. Ч.1. 60 лет Кавказской войны. 2. Записки о Кавказских делах. – СПб.,1889.

Фаизханов Х. Реформа медресе // Реформа образования: татары Нижгородчины и мусульманский мир России: Сборник работ по исламскому образованию. – Нижний Новгород, 2008.

Федорова О. Франц Рубо. – М.,1982.

Федотова А.А. Деятельность ботаников в южной России (конец XIX – и начало XX в.): решение прикладных проблем // Проблемы биологии, экологии и образования: история и современность: Материалы международной научной конференции, 22-24 мая 2006 г. – СПб., 2006.

Фисенко В.Л., Щепотин В.А. Путь в 130 лет (Становление и развитие железнодорожного здравоохранения Северного Кавказа) // Вопросы истории железнодорожной медицины. – М., 2000.

Флуссер Д. Иисус, свидетельствующий о себе. – Челябинск,1998.

Френкель А.С. Средства для борьбы с разбоем на Кавказе. – Тифлис,1898.

Фролов Б.Е. К вопросу о разработке образца шашки и кинжала для кавказских казачьих войск // Древности Кубани и Черноморья. Кн.1. – Краснодар,1993.

Фрэзер Д.Д. Фольклор в Ветхом завете. – М.,1985.

X

- Хаджаминасов Т. Путевые впечатления при поездке в некоторые отдаленные горные места Терской области. – Тифлис, 1876.
- Хаджи Мурад Доного. Ордена Шамиля. – Махачкала, 1995.
- Хадикова А.Х. Кавказцы в новейшей истории России: формирование негативного образа // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.
- Хайбулаева Н.М. Образы и стереотипы в русской публицистической литературе о Дагестане XIX века // Международные Ломидзевские чтения. Изучение литератур и фольклора народов России и СНГ: Теория, История. Проблемы современного развития (Материалы Международной научной конференции, 28-30 ноября 2005 г., Москва). – М., 2008.
- Хайд Л. Дар. Как творческий дух преображает мир. – М., 2007.
- Халаминский Ю. Франц Алексеевич Рубо (1856 – 1929). – М., 1952.
- Харин Ю.Г. Влияние Владикавказской железной дороги на развитие экономики Северо-Кавказского региона в конце XIX – начале XX в. // История Северного Кавказа с древнейших времен по настоящее время. – Пятигорск, 2000.
- Харин Ю.Г. Исторический опыт развития транспортной инфраструктуры Северного Кавказа на примере Владикавказской железной дороги (посл. треть XIX – начало XX вв.). – Пятигорск, 2003.
- Харичков Х. Кавказская Швейцария. Из путешествия по Чечне и Дагестану // Сборник сведений о Северном Кавказе. – Б.м., 1904. – № 1.
- Хасбулатов А.И. Административно-территориальные и управленческие преобразования в Чечне во II пол. XIX в. – нач. XX в. // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д., 2000.
- Хасбулатов А.И. К вопросу о феодальных отношениях в Чечено-Ингушетии // Развитие феодальных отношений у народов Северного Кавказа. – Махачкала, 1988.
- Хасбулатов А.И. Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Чечено-Ингушетии (кон. XIX – нач. XX в.). – М., 1994.
- Хасбулатов А.И. Сословный характер аграрно-административных реформ 60-х годов XIX века в Чечено-Ингушетии // Вопросы истории классообразования и социальных движений в дореволюционной Чечено-Ингушетии (XVI – XX в.). – Грозный, 1980.

- Хасбулатов А.И. Чечено-Ингушетия накануне первой русской буржуазно-демократической революции. – Грозный, 1963.
- Хасбулатов А.И. Чечня в начале XX в. // История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2-х т. Т.II. История Чечни XX и начала XXI веков. – Грозный, 2008.
- Хасбулатов А.И.; Хасбулатова З.И. Сельская община чеченцев: формы правления, землепользования и землевладения (XIX – нач.XX) // *De die diem: Памяти А.П. Пронштейна (1919-1998)*. – Р н/Д., 2004.
- Хасбулатов Р.И. Размышления о войне и мире. Кремль и российско-чеченская война. – М., 2003.
- Хасбулатова З.И. Народные промыслы чеченцев XIX – нач. XX вв. (по этнографическим материалам) // Лавровские (Среднеазиатско-Кавказские) чтения: 2000-2001 гг.: Краткое содержание докладов. – СПб., 2002.
- Хасиев С.А. Об особенностях развития кустарных промыслов в Чечне в свете вайнахо – дагестанской хозяйственной. Интеграции в до-революционном прошлом // « Искусство народных художественных промыслов Северного Кавказа: вопросы истории и современного развития», регион. научно– практическая конференция. – Махачкала, 1986.
- Хасмагоматов Э.Х. Книгоиздание на чеченском языке в первой половине XX века// *Культура Чечни: история и современные проблемы*. – М., 2006.
- Хасмагоматов Э.Х. Чеченцы во внешних войнах России XIX – начала XX века // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
- Хатаев Е.Е. Школа, видные просветители и педагоги Северного Кавказа (вторая половина XIX в. – 1917 г.). Монография. – Владикавказ, 2006.
- Хатаев Е.Е.; Кокаева Ф.А. Просветители и педагоги Северного Кавказа (XIX в.). – Владикавказ, 2000.
- Хатисов И.С. Ирригация на Кавказе. – СПб., 1881.
- Хашхожева Р.Х. Адыгские просветители. Избранные произведения адыгских просветителей. – Нальчик, 1980.
- Хевролина В.М. Российский дипломат граф Н.П. Игнатьев: личность, программа, тактика // *Труды Института российской истории / Ин-т рос. истории РАН. Вып.6*. – М., 2006.

- Хетагуров К.Л. Собрание сочинений. Т.3. Публицистика, письма. – М., 1951.
- Хлебникова О.Н. Проблемы общественного управления России на рубеже XIX – XX веков: Монография. – М., 2007.
- Ходжаев С. Каталог коллекций Кавказского общества сельского хозяйства. – Тифлис, 1875.
- Хоруев Ю.В. 109 голосов. Справочник периодических изданий на Терек. – Орджоникидзе, 1966.
- Хоруев Ю.В. Классовая борьба крестьян Терской области на рубеже XIX – XX в. – Орджоникидзе, 1978.
- Хоруев Ю.В. Печать Терека и царская цензура. – Орджоникидзе, 1971.
- Хотон Б. Великие тайны и загадки истории. – Харьков, Белгород, 2008.
- Хубулова С.А. Казачество и горцы Северного Кавказа // Проблемы истории казачества XVI – XX вв. – Р н/Д., 1995.

Ц

- Цаголов К.М. Выступление // Наука о Кавказе: проблемы и перспективы. Материалы I Съезда ученых-кавказоведов. – Р н/Д., 2000.
- Цаголов Г. Край беспросветной нужды (Заметки о Нагорной полосе Терской области). – Владикавказ, 1912.
- Цаликов А. Кавказ и Поволжье. Очерки инородческой политики и культурно-хозяйственного быта. – М., 1913.
- Цаллаев Х. О жизни и творческой деятельности Афанасия Гассиева // А.А.Гассиев. Избранные произведения. – Владикавказ, 1992.
- Цветкова В.Ф. У катастрофы есть начало... Из истории депортации чеченского народа // История России как много конфессионального государства: Материалы 42 Всероссийской заочной конференции / Под. ред. С.Н. Полторака. – СПб., 2006.
- Цвижба Л.И. Особенности социокультурной интеграции Кавказа в Россию (XIX – начало XX вв.) // Кавказ в российской политике: история и современность. Материалы международной научной конференции Москва, МГИМО (У) МИД России 16-17 мая 2006 г. – М., 2007.
- Цикушева С.Я. Становление адыгской историографии (перв. пол. XIX в.): Ш. Ногмов и Хан-Гирей. – Майкоп, 2008.

Ч

- Чайковский Н.И. Приборы для железнодорожного и вагонного освещения // Сборник технических отчетов экспертной комиссии выставки предметов освещения и нефтяного производства. – СПб, 1889.
- Чекалин С.В. Под солнцем юга: Кавказские войны в лицах. – М., 2002.
- Чекменев С.А. Из истории Кавказской войны // Вестник Пятигорского государственного Лингвистического ун-та. – №1. – Пятигорск, 1996.
- Чекменев С.А. Из истории переселения горцев в Турцию // Национально-освободительная борьба народов Северного Кавказа и проблемы мухаджирства. – Нальчик, 1994.
- Чентиева М.Дж. История Чечено-Ингушской письменности. – Грозный, 1958.
- Чентиева М.Д. Устное народное творчество вайнахов. Зарождение литературы // Очерки истории ЧИАССР. Т.1. – Грозный, 1967.
- Череванский В.П. Мир ислама и его пробуждение. Ч.1-2. – СПб., 1901.
- Черкасов А. Легенда о кавказской нефти // Чечня. Жизнь на войне. – М., 2007.
- Черкасов П.П. Французские дипломаты о подготовке крестьянской реформы в России: 1856-1860 гг. (по фондам архива МИД Франции) // Вестник истории, литературы, искусства. Т.4. – М., 2007.
- Черкесов Ю.Т. Физическая культура и спорт // Адыгская (черкесская) энциклопедия. – М., 2006.
- Черноус В.В. Генезис кавказской горской цивилизации // De die diem: Памяти А.П.Пронштейна (1919-1998). – Р н/Д., 2004.
- Черноус В.В. Кавказ – контактная зона цивилизаций и культур // Кавказ: проблемы культурно – цивилизационного развития. – Р н/Д., 2000.
- Чернышев П.П. Отчет общества организации путешествий учеников Тверской гимназии за 1911-1912 гг. Экскурсия на Кавказ под руководством директора гимназии П.П. Чернышева. – Тверь, 1912.
- Чернявский. Кавказ в течение 25-летнего царствования Александра II . (1855-1880). Исторический очерк. – СПб., 1898.
- Черчилль У. Мировой кризис: 1918-1925. – М., 2007.
- Чеченская Республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. Москва, 19-20 апреля 2005 года. – М., 2006.

- Чеченцы: История и современность. – М., 1996.
- Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в конце XIX – начале XX веков. – Армавир, 2005.
- Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч.1. Общее государственное право. – М., 1894.
- Чочиев Г.В. Генерал Муса Кундухов: некоторые факты жизни и деятельности в эмиграции // Кавказский сборник. Т.3 (35). – М., 2006.
- Чочиев Г.В. Расселение северокавказских иммигрантов в арабских провинциях Османской империи (вторая половина XIX – начало XX веков) // Вестник Северо-Осетинского университета им. К. Хетагурова. – 1999. – № 1.
- Чубарьян А. Тема империй в современной историографии // Российская империя в сравнительной перспективе. Сборник статей / Под ред. А.И. Миллера. – М., 2004.
- Чурсин Г.Ф. Культ железа у кавказских народов // Известия Кавказского Историко-археологического института. Т.VI. – Тифлис, 1927.
- Чхеидзе Н.С. Парламентские речи. – Тифлис, 1919.
- Чхетия Ш. Промышленность на Кавказе в конце XIX века // Архивное управление НКВД Грузинской ССР. Исторический вестник. – Тбилиси, 1945.
- Чшиева М.Ч. История нефтяного соперничества иностранного капитала на Кавказе в конце XIX – начале XX вв.: Монография, 2008.

III

- Шабаньянц Н.Ш. Академик П.З. Захаров – художник из чеченцев (1816–1846) // Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России: исследования и документы. – М., 2008.
- Шабаньянц Н.Ш. Грозный. – М., 1964.
- Шавлаева Т.М. Орнамент «древо жизни» в пигментной росписи чеченской керамики // Материалы научно – практической конференции «Наука, образование и производство», посвященной 85-летию Грозненского нефтяного института имени академика М.Д. Миллионщикова. Грозный, 24 декабря 2005 г. – Грозный, 2006.
- Шавхелишвили А.И. К вопросу о переселении чечено-ингушских племен с гор на равнину // Чечено-Ингушский республиканский краеведческий музей. Вып.10. – Грозный, 1961.
- Шадже А. Кавказ: взгляд из Бонна. – Майкоп – Бонн, 2002.

- Шадже А.Ю., Шеудже Э.А. Северокавказское общество: опыт системного анализа: Монография. – М., Майкоп, 2004.
- Шаипов И.А. Таштемир Эльдерханов. – Грозный, 1960.
- Шалфеев Н. Краткий очерк постановлений важнейших иностранных законов. – СПб., 1872.
- Шальнев В.А. Эволюция ландшафтов Северного Кавказа. – Ставрополь, 2007.
- Шамиль: Иллюстрированная энциклопедия. – М., 1997.
- Шамиль на Кавказе и в России. – М., 1994.
- Шамрай В.С. Хронология достопримечательных событий, фактов, законоположений. – Екатеринбург, 1913.
- Шамурзаев А.А. Роль и место Боты Шамурзаева в творчестве М.Ю. Лермонтова. – Грозный, 2004.
- Шанаев Г. Кое-что о горцах. – Тифлис, 1888.
- Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Народы региона и модернизационные процессы пореформенного периода // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002.
- Шаповалов А.И., Шнайдер В.Г. Северный Кавказ в орбите геополитических интересов России: социокультурные источники имперских интересов // Этнокультурные проблемы Северного Кавказа: социально-исторический аспект. – Армавир, 2002.
- Шапошников Г. Почта, телеграф, телефон // Россия в конце XIX века. – СПб., 1900.
- Шарапов В.В. Межэтнические противоречия и проблема толерантности в межнациональных отношениях: Монография. – Самара, 2005.
- Шарафутдинова Р.Ш. Арабоязычные документы Северного Кавказа из Государственного Исторического Музея // Россия и арабский мир. – СПб., 1994.
- Шарафутдинова Р.Ш. Введение // Арабоязычные документы эпохи Шамиля. – М., 2001.
- Шарафутдинова Р.Ш. А.К. Казем-бек и имам Шамиль // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.
- Шахбиев З. Судьба чечено-ингушского народа. – М., 1996.
- Шацкий П.А. Пореформенная колонизация Кубанской области и развитие земледелия на Кавказе // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. – Рига, 1963.

- Шацкий П.А.; Шацкая С.П. Обзор архивных источников по истории аграрных отношений Предкавказья в пореформенный период // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983.
- Шебзухова Ф.Х. Социально-экономические последствия вхождения северо-западных адыгов в состав Российской империи: история и современность // Российская история в образовательном дискурсе этнонациональных регионов РФ: материалы всероссийской научной конференции (3-4 апреля 2008 г.). – Улан-Удэ, 2008.
- Шевкуменко Д.А. Межнациональные отношения в России (втор. пол. XVI – нач. XX в.). – Самара, 1998.
- Шерипов А.Д. Очерк о Чечне. – Грозный, 1929.
- Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Бондарева Т.Н. Происхождение, распространение и история возделывания культурных растений Северного Кавказа. – Майкоп, 2001.
- Шеуджен Э.А. Зона ли фронта Северный Кавказ? // Вопросы теории и методологии истории. Сборник научных трудов. Вып.5. – Майкоп, 2006.
- Шехирев Н. Всесословная воинская повинность. – Ирбит, 1875.
- Шёнгер Р.К. Свод статистических сведений по учебным заведениям Кавказского учебного округа за двадцатилетний период. 1879-1898. – Тифлис, 1899.
- Шигабуудинов М.Ш. Дагестан в начале XX века // История Дагестана с древнейших времен до наших дней. В 2-х томах. Т.2. История Дагестана в XX веке. – Махачкала, 2005.
- Шигабуудинов М.Ш. «Паспортные книги» как источник по проблеме отходничества среди крестьянства Северо – Восточного Кавказа // Источники и историография аграрной истории Северного Кавказа. – Ставрополь, 1983.
- Шинкуба Б.Б. Народы Западного Кавказа и Османская империя во второй половине XIX – первой четверти XX вв. Махаджирство и его последствие. // Кавказ: история, культура, традиции, языки. – Сухум, 2004.
- Шишов А.В. Полководцы Кавказской войны. – М., 2003.
- Шнайдер В.Г. Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов: Монография. – М., 2005.
- Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей. – СПб., 1866.

- Штанько Н.И. Из истории города Грозного в пореформенный период (1869-1893) // Известия Грозненского института и музея краеведения. Вып.2-3. – Грозный,1950.
- Штернберг Л. Иностранцы. Общий обзор. // Формы национального движения в современных государствах. – СПб.,1910.
- Штукенберг Л. Поездка на Кавказ. – Казань,1901.
- Щербаков И.В. Германские инвестиции и предприниматели в промышленности Юга России (70-е гг. XIX в. – 1914 г.) // Экономическая история: Ежегодник. 2007. – М., 2008.

Щ

- Щербина Ф.А. Общий очерк экономических и торгово-промышленных условий района Владикавказской железной дороги. Хлебная производительность и торговля. – СПб.,1892.
- Щетинина Г.И. Вл. Соловьев: исторические взгляды // История и Историки. – М.,1995.

Э

- Эйхельман О. Военное занятие неприятельской территории. – Ярославль,1879.
- Эглит А. Василий Федорович Тимм. – М.,Л.,1962.
- Экскурсии на Кавказ и в Крым учеников Киевской 1-й гимназии. – Киев,1901.
- Эльбекия А. Генерал-адъютант М.Т. Лорис – Меликов. – Ереван,1942.
- Эрлих В.Р.Северо – Западный Кавказ в начале железного века: прото-меотская группа памятников. – М., 2007.
- Эсадзе Б.С. Альбом Картинной галереи Кавказского Военно-Исторического музея. – Тифлис,1899.
- Эсадзе С. Историческая записка об управлении Кавказом. Т.1-2. – Тифлис,1907.
- Эшба Е. Асланбек Шерипов. – Сухуми,1990.

Ю

- Юнусова В.Н. Ислам – музыкальная культура и современное образование в России: Монография. – М.,1997.

- Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств. – М., 2001.
- Юшкин Е. Обзор Грозненской нефтяной промышленности за 1900 год. Промысловое дело. – Владикавказ, 1901.
- Юшкин Е.М. Обзор деятельности Терского отделения Императорского Русского технического общества. – Владикавказ, 1900.

Я

- Яблокова Г.И. У истоков книги. – Грозный, 1990.
- Яковкина Е.И. Замечательные люди на Кавказских Минеральных Водах. – Ставрополь, 1962.
- Яковлев Н.Ф. Вопросы изучения чеченцев и ингушей: Лекция, читанная 17 апреля 1927 г. на объединенном собрании чеченских и ингушских землячеств студентов г. Москвы. – Грозный, 1927.
- Яковлев. Песня, написанная непосредственно после Восстания Ума Хаджи Дуева в 1877 году. – Б.м., Б.г.
- Яндаров А.Д. Суфизм и идеология национально-освободительного движения (Из истории развития общественных идей Чечено-Ингушетии в 20-70-е годы XIX века. – Алма-Ата, 1975.
- Яндаров Х. История чеченской письменности // Северо-Кавказский Краевой Горский НИИ. Записки. Т.П. – Р н/Д., 1929.
- Яндиев М.А. Древние общественно – политические институты народов Северного Кавказа. – М., 2007.
- Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. – СПб., 1877.
- Янчевский М.Л. Разрушение легенды о казачестве. Краткий очерк истории колониальной политики на Дону в связи с эволюцией аграрных отношений. – Р н/Д., 1931.
- Яренгина В.П. Из историографии проблемы генерал – губернаторства в дореволюционной России // Система государственной власти и управления в России: история, традиции и современность. – СПб., 2003.
- Яценко В. Религиозный взгляд на встречу и сосуществование народов и культур в современном мире // Мультикультурализм и этнополитические модели XXI века. Материалы научно – практической конференции. Женева, 30 ноября – 2 декабря 2005 г. – М., 2006.
- Ячменихин К.М. Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. – Чернигов, 2006.

Науги Саграз. Русско-турецкие торговые связи на рубеже XIX – XX веков // Россия и тюркский мир. Востоковедение и Африканистика в университетах Санкт-Петербурга, России и Европы. II Международная научная конференция. 5-7 апреля 2006 г.: Доклады и материалы. – СПб., 2007.

Авторефераты диссертаций и диссертации

- 1 Абдуллаев С.М. Вопросы истории Северо – Восточного Кавказа сер. XIX в. в работах Гасана Алкадари: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.
- 2 Абдуллаева М.И. Переселение дагестанцев в Османскую империю во втор. пол. XIX – нач. XX вв. (Причины и последствия): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2000.
- 3 Абдулаева П.А. Теоретико – исторические аспекты возникновения и развития обычного права народов Дагестана: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Махачкала, 2006.
- 4 Абдуллин Х.М. Мусульманское духовенство и военное ведомство Российской империи (кон. XVIII – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2007.
- 5 Авакян А.Г. Черкесы в системе государственной власти Османской империи и Турции, вторая половина XIX – первая четверть XX вв.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2002.
- 6 Аветисян Р.Р. Аталычество как система воспитания горских народов Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
- 7 Адильгереева П.К. Переселенческое движение и аграрный вопрос в политике России на Северо – Восточном Кавказе в первой половине XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
- 8 Адухова А.М. Русско – дагестанские педагогические связи: втор. пол. XIX – начало XX вв.: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Махачкала, 2007.
- 9 Айларов В.Д. Революционное и социально-демократическое движение в Северной Осетии в период империализма (90-е гг. XIX в. – октябрь 1917 г.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 1977.
- 10 Айларова С.А. Общественно-политические и исторические взгляды передовой Северо-Кавказской интеллигенции (60-90 г. XIX в.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1989.
- 11 Акиева П.Х. Становление и развитие духовной культуры вайнахов в контексте исторических изменений (X – XIX в.): Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – М., 2003.

- 12 Алати Н.Б. Нормативное и организационно – правовое обеспечение государственной политики России на Северном Кавказе в период XVIII – XX вв. (историко – правовое исследование): Дис. ...докт. наук. Юридические науки. – СПб., 2006.
- 13 Албогачиева М.С.-Г. Этнография ингушского народа в письменных источниках конца XVIII – первой трети XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2007.
- 14 Алиев Б.Р. Северокавказская диаспора в странах ближнего и среднего Востока: история и современные процессы (втор. пол.XIX – XX вв.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2001.
- 15 Алиева П.Д. Экологическая культура в мусульманской теологии (Эколого-философский анализ): Дис. ...канд. наук; Биологические и философские науки. – Махачкала, 2005.
- 16 Аликова З.Р. История народной медицины Северного Кавказа: Дис. ... докт. наук; Медицинские науки. – М., 2000.
- 17 Алиханова Р.А. Этнопедагогический потенциал чеченской семьи: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Грозный, 2004.
- 18 Алхазуров М.И. Становление и развитие Чеченской Республики: историко – политологический анализ: Дис. ...канд. наук; Политологические науки. – М., 2006.
- 19 Амаева Т.Б. Чеченские малые фольклорные жанры (пословицы, поговорки и загадки): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1986.
- 20 Амангулова Р.С. Социально-экономическое развитие и политическое положение ногайцев Дагестана в XIX – начале XX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2005.
- 21 Аравин О.Ф. Становление и развитие профессионального образования на Кубани в досоветский период (XIX – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2007.
- 22 Арапов Д.Ю. Система государственного регулирования ислама в Российской империи (последняя треть XVIII – начало XX вв.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2005.
- 23 Арляпова Е.С. Этнополитические процессы в Чечне: 1917-2000 гг.: Дис. ...канд. наук; Политологические науки. – М., 2006.
- 24 Архипова Е.В. Формирование границ на Кавказе в XIX – начале XXI в. (границы между Азербайджаном, Грузией и Россией): Авто-реф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Волгоград, 2005.

- 25 Архиреев М.В. Кавказская война в русской литературе 1820-1830-х годов: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Тверь, 2004.
- 26 Асваров Н.А. История строительства Дагестанского участка Владикавказской железной дороги и его роль в экономическом и социальном развитии Дагестана (кон. XIX – нач. XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1998.
- 27 Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2004.
- 28 Асталов В.А. Материальная культура чеченцев и ингушей в XVIII – XIX вв. (Историко-этнографическое исследование): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2004.
- 29 Аствацатурова М.А. Диаспоры в Российской Федерации, формирование и управление: На материалах Северо-Кавказского региона: Дис. ...докт. наук; Политологические науки. – М., 2003.
- 30 Афаунов А.А. Национальная политика России и проблемы межнациональных отношений на Северном Кавказе: исторический опыт: 1906-1921 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
- 31 Ахмадов Ш.Б. Народно – освободительное движение горцев Северного Кавказа под предводительством Мансура в 1785 – 1791 годах: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Грозный, 1992.
- 32 Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII-XX вв.): Автореф. дис. ...канд. наук; Биологические науки. – М., 2005.
- 33 Ахмедова К.С. История ботанических исследований Чечни и Ингушетии (нач. XVIII – XX вв.): Дис. ...канд. наук; Биологические науки. – М., 2005.
- 34 Ашинова З.А. Основные этапы вхождения адыгских народов в российскую систему местного самоуправления (вторая половина XIX – начало XXI века): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Майкоп, 2006.
- 35 Багаев М.Х. Культура горной Чечни и Дагестана в древности и средневековье (VI в. до н.э. – XII в. н.э.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2005.
- 36 Барнаш А.В. Культура как фактор становления российской государственности на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.

37. Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2006.
38. Батукаев М.Э. Особенности исторического развития Чечни и Ингушетии в пореформенный период: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2006.
39. Башкатова Н.П. Система патриотического воспитания в народной педагогике казачества: история и современность: Дис. ... канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2005.
40. Бегеулов Р.М. Народы Центрального Кавказа в XVII – первой четверти XIX века (Этнополитические аспекты взаимоотношений): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2005.
41. Бекоева Т.А. Роль П.К. Услара в развитии школы и просвещения горских народов Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 1998.
42. Белов Ю.С. Правительственная политика по отношению к неправославным вероисповеданиям России в 1905-1917 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 1999.
43. Березовский Д.В. Права и свободы жителей Российской Империи в период становления и развития капитализма, 1861-1905 г.: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Самара, 2003.
44. Бибиков В.Н. Деятельность государственных и военных органов по подготовке офицерских кадров русской армии в первой половине XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
45. Билалова А.М. Духовная жизнь мусульман Северо – Восточного Кавказа (X – XV вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.
46. Бичерова Н.С. История России второй половины XIX -начала XX века в современной американской русистике: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Рязань, 2003.
47. Блиева З.М. Российский бюрократический аппарат и народы Центрального Кавказа в конце XVIII – 80-е годы XIX века: Дис. ...докт. наук. Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
48. Бондарева О.А. Сословный строй и сословное право народов Северного Кавказа в XIX веке: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2006.
49. Борисов А.А. Социальная история якутов в XVII – 50-х гг. XIX в.: общество, право, личность в условиях российской колониза-

- ции: Автореф. дис. ...докт. наук. Исторические науки. – Якутск, 2004.
50. Борчашвили Э.А. Социально-экономические отношения в Чечено-Ингушетии в XVIII – XIX в.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1988.
51. Бридня О.П. Деятельность сельскохозяйственных обществ Предкавказья во второй половине XIX в. – 1920 г.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2003.
52. Бузова З.С. Влияние семейных традиций и обычаев горской семьи народов Северного Кавказа на воспитание подрастающих поколений: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2001.
53. Бунькова Ю.В. Проблемы изучения и просвещения народов Северного Кавказа во взглядах и деятельности П.К. Услара и Н.И. Воронова: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2007.
54. Бурда Э.В. Терское казачество в системе российского управления со второй половины XVIII – до конца XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2006.
55. Ванишвили Ш.Н. Закавказье в системе Российского правления, 1864-1917 гг.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1990.
56. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
57. Василенко В.Г. История здравоохранения и медицинского образования на Дону и Северном Кавказе (XIX – 1940 г.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Армавир, 2006.
58. Васильев А.Д. Взаимоотношения Османской империи и государств Центральной Азии в середине XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
59. Великая Н.Н. Политические, социально-экономические, этнокультурные Процессы в Восточном Предкавказье (XVIII – XIX вв.): Дис. ...докт. наук. Исторические науки. – Р н/Д., 2001.
60. Вельможко И.Н. Национальный вопрос в деятельности III и IV Государственных дум: Автореф. дис. ...канд. наук. Исторические науки. – М., 1998.
61. Вертий М.Ю. Обычное право народов Северного Кавказа как феномен культуры: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2003.

62. Виноградов Б.В. Специфика российской политики на Северном Кавказе в 1783 – 1816 гг.: Автореф. дис. ...докт. наук. Исторические науки. – Армавир, 2006.
63. Волгина А.П. Обычное право народов Северного Кавказа в системе российского права в XIX – XX вв.: Дис. ...канд. наук. Юридические науки. – Ставрополь, 2004.
64. Волкова И.В. Армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2006.
65. Волхонский М.А. Национальная политика и правительственные круги накануне и в годы первой русской революции: Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – М., 2003.
66. Воробьева Е.И. Мусульманский вопрос в имперской политике Российского самодержавия: втор. пол. XIX в. – 1917 г.: Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – СПб., 1999.
67. Гаджиев Т.В. Сочинение Гамба «Путешествие в Южную Россию...» как исторический источник по истории народов Северо-Восточного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1983.
68. Гаджиева Т.Р. Декабристы на Северо – Восточном Кавказе: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1993.
69. Газзаева З.А. Школа, просветительская мысль и общественно-педагогическое движение на Северном Кавказе во второй половине XIX в.: Дис. ...канд. наук. Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
70. Гайдабура И.Г. Становление системы административного управления на Северном Кавказе (конец XVIII – XX вв.): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2007.
71. Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.): Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – Махачкала, 2002.
72. Гамзаева А.Б. Деятельность депутатов от Северного Кавказа в I и IV Государственных Думах по решению аграрного вопроса (1906-1917 гг.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2002.
73. Ганич А.А. Черкесская диаспора в Иордании: генезис и современное состояние: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.

74. Гантемирова Г.А. Вовлечение Чечено-Ингушетии в экономическую систему России: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1981.
75. Гарипов Н.К. Политика Российского государства в этноконфессиональной сфере в конце XVIII – начале XX вв.: опыт духовного управления мусульман: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2003.
76. Гарсаев Л.М. Вайнахская женская одежда (кон. XIX – нач. XX вв.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1992.
77. Гарунова С.Г. Реформы 60-70-х годов XIX в. в Дагестане и их влияние на антиколониальную борьбу горцев: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
78. Гасаналиев А.Ш. Формирование основных институтов административного права – административная правовая мысль России XIX – начала XX веков: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Махачкала, 1999.
79. Гасанов М.М. Дагестан в составе России (Проблемы экономического, политического и культурного развития втор. пол. XIX в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1999.
80. Гелаева З.А. Социально-экономическое и политическое развитие Надтеречной Чечни в XVIII – XIX вв.: Дис. ...канд. наук. Исторические науки. – Махачкала, 2004.
81. Глушков В.В. Становление и развитие военной картографии в России (XVIII–начало XX в.): Дис. ...докт. наук; Географические науки. – М., 2003.
82. Голованова С.А. Казачество Терека и Кубани: этнополитические и культурно-исторические особенности становления и эволюции (вторая половина XVI – конец XIX в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Армавир, 2005.
83. Головлев А.А. Горные ландшафты Чеченской Республики и особенности их освоения: Дис. ...доктора наук; Географические науки. – М., 2005.
84. Гоникишвили М.Г. Поземельно – крестьянская реформа в Терской области: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1984.
85. Губаханова Р.А. Предпринимательство в Дагестане (1860 – 1917): к проблеме становления и развития капиталистических отношений: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.

86. Гудушаури Г.А. Грузино-Северокавказские культурные взаимоотношения в XIX – нач. XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1985.
87. Гучева А.В. Национальная гармоника в традиционной музыкальной культуре адыгов второй половины XIX – конца XX вв.: Дис. ...канд. ист. наук. – Нальчик, 2004.
88. Давитлидзе Г.Г. Общеобразовательная школа Кубани в системе народного просвещения Российской империи: XIX – начало XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2007.
89. Дадаев Ю.У. Государство Шамиля: социально – экономическое положение, политико – правовая и военно – административная система управления: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
90. Дамбаева О.П. Область в системе государственного устройства и управления Российской империи (XVIII – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Екатеринбург, 2006.
91. Даниелян Г.Г. Генерал граф Лорис – Меликов. Его жизнь, военная и государственная деятельность: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1997.
92. Данилин С.А. Образ России и её политики в Англо-американской публицистике конца XIX – начала XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
93. Даргичева С.В. Деятельность депутатов Госуд. Думы от Северного Кавказа в разрешении национального вопроса (1906-1917 гг.): Автореф. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2006.
94. Дармилова Э.Н. Кавказская война и народы Северного Кавказа: прошлое и современность: (Вторая половина XIX – XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Черкесск, 2003.
95. Денискин В.И. Сельское хозяйство терских казаков в пореформенный период: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 1974.
96. Джабатырова Б.К. Ставропольская классическая гимназия как центр просвещения горских народов (XIX – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Майкоп, 2006.
97. Джамирзаев С.М. Проблемы древней этнической истории Грузии и Кавказа (к древней истории нахских племен III – I тысячелетия до нашей эры): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1998.

98. Джафаров К.И. История техники и технологии нефтяного дела на Северном Кавказе: Дис. ...докт. наук; Технические науки. – М., 1999.
99. Дзамихов К.Ф. Адыги в политике России на Кавказе (1550-е начало 1770-х гг.): Автореф. дис. ...канд наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.
100. Дзидзоева М.Г. Становление и развитие системы социальной защиты населения на Северном Кавказе во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
101. Дикаев С.У. Терроризм: феномен, обусловленность и меры противодействия (уголовно-правовое и криминологическое исследование): Дис. ...докт. наук; Юридические науки. – СПб., 2004.
102. Дохова В.В. Экологическая культура народов Терской области в 60-х гг. XIX – нач. XX вв: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2001.
103. Дробышева Н.В. Социокультурный статус декоративно-прикладного искусства в культуре народов Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2004.
104. Дунаев К.Ю. Правовое регулирование административной ссылки в Российской империи (XIX в.): историко-правовое исследование: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2006.
105. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург, 1996.
106. Дунюшкин И.Е. Терское казачество в межнациональных отношениях на Северном Кавказе (1905-1917): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург, 1996.
107. Елютин О.Н. Вопросы железнодорожного строительства в общественном мнении России, 1830-е – 1880-е гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2000.
108. Епанешников Н.В. Политический проект Лорис – Меликова: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Б.м., 1948.
109. Ермоленко Л.П. Развитие археологических исследований памятников эпохи раннего средневековья на Северном Кавказе (20-е гг. XX – начало XXI в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2007.
110. Есаулов Г.В. Архитектурно-градостроительное наследие Юга России: Его формирование и культурный потенциал. Т.1.: Дис. ...докт. наук; Архитектурные науки. – М., 2004.

111. Журавлев В.В. Железные дороги Северного Кавказа в период капитализма: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1964.
112. Закриев Б.Б. Чечня в политики России в последней трети XVIII – начале XIX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2005.
113. Заседателева Л.Б. Восточные славяне на Северном Кавказе в сер. XVI – нач. XX в. (динамика этнокультурных процессов): Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1996.
114. Зимницкий А.В. Формирование и распространение динамики приледниковых озер Западного и Центрального Кавказа (в границах России): Дис. ...канд. наук; Географические науки. – Краснодар, 2005.
115. Зозуля И.В. История развития судебной системы на Северном Кавказе во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 1999.
116. Зольникова Ю.Ф. История исследования и освоения рекреационных ресурсов Северного Кавказа (XVIII – начало XX в.): Дис. ...канд. наук; Географические науки. – Ставрополь, 2003.
117. Зубов Е.А. Франц Алексеевич Рубо – художник и педагог: Дис. ...канд. наук; Искусствоведческие науки. – СПб., 2007.
118. Иванов Д.В. Формирование военной цензуры России. 1810-1905: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2000.
119. Иванов И.Н. Чрезвычайное законодательство: история и современность (Теоретический и историко-правовой аспекты): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2002.
120. Индербиев М.Т. Здравоохранение и медицинская помощь в Чечено-Ингушской АССР: Дис. ...канд. наук; Медицинские науки. – Алма-Ата, 1970.
121. Исаев С.-А. А. Аграрное движение в Чечне в 60-70-х гг. XIX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1975.
122. Исаев С.-А. А. Присоединение Чечни к России (Аграрная политика царизма и народные движения в крае в XIX в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1998.
123. Исамутдинов Д. Географическая среда и этносы Северного Кавказа (Страницы истории и геополитические перспективы): Дис. ...канд. наук; Географические науки. – Махачкала, 1997.
124. Исмаилова А.И. Восстание горцев Чечни и Дагестана в 1877 – 1878 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2007.

125. Исмаилова М.Ш. Семейный быт чеченцев в прошлом (По данным этнографии): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1971.
126. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.): Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.
127. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.
128. Кабалоева И.М. Отражение вопросов просвещения, воспитания и образования горцев в периодической печати Северного Кавказа в XIX – нач. XX вв.: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2006.
129. Кагазежев Б.С. Традиционная музыкальная культура народов Северного Кавказа: (Народные музыкальные инструменты и проблемы этнокультурных контактов): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Майкоп, 2001.
130. Казиева А.М. Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX – XX веков: Этнокультурные факторы и контекст: Дис. ...докт. наук; Филологические науки. – Нальчик, 2004.
131. Казначеев А.А. Государственная политика в сфере присуждения ученых степеней в России (1802-1994): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.
132. Казначеев А.В. История ислама на Северном Кавказе: (Начало XIX – XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2002.
133. Казначеев А.В. Развитие северокавказской окраины России (1864-1904 гг.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
134. Калдани А.М. Башенная культура горцев Центрального Кавказа: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1990.
135. Калинина Г.К. Роль железнодорожного строительства в модернизации Северо- Кавказского региона: вторая половина XIX – начало XX вв. (На примере Владикавказской железной дороги): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Рн/Д., 2004.
136. Карапкова О.Г. Разработка и реализация столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе (1906-1911 гг.): Дис. ... канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.

137. Карлеба В.А. Исторический опыт формирования и деятельности органов полиции в Кубанской области (1860-1917 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
138. Карпенкова Т.В. Политика самодержавия в отношении мусульманского населения России (вторая пол. XIX – февраль 1917 г.): Автореф. дис. ... докт. наук; Исторические науки. – М., 2004.
139. Карпов Ю.Ю. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа XIX–нач. XX в.: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 1999.
140. Кепель О.В. Деятельность государственных и военных органов по укреплению дисциплины в Российской армии (1874-1914 гг.): Дис. ... канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
141. Керимов М.М. Ислам в системе национальной культуры вайнахов: Дис. ... канд. наук; Философские науки. – Грозный, 1999.
142. Климатова В.В. Правовое воспитание северокавказских горцев в системе обычного права: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2005.
143. Клычников О.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2004.
144. Клычникова М.В. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.): Дис. ... канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
145. Книевский С.А. Самоуправление Терского казачества в XVI в. – 1917 г.: исторические корни и эволюция: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
146. Кобычев В.П. Поселения и жилища на Северном Кавказе (XIX – XX в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1984.
147. Колосов Л.Н. Возникновение Грозненской нефтяной промышленности (1893–1903 гг.): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1953.
148. Колосов Ю.Б. Восстание на Северо – Восточном Кавказе в 1877 г. и его характеристика: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Б.м., 1954.
149. Коляда И.В. Эрозия почв на вырубках и расчищенных лесных площадях особо охраняемых природных территорий Северо – Западного Кавказа: Дис. ... канд. наук; Сельскохозяйственные науки. – Новочеркасск, 2003.

150. Кондратенко Д.П. Проблемы национальных отношений в программах документах либеральных партий России (кон.ХІХ – февраль 1917 г.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М.,1998.
151. Кондрашева А.С. Кавказское Наместничество и его деятельность на Северном Кавказе, вторая половина 40-х гг. ХІХ в. – начало ХХ в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2003.
152. Кононова Л.П. Ссылка участников польского восстания 1863-1864 годов (По материалам Архангельской губернии): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Архангельск, 2004.
153. Корепанова С.А. Выставочная деятельность в России в ХІХ веке (Промышленные и научно-промышленные выставки): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Екатеринбург, 2005.
154. Костоева Л.С. Идеологические течения в общественно-политической мысли Чечнии Ингушетии во ІІ половине ХІХ века: Автореф. дис. ...канд. наук; Философские науки. – Р н/Д.,1971.
155. Кравчук В.Р. Проблема свободы вероисповеданий в русской армии во второй половине ХІХ – начале ХХ веков (исторический аспект): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2005.
156. Крайнюченко П.В. Рыбные промыслы на Юге России во втор. пол. ХІХ – начале ХХ века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д.,1998.
157. Крикунов В.П. Социально-экономическое развитие и революционное движение на Дону и Северном Кавказе в 60-х – 90-х годах ХІХ века.: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М.,1973.
158. Крылова Е.Н. Петр Дмитриевич Святополк – Мирский и деятельность Министерства внутренних дел: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
159. Кудяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (ХІХ в.): Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2006.
160. Кудяева С.Г. Адыги (черкесы) Северо – Западного Кавказа: процессы трансформации и дифференциации адыгского общества (ХІХ в.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Майкоп,2006.
161. Кузнецов Н.Д. Третья Государственная дума и национальная политика царизма на Кавказе: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М.,1951.

162. Кузьменко О.В. Особенности осуществления судебной реформы 1864 года на Юге России и её историко-правовой опыт: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Рн/Д., 2005.
163. Кузьминов П.А. Отечественная историография крестьянской реформы на Северном Кавказе: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1988.
164. Кулова И.Р. Идеи и опыт физического воспитания в народной педагогике Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
165. Кумпан В.А. Национальная политика самодержавия на Северо – Западном Кавказе в пореформенный период (1864-1917 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2000.
166. Курас С.Л. Источники по истории ссылки евреев в Сибирь во второй половине XIX – февраль 1917 г. (на примере Иркутской губернии): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Улан-Удэ, 2006.
167. Курбанов Ш.К. Народно-освободительное движение в 20-50-е годы XIX века на Северо – Восточном Кавказе и накшбандийский тарикат: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
168. Лаврентьев М.В. Пенитенциарная система России (кон. XIX – нач. XX вв.) и Шлиссельбургская политическая тюрьма: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Саратов, 2002.
169. Лактионов А.А. Идея альтернативного общества в философии культуры (на примере О. Шпенгера и евразийства): Дис. ... канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2006.
170. Лебедев Г.Ю. Индустриально – аграрное развитие Северного Кавказа в процессе модернизации российской экономики в 90-е годы XIX в. – XX в. (на материалах Ставрополя и Кубани): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
171. Лебедева Е.П. Культурная целостность народов Северного Кавказа: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Волгоград, 2006.
172. Левитский В.Ю. Кавказ в творческом наследии М.М. Ковалевского: историко – правовые взгляды: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2007.
173. Лившин А.Я. Общественные настроения в Советской России 1917-1929 гг.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2004.

174. Липский Н.А. Влияние христианства на развитие уголовной политики и судопроизводства в России (Историко-правовой анализ): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2003.
175. Литвинов В.П. Мусульманское паломничество в царской России: историко – антропологический аспект (на примере Туркестана 1865 – 1917 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
176. Локтев А.Е. Становление и развитие военно-госпитального дела в России (XVII – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Медицинские науки. – Чебаркуль, 2001.
177. Лопухова А.В. Националисты в Государственной Думе Российской империи: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Самара, 2005.
178. Люднева С.А. История финансового капитала в экономическом развитии Северного Кавказа (1861-1914 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
179. Магомедов М.Б. Кавказская война 20 – 50-х годов XIX века: историко-правовые аспекты: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
180. Мадаева З.А. Календарные праздники, обычаи и обряды вайнахов кон. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1981.
181. Макаров Г.А. История развития полиции и жандармерии на Северном Кавказе во второй половине XIX-начале XX вв.: На материалах Ставрополя и Кубани: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2005.
182. Макоева Л.С. Роль культурно-просветительских и благотворительных обществ в становлении и развитии образования на Северном Кавказе (вторая половина XIX – начало XX веков): Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2006.
183. Мальбахов Б.Х. Декоративно– прикладное искусство адыгов: Дис. ...доктора искусствоведения. – Нальчик, 2004.
184. Манкиева Х.М. Генезис правовой культуры народов Северного Кавказа: Дис. канд. наук; Философские науки. – Р н/Д., 2006.
185. Мамбетов Г.М. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (втор. пол XIX – 60-е годы XX века): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. Кн.1. – Б.м., 1971.

186. Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Рн/Д., 2005.
187. Ингушский песенный эпос илли: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Магас, 2004.
188. Мачукаева Л.Ш. Система управления Северным Кавказом в конце XIX – начале XX века (на материалах Терской области): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2004.
189. Месхидзе Д.И. Национальная государственность горских народов Северного Кавказа (1917-1920 годы): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
190. Мисроков З.Х. Адатское и мусульманское право народов Северного Кавказа в российских правовых системах (XIX – XX вв.): Дис. ...докт. наук; Юридические науки. – М., 2003.
191. Монилов С.Н. История географических исследований Волго – Донского поречья во второй половине XVIII – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Географические науки. – М., 2007.
192. Моренов И.С. Национальные интересы России на Северном Кавказе: Исторический опыт и современная практика обеспечения: Политологический анализ: Дис. ...канд. наук; Политологические науки. – М., 2003.
193. Мужухоева Э.Д. Административная политика царизма в Чечено-Ингушетии во второй половине XIX – начале XX века: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1989.
194. Муратова Е.Г. Балкарские общества в контексте российской политики на Северном Кавказе (XVII – начало XX века): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2006.
195. Мусаев М.А. Дагестанское духовенство 60-70-х годов XIX века и восстание 1877 года: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2003.
196. Мусаев М.М. История переселения и социально – экономической адаптации немцев в Дагестане 1864 – 1941 гг.: Дис. ... канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2007.
197. Мусаева Х.М. Проблема борьбы с преступностью на Северном Кавказе (региональный аспект): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Краснодар, 2004.

198. Муслимова А.С. Народное образование в Дагестане во второй половине XIX – начале XX веков: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2002.
199. Мустафин Р.М. Русская литература на кавказскую тему в критике В.Г. Белинского: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Баку, 1991.
200. Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1979.
201. Муталиев Т.Х. Участие чеченцев и ингушей в русско-турецкой войне 1877-78 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1979.
202. Муталлапов Н.Г. Становление и развитие системы нефтеснабжения в России: Дис. ...канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2007.
203. Мутиева О.С. Роль женщины-казачки в жизни населения Нижнего Терека в XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
204. Муханов В.М. Генерал-фельдмаршал А.И. Барятинский (Жизненный путь, военно административная и общественная деятельность): Дис....канд. наук; Исторические науки. – М., 2004.
205. Назаров В.О. Становление и развитие футбола на Ставрополье в конце XIX – начале XXI вв. (пути, опыт, проблемы): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2007.
206. Наков Ф.Р. Черкесское (адыгское) клинковое оружие: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2004.
207. Невская Т.А. Проведение Столыпинской аграрной реформы на Северном Кавказе. (1906-1917): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 1998.
208. Недорубов А.Н. Железные дороги юга России в начале XX века. Государство и частный капитал: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.
209. Нечитайлов М.В. Военно-бытовая повседневность солдат и офицеров Кавказского корпуса (1817-1864 гг.): материальный аспект: Дис...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
210. Николаев Э.А. Культурно – исторические трансформации православия и ислама в общественном дискурсе России (XIX – XXI вв): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Улан – Удэ, 2006.

211. Новиков Д.В. Этнорелигиозный экстремизм на Северном Кавказе: методы противодействия: Политико-правовой аспект. Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Р н/Д., 2002.
212. Новиков Е.В. Исторические аспекты деятельности государственных учреждений России на Северном Кавказе в 1864-1917 гг.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Воронеж, 2006.
213. Нурисламов Р.С. Развитие технических средств транспортировки нефти и нефтепродуктов в России и СССР: Дис. ...канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2006.
214. Олсункаев Х.А. Становление и развитие парафинового производства на Грозненских НПЗ: Дис. ...канд. наук; Технические науки. – Уфа, 2006.
215. Омаров А.И. Политика России на Северо – Восточном Кавказе в XIX – начале XX века: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
216. Ортабаев Б.Х. Социально-экономические отношения у горских народов Терека в кон. XIX – нач. XX вв. (1890-1917): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Орджоникидзе, 1985.
217. Павлюк О.М. Автобиографическая литература о Кавказе втор. пол. XX века: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Армавир, 2006.
218. Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во втор. пол. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1985.
219. Парова Л.М. Деятельность правительственных учреждений Кавказского края во втор. пол. XIX – нач. XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1985.
220. Пасько Е.А. Колонизационная политика России: Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д., 2003.
221. Патеев Р.Ф. Политические аспекты мусульманского образования в России: история и современность: Дис. ...канд. наук; Политические науки. – Р н/Д., 2006.
222. Плиев Р.С. Нахско-этруссские лирические встречи: Дис. канд. наук; Филологические науки. – Нальчик, 2000.
223. Пляскин В.П. Государственная национальная политика России на Кавказе (1864-1917 гг.): военно-исторический аспект: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2003.

224. Псянчин А.В. История этнической картографии в России (До 30-х гг. XX в.): Дис. ...докт. наук; Географические науки. – М., 2004.
225. Пустарнакова И.А. Развитие производительных сил на Северо – Западном Кавказе в условиях рыночной модернизации страны: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пятигорск, 2001.
226. Пушкаренко А.А. Природоохранная деятельность в Области Войска Донского во второй половине XIX – начале XX вв.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Р н/Д., 2000.
227. Радьков О.С. Правовой нигилизм в России: Конец ХХІ вв.: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Р н/Д., 2005.
228. Раздольский С.А. Миссионерская деятельность православной церкви на Северном Кавказе в XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 1997.
229. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
230. Ракачев Д.Н. Местное и пришлое население на Северо – Западном Кавказе в XIX веке: процессы социального взаимодействия: Автореф. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2006.
231. Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII – нач. XX вв: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
232. Раскин Д.И. Система институтов Российской имперской государственности кон. XVIII – нач. XX вв.: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
233. Ратушняк В.Н. Развитие капитализма в сельском производстве Северного Кавказа в кон. XIX – нач. XX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 1988.
234. Романенко С.М. Кавказский миф в русском романтизме и его эволюция в творчестве Я.П. Полонского: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Томск, 2006.
235. Рябиков А.Н. Военно – дипломатический аспект деятельности России на Кавказе в контексте международных отношений в первой трети XIX в.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки – Армавир, 2007.
236. Сабирова А.И. Новейшая российская историческая периодика (1991-2005) как источник по изучению истории националь-

- ных отношений в Российской империи и СССР: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Казань, 2006.
237. Савельев А.Е. Северо – Западный Кавказ в российском общественном сознании (конец XVIII – XIX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2005.
238. Савинецкий А.Б. История пастбищный экосистем центральной части Северного Кавказа за последние тысячелетия: Дис. ...канд. наук; Биологические науки. – М., 1990.
239. Садов Ю.В. Военная и государственная деятельность генерала А.П. Ермолова: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2006.
240. Садыхов А.Ч. Формы управления у народов Северо – Восточного Кавказа в первой половине XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – СПб., 2003.
241. Садыхов Э.М. Кавказская тематика в журнале «Современник», 1847-1862: Дис. ...канд. наук; Филологические науки. – Баку, 1989.
242. Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX – нач. XX в. (Историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1972.
243. Саидов И.М. Общественный быт вайнахов XIX и начала XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1970.
244. Салахоидинова Г.В. Распространение ислама и его влияние на жизнь горского населения Северо-Западного Кавказа в XIX – начале XX вв. Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Армавир, 2008.
245. Салчинкина А.Р. Кавказская война 1817-1864 гг. и психология комбатанства: Дис. канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2005.
246. Сайдумов Д.Х. Обычное право чеченцев: Дис. ... канд. наук; Юридические науки. – Махачкала, 2006.
247. Самойлова С.В. Граф М.С. Воронцов в общественно-политической жизни России в первой четверти XIX века: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1995.
248. Сатушиева Л.Х. Механизм реализации адата на Северо – Западном и Центральном Кавказе: историко-правовой анализ (XV - начале XX в.): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Н. Новгород, 2003.
249. Свечникова Л.Г. Обычай в праве народов Северного Кавказа в XIX в.: Дис. ...докт. наук; Юридические науки. – М., 2004.

250. Селиванова Н.А. Издательская деятельность северокавказских губернских и областных статистических комитетов (1868-1917 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2003.
251. Серых Д.В. Всероссийские археологические съезды как форма организации отечественной археологической науки во второй половине XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ижевск, 2006.
252. Силаев Н.Ю. Северный Кавказ в составе России во второй половине XIX в.: демографические, экономические, административно-правовые аспекты интеграции: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2003.
253. Смирнов С.А. Правовое регулирование иностранного предпринимательства в России во второй половине XIX – начале XX веков: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Волгоград, 2002.
254. Солдатов С.В. Кавказская война 1817-1864 годов в оценке современников: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Челябинск, 2004.
255. Солтамурадов М.Д. Суфизм в культуре народов Северо – Восточного Кавказа (идейно – философская эволюция): Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Грозный, 2007.
256. Сулименко С.Д. Архитектура в традиционной культуре горских народов Северного Кавказа: Автореф. дис. ...докт. наук; Архитектурные науки. – М., 2000.
257. Суркова И.С. Право природопользования Терского казачьего войска (Историко-правовой анализ): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – Ставрополь, 2002.
258. Тавакалян Н.А. Присоединение Чечено-Ингушетии к России и его последствия: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Грозный, 1971.
259. Тайсаев К.У. Этнография традиционного спорта у народов Северного Кавказа: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1997.
260. Тебиева Л.Т. Хозяйственно-экономические воззрения северокавказских просветителей (конец XVIII – 70-е гг. XIX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2005.
261. Терехин А.А. Ссылка в Пермской губернии в XIX веке: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Пермь, 2003.
262. Тестов В.Н. Политика российского правительства в области железнодорожного транспорта в 80-90-е годы XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Воронеж, 2004.

263. Тимошевская А.Д. Особенности организации полиции в национальных регионах Российского государства, XIX в. – начало XX в.: Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – М., 1998.
264. Ткаченко Д.С. Национальное образование в Российской империи XIX – начале XX в. (на материалах Северо – Кавказского региона): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2006.
265. Топчиева В.И. Эволюция школьного исторического образования в России (Конец XVIII – XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Краснодар, 2004.
266. Тройно Ф.П. Поземельные отношения у горских народов Северного Кавказа (с начала пореформенного периода до 1917 г.): Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 1984.
267. Туаева Б.В. Общественно-культурные организации в городах Северного Кавказа (вторая половина XIX – начало XX вв.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
268. Тхайцухов М.С. Абазины на Северном Кавказе и в Турции (XVIII – XX вв.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – М., 2005.
269. Тюркер Т. Процесс модернизации в Османской империи и России и его отражение в имперской и националистической идеологии (XIX – начало XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2007.
270. Убушаева О.М. Кавказские источники в раннем творчестве Л.Н. Толстого. Дис. ...канд. наук; Философские науки. – М., 2008.
271. Усманова Д.М. Мусульманские депутаты в Государственной Думе Российской империи. 1906-1917 г.: Автореф. дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Казань, 2004.
272. Хагба Б.А. Этнополитическая стратегия России на Кавказе: (Историко- политологический анализ): Дис. ...канд. наук; Философские науки. – М., 1996.
273. Хасбулатова З.И. Большая семья и патронимия у чеченцев в кон. XIX – нач. XX в.: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1979.
274. Хасиев С.-М.А. Земледелие чеченцев и ингушей в XIX – перв. четв. XX вв.: (К проблеме истории земледелия народов Северного Кавказа): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1973.
275. Хатагова Е.Р. Экологическая направленность народной педагогике Северного Кавказа и ее использование в воспитании младших школь-

- ников: (На примере Республики Северная Осетия – Алания): Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Владикавказ, 2004.
- 276.Хевсаков В.В. Генезис религиозных воззрений ингушей: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2004.
- 277.Хоруев Ю.В. История печати на Тереке (1863-1907): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Махачкала, 1966.
- 278.Хубулова С.А. Крестьянство Северного Кавказа в конце XIX –первой четверти XX в.: этнодемографические и социально-экономические аспекты развития: Автореф. дис. ... докт. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2003.
- 279.Хуранов Ш.И. Развитие капитализма в сельском хозяйстве Северного Кавказа в пореформенный период (На материале скотоводства): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 1983.
- 280.Царуева А.С. Основные направления эволюции промышленного производства России в XIX в.: Дис. ...канд. наук; Экономические науки. – Владикавказ, 2005.
- 281.Цифанова И.В. Польские переселенцы на Северном Кавказе в XIX веке: особенности процесса адаптации: Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
- 282.Черахчиева А.А. Становление и развитие системы образования в Северо– Кавказском регионе: XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Педагогические науки. – Карачаевск, 2005.
- 283.Четверикова Е.В. Просветительные общества на юге России в конце XIX – начале XX в. (на материалах Ставрополья, Дона и Кубани): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Ставрополь, 2005.
- 284.Чжун Се Чжин. Кавказская война и Исламский фактор на Северном Кавказе: (Первая половина XIX века): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.
- 285.Чикаева К.С. Дворянство Северного Кавказа в пореформенную эпоху: Этнодемографическая и социально-экономическая эволюция (1861-1917 гг.): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Славянск – на – Кубани, 2006.
286. Чиковани Н.И. Развитие русского кавказоведения в XIX веке (С.А. Белокуров): Автореф. дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Тбилиси, 1986.
287. Чшиева М.Ч. Иностранный капитал в нефтяной промышленности Кавказа в конце XIX – начале XX вв.: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Владикавказ, 2005.

288. Шавлаева Т.М. Из истории развития шерстяного промысла чеченцев в XIX – нач. XX вв.: историко – этнографическое исследование: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Грозный, 2006.
289. Шахшаева А.Г. Исламский фактор в политике арабских государств и России: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2005.
290. Шигабудинов Д.М. Россия и Северо – Восточный Кавказ в 20-50 гг. XIX века (Проблемы и опыт взаимоотношений в период народно-освободительного движения горцев против царизма): Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Махачкала, 2004.
291. Шингарева Н.В. Роль МВД Российской империи в разработке и реализации законодательства о веротерпимости и свободе совести во второй половине XIX – феврале 1917 г. (Историко-правовое исследование): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – М., 2006.
292. Шпак А.Н. Создание и совершенствование защиты и охраны государственной границы в Российской империи (1721-1893 гг.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
293. Щадрин М.А. Эволюция политико-территориального устройства России в процессе формирования и развития российской государственности (Историко-правовой и теоретико-правовой аспекты): Дис. ...канд. наук; Юридические науки. – СПб., 2004.
294. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (Институциональный и историко-сравнительный анализ): Дис. ...докт. наук; Юридические науки. – М., 2000.
295. Яковлев С.Ю. Создание и развитие железнодорожного транспорта на Северном Кавказе (кон.XIX – нач.XX в.): Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – Армавир, 1999.
296. Якубова И.И. Политика России на Северном Кавказе в системе международных отношений в XVIII – первой половине XIX века: Дис. ...докт. наук; Исторические науки. – Нальчик, 2004.
297. Янбердин И.Т. Развитие провиантской службы русской армии во второй половине XIX века: Дис. ...канд. наук; Исторические науки. – М., 2006.
298. Ярычев Н.У. Межпоколенческие отношения и конфликты в традиционной культуре чеченцев: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – Грозный, 2007.
299. Яхиев С.-У.Г. Суфизм на Северном Кавказе: история и современность: Дис. ...канд. наук; Философские науки. – М., 1996.

Литература на иностранных языках

1. Барзадж Н. Тахджиру аш Щаракиса («Эмиграция черкесов»). – Амман, 1987 (на арабском языке).
2. Хавжока Ш. Абитталь ва абаттыр фи тарихи аш Щаракиса («Герои и императоры в истории черкесов»). – Бейрут, 1972 (на арабском языке).
3. Abdurahman Avtorhanonov. The Chechens and the Inguch during the Soviet Period and its Antecedents. – London, 1992.
4. Abercromby J. A trip through the eastern Caucasus with a chapter of the languages of the country. With maps and illustrations. – London, 1889.
5. Allen W. Caucasian battlefield. – Cambridge, 1953.
6. Acar K. An examination of Russian imperialism Russian military and intellectual descriptions of the Caucasians during the Russo – Turkish war of 1877-1878 // Nationalities papers. – N.Y., Vol.32. – №1.
7. Atkin M. Russia and Iran 1780-1828. – Minneapolis, 1980.
8. Baberowski J. Law, the judicial system and the legal profession // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
9. Badde G. Vier vortrage uber den Kaukasus gehalten im Winter 1873/74 in den grosseren stadten deutschlands von Dr. G. Radde. – Gotha, 1874.
10. Baddley I.F. The Russian Conquest of the Caucasus. – L., 1908.
11. Bell Y. Syria. The Desert. The Sown. – London, 1919.
12. Bobrovnikov W. Islam in the Russian Empire // The Cambridge history of Russia. Volume II. Imperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
13. Bodestedt F. Die Volker des Kaukasus und ihre Freiheitskämpfe gegen die Russen. – Munster, 1995.
14. Bruce I. Transcaucasia and Mount Ararat. – London, 1877.
15. Culture in Flux: Lower – class values, practices and Resistance in Late Imperial Russia / Ed. By Stephen Frank and Mark Steinberg. Princeton, 1994.
16. Charachidze G. La memoire indo-europeenne du Caucase. – Paris, 1987.
17. Conflict, cleavage in Centrae Asia and the Caucasus. – Cambridge, 1997.
18. Crews R. Empire and the Confessional State Islam and Religious Politics in Mineteenth Russia // American Historical. Review, 2003.

19. Cunningham A. Travels in the Eastern Caucasus, on the Caspian and Black seds, especially in Daghestan, and the frontiers of Persia and Turkey during the summer of 1871. – London, 1872.
20. Dalhoff-Nielsen P. Krudttonden Kaukasus: Konflikter I tidligere sovjetrep. – K., 1992.
21. De Proux. Les Tcherkesses // La Franse Mediterraneene ET Africaine. – Paris, 1938.
22. Die politische und militarische Bedeutung des Kaukasus von Otto Wachs. – Berlin, 1889.
23. Dumas A. Chamil et la resistance tchechene contre les Russes. – Paris, 2001.
24. Eaux minerales du Caucase. – P., 1864.
25. Extending the borders of Russian history. – New York, 2003.
26. Gaspard Armand. Caucase. – Lausanne, 1969.
27. Gammer Moshe. The Lone Wolf and the Bear. Three Centuries of Chechen Defiance of Russian Rule. – University of Pittsburgh Press, 2006.
28. Gammer M. Muslim resistance to the tsar: Shamil and the conquest of Chechnia and Daghestan. – London, 2005.
29. Geraci R. Windowon the East: National and imperial identities in late tsarist Russia.-Ithaca, 2001.
30. Gumpfenberg M.-C. Der Kaukasus: Geschichte, Kultur, Politik. – Munchen, 2008.
31. John Lane, A. Vagabond. Graham Sterhen in the Caucasus. – London, 1915.
32. Dr. phie Jschanian B. Nationaler Bestand, berufsmosige Gruppierung und soziale Gliederung der kaukasischen Volker. – Berlin und Leipzig, 1914.
33. Ombres du passé Souvenirs dun Officier du Caucase par Georges WL... off. – Paris.
34. Osmanismus, Nationalismus und der Kaukasus. – Wiesbaden, 2005.
35. Pahl M. Kaukasus. – Paderborn, 2008.
36. Paul B.Henze. Circassian Resistance to Russia //The North Caucasus barrier. The Russian Advance towards the Muslim World. – London, 1992.
37. Pe drumurile caucazului. – Bucuresti, 1990.
38. Reisen im Kaukasus: Ber. aus dem 19 Jh. – Leipzig, 1887.
39. Reineggs J. Allgemeine historisch – topographische Beschreibung des Kaukasus. – St. Petersburg, 1796.

40. Rieber A. The Politics of Autocracy. Letters of Alexander II to Prince A.J.Bariatinski 1857-1864. – Mouton, 1966.
41. Rieber Alfred J. Men of the Borderlands the American Historical Review 2001. Vol. 106. No 5.
42. Rand Mc Nally. Atlas of world histori. – Fourth Printing, 1975.
43. Rhineland G.H. Russias Imperial Policy. Administration of the Caucasus in the Half of the XIX Th. Century. – Canadian Slavonic Papers, 1975.
44. Roskosehny H. Das asiatische Russland. – Leipzig.
45. Rohrbach P. Die russische Weltmacht im Mittelung Westasien. – Leipzig, 1904.
46. Ritter O. Der Kaukasus und seine bedeutung fur Rusland. – Leipzig, 1877.
47. Sakwa R. Jntroduction: Why Chechnya? From Past to Future. – London, 2005.
48. Seelj R. Russo Chechen conflict, 1800-2000: a deadly embrace. – Cass (London), 2001.
49. Seibt W. Die Christi – anisierung des Kaukasus. – Wien, 2002.
50. Seton – Watson H. The Russian empire, 1801-1917. Oxf. Clarendon, 1989.
51. Sidorko C. P. Dschihad im Kaukasus Antikolonialer Widerstand der Dagestand und Tschetschenen gegen das Zarenreich (18. Jahrhundert bis 1859). – Wiesbaden, 2007.
52. Studies in Caucasian linguistics selected papers of the Eighth. Caucasian colloquium. – Leiden, 1999.
53. Susan Layton. Russian Literature and Empire: Conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 1994.
54. Shnirelman V. The polities of a name: Between consolidation and separation in the Northern Caucasus // Acta slavica iaponica. – Sapporo, 2006. – T.23.
55. Souvenirs dun officier du Caucase. – Paris, 1899.
56. Schoner Jorg, Kusnezow A. Im Kaukasus. – Brockhaus, 1981.
57. Schumacher Y. The Jaulan. – London, 1889.
58. Thomas M. Barrett. At the Edge of Empire the Terek Cossacks and the North Caucasus Frontier, 1700-1860. – Westview Press, 1999.
59. The Caspian Region. Vol. 2. The Caucasus. – New York, 2004.
60. The Nations of to-day A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London, 1923.

61. The Nations of to-day. A New History of the World Edited by John Bughan. The Baltic and Caucasian states. – London, 1923.
62. The North Caucasus barrier: The Ruse, advance towards the Muslim world. – London, 1992.
63. Thual F. Le Caucase: Armenie, Azerbaidjan, Georgie, Tchetchenie. – Paris, 2001.
64. Hahn C. Neue kaukasisch Reise n und Studien. – Leipzig, 1911.
65. Hill Gillian. Cartographical curiosities. – London, 1978.
66. Hite J. Duscovering history: Tsarist Russia 1801-1917. – Ormskirk: Causeway, 1989.
67. Hommaire de Hell, Vavier. Les steppes de la mer. Caspienne, Le Caucase, la Crime ET la Crimée et la Russie Meridionale. – Paris, 1845.
68. Horkirk P. The Great Game. On Secret service in High Asia. – Oxford, 1991.
69. Horschelt T. Sein Leben und seine Werke. Spanien, Algier, Kaukasus. – Munchen.
70. Hoffman P. Russland im Zetalter des Absolutismus. – Vaduz, 1988.
71. Ibragimova Z. The Russian – Chechen Relations as a Factor of Boundary Dialogue (19 th Century) // ICCEES Regional European Congress. Programme / Abstracts August 2-4, 2007. Berlin, 2007.
72. Jzzet Aydemir Yoc. – Ankara, 1988.
73. Ignatieff M. The Russian album. – L.: Chatto, 1987.
74. Kalparana Sahni. C rucifying the Orient. Russian Orientalism and the Colonization of Caucasus and Central Asia. – Bangkok, Oslo, 1997.
75. Karpat K. The Religions and Ethnic Distribution of the Ottoman Population (1830-1914). / Madison / Wisconsin, 1985.
76. Keep John L.H. Soldiers of the Tsar. Army and Society in Russia. 1462-1874. – Oxford, 2002.
77. Khairallah K.T. La Syrie. – Paris, 1912.
78. Krisenherd Kaukasus / Uwe Halbach / Andreas Kappeler (Hrsg.). – 1. Aufe. – Baden-Baden, 1995.
79. Kuleba M. Imperium Na kolonach. Woyna w Czeczenii 1994-1996. – Warszawa, 1998.
80. Layton S. Russian literature and empire: conquest of the Caucasus from Pushkin to Tolstoy. – Cambridge, 1994.
81. Le Caucase pittoresque dessine dapres nature par le prince Gregoire Gagarine. – Paris, 1847.

82. Le Hueroy A. Le conflit tchetche après la mort d Aslan Maskhadov // Etudes. – P., 2005. – Т.403 – № 3.
83. Lewis Norman. Nomads and settlers in Syria and Jordan (1800-1980). – Cambridge, 1987.
84. Fikret A. Osmanismus und der Kaukasus: Muslime und Christen. Turken und Armeier im 19. und 20. Jahrhundert. – Wiesbaden.2005.
85. Magarotto L. I Mito del Caucaso nella Litteratura russa: (Saggi su A. Puskin e L. Tolstoj). – P., 1992.
86. Malsagov A. Caucasian mountain folk. Old ways and new. – Moscow, 1984.
87. Merzbacher G. Aus den Hochregionen des Kaukasus. – Leipzig, 1901.
88. Miller Y.A. Kaukasiske Vaben Fra Eremitage museet, Skt. Peersborg. – Naestved, 2000.
89. Moon D. Peasants and agriculture // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
90. Mostashari Firouzeh. On the religious frontier: tsarist Russia a. Islam in the Caucasus. – London; New York; Tauris, 2006.
91. Vagabond A. in the Caucasus London. John Lane the bodeey. – Head, 1915.
92. Villari Luigi. Fire and sword in the Caucasus. – London, 1906.
93. O. G. von Wesendonk. Aus der kaukasischen Welt. – Berlin, 1925.
94. Waldron P. The End of Jmperial Russia, 1855-1917. – Basingstoke, 1997.
95. Wierzejski T. Kobierce wschodnie. – Warszawa,1970
96. William C. Fuller jr. The imperial army // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
97. Weeks T.R. Managing empire: tsarist nationalities policy // The Cambridge history of Russia. Volume II. Jmperial Russia, 1689-1917. – Cambridge, 2006.
98. Mostashari Firouzeh. On the religious frontier: tsarist Russia a. Jslam in the Caucasus. – London, New York, Tauris, 2006.
99. Zabel E. Wereschagin. – Leipzig, 1900.
100. Zeteichvili P. J. Ortodoxie et cecumenisme dans ehistoire religieuse de la Georgie // Символ. – Париж, 2005. – № 48.
101. Galtung L. E. A.S. Pusjkins forfedre I Tyskland, Skandinavia jg Baltikum // Соотечественник. – Берген, 2007. – № 5.
102. Radomir Vlcer. Rusko, Kavkaz a Cecensko v 19. Stoleti (Ke genezia vyvoyi konfliktu) // Slovansky prehled. – Praha, 2000. – № 3.

МУДРОСТЬ

Ни один народ в мире не одарен какой-либо способностью преимущественно над другими.

Г. Лиссинг

Народ, как дети, требует занимательности

А.С. Пушкин

Счастье в воздухе не вьется – трудом дается.

Рудаки

Труд – это единственный титул истинного благородства.

Р. Роллан

Будем трудиться, потому что труд – это отец удовольствия.

Стендаль

Лень – это мать. У нее сын – воровство и дочь – голод.

В. Гюго

Деньги – вещь очень важная. Особенно когда их нет.

Э. Ремарк

Дух торговли, который рано или поздно овладевает каждым народом – вот что несовместимо с войной.

Э. Кант

Коммерция, что война – это сюжет один и тот же. Тут всякий не то чтоб помочь, а пуще норовит как ни есть тебя погубить, чтоб ему просторнее было.

М.Е. Салтыков-Щедрин

Не стыдись, страна Россия!
Ангелы – всегда босые...

М. Цветаева

Отвергать прогресс – такая же нелепость, как отвергать силу падения.

Н.Г. Чернышевский

Душа дрожит перед тем, что неизвестно...

Д.П. Савицкий

О власти или хорошо, или правду.

Г. Малкин

Русская история до Петра Великого, сплошная панихида, а после Петра Великого – одно уголовное дело.

Ф. Тютчев

Великие народы, являясь инициаторами своих несчастий, могут варьировать их по своему усмотрению, а малым приходится довольствоваться теми невзгодами, которые им навязывают.

Э.М. Сиоран

Все-таки прогресс существует: вместо военного насилия – насилие без войны.

К. Чапек

В России две напасти:
Внизу – власть тьмы,
А наверху – тьма власти.

В.А. Гиляровский

Великий вопрос жизни – как жить среди людей.

А. Камю

Если правительство недовольно своим народом, оно должно распустить его и выбрать себе новый.

Б. Брехт

В России нет дорог – только направления.

Наполеон I

Какой порядок ни затей
Но если он в руках бессовестных людей,
Они всегда найдут уловку,
Чтоб сделать там, где им захочется, сноровку.

И.А. Крылов

Чины людьми даются;
А люди могут обмануться.

А.С. Грибоедов

И у людей в чинах
С плутами та ж беда:
пока чин мал и беден
То плут не так приметен;
Но важный чин на плуте, как звонок:
Звук от него и громок и далек.

И.А. Крылов

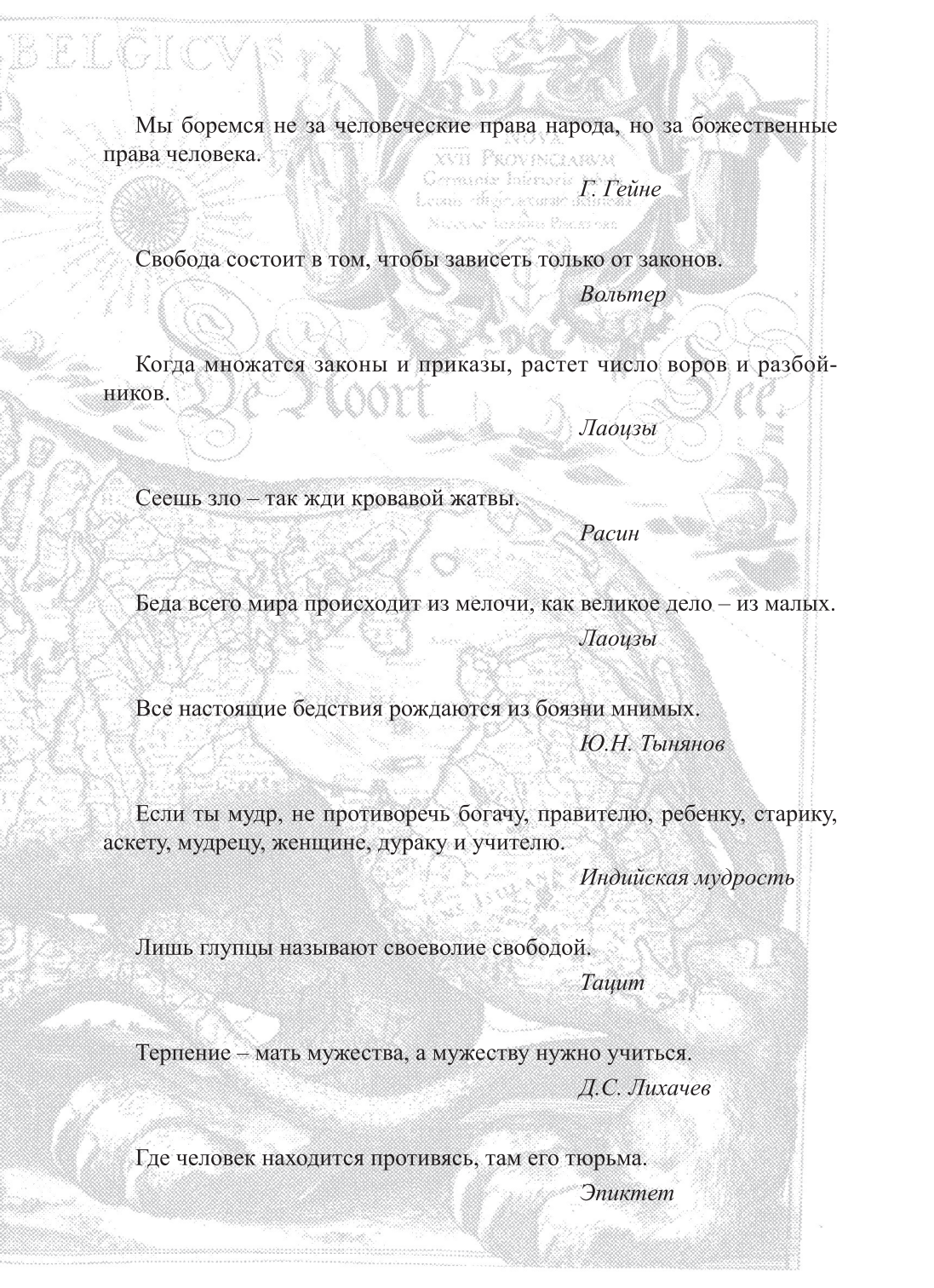
Управляйте народом с достоинством, и люди будут почтительны. Относитесь к народу по-доброму, и люди будут трудиться с усердием. Возвышайте добродетельных и наставляйте неученых и люди будут доверять вам.

Конфуций

Не неравенство тягостно, а зависимость.

Вольтер

Мы боремся не за человеческие права народа, но за божественные права человека.

Г. Гейне

Свобода состоит в том, чтобы зависеть только от законов.

Вольтер

Когда множатся законы и приказы, растет число воров и разбойников.

Лаоцзы

Сеешь зло – так жди кровавой жатвы.

Расин

Беда всего мира происходит из мелочи, как великое дело – из малых.

Лаоцзы

Все настоящие бедствия рождаются из боязни мнимых.

Ю.Н. Тынянов

Если ты мудр, не противоречь богачу, правителю, ребенку, старику, аскету, мудрецу, женщине, дураку и учителю.

Индийская мудрость

Лишь глупцы называют своеволие свободой.

Тацит

Терпение – мать мужества, а мужеству нужно учиться.

Д.С. Лихачев

Где человек находится противясь, там его тюрьма.

Эпиктет

Радости забываются, а печали – никогда.

М.Ю. Лермонтов

Все изнашивается, даже горе.

Г. Флобер

Куры под одной крышей живут в мире и согласии, а два петуха никогда не могут ужиться в одном курятнике – уж такова их природа.

Леонардо да Винчи

Человек – как кирпич:
обжигаясь, он твердеет.

Д. Шоу

Это святая обязанность – любить страну, которая вспоила и вскормила нас, как родная мать.

М.А. Шолохов

Прошлое – родина души человека. Иногда нами овладевает тоска по чувствам, которые мы некогда испытывали. Даже тоска по былой скорби.

Г. Гейне

Репрессии были и будут. Пока существует государство.

В.Т. Шаламов

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВА I.

РЕШЕНИЕ АГРАРНОГО ВОПРОСА НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ ... 5

Подготовка и проведение аграрной реформы	5
Сравнительная характеристика реформы 1861 г. в центральных российских губерниях и на Северном Кавказе	13
Динамика функциональных изменений в сельских общинах в ходе проведения реформы	18
Развитие арендных отношений, как результат перераспределения собственности на землю	21
Проведение земельной реформы в Чечне	28
Добровольное, вынужденное и насильственное переселение чеченцев на плоскость	31
Послевоенное переселение славян на Кавказ	33
Земля как форма награды кавказских горцев за заслуги перед Российской империей	35
Формы развития арендных отношений	38
Чеченская частная собственность на землю	44
Экспроприация и конфискация чеченских земель	49
Установление фискально-податного порядка	60
Функционирование налоговой системы в имамате Шамиля	62
Введение «подымщины» в Терской области	63
Военная реформа	65
Модернизация армии и флота	68
Заимствование европейского опыта военных реформ	70
Положение российских мусульман после проведения военной реформы	73
Итоги и уроки военного реформирования	74
Освобождение чеченцев от несения воинской повинности	76
Служба чеченских добровольцев в армии Российской империи	76

ГЛАВА II.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА 91

Установление юридического плюрализма в послевоенный период	91
Проведение судебной реформы	93
История развития обычного права	95
Функционирование судебных учреждений Терской области	101
Правовое поле действия военно-полевых судов	104
Формы наказания горцев:	
ссылки «на житье» и в арестантские роты	104
Произвол властей в судебном деле	112
Начало судебных контрреформ	117
Развитие чеченских судов	119
Адат и маслагат	123
Установление на Кавказе жесткой паспортной системы	128
Криминагенная ситуация в Терской области	128
Установление системы осуждения и наказания коренных жителей	132
Этапирование горцев в места лишения свободы	132
Работа системы наказаний в имамате Шамиля	134
Беглые	136
Царское помилование осужденных	137
Кавказские тюрьмы	138
Установление системы перевоспитания преступников	139
Тюремная реформа	141

ГЛАВА III.

НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ В ЧЕЧНЕ

И МЕТОДЫ ИХ УРЕГУЛИРОВАНИЯ 175

Причины возникновения политической нестабильности в регионе	175
Сравнительный контекст проведения национальной политики в европейских государствах	181

Определение понятия «восстание»	185
Восстание под руководством Байсунгура Беноевского	187
Атабай Атаев	192
Ума Дуев	194
Кунта-Хаджи	197
Шалинское столкновение, ссылка зикристов	200
Вара Гехинский	204
Таза Эмирзаев	204
Антиправительственные вооруженные восстания	206
Нарастание опасений властей относительно «благонадежности» чеченского народа	
накануне русско-турецкой войны 1877-78 гг.	206
Подготовка горцев к восстанию	208
Руководитель восстания – Алибек-Хаджи Алдамов	209
Мобилизация чеченских добровольцев для участия в войне с турками	212
Генерал Эрисхан Алиев	213
Русская армия	215
Начало восстания	218
Разнообразие методов ведения борьбы власти с восставшими	231
Кульминация вооруженных столкновений	232
Проведение карательных акций в Чечне	233
Подавление восстания	237
Военно-полевой суд	238
Репрессии и выселение горцев в северные регионы России	239
Международное право XIX века – о восстаниях	242
Руководство в исламе по отношению к власти и «смутам»	243
Организация сотрудничества государства с горцами в военной сфере	246
Войны, в которых принимали участие кавказские горцы на стороне Российской империи	247
Чеченский генерал – Валериан Николаевич Чеченский	252
Формирование горских милицейских частей	256

Несение службы уроженцами Кавказа за пределами Терской области	258
Чеченский конно-иррегулярный полк	260
Чеченцы на службе у Шамиля и российского императора в годы Кавказской войны	262

ГЛАВА IV.

МИГРАЦИЯ НАСЕЛЕНИЯ	265
Европейское миграционное движение в XIX веке	265
Английская эмиграция	266
Переселение немцев	266
Массовая еврейская и польская эмиграция	269
Выселение из Турции казаков и переселение туда горцев	270
Переселение – как следствие вооруженных конфликтов	272
Применение различных способов подталкивания чеченцев к эмиграции за пределы Российской империи	276
Внутренняя миграция населения на Кавказе	279
Мухаджирство	280
Положение кавказских переселенцев в Турции	289
Споры исследователей о количестве переселившихся в Турцию горцев	293
Возникновение чеченских диаспор в Сирии и Иордании	296
Иммиграция на Кавказ христиан из Османской империи и славян из центральных регионов России	298
Проблема адаптации населения к новым условиям существования	302
Паломничество - как один из способов миграции мусульман на Ближний Восток	304
Начало массового переселения чеченцев в Османскую империю	308
М. Кундухов	310
Потомки кавказских мухаджиров на современном этапе	313

Организованное переселение 28 партий чеченцев в Турцию	318
Кавказцы на службе в турецкой армии	320
Возвращение чеченцев на родину	324
Препятствия, возникавшие при реэмиграции горцев	325
Нелегальное возвращение чеченцев на Кавказ	328
Н.П. Игнатьев	331
Расселение вернувшихся в Российскую империю мухаджиров	333
Новое переселение горцев в Турцию в 1880-1890 гг.	334
Вводимые властью ограничения на эмиграцию горцев с Кавказа	338
Итоги и уроки мухаджирского движения	341

ГЛАВА V.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

И ПРОМЫШЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО 379

1.Изменение специализации традиционного хозяйствования и рост производительности сельскохозяйственной отрасли производства	379
Начало капитализации сельского хозяйства	379
Древнейшая история экономического освоения Кавказа	381
Природно-географические факторы	383
Охрана окружающей среды	388
Традиционное земледелие чеченцев	395
Ячмень	398
Овес	399
Пшеница	400
Кукуруза	402
Картофель	403
Овощеводство и бахчеводство	410
Садоводство	412
Виноградарство	413
Табакководство	416

Пчеловодство	420
Горное скотоводство	422
Коневодство	424
Буйволководство	428
Волеы	429
Козы	429
Овцеводство	430
Верблюды	432
Рыболовство	433
Оросительная система Чечни	436
Кавказское виноделие	441
2. Интенсивное развитие промышленности	445
Кавказские минеральные богатства – основа промышленного производства второй половины XIX века	445
Освоение залежей полезных ископаемых на чеченских землях	447
История возникновения Кавказского перевейка	454
Чеченская нефть	455
Основы нефтеперерабатывающей промышленности России	456
Рост научно-технических знаний и изобретений на Кавказе	458
Периодизация нефтедобычи и нефтепереработки	461
Древнейшее использование нефти	463
Начало Грозненской нефтяной промышленности	465
Разработка Брагунских, Исти-Сутских, Беноевских и Чанты-Аргунских нефтяных групп	466
Установление откупной системы в нефтяной отрасли	471
Нефтяной бизнес, как главный доход Терского казачьего войска	472
Чеченская нефтяная предпринимательская элита	475
Рабочие-нефтяники	477
Деятельность съезда Терских нефтепромышленников	479
И.А. Ахвердов	485
Загрязнение окружающей среды	490

Периодизация транспортировки нефти	491
Конкурентная борьба грозненской и бакинской нефти	493
Проблемы взаимодействия Российского государства с иностранным капиталом	498
Начало проникновения иностранного капитала в Грозненскую нефтяную промышленность	501
Бельгийские фирмы	503
Парижские Ротшильды и «Русский Стандарт»	505
Иностранные инвестиции	505
Франция – как основной кредитор царской России	507
Английские, бельгийские и французские компании	509
Чеченское ремесленное производство	515
Кустарная промышленность	516
Шорный промысел	518
Производство шелка	518
Вышивка	519
Сохранение народных традиций в кустарном	521
Суконное производство	522
Национальное искусство окрашивания ткани	525
Ковроделие	528
Орнаментальное творчество вайнахов	529
Традиционная чеченская одежда	531
Ювелирное дело	535
Производство оружия	537
Перевооружение частей русской армии по кавказскому образцу	538
Перевооружение – как форма двустороннего заимствования в ходе Кавказской войны	543
Чеченские шашки	542
Кинжалы	546
Знаменитые чеченские оружейники	548
Чеченские образцы прикладного искусства на выставках и в музеях	550

Развитие деревообрабатывающего промысла	553
Гончарное производство	557
Показатели высоких достижений чеченских народных промыслов на всероссийских выставках	560

ГЛАВА VI.

РОСТ ТОВАРООБОРОТА И УЛУЧШЕНИЕ

ТРАНСПОРТНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ РЕГИОНА .....

Строительство дорожных артерий	565
в годы Кавказской войны	
Стратегическое значение построения дорог в Терской области	568
Чеченские дороги	569
Охрана дорог	573
Начало железнодорожного строительства в России	577
Новации в железнодорожных технологиях	
Российской империи	579
Проекты строительства железных дорог на Кавказе	581
Железнодорожное предпринимательство в России	584
Строительство акционерной	
Ростово-Владикавказской железной дороги	585
Коммерческое агентство Владикавказской железной дороги	589
Строительство железнодорожной ветки	
Беслан – Грозный – Гудермес – Хасав-Юрт – Петровск – Баку	590
Уровни доходов Общества	
Ростово – Владикавказской железной дороги	595
Значение Владикавказской железной дороги	599
Путешествие царя по Кавказу по железной дороге	600
Военно-стратегическое значение	
Владикавказской железной дороги	601
4. Торговля	605
Археологическая история развития торговли на Кавказе	605

Развитие торговых отношений в годы Кавказской войны	606
Меновая торговля	607
Меры поощрения торговли в имамате Шамиля	610
Пути развития аграрно-капиталистического рынка на Северном Кавказе	613
Чеченские купцы	615
Учреждение торговой полиции	620
Межнациональные торговые отношения	620
Открытие базаров и ярмарок	622
Интенсификация развития торгово-рыночных отношений на Кавказе	625

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 687

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ К СЕРИИ

“ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ”	687

БИБЛИОГРАФИЯ 704

I. Нормативно-правовые акты

Опубликованные статистические, архивные и справочно-информационные материалы	706
Статьи периодических изданий	721
V. Монографии.	749
Научные статьи в брошюрах и сборниках	749
А	749
Б	755
В	761
Г	763
Д	768
Е	773
Ж	774

З	774
И	776
К	779
Л	789
М	792
Н	798
О	800
П	801
Р	805
С	807
Т	812
У	815
Ф	816
Х	817
Ц	819
Ч	820
Ш	821
Щ	824
Э	824
Ю	824
Я	825
Авторефераты диссертаций и диссертации	827
Литература на иностранных языках	851

Научное издание

Ибрагимова Зарема Хасановна

ЦАРСКОЕ ПРОШЛОЕ ЧЕЧЕНЦЕВ ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА

Монография “Царское прошлое чеченцев: политика и экономика”
напечатана по рекомендации Президиума Академии наук
Чеченской Республики.

Формат 60х84/₁₆. Печать офсетная.
Объем 50,6 усл. печ.л.
Тираж 500 экз.

ISBN 978-5-98604-150-6

9 785986 041506

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»
тел. (495) 691-0354 e-mail: probel-2000@mail.ru